Элизе Реклю

Земля и люди

Всеобщая географія

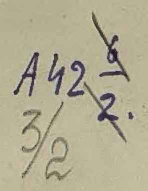

Элизе Реклю

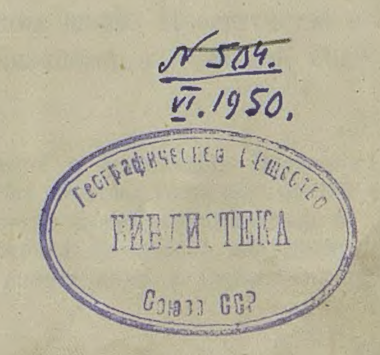
Земля и люди

Всеобщая географія

ОГЛАВЛЕНІЕ V-го ТОМА, 2-го ВЫПУСКА.

Глава I.

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

I.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Вся восточная Европа, болѣе половины континента, составляетъ одно государство — Россію. Кромѣ этого огромнаго протяженія (свыше 5 милліоновъ квадратныхъ килом., около 100,000 квадр. географич. миль), представляющаго поверхность въ десять разъ превосходящую площадь Франціи, въ составъ Россійской имперіи входитъ еще болѣе трети Азіи. Въ совокупности вся территорія, подвластная русскому скипетру, обнимаетъ болѣе 21 милліона квадр. килом. (свыше 390,000 квадр. миль), то-есть немногимъ менѣе одной шестой части континентальныхъ пространствъ; къ этому можно бы было еще причислить нѣсколько странъ, которыя, не принадлежа оффиціально Россіи, находятся, однако, подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ. Правда, весьма большая часть обширной имперіи необитаема или даже неудобна для жительства: пропорціонально своему протяженію, Россія Европейская и Азіатская въ два раза менѣе населена, чѣмъ остальной свѣтъ, котораго она составляетъ столь значительную часть; она должна имѣть въ настоящее время до 95 милліоновъ жителей, что́ составитъ около пятнадцатой доли всего приблизительно опредѣляемаго числа людей на земномъ шарѣ. Пространство и населеніе Европейской Россіи, вмѣстѣ съ Финляндіей, и Азіатской Россіи выражаются слѣдующими цифрами [1]):

[1]) Эти цифры требуютъ нѣкоторыхъ исправленій и дополненій. Населеніе 1870—76 гг. названо населеніемъ по переписи (population recensée), тогда какъ въ дѣйствительности число жителей приведено въ извѣстность не посредствомъ переписи, но представляетъ результатъ лишь приблизительнаго исчисленія. Въ таблицѣ, помѣщенной на стр. 2-й, показаны: поверхность территоріи — по вычисленіямъ г. Стрѣльбицкаго

	Простр. въ кв. клм. (безъ Касп. моря).		Населеніе по переписи.	Населеніе вѣроятное въ 1879 г.	Населеніе на 1 кв. клм.
Европ. Россія	5.421,246	(1870-76 гг.)	74.145,213 ж.	81.000,000 ж.	15 ж.
Азіат. „	16.342,052	(1870-76 гг.)	13.604,910 „	14.000,000 „	0,9 „
Вмѣстѣ . . .	21.763,298		87.750,123 ж.	95.000,000 ж.	4,4 ж.

Истинная Россія состоитъ въ дѣйствительности только изъ части территоріальной Европейской Россіи, именно той части, гдѣ населеніе достаточно густо, чтобы образовать сплоченное тѣло націи,—той, гдѣ сконцентрированы значительные рессурсы въ людяхъ и богатствахъ и которая даетъ совокупности государства его наступательную и оборонительную силу.

(„Исчисленіе поверхности Россійской Имперіи и т. д.“, 1874 г., и „Владѣнія турокъ на материкѣ Ервопы съ 1700 по 1879 годъ“) и населеніе—на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, за 1870 и 1879 г. Число жителей въ Европейской Россіи за 1879 г. заимствовано изъ свѣдѣній, опубликованныхъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, а имъ оно было вычислено по даннымъ, заключающимся въ отчетахъ губернаторовъ. Цифра населенія Финляндіи за 1879 г. сообщена намъ финляндскимъ статистическимъ бюро. Итогъ, выведенный на основаніи этихъ показаній, отличается отъ „вѣроятнаго населенія „Реклю за тотъ же 1879 годъ на 2 милліона. Для Азіатской Россіи удержана цифра Реклю—„вѣроятнаго населенія“, за отсутствіемъ болѣе точныхъ свѣдѣній.

Въ предѣлахъ административныхъ границъ.	Поверхность въ			Населеніе		Густота населенія въ 1879 г.		
	кв. миляхъ.	кв. верст.	кв. килом.	въ 1870—1871 гг.	къ 1 января 1880 г.	на 1 квадр. милю.	на 1 квадр. версту.	на 1 квадр. килом.
Европейск. Россія	96,989	4.692,772	5.340,464	73.613,602	83.000,000	856	17,7	15,6
Азіатская Россія.	293,053	14.179.386	16.136,141	11.525,152	14.000,000	47,7	0,9	0,8
Всего..	390,042	18.872,158	21.476,605	85.138,754	97.000,000	248	5,1	4,5
Въ томъ числѣ по Берлинскому трактату отошло:								
къ Европ. Россіи	167,99	8,127	9,250	жителей около	180,000			
„ Азіат. Россіи	468,64	22,673	25,805	„ „	185,000	(по г. Зейдлицу).		
Итого..	636,63	30,800	35,055	жителей около	365,000			

Пространство Европейской Россіи показано въ таблицѣ со внутренними водами, а по Азіатской Россіи, кромѣ того, и въ Аральскимъ моремъ. Къ цифрамъ поверхности надо еще прибавить:

Пространство:	кв. миль.	кв. верстъ.	кв. килом.
Острововъ въ моряхъ и океанахъ, съ Новою Землею и Сахалиномъ	4,290	207,588	236,240
Подъ морями Азовскимъ и Каспійскимъ. . .	8,649	418,481	476,240
Тогда общее пространство составитъ	402,981	19.498,227	22.189,085

Кавказъ отнесенъ цѣликомъ къ Азіатской Россіи, какъ это сдѣлано и у Реклю. *Ред.*

Эта область, занимающая по пространству около половины русскихъ владѣній по сю сторону Уральскаго хребта, ограничена на сѣверѣ и востокѣ приблизительно теченіемъ Волги; на югѣ границу ея составляютъ степи, прилегающія къ Черному морю, тогда какъ на западѣ она простирается до предѣловъ Румыніи, Буковины, Галиціи и присоединила къ себѣ Польшу; на сѣверо-западѣ она идетъ черезъ балтійскія провинціи до береговъ Финскаго залива и устья Невы. Остальная часть имперіи, то-есть около семи восьмыхъ всей русской территоріи, не даетъ еще государству того приращенія силы, которое, повидимому, должно бы вытекать изъ громадности страны; эта часть скорѣе составляетъ для него источникъ слабости, такъ какъ правительство должно содержать арміи солдатъ и чиновниковъ во всѣхъ этихъ странахъ, удаленныхъ отъ центра, прокладывать тамъ пути сообщенія, сооружать станціи, военные посты и укрѣпленія.

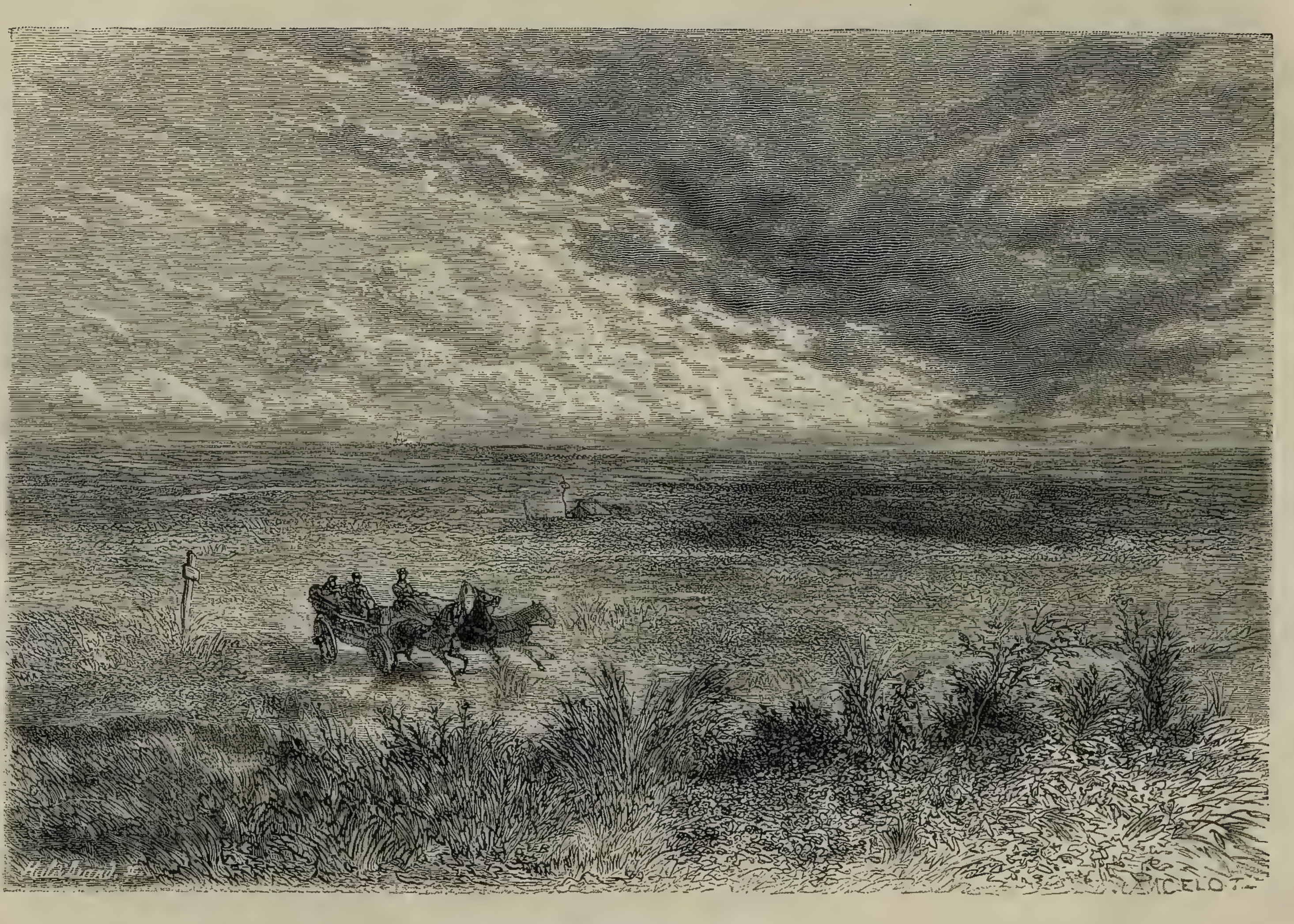
Съ географической точки зрѣнія Россія рѣзко отличается отъ остальной Европы: она однообразна, тогда какъ западныя страны, напротивъ, разнообразны по характеру мѣстности. Во всемъ своемъ громадномъ протяженіи, отъ обледенѣлыхъ береговъ Бѣлаго моря до степей, прилегающихъ къ Черному морю, она представляетъ поразительное сходство наружнаго вида. Извѣстно, что, между всѣми частями земнаго шара, Европа въ собственномъ смыслѣ, которую уже Страбонъ охарактеризовалъ „хорошо расчлененной“, отличается развитіемъ своихъ береговъ, разнообразіемъ своихъ очертаній, относительной важностью своихъ полуострововъ: море здѣсь со всѣхъ сторонъ вдается въ сушу глубокими заливами, морской воздухъ переносится малѣйшимъ вѣтеркомъ къ горамъ внутренней части материка. Западная Европа кажется живой, одушевленной, она какъ будто волнуется на картѣ: видно, что она должна быть населена народами, тоже полными жизни и непрестанно обновляющимися, благодаря постоянному обмѣну отъ полуострова до полуострова и отъ одного морскаго ската до другаго. Напротивъ, восточная Европа, то-есть Россія, представляетъ неправильный, грубо очерченный четыреугольникъ, болѣе массивный, чѣмъ Азія, по совокупности его контуровъ, и этотъ контрастъ существуетъ не только во внѣшнихъ очертаніяхъ,—противоположность обнаруживается также во всемъ рельефѣ страны. Къ западу отъ Россіи европейскій континентъ являетъ изумительное разнообразіе мѣстности—сплошныя возвышенности, горныя цѣпи, холмы, долины и равнины; во внутренности главнаго ствола и каждой изъ вѣтвей, полуострововъ и острововъ, поднимается ясно обозначенный хребетъ страны, какъ бы конекъ кровли; явственно сформированныя покатости спускаются къ каждому морю. Въ сравненіи съ этими странами съ неровнымъ рельефомъ, состоящимъ изъ возвышеній и углубленій почвы, Россія представляется большой равниной; въ ней, правда, встрѣчаются плато, возвышенности въ нѣсколько сотъ футовъ, но эти высоты едва прерываютъ однообразіе обширныхъ пространствъ: можно проѣхать

*

всю Россію изъ конца въ конецъ, отъ одного моря до другаго, не покидая низменныхъ равнинъ, которыя кажутся столь же гладкими, какъ поверхность океана.

На востокѣ и юго-востокѣ Европейская Россія сливается съ Азіей, и обыкновенно даже не знаютъ въ точности, гдѣ провести раздѣльную линію. Смотря по важности, приписываемой той или другой чертѣ земной поверхности, географы различно проводятъ эту линію границъ между двумя континентами. Безъ сомнѣнія, слѣды, оставленные древними, нынѣ исчезнувшими морями, обозначаютъ, какъ естественную границу, ясно опредѣлившуюся Понто-Каспійскую впадину, гдѣ текутъ воды двухъ Манычей, и низменныя равнины, которыя нѣкогда были наполнены, на югѣ и на востокѣ отъ Уральскаго хребта, водами проливовъ, соединявшихъ Каспійское и Аральское моря съ Обской губой; но въ теченіе новѣйшихъ періодовъ жизни нашей планеты рельефъ почвы постепенно измѣнился, и теперь граница между Европой и Азіей можетъ быть лишь линіей идеальной или чисто условной. Такимъ образомъ съ восточной стороны, въ особенности тамъ, гдѣ открывается большая брешь между Каспійскимъ моремъ и полуденными предгорьями Уральскаго хребта, Россія не имѣетъ опредѣленныхъ границъ: она и теперь еще является въ извѣстной мѣрѣ тѣмъ же, чѣмъ была во времена древнихъ грековъ,—однообразной страной, сливающейся вдали съ невѣдомыми пустынями. До тѣхъ поръ, пока движеніе всемірной исторіи имѣло театромъ лишь узкіе бассейны, небольшіе острова или полуострова, даже во все то время, пока цивилизованное человѣчество было сгруппировано по берегамъ внутренняго или Средиземнаго моря,—область, извѣстная нынѣ подъ именемъ Россіи, естественно должна была оставаться особымъ міромъ безъ опредѣленныхъ очертаній и границъ. Она могла, наконецъ, пріобрѣсти свою роль и мало-по-малу съ точностью опредѣлить свои контуры только въ новѣйшія времена, благодаря тому, что всѣ берега Стараго Свѣта сдѣлались достояніемъ или подпали вліянію цивилизованныхъ народовъ Европы.

Горизонтальность русской почвы не ограничивается поверхностью земли: она продолжается и на глубинѣ, какъ въ этомъ убѣдились геологи, изслѣдуя посредствомъ буренія подземные пласты. Вмѣсто того, чтобы приподниматься и сгибаться на различные лады, образуя всевозможныя разновидности почвы, которыя отражаются въ контрастахъ растительности и культуръ, лежащія пластами одна на другой горныя породы восточно-европейской низменности сохраняютъ между собой правильную параллельность на огромныхъ протяженіяхъ, а разложеніе ихъ даетъ одного и того же рода или качества растительную почву, покрытую одними и тѣми же видами растеній. За гранитными и гнейсовыми скалами, образующими континентальный стволъ Скандинавскаго полуострова и которыя занимаютъ, переходя далеко за предѣлы Финляндіи,

ПРИДНѢПРОВСКАЯ СТЕПЬ.

все пространство, заключающееся между Бѣлымъ моремъ и бассейномъ Невы, слѣдуютъ на югѣ и востокѣ, до самаго сердца центральной Азіи, палеозойскія (древнѣйшія) и каменноугольныя геологическія образованія; затѣмъ пласты новаго краснаго песчаника, заключающіе, между прочимъ, пермскія формаціи (получившія это названіе отъ обширной Пермской губерніи), простираются до основанія Уральскихъ горъ, между Прикаспійскими степями и берегами Ледовитаго океана. Юрскіе пласты тянутся на югѣ по окраинамъ пермскихъ площадей и покрываютъ ихъ въ серединѣ, образуя неправильный треугольникъ, который постепенно съуживается отъ тундръ крайняго сѣвера до береговъ Волги. Далѣе на югѣ формаціи мѣловыя, третичныя, новѣйшія отложились вокругъ гранитной плоской возвышенности или Каменной гряды, которая пересѣкаетъ наискось область полуденныхъ степей. Въ сравненіи съ этими, почти горизонтальными геологическими слоями, чуть приподнятыми тамъ и сямъ въ формѣ отлогихъ волнообразныхъ возвышеній почвы и простирающимися, безъ измѣненія наружнаго вида или внутренняго строенія, на пространствахъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ квадратныхъ верстъ, какое безконечное разнообразіе представляютъ всѣ микрокосмы западной Европы, Тироль и Швейцарія, Германія, Франція, Италія, Пиренейскій полуостровъ, Великобританія! Низменность, соединяющая Черное море съ Балтійскимъ посредствомъ бассейна Днѣпра и бассейна Одера, раздѣляетъ два геологическихъ міра: по обѣ стороны этой впадины все различно—форма очертаній, выступы рельефа поверхности, сгибъ напластованій. На западѣ почва свидѣтельствуетъ о частыхъ и сложныхъ геологическихъ переворотахъ; на востокѣ она, напротивъ, разсказываетъ лишь о медленныхъ и правильныхъ колебаніяхъ или измѣненіяхъ уровня. Между тѣмъ какъ западная Европа приподнималась въ видѣ горныхъ цѣпей и разрывалась на глубокія долины, пространства по Днѣпру и Волгѣ сохраняли почти неизмѣннымъ свой уровень надъ поверхностью морскихъ водъ [1]).

По характеру поверхностной части почвы, Россія дѣлится на двѣ большихъ, совершенно различныхъ области: область, гдѣ движущіеся льды оставили слѣды своего прохожденія, и область, гдѣ не встрѣчаются ни эрратическіе камни, ни глетчерныя глины. Вся сѣверная Россія, за исключеніемъ равнинъ, простирающихся у основанія Уральскаго хребта, находилась, втеченіе ледянаго періода, подъ вліяніемъ массъ кристаллизованной воды которыя изъ Скандинавіи и Финляндіи двигались къ западу, югу и востоку, разсѣяваясь на пространствѣ отъ Шотландіи до Польши и отъ Польши до береговъ Карскаго моря, въ предѣлахъ огромнаго круга, имѣющаго около 4000 верстъ въ окружности. Прежде допускали, какъ очень вѣроятную гипотезу, что эрратическіе камни этой области были перене-

---

[1]) *Archibald Geikie*, Proceedings of the Geographical Society, 1879, № VI.

сены по морю пловучими льдами, но эта теорія должна быть окончательно оставлена, какъ неподтвержденная фактами. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ морскіе остатки не сопровождаютъ эрратическихъ камней, тогда какъ часто находятъ, вмѣстѣ съ этими наносными почвами, кости прѣсноводныхъ млекопитающихъ и прѣсноводныя раковины[1]). Втеченіе ледяной эпохи вся сѣверная Россія представляла страну подобную шведскимъ скатамъ скандинавскаго хребта Кьеленъ, гдѣ ледяныя рѣки, попеременно то выступая изъ береговъ, то отодвигаясь вглубь долинъ, простираются по хаотическимъ пространствамъ, гдѣ морены и скалы перемѣшаны въ полнѣйшемъ безпорядкѣ съ озерами и торфяными болотами. Перенесеніе льдовъ и находившихся на нихъ обломковъ скалъ производилось большею частію этими озерами, которыя безконечнымъ лабиринтомъ покрывали почти всю страну и большинство которыхъ съ той эпохи превратилось въ твердую землю.

Очень похожая на сѣверную Россію по незначительнымъ возвышеніямъ и углубленіямъ своей территоріи, по ровному характеру мѣстности, южная Россія явственно отличается отъ нея по геологической исторіи, также какъ по свойству почвы и по растительности. Къ югу отъ Тулы, Рязани, Казани мы не встрѣчаемъ болѣе эрратическихъ камней: тѣ, которые Мурчисонъ видѣлъ близъ Воронежа и которые были приняты имъ за обломки скалъ, принесенные сѣверными льдами, разсматриваются русскими геологами какъ камни мѣстнаго происхожденія[2]). Вообще, гдѣ начинается южная черноземная полоса, тамъ прекращаются и слѣды древнихъ ледниковъ; точная линія разграничиваетъ низменныя области, усѣянныя озерами, болотами, торфяниками, эрратическими камнями, и территорію, гдѣ уже втеченіе длинныхъ геологическихъ періодовъ образуется особая растительная земля (черноземъ), происходящая отъ разложенія травянаго покрова степей. Въ отношеніи растительности эти двѣ области представляютъ совершенный контрастъ. Въ сѣверной Россіи преобладающія породы деревъ—ель и сосна, тогда какъ въ южной черноземной полосѣ характеристическое растеніе серебристый ковыль, скромный злакъ, къ которому присоединяется много другихъ травъ съ такимъ же наружнымъ видомъ. Большое число растеній, принадлежащихъ южной растительной области, останавливается передъ границами области эрратическихъ камней, словно передъ огненнымъ барьеромъ, хотя они могутъ очень хорошо произрастать въ сѣверномъ климатѣ и хотя ихъ съ успѣхомъ разводятъ въ садахъ вокругъ Москвы и Петербурга. Губчатость почвы, которая, однако, успѣла уже отчасти осушиться со времени ледянаго періода, не есть ли при-

---

[1]) *Барбстъ-де-Марни*, „Горный Журналъ", № 12, за 1875 г.

[2]) *Мурчисонъ, де-Вернейль* и *Кейзерлингъ*, Geology of Russia and the Ural Mountains.

чина, задерживавшая эти полуденныя растенія въ ихъ поступательномъ движеніи къ сѣверу[1])?

Та часть Россійской имперіи, гдѣ долго держались льды, то-есть Финляндія и смежныя съ нею равнины, остается до сихъ поръ покрытой озерами; во многихъ мѣстностяхъ этой озерной области, площади стоячихъ водъ еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ Швеціи; обсохшая страна, такъ сказать, состоитъ лишь изъ перешейковъ и узкихъ мысовъ: всѣ впадины и простыя углубленія почвы наполнены водой. Въ этой-то территоріи, частію затопленной, находятся самыя обширныя, хотя и не самыя глубокія, прѣсноводныя озера европейскаго континента—Ладожское, Онежское, Сайма. Внѣ этой сѣверо-западной области озерные бассейны встрѣчаются еще тамъ и сямъ; но, имѣя гораздо менѣе значительные размѣры, эти бассейны по большей части превратились уже въ моховыя или торфяныя болота. Со времени исчезновенія льдовъ землистыя частицы, приносимыя рѣками, а съ другой стороны—мхи, постепенно завладѣвающіе водными площадями, успѣли уже наполнить почти всѣ впадины озеръ, что было сдѣлать тѣмъ легче, что геологическія формаціи этихъ странъ Россіи не отличаются такой твердостью, какъ граниты Финляндіи. Такимъ образомъ внутреннія моря, какъ, напримѣръ, то, которое нѣкогда простиралось тамъ, гдѣ въ наши дни находятся болота по рѣкѣ Припеть, мало-по-малу исчезли. Повсюду въ странѣ мы видимъ явленія, свидѣтельствующія о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ поверхности: въ однихъ мѣстахъ озера только уменьшились въ окружности, охваченныя цѣлыми лѣсами тростника и камыша и болотистыми берегами; въ другихъ мѣстахъ на древнее существованіе ихъ указываютъ только небольшіе резервуары стоячей воды, въ родѣ колодцевъ, называемые „окошками" и окруженные мхомъ; иныя озера, превратившіяся въ торфяныя болота, уже обрамлены по краямъ лугами, которые постоянно расширяются, захватывая новыя части озерныхъ бассейновъ; даже лѣса во многихъ мѣстахъ подвигаются мало-по-малу на завоеваніе бывшихъ озеръ, посредствомъ приземистыхъ, кривыхъ березъ и сосенъ, которыя отваживаются укореняться въ болотистой почвѣ и постепенно осушаютъ ее.

Соотвѣтственно уменьшенію и даже полному исчезновенію озеръ, русскія рѣки пріобрѣли большую относительную важность въ географіи страны. За исключеніемъ рѣкъ Финляндіи, а также Невы и Наровы, всѣ большіе потоки русской территоріи опорожнили прежде существовавшія озера своего бассейна и, такъ сказать, выработали свою рѣчную индивидуальность. Благодаря обширному протяженію земель, которыя онѣ должны пройти прежде, чѣмъ достигнуть моря, эти рѣки, усиливаемыя по пути мно-

[1]) *Акад. Рупрехтъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome VII, 1865.

жествомъ притоковъ, катятъ значительную массу жидкой стихіи, и эта масса кажется тѣмъ больше, чѣмъ теченіе ея менѣе быстро: извѣстно, что вездѣ, гдѣ наклонъ почвы очень малъ, вода широко разливается въ своемъ ложѣ. Россія имѣетъ огромныя рѣки, между которыми первое мѣсто занимаетъ Волга, превосходящая по длинѣ всѣ другіе потоки Европы; но было бы ошибочно сказать, какъ это часто повторяютъ, что Волга превосходитъ ихъ также и обиліемъ своихъ водъ: въ этомъ отношеніи она уступаетъ Дунаю, который питаютъ Альпы, Шварцвальдъ, Богемскія горы и Карпаты. Дожди несравненно менѣе обильны въ Россіи, чѣмъ въ западной Европѣ, омываемой со всѣхъ сторонъ водами моря; среднимъ числомъ можно принять, что общее количество дождевой воды, выпадающее въ продолженіе всего года, составляетъ слой не болѣе полметра (500 милл.) вышиною; кромѣ того, въ нижнемъ своемъ теченіи, большія рѣки, спускающіяся къ морямъ Черному, Азовскому и Каспійскому, проходятъ черезъ области съ почвой сухой и безплодной, очень скудно орошаемой, безлѣсной, подверженной палящему зною солнца и неистовому разгулу вѣтровъ: испареніе весьма сильно въ этой полосѣ, и многія степныя рѣчки до капли выпиваются почвой и воздухомъ, прежде чѣмъ успѣютъ добраться до русла главной рѣки, которая должна бы была нести ихъ воду въ море. Въ десять разъ превосходя Францію пространствомъ, Россія, вѣроятно, не превосходитъ эту страну и въ три раза по объему текущей воды. Притомъ вода длиннѣйшей изъ русскихъ рѣкъ, Волги, теряется въ бассейнѣ Каспійскаго моря, гдѣ она вся испаряется, не повышая нисколько уровня этого внутренняго моря, съ давняго времени разобщеннаго съ океаномъ.

Большія рѣки Россіи, которыя всѣ берутъ начало въ мѣстностяхъ, мало возвышающихся надъ уровнемъ моря, не отдѣлены одна отъ другой трудно переходимыми горными высями: истинными препятствіями въ безпредѣльныхъ пространствахъ русской равнины были не водораздѣльныя высоты, а болота, тундры, дремучіе лѣса, обширныя пустыни; сами рѣки, облегчая сообщенія отъ верховья къ низовьямъ, часто задерживали вражескія нашествія и мирныя торговыя сношенія отъ одного берега къ другому, тогда какъ между рѣчными бассейнами путешествія и обмѣнъ товаровъ производились безъ затрудненія. Притомъ же большая часть важнѣйшихъ русскихъ рѣкъ, въ томъ числѣ и главная изъ нихъ, Волга, переплетаютъ свои истоки въ обширный лабиринтъ; онѣ соединяются болотами, гдѣ могли бы проходить барки во время разлива водъ отъ продолжительныхъ дождей; черезъ посредство многочисленныхъ притоковъ каждой большой рѣки легко устроить почти непрерывныя линіи судоходства между морями, омывающими Россію: уже Петръ Великій устройствомъ Вышневолоцкаго канала открылъ невскимъ судамъ дорогу къ Каспійскому морю. Но пока не существовало этихъ соединительныхъ каналовъ и пока хорошія торговыя дороги, обходящія болота и перерѣзывающія лѣса, не

выровняли, такъ сказать, почву во всѣхъ направленіяхъ, до тѣхъ поръ пороги или водораздѣлы между судоходными рѣками служили естественными путями для экспедицій военныхъ и торговыхъ. Подобно тому, какъ нынѣ въ каменистыхъ равнинахъ Новой Британіи и въ льяносахъ Южной Америки, встарину и въ Россіи водораздѣлы были обычными мѣстами перехода, гдѣ племена при своихъ передвиженіяхъ и торговые люди при перевозкѣ товаровъ, чтобы попасть изъ одной рѣки въ другую, перетаскивали суда, почему такія мѣста и получили названіе *волоковъ*. Такимъ образомъ водораздѣльныя возвышенности, несмотря на ихъ маловажность для рельефа почвы, пріобрѣли значительную историческую роль; онѣ естественно были избираемы, какъ границы между населеніями, занимавшими земли каждаго ската. Вся сѣверо-восточная область Россіи, нѣкогда платившая дань Новгородской республикѣ, носила названіе „Заволоцкой Чуди", то-есть „земель чуди по ту сторону волоковъ". Еще и въ наши дни волоки почитаются священными мѣстами, подобно нѣкоторымъ горнымъ проходамъ въ Пиренеяхъ, и на многихъ изъ нихъ прохожіе считаютъ долгомъ набрасывать въ кучку вѣтки деревьевъ, траву или камни[1]).

Однообразная по виду своихъ обширныхъ равнинъ, по правильности своихъ геологическихъ формацій, по огромному протяженію своихъ рѣчныхъ бассейновъ, Россія однообразна также и по климату: отъ сѣвера къ югу и отъ юга къ сѣверу атмосферныя теченія распространяются въ ней быстро, нигдѣ не встрѣчая препятствій. Когда дуютъ рѣзкіе полярные вѣтры, они пробѣгаютъ всю Россію и поднимаютъ на Черномъ морѣ тѣ страшныя бури, за которыя оно получило свое первое прозвище „негостепріимнаго моря"; когда господствуютъ экваторіальные воздушные токи, вліяніе ихъ ощутительно на всемъ пространствѣ русской равнины до подножія Уральскихъ горъ и до береговъ арктическихъ морей. Безъ сомнѣнія, различія климата весьма значительны по направленію отъ сѣвера къ югу, такъ какъ Европейская Россія, не считая даже острововъ Ледовитаго океана и Кавказскаго края, занимаетъ часть поверхности земнаго шара, измѣряемую 26 градусами географической широты; отъ одной до другой окраины этой громадной территоріи нормальная разница климата такъ велика, что средняя температура лѣта (+2°) на сѣверныхъ берегахъ, у Карскихъ воротъ, ниже средней температуры зимы (+2°,25) на берегахъ Чернаго моря, въ Севастополѣ. Однако, отъ холоднаго пояса до умѣреннаго переходъ совершается нечувствительно, и подобно тому, какъ водяныя волны распространяются съ большой правильностью по морскому дну безъ выступовъ, такъ и волны воздушныя пробѣгаютъ Россію во всѣхъ направленіяхъ, не уклоняясь въ сторону и не дѣлая круговоротовъ.

---

[1]) *Максимовъ*, «Древняя и Новая Россія», 1876 г., № 5.

По совокупности своихъ измѣненій, климатъ Россіи, въ сравненіи съ климатомъ приморской западной Европы, является существенно континентальнымъ, то-есть неравномѣрнымъ, отличающимся крайностями температуры въ разныя времена года: по зимнимъ холодамъ, по лѣтнимъ жарамъ Россія можетъ быть названа уже азіатской страной. Москва, центральный городъ Европейской Россіи, лежитъ почти подъ той же широтой, какъ Копенгагенъ и Эдинбургъ; но средняя зимняя температура, которая въ столицѣ Шотландіи равна +2°,8, а въ столицѣ Даніи —0°,5, въ древней русской столицѣ составляетъ уже 10 градусовъ ниже точки замерзанія. Зато средняя лѣтняя температура, которая въ Эдинбургѣ не доходитъ даже до 15 градусовъ, а въ Копенгагенѣ едва превышаетъ 17, достигаетъ въ Москвѣ почти 18 градусовъ; что касается мѣсячныхъ и суточныхъ разностей между зимнимъ холодомъ и лѣтнимъ тепломъ, то онѣ еще гораздо значительнѣе. Но если привести всѣ колебанія къ общей средней температурѣ всего года, то оказывается, что климатъ Москвы, также какъ и климатъ всей Россіи, на 4 или 5 градусовъ холоднѣе, чѣмъ климатъ странъ западной Европы, лежащихъ подъ той же географической широтою: въ то время, какъ океаническія области европейскаго континента, Пиренейскій полуостровъ, Франція, Британскіе острова, находятся преимущественно подъ вліяніемъ вѣтровъ западныхъ и юго-западныхъ, которые суть ни что иное, какъ противотеченія пассатовъ, Россія подвержена главнымъ образомъ дѣйствію полярныхъ вѣтровъ. Когда западно-европейцы въ обыкновенной рѣчи даютъ Россіи названіе „сѣверной страны", хотя она занимаетъ восточную часть континента, то это выраженіе нельзя признать вполнѣ ошибочнымъ, такъ какъ климатическія условія, такъ сказать, перемѣщаютъ Россію на нѣсколько градусовъ по направленію къ полюсу. Мѣсяцъ январь имѣетъ въ Одессѣ и Таганрогѣ такую же среднюю температуру, какъ и въ Христіаніи, которая лежитъ почти на 1400 верстъ сѣвернѣе этихъ городовъ.

Среднія температуры въ разныхъ городахъ Россіи[1]):

	Широта.	Долгота.	Самый тепл. мѣс. Іюль.	Самый хол. мѣс. Январь.	Средн. годов.
Архангельскъ . . .	64° 32′	40° 33′	16° 78	—13° 41	0° 38
Гельсингфорсъ . .	60° 10′	24° 58′	17° 11	— 7° 21	4° 02
Петербургъ.	59° 50′	30° 19′	17° 33	— 8° 97	3° 75
Дерптъ	58° 23′	26° 43′	17° 59	— 8° 22	4° 24
Кострома	57° 46′	40° 56′	19° 54	—13° 65	3° 25
Екатеринбургъ . . .	56° 49′	60° 35′	17° 36	—16° 34	0° 43
Казань	55° 48′	49° 26′	20° 32	—13° 59	2° 89
Луганскій заводъ. .	48° 35′	39° 10′	23° 11	— 9° 05	7° 72
Одесса	46° 28′	23° 46′	22° 63	— 4° 93	9° 11

[1]) *Акад. Вильдъ*, Die Temperaturverhältnisse des Russischen Reiches.

Растительность, которую мы послѣдовательно встрѣчаемъ, проѣзжая русскую территорію по направленію меридіана, также можетъ служить къ опредѣленію климата, дѣлаетъ его, такъ сказать, видимымъ и разграничиваетъ его поясы. На крайнемъ сѣверѣ, по берегамъ Ледовитаго океана, тянутся на огромныхъ пространствахъ болота, голыя земли, гдѣ растутъ только олепій мохъ (ягель), лишаи, да кое-гдѣ приземистыя, кривыя деревца или кустарники, менѣе высокіе, чѣмъ иныя травы на лугахъ: это—поясъ *тундры*, обширной, сырой и мерзлой пустыни. Къ югу отъ тундры начинается область низкихъ лѣсовъ: береза, лиственница, ель, пихта, растутъ тамъ довольно сильно и достигаютъ уже настолько значительныхъ размѣровъ, что заслуживаютъ названія деревьевъ. Еще далѣе въ южномъ направленіи лѣса покрываютъ почти всю страну и состоятъ изъ великолѣпныхъ стволовъ, преимущественно изъ березъ и хвойныхъ деревъ разныхъ породъ; тамъ и сямъ въ лѣсныхъ прогалинахъ или росчистяхъ попадаются уже пашни. Область лѣсовъ съ опадающими листьями, обнимающая наибольшую часть центральной Россіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ область самаго дѣятельнаго земледѣлія, область, гдѣ сѣютъ преимущественно рожь, ленъ, коноплю, главные земледѣльческіе продукты Россіи. Черноземная почва, занимающая широкую полосу территоріи, отъ долины Днѣпра до основанія Уральскаго хребта, составляетъ область пшеницы, фруктовыхъ деревьевъ, высокихъ травъ, тогда какъ къ югу отъ степей низины долинъ, побережье Чернаго моря, Крымъ и Бессарабія образуютъ послѣдній поясъ — поясъ кукурузы и винограда. Контрастъ между степью и лѣсомъ очень рѣзокъ; но вездѣ въ другихъ мѣстахъ общій видъ страны отличается большимъ однообразіемъ, особенно зимой, когда снѣжныя поля разстилаются на необозримое пространство, когда вѣтви, почти черныя, елей гнутся подъ тяжестью пирамидальныхъ массъ насѣвшаго на нихъ снѣга, а нѣжныя вѣтки березъ облѣплены пушистыми бѣлыми хлопьями. Даже лѣтомъ, вдали отъ большихъ лѣсовъ, воздѣланная равнина сохраняетъ свой монотонный видъ: она представляется взору однимъ непрерывнымъ полемъ, продолжающимся до безконечности; только изрѣдка кое-гдѣ увидишь живыя изгороди, купы зелени, уединенные хутора, обсаженные группой деревьевъ и окруженные садомъ. Путешественникъ пожираетъ пространство, сидя въ экипажѣ, запряженномъ быстрыми конями, но вокругъ него пейзажъ не измѣняется; только отъ времени до времени показываются вдали на горизонтѣ куполы сельскихъ церквей съ позлащенными крестами.

Вѣковыя измѣненія не могли не обнаружиться въ соотвѣтственныхъ границахъ поясовъ растительности: слѣды ледянаго періода еще достаточно замѣтны, чтобы свидѣтельствовать о колебаніяхъ климата. Однако, втеченіе исторической эпохи эти явленія, какъ кажется, были весьма незначительны. Достовѣрно извѣстно, что съ шестнадцатаго столѣтія климатъ нисколько не измѣнился въ прибалтійскихъ губерніяхъ,

изъ чего можно заключить, что онъ сохранился также безъ большихъ перемѣнъ и въ другихъ областяхъ России. На Западной Двинѣ среднимъ днемъ вскрытія рѣки за сорокалѣтній періодъ шестнадцатаго вѣка былъ 9 апрѣля; втеченіе девяносто одного года восемнадцатаго столѣтія онъ приходился на 7 число, а впродолженіе пятидесяти четырехъ лѣтъ настоящаго столѣтія на 8 число того же мѣсяца. Точно также средніе дни вскрытія Сѣверной Двины у Архангельска и Днѣпра у Кіева остались понынѣ почти совершенно тѣ же, какъ были въ старину[1]. Измѣненія климата, имѣвшія мѣсто со времени поселенія человѣка въ странѣ, были произведены не природой, а самыми жителями, которые, истребляя лѣса во многихъ мѣстностяхъ Россіи, тѣмъ самымъ были причиной того, что почва на оголенныхъ пространствахъ высохла, источники изсякли, вѣтры получили больше простора и стали дуть съ большей силой, холода и жары сдѣлались сильнѣе и нестерпимѣе.

Соединенная съ Азіей, благодаря осушенію древнихъ морей, и сходная по климату съ восточнымъ континентомъ, Европейская Россія имѣетъ во многихъ отношеніяхъ азіатскій характеръ, точно также какъ Сибирь отчасти принадлежитъ къ европейскому міру. Такъ, въ отношеніи растительнаго царства, Сѣверцовъ находитъ, что граница Европы не на Уралѣ, ни даже въ долинѣ Оби, а въ долинѣ Енисея. Подобнымъ же образомъ области, занимаемыя различными видами животныхъ, переходятъ за естественныя границы континентовъ. Наконецъ, и населенія перемѣшиваются и проникаютъ изъ Европы въ Азію и изъ Азіи въ Европу. Каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе и отечество, арійскіе славяне различныхъ нарѣчій, которые занимаютъ сплоченными массами наибольшую часть Россіи, представляютъ европейскій элементъ; но сколько расъ чисто азіатскихъ по наружности, нравамъ и языку живутъ еще на русской территоріи, или особнякомъ, или разсѣянныя маленькими народцами, родами или семьями посреди славянъ! Въ то время, какъ славяне, опирающіеся на западныхъ европейцевъ, отъ которыхъ никакія естественныя преграды не отдѣляютъ ихъ, между Балтійскимъ моремъ и Карпатами, прочно группировались въ расу, господствующую во всей центральной Россіи, азіатскія племена проникали главнымъ образомъ черезъ сѣверные проходы Уральскаго хребта и черезъ широкое пространство, открытое между этими горами и берегами Каспійскаго моря. На сѣверѣ самоѣды, зыряне, лопари, слѣдуя по равнинамъ, прилегающимъ къ Ледовитому океану, одни населяютъ огромныя пространства, а послѣдніе изъ нихъ, лопари, проникли даже въ глубь Скандинавіи. На югѣ азіатскія орды могли продолжать свой путь въ Европу черезъ прибрежныя степи Ка-

---

[1]) *Воейковъ*, Meteorologie in Russland, Russische Revue, IV, № 8.

спійскаго и Чернаго морей, и часто эти дикія орды были достаточно многочисленны и могущественны, чтобы совершенно отдѣлить славянъ отъ всякаго сообщенія со Средиземнымъ моремъ. Россіи въ тѣ времена грозила опасность сдѣлаться этнографически простой областью азіатскаго континента. Дважды она исчезала изъ исторіи: въ первый разъ—послѣ паденія Западной Римской имперіи; во второй—послѣ нашествія монголовъ: эти азіатскіе народы, устремляясь на Европу, прерывали связь, соединявшую равнины Днѣпра и Волги съ западными странами европейскаго континента. Каждый разъ западно-европейцамъ приходилось, такъ сказать, дѣлать новое открытіе Россіи. Генуэзцы отыскивали забытыя дороги къ Черному морю и вновь отстроили въ Крыму и на берегахъ Азовскаго моря и Дона города древнихъ грековъ; а впослѣдствіи на берегахъ крайняго сѣвера, англійскіе мореплаватели Ченселлоръ, Борро, Дженкинсонъ снова завязали непосредственныя торговыя сношенія между Московскимъ государствомъ и западной Европой черезъ моря Бѣлое и Норвежское.

Этнографическая карта Россіи, особенно въ восточной ея части, понынѣ сохраняетъ многочисленные слѣды переворотовъ, которые произошли въ распредѣленіи расъ и племенъ до той эпохи, когда, наконецъ, великоруссы пріобрѣли преобладающее значеніе въ странѣ. Почти тотчасъ же на востокѣ отъ слiянія Волги и Оки разсѣяны, болѣе или менѣе значительными этнографическими островами, народности неславянскія—урало-финскія къ сѣверу, монголо-тюркскія къ югу. Въ западной полосѣ Россіи другіе финны, на сѣверѣ тавасты (ямь) и карелы, на югѣ эсты и ингры (ижора), занимаютъ даже побережье того залива, гдѣ основалась столица имперіи. Къ югу отъ эстовъ и ливовъ простирается область другой національности, арійской и родственной славянамъ, но тѣмъ не менѣе совершенно отличной отъ нихъ, именно литовско-латышской. Наконецъ, на югѣ, по берегамъ Чернаго моря, татары населяютъ отчасти Крымъ, тогда какъ румыны (молдаване и валахи), латинизованные даки, занимаютъ юго-западную часть Россіи, между Прутомъ и Днѣстромъ, по обоимъ берегамъ этой послѣдней рѣки и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Южнаго Буга. Кромѣ того, евреи основали свои торговыя колоніи во всѣхъ западныхъ городахъ государства. Англійскій писатель Латамъ [1]) даетъ Россіи названіе „имперіи сорока четырехъ народовъ“[2]).

Однако, вся центральная область, заключающаяся между берегами Волги и Оки, большими озерами на сѣверѣ, Чернымъ моремъ на югѣ, населена славянами, которые вдвигаются на западѣ сплоченной массой,

---

[1]) *Russia and Turkey*, Deutsche Rundschau, № 9, 1879.

[2]) Въ дѣйствительности эта цифра гораздо значительнѣе: въ Россіи насчитывается около 100 различныхъ народовъ и народцевъ, принадлежащихъ къ 12 различнымъ племенамъ. *Ред.*

между литовско-латышскимъ населеніемъ береговъ Нѣмана и молдаванами Бессарабіи, далеко за черту границъ Россійской имперіи. Тѣ изъ славянъ, которые образуютъ русскую семью и составляютъ самую многочисленную часть славянства, дѣлятся, въ свою очередь, на три группы, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ различныя народности: бѣлоруссы, жители покрытыхъ лѣсами равнинъ, которыя простираются отъ лѣваго берега Западной Двины до Пинскихъ болотъ; малороссы, или украинцы, которые занимаютъ огромную территорію, заключающуюся между рѣками Донецъ въ Россіи, Санъ въ Галиціи и истоками Тиссы, притока Дуная, въ Венгерскомъ королевствѣ; великоруссы, или великороссіяне, которые населяютъ остальную Россію, преимущественно всю центральную область. Это разнообразіе русскаго міра не высказалось ли и въ титулѣ государей, именуемыхъ „самодержцами всероссійскими"?

Двѣ западныя русскія народности связаны съ родственной національностью, тоже славянской, съ поляками, съ которыми въ продолженіе большей части своей исторіи онѣ составляли одно государство. Многочисленные острова поляковъ, которые мы видимъ между Наревомъ и Днѣпромъ,—острова, такъ сказать, вознаграждающіе за островки нѣмцевъ, которые встрѣчаются въ самой Польшѣ,—суть очевидные слѣды этого древняго политическаго союза Польши съ Бѣлоруссіей и Малороссіей, которыя нынѣ всѣ соединены съ великороссійской имперіей.

Нѣкоторые польскіе патріоты, побѣжденные силой оружія на поляхъ битвъ, хотѣли-было доставить себѣ этнологическое вознагражденіе и утѣшеніе, теоретически изгоняя своихъ побѣдителей изъ міра славянъ и даже вообще изъ міра арійцевъ; для нихъ и для ихъ восторженныхъ друзей на западѣ, двѣ западно-русскія народности суть ни что иное, какъ областныя разновидности польскаго племени, тогда какъ московитяне—это монголы, татары, финны, замаскированные подъ заимствованнымъ именемъ: они будто бы только съ двѣнадцатаго столѣтія начали говорить языкомъ, до того времени имъ чуждымъ, и присвоили себѣ имя русскихъ по приказу Екатерины II, похитивъ, такъ сказать, мѣсто между народами Европы. Новѣйшія историческія и этнографическія изслѣдованія доказываютъ, что оба эти утвержденія равно невѣрны. Малороссы—несомнѣнно славяне, отличающіеся и отъ великоруссовъ, и отъ поляковъ своимъ языкомъ, пѣснями и всѣми своими національными памятниками [1]. Что касается бѣлоруссовъ, то большинство лингвистовъ помѣщаетъ ихъ языкъ между подъвидами или нарѣчіями великорусскаго [2]); однако, нѣкоторыя фонетическія

---

[1]) *Alfred Rambaud*, Histoire de la Russie;—La Russie épique;—La Petite Russie dans les traditions et l'art populaire, Revue politique et littéraire, dec. 1876.—*Hovelaque*, Linguistique.

[2]) *Hovelaque*, Linguistique;—*Даль*, Толковый словарь великорусскаго языка;—*П. Житецкій*, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876 г.

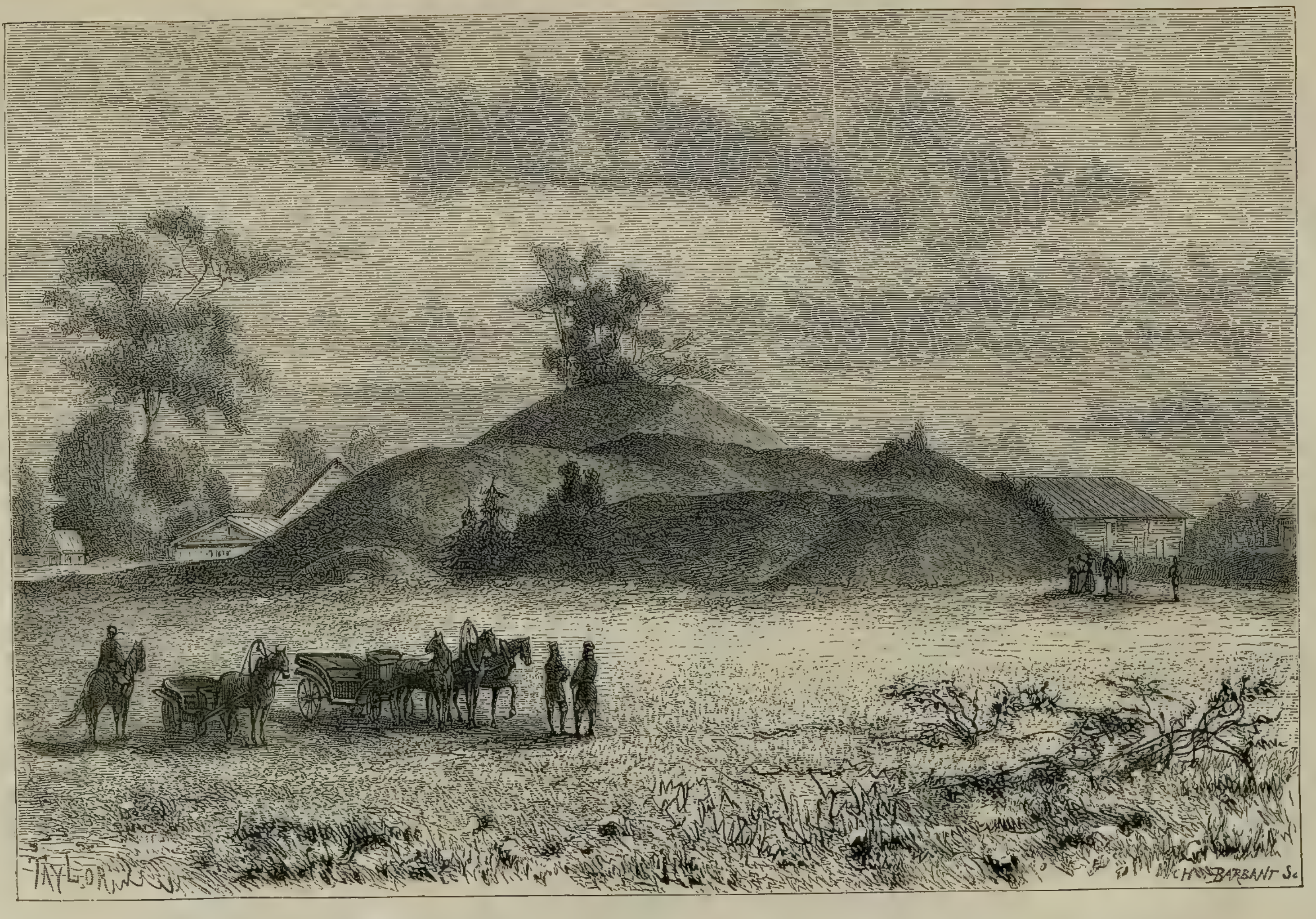
черты приближаютъ этотъ языкъ къ польскому, а по своему словарю онъ имѣетъ связь съ малороссійскимъ; истинное мѣсто бѣлорусскаго языка между родственными ему языками остается еще недостаточно выясненнымъ. Что относится до разницы, якобы существовавшей между Россіей и „Московіей", то неопровержимое свидѣтельство монетъ, грамотъ и другихъ документовъ удостовѣряетъ, что московитяне никогда не переставали называть сами себя и быть называемы русскими или русинами, или, по одной изъ латинскихъ транскрипцій, рутенами, имя болѣе спеціально присвоенное нынѣ русинамъ австрійской Галиціи. Впрочемъ, имя москвитянъ или „московитовъ", которое въ западной Европѣ часто даютъ русскимъ и которое употребляли особенно во враждебномъ смыслѣ какъ на западѣ отъ Нѣмана, такъ и къ югу отъ Балкановъ, имѣетъ лишь чисто-условное значеніе: исторически оно невѣрно даже по отношенію къ великоруссамъ, ибо послѣдніе существовали уже въ видѣ сплоченной націи ранѣе основанія Москвы и въ особенности ранѣе того времени, когда политическое могущество великорусскихъ князей познакомило Европу съ „Московскимъ царствомъ"[1]). Но великоруссы были бы неправы, если бы стали доказывать чистокровность своей арійской расы и претендовать на главенство именно на основаніи своего права первородства въ славянской семьѣ. Если есть нѣчто серьозное въ вопросѣ, поднятомъ польскими патріотами, такъ это только то, что великорусская народность образовалась изъ смѣшенія славянскихъ поселенцевъ, пришедшихъ съ запада и юго-запада, съ различными племенами финскими, монгольскими, тюркскими. Преданіе, сохраненное первымъ русскимъ лѣтописцемъ Несторомъ, называетъ радимичей и вятичей въ числѣ славянскихъ колонизаторовъ страны, сдѣлавшейся впослѣдствіи Московскимъ государствомъ, и, по странному совпаденію, эти иммигранты пришли будто-бы изъ Польши. За ними слѣдовали новгородскіе поселенцы, словены Нестора, поселенцы съ береговъ Западной Двины, Днѣпра, Днѣстра, то-есть изъ Бѣлой Руси и изъ Малой Руси. Лѣтописи разсказываютъ объ этой колонизаціи, о которой свидѣтельствуютъ также имена древнихъ городовъ въ центральной части Московскаго государства; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имена эти суть простыя повторенія названій украинскихъ или галицкихъ, таковы: Переяславль, Перемышль (Przemyszl), Звенигородъ, Галичъ. Впрочемъ, русскіе этнологи никогда не отрицали смѣшаннаго происхожденія господствующей расы имперіи, и въ любопытныхъ статьяхъ[2]) они разбирали этотъ важный вопросъ, заслуживающій самаго обстоятельнаго и всесторонняго изслѣдованія. Но, быть можетъ, всѣ эти племенныя смѣшенія и составляютъ силу расы.

---

[1]) *Alf. Rambaud*, Histoire de la Russie;—*Костомаровъ*, Двѣ русскія народности.
[2]) *Ешевскій*, *Кавелинъ*, *Корсаковъ* и др.

Въ вѣковой борьбѣ, составляющей ихъ исторію, славянскія населенія, изъ которыхъ образовались нынѣшніе русскіе, ассимилировали себѣ иноплеменные элементы именно благодаря своему преобладанію; они мало по малу распространили свое господство на туземные народы, но смѣшиваясь съ ними, принимая нѣкоторыя изъ ихъ физическихъ чертъ и ихъ обычаевъ, допуская даже небольшое число ихъ словъ въ свой природный языкъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что русскій типъ, особенно въ сосѣдствѣ финскихъ племенъ, не таковъ, какъ у другихъ славянъ, и что онъ замѣтно отличается отъ типа дунайскихъ и иллирійскихъ славянъ, говорящихъ языками того же происхожденія. Нерѣдко можно встрѣтить русскихъ, имѣющихъ плоское лицо и выдающіяся скулы финна; особенно женщины сохранили этотъ признакъ смѣшенія расъ. На югѣ другія скрещиванія выработали опять отличный типъ. Тамъ азіатскія племена, пришедшія въ эпоху великаго переселенія народовъ, затѣмъ монголы и турки, называемые татарами, смѣшиваясь различно съ славянами, либо какъ побѣжденные, либо какъ побѣдители, по-очередно, то похищая туземныхъ женщинъ, то принужденные отдавать своихъ женщинъ побѣдителю, соединили свою кровь съ кровью славянъ. Большое число дворянскихъ фамилій Россіи ведутъ свой родъ отъ татарскихъ и монгольскихъ мурзъ, которые приняли крещеніе, чтобы удержать за собой власть. Казаки запорожскіе, также какъ донскіе, уральскіе (яицкіе), поволжскіе, имѣли обыкновеніе увозить татарскихъ женщинъ во время своихъ экспедицій, и такимъ образомъ самыя побѣды славянъ способствовали уменьшенію чистоты ихъ крови. Впрочемъ, какъ могло не быть смѣшенія племенъ? При началѣ писаной исторіи, то-есть около девятисотъ лѣтъ тому назадъ, славянскія народности, болѣе могущественныя въ центральной Европѣ, чѣмъ нынѣ, были взамѣнъ того гораздо менѣе многочисленны въ восточныхъ равнинахъ континента: онѣ занимали лишь одну пятую теперешней территоріи Россіи, а вся остальная страна принадлежала литовцамъ, финнамъ и различнымъ другимъ народцамъ, бродячимъ или осѣдлымъ, пришедшимъ изъ степей Азіи. Какую огромную перемѣну видимъ мы въ наши дни! Русскіе и другіе славяне населяютъ четыре-пятыхъ пространства имперіи и, подобно потоку, выступившему изъ береговъ, разливаются далеко, въ Сибирь, въ Туркестанъ, въ долины Кавказа. Такія обширныя этнографическія присоединенія могли ли совершаться въ теченіе девятисотъ лѣтъ безъ того, чтобы новые пришельцы не смѣшивались тѣсно съ прежними обитателями страны?

Въ эллинскую эпоху всѣ населенія равнинъ, образующихъ нынѣшнюю Россію, были смѣшиваемы подъ общимъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ. Между этими первобытными жителями кто были родоначальники славянъ, названіе которыхъ производятъ отъ „слово“? Восходя въ глубь временъ такъ далеко, какъ это можно сдѣлать съ помощью рѣдкихъ па-

ЧЕРНАЯ МОГИЛА. КУРГАНЪ БЛИЗЪ ЧЕРНИГОВА.

мятниковъ, оставленныхъ греческими писателями, Оссолинскій, Шафарикъ и Ворцель отыскали первоначальную родину славянъ на Волыни и въ Бѣлой Руси. Тамъ же, какъ полагаютъ, славянская кровь наименѣе подвергалась смѣшенію съ иноплеменной; безплодіе почвы и многочисленныя болота отклоняли завоевателей или на сѣверъ, или на югъ отъ этой области. Впрочемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ мнѣніи тѣхъ ученыхъ, которые видятъ также предковъ русскихъ въ нѣкоторыхъ народахъ полуденной Скиѳіи [1]). Человѣческія кости, найденныя подъ древними могилами, или курганами, и подъ мѣстами расположенія укрѣпленныхъ становъ (городищъ), въ губерніяхъ Черниговской, Кіевской, Псковской, Новгородской, даже Петербургской, сопровождаются предметами, указывающими на первобытную цивилизацію, которая, какъ полагаютъ, основываясь на формѣ черепа, принадлежала славянской расѣ. Древніе обряды погребенія существовали въ этихъ странахъ до десятаго и даже одиннадцатаго вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуютъ византійскія монеты, находимыя въ могильныхъ курганахъ, гдѣ воинъ почіетъ съ своимъ оружіемъ, гдѣ женщина покоится съ своими украшеніями. Иногда похороны сопровождались жертвоприношеніями, состоявшими изъ домашнихъ животныхъ или даже изъ людей, мужчинъ и женщинъ. Одна большая могила заключала остатки костра въ 14 слишкомъ саженъ въ окружности, гдѣ встрѣчались въ перемежку обгорѣлыя кости человѣческихъ существъ, лошадей, птицъ, рыбъ, оружіе, орудія и утварь, драгоцѣнныя украшенія. Родоначальникъ или глава племени хотѣлъ переселиться въ другой міръ не иначе, какъ со всѣми атрибутами своего величія, со своей женой и царедворцами, со своими сокровищами и яствами, приготовленными для богатаго пиршества. Одну изъ такихъ обширныхъ могилъ представляетъ курганъ Черная Могила, близъ Чернигова, изслѣдованный г. Самоквасовымъ [2]).

Когда восточные славяне начинаютъ выступать изъ мрака среднихъ вѣковъ, около конца девятаго столѣтія, они занимаютъ всю область водораздѣла и верхнихъ притоковъ между бассейнами Волги, Волхова, Западной Двины, Нѣмана, Вислы, Днѣстра, и почти весь бассейнъ Днѣпра. За предѣлами этого обширнаго пространства показываются тамъ и сямъ острова и архипелаги русскаго населенія въ бассейнахъ морей Азовскаго и Каспійскаго, между прочимъ при устьѣ Кубани, гдѣ основалось русское поселеніе Тмутаракань, прославленное въ первоначальныхъ преданіяхъ націи. Эти славянскія племена представляли уже элементы могущественной народности, и тогда-то они и принимаютъ окончательно въ исторіи имя Руси, или руссовъ.

Много спорили о происхожденіи этого названія, которое лѣтописцы

---

[1]) См. въ особенности *Забѣлина*: „Исторія русской жизни".

[2]) „Древняя и Новая Россія", 1876 г., № 4.

связывали съ исторіей династіи. По преданію, записанному въ лѣтописи Нестора и которое долго преподавалось въ школахъ, какъ неоспоримая истина, славяне новгородскіе и ихъ сосѣди, чтобы положить конецъ внутреннимъ раздорамъ, рѣшили призвать князей изъ чужой земли и съ этой цѣлью снарядили посольство „за море" къ варягамъ (такъ назывались норманны, т. е. народы сѣверной Европы, преимущественно скандинавы). Въ 852 или 862 году послы славянскіе отправились къ варяжскому племени Русь и сказали: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами". Три брата приняли это приглашеніе и явились „со всѣмъ русскимъ племенемъ". Старшій изъ нихъ Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, второй Синеусъ—на берегу Бѣлоозера, третій Труворъ—въ Изборскѣ, недалеко отъ Псковскаго озера. Преемникъ Рюрика — Олегъ, личность таинственная, родство которой съ Рюрикомъ недостаточно выяснено, но которую легенда сдѣлала чѣмъ-то въ родѣ полубога (народъ прозвалъ его *вѣщимъ*, то-есть чародѣемъ), перенесъ столицу государства въ Кіевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имя руссовъ и Россіи. Кто были эти варяго-руссы, которымъ лѣтописное преданіе приписываетъ столь рѣшительное вліяніе на образованіе большой славянской народности? Въ шестнадцатомъ вѣкѣ родину ихъ искали на югѣ отъ Балтійскаго моря, у литовцевъ-пруссовъ или поруссовъ, которыхъ тогда производили отъ царственной римской расы по причинѣ ихъ имени *Latvini*, передѣланнаго въ *Latini* (латиняне), и названія ихъ священнаго мѣста, Ромове, о которомъ полагали, что это было нѣчто въ родѣ Рима (Roma). Но начиная съ восемнадцаго столѣтія общее мнѣніе, особенно между нѣмецкими учеными петербургской академіи и между скандинавскими историками, стало искать отечество варяговъ въ Швеціи. Защитники этой теоріи, развитой первоначально Шлецеромъ, а впослѣдствіи разработанной Куникомъ и Рафномъ, опираются на многочисленныя свидѣтельства, въ доказательство того, что имя, сдѣлавшееся національнымъ для славянской семьи, господствующей въ восточной Европѣ, произошло отъ норманскихъ воинственныхъ авантюристовъ, варяговъ, которые рыскали по свѣту въ поискахъ за славой и добычей. По Кунику, именемъ Рось или Русь (руссы) финны, населявшіе побережье Балтійскаго моря, называли свевовъ (Svear) или шведовъ западнаго берега Балтики. Еще и въ наши дни жители Упландскаго приморья извѣстны подъ названіемъ Родслагенъ или Рослагенъ, то-есть „корпораціи гребцовъ", и съ древнѣйшихъ временъ они были употребляемы на службу во флотахъ [1]). Оттуда-то, по мнѣнію норманистовъ, и вышли руссы, которые основали себѣ государства въ равнинахъ восточной Европы, совершая на Востокѣ то, что ихъ соплеменники, норманны, совершили на Западѣ; и тѣ, и другіе, обойдя Европу съ

---

[1]) *Wattenbach*, Ein Blick auf Schwedens Hauptstadt.

восточной и западной сторонъ, встрѣтились, наконецъ, на берегахъ Средиземнаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, воины норвежскіе, даже исландцы [1]), начиная съ девятаго столѣтія, поступали въ качествѣ наемниковъ въ гвардію константинопольскихъ императоровъ: „нанятые по контракту", на что, вѣроятно, указываетъ самое имя варанговъ или варяговъ, они участвуютъ, какъ отборное войско, во всѣхъ византійскихъ военныхъ экспедиціяхъ той эпохи. Но другіе удальцы дѣлали нападенія на самую Византію; въ Швеціи есть по крайней мѣрѣ дюжина руническихъ камней, надписи которыхъ говорятъ о людяхъ, принимавшихъ участіе и частію погибшихъ въ походѣ Ингвара [2]) въ предѣлы Восточной Римской имперіи: это—Игорь русской исторіи, который пытался, но неудачно, завоевать Царьградъ. По толкованію защитниковъ гипотезы о скандинавскомъ происхожденіи, почти всѣ имена варяговъ, приводимыя въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, принадлежатъ скандинавскому или норманскому языку и встрѣчаются въ сагахъ и рунографическихъ памятникахъ сѣверной Европы: не смотря на искаженіе, которому они подверглись въ славянскомъ правописаніи, эти имена почти всѣ легко узнаваемы. Всѣ люди „русскаго племени", упоминаемаго преподобнымъ Несторомъ, были норманны. Наименованія „русскихъ" судовъ, передаваемыя византійскими писателями, также нордическіе или норманскіе термины; „русскія" названія Днѣпровскихъ пороговъ, приводимыя, рядомъ со славянскими наименованіями, византійскимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, суть, очевидно, скандинавскія слова, хотя сильно искаженныя. Наконецъ, латинскій хронистъ, Луитпрандъ, епископъ кремонскій, который два раза посѣтилъ Константинополь въ качествѣ посланника, положительно утверждаетъ, что народы, которыхъ греки называли руссами, были тѣ же самые, что и норманны западныхъ писателей [3]). Впрочемъ, это варяжская Русь была очень малочисленна въ сравненіи съ туземными населеніями, среди которыхъ она производила свои воинственные набѣги [4]); черезъ два-три поколѣнія скандинавское происхожденіе пришедшихъ изъ-за моря варяжскихъ родовъ было забыто: германцы потерялись между славянами. Уже внукъ Рюрика, Святославъ, носитъ чисто-славянское имя [5]).

Какова бы, впрочемъ, ни была доля вліянія сѣверныхъ варяговъ на населенія восточной славянской земли, возраженія противъ теоріи чисто-скандинавскаго происхожденія имени Руси или Россіи не замедлили явиться и, становясь все болѣе и болѣе многочисленными, они представляются теперь уже съ большимъ авторитетомъ. Географическія имена, гдѣ

---

[1]) *Rafn*, Rapport des Normands avec l'Orient, Monuments runographiques.
[2]) *Rafn*, Antiquités russes.
[3]) *Rafn*, Rapports des Normands avec l'Orient.
[4]) *Worsaae*, La colonisation de la Russie et du nord Scandinave.
[5]) *Alfred Rambaud*, Histoire de la Russie.

*

видѣнъ корень *русъ* или *росъ*, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ, въ особенности въ Помераніи и на островѣ Рюгенѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, на берегахъ Днѣпра; такъ, между прочимъ, Росъ есть литовское имя рѣки Нѣманъ, — откуда произошло наименованіе „по-русы", то-есть „жители по берегамъ Руса", данное пруссамъ, нынѣшнимъ пруссакамъ. Вѣроятно, этотъ вопросъ о происхожденіи всегда останется темнымъ; однако, не безполезно будетъ припомнить, что Кіевскій край, который былъ въ то время Россіей по преимуществу, имѣлъ свою собственную легенду о трехъ братьяхъ, основателяхъ Кіева (Кій, Щекъ и Хоривъ), и что эта легенда связана съ преданіями дунайскими, а не балтійскими. Уже въ 864 году князья кіевскіе предпринимали походъ на Константинополь, и описаніе этой экспедиціи у древнихъ лѣтописцевъ мало согласуется съ теоріей, по которой „руссы" были недавніе пришельцы въ странѣ. Патріархъ Фотій говоритъ о руссахъ, какъ о націи сильной и побѣдоносной, хорошо знакомой византійцамъ. Наконецъ, по свидѣтельству арабскихъ писателей конца девятаго и начала десятаго столѣтій [1]), современные имъ руссы были народъ славянскій, дѣлившійся на три группы: группу куябовъ или куявовъ (Кіевъ), группу словянъ новгородскихъ и группу Арцаніи, подъ которой, какъ полагаютъ, нужно принимать или жителей Рязанской области на Окѣ, или населеніе Ростова, въ нынѣшней Ярославской губерніи. Соединяя всѣ свидѣтельства, доставляемыя писателями византійскими, арабскими и еврейскими [2]), а также раскопками могильныхъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи [3]), должно признать, что по крайней мѣрѣ съ конца девятаго столѣтія существовала въ бассейнѣ Днѣпрѣ русская нація довольно сплоченная, имѣвшая нѣкоторую промышленность и даже письмена.

Пока сообщенія были еще очень затруднительны въ равнинахъ восточной Европы и пока населеніе, вообще немногочисленное, было останавливаемо со всѣхъ сторонъ дремучими лѣсами и обширными болотами, образованіе сильной славянской народности было, очевидно, невозможно. На этомъ огромномъ пространствѣ, которое простирается отъ Уральскаго хребта до горъ Богеміи и Иллиріи, центры независимой жизни могли образоваться въ тысячѣ разныхъ мѣстъ, могли различно группироваться и оказывать вліяніе другъ на друга, между тѣмъ какъ враждебные иноплеменные народы, проникая черезъ проходы, открытые съ востока и съ запада, безпрестанно разстраивали неокрѣпнувшее равновѣсіе всѣхъ этихъ

---

[1]) *Д. А. Хвольсонъ*, Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ, по Ибнъ-Даста; — *А. Я. Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ (Спб., 1870), и пр.

[2]) *Хвольсонъ*, Сообщеніе на археологическомъ съѣздѣ въ Казани; — *Alfred Rambaud*, Revue scientifique, 1879, № 44.

[3]) *Самоквасовъ*, „Древняя и Новая Россія", 1876 г., №№ 3 и 4.

славянскихъ государствъ съ измѣнчивыми границами. На западѣ угры или венгры, защищенные естественной твердыней, образуемой полукругомъ Карпатовъ, пробивали цѣпь славянъ съ западной, южной и восточной сторонъ, тогда какъ нѣмцы съ одиннадцатаго вѣка прочно утвердились на берегахъ Балтійскаго моря и, оттѣснивъ славянъ и литовцевъ внутрь страны, преградили имъ доступъ къ морю. На востокѣ, азіатскія орды, пришедшія изъ прикаспійскихъ степей и слѣдовавшія за своими стадами изъ долины въ долину, то и дѣло перемѣщали границы государствъ. Впрочемъ, та естественная связь, которая въ большой странѣ соединяетъ во-едино всѣхъ людей одного и того же языка и одинаковыхъ нравовъ, не могла еще сплотить въ одну націю разсѣянныхъ по огромному пространству жителей восточно-славянскаго міра: отечество вездѣ было ограничено тѣсными предѣлами группы, которую соединяли только общая опасность, да непосредственные интересы борьбы за существованіе.

По своему громадному протяженію, равно какъ по расположенію своихъ скатовъ, наклоненныхъ къ противоположнымъ морямъ, къ Бѣлому и Черному, къ Балтійскому и Японскому, Россія, казалось бы, должна была естественно раздѣлиться между многочисленными группами самостоятельныхъ населеній; но однообразіе ея рельефа, взаимное проникновеніе и сплетеніе ея рѣчныхъ бассейновъ облегчали завоеванія и централизаціонное движеніе. Какъ только какая либо власть утверждалась въ томъ или другомъ пунктѣ обширныхъ сарматскихъ равнинъ, она тотчасъ же обнаруживала стремленіе присвоить себѣ и всю остальную территорію. Но изъ всѣхъ большихъ государствъ, основавшихся на нынѣшней территоріи Россійской имперіи, гдѣ съ девятаго столѣтія властвовали князья изъ династіи, именуемой Рюриковичами, которое-же именно должно было взять верхъ надъ другими?

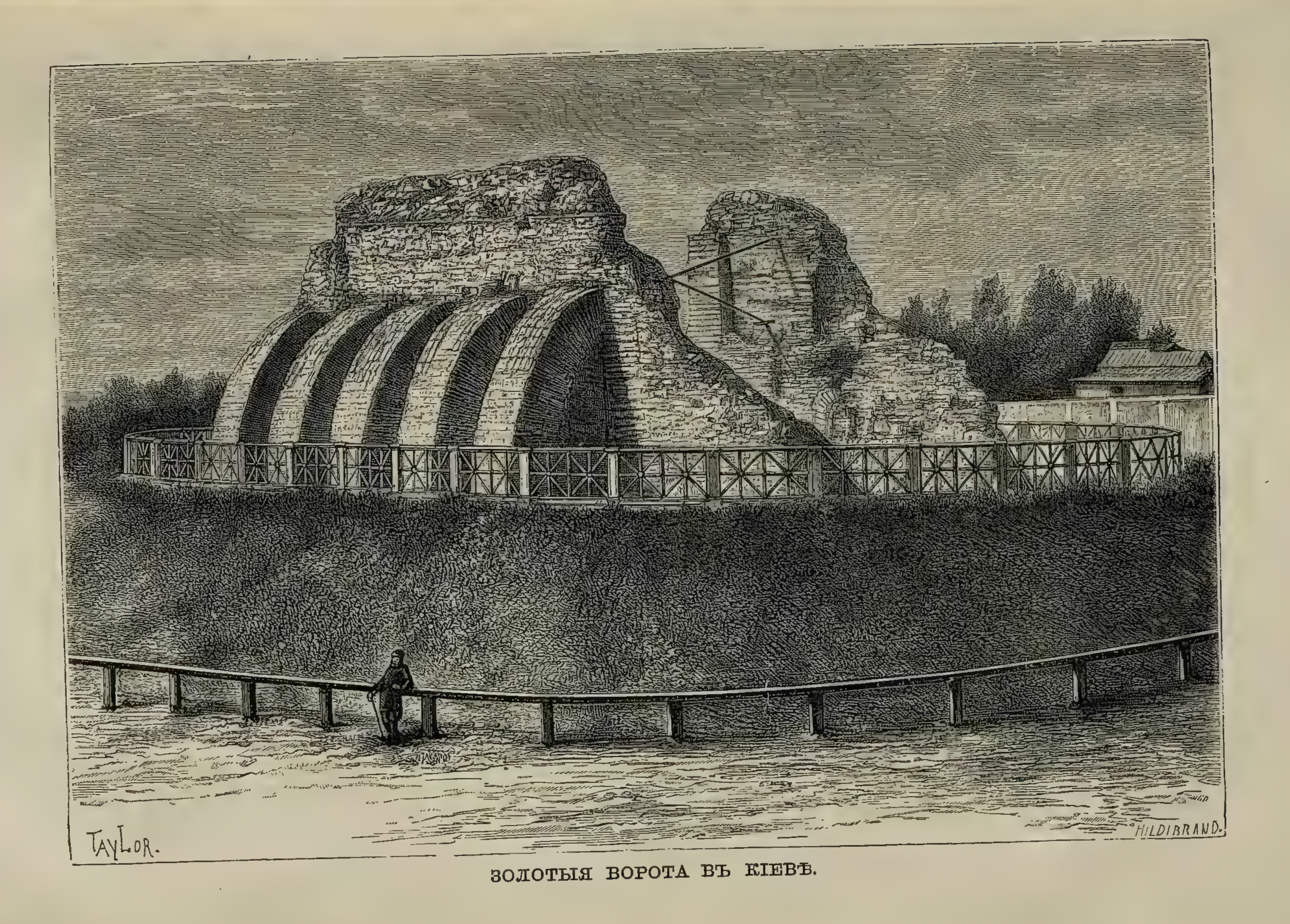
Среди всѣхъ славянскихъ племенъ, изъ которыхъ, по сказанію первыхъ лѣтописей, каждое имѣло свои собственные обычаи и свои учрежденія [1]), три мѣстные центра образуются въ самомъ началѣ: Новгородъ — въ землѣ волховскихъ славянъ; Полоцкъ, городъ кривичей-полочанъ на Западной Двинѣ, и Кіевъ, городъ полянъ или „жителей полей", въ бассейнѣ Днѣпра. Изъ всѣхъ областей, занятыхъ восточными славянами, наиболѣе благопріятствуемая природой и, вслѣдстіе этого, казалось бы, долженствовавшая пріобрѣсти и удержать за собою политическое преобладаніе была земля Кіевская. Большая рѣка, судоходная не смотря на ея пороги, протекаетъ черезъ эту страну и открываетъ, черезъ Черное море, путь къ Константинополю и къ Средиземному морю. Почва въ этой части Россіи одна изъ самыхъ плодородныхъ въ свѣтѣ; климатъ болѣе теплый и умѣренный,

---

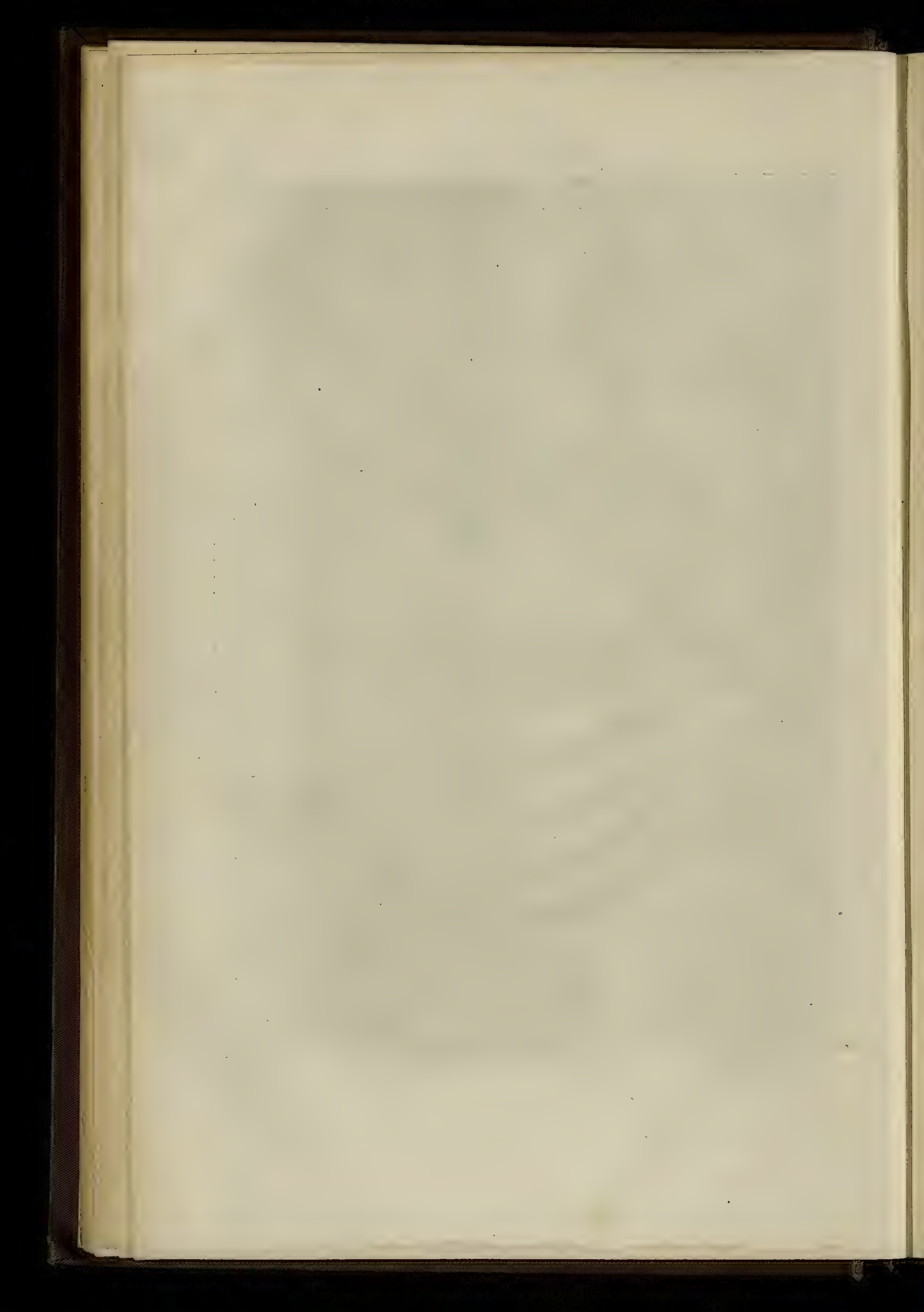
[1]) „Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, каждо свой нравъ". (Лѣтопись Нестора). *Ред.*

чѣмъ климатъ другихъ восточно-европейскихъ равнинъ. Слѣдовательно, казалось вполнѣ естественнымъ, что славянское населеніе должно было сгруппироваться преимущественно въ бассейнѣ Днѣпра, на тучныхъ черноземныхъ земляхъ, которыя производятъ въ изобиліи пшеницу; центръ политическаго могущества долженъ былъ находиться тамъ, куда устремлялась масса жителей и гдѣ сосредоточивались богатства. И дѣйствительно, Кіевъ, въ которомъ сохранились древнѣйшіе историческіе памятники Россіи, между прочимъ „Золотыя Ворота“ (впрочемъ, по Лежеру—это и не ворота, и не золотыя), былъ въ одиннадцатомъ столѣтіи самымъ богатымъ и самымъ большимъ городомъ восточной Европы послѣ Константинополя и поднялся на степень „матери городовъ“ въ измѣнчивой конфедераціи, обнимавшей малороссовъ и великороссовъ; но именно эти южныя области, представлявшія большія преимущества въ сравненіи съ сѣверными землями, всего болѣе и чаще подвергались нападенію вражескихъ народовъ, аваровъ, хозаръ или казаръ, мадьяровъ, печенѣговъ, кумановъ, турокъ, монголовъ, которые вторгались въ ихъ предѣлы или для того, чтобы самимъ тамъ поселиться, или для того, чтобы открыть себѣ проходъ въ западныя страны. Въ то время, какъ на сѣверъ отъ Днѣпра русскіе поселенцы могли безпрепятственно вырубать просѣки въ лѣсахъ и встрѣчали передъ собой лишь племена безобидныхъ дикарей, на югѣ они могли подвигаться впередъ не иначе, какъ съ копьемъ въ рукѣ, и сколько неудачъ, сколько тяжелыхъ ударовъ пришлось имъ перенести! Сколько селъ и деревень выжженныхъ, сколько стадъ угнанныхъ непріятелями! Сколько цѣлыхъ населеній, уведенныхъ въ неволю! Русская колонизація съ этой стороны распространялась медленно, подъ защитою передовыхъ постовъ казаковъ. Число жителей всего болѣе возрастало въ направленіи къ сѣверу и сѣверо-востоку, а вмѣстѣ съ тѣмъ туда же перемѣщалось и средоточіе могущества.

Около конца двѣнадцатаго столѣтія два новые центра, лежащіе внѣ Днѣпровскаго бассейна, начинаютъ проявлять свою притягательную силу: на западѣ Владиміръ Волынскій,—столица Володимиріи или Волыни,—который вскорѣ былъ замѣненъ Галичемъ, главнымъ городомъ Галицкаго княжества; на востокѣ Суздаль, которому наслѣдовалъ его сосѣдъ Владиміръ Залѣсскій, политическій предшественникъ Москвы. Галиція, или Червонная Русь, съ одной стороны, Суздальское княжество, съ другой, старались постоянно увеличиваться и сближаться на счетъ Кіева, когда нашествіе монголовъ, которые сами овладѣли берегами Днѣпра, положило конецъ этому соперничеству. Галиція, однако, пыталась сохранить свою независимость борьбой противъ татаръ; но, принужденная постоянно обороняться отъ нападеній своихъ сосѣдей: поляковъ, литовцевъ, мадьяръ, она погубила себя въ своихъ обширныхъ воинственныхъ предпріятіяхъ и кончила тѣмъ, что въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія подпала подъ владычество

ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА ВЪ КІЕВѢ.

Польши. Менѣе проникнутые рыцарскимъ духомъ князья владимірскіе и московскіе стараются снискать себѣ благоволеніе татарскихъ завоевателей, управляютъ отъ ихъ имени, ѣздятъ съ дарами въ Орду за полученіемъ ханскаго утвержденія, чтобы обезпечить за собою обладаніе всей сѣверо-восточной Русью. Но въ то время, какъ князья московскіе все болѣе и болѣе усиливаются и увеличиваютъ свое военное могущество, вольныя вѣчевыя общины или республиканскіе города сѣверо-западной Руси, Псковъ и въ особенности Новгородъ, являются, въ періодъ съ тринадцатаго до начала шестнадцатаго столѣтія, представителями національной цивилизаціи и національныхъ преданій страны, которая получила въ то время названіе Великой Руси и сдѣлалась владѣніемъ единодержавнаго царя[1]). „Великій Новгородъ" былъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ восточной Россіей и даже съ Азіей; озеромъ Ильмень, рѣкою Ловатью и волоками онъ сообщался съ бассейнами Волги, Днѣстра, Днѣпра, а рѣкою Волховомъ и Ладожскимъ озеромъ—съ Финскимъ заливомъ; такимъ образомъ онъ въ одно и то же время господствовалъ надъ путями къ Черному и Балтійскому морямъ. Область его торговли и колонизаціи простиралась отъ лапландскихъ береговъ до Уральскихъ горъ. Но, занимая мѣстоположеніе благопріятное для обороны, безопасный отъ внезапнаго непріятельскаго нападенія, благодаря своему удаленію отъ моря, Новгородъ не могъ легко предпринимать наступательной войны: наибольшая часть принадлежавшей ему территоріи была безплодна и почти необитаема, вслѣдствіе чего, когда непріятель останавливалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ другихъ областей, городъ терпѣлъ голодъ. Внутреннія смуты, вражда богатыхъ, вліятельныхъ фамилій и соперничество торговыхъ людей раздирали городъ, и эта борьба партій помогла великимъ князьямъ московскимъ установить въ Новгородѣ свою власть въ той же силѣ, какъ и вокругъ ихъ Кремля.

Только послѣ упадка Кіевскаго и Галицкаго княжествъ, Бѣлая Русь вышла изъ своего уединеннаго положенія, какъ центръ новаго славянскаго государства, подъ предводительствомъ литовскихъ князей, родственниковъ и наслѣдниковъ русской полоцкой династіи. Начиная съ половины тринадцатаго и особенно въ четырнадцатомъ столѣтіи литовскіе князья овладѣваютъ всей Бѣлой Русью, затѣмъ Волынью, Подоліей, Кіевской, Черниговской и Сѣверской областями, то силой, то съ согласія городовъ или посредствомъ благоразумно заключенныхъ брачныхъ союзовъ; съ этого времени государи Литвы носятъ титулъ великихъ князей литовскихъ и „русскихъ". По замѣчательному совпаденію, польскій король, послѣ завоеванія Галиціи, также принимаетъ названіе государя русскаго, тогда

[1]) *Ѳ. Буслаевъ*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб., 1861 г.

какъ московскій великій князь, какъ бы для того, чтобы энергически требовать обратно земель, которыя ускользаютъ изъ-подъ власти его династіи, титулуется „государемъ всея Россіи"; но въ началѣ онъ избѣгаетъ употреблять въ своихъ сношеніяхъ съ великими князьями литовскими этотъ титулъ, который только Іоанну III удалось заставить признать оффиціально, трактатомъ 1503 года. Въ четырнадцатомъ столѣтіи и до конца пятнадцатаго Литва была слишкомъ могущественна, чтобы великій князь московскій могъ не бояться оспаривать ея притязаній. Она присоединила къ себѣ весь бассейнъ Днѣпра и владѣла даже частью бассейна Оки, гдѣ рѣка Угра составляла, въ 140 верстахъ къ юго-западу отъ Москвы, границу ея владѣній. Татары отступили къ Востоку въ началѣ пятнадцатаго столѣтія; степи, простирающіяся между Днѣпромъ и Днѣстромъ, открылись для колонизаціи, и прибрежные жители могли безпрепятственно отправлять свой хлѣбъ въ Константинополь черезъ маленькій черноморскій портъ Хаджи-Бей, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Одесса. Князья тверскіе, рязанскіе, даже Новгородъ Великій обращаются къ Литвѣ за союзомъ и помощью, изъ опасенія московскихъ властителей, и послѣдніе чувствуютъ, что ихъ могуществу грозитъ опасность. Литва, распространившая свое владычество на всѣ западныя области, становится въ полномъ смыслѣ западной Россіей, государствомъ русскимъ и европейскимъ въ одно и то же время; впрочемъ, имя данное ихъ княжеству, примѣнялось лишь къ незначительной части литовскихъ владѣній; никогда законы страны не были составляемы на литовскомъ языкѣ; почти всѣ они написаны на русскомъ языкѣ, преимущественно на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Но одно важное событіе остановило нормальное развитіе Литвы: это ея политическая унія съ Польшей. Короли этой послѣдней страны, владѣвшіе въ то же время Галиціей или Червонной Русью, хотѣли оправдать на дѣлѣ принятый ими титулъ „русскихъ государей". Въ 1386 году польская королева Ядвига вступила въ бракъ съ великимъ княземъ литовскимъ Ягелло, который по этому случаю долженъ былъ принять римско-католическую вѣру. Въ началѣ чисто-личная, эта унія сдѣлалась съ теченіемъ времени политическимъ соединеніемъ двухъ государствъ, несмотря на протесты литовцевъ и бѣлоруссовъ, которые, чтобы сохранить независимость своего отечества, грозили даже присоединиться къ Москвѣ. Поддерживаемые мелкопомѣстнымъ дворянствомъ (шляхтой) юго-западныхъ областей, которое завидовало привилегіямъ крупныхъ литовскихъ вассаловъ или магнатовъ и стремилось къ пріобрѣтенію равныхъ правъ съ польскими дворянами, короли въ концѣ концовъ присоединили юго-западную Русь (Волынь и Кіевскую землю) непосредственно къ Польшѣ и въ 1569 году послѣдовало окончательное соединеніе остальной Литвы съ Польскимъ королевствомъ. Внутренніе раздоры, бывшіе слѣдствіемъ этого

недобровольнаго соединенія,—такова была причина слабости этого двойнаго государства, которое, повидимому, должно было, благодаря своему громадному протяженію, получить окончательно гегемонію, какъ славянская держава. Находясь ближе къ Европѣ въ собственномъ смыслѣ, пользуясь болѣе высокой степенью цивилизаціи и гражданственности, чѣмъ славянскія населенія Востока, располагая матеріальными рессурсами болѣе значительными, польско-литовское государство имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и то преимущество, что она занимала область, гдѣ проходитъ историческій путь между морями Чернымъ и Балтійскимъ. Она владѣла той драгоцѣнной низменностью, которая дѣлитъ континентъ на двѣ половины, и гдѣ переплетаются истоки Вислы и ея притоковъ съ истоками Днѣстра и Днѣпра. Такое географическое положеніе, казалось, обезпечивало Польшѣ и Литвѣ первенствующую роль между славянскими націями; но элементы польско-литовско-русской конфедераціи слишкомъ разнились между собою, усилія польскихъ королей, направленныя къ утвержденію безусловнаго господства, проявлялись черезчуръ крутыми мѣрами и притѣсненіями, а процессъ естественной ассимиляціи былъ относительно слишкомъ слабъ и медленъ: вотъ почему политическая унія, установленная на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, и религіозная унія (соединеніе греко-россійской церкви съ римско-католической), провозглашенная на Брестскомъ соборѣ 1595 г., вызвали столкновеніе между элементами русскимъ и польскимъ. По римско-католической религіи, Польша примкнула къ западно-европейскому міру; по греко-восточной или православной вѣрѣ, введенной изъ Византіи, Россія составляла отдѣльный міръ: различіе вѣроисповѣданій и обрядностей, влекущее за собой различіе нравовъ, гражданственности, политики, союзовъ, начертало на востокѣ отъ Польши границу, черезъ которую она не могла перейти. Когда ко всѣмъ этимъ причинамъ внутреннихъ несогласій присоединились возмущенія и войны казаковъ и русскихъ крестьянъ противъ ополячившихся дворянъ, участь Польши сдѣлалась неизбѣжной. Притомъ даже съ географической точки зрѣнія это государство никогда не могло прочно сформироваться и укрѣпиться. Тѣснимые нѣмцами балтійскаго прибрежья, поляки могли лишь временно утвердиться на морскихъ берегахъ, которые, повидимому, должны были имъ принадлежать; а магометанское завоеваніе лишило ихъ береговъ Чернаго моря. Такимъ образомъ, обладая наибольшей частью территоріи, соединяющей западную Европу съ туловищемъ Стараго Свѣта и которая уже во времена, предшествовавшія писаной исторіи, представляла столь важное значеніе для торговыхъ сношеній, поляки и литовцы не имѣли того, что именно и придаетъ цѣну этому великому пути народовъ, то-есть легко доступныхъ выходовъ на два противоположныхъ моря, изъ которыхъ одно сообщается со Средиземнымъ моремъ, а другое съ Атлантическимъ океаномъ.

Въ то время, какъ Польша ослабѣвала отъ войнъ и внутреннихъ раздоровъ, Москва, жившая въ дружбѣ съ южными мусульманами въ пятнадцатомъ столѣтіи, возрастала въ силѣ и могуществѣ. Тамъ былъ центръ, къ которому тяготѣло и вокругъ котораго собиралось великое славянское государство. Посредствомъ Волги и ея притоковъ, черезъ волоки и рѣки сѣвера и запада, государи московскіе могли постепенно распространять свою власть до самыхъ окраинъ необъятной равнины, и единодержавіе утверждалось безъ труда. Когда предѣлы московскаго царства раздвинулись до четырехъ морей, омывающихъ его земли съ сѣверной и съ западной, съ южной и юго-восточной сторонъ, современная Россія была основана, и восточно-славянскіе народы выступаютъ на сцену исторіи соединенными въ одно государство.

Извѣстно, какими изумительно быстрыми шагами шло, въ теченіе этихъ послѣднихъ столѣтій, территоріальное возрастаніе русской имперіи. Нынѣшняя Россія обнимаетъ территорію по малой мѣрѣ вдесятеро превосходящую протяженіемъ то государство, которое установилось послѣ пораженія татаръ и окончательнаго сверженія монгольскаго ига и площадь котораго исчисляется приблизительно около 2 милліоновъ квадр. килом. (37,000 кв. миль) [1]. Громадное пространство земель, пріобрѣтенныхъ съ того времени, измѣряется градусами долготы и широты, и пока еще можно только приблизительно опредѣлить поверхность его въ квадратныхъ миляхъ или верстахъ. Въ 1872 году геодезисты окончили большую международную тріангуляцію, которая была предпринята съ цѣлью измѣрить дугу параллели, заключающуюся между островомъ Валенція, на западномъ берегу Ирландіи, и городомъ Орскомъ, въ Оренбургской губерніи. Эта дуга длиною въ 5,335 километровъ, обнимающая 69 градусовъ долготы, то-есть около одной пятой всей окружности земнаго шара, пересѣкаетъ русскую территорію на протяженіи 40 градусовъ; но измѣренія, которыя теперь продолжаются черезъ всю Сибирь до Великаго океана и до полуострова Камчатки, прибавляютъ еще къ этой дугѣ линію въ 100 градусовъ, проходящую почти вездѣ по русской почвѣ или по русскимъ водамъ.

Территоріальное расширеніе Россіи иногда останавливалось на нѣкоторое время, и даже случалось, что громадныя владѣнія имперіи уменьшались въ нѣкоторыхъ частяхъ ея окружности. Такъ, Россія уступила въ 1732 году Персіи Астрабадъ и провинцію Мазандеранъ, которая, впрочемъ, принадлежала ей почти только фиктивно, и послѣ того она не считала нужнымъ брать обратно эту территорію, такъ какъ для ея интересовъ политическое вассальство Персіи выгоднѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе нѣсколькихъ клочковъ земли. Точно также въ 1867 году Россія добровольно ограничила свои предѣлы на дальнемъ востокѣ Беринговымъ

---

[1]) *Обручевъ*, Военно-статистическій Сборникъ, 1871.

проливомъ, уступивъ Соединеннымъ Штатамъ за 40 милліоновъ франковъ [1]) обширную страну Аляску (бывшія Русско-Американскія владѣнія), которая до сихъ поръ не имѣетъ почти никакой цѣны. Наконецъ, по Парижскому мирному трактату, подписанному въ 1856 году, часть Бессарабіи была уступлена румынамъ; но, двадцать два года спустя, Россія получила обратно эту территорію, въ силу Берлинскаго трактата, и, сверхъ того, она обезпечила за собой политическое преобладаніе на обоихъ берегахъ нижняго Дуная и даже по другую сторону Балканскаго хребта. За каждымъ изъ минутныхъ отступленій русской державы слѣдовало энергическое наступательное дѣйствіе, приносившее въ результатѣ приращеніе территоріи и усиленіе вліянія. Со времени восшествія на престолъ Петра Великаго, завоеванія и пріобрѣтенія Россійской имперіи простираются въ общей сложности до 6 милліоновъ квадр. верстъ, то-есть представляютъ поверхность, въ четырнадцать разъ превосходящую пространство Франціи; даже исчисляемое по-дневно, нормальное увеличеніе русскихъ владѣній составляетъ около 80 квадр. верстъ, и именно въ теченіе нынѣшняго столѣтія это движеніе ускорилось [2]).

Россія находится теперь въ періодѣ возрастанія; она растетъ, даже помимо воли правительства, такъ сказать притягательнымъ дѣйствіемъ ея могущества: многочисленные азіатскіе народы, даже государства, тяготѣютъ къ ней и постепенно поступаютъ въ вассальную зависимость, прежде, чѣмъ перейти въ полное подданство и окончательно слиться съ имперіей. На западѣ, то-есть со стороны Европы, Россійская имперія граничитъ съ другими имперіями и съ государствами, существованіе которыхъ поддерживается только взаимнымъ соперничествомъ великихъ державъ; но остается еще раздѣлить половину Турціи, и, можетъ быть, даже Австро-Венгрія когда нибудь принуждена будетъ передвинуться въ пользу своихъ сосѣдей. Какъ бы то ни было, европейская граница Россіи, закрѣпленная двойнымъ кордономъ таможенъ и крѣпостей, имѣетъ такую же точно опредѣленность, какъ и граница другихъ государствъ континентальной Европы. Въ Азіи, напротивъ, границы ея далеко не такъ опредѣленны: не смотря на временные трактаты, опредѣляющіе границы

---

[1]) 7.200,000 долларовъ. *Ред.*

[2]) Наибольшія земельныя пріобрѣтенія въ XVIII столѣтіи были сдѣланы въ царствованіе Императрицы Екатерины II (всего 12,000 кв. миль); но по обширности они значительно уступаютъ расширенію русской территоріи въ царствованіе Императора Александра II (съ 19 февраля 1855 г. по 1 марта 1881 г.). Въ послѣднія 26 лѣтъ Россіею пріобрѣтено 655,227,7 кв. верстъ=13,542,02 кв. миль; кромѣ того, во временномъ управленіи, до окончанія ведущихся съ пекинскимъ правительствомъ переговоровъ, находится Кульджинскій раіонъ пространствомъ въ 58,009,5 кв. верстъ = 1,198,92 кв. миль въ общій итогъ не включены также завоеванія у текинцевъ. (Земельныя пріобрѣтенія Россіи въ царствованіе Императора Александра II». Сост. *И. Стрѣльбицкій*, Спб., 1881 г.). Въ среднемъ, ежедневное приращеніе территоріи за указанный періодъ составляетъ почти 69 кв. верстъ. *Ред.*

имперіи такой-то рѣкой или такой-то цѣпью горъ, Россія должна безпрестанно присоединять къ своимъ владѣніямъ новыя территоріи до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ какую-либо группу населеній или какую-либо военную державу, достаточно сильную и представляющую серьезное препятствіе. Промежутокъ, отдѣляющій Сибирь отъ густо населенныхъ равнинъ Китая, еще значителенъ, но онъ уже порядочно съузился вслѣдствіе пріобрѣтенія Восточной Манчжуріи; точно также русскимъ арміямъ Туркестана предстоитъ еще сдѣлать много переходовъ, прежде чѣмъ онѣ достигнутъ ущелій Гинду-Куша; но слабость и дезорганизація промежуточныхъ государствъ ускоряетъ неизбѣжное столкновеніе, и рано или поздно Россія, уже сопредѣльная могущественной Германіи, сдѣлается также сосѣдкой Великобританіи. Вообще можно сказать: между тѣмъ какъ общее движеніе цивилизаціи направляется отъ востока къ западу, исторія Россіи движется въ противоположномъ направленіи, отъ запада къ востоку.

Правда, русская нація еще далеко не успѣла заполнить громадное пространство, присоединенное къ ея имперіи; дѣйствительные предѣлы русской національности еще далеко не совпадаютъ съ территоріальными границами, которыя начертаны на картѣ трактатами и завоеваніями. Безъ сомнѣнія, прежде чѣмъ будутъ заняты всѣ плодородныя земли, всѣ благопріятныя въ торговомъ или промышленномъ отношеніи позиціи, которыя находятся въ имперіи, нація можетъ испытать много перемѣнъ; но, каковы бы ни были превратности національной жизни, различныя группы славянъ останутся элементомъ цивилизующимъ по преимуществу. Хотя, по выраженію Уэллеса, ассимиляціонная сила русской народности не могла еще сравняться съ быстротою и обширностью земельнаго возрастанія государства [1]), тѣмъ не менѣе пространственное движеніе русскихъ въ присоединенной территоріи чрезвычайно велико. Со стороны Европы они не могутъ оттѣснить, ни поглотить финляндцевъ, шведовъ, нѣмцевъ, стоящихъ на одинаковой съ ними или болѣе высокой степени культуры; точно также на востокѣ и юго-востокѣ религія проводитъ демаркаціонныя линіи между господствующимъ народомъ и большинствомъ другихъ жителей страны, татарами, калмыками, курдами, туркменами; однако, и эти населенія азіатскихъ окраинъ и даже самой Азіи именно черезъ русскихъ вступаютъ мало по малу въ движеніе современной исторіи, и уже во многихъ частяхъ имперіи можно наблюдать быстрый процессъ обрусѣнія. Но всего болѣе внутреннія переселенія способствуютъ тому, что страна постепенно дѣлается русской до самаго сердца Азіи. Малороссъ колонизовалъ обширныя протяженія,—меньшія однако, чѣмъ пространства, завоеванныя великорусской колонизаціей. Великорос-

---

[1]) *Mackensie Wallace*, Russia.

сіянина по справедливости можно назвать образцовымъ колонизаторомъ. Привычка къ переселенію у него, такъ сказать, наслѣдственна; предки его уходили въ дремучіе лѣса, а внуки и правнуки ихъ, переходя послѣдовательно отъ просѣки къ просѣкѣ, отъ одной степи къ другой, захватили Сибирь, взобрались по скатамъ Кавказа и Алтая, спустились по теченію Амура до береговъ Тихаго океана. Даже внѣ предѣловъ русской имперіи существуютъ колоніи великоруссовъ, которыя путешественники открываютъ съ удивленіемъ затерянными посреди чуждыхъ народностей. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что, вообще говоря, русскаго крестьянина ничто особенно не привязываетъ къ мѣсту его рожденія, ничто не можетъ вызвать въ немъ сожалѣнія о покинутой почвѣ. Въ какую бы сторону онъ ни направилъ свой путь, онъ можетъ идти впередъ цѣлые дни и недѣли— и вездѣ встрѣтитъ ту же однообразную равнину, вездѣ опять найдетъ свою родину. Почва, растенія едва измѣнились; то-же небо освѣжаетъ его, тѣ-же вѣтры наклоняютъ кругомъ него лѣсныя деревья. Въ нѣсколько дней онъ можетъ выстроить точно такую же избу, какую оставилъ дома; новая земля, которую онъ распахиваетъ, дастъ ему тѣ же урожаи, да еще, можетъ статься, ему посчастливится пользоваться ею болѣе вольготно [1]). Но даже и тамъ, гдѣ все разнится отъ его родныхъ мѣстъ—климатъ, почва, растительность, онъ умѣетъ въ совершенствѣ приспособиться къ новой средѣ; онъ умѣетъ перенимать нравы и обычаи тѣхъ, съ кѣмъ столкнетъ его судьба: „очухонивается“ съ карелами и дѣлается якутомъ среди якутовъ.

Имперія Россійская слишкомъ обширна, города ея слишкомъ малочисленны и слишкомъ разсѣяны, населеніе ея слишкомъ рѣдко, чтобы внѣшній врагъ могъ нанести ударъ въ сердце націи военной операціей: грозное французское нашествіе 1812 года, окончившееся катастрофой почти безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи, доказало, какъ велика сила сопротивленія Россіи вслѣдствіе одного только огромнаго протяженія ея территоріи. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что имперія не имѣетъ центра; даже Москва не составляетъ центральнаго пункта. Безъ сомнѣнія, граница имѣетъ чувствительныя точки, особенно въ Польшѣ, гдѣ непріятель могъ бы нанести наиболѣе тяжкія раны; но далѣе, въ этомъ обширномъ восточномъ мірѣ, гдѣ нанести смертельный ударъ? Славянскій міръ защищенъ отъ всякаго внѣшняго нападенія своей необъятностью.

Не смотря, однако, на свою громадность, Россія представляетъ менѣе выгодъ въ отношеніи легкости морскихъ сообщеній, чѣмъ маленькія государства, какъ, напримѣръ, Данія или Голландія. Обладая неизмѣримыми пространствами суши, располагая даже огромнымъ протяженіемъ морскихъ береговъ, — протяженіемъ по меньшей мѣрѣ равнымъ половинѣ

---

[1]) *Alfred Rambaud*, Histoire de la Russie.

окружности земнаго шара, она не имѣетъ свободныхъ выходовъ къ океану. Петръ Великій, который хотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать Россію морской державой, хотя и основалъ свою столицу при Финскомъ заливѣ и построилъ Таганроръ на берегу Азовскаго моря, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ своемъ распоряженіи только замкнутые морскіе бассейны. Архангельскій портъ блокируется льдами въ продолженіе наибольшей части года, а суда, которыя пользуются имъ, принуждены совершать плаваніе вокругъ всей Скандинавіи, прежде чѣмъ войти въ посѣщаемыя моря. Петербургъ и другіе порты русской Балтики также бываютъ заперты зимой; кромѣ того, выходъ изъ этого внутренняго моря охраняется крѣпостями, принадлежащими иностраннымъ государствамъ. Хотя Азовское море и Понтъ-Эвксинскій остаются почти круглый годъ открытыми для навигаціи, но ихъ выходной проливъ также замкнутъ двойными воротами, ключи отъ которыхъ въ рукахъ Константинополя. Въ Азіи берега Ледовитаго океана до такой степени трудно доступны судамъ, что они еще не были осмотрѣны на всемъ ихъ протяженіи. Порты Камчатки и Николаевскъ на Амурѣ могутъ служить только въ лѣтнее время, да притомъ они окружены обширными пустынями. Только въ недавнее время Россія обезпечила за собой на Японскомъ морѣ обладаніе портомъ, который открываетъ ей свободный доступъ къ океанскимъ путямъ. Но и этотъ портъ, Владивостокъ, благодаря которому русскіе ступили, наконецъ, твердой ногой на океанъ, бываетъ загражденъ льдами въ серединѣ зимы, и пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ онъ будетъ соединенъ удобными путями сообщеніями съ многолюдными областями Россіи. Между двумя крайними портами, Кронштадтомъ и Владивостокомъ, разстояніе не менѣе семи тысячъ верстъ по прямой линіи.

Такимъ образомъ, какъ государство, обладающее лишь замкнутыми морскими бассейнами и морями, загражденными льдомъ, Россія все еще остается, такъ сказать, запертой. Конечно, для населенія ея въ этомъ не было бы большой бѣды, если бы торговыя сношенія всегда могли производиться безпрепятственно по морямъ, прилегающимъ къ иностраннымъ государствамъ; но во время войны народы часто страдаютъ за свои правительства, и если проливы заперты для военныхъ кораблей русскаго флота, то они могутъ быть также заперты и для купеческихъ судовъ. Вотъ почему, пока Европа будетъ раздѣлена на военныя государства, совершенно естественно, что Россія дѣлаетъ усилія завоевать себѣ свободныя сообщенія съ моремъ, и что ея арміи изъ вѣка въ вѣкъ возобновляютъ походъ Игоря, чтобы овладѣть „городомъ цезарей", или Царьградомъ, прекраснымъ Константинополемъ, стоящимъ у воротъ Чернаго моря.

Къ этой причинѣ непрекращающагося соперничества и будущихъ войнъ присоединяется еще другая, не менѣе серьозная. Если Россія давно уже перешла за свои этнографическія границы со стороны Востока,

то она полагаетъ, она еще не достигла этихъ границъ на Западѣ. За ея предѣлами съ западной стороны живутъ милліоны славянъ, и между ними есть даже такіе, именно русины, которыхъ имя тождественно съ именемъ русскихъ по своей этимологіи и которые принадлежатъ къ семьѣ малороссіянъ, давно уже живущихъ подъ владычествомъ всероссійскаго царя. Какъ бы ни были крѣпки узы дружбы между государями, какъ бы ни были торжественны трактаты о союзѣ, весьма естественно, что племенныя симпатіи зарождаются и развиваются съ каждой стороны оффиціальныхъ границъ, и политика можетъ воспользоваться для своихъ видовъ этими симпатіями, чтобы направлять по своему желанію общественное мнѣніе, чтобы возбуждать соперничество и войны. Сколько крови было уже пролито изъ-за „братьевъ-славянъ“ и сколько ея еще будетъ пролито въ грядущемъ! Мы говоримъ: будетъ пролито, потому что перемѣны въ политической географіи не дѣлаются еще по свободной волѣ народовъ, и, чтобы перемѣстить границы, государства всегда вмѣшиваются со своими арміями и флотами. Притомъ же большинство русскихъ „панславистовъ“ представляло себѣ до сихъ поръ соединеніе славянскихъ народовъ Европы не въ условіяхъ полной равноправности и свободы: большинство ихъ хотѣло, чтобы гегемонія или главенство принадлежало „Святой Руси“, представляемой русской народностью, ея церковью и ея политическими учрежденіями; но какимъ образомъ могъ бы состояться подобный союзъ безъ того, чтобы не поставить въ подчиненное положеніе слабыхъ, чтобы не приготовить потомкамъ какого нибудь великаго потрясенія и переворота?... . . . . Россія—въ одно и тоже время и государство новое, работающее на поприщѣ сельскаго хозяйства и индустріи для промышленнаго завоеванія половины континента, и имперія устарѣлая, стремящаяся оцѣпенѣть въ монгольскихъ и византійскихъ традиціяхъ. „Это—страна заодно и старая, и новая (говоритъ публицистъ Леруа-Болье), азіатская монархія и европейская колонія; это — Янусъ съ двумя головами, западною и восточною: западною—по юности лица, восточною—по старческому выраженію его“ [1]).

Впрочемъ, каковы бы ни были перемѣны, могущія современемъ произойти въ обширномъ русскомъ мірѣ, во всякомъ случаѣ славяне предназначены самымъ положеніемъ своимъ, съ географической точки зрѣнія, играть одну изъ главныхъ ролей въ исторіи ближайшаго будущаго. Германія въ значительной мѣрѣ обязана своимъ важнымъ значеніемъ тому географическому положенію, которое она занимаетъ въ центрѣ Европы; но развѣ Россія не занимаетъ, въ центрѣ Стараго Свѣта, подобнаго же положенія и притомъ стратегически болѣе вѣрнаго и прочнаго? развѣ она не служитъ естественнымъ посредникомъ между западной Европой и Ки-

[1]) *Anatole Leroy-Beaulieu*, Revue des Deux Mondes, 1873.

тайской имперіей, между этими двумя группами народовъ, которыя похожи другъ на друга своимъ постепеннымъ историческимъ развитіемъ и которыя представляютъ въ то же время столь многочисленные контрасты? Наконецъ, Россія, держава континентальная по преимуществу, не встрѣчаетъ ли вездѣ на своемъ пути, отъ Константинополя до Тянь-Тзина, великой морской державы? Своими флотами, своими военными станціями и постами, своими факторіями и колоніями, Англія опоясываетъ весь Старый Свѣтъ, отъ Ирландіи до Сингапура, черезъ африканскій континентъ, и если она не составляетъ, какъ Россія, географическаго цѣлаго и не имѣетъ въ своей громадной имперіи крѣпкаго, сплоченнаго ядра населенія, въ которому естественно тяготѣютъ остальные жители, то, взамѣнъ того, у нея есть достаточно богатствъ и промышленности, она обладаетъ достаточной предпріимчивостью, энергіей и настойчивостью и господствуетъ достаточно твердо надъ подвластными народами, чтобы ее можно было считать по крайней мѣрѣ равною Россіи во всякой борьбѣ изъ-за вліяній или въ открытой войнѣ. Между этими двумя имперіями, которыя все болѣе и болѣе приближаются одна къ другой и которыхъ „научныя" границы, безъ сомнѣнія, скоро сойдутся,—столкновеніе, повидимому, неизбѣжно. Судьбы міра могутъ въ близкомъ будущемъ рѣшиться у подножія горъ Центральной Азіи,—въ тѣхъ самыхъ странахъ, откуда многочисленныя преданія выводятъ родъ человѣческій и гдѣ арійцы ищутъ первоначальную родину своихъ предковъ.

II.

ФИНЛЯНДІЯ.

Великое княжество Финляндское, хотя и составляетъ часть обширныхъ территоріальныхъ владѣній Россійской Имперіи, но имѣетъ особенное устройство и управленіе и потому образуетъ какъ-бы отдѣльное государство. Эта область также представляетъ, по крайней мѣрѣ въ южной своей половинѣ, страну, опредѣленно очерченную естественными границами и отличающуюся нѣкоторыми особенными физическими чертами. Заливы Ботническій и Финскій и Ладожское озеро окружаютъ ее съ западной, южной и юго-восточной стороны, тогда какъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ финляндская территорія, именно губернія Улеаборгская, продолжающаяся далеко къ Ледовитому океану, отдѣлена отъ Швеціи, Норвегіи и собственно Россіи только теченіемъ рѣкъ, или чисто-условными пограничными линіями. По своему населенію Финляндія,—единственная, вмѣстѣ съ Венгріей, страна въ Европѣ, сохранившая донынѣ имя народа, непринадлежащаго къ арійской семьѣ,—тоже рѣзко отличается отъ всѣхъ сопредѣльныхъ или сосѣднихъ земель. Часть морскаго прибрежья населяютъ шведы, потомки древ-

нихъ колонистовъ и завоевателей, но вся остальная территорія занята финнами, между которыми находятся, можетъ быть, самые чистокровные представители расы, которая нѣкогда господствовала на значительномъ протяженіи Стараго Свѣта. Оттѣсненное въ эту страну дикихъ гранитныхъ утесовъ, озеръ и болотъ, ограниченную съ южной стороны Финскимъ заливомъ, древнее племя имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи лишь весьма незначительную часть первоначальной области своего распространенія и давно уже утратило свою независимость. Сначала край подпалъ подъ владычество скандинавовъ, потомъ перешелъ подъ власть Россіи; уже Петръ Великій завоевалъ у шведовъ нынѣшнюю Выборгскую губернію, къ которой впослѣдствіи прибавились другіе куски страны, а въ 1809 году, по Фридрихсгамскому миру, вся остальная часть Финляндіи до рѣки Торнео была присоединена къ имперіи, хотя подъ титуломъ великаго княжества, съ особенными законами и учрежденіями и со включеніемъ въ ея составъ предшествовавшихъ завоеваній Россіи. Финляндцы не утратили сознанія своей національной индивидуальности: они заботливо хранятъ свои преданія и свой языкъ, приготовляясь съ довѣріемъ къ будущему, въ которомъ имъ, можетъ быть, суждено играть болѣе видную роль, чѣмъ нынѣ. Но, живя на своей скупой, безплодной почвѣ, въ суровомъ сѣверномъ климатѣ, финляндцы не могутъ имѣть надежды сдѣлаться когда либо народомъ сильнымъ численностью, промышленностью, богатствомъ: пространство, которое они занимаютъ, пропорціонально въ двѣнадцать разъ менѣе населено, чѣмъ Франція, и въ три раза менѣе, чѣмъ Европейская Россія въ собственномъ смыслѣ.

Поверхность Финляндіи [1].	Населеніе вѣроятн. въ концѣ 1879 г. [2]	На 1 кв. килом.
373,536 кв. кил.	2.020,000 жит.	5,4

Финляндія, или *Suomen-maa*, то-есть „Земля Озеръ“, по своей природѣ и виду мѣстности, представляетъ переходную страну между Скандинавскимъ полуостровомъ и Россіей. Мы находимъ въ ней, какъ и въ Швеціи, гранитныя скалы, каменистые бассейны, наполненные прозрачной водой, безчисленныя морены, оставленныя древними ледниками на поляхъ; но она не имѣетъ гористой области, которая походила бы на плоскогорье Кьеленъ, и на ея территоріи уже начинаются большія равнины, которыя тянутся чрезъ всю Россію, съ одной стороны до подошвы Уральскаго хребта, съ другой—до основанія Кавказскихъ горъ. Въ землѣ финляндскихъ лопарей уединенныя, покрытыя снѣгомъ горныя цѣпи возвышаются среди лѣсовъ, озеръ и болотъ; но ни въ одной части южной

---

[1]) Или 328,233 кв. вер.=6,784 кв. миль, со включеніемъ поверхности острововъ на Балтійскомъ морѣ, на долю которыхъ приходится 4,491 кв. верста (5,111 кв. кил.). *Ред.*

[2]) Дѣйствительное населеніе къ 1 января 1880 г. 2.028,021 душъ; слѣдов. на 1 кв. версту 6,2 чел. *Ред.*

Финляндіи мы не встрѣчаемъ вершинъ, которыя можно бы было назвать настоящими горами: самые высокіе холмы суть простые горбы или бугры, очевидно притупленные пребываніемъ и проходомъ древнихъ ледниковъ. Водораздѣльныя возвышенности, которыя раздѣляютъ скаты, понижающіеся къ Ботническому заливу, къ Финскому заливу, къ Ладожскому озеру, къ Бѣлому морю, поднимаются, среднимъ числомъ, не болѣе какъ футовъ на 500 и до 650. На югѣ финляндской Лапландіи, самая высокая вершина— гора Тейрихарью, лежащая въ бассейнѣ рѣки Улеа, къ сѣверо-востоку отъ большаго озера того же имени. Къ цѣпи, часть которой составляетъ этотъ холмъ, примыкаютъ неправильные отроги, носящіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собирательныя наименованія; таковы: Мансельке или „Хребетъ страны", который отдѣляетъ бассейнъ Ботническаго залива отъ бассейна Бѣлаго моря, и Суоменъ-Сельке, или „Хребетъ Финляндіи", который тянется на юго-западъ отъ озера Улеа, параллельно берегамъ Балтійскаго моря, но въ разстояніи, среднимъ числомъ, около ста верстъ внутри страны. Юго-западный уголъ Финляндіи, который продолжается въ морѣ архипелагомъ Аландскихъ острововъ, представляетъ область неровную, почти гористую. Въ цѣломъ всѣ эти гранитныя горныя цѣпи могутъ быть разсматриваемы какъ плоская возвышенность, вершина или хребетъ которой, болѣе приближающійся къ Ботническому заливу, чѣмъ къ внутренней Финляндіи и къ Ладожскому озеру, оканчивается довольно круто на берегахъ Финскаго залива.

Главныя высоты Финляндіи:

Лапландія.	Метр.	Фут.	Южная Финляндія (по Гильдену).	Метр.	Фут.
Пельдоиви . .	715 (?) .	2,350	Тейрихарью . .	333 .	1,090
Іеристумтури .	700 (?) .	2,300	Саукко-вара . .	326 .	1,070
Пельдоваддо .	640 (?) .	2,100	Кивесъ-вара. .	305 .	1,000

Холмы южной Финляндіи въ прежнее время были, вѣроятно, гораздо выше, чѣмъ какими мы ихъ видимъ въ наши дни, потому что на скатахъ и на высшихъ вершинахъ Валдайской сплошной возвышенности, въ серединѣ Россіи, находили куски кварца и другихъ горныхъ породъ финляндскаго происхожденія на высотѣ болѣе значительной, чѣмъ та, которой достигаютъ нынѣ самыя высокія крутизны горъ, бывшихъ мѣсторожденіемъ этихъ камней. Послѣ отступленія ледниковъ, нѣкогда покрывавшихъ всю страну и которые, разливаясь къ полуденнымъ областямъ, переносили туда груды камней и обломковъ, почва должна была постепенно опуститься и дать доступъ морю, которое мало-по-малу проникало въ восточномъ направленіи, гдѣ и образовало, наконецъ, Финскій заливъ [1]). Однако, ничто не доказываетъ, чтобы осѣданіе финляндской территоріи

[1]) Акад. *Гельмерсенъ*, Wanderblöcke Russlands.

дошло до образованія пролива между морями Бѣлымъ и Балтійскимъ. Если свидѣтельства геологіи установляютъ несомнѣннымъ образомъ существованіе въ древности рукава моря, соединявшаго Каттегатъ съ Меларскимъ озеромъ, то наука остается еще въ сомнѣніи относительно пролива, который, можетъ быть, отдѣлялъ нѣкогда Финляндію отъ страны, извѣстной нынѣ подъ именемъ Россіи. Нѣкоторыя озера, между прочимъ и Ладожское, заключаютъ въ своихъ водахъ виды рыбъ и ракообразныхъ морскаго происхожденія, изъ чего нужно заключить, что эти бассейны были прежде заливами Балтійскаго моря; но на окружающихъ ихъ земляхъ нигдѣ не встрѣчается, какъ на земляхъ шведскаго прибрежья, слоевъ соленоводныхъ раковинъ; нужно дойти до нижней долины Сѣверной Двины, чтобы встрѣтить выступившіе изъ-подъ воды пласты ископаемыхъ животныхъ. Между финляндскими берегами и покатостью Бѣлаго моря водораздѣльныя высоты, усѣянныя озерами, нигдѣ не представляютъ слѣдовъ прежняго пребыванія моря [1]).

За періодомъ осѣданія почвы слѣдовалъ періодъ обратнаго движенія, который продолжается до нашихъ дней. На морскомъ берегу и во внутренности материка повсюду видны признаки постепеннаго поднятія почвы: въ однихъ мѣстахъ груды камней, разрытыя рѣчными потоками которые должны были углублять свои русла, по мѣрѣ того, какъ море отступало; въ другихъ—прежніе берега, оставленные далеко внутри материка, гавани, затерянныя теперь среди полей, острова, соединившіеся съ твердой землей, подводныя скалы, сдѣлавшіяся, въ свою очередь, островками и островами и окруженныя другими скалами или шхерами; дно моря постепенно повысилось. Явленіе поднятія суши не было наблюдаемо на берегахъ Финляндіи столь же продолжительно и систематически, какъ на противоположныхъ берегахъ Балтики, а потому еще нельзя опредѣлить съ точностью его нормальной вѣковой величины: кажется, что оно происходитъ гораздо медленнѣе, чѣмъ на шведскомъ прибрежьи. По словамъ Штукенберга, замѣтка, вырѣзанная на камнѣ на мысѣ Ганге, повысилась только на 22 сантиметра въ 86 лѣтъ [2]); но въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ поднятіе острова Сууръ-Титтерсъ, лежащаго къ югу отъ острова Гохландъ, безъ сомнѣнія превышаетъ 30 сантиметровъ [3]).

Ни въ какой части Европы эрратическіе камни не встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ и такихъ крупныхъ размѣровъ, какъ въ Финляндіи. Многіе изъ нихъ дотого громадны, что крестьяне могутъ пріютиться со своими жилищами у основанія этихъ гранитныхъ массъ, нѣкогда двигавшихся. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно при выходѣ

[1]) *Fr. Schmidt*, Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, t. VIII, 1866.
[2]) Hydrographie des Russischen Reiches.
[3]) *Крапоткинъ*, „Записки Импер. Русск. Географ. Общества", т. VII, 1-й выпускъ.

*

изъ долинъ, валуны образуютъ цѣлыя „каменныя моря". Даже подъ слоемъ растительной земли находятъ въ огромномъ множествѣ обломки скалъ, составляющіе для мѣстныхъ жителей неисчерпаемыя каменоломни. Впрочемъ, перемѣщеніе эрратическихъ камней совершается съ одного берега Финскаго залива на другой, такъ какъ берега острововъ этого залива усѣяны валунами, а на упомянутомъ островѣ Сууръ-Титтерсъ даже нашли камни, избороҗденные полосами [1]). Двѣ оконечности острова Гохланда, на сѣверѣ и на югѣ, покрыты такими массами кусковъ финляндскаго гранита, что суда часто приходятъ туда за грузами камня, а Петербургъ, также какъ и другіе приморскіе города, получали оттуда матеріалы для мощенія улицъ. На островкѣ Лавенсари, лежащемъ къ востоку отъ Гохланда, покойный академикъ Беръ видѣлъ глыбу гранита, вѣсъ которой онъ исчисляетъ приблизительно въ 6,000 пудовъ и которая, по его мнѣнію, была принесена льдами въ концѣ прошлаго столѣтія; однако, мало вѣроятно, чтобы эта каменная масса проникла туда въ недавнее время съ полуденнаго берега Финляндіи: скорѣе нужно предположить, что она была сдвинута со дна морскаго и перенесена на берегъ огромнымъ давленіемъ льдовъ, гонимыхъ сильными сѣверо-западными вѣтрами. Г. Крапоткинъ видѣлъ на западномъ берегу о. Сууръ-Титтерсъ глыбу гранита еще болѣе значительныхъ размѣровъ, которую также прикатили льды и бурныя волны [2]). Камни посредственной величины каждый годъ выбрасываются морскими волнами на острова залива и на берега Эстляндіи; что же касается мелкихъ камней, то они прибываютъ въ такихъ огромныхъ количествахъ, что профиль бухточекъ и полуострововъ, куда они приносятся льдинами, иногда замѣтно измѣняется въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Сѣверо-западная часть островка Лавенсари, берега котораго были нанесены на карту Спафарьевымъ въ 1813 году, въ такой степени увеличилась въ продолженіе одной четверти столѣтія новыми полуостровами и рифами, что теперь едва можно узнать первоначальную форму побережья: съ каждымъ годомъ появляются новыя груды камней надъ поверхностью морскихъ водъ [3]). Впрочемъ, не надо забывать, что это постоянное приращеніе твердой земли на островахъ Балтики происходитъ отчасти также отъ общаго поднятія материка.

Слѣды прохожденія древнихъ ледниковъ еще очень явственно напечатлѣны въ почвѣ, и даже общій рельефъ страны обнаруживаетъ многими несомнѣнными признаками работу, сдѣланную этими могучими ледяными рѣками. Можно сказать, что на земномъ шарѣ мало найдется

---

[1]) *Крапоткинъ*, цитированная статья.

[2]) Акад. *Гельмерсенъ*, Wanderblöcke Russlands; *Крапоткинъ*, Die Eiswälle in der Revalschen Bucht. „Записки Импер. Русскаго Географ. Общества", вышецитированный выпускъ.

[3]) Акад. *Беръ*. Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, t. VI, 1863.

геологическихъ чертъ яснѣе обозначенныхъ, чѣмъ параллелизмъ рѣчныхъ долинъ, которыя съ той и съ другой стороны, на шведскомъ и на финляндскомъ берегу, выходятъ на Ботническій заливъ. Всѣ скандинавскія рѣки, спускающіяся къ этому заливу, текутъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; всѣ финляндскія рѣки, впадающія въ тотъ же бассейнъ, текутъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу: онѣ движутся въ противоположномъ направленіи, но по линіямъ, составляющимъ точное продолженіе одна другой и расположеннымъ параллельно оси всѣхъ удлиненныхъ озеръ, занимающихъ гранитныя долины Финляндіи. Можно подумать, что громадная борона была проведена по всему географическому бассейну отъ Скандинавскихъ Альпъ до Ладожскаго озера. Во многихъ частяхъ страны общее расположеніе линій рельефа отличается почти геометрической правильностью: холмы, озера, болота, цѣпи эрратическихъ камней тянутся параллельно, по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и всѣ человѣческія сооруженія, плотины, рвы, пути сообщенія, улицы селеній и городовъ, естественно должны были быть производимы въ томъ же направленіи. Вдоль морскихъ береговъ, тамъ, гдѣ общее поднятіе страны выдвинуло на поверхность подводныя мели,—мысы, полуострова и островки расположены во многихъ мѣстахъ съ такой же правильностью, какъ возвышенности и озера во внутренней Финляндіи, и также носятъ на себѣ слѣды однообразнаго дѣйствія древнихъ ледниковъ. Въ видѣ примѣра этого образованія морскихъ береговъ, можно указать на побережье Ботническаго залива, особенно между устьемъ рѣки Кумо и Нюстадскимъ рейдомъ, и на берега Финскаго залива, отъ порта Борго до острова Бьерке. Въ этомъ отношеніи форма Выборгскаго залива или фьорда, съ его полуостровами и вставленными между ними, точно въ футляръ, островами, одна изъ самыхъ поучительныхъ. Полосы, проведенныя движущимися ледяными массами, были наблюдаемы на самыхъ высокихъ вершинахъ Финляндіи, на склонахъ горъ и даже на скалахъ морскаго ложа. Въ окрестностяхъ Гельсингфорса утесы, извлеченные съ глубины 115 футовъ ниже поверхности моря, были явственно изборождены глетчерными полосами [1]).

Подобно тому какъ въ Скандинавіи, въ Финляндіи встрѣчаются длинные кряжи—азары, называемые также финляндцами *harju*, и составляютъ въ низменныхъ мѣстностяхъ главныя черты пейзажа. Какъ и въ Швеціи, нѣкоторые изъ этихъ азаровъ пересѣкаютъ озера въ формѣ валовъ, мѣстами проломанныхъ; дороги, продолжаемыя гдѣ нужно мостами и паромами, идутъ по всей ихъ длинѣ. Въ видѣ примѣра, можно указать на замѣчательный Пунга-харью, естественный валъ высотою около 100 фу-

---

[1]) *Норденшильдъ*, Beitrag zur Kenntniss der Schrammen in Finland, Acten der Finnl. Societät der Wissenschaften.

товъ, соединяющій два противоположные берега одного изъ сѣверныхъ бассейновъ озера Сайма, къ югу отъ Нюшлота. Островъ, состоящій изъ глыбъ гнейса, послужилъ опорной точкой для обѣихъ половинъ плотины, имѣющей около 7 верстъ въ длину. Въ Финляндіи азары по большей части расположены перпендикулярно къ направленію движенія древнихъ ледниковъ, а потому вообще должны быть разсматриваемы, какъ фронтальныя или конечныя морены, мало измѣненныя потоками и волненіемъ озерныхъ водъ; но Пунга-харью, типъ многихъ второстепенныхъ азаровъ, представляетъ, безъ сомнѣнія, продольную морену, которая нѣкогда была покрыта озерными водами, доказательствомъ чего служатъ сохранившіеся донынѣ на его поверхности песокъ и другія осадочныя образованія[1]).

Азары южной части Финляндіи, настоящія плотины, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ мѣткимъ названіемъ *Salpau-Selkä* (ограда, или барьеръ), образуютъ длинные валы, параллельные берегу залива и пробитые тамъ и сямъ напоромъ водъ: такъ, озеро Сайма ограничено съ южной стороны азаромъ, который прерывается только теченіемъ рѣки Вуоксы; но около середины его бассейна видны справа и слѣва остатки разорваннаго вала. Когда какое-либо верхнее озеро вытекаетъ въ нижележащее чрезъ проломъ азара, то берега указываютъ на обломкахъ пробитаго вала уровень бассейна наполовину опорожненнаго, а въ нижнемъ резервуарѣ слои, состоящіе изъ увлекаемаго водой песку, покрываютъ тонкій илъ ложа[2]); кромѣ того, аллювіальная дельта, болѣе или менѣе значительная, образуется въ томъ мѣстѣ, куда изливался истокъ верхняго озера. Иногда человѣкъ помогаетъ работѣ природы, чтобы пріобрѣсти себѣ такимъ образомъ новыя плодородныя земли. Очень искусные въ направленіи потоковъ сообразно предположенной цѣли, финляндцы каждый годъ увеличиваютъ свою область, такъ что отъ одного десятилѣтія до другаго карты представляютъ различный видъ.

Однако, можетъ случиться, что вычисленія инженеровъ относительно силы сопротивленія ихъ плотинъ оказываются ошибочными, и иногда истеченіе воды, вмѣсто того, чтобы совершиться съ желаемой правильностью, происходитъ со страшной стремительностью. Такъ именно случилось съ озеромъ Гейтіайненъ, на сѣверѣ отъ мѣстечка Іоенсу, въ восточной Финляндіи. Въ намѣреніи понизить мало по малу воды этого резервуара, уровень котораго находился на 70 футовъ выше поверхности озера Пюхасельке, начали, въ 1854 году, копать ровъ шириною около 10 футовъ, который воды дождей и тающаго снѣга постепенно превратили въ извилистый

---

[1]) *Крапоткинъ*, „Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества", 1871 г., № 6; „Записки Имп. Русск. Географ. Общества", томъ VII, 1875 г.

[2]) *Норденшильдъ*, выше цитированное сочиненіе.

ручей. Вдругъ, 3 августа 1859 года, плотины, долженствовавшія регулировать истеченіе излишка водъ озера Гейтіайненъ, уступили напору жидкой массы, и начался страшный разрывъ. Изъ Іоенсу, на 7 верстномъ разстояніи слышенъ былъ шумъ, похожій на раскаты грома; камни съ грохотомъ ударялись другъ о друга; сломленныя деревья уносились стремительнымъ теченіемъ; цѣлые дома плавали на поверхности водъ; острова и песчаныя мели появлялись тамъ, гдѣ ихъ прежде не было, затѣмъ опять исчезали. Потопъ продолжался три дня, и все это время поверхность озера Сайма, въ которое низвергались воды, была въ такомъ сильномъ волненіи, что суда съ трудомъ могли бороться противъ ярости бушевавшей стихіи. Массу воды, которая вытекла черезъ новое русло, исчисляли приблизительно въ 2,800 милліоновъ кубич. метровъ (288,000 милл. куб. саж.), что составитъ немногимъ болѣе 11,000 кубич. метровъ (1,134 куб. саж.) въ секунду: это — почти стокъ большой рѣки въ родѣ Дуная, къ которому нужно бы еще прибавить количество воды, протекающей въ Ронѣ. Сверхъ того, объемъ земли, унесенной разливомъ, представлялъ по меньшей мѣрѣ 35 милліоновъ кубич. метровъ (3,6 милл. куб. саж.), такъ какъ долина, вырытая жидкой массой въ этотъ короткій промежутокъ времени, имѣетъ не менѣе 7 верстъ длину, при ширинѣ отъ 1,000 до 1,500 футовъ и глубинѣ отъ 33 до 80 футовъ [1]). Всѣ эти обломки и землистыя частицы, отложенные въ озерѣ Пюхасельке, образовали въ немъ широкую дельту и уменьшили протяженіе его на нѣсколько квадратн. верстъ, между тѣмъ какъ верхнее озеро значительно убавилось въ размѣрахъ, особенно около сѣверной его оконечности, наименѣе глубокой; тамъ песчаныя мели и груды каменныхъ глыбъ вдругъ появились на поверхности въ видѣ острововъ, тогда какъ другіе острова соединились съ твердой землей. Замѣчательно, что, не смотря на страшную силу внезапнаго потока, большіе эрратическіе камни, имѣющіе около полутора аршина ширины, не были сдвинуты съ мѣста; до сихъ поръ видны ряды ихъ, расположенные поперегъ направленія потока. Правда, даже въ началѣ разлива, когда вода въ озерѣ Гейтіайненъ стояла еще на 69 фут. выше уровня нижняго резервуара, паденіе выходнаго потока не превышало 3 миллиметровъ на 1 метръ ($^3/_{1000}$).

Впрочемъ, явленіе озерныхъ наводненій,—хотя они рѣдко принимаютъ такіе грозные размѣры, какъ сейчасъ описанный разливъ озера Гейтіайненъ,—должно часто возобновляться во всѣхъ частяхъ Финляндіи. Даже въ силу законовъ тяжести, всѣ возвышенные озерные бассейны страны должны стремиться вылиться въ нижележащіе резервуары; и дѣйствительно, мы вездѣ видимъ слѣды уменьшенія озеръ по протяженію, по мѣрѣ того, какъ будемъ послѣдовательно подниматься отъ низмен-

---

[1]) *Крапоткинъ*, „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества", томъ VII, 1875 г.

ныхъ мѣстностей Финляндіи, то-есть отъ береговъ Ладожскаго озера, къ прибрежнымъ высотамъ Ботническаго залива и къ хребту Суоменъ-Сельке. Повсюду прежнія линіи уровня, проходящія очень высоко надъ поверхностью нынѣшнихъ озеръ или прудовъ, свидѣтельствуютъ о пониженіи озерныхъ бассейновъ, которые постепенно опоражнивались, какъ вода верхняго резервуара, льющаяся со ступеньки на ступеньку на такъ называемой „Нептуновой лѣстницѣ". На сѣверномъ скатѣ водораздѣльнаго хребта Финляндіи можно наблюдать подобное же явленіе: такъ, напримѣръ, на высотѣ 185 футовъ надъ нынѣшней поверхностью озера Улеа-трескъ видны слѣды уровня древняго озера [1]). Вообще разность уровня между прежними озерными бассейнами и нынѣшними возрастаетъ правильно отъ юга къ сѣверу Финляндіи.

Изъ всѣхъ странъ Европы Финляндія наименѣе освободилась отъ поверхностныхъ водъ озернаго періода, слѣдовавшаго за ледяной эпохой [2]): эта страна усѣяна бо̀льшимъ числомъ озеръ, прудовъ и болотъ, чѣмъ даже Швеція; въ полуденной ея части, ограничиваемой рѣкою Улеа, около половины территоріи (по Веселовскому, 47%) покрыто озерами [3]). Съ той поры, какъ ледники удалились, оставивъ рѣкамъ и дождевымъ водамъ всѣ углубленія почвы,—наносы, образуемые обломками скалъ (аллювій), могли наполнить лишь незначительныя озерныя пространства; точно также и болотныя растенія успѣли захватить вполнѣ только небольшіе бассейны стоячей воды. Благодаря твердости ея каменныхъ породъ, состоящихъ изъ гранита, гнейса, порфира, и незначительной высотѣ ея горъ, на которыхъ дождевые потоки очень медленно образуютъ рытвины, Финляндія могла до настоящей минуты сохранить видъ суши, находящейся еще въ періодѣ образованія: она кажется еще неприспособленной для пребыванія человѣка. Во всей этой области полуденной Финляндіи озера образуютъ такой перепутанный лабиринтъ, что невозможно различить безъ сосредоточеннаго вниманія границы водораздѣла между покатостями Ботническаго залива, Финляндскаго моря, и Ладожскаго озера; притомъ же во многихъ мѣстахъ эти границы чисто условны, и простыя болота, имѣющія стокъ къ тому и другому морю, обозначаютъ поясъ раздѣленія водъ. Что касается рѣкъ, то большинство ихъ суть ни что иное, какъ сцѣпленіе озеръ: по справедливому замѣчанію Пешеля, нигдѣ нельзя лучше изучить „эмбріогенію рѣкъ" [4]).

Озеро, которое, вѣроятно, занимаетъ по величинѣ первое мѣсто между безчисленными бассейнами финляндской территоріи, находится внѣ области

---

[1]) *Крапоткинъ*, „Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества", 1871 г., № 7.
[2]) *Крапоткинъ*, тамъ же.
[3]) А во всей Финляндіи изъ общей площади на озера приходится свыше 13%. *Ред.*
[4]) *Oscar Peschel*, Vergleichende Probleme der Erdkunde.

озерной по преимуществу: это—Энаре или Инара, лежащее внутри Лапландіи и имѣющее стокъ черезъ рѣку Пасвикъ въ Варангерскій заливъ (Варангеръ-фьордъ); но это озеро такъ мало извѣстно, что опредѣленія его поверхности, сдѣланныя различными изслѣдователями, разнятся на цѣлую тысячу квадр. верстъ. Сайма или Саймаа, самое обширное внутреннее море Финляндіи въ собственномъ смыслѣ, залегаетъ на пространствѣ меньшемъ площади озера Энаре, но оно значительно превосходитъ послѣднее, если смѣрить въ то же время всѣ озерные резервуары, каковы, напримѣръ, Пилайя и Эновеси, которые сообщаются съ озеромъ Сайма посредствомъ широкихъ проливовъ. Эти соединенныя озера, которыхъ излишекъ водъ изливается въ Ладожское озеро, занимаютъ почти всю восточную Финляндію, и простые разрѣзы, сдѣланные поперегъ каменистыхъ перешейковъ, соединили бы ихъ съ другимъ лабиринтомъ озеръ, изъ которыхъ главное, Пейенне или „Священное озеро", имѣетъ на югѣ стокъ въ Финскій заливъ. Подобнымъ образомъ, то-есть посредствомъ отверстій, изсѣченныхъ въ скалѣ, установили съ 1856 года непосредственное сообщеніе между озернымъ бассейномъ Сайма и водами Финскаго залива (Сайменскій каналъ), вслѣдствіе чего небольшія суда получили возможность грузить мѣстныя произведенія внутри Финляндіи.

Хотя естественные стоки озеръ еще очень мало измѣнили первоначальную форму своего русла,—развѣ только углубили его [1]),— они, однако, не встрѣчаютъ на пути ни многочисленныхъ пороговъ, ни крутыхъ скатовъ или обрывовъ, гдѣ могли бы образоваться паденія воды: незначительная высота внутреннихъ возвышенностей Финляндіи представляетъ потокамъ покатость мало наклонную. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые финляндскіе водопады, или *koski*, могутъ сравниться съ каскадами Скандинавіи, если не по объему жидкой массы и вертикальной высоты низвергающейся водной площади, то по крайней мѣрѣ по суровости окружающихъ пейзажей. Одинъ водопадъ на рѣкѣ Улеа имѣетъ около 40 футовъ вышины. Самые значительные водопаты Финляндіи — тѣ, которые прерываютъ теченіе Вуоксы, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже того мѣста, гдѣ эта рѣка выходитъ изъ озера Сайма. Заключенный въ ущельѣ шириною около 130 футовъ, потокъ спускается высокими пѣнящимися волнами по покатости, представляющей уклонъ около 70 футовъ на 1072 фута длины, затѣмъ ниже стремнинъ кружится длинными водоворотами въ обширномъ бассейнѣ: это ревущее ущелье и есть знаменитый водопадъ Иматра. На высотѣ около 40 футовъ надъ нынѣшнимъ водопадомъ скалы носятъ на себѣ явственные слѣды, оставленные прежними быстринами.

---

[1]) *Крапоткинъ*, „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества", VII, 1875 г.

Главныя озера Финляндіи:

	Высота.		Площадь.	
	Метр.	Фут.	Кв. клм.	Кв. верстъ.
Энаре [1])	150	492	2,530 (?)	—
Сайма	78	255	1,760	1,546
„ съ озерами Каллавеси, Эновеси, Пилавеси	78	255	7,762	6,820
Пейенне	75	246	1,576	1,385
Пюхаселька-Ориваси	80	260	1,137	999
Піелисъ-ярви	90	295	1,095	962
Улеа-трескъ	116	380	984	864

Морскіе берега Финляндіи не менѣе шведскихъ изобилуютъ бухтами, бухточками и всякаго рода изсѣченіями, а архипелаги острововъ и островковъ тамъ гораздо многочисленнѣе. На широтѣ города Вазы архипелагъ Кваркенъ съ его тысячами подводныхъ скалъ съуживаютъ Ботническій заливъ и даже должны совершенно замкнуть его черезъ двѣ или три тысячи лѣтъ, если поднятіе материка будетъ продолжаться въ той же вѣковой пропорціи, какъ въ современномъ періодѣ. На углу заливовъ Ботническаго и Финскаго расположена многочисленная группа Аландскихъ острововъ, продолжающихся далеко по направленію къ берегамъ Швеціи и зимой почти всегда соединенныхъ непрерывной ледяной площадью; иногда даже каналъ, отдѣляющій этотъ архипелагъ отъ шведскихъ береговъ, замерзаетъ совершенно, какъ это было, напримѣръ, въ 1809 году (во время войны Россіи съ Швеціей), когда отрядъ казаковъ проскакалъ въ галопъ по льду, чтобы неожиданно напасть на шведскій городъ Грисcельгамнъ; точно также въ суровыя зимы волки переходятъ по льду черезъ проливы финляндскихъ водъ и опустошаютъ обитаемые острова, которыхъ насчитывается около восьмидесяти.

Полуденные берега Финляндіи также отдѣлены отъ глубокихъ водъ моря безчисленными островками, рифами и подводными камнями (шкеры, или шхеры), между которыми съ большимъ трудомъ лавируютъ суда; но, кромѣ того, нѣсколько утесовъ и даже два острова, Гохландъ или Сууръсари (Большой островъ) и Лавенъ-сари, возвышаются среди залива. Гохландъ лежитъ почти какъ разъ въ той части Финскаго залива, гдѣ вода начинаетъ принимать солоноватый вкусъ. Островитяне пьютъ еще воду, омывающую берега, но и то только на восточномъ побережьи острова, такъ какъ на западѣ соленость ея доходитъ уже до 4,7°/₀, по Форхгаммеру. Однако, иностранцы не могутъ привыкнуть ко вкусу, уже очень горькому, жидкости, которую пьютъ туземцы, и пріѣзжіе, посѣщающіе

[1]) По Стрѣльбицкому, поверхность Энаре значительно меньше: 1,249 кв. верстъ = $1{,}421^1/_2$ кв. кил. *Ред.*

Гохландъ, обыкновенно привозятъ съ собой рѣчную воду [1]). Этотъ гористый островъ, состоящій исключительно изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, гранита, діорита, кварца, порфира, разсматривается нѣкоторыми геологами, какъ новая земля, появившаяся въ относительно недавнюю эпоху. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ точно такую же фауну лягушкообразныхъ гадовъ, какъ и сосѣдняя Финляндія, съ которою онъ, впрочемъ, бываетъ почти каждую зиму временно соединенъ ледянымъ мостомъ. Взбираясь на самую высокую вершину Гохланда, Гауккавуори или „Соколиную гору“, Кеппенъ явственно слышалъ, какъ скалы вибрировали, вслѣдствіе расширенія воздуха въ трещинахъ, и издавали музыкальные звуки, похожіе на звуки органа: новый примѣръ того пѣнія камней, которое въ древности такъ восхищало поклонниковъ египетскаго Мемнона.

Сѣверная часть Финляндіи лежитъ за предѣлами полярнаго круга, да и полуденныя ея области уже такъ близки къ арктическому поясу, что дни зимой составляютъ лишь слабый просвѣтъ, продолжающійся всего нѣсколько часовъ, тогда какъ въ серединѣ лѣта они сливаются посредствомъ красноватыхъ отблесковъ солнца, проходящаго въ разстояніи нѣскольких градусовъ подъ горизонтомъ. Въ лѣтнюю пору ночь здѣсь, по выраженію Тургенева, походитъ на больной день. Одна финская легенда разсказываетъ, что вечерняя и утренняя заря — это женихъ и невѣста, осужденные на долговременную разлуку; но они постоянно стремятся сойтись: съ наступленіемъ радостнаго времени года — лѣта удается, наконецъ, опять встрѣтиться среди неба, и тогда ихъ соединенные свѣтильники освѣщаютъ на далекое пространство равнины, горы и море.

Подъ этими высокими широтами климатъ суровый: изотермы, которыя теченія, атмосферныя и морскія, отклоняютъ къ сѣверу на Скандинавскомъ полуостровѣ, изгибаются на финляндской территоріи къ югу, а сосѣдство обширныхъ восточныхъ равнинъ позволяетъ холоднымъ вѣтрамъ, восточнымъ и сѣверо-восточнымъ, быстро понижать температуру страны. Климатъ отличается крайностями тепла и холода: очень суровый зимою, жаркій лѣтомъ подъ вліяніемъ теплыхъ вѣтровъ южныхъ и юго-западныхъ. Говорятъ, что воздѣлываніе почвы и особенно истребленіе лѣсовъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ смягчили среднюю температуру, но въ то же время сдѣлали атмосферныя перемѣны болѣе внезапными и болѣе частыми. Растительность въ Финляндіи однообразнѣе и бѣднѣе, нежели на Скандинавскомъ полуостровѣ, по причинѣ меньшаго протяженія страны и большей суровости зимъ: вмѣсто 2330 различныхъ видовъ растеній, которыми обладаетъ Швеція, Финляндія имѣетъ ихъ только 1800, причемъ и область распространенія большинства этихъ видовъ гораздо

[1]) Акад. *Беръ*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, tome IV, 1862.

меньше. Дубы, которые очень хорошо растутъ на норвежскомъ поморьи до Христіанзунда и Мольде и которые могутъ еще жить даже въ окрестностяхъ города Трондгьема, не переходятъ въ Финляндіи за черту полуденныхъ береговъ, между 60 и 61 градусами широты, и даже на восточной сторонѣ залива они не растутъ сами собой въ окрестностяхъ Петербурга. Вишневое дерево уже не приноситъ плодовъ сѣвернѣе города Вазы; также и яблоня только цвѣтетъ, не давая плодовъ, за 64 градусомъ широты, въ Улеаборской губерніи. По направленію къ сѣверу растительность постепенно уменьшается, и на сѣверныхъ берегахъ озера Энаре показываются послѣдніе хвойные лѣса, уже рѣдкіе и малорослые. Еще далѣе разстилается пустынная тундра; мхи и лишаи покрываютъ безплодную почву; только по скатамъ возвышенностей, хорошо расположеннымъ въ отношеніи солнца, хорошо защищеннымъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, растутъ кое-какія приземистыя, кривыя березки, бѣлая ольха да рябина—священное дерево древнихъ финновъ [1]). Но подъ суровымъ климатомъ сѣвера лѣтняя растительность проходитъ всѣ свои фазы съ такой быстротой, какая неизвѣстна даже въ странахъ умѣреннаго пояса. Такъ, напримѣръ, около Улеаборга жатва поспѣвшаго хлѣба слѣдовала за посѣвомъ по истеченіи короткаго промежутка сорока-двухъ дней [2]) Кромѣ того, влажность воздуха и частые туманы поддерживаютъ постоянную свѣжесть въ растительности лѣсовъ и луговъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ Финляндіи, именно въ сосѣдствѣ Тавастгуса, крестьяне кроютъ свои дома не тесомъ или соломой, а кусками дерна совершенно гладко. Нѣтъ ничего привлекательнѣе этихъ воздушныхъ лужаекъ, поддерживаемыхъ съ величайшей заботливостью. Полосы бересты, подкладываемыя подъ слои дерновой земли, защищаютъ стропила и связи отъ сырости и предохраняютъ ихъ отъ гніенія.

Животное царство Финляндіи сходствуетъ съ фауной сосѣднихъ странъ, съ той только разницей, что оно бѣднѣе, и что нѣкоторые виды, прежде существовавшіе, теперь исчезли: медвѣди, волки, рыси, россомахи, лисицы еще очень многочисленны; куница почти вывелась.

Количество дикихъ животныхъ, убитыхъ въ Финляндіи съ 1871 по 1875 годъ [3]):

Медвѣдей 421; волковъ 1862; рысей 433; россомахъ 195; лисицъ 12,391 [4]).

Количество домашнихъ животныхъ, заѣденныхъ дикими звѣрями, съ 1866 по 1870 годъ:

---

[1]) *Léouzon Le Duc*, L'Ours du Nord.

[2]) *Julin*, цитируемый у *Acerbi*, Voyage ou cap Nord, tome I.

[3]) *Ignatius*, Le Crand-Duché de Finlande.

[4]) Число убитыхъ животныхъ въ 1878 и 1879 гг.: медвѣдей 71 и 133, волковъ 293 и 388, рысей 146 и 174, россомахъ 76 и 96, лисицъ 3,184 и 3,611. *Ред.*

Лошадей 1,802; рогатаго скота 5,584; барановъ 14,061; сѣверныхъ оленей 2,714; свиней 1,400 [1]).

Въ гербѣ Аланскихъ острововъ изображенъ лось, прежде очень обыкновенный на этомъ архипелагѣ. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія онъ сдѣлался уже болѣе рѣдкимъ, судя по тому, что король Густавъ-Адольфъ повелѣлъ издать законъ, грозившій смертной казнью „всякому, кто осмѣлится убить лося“; въ 1809 году, во время вторженія русскихъ войскъ, были истреблены послѣднія изъ этихъ животныхъ. Что касается бобровъ, которыхъ теперь можно встрѣтить только въ очень немногихъ мѣстахъ остальной Европы, то они, можетъ быть, и живутъ еще на берегахъ рѣкъ сѣверной Финляндіи; но эти грызуны сдѣлались такъ рѣдки, что самое существованіе ихъ подвержено сомнѣнію [2]).

Общераспространенное имя финляндцевъ—финны, вѣроятно германскаго происхожденія, есть, кажется, ни что иное, какъ переводъ наименованія, которое даютъ сами себѣ коренные жители страны Суоми или Суоменмаа: въ немъ усматриваютъ близкое сходство съ англо-саксонскимъ словомъ *fen* (по французски *fagne*, *fange*), которое означаетъ болото [3]); впрочемъ, эта этимологія оспаривается Шегреномъ [4]) и другими учеными: названіе, также какъ и происхожденіе финляндцевъ или финновъ, Fenni Тацита, до сихъ поръ остается однимъ изъ спорныхъ вопросовъ этнологіи. Однако, въ общемъ смыслѣ можно сказать, что нынѣшніе коренные обитатели Финляндіи въ большинствѣ принадлежатъ къ урало-алтайской семьѣ, и что они близко родственны мадьярамъ (уграмъ или венграмъ), равно какъ народцамъ еще нецивилизованнымъ того же племени — черемисамъ, остякамъ, вогуламъ, самоѣдамъ. Они, очевидно, представляютъ теперь сильную помѣсь, такъ какъ страна, которую они населяютъ, и куда они пришли, какъ полагаютъ, около конца седьмаго или въ началѣ восьмаго столѣтія, часто подвергалась иноплеменному нашествію, и различныя племена, слѣдовавшія тамъ одно за другимъ, оставили своихъ потомковъ, смѣшавшихся съ нынѣшнимъ населеніемъ. Ранѣе эпохи полированнаго камня, страны, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Финляндіи, вѣроятно были еще необитаемы и неудобны для обитанія, по причинѣ повсемѣстнаго распространенія льдовъ [5]). Съ первыхъ временъ колонизаціи края финляндскіе поселенцы всего чаще имѣли сношенія съ вос-

---

[1]) Число домашнихъ животныхъ, заѣденныхъ дикими звѣрями въ 1878 и 1879 гг.: лошадей и жеребятъ 529 и 462, рогатаго скота 1,984 и 1,626, барановъ 9,656 и 9,395, свиней 441 и 258, козъ 291 и 231, сѣверныхъ оленей 4,568 и 3,053, домашнихъ птицъ 2,363 и 2,115. *Ред.*

[2]) *Ignatius*, тамъ же.

[3]) *G. Zeusz*, Die Deutschen und die Nachbarstämme;—*Oscar Peschel*, Völkerkunde; *Vanderkindere*, Recherches sur l'ethnologie de la Belgique.

[4]) Mémoires de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, I, 303.

[5]) *Worsaae*, La colonisation de la Russie et du nord Scandinave.

точными племенами, населявшими сѣверъ Россіи, на что указываетъ тотъ фактъ, что почти всѣ предметы человѣческаго имущества, находимые на востокѣ и на западѣ отъ Ладожскаго озера, сходствуютъ между собой по матеріалу и по работѣ. Впослѣдствіи, во времена бронзоваго вѣка, затѣмъ особенно въ первую эпоху желѣзнаго періода, скандинавское вліяніе становится преобладающимъ; послѣ того новая историческая волна приноситъ въ страну славянскую цивилизацію, и когда исторія въ собственномъ смыслѣ начинаетъ проливать свѣтъ на Финляндію, мы находимъ скандинавовъ, то-есть западно-европейцевъ, въ гораздо болѣе близкомъ соприкосновеніи, чѣмъ были русскіе, съ населеніемъ края [1]). Часто борьба между морскими завоевателями и тѣми, которые приходили съ востока черезъ область лѣсовъ и болотъ, превращается въ истребительную войну, и цѣлые округа подвергались опустошенію. Нельзя не удивляться, что среди такой ожесточенной борьбы между повелителями страны финляндцы сохранили такъ много національной самобытности.

Въ сѣверныхъ областяхъ Финляндіи вліяніе лопарей (лопь) было, вѣроятно, довольно значительно, посредствомъ смѣшенія племенъ, на финское населеніе, извѣстное подъ названіями эстерботнійцевъ и квеновъ (Kainuläiset); въ 1849 г. Андрей Вареліусъ (Andreas Warelius) насчитывалъ въ Улеаборгской губерніи большое число округовъ и поселковъ, гдѣ земледѣльческое населеніе было смѣшанной расы и частію употребляло еще языкъ лопарей. Что касается полуденной Финляндіи, то различные антропологи еще оспариваютъ предположеніе, что она нѣкогда тоже была населена лопарями. Правда, мѣстныя народныя преданія единогласно говорятъ въ пользу этой гипотезы, а названія *Jaettiläiset*, *Hiidet*, *Jatulit*, *Jotunit* могли бы быть примѣнены къ этимъ исчезнувшимъ первобытнымъ обитателямъ края. Баснословные разсказы сообщаютъ о войнѣ, которую первые финскіе иммигранты должны были вести противъ волшебниковъ, состоявшихъ въ союзѣ съ адскими силами [2]); но извѣстно, что въ Финляндіи, также какъ въ Россіи, лопарей, самоѣдовъ и вообще всѣхъ сѣверныхъ финновъ считаютъ чародѣями, колдунами, „чортовыми знахарями". Различныя названія мѣстъ также подтверждаютъ мнѣніе о переходѣ лопарей въ полуденную Финляндію [3]); но отсутствіе археологическихъ остатковъ лопарскаго происхожденія доказываетъ, что эти сѣверныя племена если и приходили въ край, то не могли имѣть въ немъ долговременнаго пребыванія: можетъ быть, какія нибудь немногочисленныя группы рыболововъ или бродячихъ земледѣльцевъ останавливались на время въ томъ или другомъ мѣстѣ; во всякомъ случаѣ,

---

[1]) *Gustaf Retzius*, Finska Kranier.

[2]) *Andreas Warelius*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol XIII.

[3]) *Varelius;—Castrèn;—Ujfalvi*, Mélanges altaïques.

ТИПЫ И КОСТЮМЫ ФИНЛЯНДІИ.

эти кочевники оставили по себѣ гораздо меньше слѣдовъ, нежели германскіе мореходы, пріѣзжавшіе на берега залива, чтобы вести мѣновую торговлю съ финляндцами. Томсенъ даже полагаетъ, основываясь на существованіи въ финскомъ языкѣ нѣкотораго числа очень древнихъ словъ германскаго происхожденія, что нѣмецкіе народцы въ давнія времена жили въ равнинахъ Россіи, сопредѣльныхъ Балтійскому морю [1]).

Финляндцы южной, относительно многолюдной, области дѣлятся на двѣ различныя семьи, рѣзко отличающіяся одна отъ другой многими чертами характера,—тавастовъ и кареловъ. Первые населяютъ юго-западную часть Финляндіи, занимая треугольное пространство, ограниченнное на западѣ и югѣ шведами морскаго прибрежья, причемъ наибольшее вліяніе оказала на нихъ скандинавская цивилизація, тогда какъ карелы находились въ соприкосновеніи преимущественно съ русскими. По мнѣнію ванъ-Гартмана, который первый изучалъ ихъ бытъ, тавасты, называющіе сами себя *Hämäläiset* [2]), что означаетъ, можетъ быть,—если основываться на сходствѣ съ однимъ эстонскимъ словомъ,—„жители сырой страны", должны быть разсматриваемы какъ типичные финны: они коренасты, широкоплечи, мускулисты, съ широкой головой, съ широкимъ лицемъ и носомъ; ротъ у нихъ большой, тогда какъ глаза маленькіе, съ узкими щелями и иногда немного косолежащіе; цвѣтъ радужной оболочки всегда синій, хотя бываетъ всевозможныхъ оттѣнковъ отъ блѣдно-голубаго до темно-синяго. Русскіе въ старину давали этимъ финнамъ, какъ вообще всѣмъ народамъ чудскаго или финскаго племени, прозвище „Чуди бѣлоглазой", по причинѣ ихъ свѣтлыхъ глазъ [3]). Волосы у тавастовъ свѣтлорусые, даже желтоватые или льнянаго цвѣта. „Бѣловолосый, какъ чухна", говоритъ русское присловье въ сопредѣльныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ брахицефалы (короткоголовые) центральной и западной Европы по большей части брюнеты, тѣ, которые живутъ въ Финляндіи, отличаются именно свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ [4]); но имъ несвойственны бѣлая кожа, прозрачный розовый цвѣтъ лица, характеризующіе бѣлокурыхъ германцевъ, скандинавовъ, нѣмцевъ или англо-саксовъ; кромѣ того, борода у нихъ почти всегда очень рѣдкая. Вообще между тавастами, какъ мужчинами, такъ и женщинами, не встрѣтишь лицъ, черты которыхъ соотвѣтствовали бы идеѣ красоты, какъ ее понимаютъ западные европейцы. Съ нравственной точки зрѣнія, тавасты медлительны, вялы, неповоротливы, часто угрюмы, подозрительны, злопамятны, скупы на слова, но честны, признательны за благодѣянія, выносливы и неутомимы, терпѣливы въ болѣзни и лишеніяхъ; фаталисты въ высшей степени, они

---

[1]) Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen.

[2]) *Herberg*;—*Н. П. Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи. Варшава. 1873.

[3]) *Майновъ*, „Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества", ноябрь 1878 г.

[4]) *Virchow*, Berliner Gesellschaft für Anthropologie, 18 oct. 1873.

представляютъ въ финляндской націи элементъ консервативный. Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ центръ могущества народа *Hämäläiset*, извѣстныхъ у русскихъ подъ именемъ ямь или ямъ, былъ, какъ кажется, гораздо далѣе на востокѣ, между Ладожскимъ озеромъ и Сѣверной Двиной; но, тѣснимые карелами съ сѣвера, русскими съ юга, они принуждены были переселиться въ другія мѣста; однако, и теперь еще, какъ говорятъ, существуютъ потомки племени ямь, въ числѣ 20,000 душъ, въ восточныхъ округахъ около Петрозаводска и Бѣлозерска [1]).

По направленію отъ запада къ востоку въ Финляндіи можно наблюдать постепенный переходъ между тавастами и карелами; въ особенности саволаки, или *Savoläiset*, въ округѣ Нюшлотъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ естественный посредствующій членъ двухъ названныхъ расъ. Карелы, которые населяютъ восточную область великаго княжества Финляндскаго и, кромѣ того, обширныя сопредѣльныя территоріи Россійской имперіи до самыхъ береговъ Бѣлаго моря, тоже брахицефалы (короткоголовые), какъ и тавасты, но они не походятъ на послѣднихъ ни тѣлосложеніемъ, ни чертами лица, ни характеромъ. Большинство кареловъ выше средняго роста, и даже попадаются такіе, которыхъ можно бы причислить къ великанамъ; довольно тонкіе, стройные, пропорціально сложенные, они имѣютъ, вообще говоря, правильныя черты лица, носъ прямой и длинный, лобъ широкій, ротъ отчетливо очерченный. Между ними очень рѣдко можно встрѣтить индивидуумовъ съ узкими, косолежащими глазами въ родѣ монгольскихъ; нѣтъ также между ними бѣлоглазыхъ и желтоволосыхъ, какъ тавасты: радужная оболочка, или раекъ, у нихъ темнаго сѣровато-синяго цвѣта, а ихъ густые темнорусые волосы ниспадаютъ локонами на плечи. Карелы вообще отличаются веселымъ, живымъ, дѣятельнымъ, увлекающимся характеромъ, но они не всегда обнаруживаютъ столько же послѣдовательности и настойчивости, сколько смѣлости и предпріимчивости. Они производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ добродушіемъ, также какъ врожденнымъ изяществомъ манеръ и нерѣдко даже красотой. Исторія часто показываетъ ихъ намъ участвующими въ военныхъ экспедиціяхъ. Такъ, въ 1187 и 1188 годахъ они вторгались даже въ предѣлы Швеціи, проникали въ Меларское озеро, сожгли городъ Сигтуну, умертвили епископа упсальскаго. Три года спустя они истребили огнемъ городъ Або и разрушили всѣ шведскія поселенія въ Финляндіи; затѣмъ, хотя обращенные въ христіанство новгородцами въ началѣ тринадцатаго столѣтія, они часто поднимаютъ противъ нихъ оружіе, иногда же соединяются съ ними, чтобы вмѣстѣ воевать противъ шведовъ [2]). Равнымъ образомъ съ помощью новгородцевъ они прогнали тавастовъ съ береговъ Ладож-

---

[1]) *Шегренъ;—Кастренъ;—Барсовъ.*

[2]) *Ив. Д. Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи. Москва. 1865 г.

скаго озера. Около 1850 года Кастренъ насчитывалъ болѣе милліона кареловъ, изъ этого числа до 830,000 въ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи, т. е. великаго княжества; въ настоящее время цифра ихъ тамъ, безъ сомнѣнія, простирается до одного милліона, благодаря естественному приращенію народонаселенія.

Въ эпоху своего прибытія въ страну, заключающуюся между великими озерами и Ботническимъ заливомъ, финляндцы, кажется, не были болѣе цивилизованы, чѣмъ нынѣ живущіе угорскіе народы восточной Россіи и Сибири. Изученіемъ словъ финскаго языка, указывающихъ послѣдовательныя завоеванія промышленности и гражданственности, Альквистъ могъ констатировать тотъ фактъ, подтверждаемый, съ другой стороны, описаніями, содержащимися въ древнихъ сагахъ, что первоначальные обитатели Финляндіи прокармливали себя почти исключительно продуктами охоты и рыбной ловли; съ земледѣліемъ они были знакомы лишь въ самой первобытной его формѣ и даже не умѣли приготовлять ни масла, ни сыра изъ молока своихъ стадъ. Религія финновъ, сходная съ религіей лопарей и самоѣдовъ, была, повидимому, нѣчто въ родѣ фетишизма, смѣшаннаго съ обрядами, подобными тѣмъ, какіе практикуются шаманами монгольскихъ народцевъ. Всѣ русскія лѣтописи изображаютъ земли чуди или финновъ, какъ отечество волхвовъ и кудесниковъ. Заклинанія этихъ чародѣевъ или колдуновъ, сопровождаемые игрой на музыкальномъ инструментѣ въ родѣ арфы, называемомъ *kantele*, оканчивались изступленіемъ и конвульсіями, какъ это дѣлается у сибирскихъ шамановъ. Древній финляндецъ больше вѣрилъ въ могущество священнаго пѣнія, чѣмъ въ силу меча. У тѣхъ финновъ, которые живутъ во внутреннихъ пустыняхъ, поэтическія наклонности усиливаются необычайной нервной впечатлительностью, которая легко переходитъ въ экстазъ. Въ современной наукѣ финляндцы прилагаютъ свои умственныя способности преимущественно къ изученію математики: поэты ихъ всегда восторгаются гармоніей чиселъ. Но, кромѣ заклинаній, финны имѣли еще сокровищницу другихъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ въ Кареліи, такъ какъ тавасты не отличаются поэтическимъ духомъ: рѣдко можно услышать ихъ поющими [1]). Карельское племя, напротивъ, одно изъ тѣхъ, которыя въ высокой степени одарены наклонностью и любовью къ поэзіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ эпическія сказанія, переходившія въ народѣ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію и сохранившіяся до нашихъ дней отдѣльными отрывками, посредствомъ соединенія которыхъ въ одно цѣлое успѣли, какъ полагаютъ, возстановить національный финскій эпосъ, извѣстный подъ именемъ *Kalevala*, что значитъ „страна Калевы", бога-великана.

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ *Калевалы* были впервые собраны Штрете-

---

[1]) *Gustaf Retzius*, Finska Kranier.

ромъ и Топеліусомъ, но только въ 1835 году онѣ были соединены въ „Эпопею" Эліасомъ Ленротомъ, который изъѣздилъ во всѣхъ направленіяхъ Финляндію и населенныя финскими племенами мѣстности въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской, чтобы собрать старинныя пѣсни; впослѣдствіи шведскій переводъ Калевалы, сдѣланный Кастреномъ, познакомилъ европейскій ученый міръ съ этими народными поэмами. Между тѣмъ изслѣдованія продолжались, и второе изданіе Ленрота, вышедшее въ свѣтъ въ 1849 году болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ по объему первое: оно состоитъ изъ 50 *рунъ* или пѣсенъ и 22,800 стиховъ; всѣ эти пѣсни слышаны собирателями изъ устъ крестьянъ и относятся къ языческой эпохѣ, за исключеніемъ только одной руны, пятидесятой, которая, очевидно, была сложена уже послѣ введенія христіанства въ Финляндіи, тоесть около тринадцатаго столѣтія. Дошла ли до насъ поэма Калевалы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее распѣвали древніе *суоми*, или въ значительно измѣненномъ,—во всякомъ случаѣ, эта эпопея оказала рѣшительное вліяніе на финское литературное движеніе новѣйшаго времени. Поэтическій языкъ финлянцевъ отличается между всѣми языками мягкостью и звучностью; кромѣ того, онъ необычайно богатъ. Какъ велико въ немъ обиліе производныхъ словъ, можно судить по тому факту, что число вокабулъ, содержащихся въ словарѣ Эліаса Ленрота [1]), простирается до двухъ сотъ тысячъ.

„Туранцы" по языку и, вѣроятно, также по происхожденію, нынѣшніе финляндцы, безъ всякаго сомнѣнія, не ниже своихъ сосѣдей, и честолюбіе ихъ, вполнѣ законное, состоитъ въ томъ, чтобы имѣть равныхъ себѣ, но не высшихъ между народами Европы. Вопреки теоріи, признающей за арійцами всяческое превосходство, умственное и нравственное, надъ народностями другихъ расъ, невозможно отрицать того факта, что, взятые въ массѣ, суоми болѣе дѣятельны, болѣе бережливы и въ особенности болѣе честны, чѣмъ жители сопредѣльныхъ странъ. Русскіе писатели отзываются съ большой похвалой о нравственныхъ качествахъ финляндцевъ, о ихъ неутомимомъ трудолюбіи, добросовѣстности, скромности, исполненной достоинства, съ которою они избѣгаютъ выпрашиванья на водку или на чаекъ, избѣгаютъ даже малѣйшаго намека на это [2]). Впрочемъ, не одной только расѣ слѣдуетъ приписать эту привилегію финляндцевъ: въ то время какъ русскіе крестьяне, находившіеся въ крѣпостномъ состояніи, естественно должны были усвоить всѣ пороки рабовъ, поселяне Финляндіи пользовались относительной свободой. Впродолженіе всего періода шведскаго владычества жители края принимали участіе въ правахъ гражданскихъ и политическихъ, а большинство хлѣбопашцевъ оставалось

---

[1]) Suomalais-Ruotsalainen Sanakirja. Helsingfors, 1866—1874.

[2]) *Семеновъ*, Отечествовѣдѣніе, „Вѣстникъ Европы"; *Корфъ*, Итоги народнаго образованія.

собственниками обработываемой ими земли. Въ настоящее время почти всѣ финляндцы знаютъ грамотѣ и могутъ называть себя образованными, въ сравненіи съ русскими крестьянами сосѣднихъ губерній. Но по наклонности къ пьянству, особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ, значительная часть финляндцевъ пребываетъ еще въ состояніи варварства. Бѣдность чрезвычайно велика въ нѣкоторыхъ областяхъ страны, и часто голодовки производили страшныя опустошенія въ рядахъ населенія. Когда лѣто бываетъ холодное и дождливое, такъ что хлѣба не успѣваютъ созрѣть до наступленія осеннихъ заморозковъ, неурожай является неизбѣжнымъ, и жители деревень обречены на голоданіе: тогда часто случается, что бѣдный людъ принужденъ ѣсть солому, грызть древесную кору, примѣшивать къ хлѣбной мукѣ такъ называемую „горную муку", то-есть родъ трепела, состоящаго изъ остатковъ инфузорій и который собираютъ на днѣ бывшихъ озеръ [1]). Въ 1868 году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отъ голода погибла цѣлая четверть населенія; число смертныхъ случаевъ было въ этомъ году втрое больше числа рожденій во всей Финляндіи. Слѣпые въ этомъ краѣ пропорціально многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, исключая Исландіи, которая тоже отличается холоднымъ климатомъ. Въ 1873 году въ Финляндіи насчитывали около 4,000 слѣпыхъ (3,891 между лютеранами, единственными жителями, которымъ ведется правильная перепись) и, сверхъ того, болѣе 4000 страдающихъ частной потерей зрѣнія. Столь значительный процентъ слѣпыхъ долженъ быть приписанъ отчасти ѣдкому дыму, почти всегда наполняющему лачуги сельскихъ жителей; но во внутреннихъ округахъ главной причиной, можетъ быть, слѣдуетъ считать паровыя бани и риги, гдѣ финляндскіе крестьяне сушатъ, молотятъ и вѣютъ хлѣбъ. Бани, наполненныя густымъ паромъ, образующимся, какъ и въ русской банѣ, отъ поливанія воды на раскаленные камни, были для финновъ чѣмъ-то въ родѣ священныхъ мѣстъ. По нѣскольку разъ въ недѣлю мужчины и женщины, старики и дѣти, всѣ вмѣстѣ, парились, стегая себя березовыми вѣниками и обливая холодной водой. Въ бани же водили и рожеництъ, такъ что большинство финляндскихъ крестьянъ впервые увидѣли свѣтъ въ тусклой атмосферѣ паровой бани [1]). Впрочемъ, теперь ужъ не встрѣтишь общихъ бань, какія существовали прежде, ни въ губерніяхъ Абоской, Тавастгусской, Нюландской, ни въ южной части Выборгской губерніи.

Часть Финляндіи занята исключительно шведами, потомками древнихъ завоевателей страны: у финляндцевъ они извѣстны подъ именемъ *Ruotsalāiset*. Населеніе Аландскихъ острововъ, которыми скандинавы владѣли

[1]) *Ignatius*, Le Grand-Duché de Finlande.

[2]) *Gustaf Retzius*, Finska Kranier.

*

уже въ 1130 году, сплошь шведское, также какъ и населеніе нѣкоторыхъ острововъ у абоскаго берега и прибрежной области къ югу отъ Гамла-Карлебю: еще недавно финскій языкъ былъ въ этихъ мѣстностяхъ такъ же мало знакомъ, какъ и русскій. Шведская колонизація началась въ краѣ съ половины тринадцатаго столѣтія, вслѣдствіе завоеваній Биргеръ-Ярла, и въ слѣдующіе вѣка она не переставала усиливаться, благодаря торговымъ привилегіямъ и всякаго рода льготамъ и преимуществамъ, предоставленнымъ скандинавамъ. На протяженіи около 30 верстъ къ западу отъ деревни Форсби, лежащей на берегу Финскаго залива, населеніе также чисто-шведское: жители вступаютъ въ бракъ только между собой; они сохранили свои нравы, свой родной языкъ и такимъ образомъ до сихъ поръ остаются иностранцами въ отношеніи окружающаго финскаго населенія. Въ другихъ мѣстахъ шведы встрѣчаются лишь отдѣльными семействами или смѣшались посредствомъ браковъ съ туземнымъ населеніемъ; въ Нюландской губерніи большинство шведовъ говоритъ по-фински такъ же хорошо, какъ на языкѣ своихъ предковъ [1]). Въ прежнее время всѣ жители края, сдѣлавшіеся равными шведамъ по умственному развитію или по общественому положенію и которые говорили скандинавскимъ языкомъ, причисляли себя къ шведамъ: аристократія, каково бы ни было ея происхожденіе, принимала имя, которое казалось тогда наиболѣе почетнымъ. Финскій языкъ, сохранившійся только какъ народная рѣчь, считался чѣмъ-то въ родѣ простонароднаго языка Однако, реформація дала финнамъ начатки письменности въ видѣ перевода на ихъ языкъ книгъ Священнаго Писанія въ 1548 году; затѣмъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, благодаря абоскому университету, начались изслѣдованія о финскомъ языкѣ; наконецъ, втеченіе настоящаго столѣтія, финляндская литература совершенно освободилась отъ скандинавской опеки, хотя, впрочемъ, большинство ея сочиненій состоитъ изъ переводовъ съ шведскаго. Отнынѣ двѣ національности, два языка не имѣютъ болѣе причины завидовать другъ другу въ отношеніи какихъ-либо привилегій; сдѣлавшись совершенно равными своимъ прежнимъ господамъ, финляндцы, получившіе образованіе или разбогатѣвшіе, не имѣютъ болѣе надобности рядиться въ шведское имя. Съ 1868 года всѣ вновь поступающіе на службу школьные учителя, а съ 1872 года—и всѣ чиновники обязаны знать финскій языкъ. Въ настоящее время на всемъ пространствѣ Финляндіи насчитывается до 280,000 шведовъ въ собственномъ смыслѣ, что составляетъ около 14 процентовъ всего населенія.

Въ ту эпоху, когда пѣлись въ первый разъ поэмы финскаго народнаго эпоса Калевала, въ Финляндіи еще не было городовъ; существовали только кое-какія деревушки въ прогалинахъ лѣсовъ да по берегамъ

---

[1]) *Andreas Warelius*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol. XIII.

изобилующихъ рыбой бухтъ. Жилища тогдашнихъ обитателей края состояли изъ землянокъ—ямъ, вырытыхъ въ землѣ и защищенныхъ крышей, или изъ *kotas*, то-есть коническихъ шалашей, сдѣланныхъ изъ жердей, кругообразно воткнутыхъ въ землю и припертыхъ верхними концами къ поставленному по серединѣ столбу. И теперь еще можно видѣть такіе *kotas*, но они давно уже служатъ только сараями. Строеніе, замѣнившее ихъ и называемое *pörte*, похоже на избу великорусскаго крестьянина: оно состоитъ изъ бревенчатаго сруба, безъ оконъ и безъ трубы, только съ слуховыми окошечками и съ отверстіемъ подъ крышей для выпуска дыма; печь, кое-какая утварь и посуда, да ясли или корыта для домашняго скота—такова была единственная мебель финскаго *pörte*, гдѣ люди и животныя жили вмѣстѣ. И теперь еще можно видѣть кое-гдѣ нѣкоторыя изъ этихъ жилищъ въ ихъ первобытномъ состояніи,—такія же, какими ихъ описываютъ карельскія пѣсни; но большею частью они увеличились, прикрасились, отдѣлены отъ скотнаго двора и гумна и уже болѣе походятъ на современные дома городовъ и мѣстечекъ.

Первые города Финляндіи, Або, Тавастгусъ, Выборгъ, выстроились вокругъ крѣпкихъ замковъ, воздвигнутыхъ для защиты завоевателей и новообращенныхъ христіанъ. Въ сѣверныхъ областяхъ страна, еще и нынѣ почти пустынная, безъ всякаго стратегическаго значенія, была свободно колонизована, и маленькіе городки основались при устьяхъ рѣкъ единственно для торговаго обмѣна произведеній края. Торнео, стоящій напротивъ шведскаго города Гапаранда, отъ котораго онъ отдѣленъ рукавомъ рѣки Торнео, служитъ портомъ для лопарей, которые привозятъ туда на продажу рыбу и оленьи языки. Гораздо важнѣе городъ Улеаоргъ (Улю финляндцевъ): ладьи, спускающіяся внизъ по рѣкѣ Улеа (по-фински Улю-іоки), доставляютъ ему въ большомъ количествѣ смолу и деготь, и къ набережнымъ его прибываютъ большіе плоты сплавнаго лѣса; въ началѣ текущаго столѣтія улеаборгскій портъ былъ, благодаря эксплоатаціи окрестныхъ лѣсовъ, наиболѣе посѣщаемымъ во всей Финляндіи; но затѣмъ порты южной области, болѣе населенной, давно уже опередили его по развитію торговой дѣятельности. Движеніе судоходства въ улеаборгскомъ портѣ по приходу и отходу судовъ въ 1875 году:

263 нагруженн. судна, съ общею вмѣстимостью . . 54,120 тоннъ.
Цѣнность оборотовъ . . . . 1.907,437 мет. р.

Точно также городъ Брагестадъ (Брагинъ по-фински) смѣнилъ, какъ торговый пунктъ, старинное шведское мѣстечко Гамле-Карлебю. Далѣе на югѣ, при устьѣ Лаппо-іоки, или „рѣки Лаппо“, слѣдуютъ одинъ за другимъ Якобстадъ или Піетасари, мѣстечко Ню-Карлебю и городъ Ваза; ниже котораго на томъ же заливѣ или фьордѣ выстроился новый городокъ, который русскіе называютъ оффиціально Николайстадъ: тысячи подводныхъ камней или шхеръ угрожаютъ судамъ, вступающимъ въ этотъ

рейдъ, но въ то же время защищаютъ ихъ отъ внѣшнихъ вѣтровъ. Движеніе судоходства въ портѣ Николайстадъ въ 1875 году:

340 судовъ съ грузомъ, поднимавшихъ . . . 49,100 тоннъ.

Цѣнность оборотовъ . . . . 1.621,387 мет. р.

Слѣдуя далѣе въ томъ же направленіи къ югу, встрѣчаемъ другіе портовые города: Кристинестадъ (Ристіина), Бьернеборгъ (Пори), съ лѣсопильными заводами и фабриками, превосходно расположенный на берегу судоходной рѣки Кумо, и Нюстадъ, соединенный со Швеціей подводнымъ телеграфомъ. Этотъ послѣдній городъ обладалъ въ 1876 году торговымъ флотомъ, состоявшимъ изъ 24 большихъ судовъ и 11 бриговъ. Движеніе судоходства въ бьернеборгскомъ портѣ въ 1873 году:

Въ приходѣ и отходѣ 407 нагруженн. судовъ, вмѣстим. 86,800 тоннъ.
Цѣнность торговыхъ оборотовъ . . . . 2.186,500 м. р.

Або (по-фински Турку)—древнѣйшій городъ Финляндіи; втеченіе многихъ столѣтій онъ былъ главнымъ оплотомъ шведскаго владычества на восточномъ берегу Балтики: здѣсь была воздвигнута первая крѣпость, Абогусъ, и теперь еще господствующая надъ устьемъ рѣки Аура-іоки, ниже города. Защищенный съ западной стороны противъ волнъ открытаго моря архипелагомъ, гдѣ островки и подводныя скалы разсѣяны тысячами и который продолжается, по направленію къ Швеціи, другимъ лабиринтомъ острововъ, Аландскимъ архипелагомъ, абоскій рейдъ мало удаленъ отъ угла финляндской территоріи, выступающаго между заливами Ботническимъ и Финскимъ; благодаря этому обстоятельству, онъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ для мореходовъ, посѣщающихъ оба моря, и однимъ изъ главныхъ рынковъ страны: самое имя *Турку*, которое жители внутренней области даютъ этому городку, указываетъ на исключительную важность Або для торговыхъ сношеній, ибо это названіе происходитъ отъ шведскаго слова *torg*, означающаго торгъ, рынокъ. Будучи вторымъ по числу жителей, Або занимаетъ, однако, третье мѣсто между торговыми городами Финляндіи; главные предметы его отпуска—лѣсъ и хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, тогда какъ изъ заграницы онъ получаетъ преимущественно мануфактурныя издѣлія, колоніальный товаръ и хлопокъ въ кипахъ для финляндскихъ бумагопрядиленъ. Кромѣ того, Або замѣчателенъ тѣмъ, что онъ впродолженіе безъ малаго двухъ столѣтій, съ 1640 по 1827 г., былъ мѣстопребываніемъ финляндскаго университета: здѣсь астрономъ Аргеландеръ составилъ свой драгоцѣнный каталогъ неподвижныхъ звѣздъ; но послѣ пожара, истребившаго университетскія зданія, вмѣстѣ съ библіотекой, состоявшей изъ 40,000 томовъ, высшее учебное заведеніе края было переведно въ Гельсингфорсъ. Однако и послѣ того Або долго еще оспаривалъ у финляндской столицы титулъ литературнаго центра, въ особенности по части шведскихъ изданій. Торговое движеніе Або въ 1876 г. выразилось слѣдующими цифрами:

Привозъ . 3.590,325 мет. руб. Вывозъ . 1.195,350 мет. руб.
Движеніе судоходства въ портѣ въ 1875 году:

Прибыло . . .	407 нагруж. судовъ,	вмѣстим.	61,650 тоннъ.
Вышло. . . .	483 „	„	61,600 „

Гельсингфорсъ (по-фински Гельсинки) родина извѣстнаго Норденшильда, есть не только главный, но также и самый красивый городъ великаго княжества; онъ имѣетъ много прекрасныхъ зданій, церкви съ колоннадами и куполами, общественныя гульбища, паркъ, ботаническій садъ, теперь самый сѣверный во всемъ свѣтѣ, такъ какъ онъ на нѣсколько десятковъ верстъ ближе къ полюсу, чѣмъ ботаническіе сады Петербурга, Упсалы, Христіаніи. Гельсингфорскій Александровскій университетъ, богатый письменными памятниками, относящимися къ Финляндіи, сдѣлался центромъ значительной научной дѣятельности; но онъ не имѣетъ въ дѣйствительности той важности, которую придаютъ ему оффиціальные отчеты: въ спискахъ его слушателей числятся сотни лицъ, живущихъ внѣ города или даже заграницей; нерѣдко можно встрѣтить стариковъ, продолжающихъ носить званіе студентовъ. Весною 1879 года въ этомъ университетѣ было 56 профессоровъ и репетиторовъ; студентовъ по спискамъ числилось 1023, дѣйствительныхъ же, то-есть посѣщавшихъ лекціи, въ 1878 году было только 619; университетская библіотека состоитъ изъ 120,000 томовъ[1]). Со стороны моря Гельсингфорсъ защищенъ грозными укрѣпленіями Свеаборга (Віапори), котораго стѣны, пробитыя амбразурами, возвышаются на гранитныхъ утесахъ семи острововъ, господствующихъ надъ фарватеромъ залива. Однако, Гельсингфорсъ городъ по преимуществу торговый; онъ наслѣдовалъ городку, который былъ основанъ шведскимъ королемъ Густавомъ Вазой верстахъ въ семи далѣе на сѣверѣ, но воды котораго оказались недостаточно глубокими. Въ нынѣшнемъ портѣ судоходство весьма дѣятельно, и торговля ведется почти столько же съ Великобританіей, какъ и съ Россіей.

Торговое движеніе Гельсингфорса въ 1876 году:

Привозъ	9.697,220 м. руб.
Вывозъ.	2.040.373 „ „
Итого . . .	11.737,593 м. руб.

Прибыло	808 судовъ,	вмѣстим.	134,516 тоннъ.
Вышло	926 „	„	136,057 „
Итого	1.734 судна,	вмѣстим.	270,573 тоннъ.

Впрочемъ, морская торговля Гельсингфорса въ эти послѣдніе годы уменьшилась, по причинѣ постройки желѣзной дороги, которая направ-

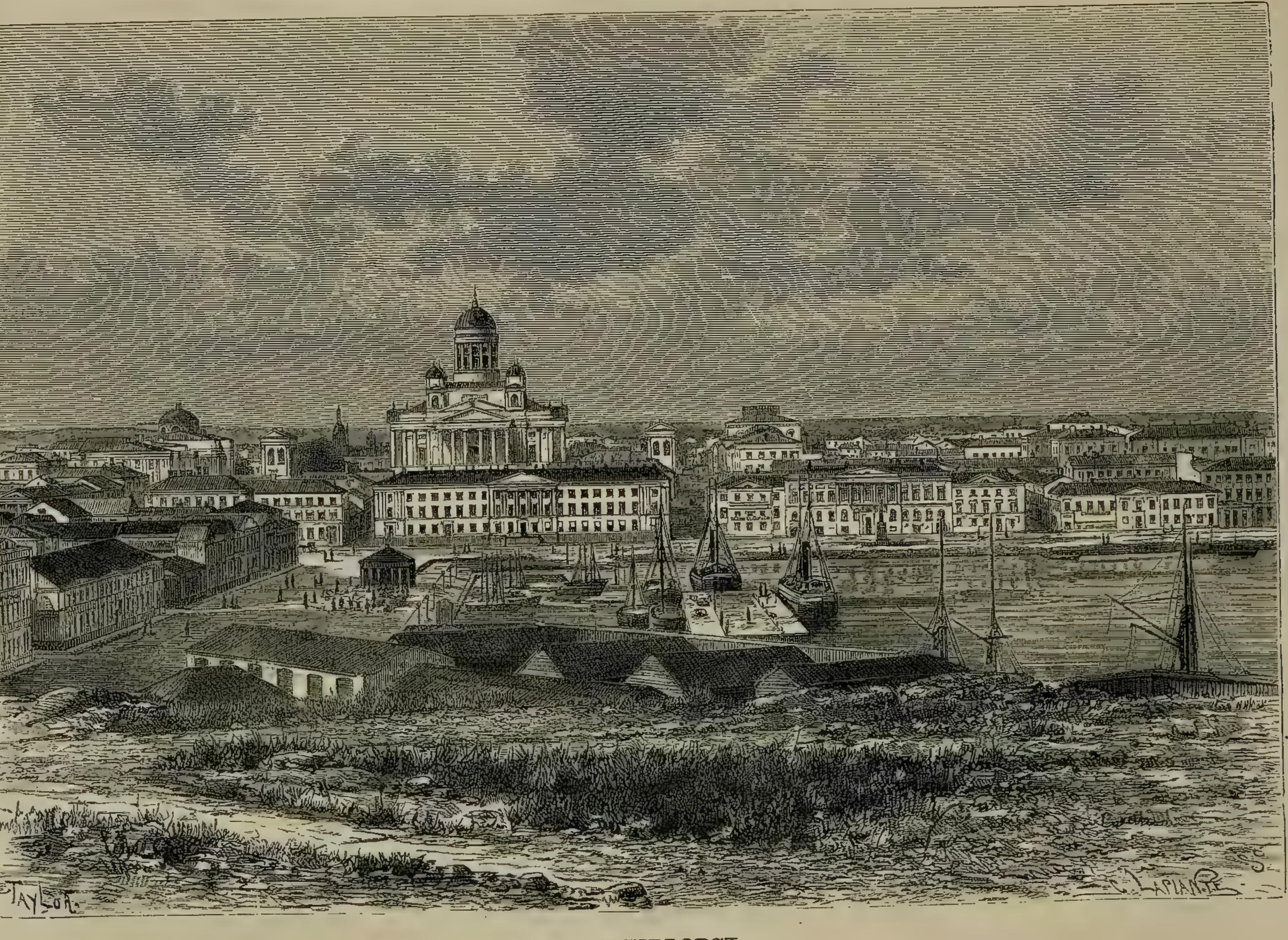
[1]) Весною 1881 г. въ гельсингфорскомъ университетѣ было: профессоровъ 63, студентовъ по спискамъ 1,165, въ дѣйствительности — 694; въ библіотекѣ 150,000 томовъ. *Ред.*

ляется къ мысу Ганге, угловому выступу Финляндіи, при входѣ двухъ заливовъ: море въ этомъ мѣстѣ гораздо долѣе свободно отъ льдовъ, чѣмъ въ гельсингфорскомъ портѣ и въ другихъ портахъ прибрежья, фарватеры которыхъ замерзаютъ въ ноябрѣ или декабрѣ и снова открываются для навигаціи только въ маѣ мѣсяцѣ. Гельсингфорсъ служитъ главнымъ рынкомъ для двухъ внутреннихъ городовъ, Тавастгуса (Гименлинна), губернскаго города, и Таммерфорса (Тампере), который гиперболически можетъ быть названъ „финляндскимъ Манчестеромъ": этотъ городъ, какъ показываетъ самое названіе его, стоитъ на берегу горнаго потока, спускающагося стремнинами и водопадами, и воды этой быстрой рѣчки приводятъ въ движеніе колеса многочисленныхъ заводовъ, ткацкихъ, обойныхъ фабрикъ и другихъ мануфактуръ.

Къ востоку отъ Гельсингфорса, по берегу Финскаго залива, слѣдуютъ одинъ за другимъ маленькіе порты Борго, Ловиза, Фредериксгамнъ, близъ котораго находятся важныя гранитныя ломки Питерлакскія. На юго-западѣ отъ Фредериксгамна, укрѣпленный островъ Котка (Руотсинсальми) также господствуетъ надъ рейдомъ, гдѣ производится кое-какая торговля и гдѣ стоитъ военная флотилія. Еще далѣе, уже близъ русской границы, открывается заливъ, или, вѣрнѣе сказать, фьордъ, у сѣверной оконечности котораго расположился Выборгъ (Віипури). Этотъ городъ, третій въ Финляндіи по числу жителей, занимаетъ второе мѣсто между финляндскими городами по размѣрамъ торговли и первое—по развитію судоходства, благодаря въ особенности сосѣдству Петербурга; но большія суда должны останавливаться верстахъ въ 12 къ югу отъ города, въ Трансундскомъ рейдѣ, который теперь защищенъ сильными укрѣпленіями. Такимъ образомъ со стороны Выборга Петербургъ защищенъ другимъ Кронштадтомъ. Сайменскій каналъ, по которому поднимаются пароходы, идущіе въ Вильманстрандъ, оканчивается въ Выборгѣ. Движеніе внѣшней торговли и судоходства въ Выборгѣ въ 1875 году [1]):

[1]) Помѣщаемъ, по позднѣйшимъ изъ имѣющихся въ финляндскомъ статистическомъ бюро свѣдѣніямъ (за 1878 г.), данныя о движеніи судоходства и внѣшней торговли въ финляндскихъ портахъ,—въ видѣ двухъ таблицъ, облегчающихъ сравненіе. Движеніе судоходства въ 1878 году:

Названіе портовъ.	Вошло.		Вышло.		Всего.		Изъ этого числа нагруженныхъ.	
	Судовъ.	Вмѣстимостью, тоннъ.	Судовъ.	Вмѣстимостью, тоннъ.	Судовъ.	Вмѣстимостью, тоннъ.	Судовъ.	Вмѣстимостью, тоннъ.
Улеаборгъ	204	47,280	219	51,275	423	98,555	318	69,571
Николайстадъ (Ваза)	290	49,806	297	50,950	587	100,756	360	61,293
Бьернеборгъ	428	112,008	382	100,724	810	212,732	502	124,575
Або	544	93,578	627	109,694	1,171	203,272	1,014	166,103
Гельсингфорсъ	738	135,485	835	135,608	1,573	271,093	1,291	203,155
Выборгъ	2,659	210,000	2,675	211,367	5,334	421,367	3,091	252,595

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.

Привозъ моремъ	3.590,100 м. р.	Сухимъ путемъ	5.730,350 м. р.	
Отпускъ "	3.370,580 " "	" "	2.873,175 " "	

Прибыло	2,847 судовъ, вмѣстим.		216,820 тоннъ
Вышло	2,679 " "		214,160 "
Итого	5,526 судовъ, вмѣстим.		430,980 тоннъ

Далеко внутри страны, на сѣверѣ отъ мѣстностей относительно многолюдныхъ по берегамъ Финскаго залива, расположенъ одинъ только сколько нибудь важный городъ: это — Куопіо, главный городъ губерніи того же имени, построенный въ 1776 году на островѣ, посреди озера Калла, почти на половинѣ дороги отъ Ладожскаго озера къ улеаборгскому порту; процвѣтаніемъ своимъ онъ обязанъ торговлѣ лѣсомъ и смолой. Нюшлотъ (Новый замокъ) или Савонлинна, маленькій островной городъ, расположенный между двумя озерами, Гаукивеси и Пилеявеси, замѣчателенъ своимъ живописнымъ шведскимъ замкомъ, высокія круглыя башни котораго отражаются въ водахъ озера; Кексгольмъ, на Ладожскомъ озерѣ, старинная крѣпость, которую оспаривали другъ у друга новгородцы и карелы, а впослѣдствіи шведы и русскіе. Этотъ городъ ведетъ торговлю лѣсомъ и гранитомъ, также какъ Сердоболь или Сардавала, лежащій въ сѣверо-западномъ углу Ладожскаго озера.

Населеніе важнѣйшихъ городовъ Финляндіи въ 1875 году [1]):

Гельсингфорсъ	33,600 жит.	(8,700 финн.,	19,000 швед.,	и пр.)
Або	21,800 "	(10,500 "	9,500 "	" ")
Выборгъ	12,000 "			
Улеаборгъ	8,700 "			
Таммерфорсъ	8,450 "	(12,000 съ предмѣстьями).		
Бьернеборгъ	7,350 "			
Куопіо	6,050 "			
Николайстадъ (Ваза)	5,000 "			

Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1878 г., въ металлическихъ рубляхъ:

Названіе портовъ.	Ввозъ	Вывозъ.	Сумма.
Улеаборгъ	948,605	591,139	1.539,744
Николайстадъ	1.182,140	549,895	1.732,035
Бьернеборгъ	535,866	1.458,492	1.994,358
Або	3.840,593	2.055,034	5.895,627
Гельсингфорсъ	8.898,263	2.650,067	11.548,330
Выборгъ	7.295,847	5 696,370	12.992,217
моремъ	2.187,102	3,054,238	5.241,340
сухимъ путемъ	5.108,745	2.642,132	7.750,877

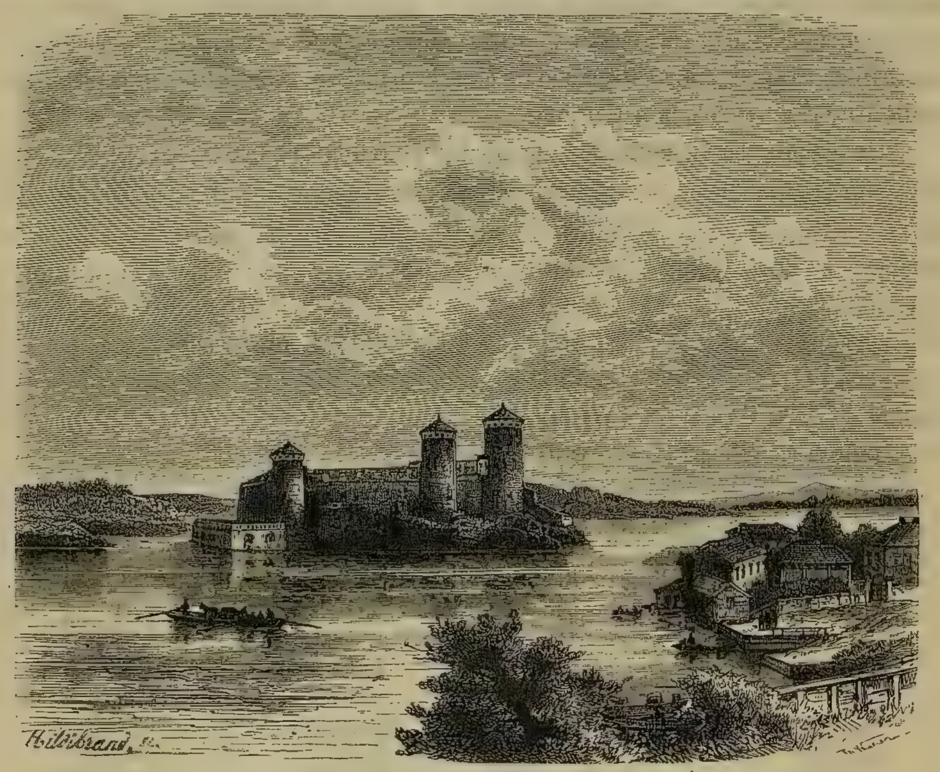
Ред.

[1]) Въ 1880 году: Гельсингфорсъ 43,142 жит. (22,479 шведовъ, 14,589 финновъ, 4,171 русскихъ—со включеніемъ гарнизона, и пр.), Або 22,944 (10,600 финновъ, 9,000 шведовъ, и пр.), Выборгъ 14,668, Таммерфорсъ 12,500, Улеаборгъ 9,417, Бьернеборгъ 8,030, Куопіо 6,592, Николайстадъ 5,613. *Ред.*

Финляндія одна изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ численность населенія возрастаетъ съ наибольшей быстротой, благодаря глубокому миру, которымъ пользуется этотъ край уже болѣе полустолѣтія, и развитію его земледѣлія, промышленности и торговли. Число жителей почти учетверилось съ половины восемнадцатаго вѣка, почти удвоилось съ 1815 года, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Населеніе Финляндіи въ 1750 г.	555,000	жит.
„ „ „ 1815 г.	1.095,950	„
„ „ „ 1865 г.	1.843,245	„
„ „ „ 1870 г.	1.767,200	„
„ „ „ 1875 г.	1.912,650	„
„ „ къ 1 янв. 1880 г.	2.028,021	„

Но въ этомъ постоянномъ приращеніи народонаселенія былъ періодъ остановки и даже обратнаго движенія, во время большаго голода 1868 года,

НЮШЛОТЪ.

когда около ста тысячъ жителей сдѣлались жертвой голоднаго тифа. Въ южныхъ округахъ, прилегающихъ къ Финскому заливу, населеніе уже составляетъ, въ среднемъ выводѣ, по 10 жителей, а въ Нюландской губерніи—даже около 16 жителей на квадр. километръ (11,3 и 18,1 на одну

квадратную версту), тогда какъ для всей территоріи великаго княжества „километрическая густота населенія“ въ три раза меньше; но нужно замѣтить, вмѣстѣ съ Игнаціусомъ, что изъ всѣхъ странъ, лежащихъ подъ тою же широтой, Финляндія есть самая населенная и наилучше обработанная. Хоть менѣе покровительствуемая кламатомъ, такъ какъ изотермы проходя по ея территоріи, изгибаются къ югу, она, однако, имѣетъ на равномъ пространствѣ гораздо больше жителей, чѣмъ области Скандинавскаго полуострова, лежащія къ сѣверу отъ шестидесятаго градуса широты. Иммиграція составляетъ лишь весьма незначительную долю въ приростѣ народонаселенія Финляндіи. Въ Выборгской губерніи съ давняго времени поселились въ небольшомъ числѣ русскіе крестьяне, сохранившіе свою вѣру, которую исповѣдуютъ также тысячи кареловъ, окрещенныхъ уже новгородцами; но, за исключеніемъ военныхъ и чиновниковъ, въ предѣлахъ великаго княжества насчитывается всего только около шести тысячъ русскихъ, а нѣмцы, по большей части фабриканты, ремесленники и торговцы, представляютъ цифру въ пять разъ меньшую. Кромѣ того, насчитываютъ около тысячи цыганъ, которые бродятъ въ сосѣдствѣ русской границы. Но эмиграціонное движеніе финляндцевъ довольно значительно: уже въ 1864 году около 15,000 жителей Петербурга были уроженцами Финляндіи; точно также на берегахъ Ботническаго залива, на побережьи Ледовитаго океана, квены и финны постоянно смѣшиваются съ лопарями, шведами и норвежцами. Оттуда нѣкоторые эмигранты продолжали свой путь даже за океанъ, въ Америку; въ городѣ Ганкокъ, въ штатѣ Мичиганъ, существуетъ маленькая финская колонія, издающая журналъ на языкѣ своей родины [1]).

Финляндскій народъ только-что вступилъ въ промышленный періодъ и четыре-пятыхъ жителей занимаются еще земледѣліемъ [2]). Однако общая поверхность утилизируемыхъ земель составляетъ только сорокъ-четвертую часть территоріи: остальное пространство состоитъ подъ паромъ, лѣсами, пустырями, озерами и болотами. Въ 1875 году земледѣльческая территорія Финляндіи распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Лѣса	19.239,480 десятинъ.	Подъ паромъ и вообще въ залежи	225,000 дес.
Пашни.	760,500 „	Воды, скалы, пустыри . .	13.525,020 „

Производство зерноваго хлѣба недостаточно для мѣстнаго потребленія, и финляндцы принуждены каждый годъ ввозить муку изъ Россіи. Въ 1875 году [3]) сборъ зерновыхъ хлѣбовъ далъ:

---

[1]) *Ignatius*, Le Grand-Duché de Finlande.

[2]) И скотоводствомъ, которое развивается и количественно, и качественно. Численность домашнихъ животныхъ въ Финляндіи въ 1878 г.: лошадей 275,281, крупнаго рогатаго скота 1.125,600, овецъ 1.025,212, свиней 200,000. *Ред.*

[3]) Въ 1879 г. собрано: пшеницы 17,000, ржи 1.769,625, ячменя 952,000, овса 1.499,850, картофеля 1.810,875 четвертей. *Ред.*

Пшеницы	14.420 четверт.	Ячменя	967.350 четверт.
Ржи	2.230.320 „	Овса	972.637 „

Взамѣнъ ввозимаго хлѣба, Финляндія отправляетъ заграницу лошадей, бойный скотъ, молоко, масло, сыръ; кромѣ того, петербургскіе рынки значительную часть дичи и рыбы получаютъ изъ сопредѣльныхъ финляндскихъ округовъ. Однако, главная отпускная торговля Финляндіи состоитъ изъ лѣса и другихъ продуктовъ лѣсоводства, смолы и дегтя. Какъ и въ Швеціи, лѣсныя богатства тратятся неразумно, такъ что для самой пустой подѣлки, какой-нибудь ничтожной ограды или забора, здѣсь употребляютъ столько же лѣса, сколько въ западной Европѣ потребовалось бы для постройки цѣлаго зданія. Въ прежнее время, чтобы расчистить лѣсной участокъ подъ пашню, прибѣгали исключительно къ *палу*, то-есть къ истребленію деревьевъ огнемъ [1]). Болѣе половины покрытаго лѣсами пространства территоріи принадлежитъ правительству; но казна доставляетъ торговлѣ количество лѣса меньшее трехъ четвертей того, какое продаютъ частные лѣсовладѣльцы.

Наибольшая часть земли находится во владѣніи если не тѣхъ, которые ее обработываютъ, то, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ класса крестьянъ. Болѣе половины земледѣльцевъ—еще и нынѣ мелкіе арендаторы или батраки, живущіе на жалованьи; но крѣпостное состояніе никогда не существовало въ шведской Финляндіи; только въ Выборгской губерніи, которая составляла часть собственно Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, помѣщики начали-было пріобрѣтать въ собственность крестьянъ вмѣстѣ съ землями, и теперь государство принуждено выкупать крестьянскіе надѣлы, чтобы перепродать ихъ землепашцамъ. Въ 1875 году земельныхъ владѣній насчитывали въ Финляндіи 106,412; по владѣльцамъ, эти земли распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Земли, принадлежащія	крестьянамъ	18.215,316	десят.
„ „	казнѣ	12.884,004	„
„ „	дворянству и т. д.	21.370,066	„
„ „	городамъ	54,646	„
„ „	церквамъ и монастырямъ	7.108	„

Многочисленныя дворянскія имѣнія пользуются въ Финляндіи важными привилегіями и не несутъ тѣхъ же налоговъ и повинностей, какъ земли крестьянъ Что касается земель, принадлежащихъ казнѣ, то онѣ по большей части отдаются въ аренду наслѣдственнымъ арендаторамъ, которые имѣютъ право выкупать участки на заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ: уплативъ арендную плату за три года, они становятся собственниками земли, на которой поселились.

[1]) *Голицинъ*, Финляндія.

Финляндія изобилуетъ рудными мѣсторожденіями, въ которыхъ встрѣчаются золото и серебро, свинецъ, цинкъ, мѣдь, олово и желѣзо; но недостатокъ хорошихъ путей сообщенія и суровость климата не позволяютъ эксплоатировать эти минеральныя богатства, а ломки прекраснаго гранита, порфира и мрамора утилизируются только тамъ, гдѣ выломанные камни могутъ быть непосредственно нагружаемы на суда для отправки въ приморскіе города. Изъ всѣхъ металловъ только желѣзо составляетъ предметъ дѣятельной разработки, но большинство желѣзо-плавильныхъ заводовъ или доменъ обработываетъ лишь иностранныя руды, а изъ мѣстныхъ—только болотную руду. Эта болотная или озерная руда собирается какъ песокъ со дна морскаго, или какъ илъ въ гаваняхъ, при помощи землечерпательныхъ машинъ; зернышки и кругляки углекислаго желѣзняка преобразуются мало-по-малу, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ заводчики предпринимаютъ новый сборъ руды.

Озерной желѣзной руды извлечено въ 1876 г.	4.222,011	пуд.
„ „ „ переплавлено въ 21 домнѣ (1876 г.).	3.345,508	„
Иностранн. „ „ „ „ „ „ .	113,736	„
Финляндск. „ „ „ „ „ „ .	3,316	„
Производство чугуна	1.591,679	„

Въ южныхъ областяхъ края большое число рудниковъ, разрабатываемыхъ въ живой скалѣ, нынѣ оставлено; вообще, горная промышленность все болѣе и болѣе переходитъ въ сѣверныя области [1]).

Кромѣ большихъ металлургическихъ заводовъ, Финляндія имѣетъ фабричныя заведенія для выдѣлки всякаго рода мануфактурныхъ предметовъ, сдѣлавшихся потребностью современныхъ народовъ; въ особенности она отличается по части прядекія и тканья матерій, а также производства писчей бумаги: подобно Швеціи, эта страна находитъ въ древесной массѣ важный сырой матеріалъ для своихъ бумажныхъ фабрикъ. Судостроеніе, преимущественно на берегахъ Ботническаго залива, также составляетъ прибыльный промыселъ, и торговый флотъ Финляндіи—одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Европѣ, пропорціонально числу жителей: если-бы Франція была такъ-же богата купеческими судами, то она обладала бы флотомъ въ 5 милліоновъ тоннъ вмѣстимости.

Коммерческій флотъ Финляндіи въ 1876 году [2]):

1,900 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ	285,000	тоннъ.
Изъ нихъ 125 пароходовъ, вмѣстимостью	7,250	„

Морская торговля также весьма дѣятельна: размѣры ея утроились за послѣднія двѣнадцать лѣтъ.

---

[1]) *Крапоткинъ*, Извѣстія Имп. русскаго географическаго общества, 1871 г., № 5.

[2]) Къ 1 января 1880 года: 1,811 судовъ, вмѣстимостью въ 291,234 тонны; въ томъ числѣ пароходовъ 170, вмѣстимостью въ 10,713 тоннъ. *Ред.*

Движеніе судоходства и цѣнность торговыхъ оборотовъ въ финляндскихъ портахъ [1]):

1866 г.	Прибыло	3,742	судна, вмѣстимостью	. . .	516,804 тонны.
1876 „	„	9,364	„ „	. . .	1.314,999 „
1866 „	Вышло	3,901	„ „	. . .	528,523 „
1876 „	„	9,220	„ „	. . .	1.310,679 „
1866 „	Привозъ .	12.016,585 м. р.	Отпускъ	. . .	6.937,171 м. р.
1877 „	„ .	37.300,585 „ „	„	. . .	26.145,600 „

Къ этой торговлѣ приморскихъ портовъ нужно прибавить торговлю, которая ведется черезъ сухопутную границу между Финляндіей и Россіей, по Ладожскому озеру и въ особенности по желѣзной дорогѣ изъ Выборга въ Петербургъ. Въ эти послѣдніе годы этотъ рельсовый путь овладѣлъ перевозкой большаго числа товаровъ, которые прежде отправлялись на каботажныхъ судахъ. Наконецъ, произведенія нѣмецкихъ мануфактуръ проникаютъ въ большомъ количествѣ въ Россію посредствомъ контрабанды, которая ведется вдоль всей границы. Между старинными обычаями финляндской торговли можно указать на такъ называемый „нѣмой торгъ", который держится еще въ различныхъ мѣстахъ. Крестьяне, привозящіе масло на ладожскіе пароходы для петербургскаго рынка, сдаютъ свой товаръ, записываютъ свои имена и количество доставленнаго масла, затѣмъ, въ извѣстный срокъ, получаютъ слѣдующія имъ деньги, и впродолженіе всей этой операціи продавецъ и покупатель не обмѣниваются ни единымъ словомъ.

Въ южной Финляндіи желѣзная дорога, почти параллельная морскому берегу, проведена изъ Выборга въ Ганге, съ вѣтвями на Гельсингфорсъ, Або и Таммерфорсъ (въ 1878 году общая длина финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ равнялась 827 верстамъ). Желѣзнодорожная сѣть должна продолжиться изъ Таммерфорса на сѣверо-западъ до Вазы, затѣмъ она пройдетъ до Улеаборга, лежащаго подъ 65 градусомъ широты; сдѣланы даже изысканія пути, который долженъ слѣдовать вдоль морскаго берега до Торнео. Нѣтъ сомнѣнія, что въ непродолжительномъ времени Финляндія и Швеція соединятъ свои желѣзнодорожныя линіи на рѣкѣ Торнео, въ сосѣдствѣ полярнаго круга. Равнымъ образомъ на фин-

---

[1]) Приводимъ движеніе судоходства и цѣнность торговыхъ оборотовъ за 1878 и 1879 гг.:

	Въ 1878 г.	Въ 1879 г.
Прибыло судовъ въ порты	8,460	7,902
Вмѣстимость ихъ	1.185,627 тоннъ	1.224,460 тоннъ
Вышло судовъ изъ портовъ	8,649 „	8,148 „
Вмѣстимость ихъ	1.196,736 „	1.245,486 „
Ввозъ на	32.087,445 м. р.	28.656,891 м. р.
Отпускъ на	29.086,781 „	23.528,567 „

ляндскомъ побережьи и на внутреннихъ озерахъ товары и пассажиры перевозятся съ помощью всемогущаго пара. Быстрые пассажирскіе пароходы поддерживаютъ правильное сообщеніе между всѣми городами морскаго берега, тогда какъ паровыя шлюпки и буксирные пароходы, проникая въ самое сердце Финляндіи черезъ двадцать восемь шлюзовъ Сайменскаго канала, ходятъ отъ Выборга до Куопіо и даже до Иденсальми, удаленнаго почти на 400 верстъ отъ моря по прямой линіи и на 500 слишкомъ верстъ, если считать повороты. Въ сравненіи съ работами того же рода, исполненными въ Россіи, финляндскія сооруженія замѣчательны своей прочностью и аккуратностью отдѣлки. Шоссейныя дороги Финляндіи, для которыхъ, впрочемъ, строители располагаютъ превосходными матеріалами, безспорно принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Европѣ. Недавно рѣшено приступить къ устройству судоходнаго канала, долженствующаго соединить оконечность Ботническаго залива съ Бѣлымъ моремъ: проектированный каналъ, длина котораго будетъ безъ малаго 500 верстъ, захватываетъ теченіе нѣсколькихъ рѣкъ, и, кромѣ того, въ составъ его войдетъ большое озеро Топъ (по-русски Топозеро).

Движеніе почтовой и телеграфной корреспонденціи въ Финляндіи гораздо значительнѣе, чѣмъ въ сосѣдней Россіи, благодаря болѣе высокому уровню народнаго образованія. Въ 1876 году въ великомъ княжествѣ было переслано по почтѣ 2.523,588 писемъ [1]); передано телеграммъ: 151,792 по внутренней корреспонденціи и 42,593 по заграничной. Число общественныхъ учебныхъ заведеній относительно не велико: въ 1877 году насчитывалось во всей Финляндіи только около двадцати тысячъ дѣтей въ начальныхъ школахъ и 4,250 воспитанниковъ въ лицеяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ цифры, относящіяся къ состоянію начальнаго образованія въ 1877 г. [2]):

Число постоянныхъ школъ 448; изъ нихъ въ городахъ 129, въ селеніяхъ 319. Финскихъ школъ 344; шведскихъ 98; финскихъ и шведскихъ 4; русскихъ 2. Учителей 231; учительницъ 301. Учениковъ 10,996; ученицъ 9,283.

Большинство дѣтей учится чтенію и пѣнію въ семействахъ и въ странствующихъ народныхъ школахъ, содержимыхъ сельскими обществами и временно пребывающихъ по два или по три мѣсяца въ каждой деревнѣ; но обученіе письму въ большомъ пренебреженіи у странствующихъ наставниковъ, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій фактъ: между тѣмъ какъ почти всѣ дѣти сѣверной Улеаборгской губерніи умѣютъ читать, едва только одинъ изъ двадцати знаетъ писать (умѣющіе читать

[1]) Въ 1878 г. 3.041,231. *Ред.*

[2]) Въ 1879 г. постоянныхъ начальныхъ школъ 537: въ городахъ 147, въ селеніяхъ 390. Финскихъ школъ 411, шведскихъ 124, русскихъ 2. Учителей 302, учительницъ 363. Учениковъ 13,276, ученицъ 10,522; всего 23,798. *Ред.*

составляютъ 95,9 процент., а умѣющіе писать только 5,8 процентовъ [1]). Даже въ нѣкоторыхъ южныхъ округахъ, гдѣ существуетъ много постоянныхъ народныхъ школъ, двѣ трети финскихъ дѣтей не обучены письму. Относительно своей численности, шведы Финляндіи все-еще образованнѣе финновъ, какъ о томъ можно судить по періодической печати края. Въ 1771 году появилась въ Финляндіи, именно въ городѣ Або, первая шведская газета, за которой пять лѣтъ спустя послѣдовало изданіе финской газеты. Въ настоящее время финская періодическая пресса, увеличеніе которой пропорціонально идетъ быстрѣе, превосходитъ числомъ изданій шведскую журналистику, но всего только на нѣсколько газетъ [2]).

Періодическ.	изд.	Финляндіи	въ	1836 г. :	6	на	шведск.	4	на	финск.	яз.
„	„	„	„	1872 г. :	21	„	„	16	„	„	„
„	„	„	„	1878 г. :	25	„	„	30	„	„	„

Административное вліяніе—съ одной стороны и вліяніе университета—съ другой даютъ въ печати преобладающую роль столицѣ: половина существующихъ въ краѣ повременныхъ изданій выходитъ въ Гельсингфорсѣ.

Великое княжество Финляндское соединено съ Россійской имперіей не только единствомъ верховной власти, но также общей солидарностью въ отношеніи иностранныхъ государствъ: управленіе внѣшними дѣлами одно и то же для обѣихъ странъ, и нѣкоторыя вѣдомства, какъ, напримѣръ, телеграфная часть, находятся въ завѣдываніи русскихъ чиновновниковъ. Образъ правленія въ Финляндіи, сохранившей въ существенныхъ чертахъ свое шведское устройство, есть въ принципѣ неограниченная монархія, соотвѣтственно формамъ древней скандинавской монархіи; но эти формы были видоизмѣнены императоромъ Александромъ I, который присоединилъ этотъ край къ русскимъ владѣніямъ и далъ ему особое устройство въ 1809 г. Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій, согласно выраженіямъ статутовъ или конституціи, „властенъ управлять государствомъ, охранять, спасать и защищать оное; начинать войну, заключать миръ и союзы съ иностранными державами; раздавать милости, возвращать жизнь, честь и имущество; располагать по своему высокому усмотрѣнію всѣми должностями страны, которыя должны быть замѣщаемы природными финскими мужами, и соблюдать законъ и правосудіе". Лицо Великаго Князя представляетъ въ Гельсингфорсѣ генералъ-губернаторъ, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный военный начальникъ (командующій войсками финляндскаго округа) и президентъ сената; кромѣ того, Государь назначаетъ въ своей резиденціи министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи, который долженъ быть финляндскимъ уроженцемъ

---

[1]) *Бар. Корфъ.* Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ.

[2]) Но съ каждымъ годомъ число періодическихъ изданій на финскомъ языкѣ увеличивается и абсолютно, и относительно. Такъ, нынѣ (1881 г.) изъ 69 періодическихъ изданій 42 выходятъ на финскомъ языкѣ и 27—на шведскомъ. *Ред.*

и который докладываетъ всѣ касающіяся края дѣла, представляемыя на Высочайшее рѣшеніе. Финляндскій сенатъ, назначаемый во всемъ его составѣ Государемъ, имѣетъ пребываніе въ Гельсингфорсѣ и дѣлится на два департамента—департаментъ юстиціи и департаментъ экономіи, состоящіе каждый изъ девяти членовъ. Оберъ-прокуроръ, также назначаемый Высочайшею властію, присутствуетъ на засѣданіяхъ сената, чтобы контролировать его рѣшенія и чтобы указывать ему предѣлы его власти, ибо въ важныхъ случаяхъ дѣло должно быть представляемо на Высочайшее усмотрѣніе. Кромѣ того, генералъ-губернаторъ высказываетъ свое особое мнѣніе въ протоколѣ совѣщаній.

Національное представительство или „сеймъ", которому статуты предоставляютъ долю участія въ законодательствѣ, состоитъ изъ двухъ сотъ членовъ, принадлежащихъ къ четыремъ сословіямъ: дворянству, духовенству лютеранской церкви, горожанамъ и крестьянству, которыя, съ 1863 года, собираются, въ лицѣ своихъ представителей, черезъ каждыя пять лѣтъ, въ обыкновенное или очередное собраніе, каждое сословіе въ отдѣльной залѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сословія могутъ соединяться для совмѣстнаго обсужденія какого-либо вопроса, но не имѣютъ права постановлять рѣшеній въ общемъ собраніи. Требуется согласіе четырехъ сословій относительно законовъ, касающихся государственнаго устройства, привилегій, налоговъ; распоряженіе о наборѣ войска не можетъ быть сдѣлано безъ ихъ общаго согласія. Впрочемъ, сеймъ обсуждаетъ только тѣ дѣла, которыя предлагаются на его разсмотрѣніе правительствомъ; въ остальномъ онъ пользуется лишь правомъ петиціи. Въ отвѣтъ на русскую рѣчь генералъ-губернатора финны и шведы отвѣчаютъ на своихъ природныхъ языкахъ, и часто, чтобы не возбуждать зависти ни въ той, ни въ другой національности, обратные отвѣты дѣлаются по французски,—на томъ языкѣ, на которомъ говорилъ Императоръ Александръ I предъ сеймомъ въ Борго. Всѣ дворянскія фамиліи представлены на сеймѣ своимъ главою или уполномоченнымъ, тогда какъ другія сословія, болѣе многочисленныя, должны избирать своихъ представителей. Составъ сейма въ 1878 года, по сословіямъ, былъ слѣдующій:

Дворянство . . .	121 представит.	Городское сословіе.	45 представит.
Духовенство . . .	36 „	Крестьянство . . .	59 „
	Всего . . . 261 представитель.		

Профессора подаютъ голосъ въ сословіи духовенства. Судовладѣльцы, владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, именитые городскіе жители, фабриканты и лица, занимающіяся промыслами на основаніи особыхъ привилегій, причисляются къ классу городскихъ избирателей: они назначаютъ одного депутата на 6,000 жителей городскаго населенія. Къ классу крестьянскихъ избирателей принадлежатъ землевладѣльцы и арендаторы казенныхъ

земель. Каждый изъ 50 судебныхъ округовъ имѣетъ своего представителя на сеймѣ.

Въ отношеніи гражданскаго управленія великое княжество дѣлится на восемь губерній (по шведски län), подраздѣляющихся на уѣзды (härader) и на общины, которые сами управляютъ своими мѣстными дѣлами, подъ контролемъ губернатора и другихъ чиновъ администраціи. Общинные избиратели располагаютъ каждый числомъ голосовъ, пропорціональнымъ платимой имъ цифрѣ налоговъ. Города, составляющіе отдѣльные административные округа, имѣютъ муниципальный совѣтъ, избираемый на три года, и одного или двухъ бургомистровъ назначаемыхъ Императоромъ изъ трехъ кандидатовъ, которые получили на выборахъ наибольшее число голосовъ.

Въ Финляндіи дѣйствуетъ еще шведскій кодексъ 1734 года, измѣненный во многихъ его узаконеніяхъ. Окружные суды, для разбирательства дѣлъ въ первой инстанціи, существуютъ въ числѣ 59, но они часто переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню, чтобы разбирать накопившіяся дѣла; эти суды состоятъ изъ одного судьи и по меньшей мѣрѣ изъ пяти крестьянскихъ засѣдателей, выбираемыхъ между людьми „благонадежными", по усмотрѣнію губернатора [1]). Въ городахъ существуютъ муниципальные суды или магистраты, въ которыхъ предсѣдательствуетъ бургомистръ. Вторую инстанцію составляютъ три судебныхъ палаты: въ Або, въ Николайстадтѣ и въ Выборгѣ, а высшее судебное учрежденіе— департаментъ юстиціи сената. Смертная казнь, легально еще существующая въ Финляндіи, уже около пятидесяти лѣтъ не была примѣняема на практикѣ.

Армія, которая по закону состоитъ исключительно изъ волонтеровъ, можетъ достигать цифры десяти тысячъ человѣкъ; но численность ея уменьшена, въ эти послѣдніе годы, до одного почетнаго батальона, состоящаго изъ 800 солдатъ, которыми командуютъ финляндскіе офицеры и которые употребляются на службу внутри края.

Финляндія, какъ и Швеція, имѣетъ свою государственную религію, именно лютеранскую; другія вѣроисповѣданія, за исключеніемъ православнаго, до сихъ поръ не получили еще разрѣшенія образовывать особенныя конгрегаціи. Даже евреи, которыхъ теперь насчитывается около 500 человѣкъ, живутъ въ краѣ лишь въ силу даннаго имъ дозволенія: они не могутъ натурализоваться. Въ 1875 году по вѣроисповѣданіямъ населеніе Финляндіи распредѣлялось слѣдующимъ образомъ [2]):

---

[1]) „Благонадежными" (valfrajdad), т. е. людьми, которые не были наказаны, по приговору суда, за преступленія, позорящія честь или доброе имя. Губернаторы не имѣютъ никакого отношенія къ судамъ, зависящимъ лишь отъ судебныхъ палатъ (гофгерихтовъ). *Ред.*

[2]) Въ 1879 г., лютеранъ 1.989,223, православныхъ 38,230, католиковъ 568. *Ред.*

Лютеранъ . . . . 1.875,426, или 98,05 числа жителей.
Православныхъ . . . . 36,655 „ 1,92 „ „
Католиковъ. . . . . 566 „ 0,03 „ „

Архіепископъ лютеранской церкви имѣетъ пребываніе въ городѣ Або; вся страна раздѣлена на 3 епископства, 45 пріорствъ или благочиній, 286 приходовъ, 491 конгрегацію; священнослужителей —около 900. Управленіе православной выборгской епархіей подчинено митрополиту с.-петербургскому и новгородскому. До 1866 года инспекція школъ принадлежала духовенству; въ настоящее время она поручена общинамъ, которыя для этой цѣли назначаютъ училищные совѣты.

Финляндскій бюджетъ простирается, среднимъ числомъ, на сумму около семи съ половиною милліоновъ м. рублей. Подобно великимъ державамъ, это маленькое княжество имѣетъ свой государственный долгъ, равняющійся цифрѣ его доходовъ за два года [1]).

Въ Финляндіи, какъ и въ Швеціи, города отличаются отъ мѣстечекъ и деревень не числомъ жителей, а привилегіями торговыми и политическими.

Слѣдующая таблица [2]) содержитъ списокъ губерній, съ показаніемъ ихъ пространства, цифры и густоты населенія.

Губерніи.	Поверхность			Населеніе		Въ 1879 г. жителей.	
	кв. миль.	кв. верстъ.	кв. кил.	къ 1 январл 1877 г.	къ 1 января 1880 г.	на 1 кв. версту.	на 1 кв. кил.
Нюландская . . .	215,6	10,432	11,872	185,641	193,545	18,5	16,3
Або-Бьернеборгск.	438,9	21,239	24,171	324,147	340,602	16,0	14,1
Тавастгусская . .	392,0	18,967	21,584	206,065	217,047	11,4	10,1
Выборгская [3]) . .	636,4	30,791	35,041	290,318	299,626	9,7	8,5
Сентъ-Михельская	414,8	20,070	22,840	162,836	166,905	8,3	7,3
Куопіоская . . .	776,0	37,548	42,730	238,280	251,254	6,7	5,9
Вазаская	756,3	36,592	41,642	331,215	352,881	9,6	8,5
Улеаборгская. . .	3,008	145,552	165,646	197,453	206,161	1,4	1,3
Итого . . .	6,638,0	321,191	365,526	1.935,955	2.028,021	6,3	5,5

[1]) Финляндія имѣетъ право чеканить монету. *Ред.*
[2]) Эта таблица совершенно передѣлана. *Ред.*
[3]) Безъ соотвѣтствующей части Ладожскаго озера. *Ред.*

III.

ПРИБАЛТІЙСКІЯ ГУБЕРНІИ:

Эстляндская, Лифляндская, Курляндская.

Три губерніи Россійской имперіи, обыкновенно называемыя „прибалтійскими“, „Остзейскимъ краемъ“, не отдѣлены отъ остальной Россіи никакой естественной границей; въ составъ ихъ не входитъ Петербургская губернія, хотя она и омывается тѣми же водами. Только на сѣверовостокѣ два соединенныя озера, Псковское и Чудское (Пейпусъ), и вытекающая изъ послѣдняго рѣка Нарова служатъ общей границей: Петербургской губерніи—съ западной стороны, губерніямъ Эстляндской и Лифляндской—съ восточной стороны; но на юго-востокѣ и на югѣ разграничительныя линіи, которыя то слѣдуютъ по теченію какой либо рѣки, то пересѣкаютъ лѣса или болота, всѣ чисто условны: отъ одной административной территоріи до другой продолжаются цѣпи холмовъ и равнины. Въ нижней части своего теченія, Западная Двина орошаетъ равнины Лифляндіи и Курляндіи; но эта рѣка лишь въ очень слабой степени способствовала связи и общности историческихъ судебъ Прибалтійскаго края: единство этихъ областей установилось главнымъ образомъ благодаря морю, благодаря Рижскому заливу, который далеко вдается въ твердую землю, омывая берега трехъ губерній. Черезъ море же вошли въ край иммигранты нѣмецкаго происхожденія, сдѣлавшіеся главными владѣльцами земли, коммерсантами и дворянами, — словомъ, обладателями всего національнаго богатства. Эти германскіе пришельцы уже перестали быть политическими властителями страны, но они все-еще сохраняютъ въ ней преобладающее вліяніе, благодаря своему богатству, образованію и пріобрѣтенному общественному положенію, и такимъ образомъ придаютъ особый характеръ той части Россійской имперіи, гдѣ они живутъ. По массѣ туземнаго населенія, Эстляндія, Лифляндія и Курляндія также отличаются, вообще говоря, отъ сопредѣльныхъ областей, хотя латыши живутъ также въ губерніи Витебской, самогиты или жмудины—въ Ковенской, эсты—въ Петербургской: только перейдя черезъ границы земель, населенныхъ эстами и латышами, вступаешь въ Россію собственно. Однако, прибалтійскія губерніи не имѣютъ частной политической автономіи, какъ Финляндія, ни даже административнаго единства. Поэтому общая статистика съ давнихъ поръ уже соединяетъ эти губерніи съ остальными губерніями имперіи; онѣ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ областей не по протяженію, но по числу жителей и по торговому движенію. Пространство и населеніе Прибалтійскаго края:

Губерніи.	Пространство со включеніемъ озеръ. Кв. миль.	Кв. верстъ.	Кв. кил.	Населеніе въ 1875 г.	въ 1879 г.	Число жителей въ 1879 г. на 1 кв. версту.	на 1 кв. килом.
Эстляндская	367,8	17,792	20,247	325,715	353,108	19,8	17,4
Лифляндская.	954,1	41,325	47,029	1.017,074	1.117,074	27,0	23,7
Курляндская.	495,5	23,977	27,286	637,146	681,930	28,4	25,0
Итого.	1,817,4	83,094	94,562	1.979,935	2.152,112	25,9	22,7

Въ цѣломъ губерніи балтійскаго прибрежья мало возвышаются надъ поверхностью моря, но мѣстами почва поднимается въ видѣ цѣпей или группъ холмовъ, которымъ контрастъ окружающихъ низменныхъ равнинъ придаетъ нѣкоторый рельефъ. Эти высоты, которыя въ общемъ своемъ образованіи похожи на холмистыя плоскія возвышенности Помераніи и Восточной Пруссіи, составляютъ также родъ водораздѣльнаго хребта между берегами Балтики и внутренними континентальными равнинами; но онѣ прерываются во многихъ мѣстахъ и даютъ проходъ текучимъ водамъ. Въ Эстляндіи почва повышается довольно круто надъ уровнемъ западнаго морскаго берега и образуетъ тамъ и сямъ утесы, состоящіе изъ песчаника и древнихъ известняковъ и которые у мѣстныхъ нѣмцевъ извѣстны подъ именемъ *Glinten*; это, безъ всякаго сомнѣнія, есть слегка видоизмѣненное датское названіе скалистыхъ крутыхъ скатовъ (*Klint*). Далѣе въ восточномъ направленіи кое-гдѣ возвышаются бугры среди низменностей; но въ видѣ настоящихъ холмовъ почва поднимается только въ сѣверо-восточной части края, гдѣ различныя вершины имѣютъ болѣе 330 футовъ высоты, а одна изъ нихъ, Эммо-Мегги, или „Гора-Мать", достигаетъ даже 500 слишкомъ футовъ; понятно, что въ глазахъ эстовъ такая возвышенность, господствующая надъ окружающими равнинами на далекое пространство, должна была казаться родительницей всей страны. Небольшія гряды эстляндскихъ высотъ постепенно понижаются на югѣ, къ границамъ Лифляндіи; но за равнинами, по которымъ протекаетъ рѣка Эмбахъ, или Эмба, мѣстность опять поднимается по обѣ стороны Вирцъ-Ярва, самаго большаго озера, лежащаго на всемъ его протяженіи въ предѣлахъ прибалтійскихъ губерній.

Къ востоку отъ этой водной площади, цѣпь холмовъ мало по малу поднимается и образуетъ широкое плато, надъ которымъ господствуетъ гора Мунна-Мегги, самая высокая вершина Лифляндіи. Изрѣзанная глубокими, поросшими лѣсомъ ущельями, которыя придаютъ скатамъ и вершинамъ величаво-суровый видъ, эта сплошная возвышенность продолжается на юго-востокъ къ „Чертовой горѣ" и далѣе этой высоты, проникая въ предѣлы губерній Псковской и Витебской, тогда какъ на юго-западѣ боковой кряжъ выдвигается между рѣками Аа и Западная Двина и образуетъ такъ называемую „Венденскую Швейцарію", живописную гористую мѣстность, сплошь усѣянную маленькими озерами, которыхъ тамъ

насчитываютъ цѣлыя сотни. На югъ отъ Двины, почва Курляндіи образуетъ другое плоскогорье, которое тянется вдоль этой рѣки до Митавской равнины, лежащей всего только на нѣсколько футовъ выше поверхности моря. Долина, по которой течетъ Курляндская Аа, отдѣляетъ эту равнину отъ треугольнаго полуострова, заключающагося между Рижскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Этотъ полуостровъ представляетъ другую „Швейцарію", похожую на Лифляндскую, то-есть лѣсистое плато, изрѣзанное по окружности въ видѣ многочленныхъ мысовъ и отражающее свои деревья въ водахъ маленькихъ озерныхъ бассейновъ. Эта плоская возвышенность оканчивается на сѣверѣ холмами, которымъ дали мало заслуженное названіе „Синихъ горъ", и высокимъ мысомъ Домеснесъ, основаніе котораго врѣзывается въ воды моря, какъ котватеръ корабля. На югѣ берегъ Балтійскаго моря, очень песчаный, окаймленъ, на большей части своего протяженія, дюнами, которыя прежде часто передвигались внутрь страны, гонимыя западнымъ вѣтромъ, вслѣдствіе чего принуждены были закрѣпить ихъ палисадами и насажденіями деревъ.

Главныя высоты прибалтійскихъ губерній:

Мунна-Мегги (Лифляндія)	1.065	фут.
Гайзингъ-Кальнъ „	996	„
Чертова гора, или Тейфельсбергъ (Лифляндія).	848	„
Эммо-Мегги (Эстляндія)	508	„
Вершина курляндской „Швейцаріи". . . .	442	„
Домесбергъ (Курляндія)	188	„

Территорія прибалтійскихъ губерній вся лежитъ въ области разсѣянія эрратическихъ камней, скандинавскихъ и финляндскихъ. Длинные бугры или валы, во всемъ сходные съ азарами Швеціи и Финляндіи, встрѣчаются во множествѣ на островѣ Эзелѣ и въ равнинахъ Эстляндіи. Тамъ видны также, до высоты 400 футовъ на холмахъ, полосы и полированныя грани на камняхъ, произведенныя льдами во время ихъ прохожденія; а подъ корнями деревьевъ, подъ дерномъ луговъ или подъ мохомъ болотъ, крестьяне часто находятъ груды гранитныхъ камней, принесенныхъ изъ Скандинавіи и смѣшанныхъ съ глетчерной глиной, сходной съ *till* или *boulder-clay* Шотландіи и Англіи [1]). Эрратическіе камни встрѣчаются вездѣ, гдѣ почва еще не обращена въ пахатную землю и гдѣ еще не убраны разсѣянные на ней камни; валуны попадаются даже на вершинѣ Мунна-Мегги. Подобно тому какъ въ Финляндіи и въ Швеціи, холмы во многихъ мѣстахъ Остзейскаго края расположены правильно по прямой линіи въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку: поверхность земли имѣетъ такой видъ, какъ будто она была распахана исполинскимъ плугомъ, и озера наполняютъ параллельныя борозды или впа-

[1]) *Schmidt*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, tome VIII, 1865.

дины, оставленныя между грядами и лѣсами; нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ частяхъ территоріи движущіеся льды также участвовали въ сообщеніи почвѣ этой, почти геометрически правильной, формы рельефа. Какъ на примѣръ этихъ цѣпей высотъ, правильно выструганныхъ и отшлифованныхъ въ одномъ и томъ же направленіи, можно указать на гряды холмовъ, которые возвышаются къ сѣверу отъ Дерпта.

На морскихъ берегахъ Восточной Пруссіи почва, какъ извѣстно, находится теперь въ періодѣ осѣданія; но въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ въ Эстляндіи, твердая земля движется въ обратномъ направленіи; по наблюденіямъ Рейнеке [1]), повышеніе почвы въ ревельскомъ портѣ составляло 62 миллиметра въ періодъ времени между годами 1822 и 1837; граница или шарниръ колебанія между осѣдающими мѣстностями и тѣми, которыя поднимаются, находится, быть можетъ, на берегахъ Рижскаго залива, древняго озера, западная стѣна котораго была разрушена размывами моря [2]). Во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно Эстляндія и сосѣдніе острова постепенно поднимаются изъ водъ Балтики, какъ утверждаютъ мѣстные жители, то это движеніе происходитъ гораздо медленнѣе, нежели повышеніе шведскихъ береговъ Ботническаго залива: здѣсь, очевидно, останавливается волна поднятія, гребень которой находится въ Скандинавіи, въ сосѣдствѣ полярнаго круга [3]).

Прибалтійскія губерніи принадлежатъ къ нѣсколькимъ рѣчнымъ бассейнамъ. На сѣверо-востокѣ, текучія воды спускаются къ большому озеру Пейпусъ и черезъ рѣку Нарову изливаются въ Финскій заливъ. Нѣкоторые рѣчки и ручьи, получающіе начало на сѣверномъ водоскатѣ Эстляндіи, также текутъ непосредственно въ этотъ заливъ. На западѣ Пернава, Лифляндская Аа, Западная Двина, Курляндская Аа впадаютъ въ Рижскій заливъ, тогда какъ Виндава и другіе менѣе важные потоки изливаются въ Балтійское море. Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ только одна, Западная Двина (по-латышски Даугава), катитъ значительную массу воды, которую можно считать равною почти 18,000 кубич. футовъ въ секунду, ибо бассейнъ этой рѣки обнимаетъ поверхность равную около 68,000 квадр. верстъ, и годовая высота выпадающихъ на этомъ пространствѣ дождей составляетъ приблизительно 500 миллиметровъ. Западная Двина образуется изъ ручьевъ, спускающихся изъ западныхъ и полуденныхъ долинъ Валдайской сплошной возвышенности, и течетъ сначала на юго-западъ, затѣмъ, ниже Витебска, она принимаетъ направленіе на западъ и далѣе на сѣверо-западъ. Во многихъ мѣстахъ ея берега, низменные и болотистые, сохранили слѣды прежнихъ ложъ: рѣка тамъ и сямъ передвигалась среди равнинъ, отыскивая наиболѣе благопріятный скатъ. По нынѣшнему рельефу

[1]) Hydrographie des Russischen Reiches, v. *Stuckenberg*.
[2]) *Бэръ и Гельмерсенъ*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol. IV.
[3]) *Бэръ*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, t. VI, 1863.

почвы, Двина должна была бы совершенно безпрепятственно продолжать свой путь къ югу и сдѣлалась бы притокомъ Днѣпра; но колебанія уровня и размывы, произведенные водами въ теченіе вѣковъ, позволили ей открыть себѣ русло между силлурійскими плоскими возвышенностями Лифляндіи и Курляндіи и такимъ образомъ направить свои воды въ Балтійское море. Пороги, которыми усѣяна эта рѣка во всей скалистой области, составляютъ серьезное препятствіе судоходству; на протяженіи 130 верстъ общее паденіе не превышаетъ 175 футовъ, но эта покатость очень неравномѣрна, и на многихъ подводныхъ камняхъ нерѣдко случались крушенія судовъ.

Ниже Риги рѣка развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, извивающихся въ древнемъ озерномъ бассейнѣ, отдѣленномъ нѣкогда отъ моря поясомъ дюнъ, которыя тщетно пытались закрѣпить: Малая Двина, Красная Двина, Старая Двина и другія подобныя названія напоминаютъ блужданія рѣки, а различныя сооруженія, форты, мельницы, плотины, появляются на картахъ то на сѣверѣ, то на югѣ отъ рукава, по которому слѣдуютъ суда [1]). Этотъ кордонъ дюнъ былъ прорванъ, но послѣ того образовался другой, который также былъ пробитъ водами, и между этими двумя цѣпями песчаныхъ горокъ протекаетъ Курляндская Аа, извѣстная въ нижнемъ своемъ теченіи подъ именемъ Больдеръ-Аа и соединяющаяся съ Двиной. Подойдя близко къ морю, у Шлока, Аа не могла открыть себѣ дороги черезъ груды песку, нанесенныя вѣтрами и волнами противъ ея устья; она должна была повернуть въ сторону, къ востоку, и течь параллельно морю, на протяженіи около 20 верстъ, до встрѣчи съ Западной Двиной. Но это только временное явленіе въ жизни рѣки. Прежде Аа текла не между двумя поясами дюнъ, но на югѣ отъ самой полуденной цѣпи; длинный неглубокій прудъ или болото, нынѣ заросшее камышами, указываетъ прежнее ложе рѣки. На западѣ отъ Шлока потоки и нѣсколько небольшихъ озеръ показываютъ, что воды нѣкогда текли въ этомъ направленіи, прямо противоположномъ тому, по которому онѣ слѣдуютъ въ наши дни. Наконецъ, верстахъ въ шести отъ устья Западной Двины, Больдеръ-Аа открыла себѣ собственное устье въ прибрежномъ поясѣ дюнъ, и рано или поздно можетъ случиться, что она перестанетъ быть притокомъ рижской рѣки. Что касается Лифляндской Аа, то изслѣдованіе мѣстности, по которой она протекаетъ, раскрываетъ подобную же исторію. По выходѣ изъ „Венденской Швейцаріи", гдѣ она глубоко изрѣзала почву, вырывъ ущелье съ обрывистыми стѣнами, эта рѣка вступаетъ въ низменныя равнины и, описавъ дугу въ сѣверо-западномъ направленіи, изливается въ Рижскій заливъ черезъ независимое устье; но ложныя рѣки въ видѣ полумѣсяца и озера въ формѣ ожерель-

[1]) *Stuckenberg*, Hydrographie des Russischen Reiches.

РИГА.

евъ, еще сообщающіяся отчасти съ Западной Двиной, свидѣтельствуютъ; что и Лифляндская Аа прежде соединялась съ главной рѣкой страны.

Сѣверная Лифляндія представляетъ другой замѣчательный примѣръ измѣненія, происшедшаго въ теченіи водъ. Въ центрѣ низменности, которая ограничиваетъ на югѣ невысокое плоскогорье и холмы Эстляндіи, находится Вирцъ-Ярвъ или „Бѣлое озеро“ — водная площадь, покрывающая пространство около 240 квадр. верстъ. Въ сѣверо-восточномъ углу этого озернаго бассейна открывается долина, черезъ которую изъ него вытекаетъ рѣка Эмбахъ, одинъ изъ главныхъ притоковъ Пейпуса и (черезъ это озеро) рѣки Наровы, впадающей въ Финскій заливъ; но отъ сѣверо-западнаго угла оз. Вирцъ начинается другая долина, которая явственно составляетъ на западѣ продолженіе долины р. Эмбахъ и которая соединяется съ низменностью, гдѣ течетъ теперь рѣка Феллинъ, притокъ Пернавы, впадающей въ Рижскій заливъ. Такимъ образомъ, прежде существовала непрерывная линія водъ, отдѣлявшая Эстляндію отъ континентальнаго ствола; но, вслѣдствіе поднятія почвы, прервалось сообщеніе водой между Рижскимъ заливомъ и озеромъ Вирцъ, которое нынѣ лежитъ на 112 футовъ выше уровня Балтійскаго моря. Безъ сомнѣнія, было время, когда Эстляндія была такимъ же островомъ, какъ Эзель, Даго, Вормсъ, Монъ, сгруппированные въ архипелагъ между Рижскимъ заливомъ и Балтикой въ собственномъ смыслѣ. По своимъ контурамъ и рельефу почвы, равно какъ по свойству своихъ горныхъ породъ, эти острова и Эстляндія, очевидно, составляютъ части одной и той же земли: континентальная область осталась почти островной по глубокимъ долинамъ, перерѣзывающимъ ея поверхность, а острова — ни что иное, какъ изрѣзанное водами продолженіе материка.

Прибалтійскимъ губерніямъ Россійской имперіи иногда даютъ названіе „нѣмецкихъ“, но совершенно неправильно, потому что въ этой странѣ масса населенія вовсе не германскаго происхожденія: какъ въ первые дни нашествія, нѣмцы остаются до сихъ поръ тѣмъ же, чѣмъ они были семьсотъ лѣтъ тому назадъ, — чужеземцами. Остзейскій край попрежнему принадлежитъ эстамъ и латышамъ по праву численнаго преобладанія.

Эсты, — таково обычное названіе коренныхъ жителей края, — народъ родственный финнамъ, которые живутъ на сѣверѣ отъ Финскаго залива: это — тѣ же суоми, или финны, и по происхожденію, и по языку, какъ и населенія „страны озеръ и гранита“. Имя ихъ встрѣчается въ очень многихъ древнихъ историческихъ памятникахъ, отъ Тацита и Птоломея до Іорнандеса и скандинавскихъ сагъ, подъ различными формами, какъ-то: Ostiones, Aesthieri, Istes, Aistones [1]); латыши назы-

---

[1]) *Richter*, Geschichte der Baltischen Provinzen.

ваютъ ихъ *Igaunas*, то-есть „изгнанниками“, сами же они именуютъ себя *Tallopoëg*, то-есть „сынами земли“, или также *Marahvas*, что значитъ „люди страны“; и дѣйствительно, они достаточно многочисленны, чтобы имѣть право считать себя населеніемъ по-преимуществу въ обширной территоріи. Пространство, которое они занимаютъ, переходитъ далеко за предѣлы провинціи, называемой по ихъ имени Эстоніей или Эстляндіей; они даже живутъ болѣе компактными массами въ сѣверной части Лифляндіи, чѣмъ въ Эстляндской губерніи, и ниже Пейпуса до южной стороны Псковскаго озера; они имѣютъ колоніи въ губерніяхъ Петербургской, Псковской, Витебской. Въ 1870 году общее число эстовъ, по приблизительному исчисленію, простиралось почти до 800,000; по губерніямъ они распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ Эстляндской около. . .	300,000	Въ Витебской около . . .	12,000
„ Лифляндской „ . . .	400,000	„ Петербургской около.	10,000
		Въ Псковской около . . .	10,000

Нѣкоторыя группы эстовъ совершенно отдѣлены отъ сплошной массы ихъ націи. Такъ, на югѣ отъ цѣпи высотъ, въ которой господствуетъ Чертова гора, живетъ нѣсколько сотъ эстонскихъ семей, составляющихъ вмѣстѣ около 2,000 душъ; семейства эти частію сгруппированы въ селеніяхъ, частію разсѣяны отдѣльными дворами или хуторами. Открытые, такъ сказать, Шегреномъ въ 1841 году, эти эстонскіе поселенцы были съ той эпохи изучаемы другими филологами, и языкъ ихъ признанъ очень близкимъ къ языку сѣверныхъ эстовъ; однако, тѣ и другіе съ трудомъ понимаютъ другъ друга, что происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ множества латышскихъ выраженій, вошедшихъ въ языкъ лифляндскихъ эстовъ [1]).

Въ общихъ чертахъ, т. е. если не обращать вниманія на значительныя различія типа, которыя представляются тамъ и сямъ, эсты имѣютъ большое сходство съ финляндскими тавастами; вообще полагаютъ, что они принадлежатъ къ той же отрасли большаго финскаго племени [2]); однако, русскія лѣтописи называютъ ихъ чудью, какъ и обитателей покатости Сѣвернаго океана. Многіе изъ эстовъ имѣютъ плоское лицо, узкіе глаза, общій обликъ, немного напоминающій монгольскій типъ; какъ и у финновъ, глаза у нихъ голубые, волосы свѣтлорусые, часто желтоватые. Говорятъ, что внутри края поселяне, жившіе въ тяжелой неволѣ у своихъ господъ во времена крѣпостнаго права и плохо вознаграждаемые за свой трудъ неблагодарной почвой, ниже ростомъ и слабѣе тѣлосложеніемъ, чѣмъ ихъ соотчичи въ приморскихъ мѣстностяхъ. Средній ростъ эстовъ, по Грубе, 1,642 метр.; средній указатель черепа: 77.26 по Грубе, 80.40

---

[1]) *Видеманъ*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, 1869.

[2]) *Gustaf Retzius*, Finska Kranier.

по Брока. Во время вѣковой борьбы съ датскими и нѣмецкими завоевателями, извѣстными въ странѣ подъ именемъ „саксадъ“, или саксовъ, эсты выказали замѣчательную силу сопротивленія, и ожесточенныя битвы не разъ орошали кровью ихъ поля. Впрочемъ, овладѣвая финской землей, народы германской расы приносили также туземному населенію знакомство съ болѣе высокой степенью гражданственности. Судя по ихъ словарю, эсты были еще почти варвары въ ту эпоху, когда они въ первый разъ пришли въ соприкосновеніе со своими сосѣдями, нѣмецкими и славянскими, ибо названія почти всѣхъ ихъ домашнихъ животныхъ и большей части ихъ орудій и инструментовъ иностраннаго происхожденія: они знали только собаку, лошадь да корову, а изъ хлѣбныхъ растеній имъ извѣстенъ былъ только ячмень; жилища ихъ были покрыты шкурами, въ родѣ самоѣдскаго чума [1]); но около одиннадцатаго столѣтія, въ эпоху, когда исторія уже ясно различаетъ ихъ, они строили дома и крѣпости изъ дерева; кромѣ того, они были въ то время страшные морскіе разбойники и умѣли строить ладьи для своихъ воинственныхъ экспедицій [2]). Однако, культура водворяется только номинально тамъ, гдѣ она сопровождается порабощеніемъ туземнаго населенія. До настоящей минуты эсты сохранили многіе изъ своихъ первобытныхъ обычаевъ, особенно въ церемоніяхъ брачнаго союза: и теперь еще невѣста прячется при прибытіи свадебнаго поѣзда и ее силой проводятъ къ жениху; затѣмъ, едва успѣетъ она войти въ домъ, какъ свекровь даетъ ей ударъ по лицу,—символъ того, что ожидаетъ ее въ новой семьѣ [3]).

Еще недавно эсты, которые, благодаря своему уму, образованію или счастливому случаю, попадали въ городское или дворянское сословіе, черезъ это самое становились нѣмцами; перемѣняя соціальное положеніе, они вмѣстѣ съ тѣмъ естественно перемѣняли и національность — до такой степени господствовало во всемъ обществѣ убѣжденіе, что эстъ обреченъ на рабство: было время, когда имя *Deutsche* (нѣмецъ) считалось синонимомъ господина и вообще свободнаго человѣка и когда рабы или крѣпостные, къ какому бы племени они ни принадлежали, назывались *Un-Deutschen* (не-нѣмцы) [4]). Теперь эти отношенія измѣнились къ лучшему, съ тѣхъ поръ, какъ языкъ эстовъ, также какъ и языкъ финскій, сдѣлался литературнымъ языкомъ, и уже не стыдятся говорить имъ. Очень сходные съ финляндскими тавастами по наружному виду, коренные жители Эстляндіи много отличаются отъ нихъ нравственными качествами, въ особенности сильно развитой у нихъ любовью къ поэзіи, способностью къ импровизаціямъ, постоянными пѣснями, даже во время ра-

---

[1]) *Ahlquist*, Ausland, 1871, № 31; *G. Haag*, Baltische Studien.
[2]) *Richter*, выше цитированное сочиненіе.
[3]) „Народы Россіи“.
[4]) *Balbi*, Atlas etnographique, Introduction, XXXI.

боты. Ихъ звучный языкъ, очень богатый гласными и гармоническими двугласными, но бѣдный согласными, какъ нельзя болѣе пригоденъ для поэзіи; во многихъ лежащихъ въ глуши селеніяхъ можно еще услышать героическія пѣсни, прославляющія подвиги предковъ. Пользуясь этими пѣснями, Крейцвальдъ собралъ отрывки, изъ которыхъ онъ составилъ народный эпосъ „Калевипоэгъ" (т. е. „Сыны Калеви"); но эта „эпопея" заключаетъ одни только преданія, переложенныя въ стихи новѣйшаго происхожденія; это—даже не сборникъ оригинальныхъ пѣсенъ, какъ карельскій эпосъ „Калевала"[1]). Теперь выходитъ отъ шести до восьми эстонскихъ періодическихъ изданій [2]) въ Ревелѣ, въ Дерптѣ, въ Петербургѣ, и писатели „молодой Эстоніи" обсуждаютъ на своемъ родномъ языкѣ вопросы соціальные и политическіе. Въ то же время это литературное эстонское движеніе сближается съ аналогичнымъ финскимъ движеніемъ въ Финляндіи—странѣ, гдѣ многіе памятники народнаго языка и поэзіи эстовъ находятъ издателей [3]). Это—начало „панфиннизма".

Народъ, давшій свое имя Ливоніи или Лифляндіи, почти совершенно исчезъ, и даже въ этой провинціи отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ нѣмецкіе завоеватели нашли ливовъ на обоихъ берегахъ Западной Двины, и географическія имена позволяютъ намъ распознать ихъ пребываніе на пространствѣ отъ моря до города Себежа въ Витебской губерніи [4]). Въ 1846 году съ трудомъ удалось, обращаясь къ воспоминаніямъ нѣсколькихъ стариковъ, собрать достаточно словъ и фразъ, чтобы составить словарь и грамматику: только такимъ образомъ ливскій языкъ, финскаго корня, какъ и языкъ эстовъ, былъ спасенъ для науки. Единственные ливы, живущіе еще въ видѣ національной группы, населяютъ нѣкоторые лѣса морскаго прибрежья, и то не въ Лифляндіи, а въ Курляндіи, на полуостровѣ, который оканчивается на сѣверѣ мысомъ Домеснесъ: этотъ остатокъ исчезающей народности состоитъ всего изъ какихъ нибудь двухъ тысячъ душъ, причисленныхъ къ эстамъ на этнографической картѣ Риттиха. Но скоро ихъ нужно будетъ помѣстить въ группу латышей, потому что къ языку ихъ такъ много примѣшано латышскихъ выраженій и оборотовъ, что теперь онъ не болѣе какъ жаргонъ; съ другой стороны, латышскій языкъ въ Лифляндіи показываетъ слѣды смѣшенія съ элементомъ финно-ливонскимъ [5]).

---

[1]) *Шифнеръ*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, tome II.

[2]) Въ 1881 г. изъ 32 періодическихъ изданій Лифляндіи выходило на языкахъ: нѣмецкомъ—16 (въ Ригѣ 9, въ Феллинѣ 1, въ Перновѣ—1, въ Дерптѣ 5), эстонскомъ—7 (въ Дерптѣ 5, въ Феллинѣ 1, въ Перновѣ 1), латышскомъ—6 (всѣ въ Ригѣ), русскомъ 2 (въ Ригѣ), на русскомъ и нѣмецкомъ вмѣстѣ 1 (въ Ригѣ). Въ среднемъ, 1 газета приходится на 32.000 жителей. *Ред.*

[3]) Uebersicht der Literatur Finlands, 1872—1874; Russische Revue, 1875.

[4]) *Барсовъ*, Очерки русской исторической Географіи.

[5]) *Риттихъ*, Прибалтійскій край.

Въ той же Курляндской губерніи, другое финское нарѣчіе, кревское, которымъ говорило нѣсколько тысячъ человѣкъ близъ Бауске, на югъ отъ Митавы, совершенно исчезло съ начала нынѣшняго столѣтія, и наукѣ не удалось даже составить полнаго словаря этого нарѣчія. Въ 1846 году извѣстный лингвистъ Шегренъ нашелъ не болѣе десятка кревовъ, сохранившихъ еще смутное воспоминаніе о языкѣ своихъ предковъ. Такая же участь постигла куровъ, (*корсь* русскихъ лѣтописей, *Kuren* нѣмцевъ),—народъ, который далъ свое имя Курляндіи, косѣ Куришe-Неругъ и заливу Куришe-Гафъ. Полагаютъ, что куры или корсь были финскаго происхожденія; но въ двѣнадцатомъ столѣтіи они уже „облатышились", подобно тому какъ это случилось съ потомками почти всѣхъ ливовъ [1]). Въ наши дни существуетъ еще небольшое число семействъ,—между Гольдингеномъ и Газенпотомъ, на сѣверо-востокѣ отъ Либавы, — которыя выводятъ свой родъ отъ древнихъ „королей куровъ". Эти „короли", упоминаемые въ первый разъ подъ 1320 годомъ, были по просту вольные крестьяне, избавленные отъ барщины, освобожденные отъ податей и отъ воинской повинности; кромѣ того, они имѣли право охотиться; общее мнѣніе считаетъ ихъ потомками родоначальниковъ этого племени, которые добровольно покорились нѣмцамъ. Они утратили свои привилегіи въ 1854 году; но въ 1865 году ихъ насчитывали еще болѣе четырехъ сотъ душъ въ семи деревняхъ. Они вступали въ бракъ только между собой.

Латыши, или летты, вытѣснившіе финскихъ ливовъ, — арійцы по языку, соплеменники литовцевъ и древнихъ боруссовъ или пруссовъ, слившихся нынѣ съ германцами Центральной Европы. Сами себя они называютъ *Latvis*, то-есть литовцами, а старинное русское наименованіе этого народа, *летьгола*, которое, очевидно, есть то же самое слово, что и *Latwin-Galas*, означаетъ „конецъ Литвы". Наименѣе смѣшанное и нѣкогда самое воинственное изъ ихъ племенъ, населяющее восточную часть Курляндіи (Семигалію), носитъ названіе семиговъ (въ русскихъ лѣтописяхъ „зимгола"), или *Jeme-Galas*, что значитъ — жители „конца земли". Они занимаютъ очень обширную территорію, обнимающую южную часть Лифляндіи, почти всю Курляндію, правый берегъ Западной Двины, ниже Дриссы, въ Витебской губерніи, и небольшую часть Ковенской губерніи. Г. Іорданъ исчисляетъ латышское населеніе въ 1.100,000 душъ, и число ихъ быстро возрастаетъ отъ постояннаго излишка рожденій надъ числомъ умирающихъ. По губерніямъ, это населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ Лифляндской .	410,000 латыш.	Въ Витебской. . .	200,000 латыш.
„ Курляндской .	460,000 „	„ Ковенской. . .	13,000 „

[1]) *Риттихъ*, тамъ же.

Крѣпко привязанные къ родному мѣсту, земледѣльцы-латыши живутъ по большей части особнякомъ, отдѣльными дворами: въ ихъ странѣ еще мало сплоченныхъ селеній, какъ въ Эстляндіи. Сначала союзники нѣмцевъ противъ эстовъ и ливовъ, съ которыми они вели войну, летты потомъ обратили оружіе, но уже слишкомъ поздно, противъ рыцарей ордена Меченосцевъ и должны были раздѣлить рабство своихъ сосѣдей. Однако теперь для нихъ насталъ періодъ пробужденія, и ихъ прекрасный языкъ, прежде мало развитый и обладавшій очень бѣдной литературой, все болѣе и болѣе оцѣнивается тѣми, которые говорятъ имъ и которымъ еще недавно была неизвѣстна высокая степень, принадлежащая ему въ семьѣ арійскихъ языковъ: по мнѣнію Шлейхера, латышскій языкъ находится къ литовскому, который изъ всѣхъ европейскихъ языковъ наиболѣе близокъ къ санскритскому, въ такомъ же отношеніи, какъ итальянскій къ латинскому языку. Первыя серьезныя переводныя сочиненія относятся по времени къ эпохѣ реформаціи, и протестантская религіозная ревность побудила даже нѣкоторыхъ нѣмцевъ,—между прочимъ, Эйнгорна,—заняться изученіемъ вѣрованій и исторіи этихъ презираемыхъ туземцевъ. Первая научная грамматика латышскаго языка, составленная Стендеромъ, котораго называютъ „отцомъ латышской литературы", вышла въ свѣтъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1876 году существовало уже пять латышскихъ періодическихъ изданій, которыя всѣ вмѣстѣ имѣли около двадцати тысячъ подписчиковъ. Переводная литература у латышей довольно богата и заключаетъ уже произведенія Шиллера, Шекспира и другихъ великихъ европейскихъ писателей. Наконецъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ и въ Финляндіи, старались открыть сокровищницу народной поэзіи: уже Гердеръ собралъ нѣкоторые образцы этой поэзіи въ своей книгѣ „Голосъ народовъ". Первое обширное собраніе произведеній латышской народной поэзіи было составлено Бютнеромъ и издано въ 1844 году латышскимъ литературнымъ обществомъ; но, „изъ вниманія къ нѣмецкой публикѣ", всѣ пѣсни, свидѣтельствующія о ненависти латышскаго народа къ его поработителямъ, были тщательно устранены издателемъ, такъ что, читая этотъ сборникъ, можно подумать, что латышская поэзія имѣла чисто идиллическій характеръ [1]). Съ половины текущаго столѣтія латышскіе патріоты сами принялись за дѣло, и теперь можно видѣть, каковы были чувства и думы народа во времена продолжительнаго рабства; одинъ изъ самыхъ полныхъ сборниковъ латышскихъ пѣсенъ былъ изданъ московскимъ антропологическимъ обществомъ.

Черта, которая всего болѣе поражаетъ въ задушевныхъ латышскихъ

---

[1]) *J. G. Kohl*, Die Völker Europa's; *Lankenau und v. d. Oelsnitz*, Das Russische Reich.

пѣсняхъ,—это ихъ первобытный характеръ. Вліяніе христіанской нѣмецкой культуры всегда и до настоящаго времени было очень слабо на этотъ народъ, который сохранялъ еще языческіе жертвенники въ восемнадцатомъ столѣтіи, даже до 1835 года [1]). Онъ сохранилъ въ своихъ пѣсняхъ имена древнихъ боговъ: Перкунасъ, или Громъ, Лайме, или Фортуна, Лига, богиня Радости. Бракъ, какимъ онъ изображается въ ихъ пѣсняхъ, всегда имѣетъ форму похищенія: родные жениха называются „похитителями", а родные невѣсты „преслѣдователями"; можно даже отыскать въ этой народной латышской поэзіи слѣды эпохи, когда молодые парни, жившіе особнякомъ, бракъ съ родной сестрой предпочитали опасному похищенію дѣвушки изъ чужаго семейства [2]). Большихъ эпическихъ поэмъ или былинъ у латышей нѣтъ; но и въ простыхъ четверостишіяхъ ихъ пѣсенъ, или *дзясмахъ*, какъ они ихъ называютъ, ясно видны слѣды періода воинственнаго и даже побѣдоноснаго, во время котораго летты „сжигали крѣпостцы русскихъ", „возбраняли полякамъ входъ въ край" или „встрѣчали врага середи моря"; однако, ихъ сношенія съ нѣмцемъ или русскимъ описываются обыкновенно словами ненависти или отчаянія. „О Рига, Рига, ты красива, очень красива! (говоритъ одна латышская пѣсня). Но кто тебя сдѣлалъ такой красивой? Рабство ливонцевъ".— „О! если-бы мнѣ достать тѣ деньги, что погребены на днѣ моря",—говорится въ другой пѣснѣ,—„я купилъ бы Рижскій замокъ со всѣми нѣмцами, и тогда я сталъ бы поступать съ ними такъ же, какъ они со мной поступали; я заставилъ бы ихъ плясать на горячихъ камняхъ". Однако въ этихъ народныхъ пѣсняхъ господствуетъ уныніе, упадокъ духа: „О, Боже мой, Боже! куда мнѣ дѣться? Лѣса полны волковъ и медвѣдей; поля полны господъ. О, Боже! покарай моего отца, мою мать за то, что они воспитали меня въ порабощенной странѣ!" И при всемъ томъ, сколько свѣжести, сколько любви и нѣжности въ большей части латышскихъ пѣсенъ, какая глубокая мысль выражена, напримѣръ, въ слѣдующей дзясмѣ— мысль, которая должна была бы служить девизомъ для всего Прибалтійскаго края, какъ и вообще для всего свѣта: „Я не хочу, чтобы меня возносили надъ другими, не хочу также, чтобы меня ставили ниже другихъ; я хочу только жить равнымъ между равными людьми".

Шведы, которые были обладателями Финляндіи, утвердились также и на противоположномъ берегу Финскаго залива, въ Эстляндіи и въ Лифляндіи. На берегахъ послѣдней, около Рижскаго залива, во многихъ мѣстахъ найдены камни, сложенные такимъ образомъ, что они представляютъ фигуру корабля,—памятники, какъ извѣстно, спеціально скандинавскіе [3]); сооруженіе ихъ приписывается сканійскимъ или норманскимъ

[1]) *Риттихъ*, Прибалтійской край.
[2]) Труды Антропол. Отд. Импер. Общ. Естеств. при Моск. Унив. II, №№ 345, 347, 348.
[3]) *Grevingk; Worsaae*, Colonisation de la Russie et du nord Scandinave.

поселенцамъ, пришедшимъ въ край въ первыя времена средневѣковаго періода,—слѣдовательно, ранѣе датскихъ завоевателей, которые овладѣли Эстоніей въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Кромѣ того, въ прибалтійскихъ губерніяхъ встрѣчаются древнія могилы, совершенно такія же, какъ въ Скандинавіи; наконецъ, многія имена мѣстъ, въ особенности названія острововъ, каковы: Даго, Вормсъ, Оденсгольмъ, Нукко, Мого, Кюно, Руно, также напоминаютъ о пребываніи этихъ переселенцевъ съ востока. Приливъ ихъ усилился еще гораздо болѣе, когда Эстонія, въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, а затѣмъ и Ливонія въ семнадцатомъ столѣтіи, сдѣлались на нѣкоторое время нераздѣльной частью шведской монархіи. Въ наши дни скандинавскіе поселенцы, число которыхъ теперь уже не увеличивается, какъ прежде, новыми выходцами изъ Швеціи, уменьшилось до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, живущихъ на Даго и на другихъ островахъ Эстонскаго архипелага; сами они называютъ себя *Eibofolket*, то-есть „островитянами". На островѣ Руно эти скандинавскіе колонисты остались свободными; всѣ они равные и всѣ владѣльцы земли и моря. Въ 1870 году шведовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по Риттиху, считалось: въ Лифляндской губерніи 366, въ Эстляндской 5,575, всего 5,941.

Славянскіе элементы составляютъ гораздо болѣе значительный процентъ въ населеніи прибалтійскихъ губерній, нежели элементъ скандинавскій. Тысячи поляковъ поселились въ краѣ, особенно въ Курляндіи, когда она была включена въ составъ польскаго государства (съ 1561 г. по 1795-й годъ). По статистическимъ даннымъ, насчитывается еще болѣе 15,000 поляковъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ; но, сверхъ того, большое число дворянъ, особенно въ Курляндіи, носятъ польскія фамиліи, хотя они теперь причисляются къ нѣмцамъ и говорятъ нѣмецкимъ языкомъ. Что касается русскихъ, то они начали свои нашествія въ прибалтійскія страны съ первой половины одиннадцатаго столѣтія и основали тамъ крѣпкій городъ Юрьевъ (Дерптъ) и другіе города. Нѣмецкое завоеваніе остановило военную колонизацію русскихъ, но оно способствовало развитію ихъ торговли въ краѣ. Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ религіозныя преслѣдованія побудили многихъ раскольниковъ переселиться изъ Московскаго государства въ прибалтійскій край; въ настоящее время въ одномъ только форштадтѣ Риги ихъ насчитываютъ до 8,000 человѣкъ, а во всемъ Остзейскомъ краѣ число старовѣровъ простирается до 20,000 слишкомъ: это—почти треть всѣхъ живущихъ въ этой странѣ русскихъ, пребывающихъ по большей части въ городахъ, преимущественно въ Ригѣ. Городское населеніе въ прибалтійскихъ губерніяхъ по національностямъ было распредѣлено въ 1867 году слѣдующимъ образомъ:

Нѣмцевъ	67,400	Латышей	28,300
Русскихъ	30,000	Эстовъ	18,200

Кромѣ русскихъ, около 80,000 эстовъ и 50,000 латышей исповѣ-

дуютъ православную греко-восточную вѣру. Обращеніе въ православіе усилилось въ особенности со времени большаго голода 1840—41 годовъ; крестьяне надѣялись, что имъ стóитъ только принять русскую вѣру, чтобы получить обратно земли, которыя были взяты у нихъ нѣмецкими дворянами. Въ два только года, 1845-мъ и 1846-мъ, 60,000 прибалтійскихъ крестьянъ перешли въ православіе [1]); но такъ какъ судьба ихъ отъ этого не измѣнилась, то и рвеніе постепенно остыло, и даже обнаружилось нѣкоторое движеніе въ обратномъ направленіи, въ противность законамъ имперіи. Латыши, пріобрѣвшіе земли цѣною перемѣны вѣры, получили ихъ далеко отъ своей родины—въ Симбирской губерніи, гдѣ они живутъ какъ-бы въ ссылкѣ.

Нѣмцы долгое время были политическими властителями края, и даже, когда они перестали быть господами силой меча, они все-таки остались классомъ господствующимъ силой денегъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся земли и мѣста. Въ 1159 году, когда они явились въ первый разъ на устьяхъ Западной Двины, они прибыли туда въ видѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе мореходовъ, умоляющихъ о пріютѣ: хорошо принятые, они черезъ нѣкоторое время возвращаются въ видѣ купцовъ, затѣмъ въ качествѣ проповѣдниковъ христіанской религіи и, въ концѣ концовъ, утвердились, какъ хозяева края. Крѣпкіе замки, укрѣпленные монастыри монаховъ-рыцарей воздвиглись на холмахъ, на высокихъ крутыхъ берегахъ рѣкъ, откуда могли совершенно господствовать надъ страной; въ то же время торговые города основались на благопріятныхъ мѣстахъ, и всѣ торговыя сношенія, отъ береговъ моря до областей центральной Россіи, шли черезъ посредство германскихъ колонистовъ. Такъ образовалось, надъ порабощеннымъ туземнымъ населеніемъ, два класса почти исключительно германскіе—дворянство и высшее городское сословіе, состоящее изъ купцовъ и почетныхъ гражданъ; и теперь еще, по прошествіи семи сотъ лѣтъ, эти два класса (ниже которыхъ стоятъ простые горожане, или мѣщане, составляя посредствующій классъ) сохранили свою силу и власть. Численность этихъ трехъ сословій въ Остзейскомъ краѣ опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

Дворянъ.	14,119
Купцовъ и почетныхъ гражданъ	7,000
Мѣщанъ	95,295

Два первые, господствующіе класса построили города, устроили пути сообщенія; они обратили оффиціально латышей и эстовъ сначала въ римско-католическую вѣру, затѣмъ, послѣ реформаціи, въ евангелическо-лютеранскую; они взимали десятины и другіе налоги, но имъ никоимъ обра-

[1]) *Busch*, Beiträge zur Geschichte und Statistik des Kirchen-und Schulwesen der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland.

зомъ не удалось, какъ это утверждали нѣмецкіе писатели, германизировать народъ, и число ихъ, сообразно показаніямъ статистиковъ различныхъ національностей, не достигаетъ даже двѣнадцатой части всего населенія края; по всей вѣроятности, оно составляетъ не болѣе пятнадцатой или шестнадцатой доли, причемъ процентъ ихъ уменьшается съ каждымъ годомъ, такъ какъ плодовитость городскаго населенія слабѣе плодовитости сельскихъ жителей [1]). Разногласіе въ исчисленіяхъ статистиковъ происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что евреи, въ числѣ свыше 40,000 душъ, часто причисляются къ жителямъ нѣмецкаго происхожденія.

Число нѣмцевъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ:

Въ Эстляндской	14,700	по Беку,		12,150	по Риттиху	
„ Лифляндской	63,300	„	„	64,120	„	„
„ Курляндской.	77,100	„	„	44,150	„	„
Всего	155,200	„	„	120,420	„	„

Богатые горожане говорятъ нѣмецкимъ языкомъ, тогда какъ поселяне, рабочіе, даже ремесленники употребляютъ еще свои родные языки. Нѣмецкіе пролетаріи городовъ, извѣстные подъ именемъ „Kleindeutschen“, считаются какъ-бы стоящими ниже туземцевъ и отдаются на всеобщее презрѣніе ихъ собственными соотечественниками [2]).

За періодомъ онѣмеченія слѣдовалъ періодъ руссификаціи или обрусѣнія,—выраженіе, употребленное уже болѣе столѣтія тому назадъ императрицей Екатериной II [3]). Въ 1835 году въ прибалтійскихъ губерніяхъ былъ введенъ сводъ русскихъ гражданскихъ законовъ, а въ 1850, затѣмъ въ 1867 году, издано повелѣніе объ употребленіи русскаго языка въ оффиціальной перепискѣ. Въ 1877 году, со введеніемъ Городоваго Положенія, привилегированныя нѣмецкія сословія или корпораціи должны были подчиниться новому порядку; избраніе должностныхъ лицъ общественнаго управленія предоставлено всѣмъ жителямъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ ценза, имущественнаго или образовательнаго; переписка этихъ управленій производится еще, „впредь до новаго распоряженія“, на нѣмецкомъ языкѣ; послѣдній все еще сохраняетъ нѣкоторыя привилегіи надъ „мѣстными языками“; но со временемъ онъ долженъ быть замѣненъ русскимъ языкомъ. Въ начальныхъ школахъ,—которыхъ въ Эстляндіи свыше 500,—обученіе по-прежнему ведется на туземныхъ языкахъ, тогда какъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ языкомъ преподаванія все-еще остается нѣмецкій. Но правительство принимаетъ уже предварительныя мѣры въ видахъ обрусѣнія школъ, и въ тѣхъ заведеніяхъ (учительскихъ семинаріяхъ), гдѣ приготовляются будущіе преподаватели, русскій языкъ

[1]) Russische Revue.

[2]) *J. G. Kohl*, Die Deutsch-Russischen Ostsee-Provinzen.

[3]) *Соловьевъ*, „Исторія Россіи“, т. XXVI.

сталъ уже господствующимъ. Точно также срокъ военной службы можетъ быть сокращаемъ только для тѣхъ солдатъ, которые выучились говорить языкомъ русскихъ офицеровъ.

Участь туземнаго населенія прибалтійскаго края была самая плачевная въ продолженіе всего періода нѣмецкаго господства. Отнятіе ноги сдѣлалось законной карой для крѣпостнаго, убѣжавшаго отъ своего господина [1]), и даже въ наши дни мать-эстонка грозитъ своему ребенку приходомъ нѣмца: „саксъ идетъ“! (Saks tuleb). Мать-латышка подобнымъ же образомъ возвѣщаетъ своимъ дѣтямъ пришествіе *Вацеша* [2]), и это прозвище, означающее „нѣмецъ“, составляетъ самое тяжкое оскорбленіе для латыша. При шведскомъ владычествѣ положеніе крѣпостнаго люда нѣсколько улучшилось; благодаря уменьшенію и урегулированію барщинныхъ работъ, оно начало приближаться къ положенію крестьянъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, и латышскій народъ до сихъ поръ сохраняетъ наилучшее воспоминаніе объ этой эпохѣ; но послѣ изгнанія шведовъ русскими, когда господство нѣмецкихъ помѣщиковъ было возстановлено и подтверждено граматами или хартіями, бо́льшая часть крестьянскихъ земель была конфискована. Крѣпостное право продолжалось до 1816 и 1819 годовъ: въ эту эпоху послѣдовало освобожденіе крестьянъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, но оно не дало земледѣльцамъ ни малѣйшаго права на землю и сохранило за землевладѣльцами мѣстное управленіе. Затѣмъ съ 1856 года прибѣгали къ кое-какимъ палліативнымъ мѣрамъ въ этомъ направленіи: пользованіе нѣкоторыми землями было обезпечено крестьянамъ, хотя право собственности осталось за помѣщиками, и изданы законоположенія, дозволяющія выкупъ земледѣльцами арендуемыхъ участковъ земли по соглашенію съ владѣльцами. Въ настоящее время распредѣленіе земельной собственности въ трехъ губерніяхъ Остзейскаго края представляется въ слѣдующемъ видѣ [3]):

	Курляндія.		Лифляндія.		Эстляндія.	
Госуд. крестьяне. влад.	15,8%	20,1 проц.	7,%	15,2 проц.	0,2%	1 проц.
Помѣщичьи „	4,3%		8,%		0,8%	
Дворянство		61,9 „		58,5 „		92,8 „
Казенныя земли		15,6 „		6,4 „		0,2 „
Городскія и другія земли .		2,4 „		19,8 „		6 „

Но если нѣкоторая пропорція „крестьянъ“ въ собственномъ смыслѣ, *Bauern*, могла освободиться отъ крѣпостной зависимости [4]), то батраки или

---

[1]) Чтенія московскаго общества любителей исторіи и древностей, за 1866 г.

[2]) *J. G. Kohl*, выше цитированное сочиненіе.

[3]) *Янсонъ*, Сравнительная статистика Россіи и пр., 1877 г.

[4]) Подробности о землевладѣніи и новѣйшія, относящіяся къ нему, данныя см. въ Прибавленіи къ этому сочиненію. *Ред.*

*

работники, *Knechte*, которые въ началѣ настоящаго столѣтія составляли девять-десятыхъ [1]) сельскаго населенія, не исчезли еще какъ классъ и по-прежнему остаются въ бѣдственномъ положеніи; многіе крестьяне, гонимые нуждою, выселяются во внутреннія губерніи Россіи, даже въ Крымъ и на Кавказъ. Въ Курляндіи болѣе четверти земледѣльцевъ бродятъ изъ имѣнія въ имѣніе въ качествѣ работниковъ: у нихъ нѣтъ ни клочка земли, къ которому бы они были привязаны какъ арендаторы или собственники. Земледѣліе въ прибалтійскихъ губерніяхъ стоитъ на гораздо болѣе высокой степени развитія, нежели въ остальной Россіи, и плодоперемѣнное полеводство составляетъ тамъ общее правило; не смотря на то, жители бѣгутъ изъ этого края и идутъ селиться въ мѣстностяхъ съ мало плодородной почвой, каковы Новгородская или Витебская губерніи. Ни въ одной части имперіи крестьянинъ не имѣетъ меньшей доли участія въ землевладѣніи.

Средняя величина дворянскихъ имѣній [2]):

Въ Курляндской губерніи		около	3,602	десятинъ.
„ Лифляндской	„	„	3,527	„
„ Эстляндской	„	„	3,110	„
„ Минской	„		2,356	„
„ Кіевской	„		1,553	„
„ Смоленской	„		300	„
„ Рязанской	„		191	„

Три прибалтійскія губерніи еще не имѣютъ достаточно жителей въ своихъ деревняхъ, чтобы во внутренности края могло основаться большое число рынковъ, гдѣ населеніе скучивалось-бы въ такой степени, что образовывало-бы настоящіе города. Въ значительномъ числѣ населеніе могло сконцентрироваться только на морскомъ берегу, въ мѣстахъ исключительно благопріятныхъ по своему положенію для торговыхъ сношеній съ заграницей.

Ревель,—Колывань древнихъ русскихъ,—столица Эстоніи, есть одинъ изъ такихъ привилегированныхъ по своему торговому положенію городовъ. Это—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россійской имперіи, такъ какъ онъ существовалъ уже въ то время, когда Вальдемаръ II, король датскій, построилъ здѣсь крѣпкій замокъ въ 1219 году. Городъ расположенъ на берегу глубокой бухты, защищенной островами; сверхъ того, онъ имѣетъ ту выгоду, что находится не далеко отъ сѣверо-западнаго угла Эстляндіи между Балтійскимъ моремъ и Финскимъ заливомъ и, благодаря этому положенію, служитъ естественнымъ пунктомъ расхожденія и соеди-

---

[1]) *Сиверсъ*, Сборникъ матеріаловъ для исторіи прибалтійскихъ губерній.
[2]) *Кн. Васильчиковъ*, „Землевладѣніе и земледѣліе“ (Спб., 1876).

РЕВЕЛЬ.

ненія нѣсколькихъ морскихъ путей. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ между ганзейскими городами „Восточнаго моря“. Въ эпоху шведскаго владычества, Ревель, который скандинавы называютъ Реваль, былъ въ одно и то же время ихъ военнымъ и торговымъ городомъ; здѣсь была ихъ сильнѣйшая крѣпость, и сюда же стекались товары къ ихъ складамъ. Въ наши дни это—самый полезный изъ передовыхъ портовъ, которыми располагаетъ на Балтикѣ столица Россіи: благодаря желѣзной дорогѣ, проведенной вдоль южнаго берега Финскаго залива, Петербургъ можетъ теперь ввозить впродолженіи части зимы много товаровъ, которые должны бы были останавливаться къ западу отъ Кронштадта по причинѣ замерзанія залива; суда выгружаютъ ихъ въ Ревелѣ, или въ его таможенномъ и военномъ аванпостѣ, Балтійскомъ Портѣ, который лежитъ западнѣе и омывается болѣе открытымъ и долѣе незамерзающимъ моремъ. Эта роль Ревеля, какъ передоваго порта Петербурга, объясняетъ значительную разницу, существующую между цѣнностью привоза и отпуска во внѣшней торговлѣ главнаго эстляндскаго города (въ 1876 году общая цѣнность привоза простиралась до 36.000,000 рублей, тогда какъ цѣнность вывоза не превышала 11.000,000 рублей) [1]. Ревель, четвертый портъ имперіи по цѣнности его торговыхъ оборотовъ, обязанъ также частію своей торговой дѣятельности положенію, которое онъ занимаетъ какъ разъ напротивъ Гельсингфорса, столицы Финляндіи. Городъ очень живописный, частію еще окруженный старинными стѣнами и защищенный съ южной стороны болотами и озерами, заключаетъ нѣсколько памятниковъ ганзейской эпохи, именно дома старинныхъ корпорацій или цѣховъ; на горѣ высятся замокъ и соборъ, гдѣ шведы могутъ видѣть гробницы многихъ знаменитыхъ людей ихъ исторіи; тамъ же погребенъ мореплаватель Крузенштернъ. Эсты составляютъ только половину населенія Ревеля; около трети его состоитъ изъ нѣмцевъ или лицъ германскаго происхожденія. Предъ этимъ городомъ, въ 1219 году, датскіе пираты, потерпѣвшіе пораженіе и обратившіеся въ бѣгство, увидѣли упавшее, по словамъ національной легенды, съ неба красное знамя съ бѣлымъ крестомъ, Данеброгъ, подъ которымъ они, снова вступивъ въ бой, одержали побѣду и которое съ той поры сдѣлалось для нихъ священной хоругвью.

Два города, Перновъ и Дерптъ, охраняютъ, на югѣ Эстляндіи, входъ въ извилистую долину, соединяющую Рижскій заливъ съ Чудскимъ озеромъ. Перновъ (по-нѣмецки Pernau), лежащій при устьи р. Перновы,—довольно значительный портъ, съ морскими купальнями; также какъ другой небольшой портъ, лежащій къ сѣверу-западу отъ него, Гапсаль, онъ отправляетъ заграницу главнымъ образомъ ленъ, зерновой хлѣбъ, масличныя сѣмена; двѣ-трети этого товара идутъ въ Англію. Движеніе су-

[1] Въ 1879 г. ввозъ въ Ревель—на 82.873,842 р., а отпускъ—на 24.881,239 р. *Ред.*

доходства въ перновскомъ портѣ въ 1876 году [1]); 750 судовъ; цѣнность отпускной торговли въ 1874 году: 7.920,925 рублей. Дерптъ (по-нѣмецки Dorpat, по-эстонски Тарту), — встарину Юрьевъ, — построенный частію на высокомъ холмѣ, который на югѣ господствуетъ надъ теченіемъ рѣки Эмбахъ, извѣстенъ въ особенности, какъ университетскій городъ. Въ 1632 году король шведскій Густавъ-Адольфъ, стоявшій тогда лагеремъ передъ Нюренбергомъ, издалъ повелѣніе объ основаніи этой высшей школы, которая впослѣдствіи должна была укрываться отъ наступавшихъ русскихъ войскъ, и изъ Пернова, куда она была переведена, принуждена была отправить въ Швецію своихъ профессоровъ, свою библіотеку и музей. Возстановленный въ 1802 году, дерптскій университетъ былъ уважаемъ съ той поры, хотя лекціи въ немъ читаются на нѣмецкомъ языкѣ; нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Россіи получили тамъ высшее образованіе. Въ 1879 году въ этомъ университетѣ было: профессоровъ 72, студентовъ 896; бюджетъ его въ 1877 году простирался до 234,100 рублей. По своимъ научнымъ сокровищамъ, дерптскій университетъ принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ высшихъ учебныхъ заведеній Европы; библіотека его содержитъ свыше 230,000 томовъ, и по всѣмъ наукамъ въ музеяхъ университета имѣются драгоцѣнныя коллекціи; обсерваторія, возвышающаяся на горѣ, рядомъ съ библіотекой и живописными развалинами древней готической церкви, есть та самая, гдѣ Струве и Медлеръ производили свои достопамятныя изслѣдованія въ области астрономіи. Въ Дерптѣ существуетъ, кромѣ того, ветеринарный институтъ. Многія ученыя общества, непосредственно связанныя съ университетомъ, издаютъ мемуары и сборники, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ важное значеніе. Дерптъ, стоящій какъ разъ въ точкѣ пересѣченія дорогъ изъ Риги, Пернова, Ревеля, Нарвы и Пскова, есть въ то же время торговый городъ, и нѣмцы, составляющіе большинство городскаго населенія, обогатились, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю экспедиціонную торговлю. Эсты, населяющіе городъ, по большей части работники, чернорабочіе или домашняя прислуга.

Рига, важнѣйшій городъ прибалтійскихъ губерній и по числу жителей пятый городъ Россійской имперіи, также имѣетъ болѣе нѣмецкій, чѣмъ русскій характеръ, какъ по своей исторіи, такъ и по составу своего населенія (въ 1867 году населеніе Риги по національностямъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: нѣмцевъ 43,980; русскихъ 25,772; латышей 24,199; евреевъ 5,254; эстовъ 872 и пр.). Эта „контора" или „рига" — какъ различно объясняютъ значеніе имени, даннаго городу его нѣмецкими основателями — не могла быть построена въ мѣстѣ болѣе благопріятномъ для торговли: здѣсь заливъ, называемый также Рижскимъ,

[1]) Въ 1879 г. 37 судовъ; отпускъ — на 7.372,908 руб. *Ред.*

всего далѣе проникаетъ внутрь твердой земли; здѣсь же изливается въ море Западная Двина, большая судоходная рѣка, по которой въ старину должны были подниматься всѣ купеческіе караваны, направлявшіеся къ центральной Россіи или къ бассейну Днѣпра; два притока, Аа Лифляндская и Курляндская, соединяются съ главной рѣкой или, по крайней мѣрѣ, съ аллювіальной дельтой въ ближайшемъ сосѣдствѣ Риги, вслѣдствіе чего этотъ городъ сдѣлался естественнымъ центромъ равнинъ, черезъ которыя онѣ протекаютъ; наконецъ, съ проведеніемъ орловско-витебской желѣзной дороги, онъ сталъ также однимъ изъ главныхъ экспедиціонныхъ портовъ центральной Россіи. Рижскій портъ въ настоящее время занимаетъ третье мѣсто между портовыми городами имперіи по обширности своихъ торговыхъ оборотовъ; онъ слѣдуетъ непосредственно за Петербургомъ и Одессою; уступая Ревелю по цѣнности привоза, онъ значительно превосходитъ его по размѣрамъ отпуска.

Общая цѣнность внѣшней торговли Риги въ 1874 году: 74.230,100 рублей [1]).

Съ Англіей	33.481,900	р.	Съ Голландіей	6.307,850	р.
„ Германіей	12.729,900	„	„ Франціей	6.066,375	„

Неудобства рижскаго порта происходятъ отъ продолжительности зимы, которая сковываетъ фарватеръ толстымъ слоемъ льда, и отъ силы весенняго ледохода, который наноситъ на городъ массы льда, уже разломавшагося въ верхнемъ теченіи Двины, тогда какъ нижняя часть рѣки еще покрыта сплошной кристаллической плитой. Съ другой стороны, входный баръ довольно мелокъ (средняя глубина его всего только около 14 футовъ), и потому суда большаго водоуглубленія не могутъ проникать съ полнымъ грузомъ въ устье Двины. Движеніе судоходства въ рижскомъ портѣ въ 1874 году [2]):

Въ приходѣ	3,306 судовъ,	вмѣстим. 968,094	тоннъ.
„ отходѣ	2,202 „	„ 965,460	„
Итого	6,508 судовъ,	вмѣстим. 1.933,554	тонны.

Не всѣ суда поднимаются до самаго города, который расположенъ верстахъ въ 10 отъ моря, на правомъ берегу рѣки; большое число ихъ останавливается передъ крѣпостью Дюнамюнде, названной такъ по причинѣ положенія ея на островѣ при устьи Западной Двины. Около половины торговаго обмѣна Риги производится съ Англіей, которая посы-

[1]) Въ 1879 г.—106.011,084 р.: съ Англіею—на 40 милл. руб., съ Германіею—на 24 милл. р., съ Голландіею—на 8 милл. р., съ Франціею—на $7^1/_2$ милл. р. *Ред.*

[2]) Въ 1879 г.: судовъ въ приходѣ 2681, въ отходѣ 2688, всего 5369 суд.; вмѣстимость вошедшихъ судовъ 467,136 ласт., вышедшихъ 468,548 ласт., итого 935,684 ласт. (1 л.=2 тонн.). *Ред.*

лаетъ соль, каменный уголь, табакъ, спиртуозные напитки, колоніальные продукты, мануфактурные товары, а беретъ взамѣнъ пеньку, ленъ, зерновой хлѣбъ, говяжье сало, доски. Названіе „рижскій лѣсъ", которое даютъ во Франціи бревнамъ, балкамъ и проч. изъ сосны и другихъ хвойныхъ древесныхъ породъ, привозимымъ изъ Россіи, свидѣтельствуетъ также о важности, которую получила въ этомъ портѣ отпускная торговля лѣсомъ; но нужно замѣтить, что лѣса по берегамъ Западной Двины уже истреблены въ значительной части. Рига—самый богатый землевладѣлецъ въ Лифляндіи.

Этотъ старинный ганзейскій городъ сохранилъ въ центральныхъ кварталахъ, то-есть въ собственно такъ называемомъ „городѣ", свою средневѣковую физіономію; тамъ еще видны нѣкоторые почтенные памятники древности,—между прочимъ, замокъ или бургъ тевтонскихъ рыцарей и дома корпорацій; но по ту сторону бульваровъ раскинулись предмѣстья или форштаты новѣйшей постройки, съ низкими домами, съ широкими и прямыми улицами. Между учебными заведеніями Риги, главное мѣсто занимаетъ политехническое училище [1]. Черезъ Западную Двину недавно построенъ желѣзнодорожный мостъ длиною около трехъ четвертей версты, на восьми солидныхъ быкахъ, которые выдерживаютъ напоръ льда, скопляющагося во время вскрытія рѣки. Форты и другія укрѣпленія защищаютъ подступы къ Ригѣ; но городской валъ преобразованъ въ гульбище.

Кругъ второстепенныхъ городовъ опоясываетъ столицу прибалтійскихъ губерній. На сѣверо-востокѣ, на Аа, стоитъ городъ Венденъ, съ развалинами замка, который былъ резиденціей гроссмейстеровъ или великихъ магистровъ ордена Меченосцевъ. На Западной Двинѣ Фридрихштадтъ и Якобштадтъ, изъ которыхъ послѣдній основанъ русскими переселенцами и теперь въ значительной части населенъ евреями, имѣютъ значеніе какъ пристани, гдѣ останавливаются пароходы, равно какъ плоты и мелкія суда, спускающіеся внизъ по рѣкѣ. На югѣ Курляндская Аа, еще ручей при городкѣ Бауске, становится уже рѣкой у Митавы (по-нѣмецки Mitau, по-латышски Jelgawa), главнаго города курляндскихъ герцоговъ, имя котораго такъ часто повторялось во Франціи, въ эпоху первой революціи, когда Людовикъ XVIII держалъ здѣсь свой дворъ: обширный замокъ, окруженный рощами и прудами, былъ построенъ въ стилѣ версальскаго дворца. Митава, мѣстопребываніе аристократическихъ фамилій края, городъ школъ и пансіоновъ, имѣетъ почти совершенно нѣмецкій характеръ, хотя всѣ окружающія деревни населены латышами, которыхъ митавскіе горожане, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, называютъ „восточными людьми".

---

[1] Въ 1880 г. профессоровъ и преподавателей 35, студентовъ 565; библіотека содержитъ 18,012 томовъ; бюджетъ—117,616 р. *Ред.*

Рѣчка Виндава, протекающая черезъ городъ Гольдингенъ, впадаетъ въ Балтійское море у небольшаго порта Виндавы, мало посѣщаемаго судами по причинѣ опасностей, представляемыхъ его баромъ. Движеніе судоходства въ виндавскомъ портѣ въ 1873 году [1]): прибыло 324 судна, поднимавшихъ вмѣстѣ 55,000 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ простиралась до 1.406,250 рублей. Самый дѣятельный портъ Курляндіи находится южнѣе, на узкой песчаной косѣ, отдѣляющей прибрежный прудъ отъ открытаго моря. Этотъ портъ, Либава (Libau по-нѣмецки, Leepaja по-латышски), образовался изъ пруда, или „Малаго моря", которое соединили съ Балтикой посредствомъ канала, окаймленнаго отчастію бонами, положенными на затопленныхъ плашкоутахъ, нагруженныхъ камнемъ. Лежащій южнѣе всѣхъ другихъ русскихъ портовъ Балтики, либавскій портъ освобождается отъ льдовъ тремя недѣлями ранѣе Риги, шестью недѣлями ранѣе Петербурга и соединенъ съ Вильно желѣзною дорогою; но баръ, черезъ который должны проходить суда, чтобы войти въ каналъ, имѣетъ всего только отъ 10 до $11^1/_2$ футовъ глубины, и притомъ онъ часто измѣняетъ положеніе и ширину послѣ сильныхъ ударовъ вѣтра, дующаго съ открытаго моря [2]). Эти опасности, представляемыя баромъ, объясняютъ меньшую важность Либавы въ сравненіи съ Ригой, съ Ревелемъ, съ Кенигсбергомъ, прусскимъ городомъ, который, однако, можно назвать русскимъ портомъ по направленію его торговаго движенія. Въ либавскомъ портѣ движеніе судоходства и цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1874 году [3]) выразились слѣдующими цифрами: прибыло и вышло 1,213 судовъ, поднимавшихъ вмѣстѣ 182,090 тоннъ; привозъ простирался на сумму 1.209,800 рублей, а отпускъ на сумму 6.299,650 руб. Къ югу отъ Либавы рыболовы собираютъ въ пескахъ ежегодно около 120 пудовъ янтаря, но на сѣверѣ отъ этого города онъ рѣдко встрѣчается.

Города Прибалтійскаго края, имѣвшіе свыше 4,000 жителей во время послѣднихъ переписей:

Эстляндская губернія.		*Курляндская губернія.*	
Ревель (1871 г.)	31,300 жит.	Митава (1867 г.)	23,100 жит.
Лифляндская губернія.		Либава (1871 г.)	10,750 „
Рига (1867 г.)	102,050 „	Якобштадтъ (1867 г.)	4,400 „
Дерптъ „ „	20,780 „	Бауске „ „	4,100 „
Перновъ „ „	9,525 „	Гольдингенъ „ „	4,000 „

---

[1]) Въ 1879 г.: прибыло 186 судовъ вмѣстим. 14.643 ласт.; вышло 183 судна вмѣстим. 14,362 ласта, а всего 369 судовъ вмѣстим. 29,005; цѣнность торговаго оборота—1.292,720 р. *Ред.*

[2]) *Le Gras*, Instructions nautiques sur la mer Baltique.

[3]) Въ 1879 г. прибыло и вышло 3,042 судна, поднимавшихъ 332,776 ласт.; привозъ—на сумму 4,663,007 р., а отпускъ—на 28,210,906 руб. *Ред.*

IV.

ПОЛЬША.

Самое имя этой части Россійской имперіи сдѣлалось какъ-бы символомъ національнаго несчастія. Страна, извѣстная подъ названіемъ Польши, утратила свое самостоятельное существованіе, и все, что остается отъ ея прежней независимости,—это особый титулъ въ перечисленіи громадныхъ областей Монарха всѣхъ частей Россіи; да и то въ послѣдніе годы эту часть стали обозначать оффиціально подъ наименованіемъ „Привислянскаго края“, и только изъ простой терпимости имя Польши, столь дорогое милліонамъ людей, сохранилось до нашихъ дней въ краѣ. Даже населеніе ея, связанное съ восточно-славянской державой, составляетъ лишь отрывокъ народа, отдѣленный отъ другихъ отрывковъ его, которые присоединили къ себѣ Пруссія и Австро-Венгрія. Слово Польша есть не болѣе, какъ историческій и этнографическій терминъ: въ политикѣ оно теперь не представляетъ ничего [1]).

[1]) Царство Польское вошло въ составъ Россійской Имперіи собственно только съ 1815 года. Предъ этимъ, послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1795 году, одна половина теперешняго Царства Польскаго съ г. Варшавой принадлежала Пруссіи, а другая—Австріи, что оставило до настоящаго времени замѣтные слѣды въ языкѣ, правахъ и законодательствѣ этой страны. Въ составъ Пруссіи входили теперешнія губерніи: Сувалкская, Ломжинская, Плоцкая, Калишская, Петроковская и Варшавская, а также часть Гродненской губерніи, образуя двѣ прусскія провинціи: 1) Южную Пруссію и 2) Ново-Восточную Пруссію. Австрія же изъ теперешнихъ губерній Сѣдлецкой, Люблинской, Кѣлецкой и Радомской образовала особую австрійскую провинцію подъ названіемъ Западной Галиціи, въ противоположность Восточной, вошедшей въ составъ Австріи еще по первому раздѣлу въ 1772 году. Прусское господство въ первыхъ шести губерніяхъ прекратилось въ 1807 году, а австрійское въ четырехъ остальныхъ губерніяхъ—въ 1809 году образованіемъ изъ нихъ, съ присоединеніемъ Познани, самостоятельнаго Варшавскаго герцогства. Созданное исключительно волею Наполеона I-го послѣ побѣдоносно оконченныхъ имъ войнъ съ Пруссіей и Австріей, это герцогство естественно соединило всецѣло свою послѣдующую судьбу съ успѣхами его оружія. Послѣ изгнанія въ 1812 году изъ Россіи войскъ Наполеона I-го, въ первыхъ рядахъ которыхъ сражались польскіе легіоны, и занятія русскими войсками въ 1813 году всей территоріи Варшавскаго герцогства, Австрія и Пруссія, свергнувъ иго Наполеона и вступивъ въ союзъ съ Россіей, потребовали возвращенія имъ всѣхъ польскихъ провинцій, отнятыхъ у нихъ Наполеономъ I-мъ и включенныхъ въ составъ этого герцогства. Но населеніе этихъ провинцій въ адресахъ, поданныхъ Императору Александру I чрезъ государственнаго секретаря Шанявскаго и князя Ад. Чарторыйскаго, умоляло государя „управлять имъ какъ ему угодно, но только не допустить снова подпасть Польшу подъ власть нѣмцевъ, такъ какъ поляки составляютъ одно племя съ русскими“. Созданное въ 1815 году императоромъ Александромъ I, Царство Польское, съ конституціей болѣе либеральной, чѣмъ конституція бывшаго Варшавскаго герцогства, съ самостоятельными законодательными палатами, потеряло свое политическое самоуправленіе вслѣдствіе революціи 1830 — 31 гг., продолжая сохранять, впрочемъ, отдѣльную отъ Россіи администрацію, которой лишилось послѣ политическихъ смутъ въ 1863 году. Одновременно съ образованіемъ въ 1815 году полусамостоятельнаго

А между тѣмъ было время, когда Польское королевство, обнимавшее также обширныя территоріи, которыя принадлежали ему или вслѣдствіе добровольной группировки населеній, или по праву завоеванія, или по праву наслѣдства, вытекавшаго изъ родственныхъ союзовъ государей, было одно изъ самыхъ могущественныхъ государствъ Европы. На всемъ пространствѣ отъ Будишина (Бауцена) въ Лузаціи и острова Рюгена до Смоленска и Днѣпровскихъ пороговъ, отъ Карпатовъ до рѣки Эмбахъ въ Ливоніи, нѣтъ ни одной территоріи, которая бы ни была въ теченіе послѣднихъ восьми столѣтій занята поляками или постоянно, или временно. Послѣ соединенія съ Литвой королевство Польское простиралось отъ Балтики до Понта Эвксинскаго черезъ всю ширину континента; но часто границы его перемѣщались, и когда Россія и Пруссія вступили одна и другая, въ эпоху территоріальныхъ присоединеній и завоеваній, со временъ Петра I и Екатерины II, стало очевиднымъ, что рано или поздно Польша должна задохнуться между своими могущественными сосѣдями. Въ 1772 году первый раздѣлъ, который, какъ говорятъ, причинилъ столько угрызеній совѣсти императрицѣ Маріи Терезіи и съ которымъ такъ легко примирились другіе европейскіе дворы, отрѣзалъ уже отъ Рѣчи Посполитой пространство земли свыше 200,000 кв. кил (175 тыс. кв. верстъ), съ населеніемъ около 5 милліоновъ; это — четвертая часть страны, болѣе трети населенія королевства, въ которомъ тогда было приблизительно около 12.500,000 жителей [1]). Двадцать одинъ годъ спустя Россія и Пруссія овладѣли каждая территоріей еще болѣе обширной, чѣмъ первая, и за этимъ вторымъ раздѣломъ въ скоромъ времени послѣдовалъ третій, къ участію въ которомъ была приглашена Австрія. Польша перестала существовать, какъ государство. Въ настоящемъ столѣтіи нѣкоторыя части бывшаго Польскаго королевства, герцогство Варшавское, республика Краковская, имѣли, правда, подобіе самостоятельной жизни или автономіи; но эта иллюзія должна была скоро разсѣяться, какъ дымъ, предъ суровой дѣйствительностью. Варшава, укрѣпленное мѣсто, гдѣ сосредоточены русскія войска, имѣетъ теперь назначеніемъ держать поляковъ въ повиновеніи, а Краковъ обратился въ главный городъ австрійской провинціи. Губерніи, на которыя раздѣлено бывшее королевство, имѣютъ отнынѣ для русскаго правительства только административное и

Царства Польскаго, г. Краковъ, древняя столица Польши, былъ признанъ на Вѣнскомъ конгрессѣ вольнымъ городомъ. Но, сдѣлавшись въ 1846 году центромъ революціоннаго движенія, направленнаго къ возстановленію политической независимости Польши, онъ послѣ подавленія этого движенія потерялъ свое самостоятельное политическое значеніе и включенъ въ составъ Австріи, какъ второстепенный городъ одной изъ ея провинцій. См. нѣсколько разъ цитируемую ниже авторомъ „Сравнительную статистику Царства Польскаго“ *Симоненко*. Варшава, 1879, стр. 29, 35, 55, 438—447. *Ред.*

[1]) *Ригеръ*, „Словарь наукъ“, ст. Польша, стр. 552 (по-чешски).

стратегическое значеніе: фискъ цѣнитъ Польшу, какъ область имперіи сравнительно самую многолюдную, наиболѣе промышленную, самую богатую и наиболѣе платящую налоговъ [1]), а главный штабъ видитъ въ ней четыреугольникъ крѣпостей, самый грозный въ центральной Европѣ [2]).

Пространство и населеніе Царства Польскаго [3]):

Поверхность.	Населеніе въ 1876 г.	На 1 кв. кил.	Вѣроятн. насел. въ 1879 г.
122,020 кв. кил. [4])	6.771,974 жит.	55 жит.	7.150,000 жит.

Оставляя въ сторонѣ безчисленныя превратности войнъ и политическихъ союзовъ, мы легко можемъ распознать общія причины, которыя привели польское государство къ паденію. Географическія условія территоріи, которую занимала польская нація, объясняютъ отчасти ея историческія судьбы. Природа не представляла полякамъ хорошо ограниченной рамки, ни естественнаго вала въ видѣ высотъ, который бы могъ имъ служить твердою опорою. Однако, страна, занимаемая главной массой польской народности, имѣетъ границы, довольно ясно очерченныя на большой части ея окружности: на югѣ цѣпь Карпатовъ служитъ есте-

[1]) *Залѣнскій*, Сравнительная статистика Царства Польскаго (по-польски). *Авт.*

Авторъ, конечно, говоритъ объ абсолютномъ податномъ обложеніи, а не объ относительномъ, такъ какъ въ сравненіи съ количествомъ населенія и производительными силами Царства Польскаго податная тягость, лежащая на немъ, нисколько не выше, чѣмъ на остальныхъ частяхъ Россіи. Болѣе раціональное, чѣмъ въ Россіи, распредѣленіе этой тягости, отсутствіе подушной подати и замѣна ея подоходной поземельной податью, безъ различія сословій, и менѣе обременительные выкупные платежи, лежащіе на земляхъ, которыми надѣлены крестьяне правительствомъ въ 1864 году—таковы главныя причины того, почему благосостояніе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ въ настоящее время гораздо выше положенія ихъ въ остальныхъ частяхъ Имперіи, даже такихъ, въ которыхъ средняя величина крестьянскихъ надѣловъ не меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. См. въ VI-мъ томѣ „Сборника Государственныхъ Знаній", издаваемаго въ С.-Петербургѣ академикомъ *Безобразовымъ*, рецензію проф. *Симоненко* на „Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ" ген. *Анучина*. Ср. въ IV-мъ томѣ того же сборника рецензію на „Сравн. Статистику" *Заленскаго*. *Ред.*

[2]) Реклю, очевидно, говоритъ здѣсь только о той половинѣ Царства Польскаго, которая лежитъ по правой сторонѣ рѣки Вислы. Другая же половина съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ, состоящая изъ губерній Радомской, Кѣлецкой, Петроковской, Калишской и большей части Варшавской, не входитъ въ этотъ четыреугольникъ крѣпостей. Чтó эта вторая половина Царства Польскаго не имѣетъ никакого стратегическаго значенія въ глазахъ нашего главнаго штаба видно, какъ изъ направленія проходящихъ чрезъ нее желѣзныхъ дорогъ, обезпечивающаго сосѣднимъ державамъ всѣ выгоды веденія наступательной войны, такъ и самымъ устройствомъ этихъ дорогъ, которыя, какъ и всѣ иностранныя дороги—узкоколейныя. Въ противоположность имъ привислянская желѣзная дорога, идущая по правой сторонѣ рѣки Вислы, а равно примыкающія къ той же сторонѣ желѣзныя дороги варшавско-тереспольская и варшавско-петербургская, имѣютъ для Россіи стратегическое значеніе—и по своему направленію, и по устройству, имѣя одинаковую колею со всѣми русскими желѣзными дорогами. *Ред.*

[3]) *Симоненко*, Сравнительная статистика Царства Польскаго.

[4]) По Стрѣльбицкому, 2,312 кв. м.=111,875 кв. в. На 1 кв. версту 63 жит. Дѣйствительное населеніе къ 1 января 1880 г.—7.105,000. *Ред.*

ственнымъ барьеромъ, черезъ который поляки не переступали ни въ одной точкѣ, какъ это сдѣлали русскіе; на сѣверѣ сплошная возвышенность, усѣянная озерами, сѣверный скатъ которой населенъ нѣмцами и потомками древнихъ порусcовъ или пруссовъ, представляетъ другой хребетъ или валъ, за который поляки тоже не переходили [1]). Эти естественныя границы также должны были способствовать сообщенію польской національности нѣкоторой связи, опредѣленно отдѣляя ее отъ ея сосѣдей и соединяя ее въ обособленную группу. Кромѣ того, рѣка Висла, которая пересѣкаетъ Польшу съ юга на сѣверъ, принимая въ себя притоки справа и слѣва, дѣлаетъ изъ всей страны географическій бассейнъ довольно правильный и обладающій большой силой сопротивленія. Но на востокѣ и на западѣ страна открыта, исключая тѣхъ частей, гдѣ тянутся болота и обширные, почти непроходимые лѣса: обширная низменность, отъ которой обитатели бассейна Вислы получили свое имя поляковъ, то-есть „жителей полей", продолжается съ одной стороны въ Германію, съ другой — въ Россію; но именно въ этомъ направленіи, параллельно градусамъ широты, происходили народныя переселенія, и давленіе народовъ другъ на друга проявляется съ наибольшей энергіей. При существованіи этихъ двухъ широкихъ брешей, граница Польши необходимо должна была сдѣлаться подвижной, измѣнчивой, какъ со стороны германцевъ, такъ и со стороны восточныхъ славянъ: нашествія и войны безпрестанно перемѣщали равновѣсіе народностей, боровшихся между собой изъ-за преобладанія.

Нѣсколько разъ Польша была самымъ могущественнымъ изъ славянскихъ государствъ и почти имѣла право присвоить себѣ названіе всеславянской державы. Тѣмъ не менѣе можно различать въ исторіи этого государства два главныхъ періода территоріальнаго расширенія, изъ которыхъ каждый смѣнялся эпохой ослабленія и оканчивался раздѣлами. Въ одиннадцатомъ и въ двѣнадцатомъ столѣтіяхъ земельныя приращенія дѣлались преимущественно со стороны запада, и Польша была передовымъ стражемъ и бойцомъ славянскихъ народностей противъ нѣмцевъ; съ четырнадцатаго до шестнадцатаго вѣка присоединительное движеніе направилось въ противоположную сторону, противъ восточныхъ славянъ. Въ первыя времена писаной исторіи польскаго народа, государство, обнимавшее Польшу въ собственномъ смыслѣ, то-есть „поля" по Вислѣ и Вартѣ, нынѣшнее Царство Польское и Познань, стремилось поглотить родственныя племена, которыя населяли территорію, простиравшуюся до Эльбы (Лабы). То вступая въ открытую вражду съ императорами Германіи, то поддаваясь обаянію „священной римской имперіи" и гордясь

---

[1]) Впрочемъ, часть прибалтійской возвышенности, по обоимъ склонамъ ея, населена вѣтвью польскаго племени — кашубами, вплоть до морскаго берега. Самый г. Данцигъ и все нижнее теченіе рѣки Вислы находятся всецѣло въ этнографической территоріи польскаго племени. *Ред.*

титуломъ ея вассала, короли польскіе успѣли овладѣть почти всѣми славянскими землями Запада. Въ началѣ одиннадцатаго столѣтія Болеславъ Храбрый или Великій, утвердившій единодержавіе въ Польшѣ и возстановившій независимость ея отъ германскаго императора, имѣлъ въ своемъ владѣніи Моравію, Силезію, Словакію, Лузацію, Червонную Русь или Галицію и даже Богемію въ теченіе короткаго періода [1]). Преемники этого государя скоро потеряли значительную часть его завоеваній; но, спустя столѣтіе, Болеславъ III Кривоустый обратилъ въ христіанство и покорилъ своей власти поморянъ, или жителей балтійскаго поморья (нынѣшняя Померанія), которые, будучи отдѣлены отъ Польши непроходимыми болотами рѣки Нотеци (Нетце), долгое время составляли какъ-бы особый міръ вокругъ Веллина или Винеты, балтійской Венеціи. Однако, раздоры славянъ между собою и германизація значительной части ихъ территоріи не позволили Польшѣ сохранить свое могущество со стороны запада, и начались раздѣлы. Къ концу тринадцатаго столѣтія королевство утратило половину земель, первоначально польскихъ, находящихся въ бассейнѣ Одры (Одера). Около того-же времени рыцари Тевтонскаго ордена, призванные однимъ удѣльнымъ польскимъ княземъ (Конрадомъ Мазовецкимъ) на помощь противъ пруссовъ, сами утвердились въ углу Балтики, въ землѣ руссо-литовцевъ, откуда они стратегически господствовали надъ землями по Нѣману и нижней Вислѣ. Такъ получилъ начало одинъ изъ элементовъ державы, которая впослѣдствіи должна была способствовать разрушенію польскаго государства.

Въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, со временъ Казиміра Великаго, который навсегда отказался отъ Польской Силезіи, Польша, повидимому, устремляетъ взоры исключительно на востокъ; посредствомъ религіозной пропаганды и черезъ бракъ королевы польской Ядвиги съ языческимъ княземъ Ягелло, она соединяется съ Литвой, и вся западная Россія стала открыта ея вліянію; границы ея переходятъ за Днѣпръ и Западную Двину; мало того, Сигизмундъ III, въ семнадцатомъ столѣтіи, стремился сдѣлаться монархомъ всего востока и сѣвера Европы: будучи въ одно и то же время королемъ Польши и претендентомъ на тронъ Швеціи, онъ пытался также взойти на престолъ московскаго государства. Съ Яномъ Собѣскимъ польскій народъ, геройскій и храбрый, казалось, сдѣлался окончательно бойцомъ запада въ борьбѣ противъ мусульманскаго востока. Но тогда польское государство было уже близко къ распаденію. Въ видахъ достиженія политической централизаціи, Польша сдѣлалась защитницей римскаго католицизма противъ протестантовъ и противъ русской православной церкви; по мнѣнію польскаго историка

[1]) *Лелевель*, Польша въ средніе вѣка (по-польски); *Гильфердингъ*, Исторія балтійскихъ славянъ, Москва, 1855; *Успенскій*, Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ Европы, Спб., 1872.

Лелевеля, это и было причиной ея паденія [1]. Украинскіе казаки и крестьяне возмутились, и польское правительство употребило силу для ихъ усмиренія.

Уже въ 1661 году король Янъ Казимиръ предсказывалъ сейму, что Рѣчь Посполитая достанется въ удѣлъ чужеземцамъ: „Москва и казаки, говорилъ король, возьмутъ великое княжество Литовское, которое связано съ ними языкомъ и вѣрой; Великая Польша откроется бранденбуржцу (Пруссіи)...; а австрійскій домъ, вопреки всѣмъ его благимъ намѣреніямъ, не упуститъ случая прибрать къ рукамъ Краковское воеводство (Малую Польшу [2])“. Спустя столѣтіе предчувствія Яна Казимира оправдались. Впрочемъ, если поляки были достаточно сильны, чтобы бороться противъ своихъ могущественныхъ сосѣдей въ эпоху феодальнаго безпорядка,—въ тѣ времена, когда народы, всецѣло принадлежа своимъ повелителямъ, вели войны другъ противъ друга по водѣ личныхъ честолюбій, то условія совершенно перемѣнились, когда націи Европы прочно сгруппировались въ централизованныя государства. Тогда Польша оказалась слишкомъ слабой, чтобы проявлять достаточное сопротивленіе, а ея открытыя границы оставляли свободный доступъ внѣшнему врагу.

Однако, самая важная невыгода въ положеніи Польши была не въ отсутствіи естественныхъ границъ на востокѣ и западѣ государства, а въ недостаткѣ прочной связи между жителями, въ провинціяхъ спеціально польскихъ. Вслѣдствіе недостатка географическихъ границъ на западной и восточной окраинахъ, воинственный элементъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или *шляхты*, именуемой на пергаментахъ *ordo equestris*, развился до крайней степени и не имѣлъ болѣе никакой связи съ трудящимся народомъ. Евреи явились, чтобы пополнить пробѣлъ существовавшій между общественными классами. Ни одна страна Европы не заключала въ себѣ, да и теперь еще не заключаетъ, столько евреевъ, и эти люди иной расы, какова бы, впрочемъ, ни была ихъ привязанность къ польской почвѣ, составляли въ дѣйствительности особый народъ, имѣющій собственные интересы, прямо противоположные интересамъ другихъ жителей, и тѣмъ не менѣе служащій посредникомъ всѣмъ и каждому, образующій, такъ сказать, буржуазію, или среднее сословіе страны. Они одни занимались торговлей; они одни распредѣляли произведенія страны, продавая ихъ и хлопамъ (холопамъ), и панамъ, мѣшая кореннымъ жителямъ вступать другъ съ другомъ въ непосредственныя торговыя сношенія: при ихъ посредствѣ совершался кругооборотъ экономической жизни во всей націи, и, однако, сами они были чужды этой націи; въ минуту опасности они держались въ сторонѣ, ни мало не заботясь о томъ, чтобы сближать различные

[1]) *Лелевель*, Польша и Испанія (по польски).
[2]) *Коховскій*, Klimakter, II, 506.

классы и разъединенныя общины; народъ, состоявшій изъ людей, которые не знали другъ друга, оставался раздѣленнымъ и недоумѣвающимъ, что предпринять. Такимъ образомъ, эта причина внутренняго разстройства усиливала дезорганизацію, происходившую отъ раздѣленія Польши, съ одиннадцатаго и еще болѣе съ четырнадцатаго столѣтія, на два враждебныхъ класса—классъ пановъ или дворянства и классъ холоповъ или порабощеннаго крестьянства. Польскую отчизну погубила не столько неурядица, какъ это часто повторяли, сколько привилегіи, такъ называемыя шляхетскія вольности. Крестьяне, которые прежде пользовались личной свободой и были собственниками земли на правахъ общиннаго владѣнія, съ теченіемъ времени лишились и того, и другаго — и земель, и свободы. Дворяне или помѣщики сдѣлались полновластными господами: овладѣвъ имѣніемъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ присвоили себѣ и самую жизнь закрѣпощеннаго земледѣльца. „Польша единственная страна, гдѣ народъ какъ бы лишенъ всѣхъ человѣческихъ правъ", говорилъ въ изгнаніи король польскій Станиславъ Лещинскій [1]). Государство, которое носило имя „республики", было на самомъ дѣлѣ ни что иное, какъ конфедерація многихъ тысячъ деспотическихъ монархій. Паны, поставленные, такъ сказать, внѣ націи, отказывались платить свою долю на покрытіе общественныхъ расходовъ: хотя существовала поголовная подать, отъ которой по закону никто не могъ быть освобожденъ, однако землевладѣльцы всегда находили способы уклоняться отъ исполненія этой повинности [2]), польское государство никогда не имѣло финансовъ въ собственномъ смыслѣ; ему невозможно было даже собирать сколько-нибудь цѣнныя свѣдѣнія по общей статистикѣ [3]); всѣ попытки въ этомъ направленіи разбивались о постоянное противодѣйствіе помѣщиковъ и шляхты.

Безспорно, мужество поляковъ достигало часто высокой степени энергіи въ минуты отчаянія. Ни одна нація не имѣла болѣе героевъ въ несчастіи: во время инсуррекціонныхъ войнъ мужчины, женщины обрекали себя на ссылку, на смерть въ простотѣ душевной, которая никогда не имѣла себѣ равной, и однако, даже въ эти эпохи нравственнаго величія, польскій народъ всегда оставался раздѣленнымъ на двѣ враждебныхъ націи. Тѣ, которые ратовали за возстановленіе независимости Польши, не умѣли или не смѣли дать свободу самимъ

---

[1]) Considérations sur le gouvernement de la Pologne, 1733.

[2]) На существованіе общей для всѣхъ поголовной подати собственно нѣтъ указаній въ польскихъ volumina legum. О ней упоминаютъ только лѣтописцы не позже XVI вѣка, и то какъ о подати, взыскивавшейся въ случаѣ чрезвычайной опасности войны. Но позже существовала, въ смыслѣ общей для всѣхъ земель подати, сначала подымная, а потомъ подоходная поземельная, къ которымъ вполнѣ примѣнимо то, что говоритъ авторъ объ уклоненіи отъ платежа ихъ польскою шляхтою. См. I-ю главу цитированнаго сочиненія Симоненки, стр. 20—25. *Ред.*

[3]) *Симоненко*, выше цитированное сочиненіе.

полякамъ; несчастные крѣпостные оставались согбенными надъ землей, которую они обработывали. Косцюшко, правда, желалъ отмѣны крѣпостнаго права; но крестьяне, послѣдовавшие за диктаторомъ, пользовались свободой только во время войны, и его эманципаціонный декретъ былъ составленъ въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что не могъ имѣть никакого дѣйствія. Впослѣдствіи, во время образованія эфемернаго герцогства Варшавскаго, освобожденіе крестьянъ было провозглашено оффиціально, но земля не была имъ дана, и положеніе ихъ измѣнилось только по виду; для тысячъ изъ нихъ оно даже ухудшилось, потому что это формальное освобожденіе отнимало у нихъ всякое право воздѣлывать поле, на которомъ жили ихъ отцы и дѣды. Еще наканунѣ послѣдняго возстанія, крестьяне въ собственномъ смыслѣ были представлены всего только 22,000 лицами въ классѣ землевладѣльцевъ, тогда какъ число земледѣльцевъ, работавшихъ на господской землѣ, простиралось до двухъ милліоновъ; кромѣ того, насчитывали около 1.400,000 работниковъ, поденщиковъ и домашней прислуги [1]). Не таковъ, вѣроятно, былъ бы ходъ исторіи, если бы люди, боровшіеся за независимость Польши, могли опираться на свободное населеніе, владѣющее собственной землей и заботящееся о томъ, чтобы защитить ее. И даже послѣ паденія отечества это средство было, можетъ быть, единственное, которое могло бы подавать надежду достигнуть когда-нибудь его возстановленія. По крайней мѣрѣ русскіе не могли бы явиться въ качествѣ освободителей, какъ это они сдѣлали въ 1863 году, давъ крестьянину часть земли, которую онъ обрабатывалъ.

Самое большое несчастіе, которое можетъ постигнуть народъ, есть, безъ сомнѣнія, потеря его національной независимости. Въ политическомъ смыслѣ полякъ теперь можетъ считать себя полякомъ только по воспоминанію: онъ сдѣлался какъ бы чужеземцемъ на своей собственной почвѣ и, такъ сказать, остерегаясь говорить своимъ роднымъ языкомъ; мысль его не свободна; геній его болѣе не развивается сообразно своей природѣ. Это бѣдствіе для всего человѣчества, что жизнь одного изъ народовъ такъ стѣснена [2]), но она, безъ сомнѣнія, проявится снова, хотя и укло-

[1]) *Schnitzler*, L'Empire des Tzars.

[2]) Авторъ говоритъ въ этомъ случаѣ, конечно, только о стѣсненіи жизни прежнихъ правящихъ классовъ польскаго общества, такъ какъ большинство населенія Польши во время ея политической независимости имѣло гораздо болѣе основаній чувствовать себя какъ бы чужеземцами на своей собственной почвѣ, чѣмъ теперь, потому что тогда оно было лишено не только политическихъ, но и общечеловѣческихъ правъ, чѣмъ и объясняется то безучастіе, съ которымъ оно относилось какъ къ потерѣ страною политической независимости, такъ и къ послѣдующимъ попыткамъ возстановить ее. Въ теченіе всего XIX вѣка, всякій разъ, какъ только представлялась возможность правящимъ классамъ,

няясь отъ своего первоначальнаго пути, ибо поляки по своей промышленности, по своей цивилизаціи, по своему нравственному достоинству стоятъ, конечно, не ниже своихъ предковъ. Отнынѣ Польша, слишкомъ слабая, чтобы вернуть себѣ собственными силами самостоятельное существованіе, соединить свою судьбу съ судьбою Россіи и пойдетъ по пути прогресса вмѣстѣ съ русскими.

Привислянскій край въ тѣхъ предѣлахъ, которые ему нынѣ даны, можетъ быть разсматриваемъ, какъ обширная, мѣстами прерываемая возвышеніями, равнина, средняя высота которой отъ 330 до 500 фут. (100—150 м.). На сѣверѣ, земли, по большей части покрытыя лѣсами, поднимаются въ видѣ широкаго хребта, который тянется отъ Вислы до Нѣмана по кривой параллельной линіи балтійскаго прибрежья; но линія границы, начертанная довольно неправильно, не удерживается на оси водораздѣла: она идетъ вдоль полуденнаго основанія сплошной возвышенности, оставляя Германіи почти всю „Прусскую Швейцарію", съ ея безчисленными озерами. На югѣ, напротивъ, группа Сандомирскихъ горъ, или „Лысая Гора" (Лыса-Гура), принадлежитъ всей своей массой нынѣшней Польшѣ: она тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, то-есть параллельно сѣвернымъ Карпатамъ, представляя правильные гребни, одѣтые тамъ и сямъ зеленью, не смотря на данное ей прозвище „Лысой"; округленная вершина, извѣстная подъ именемъ „Сигнала Св. Екатерины", возвышается почти на 2,000 фут. (600 м.) около центра этой группы, выступая на подобіе острова изъ середины слегка волнистаго плоскогорья. Другія группы холмовъ, меньшей высоты, но расположенныя въ томъ же направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, параллельно Карпатамъ, наполняютъ южную часть Люблинской губерніи, между Вислой и Западнымъ Бугомъ, почему и носятъ названіе Люблинскихъ горъ; наконецъ, на юго-западѣ Польши водораздѣлы между Одрою и Вартою, между Вар-

---

польскаго общества имѣть непосредственное вліяніе на судьбу своей страны,—совершались даже бóльшія противъ прежняго посягательства на свободу и счастіе большинства населенія ея. Это признается и польскими учеными, какъ напр. Скарбекомъ въ его „Исторіи Варшавскаго герцогства", графомъ Любеньскимъ и Кшистопоромъ въ ихъ изслѣдованіяхъ крестьянскаго быта въ теперешней Польшѣ, и выяснено съ особенной обстоятельностью многими изъ русскихъ ученыхъ, особенно Моллеромъ въ его сочиненіи „L'état actuel de la Pologne en 1865" (Paris, 1866).

Что касается языка, то стѣсненія въ употребленіи его, о которыхъ говоритъ авторъ, выражаются собственно въ утратѣ польскимъ языкомъ прежняго оффиціальнаго, государственнаго значенія, такъ какъ въ качествѣ неоффиціальнаго языка въ губерніяхъ Царства Польскаго онъ продолжаетъ до сихъ поръ оставаться языкомъ изящной и ученой литературы, театральнаго искусства, всякаго рода общественныхъ и частныхъ сношеній. *Ред.*

тою и Пилицею обозначены высотами такъ называемой Польской Швейцаріи—гористой мѣстности, изрытой водами по всѣмъ направленіямъ, но которая первоначально составляла часть всей передовой области Карпатовъ.

Различныя высоты Царства Польскаго:	Метр.	Фут.
Сигналъ Св. Екатерины (Лысая Гора)	603	1,980.
Холмъ между Пилицей и Краковомъ (въ Кѣлецкой губ.)	483	1,585.
Возвышенность на востокѣ отъ Янова (въ Люблинской губерніи)	329	1,080.
Городъ Ломжа	214	700.
„ Люблинъ	189	620.
„ Варшава	98	320.

Эти возвышенности полуденной Польши составляютъ контрастъ съ большой третичной равниной сѣвера по разнообразію ихъ геологическихъ формацій, гдѣ имѣются горныя породы мѣловыя, юрскія, тріасовыя, каменноугольныя, девонскія. Рудныя мѣсторожденія всякаго рода, мѣдь, олово, цинкъ, желѣзо, сѣра, каменный уголь, были открыты и частію разработываются въ этой гористой области; рудники, копи, каменоломни и сосѣдство промышленной Силезіи дали этимъ округамъ населеніе столь же густое, какъ и населеніе равнины.

По распредѣленію гидрографическихъ скатовъ, Польша только отчасти заслуживаетъ присвоенное ей оффиціально названіе „Привислянскаго края". Весь западный поясъ страны, граничащій съ Силезіей и съ Познанью, принадлежитъ къ бассейну Варты, то есть къ бассейну Одры, а Сувалкская губернія, въ сѣверо-восточной части Польши, лежитъ на водоскатѣ Нѣмана, который служитъ ей границею на востокѣ и на сѣверѣ; вся остальная территорія орошается Вислой, Наревомъ, Западнымъ Бугомъ или ихъ притоками. При своемъ вступленіи въ Царство Польское, которому она служитъ границей внизъ отъ Краковсвой области, Висла, только-что передъ тѣмъ принявшая въ себя притокъ Санъ, представляетъ уже величественную рѣку, носящую суда большой вмѣстимости: она имѣетъ отъ 118 до 190 саж. (250—400 м.) ширины отъ берега до берега, въ низменныхъ равнинахъ, которыя она орошаетъ, по выходѣ изъ цѣпи холмовъ; на каждомъ изъ нихъ виднѣется монастырь, церковь, крѣпкій замокъ или средневѣковая развалина. Усиливаемая въ предѣлахъ Царства Польскаго многоводными рѣками, каковы: Вепрь, Пилица и Наревъ съ Западнымъ Бугомъ, Висла катитъ, до вступленія на прусскую территорію, жидкую массу, представляющую, среднимъ числомъ, по меньшей мѣрѣ 26,500 куб. фут. (750 к. м.) въ секунду; она уже имѣетъ весь свой объемъ, такъ какъ внизъ отъ прусской границы она не получаетъ другихъ притоковъ, кромѣ незначительныхъ ручьевъ. Благодаря этому движущемуся пути, поляки могутъ удобно отправлять въ Гданскъ (Данцигъ)

свой лѣсъ, хлѣбъ и всякаго рода продукты и товары. Понятно, какую цѣну имѣло нѣкогда для Польши обладаніе устьями Вислы, и какъ бывало поколеблено ея могущество, когда „добрый городъ“ Гданскъ, по-нѣмецки Данцигъ, попадалъ въ руки какого нибудь соперничавшаго государства, или добровольно отдѣлялся отъ польскаго союза.

Польша очень богата доисторическими остатками различныхъ эпохъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Долина Западнаго Буга и долина Вислы были частію того естественнаго пути, по которому слѣдовали переселенцы и торговые люди при своемъ движеніи между Понтомъ Эвксинскимъ и Балтійскимъ моремъ. „Прятки“ въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаютъ странствующіе канадскіе торговцы въ пустыняхъ „дальнаго запада“ (Far West) Сѣверной Америки, были открыты тамъ и самъ въ мѣстахъ, служившихъ станціями, преимущественно на водораздѣльныхъ возвышенностяхъ между покатостями. Языческія могилы встрѣчаются во множествѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ: такъ, нѣкоторые искусственные курганы въ долинѣ Вислы, которые относятся къ неолитовой эпохѣ, какъ показали произведенныя на нихъ раскопки, имѣютъ около полуверсты въ окружности [1]). Многочисленныя маленькія озера Польши, изъ которыхъ иныя были осушены, также сохранили слѣды древнихъ озерныхъ поселеній и свайныхъ построекъ, подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаются въ Швейцаріи. Кромѣ того, цѣлыми тысячами находили и теперь находятъ погребальныя урны, содержащія пепелъ и обуглившіяся кости, бронзовыя булавки, кольца, жемчугъ, шарики и другіе предметы; въ нѣкоторыхъ областяхъ Польши остатки глиняныхъ вазъ встрѣчаются такъ часто и въ такомъ множествѣ, что у мѣстныхъ жителей сложилось повѣрье, будто эти сосуды образовались сами собой во внутренности земли [2]). Между погребальными урнами, находимыми на днѣ могилъ, относящихся къ эпохѣ гораздо болѣе поздней, чѣмъ каменный вѣкъ, и содержащихъ предметы изъ металла, собрано много такихъ, которыя представляютъ профиль человѣческаго лица; нѣкоторые остатки римскаго происхожденія позволяютъ догадываться, что эти „урны въ формѣ лица“ принадлежатъ къ первому столѣтію христіанской эры.

По мнѣнію г. Коперницкаго, древняя Польша была населена во времена бронзоваго и желѣзнаго періодовъ длинноголовой расой (долихоцефалами), совершенно отличной отъ современной короткоголовой расы (брахицефаловъ). Однако, съ того момента, какъ началась писаная исторія въ привислянскихъ областяхъ, мы застаемъ уже славянъ, предковъ нынѣшнихъ поляковъ, которые населяли какъ эту страну, такъ и сопре-

---

[1]) *Заборовскій*, Сообщеніе на международномъ антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, въ 1878 г.

[2]) *Albin Kohn und Mehlis*, Materialen zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa.

дѣльныя земли, занятыя теперь нѣмцами и онѣмеченными славянами. Раздѣленные на многочисленные роды, которые иногда соединялись для военныхъ экспедицій, подъ предводительствомъ одного главы или вождя, ляхи или поляки явственно отличались отъ восточныхъ славянъ: они считали себя членами той же семьи; но, какъ говоритъ легенда, разсказанная въ первый разъ въ тринадцатомъ столѣтіи, три брата, Лехъ, Чехъ и Русъ, жили отдѣльно, слѣдуя каждый своей дорогой. Въ Польшѣ имя леховъ или ляховъ есть лишь литературное выраженіе, неупотребляемое народомъ; въ чешскихъ памятникахъ оно имѣетъ значеніе богатаго и благороднаго.

Изъ поляковъ самыми чистыми, наиболѣе сохранившими первоначальный типъ считаются обитатели „Великой Польши", жители нынѣшняго Царства Польскаго, по обоимъ берегамъ Вислы, и Познани — на Вартѣ. Бѣлокурые мазуры, то-есть, по литовски, „коренастые"[1]), — которые населяютъ главнымъ образомъ восточныя области, а также сѣверныя, на границѣ съ Пруссіей,—слывутъ самыми гордыми изъ поляковъ; они всего лучше сохранили старинные національные нравы. Смуглые краковяки, сандомирцы и люблинцы и всѣ южные поляки, болѣе впечатлительные, чѣмъ мазуры, часто вспыльчивые, кажется, также и болѣе тщеславны, если судить по ихъ національному костюму, щегольскому, но черезчуръ изукрашенному вышивками, бахромами и цѣпочками. Между другими народностями страны, не польскаго происхожденія, значительная часть объединилась съ массой націи нравами и языкомъ. Такъ, курпики или „копальщики", живущіе въ различныхъ округахъ сѣверной и сѣверо-восточной Польши, въ такой степени приблизились къ мазурамъ, что во многихъ мѣстахъ ихъ смѣшиваютъ съ послѣдними, хотя они происходятъ главнымъ образомъ отъ ятвяговъ или ядзвинговъ—народа, какъ полагаютъ, литовскаго племени и который отчасти былъ истребленъ поляками. Малороссы, сгруппированные въ общины въ юго-восточной Польшѣ, на западѣ отъ рѣки Бугъ, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ русскихъ сосѣдей, жителей Волыни: они населяютъ также восточную часть Подлѣсья или Полѣсья, отдѣленнаго отъ долины Нѣмана обширными лѣсистыми пространствами, между которыми замѣчателенъ заповѣдный лѣсъ, извѣстный подъ имемемъ Бѣловѣжской пущи. Литовцы или литвины, въ числѣ отъ 250,000 до 300,000 душъ (показанія статистики на этотъ счетъ разнятся), занимаютъ наибольшую часть Сувалкской губерніи, въ сѣверо-восточной Польшѣ. Наконецъ, нѣсколько тысячъ цыганъ и татаръ, пришедшихъ изъ Литвы, разсѣяны маленькими группами по территоріи Царства Польскаго.

Послѣ монгольскаго нашествія, польскіе князья, и въ особенности

[1]) *Кентржинскій*, Мазуры (по-польски), Познань, 1872 г.

епископы и монастыри, призвали нѣмецкихъ колонистовъ, чтобы вновь заселить опустошенныя татарами земли, и даровали имъ большія привилегіи, между прочимъ привилегію назначать собственныхъ шульцовъ или войтовъ (старшинъ) и пользоваться внутреннимъ самоуправленіемъ по такъ-называемому „тевтонскому праву“ [1]). Многіе города также были основаны нѣмецкими переселенцами, и большинство изъ нихъ управлялось по „магдебургскому праву“, по законамъ одной изъ старѣйшихъ муниципій Сѣверной Германіи, архіепископы которой были нѣкогда примасами польской церкви. Это право, которое въ сущности было ни что иное, какъ административная независимость общины, не помѣшало нѣмцамъ, жителямъ городовъ, „ополячиться“ мало по малу, подобно тому, какъ ополячились и нѣмцы, жившіе въ деревняхъ. Въ четырнадцатомъ столѣтіи „швабы“ поселились въ Польшѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ; но этотъ первый германскій элементъ совершенно слился съ туземнымъ польскимъ и католическимъ. Изъ двухъ тысячъ протестантскихъ приходовъ, существовавшихъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, оставалось только два въ 1775 году. Всѣ протестанты, которые смѣшиваются съ иммигрантами, считаемыми нынѣ подъ общей рубрикой нѣмцевъ, пришли въ страну не далѣе какъ за сто лѣтъ предъ симъ; между ними число католиковъ не превышаетъ десятка тысячъ. Такимъ образомъ, въ „Привислянскомъ краѣ“ поляки составляютъ огромное большинство населенія.

Народонаселеніе Царства Польскаго по національностямъ:

	По Галкину.		По Риттиху.		
Поляковъ . .	Въ 1868 г.	3.900,577	Въ 1873 г.	4.375,836	или 68,41 проц.
Евреевъ . . .	„ „ „	767,947	„ „ „	860,327	„ 13,45 „
Малороссовъ .	„ „ „	428,380	„ „ „	505,962	
Бѣлоруссовъ .	„ „ „	33,517	„ „ „	28,865	„ 8,52 „
Великороссіянъ	„ „ „	11,065	„ „ „	12,153	
Нѣмцевъ. . .	„ „ „	234,149	„ „ „	370,356	„ 5,79 „
Литвиновъ . .	„ „ „	277,049	„ „ „	241,147	„ 3,77 „

Въ Польскомъ королевствѣ, какимъ оно было наканунѣ раздѣла 1772 года, польскій элементъ составлялъ только треть населенія: таково, по крайней мѣрѣ, приблизительное исчисленіе, которое даетъ графъ Плятеръ, на основаніи статистики, составленной спустя полвѣка, именно въ 1821 году [2]). Народонаселеніе, въ 1821 г., территоріи бывшей Польши (до перваго раздѣла):

Бѣлоруссовъ и украинцевъ	7.520,000
Поляковъ	6.770,000

---

[1]) *Rœpell*, Geschichte Polens.

[2]) *Ригеръ*, „Научный словарь“, 552.

Евреевъ	2.110,000
Литвиновъ и латышей	1.900,000
Нѣмцевъ	1.640,000
Великороссіянъ	180,000
Румынъ	100,000
Всего	20.220,000

Поляки, о которыхъ западно-европейцы судятъ главнымъ образомъ по пышнымъ магнатамъ и раззоренным шляхтичамъ этой націи, живущимъ на западѣ, представляютъ, какъ всѣ цивилизованные народы, безконечное разнообразіе характеровъ; но общій ихъ типъ, какимъ онъ обрисовывается въ исторіи, сходенъ съ типомъ, который описываютъ наблюдатели. Они имѣютъ вообще больше природныхъ дарованій, нежели глубокихъ качествъ, пріобрѣтенныхъ настойчивымъ трудомъ. Пылкіе, буйные, энтузіасты, привлекательные, умѣющіе подольститься, желающіе нравиться, они дѣйствительно нравятся, но не всегда заботятся о томъ, чтобы заслужить уваженіе своимъ поведеніемъ; они отдаются, но безъ самообладанія; они легче понимаютъ великія обязанности, чѣмъ обязанности повседневной жизни. У нихъ честолюбіе рѣдко поддерживается силой дѣйствія, любознательность въ области науки беретъ верхъ надъ постоянствомъ въ трудѣ, воображеніе преобладаетъ надъ волей, капризъ слѣдуетъ за капризомъ. Тѣмъ не менѣе у нихъ проявляются порывы энергіи, и тогда они бываютъ способны на величайшія дѣла, особенно въ возбужденіи на полѣ битвы или въ неожиданныхъ случайностяхъ войны, ибо они по природѣ игроки и расточительны; они охотно рискуютъ всѣмъ состояніемъ и даже жизнью. Въ несчастіи они, подобно французамъ, умѣютъ покоряться обстоятельствамъ и не ропщутъ какъ трусы на судьбу. Если первобытный типъ сохраняется всего лучше у женщины, какъ это утверждаютъ антропологи, то польки, развитыя образованіемъ, ясно показываютъ своими рѣдкими качествами высокое достоинство расы, къ которой онѣ принадлежатъ: онѣ не только отличаются изяществомъ манеръ, умомъ, постоянною веселостью, разговорчивостью, но обладаютъ также силой самоотверженія, мужествомъ, быстрою рѣшимостью и ясностью мысли; онѣ хранятъ во всей чистотѣ и благородствѣ идеалъ націи[1]). Величайшій недостатокъ поляковъ въ томъ, что они не

[1]) Эти стороны характера польской женщины и ея бо́льшее чѣмъ гдѣ либо вліяніе на общественную жизнь и нравы замѣчаются не только въ средѣ образованныхъ классовъ общества, но и въ простомъ народѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 года главные члены бывшаго Учредительнаго Комитета Царства Польскаго, предпринявъ поѣздку по этому краю для ознакомленія съ нуждами и потребностями сельскаго населенія его, были поражены какъ, съ одной стороны, угнетеннымъ въ нравственномъ отношеніи положеніемъ крестьянъ, дававшихъ свои объясненія не иначе, какъ оглядываясь по сторонамъ—не подслушиваютъ ли ихъ управляющіе и прислуга помѣщиковъ, такъ въ

проникнуты въ должной мѣрѣ уваженіемъ къ труду: отцы ихъ, все равно, кто бы они ни были — господа или холопы, привыкли презирать или ненавидѣть матеріальную работу, и эти чувства продолжаютъ еще существовать, какъ прискорбное наслѣдіе, завѣщанное предками современному поколѣнію. Отсюда, быть можетъ, и происходитъ этотъ контрастъ между натурой поляка, которая такъ легко направляетъ его къ героизму, и его привычками, которыя иногда допускаютъ его до нравственнаго униженія. Когда вы читаете сборники произведеній народной поэзіи[1]), васъ поражаетъ недостатокъ оригинальности въ балладахъ, вульгарность и даже цинизмъ въ любовныхъ пѣсняхъ. Большинство современныхъ поэтовъ Польши должны были искать вдохновенія не въ польскихъ народныхъ пѣсняхъ, а въ думахъ и преданіяхъ украинскихъ, литовскихъ и даже бѣлорусскихъ; это объясняется тѣмъ, что польскіе крестьяне уже съ одиннадцатаго вѣка были порабощены господами, тогда какъ въ Литвѣ періодъ угнетенія земледѣльческаго класса начинается только съ пятнадцатаго, а на Украйнѣ только съ восемнадцатаго столѣтія. Трудно было ожидать, чтобы при господствѣ шляхты, служившей въ качествѣ дворни у знатныхъ пановъ и угнетавшей бѣдный сельскій людъ, могла образоваться у крестьянъ Польши чистая и истинно-благородная поэзія. Народная польская литература отличается отъ другихъ славянскихъ литературъ въ особенности большимъ обиліемъ историческихъ пословицъ, которыя всѣ получили происхожденіе въ дворянствѣ, составлявшемъ, такъ сказать, политическій народъ Рѣчи Посполитой[2]).

При своей непредусмотрительности и великодушіи, составляющихъ ихъ врожденныя качества, поляки, хотя сами очень сметливые и ловкіе, легко даются въ обманъ, и въ самой странѣ нѣтъ недостатка въ эксплоататорахъ, іудейскихъ и христіанскихъ. Сыны Израиля, хотя пропорціонально не столь многочисленные, какъ въ восточной Галиціи, гдѣ находится центръ ихъ, тѣмъ не менѣе скучены во множествѣ во всѣхъ польскихъ городахъ. Притомъ, въ Польшѣ, также какъ въ Галиціи и въ Венгріи, нормальное годовое приращеніе ихъ племени превосходитъ соотвѣтственное приращеніе христіанъ: они лучше сберегаютъ своихъ дѣтей и живутъ до болѣе преклоннаго возраста, хотя большинство изъ нихъ, подобно польскимъ ремесленникамъ, впали въ пролетаріатъ: между евре-

---

тоже время смѣлостью и находчивостью женщинъ, которыя на сельскихъ сходахъ обыкновенно ободряли своихъ мужей, а затѣмъ сами выходили впередъ и давали за нихъ правительственнымъ лицамъ всѣ требуемыя показанія. Оффиціальный отчетъ объ этой поѣздкѣ, разсказывая это, заключаетъ: „Въ сословіи польскихъ крестьянъ, какъ и въ другихъ высшихъ, явно обнаруживалось преобладаніе бойкой и живой иниціативы женскаго ума“. (См. цитируемыя въ сочиненіи Шницлера „L' Empire des Tzars“ докладныя записки Н. А. Милютина). *Ред.*

[1]) *Кольбергъ*, Народъ (по-польски); *Петровъ*, Сборникъ Краковской академіи.

[2]) Сборникъ Даровскаго.

ШЛЯХТИЧЪ НА ВОЛЫНИ.

ями, какъ и между христіанами, большія дѣла, крупные гешефты дѣлаются въ пользу нѣсколькихъ счастливцевъ. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія въ Польшѣ численность еврейскаго населенія обыкновенно опредѣляли въ 200,000 душъ; между тѣмъ по переписи, произведенной для раскладки поголовной подати, отъ платежа которой многія тысячи успѣвали уклоняться, ихъ насчитали всего только 16,589 душъ [1]). Около ста лѣтъ спустя, именно въ 1659 году, по переписи, сдѣланной съ той же цѣлью, т. е. для обложенія подушной податью, оказалось 100,000 евреевъ, а въ 1764 году, опять-таки по даннымъ податныхъ списковъ, ихъ насчитывалось 315,298 душъ; но историки полагаютъ, что дѣйствительное число ихъ должно было превышать милліонъ душъ [2]). Въ настоящее время общая численность ихъ очень близко подходитъ къ этой цифрѣ [3]), хотя территорія Польши уменьшилась на пять-шестыхъ ея пространства со времени раздѣла 1772 года.

Бо́льшая часть польскихъ евреевъ, происходя отъ переселенцевъ, пришедшихъ съ береговъ Рейна, говоритъ и теперь еще рейнско-франконскимъ нарѣчіемъ своихъ предковъ [4]). Такимъ образомъ, они увеличиваютъ въ значительной степени значеніе германскихъ колоній, и во многихъ городахъ Польши жители, говорящіе нѣмецкимъ языкомъ, евреи и нѣмцы, составляютъ уже большинство. Лодзь, второй городъ „Привислянскаго края“, имѣетъ болѣе нѣмецкій, чѣмъ польскій характеръ по языку населенія; даже Варшава, хотя нѣмцы составляли тамъ въ 1870 году только давадцать-пятую часть населенія, имѣла треть жителей, обыкновеннымъ говоромъ которыхъ былъ германскій діалектъ. Въ старой Польшѣ города, изъ которыхъ иные обязаны своимъ основаніемъ нѣмецкимъ поселенцамъ, были совершенно отдѣлены отъ народа, изолированы въ своихъ мѣстныхъ привилегіяхъ, безъ всякой дѣятельной роли въ шляхетской республикѣ, составлявшей Польское государство: оставаясь чуждыми истинной Польшѣ, они были, по выраженію одного писателя, „словно

---

[1]) *Malte-Brun*, Tableau de la Pologne ancienne et moderne; *Симоненко*, Сравнительная статистика Царства Польскаго.

[2]) Приводимая авторомъ цифра, 315,298 душъ, собственно была цифрой польскихъ злотыхъ, взыскиваемыхъ съ евреевъ въ Литвѣ; въ самой Польшѣ съ 1764 года взималась поголовная подать въ 859,312 злотыхъ. А такъ какъ въ это время евреи были обложены по два злотыхъ съ души, то число ихъ по переписи этого года простиралось, слѣдовательно, до 429,656 въ Польшѣ и 157,649 въ Литвѣ. См. только что цитированныя авторомъ сочиненія. По мнѣнію же польскаго историка Чацкаго, число евреевъ въ Польшѣ простиралось до 1.800,000 душъ. По сочиненію прусскаго статистика прошлаго столѣтія, Бюшинга — даже свыше двухъ милліоновъ душъ. См. *Симоненко*, Сравнит. статистика, стр. 19 *Ред.*

[3]) Въ настоящее время число евреевъ въ Царствѣ Польскомъ простирается свыше 850,000 душъ. *Ред.*

[4]) *Richard Böckh*, Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den Europäischen Staaten.

капли масла на поверхности пруда" [1]). Въ наши дни города уже не стоятъ, такъ сказать, особнякомъ, внѣ націи, напротивъ—они руководятъ ея дѣятельностью, и въ нихъ вырабатываются не только промышленныя богатства страны, но также ея учрежденія и законы. Но эти города теперь, какъ и въ средніе вѣка, служатъ мѣстами иммиграціи нѣмцевъ, и послѣдніе пріобрѣтаютъ такимъ образомъ въ краѣ значительную долю вліянія. Они въ Польшѣ гораздо многочисленнѣе, и пропорціонально, и абсолютно, чѣмъ въ такъ называемыхъ „нѣмецкихъ" провинціяхъ береговъ Балтики. А между тѣмъ русское правительство до сихъ поръ принимало гораздо менѣе предосторожностей противъ распространенія и усиленія нѣмецкаго вліянія въ Польшѣ, нежели въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Разсчитывая на естественное соперничество и даже ненависть, раздѣляющую нѣмцевъ и поляковъ,—чувство, которое выразилось, между прочимъ, въ слѣдующей народной поговоркѣ: „пока стоитъ свѣтъ, нѣмецъ никогда не будетъ братомъ поляку!",—правительство часто поощряло нѣмецкую колонизацію въ Привислянскомъ краѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобы этимъ средствомъ ослабить національный элементъ. Но, быть можетъ, придется когда нибудь, и даже въ болѣе близкомъ будущемъ, чѣмъ полагаютъ, совершенно измѣнить систему и опереться, напротивъ, на поляковъ, чтобы избѣгнуть быстрой германизаціи славянскихъ округовъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ границей [2]). Въ то время, какъ Польша, лишенная возможности располагать собой, была преобразована русскими въ обширную крѣпость противъ Германіи [3]), нѣмцы мирно водворились въ сердцѣ этой твердыни, и пріобрѣтенная ими доля дѣйствительной силы, даваемой знаніемъ и промышленностью, несравненно значительнѣе силы, какою пользуются русскіе, литовскіе, малорусскіе жители Польши, поселившіеся по большей части въ сосѣдствѣ съ восточной границей Царства.

Къ счастію, польскій народъ растетъ и развивается, онъ дѣлается все болѣе и болѣе сильнымъ и способнымъ бороться противъ внѣшнихъ вліяній. Хотя лишенный политической самостоятельности, онъ, безспорно, имѣетъ въ наши дни болѣе патріотическихъ чувствъ, болѣе нравствен-

---

[1]) *Hüppe,* Verfassung Polens; *A. Leroy - Beaulieu,* Revue des Deux Mondes 1-er avril 1876.

[2]) *Драгомановъ*, Восточная политика Германіи и обрусѣніе „Вѣстникъ Европы", 1872 г.

[3]) Уже было выше замѣчено, что вся западная полоса Царства Польскаго, лежащая по лѣвую сторону рѣки Вислы, какъ глубоко врѣзывающаяся въ предѣлы Пруссіи и Австріи, не имѣетъ никакого стратегическаго значенія для Россіи въ оборонительной войнѣ, а потому для укрѣпленія ея Россіей рѣшительно ничего и не сдѣлано. Слова автора очевидно относятся исключительно къ восточной половинѣ Царства Польскаго, непосредственно прилегающей къ Россіи и въ которой живетъ бо̀льшая часть русскаго и литовскаго населенія этого края. *Ред.*

наго достоинства, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, въ ту эпоху, когда магнаты продавали свое отечество тому, кто больше предлагалъ, и когда нація безучастно допускала состояться торгу, не выказывая съ своей стороны противодѣйствія. Не смотря на бѣдствія, которыми сопровождалось возстаніе 1863 года и которыя поразили главнымъ образомъ богатые классы, отмѣна привилегій дворянства и духовенства, равно какъ преобразованія въ поземельномъ и общинномъ устройствѣ, давно уже требуемыя польской демократической партіей[1]), имѣли самыя благодѣтельныя послѣдствія. Съ матеріальной точки зрѣнія прогрессъ вполнѣ очевиденъ. Общее благосостояніе увеличилось, или, лучше сказать, бѣдность уменьшилась. Въ 1859 году число землевладѣльцевъ, большею частію дворянъ, едва превышало 218,000 и не представляло даже шестнадцатой доли всего населенія края. Масса земледѣльцевъ состояла изъ арендаторовъ, работниковъ и поденщиковъ. Но со времени изданія закона 1864 года арендаторы и нѣкоторые изъ работниковъ сдѣлались крестьянами-собственниками, а съ 1866 года началось распредѣленіе казенныхъ и церковныхъ земель въ пользу тѣхъ, которые до этого еще ничего не получили. Подобныя же мѣры были приняты по отношенію къ маленькимъ городамъ и мѣстечкамъ. До 1864 года только тринадцать городовъ изъ 468 были построены на землѣ, принадлежащей городскому обществу; всѣ же остальные, по феодальнымъ обычаямъ, составляли собственность помѣщиковъ или короны[2]). Изъ этихъ такъ-называемыхъ владѣльческихъ городовъ 377 были преобразованы въ земледѣльческія села и деревни[3]), а принадлежащія къ нимъ земли отведены въ надѣлъ крестьянамъ.

Послѣдствія этихъ аграрныхъ реформъ были значительны. Площадь подъ земледѣльческою культурою, возросшая исключительно въ пользу землепашцевъ, увеличилась въ теченіе восьми лѣтъ почти на полмилліона десятинъ[4]); въ 1872 году пахатныя земли, данныя въ надѣлъ крестьянамъ, обнимали въ совокупности пространство, составляющее около трети Царства Польскаго, и болѣе десятой части этого пространства состояло въ общинномъ владѣніи.

---

[1]) Манифестъ демократическаго общества (Towarzystwo Demokratyczne) отъ 1832 г., подписанный 1,135 членами польской эмиграціи.

[2]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Полторацкимъ въ его „Географическихъ и статистическихъ очеркахъ Царства Польскаго“ (Спб. 1863), изъ всѣхъ 453 городовъ и мѣстечекъ этого края 225 городовъ было казенныхъ и 228 принадлежало частнымъ лицамъ. *Ред.*

[3]) *Заленскій*, Сравнительная статистика Царства Польскаго.

[4]) По свѣдѣніямъ за 1873 г., сообщаемымъ ген. Анучинымъ въ его „Очеркахъ экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго“ (Радомъ, 1875), владѣнія польскихъ крестьянъ увеличились за 9 лѣтъ на 1.916,355 морговъ, т. е. почти на одинъ милліонъ десятинъ, и на 266,998 усадьбъ. *Ред.*

Владѣнія польскихъ крестьянъ въ 1872 году [1]):

	Дымовъ.	Пространство.	
На земляхъ помѣщиковъ, монастырей и пр.	424,735	2.727,615	десятинъ.
„ „ городовъ.	85,540	244,350	„
„ „ короны	147,360	114,615	„
Всего . . .	657,635	3.086,580	десятинъ.

Средняя величина земельнаго участка, принадлежащаго каждому семейству хлѣбопашцевъ, составляетъ около 8 десятинъ [2]). Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, предшествовавшихъ 1859 году, площадь обрабатываемыхъ земель на всемъ пространствѣ Царства увеличилась только на 201,300 десятинъ [3]); между тѣмъ въ продолженіе десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за надѣломъ крестьянъ свободными землями, приращеніе культурной площади составляло 503,250 десятинъ [4]); въ настоящее время свыше двухъ милліоновъ жителей, считая въ томъ числѣ и семейства, участвуютъ въ землевладѣніи. Производство зерновыхъ хлѣбовъ возвысилось слишкомъ на треть съ 12.960,000 до 20.640,000 четвертей, а сборъ картофеля болѣе чѣмъ удвоился. Количество домашняго скота также увеличилось въ весьма значительной пропорціи, и статистическія данныя показываютъ, что это численное возрастаніе скота происходитъ главнымъ образомъ въ хозяйствахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ-крестьянъ, а не въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Статистика домашняго скота въ Царствѣ Польскомъ:

Овецъ	3.723,000	въ 1860 г.	4.180,000	въ 1870 г.
Быковъ и коровъ [5]) .	1.997,211	„ „ „	2.231,520	„ „ „
Лошадей	590,873	„ „ „	753,421	„ „ „

[1]) По названному выше сочиненію Апучина, въ 1873 г. въ селеніяхъ частныхъ, институтскихъ и маіоратныхъ владѣльцевъ было 440,721 усадьбъ съ пространствомъ въ 5.561,931 м.

въ казенныхъ селеніяхъ . . .	160,088	„ „ „ „ 2.506,382 „
въ городахъ и посадахъ. . .	93,938	„ „ „ „ 629,821 „

Ред.

[2]) По тому же сочиненію ген. Апучина, составленному на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, средняя величина крестьянскихъ усадьбъ въ Царствѣ Польскомъ—12 морговъ, т. е. около 6 десятинъ,—слѣдовательно, почти вдвое болѣе, чѣмъ во всей Россіи гдѣ, по „Сравнительной Статистикѣ“ проф. Янсона, средній надѣлъ только 3½ десятины, и даже болѣе, чѣмъ въ сосѣдней австрійской Галиціи гдѣ, по „Сравнительной Статистикѣ“ Симоненко, средній надѣлъ 9 морговъ, т. е. около 4½ десятинъ. Не удивительно, что уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства благосостояніе крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго должно быть значительно выше, чѣмъ въ остальной Россіи и Галиціи, помимо меньшихъ выкупныхъ платежей за земельные надѣлы. *Ред.*

[3]) *Тенгоборскій*, Forces productives de la Russie (Производительныя силы Россіи) *Schnitzler*, L'Empire des Tzars.

[4]) *Симоненко*, выше цитированное сочиненіе.

[5]) По спискамъ обязательнаго въ губерніяхъ Царства Польскаго страхованія крупнаго рогатаго скота, въ 1881 году, въ краѣ было быковъ и коровъ 2.429,922 штуки (не считая телятъ). См. Отчетъ о варшавской выставкѣ скотоводства за этотъ годъ. *Ред.*

Благодаря возрастанію земледѣльческихъ рессурсовъ края, и мануфактурная промышленность Польши болѣе чѣмъ удвоилась, по количеству произведеній, со времени изданія аграрныхъ законовъ 1864 года: въ 1857 году общая цѣнность мануфактурнаго производства исчислялась въ 53 милліона рублей, а въ 1873 году она простиралась до 106 милліоновъ руб. [1]). Впрочемъ, увеличеніе матеріальнаго благосостоянія наглядно доказывается движеніемъ народонаселенія, которое прежде такъ часто уменьшалось вслѣдствіе революцій, рѣзни, эпидемій: рожденія сдѣлались многочисленнѣе, смертность убавилась; средняя продолжительность жизни возрасла [2]), причемъ, какъ на неожиданное явленіе, можно указать на тотъ фактъ, что теперь польскій элементъ беретъ перевѣсъ, въ отношеніи приращенія населенія, надъ элементомъ германскимъ. Таблицы, составленныя не по національностямъ, а по вѣроисподѣданіямъ, показываютъ, что въ періодъ съ 1863 по 1870 годъ число католиковъ, поляковъ въ огромномъ большинствѣ, увеличилось на 21 процентъ, тогда какъ протестанты, почти исключительно нѣмцы, возрасли въ числѣ только на 12 процентовъ. До установленія въ Польшѣ мелкой земельной собственности повторялось изъ году въ годъ какъ разъ обратное явленіе въ движеніи народонаселенія. Основаніе новыхъ школъ, устроенныхъ самими крестьянами и на ихъ счетъ, также служитъ нагляднымъ доказательствомъ достигнутаго въ послѣднее время прогресса. Вотъ относящіяся сюда числовыя данныя:

Начальныя школы въ Царствѣ Польскомъ.

Въ 1865 г. 848 шк., 47,550 уч.	Въ 1876 г. 3,184 шк., 168,549 уч.
„ 1872 „ 2.020 „ 110,550 „	или 1 на 37 жителей (въ московскомъ округѣ 1 на 51 жителя.):

---

[1]) По «Статистическимъ Матеріаламъ», обнародованнымъ въ „Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1880 годъ, въ шестилѣтіе, протекшее съ съ 1872 по 1878 г., общая стоимость произведеній фабричной и заводской промышленности въ Привислянскомъ краѣ увеличилась на 55.213,555 рублей, т. е. почти на 75%; въ 1872 году на одного жителя производилось фабричныхъ продуктовъ, въ среднемъ выводѣ, на 11 р. 70 к., а въ 1878 г. на 18 р. 41 к. Въ слѣдующіе годы возрастаніе общей цѣнности промышленныхъ продуктовъ должно быть еще болѣе значительнымъ вслѣдствіе введенія золотой пошлины и упадка нашего денежнаго курса, совмѣстно вліявшихъ на уменьшеніе привоза заграничныхъ продуктовъ и усиленіе спроса на произведенія мѣстной промышленности. *Ред.*

[2]) Рождаемость въ послѣднее время не увеличилась, а нѣсколько уменьшилась. Если тѣмъ не менѣе ежегодный естественный приростъ населенія превышаетъ нѣсколько приростъ его въ предшествующіе періоды XIX вѣка, то это происходитъ исключительно отъ сильнаго уменьшенія смертности и увеличенія средней продолжительности жизни. Вслѣдствіе этого обстоятельства, теперь перевѣсъ въ числѣ рождающихся надъ числомъ умершихъ значителенъ, — болѣе чѣмъ когда либо: на 100 умирающихъ приходится 156 рождающихся, между тѣмъ какъ въ двадцатыхъ годахъ, напр., при большей рождаемости этотъ перевѣсъ не достигалъ 130 родившихся на 100 умиравшихъ. См. Сравнительную статистику *Симоненко*, стр. 105, 114. *Ред.*

Однако, обязательство говорить по-русски въ школахъ составляетъ большое препятствіе развитію народнаго образованія, такъ какъ воспитанники принуждены „заучивать слова прежде, чѣмъ могутъ понимать ихъ“ [1]). Наконецъ, преступленія всякаго рода, и преимущественно тѣ, которыя извѣстны подъ названіемъ „преступленій противъ собственности“, уменьшились въ изумительной пропорціи, на треть, на половину, даже на двѣ-трети, не смотря на то, что число жителей возросло на полтора милліона въ тотъ же промежутокъ времени.

Нельзя не признать, что, разсматриваемая въ цѣломъ, мѣра предоставленія крестьянамъ участія въ землевладѣніи была осуществлена гораздо болѣе удачнымъ способомъ въ „Привислянскомъ краѣ“, нежели въ прусской Польшѣ и въ австрійской Галиціи. Причину тому слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ общинномъ самоуправленіи, ограниченномъ, но не совершенно призрачномъ, которымъ пользуются польскіе крестьяне. Въ Царствѣ Польскомъ всѣ земледѣльцы, владѣющіе участкомъ земли въ три морга (отъ нѣмецкой мѣры *моргенъ*), то-есть немногимъ болѣе полутора десятинъ, могутъ обсуждать въ собраніи гмины (gmina, отъ нѣмецкаго Gemeinde, община) свои земледѣльческіе интересы, даже отчасти управлять ими, а противъ ростовщиковъ они обладаютъ силой, которую даетъ солидарность: тамъ, гдѣ отдѣльный человѣкъ долженъ бы былъ пасть въ неравной борьбѣ, община оказываетъ сопротивленіе и выходитъ побѣдительницею [2]). Въ прусской Польшѣ, гдѣ крестьяне остались подъ судебной властью и полицейскимъ надзоромъ ихъ бывшихъ господъ, половина крестьянскихъ земель въ нѣкоторыхъ округахъ была уже продана за безцѣнокъ тѣмъ лицамъ, которыя владѣли ими до 1848 года, сельскій пролетаріатъ увеличивается съ каждымъ годомъ, въ то же время возрастаетъ и число преступленій, и множеству бѣдняковъ не остается иного выхода изъ гнетущей нужды, кромѣ эмиграціи [3]). Въ Галиціи положеніе крестьянъ еще хуже, и земля, которую хлѣбопашцы уже считали-было принадлежащею имъ на правѣ собственности, быстро переходитъ въ руки ростовщиковъ, какъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя [4]):

Продажа крестьянскихъ участковъ въ Галиціи:

Въ	1867	году	164	продажи съ	публичнаго	торга	въ	130	деревняхъ.
„	1873	„	614	„	„	„	„	409	„
„	1877	„	2,139	„	„	„	„	1,209	„

---

[1]) „Педагогическій музей“, 1879 г., №№ 2-й и 3-й.

[2]) Около половины сельскихъ общинъ въ Царствѣ Польскомъ имѣютъ ссудосберегательныя кассы, хотя и неудовлетворительныя по своей организаціи. Притомъ лицамъ не-крестьянскаго состоянія, слѣдовательно всѣмъ ростовщикамъ-евреямъ, воспрещено закономъ пріобрѣтать крестьянскія земли. *Ред.*

[3]) *Engel*, Preussische Statistik, Heft XXVI, 1874.

[4]) Сборникъ львовскаго статистическаго бюро.

Сельскія общины Польши, осаждаемыя со всѣхъ сторонъ услужливыми ссужателями денегъ, отчасти уже эксплоатируемыя ловкими кулаками и ростовщиками, найдутъ ли въ себѣ достаточно умѣнья и энергіи, чтобы защитить свои поля? До сихъ поръ онѣ, повидимому, успѣвали въ этомъ.

Что касается дѣла „обрусѣнія", предпринятаго въ Польшѣ, впрочемъ безъ системы и послѣдовательности, то оно не могло привести къ предположенной цѣли, и нація остается болѣе польской, чѣмъ когда либо [1]). Уже отдѣленная отъ русскихъ патріотическими преданіями, религіей, нравами, она продолжаетъ быть отдѣленной и языкомъ. Безъ сомнѣнія, молодые люди, воспитывающіеся въ гимназіяхъ, учатся русскому языку и умѣютъ выражаться на языкѣ своихъ побѣдителей; безъ сомнѣнія также, тайныя польскія школы были повсюду обнаруживаемы и закрываемы; въ настоящее время всѣ учебники, употребляемые въ начальныхъ школахъ, составлены на русскомъ языкѣ, и вопросы предлагаются наставникомъ на языкѣ чуждомъ ученику; но понимаютъ или нѣтъ дѣти даваемый имъ въ школѣ урокъ, польскій языкъ все-таки остается ихъ роднымъ языкомъ—тѣмъ языкомъ, на которомъ они мыслятъ. Нивы польской литературы воздѣлываются все съ тѣмъ же рвеніемъ; каждый годъ она обогащается оригинальными сочиненіями и въ особенности многочисленными переводами. Въ 1877 году въ привислянскихъ губерніяхъ выходило 60 польскихъ періодическихъ изданій.

Города очень многочисленны въ Польшѣ, этой промышленной области Россійской имперіи, и особенно въ территоріи, сопредѣльной съ Верхней Силезіей, съ ея каменноугольными бассейнами и съ ея копями и рудниками: по обѣ стороны границы возвышаются громадныя фабричныя зданія и копошатся массы рабочаго люда. Впрочемъ, залежи минеральнаго топлива простираются также подъ польской территоріей, гдѣ разработываются главнымъ образомъ Домбровскія копи каменнаго угля (въ 1871 году производство этихъ копей равнялось 17,850,000 пуд., или 288,000 тоннамъ [2]).

[1]) Большіе успѣхи польской литературы въ послѣднее время, указываемые самимъ авторомъ, никогда непрекращавшееся преподаваніе польскаго языка въ народныхъ училищахъ и гимназіяхъ, ежегодное чтеніе въ варшавской городской ратушѣ публичныхъ лекцій на польскомъ языкѣ, казенныя субсидіи, выдаваемыя варшавскому польскому театру и консерваторіи, и другіе тому подобные факты ясно указываютъ на то, что руссификація въ Царствѣ Польскомъ мало вредитъ польской національности.
Ред.

[2]) Съ быстрыми успѣхами фабричной и заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ въ послѣдніе годы дѣлаетъ соотвѣтственные успѣхи и разработка каменноугольныхъ залежей въ этомъ краѣ. Въ 1876 году всего было добыто изъ Домбровскихъ копей 25.132,533 пуда, въ 1877 году 38.346,190 пуд., въ 1878 году 55.269,085 пуд. Слѣдовательно, въ три года производство удвоилось. См. печатный докладъ Варшавской желѣзнодорожной подкоммисіи о каменноугольномъ производствѣ, Спб. 1880 г. *Ред.*

Въ этой части Польши почти всѣ воды текутъ къ Одеру, за исключеніемъ нѣсколькихъ ручьевъ, которые спускаются къ югу и соединяются съ нарождающейся Вислой, выше Кракова; одинъ изъ этихъ ручьевъ протекаетъ черезъ городъ Бендинъ, главный пунктъ мануфактурной области. Надъ верхней долиной Варты господствуетъ древній, гордый своей славой городъ Ченстохово, къ западу отъ котораго, по другую сторону желѣзной дороги, разростается новый городъ. На востокѣ высится Ясная Гора (Ясна-Гура), на вершинѣ которой пріютился старинный монастырь, похожій на крѣпость и который дѣйствительно въ теченіе вѣковъ былъ однимъ изъ главныхъ крѣпкихъ замковъ Польши: въ 1704 году шведы безъ успѣха осаждали его. До 1765 года настоятель монастыря былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантомъ крѣпости. Благодаря иконѣ Божіей Матери, византійскаго происхожденія, подъ покровительство которой сеймъ 1656 года отдалъ Польское королевство и которую народъ почитаетъ какъ „царицу Польши", ченстоховскій монастырь, обогащаемый постоянными пожертвованіями и вкладами, сдѣлался съ теченіемъ времени обладателемъ громадныхъ имѣній, которыя простирались на пятнадцатой части старой Польши, обнимая около 5 милліоновъ десятинъ. Лишенный нынѣ этихъ земельныхъ владѣній, составлявшихъ цѣлое королевство, монастырь все-таки имѣетъ богатую казну, увеличиваемую каждый годъ приношеніями пятидесяти или шестидесяти тысячъ богомольцевъ, стекающихся сюда изъ всѣхъ католическихъ странъ трехъ имперій: на западѣ отъ Кіева, Ченстохово — наиболѣе посѣщаемое мѣсто паломничества во всемъ славянскомъ мірѣ. Какъ всѣ святыя мѣста, гдѣ сходятся массы богомольцевъ изъ разныхъ странъ, Ченстохово въ то же время значительный рынокъ и ведетъ торговлю скотомъ, сукнами, полотнами и разнымъ мелкимъ товаромъ.

Едва вступивъ въ предѣлы Калишской губерніи, Варта, усиливаемая многочисленными притоками, бѣжитъ въ широкой аллювіальной долинѣ, среди которой расположился городъ Сѣрадзь; а неподалеку отъ него, на восточной плоской возвышенности, находится другой городъ, болѣе многолюдный, Здунская Воля. Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи рѣка омываетъ холмъ, гдѣ стоитъ городъ Варта, имя котораго она носитъ, или который отъ нея получилъ свое имя; затѣмъ, описавъ большую дугу въ западномъ направленіи, она окружаетъ островокъ, на которомъ былъ построенъ городъ Коло, далѣе омываетъ стѣны города Конина и проникаетъ въ прусскую Польшу при сліяніи съ Тросной. Эта послѣдняя рѣка служитъ границей между двумя имперіями, и на берегахъ ея, среди фруктовыхъ садовъ, раскинулся Калишъ, главный городъ губерніи того же имени. Этотъ историческій городъ, нынѣ важный торговый центръ, имѣющій также большія суконныя фабрики, считается древнѣйшимъ городскимъ поселеніемъ Польши; можетъ быть даже, это — тотъ самый городъ

ЧЕНСТОХОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

о которомъ упоминаетъ Птоломей подъ именемъ „Калисіа". Окружающая мѣстность усѣяна могильными курганами, въ которыхъ сдѣланы богатыя находки.

Многіе другіе польскіе города находятся также въ бассейнѣ Варты, хотя не на берегахъ и вообще не въ близкомъ сосѣдствѣ рѣки. Таковъ Турекъ, лежащій на сѣверо-востокѣ отъ Калиша; таковы же, на востокѣ отъ этой рѣки, Ленчица, бывшая резиденція воеводъ, и различные города съ прядильными и другими фабричными заведеніями, Озорковъ, Пабіанице, Згержъ, Лодзь. Этотъ послѣдній, который еще въ 1821 году былъ бѣдной деревней, заключавшей менѣе 800 жителей, сдѣлался теперь вторымъ городомъ Царства Польскаго по численности населенія, также какъ и по развитію промышленной дѣятельности. Но его нельзя назвать городомъ въ обыкновенномъ смыслѣ; это—скорѣе одна длинная улица, идущая на протяженіи десятка верстъ, по обѣ стороны которой тянутся непрерывнымъ рядомъ дома фабричныхъ рабочихъ, бумагопрядильни, суконныя фабрики, красильни и другія промышленныя заведенія, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ; онъ одинъ производитъ семь-восьмыхъ всего фабрикуемаго въ Польшѣ количества хлопчато-бумажныхъ матерій. Въ 1873 году цѣнность бумажныхъ тканей, выдѣланныхъ на лодзинскихъ фабрикахъ, простиралась до 10.734,025 рублей [1]). Большая часть этихъ мануфактуръ принадлежитъ нѣмцамъ.

Бассейнъ Пилицы, вòды которой, берущія начало близъ города того же имени, соединяется съ Вислой выше Варшавы, далеко не имѣетъ такой важности въ промышленномъ отношеніи, какъ бассейнъ Варты. Пржедборжъ, гдѣ рѣка еще не судоходна, замѣчателенъ только какъ рынокъ для земледѣльческихъ произведеній. Городъ Петроковъ, лежащій недалеко отъ Пилицы, въ боковой долинѣ, впадающей въ главную съ западной стороны, если имѣетъ нѣкоторую важность, то обязанъ этимъ почти исключительно тому, что онъ административный центръ губерніи. Томашовъ имѣетъ нѣсколько суконныхъ фабрикъ [2]); но ниже этого города въ долинѣ Пилицы встрѣчаются только мѣстечки съ малочисленнымъ населеніемъ. Радомъ, главный городъ губерніи того же имени, расположенъ въ южнѣе лежащей долинѣ, вòды которой питаются ключами и снѣгами Лысой Горы. Это—старинный городъ, гдѣ происходитъ дѣятель-

[1]) Къ 1880 году это количество болѣе чѣмъ удвоилось. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1879 г., въ г. Лодзи находилось 369 хлопчатобумажныхъ фабрикъ при 9,477 рабочихъ, съ годовымъ производствомъ въ 22,084,000 руб. См. Экономическо-статистическое описаніе районовъ желѣзныхъ дорогъ, подлежавшихъ изслѣдованію Варшавской подкоммисіи. Варшава, 1881. *Ред.*

[2]) Въ 1879 году въ г. Томашовѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, находилось 110 шерстяныхъ промышленныхъ заведеній съ производствомъ на сумму около 4-хъ милліоновъ рублей. См. цитированное „Экономическо-статистическое описаніе районовъ жел. дорогъ въ Царствѣ Польскомъ". *Ред.*

ная мѣновая торговля между горцами и жителями равнины. На полуденномъ скатѣ Лысой Горы также находимъ нѣсколько промышленныхъ городовъ; таковы: Кѣльце, административный центръ губерніи, городъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ и сахарныхъ фабрикъ, окруженный холмами, откуда прежде добывали мѣдную руду; Хенцины, въ окрестностяхъ котораго разрабатываютъ ломки мрамора; Хмѣльникъ; Пинчовъ, близъ котораго существуютъ рудники колчедана; Вислица, бывшая королевская резиденція, прославленная такъ называемымъ „Вислицкимъ статутомъ", изданнымъ Казиміромъ Великимъ въ 1347 году; Нове-Място (Новый городъ), стоящій также на рѣкѣ Нидѣ и, подобно Вислицѣ, разбогатѣвшій благодаря своимъ залежамъ сѣры; Сташовъ; Раковъ, теперь простое мѣстечко, который въ семнадцатомъ столѣтіи былъ умственнымъ центромъ социніанъ, „сарматскими Аѳинами", разрушенными по повелѣнію сената въ 1638 году, за двадцать лѣтъ до обнародованія закона, вотированнаго противъ этой секты. Горделивый Сандомиръ расположенъ на берегу Вислы подъ горой, на которой высится его древній замокъ или кремль. Этотъ городъ, одинъ изъ тѣхъ, имя которыхъ всего чаще повторяется въ исторіи Польши, былъ столицей королевства въ теченіе тринадцатаго столѣтія, и одна изъ его церквей, построенная въ византійскомъ стилѣ, относится къ этой эпохѣ. Своей обширной торговлей онъ пріобрѣлъ большія богатства; но именно его цвѣтущее состояніе и его преобладающая роль въ государствѣ были причиной того, что онъ много разъ подвергался осадамъ и пожарамъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ важность только по сплаву лѣса и по рѣчному судоходству для перевозки хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ.

На востокѣ отъ Вислы, но все-таки въ ея бассейнѣ и въ бассейнѣ Западнаго Буга, Люблинская губернія занимаетъ юго-восточный уголъ нынѣшней Польши. Главный ея городъ, Люблинъ, который долго оспаривали другъ у друга поляки и галиційскіе русскіе, былъ, начиная съ шестнадцатаго столѣтія вплоть до необычайно быстраго развитія Лодзи, вторымъ городомъ Польши, и теперь еще онъ уступаетъ только Варшавѣ по величественному виду. Во времена королей изъ династіи Ягеллоновъ Люблинъ, говорятъ, насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ до 40,000 жителей, и ни одинъ городъ не могъ помѣряться съ нимъ на всемъ пространствѣ между нижней Вислой и Днѣпромъ; но, часто опустошаемый татарами и казаками, онъ нѣсколько разъ нисходилъ на степень простаго мѣстечка: за предѣлами нынѣшняго города груды развалинъ покрываютъ еще большое пространство окружающихъ земель; отъ городскихъ стѣнъ остались только живописныя руины [1]. Люблинъ прославился въ исторіи бурнымъ

---

[1]) Изъ уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія древностей, не считая различныхъ старинныхъ костеловъ и церквей, наиболѣе замѣчателенъ стоящій на скалѣ „замокъ Люблин-

сеймомъ 1568 и 1569 годовъ, на которомъ рѣшено было присоединеніе Литвы къ Польскому государству. Какъ крѣпость, онъ былъ замѣненъ городомъ Замостье (Замосць), который лежитъ на болотистомъ плато, на высотѣ 726 футовъ, недалеко отъ австрійской границы и отъ водораздѣльной возвышенности между бассейнами Вислы и Днѣстра. Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія графъ Замойскій выбралъ мѣстоположеніе для этого города въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и велѣлъ построить его улицы съ аркадами, по образцу городовъ Ломбардіи; онъ же основалъ въ немъ академію и другія общественныя учрежденія, которыя теперь уже не существуютъ. Но городъ и нынѣ все-еще ведетъ торговлю съ Волынью и Галиціей, также какъ два его сосѣда, Билгорай и Грубешовъ. Первый изъ нихъ имѣетъ спеціальный промыселъ — выдѣлку ситъ, которыхъ онъ продаетъ свыше милліона штукъ въ годъ. Близъ втораго находится мѣстечко Городля, на Бугѣ, напоминающее договоръ, заключенный въ первый разъ между католическимъ дворянствомъ Литвы и дворянствомъ Польши въ 1413 году. Вообще вся эта область одна изъ самыхъ важныхъ въ исторіи Польши и сосѣднихъ странъ. Одна изъ сосѣднихъ деревень, Черлю, древній Червень, дала свое имя группѣ городовъ „Червонной Руси", получившей впослѣдствіи названіе Галиціи.

На востокѣ отъ Люблина, на одномъ изъ притоковъ Западнаго Буга и уже въ мѣстности, населенной малороссіянами, стоитъ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ—Холмъ (по-польски Хелмъ); онъ обязанъ своимъ именемъ горкѣ, на которой возвышался крѣпкій замокъ, всегда съ успѣхомъ отражавшій нападенія татаръ. Въ окрестностяхъ на сѣверѣ и на югѣ, высятся двѣ старинныя четыреугольныя башни, безъ всякихъ отверстій и безъ пустоты во внутренности, въ которыхъ антикваріи усматриваютъ символы языческаго культа, тогда какъ другіе считаютъ ихъ просто пограничными знаками Галиціи въ тринадцатомъ столѣтіи. Какъ епископальный городъ уніатовъ, то-есть послѣдователей греко-восточнаго вѣроисповѣданія, соединенныхъ съ римско-католической церковью, Холмъ сдѣлался ихъ духовной столицей въ 1839 году, послѣ упраздненія уніи въ Россіи собственно; но въ Царствѣ Польскомъ осталось лишь небольшое число отъ 240,000 уніатовъ, бывшихъ тамъ въ 1864 году: уніатовъ возсоединили съ православной церковью.

Висла служитъ общей границей двумъ губерніямъ, Люблинской и Радомской, во всей части ея средняго теченія, направляющагося отъ юга къ сѣверу. Прежде чѣмъ повернуть на сѣверо-западъ, откуда теченіе направляется къ Варшавѣ, рѣка вступаетъ въ горное ущелье, надъ которымъ по обѣ стороны возвышаются историческія руины,—на западѣ Яно-

---

скихъ старостъ", поражающій красотою и древностью своей архитектуры. Теперь этотъ замокъ обращенъ въ тюрьму. См. *Устимовича* Географію Царства Польскаго, Варшава, 1864. *Ред.*

вице, на востокѣ Казимержъ,—и проходитъ передъ великолѣпнымъ замкомъ и паркомъ Пулавы, бывшимъ княжескимъ имѣніемъ, которое нынѣ переименовано въ Ново-Александрію и котораго всѣ сокровища, драгоцѣнныя книги, рукописи, произведенія искусства были перевезены въ Петербургъ; во дворцѣ прежде помѣщался институтъ благородныхъ дѣвицъ [1]). Ниже, при сліяніи Вислы и Вепржа, стоитъ крѣпость Ивангородъ, прежде Демблинъ, прикрывающая съ юго-запада подступы къ Варшавѣ.

Варшава далеко превосходитъ всѣ другіе города Польши по числу жителей и значенію, а въ Россійской имперіи она занимаетъ третье мѣсто, слѣдуя непосредственно за Петербургомъ и Моской. Однако, она не принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ страны: Гнѣзно, Краковъ существовали уже сотни лѣтъ, когда мѣстность, гдѣ въ наши дни расположена обширная и многолюдная Варшава, была еще дремучимъ лѣсомъ, наполненнымъ дикими звѣрями; имя этого города появляется въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Страна, по которой протекаетъ средняя Висла, была занята преимущественно мазурами, почти независимымъ народцемъ, который иногда вступалъ въ союзъ съ тевтонскими рыцарями противъ поляковъ и который слился окончательно съ польской монархіей только по прекращеніи его княжескаго дома въ 1526 году. Когда состоялось политическое соединеніе Литвы съ Польшей, Варшава была выбрана мѣстомъ собранія сеймовъ, потому что она не была „ни польская, ни литовская, а находилась на нейтральной территоріи Мазовецкой области“. Это было въ 1569 году. Сдѣлавшись такимъ образомъ, центромъ равновѣсія Польши и Литвы и избавившись отъ границъ неопредѣленныхъ, но стѣснительныхъ, происходившихъ отъ раздѣленія страны на нѣсколько государствъ, Варшава тотчасъ же воспользовалась географическими выгодами своего положенія Она стоитъ на большой судоходной рѣкѣ, въ центрѣ плодоносной равнины, которая простирается отъ Восточной Пруссіи до цѣпи Лысой Горы. Къ той части рѣчнаго теченія, середину которой занимаетъ Варшава, притоки сходятся въ наибольшемъ числѣ: выше города рѣки Вепржъ и Пилица, текущія одна съ юго-востока, другая съ юго-запада, приносятъ Вислѣ воды почти всей полуденной Польши; ниже, обильная рѣка, въ которую, на недалекомъ разстояніи отъ мѣста ея впаденія, соединяются Западный Бугъ и Наревъ,прибавляетъ свою водную массу къ водамъ главной рѣки. Подобно тому, какъ Парижъ, построенный выше сліянія Уазы, тѣмъ не менѣе сдѣлался естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ продуктовъ и товаровъ, перевозимыхъ внизъ по притоку Сены, также точно и Варшава, лежащая выше соединенія Вислы и Нарева, представляетъ пунктъ, гдѣ схо-

---

[1]) Въ настоящее же время помѣщается институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, съ правами почти университетскими. *Ред.*

дятся торговые пути, открываемые долинами Нарева и Буга на востокѣ и сѣверо-востокѣ по направленію къ Литвѣ. Кромѣ того, столица Польши находится на описываемой теченіемъ Вислы кривой, развертывающейся къ востоку въ сторону Россіи и какъ разъ напротивъ водораздѣльнаго порога, мало возвышеннаго, который отдѣляетъ притоки Днѣпра отъ притоковъ Нѣмана и Западной Двины и продолжается далеко по направленію къ Москвѣ, какъ большая дорога для переселеній и торговыхъ сношеній [1]). Этотъ трактъ мирныхъ торговыхъ каравановъ служилъ также путемъ для армій, и поляки часто пользовались имъ во время своихъ походовъ въ Россію; въ свою очередь, и русскіе ходили этой же дорогой, чтобы вторгнуться въ предѣлы Польши и нести опустошеніе въ Варшаву. Немногіе города имѣли въ новѣйшія времена политическую исторію болѣе печальную, чѣмъ польская столица; не смотря на то, Варшава не переставала рости въ протяженіи и въ численности населенія [2]). Если бы не мѣшали укрѣпленія, стѣсняющія ея промышленное развитіе, и полукругъ таможенъ, развертывающійся вокругъ нея на разстояніи отъ 100 до 200 верстъ, то, нѣтъ сомнѣнія, этотъ городъ, самый близкій къ геометрическому центру континента, занялъ бы мѣсто въ ряду первоклассныхъ городовъ Европы. Хотя черезъ Варшаву проходитъ одинъ изъ главныхъ желѣзныхъ путей Европы, она не имѣетъ еще достаточнаго числа рельсовыхъ дорогъ для служенія ея торговлѣ. Кромѣ того, городу часто грозитъ опасность наводненія при разливахъ Вислы, и нерѣдко случается, что зарѣчная часть, Прага, сады и виллы прибрежныхъ предмѣстій представляютъ печальное зрѣлище безпорядка и разрушенія.

Построенная полукругомъ на западномъ, нагорномъ берегу Вислы, Варшава возвышается футовъ на 100 надъ поверхностью водъ рѣки и ея лѣсистыхъ острововъ. Центромъ города можно считать бывшій королевскій дворецъ, окруженный садами въ видѣ террасъ, которыя поднимаются на самомъ берегу рѣки. Отъ этого дворца, въ которомъ теперь помѣщаются библіотека и собраніе произведеній искусства, расходятся, на подобіе радіусовъ, главные проспекты, обставленные отелями и публичными зданіями. Старый городъ, съ узкими улицами, тянется на сѣверѣ, замкнутый, такъ сказать, между многочисленными казармами, прилегающими къ замку и къ цитадели. На югѣ раскинулись новые кварталы, изрѣзанные широкими проспектами. Желѣзнодорожный путеводъ и великолѣпный мостъ о семи аркахъ пересѣкаютъ желтоватыя воды Вислы и соединяютъ городъ съ его предмѣстьемъ, Прагой, получившей въ исторіи печальную извѣстность кровопролитнымъ штурмомъ Суворова въ 1794 году и приступомъ Паскевича въ 1831 году.

---

[1]) *I. G. Kohl*, Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's.

[2]) Особенно съ тѣхъ поръ, когда она сдѣлалась узломъ 4-хъ желѣзнодорожныхъ линій, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ. *Ред.*

Варшава — университетскій городъ, и ея университетъ имѣетъ, кромѣ библіотеки, состоящей изъ 313,000 томовъ, научныя коллекціи всякаго рода, астрономическую обсерваторію, ботаническій садъ; университетъ, основанный въ 1816 году, былъ закрытъ послѣ возстанія 1830 и 1831 годовъ, и курсы возобновились въ немъ только въ 1861 г.; самое названіе университета дано лишь въ 1869 году (до этого времени онъ назывался главной школой), но преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ; университетъ не имѣетъ всѣхъ университетскихъ правъ, какими пользуются другія высшія учебныя заведенія имперіи [1]). Студентовъ въ варшавскомъ университетѣ было, 1 января 1878 года, 502 [2]). Кромѣ университета, въ Варшавѣ существуютъ нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія, изъ которыхъ назовемъ училище искусствъ и ремеслъ и музыкальную консерваторію [3]). Между музеями главное мѣсто занимаетъ музей общества изящныхъ искусствъ; въ лучшихъ кварталахъ есть нѣсколько статуй, между прочимъ, статуя Коперника, воздвигнутая его согражданами на одной изъ прекрасныхъ площадей города [4]). Столица Польши отличается также своей промышленной и торговой дѣятельностью; ея многочисленныя фабричныя заведенія, прядильни и мануфактуры различныхъ матерій, табачныя фабрики, заводы винокуренные, водочные, пивоваренные, кожевенные, мыловаренные, литейные, фабрики обуви, машинъ, земледѣльческихъ орудій, инструментовъ, мебели, фортепіано, поставляютъ ежегодно произведеній на десятки милліоновъ. Въ концѣ 1876 года въ Варшавѣ насчитывалось 237 фабрикъ и 10,000 рабочихъ; годовое производство ихъ простиралось до 18 милліоновъ рублей [5]). Жирар-

---

[1]) Это ограниченіе заключается въ лишеніи университетскаго совѣта, и то только временномъ, права самому выбирать преподавателей на университетскія каѳедры. *Ред.*

[2]) 1-го января 1881 года число всѣхъ слушателей въ Варшавскомъ университетѣ было около 1000 человѣкъ. См. Варшавскія Университетскія Вѣдомости за этотъ годъ. *Ред.*

[3]) Съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ. *Ред.*

[4]) Также статуя польскаго короля Сигизмунда III, перенесшаго столицу изъ Кракова въ Варшаву въ 1596 году; статуя эта поставлена въ 1644 году сыномъ Сигизмунда, королемъ Владиславомъ IV, на площади предъ стариннымъ королевскимъ замкомъ, первыя основанія котораго были заложены еще въ XIV вѣкѣ князьями мазовецкими. Статуя возвышается на мраморной колоннѣ въ 36 локтей вышины, высѣченной изъ одного куска мѣстнаго мрамора, взятаго подъ Хенцинами въ Кѣлецкомъ уѣздѣ. Изъ новѣйшихъ памятниковъ г. Варшавы, самый красивый—высокая пирамида на пьедесталѣ, съ 4-мя большими бронзовыми львами, поставленная въ честь поляковъ, павшихъ въ 1830 году въ рядахъ русскихъ войскъ. Памятникъ этотъ возвышается на Саксонской площади, напротивъ прекрасной колоннады, ведущей въ Саксонскій садъ, и прежняго дворца саксонскихъ королей, перестроеннаго за ветхостью въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. *Ред.*

[5]) Въ 1879 году, число фабрикъ достигло уже 307 при 14,256 рабочихъ, съ годовымъ производствомъ на 27¼ милліоновъ рублей; слѣдовательно, фабричная производительность возросла въ трехлѣтній промежутокъ времени болѣе чѣмъ на 33%. См. Статистическій обзоръ г. Варшавы за этотъ годъ. *Ред.*

ВАРШАВА, — ТЕАТРЪ И ДВОРЕЦЪ ВЪ ЛАЗЕНЬКАХЪ.

довская фабрика вблизи Варшавы, при одной изъ станцій варшавско-вѣнской жел. дороги, названная такъ въ честь Филиппа де-Жирарда, пользуется въ краѣ почти монополіею выдѣлки столоваго бѣлья, котораго она производитъ на три милліона рублей въ годъ, при 5,000 рабочихъ. Что касается дѣятельности торговаго обмѣна, то о размѣрахъ его можно составить понятіе, увидѣвъ толпу вѣчно занятыхъ, дѣловыхъ сыновъ Израиля, которые снуютъ, въ числѣ около ста тысячъ человѣкъ, по варшавскимъ улицамъ. Изъ всѣхъ городовъ земнаго шара, Варшава имѣетъ наиболѣе многочисленное еврейское населеніе, и это населеніе размножается въ ней съ наибольшею быстротою.

Число и пропорція евреевъ и христіанъ, живущихъ въ Варшавѣ:

Въ 1860 г. .	118,000 христіанъ;	43,000 евреевъ,	т. е. 38%	населенія.
„ 1869 „ .	118,000 „	69,000 „	„ „ 36%	„
„ 1877 „ .	206,300 „	102,250 „	„ „ 33%	„
„ 1879 „ .	239,880 „	117,289 „	„ „ 32,7%	„

Варшавская шерстяная ярмарка—одна изъ самыхъ важныхъ въ центральной Европѣ; въ 1878 году было продано шерсти свыше 35,000 пудовъ на сумму около 700,000 мет. рублей. Какъ бо́льшая часть другихъ большихъ городовъ, польская столица, которая, впрочемъ, имѣетъ много нездоровыхъ кварталовъ, населенныхъ бѣднымъ людомъ, окружена увеселительными мѣстами, рощами, виллами, куда устремляется городское населеніе въ праздничные дни; въ особенности Лазенковскій дворецъ, построенный на южной сторонѣ города, на древнемъ берегу, гдѣ Висла оставила ложную рѣку, славится своимъ очаровательнымъ мѣстоположеніемъ, своими тѣнистыми парками и своими водами, въ зеркальной поверхности которыхъ отражаются статуи изъ бѣлаго мрамора и колоннады искусственной руины, которая служитъ сценой для театральныхъ представленій, даваемыхъ подъ открытымъ небомъ [1]). На западѣ отъ города

[1]) Сцена варшавскаго Лазенковскаго театра чуть ли не единственная въ мірѣ въ томъ отношеніи, что, расположенная на островѣ, отдѣлена отъ зрителей водою. Почти не нуждаясь въ искусственномъ украшеніи кулисами, она своими естественными деревьями и водою, окружающею ее, сливается со всѣмъ Лазенковскимъ паркомъ, съ его въ высшей степени изящнымъ лѣтнимъ дворцомъ, построеннымъ послѣднимъ польскимъ королемъ, и массами публики, гуляющей по аллеямъ, окаймляющимъ прудъ, такъ что принимаетъ во время представленій фантастическіе гигантскіе размѣры. Вообще Лазенковскій паркъ по своей красотѣ можетъ конкуррировать съ лучшими парками Европы. Кромѣ него, въ самомъ центрѣ города находятся два довольно обширныхъ сада для общественныхъ гуляній—Красинскій и Саксонскій, съ тѣнистыми аллеями изъ вѣковыхъ каштановъ. Особенно значителенъ послѣдній садъ съ лѣтнимъ большимъ театромъ, старинными статуями и прекраснымъ фонтаномъ, окруженнымъ клумбами цвѣтовъ. Примыкая къ лучшимъ улицамъ г. Варшавы, этотъ садъ служитъ въ настоящее время любимымъ мѣстомъ гуляній варшавской публики, подобно тому какъ Красинскій садъ служилъ моднымъ гуляньемъ варшавской аристократической публики въ началѣ текущаго

разстилается равнина Воля, напоминающая бурные королевскіе выборы, гдѣ во время избирательнаго сейма располагались станомъ до 200,000 дворянъ, со своей свитой, иногда болѣе похожихъ на враговъ, готовыхъ схватиться другъ съ другомъ, нежели на гражданъ, собравшихся для мирнаго совѣщанія о дѣлахъ государства; далѣе слѣдуетъ Виллановъ съ замкомъ, служившимъ резиденціей королю Яну Собѣскому и который нынѣ заключаетъ музей произведеній живописи, нумизматическую коллекцію, историческую библіотеку. Между именами знаменитыхъ людей, родившихся въ Варшавѣ, особенно заслуживаетъ упоминанія имя Лелевеля, историка, географа и болѣе всего—великаго гражданина. Шопенъ родился въ окрестностяхъ города.

Верстахъ въ тридцати съ небольшимъ ниже Варшавы, Наревъ, усиленный Западнымъ Бугомъ, соединяетъ свои воды съ водами Вислы, ограничивая вмѣстѣ съ нею удлиненный полуостровъ, на которомъ выстроился городъ Новый-Дворъ. Другія группы строеній, города и мѣстечки, расположились на обоихъ берегахъ главной рѣки ниже сліянія, тогда какъ на сѣверѣ, господствуя одновременно надъ обѣими рѣками, показываются укрѣпленія Ново-Георгіевска или Модлина, крѣпости, которую инженеры признаютъ образцовымъ произведеніемъ военнаго искусства: тридцать, даже сорокъ тысячъ солдатъ могутъ помѣститься въ модлинскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, чтобы служить опорой для движеній арміи въ полѣ.

Почти всѣ города восточной части Царства Польскаго, въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Ломжинской, Варшавской, принадлежатъ къ бассейнамъ Нарева и Западнаго Буга. На дорогѣ изъ Варшавы къ крѣпости Брестъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, окруженные великолѣпнѣйшими полями, нивами и лугами, города Калушинъ, Сѣдльце, Мендзыржечъ, Бѣла; Влодава, на литовской границѣ, составляетъ одинъ городъ съ предмѣстьемъ Влодавка, лежащимъ на противоположномъ берегу Буга; г. Островъ находится въ равнинахъ, которыя простираются на сѣверъ отъ этой рѣки; Тыкоцинъ отдѣленъ отъ Литвы только теченіемъ Нарева; Ломжа, губернскій городъ, омываемый той же рѣкой, долгое время былъ

столѣтія. Обиліе общественныхъ садовъ и скверовъ въ городѣ, пріѣздъ лѣтомъ въ Варшаву изъ провинціальныхъ польскихъ городовъ, а также заграничныхъ, множества театральныхъ труппъ, дающихъ на польскомъ и частію на нѣмецкомъ языкахъ представленія на открытомъ воздухѣ въ лѣтнихъ театрахъ небольшихъ частныхъ садовъ, отсутствіе большихъ жаровъ по самому климату страны, отличающемуся большою влажностью и частыми дождями—все это обусловливаетъ довольно большую оживленность жизни въ Варшавѣ и въ лѣтнее время и отсутствіе въ окрестностяхъ ея хорошо устроенныхъ дачъ. Только въ послѣдніе годы, съ большимъ приливомъ русскаго служилаго населенія изъ Петербурга и Москвы, привычки русскихъ столичныхъ жителей къ дачной жизни стали быстро прививаться и къ мѣстному населенію, вслѣдствіе чего въ короткое время окрестности Варшавы стали застраиваться загородными виллами. *Ред.*

въ упадкѣ, и теперь еще тамъ видны развалины, оставленныя проходомъ шведскихъ войскъ; ниже, на той же рѣкѣ, находится Остроленка, гдѣ въ 1831 году произошла рѣшительная битва, открывшая русскимъ дорогу къ Варшавѣ; Пултускъ, гдѣ также встрѣчались воюющія арміи, шведы противъ саксонцевъ, французы противъ русскихъ, стоитъ на той же рѣкѣ, преграждающей путь къ Варшавѣ. Изъ сосѣднихъ городовъ самые важные: Маковъ и Праснышъ на сѣверѣ и Насѣльскъ на юго-западѣ.

Къ западу отъ Варшавы и отъ сліянія Нарева съ Вислой бо́льшая часть городовъ расположена вдали отъ главной рѣки, въ боковыхъ бассейнахъ Вислы. Значительнѣйшіе изъ этихъ городовъ: Рава и Бржезины, оба принадлежащіе къ промышленной области, главный центръ которой Лодзь; Скерневице, важная станція пересѣченія желѣзныхъ дорогъ [1]); Кутно, Ловичъ, Сохачевъ принадлежатъ къ водоскату рѣки Бзуры; Гомбинъ и Гостынинъ возвышаются на плоскогорьи, ограниченномъ съ сѣверной стороны теченіемъ Вислы; къ сѣверу отъ той же рѣки, на скатахъ Мазовецкаго водораздѣльнаго хребта, находимъ города Млаву, Плонскъ, Цѣхановъ, Серпце, Липно. Но два важнѣйшіе города этой страны занимаютъ выгодное положеніе на берегу главной рѣки и служатъ пристанями для барокъ и пароходовъ, плавающихъ вверхъ и внизъ по Вислѣ. Плоцкъ, нынѣ губернскій городъ, построенъ на высокомъ холмѣ, поднимающемся надъ Вислой; это—старинный епископальный городъ, основанный въ десятомъ столѣтіи и бывшій долгое время резиденціей князей мазовецкихъ. Влоцлавекъ, менѣе древній и не столь живописный по мѣстоположенію, замѣчателенъ въ особенности какъ торговый городъ.

Сувалкская губернія, почти совершенно отдѣленная отъ остальной Польши обширными, еще неосушенными болотами, находится также въ другомъ гидрографическомъ бассейнѣ—въ бассейнѣ Нѣмана; населенная по большей части жителями литовскаго происхожденія, она принадлежала къ Литвѣ до послѣдняго раздѣла Польши. Однако, городъ Августовъ, или Августово, названный такъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, въ честь короля Августа I, стоитъ при ручьѣ, воды котораго, переходя изъ озера въ озеро и изъ рѣки въ рѣку, изливаются, наконецъ, въ Вислу; но судоходный каналъ, соединяющій маленькія озера, связываетъ этотъ городъ съ Нѣманомъ и, такъ сказать, помѣщаетъ его на водоскатѣ этой рѣки. Августовъ, бывшій прежде губернскимъ городомъ, замѣненъ нынѣ, какъ административный центръ губерніи, новымъ городомъ Сувалки, населеннымъ въ значительной части евреями, также какъ и другіе города

[1]) Въ г. Скерневицахъ находится дворецъ бывшей княгини Ловичской, построенный супругомъ ея, Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. При дворцѣ большой паркъ, служащій теперь мѣстомъ охоты на разводимыхъ въ немъ ланей. *Ред.*

этой губерніи, Кальварія, Маріамполь, Вильковышки, Владиславовъ. Въ Сувалкской губерніи находится нѣсколько колоній великорусскихъ раскольниковъ, число которыхъ увеличилось недавно эмигрантами, вернувшимися изъ прусскихъ владѣній, гдѣ они до того времени жили. Въ 1864 году ихъ насчитывали здѣсь до одиннадцати тысячъ душъ.

Города Царства Польскаго, имѣющіе свыше 5,000 жителей [1]):

Петроковская губернія		Хенцины (1880)	5,668
Лодзь (1880 г.)	47,625	Дзялошице (1880)	5,349
Петроковъ (1880)	16,717	*Радомская губернія.*	
Ченстоховъ (1877)	15,446	Радомъ (1877)	12,384
Згержъ (1877)	12,023	Сташовъ	6,100
Томашовъ (1877)	8,197	Пржедборжъ	5,150
Пабіанице (1877)	7,312	*Люблинская губернія.*	
Бржезины (1877)	6,248	Люблинъ (1880 г.)	34,978
Рава (1877)	6,049	Грубешовъ	7,700
Новорадомскъ (1877)	5,991	Холмъ (1877)	7,152
Бендинъ (1877)	5,920	Замостье	6,800
Ласкъ (1877)	5,245	Билгорай (1877)	6,570
Калишская губернія.		*Варшавская губернія.*	
Калишъ	16,950	Варшава (1879 г.)	357,169
Озорковъ	9,050	Влоцлавекъ (1880 г.)	10,792
Здунская Воля	8,650	Кутно (1880 г.)	8,021
Конинъ	8,150	Ловичъ (1880 г.)	7,567
Коло	8,100	Калушинъ (1880 г.)	7,505
Турекъ	7,100	Сохачевъ (1880 г)	5,560
Ленчица	6,800	Гомбинъ (1880 г.)	5,162
Сѣрадзь	6,600	Новый-Дворъ (1880 г.)	5,268
Варта	5.000	Мщоновъ (1880 г.)	5,291
Кѣлецкая губернія.		Скерневице (1880 г.)	5,279
Кѣльце (1880 г.)	9,792	Гостынинъ (1880 г.)	4,422
Пинчовъ (1880)	6,314	*Сѣдлецкая губернія.*	
Хмѣльникъ (1880)	6,230	Сѣдльце (1877 г.)	11,703

[1]) Свѣдѣнія о числѣ жителей въ городахъ Царства Польскаго приводятся у Реклю только за 1870 годъ и нѣкоторыя за 1872 годъ. Здѣсь они замѣнены большею частью новѣйшими цифрами—съ 1877 года по 1880 годъ, на основаніи „Статистическихъ обзоровъ губерній", ежегодно печатаемыхъ губернаторами, или на основаніи дѣлаемыхъ ими же оффиціальныхъ изданій населенныхъ мѣстъ, или, наконецъ, на основаніи свѣдѣній, разбросанныхъ въ оффиціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Годъ, къ которому относятся эти новѣйшія свѣдѣнія, обозначенъ здѣсь при каждомъ городѣ въ скобкахъ. Къ сожалѣнію, относительно $^1/_3$ части городовъ Царства Польскаго пришлось оставить устарѣвшія цифры Реклю, такъ какъ болѣе новыхъ не удалось найти во всѣхъ означенныхъ оффиціальныхъ источникахъ. *Ред.*

Мендзыржечъ	9,900	Пултускъ	7,700
Влодава	6,100	Маковъ	6,550
Бѣла	7,112	Островъ	6,150
Плоцкая губернія.		Тыкоцинъ	6,100
Плоцкъ (1880 г.)	22,077	Остроленко	5,850
Прасньшъ (1880)	7,087	Насѣльскъ	5,350
Серпце (1880)	6,726		
Млава (1880)	6,684	*Сувалкская губернія.*	
Плонскъ (1880)	5,855	Сувалки (1880 г.)	18,460
Липно (1880)	5,376	Августовъ (1877)	7,846
Цѣхановъ (1880)	6,250	Кальварія (1877)	8,936
Закрочимъ (безуѣздный		Владиславовъ	9,300
гор.) (1880)	5,019	Вильковышки	6,700
Ломжинская губернія.		Маріамполь	5,600
Ломжа (1877)	11.485		

V.

БАССЕЙНЫ ВЕРХОВЬЯ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ И НѢМАНА.

ЛИТВА, ГУБЕРНІИ ГРОДНЕНСКАЯ И ВИТЕБСКАЯ.

Названіе „Литва“, также какъ имя „Польша“, есть историческое наименованіе, значеніе и объемъ котораго постоянно измѣнялись, сообразно завоеваніямъ, политическимъ союзамъ и раздѣламъ, и которое не слѣдуетъ смѣшивать съ выраженіемъ „земли литовцевъ“. Между тѣмъ какъ Литва въ собственномъ смыслѣ, то-есть страна, населенная литовцами или литвинами по происхожденію и языку, обнимаетъ нынѣ лишь незначительную часть западной Россіи въ бассейнахъ Нѣмана и Западной Двины, названіе Литвы или великаго княжества Литовскаго, съ исторической точки зрѣнія, примѣнялось къ пространству земель гораздо болѣе обширному. Подобно Польшѣ, Литва была государствомъ съ измѣнчивыми границами, властители котораго простирали свое честолюбіе до обладанія всей областью славянскихъ равнинъ между Балтійскимъ моремъ и Понтомъ Эвксинскимъ; господствуя надъ населеніемъ въ большинствѣ русскимъ, великіе князья литовскіе предъявляли, въ силу этого, притязанія на титулъ государей Россіи. До своего соединенія или уніи съ Польшей, государство литовское простиралось черезъ всю ширину континента отъ моря до моря, и его князья проникали даже въ Крымъ, откуда уводили плѣнниковъ; въ пятнадцатомъ столѣтіи названіе „Литвы“ примѣнялось ко всей странѣ, простирающейся отъ Западной Двины до

Чернаго моря и отъ Западнаго Буга до Оки. Для Москвы славяне минскіе, кіевскіе и смоленскіе были литовцами. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, послѣ окончательнаго соединенія съ Польшей, наименованіе „великаго княжества" Литовскаго было сохранено только для истинной Литвы, то-есть страны съ населеніемъ, говорившимъ литовскимъ языкомъ, и для Бѣлой Руси; даже теперь еще въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, „литвинами" обыкновенно называютъ бѣлорусскихъ славянъ бывшей политической Литвы, тогда какъ литовцамъ въ собственномъ смыслѣ даютъ названіе „жмудовъ" или „жмудиновъ". Послѣ раздѣла Польши, это имя Литвы осталось за губерніями Гродненскою и Виленскою, и, хотя при императорѣ Николаѣ, въ 1840 году, оффиціальное употребленіе его было запрещено, это наименованіе продолжаютъ употреблять и въ наши дни, хотя въ очень неопредѣленномъ смыслѣ, примѣняя его обыкновенно къ тремъ западнымъ губерніямъ: Ковенской, Виленской и Гродненской. Эта послѣдняя, которая нѣкогда была населена ятвягами, можетъ быть единоплеменниками литовцевъ, этнографически не принадлежитъ болѣе къ Литвѣ; скорѣе въ ней слѣдуетъ видѣть „Черную Русь"—страну съ неопредѣленными очертаніями, населенную главнымъ образомъ бѣлоруссами и малоруссами. Но Витебская губернія съ бо́льшимъ основаніемъ могла бы быть причислена къ Литвѣ, такъ какъ она заключаетъ въ своихъ западныхъ уѣздахъ отъ 150,000 до 200,000 латышей-католиковъ; однако, большинство населенія этой губерніи состоитъ изъ бѣлоруссовъ.

Съ географической точки зрѣнія, эта часть Россійской имперіи тоже представляетъ довольно опредѣленно очерченное цѣлое, ибо бассейнъ Нѣмана, также какъ бассейнъ Западной Двины имѣетъ границами, со стороны Днѣпра, лѣса почти непроходимые, болота столь обширныя, какъ губерніи, тогда какъ съ востока возвышаются цѣпи холмовъ, служащія водораздѣленными высотами между притоками Нѣмана, Днѣпра и Западной Двины. Четыре названныя губерніи занимаютъ пространство, на цѣлую четверть превосходящее территорію „Привислянскаго края", но онѣ гораздо менѣе богаты, а населеніе въ нихъ далеко не такъ многочисленно, какъ въ Царствѣ Польскомъ.

Губерніи Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская [1]):

Пространство.	Населеніе въ 1876 г.	На 1 кв. милю.
167,073 кил.	4,446,000 жит.	27 жит.

Подобно Польшѣ, эти губерніи отдѣлены отъ моря: на западныхъ

[1]) Пространство: Ковенской губ. 35,712, Гродненской 34,058, Виленской 37,352, Витебской 39,689, кв. верстъ: итого 146,811 кв. в.(=3034 кв. миль=167,071 кв. кил.). Населеніе къ 1 янв. 1880 г.: Ковенской губ. 1.403,079, Гродненской 1.165,401, Виленской 1.171.400, Витебской 1.073,539; всего 4.813,419. Въ 1879 г. на 1 кв. версту: въ губ. Ковенской 39,3, Гродненской—34,2 Виленской — 31,3, Витебской—27 жит Въ среднемъ для всѣхъ четырехъ губерній, на 1 кв. версту 32, на 1 кв. кил.—28,8 жит. *Ред.*

предѣлахъ Ковенской губерніи, Курляндія граничитъ съ Пруссіей узкой полосой земли, которая тянется вдоль водъ Балтики.

Нѣманъ, рѣка литовская по преимуществу, беретъ начало въ Минской губерніи и обходитъ на югѣ вокругъ изрѣзаннаго плоскогорья, которое можно было бы назвать возвышенной или горной Литвой. У города Гродно, гдѣ Нѣманъ перемѣняетъ направленіе и поворачиваетъ къ сѣверу, онъ уже достаточно многоводенъ для движенія барокъ, и хотя теченіе его прерывается многочисленными порогами, однако отъ пристани до пристани, внизъ по рѣкѣ, постоянно увеличивается число судовъ, перевозящихъ произведенія, доставляемыя обоими берегами, польскимъ и литовскимъ. При вступленіи въ предѣлы Пруссіи, ниже мѣстечка Юрбурга, рѣка, принимающая названіе Мемеля, имѣетъ около 1000 футовъ въ ширину и, вѣроятно, катитъ массу воды по меньшей мѣрѣ равную 18,000 куб. футовъ въ секунду; но она развѣтвляется на нѣсколько измѣнчивыхъ рукавовъ въ своей дельтѣ, называемой Куришъ-Гафъ, и судоходство по рѣкѣ можетъ продолжаться до Мемельскаго порта лишь при помощи канала.

Озеръ въ Литвѣ очень много, но большинство изъ нихъ имѣетъ незначительное протяженіе: на сѣверѣ, въ восточной чисти Виленской губерніи, скалистыя плоскогорья изрыты многочисленными бассейнами, гдѣ скопились дождевыя воды и которыя тамъ и сямъ раздѣлены на второстепенные водоемы древними моренами и валами изъ эрратическихъ камней: эти резервуары образуютъ настоящій озерный лабиринтъ, подобный сѣти озеръ на Мазурской плоской возвышенности, въ Восточной Пруссіи. Болота покрываютъ пространство несравненно болѣе значительное, особенно въ Гродненской губерніи; но населеніе, быстро возрастающее, постоянно дѣлаетъ новые захваты въ области водъ и посредствомъ осушенія превращаетъ болота въ пахатныя и луговыя земли. Древніе лѣса, которые тянулись на столь обширныхъ пространствахъ, что совершенно раздѣляли жителей, какъ океанъ или высокія цѣпи горъ, также исчезли въ большой части ихъ протяженія, и хижины дровосѣковъ, построенныя въ просѣкахъ, уступили мѣсто деревнямъ, даже городамъ, вокругъ которыхъ распашки очистили почву отъ лѣсной растительности на разстояніи многихъ верстъ.

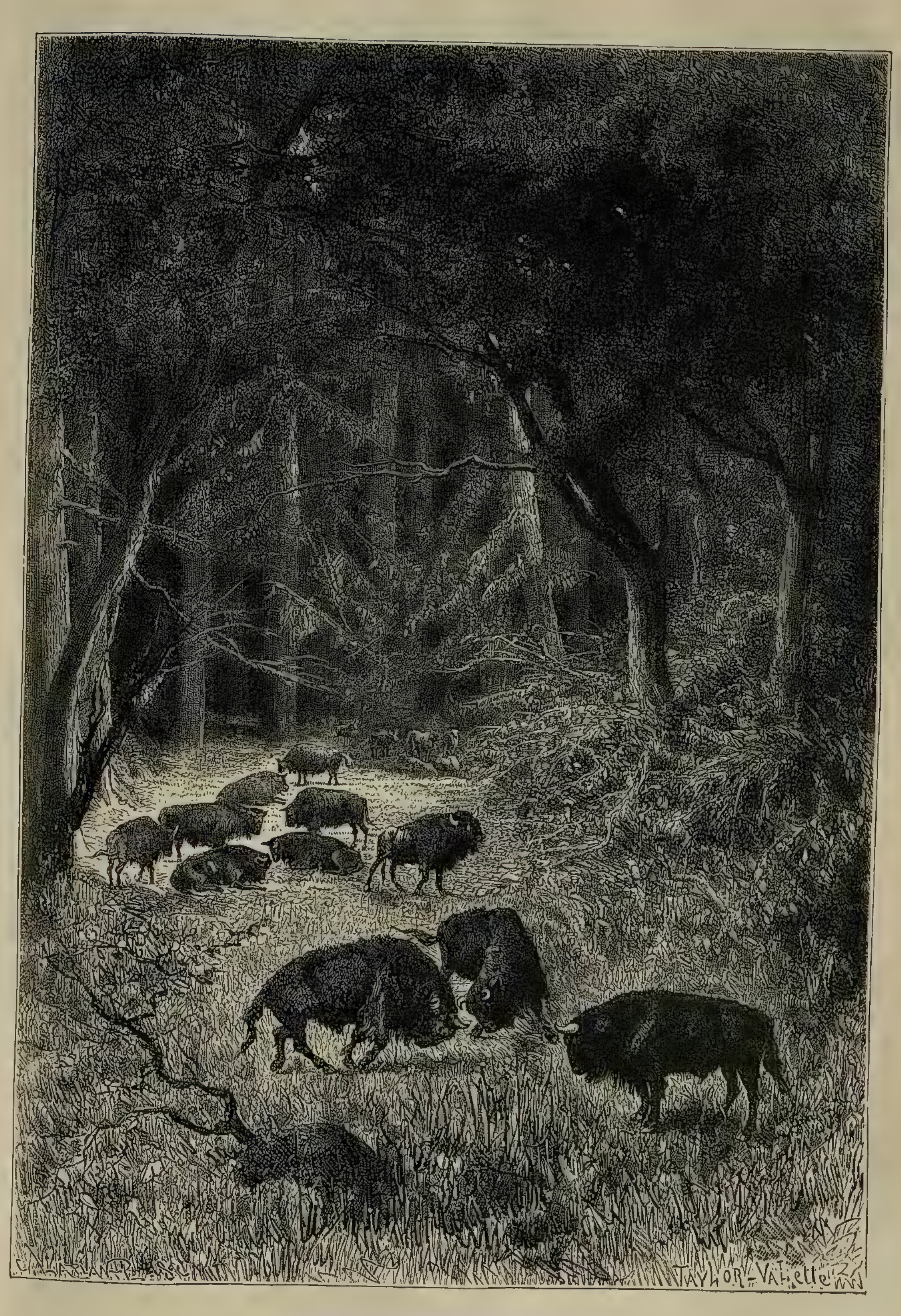
Однако, въ Гродненской губерніи остался еще очень обширный лѣсъ, такъ называемая Бѣловѣжская пуща, который своимъ первобытнымъ видомъ и огромнымъ протяженіемъ напоминаетъ прежніе густые, дремучіе лѣса. Этотъ лѣсъ, названіе котораго произошло, вѣроятно отъ замка Бѣлая Вѣжа (Башня), стоявшаго въ шестнадцатомъ столѣтіи при сліяніи двухъ притоковъ Западнаго Буга, покрываетъ своими тѣнистыми деревьями почти всю плоскую возвышенность, заключающуюся между истоками Нарева и теченіемъ Буга, на сѣверѣ отъ Брестъ-Литовска. Все

пространство, извѣстное подъ именемъ Бѣловѣжской пущи, обнимаетъ около 1930 квадр. верстъ; но нѣкоторыя части лѣса, на югѣ и юго-западѣ, представляютъ скорѣе степную область, гдѣ лѣса, состоящіе изъ кривыхъ малорослыхъ сосенъ, и поля, засѣянныя рожью, чередуются съ верещагами, посѣщаемыми пчелами. На сѣверѣ же другіе высокоствольные лѣса примыкаютъ къ чащамъ Бѣловѣжской пущи и продолжаютъ ее почти до самаго Нѣмана; средная высота этого лѣсистаго плоскогорья около 600 футовъ. Въ то время, какъ въ сѣверный и отчасти средней Россіи огромные лѣса состоятъ обыкновенно изъ какой-либо одной древесной породы—сосны, ели или березы, Бѣловѣжская пуща представляетъ большое разнообразіе древесныхъ породъ: натуралистъ Эйхвальдъ, въ 1830 году, собралъ тамъ 1205 видовъ различныхъ растеній. Сосна преобладаетъ; но рядомъ съ нею высятся исполинскія ели, пихты, дубы, березы, ясень, кленъ, ольха, липа, образуя своимъ смѣшеніемъ чрезвычайно живописныя группы. Ниже этихъ великановъ, деревья съ опадающими листьями, деревца и кустарники, ива, верба, орѣшникъ, гордовина, бузуна составляютъ какъ-бы второй лѣсъ; кусты земляники, черники и мхи устилаютъ словно ковромъ почву, подъ тѣнью величественныхъ аллей изъ хвойныхъ деревьевъ. Сплавныя рѣки, окружающія этотъ обширный лѣсъ, дѣлаютъ эксплоатацію его довольно легкой; но правительство, которому принадлежитъ бóльшая часть лѣсныхъ пространствъ, запретило вырубать деревья, и такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ можно еще видѣть дѣвственную природу во всей ея первобытной красѣ.

Въ Бѣловѣжской пущѣ, подъ исполинами растительнаго міра, живутъ еще стадами, почти въ дикомъ состояніи, зубры, представители почти исчезнувшей фауны, которые, по словамъ преданій и лѣтописей, существовали еще во времена историческія на берегахъ Днѣпра и въ центральной Россіи; уцѣлѣвшія на Кавказѣ и въ Литвѣ животныя этой породы суть единственные остатки огромныхъ стадъ, нѣкогда бродившихъ во всей восточной Европѣ. Теперь запрещено, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, убивать или ловить бѣловѣжскихъ зубровъ; только Императоръ по временамъ даритъ по нѣскольку экземпляровъ этихъ рѣдкихъ животныхъ государямъ, принцамъ, или зоологическимъ садамъ. Въ началѣ текущаго столѣтія ихъ насчитывали около тысячи головъ; въ 1851 году число ихъ доходило до тысячи четырехъ сотъ [1]), но съ той поры недостатокъ корма и зубъ волковъ уменьшили это число наполовину. Если-бы человѣкъ не помогалъ этимъ животнымъ въ ихъ борьбѣ за существованіе, открывая имъ зимой большіе склады сѣна, они давно-бы уже исчезли съ европейскаго континента. Быть можетъ, Европа долѣе сохранитъ эту породу жвачныхъ, чѣмъ Америка своихъ бизоновъ, которые еще недавно бро-

---

[1]) *Franz Müller*, Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft in Wien, 1859.

ЗУБРЫ БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ.

дили тамъ по травянымъ равнинамъ запада стадами въ сорокъ и пятьдесятъ тысячъ головъ. Литовскихъ зубровъ часто смѣшиваютъ съ древнимъ дикимъ быкомъ (Bos urus); но это послѣднее животное, которое охотники страны встрѣчали еще значительными стадами лѣтъ триста тому назадъ [1]), теперь совершенно истреблено.

Литовцы, которыхъ долгое время причисляли къ семьѣ славянъ и съ которыми они сходствуютъ многими чертами, занимали нѣкогда, вмѣстѣ со своими соплеменниками, пруссами и куронами, все прибрежье Балтійскаго моря, между Вислой и Западной Двиной. Они вдвигались далеко внутрь страны, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя литовскія названія мѣстъ, особенно Витебской губерніи, и одно изъ ихъ племенъ, голядь, жило даже на берегахъ рѣчки Поротвы, притока Москвы-рѣки, на западѣ отъ территоріи, гдѣ основался городъ Москва [2]); можетъ быть, оно было отдѣлено отъ главной массы литовской націи колоніями полочанъ. Полагаютъ также, что смоленскіе кривичи произошли отъ смѣшенія литовцевъ и славянъ, потому что имя ихъ напоминаетъ названіе главнаго литовскаго жреца, Криве-Кривейто. Большинство славянскихъ писателей причисляютъ къ литвинамъ также ятвяговъ или ядзвинговъ, занимавшихъ страну по верхнему Нѣману и Западному Бугу и которые были послѣдовательно истреблены русскими и поляками; но остатки ихъ, какъ говорятъ, существовали до шестнадцатаго столѣтія. Въ окрестностяхъ Скиделя, близъ Гродно, и до сихъ поръ еще нѣкоторые жители говорятъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, но съ литовскимъ произношеніемъ; они отличаются отъ другихъ бѣлоруссовъ смуглымъ цвѣтомъ лица, черной одеждой и нѣкоторыми особенностями нравовъ [3]): въ нихъ видятъ потомковъ ятвяговъ, хотя литвины почти всѣ бѣлокуры. Въ Гродненской губерніи нѣкоторыя названія деревень, напримѣръ, Ятвязь, Ятвескъ, напоминаютъ о пребываніи этого исчезнувшаго народца.

Впрочемъ, во время многочисленныхъ войнъ и нашествій, опустошавшихъ страну начиная съ тринадцатаго столѣтія, даже народъ, давшій свое имя Литвѣ, легко могъ исчезнуть, или по крайней мѣрѣ совершенно слиться съ побѣдителями, какъ это случилось съ нѣкоторыми литовскими племенами, напримѣръ съ поруссами и ятвягами. Осаждаемые одновременно съ трехъ сторонъ болѣе могущественными и болѣе многочисленными народами, поляками, нѣмцами и русскими, литовцы, повидимому, осуждены были на гибель или утрату національной самобытности; тѣмъ не менѣе, они оказывали сопротивленіе, и если имъ пришлось отступить съ трехъ сторонъ, на западѣ, на югѣ и на востокѣ, то, взамѣнъ того,

---

[1]) *Blaise de Vigener*, Description du royaume de Pologne et pays adjacents. Paris, 1573,

[2]) *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи.

[3]) *Соловьевъ*, „Исторія Россіи“, томъ I.

они, кажется, оттѣснили немного финскія или чудскія племена по направленію къ сѣверу. Кромѣ того, тѣснимые тевтонскими рыцарями, они должны были во многихъ мѣстахъ слиться съ бѣлоруссами; обмѣнъ колонизаціи происходилъ въ огромныхъ лѣсахъ и обширныхъ болотахъ страны. Смѣшеніе совершалось такъ полно, что литовскіе князья были принимаемы въ русскихъ городахъ какъ соотечественники. Вездѣ, гдѣ происходило смѣшеніе племенъ, помѣси пріобрѣтали славянскій характеръ.

Однако, число литовцевъ, сохранившихъ первоначальную чистоту своего племени, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Опираясь на сѣверѣ на своихъ единоплеменниковъ—леттовъ или латышей, которые сгруппированы въ сплоченную массу въ числѣ около 1.100,000 душъ, они занимаютъ обширное пространство треугольной формы, западная оконечность котораго прилегаетъ къ Балтійскому морю и которое ограничено съ юго-восточной стороны неровнымъ хребтомъ Виленской плоской возвышенности; на югѣ и на юго-западѣ область литовскаго языка обнимаетъ за предѣлами Россіи собственно также нѣсколько кусковъ территоріи въ Царствѣ Польскомъ и въ Восточной Пруссіи; общее число литвиновъ простирается нынѣ почти до двухъ милліоновъ душъ.

Литовское населеніе въ 1863 году:

Литовцевъ въ Россіи	Губ. Ковенская (жмуди 453,000, литвы 352,000)	805,000	1.099,000
	„ Виленская	210,000	
	„ Гродненск. и Минская . .	67,000	
	„ Волынская, Витебская и Могилевская	17,000	
„ въ Польшѣ			250,000
„ въ Пруссіи			150,000
Всего			1.499.000
Литовское населеніе (вѣроятное) въ 1879 г.:			1.900,000

Вообще говоря, границы религій совпадаютъ съ границами расъ или народностей: гдѣ католицизмъ перестаетъ господствовать и гдѣ начинаетъ преобладать православная вѣра, тамъ литвины, смѣшанные съ бѣлоруссами по языку, которые, можетъ быть, тоже литовцы по происхожденію, уступаютъ мѣсто русскимъ славянамъ; тамъ-же, гдѣ беретъ верхъ протестантизмъ,—населеніе въ большинствѣ германское или латышское, ибо въ Лифляндіи, гдѣ живутъ летты или латыши, преобладало нѣмецкое вліяніе, вліяніе лютеранскихъ проповѣдниковъ христіанства; въ Литвѣ, напротивъ, преобладающее значеніе имѣли поляки, а слѣд. католики.

Литвины, или *летувининкаи*, дѣлятся на двѣ различныхъ національныхъ группы: литовцевъ въ собственномъ смыслѣ, которые населяютъ

восточную часть территоріи въ губерніяхъ Ковенской и Виленской, и земалайевъ, самогитовъ или жмудиновъ, то-есть „людей, пришедшихъ съ моря", которые живутъ преимущественно въ сосѣдствѣ съ прусской границей. Нарѣчія литовцевъ и самогитовъ различаются такъ-же, какъ и обычаи ихъ; но общія отличительныя черты языка совершенно одинаковы у обѣихъ группъ. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ литовскій наиболѣе близокъ къ санскритскому языку: онъ заключаетъ большое число словъ, гораздо менѣе удалившихся отъ арійскаго корня, нежели слова языковъ славянскихъ, латинскихъ или германскихъ; сходство такъ велико, что ученые пробовали составлять санскритскія фразы, которыя были понятны крестьянамъ съ береговъ Нѣмана. [1]) Шлейхеръ, совершившій въ 1852 году поѣздку по литовскимъ землямъ для филологическихъ изслѣдованій, составилъ хорошую грамматику этого любопытнаго языка, который по древности занимаетъ первое мѣсто между арійскими языками Европы. Однако, литература литовская очень бѣдна: въ ту эпоху, когда Литва была большимъ государствомъ, она не имѣла писателей на національномъ языкѣ, а духовенство преслѣдовало литовскихъ бардовъ, или *буртиниковъ*, распѣвавшихъ традиціонныя пѣсни. Одинъ лѣтописецъ шестнадцатаго столѣтія упоминаетъ объ эпическихъ поэмахъ [2]), но онѣ не сохранились въ памяти крестьянъ; единственныя большія поэмы, существующія въ литовскомъ языкѣ,—это „Времена Года", сочиненныя въ восемнадцатомъ столѣтіи нѣкіимъ Доналейтисомъ; но пѣсни, басни, идилліи довольно многочисленны, и всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о глубокомъ поэтическомъ чувствѣ народа. Въ эпоху реформаціи образовалась въ прусской Литвѣ небольшая духовная литература и вскорѣ послѣ того увеличилась нѣсколькими сочиненіями на литовскомъ и латышскомъ языкахъ, написанными іезуитами. Что касается современной литературы, занимающейся вопросами нашего времени—вопросами политики, промышленности, науки или искусства, то можно сказать, что ея почти не существуетъ въ литовскомъ языкѣ; нѣсколько альманаховъ и единственный народный журналъ въ прусской Литвѣ, книги духовнаго и діалектическаго содержанія, кое-какіе переводы—вотъ и вся сокровищница литовской литературы, съ прибавкой грамматикъ, словарей и сборниковъ пѣсенъ. Для литовцевъ нарѣчія ихъ сосѣдей служатъ языкомъ цивилизаціи, дающимъ имъ умственное развитіе.

Глубокая древность этого арійскаго нарѣчія, который старше греческаго, латинскаго, кельтскаго, германскаго и славянскаго языковъ, заставляетъ ученыхъ думать, что народъ, говорящій имъ, пришелъ въ Европу ранѣе, чѣмъ другіе представители арійскаго племени. Литовцы опередили русскихъ въ своемъ переселеніи въ Европу: они занимаютъ

---

[1]) *J. G. Kohl*; Die Völker Europa's.

[2]) *Caro*, Geschichte Polens, II.

территорію, лежащую къ западу отъ русскихъ равнинъ; но естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ ихъ поселеніе въ странѣ могло произойти въ эпоху, предшествовавшую прибытію германцевъ и кельтовъ, потомки которыхъ населяютъ нынѣ области центральной и западной Европы, находящіяся къ западу отъ Литвы [1]). Эту кажущуюся аномалію въ разселеніи націй, завладѣвшихъ Европой, можно объяснить боковымъ оттѣсненіемъ литовскихъ поселенцевъ: живя въ сторонѣ отъ большой дороги народныхъ переселеній, которая проходитъ гораздо южнѣе водораздѣльныхъ возвышенностей между бассейнами Днѣпра и Нѣмана, защищенные, кромѣ того, обширными болотами и дремучими, почти непроходимыми лѣсами, охраняемые справа и слѣва морскими заливами и могучими рѣками, впадающими въ эти заливы, литовцы могли пропускать мимо себя многочисленные народы во время ихъ передвиженій. Этому же уединенному положенію литовскаго племени слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, приписать большую продолжительность ихъ первобытной цивилизаціи и религіознаго устройства. Тѣмъ не менѣе имъ часто приходилось съ оружіемъ въ рукахъ защищать свой уголокъ земли, и въ этихъ случаяхъ они оборонялись съ той яростью, какую всегда выказываютъ мирные люди, потревоженные въ своемъ спокойствіи. Нужно замѣтить, что въ наше время литовскія губерніи, Виленская и Ковенская, представляютъ, при рекрутскихъ наборахъ, сравнительно наибольшее число уклоняющихся отъ исполненія воинской повинности.

Литовцы по большей части высокаго роста и хорошо сложены, но не отличаются природной гибкостью и стройностью, свойственной славянамъ; между ними рѣже встрѣтишь, чѣмъ между ихъ сосѣдями, русскими, плоскія лица, придающія физіономіи нѣчто монгольское. У нихъ овальный обликъ, носъ длинный и тонкій, губы тонкія, глаза голубыя, кожа бѣлая, а общими чертами типа они походятъ больше на германцевъ, нежели на славянъ; литовскія женщины имѣютъ много свѣжести, глаза у нихъ кроткіе, съ трогательнымъ выраженіемъ; между ними нерѣдко можно встрѣтить настоящихъ красавицъ. Литовскіе крестьяне составляютъ совершенную противоположность полякамъ простотой ихъ костюма; они избѣгаютъ яркихъ цвѣтовъ, затѣйливыхъ покроевъ галуновъ и бахромокъ; одежда ихъ, сѣроватаго цвѣта, безъ всякихъ вышивокъ, свидѣтельствуетъ о скромности ихъ характера: они не стараются обратить на себя вниманіе, пощеголять нарядомъ. Мишле, сравнивая литвиновъ съ поляками, „сынами солнца", называетъ ихъ „сынами тѣни" [2]). Пѣсни ихъ, или *дайносъ*, раскрываютъ ихъ душу во всей ея простотѣ и безъискусственности: они—тонкіе наблюдатели, слегка насмѣшливые иногда,

---

[1]) *R. Virhow*, Die Urvölker Europa's.

[2]) *Légendes du Nord.*

нѣжные, меланхолическіе, полные любви къ природѣ. Этотъ добродушный народъ, хотя онъ часто вынужденъ былъ воевать и хотя у него тоже были свои великіе полководцы, не сохранилъ воспоминанія ни объ одномъ героѣ, не воспѣваетъ ни одного военнаго подвига, не хвастается ни одной одержанной побѣдой, ни одной выигранной бытвой: онъ ограничивается тѣмъ, что оплакиваетъ павшихъ на полѣ сраженія [1]); въ этомъ отношеніи онъ, можетъ быть, представляетъ единственный примѣръ между европейскими народами. Литвины отличаются также отъ другихъ націй континента тою деликатною осторожностью, цѣломудренною скромностью, съ какою всѣ его народныя пѣсни говорятъ о любви: впродолженіе своихъ тринадцатилѣтнихъ изысканій въ Литвѣ, филологъ Реза не нашелъ въ любовныхъ пѣсняхъ ни одного литовскаго стиха, который не былъ бы чистъ и цѣломудренъ; нѣжность литвиновъ глубока, но она никогда не обнаруживается публично передъ посторонними ни однимъ неумѣстнымъ словомъ. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ литовскій, въ которомъ нѣтъ увеличительныхъ именъ, самый богатый по обилію именъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ; онъ болѣе богатъ ими, чѣмъ испанскій или итальянскій, богаче даже чѣмъ русскій, и можетъ умножать ихъ почти до безконечности, примѣняя ихъ къ глаголамъ и нарѣчіямъ такъ-же свободно, какъ къ прилагательнымъ и существительнымъ. Уменьшительныя-ласкательныя придаютъ особенный характеръ пѣснямъ литвиновъ; но эти поэмы въ то же время наполнены словами и формами, выражающими печаль, грусть, иногда даже отчаяніе: значительная часть ихъ оригинальной литературы состоитъ изъ такъ называемыхъ *raudas*, то-есть изъ траурныхъ или прощальныхъ пѣсенъ, и изъ похоронныхъ ламентацій, подобныхъ *voceri* корсиканцевъ, но безъ рѣзкихъ проявленій чувства, которыя примѣшиваются къ горести у жителей юга. Поэзія литовцевъ, можно сказать, печальна, какъ поэзія умирающаго народа.

Если бы относительное достоинство данной націи въ общечеловѣческой семьѣ измѣрялось красотой ея языка, то самогитовъ и литвиновъ слѣдовало бы поставить на первое мѣсто между народами Европы; но обитатели при-нѣманскихъ лѣсовъ, испытавшіе продолжительное угнетеніе, не могутъ сравнивать свою долю вліянія съ тою, какую оказали на общечеловѣческое развитіе другіе цивилизованные народы континента. Читая исторію литовцевъ, съ удивленіемъ задаешь себѣ вопросъ: какимъ образомъ народъ, почти въ полномъ своимъ составѣ одаренный тонкимъ, наблюдательнымъ умомъ, богатымъ воображеніемъ и поэтическимъ чувствомъ,— какимъ образомъ люди, по выраженію Канта, „вѣрные, прямодушные, сильные сознаніемъ своего личнаго достоинства“ [2]), не могли произвести ни одного

[1]) *Юркевичъ*, Литовскія народныя пѣсни.
[2]) *Кантъ*, Предисловіе къ грамматикѣ литовскаго языка—*Мильке*.

*

великаго поэта, ни одного выдающагося генія въ мірѣ мысли[1]). Это объясняется тѣмъ, что описываемому маленькому народу, окруженному врагами, а потомъ покоренному ими, недоставало довѣрія къ собственнымъ силамъ; онъ не имѣлъ даже сознанія своего національнаго существованія. Его древняя религіозная организація, сохранившаяся до конца четырнадцатаго столѣтія, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ духѣ повиновенія. Раздѣленные на многочисленные роды или племена, литовцы, однако, имѣли духовнаго главу, верховнаго жреца, который установлялъ для всѣхъ религіозные обряды и догматы. Этотъ литовскій „папа", или *Криве-Кривейто*, о которомъ разсказываетъ нѣмецкій лѣтописецъ Петръ Дусбургъ, жилъ въ священномъ лѣсу Ромове, на территоріи прусской Литвы; окруженный жрецама-пѣвцами, или *вайделотами*, которые раздѣлялись на нѣсколько степеней, образуя іерархическую лѣстницу, онъ никогда не показывался простымъ мірянамъ и сообщался съ народомъ не иначе, какъ черезъ посредство пословъ или вѣстниковъ, снабженныхъ знаками отличія, при видѣ которыхъ всѣ падали ницъ. Прогнанный тевтонскими рыцарями, ромовскій папа удалился сначала въ лѣса близъ слiянія Нѣмана и Дубисы, ниже того мѣста, гдѣ нынѣ находится городъ Ковно, потомъ въ Вильно, въ мѣсто, которое до сихъ почитается христіанами какъ священное [2]). Еще въ прошломъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ домахъ можно было встрѣтить домашнихъ змѣй — священныхъ животныхъ, которыя по утрамъ лакали молоко изъ одной чашки съ дѣтьми.

Народъ дровосѣковъ, возчиковъ и земледѣльцевъ, крѣпко привязанный къ старинѣ, литовцы охотно покоряются судьбѣ и не стараются заранѣе устроить ее по своей волѣ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ они дали Польшѣ королевскую династію, но только затѣмъ, чтобы мало по малу отдаться во власть ихъ союзниковъ: они принимали ксендзовъ, которыхъ имъ посылали поляки, и сдѣлались католиками, хотя не безъ сопротивленія; приняли также помѣщиковъ и сдѣлались крѣпостными. Земельная собственность перешла почти вся въ руки дворянъ, пришедшихъ съ юга; при молчаніи порабощеннаго народа, можно было долгое время думать, что Литва составляетъ нераздѣльную часть Польскаго государства не только по ея политическимъ границамъ, но также по самому характеру націи. Флегма литвиновъ вошла въ пословицу: никакой другой народъ не покоряется превратностямъ жизни съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Многіе изъ нихъ, достигнувъ сорокалѣтняго или пятидесятилѣтняго возраста, слагаютъ съ себя всѣ заботы по дому и хозяйству, уступая свое имущество либо сыну, либо зятю, и такимъ образомъ становятся гостями, бывъ прежде полными хозяевами. Еще во второй половинѣ шест-

[1]) *J. G. Kohl*, Die Völker Europa's.

[2]) *Антоновичъ В. Б.*, Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до половины XV-го столѣтія. Вып. 1, Кіевъ, 1878.—*Киркоръ*, Этнографическій очеркъ Виленской губерніи, „Этнографическій Сборникъ", III.

надцатаго столѣтія литовцы, осужденные на смер , вѣшали себя собственными руками [1]).

Кромѣ литовцевъ, въ составъ населенія трехъ западныхъ губерній: Ковенской, Виленской и Гродненской, входятъ еще слѣдующія національности: нѣмцы и латыши—въ сосѣдствѣ балтійскаго поморья и Западной Двины; поляки—преимущественно въ Виленской губерніи; русскіе различныхъ наименованій—бѣлоруссы чернорусcы и малоруссы; евреи[2]), сгруппированные въ городахъ, словно въ ульяхъ, откуда они безпрестанно ходятъ на поиски добычи въ окружающія деревни; наконецъ, нѣсколько общинъ татаръ, по ремеслу кожевниковъ и торговцевъ, сохранившихъ магометанскіе обычаи, но говорящихъ польскимъ языкомъ. По странному контрасту, въ то время, какъ татары позабыли свой родной чкъ и усвоили польскій, живущіе въ Литвѣ евреи-караимы и теперь ще говорятъ языкомъ крымскихъ татаръ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что и тѣ и другіе пришли въ край или были приведены плѣнниками во времена литовскаго владычества, причемъ татары вступили по большей части, какъ воины, въ ряды дворянства и естественно должны были ополячиться вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія со своими польскими товарищами, тогда какъ караимы, напротивъ, ничего не измѣнили въ своихъ патріархальныхъ нравахъ и въ своихъ привычкахъ по части мелкой торговли.

Въ настоящее время самые цивилизованые изъ литовцевъ—самогиты или жмудины, то-есть та именно отрасль литовскаго племени, которой нѣкогда всего болѣе пришлось вытерпѣть отъ завоеваній, войнъ и угнетенія. Поля ихъ лучше обработаны, дома просторнѣе и опрятнѣе, чѣмъ у литвиновъ внутренней части страны. Впрочемъ, экономическій переворотъ, совпадающій съ насильственной политической перемѣной, совершился въ Литвѣ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, съ того времени, какъ польскіе землевладѣльцы края принуждены были уступить, за извѣстный выкупъ, крестьянамъ, почти исключительно литовцамъ и русскимъ, часть своихъ имѣній. Положеніе литовскихъ земледѣльцевъ, уже плачевное при польскомъ господствѣ, еще болѣе ухудшилось съ той поры, какъ Екатерина II, послѣ раздѣла Польши, желая примирить съ новымъ порядкомъ вещей дворянство русское и польское, стала раздавать ему земли, еще принадлежавшія государству; такъ, напримѣръ, она подарила одному любимцу пространство, обнимающіе два нынѣшніе уѣзда, Россіенскій и Шавельскій, съ 13,000 крестьянъ [3]). Послѣ возстанія 1863 года, правительство издало законъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ земель, который, однако, долженъ былъ быть произведенъ на условіяхъ различныхъ, смотря по уѣздамъ и категоріямъ лицъ. Въ Ковенской губерніи,

[1]) *Blaise de Vigener,* выше цитированное сочиненіе.

[2]) Въ 1880 г. въ губ. Ковенской, Гродненской и Виленской еврейскаго населенія было 624,000, т. е. около 16% всего населенія. *Ред.*

[3]) *Семевскій, В. И,* „Отечественныя Записки", 1877 г., № 8.

на 318,800 крестьянъ, 110,800 [1]), принадлежащихъ къ классу бывшихъ дворовыхъ вольныхъ людей и т. д., не получили ни клочка земли, а другимъ даны были земельные участки, величиной отъ полдесятины до десятины съ небольшимъ. Что касается арендаторовъ, или чиншевиковъ, между которыми мелкіе дворяне изъ поляковъ и католиковъ очень многочисленны, то они не получили въ собственность обработываемую ими землю; и многіе изъ нихъ, не будучи въ состояніи вносить арендную плату, увеличенную помѣщиками, принуждены были добровольно или противъ воли покинуть земли, которыя ихъ предки занимали въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Такимъ образомъ католическій элементъ, уже ослабленный упраздненіемъ греко-уніатской церкви, въ значительной степени утратилъ свою важность въ Литвѣ. Кромѣ того, переходъ крестьянъ-уніатовъ въ православіе былъ облегченъ, въ Виленской губерніи, однимъ курьезнымъ обычаемъ, который, такъ сказать, сообщаетъ землѣ религію ея владѣльца. На еврейской землѣ христіанинъ не работаетъ въ день шабаша; а на землѣ, принадлежащей христіанину, еврей долженъ соблюдать христіанскіе праздники. А такъ какъ почти всѣ земли „русскія", то праздники и религіозныя церемоніи—тоже „русскіе" для всякаго, воздѣлывающаго эти земли, какова бы ни была его собственная вѣра [2]). Но въ цѣломъ, не смотря на раззореніе отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлаго класса, общее улучшеніе матеріальнаго быта очевидно. Сдѣлавшись, въ свою очередь, собственниками земли, бывшіе крѣпостные измѣнились во многихъ отношеніяхъ; теперь имъ уже не приходится повторять старинную поговорку: „помѣщики—и пастухи, и волки!" Болѣе гордые, болѣе независимые, менѣе приверженные къ рутинѣ, они измѣняютъ пріемы веденія хозяйства, даже въ бѣдной Витебской губерніи, гдѣ почва очень неплодородна; благодаря этому, урожайность полей стала значительнѣе, чѣмъ была прежде. Но литовская нація къ труду земледѣльческому еще не прибавила труда промышленнаго. Города Литвы относительно не многочисленны, не многолюдны, и литовцы занимаются въ нихъ ремеслами или ведутъ торговлю.

Слѣдуя по теченію Западнаго Буга, на правомъ его берегу, принадлежащемъ къ Гродненской губерніи, первый городъ, который мы встрѣчаемъ, при сліяніи р. Мухавца, есть древнее русское поселеніе, Берестье, извѣстное нынѣ подъ именемъ Бреста-Литовскаго, или просто Бреста (по-польски Бржесць). Это—одинъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ польскаго четырехъугольника крѣпостей, второй по важности; это вмѣстѣ съ тѣмъ весьма значительный торговый городъ и одна изъ первокласныхъ

---

[1]) По свѣдѣніямъ за 1875 г. („Памятная книжка Ковенской губ. на 1881 г."), на 251,000 надѣленныхъ землею (въ томъ числѣ огородниковъ и кутниковъ) приходится 105,000 безземельныхъ разныхъ наименованій. *Ред.*

[2]) „Записки Русскаго Географическаго Общества", отдѣленіе Этнографіи, V.

станцій въ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Евреи, очень многочисленные, основали здѣсь академію или высшую школу, которая нѣкогда славилась на всемъ Востокѣ; здѣсь же была резиденція армянскихъ епископовъ. Брестъ — городъ историческій. Впродолженіе вѣковъ онъ былъ оспариваемъ другъ у друга русскими, поляками, литовцами, рыцарями Тевтонскаго ордена; въ 1563 году протестанты напечатали въ этомъ городѣ первую библію на польскомъ языкѣ; въ 1596 году церковный соборъ провозгласилъ соединеніе (унію) западно-русской церкви съ римской. Къ сѣверо-востоку отъ Бреста, близъ многолюднаго города Кобрина, Суворовъ одержалъ въ 1794 году большую побѣду надъ поляками.

Бѣлостокъ (по-польски Бялыстокъ), наиболѣе польскій изъ всѣхъ городовъ Литвы, находится въ бассейнѣ Нарева, недалеко отъ границы „Привислянскаго края"; подобно Бресту, онъ ведетъ значительную торговлю, и многія промышленныя заведенія, между которыми главное мѣсто занимаютъ суконныя фабрики, устроены въ самомъ Бѣлостокѣ [1]) и въ окрестныхъ деревняхъ. Между городами верхняго бассейна Нѣмана, лежащими въ районѣ русскаго населенія, два принадлежатъ къ Минской губерніи — Несвижъ и Новогрудокъ. Несвижъ, бывшій главный городъ княжества Радзивилъ, служилъ въ шестнадцатомъ столѣтіи центромъ протестантской и социніанской пропаганды; Новогрудокъ, или Новгородъ Литовскій, родина Мицкевича, построенный на холмѣ, окруженномъ болотами, былъ нѣкогда однимъ изъ главныхъ городовъ Черной Руси: здѣсь получило начало Литовское государство и была резиденція князей до перенесенія столицы сначала въ Троки, затѣмъ въ Вильно. Эти города, также какъ Слонимъ и Волковыскъ, въ Гродненской губерніи, не представляютъ промышленной важности, какъ Бѣлостокъ; но Гродно, губернскій городъ, имѣетъ нѣсколько мануфактуръ. Гродно состоитъ по большей части изъ невзрачныхъ лачугъ и низенькихъ домиковъ, среди которыхъ тамъ и сямъ высятся большія зданія, казармы или дворцы. Гродно, древній Городня, расположенный на правомъ берегу Нѣмана, по дорогѣ изъ Варшавы въ Вильно, одинъ изъ тѣхъ городовъ, имена которыхъ всего чаще упоминаются въ исторіи Польши и Литвы: съ 1673 года здѣсь собирался каждый третій польскій сеймъ, и одинъ изъ этихъ сеймовъ, созванный въ чрезвычайное собраніе въ 1793 году, принужденъ былъ подписаться подъ актомъ о раздѣлѣ отечества; здѣсь же послѣдній король Станиславъ - Августъ сложилъ съ себя корону въ 1795 году. Недалеко отъ Гродно находятся Друскеникскія минеральныя воды, при-

---

[1]) Всего въ губ. Гродненской, въ 1879 г., было суконныхъ фабрикъ 198, съ общимъ производствомъ на 6.831,000 руб., при 6,298 рабочихъ. Изъ этого числа на городъ Бѣлостокъ приходится: 39 фабрикъ, производившихъ на 1.575,000 руб., при 1,351 рабочихъ. См. „Указатель фабрикъ и заводовъ въ Европейской Россіи", состав. по оффиц. свѣд. д-та торговли и мануфактуръ *П. А. Орловъ.* Спб., 1881 г. *Ред.*

влекающія каждое лѣто большое число посѣтителей. Одинъ изъ кварталовъ Гродно населенъ татарами-магометанами; но главная община этихъ восточныхъ людей основалась въ Соколкѣ, на полдорогѣ изъ Бѣлостока въ Гродно. Въ Новогрудкѣ ихъ тоже насчитывается нѣсколько сотъ душъ.

Главный городъ Литвы, бывшій нѣкогда ея столицей и княжеской резиденціей, Вильно (Vilniuya по-литовски), также лежитъ въ бассейнѣ Нѣмана, но не на главной рѣкѣ, а на притокѣ ея, Виліи. Въ ту эпоху, когда началась исторія страны, Вильно былъ священнымъ мѣстомъ языческаго населенія: тамъ возвышался храмъ Перкуна, бога молніи, чтимаго древними литовцами такъ-же, какъ Торъ былъ чтимъ скандинавами, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло святилище языческаго культа, великій князь Ягелло воздвигъ новый алтарь, посвященный христіанскому Богу; каѳедральный соборъ, основанный этимъ княземъ и послѣ того нѣсколько разъ реставрированный, до сихъ поръ остается замѣчательнѣйшимъ зданіемъ Вильно. Историческіе замки бывшей столицы Литвы, воспѣваемые польскими поэтами, лежатъ въ развалинахъ со времени занятія ея Москвою въ половинѣ семнадцатаго столѣтія; осталась только одна башня верхняго замка, на которую всходятъ, чтобы полюбоваться видомъ города, его двухъ холмовъ и окружающей мѣстности. Нижній городъ заключаетъ много другихъ общественныхъ памятниковъ, храмовъ, дворцовъ, отелей; тамъ есть также татарская мечеть. Вильно, имѣвшій не менѣе 100,000 жителей въ шестнадцатомъ столѣтіи, до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей, былъ однимъ изъ центровъ образованности въ Бѣлой Руси; съ 1525 года тамъ существовала типографія, долго пользовавшаяся большой славой,—первая, которая печатала кирилицею на русской территоріи. До прибытія въ край іезуитовъ, Вильно былъ также однимъ изъ главныхъ очаговъ протестантизма въ Литвѣ. Для евреевъ этотъ городъ и теперь еще есть нѣчто въ родѣ столицы, хотя въ Варшавѣ и Бердичевѣ число ихъ значительно больше. Число еврейскихъ книгъ, напечатанныхъ въ Вильно въ 1871 году: на древне-еврейскомъ и раввинскомъ языкахъ—63; на нѣмецко-еврейскомъ и на другихъ языкахъ—68; всего 131. Виленскій историческій музей все еще одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи, хотя изъ него взяты, по политическимъ соображеніямъ, всѣ предметы, относящіеся къ польской эпохѣ. Вильно имѣетъ географическое общество, но онъ лишился университета, который былъ преобразованъ изъ академіи, основанной іезуитами, и процвѣталъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Виленскій университетъ былъ упраздненъ въ 1832 году, послѣ польскаго возстанія, и большая часть его книгъ и научныхъ коллекцій была конфискована въ пользу университетовъ петербургскаго, кіевскаго и другихъ учебныхъ заведеній.

На сѣверо-востокѣ отъ Вильно петербурго-варшавская желѣзная дорога проходитъ мимо значительнаго города Свенцяны; на юго-западѣ,

ВИЛЬНО. ПРЕДМѢСТЬЕ СНИПИШКИ.

недалеко отъ мѣста раздвоенія двухъ желѣзнодорожныхъ линій, варшавской и кенигсбергской, находится мѣстечко Новые Троки, замѣчательное тѣмъ, что оно построено среди озера, и главная улица его тянется извилистой линіей вдоль острова, который соединенъ съ твердой землей двумя мостами. Неподалеку отъ этого островнаго городка, главнаго мѣстопребыванія евреевъ-караимовъ, переселившихся съ Таврическаго полуострова, видны развалины одного изъ историческихъ замковъ Литвы. Рѣка Вилія, текущая на сѣверо-западѣ въ извилистой долинѣ, проходитъ подлѣ Кернова, который былъ главнымъ городомъ Литовскаго княжества до перенесенія столицы въ Вильно и куда удалился верховный литовскій жрецъ Криве-Кривейто, когда онъ принужденъ былъ бѣжать изъ этого послѣдняго города. Далѣе рѣка принимаетъ въ себя притокъ Свента (то-есть „Святую" рѣку), питаемый водами нѣсколькихъ сотенъ маленькихъ озеръ и который омываетъ набережныя важнаго города Вилькомира; затѣмъ Вилія, усиленная впадающими въ нее водами, спускается на югъ къ Нѣману.

Ковно, Кауне литовцевъ, губернскій городъ, какъ и Вильно, стоитъ при соединенія двухъ рѣкъ и въ недалекомъ разстояніи выше слiянія другой рѣки, Нѣвяжи или Невежи. Такимъ образомъ, нѣсколько рѣчныхъ долинъ сходятся у Ковно и даютъ ему значительную важность въ торговомъ отношеніи; кромѣ того, сосѣдство колѣна Нѣмана, который недалеко отъ этого города вдругъ перемѣняетъ направленіе, способствовало тому, что Ковно сдѣлался мѣстомъ пересѣченія дорогъ. Благодаря этимъ выгодамъ географическаго положенія, Ковно уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ былъ сборнымъ мѣстомъ для купцовъ нѣмецкихъ и даже англійскихъ; спустя два столѣтія онъ сдѣлался главнымъ складочнымъ пунктомъ Литвы, въ особенности по торговлѣ хлѣбомъ, и соперничалъ по важности съ Кролевцомъ (Кенигсбергомъ). Послѣ войны эта торговля пришла въ упадокъ, и теперь видны только развалины прежнихъ факторій; въ 1817 г. въ городѣ было всего только около 200 домовъ, но съ той поры онъ опять мало по малу поднялся. Болѣе половины населенія этого торговаго города состоитъ изъ евреевъ: синагоги тамъ такъ же многочисленны, какъ церкви въ какомъ нибудь итальянскомъ городѣ. Въ Самогитіи, или западной Литвѣ, есть также нѣсколько довольно-многолюдныхъ городовъ; каковы: Россіены, который нѣкогда тоже былъ столицей Литовскаго княжества, Поневѣжъ, Шавли, Тельши.

Западная Двина, берущая начало на Алаунской возвышенности, неподалеку отъ истоковъ Волги, изъ маленькаго озера Двинца въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губеніи, принимаетъ въ себя различныя рѣчки, текущія изъ уѣздовъ Торопецкаго, Псковской губерніи, и Бѣльскаго и Порѣчскаго, Смоленской губерніи. По вступленіи въ предѣлы Витебской губерніи, она проходитъ сначала черезъ городъ Велижъ, гдѣ является уже судоходной рѣкой; затѣмъ, имѣя уже около 50 саженъ въ

ширину, принимаетъ въ себя рѣчку Витьбу, передъ стариннымъ городомъ Витебскомъ, который стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ древности горѣлъ священный огонь и имя котораго упоминается впервые въ лѣтописяхъ одиннадцатаго столѣтія; впослѣдстіи онъ получилъ извѣстность какъ резиденція независимыхъ князей и по своимъ торговымъ сношеніямъ съ ганзейскими городами. Въ настоящее время Витебскъ ведетъ нѣкоторую торговлю земледѣльческими произведеніями, хотя окружающая его мѣстность принадлежитъ къ числу самыхъ неплодородныхъ и самыхъ бѣдныхъ во всей Россійской Имперіи. Прежде наиболѣе важнымъ и оживленнымъ городомъ этой страны былъ Полоцкъ, лежащій ниже, на Двинѣ, при впаденіи въ нее Полоты. Этотъ древній городъ, столица славянъ кривичей, соперникъ Кіева и Новгорода, долгое время сохранялъ свою независимость; въ тринадцатомъ столѣтіи, включенный въ составъ Литовскаго княжества, онъ не утратилъ своего важнаго значенія и постоянно былъ предметомъ спора между Литвой, Польшей и Москвой; какъ союзникъ Ганзы, онъ сдѣлался однимъ изъ передовыхъ складочныхъ рынковъ Любека и Висби во внутренней Россіи; самые значительные торговые обороты онъ производилъ съ Ригой. Во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія іезуиты, изгнанные изъ другихъ европейскихъ государствъ, избрали Полоцкъ столицей своего ордена, и здѣсь имѣлъ пребываніе ихъ генералъ; основанная ими академія пользовалась университетскими привилегіями.

Ниже Полоцка слѣдуютъ: торговый городъ Дисна, построенный на длинномъ полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ рѣки того же имени съ Двиной, и Дрисса, расположенный также при сліяніи рѣки, притока Двины, и уже въ предѣлахъ Литовскаго края. Естественнымъ центромъ этой страны можно считать городъ Динабургъ, который господствуетъ надъ среднимъ теченіемъ Западной Двины и стоитъ въ мѣстѣ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ изъ Варшавы въ Петербургъ, изъ Риги и Либавы въ Москву и Самару. Рыцари-меченосцы построили тутъ крѣпкій замокъ въ концѣ тринадцатаго столѣтія; затѣмъ король польскій Стефанъ Баторій воздвигъ въ 1582 году крѣпость верстахъ въ 20 выше этого замка. Въ настоящее время Динабургская крѣпость, расположенная на правомъ берегу Двины, — одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ западной Россіи. Къ югу отъ Динабурга расположенъ уѣздный городъ Ковенской губерніи Ново-Александровскъ, главное населенное мѣсто области небольшихъ озеръ и прудовъ; тогда какъ на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ, въ области плоскихъ возвышенностей, находятся уѣздные города Витебской губерніи: Невель, Себежъ, Люцинъ, Рѣжица (по-нѣмецки Rositten). Уѣзды Динабургскій, Люцинскій и Рѣжицкій населены преимущественно латышами: они составляли польскую Ливонію или Инфлянты. Латыши этой страны отличаются отъ латышей

балтійскихъ провинцій вѣроисповѣданіемъ: они католики. Послѣ разгрома тевтонскихъ рыцарей, инфлянтскіе латыши возстановили у себя языческую вѣру. Въ семнадцатомъ столѣтіи іезуиты снова окрестили ихъ въ христіанскую вѣру.

Города Литвы и верхнихъ бассейновъ Западной Двины и Нѣмана, имѣющіе свыше 5000 жителей [1]):

Ковенская губернія (1880 г.)

Ковно	44,245 жит.
Шавли	15,901 „
Вилькомиръ	15,101 „
Поневѣжъ	14,030 „
Россіены	11,417 „
Тельши	8,352 „
Ново-Александровскъ	6,885 „

Виленская губернія (1880 г.)

Вильно	89,636 „
Свенцяны	6,795 „
Дисна	6,624 „
Ошмяны	5,050 „

Минская губернія

Новогрудокъ (1878 г.)	11,043 „
Несвижъ	7,250 „

Гродненская губернія (1880).

Гродно	35,899 жит.
Брестъ-Литовскъ	35,667 „
Бѣлостокъ	35,015 „
Слонимъ	12,538 „
Кобринъ	8,830 „
Пружаны	7,511 „
Бѣльскъ	6,443 „
Волковыскъ	5,628 „

Витебская губернія (1879 г.) [1])

Витебскъ	41,401 „
Динабургъ	56,261 „
Велижъ	16,229 „
Полоцкъ	12.201 „
Рѣжица	9,408 „
Невель	7,263 „
Люцинъ	5,344 „
Лепель	5,284 „

VI.

БАССЕЙНЫ ДНѢПРА И ДНѢСТРА.

Бѣлоруссія, Малоруссія и Новороссійскій край.

Почти двѣ трети обширной холмистой равнины, связывающей Россію съ западной Европой, принадлежатъ къ покатости Чернаго моря. Могучій Днѣпръ (третья рѣка Европы по обилію своей жидкой массы) и Днѣстръ (также значительная рѣка)—двѣ главныя водныя артеріи этой покатости Понта Эвксинскаго, которая прежде составляла часть великаго княжества Литовскаго и которая нынѣ почти цѣликомъ занята русскими различнаго происхожденія. Здѣсь расположены страны, куда проникъ изъ Византіи первый лучъ свѣта, здѣсь началась, тысячу двѣсти лѣтъ спустя, исторія русскаго народа, и здѣсь былъ долгое время центръ тя-

---

[1]) Цифры населенія исправлены и дополнены по „Памятнымъ Книжкамъ“ соотвѣтствующихъ губерній: Ковенской и Виленской—на 1882 г., Витебской—на 1881 г. Минской—на 1880 г. *Ред.*

жести восточно-славянскаго міра. До тѣхъ поръ, пока націи, населяющія страны по берегамъ Средиземнаго моря, играли первенствующую роль въ развитіи цивилизованнаго человѣчества, ихъ притягательная сила должна была давать въ Россіи культурное главенство той покатости, которая обращена къ Черному морю. Когда же, напротивъ, океаническая сторона европейскаго континента получила болѣе важное значеніе, чѣмъ страны, прилегающія къ Средиземному морю, то Россія тоже должна была переместить свой историческій центръ, и главный потокъ государственной жизни направился къ Финскому заливу. Тѣмъ не менѣе, бассейны Днѣпра и Днѣстра, которыхъ населеніе, а также промышленность и торговля не переставали возростать, остаются одною изъ важнѣйшихъ частей Имперіи. Если Петербургъ стоитъ лицомъ къ западной Европѣ, то Одесса видитъ вдали образующійся надъ водами миражъ Константинополя и Эгейскаго моря.

Пространство и населеніе двѣнадцати губерній, предѣлы которыхъ совпадаютъ приблизительно съ границами бассейновъ Днѣпра и Днѣстра:

Названіе губерній.	Пространство [1]).			Населеніе въ 1870 г.	Населеніе въ 1880 г.	Густота населенія въ 1880 г.	
	Кв. миль.	Кв. верстъ.	Кв. кил.			На 1 кв. версту.	На 1 кв. кил.
Смоленская . .	1,018	49,245	56,041	1.140,015	1.243,088	25,2	22,1
Могилевская. .	873	42,219	48,045	947,625	1.117,398	26,4	23,2
Минская . . .	1,660	80,319	91,405	1.182,230	1.504,576	18,7	16,5
Волынская . .	1,305	61,137	71,851	1.704,018	2.011,786	32,9	28,0
Черниговская .	952	46,046	52,402	1.659,600	1.875,855	40,7	35,8
Курская . . .	844	40,821	46,454	1.954,807	2.273,930	55,7	48,9
Кіевская . . .	926	44,813	50,998	2.175,132	2.581,766	57,6	50,6
Полтавская . .	906	43,844	49,895	2.102,614	2.445,423	55,7	48,9
Екатеринослав.	1,230	59,508	67,720	1.352,300	1.497,160	25,2	22,1
Херсонская . .	1,295	62,637	71,282	1.596,809	1.810,000 (приблизит.).	28,7	25,4
Подольская . .	763	36,922	42,018	1.933,188	2.204,091	59,7	51,2
Бессарабская .	829	40,096	45,631	1.078,932	1.365,307	34,5	29,9
Итого .	12,601	607,607	693,742	18.827,270	21.930,380	36,1	31,6

Эта обширная область юго-западной Россіи, въ два раза превосходящая по величинѣ Францію, не имѣетъ горъ на всемъ своемъ протяженіи; равнины ея разстилаются на значительныхъ пространствахъ, отъ

[1]) „Superficie de L'Europe établie par *J. Strelbitsky*. St.-Pétersbourg, 1882. Вся таблица составлена заново, взамѣнъ помѣщенной у Реклю. *Ред.*

одного горизонта до другаго, съ однообразіемъ поверхности моря. Въ сѣверной полосѣ Днѣпровскаго бассейна, на равномъ разстояніи отъ двухъ морей, Балтійскаго и Чернаго, поверхность края представляетъ наибольшую правильность; высокіе холмы показываются только въ южной части страны, около средняго теченія Днѣстра и Днѣпра. На сѣверо-востокѣ отъ Карпатовъ и отъ низменности, гдѣ беретъ начало Днѣстръ, Тарнопольская и Кременецкая плоская возвышенность продолжается хребтомъ мѣловыхъ холмовъ, которому Эйхвальдъ далъ названіе Авратынскихъ горъ и который тамъ и сямъ разрѣзанъ, вслѣдствіе сотрясеній почвы и размывовъ водъ, на величественныя крутизны, украшенныя зеленью окружающихъ лѣсовъ. Другіе холмы, принадлежащіе къ тому же хребту, но недостигающіе значительной высоты, поднимаются близъ Проскурова, къ сѣверу отъ Каменецъ-Подольска: эта цѣпь небольшихъ горъ, откуда Южный Бугъ получаетъ свои первыя воды, превосходитъ по высотѣ Валдайскую сплошную возвышенность нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ. Вотъ высшія ея точки:

	Метровъ.	Футовъ.	
Кременецкій замокъ	399	1,328	(по Семенову)
Александровская гора, близъ Проскурова.	360	1,185	(по Шмидту)
Авратынскія горы, близъ Авратына . . .	335	1,100	„ „

Этотъ гранитный хребетъ постепенно понижается къ востоку и къ юго-востоку, но онъ имѣетъ очень большое протяженіе въ ширину. Можно прослѣдить гряды этой полосы кристаллическихъ горныхъ породъ почти на всемъ пространствѣ, раздѣляющемъ, на югѣ отъ Житомира, Бугъ и верхній Днѣпръ; затѣмъ, по пересѣченіи этой послѣдней рѣкой, она приближается къ Азовскому морю, отъ котораго отдѣлена только узкой полосой моласса; кривая, описываемая Днѣпромъ въ восточномъ направленіи, огибаетъ именно выступъ этихъ горныхъ породъ, который воды, повидимому, не въ состояніи были разрушить. Къ востоку отъ Житомира, этотъ гранитный поясъ, общая длина котораго не менѣе 750 верстъ (800 кил.), не показывается болѣе на поверхности земли: геологи могутъ изучать его только мѣстами, преимущественно въ разрѣзахъ, гдѣ рыхлая почва была размыта проточными водами.

Рельефъ поверхности, конечно, имѣетъ огромную важность для распредѣленія растеній и животныхъ, также какъ и для исторіи населенія; но составъ почвы представляетъ еще болѣе важное значеніе, и этотъ-то факторъ, безъ сомнѣнія, всего болѣе вліялъ на историческія судьбы жителей. Бо̀льшая часть бассейновъ Днѣстра, Днѣпра и ихъ притоковъ принадлежитъ къ такъ называемой черноземной полосѣ. По обѣ стороны границы этой полосы во всемъ замѣтна рѣзкая разница: и въ физическомъ складѣ страны, и въ ея экономическихъ условіяхъ. На сѣверѣ простирается область эрратическихъ камней, обширныхъ лѣсовъ, озеръ, болотъ;

на югѣ залегаетъ черноземъ, гдѣ деревья встрѣчаются только въ видѣ искусственныхъ насажденій, разводимыхъ человѣкомъ, и гдѣ природная растительность состояла исключительно изъ крупныхъ травъ.

Въ своемъ нормальномъ составѣ черная земля, или черноземъ, состоитъ изъ песку на три-четверти или четыре-пятыхъ и содержитъ, кромѣ амміака, натра, кали, фосфорной кислоты значительную долю органическихъ веществъ—около одной десятой въ верхнихъ слояхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Полтавской губерніи, пропорція органическихъ веществъ еще гораздо больше: она достигаетъ тамъ 17 процентовъ. Въ глубинахъ почвы количество перегноя меньше; оно уменьшается постепенно до 5 процентовъ. Это различное содержаніе перегнившихъ органическихъ веществъ объясняютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при меньшей толщинѣ перегнойной земли растенія не могли-бы развиваться съ достаточной силой; растительность становилась все болѣе и болѣе дѣятельной по мѣрѣ того, какъ возрастала мощность питающаго слоя. Какъ утверждалъ уже французскій путешественникъ Гюо [1]) и какъ окончательно доказалъ впослѣдствіи ботаникъ Рупрехтъ, черноземъ образовался всецѣло вслѣдствіе разложенія травъ: нигдѣ въ черноземной полосѣ не найдено прѣсноводныхъ или морскихъ раковинъ, которыя позволяли бы объяснить отложеніе ея аллювіальнаго слоя дѣйствіемъ водъ моря или озеръ. Отсутствуя почти вездѣ вдоль рѣкъ и озеръ, тамъ гдѣ почва недавняго образованія, черноземъ покрываетъ только плоскія возвышенности и холмы. Вокругъ Сѣднева, недалеко отъ Чернигова, возвышается около восьмисотъ могильныхъ кургановъ, состоящихъ изъ чистаго песку; но на поверхности они покрыты слоемъ черной земли отъ 6 до 8 дюймовъ; по преданію, эти бугры относятся къ эпохѣ разрушенія Чернигова полчищами Батыя, въ 1239 году; но раскопки доказали, что они древнѣе по крайней мѣрѣ на три столѣтія; такимъ образомъ выходитъ, что потребовалось болѣе девятисотъ лѣтъ для того, чтобы образовать на курганахъ этотъ тоненькій слой растительной земли. Допуская подобное же нарощеніе чернозема для растительности равнины, нужно заключить, что потребовалось отъ 3.600 до 6.000 лѣтъ для того, чтобы травы окружающихъ степныхъ пространствъ могли отложить слои чернозема толщиною отъ $^3/_4$ до 2-хъ слишкомъ аршинъ. Какова бы ни была степень вѣрности этого вычисленія, несомнѣнно то, что черноземъ ясно ограниченъ на югѣ и на востокѣ древнимъ морскимъ дномъ, а въ сосѣдствѣ Азовскаго моря и Понта Эвксинскаго многіе признаки явственно указываютъ на тотъ фактъ, что толщина черноземнаго слоя прямо пропорціональна высотѣ почвы надъ уровнемъ

[1]) Voyage dans la Russie méridionale, par *Demidof; Huot et Malte-Brun*, Précis de Géographie universelle, 5-e édition, 1841.

морскихъ волнъ. Разложившійся растительный перегной тѣмъ толще, чѣмъ большее число вѣковъ протекло со времени поднятія бывшихъ береговъ. На юго-востокѣ и на востокѣ, берега степей, которые нѣкогда были затопляемы водами Каспійскаго моря, обозначаютъ окраину чернозема; во многихъ мѣстахъ они могутъ даже служить указателями высоты, до которой доходило море [1]). Наконецъ, съ сѣверной стороны, какъ мы видѣли, границы черноземной полосы точно совпадаютъ съ предѣлами области озеръ и болотъ, гдѣ нѣкогда странствовали льды, роняя тамъ и сямъ глыбы гранита, свалившіяся съ горъ Финляндіи. Такимъ образомъ, въ своей совокупности поясъ чернозема простирается отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ перешеекъ между Карпатскими горами и Уральскимъ хребтомъ, и этимъ то поясомъ западная Европа соединялась прежде съ Азіей: Рупрехтъ справедливо называетъ его „черноземнымъ континентомъ“. На сѣверѣ нѣсколько небольшихъ острововъ черноземной почвы разсѣяно за предѣлами этого материка, въ губерніяхъ Вятской, Казанской, Владимірской, Черниговской [2]).

Этотъ черноземный континентъ простирается почти на цѣлой трети поверхности Европейской Россіи и обнимаетъ пространство, исчисляемое приблизительно въ 87 милліоновъ десятинъ. Кромѣ того, черноземъ существуетъ въ Молдавіи, въ Венгріи и особенно въ Банатѣ; но нигдѣ онъ не встрѣчается на столь обширныхъ пространствахъ и столь толстыми слоями, какъ въ бассейнѣ Днѣпра [3]). Химикъ Германъ сравниваетъ эти залежи черной земли, въ отношеніи экономической важности, съ пластами каменнаго угля, которыми обладаетъ Англія; но эти слои плодородной почвы представляютъ то преимущество, что они находятся на поверхности: ихъ нѣтъ надобности искать въ глубинахъ земли, какъ каменный уголь. Вычисляя количество удобреній, какое потребовалось бы для того, чтобы доставить черноземной почвѣ количество азота, равное тому, какое она содержитъ, находимъ, что расходъ на этотъ предметъ составилъ бы по малой мѣрѣ четыре милліарда мет. рублей [4]). Притомъ, нужно бы было безпрестанно возобновлять это удобреніе, и еще неизвѣстно, сообщило ли бы оно землѣ ту степень рыхлости, которая дѣлаетъ ее во многихъ мѣстностяхъ столь удобной къ обработкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи земледѣльческой промышленности мало по малу придадутъ черноземнымъ пространствамъ видъ громаднаго воздѣланнаго поля. Черноземныя степи, конечно, навсегда сохранятъ красоту

---

[1]) *Ruprecht,* Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome VII, 1865; *Delesse et de Lapparent,* Revue de Géologie pour les années 1874 et 1875.

[2]) О географическомъ распространеніи чернозема и его свойствахъ см. въ „Прибавленіи“. *Ред.*

[3]) *Мурчисонъ,* Geology of Russia and the Ural Mountains.

[4]) *Шмидтъ,* Херсонская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи.

пейзажа, которую даетъ обширный кругозоръ, но онѣ утратятъ ту восхитительную прелесть, которую находишь въ безъискусственной природѣ, бродя, куда глаза глядятъ. Въ этихъ степяхъ, также какъ въ луговыхъ равнинахъ или „преріяхъ" Дальняго Запада (Far West) Сѣверной Америки, можно идти во всѣ стороны, среди травъ, достигающихъ такой высоты, что цвѣты, колосья и хохолки качаются вровень съ головой путника; среди этой безпредѣльной травяной равнины, путнику кажется иногда, что онъ заблудился въ зелени, которая отъ вѣтра волнуется словно поверхность водъ. Произведенія народной поэзіи разсказываютъ намъ, какую радость испытывалъ казакъ, когда онъ скакалъ на своемъ конѣ по этому морю травы, руководимый въ направленіи дороги какимъ нибудь бугромъ, рисующимся вдали на краю горизонта, или, какъ морякъ, теченіемъ солнца или движеніемъ звѣздъ.

По направленію отъ сѣвера къ югу видъ степей измѣняется постепенно, по мѣрѣ того, какъ уменьшается толщина слоя растительной земли и какъ пласты глинистые, гранитные или известковые подходятъ ближе къ поверхности почвы. Травянистыя равнины, которыя весною одѣваются богатѣйшей растительностью и которыя человѣкъ можетъ преобразовать въ пахатныя земли или въ лѣсныя насажденія, смѣняются полями, гдѣ почва въ естественномъ состояніи покрыта лишь мелкимъ кустарникомъ да грубой травой; далѣе слѣдуютъ равнины, совершенно голыя на обширныхъ пространствахъ, и гдѣ земледѣлецъ пробуетъ бороться противъ безплодія почвы только въ сосѣдствѣ большихъ городовъ или въ сырыхъ лощинахъ. Красивые, разрисованные дома, окруженные вишнями и сливами, смѣняются низенькими сѣрыми мазанками, часто неимѣющими даже сада: ростущіе кое-гдѣ чахлые тополи только свидѣтельствуютъ о трудностяхъ борьбы человѣка со скупой природой, но очень мало измѣняютъ печальный, въ высшей степени монотонный видъ страны [1]). Эти степи скорѣе походятъ на пустыню, и ихъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто дѣлали по незнанію, съ тѣми цвѣтущими степями, откуда получаютъ часть пищевыхъ продуктовъ народы Европы. Деревья съ трудомъ ростутъ въ этой малоплодородной области. Каждый городъ заботится о томъ, чтобы создать у себя дорогостоющій общественный садъ, гдѣ бы населеніе, лишенное настоящихъ лѣсовъ, могло пользоваться нѣкоторымъ подобіемъ свѣжести и находить хоть какую нибудь тѣнь въ жаркіе лѣтніе дни. Каждый владѣлецъ хутора, въ окрестностяхъ Одессы, старается украсить свой садъ деревьями, которыя напоминали бы ему сельскую природу; но все искусство садовниковъ едва успѣваетъ вызвать къ жизни болѣзненные, чахлые стволы, съ рѣдкой листвой и заранѣе обреченные на гибель по прошествіи какихъ-нибудь двадцати или

---

[1]) *Шмидтъ*, выше цитированное сочиненіе.

тридцати лѣтъ; иногда случается, что вся зелень исчезаетъ въ нѣсколько часовъ, пожираемая тучами саранчи, которыя, застилая небо, порождаютъ сумерки среди бѣлаго дня и прибытіе которыхъ возвѣщается гуломъ, подобнымъ раскатамъ отдаленнаго грома.

Травяныя степи, которыя ожидаешь увидѣть пустынными и безжизненными, оказываются, напротивъ, оживленными фауной одною изъ самыхъ богатыхъ, если не по числу видовъ, то, по крайней мѣрѣ, по числу недѣлимыхъ: при выходѣ изъ темнаго лѣса, эти ярко освѣщенныя пространства представляются шумной, полной жизни пустынею [1]). Зубры, буйволы, кабаны, дикія лошади и другія животныя, о которыхъ разсказываютъ Блезъ-де-Виженеръ [2]) и Бопланъ [3]), исчезли изъ малороссійскихъ степей, но почва ихъ и теперь сплошь изрыта подземными галереями, гдѣ живутъ суслики (*Cytillus vulgaris* или *Spermatophilus*), или овражки, которые служатъ добычей всѣмъ мѣстнымъ охотникамъ—волку, дикой собакѣ, въ особенности же человѣку, но число которыхъ значительно убавилось съ той поры, какъ голова ихъ оцѣнена. Многочисленныя стаи птицъ-рыболововъ, цапель, аистовъ и красныхъ гусей, утокъ и чаекъ, разгуливаютъ въ болотахъ или плаваютъ въ озерахъ и прудахъ; жаворонки и другія пѣвчія птицы летаютъ среди травъ и кустарника, какъ въ лѣсахъ и на паровыхъ, незасѣянныхъ поляхъ западной Европы; орлы, коршуны и другіе крылатые хищники сидятъ на верстовыхъ столбахъ и не улетаютъ даже при проходѣ или проѣздѣ людей. Красивыя, разноцвѣтныя бабочки летаютъ миріадами по безконечному лугу, испещренному цвѣтами, съ которыхъ массы пчелъ собираютъ обильную дань. Днѣпровскія и донскія степи особенно славятся своимъ пчеловодствомъ. До тѣхъ поръ, пока почва Украйны не подвергалась обработкѣ, этотъ край, можетъ быть, болѣе всякой другой страны въ мірѣ заслуживалъ названія земли, „текущей медомъ“: въ то время медъ находили тамъ не только въ дуплахъ деревьевъ, но также въ ямахъ и углубленіяхъ почвы, всего чаще въ крутыхъ берегахъ рѣкъ и овраговъ. Какъ суслики и почти всѣ другія степныя животныя, не исключая и самого человѣка, пчела въ этихъ странахъ сдѣлалась троглодитомъ, пещернымъ жителемъ, благодаря свойству почвы. Въ искусственныхъ пчельникахъ пчелъ на зиму помѣщаютъ въ большіе омшаники, вырытые подъ землей.

Въ южной полосѣ Россіи, украинцы очень искусны въ задерживаніи водъ для поенія домашнихъ животныхъ и орошенія полей; но они утилизируютъ такимъ образомъ только ручьи и маленькія рѣчки, не умѣя извлекать пользу изъ воды большихъ рѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ не-

---

[1]) *Тургеневъ*, „Записки охотника“; *Захеръ-Мазохъ*, „Въ Коломеѣ“.
[2]) Description du royaume de Pologne et des pays adjacents, Paris, 1575.
[3]) Description de l'Ukraine, Rouen, 1660.

обходимой влажности не будетъ недостатка, когда человѣкъ научится брать ее изъ верхнихъ бассейновъ, удалять изъ низменныхъ мѣстностей, гдѣ она пребываетъ въ видѣ стоячихъ водъ, портя атмосферу своими вредными болотистыми испареніями, и переливать ее въ сухія, лишенныя влаги, мѣстности. Почти все Полѣсье, верхній бассейнъ рѣки Припеть, одного изъ главныхъ притоковъ Днѣпра, есть одна изъ такихъ областей, полу-озерныхъ, полу-обсохшихъ, которыя перестали быть озерами въ собственномъ смыслѣ, но не сдѣлались еще настоящей твердой землей, и которыя трудъ человѣка можетъ преобразовать въ необычайно плодородныя поля, когда онъ избавитъ ихъ отъ чрезмѣрнаго излишка воды. Эта страна представляетъ настоящій лабиринтъ озеръ, болотъ, топей, торфяниковъ, лѣсовъ и выступившихъ изъ подъ воды пороговъ, который извѣстенъ подъ общимъ именемъ Пинскихъ болотъ. Задерживаемыя съ южной стороны естественной преградой, образуемой гранитными кряжами Волыни, воды не могли стекать безпрепятственно въ бассейнъ Днѣпра, а скопились среди низменныхъ пространствъ, гдѣ онѣ прежде образовывали одно большое озеро, превратившееся съ теченіемъ времени въ медленно текущія рѣки, береговъ которыхъ невозможно различить на обширномъ протяженіи, покрытомъ камышами и водяными растеніями. Эти рѣки еще не достигли той фазы развитія, чтобы создать себѣ независимое, обособленное существованіе: почти тотчасъ по выходѣ изъ своей верхней долины, Припеть дѣлится между болотами и островами на безчисленное множество рукавовъ разной величины, которые взаимно переплетаются, теряются, снова встрѣчаются и, наконецъ, впадаютъ въ болотистое озеро Любяжъ. Ниже этого озера рѣка опять дѣлится на такое множество потоковъ, что теряетъ даже свое имя, которое получаетъ снова только верстахъ въ ста ниже, при сліяніи съ Ясельдой. Такъ какъ почти всѣ рѣки, общей артеріей которыхъ служитъ Припеть, соединяются въ одномъ и томъ же бассейнѣ, на небольшомъ разстояніи одна отъ другой, и одновременно выходятъ изъ береговъ послѣ большихъ дождей, то страна часто бываетъ затоплена на необозримое пространство. Въ этой области, частію покрытой водою, животное царство представляетъ особенный характеръ. Бобръ и рѣчная выдра сохранились въ болотахъ, піявки тоже живутъ тамъ; послѣднія даже составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли края до суровой зимы 1840 года, когда почти всѣ онѣ погибли отъ сильныхъ морозовъ. Говорятъ, что заяцъ Пинскихъ болотъ отличается отъ зайцевъ окружающихъ равнинъ: шерсть у него имѣетъ слегка синеватый оттѣнокъ. Что касается человѣка, то легко представить себѣ, въ какой сильной степени его образъ жизни видоизмѣняется подъ вліяніемъ этихъ затопляемыхъ земель, гдѣ онъ часто бываетъ принужденъ, спасаясь отъ наводненія, искать убѣжища на какомъ нибудь возвышенномъ бугрѣ и жить тамъ въ обществѣ лѣсныхъ звѣрей. Различныя

болѣзни, происходящія отъ вредныхъ испареній или міазмовъ, господствуютъ въ этой болотистой странѣ, и одна изъ нихъ, извѣстная только на славянскомъ Востокѣ, есть такъ называемый *колтунъ,* или *ковтунъ* (plica polonica), въ которомъ хотѣли видѣть бичь, спеціально свойственный полякамъ,—совершенно ошибочно, такъ какъ онъ свирѣпствуетъ преимущественно въ Бѣлоруссіи и въ Гродненской губерніи. Бопланъ въ своемъ „Описаніи Украйны“ говоритъ, что эта болѣзнь поражаетъ только казаковъ.

Обширныя Пинскія болота скоро перейдутъ въ область воспоминаній. Какъ доказали частныя попытки осушки болотъ, предпринимавшіяся со второй половины текущаго столѣтія, завоеваніе почвы для земледѣлія представлялось дѣломъ возможнымъ, и потому въ 1873 году приступили къ общему нивеллированію страны. Руководитель этихъ работъ, г. Жилинскій, и его сотрудники убѣдились, что скатъ поверхности Минской губерніи къ Днѣпру никакъ не менѣе $\frac{3}{10,000}$, что совершенно достаточно для того, чтобы обезпечить водамъ правильный стокъ. Уничтожая мельничныя и рыболовныя запруды, замедляющія теченіе водъ, и прокапывая спускные каналы по естественной покатости почвы, можно будетъ безъ труда опорожнить всѣ болота и превратить Минскую губернію, еще недавно одну изъ бѣднѣйшихъ областей Россіи, въ одну изъ самыхъ богатыхъ, по плодородію почвы, земель Европы. Впрочемъ, значительная часть дѣла уже сдѣлана, и притомъ за относительно ничтожную сумму, которая, безъ сомнѣнія, будетъ въ скоромъ времени возвращена сторицей произведеніями земледѣльческой промышленности. Съ 1873 по 1878 годъ было достаточно какихъ нибудь полмилліона рублей, чтобы вырыть около 730 верстъ сточныхъ каналовъ, которые превратили въ луга почти 120.000 десятинъ болотъ и трясинъ и избавили отъ стоячихъ водъ безъ малаго 180.000 десятинъ, покрытыхъ лѣсомъ. Одна казенная лѣсная дача, простирающаяся на пространствѣ слишкомъ 82.000 десятинъ, въ которой до сихъ поръ деревья сгнивали на мѣстѣ, теперь можетъ быть эксплоатируема съ выгодой, благодаря каналамъ, соединяющимъ ее со сплавными рѣками; сельскохозяйственныя произведенія края нынѣ могутъ быть отправляемы или въ бассейнъ Вислы, или въ бассейнъ Нѣмана по судоходнымъ каналамъ, подступы къ которымъ освобождены отъ стоячихъ водъ. Теченіе рѣкъ, еще недавно неопредѣленное, мало по малу входитъ въ правильное русло; дороги прокладываются въ равнинѣ, и селенія перестали быть островными горками, поднимающимися среди болотъ [1]. Вотъ физическій переворотъ, чисто поверхностный, такъ какъ онъ полученъ просто посредствомъ проведенія водо-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности объ осушительныхъ работахъ въ Полѣсьи см. въ «Прибавленіи». *Ред.*

*

сточныхъ каналовъ, вырываемыхъ въ почвѣ до глубины нѣсколькихъ аршинъ; но его результаты совершенно измѣнятъ видъ страны, поверхность которой обнимаетъ около восьми съ половиной милліоновъ десятинъ, т. е. равняется шестой части Франціи. О быстрыхъ перемѣнахъ, совершившихся недавно въ мѣстной географіи, можно судить по уменьшенію озера Князь или Жидъ, получившаго такое названіе, какъ говорятъ, оттого, что въ концѣ прошлаго какой-то князь-мизантропъ удалился въ эти пустынныя мѣста, гдѣ будто бы сказывался евреемъ, чтобы избѣжать всякихъ сношеній съ христіанами. Въ эту эпоху деревушка Князь-Озеро стояла на берегу озера; но болотныя растенія, постепенно распространяясь, уменьшили съ той поры на половину поверхность стоячихъ водъ. Еще недавно площадь этого озернаго бассейна равнялась почти 65 кв. верстамъ; насколько же уменьшилась она послѣ осушительныхъ работъ, которыми осушено болѣе 92,000 десятинъ вокругъ озера?

Во всемъ Днѣпровскомъ бассейнѣ Припеть есть единственная большая рѣка, долина которой еще не приняла окончательной формы: другіе верхніе притоки и самый Днѣпръ имѣютъ теченіе нормальное, такъ сказать законченное. Истоки этой послѣдней рѣки, самой знаменитой въ исторіи изъ русскихъ рѣкъ, находятся гораздо ближе къ Финскому заливу, нежели къ Черному морю, въ области мало возвышенной, гдѣ зарождаются также притоки Западной Двины, Волги, Оки; водораздѣльныя линіи этой четверной покатости едва намѣчены. Заключенный въ началѣ между бассейнами водъ, спускающихся къ Балтійскому и Каспійскому морямъ, Днѣпръ получаетъ мало притоковъ въ верхней части своего теченія, до Смоленска и Могилева; но внизъ отъ Рогачева быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ большіе притоки: съ правой, западной, стороны въ него впадаетъ Березина, которая прежде, какъ говорятъ, считалась главной рѣкой и названіе которой, если вѣрить славистамъ, есть ни что иное, какъ измѣненное древнее названіе Днѣпра—Борисѳевъ (?); съ лѣвой, восточной стороны изливается р. Сожъ; затѣмъ Днѣпръ соединяется съ Припетью, почти равной ему по массѣ водъ и величинѣ бассейна которой обнимаетъ почти всю Минскую губернію, половину Волынской и даже часть Гродненской. Далѣе Тетеревъ приноситъ свою дань Днѣпру; еще ниже впадаетъ Десна, или „Правая", названная такъ потому, что, если смотрѣть изъ Кіева, она течетъ вправо отъ главной рѣки; Десна бѣжитъ извилистой линіей по аллювіальной равнинѣ, гдѣ она повсюду оставила слѣды своего прохода въ видѣ кольцеобразныхъ озеръ и потоковъ, образовавшихся во время наводненія. Здѣсь оканчивается верхняя вѣтвь Днѣпра, и рѣка является уже вполнѣ сформированной. Это—знаменитый Борисѳенъ древнихъ грековъ и римлянъ, Узонъ турокъ, Эски или „Большая рѣка" татаръ, Луозенъ и Лерене въ итальянскихъ описаніяхъ береговъ и пристаней Понта Эвксинскаго.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ своего верхняго теченія Днѣпръ, обрамленный съ правой и съ лѣвой сторонъ высокими берегами, о которые ударяются его воды, имѣетъ мѣстами лѣвый берегъ выше праваго; но, по принятіи въ себя большихъ притоковъ, рѣка, правильно передвигаясь въ правую сторону, сообразно толчку, сообщаемому ея жидкой массѣ вращательнымъ движеніемъ земнаго шара, гложетъ и подтачиваетъ преимущественно свой западный берегъ. Развертываясь въ видѣ полукруговыхъ излучинъ, которыя выдаются попеременно то вправо, то влѣво, согласно закону соотвѣтствія рѣчныхъ извилинъ, Днѣпръ, однако, направляетъ массу своихъ водъ и, слѣдовательно, свою размывающую силу въ сторону праваго берега: съ этой-то стороны находятся крутые береговые утесы, возвышающіеся, среднимъ числомъ, отъ 300 до 430 футовъ (90—130 метр.) и изъ которыхъ одни еще омываются у самого основанія струей теченія, тогда какъ другіе теперь покинуты рѣкой, которая, выточивъ ихъ въ формѣ амфитеатра, оставила только болота у ихъ подошвы, чтобы опять вернуться когда нибудь и продолжать свое дѣло разрушенія. Восточный берегъ, цѣликомъ состоящій изъ наносовъ (аллювія), которые рѣка оставила послѣ себя, перемѣщая свое русло къ западу, почти вездѣ представляетъ низменную равнину, единственныя возвышенія которой—бывшіе острова, постепенно повышаемые растительностью. Такимъ образомъ ложе, гдѣ прежде протекалъ Днѣпръ, можетъ быть утилизируемо теперь другими побочными рѣками, мѣсто сліянія которыхъ постепенно передвигалось по направленію къ низовьямъ, по мѣрѣ того какъ удалялась главная рѣка. На сѣверо-востокъ отъ Кіева, Десна, которую можно сравнить съ ребенкомъ въ кольчугѣ рыцаря, бѣжитъ въ долинѣ, которая прежде, вѣроятно, служила ложемъ Днѣпру и гдѣ еще можно узнать прежніе высокіе берега, покинутые водами. Нынѣ главная рѣка, текущая верстахъ въ 15 далѣе на западѣ, проходитъ у подножія изрытыхъ оврагами утесовъ, съ которыхъ каждый годъ обваливаются каменныя глыбы въ эпоху половодья, или подъ ударомъ льдинъ во время ледохода. Высота праваго берега, очевидно, была причиной того, что большая часть городовъ Днѣпровскаго бассейна основалась на крутомъ, западномъ берегу, и что главные пути сообщенія проложены на той же сторонѣ рѣки. Дороги, проведенныя на лѣвомъ берегу, впродолженіе значительной части года обращаются почти въ непроходимыя болота. На притокахъ Днѣпра берега представляютъ тотъ же контрастъ: тамъ также города и мѣстечки по большей части выстроены на правомъ, возвышенномъ берегу [1]).

Весеннее вскрытіе рѣки рѣдко бываетъ опасно. Благодаря меридіональному направленію Днѣпра, который течетъ съ сѣвера на югъ, ледяной покровъ отдѣляется сначала въ низовьяхъ и уже растаяваетъ или уно-

---

[1]) *Максимовъ*, Древняя и Новая Россія, 1876 г. № 1.

сится къ устью въ то время, когда ледъ въ верхнихъ частяхъ ложа разламывается, въ свою очередь, и начинаетъ свое плаваніе внизъ по рѣкѣ. Такъ, въ Херсонѣ Днѣпръ бываетъ покрытъ ледяной корой среднимъ числомъ только 80 или 85 дней въ году, тогда какъ въ Екатеринославѣ продолжительность періода замерзанія составляетъ уже 89 дней, а въ Кіевѣ, гдѣ начинается среднее теченіе, она доходитъ до 96 дней [1]). Однако иногда случается, что льды скопляются выше песчаныхъ мелей или островковъ и совершенно запруживаютъ рѣку: такъ, напримѣръ, въ 1865 году образовался настоящій ледяной мостъ противъ Кременчуга, настолько толстый и крѣпкій, что по нему могли переѣзжать обозы [2]).

По формѣ своего рѣчнаго развѣтвленія, также какъ по свойству почвы, Днѣпръ, между европейскими рѣками—одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя должны представлять наиболѣе значительныя разности въ объемѣ жидкой массы, наибольшія неправильности или уклоненія отъ нормальнаго стока водъ. Почти всѣ большіе притоки сливаются съ Днѣпромъ въ средней части его теченія и въ небольшомъ разстояніи одни отъ другихъ, такъ что ихъ частные разливы, за исключеніемъ разлива Припети, которая нѣсколько запаздываетъ въ болотахъ, окаймляющихъ ея берега, соединяются въ одинъ общій потокъ и одновременно заставляютъ главную рѣку выступить изъ береговъ. Далѣе на югѣ, воды, струящіяся по поверхности трудно проницаемой почвы степей, тоже, съ своей стороны, содѣйствуютъ внезапному поднятію уровня Днѣпра. Эта рѣка и нынѣ является еще въ томъ видѣ, какъ ее создала природа: мы не встрѣчаемъ на ней ни береговыхъ плотинъ, ни бичевниковъ; но прибрежные жители до извѣстной степени могутъ радоваться тому, что она еще не обведена, какъ По, Луара, Рона, Миссисипи, плотинами, якобы „незатопляемыми", которыя, однако, при необыкновенно высокихъ разливахъ, рѣка прорываетъ въ разныхъ мѣстахъ, и тогда поля, завоеванныя на бывшемъ рѣчномъ ложѣ, подвергаются наводненію. Средняя ширина Днѣпра—отъ 280 до 400 саж. (600—850 метр.), но во время высокой воды онъ разливается во многихъ мѣстахъ верстъ на десять въ ширину: тогда онъ имѣетъ видъ моря въ движеніи; всѣ острова, всѣ песчаныя мели, вокругъ которыхъ рѣка дѣлилась на частные потоки, исчезаютъ подъ желтоватой водой; рукава мертвые, рукава живые, лужи, остающіяся обыкновенно послѣ спада воды въ прибрежныхъ равнинахъ,—все соединяется въ одну сплошную водную площадь, и воды, ненаходящія мѣста въ долинѣ главной рѣки, уходятъ вправо и влѣво въ долины притоковъ, которые также имѣютъ свои болота, свои наносныя мели, свои переплетающіяся сѣти рѣчекъ, текучихъ и стоячихъ. Желательно, чтобы украинцы, наученные бѣдствіями,

---

1) *Stuckenberg*. Hydrographie Russlands.

2) *Шмидтъ*, Херсонская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи.

которыя такъ часто случались на берегахъ большихъ рѣкъ во многихъ странахъ, съумѣли утилизировать аллювіальныя земли долины Днѣпра, не подвергая прибрежные города бо́льшей опасности, чѣмъ та, какой они подвержены въ настоящее время: чрезвычайный стокъ рѣки, скорость теченія, относительные размѣры рѣчнаго ложа при нормальномъ разливѣ и во время наводненій—все должно быть заранѣе принято въ разсчетъ, чтобы избѣгнуть возможныхъ катастрофъ. Опасность наводненій тѣмъ болѣе велика, что, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, измѣненія уровня воды въ Днѣпрѣ сдѣлались гораздо неправильнѣе, чѣмъ были прежде; періоды маловодья стали продолжительнѣе, разливы выше и внезапнѣе.

Впрочемъ, низменныя равнины, затопляемыя широко разливающейся рѣкой, отличаются необычайнымъ плодородіемъ, и эти-то періодически покрываемыя рѣчнымъ иломъ прибрежныя поля и подали Геродоту поводъ прославлять Борисѳенъ, какъ рѣку „самую полезную людямъ послѣ Нила“. Плодородіе этихъ наводняемыхъ низменностей зависитъ главнымъ образомъ отъ частицъ чернозема, приносимыхъ Днѣпромъ изъ вышележащихъ мѣстностей. Принося въ своемъ илѣ эти частицы плодородной земли, взятыя на сѣверныхъ берегахъ, Днѣпръ приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ область степей и растительность сѣвера: береза, любимое дерево русскихъ, ростетъ лѣсами и перелѣсками на берегахъ этой рѣки и на ея аллювіальныхъ островахъ, почти до самаго лимана. Но на обширныхъ пространствахъ эти затопляемыя прибрежныя низменности, или *плавни*, которые могли бы прокармливать цѣлыя населенія, не производятъ нынѣ ничего, кромѣ жесткой травы, дающей грубое сѣно, да камыша, который прибрежные жители приходятъ рѣзать зимой, когда ледъ позволяетъ ходить по болотамъ, употребляя его какъ топливо и на постройки (крыши и изгороди); десятина хорошаго камыша даетъ въ настоящее время крестьянамъ столько же прибыли, какъ десятина лучшей пахатной земли. Плотно переплетающіеся, въ видѣ войлочной ткани, корни камышей, постепенно разростаясь, образуютъ, наконецъ, родъ ковра, который вода подмываетъ снизу, вырывая лежащій на днѣ песокъ; иногда островки тростника совершенно отдѣляются отъ нижней почвы и плывутъ по волѣ теченія, пока не остановятся на какой нибудь отдаленной песчаной мели; въ 1845 году одинъ такой лѣсъ камышей, находившійся верстахъ въ 7 ниже Кременчуга, перемѣстился такимъ образомъ почти на 2 версты [1]).

Казалось бы, что Днѣпръ, третья рѣка Европы по массѣ своихъ водъ, жизненная артерія района, населеннаго болѣе чѣмъ тринадцатью милліонами жителей, долженъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ водныхъ путей нашей части свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, онъ проходитъ послѣдовательно нѣ-

---

[1]) „Одесскій Вѣстникъ“, № 72, за 1852 г.; *Шмидтъ*, выше цитированное сочиненіе.

сколько поясовъ различныхъ въ отношеніи климата, земледѣлія, гражданственности; изъ области лѣсовъ онъ переходитъ въ черноземную полосу, затѣмъ въ область голыхъ степей, соединяя такимъ образомъ населенія, различающіяся между собой нравами и нуждающіяся въ произведеніяхъ другъ друга. И дѣйствительно, со временъ древне-греческой колонизаціи Борисѳенъ былъ однимъ изъ главныхъ торговыхъ путей, исключая тѣхъ эпохъ, когда истребительныя войны останавливали всякое торговое движеніе; но важность этого естественнаго воднаго пути была во всѣ времена значительно умаляема существованіемъ пороговъ, которые прерываютъ во многихъ мѣстахъ теченіе рѣки и сильно затрудняютъ судоходство. Выше Кременчуга и впаденія большой рѣки Псёлъ, Днѣпръ имѣетъ уже болѣе 65 фут. (20 метр.) футовъ паденія на разстояніи 16 верстъ (17 кил.), и многіе пункты этой наклонной плоскости очень опасны для прохода судовъ. Но собственно пороги, тѣ знаменитые пороги, о которыхъ говорятъ византійскія и русскія хроники и пѣсни украинскихъ казаковъ, начинаются ниже Екатеринослава, у поворота, который Днѣпръ долженъ сдѣлать, чтобы прорѣзать гранитное плоскогорье, или такъ называемую Каменную гряду. Ряды гранитныхъ скалъ, образующіе эти пороги, продолжаются по большей части черезъ всю рѣку, отъ одного берега до другаго, и вода, текущая по этимъ каменнымъ гребнямъ, имѣетъ въ лѣтнее время, среднимъ числомъ, не болѣе двухъ аршинъ ($1^1/_2$ метр.) толщины. Общій наклонъ рѣки въ области пороговъ, на протяженіи около 70 верстъ (75 кил.), составляетъ 155 фут. (47 метр.), но нигдѣ нѣтъ водопада въ настоящемъ смыслѣ: самое сильное паденіе воды на порогахъ только немногимъ превышаетъ 6 сантиметровъ на 1 метръ (около 5 дюймовъ на 1 сажень). Тамъ и сямъ показываются побочные каскады; главная масса потока, скатывающаяся длинными волнами, гдѣ едва виднѣются полоски пѣны, также дѣлится на второстепенныя стремнины, которыя слѣдуютъ вдоль того или другаго берега. Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ только о семи порогахъ, Бопланъ въ своей книгѣ „Description de l'Ukraine" описываетъ ихъ тринадцать, а въ наши дни мѣстные лоцманы насчитываютъ ихъ всего только девять [1]); но эти девять пороговъ, также какъ меньшіе, называемые *заборами* (ряды камней, пересѣкающіе большую или меньшую часть русла), состоятъ изъ сотенъ и тысячъ паденій воды. Видъ рѣки въ мѣстахъ пересѣченія ложа рядами гранитныхъ скалъ безпрестанно мѣняется: за наклонными плоскостями, по которымъ вода стремительно скатывается бурнымъ потокомъ, слѣдуютъ обширные, подобные озерамъ, бассейны, гдѣ успокоившаяся волна медленно кружится; промѣры дна въ этихъ бассейнахъ обнаружили глубины до 14 слишкомъ

---

[1]) *Чужбинскій*, „Поѣздка въ Южную Россію", I, Днѣпръ.

саженъ (30 м.). Ширина также сильно измѣняется: раздѣленная безчисленными подводными камнями, рѣка имѣетъ почти 1²/₃ версты (1730 м.) въ ширину близъ самыхъ опасныхъ пороговъ, тогда какъ у „Волчьяго Горла", около конца пороговъ, берега сближаются до разстоянія 75 саж. (160 м.).

Небольшія суда спускаются черезъ пороги только весной во время половодья, которое продолжается, среднимъ числомъ, восемь недѣль; бываютъ даже такіе годы, когда судоходство оказывается совершенно невозможнымъ и въ періодъ весенняго разлива; что же касается судовъ большаго водоизмѣщенія, то всѣ они должны останавливаться въ Екатеринославѣ выше пороговъ и въ Александровскѣ ниже пороговъ. Прибрежныя деревни и въ особенности мѣстечко Лоцманская Каменка населены лодочниками и лоцманами, которые проводятъ суда и плоты въ поворотахъ фарватера; но какъ бы ни было велико искусство, хладнокровіе и опытность лоцмановъ, все-таки не малое число судовъ погибаетъ въ опасномъ переходѣ черезъ пороги. Изъ сотенъ барокъ, спускающихся по Днѣпру, ни одна не возвращается назадъ вверхъ по рѣкѣ: всѣ онѣ разбираются по прибытіи на мѣсто назначенія, въ Херсонѣ или въ какомъ нибудь другомъ городѣ нижняго теченія, и продаются какъ строевой лѣсъ: въ этой-то формѣ мѣстности верхняго бассейна обыкновенно и доставляютъ строевой лѣсъ прибрежнымъ жителямъ низоваго Днѣпра; византійскіе писатели говорятъ, что кривичи примѣняли этотъ способъ лѣсной торговли съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи [1]). Уже болѣе ста лѣтъ, какъ стараются улучшить проходы черезъ Днѣпровскіе пороги при помощи взрыва подводныхъ скалъ, устройства каналовъ какъ среди самаго русла, такъ и обходныхъ; но всѣ эти работы до сихъ поръ не принесли почти никакой пользы, и пароходы, поднимающіеся изъ Екатеринослава вверхъ по рѣкѣ до Пинска на Припети, до Орши на верхнемъ Днѣпрѣ, до Брянска на Деснѣ, не могутъ еще переходить черезъ пороги, отдѣляющіе ихъ отъ нижняго Днѣпра и Чернаго моря. Другія рѣки полуденной Россіи, Южный Бугъ и Днѣстръ, равно какъ ихъ притоки, также имѣютъ пороги въ мѣстѣ пересѣченія ими гранитнаго пояса или Каменной гряды; одинъ изъ малыхъ притоковъ Буга (черезъ р. Синюху) образуетъ даже вертикальный водопадъ высотою около 5 саженъ. Вообще нельзя не признать извѣстной доли правды въ замѣчаніи тѣхъ, которые утверждали, что рѣки степной полосы Россіи гораздо болѣе мѣшаютъ, чѣмъ благопріятствуютъ сообщеніямъ. Ихъ пороги и заборы задерживаютъ движенія судоходства изъ внутренности страны къ морю, тогда какъ ихъ широкое теченіе, высокіе, крутые скаты ихъ долинъ, границы ихъ береговъ препятствуютъ сухопутному сообщенію отъ востока къ западу, или отъ запада къ востоку, параллельно Черному морю [2]). Всѣ кочевые народы Азіи, для которыхъ

[1]) *Карамзинъ*, „Исторія Государства Россійскаго", т. I.
[2]) *Шмидтъ*, „Херсонская губернія", выше цитированное сочиненіе.

степи служили естественной дорогой при движеніи въ Европу, были задерживаемы рѣками; близъ береговъ этихъ рѣкъ и происходили тѣ кровопролитныя столкновенія, которыя обращали всю страну въ обширную пустыню, въ „Дикое Поле“.

Ниже пороговъ Днѣпръ, продолжая подтачивать основаніе утесовъ своего праваго берега, поворачиваетъ къ западу, оставляя влѣво бывшее озеро, „Великій Лугъ“ запорожцевъ, гдѣ развѣтвляются воды во время наводненій и которое теперь представляетъ болото, разстилающееся на необозримое пространство. Здѣсь именно и на другихъ пунктахъ приморскаго Днѣпра ученые, истолковывая одно мѣсто у Геродота, хотѣли искать Геррусъ, древній рукавъ рѣки, который будто бы впадалъ въ Азовское море [1]); но до сихъ поръ не отыскано никакихъ слѣдовъ предполагаемаго рѣчного русла въ области степей, которыя возвышаются среднимъ числомъ отъ 330 до 660 фут. (100—200 м.) надъ уровнемъ моря. Днѣпръ не имѣетъ дельты, а лишь блуждающіе рукава, которые перемѣщаются въ рѣчномъ ложѣ, смотря по бо́льшему или меньшему обилію воды въ періодъ разлива, и которые изливаются въ лиманъ, или заливъ солоноватой воды, составляющій уже часть Понта Эвксинскаго, хотя песчаный баръ отдѣляетъ его наполовину отъ открытаго моря: въ этомъ мѣстѣ съ большимъ трудомъ, при помощи землечерпательныхъ машинъ, поддерживаютъ судоходный фарватеръ для судовъ, имѣющихъ значительное водоуглубленіе. Лѣтомъ вода въ лиманѣ, который въ эту пору питается главнымъ образомъ морской волной, дѣлается до такой степени соленой, что прибрежные жители не могутъ употреблять ее; тоже самое бываетъ и во время бурь; но обыкновенно, и особенно весной, вода изъ залива употребляется для всѣхъ домашнихъ надобностей, и скотъ пьетъ ее, повидимому, безъ всякаго вреда для здоровья. Впрочемъ, Днѣпръ—не единственный прѣсноводный потокъ, изливающійся въ лиманъ. Послѣдній принимаетъ въ себя, кромѣ того, Южный Бугъ (по-малороссійски Богъ), имя котораго, означающее „Богъ“, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ какому нибудь забытому суевѣрію: это Гипанисъ древнихъ грековъ. Островъ Березань, который охраняетъ общій входъ въ лиманъ, куда впадаютъ Днѣпръ и Бугъ, имѣлъ въ старину важное значеніе. По прибытіи въ лиманъ, русскіе торговые люди, спустившіеся внизъ по рѣкѣ, не отваживались тотчасъ же пускаться въ открытое море на своихъ легкихъ баркахъ; утомленные продолжительнымъ путешествіемъ, они останавливались на этомъ островкѣ, чтобы починить свои суда и приготовить ихъ къ морскому плаванію.

Днѣстръ,—Тирасъ грековъ, Турла турокъ,—вообще говоря можетъ быть разсматриваемъ въ среднемъ его теченіи, какъ естественная этно-

---

[1]) *Rennel*, Geography of Herodotus.

ДНѢСТРЪ. ВИДЪ ВБЛИЗИ МОГИЛЕВА.

графическая граница между русскими и румынами. Эта рѣка во многихъ отношеніяхъ имѣетъ сходство со своимъ могучимъ сосѣдомъ, Днѣпромъ. Подобно послѣднему, она беретъ начало въ области лѣсовъ, по выходѣ изъ которой протекаетъ черезъ полосу чернозема, затѣмъ черезъ голыя степи и изливается въ лиманъ Чернаго моря; также какъ и Днѣпръ, она постепенно перемѣщается къ западу, подтачивая свой правый, высокій берегъ, и тоже прорѣзываетъ гранитные кряжи, образующіе на ней пороги; но русло ея, вообще говоря, гораздо глубже вырыто: оно почти вездѣ очень узко и покрыто очень толстымъ слоемъ воды, какъ и ложе Прута, рѣки параллельной Днѣстру и представляющей какъ бы воспроизведеніе послѣдняго въ нѣсколько уменьшенномъ размѣрѣ [1]). Разность высоты и объема жидкой массы между мелководьемъ и половодьемъ на Днѣстрѣ еще значительнѣе, чѣмъ на Днѣпрѣ: нѣкоторые изъ весеннихъ разливовъ перваго, какъ, напримѣръ, разливы 1829, 1842, 1845 годовъ, были до того сильны, что невѣжественные прибрежные жители обвиняли галиційскихъ австріаковъ, будто бы они спустили воды другой рѣки въ ту, которая затопила ихъ поля [2]). Днѣстръ развертываетъ нѣкоторыя части своей долины съ замѣчательной грандіозностью линій, а многочисленные притоки, соединяясь съ нимъ, какъ вѣтви со стволомъ дерева, придаютъ ему видъ развѣсистаго дуба; но въ цѣломъ Днѣстръ — одинъ изъ самыхъ извилистыхъ потоковъ земнаго шара: отъ устья Ягорлыка до моря разстояніе по прямой линіи всего только около 140 верстъ (147 кил.); съ извилинами же протяженіе рѣки въ этой части ея теченія достигаетъ 365 верстъ (390 кил.) Общая длина Днѣстра около 1,410 верстъ (1500 кил.), то-есть почти равна длинѣ могучаго Днѣпра. Кромѣ того, рѣчное русло постоянно удлинняется на счетъ солоноватаго лимана, въ который изливаются его воды. Старый рукавъ, который соединялся съ лиманомъ у сѣверной оконечности этого залива, давно уже засорился, и теперь воды рѣки изливаются черезъ боковой рукавъ, который впадаетъ въ заливъ на восточномъ его берегу, угрожая отдѣлить мало-по-малу отъ лимана сѣверную бухту, называемую по татарски Кара-Голь, что значитъ „Черное озеро". Песчаные осадки, приносимые рѣкой, не могутъ быть увлекаемы теченіемъ въ море, потому что баръ, отдѣляющій Днѣстръ отъ Чернаго моря, очень близко подходитъ къ поверхности воды: только маленькія барки могутъ переходить черезъ этотъ порогъ, и всѣ товары, приходящіе изъ внутренности страны, должны быть перевозимы сухимъ путемъ въ Одессу.

Между рыбами Днѣстра, Днѣпра, Дуная есть много такихъ, которыя имѣютъ совершенно спеціальный характеръ и составляютъ особенную

[1]) *Kohl*, Reisen in Süd-Russland.

[2]) *Шмидтъ*, выше цитированное сочиненіе.

фауну, свойственную почти исключительно этимъ бассейнамъ. Чтобы объяснить ихъ происхожденіе, профессоръ Кесслеръ предполагаетъ, что цѣпь Балкановъ нѣкогда соединялась съ Таврическими горами и такимъ образомъ ограничивала обширный прѣсноводный бассейнъ, куда изливались рѣки полуденной Россіи. Изъ этихъ рыбъ днѣпровской фауны только двѣ встрѣчаются въ другихъ рѣкахъ, именно вершъ или *Aspro vulgaris* въ Ронѣ и *Acerina rossica* въ Дону [1]).

Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ суть единственныя судоходныя рѣки южной Россіи между Дунаемъ и Дономъ: только иногда, начиная съ половины апрѣля и въ маѣ мѣсяцѣ, низовые притоки этихъ рѣкъ бываютъ настолько многоводны, что по нимъ можно сплавлять бревна, гнать плоты и даже отправлять барки. Не такъ было двадцать-три столѣтія назадъ, если правда, что во времена Геродота эта страна, хотя „чрезвычайно бѣдная лѣсомъ [2])", была хорошо орошена, и что по ней протекали большія рѣки, „почти столь же многочисленныя, какъ каналы въ Египтѣ [3])". Въ наши дни степи южной Россіи обѣднѣли водами, высохли; даже если считать лиманы морскаго прибрежья, которые болѣе не питаются текучими водами, мы находимъ въ этой области лишь небольшое число рѣчныхъ руселъ. Геродотъ, самъ посѣтившій этотъ край, не могъ совершенно ошибаться относительно географіи страны; притомъ-же, развѣ мы не видимъ слѣдовъ этихъ древнихъ, нынѣ высохшихъ рѣкъ, о которыхъ упоминаетъ греческій историкъ? Между Дунаемъ и Днѣстромъ, между Днѣстромъ и Южнымъ Бугомъ, рѣчныя долины слѣдуютъ одна за другой всѣ въ одномъ направленіи, оставаясь параллельными другъ другу, но эти рѣчныя долины не доходятъ уже до самаго моря: онѣ обсохли всецѣло или отчасти, и боковые овраги, впадающіе въ эти долины, наполняются водой только во время дождей.

Мѣстное преданіе повсюду указываетъ на обѣднѣніе страны въ отношеніи текучихъ водъ. Существовавшія нѣкогда озера испарили свою воду до послѣдней капли, а солончаки постоянно увеличиваются, захватывая все болѣе и болѣе значительныя пространства. Во многихъ мѣстахъ жители говорятъ, что ихъ колодцы постепенно изсякли, и что вода въ нихъ сдѣлалась солоноватой: эти жители принуждены были забросить плодовые сады и огороды, прежде же они могли орошать ихъ чистой водой, имѣвшейся у нихъ въ изобиліи, и получали отличные урожаи. Рѣка Тилигулъ, воды которой нынѣ теряются въ лиманѣ того же имени, не будучи въ состояніи достигнуть моря, прежде приводила въ движеніе колеса пятнадцати мельницъ, большихъ и малыхъ, выше города Ананьевa

---

[1]) *Кесслеръ*, Russische Revue. № 4. 1875: Vergleichende Untersuchungen über die Fische des Schwarzen und des Kaspischen Meeres.

[2]) *Геродотъ*, книга IV, стр. 61.

[3]) *Геродотъ*, книга IV, стр 47.

ева, а въ 1863 году изъ этихъ мельницъ существовала уже только одна, да и та обыкновенно должна была бездѣйствовать въ продолженіе части года. Самая рѣка утратила правильное теченіе и теперь представляетъ лишь неопредѣленный потокъ. Еще въ 1823 году Тилигулъ былъ изображенъ на одной военной картѣ, какъ рѣка, соединяющаяся съ моремъ широкимъ устьемъ, а теперь въ этомъ мѣстѣ проходитъ, по возвышенному перешейку, почтовая дорога изъ Николаева въ Одессу. Какъ объяснить эту увеличивающуюся соленость почвы степей? Истребленіе лѣсовъ на плоскихъ возвышенностяхъ, прибавляя обширныя, оголенныя пространства къ безлѣснымъ пространствамъ низменныхъ степей, не составляетъ ли если не единственную, то по крайней мѣрѣ главную причину уменьшенія влажности и обсыханія равнинъ? Лишаясь деревьевъ, которыя служили ей кровомъ, земля стала быстро терять, путемъ испаренія, падающую изъ атмосферы дождевую и снѣговую воду, источники, питавшіе рѣки, изсякли, и текучія воды исчезли. Распашка полей, уничтожающая всякую растительность впродолженіе части года, еще болѣе усиливаетъ испареніе, выставляя оголенную почву дѣйствію солнечныхъ лучей и изсушающихъ вѣтровъ [1]). Какъ говоритъ одна мѣстная пословица: „когда приходитъ человѣкъ, вода уходитъ“ [2]). Дожди приносятъ въ страну, среднимъ числомъ, отъ 35 до 40 сантиметровъ воды (количество выпадающей впродолженіе года дождевой воды составляетъ въ Одессѣ 0,365 метр., въ Николаевѣ 0,406 метр.); но такъ какъ эта вода не даетъ излишка, который бы стекалъ въ море, то изъ этого слѣдуетъ, что вся она цѣликомъ поглощается тощей растительностью почвы и теряется путемъ испаренія. Впрочемъ, это явленіе обѣднѣнія земли влажностью замѣчается на поясѣ гораздо болѣе обширномъ, чѣмъ степи полуденной Россіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія рѣчныя ложа Добруджи и Нижней Румыніи [3]), гдѣ теперь остались только лужи да маленькія озера. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что и Передняя Азія сдѣлалась болѣе сухой, болѣе бѣдной водами сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Въ наши дни источники вовсе не встрѣчаются на поверхности степей, сосѣднихъ съ Чернымъ моремъ; только тамъ и сямъ ихъ замѣнили лужи, гдѣ стоитъ вода въ дождливые мѣсяцы и гдѣ ростутъ камыши да болотныя травы. Въ другихъ мѣстахъ, извѣстныхъ въ краѣ подъ именемъ *падовъ*, вода не скопляется въ видѣ лужъ, но влажность почвы достаточна, чтобы постоянно поддерживать растительность, состоящую изъ

---

[1]) Многими изслѣдователями (особенно мюнхенскаго проф. Wollny) доказано, что голая почва (напр. подъ чернымъ паромъ) испаряетъ воды значительно меньше, чѣмъ почва покрытая растительностью. *Ред.*

[2]) *Шмидтъ*, Херсонская губернія, выше цитированное сочиненіе

[3]) *Kanitz*, Donau-Bulgarien und die Balkanen.

густой травы; и когда лѣтняя жара выжжетъ весь дернъ равнинъ, эти низины, еще неспаленныя солнцемъ, пріятно ласкаютъ взоръ зеленью своихъ луговъ; колодцы, вырытые на глубинѣ отъ 7 до 10 саженъ въ самыхъ низкихъ мѣстахъ этихъ падовъ и примѣтные издалека своими вытянувшимися къ небу „журавлями", даютъ горькую воду, негодную для людей, но которую можетъ пить скотъ. Ближе къ морю тоже встрѣчается множество впадинъ почвы, гдѣ вода, находящаяся въ глубинахъ, образуетъ соляные налеты: кристаллы соли, смѣшанные съ грязью, покрываютъ поверхность этихъ бывшихъ лужъ и придаютъ ей сѣроватый оттѣнокъ [1].

Такимъ образомъ, лишенные воды для себя и для скота, жители не могутъ селиться на возвышенной равнинѣ степей: они по необходимости должны были строить свои деревни по берегамъ маленькихъ озеръ или прудовъ, часто совершенно высыхающихъ, въ долинахъ, гдѣ еще просачивается хоть немного влаги и гдѣ дождевая вода скопляется въ видѣ временныхъ лужъ. Вотъ причина, почему селенія въ тѣхъ мѣстахъ имѣютъ такую странную форму; они представляютъ одну непрерывную улицу, которая тянется на нѣсколько верстъ въ длину, перемѣняя названіе черезъ извѣстные промежутки, тамъ, гдѣ кончается одна деревня и начинается другая. Путешественникъ, ѣдущій по степному плоскогорью, не видитъ этихъ деревень, пока не подъѣдетъ къ краю крутаго, голаго обрыва террасы; тутъ онъ вдругъ замѣчаетъ внизу, на глубинѣ отъ 12 до 25 саженъ, дома, деревья и пашни, наполняющіе родъ большаго извилистаго рва, который развертывается излучинами, какъ рѣка. При проливныхъ дождяхъ, пересохшія рѣчки возобновляютъ на-время свое теченіе и грозятъ снести деревни, построенныя на днѣ овраговъ. Въ этихъ случаяхъ и самое плоскогоріе быстро размывается водой, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно состоитъ изъ рыхлой земли. Овраги или, по мѣстному названію, *балки* расширяются и развѣтвляются съ той и другой стороны на второстепенные овраги, изъ которыхъ землистыя частицы уносятся дождевыми потоками далеко на берега рѣкъ или на берега лимановъ. Такимъ образомъ, дожди постепенно сносятъ съ поверхности слой почвы толщиною отъ 30 до 65 футовъ; милліоны кубическ. аршинъ земли уносится каждый годъ, и не дѣлается ни малѣйшаго усилія, чтобы остановить дѣло разрушенія. Случалось, что ливни, продолжающіеся всего какой нибудь часъ, совершенно разрушали дороги на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженъ [2]. На западной сторонѣ Днѣпра, въ области гранитныхъ формацій, медленный процессъ размыванія почвы дождевымъ водами также имѣлъ слѣдствіемъ образованіе овраговъ, въ которыхъ тоже пріютились селенія; но тамъ овраги обрывистѣе, не такъ широки и не такъ глубоко врѣзываются въ почву, какъ на восточной сторонѣ.

---

[1]) *Шмидтъ*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) *I. G. Kohl*, Beiträge zur Kenntniss des Innezen Russlands.

Изъ всѣхъ лимановъ, которые принимаютъ въ себя воды, стекающія изъ внутренности страны, и которые сами суть ни что иное, какъ древніе овраги, вырытые текучими водами, на что указываетъ ихъ удлиненная и извилистая форма, только два, между Днѣстромъ и Дунаемъ, сохранили постоянное сообщеніе съ моремъ, именно: Березанскій, въ небольшомъ разстояніи къ западу отъ Очакова, и Днѣпровскій. Съ начала нынѣшняго столѣтія протоки, или *гирла* („гирло"—то же самое слово, что и „горло" у великоруссовъ) многихъ другихъ заливовъ замкнулись. Озеро Тилигулъ, которое уже въ семнадцатомъ столѣтіи было отдѣлено отъ моря [1]), впослѣдствіи опять сдѣлалось заливомъ; еще въ 1823 году оно было соединено съ моремъ широкимъ устьемъ, черезъ которое должны были построить мостъ для почтовой дороги. Точно также два лимана Аджалинскіе имѣли протоки, черезъ которые морская вода входила и выходила попеременно, смотря по направленію атмосферныхъ теченій. Наконецъ, хотя лиманъ Хаджи-Бей, бывшій портъ литовцевъ на Черномъ морѣ, остававшійся еще открытымъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, совершенно отдѣлился отъ одесскаго рейда въ 1823 году, однако и послѣ того два небольшія озера, лежащія на береговомъ песчаномъ поясѣ или *пересыпи*, еще сообщались свободно съ морскими водами. На юго-западѣ плоскій берегъ, длиною около 50 верстъ, ограничивающій соляныя озера: Бурнасъ, Алибей, Чаганы, Кундукъ, прорывается водами только въ одномъ пунктѣ, положеніе котораго мѣняется, смотря по обилію дождей и силѣ вѣтровъ.

Работы человѣка способствовали укрѣпленію нѣкоторой части этихъ естественныхъ плотинъ и замыканію протоковъ или гирлъ, въ особенности сооруженіе каменнаго вала для защиты шоссе изъ Николаева въ Одессу отъ морскихъ волнъ; но напоръ внутреннихъ водъ нигдѣ не возстановилъ прежнихъ каналовъ сообщенія. Нѣкоторые ученые полагали, что образованіе этихъ преградъ происходитъ вслѣдствіе общаго поднятія морского берега; однако, въ виду отсутствія точныхъ измѣреній на какихъ-либо опредѣленныхъ пунктахъ прибрежья, было бы безполезно вдаваться въ разборъ этой гипотезы, ибо если прѣсныя воды не имѣютъ болѣе силы открыть себѣ дорогу къ морю, то морскія волны легко могли воздвигнуть береговой кордонъ, который вѣтры впослѣдствіи постепенно подняли, наносомъ песку, до высоты сажени и даже двухъ саженъ. Тамъ и сямъ возвышаются дюны или, по мѣстному, *кучугуры*, которыя морской вѣтеръ передвигаетъ съ мѣста на мѣсто, а иногда гонитъ даже на воздѣланныя земли, если жители не позаботились оградить растительность отъ нашествія этихъ песчаныхъ бугровъ и если скоту дозволяется свободно бродить по нимъ.

---

[1]) *Beauplan*, Description de l'Ukraine.

Послѣ засухъ, поверхность воды въ замкнутыхъ бассейнахъ лимановъ бываетъ ниже уровня Чернаго моря: тогда они представляютъ „мертвыя моря" въ миніатюрѣ. Весной уровень ихъ поднимается, и соленость уменьшается, по причинѣ прилива прѣсныхъ водъ; но во многихъ отношеніяхъ эти заливы все еще походятъ на море, отъ котораго они недавно отдѣлились. Ночью воды ихъ свѣтятся у береговъ фосфорическимъ блескомъ; красныя солянки (Salsola) и другія солончатыя растенія растутъ на окружающихъ меляхъ, а на выступившихъ изъ-подъ воды берегахъ жители собираютъ соль. Лиманъ Кундукъ, на бессарабскомъ берегу, между устьями Дуная и Днѣстра, даетъ каждый годъ значительное количество соли; въ 1826 году, который считается однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ, на трехъ главныхъ лиманахъ Бессарабіи было добыто 96.000 тоннъ (600,000 пуд.) соли [1]). Но на западѣ другіе лиманы: Катлабухъ, Ялпухъ, Кагулъ, которые прежде тоже были морскими заливами, давно уже перестали быть солеными бассейнами: вода въ нихъ сдѣлалась совершенно прѣсной. Происхожденіе этихъ прѣсноводныхъ лимановъ объясняется тѣмъ, что они уже цѣлыя тысячелѣтія отдѣлены отъ моря постоянно накоплявшимися наносами Дуная и въ этотъ длинный періодъ могли избавиться мало по малу отъ всѣхъ своихъ соляныхъ частицъ; тѣмъ не менѣе, и эти бассейны представляютъ отрывки моря, такъ сказать, вкрапленные въ земли континента, какъ насѣкомыя вкраплены въ куски окаменѣлой смолы, называемой янтаремъ. Лиманы, какъ соленые, такъ и прѣсноводные, принадлежатъ къ одной и той же формаціи въ новѣйшей геологической исторіи. И тѣ, и другіе равно были заперты двойнымъ „валомъ Траяна", воздвигнутымъ римлянами къ сѣверу отъ дельты Дуная.

Нѣкоторые изъ прибрежныхъ бассейновъ соленой воды, какъ говорятъ, были прежде настолько глубоки, что по нимъ могли плавать даже линейные корабли; да и самое названіе „лиманъ", означающее по татарски „гавань", повидимому, указываетъ на то, что эти бассейны еще въ эпоху довольно близкую къ намъ служили мѣстомъ убѣжища судамъ. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія лиманъ Тилигулъ имѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 8 до 9 саженъ глубины. Но легко понять, что эти прибрежныя озера или лагуны, отдѣленныя отъ моря и постоянно получающія землистыя частицы, которыя приносятся вѣтромъ и теченіемъ впадающихъ въ нихъ ручьевъ, неизбѣжно должны въ концѣ концовъ обмелѣть и засориться. И дѣйствительно, между лиманами Тилигульскимъ и Березанскимъ можно видѣть одинъ изъ этихъ бывшихъ заливовъ, изъ котораго вода уже совершенно исчезла: теперь это не болѣе, какъ солончакъ, откуда и произошло его татарское названіе Тузла. Рыбы не могутъ жить въ лиманахъ по причинѣ частыхъ измѣненій въ степени со-

[1]) *I. G. Kohl*, Reisen in Süd-Russland.

лености и температурѣ водъ; но тамъ находятъ кольчатыхъ и кое-какихъ ракообразныхъ животныхъ, даже нѣкоторые особенные, исключительно имъ свойственные виды, описанные Нордманомъ и Мильнъ-Эдвардсомъ. Берега этихъ озеръ очень нездоровы осенью, такъ что иногда жители цѣлой деревни заболѣваютъ подъ вліяніемъ вѣтра, приносящаго міазмы; но въ другихъ мѣстахъ грязи лимановъ, испещренныя безчисленными водорослями, которыя распространяютъ пріятный запахъ, напоминающій запахъ фіалокъ, очень рекомендуются для леченія нѣкоторыхъ болѣзней: паціенты погружаются въ нихъ въ тѣ часы, когда эта тина разогрѣта лѣтнимъ солнцемъ. Чтобы довести эти цѣлебныя грязи до возможно высокой температуры, ихъ защищаютъ отъ вѣтра стеклянными стѣнами, черезъ которыя проходятъ солнечные лучи: въ этихъ клѣткахъ грязь достигаетъ иногда 35 и даже 38 градусовъ стоградуснаго термометра [1]).

Морскіе берега южной Россіи отличаются замѣчательной правильностью очертаній. Степь оканчивается на Черномъ морѣ крутымъ, обрывистымъ скатомъ, окаймленнымъ узкимъ плоскимъ берегомъ; эти крутизны соединяются одна съ другой, при выходѣ лимановъ, косами прямыми или слегка изогнутыми, форма которыхъ указываетъ точнымъ образомъ силу волнъ морской зыби и направленіе береговыхъ теченій. Въ особенности на югѣ Днѣпровскаго лимана плоскіе берега развертываются линіями изумительной правильности. Отъ Кинбурнской косы до Длиннаго острова морской берегъ, продолжаясь отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, оканчиваетъ твердую землю полуострова вогнутой кривой, тогда какъ напротивъ, по другую сторону мелководнаго залива, выступаетъ, въ формѣ крючка удочки, внѣшній берегъ Тендерской косы, возвышающейся надъ поверхностью морскихъ водъ на протяженіи около 125 верстъ, отъ Перекопскаго залива до Одесскаго. Разсматривая на картѣ очертаніе этихъ песчаныхъ береговъ, воздвигнутыхъ мало по малу прибоемъ волнъ, видишь, такъ сказать, самое теченіе, которое слѣдуетъ вдоль береговаго пояса суши отъ востока къ западу, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ и загибается въ видѣ боковой струи, чтобы послѣ того снова продолжать свое движеніе по направленію къ западу и далѣе къ юго-западу до устьевъ Дуная и къ Босфору. Эта Тендерская коса, которая образуетъ какъ бы двойной берегъ континента, была по преимуществу „Ахилловымъ ристалищемъ“: тамъ, какъ на всѣхъ естественныхъ береговыхъ плотинахъ такого же образованія, греческіе мореходы нерѣдко воображали себѣ героя, скачущаго въ колесницѣ, запряженной быстроногими конями и обрызганнаго пѣной морскихъ волнъ. По берегамъ своего залива, или лимана, Борисѳенъ принадлежалъ уже къ эллинскому міру,

[1]) *Шмидтъ*, Херсонская губернія, выше цитированное сочиненіе.

слишкомъ за десять столѣтій до той эпохи, когда область его истоковъ вышла изъ мрака неизвѣстности. Въ эпическія времена безпрестанныхъ войнъ между казаками и турками эти берега были свидѣтелями многихъ ожесточенныхъ битвъ. Тамъ, близъ острова Тендра, останавливались запорожцы, на возвратномъ пути изъ своихъ морскихъ экспедицій; то была первая русская почва, на которую ступали освобожденные изъ неволи плѣнники [1]); но тамъ же, по близости, поджидали казаковъ мусульманскія галеры: боевыя схватки происходили на мелкихъ водахъ залива, волна окрашивалась человѣческой кровью, и пѣна проводила красныя полосы на желтомъ пескѣ.

VII.

ВЕРХНІЙ ДНѢПРЪ, БАССЕЙНЪ ПРИПЕТИ.

Бѣлоруссія, Полѣсье, Волынь.

Почти вся страна, гдѣ соединяются первые притоки Днѣпра, населена теперь бѣлоруссами, потомками древнихъ кривичей смоленскихъ и дреговичей, или „жителей трясинъ". Они занимаютъ почти все пространство, заключенное между рѣками Сожъ на востокѣ и Припеть на юго-западѣ, и населяютъ, кромѣ того, область водораздѣльныхъ возвышенностей на сѣверѣ и западѣ, съ верхними долинами Нѣмана и Западной Двины. Территорія ихъ обнимаетъ около 242,000 квадр. верстъ (275 т. кв. к.), то-есть поверхность болѣе значительную, чѣмъ половина Франціи; но это пространство еще слабо населено: бѣлоруссовъ насчитывается всего только около 3.600,000 душъ.

Прозвище „бѣлые", которое, впрочемъ, было примѣняемо также къ жителямъ Московскаго государства, въ смыслѣ „свободныхъ", въ эпоху, когда они освободились отъ монгольскаго ига, принадлежитъ спеціально верхне-днѣпровскимъ русскимъ только съ конца четырнадцатаго столѣтія. Это наименованіе, которое поляки употребляли для всѣхъ своихъ литовскихъ владѣній, завоеванныхъ у москвитянъ, было впослѣдствіи понимаемо въ смыслѣ гораздо болѣе ограниченномъ: Екатерина II дала названіе Бѣлоруссіи нынѣшнимъ губерніямъ Витебской и Могилевской, которыя достались Россіи по первому раздѣлу Польши, тогда какъ императоръ Николай уничтожилъ названіе „бѣлорусскихъ" губерній и запретилъ употреблять его [2]). Лишенное нынѣ политическаго значенія, это наименованіе имѣетъ цѣну лишь съ этнологической точки зрѣнія. Бѣлоруссы,

[1]) *Антоновичъ и Драгомановъ*, Историческія пѣсни малорусскаго народа, I.

[2]) „Города Россійской Имперіи"; III, Могилевъ, Изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

отличаясь по языку какъ отъ поляковъ, такъ отъ малороссіянъ и великороссіянъ, представляютъ, однако, поразительныя аналогіи съ тѣми и другими по нравамъ и языку; быть можетъ, у нихъ-то изслѣдователи скорѣе всего найдутъ черты, которыя позволятъ установить окончательно степени родства между различными народностями восточнаго славянства [1]. Что касается эпитета „бѣлые“, который принадлежитъ имъ уже около пяти сотъ лѣтъ, то не извѣстно, означало ли первоначально это наименованіе то, что нація, управляемая въ то время государями литовской династіи, стала свободна, „обѣлилась“ отъ господства монголовъ, или, можетъ быть, въ немъ нужно видѣть намекъ на цвѣтъ ихъ костюма. Эта послѣдняя гипотеза, общепринятая, считается болѣе вѣроятной на томъ основаніи, что такъ называемые „чернорусcы“, жители Черной Руси (области между верхней Припетью и Нѣманомъ, обнимающей восточные уѣзды нынѣшней Гродненской губерніи и сосѣдніе Минской), которые составляютъ этнографическій переходъ отъ малороссовъ къ бѣлоруссамъ, отличаются отъ послѣднихъ именно темными цвѣтами ихъ одежды.

Съ перваго взгляда казалось бы, что центральная часть страны, населенной нынѣ бѣлоруссами, должна была получить огромную важность въ исторіи континента. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, между верхними притоками Нѣмана и верхними притоками Днѣпра, проходитъ кратчайшая дорога между морями Чернымъ и Балтійскимъ: нужно было бы ожидать, что большая торговая дорога пересѣчетъ въ этомъ мѣстѣ пути странствованія народовъ, переселявшихся съ востока на западъ, или шедшихъ въ обратномъ направленіи. Но эта область, столь привилегированная по своему географическому положенію, была нѣкогда защищена многочисленными болотами, озерами, наполовину затопленными лѣсами: въ этой то странѣ грязь была „пятой стихіей“, по выраженію Наполеона I. Вѣроятно, Бѣлая Русь въ древности была совершенно необитаема; большіе историческіе пути проходили вправо и влѣво отъ этихъ болотистыхъ, залитыхъ водою земель, съ одной стороны—черезъ Ловать и Волховъ, съ другой—черезъ Бугъ Западный и Южный, или черезъ Днѣстръ и Вислу. Этнографическая граница во многихъ мѣстахъ обозначена болотами: тамъ, гдѣ начинаются болотистыя пространства, останавливаются поселенія великоруссовъ и литовцевъ, чтобы уступить мѣсто земноводной народности—бѣлоруссамъ; однако, малоруссы проникли далеко въ глубь болотъ съ южной стороны. Когда бѣлоруссы поселились въ болотистыхъ пустыняхъ Припети и Березины, они не имѣли передъ собой другихъ враговъ, кромѣ самой природы, но эта борьба съ природой была тяжела, и мы знаемъ, что она продолжается понынѣ.

Могильные курганы и укрѣпленныя становища, или *городища*, чрез-

---

[1]) *Драгомановъ*, рукописныя замѣтки.

*

вычайно многочисленны въ Бѣлоруссіи, вдоль Днѣпра и на естественныхъ путяхъ перехода, ведущихъ къ Балтійскому морю. Въ одномъ только Бобруйскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, насчитали 3931 древнюю могилу; а во всей губерніи ихъ наберется до 15,000 и болѣе 200 укрѣпленныхъ становищъ [1]. Различные предметы, найденные при раскопкахъ, свидѣтельствуютъ о древности этихъ могилъ, и даже утверждали—кажется, ошибочно—будто былъ открытъ одинъ памятникъ прохожденія древнихъ финикіянъ черезъ эти мѣста. На юго-западъ отъ Смоленска, по направленію къ Могилеву, возвышался каменный бугоръ, который мѣстные крестьяне частію разрушили, извлекая камень для хозяйственныхъ надобностей. Эта горка, сплошь состоящая изъ сложенныхъ эрратическихъ валуновъ, оканчивалась на верху камнемъ болѣе значительныхъ размѣровъ, чѣмъ другіе, на которомъ черезчуръ усердные археологи усмотрѣли финикійскую надпись въ честь бога Ваала [2]. Что касается туземцевъ, то они не забираются такъ далеко въ глубь прошедшихъ временъ; по ихъ словамъ, городища были еще обитаемы въ семнадцатомъ столѣтіи и были покинуты только во время страшныхъ войнъ, между поляками и Москвою, которыя опустошили тогда эту область.

Къ какой бы эпохѣ ни относилось сооруженіе могильныхъ кургановъ и городищъ Бѣлоруссіи, несомнѣнно то, что большая часть этой страны была слишкомъ мало доступна, чтобы могла быть обитаема въ давнія времена. Полагаютъ, что славянская колонизація постепенно распространялась вверхъ по Днѣпру и его притокамъ, и географическія имена подтверждаютъ эту гипотезу. Можно прослѣдить, въ направленіи съ юга на сѣверъ, слѣды славянскихъ поселенцевъ по наименованіямъ рѣкъ, которыя они должны были переходить, по именамъ деревень, которыя были ими основаны. Такъ, они дали Деснѣ названіе „Правой" (хотя эта рѣка—лѣвый притокъ Днѣпра), потому что она находилась по правую руку на пути ихъ переселенія; точно также нѣкоторыя рѣки, впадающія въ Днѣпръ съ правой стороны, получили отъ нихъ наименованіе Шуи или Шуйки, то-есть „Лѣвой". Кромѣ того, въ ихъ странѣ встрѣчается множество названій мѣстъ, какъ напримѣръ: Залучье (т. е. мѣстность за лукой рѣки), Заузье (за узкимъ проходомъ), Заозерье (за озеромъ), Забужье (за р. Бугомъ), Заплавье (за потоками), Заполокъ (за нагорьемъ), Заболотье (за болотами); названія эти также указываютъ направленіе, по которому совершалось колонизаціонное движеніе [3]). Но въ то же время бѣлоруссы имѣютъ слишкомъ большое сходство со своими западными сосѣдями, поляками, чтобы не существовало также колониза-

[1]) *Максимовъ*, „Древняя и Новая Россія", за 1876 г., № 7.
[2]) *H. Wankel*, Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, VI, № 5.
[3]) *Максимовъ*, выше цитированное сочинение.

ціоннаго движенія, направлявшагося съ запада на востокъ: хроника Нестора даже сохранила намъ преданіе объ этомъ движеніи населенія въ бассейнъ верхняго Днѣпра; потоки колонизаціи должны были встрѣчаться въ этихъ необитаемыхъ областяхъ, за исключеніемъ, можетъ быть, верхняго бассейна Западной Двины, гдѣ жили латышскія племена. Между деревнями есть много такихъ, названіе которыхъ доказываетъ, что онѣ первоначально служили мѣстопребываніемъ только одной семьѣ: въ огромномъ пространствѣ каждая группа могла выбрать себѣ для жительства особенный холмъ, особенную гряду эрратическихъ камней, или островную скалу. Притомъ ни одного финскаго имени, которыхъ такъ много существуетъ на востокѣ и на сѣверѣ отъ Бѣлоруссіи, не встрѣчается между названіями мѣстъ этого края. Изъ этого факта заключаютъ, что бѣлоруссы истинные „аборигены“ страны, и это одна изъ причинъ, которыя придаютъ такой интересъ нравамъ этого народа и преданіямъ, сохранившимся до нашихъ дней.

Слѣды культа водъ еще многочисленны въ бѣлорусскомъ краѣ; нѣкоторые ключи до сихъ поръ посѣщаются поклонниками, которые приходятъ просить у нихъ здоровья, бросая копѣйки на дно родника. Деревья, особенно сосны и березы, все еще почитаются бѣлоруссами; въ честь ихъ совершаются даже празднества, которыми руководитъ самая молодая изъ мѣстныхъ дѣвушекъ. Щепки, оторванныя отъ дерева громомъ, тщательно хранятся въ жилищахъ, какъ талисманы; когда крестьяне переселяются изъ одного дома въ другой, они всегда переносятъ на новый очагъ головни со стараго пепелища. Бѣлоруссы не забываютъ своихъ покойниковъ и справляютъ по нимъ поминки [1]); они даже носятъ яства на могилки и на развалины разрушенныхъ церквей [2]). Въ то время, какъ сохранялись языческія суевѣрія, еще неосвященныя обрядами христіанской церкви,—рутина земледѣлія, совершенно первобытнаго, не могла измѣниться. Хлѣбъ, бросаемый въ землю, родится среднимъ числомъ не болѣе самъ-третей, и нельзя достаточно надивиться безропотной покорности судьбѣ, обнаруживаемой бѣлорусскимъ крестьяниномъ; ему угрожаетъ голодъ, и онъ, не смотря на то, зарываетъ въ землю свои послѣдніе остатки пропитанія, повторяя поговорку: „жди смерти, но сѣй твое зерно!“, и заклиная бога холода (Морозъ) какими нибудь приношеніями: „приходи, ѣшь, только не трогай нашихъ хлѣбовъ“ [3]). Употребляемый въ Бѣлоруссіи способъ молотьбы, вѣроятно, единственный въ Европѣ: молодая дѣвушка держитъ въ одной рукѣ пукъ сжатаго хлѣба, а другой выбиваетъ колосья надъ выдолбленнымъ бревномъ или колодой, потомъ

---

[1]) *Мицкевичъ*, поэма Dziady.

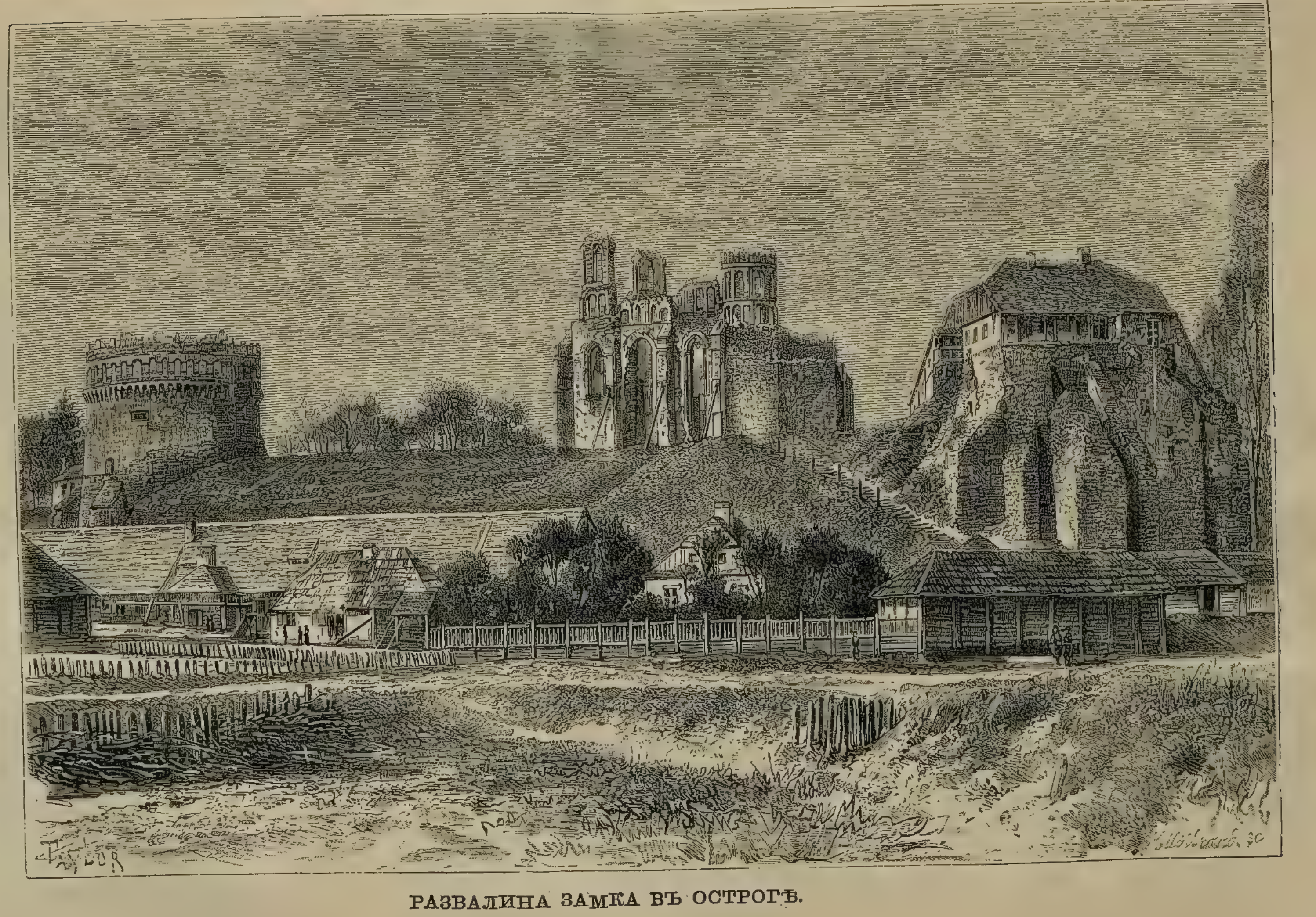
[2]) *Киркоръ*, Этнографическій сборникъ, III; *Носовичъ*, Народныя пѣсни Бѣлоруссіи.

[3]) *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. I.

подбираетъ зерно, разсыпавшееся по землѣ. Понятно, какъ часты должны быть неурожаи и голодовки, какъ велика должна быть бѣдность въ этомъ краѣ! Бѣлорусскія хаты, которыя по большей части сгруппированы не въ деревни, а въ маленькіе поселки, почти всегда въ такомъ же жалкомъ, полуразвалившемся видѣ, такъ же невзрачны и лишены всякихъ украшеній, какъ самыя убогія избушки въ лѣсахъ по берегамъ Бѣлаго моря; свиньи занимаютъ въ нихъ почетное мѣсто, какъ въ ирландскихъ лачугахъ. Крестьяне отдаютъ своихъ дѣтей изъ-за одного только хлѣба въ услуженіе къ шляхтичамъ или мелкопомѣстнымъ землевладѣльцамъ. Истощенные крайней бѣдностью, ослабленные, сверхъ того, нездоровымъ климатомъ, бѣлоруссы часто подвержены болѣзнямъ; процентъ немощныхъ весьма значителенъ между ними; они почти всегда старѣются раньше времени; тѣмъ не менѣе типъ ихъ едва ли не самый правильный изъ всѣхъ типовъ русскаго населенія. Домашній скотъ ихъ отъ плохаго корма и ухода выродился, сдѣлался слабосильнымъ; исчисляютъ, что бѣрусская рабочая лошадь можетъ везти не болѣе 10 пудовъ. Видя общую бѣдность бѣлоруссовъ, можно ли удивляться тому, что они имѣютъ вялый и унылый видъ, что они безпечны, скупы, негостепріимны?! Но въ семьѣ они очень нѣжны и ласковы; деспотизмъ отца проявляется у нихъ въ меньшей степени, чѣмъ въ Великороссіи. Пѣсни бѣлоруссовъ изобилуютъ выраженіями нѣжности [1]). Въ свадебныхъ пѣсняхъ, которыя у бѣлоруссовъ такъ-же многочисленны, какъ и у ихъ сосѣдей, великороссіянъ и малороссіянъ, встрѣчаются обрядовыя формулы, доказывающія, что въ старину бракъ совершался путемъ похищенія или выкупа невѣсты, но теперь это не болѣе, какъ слова, давно утратившія смыслъ или въ которыхъ нужно видѣть простую шутку. Ни въ одной изъ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсень невѣста не испытываетъ страха великорусской дѣвушки, отдаваемой государемъ батюшкой и государыней матушкой чужому, о которомъ она никогда не думала; а когда произносятъ старинныя формулы о плеткѣ, переходящей изъ рукъ отца въ руки мужа, бѣлорусскій свадебный хоръ отвѣчаетъ насмѣшливой пѣсней. Видно, что свободный выборъ составляетъ довольно частое явленіе у бѣлоруссовъ и что приданое, приносимое невѣстой, не играетъ большой роли у этихъ бѣдняковъ. „Не бери въ жены ту, которая покрыта золотомъ, говоритъ хоръ, — бери ту, которая богата умомъ-разумомъ!“ Народная поэзія бѣлоруссовъ, еще очень мало изученная, какъ кажется, представляетъ въ цѣломъ отличительныя черты поэзіи народа наивнаго, цѣломудреннаго, простосердечнаго, добродушнаго, но павшаго матеріально, обездоленнаго: въ періодъ съ четырнадцатаго столѣтія по шестнадцатое онъ имѣлъ цвѣтущіе города, производившіе обширную торговлю съ Ригой

---

[1]) *Шейнъ*, Бѣлорусскія пѣсни.

РАЗВАЛИНА ЗАМКА ВЪ ОСТРОГѢ.

и съ другими балтійскими портами, и принималъ значительное участіе въ реформаціонномъ движеніи. Бѣлорусскій народъ видѣлъ на своемъ вѣку лучшіе дни. Идеи независимости не чужды ему, если судить по выраженіямъ враждебнаго чувства къ панамъ, которыя встрѣчаются въ его пѣсняхъ; человѣкъ, всего болѣе возбуждающій удивленіе бѣлорусса,—это вольный казакъ. Оттого-то болѣе трети бѣлорусскихъ пѣсень заимствованы у малороссіянъ, и только небольшое число ихъ перешло изъ Великороссіи, съ которою, однако, всего чаще бывалъ обмѣнъ колонизаціи.

Бѣлоруссы долгое время были крѣпостными на земляхъ крупныхъ помѣщиковъ и, естественно, должны были усвоить пороки, которые всегда прививаются рабствомъ. Польскій феодализмъ давилъ ихъ тяжелымъ гнетомъ, и на ихъ территоріи бывали самыя страшныя рѣзни и опустошенія всякаго рода; въ эпоху войнъ семнадцатаго столѣтія, казаки, москвитяне и русскіе проходили поочередно разрушителями по краю, выжигая каждый разъ деревни и посѣвы, грабя и раззоряя замки и монастыри. Это было время всеобщаго разрушенія, „руины“, — слово латинское, которое перешло въ языкъ поляковъ и западныхъ русскихъ и которое теперь еще всѣ повторяютъ съ ужасомъ. Истребленныя огнемъ селенія скоро вновь отстраивались; но они—такія же убогія и непригядныя, какими были до пожаровъ; города, соединенные отнынѣ одинъ съ другимъ удобными путями сообщенія, обогащаемые торговлей и промышленностью, опять сдѣлались многолюдными; на главныхъ улицахъ ихъ, въ центральныхъ кварталахъ, тамъ и сямъ высятся, среди деревянныхъ домиковъ, большія каменныя зданія; но большая часть старыхъ замковъ и другихъ обширныхъ строеній, которые служили коллегіями и академіями іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ, остались въ развалинахъ, украшая окружающую мѣстность своими живописными обломками. Во время совершавшихся въ ту эпоху политическихъ и соціальныхъ перемѣнъ евреи успѣли сдѣлаться единственными посредниками торговаго обмѣна: можно сказать, что сошедшее съ прежней дороги, расшатанное общество снова пошло по жизненному пути при ихъ посредствѣ и къ ихъ личной выгодѣ. Таковъ былъ, со временъ „руины“, капитальный фактъ исторіи Бѣлоруссіи. Въ теченіе нынѣшняго столѣтія большое число прежнихъ польскихъ землевладѣльцевъ было лишено ихъ имѣній и замѣнено русскими помѣщиками; крѣпостная зависимость, барщина, уступила мѣсто вольному труду, съ обязательствомъ выкупа земель; но переворотъ въ этомъ отношеніи далеко еще нельзя назвать полнымъ. Крупная земельная собственность все еще болѣе значительна въ этомъ краѣ, чѣмъ во всѣхъ губерніяхъ центральной Россіи (средняя величина дворянскихъ имѣній въ Минской губерніи 2,356, въ Волынской 1,595, въ Могилевской 1,142 десятинъ); помѣщики во всѣхъ западныхъ губерніяхъ владѣютъ 63 процентами

пахатныхъ земель [1]), тогда какъ тысячи семей хлѣбопашцевъ не получили земли, или получили участки слишкомъ маленькіе или слишкомъ безплодные для своего прокорленія. Можно сказать, что въ среднемъ выводѣ надѣлы, доставшіеся крестьянамъ, достаточны только для того, чтобы доставлять имъ строго необходимое пропитаніе; деньги же, потребныя для удовлетворенія другихъ ихъ нуждъ, могутъ быть пріобрѣтаемы не иначе, какъ работой, плохо оплачиваемой, на земляхъ помѣщиковъ [2]). Евреи по прежнему остаются услужливыми заимодавцами всѣхъ и каждаго, господъ и освобожденныхъ крѣпостныхъ, горожанъ и поселянъ, и уже во многихъ мѣстностяхъ вся земля перешла къ ихъ руки. Какъ граборы или землекопы, для рытья канавъ и для земляныхъ работъ на желѣзныхъ дорогахъ, бѣлоруссы играютъ въ Россіи ту же роль, какъ ирландцы въ Англіи. Каждый годъ массы ихъ покидаютъ свой родной край и уходятъ въ разныя мѣста Россіи наниматься на тяжелый трудъ; никакой рабочій другой національности не могъ бы довольствоваться тѣмъ харчемъ и кровомъ, какіе даютъ имъ подрядчики. Можно сказать, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, что русскія желѣзныя дороги обложены костями бѣлоруссовъ.

Самый высокій городъ Днѣпровскаго бассейна — Вязьма, лежащая на высотѣ 835 футовъ, при рѣкѣ того же имени, которая течетъ на сѣверо-западъ и впадаетъ въ Днѣпръ, представляющій въ этомъ мѣстѣ еще незначительную рѣку. Этотъ старинный городъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ съ первыхъ временъ русской исторіи, нынѣ лучшій изъ уѣздныхъ городовъ Смоленской губерніи, производитъ дѣятельную торговлю, благодаря своему положенію въ мѣстѣ соединенія дорогъ; но онъ очень часто былъ также мѣстомъ встрѣчи для воюющихъ армій, и въ 1812 г., вслѣдствіе происходившей здѣсь битвы между французами и русскими, почти весь городъ сдѣлался жертвой пламени: изъ древнихъ башенъ его уцѣлѣла только одна. Дорогобужъ, на юго-западѣ, стоящій на излучинѣ Днѣпра, имѣетъ менѣе оживленный видъ, нежели Вязьма; однако, и онъ ведетъ значительную торговлю земледѣльческими продуктами. Эти два города, принадлежащіе еще къ Великороссіи, находятся уже почти на этнографической границѣ.

Смоленскъ, губернскій городъ, занимаетъ обширное пространство, на обоихъ берегахъ Днѣпра, въ мѣстѣ пересѣченія многихъ дорогъ и двухъ желѣзнодорожныхъ линій, идущихъ изъ Риги къ Орлу и изъ Варшавы къ Москвѣ. Это—одинъ изъ жизненныхъ центровъ для торговли Имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ ея важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ. Смоленскъ [3]), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ (лѣто-

[1]) *Кн. Васильчиковъ*, Землевладѣніе и земледѣліе.

[2]) *Янсонъ*, Опытъ стат. изслѣдованія о крест. надѣлахъ и платежахъ.

[3]) Названіе свое Смоленскъ получилъ отъ «смолы», которую въ изобиліи гнали въ окрестныхъ лѣсахъ, а на мѣстѣ Смоленска была главная пристань, откуда по Днѣпру сплавляли смолу на продажу. *Пер.*

пись Нестора упоминаетъ о немъ уже въ девятомъ столѣтіи, какъ о могущественномъ городѣ), былъ столицей кривичей и долгое время пользовался независимостью de facto, или, по крайней мѣрѣ, зависѣлъ отъ Литвы только въ силу феодальнаго права; говорятъ, что въ четырнадцатомъ столѣтіи число жителей его доходило до 100,000,—и дѣйствительно, въ старину это былъ очень многолюдный городъ, судя по тому, что однажды отъ чумы въ немъ погибло около 32,000 человѣкъ [1]). Крѣпость такой первостепенной важности, стоявшая на рубежѣ между Московскимъ царствомъ и Литвой, не могла, конечно избѣгнуть войнъ и осадъ (особенно памятна двадцатимѣсячная осада польскимъ королемъ Сигизмундомъ въ 1609—1611 гг.), и даже въ нынѣшнемъ столѣтіи Смоленскъ былъ испепеленъ въ 1812 году, во время битвы 5 августа, открывшей „великой арміи" дорогу къ Москвѣ. Однако, городъ и теперь сохранилъ еще многіе остатки своихъ прежнихъ укрѣпленій [2]).

Орша, первый сколько-нибудь значительный городъ, который мы встрѣчаемъ на Днѣпрѣ ниже Смоленска, построенъ при впаденіи р. Оршицы; это—послѣдняя пристань пароходовъ, поднимающихся вверхъ по Днѣпру въ періодъ половодья; онъ ведетъ довольно значительную торговлю, благодаря своему положенію на одномъ изъ большихъ колѣнъ рѣки, въ мѣстѣ, гдѣ отдѣляется къ сѣверу дорога, ведущая въ Витебскъ и въ бассейнъ Западной Двины. Ниже по Днѣпру находимъ г. Шкловъ, съ пристанью, гдѣ выгружается почти весь хлѣбный товаръ, отправляемый вверхъ по этой рѣкѣ. Однако, главнымъ складочнымъ мѣстомъ для произведеній этой страны служитъ Могилевъ-Губернскій или Могилевъ-на-Днѣпрѣ, главный городъ губерніи того же имени. Гораздо менѣе древній, чѣмъ Смоленскъ, такъ какъ имя его упоминается въ первый разъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, этотъ городъ, построенный, безъ сомнѣнія, около какихъ нибудь древнихъ *могилъ*, откуда и произошло его названіе, испыталъ много бѣдъ и напастей во время войнъ семнадцатаго столѣтія, а 1661-й годъ ознаменованъ въ его исторіи кровавой рѣзней, своего рода „сицилійской вечерней", когда былъ истребленъ весь московскій гарнизонъ, состоявшій изъ 7,000 человѣкъ; но впослѣдствіи москвитяне, съ помощью калмыковъ, отмстили за эту рѣзню, совершенно разрушивъ городъ. Въ настоящее время Могилевъ превосходитъ сосѣдній губернскій городъ какъ числомъ жителей, такъ и размѣрами торговой и промышленной дѣятельности; правда, двѣ трети его населенія состоятъ изъ евреевъ. Главный мѣстный промыселъ — кожевенное производство: болѣе

---

[1]) *Бережковъ*, О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца пятнадцатаго столѣтія. Спб., 1879. 8°.

[2]) Городскія стѣны, построенныя при Борисѣ Годуновѣ, тянутся на пять верстъ въ окружности, съ 36 башнями, бойницами, зубцами, вышиною въ 7, толщиною въ 2½ сажени. Теперь эти стѣны полуразрушены, и изъ 36 башенъ уцѣлѣло только 17. *Пер.*

сотни кожевенныхъ заводовъ, на которыхъ заняты до тысячи рабочихъ, выдѣлываютъ кожи, отправляемыя преимущественно въ Польшу и въ нижне-днѣпровскіе города. Могилевъ славится также своимъ огородничествомъ и садоводствомъ; переселившихся могилевскихъ огородниковъ можно встрѣтить во многихъ городахъ Россіи. На сѣверо-востокѣ отъ Могилева, въ Оршанскомъ уѣздѣ, находится мѣстечко Горки, прежде игравшее важную роль между русскими городами, благодаря существовавшему въ немъ сельско-хозяйственному институту, который въ 1863 г. былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ изъ него образовался нынѣшній Лѣсной (прежде Земледѣльческій) институтъ. Ниже Могилева по теченію Днѣпра встрѣчаемъ Старый Быховъ, прежде укрѣпленный городъ, который оспаривали другъ у друга поляки, украинцы, великоруссы; далѣе слѣдуетъ Рогачевъ, окруженный многочисленными древними могилами. Въ этомъ послѣднемъ городѣ останавливается большая часть плотовъ лѣса, сплавляемыхъ внизъ по рѣкѣ.

Березина, впадающая въ Днѣпръ верстахъ въ ста ниже Рогачева и соединенная посредствомъ Березинскаго канала съ р. Уллой, притокомъ Западной Двины, заключаетъ только три города въ своемъ обширномъ бассейнѣ, большую часть котораго еще занимаютъ лѣса и болота. Губернскій городъ Минскъ, на р. Свислочъ, притокѣ Березины, и въ сосѣдствѣ съ озеромъ, былъ первоначально построенъ на холмѣ, откуда разростающійся городъ мало по малу спустился подъ гору. Онъ былъ главнымъ мѣстомъ одного изъ самыхъ могущественныхъ княжествъ въ землѣ кривичей; имя его часто упоминается въ исторіи войнъ между поляками, литовцами, русскими и татарами; въ одномъ изъ его кварталовъ и теперь живетъ болѣе 500 татаръ, потомковъ татарскихъ плѣнниковъ, приведенныхъ изъ Крыма. Минскъ — самая важная по торговлѣ станція на желѣзной дорогѣ между Брестомъ и Смоленскомъ, которая проходитъ также черезъ уѣздный городъ Борисовъ, стоящій на Березинѣ. Верстахъ въ двадцати выше Борисова, у деревни Студянки, происходила, въ ноябрѣ 1812 года, гибельная переправа французовъ черезъ Березину;—самый страшный эпизодъ злополучнаго отступленія арміи Наполеона отъ Москвы: много лѣтъ послѣ того можно было видѣть въ тинѣ, на берегахъ рѣки, обломки оружія и остатки фургоновъ. Бобруйскъ, крѣпость, на которую тогда опиралась русская армія, получила съ той поры большую стратегическую важность, и французы тщетно пытались овладѣть ею; въ настоящее время это—одна изъ первоклассныхъ крѣпостей Россіи. Городъ, производящій обширную торговлю, расположенъ на „высокомъ“, т. е. на правомъ берегу Березины, при впаденіи въ нее Бобруйки, или „рѣки бобровъ“; почти вся его торговая дѣятельность сосредоточена въ рукахъ евреевъ, которые составляютъ половину населенія.

Ниже небольшаго городка Рѣчицы, рѣка Сожъ, восточный притокъ,

приноситъ Днѣпру излишнія воды части губерній Могилевской, Смоленской, Черниговской. Рославль, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ рѣки Сожъ, ведетъ торговлю пенькой и хлѣбомъ; Мстиславль, при другой маленькой рѣкѣ, впадающей въ Сожъ, тоже отправляетъ въ Ригу пеньку и муку, но онъ извѣстенъ въ особенности какъ бывшій главный городъ княжества, обнимавшаго почти всю восточную часть нынѣшней Могилевской губерніи и которое сохраняло отдѣльное существованіе даже послѣ присоединенія Литвы къ Польшѣ, съ конца четырнадцатаго до половины семнадцатаго столѣтія. Чаусы, уѣздный городъ Могилевской губерніи, находится въ томъ же бассейнѣ, въ сосѣдствѣ съ Могилевымъ; но лучшій и самый важный изъ уѣздныхъ городовъ этой губерніи—Гомель, лежащій ниже всѣхъ притоковъ Сожи и составляющій одинъ городъ со своимъ предмѣстьемъ Бѣлицей, построеннымъ на лѣвомъ берегу рѣки. Какъ пристань, Гомель уступаетъ по торговой дѣятельности только губернскому городу. Вся земля, занимаемая Гомелемъ, и вся окрестная мѣстность принадлежатъ одному русскому князю, который вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется нѣкоторыми значительными привилегіями феодальнаго происхожденія, между прочимъ, правомъ „пропинаціи“, т. е. продажи водки; всѣ питейныя заведенія принадлежатъ князю, который въ то же время владѣлецъ большаго сахарнаго завода [1]). Въ Гомелѣ же строятся самыя большія суда, ходящія по Днѣпру.

Рѣка Ипуть, впадающая въ Сожъ близъ Гомеля, орошаетъ равнины, окружающія два уѣздные города Черниговской губерніи, Мглинъ и Ново-Зыбковъ. Послѣдній изъ этихъ городовъ былъ основанъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія бѣжавшими изъ Московскаго государства раскольниками, которые образовали также много другихъ колоній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „Стародубье“, но получившихъ отъ самихъ-же раскольниковъ странное названіе „малороссійской Азіи“. Городъ Вѣтка, построенный на островѣ рѣки Сожъ, выше Гомеля, и находившійся въ то время за польской границей, сдѣлался главнымъ центромъ одной изъ группъ сектантовъ, отдѣлившихся отъ первыхъ колоній Стародубья, и недовольные нововведеніями эмигрировали туда изъ Московскаго государства въ большомъ числѣ. Въ 1735 году русское правительство выхлопотало у Польши дозволеніе ввести свои войска въ вѣткинскій повѣтъ, гдѣ и забрало около 40,000 старообрядцевъ, которые частію было отданы въ солдаты, частію сосланы въ Сибирь на поселеніе; въ 1764 году второе московское нашествіе окончилось захватомъ 20,000 другихъ раскольниковъ. Напротивъ того, стародубскіе выходцы, болѣе покорные, сохранили нѣкоторые привилегіи въ награду за услуги, оказанныя противъ Карла XII и Мазепы. Въ настоящее время ихъ насчитывается свыше 60,000 душъ;

---

[1]) Нынѣ закрытаго. *Ред.*

въ посадѣ Клинцы и его предмѣстьи Ардонѣ, лежащихъ на сѣверо-востокѣ отъ Ново-Зыбкова, они имѣютъ около 120 фабрикъ и заводовъ, преимущественно суконныхъ, шерстяныхъ, кожевенныхъ; ихъ странствующіе торговцы (коробейники) ходятъ по всему югу Россіи, пробираются даже въ Бессарабію и за Донъ, на Кавказъ.

Пинскъ, который, безъ сомнѣнія, сдѣлается со временемъ важнымъ городомъ, когда будутъ осушены болота по Припети, и теперь уже довольно многолюденъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ перевозки товаровъ по водѣ, такъ какъ онъ составляетъ центръ транзитнаго судоходства, съ одной стороны—съ Припетью и Днѣпромъ, съ другой—съ Польшей и Германіей, посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго канала, съ Нѣманомъ и Балтійскимъ моремъ,—посредствомъ канала Огинскаго. Слуцкъ, древняя столица дреговичей или „жителей трясинъ", стоитъ на рѣкѣ Случъ, притокѣ Березины; онъ также ведетъ нѣкоторую торговлю, благодаря евреямъ, которые составляютъ почти единственное населеніе этого города и у которыхъ почти всѣ окрестные крестьяне въ долгу. Городъ Туровъ, на Припети, ниже впаденія въ нее р. Случи, былъ прежде, для всей страны болотъ, тѣмъ же, чѣмъ въ наши дни сдѣлался Пинскъ. Мозырь, на нижнемъ теченіи Припети, тоже принадлежитъ къ числу старинныхъ городовъ края.

Рѣки Припеть и Ясельда образуютъ этнографическую границу между бѣлорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ. Почти всѣ города Волыни находятся въ бассейнѣ Припети, на ее южныхъ притокахъ, но уже совершенно за предѣлами Бѣлоруссіи: они лежатъ среди малорусской территоріи. То же самое нужно сказать о древнемъ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ, который построенъ на рѣкѣ Лугъ, одномъ изъ притоковъ верхняго теченія Южнаго Буга. Упоминаемый уже въ лѣтописи преподобнаго Нестора, Владиміръ-Волынскій былъ однимъ изъ первыхъ центровъ славянской державы, но впослѣдствіи онъ былъ неоднократно разоряемъ—сначала монголами, потомъ ногайскими татарами и казаками, такъ что въ концѣ прошлаго столѣтія онъ пришелъ въ сильный упадокъ; въ настоящее время онъ опять немного поднялся, и евреи, составляющіе большую часть его населенія, ведутъ съ сосѣдней Галиціей дѣятельную торговлю, гораздо болѣе дѣятельную, чѣмъ показываютъ „Обзоры внѣшней торговли", издаваемые таможенной администраціей. Кременецъ, на юго-востокъ отъ Владиміра-Волынскаго, расположенный въ возвышенной долинѣ, воды который текутъ черезъ рѣки Икву и Стырь въ Припеть, походитъ на Владиміръ-Волынскій по своей исторіи. Основаніе его также относится къ первымъ временамъ исторіи страны, и живописныя развалины его замка, возвышающіяся на вершинѣ песчаниковой скалы съ крутыми стѣнами, повѣствуютъ о многихъ военныхъ событіяхъ. Батый безуспѣшно осаждалъ его, но казаки овладѣли имъ въ 1648 году,

и съ той поры онъ утратилъ всю свою важность; въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ 1805 по 1835 годъ, этотъ городъ былъ центромъ высшаго образованія въ Западной Украйнѣ, благодаря существовавшему въ немъ польскому лицею, который перевели послѣ революціи въ Кіевъ, гдѣ изъ него образовался нынѣшній университетъ св. Владиміра. Въ настоящее время Кременецъ отличается только своей торговой дѣятельностью, въ которой евреи также принимаютъ большое участіе. Городъ Дубно, лежащій ниже, на полуостровѣ, который почти совершенно окруженъ теченіемъ р. Иквы, и при входѣ въ живописное ущелье цѣпи холмовъ, почти сплошь населенъ сынами Израиля. Послѣдніе также очень многочисленны и въ Луцкѣ, построенномъ при рѣкѣ Стырь, почти на полдорогѣ изъ Владиміра-Волынскаго въ Кременецъ; этотъ прежде укрѣпленный городъ тоже былъ столицей могущественнаго княжества; въ 1429 году здѣсь собрался съѣздъ или сеймъ государей восточной Европы, а въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія Луцкъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ славянскаго Востока. Луцкъ остался въ сторонѣ отъ желѣзной дороги изъ Бреста въ Бердичевъ, которая прошла черезъ другіе менѣе важные города, каковы Ковель и Ровно. Въ Кременецкомъ уѣздѣ находится старинный и знаменитый православный монастырь—Почаевская лавра, куда стекается множество богомольцевъ; въ 1675 году монастырь этотъ выдержалъ турецкую осаду. Нынѣ Почаевъ служитъ складочнымъ мѣстомъ контрабандной торговли. Въ этомъ отношеніи онъ, однако, уступаетъ Радзивилову—первоклассной таможнѣ на австрійской границѣ, напротивъ галиційскаго города Броды.

Два города, почти совершенно еврейскіе, Заславль и Острогъ, построены въ верхней долинѣ рѣки Горынь, которая соединяется съ Припетью ниже Пинска. Подобно Владиміру-Волынскому, Луцку, Кременцу, Острогъ—городъ историческій, бывшій нѣкогда столицей независимаго княжества (Острожскаго) и имѣвшій свои дни военной славы; кромѣ того, ему принадлежитъ честь быть однимъ изъ первыхъ городовъ восточно-славянскаго міра, воспользовавшихся искусствомъ книгопечатанія; съ 1581 г. здѣсь начали печатать первое полное изданіе Священнаго Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ. Въ ту эпоху Острогъ имѣлъ первую малороссійскую академію, которая впослѣдствіи была замѣнена польской іезуитской коллегіей. Многочисленныя развалины и остатки крѣпкаго замка донынѣ напоминаютъ о быломъ величіи Острога. Городъ Старо-Константиновъ, стоящій на р. Случъ, въ сосѣдствѣ съ австрійской границей, былъ основанъ въ шестнадцатомъ столѣтіи однимъ острожскимъ княземъ, который и далъ ему свое имя. Населенный почти исключительно евреями, этотъ городъ ведетъ довольно большую торговлю хлѣбомъ съ Галиціей и Одессой, лошадьми, баранами, свиньями—съ Австріей и Пруссіей; въ то же время онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ соли для сосѣднихъ уѣздовъ.

Изъ волынскихъ городовъ, кромѣ сейчасъ названныхъ, къ бассейну Припети принадлежатъ еще слѣдующіе два: Новоградъ-Волынскій (въ старину Звягель), на р. Случъ, и Овручъ, на р. Норынѣ. Оба эти города богаты болотной желѣзной рудой и фарфоровой глиной, которыя, впрочемъ, мало разработываются, и въ обоихъ еврейскій элементъ превосходитъ численностью христіанское населеніе. Мѣстность, гдѣ находятся эти два города, не принадлежитъ къ исторической Волыни, хотя нынѣ она включена въ составъ Волынской губерніи: это была Древлянская земля, сдѣлавшаяся впослѣдствіи частью Украйны и границей которой служила рѣка Случъ. Деревня Икоросгь, при р. Ужъ, стоитъ на мѣстѣ древняго Коростеня, или Искоростеня, столицы древлянъ, прославившейся въ лѣтописяхъ убійствомъ князя Игоря и жестокимъ мщеніемъ вдовы его, св. Ольги.

Города верхне-днѣпровскаго бассейна, имѣющіе свыше 5000 жителей:

Въ смоленской губерніи (1880).		Борисовъ	14,235 жит.
Смоленскъ	33,200 жит.	Мозырь	8,020 „
Вязьма	23,240 „	*Въ черниговской губерніи* (1878).	
Дорогобужъ	9,259 „	Ново-Зыбковъ	11,181 „
Рославль	7,607 „	Мглинъ	11,006 „
Въ могилевской губерніи (1879).		*Въ волынской губерніи* (1880).	
Могилевъ	40,536 „	Старо-Константиновъ	17,616 „
Гомель съ Бѣлицей	22,000 „	Луцкъ	13,953 „
Мстиславль	7,712 „	Кременецъ	11,960 „
Орша	5,025 „	Новоградъ-Волынскій	13,135 „
Старый Быховъ	5,683 „	Дубно	7,174 „
Горки	4,686 „	Острогъ	12,410 „
Въ минской губерніи (1878).		Заславль	8,936 „
Минскъ	41,720 „	Ровно	9,034 „
Бобруйскъ	40,079 „	Владиміръ-Волынскій	8,111 „
Пинскъ	22,929 „	Ковель	13,512 „
Слуцкъ	16,710 „	Овручъ	6.295 „

VIII.

СРЕДНІЙ ДНѢПРЪ, НИЖНІЙ ДНѢПРЪ, ЮЖНЫЙ БУГЪ И ДНѢСТРЪ.

УКРАЙНА. НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ.

Въ Россіи этнографическія области не совпадаютъ съ границами гидрографическихъ бассейновъ и еще гораздо менѣе—съ границами губерній, начертанными часто на-угадъ, безъ соображенія съ естественными условіями, или именно съ намѣреніемъ парализировать національ-

ное сродство. Такъ, если мы возьмемъ малороссовъ, подвластныхъ русской державѣ, то оказывается, что область ихъ разселенія далеко не ограничивается однимъ только бассейномъ Днѣпра,—они проникаютъ на западъ въ бассейнъ Вислы и переходятъ за Бугъ, а на востокѣ занимаютъ значительную часть Донецкаго бассейна; они перешли даже за верхній Донъ, а по ту сторону Азовскаго моря распространились до Кубани и на Кавказѣ. Съ другой стороны, великоруссы утвердились на верхнемъ теченіи почти всѣхъ восточныхъ притоковъ Днѣпра, а румыны перешли за низовье Днѣстра. Такимъ образомъ, этимъ двумъ большимъ потокамъ, Днѣпру и Днѣстру, только въ общемъ смыслѣ можетъ быть присвоено названіе малороссійскихъ рѣкъ.

Наименованія—Малая Русь или Малороссія, Украйна, Рутенія—имѣютъ чисто условное значеніе, постоянно мѣнявшееся соотвѣтственно историческимъ превратностямъ и даже сообразно административнымъ дѣленіямъ. Ни одно изъ этихъ географическихъ названій не относится точнымъ образомъ къ странамъ, населеннымъ малорусскимъ племенемъ, ибо эта народность, сгруппированная первоначально въ измѣнчивую конфедерацію, никогда не имѣла политическаго единства; даже не считая закарпатскихъ руссиновъ, живущихъ въ предѣлахъ Венгерскаго королевства, другіе малороссы оставались, начиная съ четырнадцатаго столѣтія, долгое время раздѣленными между двумя государствами, Польшей и Литвой. Малороссы центральной области, по берегамъ Днѣпра, едва только успѣли, въ семнадцатомъ вѣкѣ, завоевать себѣ нѣкоторую автономію, въ формѣ казацкой вольной общины, какъ вскорѣ утратили свою самостоятельность, отдавшись подъ покровительство Московскаго царства, сдѣлавшагося, благодаря своимъ обширнымъ размѣрамъ, Россіей по преимуществу. Что касается населенія древнѣйшей Россіи, то-есть Кіевской Руси, то оно извѣстно подъ своимъ стариннымъ наименованіемъ—русиновъ или русняковъ—только на западныхъ его границахъ, тамъ, гдѣ этнографическія различія еще болѣе усиливались различіемъ религіозныхъ вѣрованій. Когда имя Малой Россіи въ первый разъ появилось въ византійскихъ хроникахъ въ концѣ тринадцатаго столѣтія, оно примѣнялось къ Галиціи и Волыни; затѣмъ оно сдѣлалось наименованіемъ страны по среднему Днѣпру, или Кіевской области, отличаемой такимъ образомъ отъ великаго княжества Московскаго, въ столицѣ котораго, Москвѣ, имѣлъ пребываніе первосвятитель русской церкви—митрополитъ, перенесшій туда свой престолъ въ XIV вѣкѣ. Точно также названіе Украйны, то-есть „окраины“ или „пограничной области“, соотвѣтствующее западно-европейскимъ „мархіямъ“ или „маркамъ“, не переставало перемѣщаться, сообразно всѣмъ измѣненіямъ границъ. Сначала его употребляли для обозначенія Подоліи, въ отличіе ея отъ Галицкой Руси, которой она принадлежала; потомъ, когда бассейнъ Днѣпра перешелъ подъ владычество

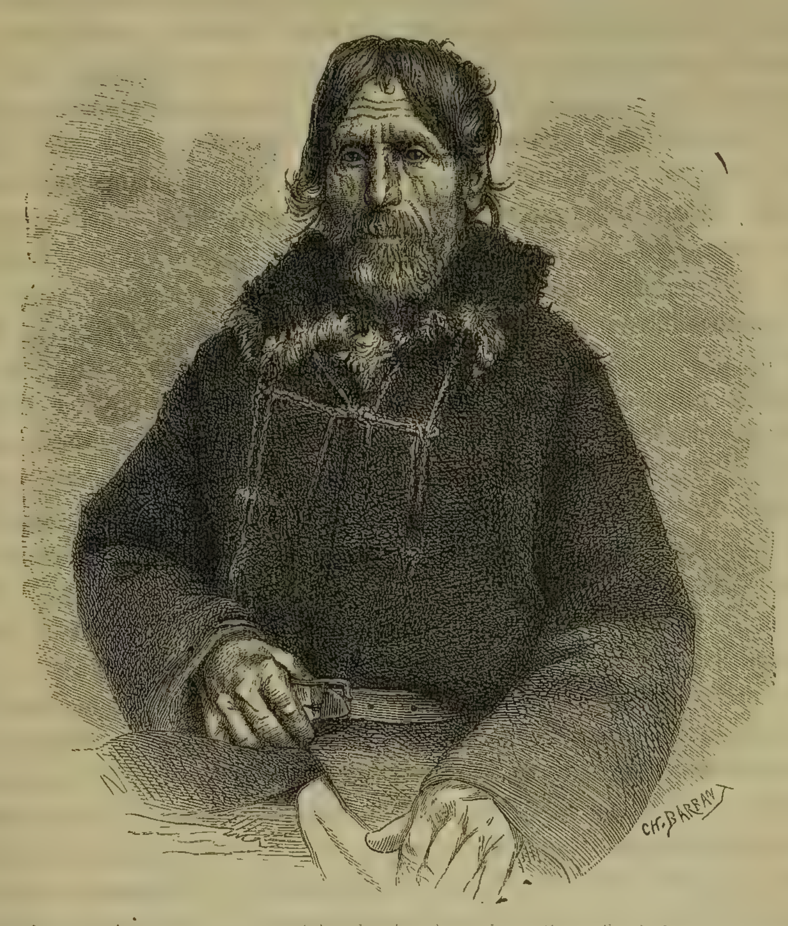
Литвы, имя Украйны было присвоено ея южнымъ провинціямъ, между Днѣпромъ и Бугомъ. Въ Польскомъ государствѣ Украйной называлась преимущественно страна малороссійскихъ казаковъ. Но и Великая Россія тоже имѣла свои пограничныя области, свои окраины или „украйны", въ одной изъ которыхъ образовались, въ семнадцатомъ столѣтіи, малорусскія вольныя поселенія, или *слободы* (такъ называемая „Слободская Украйна"), раздѣленныя нынѣ между губерніями Харьковской, Курской и Воронежской. Какъ только извѣстная область заселялась, какъ только въ ней появлялись города, и жители устраивались мирными, хотя уже менѣе самостоятельными общинами, эта область переставала быть „украйной"; но вездѣ, гдѣ поселялся малоросъ относительно вольный, онъ приносилъ съ собой и названіе „украйны" для земли, по которой бродилъ.

Малороссы, или малороссіяне, сливаются нечувствительными переходами съ бѣлоруссами на сѣверѣ, а по ту сторону Карпатскихъ горъ — со словаками; но они ясно отличаются отъ поляковъ на западѣ и отъ великороссіянъ на востокѣ; смѣшенія очень рѣдки между малороссами и великороссами. Даже съ физической точки зрѣнія эти двѣ народности рѣзко различаются между собой. У малороссіянъ — голова вообще болѣе широкая и болѣе короткая, чѣмъ у великороссовъ, а задняя часть черепа у нихъ болѣе плоская (средній указатель черепа у галиційскихъ малороссовъ, по Маеру и Коперницкому, 84,3) [1]); они очень короткоголовы (брахицефалы). Около половины изъ нихъ имѣютъ темнорусые волосы и каріе глаза; вообще говоря, малороссы — народъ рослый (средній ростъ галиційскихъ малороссовъ, по Маеру и Коперницкому, 164 сантим., $5^1/_2$ фут.), какъ показываютъ статистическія данныя относительно новобранцевъ; преимущественно изъ нихъ набираютъ гренадеровъ, вслѣдствіе ихъ высокаго роста и статнаго вида, а также кавалеристовъ — вслѣдствіе длинноты ихъ ногъ; но вообще они не имѣютъ столько мускульной силы, какъ великороссы. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ малороссы и великороссы живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, безъ промежуточнаго населенія, можно явственно замѣтить физическое превосходство первыхъ въ отношеніи роста и красивой наружности. Малороссійскія женщины отличаются граціозной поступью, ласковымъ взлядомъ, пріятнымъ голосомъ; у нихъ также и болѣе красивый костюмъ, похожій на одежду румынокъ, валахскихъ и трансильванскихъ. Вышивки красными и синими нитками, украшающія рубашку, юбку, передникъ разными фигурами: косоугольниками и крестами, треугольниками, шашешницами и вѣтками, сочетаются самымъ удачнымъ образомъ, правда по стародавнимъ правиламъ, но съ нѣкоторой свободой, всегда позво-

---

[1]) Антропологическій Сборникъ, издаваемый Краковской академіей (на польскомъ языкѣ).

ляющей располагать украшенія такъ, чтобы они гармонировали съ турнюрой и чертами лица данной особы [1]). Наконецъ, малороссіянки держать свои хаты въ гораздо бо́льшемъ порядкѣ, въ бо́льшей чистотѣ и опрятности, чѣмъ великорусскія женщины, какъ ни скромны эти жилица,—мазанки изъ глины, крытыя соломой и выбѣленныя известкой.

Малороссійскій типъ. Крестьянинъ деревни Пановцы, губ. Подольской.

Было бы слишкомъ смѣло произносить какое либо общее сужденіе о цѣлыхъ народностяхъ, такъ какъ смѣшенія славянъ, какъ между собою, такъ и съ первобытными населеніями, произвели значительное разнообразіе типовъ; но въ цѣломъ, повидимому, можно указать ту разницу, что малоруссы превосходятъ великоруссовъ природнымъ умомъ, насмѣшливостью, ироніею, природнымъ вкусомъ, воображеніемъ живымъ и въ то же время сдержаннымъ; они не впадаютъ въ преувеличенія, какія встрѣчаются въ произведеніяхъ народной поэзіи великорусской или фин-

[1]) *Ольга Косачева.* Украинскій народный орнаментъ, Кіевъ, 1876 г.

ской[1]); но зато они не обладаютъ практическимъ смысломъ великорусса; они менѣе солидарны между собою, менѣе настойчивы въ преслѣдованіи цѣли, легче останавливаются на полпути и не умѣютъ такъ хорошо совладать съ неблагопріятными обстоятельствами; вообще они болѣе даровиты, но менѣе энергичны. Будучи исконными соперниками, малоруссы и великоруссы награждаютъ другъ друга насмѣшливыми прозвищами: великоруссъ далъ украинцу кличку *хохолъ*, вслѣдствіе пучка волосъ или чуба (оселедецъ), который тотъ прежде отращивалъ на макушкѣ и закладывалъ за ухо; въ свою очередь малороссъ прозвалъ великоросса, или „москаля", *кацапомъ*, то-есть козломъ, вслѣдствіе длинной бороды, которою онъ любитъ похвастать. Конечно, прозвища эти основаны только на наружныхъ отличіяхъ; но подъ этими странными названіями русскіе двухъ національностей представляютъ себѣ также контрастъ, существующій между народными характерами и нравами.

Переходя къ вопросу о родословной украинскаго народа, замѣтимъ, что при настоящемъ состояніи знаній возможны только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы относительно степени родства или преемственности, прямой или косвенной, которая связываетъ малороссовъ съ древними обитателями, слѣды пребыванія которыхъ найдены, въ Полтавской губерніи, въ видѣ оружія и орудій изъ кости и кремня, рядомъ съ костями мамонтовъ и съ раковинами ледяного періода. Могилы каменнаго вѣка, отрытыя въ окрестностяхъ города Острога въ Волыни, заключаютъ въ себѣ человѣческіе скелеты, совершенно непохожіе на скелеты славянскаго племени, отъ которыхъ они отличаются въ особенности очень длинной и узкой головой, а также берцовыми костями, сплющенными и изогнутыми въ формѣ сабельнаго клинка: эта первобытная раса, повидимому, довольно близко подходитъ къ той, которая жила на западѣ Европы въ эпоху дольменовъ[2]). Но за этими первыми, древнѣйшими могилами слѣдовали безчисленные курганы, разсѣянные по всей странѣ. Уже тысячи этихъ могильныхъ насыпей исчезли: однѣ изъ нихъ—въ городахъ и деревняхъ послужили матеріаломъ при возведеніи большихъ построекъ или укрѣпленій; другія, на поляхъ, были употреблены для улучшенія почвы на окрестныхъ земляхъ; нѣкоторыя, имѣвшія небольшіе размѣры, были сравнены плугомъ; тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ, особенно на водораздѣльныхъ высотахъ между рѣками, онѣ и теперь еще настолько многочисленны, что составляютъ, такъ сказать, господствующую черту края, ибо для сооруженія этихъ кургановъ обыкновенно выбирали мѣстоположенія видимыя издалека—высокіе, крутые берега рѣкъ, вершины естественныхъ горокъ, мысы, далеко выдвинувшіеся въ море. Однако, долина Днѣстра состав-

[1]) *Бѣлинскій*. Русская народная поэзія.

[2]) Антропологическій Сборникъ Краковской академіи, I (на польскомъ языкѣ).

ляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи: мы видимъ тамъ длинные ряды искусственныхъ бугровъ, расположенные именно у подножія высокихъ береговъ [1]). Самые замѣчательные изъ могильныхъ кургановъ находятся въ области, сосѣдней съ Днѣпровскими порогами, особенно къ западу отъ нихъ: это—могилы „царственныхъ скиѳовъ“, погребальные обряды которыхъ описаны Геродотомъ; всѣ эти курганы имѣютъ съ сѣверной стороны болѣе крутой скатъ, чѣмъ съ другихъ сторонъ, и многіе изъ нихъ обложены плитами; между ними встрѣчаются даже такіе, которые соединены одинъ съ другимъ аллеями изъ сложенныхъ камней, матеріалъ для которыхъ нужно было привозить изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Встрѣчаются могилы (какъ, напримѣръ, курганъ близъ Хвастова, въ Кіевской губерніи), которыя имѣютъ около 90 саженъ въ окружности и высятся среди другихъ меньшихъ горокъ, словно цари, окруженные своимъ дворомъ. На многихъ курганахъ прежде стояли грубо изваянныя статуи, въ которыхъ позднѣйшія поколѣнія видѣли подобіе старыхъ женщинъ, откуда и произошло названіе *каменная баба*, данное этимъ загадочнымъ истуканамъ, и которыя, по общему мнѣнію, напоминаютъ скорѣе монгольскій, чѣмъ славянскій типъ; можетъ быть, это и есть тѣ степныя статуи, съ которыми Амміанъ Марцелинъ сравниваетъ гунновъ: почти у всѣхъ бабъ руки сложены на груди. Впрочемъ, теперь ужѣ не встрѣтишь кургановъ, вершина которыхъ была бы увѣнчана такимъ изваяніемъ: почти всѣ каменныя бабы были разбиты или перенесены въ другія мѣста, чтобы служить межевыми знаками или украшеніями въ садахъ. Между тѣмъ, если вѣрить мѣстному преданію, баба очень крѣпко стояла на вершинѣ горки, точно вросла въ землю, такъ что требовалось не менѣе десятка сильныхъ воловъ, чтобы увезти ее, тогда какъ достаточно было одной упряжи, чтобы привезти обратно на прежнее мѣсто: казалось, она сама шла, чтобы опять подняться на могильный холмъ, съ котораго ее взяли. Крестьяне чтутъ, какъ святыню, эти каменныя изваянія: матери приносятъ къ нимъ дѣтей, заболѣвшихъ лихорадкой, становятся на колѣни передъ истуканомъ, почтительно цѣлуютъ его и предлагаютъ ему хлѣба и мелкую монету [2]).

Многія тысячи могильныхъ кургановъ Малороссіи были уже раскопаны, и тайны ихъ, открытыя міру, позволили отчасти возстановить мысленно давно исчезнувшія поколѣнія, съ ихъ религіозными обрядами, съ ихъ бытомъ, нравами и промыслами. Между этими памятниками представлены всѣ послѣдовательные вѣка цивилизаціи, каменный, бронзовый и желѣзный. Нѣкоторыя могилы относятся къ относительно новымъ временамъ, и даже есть такія, которыя, очевидно, были насыпаны послѣ

---

[1]) *J. G. Kohl.* Reisen in Süd-Russland.

[2]) *Забѣлинъ*, Исторія русской жизни, I; *Чужбинскій*, Поѣздка въ Южную Россію.

введенія христіанства въ странѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ предметы византійскаго или русскаго происхожденія, находимые въ курганахъ; иныя заключаютъ въ себѣ одновременно древности, принадлежащія къ тремъ вѣкамъ—каменному, бронзовому и желѣзному. Многіе холмы содержатъ только скелеты лошадей. Наконецъ, есть много такихъ, гдѣ не находятъ ничего—ни костей, ни оружія. Великой эпохой искусства въ дѣлѣ погребенія слѣдуетъ считать эпоху скиѳской цивилизаціи. Раскопки, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ могилахъ Южной Россіи, между прочимъ, въ Александропольскомъ уѣздѣ, къ юго-западу отъ Екатеринослава, показали, что „скиѳы" той эпохи были въ частыхъ сношеніяхъ съ греками и покупали у нихъ самыя дорогія произведенія промышленности и искусства: оружіе, рѣзные сосуды [1]), драгоцѣнныя украшенія. Но рядомъ съ этими предметами, чисто эллинскими, въ курганахъ находятъ также оружіе и орудія изъ бронзы, указывающія на тотъ фактъ, что греческая образованность, при своемъ проникновеніи въ край, встрѣтила тамъ азіатскую цивилизацію совершенно иного характера [2]). Мегалитическія могилы, разсѣянныя между Днѣстромъ и Днѣпромъ, къ сѣверу отъ Одессы, также принадлежатъ къ другой культурной эпохѣ или къ другой религіи. Изъ всѣхъ этихъ народовъ, кости которыхъ сокрыты подъ насыпями кургановъ, одни быстро проходили, какъ завоеватели или бѣглецы, другіе, напротивъ, подолгу оставались въ странѣ, и, безъ сомнѣнія, небольшая примѣсь ихъ крови сохранилась въ нынѣшнемъ населеніи Малороссіи.

Въ девятомъ столѣтіи населеніе южной, черноморской покатости, между Днѣпромъ и Дунаемъ, и преимущественно на берегахъ Днѣстра, состояло изъ славянъ-улучей (угличей) и тиверцевъ. Но эти славяне находились на пути угровъ (венгровъ), печенѣговъ, кумановъ, и столкновеніе всѣхъ этихъ народовъ оттѣснило ихъ къ сѣверу: въ эпоху съ десятаго до двѣнадцатаго вѣка рѣка Рось,—можетъ быть „рѣка Руси или Руссовъ",—служила границей между русскими Кіевской области и южными кочевниками. Многія поселенія тюркскаго племени, торки, берендеи, „черно-шапошники", или кара-калпаки, поселились на югѣ отъ этой рѣки. Впослѣдствіи татары водворились около Канева [3]), въ значительной части Кіевской Руси; полагаютъ даже, что и Бердичевъ былъ первоначально татарской колоніей. Безъ сомнѣнія, эти пришельцы во многихъ мѣстахъ смѣшивались со славянскимъ населеніемъ, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что люди, которыхъ литовскій князь Ольгердъ вытѣснилъ изъ Подоліи въ 1366 году, были татары, говорившіе русскимъ языкомъ [4]). На всемъ юго-западѣ Россіи можно встрѣтить множество

---

[1]) Труды археологической коммисіи, 1864, 1872 гг. и т. д.
[2]) *Worsaae*, La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave.
[3]) Путешествіе Плано Карпини въ 1251 году.
[4]) *Симашкевичъ*, „Описаніе Подоліи" 1.

СТАРОСТА, ЕВРЕЙ И ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ. (Борисполь, Полтавской губерніи).

названій, напоминающихъ пребываніе въ краѣ мусульманскихъ поселенцевъ.

Въ наши дни малороссы—почти исключительно земледѣльцы, и люди самаго мирнаго нрава. Но въ прежнія времена, впродолженіе многихъ столѣтій, война была постояннымъ явленіемъ въ равнинахъ, гдѣ протекаетъ Днѣпръ, и жители всегда должны были быть готовы или къ битвѣ, или къ бѣгству. Могучая рѣка, которая нынѣ мирно катитъ свои воды среди странъ, населенныхъ людьми одной народности и одного языка, есть одинъ изъ тѣхъ потоковъ, которые играли наиболѣе важную роль въ исторіи народовъ и берега которыхъ особенно упорно оспаривались другъ у друга двумя враждебными племенами. Послѣ вторженія турокъ въ Крымъ въ 1475 году, татары сдѣлались поставщиками живаго товара для гаремовъ и каторжныхъ работъ въ Стамбулѣ, и вскорѣ южныя области славянскаго государства стали ареной для охоты на невольниковъ [1]). Мусульманскіе хищники, задумавъ набѣгъ, обыкновенно собирались зимой близъ Перекопскаго перешейка, причемъ каждый изъ нихъ приводилъ двухъ или трехъ коней для будущихъ плѣнниковъ и ожидаемой добычи; отсюда они выступали въ походъ многочисленнымъ полчищемъ, иной разъ въ количествѣ шестидесяти или восьмидесяти тысячъ человѣкъ, переходили за Днѣпръ, являлись неожиданно съ какой нибудь населенной мѣстности, грабили села, хуторы, господскіе замки и забирали въ плѣнъ всѣхъ жителей; затѣмъ, прежде чѣмъ успѣвали собрать войско для отраженія набѣга, лихіе наѣздники уже были въ безопасности въ своихъ степяхъ, по ту сторону Днѣпра. Для борьбы съ этими монгольскими отрядами грабителей выступали подобныя же военныя дружины, образовавшіяся изъ христіанскихъ элементовъ и стяжавшія себѣ громкую славу подъ именемъ казаковъ [2]). Главная масса ихъ арміи состояла изъ людей независимыхъ, искавшихъ свободнаго образа жизни и простора для своей удали на границахъ, въ то время оспариваемыхъ другъ у друга христіанами и магометанами,—изъ рыболововъ, укрывавшихся подъ высокими лѣсистыми берегами Днѣпра,—изъ отважныхъ торговыхъ людей, странствовавшихъ караванами по широкой степи. Кромѣ того, паны польскіе и литовско-русскіе, находившіеся въ средѣ этого пограничнаго воинства и воспитанные болѣе или менѣе подъ вліяніемъ рыцарскихъ идей Запада, сдѣлали изъ казаковъ нѣчто въ родѣ „украинскаго рыцарства". Одинъ изъ первыхъ центровъ сопротивленія образовался близъ Перея-

[1]) *Michalon-Lithuanus*, Fragmenta; *Антоновичъ и Драгомановъ*, „Историческія пѣсни малорусскаго народа", I ч.

[2]) Слово „казакъ"—безспорно не славянскаго корня; оно вѣроятнѣе всего турецкаго происхожденія. По мнѣнію однихъ, оно въ переводѣ означаетъ „вольный человѣкъ" и удержалось въ названіи „киргизъ-кайсакъ"; по мнѣнію другихъ, произошло отъ наименованія одного кавказскаго племени („касоги"), и т. д. Въ Ордѣ „казаками" называли низшій классъ войска. *Ред.*

слава (на берегу большаго колѣна Днѣпра), защищеннаго съ восточной и сѣверной сторонъ болотами, лѣсами, блуждающими рѣчками. Каневъ и Чигиринъ также принадлежатъ къ числу городовъ, имена которыхъ всего чаще упоминались въ первыя времена исторіи казачества; но самой большой извѣстностью пользовался городъ Черкасы, какъ центръ „низовыхъ казаковъ", то-есть рыболововъ и торговыхъ людей, и „городовыхъ казаковъ", то-есть уже населенной области по среднему теченію Днѣпра. Имя „Черкасы" даже сдѣлалось у татаръ и у москвитянъ національнымъ наименованіемъ для обозначенія малороссовъ, и его употребляютъ понынѣ въ южной части Великоруссіи.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, въ эпоху великой борьбы между элементами польскимъ и украинскимъ, казаки перенесли далѣе на югъ свои главныя стратегическія позиціи и расположились укрѣпленными становищами ниже Самарскаго устья, на низменныхъ, покрытыхъ густымъ, высокимъ камышомъ, островахъ Днѣпра, среди пороговъ и на скалистыхъ берегахъ рѣки: отсюда и произошли названія „запорожцы" и „Запорожье"; здѣсь-то, вдвойнѣ защищенные утесами и болотами этой части Днѣпра, огражденные, сверхъ того, глубокими, хорошо охраняемыми окопами, они могли смѣло вызывать на бой татарскихъ хищниковъ и начали платить имъ за набѣги набѣгами то въ Крымъ, то на берега Чернаго или Азовскаго морей. Живя рыбной ловлей, охотой и войной, эта христіанская вольница скоро заставила трепетать мусульманскихъ разбойниковъ. Дикая свобода казаковъ привлекала къ нимъ постоянно увеличивавшуюся массу крестьянъ, уходившихъ отъ крѣпостной зависимости. Въ семнадцатомъ столѣтіи ряды ихъ состояли по меньшей мѣрѣ изъ „ста двадцати тысячъ человѣкъ, все людей привычныхъ къ войнѣ" [1]). Они выплывали на своихъ легкихъ челнахъ, называемыхъ „чайками", въ Черное море и грабили турецкіе берега; болѣе отважные переплывали даже море и однажды сожгли Синопъ, на малоазіатскомъ берегу, а въ одну изъ ихъ морскихъ экспедицій, въ 1624 году, они пробрались до самаго Константинополя и разграбили его предмѣстья. Укрѣпленные сторожевые посты были разставлены, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, по всему низовью Днѣпра, между Бугомъ и Азовскимъ моремъ, а около середины ихъ владѣній съ измѣнчивыми границами находилось главное убѣжище ихъ, имѣвшее видъ укрѣпленнаго лагеря и называвшееся "Січью", или „Сѣчью". Первая Сѣчь, по словамъ лѣтописей, была основана казаками въ шестнадцатомъ столѣтіи на островѣ Хортица,—прежде Хортичъ,—посреди Днѣпровскихъ пороговъ, близъ того мѣста, гдѣ печенѣги въ 972 году отсѣкли голову великому князю Святославу, этому истому казаку былыхъ временъ, и сдѣлали изъ его черепа чашу для своихъ пиршествъ. Но, вскорѣ послѣ

[1]) *Бопланъ*, „Описаніе Украйны". Спб., 1832.

того, самое извѣстное убѣжище ихъ было далѣе на югѣ, на одномъ изъ острововъ „Великаго Луга", при сліяніи Чертомлика и Днѣпра, и на противоположномъ полуостровѣ. Эта „Старая Сѣчь", существовавшая до 1709 г., была впослѣдствіи замѣнена другими, также расположенными вблизи лабиринта днѣпровскихъ острововъ, гдѣ турецкія ладьи, преслѣдовавшія запорожскихъ удальцовъ, сбивались съ пути въ безчисленныхъ протокахъ между островами и часто теряли всѣхъ своихъ гребцовъ: ихъ сражали мѣткія пули невидимыхъ враговъ, спрятавшихся въ густыхъ камышахъ.

Казаки не составляютъ особой семьи, которая бы, по языку или происхожденію, существенно отличалась отъ другихъ славянъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ жителей равнинъ; если они разнились отъ своихъ единоплеменниковъ, то не кровью, а наслѣдственными чертами, которыя образовались у нихъ подъ вліяніемъ нравовъ бродячей жизни и чувства гордой независимости. Во всѣ времена малороссійскіе казаки принимали въ свое общество или военное братство только людей, умѣвшихъ креститься по-ихнему, то есть всякаго врага нехристей-магометанъ и язычниковъ, такъ что, слѣдовательно, всѣ восточные славяне въ состояніи были выдержать этотъ вступительный экзаменъ. Случайное сходство имени казацкаго города Черкасы съ названіемъ кавказскаго племени черкесовъ подало поводъ совершенно ошибочно предполагать восточное происхожденіе казаковъ. Что касается ихъ названія, то оно дѣйствительно татарское, и элементы печенѣжскіе и хазарскіе, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣчались между предками казаковъ, этихъ защитниковъ христіанскихъ обществъ; но это смѣшеніе, и въ особенности смѣшеніе съ племенемъ каракалпаковъ, или „черно-шапошниковъ", обозначаемыхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ черкасовъ, произошло уже гораздо ранѣе образованія казацкихъ общинъ.

Запорожцы, этотъ авангардъ малороссійскаго казачества, могутъ быть разсматриваемы, какъ казаки по-преимуществу, и потомки ихъ, сдѣлавшіеся мирными земледѣльцами, и теперь еще присвоиваютъ себѣ титулъ „добрыхъ козакiвъ". Организованные въ *курени*[1]), то-есть военныя товарищества, жившія общимъ трудомъ, имѣвшія общее „куренное" имущество и сходившіяся обѣдать за общественные столы, они подчинялись только выбраннымъ изъ своей среды начальникамъ, куреннымъ атаманамъ, или „батькамъ", и каждый годъ собраніе, состоявшее изъ членовъ всѣхъ общинъ, сходилось на общій совѣтъ или сеймъ („кошъ")[2]), служившій представителемъ всего „низоваго товариства". Это казацкое

---

[1]) *Курень* — славянское слово, означающее „дымъ", „хату". *Реклю.*

По другому толкованію, курень — слово турецко-монгольское, означающее „укрѣпленный станъ", „загородъ". Куренемъ назывался также домъ, гдѣ жили казаки извѣстнаго куреня, неимѣвшіе собственной хаты. *Ред.*

[2]) *Кошъ* — отъ татарскаго слова, означающаго „артель пастуховъ".

вѣче, или *рада*, распредѣляло по жребію рѣки, продукты которыхъ прокармливали всѣхъ запорожцевъ и служили имъ средствомъ торговаго обмѣна; въ то же время оно выбирало новаго главнаго (кошеваго) атамана и другую войсковую старшину, состоявшую изъ обознаго судьи, писаря, эсаула, хорунжаго, полковниковъ, для управленія дѣлами войска и разбора споровъ между казаками; горсть пыли, посыпанная на голову этимъ выборнымъ казацкимъ чинамъ, должна была всегда напоминать имъ, что они—не болѣе какъ слуги общества. Для военныхъ экспедицій они избирали диктатора, который назывался „гетманомъ"; слово это нѣмецкаго происхожденія (Hauptmann).—Власть этого выборнаго предводителя была очень велика, хотя, впрочемъ, всегда согласовалась съ установившимся обычаемъ; гетманъ могъ казнить провинившихся, обезглавить и даже посадить на колъ, но не иначе, какъ спросивъ мнѣніе своего военнаго совѣта. Во время походовъ всякій пьяница изгонялся изъ войска; употребленіе „горилки" было запрещено. Слово, возглашенное или одобренное всѣми, становилось для нихъ закономъ, и всякая, даже малѣйшая группа, составлявшая уже общину, должна была заставить уважать его. Всякій, кто нарушалъ это слово, находилъ нелицепріятныхъ судей въ своихъ товарищахъ, даже среди степи, вдали отъ остальнаго братства. „Тамъ, гдѣ есть только три казака", говаривалъ гетманъ Хмѣльницкій, „тотъ, кто сдѣлаетъ худое, судится двумя другими". Въ своихъ степныхъ походахъ они укрѣплялись *таборами* изъ телѣгъ [1])—„подвижными крѣпостцами на колесахъ", которыя они заимствовали, вмѣстѣ съ названіемъ, у чеховъ Жижки [2]) и которыя они иногда во время битвы пускали въ скачь противъ непріятеля, чтобы разорвать его ряды. Вольные въ своихъ воинственныхъ похожденіяхъ, такъ сказать властители пространства, запорожцы сдѣлались почти неуловимыми: когда ихъ сплетенные изъ хвороста шалаши обращались въ пепелъ, или ихъ легкіе челны, „чайки", погибали въ волнахъ Чернаго моря, они скоро оправлялись отъ потерь, принимая въ свою среду стекавшихся со всѣхъ сторонъ новыхъ пришельцевъ. Запорожскихъ „братчиковъ" связывали въ одну семью, въ одинъ союзъ общая опасность и любовь къ степи, по которой они рыскали на своихъ быстрыхъ лошадкахъ. „Кто за вѣру христіанскую хочетъ быть посаженнымъ на колъ, колесованнымъ, четвертованнымъ, кто готовъ вынести всякія пытки, кому не страшна смерть, тотъ пусть идетъ съ

---

[1]) „Казаки, говоритъ Бопланъ въ своемъ „Описаніи Украйны", переходятъ постепямъ таборомъ или караваномъ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами идутъ посреди табора; вокругъ его ѣдутъ лучшіе наѣздники. Кромѣ того, во всѣ четыре стороны посылаютъ по одному казаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается".

[2]) *Ernest Denis*, Huss et la guerre des Hussites.

нами!" таковы были воззванія запорожскихъ атамановъ[1]. Но, привыкнувъ смотрѣть на себя какъ на защитниковъ вѣры христіанской, они хотѣли также быть охранителями ихъ „матери", Украйны малороссійской и свободы народа. Такъ велика была любовь казаковъ къ родимой землѣ, что, покидая старую сѣчь, они уносили съ собой комки земли, которые служили имъ символомъ отечества на чужбинѣ[2]. Если они погибали въ морской экспедиціи, то исповѣдывались „синему морю"[3].

Вся область по южной границѣ между славянами и татарами или турками была занята казаками, и эта „пограничная страна", Украина, то расширялась, то съуживалась, смотря по превратностямъ войны и ходу военной колонизаціи. Бо́льшая часть пространства, заключеннаго между черноземными равнинами и морскимъ прибрежьемъ, обратилась, наконецъ, въ настоящую пустыню, черезъ которую отваживались переходить только бѣглецы; съ 1667 по 1686-й годъ было условлено даже, что вся страна поверхностью около 45.000 квадр. верстъ, заключающаяся между Днѣпромъ, Тясминомъ, Днѣстромъ и истоками Ингула и Ингульца, должна оставаться безлюдной, чтобы служить границей между двумя христіанскими государствами славянской Европы и мусульманской державой. Въ то время, какъ испанцы и португальцы уже колонизовали Америку и острова Вестъ-Индіи, южная степь еще ожидала новыхъ жителей, послѣ совершеннаго опустошенія, произведеннаго мусульманами и христіанами. Заселеніе, столько разъ начинавшееся со временъ „царственныхъ скиѳовъ", было дважды предпринимаемо—въ первый разъ послѣ турецкихъ нашествій, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, во второй—послѣ раздѣла степей между Польшей, Московскимъ государствомъ и Турціей. Каждый разъ колонизація состояла изъ двухъ различныхъ элементовъ: вольныхъ казаковъ и господскихъ поселенцевъ. Польскіе паны, которымъ были пожалованы обширныя земли въ этихъ пустынныхъ пространствахъ, старались заселить ихъ кѣмъ бы то ни было, обѣщая всѣмъ крестьянамъ, которые изъявили бы готовность поселиться въ этихъ страшныхъ мѣстахъ, полную льготу отъ всякихъ податей и повинностей, безнаказанность за всякое преступленіе или проступокъ. Графъ Замойскій приглашалъ всѣхъ, даже отцеубійцъ, даже людей, „обвиняемыхъ въ убійствѣ своего господина", и этотъ призывъ былъ услышанъ. Привлекаемые обѣщаніемъ воли на земляхъ, къ тому же славившихся своимъ необыкновеннымъ плодородіемъ, которыя должны были принадлежать имъ нѣкоторое время, крѣпостные крестьяне литовскихъ мѣстностей устремились туда десятками и сотнями тысячъ; города, мѣстечки, деревни основались по берегамъ всѣхъ рѣчекъ

---

[1]) *Кулишъ*, A. Rambaud, Russie épique.
[2]) *Скальковскій*, Исторія Новой Сѣчи.
[3]) *Антоновичъ и Драгомановъ*, выше цитированное сочиненіе.

и ручьевъ, на днѣ всѣхъ овраговъ, въ каждой изъ этихъ обширныхъ феодальныхъ концессій; степь быстро измѣнилась въ воздѣланную страну, подобнымъ же образомъ какъ два столѣтія спустя дикія „преріи" Дальняго Запада Сѣверной Америки превратились въ пахатныя земли. Свобода совершила это чудо внезапнаго заселенія недавнихъ пустынь; но когда помѣщики захотѣли взять обратно свои земли, опять обратить крестьянъ въ крѣпостное состояніе и отдать ихъ на съѣденіе евреямъ-ростовщикамъ, то они столкнулись съ людьми, которые претендовали на титулъ казаковъ и желали остаться вольными. Эти попытки порабощенія, соединенныя съ религіозными преслѣдованіями, должны были имѣть окончательнымъ послѣдствіемъ, послѣ ряда смутъ и возстаній, паденіе самого Польскаго государства [1]). Въ 1649 году бо́льшая часть украинцевъ, подъ предводительствомъ гетмана запорожскаго Богдана Хмѣльницкаго, успѣла добиться признанія автономіи малороссійскаго гетманства, затѣмъ въ 1654 году послѣднее отложилось отъ Польши и отдалось подъ покровительство Московскаго царства, по Переяславскому договору. Свобода его не долго была уважаема; московскіе бояре жаловались, что ихъ крѣпостные крестьяне уходили, ища убѣжища въ Украйнѣ, у воеводъ часто бывали столкновенія съ горожанами, а Петръ Великій требовалъ выдачи выходцевъ съ Дона, которымъ запорожцы оказывали гостепріимство. Малороссійскіе казаки являлись помѣхой московской централизаціи, и ихъ старинное устройство было уничтожено. При Петрѣ Великомъ тысячи казаковъ погибли на работахъ по сооруженію Ладожскаго канала; затѣмъ Екатерина II совершенно упразднила малороссійское гетманство въ 1765 году, а десять лѣтъ спустя Сѣчь была занята русскимъ отрядомъ, и запорожское войско перестало существовать. Тѣ казаки, которые хотѣли остаться вольными, принуждены были удалиться за Дунай, къ туркамъ, своимъ исконнымъ врагамъ. Въ 1775 году, когда послѣдняя Запорожская Сѣчь, стоявшая на нижнемъ Днѣпрѣ была взята генераломъ Текели, взрослые казаки „вольныхъ земель" были въ числѣ 13,000, изъ которыхъ почти 1,200 находилось въ самой Сѣчи; около 60,000 человѣкъ казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ жили на окружающей территоріи, въ хуторахъ, которые были даны имъ во владѣніе казацкими общинами [2]).

Нѣкоторыя черты прежняго казацкаго характера должны, конечно, встрѣчаться и у современныхъ намъ украинцевъ. Крестьянскіе бунты всего чаще имѣли мѣсто именно на берегахъ Днѣпра, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жили самыя воинственныя казацкія товарищества, и по всей Малороссіи старинная преданность *громадѣ* (община, міръ) сохранилась

---

[1]) *Alfred Rambaud*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) *Щебальскій*, Сборникъ московскаго антропологическаго общества. I, 1868 г.

въ силѣ до нашихъ дней, не смотря на политическія преобразованія. „Громада—великій чоловікъ“, говоритъ украинская пословица. Малороссъ сохранилъ въ себѣ также нѣчто, напоминающее прежняго кочевника: онъ безъ труда переселяется на новыя мѣста, хотя и не обладаетъ колонизаторскимъ геніемъ великорусса. У него сложилась даже поговорка, очень часто оправдываемая дѣйствительностью,—въ ней выражается его страсть къ перемѣнѣ, происходящая главнымъ образомъ отъ любви къ вольной жизни: „хочъ гирше, та инше“ (хоть хуже, да иное). Въ 1856 году по Украйнѣ пронесся слухъ, будто бы князь Константинъ отправился въ Бисову-Арабію (Бессарабію), — другіе говорили въ Крымъ,—и что тамъ онъ возсѣдаетъ подъ краснымъ шатромъ, предлагая волю и землю всѣмъ добрымъ украинцамъ; но что крѣпостные должны явиться на его призывъ непремѣнно въ этомъ году, по прошествіи же этого срока будетъ ужъ поздно. И вотъ цѣлыя поселенія вдругъ поднялись, не затѣмъ, чтобы возстать противъ помѣщиковъ, а чтобы удалиться съ миромъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Александровскомъ уѣздѣ, крестьяне продали за нѣсколько рублей все свое имущество евреямъ-ростовщикамъ, покинули свои родныя пепелища и отправились въ путь. Много благодарны вамъ за хлѣбъ за соль, говорили они на прощаньи своимъ господамъ, но мы не желаемъ болѣе быть панскими [1]).

Казакъ-воинъ живетъ теперь только въ легендахъ, да въ пѣсняхъ народныхъ; точно также и *чумакъ*, другой оригинальный типъ Украйны привольной, долженъ скоро исчезнуть вмѣстѣ со своимъ промысломъ: желѣзныя дороги, пароходы вытѣсняютъ его мало по малу; они уже заставили его измѣнить пріемы чумакованья и такимъ образомъ лишили его прежней физіономіи; однако, онъ борется противъ желѣзныхъ путей съ замѣчательной энергіей. Сидя въ быстро несущемся поѣздѣ, пассажиры часто замѣчаютъ по сторонамъ дороги длинныя вереницы телѣгъ и людей, въ вышитыхъ рубахахъ, запачканныхъ дегтемъ шароварахъ съ длинными чупринами: это—караваны (таборы, или валки) чумаковъ. Ввѣряемые имъ товары часто доставляются на корабли въ Одессу не только за болѣе дешевую плату, но и скорѣе, чѣмъ при отправкѣ ихъ по желѣзной дорогѣ, хотя путешествіе ихъ отъ береговъ Днѣпра до Одессы продолжается нѣсколько недѣль. Въ старину чумакъ тоже былъ герой, какъ и запорожецъ: чтобы съѣздить за солью и рыбой на берега Чернаго или Азовскаго моря, въ Крымъ или на Донъ, ему нужно было приготовиться ко всякимъ лишеніямъ и опасностямъ. Послѣ продолжительнаго странствованія по пыльнымъ равнинамъ, черезъ высохшія или выступившія изъ береговъ рѣки, подъ палящимъ солнцемъ, подъ проливнымъ дождемъ или

---

[1]) *А. Шмидтъ*, Херсонская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. 1863 г.

снѣжнымъ бураномъ, онъ встрѣчался лицемъ къ лицу съ непріятелями, передъ которыми пропускной листъ не всегда былъ достаточной охраной. Разбойники могли поджидать его въ трудныхъ проходахъ; помѣщики могли раззорить его поборами; вся жизнь его проходила въ постоянномъ шествованіи впереди своего обоза, въ компаніи своего неразлучнаго товарища—сидѣвшаго на первомъ возу, бдительнаго пѣтуха, который замѣнялъ ему часы, возглашая каждое утро часъ отъѣзда. Если смерть застигала чумака въ дорогѣ, то надъ его могилой воздвигали маленькій курганъ. Еще въ прошломъ столѣтіи рядомъ съ покойникомъ клали бутылку горилки, подкрѣплявшей его силы во время послѣдняго путешествія [1]).

Пѣсни вольнаго казака, припѣвы вѣчно странствовавшаго чумака остались въ памяти малорусскаго народа; *кобзарь* или *бандуристъ*, распѣвающій подъ аккомпаниментъ своей большой лютни, называемой *кобзой* или *бандурой*, и *лирникъ*, играющій не на лирѣ, а на инструментѣ въ родѣ стариннаго „рылѣ", и теперь еще разсказываютъ на распѣвъ стихи, которые впервые раздавались на привольной степи. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, нынѣ распѣваемыхъ малороссійскими рапсодами на ярмаркахъ, имѣютъ историческій характеръ; но, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ пѣсенъ, есть такія, которыя, по вдохновенію мысли, по силѣ выраженія и богатству подробностей, составляетъ какъ бы отрывки эпопей; къ сожалѣнію, эти былины уже рѣдко услышишь изъ устъ народа, и, вѣроятно, ихъ скоро можно будетъ встрѣтить только въ письменной литературѣ. Это—*думы*, историческіе разсказы, которые живо рисуютъ намъ прошлое со всѣми надеждами и страхами, радостями и печалями, чувствами и страстями, волновавшими людей той эпохи: слушая эти думы, малороссу кажется, что онъ переносится въ славную старину, живетъ жизнью своихъ предковъ, казаковъ. Мало найдется языковъ, обладающихъ народной поэзіей, которая превосходила бы думы украинцевъ энергіей слова и глубиной чувства [2]). А ихъ любовныя пѣсни—какъ много въ нихъ въ одно и то же время нѣжности и силы, страсти и скромности! Между тысячами этихъ пѣсенъ относительно мало наберется такихъ, слова которыхъ могли бы оскорбить стыдливость молодой дѣвушки; но большинство ихъ вызоветъ слезы на ея глазахъ, потому что почти всѣ пѣсни малоросса проникнуты тихой грустью, меланхолическимъ настроеніемъ: это—пѣсни народа, которому пришлось много и долго страдать и который любуется созерцаніемъ своей несчастливой доли. Однако, собраніе историческихъ пѣсенъ, сдѣланное различными изслѣдователями съ начала нынѣшняго столѣтія [3]), заключаетъ

---

[1]) *Драгомановъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) *Bodenstedt*, Die poetische Ukraine.

[3]) *Максимовичъ*, Украинскія народныя пѣсни; *Антоновичъ* и *Драгомановъ*, Историческія пѣсни малорусскаго народа; *Рученко*, Чумацкія народныя пѣсни; *Кулишъ*, Записки о Южной Россіи; *Alfred Rambaud*, Russie épique.

МАЛОРОССІЙСКІЕ ТИПЫ. — КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ И ЛИРНИКЪ.

въ себѣ также нѣсколько пѣсенъ, дышащихъ гнѣвомъ и укоромъ. Такова, напримѣръ, пѣсня о *правдѣ*, сущность которой заимствована изъ псалмовъ [1]): „Правда нынче въ тюрьмѣ у пановъ; неправда же развязно возсѣдаетъ съ панами въ почетной залѣ".—„... Справедливость попрана панами; а несправедливости подливаютъ меду въ чаши..."—„О, наша мать, наша мать съ орлиными крыльями—гдѣ тебя найти?...".

Народныя малороссійскія пѣсни и думы, авторы которыхъ неизвѣстны и которыя передаютъ кобзари (по большей части слѣпые старики, какъ тѣ слѣпцы древней Эллады, которые распѣвали гомеровскіе пѣсни) отъ поколѣнія къ поколѣнію, научая имъ другихъ бандуристовъ, уже сами по себѣ составляютъ очень драгоцѣнную литературу; но эти произведенія народной музы—не единственное сокровище Малороссіи, языкъ которой никогда не переставалъ быть языкомъ литературнымъ. Даже подъ церковно-славянскимъ, который сдѣлался письменнымъ языкомъ древней Россіи со времени введенія христіанства, не трудно узнать малорусскіе обороты въ первыхъ памятникахъ русской письменности, каковы „Повѣсть временныхъ лѣтъ" Нестора и „Слово о Полку Игоревѣ"; волынская хроника, наиболѣе поэтическая изъ всѣхъ лѣтописей, имѣетъ совершенно малороссійскій характеръ. Но особенно съ шестнадцатаго столѣтія, съ того времени какъ „обыкновенный" или „казацко-русскій" языкъ, очищенный отъ церковныхъ или „болгарскихъ" формъ, сдѣлался свободнымъ, онъ получилъ важное литературное значеніе для полемики политической и религіозной, повѣстей, драмы, переводовъ. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, раздѣлъ Украйны, эмиграція большаго процента образованныхъ людей въ Москву и Петербургъ, затѣмъ, съ конца восемнадцатаго вѣка, запрещеніе народнаго языка въ школахъ,—все это задержало малорусское литературное движеніе; но оно опять ожило, благодаря поэтамъ и романистамъ, которые говорятъ теперь чистымъ малорусскимъ нарѣчіемъ безъ примѣси церковно-славянскаго или польскаго языка. Одинъ изъ этихъ писателей — великій поэтъ Тарасъ Шевченко, бывшій долго крѣпостнымъ и солдатомъ, несчастливецъ, пѣсни котораго разсказываютъ о бѣдствіяхъ его народа и говорятъ ему о будущей „правдѣ и волѣ".

Малороссіяне отличаются большой понятливостью и очень любознательны: статистика доказываетъ, что популярныя научныя сочиненія распространяются у нихъ быстрѣе, нежели у великоруссовъ. Въ былыя времена Московское государство получало своихъ преподавателей изъ Малой Россіи и даже изъ Бѣлоруссіи; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи академіи существовали въ Острогѣ (на Волыни), въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, тогда какъ Великая Россія не имѣла еще ни одного высшаго

---

[1]) *Драгомановъ*, рукописныя замѣтки.

учебнаго заведенія; даже въ 1658 году, при заключеніи договора въ Гадячѣ, казаки ставили однимъ изъ условій возсоединенія Малороссіи съ Польшей учрежденіе двухъ университетовъ, которые бы пользовались такими же привилегіями, какъ краковскій университетъ; далѣе, выговаривали себѣ право основывать гимназіи и свободу печати. Теперь же эти украинскія области, гдѣ въ старину образованіе было въ такомъ большомъ почетѣ, занимаютъ послѣднее мѣсто по степени развитія народнаго просвѣщенія: онѣ имѣютъ наименѣе школъ и учащихся по сравненію съ числомъ жителей, какъ видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, показывающихъ состояніе начальнаго образованія въ 1876 г.[1]):

Въ дерптскомъ учебномъ округѣ.	1 учащійся на	14 жит.
„ варшавскомъ „ „	„ „	37 „
„ московскомъ „ „	„ „	51 „
„ петербургскомъ „ „	„ „	72 „
„ харьковскомъ „ „	„ „	83 „
„ казанскомъ и оренбургск. учебн. окр.	„ „	104 „
„ кіевскомъ учебномъ округѣ.	„ „	124 „

Послѣ промежутка въ сто лѣтъ, число начальныхъ школъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину въ бывшей казацкой Украйнѣ; такъ, напримѣръ, на территоріи Черниговскаго казачьяго полка въ 1748 году существовало 143 школы, а въ 1875 году на томъ же пространствѣ ихъ насчитывалось только 52[2]). Этотъ достойный сожалѣнія контрастъ между прошлымъ и настоящимъ долженъ быть приписанъ, главнымъ образомъ, употребленію въ школахъ языка, чуждаго дѣтямъ. Система централизаціи не оставила въ покоѣ и языка жителей. Литературныя попытки, которыя могли бы заставить цѣнить его, какъ онъ того заслуживаетъ, строго обуздывались. Цензура не разрѣшала никакихъ періодическихъ изданій на малороссійскомъ языкѣ; не дозволялось даже переводить сочиненія религіозныя или учебныя, давать театральныя представленія или читать публичныя бесѣды на этомъ нарѣчіи; даже текстъ музыкальныхъ сочиненій очищался цензорами отъ малороссійскихъ словъ[3]). Можно подумать, что имѣлось въ виду довести народъ до того, чтобы онъ относился съ презрѣніемъ къ своему родному языку, смотрѣлъ на него, какъ на простонародную рѣчь, и почиталъ за честь употреблять лишь слова, такъ сказать, заклейменыя казеннымъ штемпелемъ. Сомнительно, однако, чтобы подобное предпріятіе могло увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ на малороссійскомъ языкѣ говорятъ двадцать милліоновъ людей, изъ которыхъ три милліона живутъ за предѣлами Россійской имперіи, въ Галиціи, въ Буковинѣ, въ

[1]) „Русскій календарь“ Суворина на 1879 годъ.

[2]) Сборникъ черниговскаго земства.

[3]) *Dragomanov.* La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe. Rapports au congrès littéraire de Paris, 1878.

Венгріи. Малорусскій языкъ имѣетъ даже четыре каѳедры во львовскомъ университетѣ; тамъ переводятъ на малороссійскій языкъ Байрона, Шелли и творенія другихъ современныхъ писателей европейской литературы, и двѣнадцать періодическихъ изданій,—еще очень мало для всей націи,—выходятъ на этомъ языкѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Можно-ли порвать узы солидарности, связующія людей одного и того же языка по ту и другую сторону политической границы? Въ настоящее время самымъ чистымъ малорусскимъ языкомъ считается тотъ, которымъ говорятъ въ губерніяхъ Полтавской, Екатеринославской, на берегахъ Чернаго моря и въ южныхъ уѣздахъ Кіевской и Черниговской губерній. Въ сѣверной части Кіевской губерніи, и особенно на Волыни и въ Подоліи, къ малороссійскому нарѣчію, по Чужбинскому, примѣшано много польскихъ словъ и выраженій, тогда какъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи оно приближается къ бѣлорусскому, а въ губерніяхъ Курской и Харьковской, равно какъ въ области Войска Донскаго—къ великорусскому [1]. Однако, собранія народныхъ пѣсенъ, сдѣланныя во всѣхъ странахъ, населенныхъ малорусскимъ племенемъ, отъ верховьевъ Тиссы до низоваго Дона, доказываютъ, что на этомъ огромномъ пространствѣ малороссійскій языкъ представляетъ очень мало мѣстныхъ различій.

Аграрные вопросы имѣютъ капитальную важность во всей Россіи, но въ земляхъ украинскихъ казаковъ они тѣмъ важнѣе, что крупная земельная собственность появилась тамъ въ сравнительно недавнее время. Народъ помнитъ, что земля принадлежала ему, и въ періодъ крѣпостнаго права возмущенія крестьянъ составляли довольно частое явленіе. Уже до освобожденія крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ Украйнѣ праваго берега Днѣпра, правительство признало нужнымъ издать такъ называемыя инвентарныя положенія (приводившія въ извѣстность повинности крестьянъ и право владѣльцевъ на крѣпостную работу) и обезпечить крестьянамъ пользованіе землями, на которыя они имѣли право; затѣмъ, послѣ отмѣны крѣпостной зависимости, когда польское возстаніе 1863 года отразилось на малороссійскихъ областяхъ, вызвавъ среди украинскихъ крестьянъ праваго берега попытки къ бунту, цѣна выкупа земли, сдѣлавшагося обязательнымъ, была уменьшена на одну пятую, въ то же время величина надѣла была увеличена. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ надѣлъ составляетъ въ Кіевской губерніи двѣ съ половиной десятины, тогда какъ въ Полтавской онъ не достигаетъ даже 2 десятинъ. Однако, большое число украинскихъ крестьянъ совсѣмъ не получило земли и принуждено выселяться или работать у другихъ въ качествѣ батраковъ. Въ Новороссійскомъ краѣ положеніе крестьянъ лучше, потому что этотъ край еще сравнительно менѣе населенъ, вслѣдствіе чего крестьянскіе надѣлы тамъ значительно

---

[1]) *А. Чужбинскій*, Поѣздка въ Южную Россію.

больше (величина ихъ измѣняется, смотря по мѣстностямъ, отъ $2^1/_2$ до $6^2/_3$ десятинъ), отчасти и потому, что тамъ обработка почвы производится цѣлыми общинами.

Духъ общинной организаціи, который считали исчезнувшимъ изъ Малороссіи, проявляется тамъ, напротивъ, въ замѣчательной степени со времени освобожденія сельскаго сословія. Во всей странѣ существуютъ товарищества или артели рыболововъ, косарей, жнецовъ, напоминающія братства старыхъ запорожцевъ, съ тою разницею, что вмѣсто того, чтобы работать на самихъ себя, эти товарищества по большей части утилизируются предпринимателями или подрядчиками: начало ассоціаціи, основанной на равенствѣ всѣхъ членовъ, обнаруживается тамъ лишь въ организаціи труда и распредѣленіи заработка [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне снимаютъ у помѣщиковъ земли, чтобы сообща воздѣлывать ихъ, и дѣлятъ между собой получаемый продуктъ: при этомъ способѣ, «работа, говорятъ они, идетъ спорѣе, лучше и веселѣе» [2]). Въ Черниговской губерніи, гдѣ подобныя товарищества всего лучше изучены, они существуютъ съ давнихъ поръ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ старинные письменные памятники. Трудъ міромъ, артелью такъ укоренился въ нравахъ населенія, что на табачныхъ плантаціяхъ молодыя дѣвушки тоже соединяются въ артель, чтобы исполнять всѣ работы—садку, полотье, отборку листьевъ, приготовленіе табаку для продажи. Владѣльцу остается только вспахать землю да построить дома для работницъ и сараи для склада табаку. Молодыя дѣвушки получаютъ половину сбора и всегда дѣлятъ ее между собой поровну [3]).

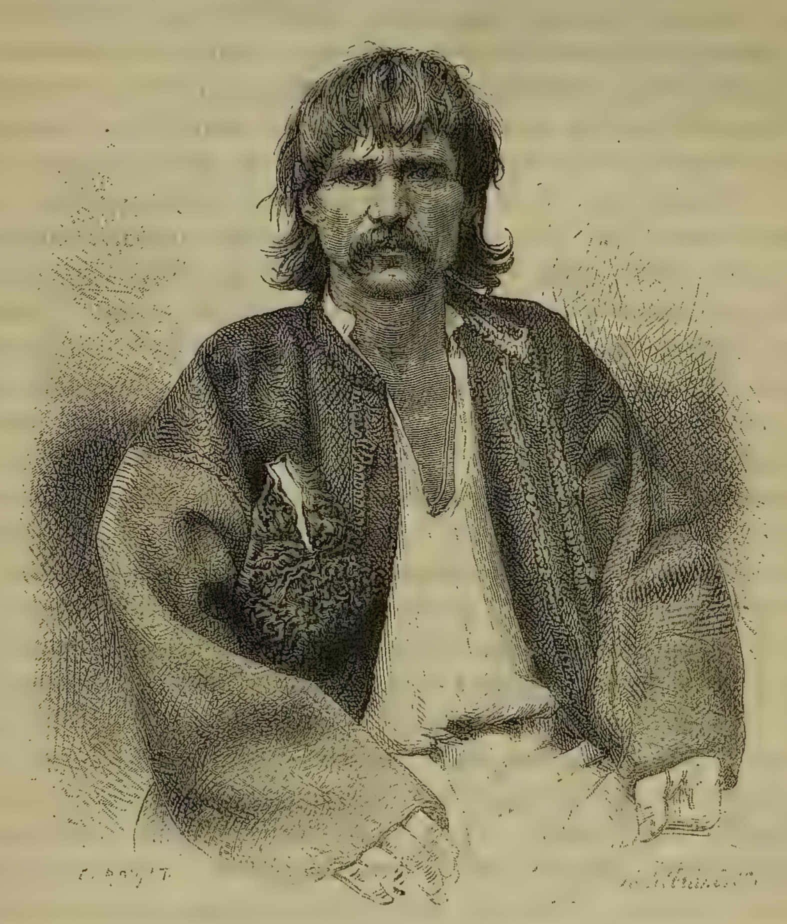
Если малороссы перешли далеко за предѣлы бассейновъ Днѣпра и Днѣстра, то и ихъ территорія получила представителей иноплеменной національности въ большомъ числѣ. Въ Малороссіи насчитываютъ, по меньшей мѣрѣ, до двадцати народностей, различающихся племеннымъ происхожденіемъ, нравами, языкомъ. Великоруссы врѣзываются тамъ и сямъ архипелагами во внутренность этой страны и образуютъ, кромѣ того, колоніи въ городахъ; поляки-католики, потомки бывшихъ властителей края и служители, составлявшіе у нихъ маленькіе дворы, сохранились группами во всей территоріи, которая составляла часть Польскаго королевства въ восемнадцатомъ столѣтіи; на югѣ—татары, также происходящіе отъ завоевателей, были тамъ и сямъ пощажены и теперь живутъ среди христіанскихъ населеній. Наконецъ, торговыя или кочевыя расы, евреи и караимы, армяне, греки, цыгане, разсѣяны по поверхности Малороссіи, одни — многочисленными группами, какъ евреи, другіе —

[1]) *Щербина*, Южнорусскія артели, „Недѣля", 1877, 1878 гг.

[2]) „Матеріалы для оцѣнки земель въ Черниговской губерніи", I.

[3]) Сборникъ свѣдѣній объ артеляхъ, II.

рѣдкими колоніями или бродячими кучками. Одна только изъ неславянскихъ національностей населяетъ сплоченными массами цѣлую часть территоріи: это—румыны на юго-западной границѣ, происходящіе частію отъ тѣхъ даковъ, которые представлены на колоннѣ Траяна. Можно опредѣлить въ 22,000 квадр. верстъ ихъ этнографическую область, сопредѣльную съ независимой Румыніей.

Подольскій румынъ.

Потомки колонистовъ, пришедшихъ въ край не по собственной иниціативѣ, а по приглашенію правительства, составляютъ особенный элементъ въ общемъ составѣ населенія южной Россіи. Степнымъ пространствамъ черноморскаго прибрежья, которыя столько разъ были опустошаемы войнами или даже систематически обращаемы въ безлюдныя пустыни, чтобы обезпечить миръ на границахъ, грозила опасность потерять всѣхъ своихъ жителей-казаковъ послѣ уничтоженія автономіи запорожскаго войска. Необходимо было призвать поселенцевъ изъ другихъ мѣстъ, чтобы замѣнить убѣгавшее населеніе. Еще въ 1784 году, когда періодъ новаго заселенія страны уже начался за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ,

народная перепись, произведенная въ самой оживленной и многолюдной области Украйны, то-есть на пространствѣ почти 1,000 верстъ, которое тянется вдоль обоихъ береговъ Днѣпра, отъ Кіева до Херсона, нашла всего только 45,500 душъ [1]). Только начиная съ этой эпохи, слѣдовательно менѣе ста лѣтъ, населеніе южной Россіи сдѣлалось прочно осѣдлымъ, имѣющимъ постоянное пребываніе, и историкъ можетъ разсказывать его жизнь, не имѣя надобности гоняться за нимъ по степямъ.

Между тѣмъ какъ русское населеніе страны было водворено въ ней какъ крѣпостное, принадлежащее дворянству или казнѣ, иностранные поселенцы явились туда людьми привилегированными. Между иностранцами нѣмцы откликнулись въ наибольшемъ числѣ на призывъ предпринимателей колонизаціи въ этой обширной территоріи, извѣстной подъ именемъ „Новой Россіи". Въ 1789 году они основали нѣсколько поселеній въ Екатеринославской губерніи, на западъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ, и въ степяхъ, разстилающихся между большимъ изгибомъ Днѣпра и Азовскимъ моремъ. Большинство этихъ иммигрантовъ прибыло изъ юго-западной и западной Германіи, изъ Швабіи, Пфальца, Гессена; эльзасцы въ небольшомъ числѣ также примѣшались къ группамъ колонистовъ. Эмигранты, вышедшіе изъ Мекленбурга и Восточной Пруссіи въ голодные годы, тоже основали колоніи въ разныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, равно какъ нѣмцы, переселившіеся туда изъ Польши и Венгерскаго королевства. Имена многихъ колоній напоминаютъ первоначальную родину жителей, и путешественникъ, проѣзжая черезъ этотъ край, съ удивленіемъ встрѣчаетъ деревни, носящія громкое названіе Мюнхена, Штутгарта, Дармштадта, Гейдельберга, Карлсруэ, Мангейма, Вормса, Страсбурга. Въ 1876 году число нѣмецкихъ колоній, сгруппированныхъ или разсѣянныхъ въ четырехъ губерніяхъ южной Россіи: Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской, простиралось до 370, а жителей въ нихъ насчитывали свыше 200,000 душъ, что составляетъ немного менѣе двадцатой части всего населенія этихъ губерній [2]). Вообще говоря, эти нѣмецкія колоніи находятся въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря льготамъ, которыми пользовались иностранные поселенцы впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній, благодаря также хорошимъ способамъ обработки земли и веденія сельскаго хозяйства, благодаря, наконецъ, трудолюбію и настойчивости крестьянъ германскаго происхожденія. Поля меннонитовъ на рѣкѣ Молочной, текущей къ Азовскому морю, даже славятся въ Россіи и во всей Европѣ тѣмъ необыкновеннымъ стараніемъ, съ которымъ они обработываются, орошаются и очищаются отъ сорныхъ травъ, красотой фруктовыхъ деревьевъ, которыми обсажены эти нивы, комфортомъ жилищъ

---

[1]) *Русовъ*, Нѣкоторыя свѣдѣнія о Днѣпрѣ.

[2]) *Peter Diehl*, Geograph. und Statist. Verein zu Frankfurt, 1875.

колонистовъ. Правда, различныя русскія секты, какъ, напримѣръ, молокане (получившіе свое названіе отъ р. Молочной), имѣли тамъ и сямъ колоніи, такъ же хорошо содержимыя, какъ и поселенія меннонитовъ; но, какъ отщепенцы господствующей русской церкви, они часто подвергались преслѣдованію, тогда какъ меннониты, эти нѣмецкіе молокане, пришедшіе съ береговъ германской Вислы, пользовались покровительствомъ до самаго послѣдняго времени: имъ дали нераздѣльными участками пространство, представляющее не менѣе 65 десятинъ земли на каждое семейство, а впослѣдствіи прибавили еще и тѣ земли, которыя обработывали русскіе сектанты, духоборцы и молокане, переселенные на Кавказъ [1]). Однако, нѣмецкіе колонисты скоро раздѣлились на два класса, изъ которыхъ одинъ, зажиточный, сдѣлался богаче, чѣмъ были первые пересенцы, тогда какъ другой потерялъ землю и состоитъ теперь изъ безземельныхъ батраковъ. Почти исключительно эти-то меннонитскіе пролетаріи выселялись недавно тысячами за океанъ въ Бразилію, въ Соединенные Штаты, чтобы избѣгнуть воинской повинности, хотя имъ предоставлено было право отбывать срокъ службы, если пожелаютъ, на верфяхъ или строительныхъ мастерскихъ, въ обозѣ или въ бригадахъ лѣсной стражи; однако, этимъ эмигрантамъ-меннонитамъ не повезло въ Новомъ Свѣтѣ, и большинство ихъ опять вернулось въ южную Россію. Что касается другихъ нѣмцевъ Новороссійскаго края, то большое число ихъ тоже эмигрировало, такъ что въ 1874 году, въ самый разгаръ этого великаго переселенія нѣмецкихъ колонистовъ, земли, предлагаемыя въ продажу, не находили покупателей [2]). Отнынѣ швабы Новой Россіи уравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ другими русскими подданными. Въ силу принципа централизаціи, они должны употреблять въ оффиціальныхъ сношеніяхъ русскій языкъ; впрочемъ, нѣкоторое число славянскихъ словъ и фразъ и безъ того уже проникло въ ихъ обычную рѣчь. Нѣмецкій языкъ, употребляемый теперь колонистами, представляется болѣе литературнымъ, чѣмъ былъ языкъ ихъ швабскихъ предковъ, благодаря вліянію школъ и маленькихъ сельскихъ библіотекъ. Но въ этихъ школахъ царствуетъ строго консервативный духъ; онѣ неизмѣнно остаются тѣмъ же, чѣмъ были въ восемнадцатомъ столѣтіи, и новые методы вводятся тамъ гораздо труднѣе, нежели въ русскихъ школахъ [3]). Ни одинъ меннонитъ не поступаетъ въ университетъ, ни даже въ гимназію.

Извѣстно, что около 1864 года секта штундистовъ, получившая такое названіе отъ „часовъ“ (Stunden), которые нѣмецкіе протестанты и меннониты посвящали религіозному бдѣнію, возникла по близости отъ этихъ германскихъ колоній, между малороссіянами, живущими въ окрест-

[1]) *Скальковскій*, „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края“, томъ I.
[2]) *Mittheilungen von Petermann*, 1878, № 11.
[3]) *Бар. Корфъ*, Отчетъ о школахъ Александровскаго уѣзда.

*

ностяхъ Одессы. Эта секта быстро распространилась, притомъ съ характеромъ гораздо болѣе радикальнымъ; она отличается въ особенности нерасположеніемъ къ духовенству и отверженіемъ св. таинствъ. Штунда уже не просто религіозная секта: это—„братство", члены котораго обращаются другъ съ другомъ какъ съ братьями въ повседневной жизни. Новая секта, которая появилась, какъ бы въ силу атавизма, въ странахъ западной Россіи, гдѣ нѣкогда развивалось протестантское движеніе и гдѣ образовались православныя братства[1]), пытавшіяся подчинить церковь мірянамъ, сдѣлала столь быстрые успѣхи, что цѣлыя деревни пристали къ штундѣ. Новыхъ „братьевъ", послѣдователей штундизма, можно встрѣтить даже въ Гомелѣ, въ Бѣлоруссіи[2]).

Нѣмецкія колоніи другаго происхожденія, отличныя отъ новороссійскихъ, устроились недавно на Волыни, особенно въ окрестностяхъ городовъ Луцка и Новоградъ-Волынска. Новые поселенцы, по большей части очень бѣдные и почти все земледѣльцы, гонимые голодомъ изъ Помераніи и Восточной Пруссіи, приходятъ снимать въ аренду у крупныхъ помѣщиковъ невоздѣланныя земли, или расчищать лѣса подъ пашни, и принуждены, какъ и ихъ сосѣди, русскіе крестьяне, занимать деньги у ростовщиковъ-евреевъ. Болѣе счастливы въ своихъ предпріятіяхъ, но не болѣе любимы мѣстнымъ населеніемъ—чешскіе крестьяне, которые почти всѣ пришли въ край съ 1868 года; обладая маленькими капиталами, они соединили ихъ, чтобы купить гуртомъ большія имѣнія, раздѣленныя впослѣдствіи на сотни мелкихъ участковъ. Благодаря панславистской пропагандѣ, эти славянскіе братья встрѣтили благосклонный пріемъ со стороны администраціи, и ни одно изъ преимуществъ, которыя были даны имъ, какъ и другимъ колонистамъ, не утрачено ими до сихъ поръ; кромѣ того, они объявили себя гусситами и призвали къ себѣ женатыхъ священниковъ, дабы такимъ образомъ избѣгнуть господства польскихъ католическихъ ксендзовъ, также какъ и господства русскаго православнаго духовенства. Въ числѣ около семи тысячъ, чехи поселились по большей части на линіи изъ Брестъ-Литовска въ Луцкъ; небольшія группы ихъ встрѣчаются также въ окрестностяхъ Бердичева.

Послѣ нѣмцевъ, наиболѣе значительныя группы между иностранными колонистами Новороссійскаго края составляютъ болгары. Болгарскія ко-

[1]) Такъ назывались издавна существовавшія въ западной Россіи общества, основанныя съ цѣлями благотворительными и религіозными. Они составлялись преимущественно горожанами, а во второй половинѣ XVI ст. получили опредѣленное устройство. Въ церковномъ отношеніи восточные патріархи предоставляли имъ многія права и привилегіи (даже право отлучать отъ церкви). Они заводили на свой счетъ школы для православныхъ дѣтей, больницы и типографіи для печатанія книгъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ. *Ред.*

[2]) Малороссійская штунда, „Недѣля", за 1877 г.; Раціонализмъ въ югѣ Россіи, „Отечественныя Записки", за 1878 г.

лоніи основывались въ разныя эпохи. Послѣ каждой войны съ Турціей, возвращавшаяся изъ похода русская армія приводила съ собой болгарскихъ бѣглецовъ, которымъ давали невоздѣланныя земли въ степяхъ, или тѣ земли, откуда были прогнаны мусульмане. Послѣ Крымской войны тысячи болгарскихъ эмигрантовъ получили въ собственность поля, оставшіяся свободными послѣ ухода татаръ-ногайцевъ. Деревни ихъ отличаются замѣчательной чистотой; ихъ сады и поля, состоящіе въ общинномъ владѣніи, свидѣтельствуютъ о хорошей земледѣльческой культурѣ; но тоска по родинѣ создала многочисленныя жертвы между этими болгарами. Новые колонисты жалѣли о своемъ балканскомъ отечествѣ, болѣе плодородномъ и болѣе прекрасномъ, и съ той поры, какъ Болгарія организовалась въ независимое княжество, много образованныхъ молодыхъ людей изъ болгарскихъ общинъ Новороссіи отправилось на Иллирійскій полуостровъ. Значительная часть территоріи, недавно уступленной Россіи Румыніей, также населена болгарскими земледѣльцами. При турецкомъ владычествѣ, населеніе этого края, какъ и населеніе Крыма и степей низоваго Днѣпра, состояло изъ ногайскихъ татаръ; но еще прежде, чѣмъ лѣвый берегъ Дуная перешелъ подъ власть русскаго правительства, эти татары переселились къ Азовскому морю. Тогда ихъ замѣнили болгарами. Главная иммиграція имѣла мѣсто послѣ Адріанопольскаго мира 1829 года. Новые пришельцы, поселившіеся преимущественно въ *Буджакѣ*, или южномъ „углу“ Бессарабіи, между Дунаемъ, Прутомъ и такъназываемымъ „Траяновымъ Валомъ“, скоро придали занятому ими краю печать благосостоянія, котораго онъ прежде никогда не имѣлъ. Ихъ земли лучше обработаны, чѣмъ поля ихъ сосѣдей-молдаванъ; ихъ дороги лучше содержатся; ихъ деревни, по большей части сохранившія прежнія свои татарскія названія, составляютъ совершенный контрастъ съ селеніями другихъ народностей по правильности планировки, опрятности, довольству и комфорту, по прекраснымъ виноградникамъ, которыми они окружены. Однако, эти болгары, такъ блистательно оправдывающіе репутацію ихъ племени относительно трудолюбія, воздержнаго образа жизни, бережливости, смѣшаны въ большей или меньшей степени съ молдаванами, русскими, греками, цыганами, съ которыми они переговариваются на всѣхъ жаргонахъ Востока.

Кромѣ важныхъ колоній нѣмцевъ и болгаръ, есть еще нѣсколько поселеній, гораздо менѣе многочисленныхъ, принадлежащихъ другимъ національностямъ. Такъ, близь Берислався существуетъ еще старѣйшая колонія, основанная Екатериной II, въ 1782 году; она состоитъ изъ шведовъ, которые добровольно или противъ воли должны были покинуть островъ Даго, уступивъ земли, составлявшія предметъ ихъ тяжбы съ нѣмецкими помѣщиками; но число этихъ колонистовъ, которое первоначально превышало тысячу душъ, сильно уменьшилось, такъ что въ 1863

году ихъ насчитывали только 322, и всѣ они занимались рыболовнымъ промысломъ; они говорили еще шведскимъ языкомъ и до этого времени оказывали отчасти успѣшное сопротивленіе усиліямъ ихъ сосѣдей, нѣмцевъ, которые стараются „германизировать" ихъ. Вѣроятнѣе, что употребленіе, почти неизбѣжное, русскаго языка поведетъ въ концѣ концовъ къ обрусенію этихъ шведскихъ колонистовъ[1]). Что касается сербскихъ колоній, основаніе которыхъ относится къ царствованію Елизаветы Петровны, когда нѣсколько тысячъ славянскихъ семействъ, преимущественно сербовъ, изъ турецкихъ и австрійскихъ владѣній, перешло въ русское подданство, и которыя были разселены русскимъ правительствомъ по всей сѣверной окраинѣ области запорожцевъ, съ цѣлью отдѣлить ее такимъ образомъ отъ центра Малороссіи, то эти колоніи почти совершенно слились съ туземнымъ населеніемъ, хотя при Екатеринѣ II онѣ были такъ многочисленны вокругъ городовъ Ново-Миргорода, Бахмута, Славянска, Славяносербска, что доставляли нѣсколько полковъ солдатъ, а населенная ими часть южной Россіи носила названіе „Новой Сербіи". Греки и албанцы, или арнауты, разсѣянные въ различныхъ земледѣльческихъ колоніяхъ или бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, по большей части перебрались въ города, гдѣ они занимаются торговлей. Изъ всѣхъ колоній, основанныхъ въ послѣднее столѣтіе, наименѣе благоденствующими оказались поселенія, гдѣ были водворены несчастные евреи, которыхъ хотѣли пріурочить къ земледѣльческому труду. Тѣ самые люди, которые обогатились бы въ городахъ, какъ торговцы или ростовщики, впадали въ глубокую нищету какъ хлѣбопашцы: исхудалые, едва прикрытые лохмотьями, живущіе въ полуразвалившихся лачугахъ, они не умѣютъ даже обработывать свои поля и сдаютъ половину ихъ въ аренду колонистамъ другой расы[2]). Однако, между этими еврейскими „колонистами" встрѣчаются и очень зажиточные, но они не пашутъ сами своихъ полей. „На що я буду ходить за плугомъ? Про те е мужикъ,—я ёму заплачу, вінъ и зробить, що мині треба", говорилъ одинъ колонистъ-еврей г. Чубинскому[3]).

Еврейскій міръ, который обнимаетъ Румынію, Венгрію, Галицію, Польшу, Литву, оканчивается на востокѣ въ Украйнѣ: къ востоку отъ губерній Полтавской и Черниговской начинается территорія, которая, не будучи безусловно воспрещена евреямъ для жительства, доступна только воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній и лицамъ, получившимъ ученую степень, купцамъ первой гильдіи и цѣховымъ ремесленникамъ имѣющимъ надлежащія свидѣтельства. Поэтому все еврейское населеніе скучено въ западныхъ провинціяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, въ

[1]) *Чужбинскій*, Поѣздка въ южную Россію.
[2]) *Mackenzie Wallace*, Russia, t. II.
[3]) *П. П. Чубинскій*, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край. (Юго-западный отдѣлъ).

числѣ по малой мѣрѣ трехъ милліоновъ душъ, ибо перепись 1870 года насчитала ихъ уже 2.759,800, а извѣстно, что у евреевъ нормальное приращеніе, происходящее вслѣдствіе излишка числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, значительнѣе, чѣмъ у христіанъ. Размноженіе сыновъ Израиля въ приднѣпровскихъ областяхъ было по истинѣ изумительно: въ концѣ восемнадцатаго столѣтія только нѣсколько еврейскихъ семействъ жило въ Херсонской губерніи, а въ 1870 году іудейское населеніе простиралось тамъ уже до 131,900 душъ. Всѣ эти евреи—потомки польскихъ евреевъ, которые, въ свою очередь, первоначально вышли изъ Германіи. До запрещенія, состоявшагося въ царствованіе императора Николая, всѣ евреи носили свой старый польскій костюмъ, длинный до пять сюртукъ и шапку съ околышемъ изъ лисьяго мѣха; всѣ они говорятъ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ съ примѣсью еврейскихъ словъ и выраженій условнаго жаргона, очень обѣднѣвшаго въ грамматическихъ формахъ и сильно ославянившагося вслѣдствіе введенія всѣхъ русскихъ названій деревьевъ и большаго числа глаголовъ [1]): этотъ языкъ называется *идышъ* (испорченное нѣмецкое слово *jüdisch*, еврейскій), или *ивритейцъ*; но, кромѣ того, раввинскій языкъ, смѣсь древнееврейскаго съ халдейскимъ, употребляется для важныхъ документовъ, въ оффиціальной перепискѣ и даже въ большомъ числѣ частныхъ писемъ, особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Соединенные въ *кагалы* или общины, которыя имѣютъ въ одно и то же время и религіозный, и гражданскій характеръ, евреи западной Россіи могли, въ большинствѣ, предаваться тѣмъ профессіямъ посредниковъ, которыя такъ хорошо согласуются съ ихъ національнымъ геніемъ; бо́льшая часть ихъ—купцы или мелкіе торговцы, подрядчики, коммисіонеры, факторы; болѣе седьмой части изъ нихъ шинкари, кабатчики, и такимъ образомъ собираютъ по копѣйкамъ маленькую деньгу крестьянина; но есть между ними и такіе, которые впадаютъ въ крайнюю бѣдность: въ западной Украйнѣ насчитывается свыше 20,000 евреевъ нищихъ. Средній доходъ каждаго еврейскаго семейства въ Украйнѣ, по исчисленію г. Чубинскаго, не превышаетъ 290 рублей въ годъ.

Тетеревъ, первый притокъ Днѣпра, впадающій въ эту рѣку ниже Припети, собираетъ свои первыя воды на плоской возвышенности, гдѣ находится городъ Бердичевъ, часто называемый „русскимъ Іерусалимомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, это—важнѣйшій центръ, такъ сказать, главная квартира всего еврейскаго міра Волыни, Подоліи, Кіевской губерніи. По переписи 1860 года, въ этомъ городѣ оказалось 50,400 израильтянъ на 54,000 съ небольшимъ всѣхъ жителей; но, по общему мнѣнію, весьма значительный процентъ бердичевскихъ евреевъ, часто отлучающихся изъ города въ качествѣ странствующихъ торговцевъ, ускользаетъ отъ всякаго

---

[1]) *Чубинскій*, выше цитированное сочиненіе.

оффиціальнаго исчисленія: вѣроятно, въ Бердичевѣ иногда собирается одновременно до 100,000 сыновъ Израиля. Притягательная сила, которую этотъ городъ, непредставляющій другихъ естественныхъ выгодъ, кромѣ своего центральнаго положенія между расходящимися рѣками, оказываетъ на евреевъ, происходитъ оттого, что король польскій Станиславъ-Августъ учредилъ здѣсь десять ярмарокъ, по ходатайству владѣльца, къ владѣніямъ котораго принадлежалъ Бердичевъ. Жители этого еврейскаго города занимаются разными промыслами: фабрикаціей табаку, приготовленіемъ галантерейныхъ и косметическихъ издѣлій; но всѣ эти произведенія предназначаются для мелочной разносной торговли, которая даетъ занятіе тысячамъ коробейниковъ, отправляемыхъ по всѣмъ окружающимъ губерніямъ и даже заграницу, въ Румынію и въ Австро-Венгрію. Цѣнность товаровъ, продаваемыхъ ежегодно бердичевскими купцами, опредѣляютъ въ 40 милліоновъ мет. рублей. Товары эти складываются по большей части въ подземныхъ гротахъ; послѣдніе идутъ по всѣмъ направленіямъ подъ городомъ, и происхожденіе ихъ относится, вѣроятно, ко временамъ доисторическимъ; общую длину этихъ пещеръ исчисляютъ въ 400 верстъ [1]).

По выходѣ изъ Кіевской губерніи, рѣчка Бердичевъ соединяется съ Тетеревомъ, который вскорѣ послѣ того встрѣчаетъ на своемъ теченіи Житоміръ, губернскій городъ Волынской губерніи. Этотъ городъ стоитъ на рубежѣ области лѣсовъ и области безлѣсныхъ пространствъ—рубежѣ, который продолжается далеко на западъ, до самой Галиціи, и который въ то же время служитъ этнографической границей между *полищуками* (т. е. „лѣсовиками“, жителями лѣсовъ) и *степовиками* (т. е. „степняками“, жителями степей), какъ называютъ другъ друга малороссы, живущіе по обѣ стороны раздѣльной линіи. По словамъ г. Житецкаго [2]), первые, т. е. полищуки, сохранили наиболѣе архаическія формы въ своемъ говорѣ, также какъ въ правахъ и обычаяхъ. Житоміръ ведетъ большую торговлю, преимущественно хлѣбомъ; но почти всѣ выгоды отъ этой торговли идутъ въ пользу евреевъ, которые составляютъ около трети городскаго населенія. Много еврейскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Россіи, выходитъ изъ Житоміра. Городъ Радомысль, стоящій также на Тетеревѣ, принадлежитъ уже Кіевской губерніи.

Много важныхъ городовъ расположено въ бассейнѣ Десны. Одинъ уѣздный городъ Орловской губерніи, Брянскъ, прежде Дебрянскъ, получившій это названіе отъ окружавшихъ его нѣкогда дремучихъ лѣсовъ, дебрей, о которыхъ теперь сохранились только преданія, расположенъ въ мѣстѣ соединенія двухъ верхнихъ вѣтвей этой рѣки, у подошвы высо-

[1]) *Копанскій; A. Kohn und Mehlis,* Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlich. Europa.

[2]) *Житецкій,* Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876.

ТИПЫ И КОСТЮМЫ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

кихъ утесовъ, огибаемыхъ теченіемъ Десны; это—городъ большой торговли, гдѣ желѣзная дорога, идущая изъ Смоленска въ Орелъ, пересѣкаетъ рѣку уже судоходную и гдѣ находится пристань для сплава хлѣба, пеньки, сала; здѣсь даже была основана судостроительная верфь; въ настоящее время въ Брянскѣ существуетъ казенный пушечно-литейный заводъ и арсеналъ. Брянскіе купцы скупаютъ много земледѣльческихъ произведеній въ губерніи и скота въ южныхъ уѣздахъ для отправки ихъ въ Москву, Петербургъ или южные порты Балтійскаго моря. Трубчевскъ, стоящій ниже на Деснѣ, занимается такой же промышленностью, какъ Брянскъ, и продаетъ хлѣбъ, доставляемый ему по рѣкамъ Неруса и Сѣвъ, изъ уѣздовъ Дмитровскаго и Сѣвскаго. Городъ Сѣвскъ получилъ извѣстность въ исторіи смутнаго времени: здѣсь расположился станомъ и укрѣпился, въ 1604 году, Первый Лжедимитрій, среди своихъ приверженцевъ, изгнанниковъ и казаковъ, чтобы идти потомъ на завоеваніе Москвы. Къ западу отъ Трубчевска, древній городъ Стародубъ, находящійся уже въ Малороссіи (въ Черниговской губерніи), также напоминаетъ многія событія изъ войнъ между русскими, поляками, казаками и татарами; здѣсь явился второй самозванецъ, Лжедимитрій II, извѣстный подъ именемъ „Тушинскаго вора"; въ Стародубскомъ уѣздѣ находятся нѣкоторыя изъ главныхъ колоній раскольниковъ. Въ этомъ городѣ сохранились остатки прежнихъ укрѣпленій, также какъ въ Погарѣ, стоящемъ на томъ же западномъ притокѣ Десны. Далѣе къ югу, на самомъ берегу этой рѣки, построенъ Новгородъ-Сѣверскъ, бывшая столица древняго Сѣверскаго княжества, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ имени города. Ниже Коропъ и Сосница, другіе города сѣверянъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ долинѣ Десны, объемъ которой почти вдвое увеличивается послѣ сліянія съ важнѣйшимъ ея притокомъ, рѣкой Сеймомъ.

Половина Курской губерніи принадлежитъ къ бассейну Десны, и главный городъ ея расположенъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ рѣка становится сплавной, при соединеніи двухъ изъ ея притоковъ. Курскъ—великорусскій городъ, имѣющій довольно важное торговое значеніе, благодаря тремъ желѣзнымъ дорогамъ, направляющимся къ Кіеву, Москвѣ, Харькову. Курская ярмарка, извѣстная подъ именемъ „Коренной" [1]), была прежде важнѣйшимъ годовымъ рынкомъ на югѣ Россіи, да и теперь еще обороты ея простираются до 4 милліоновъ рублей (прежде доходили до 15 милл.); но она значительно упала съ той поры, какъ центръ торговаго обмѣна между промышленной областью средней Россіи и земледѣльческими губерніями южной полосы перемѣстился къ югу, въ Харьковъ. Сосѣдніе города, Щигры, Тимъ, Фатежъ, суть простые рынки

[1]) Эта ярмарка бываетъ въ 27 верст. отъ Курска, при Богородицо-Знаменскомъ монастырѣ, называемомъ „Коренной пустынью", откуда и названіе ярмарки. *Пер.*

для земледѣльческихъ произведеній окрестной мѣстности, также какъ и лежащіе ниже на Сеймѣ—Льговъ, Рыльскъ, Путивль (древній городъ). Рыльскъ замѣчателенъ еще какъ главный складочный пунктъ для привозимыхъ изъ Штиріи косъ, которыя отсюда разсылаются по всей Европейской и Азіатской Россіи. Недалеко оттуда, въ Черниговской губерніи, и уже въ Малороссіи, находятся важные города Глуховъ, большой хлѣбный рынокъ, Кролевецъ (съ ярмаркой), Конотопъ, бывшій крѣпостью въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, Борзна, Березна. Конотопъ, лежащій при пересѣченіи желѣзнодорожныхъ линій, быстро увеличиваетъ размѣры своей торговой дѣятельности. Прежде важнымъ городомъ этой страны былъ Батуринъ, названный такъ въ честь его основателя, польскаго короля Стефана Баторія, который сдѣлалъ его резиденціей малороссійскихъ гетмановъ; Меншиковъ разрушилъ этотъ городъ, но живописныя развалины гетманскаго замка, вновь отстроеннаго, потомъ опять разрушеннаго, еще возвышаются надъ домами новѣйшей постройки, на южномъ берегу Сейма. Въ Глуховскомъ уѣздѣ находится Шостенскій пороховой заводъ, гдѣ приготовляется селитра для всѣхъ другихъ заводовъ Россіи.

Исторія Чернигова, нынѣ губернскаго города, сливается съ исторіей страны. Этотъ городъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, принадлежалъ сѣверянамъ, и въ немъ до сихъ поръ можно видѣть соборную церковь, гдѣ нѣкоторыя части зданія относятся къ одиннадцатому столѣтію. Долго оспариваемый другъ у друга литовцами, поляками и москвитянами, онъ присоединился окончательно къ Московскому государству въ 1654 году, вмѣстѣ со всей казацкой Украйной; въ настоящее время онъ принимаетъ участіе въ обширной торговлѣ хлѣбомъ, пенькой и другими земледѣльческими произведеніями, которая обогащаетъ бассейнъ Десны. Несмотря на свое привилегированное положеніе въ качествѣ административнаго центра, Черниговъ не имѣетъ столько жителей, какъ Нѣжинъ, другой городъ губерніи, расположенный на обоихъ берегахъ Остера, небольшаго канализованнаго притока Десны, и при желѣзной дорогѣ изъ Кіева въ Москву. Въ семнадцатомъ столѣтіи въ Нѣжинѣ поселилась колонія грековъ, которая долгое время пользовалась особенными привилегіями; впрочемъ, это была скорѣе каста, чѣмъ колонія въ обыкновенномъ смыслѣ, такъ какъ и другіе иностранные выходцы, преимущественно болгары, неумѣвшіе даже говорить по-гречески, вступали въ эту группу, съ цѣлью возвысить свое общественное положеніе. Прежде нѣжинскіе греки вели значительную торговлю шелкомъ, посылая этотъ продуктъ въ Турцію, Италію и Австрію; но теченія торговаго обмѣна перемѣстились, и греческая колонія пришла въ упадокъ. Съ 1820 года въ Нѣжинѣ существуетъ высшее учебное заведеніе, основанное на средства частнаго лица (графа Безбородко), подъ именемъ

лицея, и преобразованное съ 1875 году въ филологическій институтъ; со времени преобразованія, число студентовъ уменьшилось (студентовъ лицея въ 1871 году—180; студентовъ института въ 1877 году—31). Промышленность этого края имѣетъ важность только по приготовленію въ большомъ количествѣ табаку, составляющаго главный предметъ мѣстнаго земледѣлія (производство табаку въ Черниговской губерніи въ 1875 г.—около двухъ милліоновъ пудовъ[1]), треть общаго производства Россіи). Городъ Козелецъ, лежащій къ западу отъ Нѣжина, также на р. Остеръ, населенъ отчасти ремесленниками, которые уходятъ на заработки въ другіе города.

Кіевъ, „священный городъ", „мать городовъ русскихъ" („Кіоава" или „Самватасъ" Константина Багрянороднаго, „Куява" арабовъ, „Манъ-Керманъ" татаръ),—изъ числа тѣхъ городовъ Европы, которые самымъ положеніемъ своимъ заранѣе были предназначены сдѣлаться однимъ изъ центровъ тяжести въ ходѣ исторіи. Онъ стоитъ почти на серединѣ Днѣпровскаго бассейна, въ равномъ разстояніи отъ области истоковъ и морскаго прибрежья, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ верхніе притоки, уже соединившись съ главной рѣкой, приносятъ ей свои воды и свое торговое движеніе. Географическіе поясы лѣсовъ, черноземныхъ пространствъ, степей, очень сближенные въ этомъ мѣстѣ, соединяются одинъ съ другимъ теченіемъ Днѣпра, надъ которымъ Кіевъ господствуетъ съ высоты своихъ горъ. Столь выгодное мѣстоположеніе не могло не быть оцѣнено съ тѣхъ поръ, какъ мирныя торговыя сношенія направились изъ Византіи и отъ береговъ Понта Эвксинскаго внутрь материка, къ центральной Россіи; по всей вѣроятности, городъ существовалъ задолго до того время, когда имя его впервые упоминается въ лѣтописахъ: эпоха, въ которую три легендарные брата[2]) или три народа основали его, теряется во мракѣ временъ, предшествовавшихъ русской исторіи. Одинъ лѣтописецъ одиннадцатаго вѣка, епископъ Дитмаръ, говоритъ о его четырехъ стахъ церквахъ; а во время пожара 1124 года пламя, по сказанію лѣтописи, истребило шестьсотъ храмовъ. Черезъ Кіевъ проникло и христіанство въ Россію, именно потому, что этотъ городъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ южной Европой. Но самыя его богатства служили опасной приманкой и привлекали со всѣхъ сторонъ враговъ; онъ былъ четыре раза разграбленъ и разрушенъ: въ 1171 г.—войсками Андрея Боголюбскаго, князя суздальскаго, въ 1240 г.—монгольскими полчищами Батыя, затѣмъ въ 1416 году татарами и,

---

[1]) Въ 1878 г. въ губ. Черниговской было собрано 1.025,000 пуд., во всей Россіи—3.260,000, а съ Закавказьемъ и Туркестаномъ—около 4 милл. пуд. *Ред.*

[2]) Баснословное преданіе приписывало основаніе города тремъ братьямъ: Кію, Щеку и Хореву, имена которыхъ будто бы сохранились въ названіи Кіева и двухъ сосѣднихъ холмовъ: Щековицы и Хоревицы. *Перев.*

наконецъ, въ 1584 г.—татарами Крымской Орды, союзниками Ивана III Московскаго; впродолженіи десяти лѣтъ, какъ говорятъ, холмъ, гдѣ былъ построенъ гордый городъ, оставался пустыннымъ. Но онъ поднялся изъ своихъ развалинъ, и хотя Кіевъ давно пересталъ быть центромъ славянскихъ княжествъ, хотя онъ такимъ образомъ утратилъ притягательную силу, обыкновенно оказываемую столицами, хотя онъ часто былъ отрѣзываемъ отъ своихъ прямыхъ сообщеній съ моремъ и опустошаемъ войнами, онъ все-таки сохранилъ одно изъ первыхъ мѣстъ между славянскими городами: онъ теперь четвертый городъ Россійской Имперіи по количеству населенія; съ начала нынѣшняго столѣтія число его жителей удвоилось. Кіевъ, если не считать Петербурга, единственный городъ Россіи, имѣющій подробную статистику населенія.

Населеніе Кіева въ 1874 г.—127,251 (евреевъ—10,53%; поляковъ—6,41%).

Умѣющихъ читать и писать	375 на 1,000
Умѣющихъ читать	68 „ „
Неграмотныхъ	556 „ „
Говорящихъ литературнымъ языкомъ . . .	49,32%
„ малороссійскимъ „	39,26%
„ великорусск. простонароднымъ яз.	9,91%
„ бѣлорусскимъ языкомъ . .	1,51%

Пространство, занимаемое Кіевомъ, на террасѣ, которая возвышается на 330—430 футовъ надъ поверхностью рѣки, на скатахъ холмовъ и на поясѣ земли, который тянется у ихъ основанія, составляетъ около 45 квадр. верстъ. Дома слѣдуютъ длиннымъ рядомъ вдоль рѣки, или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея водъ, на протяженіи около десяти верстъ; не вездѣ соединенные въ сплошные кварталы, они, по крайней мѣрѣ, достаточно сближены одни съ другими, чтобы различныя части города образовали связное цѣлое. Однако, обширныя пространства еще не заняты постройками, или на нихъ не встрѣчается другихъ жилищъ, кромѣ настоящихъ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ, или мазанокъ изъ глины. Въ 1874 г. въ Кіевѣ насчитывалось 9,867 строеній; изъ нихъ:

Строеній изъ дерева	64,68%
„ „ „ и камня	14,75%
„ „ камня	12%
„ „ глины	8,57%

Нѣкоторыя улицы Кіева по ширинѣ похожи на площади; группы и аллеи высокихъ пирамидальныхъ тополей, ростущихъ тамъ и сямъ по скатамъ холмовъ, своей зеленью составляютъ яркій контрастъ съ позолотой куполовъ многочисленныхъ церквей. Не разростаясь наружу, Кіевъ можетъ вмѣстить еще двойное, даже тройное количество своего теперешняго населенія, покрывая домами пустопорожнія или малозастроенныя

пространства. Городъ дѣлится на три части: Старый Кіевъ, Печерскъ и Подолъ, и каждая изъ этихъ частей имѣетъ свою особенную физіономію. Внизу, Подолъ, раскинувшійся въ сосѣдствѣ съ рѣкой, служитъ средоточіемъ торговли и промышленности; онъ занимаетъ, въ обширной выемкѣ плоскогорья, полуденную часть равнины, въ которой рѣка Почайна соединяется съ Днѣпромъ, и надъ которой съ сѣверной стороны господствуетъ холмъ Вышгородъ, — село св. Ольги, гдѣ жили жены Владиміра-язычника. Къ югу отъ Подола нагорье, разрѣзанное тремя глубокими оврагами, перпендикулярными къ направленію рѣки, приближается къ высокимъ берегамъ Днѣпра, и крутые скаты его сливаются, наконецъ, съ этими берегами. Овраги дѣлятъ городъ на особенные кварталы.

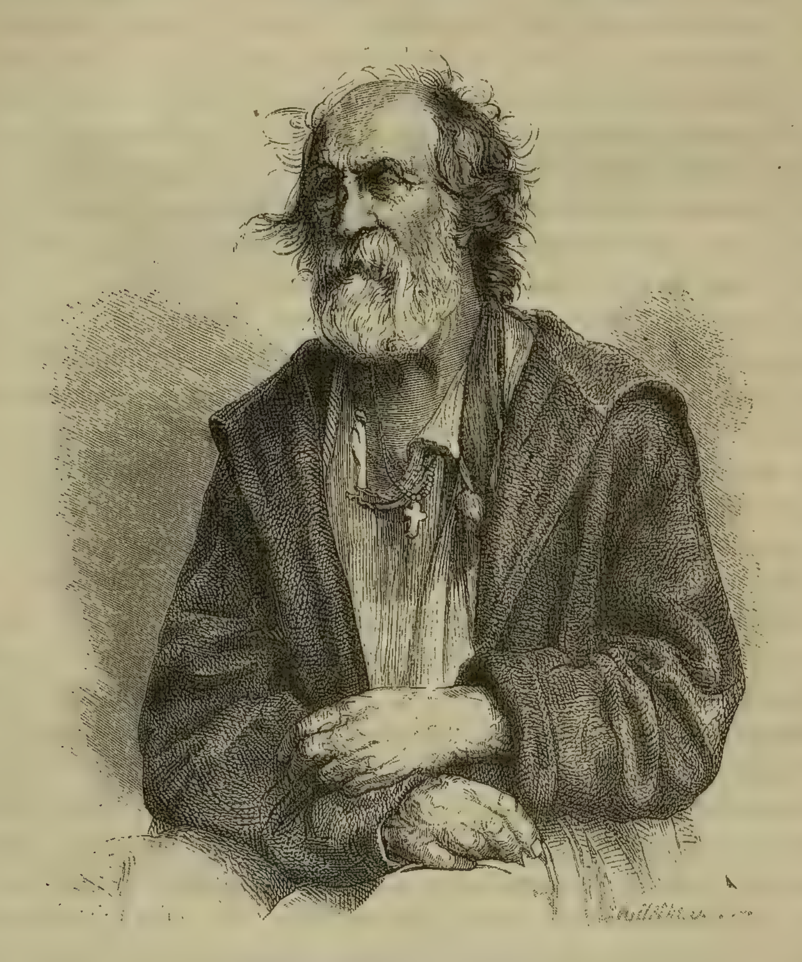
Изъ всѣхъ этихъ высокихъ мысовъ нагорнаго берега, слѣдующихъ одинъ за другимъ по направленію отъ сѣвера къ югу, третій оканчивается наиболѣе величественнымъ выступомъ надъ рѣкой, а на самой оконечности его высится одно изъ славнѣйшихъ религіозныхъ зданій Кіева, одна изъ главныхъ его святынь — Храмъ Андрея Первозваннаго [1]). Соборъ св. Софіи или Премудрости Божіей (съ гробомъ основателя храма, князя Ярослава), стоящій на томъ же отрывкѣ плоскогорья, но въ центрѣ Стараго Кіева, есть, вмѣстѣ съ сосѣдними „Золотыми Воротами“, одинъ изъ древнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Россіи въ нѣкоторыхъ его частяхъ, пощаженныхъ огнемъ въ эпоху нашествія Батыя: тутъ видны еще уцѣлѣвшіе отъ временъ глубокой древности ряды кирпичей и камней, нѣсколько мозаичныхъ и фресковыхъ изображеній (греческой работы); но бо́льшая часть украшающихъ его произведеній иконной живописи была реставрирована или, вѣрнѣе сказать, передѣлана. Прекрасная улица Крещатикъ, одна изъ красивѣйшихъ улицъ Кіева, занимаетъ оврагъ, отдѣляющій Софійскую террасу отъ террасы Липки; далѣе слѣдуетъ Печерскъ, южный выступъ горъ, на которомъ расположенъ Печерскій монастырь и группа церквей Лавры [2]), почитаемые главнѣйшей святыней Россіи; они возвышаются надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были крещены первые русскіе. При входѣ въ ограду Лавры величественно представляется, посреди широкаго монастырскаго двора, семиглавая соборная церковь

---

[1]) Храмъ этотъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, св. апостолъ Андрей водрузилъ крестъ и предсказалъ, что здѣсь будетъ великій городъ, и на горахъ благодать Господня возсіяетъ. *Перев.*

[2]) Основаніе Печерскаго монастыря положено, въ 1062 г., преп. Антоніемъ, который поселился въ пещерѣ на берегу Днѣпра (ископанной Илларіономъ); когда слава о его подвижничествѣ привлекла къ нему нѣсколькихъ послѣдователей, онъ образовалъ изъ нихъ общину, поставилъ имъ игумена, а самъ затворился въ пещерѣ и не выходилъ изъ нея 40 лѣтъ. Настоящимъ устроителемъ этого монастыря, которому Изяславъ-I отдалъ всю сосѣднюю гору, явился второй его игуменъ, св. Ѳеодосій. Впослѣдствіи вблизи монастыря была выстроена такъ называемая Кіево-Печерская лавра, съ главной ея святыней—иконой Успенія Богоматери. *Перев.*

Успенія Божіей Матери и за нею высокая, четырехъ-ярусная колокольня. Во внутренности горы идутъ многочисленныя пещеры, извилистыя подземныя галереи, происхожденіе которыхъ, можетъ быть, одинаково съ происхожденіемъ другихъ пещеръ, лежащихъ на сѣверѣ, гдѣ найдены остатки, относящіеся къ каменному вѣку[1]); однако, онѣ были, по крайней

Кіевскій богомолецъ.

мѣрѣ отчасти, ископаны св. Илларіономъ и другими отшельниками и превращены уже много вѣковъ тому назадъ въ часовни, въ подземныя церкви (между ними особенно чествуются церковь св. Антонія и церковь св. Ѳеодосія), въ ниши, въ углубленіяхъ которыхъ стоятъ гробницы; песчаные слои, залегающіе въ толщѣ плоскогорья между двумя пластами глины и въ которыхъ открываются всѣ эти подземелья, хранятъ мощи подвизавшихся въ пещерахъ св. угодниковъ. Есть отдѣльныя кельи

[1]) *Антоновичъ*, Отчетъ Историческаго общества Нестора-Лѣтописца.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

съ однимъ узкимъ отверстіемъ надъ наглухо заложеннымъ входомъ: въ нихъ спасались затворники; только разъ или два въ недѣлю у отверстія клали просфору, и если она оставалась нетронутою впродолженіе недѣли или двухъ, заключали, что святой затворникъ скончался; тогда его отпѣвали въ той же самой пещерѣ, гдѣ онъ похоронилъ себя заживо. Въ одной изъ гробницъ покоится „Преподобный Несторъ Лѣтописецъ", который жилъ въ Печерскомъ монастырѣ и, безъ сомнѣнія, написалъ тамъ часть лѣтописей, которыя ему приписываются. Лавра съ ея святынями привлекаетъ массы богомольцевъ, какъ малороссовъ, такъ и великороссовъ: каждый годъ до 300,000 человѣкъ приходятъ со всѣхъ концовъ Россіи поклониться св. мощамъ и иконамъ, а въ большіе праздники, особенно въ Троицу и въ день Успенія, тысячи богомольцевъ толпятся у воротъ монастыря. Такъ какъ огромныя комнаты монастырскихъ гостинницъ не могутъ вмѣстить всей этой массы гостей, то множество странниковъ располагаются на ночлегъ во дворахъ и на дорогахъ: въ ночь 15 августа 1872 года было насчитано около 72,000 богомольцевъ, расположившихся на голой землѣ. При появленіи эпидеміи въ краѣ, она заносится богомольцами и въ Кіевъ; тамъ она производитъ такія же опустошенія, какъ холера между мусульманскими хаджи, стекающимися въ Мекку, и оттуда разносится во всѣ части Россіи. Въ голодные годы число странниковъ увеличивается: путешествіе къ кіевскимъ святымъ мѣстамъ даетъ имъ право выпрашивать въ видѣ подаянія хлѣбъ, котораго имъ негдѣ было бы взять дома.

Старинныя укрѣпленія, защищавшія Лавру, были въ новѣйшія времена расширены и увеличены правильными крѣпостными верками, которые окружаютъ весь холмъ. Самый городъ Печерскъ былъ почти совершенно разрушенъ, чтобы дать мѣсто крѣпостнымъ сооруженіямъ. Напротивъ, ограда Стараго Кіева была снесена; въ этой то части и развивается новый городъ; по выработаннымъ недавно проэктамъ, еще неполучившимъ осуществленія, новые форты должны быть воздвигнуты въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся университетъ, обсерваторія и другія большія зданія; пока же форты сооружены на высотахъ, господствующихъ надъ линіей желѣзной дороги и надъ долиной Лыбеди. Кіевскій университетъ, перенесенный сюда изъ Вильно, послѣ польскаго мятежа 1831 года, можетъ принимать въ число своихъ слушателей не болѣе $^1/_5$ студентовъ католическаго вѣроисповѣданія. Хотя онъ и считается третьимъ въ Россіи, но онъ много потерялъ — въ первый разъ во время послѣдняго польскаго возстанія, въ которомъ приняли участіе студенты-поляки, а потомъ въ 1878 году, когда 140 студентовъ были высланы. Нѣкоторыя изъ коллекцій университета, особенно естественно-историческія, очень богаты и прекрасно систематизированы; библіотека его — одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ, благодаря наслѣдству, полученному отъ вилен-

скаго университета и кременецкаго лицея, которые были обогащены подарками польскихъ магнатовъ: по исторіи Возрожденія, реформаціи и религіозныхъ войнъ тутъ есть рѣдкія и весьма цѣнныя сочиненія; архивы также заключаютъ единственные въ своемъ родѣ документы по исторіи Малороссіи. Кіевскій университетъ къ 1 января 1878 г. имѣлъ 94 профессора и 771 студента; въ библіотекѣ его 150,000 томовъ, годовой бюджетъ университета 350,000 руб.[1]). Въ 1878 году въ Кіевѣ основаны профессорами высшіе женскіе курсы. До основанія университета высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ городѣ была лишь духовная академія, также имѣющая свою библіотеку и музей; она расположена близъ рѣки, въ началѣ Подола; въ число ея студентовъ до сихъ поръ поступаютъ молодые люди изъ всего южнаго славянскаго міра, изъ Сербіи и Болгаріи.

Кромѣ церквей и школъ, въ Кіевѣ заслуживаютъ вниманія также памятникъ Владиміру Святому и колонна въ память крещенія русскаго народа въ 988 году въ водахъ Почайны. Въ ту эпоху Днѣпръ протекалъ не у подножія кіевскихъ холмовъ,—его теченіе имѣло гораздо болѣе восточное направленіе, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится „Чертовъ ровъ", и Днѣпръ соединялся съ Почайной только при началѣ Печерскаго мыса. Въ послѣднее время Днѣпръ снова стремится войти въ свое прежнее русло; впродолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ инженеры работали надъ тѣмъ, чтобы, помощью плотинъ, поставить преграду такому перемѣщенію. Во что бы то ни стало нужно сохранить русло рѣки вблизи промышленнаго и торговаго Подола съ его складами лѣса, хлѣба, сахара и разнообразными мануфактурами. Два моста черезъ Днѣпръ построены ниже Кіева. Первый, висячій, имѣющій мало соперниковъ и въ Европѣ, начинается отъ крутаго берега у подножія Лавры; онъ состоитъ изъ шести пролетовъ, имѣющихъ въ суммѣ 375 саж. длины. Новый желѣзнодорожный мостъ находится въ 3 верстахъ къ югу отъ перваго. Какъ пунктъ по торговлѣ хлѣбомъ, Кіевъ имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ сосѣднее съ нимъ село Ржищево, получившее свое названіе отъ слова „рожь" и расположенное на томъ же берегу, но нѣсколько ниже по теченію рѣки.

Ближайшій къ Кіеву городъ, Васильковъ, лежитъ въ 40 верстахъ къ югу-западу, на небольшомъ западномъ притокѣ Днѣпра—Стугнѣ. Это также одинъ изъ древнихъ городовъ, основанный еще въ десятомъ вѣкѣ. Третья часть его жителей — евреи; это еще мало сравнительно съ другими городами Кіевской губерніи къ западу отъ Днѣпра. Въ Сквирѣ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Роси, они составляютъ половину населенія; въ г. Таращѣ, находящемся въ бассейнѣ той же рѣки, евреевъ болѣе третьей части; нѣкоторые роды промышленности находятся совершенно въ ихъ рукахъ, какъ, напр., сапожный и портняжій промыслы,

[1]) Къ 1 января 1882 г., студентовъ 1,264. *Ред.*

а также постройка домовъ. Бѣлая Церковь, на Роси, бывшая однимъ изъ главныхъ казацкихъ городовъ, замѣчательна еще тѣмъ, что тутъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій подписалъ въ 1651 году вторичный договоръ съ Польшею, по которому послѣдняя признала автономію Украйны. Будучи весьма торговымъ городомъ, въ которомъ производятся также земледѣльческія машины, Бѣлая Церковь есть вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіе обширныхъ помѣщичьихъ имѣній; въ замкѣ, находящемся тамъ, есть драгоцѣнные историческіе документы. Равнина между Стугной и Росью славна въ исторіи тѣми битвами, которыя происходили здѣсь между русскими и куманами, между христіанами и магометанами, между татарами и поляками; русскіе князья, начиная съ Владиміра Святаго, поселяли здѣсь побѣжденныя тюркскія и даже чудскія племена; о существованіи этихъ колоній свидѣтельствуютъ географическія имена. Сотни кургановъ, насыпанныхъ на холмахъ, вздымающихся по берегамъ Роси, порождаютъ воспоминаніе о неизвѣстныхъ вождяхъ, павшихъ здѣсь на поляхъ битвы. Къ югу отъ Стугны видны остатки древнихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ противъ половцевъ или кумановъ. Эти окопы извѣстны подъ именемъ Зміева Вала: согласно легендѣ, драконъ, запряженный въ плугъ какого-то героя или святаго, прорылъ ровъ вдоль вала. Вездѣ, гдѣ производятся раскопки въ этихъ мѣстахъ, именно въ Корсунѣ и Каневѣ, находятъ человѣческія кости, оставшіяся тамъ послѣ рукопашныхъ схватокъ и сѣчъ. Немного ниже Канева, на холмѣ, возвышающемся надъ Днѣпромъ, находится могила поэта Шевченко, родина котораго недалеко отсюда.

По другую сторону Днѣпра, въ Полтавской губерніи, рѣка Трубежъ прорѣзываетъ одну изъ самыхъ славныхъ въ исторіи частей Малороссіи. Переяславль, лежащій при сліяніи Трубежа съ Альтою, основанъ, какъ говорятъ, еще Владиміромъ Равноапостольнымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ побѣдилъ печенѣговъ, и съ того времени городъ этотъ сдѣлался аванпостомъ Кіева, куда собирались княжескія дружины для отраженія набѣговъ южныхъ кочевниковъ. Во время казацкихъ войнъ, Переяславль былъ также однимъ изъ главныхъ пунктовъ военныхъ дѣйствій, и въ немъ Богданъ Хмѣльницкій и казацкая рада, въ 1654 году, рѣшили отдаться подъ покровительство царя Алексѣя Михайловича. Въ прежнее время Трубежъ былъ судоходенъ, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ якорь, найденный въ береговыхъ наносахъ этой рѣки; теперь же пристань находится въ 7 верстахъ къ западу отъ города, въ деревнѣ Андруши, лежащей на одной изъ излучинъ Днѣпра. Золотоноша, лежащая къ югу, также удалена отъ рѣки и принуждена перевозить свои продукты до Днѣпра гужемъ. Главная пристань этой части Днѣпра—древнія Черкасы, по мѣстному преданію основанная „черкесами“ и передавшая это названіе также днѣпровскимъ казакамъ. Городъ этотъ расположенъ на правомъ берегу рѣки, на мысѣ, размываемомъ водою. Чигиринъ на Тясминѣ, расположенный

у подошвы холма, доставляющаго жерновой камень, также одинъ изъ бывшихъ главныхъ городовъ казаковъ; онъ былъ защищенъ еще лучше Черкасъ обширными трясинами, окружавшими его. Къ востоку Тясминъ соединяется съ Днѣпромъ цѣлою сѣтью блуждающихъ рѣчекъ, впадавшихъ когда-то въ изчезнувшее теперь озеро, на мѣстѣ котораго были находимы обломки погибшихъ судовъ [1]. Полузатопленные лѣса этихъ низинъ служили, можетъ быть, убѣжищемъ для нѣкоторыхъ мелкихъ племенъ мордвы и хазаръ, на что до нѣкоторой степени указываютъ названія деревень; а во времена историческія, какъ это достовѣрно извѣстно, они же давали пріютъ казакамъ, и преслѣдованіе ихъ тамъ было сопряжено съ большимъ трудомъ. Въ церкви одной изъ деревень этой мѣстности, въ Суботовѣ, находилась гробница Богдана Хмѣльницкаго, разрушенная поляками.

Одинъ изъ менѣе неудобныхъ путей чрезъ эту болотистую мѣстность пролегалъ вблизи устья Тясмина, въ томъ мѣстѣ, гдѣ частыя наводненія Днѣпра нѣсколько возвысили мѣстность наносами песка и глины, и здѣсь происходили постоянныя битвы между поляками, казаками и татарами изъ-за обладанія этимъ стратегическимъ пунктомъ. Поляки построили тутъ крѣпость Крыловъ, которая потомъ была перенесена нѣсколько дальше и съ 1821 года получила названіе Ново-Георгіевска; но городъ и до сихъ поръ извѣстенъ въ народѣ подъ своимъ прежнимъ названіемъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, какъ разъ противъ Ново-Георгіевска и тясминскихъ болотъ, лежитъ Градижскъ (Городище), пристань котораго, также какъ и пристань Крылова, ведетъ значительную торговлю лѣсомъ и скотомъ. Отъ Василькова до Чигирина почти нѣтъ деревни, которая не упоминалась бы въ исторіи народныхъ возстаній семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ. А теперь тутъ широко раскинуты громадныя помѣстья польской и русской аристократіи, съ дворцами и свеклосахарными заводами. Отдѣльная желѣзная дорога съ вѣтвями до Днѣпра связываетъ эти фабрики съ главными складочными пунктами.

Въ бассейнѣ рѣки Сулы, который занимаетъ бо́льшую часть западной половины Полтавской губерніи, есть нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ городовъ; бо́льшая часть ихъ окружена фруктовыми деревьями и табачными плантаціями. Недригайловъ или Дригайловъ, близъ верховья рѣки, основанъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія бѣглыми украинцами. Ромны, также въ верхней долинѣ, — важный торговый пунктъ: на его ярмаркахъ, извѣстныхъ съ прошлаго столѣтія, продается товаровъ на сумму до 2 милліоновъ рублей; а сотни его жителей каждогодно уходятъ въ сосѣднія губерніи для мелкой розничной торговли. Лохвица, лежащая ниже по теченію Сулы, Прилуки и Пирятинъ на Удайѣ, западномъ притокѣ Сулы, также какъ и Ромны, занимаются преимущественно культурой

---

[1] *Шмидтъ.* Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губ.

табаку; г. Лубны, лежащій ниже впаденія р. Удай, богатый городъ съ кожевенными заводами и фруктовыми садами, весь въ зелени.

Псёлъ, впадающій въ Днѣпръ немного ниже Кременчуга, многоводнѣе Сулы и протекаетъ по тремъ губерніямъ: Курской, Харьковской и Полтавской, всего на протяженіи 435 верстъ. Ольшанка, недалеко отъ его верховья, имѣетъ винокуренный заводъ и производитъ большое количесуво сапогъ; Обоянь имѣетъ нѣкоторое значеніе какъ земледѣльческій рынокъ, отправляющій зерновый хлѣбъ и скотъ въ Москву, Херсонъ и Одессу. Ниже по теченію, въ небольшемъ разстояніи отъ рѣки къ сѣверу, лежитъ Суджа, а также Миропольe и Сумы; городъ Сумы—одинъ изъ торговыхъ въ Украйнѣ, съ ежегоднымъ оборотомъ на ярмаркахъ до $2^1/_2$ милл. рублей. Еще ниже Лебединъ, въ которомъ Петръ Великій дѣлалъ приготовленія передъ Полтавской битвой и гдѣ другъ царя, Меньшиковъ, умертвилъ, какъ говорятъ, 900 человѣкъ; еще до сихъ поръ тамъ можно видѣть высокій холмъ, называемый могилою гетманцевъ. Далѣе слѣдуетъ Гадячъ, довольно древній укрѣпленный городъ, въ которомъ въ 1658 году былъ заключенъ договоръ о федеральномъ союзѣ между Украйною и Польшею. Ниже по теченію находится Рашевка, главный пунктъ артелей малороссійскихъ прасоловъ, а недалеко отъ нея Сорочинцы—родина Гоголя. На притокахъ Псёла находятся къ востоку Зеньковъ, а къ западу Хоролъ и Миргородъ, населеніе котораго частію состоитъ изъ чумаковъ.

Главнымъ рынкомъ нижняго теченія Псёла и торговымъ центромъ всей Малороссіи считается Кременчугъ, одинъ изъ главныхъ пунктовъ судоходства по Днѣпру, соперничающій по числу жителей съ Полтавою; весною населеніе его удваивается: тамъ производится перегрузка товаровъ; въ городѣ и въ его предмѣстьи, Крюковѣ, лежащемъ на правомъ берегу Днѣпра, насчитываютъ въ это время до 60,000 человѣкъ. Большіе соляные магазины, принадлежащіе казнѣ, склады лѣса и дровяные дворы занимаютъ большую часть берега въ Крюковѣ. Промышленныя заведенія Кременчуга питаютъ отчасти и мѣстную торговлю: телѣжныя мастерскія, заведеніе земледѣльческихъ машинъ, кожевенныя, паровыя лѣсопильни и табачныя фабрики ежегодно вырабатываютъ продуктовъ на очень большую сумму. Въ Кременчугѣ и теперь еще видны остатки крѣпости, сооруженной въ 1635 году Бопланомъ; но самое замѣчательное сооруженіе города и въ тоже время одно изъ чудесъ техническаго искусства въ Европѣ—крытый мостъ длиною въ 450 саж.; по мосту ходятъ желѣзнодорожные поѣзда изъ Харькова на Балту. Кромѣ этого моста, есть еще другой плашкоутный, соединяющій городъ съ предмѣстьемъ. Весной, городъ иногда бываетъ совершенно затопленъ; пожары также опустошаютъ его довольно часто; онъ постоянно строится, съ каждымъ годомъ разростается, но отъ этого не дѣлается красивѣе.

*

Рѣка Ворскла, близко напоминающая своими извилинами Псёлъ, немного короче его, но, также какъ и онъ, протекаетъ по тремъ губерніямъ — Курской, Харьковской и Полтавской. Въ верхней части на ней стоитъ Грайворонъ, ниже его — Ахтырка, посѣщаемая богомольцами; затѣмъ въ нее впадаетъ Мерль, орошающій поля уѣздовъ Богодуховскаго и Краснокутскаго. Полтава, губернскій городъ, расположена на правомъ берегу Ворсклы, при впаденіи въ нее рѣчки Полтавки, около мѣста соединенія всѣхъ выше лежащихъ по теченію рѣки долинъ. Упоминаемый уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, городъ этотъ, какъ и всѣ другіе степные города, были свидѣтелями битвъ и сѣчъ; но имя его прогремѣло въ Европѣ только послѣ кроваваго сраженія 1709 года, когда Карлъ XII, этотъ „послѣдній изъ варяговъ", закончилъ свое метеорное движеніе и когда Россія, переставши, такъ сказать, быть азіатскимъ государствомъ, заняла мѣсто среди европейскихъ державъ. Различные памятники, воздвигнутые въ городѣ и на полѣ битвы, напоминаютъ о пораженіи шведовъ. До половины настоящаго столѣтія Полтава возрастала весьма медленно; только съ тѣхъ поръ, когда перенесена была въ городъ весьма важная ярмарка, онъ сталъ быстро развиваться, и обширныя пространства, нѣкогда занятыя садами, начали покрываться зданіями. На Ильинской ярмаркѣ торговые обороты достигаютъ, среднимъ числомъ, 12—15 милліоновъ рублей; торговля ведется преимущественно шерстью; великъ также торгъ лошадями, табуны которыхъ пригоняются съ береговъ Дона. Промышленность и торговля Полтавы находятся большею частью въ рукахъ евреевъ. Нѣмецкіе колонисты ввели въ этой мѣстности производство суконъ и одѣялъ. Нѣкоторое значеніе пріобрѣло также изготовленіе простыхъ тканей въ Кобелякахъ—городѣ, лежащемъ ниже Полтавы, почти на половинѣ дороги отъ Днѣпра. Нѣмецкіе колонисты, живущіе по деревнямъ въ окрестностяхъ недавно основаннаго города Константинограда, въ долинѣ рѣчки Орель, также занимаются выдѣлкой суконъ для арміи.

Другой, недавно основанный, городъ Екатеринославъ, только въ настоящемъ столѣтіи пріобрѣлъ нѣкоторую важность, благодаря администраціи, сдѣлавшей его губернскимъ городомъ. Близъ того мѣста, гдѣ находится теперь городъ, въ 1635 году инженеромъ Бопланомъ была основана противъ поляковъ крѣпость Койдакъ, разрушенная потомъ казаками. Деревня Ново-Койдакъ заняла мѣсто бывшей крѣпости; въ 1784 г. населеніе ея не достигало и 450 душъ. Вблизи этого-то мѣста, верстахъ въ 6 ниже, Потемкинъ основалъ, спустя два года, въ честь Екатерины II городъ, который онъ хотѣлъ сдѣлать столицею Новороссіи. Положеніе Екатеринослава при большомъ поворотѣ Днѣпра, выше пороговъ, было весьма благопріятно: на небольшомъ разстояніи къ югу, въ Лоцманской Каменкѣ, должны останавливаться всѣ барки и лодки, чтобы взять лоцмановъ, или для перегрузки товаровъ. Лоцмановъ на Днѣпрѣ въ 1860 году

было: въ Лоцманской Каменкѣ—мужчинъ 633, женщинъ 630, а во всѣхъ другихъ деревняхъ близъ пороговъ—мужчинъ 689 и женщинъ 700. Почти противъ самаго города находится устье рѣки Самары; гранитные пороги превратили ее въ обширное болото въ нижнемъ теченіи — между Павлоградомъ и Новомосковскомъ (Самарчикъ запорожцевъ). Эти города, столь же недавніе, какъ и Екатеринославъ, тоже замѣнили прежнія казацкія станицы. Въ 1785 г., Павлоградъ далъ убѣжище корсиканскимъ солдатамъ, послѣ сдачи ими испанцамъ, за три года предъ тѣмъ, порта Магона.

Ниже пороговъ лежитъ пристань Александровскъ (городъ основанъ въ 1770 году на лѣвомъ берегу Днѣпра, какъ разъ противъ славнаго острова Хортицы), гдѣ останавливаются суда послѣ перехода, иногда очень опаснаго, черезъ пороги и откуда отправляется извозомъ зерновой хлѣбъ въ Бердянскъ — портъ на Азовскомъ морѣ; въ ближайшемъ будущемъ желѣзная дорога должна замѣнить перевозку гужемъ по степямъ. Ниже Александровска Днѣпръ поворачиваетъ мало по малу къ западу; рѣка Конская, берущая начало у Орѣхова, впадаетъ въ этомъ мѣстѣ въ Днѣпръ; она втеченіи долгаго времени служила границею между владѣніями запорожцевъ и татаръ. Обширныя болота, песчаныя мели и измѣнчивыя излучины рѣки, часто заливаемыя, весьма затрудняютъ переправу черезъ Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ его теченія; поэтому, городъ Никополь, нѣкогда извѣстный подъ именемъ Микитина Перевоза, издавна получилъ нѣкоторое значеніе, благодаря своему положенію на мысѣ праваго берега, выше мѣста съуженія рѣчной долины; но городъ долженъ постоянно отодвигаться въ степь, такъ какъ теченіе рѣки размываетъ ежегодно часть крутаго берега, на которомъ онъ расположенъ [1]), и могилы кладбища низринулись въ рѣку вмѣстѣ съ находящимися въ нихъ костями. Къ Никополю направлялись и направляются дороги, ведущія къ переправѣ черезъ рѣку, въ Знаменку— на другомъ берегу; здѣсь пролегалъ чумацкій трактъ, по немъ ѣздили чумаки въ Крымъ за солью, и маленькія каботажныя суда поднимаются вверхъ по Днѣпру до этого мѣста. Немного ниже, на сѣверномъ берегу Днѣпра, виднѣются два мѣста, гдѣ нѣкогда была Запорожская Сѣчь; въ самой же Старой Сѣчѣ, существовавшей съ шестнадцатаго столѣтія и разрушенной по приказанію Петра Великаго, крутой берегъ подмытъ теченіемъ; сосѣдніе острова, уменьшившись съ одной стороны, увеличивались съ другой, такъ что они, какъ будто, перемѣщались по рѣкѣ [2]). Изъ Никополя обыкновенно посѣщаютъ лежащую къ сѣверу „Толстую Могилу“ скифовъ, въ которой была найдена драгоцѣнная ваза почти греческой работы, съ рисункомъ, изображающимъ ловлю дикихъ лошадей.

---

[1]) *Чужбинскій*. Поѣздка въ Южную Россію.

[2]) *Чужбинскій*, тамъ же.

Бериславъ, или Бориславъ, расположенный на томъ же берегу Днѣпра, какъ и Никополь, имѣетъ подобное же преимущество: когда пароходы еще не перевозили чумаковъ и ихъ обозы, 70 большихъ баркасовъ служили для переправы между Бериславомъ и его предмѣстьемъ, Каховкой. Во время Крымской войны въ этомъ мѣстѣ переправилась большая часть войска и обозы съ провiантомъ. Нѣкогда Бериславъ былъ татарской крѣпостцой, носившей названiе Кизи-Керманъ, и, говорятъ, желѣзныя цѣпи были протянуты черезъ рѣку, достигающую въ этомъ мѣстѣ во время разливовъ до 4 верстъ ширины. Въ 1696 г., крѣпость эта была взята Петромъ Великимъ.

Рѣка Ингулецъ, которую ученые считаютъ за „Геррусъ" Геродота, впадаетъ въ Днѣпръ выше Херсона и издавна имѣла важное торговое и стратегическое значенiе, такъ какъ течетъ почти по прямой линiи съ сѣвера на югъ, отъ мѣста впаденiя Тясмина до Днѣпровскаго лимана, и такимъ образомъ даетъ возможность миновать длинный изгибъ Днѣпра съ его порогами и болотистыми мелями нижняго теченiя. Только одинъ пунктъ, съ населенiемъ въ 10,000 человѣкъ, существуетъ въ этомъ бассейнѣ, большая часть котораго была обращена въ пустыню, чтобы избѣжать татарскихъ набѣговъ. Этотъ пунктъ — городъ Александрiя, основанный въ восемнадцатомъ столѣтiи подъ именемъ Беча, въ верхней части Ингульца. Около середины теченiя этой рѣки, при впаденiи въ нея Саксаганы, называемой „Кривой Рогъ", недавно открыты богатыя мѣсторожденiя желѣзной руды, которая, при содержанiи отъ 48 до 70 процентовъ чистаго металла, заключаетъ въ себѣ лишь незначительныя количества сѣры и фосфора. По мнѣнiю инженера Конткевича, эта руда можетъ считаться лучшей во всей Россiи, лучше даже уральской. Но пока желѣзная дорога не соединитъ эти мѣсторожденiя желѣза съ донскими каменноугольными копями, нельзя будетъ воспользоваться этою желѣзною рудою, вслѣдствiе полнѣйшаго отсутствiя лѣса въ той мѣстности. Запасы руды въ извѣстныхъ уже залежахъ исчислены по меньшей мѣрѣ въ 130 милл. тоннъ (свыше 8 миллiардовъ пудовъ).

Алешки, на южномъ берегу рѣки, въ прежнiя времена былъ морскимъ портомъ для нижняго теченiя Днѣпра: съ десятаго вѣка онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ торговли грековъ съ „варягами", чрезъ Кiевъ. То былъ городъ Олеши; это названiе генуэзцы превратили въ Элисъ (Elice), а это послѣднее постепенно измѣнилось въ Алешки; но слово это въ первоначальномъ своемъ значенiи выражаетъ то-же, что и Гилеа (Hylea) Геродота, т. е. „Лѣсной". Однако, даже слѣды лѣса давно изчезли въ этой мѣстности. Преслѣдуемые въ 1711 году въ своемъ убѣжищѣ, при впаденiи Каменки въ Днѣпръ, запорожскiе казаки поселились близъ Алешекъ, входившихъ тогда въ составъ владѣнiй крымскихъ татаръ; но

въ 1733 году, послѣ соглашенія татаръ съ русскимъ правительствомъ, которое приказало вѣшать всякаго запорожца, захваченнаго въ русскихъ владѣніяхъ, казаки оставили „землю невѣрныхъ“, чтобы основать „новую сѣчь“. Алешки — торговое предмѣстье Херсона, лежащаго почти напротивъ, на правомъ берегу Днѣпра, въ 10 верстномъ разстояніи. Отсюда доставляется въ Херсонъ скотъ, зерновый хлѣбъ, кожи, фрукты и арбузы, столь любимые на всемъ югѣ Россіи.

Херсонъ, главный городъ одной изъ самыхъ населенныхъ губерній Россіи, по числу жителей и торговлѣ стоитъ гораздо ниже Одессы; онъ уступаетъ даже Николаеву — порту при устьѣ Буга; но, какъ сторожевой пунктъ при входѣ въ Днѣпръ, онъ не могъ не удержать за собой значительную часть торговли южной Россіи. Мели, острова и песчаные наносы не дозволяютъ большимъ судамъ подниматься до города, — они должны останавливаться въ 35 верстахъ къ западу отъ Херсона, въ лиманѣ. Основывая Херсонъ на мѣстѣ небольшаго укрѣпленія Александръ-Шанца (по-нѣмецки Alexander-Schantze) и давая ему прекрасное греческое имя, Потемкинъ разсчитывалъ на болѣе славное и болѣе счастливое будущее для этого города; въ настоящее время въ Херсонѣ осталось только небольшое число грековъ, хотя первоначальное населеніе его состояло почти исключительно изъ переселенцовъ этой національности. Хотя Херсонъ ведетъ довольно большую отпускную торговлю, въ особенности лѣсомъ, зерновымъ хлѣбомъ и кожами, но все-таки значительная часть его торговой дѣятельности состоитъ въ каботажной перевозкѣ товаровъ въ Одессу, откуда онъ получаетъ иностранные товары. Часть старинныхъ укрѣпленій Херсона существуетъ еще и до сихъ поръ. Извѣстно, что Екатерина II прочла на воротахъ одного строившагося зданія слѣдующую надпись: „Здѣсь дорога въ Константинополь“.

Ниже приведенъ, по бассейнамъ, перечень городовъ съ населеніемъ свыше 5,000 жителей [1]).

1) Въ бассейнѣ Днѣпра, ниже впаденія въ него Припети:

Волынская губернія (1880).	
Житоміръ	54,224
Орловская губернія (1880).	
Брянскъ	12,370
Сѣвскъ	9,100
Дмитровскъ	6,620
Трубчевскъ	5,140
Курская губернія (1870).	
Курскъ	31,750
Мирополье	10,750
Рыльскъ	9,450

[1]) Приведенныя у Реклю цифры населенія за 1870 г. по губ. Волынской, Орловской, Черниговской, Кіевской, Харьковской и Херсонской замѣнены новыми. *Ред.*

Путивль	7,050
Обоянь	6,320
Фатежъ	5,530

Черниговская губернія (1880).

Нѣжинъ	30,490
Стародубъ	23,889
Черниговъ	19,000
Конотопъ	19,267
Глуховъ	16,500
Борзна	11,722
Березна	10,827
Новгородъ-Сѣверскъ	10,829
Кролевецъ	6,676

Кіевская губернія (1879).

Кіевъ	140,000(?)
Бердичевъ	90,000(?)
Бѣлая Церковь	18,700
Васильковъ	16,600
Черкасы	13,900
Таращa	11,420
Сквира	10,550
Чигиринъ	9,675
Каневъ	7,420
Радомысль	5,900

Полтавская губернія (1870).

Полтава	33,980
Кременчугъ съ Крюковомъ	30,475
Кобеляки	13,000
Прилуки	12,880
Зеньковъ	10,600
Переяславль	9,300
Гадячъ	8,425
Лохвица	7,900
Золотоноша	7,890
Миргородъ	7,500
Градижскъ	7,100
Ромны	5,950
Хоролъ	5,500
Лубны	5,200
Пирятинъ	5,000

Харьковская губернія (1880).

Ахтырка	21,615
Лебединъ	17,430
Сумы	16,120
Бѣлополье	12,575
Богодуховъ	10,762
Недригайловъ	7,440
Краснокутскъ	5,680

Екатеринославская губ. (1870).

Екатеринославъ (1880)	34,000
Павлоградъ	11,400
Новомосковскъ	10,500
Никополь	9,700

Херсонская губернія (1880).

Херсонъ	50,000
Александрія	16,000
Ново-Георгіевскъ (Крыловъ)	7,700
Бериславъ	6,900

Таврическая губернія (1870).

Алешки	8,200
Орѣховъ	5,600

Подолія принадлежитъ всецѣло бассейнамъ Буга и Днѣстра, и большая часть ея городовъ лежитъ или по теченію, или въ сосѣдствѣ этихъ рѣкъ. Проскуровъ окруженъ высокими холмами и лежитъ среди болотистой равнины, гдѣ беретъ начало нѣсколько рѣчекъ, которыя питаютъ начинающійся здѣсь Бугъ; тамъ же находятся поселенія поляковъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „мазуровъ"; Меджибожъ, или Междубужье, названный такъ потому, что находится между Бугомъ и притокомъ его,

Бужкомъ, также частію защищенъ болотами, что и побудило избрать эту стратегическую мѣстность сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ близъ австрійской границы. Ниже по Бугу слѣдуетъ Летичевъ, одинъ изъ городовъ Подоліи, наичаще подвергавшихся опустошеніямъ отъ поляковъ и казаковъ. Хмѣльникъ окруженъ на самомъ дѣлѣ полями хмѣля, а ниже въ долинѣ Буга лежитъ богатая Винница (въ семнадцатомъ столѣтіи она была главнымъ городомъ одного изъ казацкихъ полковъ, которые были наиболѣе горячими защитниками своей свободы), а также еврейскій Брацлавъ— нѣкогда главный городъ большой польской провинціи. Къ западу отъ рѣки, при подошвѣ большого холма стоитъ Литинъ, а дальше къ юго-западу, въ долинѣ Рова, возвышается славный Баръ, въ которомъ, въ 1768 году, образовалась конфедерація, заявившая протестъ противъ уступокъ, сдѣланныхъ диссидентамъ [1]), и тѣмъ самымъ приведшая Польшу къ окончательному паденію. Небольшой городокъ Кіевской губерніи Липовецъ, лежащій къ востоку, напоминаетъ о татарахъ-липанахъ, давно жившихъ въ этой мѣстности. Собъ, протекающій около Липовца, впадаетъ въ Бугъ и нижнимъ своимъ теченіемъ орошаетъ окрестности болѣе населеннаго города — Гайсина или Хайсина. Синюха, главный изъ притоковъ Буга и нѣкогда граница „запорожскихъ вольностей", начинается въ Кіевской губерніи и собираетъ свои воды изъ Звенигородскаго и Уманскаго уѣздовъ. Умань—значительный торговый городъ, въ которомъ казаки и малороссійскіе крестьяне въ 1768 году, желая отмстить „Барскимъ конфедератамъ", произвели всеобщую рѣзню поляковъ и евреевъ, укрывшихся въ этомъ мѣстѣ; въ настоящее время евреевъ тамъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Ново-Миргородъ, сначала колонія миргородскихъ казаковъ, а затѣмъ центръ Новой-Сербіи, лежитъ на восточномъ притокѣ Синюхи.

Балта — почти на половинѣ разстоянія между Днѣстромъ и Бугомъ, но на притокѣ послѣдняго, пріобрѣла большое значеніе въ послѣдніе годы, какъ пунктъ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ изъ Одессы въ Бреславль и изъ Одессы въ Москву. Этотъ городъ ведетъ обширную торговлю скотомъ и земледѣльческими произведеніями; города Ольгополь, къ сѣверу, и Ананьевъ, къ югу, также принимаютъ участіе въ этой торговлѣ, направляющейся почти исключительно къ Одесскому порту.

Вступая въ Херсонскую губернію, Бугъ, соединившись съ Синюхой, омываетъ Ольвіополь и затѣмъ змѣеобразно извивается по степи. Вознесенскъ, въ окрестностяхъ котораго бываютъ большіе кавалерійскіе маневры, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки, при впаденіи въ нея Мертвовода. Бугъ, расширяясь мало по малу, переходитъ въ лиманъ гораздо раньше, чѣмъ въ него впадаетъ его главный притокъ, Ингулъ, въ бассейнѣ котораго расположены два важныхъ города — Елисаветградъ и Бобринецъ. Елисаветградъ

---

[1]) Православнымъ и протестантамъ. *Ред.*

въ прошломъ столѣтіи былъ не больше, какъ простая крѣпостца и маленькая колонія бѣглыхъ раскольниковъ; но, подобно Ингульцу, Ингулъ представляетъ въ торговомъ отношеніи ту выгоду, что по немъ могутъ спускаться товары съ сѣвера на югъ почти по прямой линіи, укорачивая такимъ образомъ разстояніе между среднимъ Днѣпромъ и лиманомъ рѣки; этимъ и объясняется, почему Елисаветградъ, сдѣлавшись главнымъ средоточіемъ торговли между Кременчугомъ и Одессой, развился съ чисто американской быстротой. Удивляешься, видя эти громады домовъ, возникающихъ какъ бы по волшебству среди степи. Въ послѣдніе годы въ окрестностяхъ города разработываются залежи лигнита.

Николаевъ расположенъ немного выше сліянія Буга и Ингула, на обоихъ берегахъ рѣки, уже превратившейся въ этомъ мѣстѣ въ лиманъ подъ вліяніемъ морскихъ водъ. Это—также одинъ изъ быстро ростущихъ городовъ; но своимъ цвѣтущимъ состояніемъ онъ обязанъ преимущественно правительству. Съ 1789 года Николаевъ превращенъ въ главную морскую станцію на Черномъ морѣ. Между тѣмъ какъ главныя дѣйствующія морскія силы были сосредоточены въ Севастополѣ, Николаевъ, построенный внутри страны, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прибрежья, пріобрѣлъ большее значеніе въ постройкѣ и снаряженіи кораблей и заготовленіи провіанта; но онъ имѣетъ и нѣкоторыя невыгоды — особенно ту, что большіе корабли могутъ приставать къ нему не иначе, какъ освобождаясь отъ своего вооруженія; фарватеръ имѣетъ глубину лишь въ 6—7 метровъ (20—23 фут.). Этотъ громадный городъ, съ широкими, пыльными и уходящими далеко въ степь улицами, застроенными низкими домами, состоитъ изъ центральнаго квартала, вокругъ котораго группируются многочисленныя военныя предмѣстья. Николаевъ, русскій Тулонъ, имѣетъ, кромѣ казармъ, обширныя сооруженія, замѣчательныя какъ по своей величинѣ, такъ и по своимъ механическимъ приспособленіямъ. Молы, пристани, доки, верфи тянутся вдоль Ингула; тысячи рабочихъ населяютъ мастерскія, въ которыхъ приготовляются щиты для брони, колеса, лафеты, пушки, паровые котлы и вообще всѣ желѣзные или деревянные предметы, необходимые для снаряженія и вооруженія кораблей; пловучій докъ, стоящій на якорѣ, принимаетъ броненосныя суда. Укрѣпленія возвышаются со всѣхъ сторонъ въ окрестностяхъ города и по обоимъ берегамъ Буга, ниже его впаденія. Хотя Николаевъ предназначенъ спеціально для военныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и для мирнаго торговаго обмѣна; онъ можетъ считаться наслѣдникомъ милетской Ольвіи, находившейся нѣсколько ниже, близъ сліянія обоихъ лимановъ— Днѣпровскаго и Бугскаго у „Ста Могилъ". Николаевъ не можетъ соперничать съ Одессой по части иностранной торговли, но онъ отпускаетъ довольно значительное количество зерноваго хлѣба, особенно въ урожайные годы, и длинные ряды пароходовъ имѣютъ здѣсь свою стоянку.

Движеніе Николаевскаго порта въ 1875 г.: 309 судовъ вмѣстимостью въ 232,314 тоннъ. Флотъ Николаева въ 1873 году: 113 судовъ (изъ коихъ 3 парохода), вмѣстимостью въ 10,480 тоннъ [1]).

Очаковъ, или Кара-Керманъ, т. е. „Черная крѣпость“, расположена на сѣверномъ берегу морскаго лимана, въ который впадаютъ Бугъ и Днѣпръ, и можетъ быть разсматриваемъ какъ передовой портъ Николаева. Нѣкогда, благодаря своему стратегическому и торговому положенію, онъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ на Черномъ морѣ. Основанный въ 1492 году однимъ изъ татарскихъ хановъ на мѣстѣ греческой крѣпости, онъ часто былъ оспариваемъ русскими и магометанами во время многочисленныхъ войнъ и, наконецъ, окончательно перешелъ въ руки Россіи въ 1788 г., послѣ кровопролитнѣйшей осады, окончившейся избіеніемъ турецкаго гарнизона. Въ 1854 году, во время Крымской войны, Очаковъ и крѣпость Кинбурнъ, на южной оконечности при входѣ въ лиманъ, подверглись нападенію эскадры союзниковъ.

Одесса, самый значительный торговый портъ южной Россіи, не лежитъ, подобно Херсону, Николаеву и Очакову, при устьѣ рѣки, которая давала бы доступъ внутрь страны; лиманъ Хаджи-Бей, нѣкогда сообщавшійся съ моремъ, давно уже представляетъ изъ себя лагуну съ солоноватой водой; впрочемъ, онъ питается лишь непостоянными водами степи. Не смотря на это, Одесса можетъ считаться истиннымъ портомъ Днѣпра и Днѣстра, въ той же мѣрѣ какъ Марсель считается гаванью Роны, а Венеція — портомъ рѣки По. Трудности входа въ устье обѣихъ рѣкъ Малороссіи заставили моряковъ избрать приморскимъ центромъ береговой пунктъ съ болѣе легкимъ къ нему доступомъ, и Одесскій заливъ дѣйствительно представляетъ всѣ необходимыя для этого условія. Суда могутъ подходить сюда безопасно, а гладкія степныя дороги дозволяютъ безъ труда подвозить товары къ тѣмъ дорогамъ, которыя окаймляютъ рѣки. Кромѣ того, изъ всего западнаго бассейна Чернаго моря Одесскій заливъ наиболѣе глубоко вдается въ материкъ, а берегъ въ этомъ мѣстѣ измѣняетъ направленіе — съ одной стороны къ югу, а съ другой къ востоку, вслѣдствіе чего естественные пути страны направляются къ Одессѣ гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ къ какому либо другому пункту морскаго берега. Значеніе Одессы быстро возростало, особенно съ тѣхъ поръ, когда

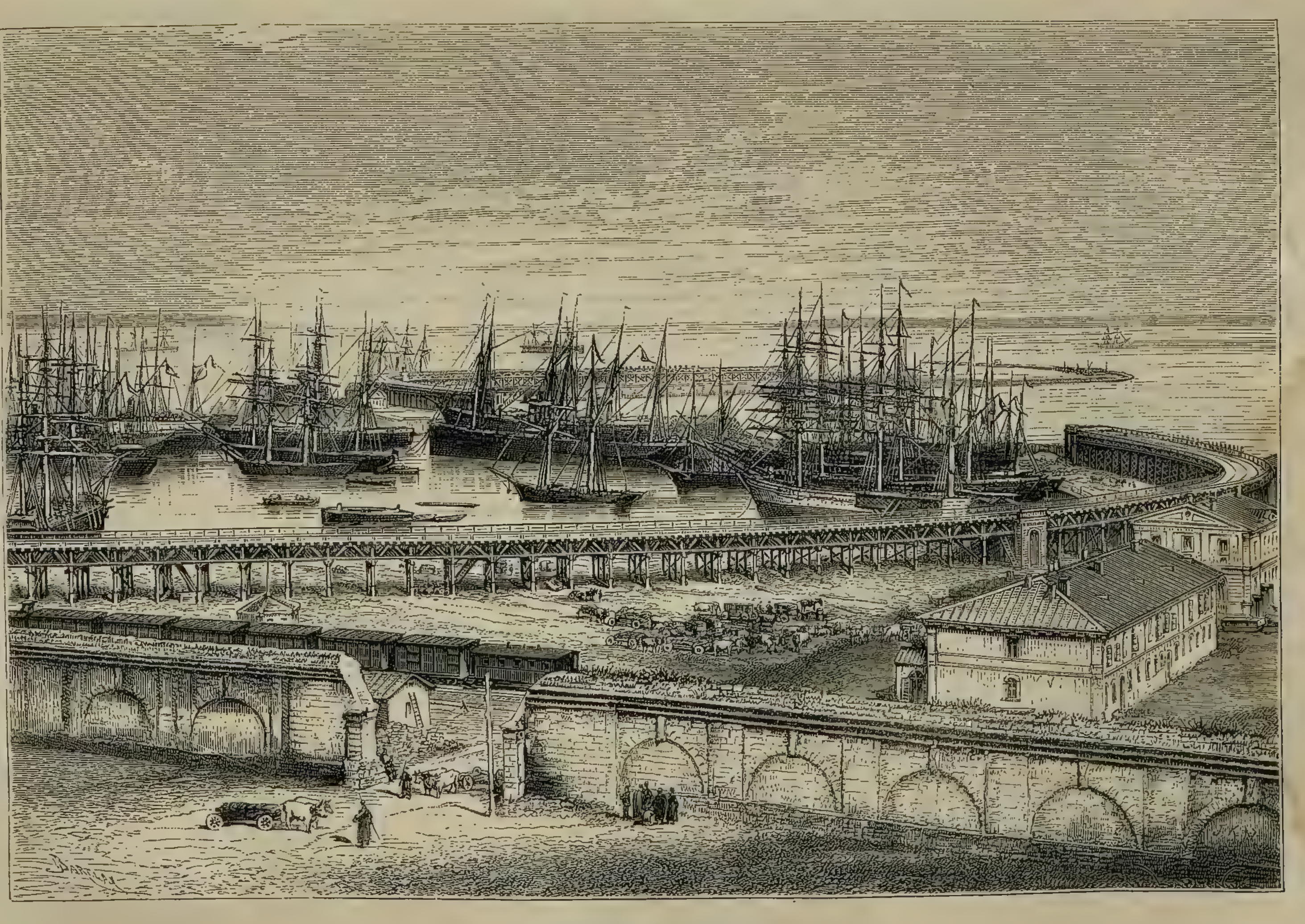
[1]) Въ среднемъ за трехлѣтіе, съ 1878 по 1880 г.:

	Судовъ.	Вмѣстимостью.
Въ приходѣ	470	193,172 ласта.
„ отходѣ	466	189,574 „

Къ 1 янв. 1880 г. флотъ Николаева состоялъ изъ 483 (?) судовъ, въ томъ числѣ 7 пароходовъ вмѣстимостью въ 18,649 ластовъ. Въ среднемъ за три года (1878—1880), оборотъ по внѣшней торговлѣ — на 30 милл. р. (изъ этого числа по отпуску — на 29.300,000 р., а по ввозу — на 700,000 р.). *Ред.*

къ преимуществамъ географическаго положенія присоединились еще выгоды, доставляемыя молами, складами, желѣзными дорогами и установившимися сношеніями. Съ основанія Одессы не прошло еще и ста лѣтъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ раскинулись теперь ея дворцы, еще въ 1789 году существовала татарская деревня, окружавшая крѣпость Хаджи-Бей. Въ 1794 году, Одесса получила свое настоящее имя отъ греческой колоніи, основанной нѣкогда на этой части морскаго побережья въ память славнаго Улисса. Уже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія Одесса имѣла населеніе въ 8,000 человѣкъ, въ 1850 году—около 100,000, а потомъ къ этой сотнѣ тысячъ прибавилась и другая такая же сотня. По численности своего населенія Одесса—четвертый городъ Россійской Имперіи и, вмѣстѣ съ Петербургомъ, болѣе всѣхъ русскихъ городовъ имѣетъ европейскую физіономію; это ужъ не громадная деревня, какъ большая часть городскихъ поселеній внутренней Россіи.

Видъ на Одессу съ моря прекрасенъ. Она лежитъ на 47 метр. (155 фут.) надъ уровнемъ моря, въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ степной терассы, которая понижается мало-по-малу, съ одной стороны—по направленію къ Днѣпровскому лиману, а съ другой—къ Днѣстровскому, и круто обрывается у моря. Вдоль ряда величественныхъ домовъ, по скалистому берегу тянется гульбище, а съ центральной площадки, украшенной статуей герцога Ришелье, спускается монументальная лѣстница, возвышающаяся надъ набережными и портами, тогда какъ „балки", когда-то безлюдныя, а теперь густо застроенныя, врѣзываются въ глубь степнаго нагорья. Центральный кварталъ—роскошный городъ съ домами въ итальянскомъ стилѣ, съ широкими улицами, окаймленными тротуарами, и съ изящными магазинами; но отъ этого квартала тянутся во всѣ стороны, по направленію къ степи, обширныя предмѣстья, гдѣ вѣтеръ вздымаетъ облака пыли — сущій бичь Одессы. Почва, на которой расположенъ городъ, состоитъ изъ раковистаго песчаника; онъ употребляется для постройки зданій, но легко вывѣтривается, и черезъ очень короткое время дома, построенные изъ него, имѣютъ видъ развалинъ; этимъ и объясняется то обстоятельство, что греческіе города, стоявшіе на морскомъ берегу, совершенно исчезли, оставивъ послѣ себя лишь кучи мусора. Одесскій песчаникъ, добываемый въ расположенныхъ подъ самымъ городомъ галереяхъ или катакомбахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя недавно обрушились, очень ломокъ и рыхлъ для мощенія улицъ, и необходимый для мостовыхъ матеріалъ привозится въ Одессу съ Мальты и изъ Италіи на корабляхъ. Въ проточной водѣ тоже чувствуется недостатокъ: кромѣ двухъ ключей, въ городѣ есть лишь колодцы съ плохой водой и цистерны; въ сухое время года прежде платили дорого за воду, привозимую изъ Крыма; теперь же вода доставляется по водопроводу изъ Маяковъ, лежащихъ на нижнемъ теченіи Днѣпра, въ 40-верстномъ разстояніи. Резервуары вмѣщаютъ 27 милліоновъ литровъ воды (около 2,200,000 вед.).

ОДЕССКІЙ ПОРТЪ.

Будучи одновременно и русскимъ городомъ, и городомъ Средиземнаго моря, Одесса принадлежитъ къ числу центровъ Европы съ наиболѣе смѣшаннымъ населеніемъ. Главные одесскіе коммерсанты—евреи, итальянцы греки, нѣмцы, французы. Татары и румыны, турки и болгары встрѣчаются на улицахъ вмѣстѣ съ лазами изъ Малой Азіи и грузинами съ Кавказа. Французское вліяніе очень сильно въ этомъ городѣ: онъ основанъ генераломъ де-Риба, построенъ отчасти инженеромъ Воланомъ, украшенъ и обогащенъ герцогомъ де-Ришелье; но впослѣдствіи, изъ иностранцевъ, преобладающее значеніе имѣли итальянцы; еще недавно названія улицъ были написаны на двухъ языкахъ — итальянскомъ и русскомъ; кромѣ того, много итальянскихъ словъ вошло въ языкъ одесситовъ. Впрочемъ, физіономія города измѣняется подъ вліяніемъ хода торговли, а послѣдняя представляетъ весьма значительныя колебанія, такъ какъ главный предметъ отпуска изъ Одессы — зерновый хлѣбъ, сравнительно съ прочими товарами, чрезвычайно сильно колеблется изъ года въ годъ, въ зависимости отъ урожаевъ, потребностей и богатства странъ, вывозящихъ хлѣбъ. Обширные магазины, изъ которыхъ нѣкоторые походятъ на дворцы, служатъ для ссыпки зерноваго хлѣба и даютъ понятіе о важности этой торговли. Въ 1866 г. изъ Одессы было вывезено 3,143,000 четв. хлѣба, въ 1870 г.—5,264,000 четв.[1]). Изъ трехъ своихъ гаваней Одесса отпускаетъ также значительныя количества шерсти, сала, льна и получаетъ взамѣнъ колоніальные и мануфактурные товары, вино, а также предметы роскоши. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Одессы въ 1874 году[2]):

По ввозу.	42,500,000 р.
По вывозу	51,212,000 „
Итого . .	93,712,000 р.

Движеніе Одесскаго порта въ 1875 г.[3]):

Иностранная торговля	2329 судовъ, вмѣстимостью въ	1,500,000 тоннъ.
Каботажная	2618 „ „ „	300,000 „
Итого . .	4947 судовъ, вмѣстимостью въ	1,800,000 тоннъ.

[1]) За трехлѣтіе, съ 1878 по 1880 годъ, въ среднемъ было отпущено хлѣба 6.800,000 четв. *Ред.*

[2]) Цѣнность торговыхъ оборотовъ Одессы:

	Въ среднемъ за 1878 — 1880 гг.	Въ 1880 г.
По ввозу	44,900,000 р.	49,014,427 р.
„ вывозу	71,000,000 „	55,676,794 „

Ред.

[3]) Движеніе Одесскаго порта:

		Въ среднемъ за 1878—1880 гг.		
Иностранная торговля	въ приходѣ	1434,	вмѣстим.	728,700 ласт.
	„ отходѣ	1437,	„	727,460 „
Каботажная	„	2817,	„	269,500 „
Итого		5688,	вмѣстим.	1.725,660 ласт.

Ред.

Наибольшая часть одесской торговли ведется посредствомъ пароходовъ, и самъ городъ владѣетъ значительною частью флота, служащаго для этой торговли. Торговый флотъ Одессы въ 1875 г.: 84 парохода и 108 парусныхъ судовъ, съ общею грузовмѣстимостью въ 63,680 тоннъ [1]). Что касается мѣстной промышленности, то она лишь въ слабой степени питаетъ торговлю; только въ 1830 году въ Одессѣ появился первый настоящій заводъ, но теперь тамъ имѣются паровыя мукомольни, мыловаренные заводы, табачныя фабрики, винокуренные заводы, пивоварни, солеварни, лѣсные склады всякаго рода; фабрикъ въ Одессѣ въ 1875 году было 166, съ 3,700 рабочихъ; производство на сумму свыше 12½ мил. руб. [2]). Окрестныя солеварни доставляютъ отъ 4000 до 5000 тоннъ соли (2,480,000 до 3,100,000 пуд.) въ годъ. Съ 1857 года Одесса перестала быть порто-франко; но вскорѣ послѣ этого она получила выгоду другаго рода, сдѣлавшись мѣстопребываніемъ русскаго университета, впрочемъ, самаго малочисленнаго по числу профессоровъ и студентовъ. Въ 1876 г. въ одесскомъ университетѣ было: профессоровъ 48, студентовъ 344 [3]); библіотека заключала 75,000 томовъ; годовой бюджетъ—214,000 рублей.

По берегу моря къ югу отъ Одессы нѣтъ городовъ, а встрѣчаются мѣстами лишь *хутора*, или дачи, которыя богатые негоціанты съ большимъ трудомъ обсадили деревьями и цвѣтами. Деревни въ этой мѣстности большею частію населены нѣмецкими колонистами и расположены по берегамъ стоячихъ водъ, образовавшихся вслѣдствіе задержки теченія степныхъ рѣчекъ.

Города бассейновъ Буга, Тилигула и Херсонскаго побережья, съ населеніемъ свыше 5,000 жителей [4]):

Кіевская губернія (1870).

Умань	15,400
Звенигородка	11,375
Липовецъ	6,700

Подольская губернія (1870).

Балта (1876)	22,000
Винница	18,800
Проскуровъ	11,750
Гайсинъ	9,400
Баръ	6,801
Хмѣльникъ	7,800
Литинъ	7,100
Ольгополь	7,000
Брацлавъ	5,525

Херсонская губернія (1880).

Одесса (1882)	217,000
Николаевъ	66,500
Елисаветградъ	43,300
Ананьевъ	15,200
Вознесенскъ	11,300
Бобринецъ	9,800
Ново-Миргородъ	7,000
Очаковъ	5,100

[1]) Къ 1 янв. 1880 г.: 178 парусныхъ и 101 паровыхъ судовъ, съ общею вмѣстимостью 33,797 ласт. *Ред.*

[2]) Въ 1879 г., 180 фабрикъ и заводовъ, съ 3,788 рабочихъ и общею суммою производства на 15½ милл. руб. *Ред.*

[3]) Въ 1881 уч. году—студентовъ 374. *Ред.*

[4]) По губ. Херсонской, помѣщенныя у Реклю цифры замѣнены новыми. *Ред.*

СТАРИННАЯ КРѢПОСТЬ ВЪ КАМЕНЦѢ.

Вступая на русскую территорію, Днѣстръ орошаетъ окрестности Хотина (Хоцима), нѣкогда бывшаго самой сѣверной генуэзской колоніей: еще и теперь видны здѣсь нѣкоторые остатки итальянской крѣпости [1]). Хотинъ служилъ также туркамъ пунктомъ для наблюденія за польскимъ городомъ Каменецъ-Подольскомъ, расположеннымъ сѣвернѣе на высокой террассѣ, окруженной глубокимъ оврагомъ. Этотъ городъ, похожій по мѣстоположенію на Люксембургъ, соединенъ, какъ и послѣдній, съ кварталами на противоположномъ крутобережьи великолѣпнымъ віадукомъ. Другой мостъ, построенный въ 1627 году турками, въ періодъ кратковременнаго ихъ владѣнія, соединяетъ Каменецъ съ древней крѣпостцой, которая придавала этому мѣсту, какія-нибудь сто лѣтъ назадъ, важное стратегическое значеніе; круглыя башни крѣпости съ остроконечными крышами имѣютъ живописный видъ. Каменецкіе армяне, которымъ польскіе короли предоставили большія привилегіи, почти всѣ эмигрировали [2]). Теперь Каменецъ, населенный наполовину евреями, соперничаетъ съ Хотинымъ въ контрабандной торговлѣ, нѣкогда весьма значительной, съ галиційскими деревнями по ту сторону границы. Новая Ушица на берегу одного изъ овраговъ, прорѣзывающихъ сѣверную часть плоскогорья, и прелестный Могилевъ-Подольскій, окруженный фруктовыми садами и виноградниками—вотъ остальные города этой мѣстности по верхнему Днѣстру.

Ниже Могилева слѣдуютъ по рѣкѣ: Ямполь, Сороки, Дубосары, Григоріополь. Сороки, нынѣ уѣздный городъ, населенный евреями и молдаванами, окруженъ табачными плантаціями; въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ онъ былъ одною изъ генуэзскихъ колоній, основанныхъ въ долинѣ Днѣстра для торговли съ населеніемъ Галиціи и Венгріи. Къ западу, на одномъ изъ притоковъ рѣки, расположены два города, часто утопающіе въ грязи: Бѣльцы, извѣстный по торговлѣ скотомъ, и Оргѣевъ; но торговля ихъ находится въ зависимости отъ двухъ большихъ сосѣднихъ городовъ: Яссъ, столицы Молдавіи, и Кишинева—главнаго города Бессарабіи; послѣдняя носила нѣкогда имя болѣе вѣрное въ этнографическомъ отношеніи—Россо-Валахіи. Кишиневъ, или Киссину на языкѣ его обитателей—румынъ, ни что иное, какъ громадная деревня, населенная болѣе чѣмъ сотнею тысячъ жителей, съ широкими улицами, грязными или пыльными, смотря по времени года; почти на семь тысячъ жилищъ, въ 1878 году въ немъ было едва пятьдесятъ домовъ болѣе чѣмъ въ одинъ этажъ; главное зданіе города—громадная тюрьма съ четырьмя зубчатыми башнями, возвышающимися надъ низкими домами. Городъ окруженъ садами, которые воздѣлываются болгарами. Къ сѣверу, нѣсколько холмовъ покрыты частымъ кустарникомъ, который кишиневцы называютъ „лѣсомъ“.

---

[1]) *Чужбинскій*, см. выше цитированное сочиненіе.

[2]) *Чужбинскій*, выше цитированное сочиненіе.

Бендеры, прежній Тагинъ казаковъ, по населенію и торговлѣ далеко не имѣетъ того значенія, какимъ пользуется Кишиневъ, но за то онъ славенъ въ другомъ отношеніи. Въ этотъ городъ, на правомъ берегу Днѣстра, бѣжалъ Карлъ XII послѣ Полтавской битвы и здѣсь въ теченіи двухъ лѣтъ пользовался гостепріимствомъ султана; потомъ онъ устроилъ свой лагерь въ трехъ верстахъ отсюда, близъ деревни Варницы, гдѣ также прожилъ два года. Городъ Бендеры, трижды занимаемый русскими войсками, лишь въ 1812 году былъ окончательно присоединенъ къ Россіи. Немного ниже по теченію, на лѣвомъ берегу Днѣстра и на другой его излучинѣ, лежитъ Тирасполь, издали дающій о себѣ знать рядомъ вѣтряныхъ мельницъ; названіемъ своимъ этотъ городъ напоминаетъ древнюю греческую колонію Тирасъ, которая, впрочемъ, существовала не на этомъ мѣстѣ; въ теченіи послѣдняго столѣтія городъ этотъ далъ пріютъ большому числу великорусскихъ раскольниковъ; они сохранили свои обычаи до настоящаго времени и отличаются вообще, особенно женщины, красотой лица [1]. Южнѣе, на Днѣстрѣ-же, расположена деревня Олонешти, напоминающая аленовъ, бывшихъ нѣкогда, вмѣстѣ съ ногайцами, обитателями этой страны. Бѣдный Овидіополь, расположенный однако совершенно не на томъ мѣстѣ, куда былъ сосланъ римскій поэтъ, какъ можно было подумать, судя по имени города,—лежитъ на восточномъ берегу Днѣстровскаго лимана; нѣкогда онъ пользовался значеніемъ какъ сторожевой пунктъ на русской границѣ противъ турецкой крѣпости Аккермана, построеннаго на противоположномъ берегу лимана и окруженнаго обширными предмѣстьями, изъ которыхъ главное—Турлаки. Въ этомъ-то мѣстѣ вѣроятно и находился древній Тирасъ, или Офіусъ, превратившійся впослѣдствіи въ Альба-Юлію латинизованныхъ даковъ, Лейкополисъ и Аспро-Кастронъ византійцевъ, Аклиба—кумановъ, Фегеръ-Варъ—венгровъ, Цитате-Альба—румынъ, Бѣлъ-Городъ—славонцевъ, Акъ-Керманъ—турокъ; городъ, носившій эти различныя названія, имѣющія одно и тоже значеніе—именно „Бѣлый городъ“ или „Бѣлая крѣпость“, былъ предназначенъ защищать входъ въ Днѣстръ, подобно тому какъ „Черная крѣпость“ защищала Днѣпръ; въ окрестностяхъ города до сихъ поръ еще видны остатки генуэзской крѣпости и стѣны, построенныя румынами и турками. Рыбныя ловли въ лиманѣ и земледѣльческіе продукты, добываемые въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ, придаютъ городу нѣкоторое торговое значеніе. Населеніе города состоитъ въ значительной степени изъ потомковъ крѣпостныхъ, бѣжавшихъ изъ Малороссіи; имъ даны были права мѣщанъ и ихъ записывали подъ именами уже умершихъ; вотъ почему „безсмертіе“ аккерманскихъ мѣщанъ вошло въ пословицу. Въ 6 верстахъ къ югу находится колонія Шабы, населенная французскими и нѣмецкими швейцарцами.

---

[1]) *Чужбинскій*, выше цитированное сочиненіе.

Города бассейна Днѣстра съ населеніемъ свыше 5,000 жителей:

Подольская губернія (1870).		*Бессарабская губернія* (1880).	
Каменецъ-Подольскъ	22,600	Кишиневъ	114,510
Могилевъ-на-Днѣстрѣ	18,150	Аккерманъ съ посадами	45,600
		Бендеры	32,500
Херсонская губернія (1880).		Хотинъ	16,150
Тирасполь	13,000	Сороки	9,225
Дубосары	7,600	Оргѣевъ	7,320
Григоріополь	6,700	Турлаки	6,750

Послѣдняя война доставила Россіи богатыя мѣстности Буджака, или Молдавской Бессарабіи, и нѣкоторые изъ населенныхъ городовъ въ бассейнахъ Прута и нижняго Дуная. Кагулу (по русски Кагулъ) или Фрумоза, румынскій городъ, лежитъ въ сосѣдствѣ съ Прутомъ, а Болградъ расположенъ на сѣверной сторонѣ Дунайскаго лимана. Послѣдній—столица болгарскихъ колоній въ Дунайской Бессарабіи—очень промышленный и оживленный городъ; устройство и содержаніе таможнихъ низшихъ и среднихъ школъ по-истинѣ удивительно. Въ 1877 году Молдавская Бессарабія имѣла 146 школъ, въ томъ числѣ 10 гимназій, между тѣмъ какъ во всей Русской Бессарабіи, съ населеніемъ въ девять разъ большимъ, было только 220 школъ [1]).

На Дунаѣ самый населенный пунктъ — двойной городъ Измаилъ и Тучковъ, славный въ исторіи дунайскихъ войнъ. Три раза, въ 1770, 1790 и 1791 годахъ, Измаилъ былъ взятъ русскими; въ 1810 году, когда былъ основанъ Тучковъ, Измаилъ представлялъ изъ себя лишь кучу развалинъ. Хотя Тучковъ лежитъ на рукавѣ Килиа (по-русски Килія), рѣже другихъ посѣщаемомъ судами, но все-таки ведетъ довольно большую торговлю зерновымъ хлѣбомъ и другими земледѣльческими продуктами; въ одинъ годъ изъ него было вывезено почти 600,000 четвертей пшеницы. Торговое движеніе Измаильскаго порта въ 1871 году: вошло 721 судно, вмѣстимостью въ 79,700 тоннъ [2]). Выше Тучкова по теченію лежитъ пристань Рени; близъ этого мѣста Дарій перешелъ Дунай [3]), а ниже—Килія, городъ населенный раскольниками-липованами, давшими свое имя сѣверному Дунайскому рукаву, и Вилковъ, населенный рыбаками; но въ обоихъ торговля менѣе значительна, чѣмъ въ предъидущемъ.

Города Дунайской Бессарабіи имѣютъ жителей (1880):

Измаилъ и Тучковъ	30,260	Килія	8,265
Болградъ	7,530	Рени	4,115
Кагулъ			5,000

---

[1]) „Педагогическій Музей“, 1879 г. №№ 1-й и 2-й.

[2]) Въ 1880 г. всего вошло и вышло 1000 суд. (въ томъ числѣ съ балластомъ 397). *Ред.*

[3]) *Брунъ, Ф.* Древняя топографія Новороссійскаго края и Бессарабіи.

VII.

ОБЛАСТЬ ВЕЛИКИХЪ ОЗЕРЪ.

Ингрія и Карелія, губерніи Новгородская и С.-Петербургская.

Начало исторической Руси было положено въ бассейнѣ Днѣпра, подъ вліяніемъ цивилизаціи государствъ по берегамъ Средиземнаго моря; другая Русь должна была развиться по направленію къ Балтійскому морю, въ странахъ, обращенныхъ къ балтійскимъ славянамъ, скандинавамъ и германцамъ. Группировкѣ народовъ, центромъ которыхъ былъ Кіевъ, долженъ былъ соотвѣтствовать также на большомъ пути „изъ Варяги въ Греки“ другой жизненный центръ торговли и культуры, и такимъ центромъ сдѣлался Новгородъ. Область, окружающая Новгородъ и простирающаяся къ сѣверу, со включеніемъ большихъ озеръ, не принадлежитъ, собственно говоря, во всемъ своемъ объемѣ къ славянскимъ землямъ: по происхожденію жителей, а равно и по исторіи, бассейны Наровы, Волхова и Невы представляютъ переходную полосу между различными племенами финновъ и восточныхъ славянъ; тѣмъ не менѣе географическое значеніе этой области столь важно, что русскіе во всѣ времена стремились устроить тутъ свои рынки; наконецъ, имъ удалось основать здѣсь даже свою столицу, избравъ для этого мѣсто, лежащее почти внѣ материка и окруженное чуждыми народностями. Однако, огромный городъ, построенный при устьѣ Невы, привлекалъ и привлекаетъ значительное населеніе только въ свои предѣлы; холодныя же земли Сѣвера, среди которыхъ онъ расположенъ, до сихъ поръ почти совершенно пустынны въ сравненіи съ любою мѣстностью умѣренной полосы Европы. Даже въ виду его куполовъ разстилаются безлюдныя пространства.

Губерніи Псковская, Новгородская, Петербургская и Олонецкая [1]):

Поверхность:	Населеніе въ 1875 г.	На 1 кв. килом.
377,087 кв. кил.	3.531,500 чел.	9 человѣкъ.

Если принять въ разсчетъ всю поверхность Ладожскаго озера, часть котораго оффиціально отнесена къ Финляндіи, то область великихъ русскихъ озеръ покрыта водою на пространствѣ болѣе чѣмъ 35,000 квадр. верстъ (40,000 квадр. килом.). Область эта не представляетъ, подобно нѣкоторымъ частямъ Швеціи и Финляндіи, лабиринта излучистыхъ водъ, которыя заставляютъ путешественниковъ дѣлать столь длинные объѣзды, слѣдуя съ перешейка на перешеекъ; находящіяся здѣсь озера самыя обширныя въ Россіи послѣ Каспійскаго, которое представляетъ остатокъ

[1]) Поверхность, по „Superficie de l'Europe“ Стрѣльбицкаго, 369,073 кв. кил. = 324,311 кв. верстъ = 6,802,7 кв. м. Населеніе въ 1880 г.—3.929,000. На 1 кв. версту—12 жит., на 1 кв. кил.—10,6, на 1 кв. милю—58 жит. *Ред.*

океаническаго залива. Три большія прѣсноводныя озера, изъ которыхъ избытокъ водъ стекаетъ въ Финскій заливъ черезъ Нарову и Неву, занимаютъ бо́льшее пространство, чѣмъ всѣ остальные водные бассейны Имперіи вмѣстѣ взятые, а одно изъ этихъ озеръ, Ладожское, превосходитъ величиной поверхности и обиліемъ воды всѣ озерныя водовмѣстилища Скандинавіи или Альповъ.

Причина такого изобилія стоячей воды заключается въ общей горизонтальности территоріи: каменистыхъ пороговъ незначительной высоты достаточно было, чтобы остановить теченіе рѣкъ и заставить ихъ разливаться въ ширину до того, что онѣ образовали, выше этихъ преградъ, настоящія прѣсноводныя моря. На югѣ и на востокѣ самыя границы этой озерной области очень мало возвышенны, и наибольшее протяженіе ея занимаютъ еще озера, топи, болота, поверхность которыхъ постоянно наростающими слоями мховъ поднята до высоты 40—50 футовъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ, а также не вполнѣ обсохшія низины и впадины. Какъ на примѣръ этихъ полузатопленныхъ земель, можно указать на пространство, служащее водораздѣломъ между бассейнами Волхова и Западной Двины.

На востокѣ страны латышей и эстовъ, одна изъ этихъ обширныхъ водныхъ площадей, питаемая водами рѣкъ Великой, Эмбаха и другихъ значительныхъ притоковъ, продолжается съ юга на сѣверъ на протяженіи 130 верстъ; у эстовъ она извѣстна подъ именемъ Пейпуса, а русскіе прозвали ее Чудскимъ озеромъ, потому что кругомъ сидѣли финскія или чудскія племена. Это озеро, средняя глубина котораго около 5 саженъ, состоитъ изъ двухъ бассейновъ, изъ которыхъ меньшій носитъ названіе Псковскаго озера и которые соединены каналомъ, имѣющимъ около двухъ верстъ ширины въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода и текущимъ на подобіе рѣки: здѣсь-то и находится самая глубокая часть озера. У селенія Меггикормъ ложе, расчищенное теченіемъ, имѣетъ до 13 саженъ глубины: отсюда, можетъ быть и произошло названіе „Теплое озеро", даваемое этому проливу, потому что быстрыя воды его бываютъ покрыты льдомъ менѣе продолжительное время, нежели воды тихихъ бассейновъ, сѣвернаго и южнаго. Зимой на льду появляются временныя деревни въ мѣстахъ лова рыбы; онѣ состоятъ изъ деревянныхъ домиковъ, которые на лѣтнее время переносятся жителями въ лѣсъ [1]). Прежде Пейпусъ былъ гораздо обширнѣе; по всей вѣроятности, это—остатокъ морскаго пролива, соединявшаго восточную оконечность Финскаго залива съ Рижскимъ и отдѣлившагося отъ Балтики вслѣдствіе постепеннаго поднятія дна. Постоянное обновленіе его жидкой массы дождями и впадающими въ него рѣками превратило его въ прѣсноводное озеро; но во многихъ мѣстахъ можно распознать древніе морскіе береговые утесы, совершенно

---

[1]) *Von Helmersen*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, B. XXIV.

*

подобные скаламъ, о которые теперь, на берегахъ Эстляндіи, ударяются волны Балтики. Впрочемъ, между животными, населяющими Чудское озеро, встрѣчаются еще бывшіе представители морской фауны: такъ, напримѣръ, тюлени, происходящіе отъ предковъ, которые живутъ въ соленой водѣ, должны были постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, приспособиться къ своей новой средѣ. Въ 1852 году покойный академикъ Беръ велѣлъ бросить въ Пейпусъ нѣкоторое число лососей, и эти рыбы расплодились въ замкнутомъ бассейнѣ, хотя онѣ не могутъ совершать ежегодныхъ путешествій въ Балтійское море, по причинѣ водопада, прерывающаго теченіе выходящей изъ озера рѣки Наровы [1]). Съ 1844 года, который прибрежные жители называютъ „годомъ потопа“, уровень Чудскаго озера сталъ гораздо выше, чѣмъ былъ прежде, нѣкоторые острова исчезли, на берегахъ образовались новые заливы; лѣса, омываемые поднимающейся волной, совершенно погибли, и топкіе луга или трясины (luchten) по берегамъ, дававшіе прежде большое количество сѣна, превратились въ болота. Это повышеніе уровня и набѣги озера на свои берега были, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ обширныхъ осушительныхъ работъ, произведенныхъ въ послѣднее время на поляхъ его бассейна: начиная съ 1864 года тамъ выкопано около 2,000 верстъ канавъ, по которымъ вода быстро уходитъ въ Пейпусъ, откуда не находитъ достаточно быстраго истеченія черезъ Нарову; нужно бы было открыть каналъ для спуска всѣхъ этихъ излишнихъ водъ прямо въ море или въ низовую Нарову. Распространеніе озера вдоль сѣвернаго берега идетъ очень быстро: тамъ поднимается гряда подвижныхъ дюнъ, средняя высота которыхъ отъ 23 до 30 футовъ и которыя перемѣщаются отъ юга къ сѣверу; по мѣрѣ того, какъ песчаные бугры подвигаются впередъ, покидаемый ими берегъ подтачивается и размывается водами озера. Это перемѣщеніе дюнъ въ сѣверномъ направленіи объясняется тѣмъ, что онѣ выставлены дѣйствію только южныхъ вѣтровъ; съ другой стороны онѣ защищены толщей лѣса [2]).

Средняя поверхность Чудскаго озера на 95 футовъ выше уровня моря; понятно, что при такой значительной разности уровня истокъ его, рѣка Нарова, долженъ спускаться къ Финскому заливу очень наклоннымъ теченіемъ, или водопадами. И дѣйствительно, эта рѣка, выходящая изъ сѣверо-восточнаго угла озера и текущая вдоль основанія высокихъ крутыхъ откосовъ своего праваго берега, вступаетъ, наконецъ, въ скалистое ущелье, откуда спускается по уступамъ. Выше Нарвы она дѣлится на два рукава вокругъ острова Кренгольма и падаетъ съ высоты отъ 16 до 20 футовъ въ нижнее ложе, вырытое межъ обрывистыхъ утесовъ, известковыхъ и песчаниковыхъ. Въ то время какъ западная часть рѣки спускается

---

[1]) Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1862, tome IV.

[2]) *Von Helmersen*, выше цитированное сочиненіе.

многочисленными небольшими каскадами, перемѣшивающими свои льющіяся пелены зеленоватой воды и свои пѣнящіяся волны, восточный потокъ, болѣе обильный, падаетъ одной сплошной массой, какъ бы для того, чтобы низвергнуться въ узкую трещину почвы: такъ какъ правый берегъ возвышается крутой стѣной передъ водопадомъ, то воды, замкнутыя въ тѣсной воронкѣ, отскакиваютъ вкось и соединяются съ другимъ рукавомъ Наровы.

Въ нижней части своего теченія, ниже водопадовъ, а также фабрикъ, расположенныхъ на ихъ берегахъ и города Нарвы, Нарова является блуждающей рѣкой, неоднократно мѣнявшей свое русло въ теченіе настоящаго періода. Двойной рядъ дюнъ, высотою около 10 саженъ, окаймляющій на востокѣ Нарвскую бухту, представляетъ естественную преграду, которая прежде не позволяла рѣкѣ изливаться прямо въ море: она принуждена была продолжать свой путь на сѣверъ, идя вдоль цѣпи песчаныхъ горокъ той долиной, по которой теперь слѣдуетъ рѣка Луга. Проломъ, образовавшійся въ поясѣ дюнъ въ неизвѣстную намъ эпоху, позволилъ Наровѣ изливать свои воды на западѣ, въ Нарвскую бухту; но выше ея устья до сихъ поръ видны многія излучины долины и даже одно извилистое озеро, свидѣтельствующія о постоянныхъ блужданіяхъ этой рѣки. Впрочемъ, долины Луги и Нарвы и теперь еще гидрографически соединены между собой, ибо вѣтвь Луги, Россона (одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя позволяютъ искать происхожденія русскихъ на берегахъ Финскаго залива), поворачиваетъ къ западу, чтобы броситься въ Нарову близъ впаденія послѣдней въ бухту. Россона менѣе обильна водой, нежели Нарова, но представляетъ гораздо большія неправильности въ порядкѣ измѣненія уровня жидкой массы; отъ ея-то наносовъ и происходятъ рѣзкія перемѣны глубины на барѣ, столь затрудняющія судоходство. Выходя изъ озера, которое регулируетъ ея теченіе, Нарова несетъ чистую воду, несодержащую землистыхъ частицъ, и разность уровня между высокой и низкой водой не превышаетъ въ ней полутора аршина, тогда какъ Россона во время половодья поднимается на 5, на 6, даже на 7 аршинъ выше нормальнаго уровня и, размывая свои берега, уноситъ въ море большія количества песку. Въ иныхъ мѣстахъ пришлось сломать стоявшія на берегу зданія, такъ какъ имъ грозила опасность быть унесенными вмѣстѣ съ дюнами, на которыхъ они были построены; на одномъ кладбищѣ берегъ, подтачиваемый водой, обвалился, и гробы, наполовину высунувшіеся изъ земли, падали одинъ за другимъ въ рѣку [1]). Полагаютъ, что, для поддержанія на входномъ порогѣ Наровы постоянной глубины въ 10 футовъ, необходимо отвести Россону прямо въ море посредствомъ независимаго устья. Послѣ разливовъ Россоны иногда случается, что

[1]) *Von Helmersen*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome III, 1861.

баръ имѣетъ всего только 5 или $6^1/_2$ футовъ глубины, и тогда даже мелкія суда не отваживаются переходить порогъ, чтобы войти въ Нарову—рѣку, глубина которой выше бара не менѣе 6 саженъ; вода при входѣ становится глубже только по окончаніи разлива Россоны, благодаря сѣверо-западнымъ вѣтрамъ и производимому ими волненію, которое постепенно разсѣваетъ далеко осадки, приносимые этимъ притокомъ. Съ 1764 года пытались-было дать извѣстное направленіе рѣчному теченію и увеличить его размывающую силу при помощи рядовъ свай и фашинника, но это средство не привело къ желанной цѣли, и Нарвская бухта осталась до сего дня однимъ изъ самыхъ опасныхъ пристанищъ въ этой части морскаго берега: случалось, что здѣсь погибало болѣе двадцати судовъ въ одну только бурю. А между тѣмъ было бы весьма важно улучшить Нарвскій портъ, который представляетъ большія выгоды, какъ передовой портъ Петербурга, съ которымъ онъ соединенъ желѣзной дорогой. По наблюденіямъ, обнимающимъ 70-лѣтній періодъ, Нарова бываетъ свободна отъ льда среднимъ числомъ на одиннадцать дней больше Невы.

Къ востоку отъ Пейпуса встрѣчаемъ другое большое озеро—Ильмень, въ старину Моискъ, поверхность котораго около 807 кв. верстъ=919 кв. кил. (40 верстъ длины и 30 ширины). Бассейнъ этотъ въ дѣйствительности есть ни что иное, какъ постоянное наводненіе, образуемое большимъ числомъ рѣкъ, которыя, соединяясь всѣ въ одномъ мѣстѣ, не находятъ достаточно быстраго истеченія. Съ юго-запада въ Ильмень впадаетъ рѣка Шелонь, съ юга течетъ рѣка Ловать, выходящая съ озернаго плато, которое господствуетъ надъ долиной Западной Двины; она образуетъ въ озерѣ, вмѣстѣ съ рѣками Полисть и Полометь, аллювіальную дельту, постоянно растущую вслѣдствіе отложенія новыхъ наносовъ, гдѣ текучія воды мѣняютъ русло при каждомъ новомъ наводненіи; наконецъ, съ сѣверо-восточной стороны въ Ильмень изливается другая значительная рѣка, Мста, берущая начало, какъ и Полометь, въ Валдайской сплошной возвышенности, но на восточномъ скатѣ этихъ высотъ, въ болотистой мѣстности, откуда выходятъ также притоки Волги. Понятно, что всѣ эти рѣки, соединяясь въ одномъ бассейнѣ и принося туда всѣ обломки и землистыя частицы, увлекаемые съ окружающихъ холмовъ, быстро повышаютъ дно озера и измѣняютъ очертанія его береговъ. Воды Ильменя почти всегда мутны, и глубина ихъ не велика, всего только отъ 1 до 4 саженъ, смотря по мѣстамъ: въ сравненіи съ большими швейцарскими озерами, много уступающими ему по величинѣ площади, этотъ резервуаръ заключаетъ въ себѣ относительно незначительный объемъ жидкой массы. Рѣка Волховъ, черезъ которую вытекаетъ излишекъ водъ этого озера съ тинистымъ дномъ, носила въ старину названіе „Мутной", и даже по впаденіи въ Ладожское озеро, котораго она главный притокъ, эта рѣка продолжаетъ течь въ видѣ мутной полосы. Въ своемъ теченіи на пространствѣ около

176 верстъ, отъ Ильменя до Ладоги, Волховъ долженъ спуститься съ высоты около 60 футовъ, и при переходѣ черезъ послѣднюю преграду или каменистую гряду онъ, подобно Наровѣ, образуетъ водопады и пороги: общая высота Гостинопольскихъ пороговъ около 30 футовъ, и только плоты да барки особеннаго устройства могутъ пускаться черезъ это мѣсто рѣки [1]).

Рѣка Свирь, главный притокъ Ладоги съ восточной стороны, представленная въ одной поэтической легендѣ „сестрой" Волхова, несетъ въ нижнее озеро излишнія воды выше лежащаго резервуара, Онежскаго озера, которое, въ свою очередь, принимаетъ излишекъ жидкой массы изъ нѣкоторыхъ другихъ озерныхъ бассейновъ; нѣкоторые изъ этихъ резервуаровъ считались бы во всякой другой европейской странѣ маленькими средиземными морями; но рядомъ съ такими обширными водными пространствами, каковы озера Ладожское и Онежское, гдѣ волны часто бушуютъ, какъ въ бурномъ морѣ, и гдѣ опасныя мѣста должны быть издалека указываемы пловцамъ маяками, подобными тѣмъ, какіе воздвигнуты въ открытомъ морѣ, второстепенные озерные бассейны теряютъ свою важность, и самыя очертанія ихъ, еще не вполнѣ изслѣдованныя, различно изображаются на картахъ. Онежское озеро очень опасно для плаванія судовъ, по причинѣ многочисленныхъ скалъ и подводныхъ камней, находящихся въ сосѣдствѣ береговъ: говорятъ, что до работъ по расчисткѣ фарватера, предпринятыхъ въ 1874 году, ежегодныя крушенія судовъ сопровождались гибелью, среднимъ числомъ, восьмидесяти человѣкъ. Однако, это озеро очень глубоко въ большой части его бассейна, и около середины его протяженія, вдали отъ береговъ, лотъ, какъ говорятъ, досталъ дно только на разстояніи 200 саженъ отъ поверхности. Во всей своей сѣверной половинѣ Онежское озеро развѣтвляется на множество бухтъ, которыя всѣ расположены по линіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу и продолжаются далеко въ сторону Лапландіи продолговатыми озерами и рѣками, слѣдующими въ томъ же направленіи, также какъ и промежуточные холмы, возвышающіеся футовъ на 800—1,000. Эти складки почвы, поперемѣнныя возвышенія и пониженія, отчасти наполненныя водой, параллельны озерамъ Финляндіи, и ось ихъ оріентирована въ томъ же самомъ направленіи, какъ и вся юго-западная часть Бѣлаго моря, отъ губы Онежской до Кандалакской. Новѣйшія геологическія изслѣдованія констатировали существованіе въ этой области глетчерныхъ полосъ, начертанныхъ также отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и естественные валы, азары, или по-мѣстному *сельги*, именно въ окрестностяхъ озера Согъ, тянутся почти въ томъ же направленіи. Однако, нѣкоторыя перемѣщенныя морены развѣтвляются и пересѣкаются такъ, что образуютъ на поверхности равнинъ настоящія ячеи изъ камней [2]).

[1]) *Андреевъ*, „Ладожское озеро".
[2]) *Проф. Иностранцевъ*, Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда.

На западѣ, Сайма, самое большое изъ финляндскихъ озеръ, тоже можетъ быть разсматриваемо, какъ притокъ Ладожскаго озера, которому оно посылаетъ свои воды, какъ и Онежское, посредствомъ рѣки, имѣющей около 200 футовъ общаго паденія: это — Wuoxen финляндцевъ и шведовъ, Вуокса или Вокса русскихъ; она образуетъ, вскорѣ по выходѣ изъ Саймы, знаменитые водопады Иматра, самые величественные во всемъ бассейнѣ Невы. Даже втеченіе настоящаго столѣтія Вуокса перемѣнила русло въ нижней своей части, и теперешнее ея устье находится верстахъ въ сорока къ югу отъ прежняго. До 1818 года она изливалась въ Ладогу у города Кексгольма, которому это сосѣдство рѣки придавала нѣкоторую торговую важность; но большіе дожди прорвали, близъ деревни Тайпала, перешеекъ, отдѣлявшій Ладогу отъ другаго озернаго бассейна, продолговатой формы, называемаго Сувандо, который уже сообщался съ р. Вуоксой посредствомъ маленькаго канала, прорытаго по распоряженію финляндскаго правительства. Эта внезапно открывшаяся брешь, подобно тому, какъ случилось съ озеромъ Гейтіайненъ, тотчасъ же понизила уровень воды въ озерѣ Сувандо; его затопленные берега обсохли настолько, что крестьяне окрестныхъ селеній получили возможность утилизировать ихъ въ видѣ луговъ и пашенъ; озеро превратилось въ рѣку, и воды Вуоксы, почти совершенно покинувъ сѣверное ложе, потекли на юго-востокъ по новому руслу. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что въ предшествовавшую геологическую эпоху озеро Сувандо было уже устьемъ Вуоксы, такъ какъ бассейнъ его имѣетъ форму древняго рѣчнаго потока [1]).

Ладожское озеро, одинъ изъ наилучше изученныхъ прѣсноводныхъ бассейновъ въ Россіи и даже во всей Европѣ, прежде было, безъ сомнѣнія, также какъ Онежское [2]) и Чудское, гораздо обширнѣе, чѣмъ въ наши дни, ибо полуденные его берега, низменные и почти безлѣсные, состоятъ изъ перемѣщенныхъ земель, глины, песку и гравія, которые содержатъ въ огромномъ множествѣ эрратическіе камни всевозможной величины — отъ большихъ глыбъ до мелкаго булыжника. Отъ этихъ низменныхъ южныхъ береговъ ложе Ладоги спускается нечувствительнымъ скатомъ къ глубокимъ водамъ, надъ которыми высятся гранитные утесы сѣвернаго берега. Такимъ образомъ, общая форма бассейна вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію, которое о немъ составилъ бы морякъ при первомъ взглядѣ, по общему виду береговъ. Въ сосѣдствѣ нѣкоторыхъ скалистыхъ острововъ лотъ находитъ дно лишь на глубинахъ 50 или 70 саж. Самая значительная глубина, къ западу отъ Валаамскихъ острововъ, равна 122 саженямъ; но среднимъ числомъ толщину слоя воды опредѣляютъ только въ 50 саженъ, что дало бы для всего бассейна приблизи-

[1]) *Андреевъ*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) *Поляковъ*, „Этногр. наблюденія на юго-востокѣ Олон. губ.", „Записки Имп. Русск. Географ. Общества", по отдѣл. этнографіи, III.

тельный объемъ, въ 24 раза превосходящій вмѣстимость Женевскаго озера. Вотъ числовыя данныя, относящіяся къ главнымъ озерамъ, воды которыхъ изливаются въ Финскій заливъ:

Озера.	Высота положенія.	Площадь кв. кил.	Площадь кв. в.	Глубина наиб. саженъ	Глубина средн. саженъ	Приблизительный объемъ въ куб. саж.
Ладожское . .	59 ф.	18,130	15,923	122	50	200,000 милліон.
Онежское . .	237 „	9,752	8,569	200	80	172,000 „
Чудское . .	95 „	3,513	3,087	10	$4^1/_2$	3,500 „
Ильмень . .	158 „	919	807	4	1 (?)	—

Впрочемъ, количество воды въ Ладожскомъ озерѣ значительно измѣняется по временамъ года и по годамъ, ибо впродолженіе четырнадцати лѣтъ, въ которыя производились наблюденія, разность между высокими и низкими водами достигала 7,3 фут., что представляетъ объемъ въ 33 куб. версты. Валаамскіе монахи утверждаютъ на основаніи мѣстнаго преданія, которое, впрочемъ, не опирается ни на какое цѣнное свидѣтельство, что уровень водъ въ Ладогѣ попеременно повышается и понижается изъ вѣка въ вѣкъ.

Хотя въ Ладожскій бассейнъ изливаются также и мутныя воды, каковы, напримѣръ, воды главнаго его притока, Волхова, однако, вода этого озера вообще такъ чиста и прозрачна, что на глубинѣ 2 или 3 саженъ можно совершенно отчетливо различать самые мелкіе предметы, лежащіе на днѣ. Вода эта очень холодна во всякое время года, исключая только августа: въ этомъ мѣсяцѣ температура верхняго слоя можетъ подняться въ исключительныхъ случаяхъ до 10 или 12 градусовъ стоградуснаго термометра; но даже въ іюлѣ вода еще такъ холодна, что никто не рѣшается пить ее. Въ половинѣ мая, когда ледъ только что растаетъ, вода на поверхности бываетъ среднимъ числомъ не болѣе какъ на 2 градуса выше точки замерзанія; обыкновенно разность температуры между поверхностной водой и нижними слоями не достигаетъ даже одного градуса: вода на глубинахъ даже нѣсколько менѣе студена зимой, когда ледъ разстилается по озеру сплошной необозримой плитой. Занимая положеніе немного южнѣе, а главное—далѣе къ западу, гдѣ сильнѣе проявляется вліяніе морскаго климата, Ладога не бываетъ скована льдомъ впродолженіе столь значительной части года, какъ Онежское озеро. Средняя продолжительность пребыванія подъ льдомъ для послѣдняго изъ этихъ

[1]) Эта таблица составлена взамѣнъ помѣщенной въ соч. Реклю. Поправки заключаются въ слѣдующемъ: 1) Высота положенія Ильменя—92 ф. замѣнены 158 ф. (по „Списку тригоном. и астраном. пунктовъ“). 2) Глубина озеръ: Ладожскаго — наивысшая, вмѣсто 732 ф., взята въ 122 саж., а средняя вмѣсто 300 ф. — 50 саж.; Онежскаго — 200 саж. (вмѣсто 742 ф.) наивысшая и 80 с. средняя (вовсе не показана въ соч. Реклю); Чудскаго озера — 10 саж. (вмѣсто 92 ф.) наибольшая. Поправки относительно озеръ сдѣланы на основаніи слѣд. источниковъ: „Пам. кн. С.-Петерб. губ.“ Елачича, „Ладожское озеро“ Андреева, „Списка нас. мѣстъ Олонецкой губ.“ и Карты гидрографическ. департ. *Ред.*

резервуаровъ исчисляется въ 156 дней, тогда какъ глубокія воды сѣвернаго бассейна Ладоги бываютъ обыкновенно покрыты льдомъ только четыре мѣсяца; онѣ никогда не облекаются твердой корой ранѣе половины декабря, хотя южная часть озера, болѣе мелководная и усѣянная песчаными мелями, покрывается льдомъ иногда уже съ конца октября. Въ нѣкоторые годы, середина озера совсѣмъ не замерзаетъ. Ледяная кора бываетъ тѣмъ толще, чѣмъ многочисленнѣе были перемѣны зимней погоды: морозы, чередующіеся съ оттепелями, сообщаютъ льду большую толщину, чѣмъ длинная стужа, продолжающаяся однообразно черезъ всю зиму. Это явленіе происходитъ оттого, что льды перемѣнчивыхъ зимъ состоятъ изъ неравныхъ кусковъ, которые были разорваны вѣтромъ и затѣмъ снова слѣпились въ неправильныя массы, въ причудливыя скопленія, особенно въ сосѣдствѣ подводныхъ скалъ. Близъ острова Валаама наблюдали груды нагроможденныхъ въ безпорядкѣ льдинъ, подпимавшіяся на высоту отъ 10 до 11 саженъ и представлявшія издали видъ холмовъ изъ вывѣтривавшихся сланцевъ[1]. Понятно, что обломки, примерзшіе ко льду около береговъ, песокъ или булыжникъ, переносятся такимъ образомъ на большія разстоянія и отлагаются на берегу въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ выше первоначальнаго ихъ мѣстонахожденія.

Несмотря на ледяной покровъ, разстилающійся каждый годъ надъ Ладожскимъ озеромъ, глубины его водъ содержатъ еще достаточно воздуха, чтобы сохранить свое населеніе, состоящее изъ разныхъ породъ рыбъ и другихъ животныхъ. Одинъ видъ тюленя,—впрочемъ, тотъ же самый, который водится въ озерахъ Онежскомъ и Чудскомъ, — живетъ также въ Ладогѣ и появляется зимой на отдѣльно плавающихъ льдинахъ или на краяхъ трещинъ, образующихся въ кристаллической корѣ: этимъ то случаемъ и пользуются охотники, чтобы бить звѣря, изъ котораго они вытапливаютъ сало и кожа котораго идетъ на выдѣлку чемодановъ и ранцевъ; въ зимнюю пору за тюленями гоняются также голодные волки, которые смѣло пускаются на льдинахъ до самой середины озера. Нѣкоторые изъ мелкихъ животныхъ видовъ, обитающихъ въ глубинахъ Ладоги, напоминаютъ, какъ и тюлень, о существованіи въ древности соединительнаго пролива между открытымъ моремъ и заливомъ соленой воды, которой впослѣдствіи сдѣлался великимъ прѣсноводнымъ моремъ Россіи. Одинъ изъ этихъ микроскопическихъ организмовъ Ладоги (Compylodiscus radiosus) до сихъ поръ найденъ только въ этомъ озерѣ и въ водахъ Мексиканскаго залива, близъ Вера-Круца[2].

Вѣтры, дующіе на Ладожскомъ озерѣ, поднимаютъ иногда бури, сопровождаемыя, какъ бури на морѣ, пересѣченіями встрѣчныхъ валовъ,

---

[1]) *Андреевъ*, „Ладожское озеро".

[2]) *Ульскій* и *Вейсс; Андреевъ*, выше цитированное сочиненіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. — НЕВА.

движеніями зыби, — волнами, идущими со дна. Но это не единственныя перемѣщенія озерныхъ водъ: жидкая масса Ладоги во всемъ ея объемѣ, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ рѣкъ, впадающихъ въ бассейнъ, испытываетъ постоянное круговращеніе, слѣдуя отъ юга къ сѣверу у восточныхъ береговъ и отъ сѣвера къ югу у береговъ западныхъ. Кромѣ того, пониженіе уровня водъ происходитъ во всей области сосѣдней съ каналомъ, черезъ который онѣ вытекаютъ къ морю, ибо уровень Ладожскаго озера, какъ показали измѣренія, произведенныя зимой астрономомъ Шубертомъ, среднимъ числомъ на 60 слишкомъ футовъ выше уровня моря, и рѣка, уносящая излишнюю воду въ Балтику, проходитъ лишь незначительное протяженіе до впаденія въ Финскій заливъ. Безъ сомнѣнія, это—настоящая рѣка, если сравнить ее съ истокомъ Меларскаго озера, который находится напротивъ нея, по другую сторону Балтійскаго моря, и на берегахъ котораго также построена столица государства: по выходѣ изъ Меларскаго озера, стокгольмскій потокъ пробѣгаетъ всего лишь нѣсколько сотъ метровъ до вступленія въ заливъ моря, тогда какъ Нева имѣетъ около 53 верстъ длины, отъ Ладожскаго озера до Кронштадской губы. Тѣмъ не менѣе, Нева, какъ рѣка, находится еще въ періодѣ образованія; въ сравненіи съ озеромъ, изъ котораго она вытекаетъ, и съ озерами, посылающими ей черезъ Свирь и Вуоксу излишекъ своей жидкой массы, она является, по количеству воды, маловажной рѣкой; ей нужны еще многія тысячи вѣковъ, чтобы образовать правильныя долины на всемъ протяженіи бассейна, отъ сѣверныхъ истоковъ, въ Валдайскихъ горахъ и сосѣднихъ плоскихъ возвышенностяхъ, до устьевъ, впадающихъ въ Кронштадскую губу. Почва этой области Россіи, въ большой части каменистая, доставляетъ водамъ рѣкъ лишь незначительную пропорцію обломковъ и землистыхъ частицъ; за исключеніемъ области Ильменя, почти всѣ рѣки этого бассейна имѣютъ чистую воду, благодаря своимъ каменистымъ русламъ и многочисленнымъ озернымъ резервуарамъ, черезъ которые онѣ протекаютъ.

Нева, имя которой произошло отъ Нево, древняго названія Ладожскаго озера, по объему воды принадлежитъ къ числу большихъ рѣкъ Европы: средній стокъ ея, или количество воды, протекающей въ секунду, исчисляютъ въ 102,550 или 103,250 куб. футовъ, такъ что, слѣдовательно, она превосходитъ Рону и Рейнъ по массѣ своихъ водъ и внѣ Россіи уступаетъ въ этомъ отношеніи только одной европейской рѣкѣ— Дунаю: потокъ ея настолько многоводенъ, что измѣняетъ въ прѣсноводный бассейнъ всю восточную часть Финскаго залива, простирающуюся далѣе острова Котлина. Ширина Невы различна, отъ 120 до 600 саж., и пароходы, поднимающіеся и спускающіеся по теченію рѣки, находятъ обыкновенно отъ 6 до 10 футовъ воды на порогахъ; подобно другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Финскій заливъ, она образуетъ пороги, и въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ по ней могутъ проходить только плоскодонныя суда. Въ той части теченія, которая проходитъ черезъ Петербургъ, рѣка имѣетъ отъ 3 до 7 саженъ глубины, тогда какъ впереди дельты, при впаденіи въ заливъ, каждый изъ рукавовъ, Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невка, отдѣленъ отъ моря барами и песчаными мелями, черезъ которые не могутъ переходить суда, имѣющія болѣе 6½ футовъ водоуглубленія. Впрочемъ, такъ какъ рѣка несетъ лишь весьма незначительное количество мути, то отлагающіеся въ устьяхъ осадки очень медленно распространяются по водамъ моря, и фарватеры долгое время сохраняются въ одномъ и томъ же направленіи: съ 1718 по 1834 годъ общее приращеніе дельты вслѣдствіе отложенія рѣчныхъ наносовъ составляло только 585 десятинъ, такъ что, значитъ, среднее годовое увеличеніе представляетъ только около 5 десятинъ, или поясъ шириною въ 6½ футъ для всего фронта дельты[1]). Толщина слоя аллювіальныхъ земель всего только съ небольшимъ 11 саженъ, какъ доказало буреніе артезіанскаго колодца, нисходящаго на 93 сажени, до слоя воды, которая течетъ подъ землей на пластахъ финляндскаго гранита[2]). Вода этого колодца, вытекающая въ видѣ столба въ 30 футовъ высоты, содержитъ примѣсь минеральныхъ веществъ, подобныхъ тѣмъ, какія находятся въ крейцнахскихъ источникахъ.

Благодаря Ладожскому озеру, которое служитъ регуляторомъ рѣкѣ, разность уровня между высокими и низкими водами незначительна: разливы Невы не были бы опасны, если бы западный вѣтеръ, дующій прямо противъ ея устьевъ, не задерживалъ и не гналъ иногда воду обратно, образуя родъ подвижной запруды, которая могла бы потопить весь Петербургъ, если бы этотъ вѣтеръ продолжался съ одинаковой силой нѣсколько дней сряду; всѣмъ памятно еще наводненіе 7 ноября 1824 г., когда вода въ рѣкѣ поднялась слишкомъ на 2 сажени выше уровня моря и залила почти всѣ части столицы; недавно, въ 1879 году, воды Невы, задержанныя западнымъ вѣтромъ, опять поднимались почти до такой же высоты. Обыкновенно поверхность рѣки возвышается надъ поверхностью залива не болѣе, какъ на 1 футъ (30 сантим.); въ апрѣлѣ, общее паденіе, на пространствѣ отъ Петербурга до Кронштадтскихъ водъ, составляетъ только 1½ д. (4 сантим.). Подобно западнымъ вѣтрамъ, вскрытіе рѣки и ледоходъ тоже иногда бываютъ опасны для прибрежныхъ жителей Невы; однако, опасность въ этомъ случаѣ происходитъ не отъ льдовъ, сравнительно не очень толстыхъ, которые образуются на быстрыхъ водахъ рѣки, а отъ ледяныхъ массъ Ладоги: ихъ ломающіеся куски тѣснятся въ руслѣ рѣки, громоздятся другъ на друга, скопляются на пово-

[1]) *Семеновъ*, „Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи“.

[2]) *Von Helmersen*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome VII, 1865.

ротахъ, ударяясь о берега, и разрушаютъ набережныя. По среднему выводу изъ наблюденій за 150 лѣтъ, Нева бываетъ покрыта льдомъ 138 дней въ году [1]); но колебанія этого періода весьма значительны: между тѣмъ, какъ въ 1822 г. рѣка оставалась подъ ледянымъ покровомъ только 87 дней, въ 1852 г. періодъ пребыванія подъ льдомъ продолжался 194 дня.

Бассейнъ Невы, черезъ который проходитъ, въ самомъ Петербургѣ, шестидесятый градусъ широты, то-есть идеальная линія, вдвое болѣе удаленная отъ экватора, чѣмъ отъ полюса, находится частію въ холодныхъ областяхъ, гдѣ жизнь природы кажется почти совершенно прекращающейся впродолженіе цѣлой половины года. Изотермическая линія 3 градусовъ, которая слѣдуетъ параллельно морскому прибрежью Финляндіи, на небольшомъ разстояніи внутри страны, пересѣкаетъ Ладожское озеро на востокѣ отъ столицы, затѣмъ направляется на юго-востокъ къ центральной России и Туркестану; точно также изохимена, или линія равной зимней температуры, показывающая 7 градусовъ ниже точки замерзанія, проходитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ Петербурга, послѣ чего заворачиваетъ почти прямо на югъ къ степямъ, прилегающимъ къ Черному морю.

Въ этомъ суровомъ климатѣ большое число растеній умѣреннаго пояса можетъ родиться и развиваться только благодаря исключительному уходу; туземная растительность, состоящая единственно изъ видовъ, выносящихъ зимніе морозы, весенніе заморозки и оттепели, представляетъ крайне однообразную и скудную флору, исключая теплицъ, гдѣ растенія прозябаютъ въ искусственномъ климатѣ, создаваемомъ садовникомъ. Дубъ, который мы находимъ въ Швеціи даже подъ широтой города Гефле и который растетъ въ прибрежномъ поясѣ полуденной Финляндіи, не встрѣчается, въ дикомъ состояніи, въ лѣсахъ Ингріи и растетъ естественно лишь къ востоку отъ озера Ильменъ, на берегахъ рѣки Msты [2]). Точно также тамъ только въ садахъ городовъ, загородныхъ дворцовъ, богатыхъ имѣній или монастырей можно видѣть деревья, придающія лѣсамъ умѣренной Европы ихъ своеобразную физіономію: тополь, вязъ, кленъ, ясень. Пихта и лиственница также не встрѣчаются въ дикомъ состояніи [3]); вообще здѣсь не увидишь другихъ древесныхъ породъ, кромѣ березы, ольхи, осины, ивъ и рябины, да двухъ хвойныхъ — ели и сосны. Что касается культурныхъ растеній, то между озерами Ладожскимъ и Онежскимъ проходитъ сѣверный предѣлъ самаго важнаго, для пропитанія человѣка, хлѣбнаго злака — пшеницы.

Понятно, что эти негостепріимныя области, поставленныя въ столь неблагопріятныя климатическія условія, не могутъ быть густо населен-

---

[1]) *Семеновъ*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) *Гульденштедтъ*; *Леопольдъ ф.-Бухъ*.

[3]) *Андреевъ*, выше цитированное сочиненіе.

ными, и нельзя не признать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной исторіи тотъ фактъ, что городъ, основанный среди этихъ пустынь, въ такомъ же разстояніи отъ полюса, какъ Лабрадоръ и оконечность Гренландіи или Камчатка, могъ, однако, благодаря выгодамъ торговли и политической централизаціи, привлечь въ свои стѣны сотни тысячъ жителей. Но пока туземцы должны были довольствоваться мѣстными источниками пропитанія, какъ звѣроловы, рыболовы или земледѣльцы, въ области великихъ озеръ не могли возникнуть города, а жившія въ ней племена оставались безъ національной связи, почти невѣдомыя другъ другу. Извѣстно, однако, что эти страны были обитаемы уже со временъ очень отдаленной древности, какъ о томъ свидѣтельствуютъ остатки человѣческаго искусства, относящіеся къ каменному вѣку и которые открыты даже на берегахъ Онежскаго и сосѣднихъ съ нимъ озеръ. Каменный валъ, сложенный изъ большихъ, грубо обтесанныхъ камней, близъ маленькаго озера Лужандъ, на юго-востокѣ отъ Онежскаго озера, тянется слишкомъ на двѣ съ половиной версты въ длину; но пока еще неизвѣстно, къ какой національности принадлежалъ народъ, построившій эту стѣну, такъ какъ въ сосѣднихъ могилахъ не нашли человѣческихъ костей [1]). Могильные курганы, встрѣчающіеся на юго-западѣ отъ Онежскаго озера, въ сосѣдствѣ рѣки Свирь, заключаютъ въ себѣ скелеты двухъ различныхъ типовъ—одинъ короткоголовый, другой чисто-африканскій, длинноголовый и косочелюстный [2]).

Великоруссы, постепенно распространяющіеся въ краѣ, занимаютъ теперь почти весь бассейнъ Волхова и уже на многихъ пунктахъ переступили за свои предѣлы—первыхъ историческихъ временъ, озеро Пейпусъ и рѣки Нарову, Неву, Свирь. Однако, въ ихъ этнографической территоріи остаются еще островки и архипелаги финскаго населенія. Въ бассейнѣ Мсты, также какъ на возвышенностяхъ, надъ которыми съ восточной стороны господствуютъ вершины Валдайскаго плоскогорья, живутъ финны, карелы, потомки инородцевъ, переселенныхъ туда Петромъ Великимъ; имъ, вѣроятно, предшествовала „бѣлоглазая Чудь“ — „чудные люди“, „чудища“, „чужіе“, останки которыхъ находятъ въ могильныхъ холмахъ страны. Къ востоку отъ Нарвы другіе инородцы сохранили финское названіе „Вотъ“ или „вотены“; оно нѣкогда принадлежало цѣлому народу, занимавшему обширную область (Вотскую землю) и стоявшему уже около девятаго столѣтія на довольно высокой степени гражданственности [3]): г. Ивановскій изслѣдовалъ въ тѣхъ мѣстностяхъ болѣе 8,000 кургановъ, по большей части маленькихъ и бѣдныхъ остатками древности; двѣ тысячи череповъ, извлеченныхъ изъ этихъ могилъ, по-

[1]) *Поляковъ*, выше цитированная статья.

[2]) *Европеусъ*, „Голосъ“, августъ 1879 г.

[3]) *Ch. Ujfalvy,* Voyage d'exploration scientifique.

видимому, принадлежали людямъ урало-алтайской расы [1]). На западномъ берегу Онежскаго озера, равно какъ и далѣе на югъ, между Ладогой и Бѣлоозеромъ, живетъ племя Весь или сѣверная Чудь, образующее тамъ и сямъ отдѣльныя группы и общая численность котораго опредѣляется различно, отъ 12,000 до 25,000 душъ. Языкъ ихъ очень любопытенъ по своимъ архаическимъ формамъ [2]). Впрочемъ, они быстро обрусѣваютъ; во многихъ изъ селеній русскій языкъ преобладаетъ, или, по крайней мѣрѣ, къ мѣстному нарѣчію примѣшано множество славянскихъ словъ. Большинство женщинъ этой страны лучше сохранило свой родной языкъ, чѣмъ финскій типъ; по словамъ г. Майнова, между ними мало встрѣтишь такихъ, которые имѣли бы косо лежащіе глаза, свойственные монгольскому типу, и многія изъ нихъ отличаются красотой чисто „новгородской". Почти всѣ представители племени Весь—брахицефалы (короткоголовые), а ростъ ихъ выше средняго роста жителей Россіи собственно. Судя по названіямъ домашнихъ животныхъ, по словамъ, относящимся къ земледѣлію, и терминамъ, употребляемымъ для обозначенія желѣза, золота и цинка, просвѣтителями Веси были русскіе, шведы и литовцы. Финскіе туземцы вѣрятъ еще въ домашнихъ боговъ; при переселеніи въ новый домъ, они приносятъ головню со стараго очага и кладутъ потихоньку кусокъ хлѣба подъ печку: если пѣтухъ не поетъ при входѣ въ новое жилище, это считается знакомъ, что жертвоприношеніе не принято, и что домовой относится враждебно. Любимый напитокъ Веси — отваръ изъ свеклы, очень приторный и непріятный для непривыкшаго вкуса; цынга производитъ между туземцами этого племени большія опустошенія, что приписываютъ недостатку капусты и луку въ ихъ пищѣ [3]).

Что касается финновъ-ингаровъ или ингровъ, которые дали свое имя Ингріи или Ингерманландіи (Ижорская земля), гдѣ находится столица, то они перестали существовать, какъ отдѣльная народность; но потомки финновъ, болѣе или менѣе смѣшанные, населяютъ еще въ значительной части поясъ прибрежья, заключенный между дельтами Наровы и Невы, и всю территорію, окружающую съ запада, съ сѣвера и съ сѣверо-востока воды Ладожскаго моря. Туземные жители окрестностей Петербурга, среди которыхъ находятся колоніи шведовъ, потомковъ прежнихъ завоевателей края, и нѣмецкихъ земледѣльцевъ, призванныхъ русскимъ правительствомъ,—по происхожденію, какъ кажется, довольно близко подходятъ къ тавастамъ, или западнымъ финляндцамъ; они извѣстны подъ общимъ именемъ чухонъ или чухонцевъ. Подобно своимъ сосѣдямъ, ижорцамъ, живущимъ по рѣчкѣ Ижорѣ, небольшому притоку Невы, они отличаются отъ большей части другихъ финновъ маленькимъ ростомъ, ко-

---

1) *Майновъ*, Russische Revue, 1877, № 9.

2) *Ch. de Ujfalvy*, Lettre à la Société de Géographie de Paris, 1-er février 1877.

3) *Майновъ*, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № 5.

ренастымъ тѣлосложеніемъ и почти всѣ—отталкивающею нечистоплотностью. На берегахъ Ладожскаго озера населеніе совершенно карельское. Здѣсь мы уже въ самой Финляндіи, даже на тѣхъ берегахъ озера, которые находятся по сю сторону административныхъ границъ нынѣшняго великаго княжества. Острова этого внутренняго моря населены финнами и русскими; но послѣдніе еще недавно до такой степени утрачивали свою національность, что почти совершенно забыли свой родной языкъ [1]): въ этомъ случаѣ мы видимъ примѣръ того, что арійцы мало по малу ассимилируются урало-алтайцами. Впрочемъ, многіе изъ такъ называемыхъ русскихъ въ странѣ вокругъ великихъ озеръ, можетъ быть, суть ни что иное, какъ карелы: по наблюденіямъ Кастрена, черты лица у нихъ рѣзче обрисованы, кожа бѣлѣе, глаза и волосы свѣтлѣе, чѣмъ у настоящихъ славянъ; очевидно, въ тѣхъ мѣстахъ, куда русскіе приходили по-одиночкѣ, а не сплоченными группами, происходило смѣшеніе племенъ [2]). Большая часть обычаевъ тоже финскаго происхожденія [3]), и нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ о живучести языческихъ обрядовъ и нравовъ. Упрямые характеромъ, упорные въ понятіяхъ, карелы измѣняются очень медленно, такъ что про нихъ сложилась даже поговорка: зажги карела, онъ и въ три года не сгоритъ! [4]). Финны Олонецкой губерніи еще въ семнадцатомъ столѣтіи переживали свой каменный вѣкъ: они закалывали животныхъ ножами, сдѣланными изъ камня, которые, послѣ употребленія, становились для нихъ предметомъ обожанія, святыней [5]). Въ сѣверной части Ладожскаго озера, на островѣ Маншинъ-Сари, на холмѣ стоитъ часовня пророка Иліи, къ которой крестьяне (впрочемъ, всѣ ревностные православные) собираются каждый годъ въ первое воскресенье послѣ Ильина дня, чтобы совершать жертвоприношенія, какъ въ древнія, языческія времена. Предки ихъ закалывали для этой цѣли лося или краснаго оленя; но такъ какъ эти животныя перевелись въ странѣ, то нынѣ ихъ замѣнили быкомъ, котораго крестьяне и убиваютъ на разсвѣтѣ дня, посвященнаго празднеству. Мясо заколотаго животнаго разрѣзывается на куски, варится въ большихъ котлахъ, затѣмъ съѣдается вѣрующими: благодаря такой священной трапезѣ, пророкъ, по ихъ убѣжденію, будетъ охранять стада отъ всякой заразы. Карелы береговъ Ладожскаго озера также стараются отвратить эту бѣду, то-есть болѣзни на скотѣ, прибѣгая къ окуриваніямъ при помощи костра, зажигаемаго треніемъ двухъ кусковъ дерева, или бросая въ яму живыхъ животныхъ, лошадь, собаку, кошку и пѣтуха [6]).

---

[1]) *Голицынъ*, Путешествіе въ Финляндію.
[2]) *Поляковъ; П. Ефименко*, Заволоцкая Чудь.
[3]) *Ch. de Ujfalvy*, Mélanges altaïques.
[4]) *Майновъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 5.
[5]) *Поляковъ*, см. выше цитированную статью.
[6]) *Андреевъ*, «Ладожское озеро».

Славяне Олонецкой губерніи, подобно малороссамъ, сохранили большое число эпическихъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ краѣ подъ названіемъ „старинъ", и русскіе ученые сдѣлали въ тѣхъ мѣстахъ находки не менѣе важныя, какъ и находки рунъ, сдѣланныя Кастреномъ и Ленротомъ у финновъ той же страны: въ два мѣсяца акад. Гильфердингъ собралъ семьдесятъ такихъ разсказовъ въ Олонецкой губерніи. Разсказчики этихъ былинъ встрѣчаются во всѣхъ профессіяхъ; нѣкоторыя женщины тоже разсказываютъ нараспѣвъ эти „старины", но большинство знаетъ ихъ гораздо менѣе, нежели мужчины, а въ южной части края обычай позволяетъ имъ пѣть только спеціально „женскія старины". Впрочемъ, и нынѣ образуются новыя „старины"; а въ одной былинѣ признали сербскую пѣсню, которую грамотные разсказчики приспособили къ употребленію своихъ слушателей [1]). Любовь къ печальнымъ пѣснямъ болѣе развита въ этомъ краѣ и на покатости Бѣлаго моря, чѣмъ во всякой другой части Россіи, и невѣста, хотя жизнь ея въ родительскомъ домѣ далеко не сладкая, передъ свадьбою по цѣлымъ недѣлямъ вопитъ и поетъ жалобныя пѣсни. Старыя повѣрья и обряды, очевидно, въ значительной степени карельскаго происхожденія, сохранились до сихъ поръ въ сельскомъ населеніи Олонецкой губерніи. Тамъ еще почитаютъ священныя деревья; на крестахъ могилъ вѣшаютъ приношенія, преимущественно куски холста или какой нибудь матеріи, и покойники приглашаются принять участіе въ трапезѣ; даже приготовляютъ по-прежнему въ избѣ постель для переселившагося въ вѣчность. Когда у крестьянъ выходитъ споръ изъ-за границъ ихъ полей, они выбираютъ посредника или третейскаго судью, который покрываетъ себѣ голову землей и идетъ по полю; его шаги и проводятъ межу: такъ рѣшила „мать-сыра земля", говорятъ спорящіе [2]). Въ отношеніи промышленности, олонецкое населеніе одно изъ самыхъ отсталыхъ во всей Россіи. Для обработки полей оно до сихъ поръ употребляетъ самыя первобытныя орудія—доски и палки, различно прикрѣпленныя одна къ другой. Впрочемъ, и то сказать—хлѣбопашество никогда не можетъ быть сколько-нибудь вѣрнымъ источникомъ пропитанія въ странѣ, гдѣ „весенніе" холода продолжаются иногда до іюля, а „осенніе" заморозки начинаются уже въ августѣ [3]). Въ послѣднія времена сибирская язва, свирѣпствующая во всѣхъ болотистыхъ мѣстностяхъ [4]), истребила большую часть скота этихъ несчастныхъ жителей. Звѣриный промыселъ, прежде очень прибыльный, даетъ нынѣ скудную добычу, потому

---

[1]) *Гильфердингъ*, Олонецкая губернія и ея народные рапсоды, „Вѣстникъ Европы", мартъ 1872 года.

[2]) *Е. Барсовъ, Майновъ, Гильфердингъ*—„Записки Имп. Р. Географич. Общества", по отдѣл. этнографіи, VII.

[3]) *Поляковъ*, выше цитированная статья.

[4]) *Андреевъ*, „Ладожское озеро".

что боберъ и соболь исчезли изъ этой страны, да и рябчикъ, еще недавно водившійся въ большемъ количествѣ, теперь съ каждымъ годомъ становится все рѣже и рѣже. На ярмаркѣ въ Шунгѣ, близъ Повѣнца, въ 1862 году, было продано разнаго пушнаго товара на сумму 138,000 руб., а въ 1869 г. уже только на сумму 31,000 руб. Изъ большихъ дикихъ животныхъ остался только медвѣдь, опасный сосѣдъ, который пожираетъ домашній скотъ и опустошаетъ поля, засѣянныя овсомъ: въ концѣ лѣта и осенью крестьяне боятся даже послать стадо въ поле. Вдобавокъ все, что мужики могли бы заработать, принадлежитъ заранѣе купцамъ, которые платятъ за нихъ подати, доставляютъ имъ за огромные проценты порохъ для охоты, снаряды для рыбной ловли и хлѣбъ для дневнаго пропитанія. „Тамъ, гдѣ я поселился (говорилъ одинъ лѣсопромышленникъ), мужикъ пѣсни не запоетъ [1])".

Съ самаго начала русской исторіи мы видимъ попытки славянъ основать въ бассейнахъ Наровы и Невы большіе рынки для торговли съ прибалтійскими странами. Изборскъ, куда, по словамъ лѣтописи Нестора, въ 862 году пришелъ княжить варягъ Труворъ, братъ Рюрика, и который вскорѣ долженъ былъ уступить свою роль Пскову, былъ однимъ изъ этихъ складочныхъ пунктовъ славянскихъ народностей; однако жители его, кривичи, слишкомъ слабые, чтобы отвоевать у эстовъ, скандинавовъ или рыцарей Меченосцевъ устья Наровы, никогда не могли придать первостепеннаго значенія своему городу. Теперь это—простое село, гдѣ только кое-какія развалины напоминаютъ о древнемъ городѣ, разрушенномъ Меченосцами. Верстахъ въ тридцати къ востоку отъ Изборска лежитъ Псковъ, прежде Плесковъ (отъ слова плесъ), сдѣлавшійся независимымъ отъ Новгорода Великаго въ четырнадцатомъ столѣтіи; въ началѣ это былъ только пригородъ и посредникъ этого города въ его торговлѣ съ нѣмецкими портами, но впослѣдствіи ему удалось завязать непосредственныя сношенія съ западными рынками, съ Ганзейскимъ союзомъ и завести собственныя конторы на берегахъ Балтики для продажи лѣснаго матеріала, зерновыхъ хлѣбовъ, льна, сала, дегтя и другихъ произведеній Россіи. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Псковская республика достигла высшей степени своего торговаго процвѣтанія, и говорятъ, что въ то время она имѣла до восьмидесяти тысячъ жителей; сохранившаяся ограда свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ величіи города. Но въ 1510 году, при Василіѣ III, самостоятельность этой вольной общины была уничтожена, и вѣчевой колоколъ, созывавшій народъ на собранія, пересталъ звонить въ ея башнѣ у собора св. Троицы: онъ былъ снятъ и увезенъ къ московскому царю. Подпавъ подъ владычество москвитянъ, Псковъ, лишенный лучшихъ, наиболѣе дѣятельныхъ и богатыхъ гражданъ, которые были высланы сотнями

[1]) *Поляковъ*, выше цитированная статья.

семействъ [1]) въ другіе московскіе города, утратилъ свое важное торговое значеніе и пришелъ въ упадокъ, запустѣніе воцарилось въ его прежде многолюдныхъ стѣнахъ: въ началѣ настоящаго столѣтія, въ 1803 году, населеніе его не достигало даже 6,000 душъ. Съ той поры городъ опять поднялся мало по малу, не только благодаря своей роли административнаго центра губерніи, но главнымъ образомъ по причинѣ своего счастливаго положенія на рѣкѣ Великой, въ нѣсколькихъ верстахъ выше впаденія ея въ Псковское озеро, южную оконечность Пейпуса. Это географическое положеніе дѣлаетъ его естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всей верхней области до водораздѣла Западной Двины. Къ достопримѣчательностямъ города принадлежитъ соборъ св. Троицы, старинные дома и остатки каменныхъ стѣнъ съ башнями, которыя выдержали двадцать шесть осадъ [2]).

Ниже Пейпуса, Нарва занимаетъ мѣстоположеніе, соотвѣтствующее положенію Пскова выше этого озера. Рѣка Нарова, вытекающая изъ Чудскаго озера, образуетъ близъ этого города водопадъ: въ этомъ мѣстѣ естественно находился порогъ между рѣчнымъ и морскимъ судоходствомъ; но, благодаря своимъ высокимъ, крутымъ берегамъ, это мѣсто было болѣе всякаго другаго удобно для основанія крѣпости, и нерѣдко война разоряла городъ, уничтожая богатства, накопленныя торговлей. Нарва часто подвергалась осадамъ, часто доставалась въ руки непріятеля; подъ ея стѣнами Карлъ XII одержалъ побѣду надъ русской арміей, вдесятеро превосходившей числомъ его войска. Находясь въ сосѣдствѣ такихъ сильныхъ крѣпостей, какъ Свеаборгъ и Кронштадтъ, Нарва имѣетъ нынѣ лишь весьма второстепенную стратегическую важность, и ея укрѣпленія, также какъ укрѣпленія Ивангорода, лежащаго напротивъ, на правомъ берегу рѣки, были упразднены, но не разрушены. Нѣкоторыя старинныя зданія Нарвы, старая биржа, базаръ, теперь пустынный, свидѣтельствуютъ о торговой дѣятельности, которая нѣкогда господствовала въ этомъ городѣ, сохранившемъ средневѣковой характеръ; но, по всей вѣроятности, въ ту эпоху баръ рѣки, находящійся верстахъ въ 12 ниже города, представлялъ судамъ болѣе глубокій и болѣе удобный проходъ, нежели въ наши дни [3]); теперь онъ покрытъ слоемъ воды толщиною отъ 8 до 10 футовъ и часто перемѣняетъ мѣсто. Однако и нынѣ еще населеніе Нарвы, состоящее наполовину изъ нѣмцевъ, ведетъ морскую торговлю, годовая цѣнность которой простирается до $1^1/_2$—2 милліоновъ рубл. Выше города, мельницы и обширная суконная и хлопчато-бумажная фабрика (Кренгольмская мануфактура) пользуются, посредствомъ вы-

[1]) *Костомаровъ*, „Сѣверно-русскія народоправства".

[2]) *Устиновъ*, „Древняя и Новая Россія", XI, 1876 г.

[3]) *Von Helmersen*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, III, 1861.

*

рытыхъ въ скалѣ каналовъ, движущею силою водопадовъ. Псковская губернія изъ всѣхъ губерній Россіи производитъ наибольшее количество льна, доставляя къ сбыту ежегодно около 1.000,000 пудовъ этого продукта [1]).

Города и мѣстечки бассейна Невы сгруппированы преимущественно въ южной части страны, гдѣ климатъ сравнительно теплѣе и гдѣ почва не отказываетъ человѣку въ пропитаніи. Тамъ находятся: Торопецъ, на плоской возвышенности, усѣянной озерами и лѣсами; Великія Луки, на Ловати, въ томъ мѣстѣ еще маленькой рѣчкѣ; Холмъ, гдѣ Ловать уже является значительной рѣкой, и, въ долинѣ рѣки Шелонь, посадъ Сольцы, производившій оживленную торговлю льномъ до открытія желѣзной дороги. Во всей этой области часто находятъ въ землѣ древнія монеты, арабскія, англо-саксонскія и франкскія, относящіяся къ седьмому и до одиннадцатаго вѣка,—доказательство значительной торговли съ Востокомъ и Западомъ; но византійскія деньги встрѣчаются очень рѣдко [2]). Въ особенности Торопецъ, лежащій на историческомъ пути изъ Новгорода въ Смоленскъ и Кіевъ, игралъ важную роль въ древней русской конфедераціи; даже до конца восемнадцатаго столѣтія этотъ городъ велъ значительную торговлю съ Германіей, вѣроятно по причинѣ его положенія на границѣ съ Литвой, входившей въ то время въ составъ Польскаго государства. Къ югу отъ озера Ильмень, на послѣднихъ возвышеніяхъ мѣстности, господствующихъ надъ аллювіальной равниной, гдѣ соединяются Ловать, Полисть и нѣкоторыя другія рѣки, стоитъ цвѣтущій городъ Старая-Русса, городъ дѣйствительно древняго происхожденія, хотя, впрочемъ, никогда неигравшій большой политической роли. Во времена могущественнаго новгородскаго народоправства онъ обязанъ былъ своимъ важнымъ значеніемъ главнымъ образомъ обильному соляному источнику, который позволялъ ему снабжать солью многолюдный Новгородъ. Когда послѣдній утратилъ свою самостоятельность и торговлю, то вмѣстѣ съ нимъ пришли въ упадокъ и всѣ окружающіе его города; разработка старорусской солеварни прекратилась, и только въ прошломъ столѣтіи стали опять утилизировать ее: въ настоящее время источникъ и артезіанскій колодецъ, пробуренный въ сосѣдствѣ его, даютъ казнѣ ежегодно около 150,000 пудовъ соли [3]). Это, конечно, немного; но Старая Русса, соединенная нынѣ рельсовымъ путемъ съ Николаевской желѣзной дорогой, пріобрѣла въ послѣднее время значеніе преимущественно благодаря своимъ цѣлебнымъ источникамъ, и больные изъ Петербурга и другихъ мѣстъ пріѣзжаютъ тысячами лечиться ея минеральными водами.

---

[1]) Почти вдвое болѣе—отъ 1 3/4 до 2 милл., а въ нѣкоторые годы (напр. 1870, 1872, 1874) — до 2 1/3 милл. На долю г. Псковской приходится отъ 14 до 26% всего заграничнаго отпуска льнянаго волокна. *Ред.*

[2]) *Бережковъ*, Торговля Россіи съ Ганзой.

[3]) Съ 1870 г. прекращена выварка соли на казенномъ заводѣ. *Ред.*

Новгородъ, нынѣ второстепенный губернскій городъ, былъ нѣкогда могущественнымъ и многолюднымъ городомъ, который называлъ себя „Господинъ Великій Новгородъ“ и владѣнія котораго простирались за Уральскія горы. Онъ былъ для Россіи, какъ мы видѣли, если не столицей, какъ Москва или Петербургъ, то по крайней мѣрѣ главнымъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ западно-европейскимъ міромъ. Построенный на обоихъ берегахъ Волхова, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже выхода рѣки изъ озера Ильмень, этотъ городъ есть не только естественное складочное мѣсто всей верхней области, но былъ также въ прежнее время, когда еще искусственныя дороги не замѣнили рѣчныхъ путей, одною изъ главныхъ станцій великаго воднаго пути, ведущаго изъ Балтики въ Черное море: онъ лежалъ, по выраженію русскихъ лѣтописей, на дорогѣ „изъ Варяги въ Греки“ и вмѣстѣ съ тѣмъ на пути изъ Азіи въ Европу черезъ Волгу и Балтійское море. Въ эпоху постоянныхъ войнъ, для торговаго города было, конечно, немаловажной выгодой занимать географическое положеніе, избавлявшее его отъ набѣговъ скандинавскихъ или германскихъ пиратовъ; съ другой стороны, и татары, опустошавшіе всю восточную и южную Русь, не могли добраться до этого города. Окруженный густыми лѣсами и топкими болотами, Новгородъ былъ гораздо болѣе безопасенъ отъ всякихъ нападеній, чѣмъ города морскаго прибрежья. Кажется, впрочемъ, что мѣстоположеніе, гдѣ нынѣ находится Новая Ладога—при впаденіи Волхова въ прѣсноводное внутреннее море, представляло не меньшія удобства, чѣмъ мѣстоположеніе Новгорода; но рынокъ славянъ естественно долженъ былъ основаться на славянской землѣ, а окружность Ладожскаго озера во все продолженіе среднихъ вѣковъ была населена карелами и другими чудскими племенами.

Старый или первоначальный городъ, которому впослѣдствіи наслѣдовалъ „Новый Городъ“, находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ озера Ильмень, на террасѣ, высотою около 65 футовъ, окруженной со всѣхъ сторонъ текучими водами и болотами: онъ и до сихъ поръ извѣстенъ подъ именемъ Городища, или „Древняго Города“. Эта терраса представляла естественную крѣпость, и легенда, которая, впрочемъ, была выдумана учеными историками новѣйшаго времени, утверждаетъ, что замокъ Рюрика возвышался на этомъ мѣстѣ. Но плато Городища не было достаточно обширно, чтобы вмѣстить значительное населеніе, и „Новый Городъ“ выстроился верстахъ въ двухъ ниже, на другомъ возвышенномъ берегу Волхова. Это и есть тотъ городъ, который сдѣлался центромъ политическаго могущества въ сѣверной Россіи и который оспариваетъ у Кіева право называться „колыбелью русской державы“. Ведя непосредственно торговлю съ ганзейскими городами, онъ сначала имѣлъ свои конторы въ Висби, столицѣ Готланда, потомъ главныя его сношенія установились съ Любекомъ, а черезъ этотъ городъ и со всей ганзейской линіей. Мало по

малу нѣмцы сдѣлались черезъ Новгородъ господами всего внѣшняго торговаго обмѣна тогдашней Россіи; самъ же Новгородъ завладѣлъ всей внутренней торговлей и черезъ посредство своихъ многочисленныхъ колоній, посылаемыхъ на сѣверо-востокъ, въ „заволоцкія земли“, на берега Бѣлаго моря и даже въ Западную Сибирь, сдѣлался сюзереномъ обширной территоріи, равнявшейся по пространству всей Западной Европѣ. Кромѣ того, онъ былъ, вмѣстѣ съ Псковомъ, главнымъ средоточіемъ ремеслъ, искусствъ, образованности, религіозныхъ раціоналистическихъ сектъ. „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?“, повторяла хорошо извѣстная поговорка. Новгородцы выбирали себѣ князей, главная обязанность которыхъ состояла въ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ; но какъ только народное собраніе, или *вѣче*, было недовольно человѣкомъ, которому оно ввѣрило власть, оно „кланялось ему и показывало путь“ изъ Новгорода, говоря: „мы не хотимъ тебя! ступай отъ насъ добромъ, а не то прогонимъ тебя“ [1]). Сильный грамотою Ярослава Мудраго, которая дала ему независимость и самоуправленіе и которую онъ хранилъ, какъ драгоцѣннѣйшее свое достояніе; сильный въ особенности матеріальной независимостью, которую давали ему его богатства и его вооруженные граждане, Новгородъ долго жилъ какъ самостоятельная республика, свободная политическая, но безпокойная внутри и часто раздѣленная на соперничествующія партіи. Граждане не были равны, и въ то время, какъ „бѣлые“ или „вящшіе люди“, то-есть привилегированные (бояре и богатые купцы), постоянно враждовали между собою, такъ называемые „черные люди“, или простой народъ, работали на всѣхъ. Въ половинѣ пятнадцатаго вѣка, когда нужно было защищаться противъ Московскаго государства, уже могущественнаго, Новгородъ быстро потерялъ свои сѣверо-восточныя колоніи, слишкомъ отдаленныя, чтобы можно было своевременно подать имъ помощь, и соединенныя тогда уже съ Московскимъ государствомъ черезъ Устюгъ и теченіе Вычегды; затѣмъ палъ и самъ Новгородъ, и дальнѣйшая исторія его представляетъ лишь рядъ пораженій и бѣдствій. Въ 1471 году войска его были побѣждены русскими и татарскими силами Москвы, къ которымъ присоединился и завистливый Псковъ, возставшій, по приказу великаго князя, противъ своего старшаго брата; въ 1478 году вѣче было уничтожено, вѣчевой колоколъ и посадница Мароа Борецкая отвезены въ Москву, новгородцы должны были принести присягу самодержавному великому князю, какъ своему полновластному государю, и доносъ сдѣланъ обязательнымъ. Въ слѣдующемъ году подозрѣваемые граждане были казнены, и тысячи семействъ отправлены въ московскія земли. Въ 1497 году казни возобновились, и опять болѣе тысячи семействъ были осуждены на изгнаніе. Въ шестнад-

[1]) *Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства; *Alf. Rambaud*, Histoire de la Russie; *Mackenzie Wallace*, Russia.

патомъ столѣтіи новгородское населеніе было уже почти вся истреблено и частью замѣнено поселенцами изъ московскихъ областей; однако, Иванъ IV заподозрилъ вѣрность новгородцевъ, и нигдѣ онъ въ такой мѣрѣ не заслужилъ данное ему прозвище „Грознаго", какъ въ Новгородѣ, во время совершеннаго имъ тамъ страшнаго разгрома. Если вѣрить свидѣтельству лѣтописца, „благочестивѣйшій царь" лишилъ жизни въ Новгородѣ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ: каждый день, впродолженіе пяти

Церковь, построенная при Иванѣ Грозномъ, близъ Новгорода.

недѣль, бросали въ Волховъ по нѣскольку сотъ гражданъ съ женами и дѣтьми, и чтобы никто не могъ спастись, ратные люди ѣздили въ лодкахъ и кололи тѣхъ, которые всплывали наверхъ; рѣка была запружена трупами, и съ той поры, какъ говоритъ преданіе, вода болѣе не замерзаетъ въ мѣстѣ, гдѣ производилось это поголовное утопленіе [1]).

Однако, истребитель Новгорода, желая продолжать торговую дѣятельность новгородцевъ, хотѣлъ вступить въ прямыя сношенія съ Европой; но, уничтожая населеніе старыхъ торговыхъ городовъ, опустошая ихъ

[1]) *Н. Костомаровъ*, Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, II.

области, гдѣ двѣ-трети селъ и деревень перестали существовать, москвитяне сами себя лишили элементовъ, необходимыхъ для непосредственной торговли съ Западомъ. Московское царство должно было съ радостью принять англичанъ, которые приходили со своими товарами отдаленнымъ путемъ черезъ Ледовитый океанъ въ Бѣлое море и которымъ Иванъ Грозный даровалъ грамоту на свободную, безпошлинную торговлю въ своемъ государствѣ; даже позднѣе Густавъ Адольфъ, король шведскій, воскликнулъ однажды: „Россія теперь окончательно отрѣзана отъ Балтійскаго моря". Въ семнадцатомъ столѣтіи Новгородъ еще разъ подалъ признакъ жизни: онъ возсталъ, но вскорѣ былъ приведенъ въ повиновеніе, и теперь не осталось ничего отъ древняго національнаго духа, кромѣ народныхъ поговорокъ, направленныхъ противъ москвитянъ. Въ наши дни этотъ городъ уже не лежитъ на великомъ пути международнаго обмѣна, какъ въ старину; онъ былъ оставленъ далеко въ сторонѣ отъ главной русской желѣзной дороги, идущей изъ Петербурга въ Москву, и соединенъ лишь вѣтвью съ желѣзнодорожной сѣтью: такимъ образомъ онъ остается внѣ торговаго движенія современной Россіи. Тѣ изъ его купцовъ и ремесленниковъ, которые еще оставались въ семнадцатомъ вѣкѣ, были однимъ изъ первыхъ элементовъ населенія новой столицы, основанной на устьяхъ Невы.

Новгородъ, гдѣ нѣкогда было скучено по меньшей мѣрѣ 50,000 или 60,000 жителей,—четыреста тысячъ, если вѣрить преданію,—занимаетъ нынѣ гораздо меньше мѣста, чѣмъ въ старину, и монастыри, стоявшіе прежде внутри городской черты, находятся теперь далеко за городомъ, въ окрестностяхъ. Но двѣ главныя части древняго города—стороны: Торговая и Софійская, или Кремль, раздѣленныя Волховомъ, существуютъ и до сихъ поръ. На Софійской сторонѣ находятся памятники древности и величія Новгорода. Кремль, крѣпость, нѣкогда столь обширная, что заключала въ себѣ 18 церквей, 150 домовъ, 40 купеческихъ конторъ, есть древній Дѣтинецъ, первый камень котораго,—на это указываютъ самое названіе и примѣръ сербскаго Дѣтинца [1]),—былъ, можетъ быть, положенъ на живаго младенца, согласно религіозному обычаю, практиковавшемуся многими средневѣковыми архитекторами. Соборъ св. Софіи, или Премудрости Божіей, возвышающійся въ акрополѣ Кремля, сохранилъ нѣсколько гробницъ новгородскихъ святыхъ и героевъ, свои интересныя фрески двѣнадцатаго столѣтія, свидѣтельствующія о болѣе свободномъ искусствѣ сравнительно съ церковной живописью восточной Россіи, и свои многочисленныя иконы стариннаго письма, которое въ отношеніи изображенія священныхъ лицъ и событій согласуется съ обрядностью „старовѣровъ". Подобно церквамъ общинъ Франціи и

[1]) *Andree*, Ethnographische Parallelen und Vergleiche

Бельгіи, Софійскій храмъ содержитъ, между своими сокровищами, также приношенія старинныхъ ремесленныхъ корпорацій. На площади передъ соборомъ стоитъ памятникъ, напоминающій легенду о Рюрикѣ, гранитная масса въ формѣ шара (изображающая Россійскую державу), на верху котораго представленъ ангелъ, осѣняющій крестомъ колѣнопреклоненную Россію, а внизу, на подножіи, расположены, вылитыя изъ бронзы, фигуры важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной жизни, начиная съ Рюрика. Этотъ памятникъ воздвигнутъ 8 сентября 1862 г., въ память „совершившагося тысячелѣтія Всероссійскаго государства".

Къ востоку отъ Новгорода, на верхней Мстѣ, которая въ этомъ мѣстѣ огибаетъ Валдайскую возвышенность, расположенъ городъ Боровичи, служащій съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи естественнымъ посредникомъ рѣчной торговли между бассейнами Волхова и Волги. Близъ этого города, Мста образуетъ рядъ пороговъ, общая высота которыхъ около 200 футовъ на разстояніи 30 верстъ; онъ отчасти населенъ лоцманами, которые проводятъ барки и плоты черезъ опасныя мѣста; несмотря на то, здѣсь каждый годъ бываетъ много несчастныхъ случаевъ: такъ, въ 1857 году шестьдесятъ судовъ разбились о подводные камни. Боровицкіе пороги сдѣлали этотъ городъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, перевозимыхъ по Вышневолоцкому пути, съ очень оживленными ярмарками, и быстрины приводятъ въ движеніе колеса нѣсколькихъ фабрикъ. Кромѣ того, г. Боровичи извѣстной долей своего благосостоянія обязанъ также находящимся въ его окрестностяхъ каменоломнямъ, залежамъ землянаго угля и въ особенности рудникамъ желѣзнаго колчедана, продуктъ которыхъ во время Крымской войны замѣнялъ сицилійскую сѣру, для приготовленія сѣрной кислоты. На сѣверъ отъ Боровичей, другой уѣздный городъ Новгородской губерніи играетъ подобную же роль въ отношеніи рѣчной торговли: это—Тихвинъ, стоящій на р. Тихвинкѣ, притокѣ Ладоги черезъ рѣку Сясь, и при началѣ канала, оконченнаго въ 1811 году, который соединяетъ систему Волги съ системой Ладожскаго озера; Петербургъ ежегодно получаетъ по этому судоходному пути около 1.250,000 пудовъ хлѣбнаго товара и лѣсныхъ матеріаловъ. Тихвинскій монастырь замѣчателенъ чудотворной иконой Божіей Матери, одной изъ наиболѣе чтимыхъ въ Россіи; прежде этотъ монастырь былъ владѣльцомъ 4,500 „душъ", принесенныхъ ему въ даръ царями и благочестивыми помѣщиками.

Только одинъ городъ пріобрѣлъ нѣкоторую торговую важность во всемъ почти пустынномъ бассейнѣ, воды котораго изливаются въ Неву и въ Финскій заливъ: это—Петрозаводскъ, лежащій на одной изъ западныхъ бухтъ Онежскаго озера, въ горнозаводской области, гдѣ находятся золотые рудники, теперь оставленные разработкой, мѣсторожденія мѣдной руды

и жилы магнитнаго желѣзняка, содержащія до 96 процентовъ чистаго металла [1]). Основанный въ 1704 году Петромъ Великимъ, на мѣстѣ, гдѣ въ то время не было ничего, кромѣ одной мельницы, этотъ городъ обязанъ своимъ названіемъ пушечно-литейному заводу и оружейной фабрикѣ, которые царь устроилъ здѣсь, чтобы можно было утилизировать находящуюся въ окрестностяхъ руду. Эти металлургическія заведенія исчезли послѣ смерти Петра, но на мѣсто ихъ впослѣдствіи явились другія, и въ 1879 году на нынѣшнемъ Александровскомъ пущечномъ заводѣ была отлита сорокотысячная пушка. Кромѣ того, Петрозаводскъ, сдѣлавшійся промежуточной станціей между Финскимъ заливомъ и Бѣлымъ моремъ, поднялся мало по малу, благодаря развитію торговой дѣятельности. Будучи въ то же время административнымъ центромъ Олонецкой губерніи, онъ далеко опередилъ по многолюдству и богатству старинный городокъ Олонецъ, стоящій на маленькой рѣкѣ Олонкѣ, восточномъ притокѣ Ладожскаго озера. До основанія кораблестроительныхъ верфей въ Петербургѣ, Петръ Великій устроилъ верфь въ Лодейномъ Полѣ (къ югу отъ Олонца), на берегу Свири; построенныя тамъ суда были употреблены имъ въ дѣло при завоеваніи шведской крѣпости Нотебурга (Шлиссельбурга), а впослѣдствіи онъ имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ плавающими даже на водахъ Балтики. Въ 1830 году эта верфь была упразднена. Точно также, какъ Олонецъ, городъ Бѣлозерскъ, на южномъ берегу Бѣлоозера, утратилъ свою относительную важность. Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи (лѣтописецъ называетъ его резиденціей брата Рюрика, Синеуса), Бѣлозерскъ въ наши дни имѣетъ значеніе только какъ пристань для барокъ, плывущихъ по обводному Бѣлозерскому каналу. Прилегающія къ этому озеру земли, также какъ многія другія въ бывшей Новгородской области, были раздѣлены между нѣсколькими монастырями, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ былъ Кириловъ-Бѣлозерскій, близъ нынѣшняго города Кирилова. Этотъ монастырь, гдѣ Иванъ Грозный хотѣлъ постричься въ монахи, служилъ мѣстомъ ссылки для многихъ знатныхъ особъ Московскаго царства; онъ имѣетъ библіотеку и очень любопытныя коллекціи, относящіяся къ исторіи Россіи.

На берегахъ „Ладожскаго моря“ двумя самыми многолюдными городами являются, конечно, тѣ, которые находятся на рѣчномъ пути изъ Новгорода въ Петербургъ, именно: Новая Ладога, при устьѣ Волхова, и Шлиссельбургъ, при выходѣ изъ озера водъ, образующихъ Неву. Новая Ладога, построенная также Петромъ Великимъ въ 1704 году, расположена на лѣвомъ берегу Волхова, тамъ, гдѣ прежде находился монастырь, верстахъ въ 12 ниже Старой Ладоги или Альдейгаборга, бывшаго складочнаго пункта новгородцевъ, гдѣ видны еще остатки замка, называемаго Рюриковымъ, а

[1]) *Проф. Иностранцевъ*, Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда.

въ одной изъ старинныхъ церквей сохранились фрески двѣнадцатаго вѣка, очень дурно поправленныя. Городъ лоцмановъ и судовщиковъ, Новая Ладога сообщается съ Шлиссельбургомъ не только черезъ воды, часто бурныя, Ладожскаго озера, но также посредствомъ двухъ обходныхъ каналовъ, идущихъ вдоль берега, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера: стараго, устроеннаго еще при Петрѣ Великомъ, и новаго, недавно прорытаго, болѣе широкаго, болѣе глубокаго и безъ шлюзовъ. Путиловская гора, господствующая надъ этими каналами съ южной стороны, состоитъ изъ пластовъ песчаника, которые доставляютъ Петербургу значительную часть камня, необходимаго для постройки зданій и устройства дорогъ. Средняя цѣнность матеріаловъ, ежегодно добываемыхъ на Путиловскихъ каменоломняхъ—около 500,000 рубл. (1875 г.). Всѣ суда, плывущія съ озера или съ каналовъ, должны проходить подъ пушкой крѣпости Шлиссельбургъ, бывшаго Орѣшка или Орѣховца, основаннаго въ 1323 году новгородцами, для защиты ихъ торговаго пути отъ нападеній шведовъ. Послѣдніе, однако, овладѣли этимъ укрѣпленнымъ островомъ и удерживали его за собой до 1702 г., когда они должны были, въ свою очередь, уступить Петру Великому этотъ „ключъ" Невы и Финскаго залива: отсюда и нѣмецкое названіе Shlüsselburg, данное старинной крѣпости, превращенной впослѣдствіи въ тюрьму для государственныхъ преступниковъ. Городъ, расположенный на лѣвой сторонѣ Невы, при выходѣ каналовъ, есть, такъ сказать, передовой—на берегу Ладожскаго озера—пригородъ столицы. Однако, хотя это внутреннее море находится въ сосѣдствѣ Петербурга, судоходство на немъ все еще въ томъ же состояніи, какъ во времена Великаго Новгорода. За исключеніемъ пароходовъ, суда, плавающія по этому водному пути, тѣ же самыя, какія были до временъ Петра Великаго,—тяжелые трешкоты, плохо устроенные и оснащенные, но снабженные на кормѣ огромной печью, вокругъ которой судорабочіе очень часто лежатъ растянувшись по цѣлымъ часамъ [1]).

Ни одинъ завоеватель не выказалъ больше смѣлости, чѣмъ Петръ Великій, основывая новую столицу Россіи въ разстояніи 600 слишкомъ верстъ отъ древней метрополіи, въ мѣстности почти пустынной и отдаленной отъ середины государства, на топкой, болотистой почвѣ, которую сначала надобно было укрѣплять руками цѣлыхъ армій, прежде чѣмъ класть на нее строительные матеріалы,—на почвѣ, которую нѣсколько разъ приходилось поднимать насыпями, потому что вода затопляла нарождающійся городъ. Основаніе этой столицы, которую Петръ хотѣлъ сдѣлать своимъ „земнымъ раемъ", открыло собой для всей Россіи эру своего рода каторжныхъ работъ. Работники набирались во всѣхъ провинціяхъ, какъ солдаты: въ четыре года, съ 1712 до 1716, болѣе 150,000

[1]) *Андреевъ*, Ладожское озеро.

рабочихъ были такимъ образомъ согнаны на невскія болота, и большинство ихъ погибло тутъ отъ изнурительныхъ трудовъ, отъ лихорадки, отъ голода или различныхъ эпидемій. Чтобы заставить всѣхъ каменщиковъ искать работы въ Петербургѣ, царь иногда воспрещалъ постройку всякихъ зданій изъ камня или кирпича въ остальной Россіи, пріостанавливалъ всякія каменныя работы во всемъ государствѣ, подъ страхомъ конфискаціи и ссылки. Кромѣ того, всѣ дворяне, имѣвшіе по крайней мѣрѣ тридцать тяглъ крестьянъ, получили приказаніе явиться на берега Невы и построить себѣ въ новой столицѣ домъ, форма и размѣры котораго были точно опредѣлены для каждой категоріи помѣщиковъ [1]). Неопредѣленные, болотистые берега, на которыхъ преобразователь Россіи воздвигалъ городъ, такъ сказать, наперекоръ природѣ и людямъ, были только-что вырваны у непріятеля. Водворяясь, такимъ образомъ, среди иностранной территоріи, въ виду шведовъ и нѣмцевъ, онъ тѣмъ самымъ налагалъ на себя обязанность вести постоянную наступательную борьбу: онъ не ограничивался тѣмъ, что „прорубилъ окно въ Европу", но овладѣвалъ также пространствами, которыя разстилаются передъ новымъ зданіемъ. Чтобы измѣнить искусственное равновѣсіе, созданное Петромъ Великимъ, въ равновѣсіе естественное, завоеваніе Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи, Литвы, Польши становилось государственной необходимостью: вотъ причина, по которой политика Петра нашла столь вѣрныхъ продолжателей въ его преемникахъ. Замѣчательно, что царь, давъ свое имя новой столицѣ Имперіи, употреблялъ это имя въ голландской формѣ—„Питербургъ". Въ Россіи и заграницей обычай доставилъ перевѣсъ нѣмецкому наименованію Петрограда—Petersburg; но въ обыкновенномъ языкѣ городъ и теперь еще называютъ просто Питеромъ.

Помимо политическихъ соображеній, Петербургъ несомнѣнно былъ городомъ необходимымъ въ организмѣ Россіи и въ другихъ отношеніяхъ: это былъ, такъ сказать, Новгородъ, перенесенный къ устьямъ Невы [2]); но, за исключеніемъ климата, очень суроваго подъ шестидесятымъ градусомъ широты, новая столица пользовалась несравненно болѣе важными естественными преимуществами, чѣмъ древній городъ на Ильменѣ. Она имѣетъ въ своемъ распоряженіи море, которое подходитъ къ ней удлиненнымъ заливомъ, вдающимся верстъ на 400 внутрь материка, и господствуетъ надъ устьемъ значительной рѣки, доступной небольшимъ морскимъ судамъ. Не толька Нева открываетъ Петербургу всѣ дороги, сходящіяся къ Новгороду, т. е. къ долинѣ Волхова, но и другіе ея притоки—рѣки, впадающія въ Ладожское озеро, также служатъ естественными торговыми путями, которые продолжаются на югъ, на юго-востокъ и на востокъ низ-

---

[1]) *Костомаровъ.* Исторія Россіи въ біографіяхъ и т. д., VI.—Городскія поселенія въ Россійской Имперіи, VII.

[2]) *J. G. Kohl*, Die Geographische Lage der Hauptstädte Europa's.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

кими водораздѣльными порогами, ограничивающими бассейнъ верхнихъ притоковъ Волги: нигдѣ сообщенія отъ одной покатости къ другой не представляли непреодолимыхъ трудностей для торговыхъ каравановъ, даже въ то время, когда еще не были устроены хорошія дороги и прорыты каналы. Изъ всѣхъ жизненныхъ пунктовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на приморской окраинѣ огромнаго тѣла Россіи, ни одинъ не занимаетъ столь счастливаго положенія, какъ городъ при устьяхъ Невы, ибо это—пунктъ наиболѣе близкій къ центру русскаго населенія и доставляетъ ему, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, быстрѣе, чѣмъ всякій другой портъ, произведенія Западной Европы. Дѣло Петра Великаго согласовалось съ географическими потребностями страны, и оттого-то оно вышло прочнымъ. Если важный городъ не возникъ ранѣе на томъ мѣстѣ, гдѣ въ наши дни существуетъ столица Россіи, то причиной тому были постоянныя войны, опустошавшія прибрежныя области Финскаго залива и которыя удерживали до временъ Петра большіе торговые города внутри страны, далеко отъ моря. Однако, шведы дважды пытались овладѣть устьями Невы—посредствомъ военнаго и торговаго города: около 1300 г. они основали тутъ Ландскрону; потомъ, когда этотъ укрѣпленный городъ былъ разрушенъ русскими, они построили другую крѣпость, Ніеншанцъ, которая, въ свою очередь, была уничтожена Петромъ Великимъ, а потомъ замѣнена, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, нынѣшнимъ городомъ. Сильно укрѣпленный Кронштадтъ, который защищаетъ съ западной стороны Петербургскую бухту, останавливаетъ нынѣ всякую враждебную попытку и позволяетъ столицѣ безопасно увеличивать и развивать свою торговлю и промышленность.

Пятый городъ Европы по числу жителей, Санктъ-Петербургъ занимаетъ весьма обширную площадь, около 90 квадр. верстъ, включая сюда и пространство, покрытое водами рѣки, но не считая предмѣстій фабричныхъ и дачныхъ, которыя продолжаются далеко въ боковыхъ долинахъ Невы. Городъ, расположенный вѣерообразно вдоль развѣтвляющихся рукавовъ рѣки, покрываетъ своими строеніями шесть большихъ естественныхъ острововъ, нѣсколько островковъ, искусственный островъ, ограничиваемый съ южной стороны каналомъ Фонтанкой; на сѣверѣ и на югѣ его внѣшніе кварталы раздвигаются все далѣе и далѣе внутрь твердой земли.

Площадь Петербурга . . . . 9,540 десят.

Въ томъ числѣ пространство, покрытое водой . . 1,580 „

Первый островокъ, гдѣ Петръ Великій заложилъ, въ маѣ 1703 г., свою будущую столицу и гдѣ онъ жилъ въ деревянномъ домикѣ, до сихъ поръ носитъ еще названіе Петербургской Стороны: здѣсь находится Петропавловская крѣпость, гдѣ содержалось столько государственныхъ преступниковъ, и соборъ св. апостоловъ Петра и Павла, служащій мѣстомъ погребенія членовъ Императорской фамиліи. Но настоящій центръ города теперь на

югѣ отъ этого острова, на лѣвомъ берегу Невы; въ этой главной части Петербурга, называемой Адмиралтейской, сосредоточены царскіе дворцы: величественные храмы, лучшія правительственныя зданія и частные дома, обширная продолговатая масса Адмиралтейства, надъ которой поднимается башня съ высокимъ позолоченнымъ шпицемъ; соборъ св. Исаакія Далматскаго—величественный храмъ, съ огромнымъ куполомъ, весь построенный изъ мрамора и гранита, блистающій золотомъ, малахитомъ, драгоцѣнными мозаиками; Казанскій соборъ съ красивой колоннадой; обширный Зимній дворецъ, возвышающійся своимъ длиннымъ, украшеннымъ изваяніями, фасадомъ надъ широкой Невой; другіе дворцы: Мраморный, Аничковъ, Михайловскій и пр. Рядомъ съ Адмиралтействомъ, въ саду противъ зданія Сената и Синода, стоитъ памятникъ Петру I, знаменитая конная статуя (работы Фальконета) на высокой скалѣ: всадникъ правой рукой, простертой впередъ, указываетъ на Неву, корабли, крѣпость, которую онъ воздвигъ среди болотъ. Недалеко оттуда, передъ Зимнимъ дворцомъ, возвышается Александровская колонна, монолитъ почти въ 11 саженъ вышины изъ финляндскаго гранита, *раппакиви*; но этотъ монументъ, замѣчательный памятникъ человѣческаго искусства, уже далъ трещины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не можетъ долго существовать безъ желѣзныхъ скобъ, связывающихъ расколовшійся камень [1]). Въ скверѣ на площади у Александринскаго театра поставленъ памятникъ Екатеринѣ II, представляющій наглядно исторію ея царствованія.

Съ высоты башни Адмиралтейства, съ террасъ дворцовъ или, еще лучше, съ колокольни Исаакія взоръ обнимаетъ весь городъ, отъ восточныхъ полей до моря. На югѣ видны расходящіеся радіусы, образуемые длинными улицами, или такъ-называемыми „проспектами". Главная улица, знаменитый Невскій проспектъ, обставленный высокими домами съ блестящими магазинами, храмами и общественными зданіями (Казанскій соборъ, Публичная библіотека, Александринскій театръ и пр.), постоянно наполненъ движущейся толпой пѣшеходовъ и экипажами; лучшая часть его тянется версты на три въ длину и оканчивается у вокзала Николаевской желѣзной дороги. На востокѣ, на сѣверѣ, на западѣ извивается бѣлой лентой красивая Нева, обрамленная гранитными набережными и ударяющая своими чистыми водами омассивные быки мостовъ Александровскаго и Николаевскаго. Почти напротивъ Адмиралтейства рѣка дѣлится на два главные рукава, Большую и Малую Неву, охватывающіе Васильевскій островъ, гдѣ находятся биржа, таможня и главныя ученыя и учебныя заведенія Петербурга, университетъ, академія наукъ, академія художествъ, историко-филологическій институтъ, физическая обсерваторія и пр. Наконецъ, за линіей построекъ виднѣются на сѣверо-западѣ сады и парки невскихъ

---

[1]) *Von Helmersen*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome V, 1863.

острововъ съ ихъ извилистыми аллеями, загородными дворцами, дачами, легкими пароходами, катерами, лодками, весело скользящими по водамъ. Обозрѣваемый такимъ образомъ съ высоты, какъ панорама, городъ представляетъ красивую картину; но въ немъ мало такихъ мѣстъ, которыя производили бы пріятное впечатлѣніе на иностранца: Петербургъ можно назвать „городомъ съ великолѣпными разстояніями“, какъ кто-то характеризовалъ сѣверо-американскую столицу, Вашингтонъ; улицы, широкія, правильныя, уходящія далеко, очень далеко, всѣ похожи одна на другую: вездѣ видишь тѣ же казармы, тѣ же дома каменные или деревянные, неотличающіеся ни красотой, ни оригинальностью архитектуры. Бюджетъ с.-петербургскаго городскаго управленія простирается до 6 милліоновъ рублей.

Что касается санитарныхъ и гигіеническихъ условій, то нельзя сказать, чтобы Петербургъ принадлежалъ къ числу здоровыхъ столицъ Европы. Подобно тому какъ въ Одессѣ, смертность здѣсь ежегодно превышаетъ число рожденій, и городъ можетъ пополнять происходящую отсюда убыль населенія только путемъ иммиграціи, постояннаго прилива жителей изъ другихъ мѣстъ: предоставленный самому себѣ, онъ неминуемо вернулся бы въ первобытное состояніе, т. е. опять сдѣлался бы тѣмъ, чѣмъ былъ до Петра Великаго. Такъ, напримѣръ, въ періодъ съ 1852 до 1869 года, статистика Петербурга представляла слѣдующія цифры:

Рожденій	135,084.
Смертныхъ случаевъ	172,069.
Средняя годовая убыль [1].	2,158.

Но иммиграція, состоящая преимущественно изъ мужчинъ молодыхъ и въ силѣ возраста, до того значительна, что Петербургъ отличается отъ всѣхъ городовъ Западной Европы большимъ численнымъ превосходствомъ своего мужскаго населенія: на семь жителей въ немъ насчитываютъ среднимъ числомъ четырехъ мужчинъ и только трехъ женщинъ; ранѣе же, до половины текущаго столѣтія, если можно дать вѣру свѣдѣніямъ городской статистики, отношеніе мужскаго пола къ женскому было болѣе, чѣмъ 2 къ 1 [2]. Именно:

отношеніе половъ въ 1869 г. [3]: на 100 мужч. (377,380); 77 женщ. (289,827).
„ „ „ 1837 „ „ 100 „ 42 „

А между тѣмъ большинство совершеннолѣтнихъ мужчинъ, живущихъ въ Петербургѣ, люди женатые; но половина изъ нихъ—пришельцы, оста-

---

[1]) За 12 лѣтній періодъ, съ 1869 г. по 1880 г., естественная убыль столичнаго населенія исчислена въ 30,000 чел., т. е. составляетъ $4^1/_2$ % населенія 1869 г., или въ средній годъ 0,35%; въ дѣйствительности-же, вѣроятно, нѣсколько больше. Естественную убыль, въ годичномъ среднемъ, можно принять въ $2^1/_2$—3 тысячи чел. *Ред.*

[2]) *Sperk*, Gazette médicale de St.-Pétersbourg; Journal officiel de la République française, 29 avr. 1878; *Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи.

[3]) По предварительно опубликованнымъ результатамъ переписи 15 дек. 1881 г., въ этомъ году на 100 мужч. (475,138) приходилась 81 женщ. (386,782). *Ред.*

вившіе въ провинціи жену и дѣтей; такимъ образомъ, брачные союзы временно прекращаются на многіе годы. Всѣ области, всѣ расы и народности Имперіи, славяне и финны, участвуютъ въ доставленіи контингента пришлаго населенія столицы. Даже татары довольно многочисленны въ Петербургѣ, гдѣ они занимаются по большей части мелкими промыслами: такъ, они ходятъ по дворамъ, продавая халаты и скупая старое платье, и служатъ въ первоклассныхъ ресторанахъ; мечетей у нихъ нѣтъ, а мѣстомъ молитвы служатъ большія залы, нарочно нанимаемыя для этой цѣли. Нѣмцы, которые встрѣчаются между коммерсантами и банкирами, также какъ между ремесленниками и людьми всякой профессіи и промышленности, дозволенной закономъ или двусмысленной, очень многочисленны въ столицѣ Россіи: общее число ихъ никакъ не менѣе 50,000 чел.; нѣмцевъ въ Петербургѣ было въ 1870 г.: мужч. 5,6, женщ. 8,5 процентовъ. Кромѣ того, одинъ лютеранскій приходъ состоитъ изъ обрусѣвшихъ потомковъ нѣмцевъ, неумѣющихъ говорить по-нѣмецки. Понятно, насколько это постоянное нашествіе въ столицу пришлаго люда, разлученнаго со своими семьями, пагубно какъ для общественнаго здравія, такъ и для общественной нравственности. Пропорція незаконнорожденныхъ дѣтей весьма значительна (напримѣръ, въ періодъ съ 1856 до 1865 года дѣти этой категоріи составляли 30 процентовъ [1]), и Воспитательный Домъ каждый годъ поглощаетъ тысячи маленькихъ существъ, которыя отчасти содержатся въ самомъ заведеніи, отчасти отсылаются на воспитаніе въ деревни, въ Петербургскую и даже Новгородскую губерніи; но тѣхъ и другихъ смерть поражаетъ съ неумолимой жестокостью: эпидеміи уносятъ въ нѣсколько дней пятую часть питомцевъ, и петербургскіе гигіенисты, также какъ и парижскіе, до сей поры безуспѣшно возвышали голосъ противъ этихъ дѣтоубійствъ en masse, происходящихъ отъ общественной безпечности. Въ 1876 году въ петербургскій Воспитательный Домъ поступило 7,578 дѣтей, изъ нихъ 7,190 незаконнорожденныхъ. Общая смертность подкинутыхъ дѣтей, въ Воспитательномъ Домѣ и въ деревнѣ: 6088, или 80 процентовъ.

Столица Россіи, гдѣ военные и чиновники всякаго ранга составляютъ значительную часть населенія, есть городъ роскоши. Поэтому Петербургъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ классъ прислуги представленъ наибольшимъ числомъ индивидуумовъ. Для сравненія приводимъ процентное отношеніе военныхъ, лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и придворныхъ въ Петербургѣ и въ Берлинѣ въ 1869 году, по Янсону:

	Петербургъ.	Берлинъ.
Военныхъ	1 на 17	1 на 59
Чиновниковъ	1 „ 59	1 „ 117
Придворныхъ	1 „ 226	1 „ 2623.

[1]) Въ періодъ съ 1869 по 1880 г.—въ среднемъ почти 26%. *Ред.*

Процентное отношеніе прислуги въ Петербургѣ и въ Берлинѣ въ 1869 г.:

	Берлинъ.	Петербургъ.
Хозяйства безъ прислуги	81 проц.	49 проц.
„ съ 1 прислугой	13 „	27 „
„ „ 2 прислугами	4 „	12 „
„ „ 3 присл. или болѣе	2 „	12 „
„ „ 11 прислугами	0	1 „

Богатство и бѣдность живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ въ обширномъ городѣ. Наряду съ убожествомъ пришлаго деревенскаго люда, фабричный и ремесленный пролетаріатъ составляетъ уже весьма значительную долю населенія Петербурга, перваго мануфактурнаго города Имперіи. Нѣкоторыя большія фабричныя заведенія принадлежатъ казнѣ, напримѣръ, стеклянный и фарфоровый заводъ, шпалерная фабрика; но главная дѣятельность сосредоточена преимущественно на частныхъ фабрикахъ и заводахъ, каковы: литейные, механическіе, сахаро-рафинадные, кожевенные заводы, прядильныя и ткацкія мануфактуры шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, пивоваренные и водочные заводы, табачныя фабрики и т. д. Въ 1875 году рабочее населеніе 621 фабрикъ и мастерскихъ Петербурга исчисляли въ 41,000 человѣкъ—32,400 мужчинъ и 8,760 женщинъ [1]), а совокупность мануфактурнаго производства столицы представляла цѣнность около 75 милліоновъ рублей. Однако, не столько промышленность, сколько доходы съ большихъ имѣній и крупные оклады, платимые государственнымъ бюджетомъ, доставляютъ богатому классу петербургскаго общества средства поддерживать роскошь своихъ туалетовъ и экипажей въ Лѣтнемъ саду и на Невскомъ. Одна только мелкая торговля, нѣкогда составлявшая монополію переселенцевъ изъ Новгорода, находится отчасти въ рукахъ русскихъ; крупныя же коммерческія дѣла ведутся въ большинствѣ случаевъ негоціантами нѣмецкими и англійскими, или еврейскими банкирами. Торговое движеніе Петербурга весьма значительно: на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на рѣчныхъ пристаняхъ, наконецъ, въ приморскихъ гаваняхъ столицы и въ купеческой гавани Кронштадта совокупная цѣнность обмѣна простирается, смотря по годамъ, до четверти и даже до трети всѣхъ торговыхъ оборотовъ Имперіи. Въ 1877 г. общая цѣнность морской торговли Петербурга и Кронштадта исчислялась въ 194.770,000 рублей. Движеніе судоходства въ томъ же году представляло слѣдующія цифры [2]):

---

[1]) Въ 1881 г., фабрикъ и заводовъ, не считая мелкихъ ремесленныхъ заведеній и мастерскихъ, было 386 съ 74,186 раб., въ томъ числѣ 6,787 малолѣтнихъ. *Ред.*

[2]) Движеніе судоходства въ С.-Петербургскомъ и Кронштадтскомъ портахъ:

	Въ среднемъ за 3 года (1878—80).	Въ 1880 году.
Въ приходѣ . . .	суд. 2,745, вмѣст. 545,500 ласт.	суд. 2,860, вмѣст. 572,000 ласт.
„ отходѣ . . .	„ 2,736 „ 547,400 „	„ 2,775 „ 560,000 „
Итого . . .	суд. 5,481, вмѣст. 1.092,900 ласт.	суд. 5,635, вмѣст. 1.132,000 ласт.

Внѣшн. торг.: прибыло	3,158	суд.,	вмѣст.	666,180	тоннъ.
„ „ вышло	3,249	„	„	690,258	„
Итого	6,407	суд.,	вмѣст.	1.356,438	тоннъ.
Каботажъ	1,641	„	„	97,441	„

Въ настоящее время производятся работы[1]) по проведенію въ морѣ, при помощи землечерпательныхъ снарядовъ, капала глубиною въ 16 футовъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ, на разстояніи около 30 в. Наибольшая доля судоходства въ портахъ столицы принадлежитъ не отечественнымъ судовладѣльцамъ: иностранные флаги, преимущественно англійскій, нѣмецкій и норвежскій, развѣваются на бо́льшемъ числѣ купеческихъ судовъ, чѣмъ русскій.

По степени развитія народнаго образованія Петербургъ еще стоитъ позади бо́льшей части городовъ Западной Европы, такъ какъ въ немъ еще насчитываютъ свыше 300,000 лицъ совершенно неграмотныхъ; въ 1870 году состояніе начальнаго образованія было таково, что на 1,000 жителей приходилось 555,3 умѣющихъ читать и писать и 444,7 неграмотныхъ. Тѣмъ не менѣе, его высшія учебныя заведенія и его ученыя учрежденія и общества принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе содѣйствуютъ движенію науки въ Европѣ. Въ отношеніи высшей литературы, искусствъ и наукъ Петербургъ есть главный центръ Россіи[2]), тогда какъ Москва превосходитъ его по части народныхъ изданій. Изъ петербургскаго университета, который по числу слушателей немного уступаетъ московскому, потому что въ немъ нѣтъ медицинскаго факультета, выходятъ лучшіе воспитанники по отдѣлу наукъ физическихъ и математическихъ. Въ петербургскомъ университетѣ 1 января 1878 г.[3]) было: профессоровъ 88, студентовъ 1,418, которые по факультетамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ—214, на физико-математическомъ—593, на юридическомъ—584, остальные—на фак. восточныхъ языковъ; университетская библіотека содержала 120,000 томовъ. Медико-хирургическая академія, преобразованная въ военно-медицинскую академію, скоро будетъ имѣть только 500 студентовъ, но въ 1876 году лекціи ея посѣщались 1,183 студентами-медиками, 167 студентами вете-

Торговый флотъ С.-Петербурга и Кронштадта къ 1 янв. 1880 г.: парусныхъ судовъ 49, вмѣст. 4,388 ласт., паровыхъ—43, вмѣст. въ 7,401 ласт.

Оборотъ внѣшней торговли, въ среднемъ за 3 года (1878—1880): по ввозу—на 83¾ милл. р., по вывозу—на 88¾ милл. р., итого на 172½ милл. р. Въ 1880 г. привезено товаровъ на 86.270,500 р., отпущено на 88.341,250 р., итого на 174.611,750 р. *Ред.*

Ред.

[1]) Нынѣ онѣ почти окончены.

[2]) 1 января 1878 г. въ Петербургѣ считалось 94 типографіи.

[3]) Къ 1 января 1882 г., студ. и пост. слуш. 2,026: на историко-филологическомъ 203, физико-математическомъ 968, юридическомъ 776, восточныхъ языковъ 80; профессоровъ и доцентовъ 70; библіотека—141,500 томовъ. *Ред.*

ринарнаго отдѣленіи и 245 слушательницами; теперь медицинскіе курсы для женщинъ читаются отдѣльно, при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Въ Петербургѣ же находятся всѣ высшія спеціальныя учебныя заведенія, подвѣдомственныя различнымъ министерствамъ. Академія наукъ и нѣкоторыя другія ученыя общества публикуютъ мемуары и записки, изъ которыхъ многіе составили эпоху въ наукѣ. Имп. русское географическое общество, располагающее значительными суммами и составляющее нѣчто въ родѣ министерства по части географическихъ изслѣдованій и открытій, давало направленіе ученымъ этнографическимъ изслѣдованіямъ внутри Россіи и руководитъ издалека многочисленными экспедиціями въ Сибири, въ Китаѣ, въ Центральной Азіи. Географическое общество въ 1878 году имѣло членовъ 664, бюджетъ 41,750 руб., капиталъ 83,000 руб.[1]). Нѣкоторыя библіотеки, въ особенности библіотеки университета и академіи наукъ, заключаютъ въ себѣ рѣдкія книги и драгоцѣнныя коллекціи; но самое важное книгохранилище столицы, занимающее первое мѣсто въ Европѣ послѣ библіотекъ Лондона и Парижа, это — Публичная библіотека, гдѣ собрано около милліона томовъ и болѣе 40,000 рукописей, въ числѣ которыхъ много очень рѣдкихъ или даже единственныхъ; между прочимъ, тамъ есть „библіотека Вольтера", заключающая около 7,000 томовъ. Библіотека увеличивается ежегодно на 20,000 — 25,000 сочиненій и каждый годъ издаетъ драгоцѣнные каталоги и перепечатки рѣдкихъ книгъ; спеціальный отдѣлъ „Rossica", содержащій иностранныя сочиненія, касающіяся Россіи, состоитъ почти изъ 40,000 томовъ. 1-го января 1877 года въ библіотекѣ числилось: 979,000 томовъ, 83,373 эстампа, 10,000 картъ и атласовъ, и пр. Музеи Петербурга также принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ учрежденій этого рода на континентѣ Европы. При академіи наукъ находятся превосходная азіатская галерея и коллекціи зоологическаго музея, гдѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе знаменитый скелетъ мамонта, привезенный Палласомъ изъ Сибири въ 1803 г.[2]). Въ зоологическомъ музеѣ теперь собрано 111,000 экземпляровъ (чучелъ) животныхъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, размѣщенныхъ въ 14 залахъ. Наконецъ, Эрмитажъ, какъ бы составляющій продол-

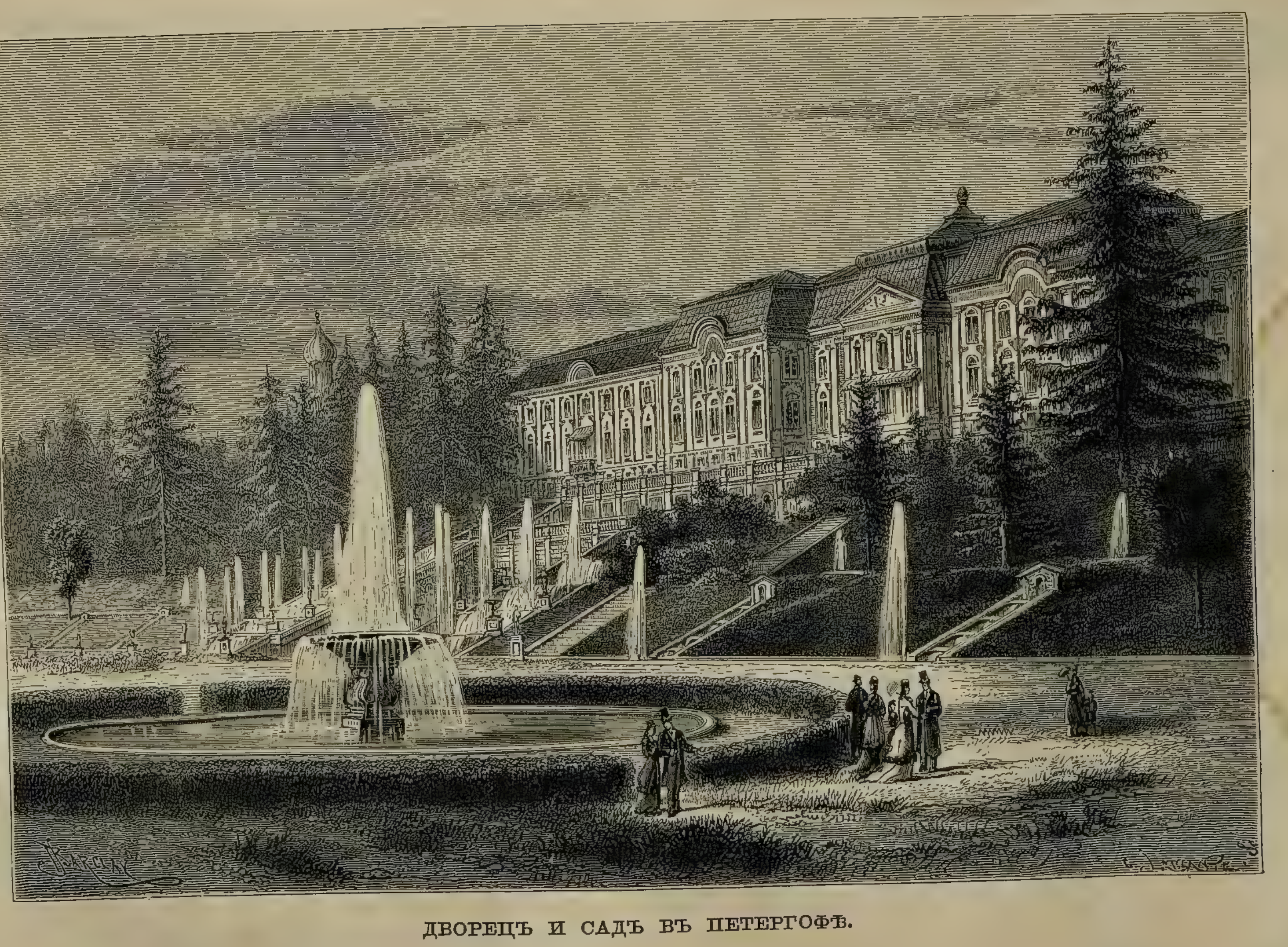
[1]) Въ началѣ 1881 г., членовъ 923 (съ чл.-сотрудниками и корреспондентами); въ концѣ 1880 г., расходъ—50,500 р., а капиталовъ разныхъ наименованій — свыше 92,000 р. *Ред.*

[2]) Музеи академіи наукъ образовались изъ „кунсткамеры" Петра Великаго, которая первоначально состояла изъ анатомическаго театра, пріобрѣтеннаго отъ проф. Рюйша, и въ которой потомъ хранились разныя драгоцѣнности и произведенія искусствъ. Въ 1718 г. царь издалъ указъ о доставленіи въ кунсткамеру со всѣхъ концовъ Россіи диковинъ (монстровъ) и уродовъ „какъ человѣчьихъ, такъ и скотскихъ, звѣриныхъ и птичьихъ". При Петрѣ въ кунсткамерѣ можно было видѣть, кромѣ уродовъ въ спирту, также и „живыхъ монструмовъ", каковы, напримѣръ, карликъ Ѳома, великанъ Буржуа и пр. Въ кунсткамерѣ же хранился огромный глобусъ, внутренность котораго составляла цѣлую комнату, со столомъ для 12 человѣкъ. *Перев.*

*

женіе Зимняго дворца, представляетъ, по нѣкоторымъ изъ хранящихся въ немъ художественныхъ сокровищъ, первоклассный музей. Въ залахъ Эрмитажа собраны картоны, содержащіе 12,000 оригинальныхъ рисунковъ, 200,000 эстамповъ, прекрасныя картины великихъ художниковъ и особенно полная серія всѣхъ фламандскихъ мастеровъ; кромѣ того, здѣсь можно видѣть нѣкоторыя произведеній русской школы; но что составляетъ его славу—это остатки лучшей эпохи греческаго искусства и скиѳскія древности, найденныя на Таврическомъ полуостровѣ и въ южной Россіи: по этимъ произведеніямъ искусства музей Эрмитажа есть безспорно единственный въ мірѣ. Кромѣ картинной галереи, въ многочисленныхъ, великолѣпныхъ залахъ Эрмитажа размѣщены коллекціи скульптурныхъ произведеній, драгоцѣнныхъ вещей, расписанныхъ сосудовъ, рѣдкихъ камней и пр. Здѣсь же находится галерея Петра Великаго. Библіотека заключаетъ, между многими другими богатствами, драгоцѣнныя коллекціи автографовъ Вольтера, д'Аламбера, Дидро. Картинная галерея академіи художествъ еще богаче галереи Эрмитажа произведеніями русской школы.

Городъ пышныхъ дворцовъ, Петербургъ дополняется снаружи парками и загородными замками въ окрестностяхъ. Петергофъ („Петровъ Дворъ“), на полуденномъ берегу бухты, отдѣляющей Кронштадтъ отъ устьевъ Невы, есть второй „Версальскій дворецъ“, окруженный со всѣхъ сторонъ садами, цвѣтниками, великолѣпнѣйшими, многочисленными фонтанами и каскадами; съ его террасъ, спускающихся уступами къ морю, видѣнъ обширный рейдъ, весь усѣянный кораблями, а далѣе—лѣсистый берегъ Финляндіи. Къ западу отъ Петергофа, который былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Петра Великаго, другой загородный дворецъ, Ораніенбаумъ, окруженный павильонами и виллами, расположенъ на высокомъ берегу, напротивъ острова Котлина и города Кронштадта, грозныя укрѣпленія котораго и темныя гранитныя стѣны, поднимающіяся изъ сѣрой массы водъ, составляютъ поразительный контрастъ съ тѣнистыми парками и цвѣтниками Ораніенбаума. До вступленія на престолъ императора Александра II уже было израсходовано болѣе 50 милл. руб. на Кронштадтскую крѣпость, затѣмъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе нужно считать десятками милліоновъ суммы, употребленныя на содержаніе этого оплота Петербурга. Два изъ фортовъ, обшитыхъ броней изъ желѣза и тековаго дерева, снабжены вращающимися блиндированными башнями. Кронштадтъ—по преимуществу военный городъ, и большинство его жителей служатъ при арсеналахъ, фортахъ, докахъ и другихъ заведеніяхъ военнаго флота. Другая часть занимается перегрузкой товаровъ между большими судами и лихотерами, приходящими изъ Петербурга. Лѣтомъ пассажиры, постоянно переѣзжающіе въ большомъ числѣ между столицей и Кронштадтомъ, перевозятся на пароходахъ или по Ораніенбаумской желѣзной дорогѣ. Зи-

ДВОРЕЦЪ И САДЪ ВЪ ПЕТЕРГОФѢ.

мой же сообщеніе производится прямо по льду; тогда на половинѣ дороги устраивается временная гостинница, и на извѣстныхъ разстояніяхъ учреждаются посты для поданія помощи путникамъ, застигнутымъ туманомъ или задержаннымъ трещиной расколовшагося льда. Въ скоромъ времени будетъ построена желѣзная дорога [1]) вдоль дамбы Морскаго канала.

Внутри страны, въ окрестностяхъ Петербурга, находятся другіе города,—такъ сказать, спутники столицы, представляющіе группы загородныхъ дворцовъ, дачъ, вокзаловъ или увеселительныхъ мѣстъ, куда устремляется петербургская публика во время лѣтняго сезона. Царское Село, лежащее верстахъ въ 25 къ югу отъ Петербурга, было первоначально простой деревней изъ нѣсколькихъ домовъ, разсѣянныхъ вокругъ загороднаго дворца, построеннаго въ 1744 году императрицей Елизаветой Петровной, увеличеннаго и богато украшеннаго Екатериной II, которая сдѣлала его своей любимой лѣтней резиденціей. Теперь Царское Село значительный городъ, имѣющій даже нѣкоторую промышленность. Къ сѣверозападу отъ Царскаго Села, на холмѣ высотою около 240 футовъ, возвышается Пулковская астрономическая обсерваторія, черезъ которую проходитъ главный меридіанъ Россіи и которая прославлена изслѣдованіями Струве; телескопъ, приготовляемый для этой обсерваторіи въ Кембриджѣ, близъ Бостона (въ Америкѣ), будетъ величайшимъ въ свѣтѣ рефракторомъ; дискъ его имѣетъ отверстіе въ 90 сантиметровъ. Вотъ точное географическое положеніе Пулкова:

Долгота 27°59′20″ отъ Парижа. 30°19′36″ отъ Гринвича.

Широта . . . . . . 59°46′18,7″.

Вблизи Павловска, который также составляетъ какъ бы предмѣстье столицы, состоящее изъ дачъ, и гдѣ находится загородный дворецъ великаго князя Константина Николаевича, недавно выстроена другая обсерваторія, спеціально предназначенная для изученія явленій метеорологическихъ и магнитныхъ.

Гатчина, болѣе удаленная отъ Петербурга, чѣмъ Царское Село, имѣла подобное же происхожденіе: этотъ городъ выросъ мало по малу вокругъ загороднаго дворца (гдѣ жилъ императоръ Павелъ, когда былъ великимъ княземъ) и садовъ съ живописными озерами и островками. Положеніе при перекресткѣ желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ придаетъ Гатчинѣ нѣкоторую торговую важность.

Города бассейновъ Наровы и Невы въ губерніяхъ: Псковской, Новгородской, Петербургской и Олонецкой, имѣющіе свыше 4,000 жителей [2]):

---

[1]) Она уже проложена. *Ред.*

[2]) Приведенныя въ соч. Реклю цифры (1870 г.) замѣнены болѣе новыми. *Ред.*

Псковская губернія (1880).

Псковъ	18,960	жит.
Холмъ	6,100	„
Великія-Луки	6,000	„
Торопецъ	5,350	„
Сольцы (посадъ)	5,300	„

Новгородская губернія (1881).

Новгородъ	21,100	„
Старая-Русса	13,100	„
Боровичи	10,000	„
Тихвинъ	7,000	„
Бѣлозерскъ	4,300	„

Петербургская губернія (1879).

С.-Петербургъ (1881 г.)	861,920	жит.[1])
а съ пригородн. участк.	927,467	„
Кронштадтъ	49,000	„
Царское Село	14,850	„
Гатчина	11,700	„
Шлиссельбургъ	10,800	„
Петергофъ	8,200	„
Нарва	8,300	„
Новая Ладога	4,400	„

Олонецкая губернія (1880).

Петрозаводскъ	11,900	„

VIII.

ПОКАТОСТЬ ЛЕДОВИТАГО ОКЕАНА, РУССКАЯ ЛАПЛАНДІЯ, СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ, НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

ГУБЕРНІИ АРХАНГЕЛЬСКАЯ И ВОЛОГОДСКАЯ.

Вся сѣверная часть Европейской Россіи, воды которой текутъ въ Ледовитый океанъ, совпадаетъ довольно точно, въ своихъ общихъ границахъ, съ обширными губерніями, почти необитаемыми въ сравненіи съ ихъ огромнымъ протяженіемъ, — именно губ. Архангельской и Вологодской. Это громадное пространство, которое, такъ сказать, лежитъ за предѣлами живой Европы и которое, по своему климату, равно какъ и по значительной части своего населенія, представляетъ чисто сибирскій характеръ, имѣетъ на квадратную версту немногимъ болѣе одного жителя Одна только Архангельская губернія почти столь-же обширна, какъ Франція и Великобританія, взятыя вмѣстѣ, а между тѣмъ тамъ находится меньше человѣческихъ существъ, чѣмъ въ одномъ какомъ-нибудь второстепенномъ городѣ этихъ государствъ, каковы, напримѣръ, Ліонъ, Лидсъ или Бирмингемъ. Въ сравненіи со всею Европейскою Россіею, покатость, наклоненная къ Ледовитому морю, представляетъ почти четверть территоріи, тогда какъ общее населеніе двухъ сѣверныхъ губерній составляетъ только шестидесятую часть населенія Имперіи.

Пространство и населеніе сѣверной покатости Россіи [2]):

---

[1]) Возрастаніе населенія С.-Петербурга: въ 1765 г.—150,000, въ 1789 г.—218,000, въ 1812 г. — 308,500, въ 1825 г. — 424,700, въ 1850 г. — 487,000, въ 1858 г. — 495,000, въ 1865 г.— 539,000, въ 1869 г.— 668,000. *Ред.*

[2]) Вся таблица составлена заново, взамѣнъ помѣщенной въ соч. Реклю. *Ред.*

	Пространство:			Населеніе:		Густота населенія въ 1880 г.	
	квадр. миль.	квадр. верстъ.	квадр. кил.	въ 1870 г.	въ 1880 г.	на 1 кв. вер.	на 1 кв. кил.
Архангельская губ. (безъ Новой Земли)	13,938	674,407	767,490	281,112	311,673	0,46	0,4
Вологодская г. .	7,314	353,882	402,725	1.003,039	1.139,982	3,2	2,8
Итого . . .	21,252	1.028,289	1.170,215	1.284,151	1.451,655	1,4	1,2

Однако, эта пустынная область есть одна изъ самыхъ любопытныхъ странъ Восточной Европы, не только по интереснымъ явленіямъ почвы, гидрографическимъ и климатическимъ, но также по исторіи ея жителей. Поморы Ледовитаго океана тоже имѣли свою особенную, хотя и скромную, роль въ развитіи европейской цивилизаціи, и едва три вѣка прошло съ той эпохи, когда дорога черезъ Бѣлое море была единственнымъ путемъ изъ Московскаго государства въ Западную Европу.

Почти вся страна, заключающаяся между границами Финляндіи и Уральскими горами, наклоняется ровнымъ, почти нечувствительнымъ скатомъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану; рѣки текутъ тамъ медленно, описывая длинныя извилины. Полуостровъ Кольскій, соединенный политически съ Россіей, именно съ Архангельской губерніей, долженъ бы быть скорѣе, по формѣ его рельефа, разсматриваемъ, какъ простое восточное продолженіе Скандинавскаго полуострова. Бѣлое море и Ботническій заливъ, выдвигающіеся на встрѣчу другъ другу, ограничиваютъ отчасти территорію русской Лапландіи; притомъ же всѣ формаціи, простирающіяся на западъ отъ Бѣлаго моря, именно въ Швеціи и Финляндіи, принадлежатъ къ граниту и вообще древнимъ горнымъ породамъ, тогда какъ къ востоку отъ этого моря, вплоть до Уральскаго хребта, геологическія образованія гораздо болѣе новаго происхожденія.

Внутренность русской Лапландіи мало извѣстна, хотя сѣть путей, по которымъ слѣдуютъ путешественники, пересѣкаетъ ее уже во всѣхъ направленіяхъ. Финляндскій хребетъ Мансельке продолжается въ восточномъ направленіи, на русской территоріи, плоскогорьями, изрытыми оврагами; тамъ и сямъ, какъ въ норвежскомъ Финмаркенѣ, возвышаются горныя массы, вершины которыхъ достигаютъ слишкомъ полверсты въ вышину; въ небольшой цѣпи Умбдекъ, которая начинается на сѣверѣ Кандалакской губы, западной оконечности Бѣлаго моря, высшія точки поднимаются даже на 2,950 фут. (900 метр.) На востокѣ-же, возвышенности въ 300 фут. встрѣчаются лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ; почти вся поверхность страны покрыта громаднымъ моховымъ болотомъ, скрывающимъ возвышенія почвы; только на окраинахъ гранитный остовъ и его торфя-

ной покровъ глубоко изрѣзаны оврагами, наполненными въ углубленіяхъ никогда нетающимъ снѣгомъ [1]).

Къ востоку отъ рѣки Мезень, цѣпь высотъ, примыкающая на югѣ къ *пармѣ*, т. е. лѣсистому плоскогорью, около расходящихся въ разныя стороны истоковъ Сѣверной Двины, Печоры и Камы, слѣдуетъ довольно правильно въ сѣверо-западномъ направленіи, прерываемая тамъ и сямъ брешами или долинами, гдѣ проходятъ извилистыя рѣки, изъ которыхъ однѣ спускаются къ Мезени, а другія—къ Печорѣ. Этотъ рядъ возвышенностей, которому иногда даютъ названіе Тиманскихъ „горъ", достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 650 и 820 фут. (200 и 250 м), и даже, близъ сѣверной его оконечности, одна вершина поднимается, какъ говорятъ, почти на 900 фут. (272 м.) надъ уровнемъ моря. Но тамъ хребетъ, разрѣзанный многочисленными рѣчными долинами, уже развѣтвляется въ формѣ вѣера и оканчивается въ водахъ Ледовитаго океана нѣсколькими параллельными полуостровами, изъ которыхъ одинъ выступаетъ верстъ на тридцать за правильную линію морскаго берега: это—Святой Носъ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ „священныхъ мысовъ", которые мореходы огибаютъ съ безпокойствомъ, задавая себѣ вопросъ, не ожидаетъ ли ихъ за выступомъ твердой земли бурный вѣтеръ или сильное волненіе, или не суждено ли имъ погибнуть тамъ въ непроглядномъ туманѣ или среди плавающихъ льдовъ. Большой островъ Колгуевъ, отдѣленный отъ материка проливомъ въ 100 верстъ ширины, можетъ быть разсматриваемъ, какъ продолженіе Тиманскаго хребта, ибо промежуточныя морскія воды не имѣютъ даже 20 саженъ глубины, а пучины въ 50 саженъ и болѣе начинаются уже за этимъ островомъ. Колгуевъ, поверхность котораго исчисляютъ приблизительно въ 3,072 кв. верстъ (3,496 кв. кил.), окруженъ отмелями, и доступъ къ нему затруднителенъ; только нѣсколько десятковъ звѣролововъ пристаютъ каждый годъ къ этому необитаемому острову, чтобы поохотиться у береговъ на тюленя, моржа, бѣлаго медвѣдя, но въ особенности на птицъ—гусей, утокъ, лебедей; иногда охотники пускаются во внутренность острова преслѣдовать, въ болотахъ и на болотистыхъ холмахъ, песцовъ и сѣверныхъ оленей. Всѣ попытки постоянной колонизаціи имѣли до сихъ поръ печальный исходъ. Въ 1767 году человѣкъ семьдесятъ раскольниковъ, убѣгая отъ религіознаго преслѣдованія, поселились на островѣ, гдѣ никто не могъ препятствовать имъ совершать обряды и насиловать свободу совѣсти; но въ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ они сдѣлались жертвой цынги [2]).

Можетъ быть, и полуостровъ Канинъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ западное продолженіе второстепеннаго отрога Тиманскаго хребта. Вся сѣверная часть этого полуострова, очертаніе котораго напоминаетъ

---

[1]) *Семеновъ*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) *Максимовъ*, „Годъ на Сѣверѣ".

форму молота, занята плоскогорьемъ, образованнымъ изъ кристаллическихъ сланцевъ; оно составляетъ точное продолженіе каменистаго пояса, начинающагося на твердой землѣ; высшія вершины этого плато, которое иногда называютъ Тіунскимъ Камнемъ, поднимаются почти на 350 футовъ надъ уровнемъ моря. Эти сланцы конечнаго полуострова отдѣлены отъ массы материка юрскими пластами, гдѣ, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бьютъ изъ земли нефтяные ключи; пласты эти заключаютъ въ себѣ залежи колчедана и мѣдной руды. Прежде Канинъ былъ островомъ. Лѣтъ сто тому назадъ рѣка Чижа, текущая на западъ къ Мезенской губѣ, и рѣка Чеща, впадающая на востокѣ въ Чесскую губу, выходили изъ одного и того же озера, и барки легко могли ходить отъ одного берега къ другому. Теперь это озеро представляетъ изъ себя простое болото, и всякое судоходство между двумя противоположными бухтами давно уже прекратилось [1]). Эта перемѣна произошла, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ общаго вертикальнаго движенія материковыхъ массъ, поднимающаго всѣ сѣверные берега Россіи: существовавшій тутъ нѣкогда морской проливъ мало по малу измѣнился въ озеро съ двумя истоками, а впослѣдствіи и озеро, въ свою очередь, превратилось въ болото между двумя рѣками. На морской окраинѣ русской Лапландіи г. Миддендорфъ распознавалъ старые, покинутые водами, берега, которые нынѣ находятся на высотѣ 200 фут. (60 м.); то же самое явленіе было наблюдаемо многими геологами на морскихъ берегахъ Финмаркена и западной Норвегіи.

Кромѣ холмовъ Тиманскаго хребта, обширныя пространства Архангельской губерніи заключаютъ нѣсколько цѣпей высотъ, которыя соединяются съ Уральскими горами; но, исключая тѣхъ, которыя находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими горами, эти уральскія развѣтвленія имѣютъ весьма незначительный рельефъ, достигая только немногими изъ своихъ вершинъ высоты 650 фут. (200 м.). Притомъ же контрастъ возвышенностей и равнинъ не рѣзко обозначенъ въ этой странѣ: бóльшую часть года снѣга покрываютъ своимъ однообразнымъ слоемъ озера и болота, ровныя и холмистыя пространства; впродолженіе короткаго лѣта растительность низменныхъ мѣстъ мало отличается отъ растительности высотъ, и послѣднія также усѣяны по скатамъ моховыми болотами, подобными болотамъ, наполняющимъ низменности. Почти вся страна, до 66-го градуса широты, еще покрыта лѣсами, относительная цѣнность которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ обезлѣсиваются центральныя области Россіи. Пятнадцать-шестнадцатыхъ [2]) поверхности Вологодской губерніи покрыты деревьями [3]), хвойными и лиственными

---

[1]) *Reinicke*, Hydrographie; *Максимовъ*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) По даннымъ 1879—80 г., „лѣсная площадь“ составляетъ 90% всей площади Вологодской губ., а въ Архангельской—почти 65%. *Ред.*

[3]) *Ruprecht*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1855, т. VII.

(береза); приблизительно такая же пропорція лѣсовъ сохраняется и въ полуденной части Архангельской губерніи: всѣ возвышенныя мѣстности поросли лѣсомъ, такъ что зырянское названіе *парма* означаетъ безразлично „гору" или „лѣсъ" [1]), подобно тому какъ въ Южной Америкѣ выраженія *monte* и *montana*, или какъ слово *Wald* во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Но на крайнемъ Сѣверѣ климатъ уже такъ суровъ, что древесная растительность не можетъ свободно развиваться; деревья тамъ смѣняются приземистыми, кривыми деревцами, кустами, а еще далѣе и эти послѣдніе уступаютъ мѣсто ползучимъ корнямъ съ нѣсколькими листиками, которые прячутся подъ космами густо растущаго бѣлаго ягеля (олений мохъ), или красновато-ржаваго кукушкина льна: передъ нами разстилаются на необозримое пространство пустынныя *тундры* (или правильнѣе *трундры*, что значитъ по-зырянски „безлѣсныя земли") [2]), подобныя мерзлымъ пустынямъ сѣверной Сибири. Однако, средняя температура почвы русскихъ тундръ превышаетъ на нѣсколько градусовъ среднюю температуру ледяныхъ равнинъ сибирскаго Востока: даже въ Лапландіи не находили слоевъ никогда нетающаго льда на днѣ болотъ; кое-гдѣ даже бьютъ изъ земли ключи, вода которыхъ не замерзаетъ и въ серединѣ зимы. Повсюду, гдѣ почва не слишкомъ сыра и гдѣ она хорошо озарена солнечными лучами, нѣкоторыя растенія болѣе умѣреннаго климата находятъ достаточно благопріятныя условія, чтобы развиваться и цвѣсти. На такъ-называемыхъ „Зимнихъ Горахъ" [холмы изъ зеленоватой глины и песку, поднимающіеся футовъ на 250 или 330 (80 или 100 м.) на восточномъ берегу пролива, ведущаго изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ], которыя лежатъ еще въ поясѣ древесной растительности, полуденные скаты лѣтомъ усѣяны голубыми цвѣтками лютика и алыми—марьина корня; эти цвѣтки одинъ путешественникъ называетъ „послѣдней улыбкой природы" на крайнемъ Сѣверѣ [3]). Корни деревъ, находимые въ разныхъ мѣстахъ тундры, доказываютъ, что лѣсная растительность прежде распространялась гораздо далѣе къ сѣверу: нерѣдко находятъ толстые пни хвойныхъ деревьевъ тамъ, гдѣ теперь не могла бы расти даже скромная ива [4]).

Съ геологической точки зрѣнія Уралъ, часть котораго ограничиваетъ на востокѣ Архангельскую губернію и отдѣляетъ ее отъ Сибири, представляетъ несомнѣнно одну сплошную цѣпь горъ; по всей длинѣ, съ сѣвера на югъ, онъ состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же кристаллическихъ горныхъ породъ, покрытыхъ съ той и другой стороны одинаковыми пластами, расположенными правильно и составляющими контрастъ съ однообразіемъ равнинъ Европейской и Азіатской Россіи. Но съ географической точки

---

[1]) *Максимовъ*, „Годъ на Сѣверѣ".
[2]) *O. Finsch*, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876.
[3]) *Максимовъ*, „Годъ на Сѣверѣ".
[4]) *Gustav v. Düben*, Lappland och Lapparne.

зрѣнія „Великій Каменный Поясъ“, или „Земной Поясъ“ [1]),—какъ прежде русскіе называли Уральскія горы, — не имѣетъ того же единства: онъ дѣлится на нѣсколько частей, прерываемыхъ глубокими брешами и даже морскими проливами; однако, въ цѣломъ онъ сохраняетъ характеръ водораздѣльнаго хребта, какъ на то, повидимому, указываетъ и его настоящее названіе, угорскаго происхожденія. Южный Уралъ—самая важная часть хребта, по заключающимся въ немъ минеральнымъ богатствамъ,—отдѣленъ отъ Сѣвернаго глубокими пониженіями или впадинами, гдѣ цѣпь какъ будто совсѣмъ исчезаетъ. Точно также и Сѣверный Уралъ, подраздѣляющійся по направленію отъ юга къ сѣверу на Уралы „Вогульскій“, „Остяцкій“, „Самоѣдскій“, отдѣленъ невысокими горными проходами отъ Карскаго Урала, извѣстнаго у туземцевъ подъ именемъ „Пай-Хой“, который тянется въ сѣверо-западномъ направленіи, подъ прямымъ угломъ къ главному хребту. Островъ Вайгачъ также представляетъ собою отрывокъ Урала, да и Новая Земля есть ни что иное, какъ прерванное моремъ продолженіе Уральской цѣпи, которая простирается на протяженіи 3,000 верстъ, не считая извилинъ гребня.

Сѣверный Уралъ, по принятому дѣленію, начинается около 63 градуса широты, на сѣверѣ отъ горъ, гдѣ получаетъ начало Печора, текущая въ Ледовитый океанъ, и гдѣ, на другомъ склонѣ, вытекаютъ рѣки, впадающія въ Обь. Между высотами, дающими начало Печорѣ, и сѣверными горами нѣтъ цѣпи въ собственномъ смыслѣ, а только отдѣльныя горныя массы не равной величины и не параллельныя по направленію, которыя сообщаютъ линіи раздѣла водъ весьма неправильную форму: одна изъ этихъ боковыхъ вѣтвей есть знаменитая „Гора Идоловъ“ (по-зырянски „Болвано-Исъ“), на которой одна изъ вершинъ, иззубрешая временемъ, дѣлится на скалы причудливыхъ формъ, похожія издали на гигантскія статуи: самый высокій изъ этихъ естественныхъ истукановъ (около 15 саженъ высотою) былъ прежде почитаемъ туземцами за бога, да и теперь, можетъ быть, онъ имѣетъ еще поклонниковъ [2]).

Цѣпь, начинающаяся пирамидой Тель-Посъ-Исъ, или Непуби-Ніоръ, измѣняетъ направленіе и поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, но выдѣляетъ изъ себя къ западу многочисленные отроги и, такимъ образомъ, примыкаетъ къ отдѣльной горной массѣ, надъ которой господствуютъ стѣны, обвалы и крутой зубчатый гребень вершины, носящей названіе Сабли. Горы этой цѣпи покрыты деревьями только при основаніи, но ихъ гранитные утесы лишены всякой растительности, кромѣ мховъ и лишаевъ. Голый видъ и отсутствіе всякой зелени были причиной того, что ихъ прозвали „Камнями“, или „Большими Камнями“ (*Уджидъ-Исъ*—по-зырянски,

---

[1]) Полагаютъ, что Уральскія горы (въ древности Рифейскія и Гиперборейскія) получили свое названіе отъ татарскаго слова *уралъ*, означающаго поясъ. *Ред.*

[2]) *Keyserling*, Reise in den Petschora-Gegenden.

Арка-Пай—по-самоѣдски, *Ке-Онъ*—по-остяцки)[1]. Постоянные снѣга наполняютъ овраги этихъ горъ въ мѣстахъ, обращенныхъ къ сѣверу, и даже встрѣчаются въ циркахъ или котловинахъ обширныя фирновыя поля, издали имѣющія видъ ледниковъ; но самыя высокія вершины иногда являются совершенно освобожденными отъ снѣжнаго покрова [2]).

Однако, настоящихъ ледниковъ не существуетъ на этихъ горахъ, лежащихъ частію за полярнымъ кругомъ. Влажность, которую онѣ получаютъ изъ атмосферы въ видѣ снѣга, не довольно значительна; къ тому же и средняя высота ихъ, недостигающая версты, недостаточна для того, чтобы ледяныя рѣки имѣли пространство, необходимое для ихъ развитія. Вотъ высота главныхъ вершинъ Сѣвернаго Урала [3]):

	Метр.
Тель-Посъ (64° с. ш.)	1,689
Пай-Іеръ (66°40′ с. ш.)	1,413
Чайнди-Пай (67°40′ с. ш.)	1,242
Константиновскій Камень (68°20′ с. ш.)	447

Но если на Уралѣ нѣтъ ледниковъ, то выступы или мысы хребта Пай-Хой и боковыхъ или параллельныхъ отроговъ, которые оканчиваются на сѣверѣ Уральскихъ горъ, или въ Карскомъ заливѣ, или въ океанѣ, бываютъ окаймлены другаго рода ледянымъ поясомъ: это—воды моря замерзающія зимой вокругъ береговыхъ утесовъ и ломаемыя время отъ времени волненіемъ или плавающими ледяными массами, приходящими съ открытаго моря [4]).

Еще недавно полагали, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ древнихъ ледниковъ на бокахъ Уральскихъ горъ, потому что изъ прежнихъ изслѣдователей никто не видѣлъ тамъ ни глетчерныхъ полосъ, ни „шлифовокъ“, произведенныхъ треніемъ ледяныхъ массъ, ни даже эрратическихъ камней въ собственномъ смыслѣ [5]); но въ новѣйшее время г. Поляковъ констатировалъ существованіе на Уралѣ многочисленныхъ моренъ и наблюдалъ явственныя глетчерныя полосы, направляющіяся отъ сѣверозапада къ юго-востоку, параллельно полосамъ, которыя мы видимъ на скалахъ Финляндіи и Олонецкой губерніи. Удивительный контрастъ между горами Сѣвернаго Урала и горами Финляндіи и Скандинавіи, лежащими подъ менѣе холодными широтами, на который указывали прежде, казался непонятнымъ съ перваго взгляда; но нужно сказать, что въ странахъ крайняго Сѣвера слѣды пребыванія древнихъ ледниковъ, полосы, шли-

[1]) *O. Finch*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) *Ковальскій*, Der nördliche Ural und das Küstengebirge Paï-Choi.

[3]) Цифры эти не вполнѣ точны. Приводимъ высоты въ футахъ по „Зап. И. Р. Г. Общ.“, 1852 г., VI, и по Гофману—„Сѣв. Уралъ и хр. Пай-Хой“: Тель-Посъ до 5,000 фут., Пай-Іеръ 4,658 ф., Чайнди-Пай до 4,500 ф., Конст. Камень—1,492 ф. *Ред.*

[4]) *Гофманъ*, Der nördliche Ural und das Küstengebirge Paï-Choi.

[5]) *Мурчисонъ, де-Вернейль, Кейзерлингъ; Гельмерсенъ* и др.

фовки и камни моренъ быстро покрываются густыми слоями мха, и что, вслѣдствіе этого, теперь невозможно отыскать поверхность, подвергавшуюся нѣкогда дѣйствію льдовъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ воды, вмѣсто того, чтобы отлагать новые обломки поверхъ моренъ, способствовали, напротивъ, своимъ размывающимъ дѣйствіемъ обнаженію этихъ каменныхъ валовъ. Но всѣ равнины, разстилающіяся у подножія Урала, представляютъ собою тундры, одѣтыя густымъ мохомъ, или аллювіальныя земли, гдѣ первоначальная почва покрыта новыми наносами. По этой же причинѣ въ сѣверной Финляндіи, которая именно, вмѣстѣ со Скандинавіей, можетъ считаться классической страной Европы для изученія явленій разсѣянія льдовъ, мы нигдѣ не видимъ вокругъ вершинъ, окруженныхъ обломками, этихъ слѣдовъ глетчернаго дѣйствія, столь многочисленныхъ и столь явственныхъ въ низменной области, на изгрызенномъ водою морскомъ прибрежьи полуденной Финляндіи [1]). Притомъ же, работа тренія, очевидно, должна быть гораздо слабѣе подъ массой фирновъ, почти неподвижной, чѣмъ подъ ледниками съ быстрымъ истеченіемъ; а окристаллизовавшіяся воды, покрывавшія нѣкогда Уралъ, также какъ высоты Финляндіи и Сибири, должны были представляться преимущественно въ формѣ фирновыхъ скопленій.

Конечная или крайняя сѣверная цѣпь Урала, на берегахъ Карскаго моря, посѣщается только бродячими туземцами, самоѣдами и остяками, и путешествія для изслѣдованія страны очень затруднительны въ тундрахъ, усѣянныхъ озерами и болотами, гдѣ единственныя мѣста, представляющія хоть какую-нибудь защиту отъ гуляющихъ на просторѣ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, это—крутые берега ручьевъ, да высокія, обросшія мхомъ, каменныя глыбы. Зуевъ былъ первый ученый путешественникъ, посѣтившій этотъ суровый, пустынный край—въ 1771 году. Кастренъ тоже прошелъ эту часть Урала которую послѣ него изучали, съ 1847 по 1850 годъ, Гофманъ и Ковальскій, затѣмъ въ новѣйшее время, именно въ 1876 году, Финшъ, Бремъ и Вальдбургъ-Цейль; но картографія страны еще далеко не окончена; бо́льшая часть горъ измѣрена лишь приблизительно, теченіе многихъ рѣкъ обозначено неопредѣленно, и даже не знаютъ положительно, вытекаютъ ли рѣки Кара, на западной покатости, и Щучья, на восточной, изъ одного и того же озера, въ пониженіи или долинѣ горной цѣпи. „Большіе Камни“ не составляютъ границы растительности между Европой и Азіей: на югѣ, въ поясѣ лѣсовъ, нижніе скаты принадлежатъ также къ области, характеризуемой елями [2]); на сѣверѣ тѣ же бѣлые и рыжіе мхи, тѣ же лишаи, тѣ же ползучія деревянистыя растенія застилаютъ и европейскую, и азіатскую тундру. Хотя, вообще говоря, Сибирь, на одинаковыхъ широтахъ, холоднѣе Европейской Россіи, однако

[1]) *Крапоткинъ*, Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества, 1878 г., № 7.

[2]) *Ruprecht*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1865, tome III.

разность температуръ оказывается въ пользу восточной стороны на Самоѣдскомъ Уралѣ. Деревья выдвигаются гораздо далѣе къ сѣверу въ бассейнѣ Оби, чѣмъ въ бассейнѣ Печоры [1]); зимній снѣгъ выпадаетъ тамъ въ несравненно меньшемъ количествѣ; слой его рѣдко достигаетъ такой толщины, чтобы оленямъ трудно было откапывать изъ-подъ снѣга мохъ. Подъ 66 градусомъ широты, Ковальскій проѣзжалъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ серединѣ зимы, по голой землѣ [2]). Бури, часто свирѣпствующія на западномъ скатѣ, чрезвычайно рѣдки на восточномъ. Съ обѣихъ сторонъ поясъ лѣсовъ ограничивается довольно рѣзко не простыми чащами приземистыхъ, ползучихъ деревцевъ, но настоящимъ густымъ и высокимъ кустарникомъ, гдѣ еще попадаются прекрасныя ели въ 3 и 4 сажени вышины, только наклоненныя къ югу отъ дѣйствія вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго моря. Тамъ и сямъ бродятъ дикіе сѣверные олени, еще довольно многочисленные въ области уральскихъ лѣсовъ, но рѣдкіе въ безлѣсныхъ пространствахъ тундры. Что касается лемминговъ, или „норвежскихъ кроликовъ“, то они водятся въ этой области Урала въ такомъ же множествѣ, какъ и въ Скандинавіи, и странствуютъ тамъ также безчисленными стадами. Съ конца мая до половины іюня эти мышеобразные грызуны переваливаютъ черезъ Уральскіе горы, идя съ востока, и направляются къ берегамъ Ледовитаго океана; осенью они опять возвращаются тѣмъ же путемъ на сибирскій склонъ [3]). Какъ во всѣхъ болотистыхъ мѣстностяхъ Сѣвера, поднимающіяся съ лужъ и всякихъ стоячихъ водъ тучи комаровъ и мошекъ, столь же жестокихъ, какъ москиты тропическихъ странъ, составляютъ истинный бичъ для путешественниковъ.

Область возвышенныхъ земель, отдѣляющихъ бассейнъ Волги отъ скатовъ, обращенныхъ къ Бѣлому морю, носитъ на себѣ слѣды пребыванія покрывавшихъ ее нѣкогда ледяныхъ слоевъ. Растаявъ, эти ледники образовали прѣсноводныя озера, которыя и нынѣ еще наполняютъ впадины страны и воды которыхъ поднимались прежде до гораздо болѣе значительнаго уровня, такъ какъ во многихъ мѣстахъ видны старые берега, лежащіе саженъ на десять и болѣе надъ водной поверхностью нынѣшнихъ озеръ. Изслѣдованіе геологическаго состава мѣстности доказываетъ, что морскія воды не покрывали этой области и что, слѣдовательно, никакого сообщенія не существовало, въ новѣйшія эпохи, между Балтійскимъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, какъ это допускали многіе геологи, когда еще не была достаточно изучена природа почвы. Соединеніе двухъ морей производилось косвеннымъ образомъ, черезъ посредство лабиринта озеръ и рѣкъ, которыя вытекали изъ этихъ бассейновъ въ разныхъ направленіяхъ или, смотря по колебаніямъ (подня-

[1]) *Шренкъ, Ковальскій, Гофманъ, Финшъ.*

[2]) *Ковальскій,* цитированное сочиненіе.

[3]) *Гофманъ* и *Шренкъ; Финшъ* и друг.

тіямъ и осѣданіямъ) почвы, либо просто по неравномѣрному наростанію моховыхъ болотъ, спускались въ своемъ теченіи то къ югу, то къ сѣверу. Только этимъ способомъ и можно объяснить обмѣны рыбъ и ракообразныхъ, происходившіе между двумя противоположными покатостями: тѣмъ же путемъ, безъ сомнѣнія, и тюлень vitulina—видъ, живущій нынѣ какъ въ Бѣломъ морѣ, такъ и въ большихъ озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ, могъ колонизовать эти внутреннія воды. Озеро Лача или Лаче, лежащее къ востоку отъ Онежскаго, также было населено прежде тюленями, какъ о томъ свидѣтельствуютъ кости этого вида ластоногихъ, находимыя на берегахъ. Нужно замѣтить, что вся сѣверная область, отъ водъ Волги до Бѣлоозера и до Шексны, представляютъ фауну существенно арктическую: только на Шекснѣ начинается животное царство, свойственное спеціально бассейну великой рѣки. Отчего происходитъ этотъ контрастъ, если не отъ измѣненія въ формѣ бассейновъ? Прежде, въ относительно недавнее время, озерная система верхней Волги отдавала излишекъ своихъ водъ Бѣлому морю; въ наши дни она посылаетъ его въ Каспійское. Въ этой области озера и рѣки переплетаются въ видѣ лабиринта; однако, тамъ встрѣчаются также и озерные бассейны, совершенно уединенные, самостоятельные. Всѣ они заключаютъ въ себѣ прѣсную воду, можетъ быть, потому, что окружающая почва не содержитъ соляныхъ частицъ, но вѣрнѣе потому, что различныя колебанія почвы часто смѣшивали воды озеръ, открывая имъ такимъ образомъ временный стокъ [1]).

Въ настоящее время озерные бассейны, лежащіе на покатости Бѣлаго моря, значительно уступаютъ по размѣрамъ большимъ озерамъ бывшей Ингріи, Онежскому и Ладожскому; однако и теперь еще тамъ насчитываютъ семь резервуаровъ, площадь которыхъ превышаетъ 450 квадр. верстъ. Приводимъ главныя озера бѣломорской покатости, съ указаніемъ ихъ площади, по Стрѣльбицкому:

	Кв. миль.	Кв. верстъ.	Кв. кил.
Сегъ (въ Олонецкой губерніи)	22,6	1095	1246
Топъ (въ Архангельской).	19,3	936	1065
Выгъ (въ Олонецкой)	15,6	757	861
Имандра (въ Лапландіи)	15,5	749	852
Кутно Среднее и Нижнее (въ Архангельской)	13,3	642	730
Ковдо (въ губ. Архангельской)	10,6	513	584
Пявъ или Пее (въ губ. Архангельской) .	10,2	492	560

Впрочемъ, нужно сказать, что поверхности тѣхъ бассейновъ, даваемыя географами, далеко не могутъ считаться достовѣрными или, по крайней мѣрѣ, очень близкими къ истинѣ. Карты большей части

[1]) *Schilling*, Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1875, № 60.

озеръ, ихъ мысовъ, острововъ, которыми они усѣяны, рѣкъ, которыя въ нихъ впадаютъ, уже своимъ видомъ и характеромъ очертаній изобличаютъ малое знакомство съ изображаемой мѣстностью. Даже на лучшихъ изъ нихъ совершенно недостаетъ той опредѣленности, отчетливости контуровъ, которыя характеризуютъ черты природы, изваянной геологическими дѣятелями. Всякому бросается въ глаза рѣзкій контрастъ, который представляютъ въ этомъ отношеніи карта Финляндіи и карта сосѣдней Архангельской губерніи. Съ финляндской стороны всѣ географическія линіи начерчены съ почти математической точностью; вы видите передъ собой вѣрное изображеніе, на которое любо смотрѣть и которое удовлетворяетъ геолога. Но какъ только перенесешь взоръ за пограничную линію, всѣ очертанія становятся неясными, неопредѣленными, расплывчатыми: природа здѣсь, такъ сказать, только предугадывается; она еще не разоблачена, съ нея еще не приподнята завѣса.

Рѣки, впадающія въ западную часть Бѣлаго моря, принадлежатъ географически къ Скандинавіи и Финляндіи: даже Кемь и Выгъ суть ни что иное, какъ стоки уступообразныхъ озеръ, наполняющихъ гранитные водоемы страны. Первый потокъ, представляющій законченную рѣку, Онега, носитъ то-же имя (означающее, по Европеусу [1]), „шумящій", отъ финскаго слова Aänis), какъ и большое озеро Невскаго бассейна, словно въ воспоминаніе того, что она беретъ начало во впадинѣ, нѣкогда бывшей общимъ вмѣстилищемъ всѣхъ этихъ внутреннихъ водъ. Озеро Лаче или Лача, изъ котораго вытекаетъ рѣка Онега, вѣроятно сообщалось прежде съ Онежскимъ озеромъ и отдѣлено отъ него только низменными землями, частію затопляемыми водой: само оно, наполовину наполненное отложеніями осадковъ, имѣетъ теперь только отъ 6 до 13 футовъ глубины, несмотря на его большое протяженіе, исчисляемое г. Стрѣльбицкимъ въ 321 кв. верстъ (365 кв. кил.). Каменистые пороги, на которыхъ лѣтомъ бываетъ мало воды, прерываютъ теченіе р. Онеги во многихъ мѣстахъ, даже въ небольшемъ разстояніи отъ устья, и дѣлаютъ плаваніе по ней затруднительнымъ.

Главная рѣка сѣверной Россіи—Двина, то-есть „рѣка" по преимуществу, какъ Донъ или Дунай, называемая „Сѣверною" въ отличіе отъ Западной Двины. Это могучая рѣка, бассейнъ которой равняется по пространству двумъ третямъ Франціи и общая длина которой, считаемая отъ истоковъ Вычегды до моря, превышаетъ полторы тысячи верстъ (1700 кил.) [2]). Самая многоводная рѣка, получающая начало въ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ, питается двумя большими притоками: на югѣ—Сысолой, а на сѣверѣ—Вымью, который черезъ волокъ сообщается съ гидрографической систе-

[1]) *Europäus*, Ueber das ugrische Volk.

[2]) По Стрѣльбицкому („Superficie de l'Europe"), длина Сѣв. Двины 576 кил.=540 в., а длина Вычегды 800 кил.=750 в.; итого 1,376 кил.=1,290 в. *Ред.*

мой Печоры. Одинъ изъ притоковъ Выми, Ворыква или Верква, частію течетъ подъ землей: верстахъ въ ста отъ своего истока эта рѣка, уже значительная, низвергается въ колодецъ, послѣ чего, верстахъ въ двадцати ниже, снова появляется на поверхности въ видѣ многочисленныхъ ручейковъ, которые и наполняютъ ея русло, имѣющее около 28 саженъ ширины; поверхностное теченіе продолжается безъ перерыва только во время весенняго разлива [1]). Главной вѣтвью считается, однако, не Вычегда: Двина получаетъ свое названіе при сліяніи Сухоны и Юга, притоковъ западнаго и южнаго, слѣдующихъ въ томъ же направленіи, какъ пути эмиграціоннаго движенія, по которымъ нѣкогда шли колонисты новгородскіе и московскіе. У мыса, образуемаго устьемъ Вычегды, Двина, судоходная для большихъ судовъ, имѣетъ уже около версты въ ширину; ниже, усиливаемая водами Ваги, Пинеги и множества другихъ рѣкъ, она разливается во многихъ мѣстахъ, особенно вверхъ отъ сѣти боковыхъ потоковъ, на обширное пространство, съ разстояніемъ между противоположными берегами отъ 3 до 7 верстъ. Въ самомъ Архангельскѣ ширина Двины не болѣе версты, но за то глубина передъ этимъ городомъ отъ 5 до 10 саженъ. Лѣтомъ, въ свѣтлыя ночи, когда вечерняя заря сливается съ утренней, мало найдется зрѣлищъ, болѣе величественныхъ, чѣмъ видъ этой широкой рѣки, созерцаемой съ плота, который тихо движется, увлекаемый безмолвнымъ потокомъ; вдали на горизонтѣ чуть виднѣется длинная полоса лѣсовъ, и громадный сводъ красноватаго неба отражается въ подернутой мелкой рябью поверхности воды.

Дельта Сѣверной Двины, которую наносы рѣки образовали въ Архангельской бухтѣ или губѣ, раскинулась на пространствѣ, соотвѣтствующемъ важности потока: она обнимаетъ площадь слишкомъ въ 1.000 квадратн. верстъ; ложныя рѣки, озера, болота, разсѣянныя среди земель, еще болѣе увеличиваютъ это огромное протяженіе. Четыре главные рукава, соединенные другъ съ другомъ боковыми потоками, перерѣзываютъ эти низменныя земли, мѣняя иногда направленіе и по очередно то увеличиваясь, то уменьшаясь во время столкновеній рѣчнаго теченія и морскаго прилива. Было время, когда западная вѣтвь имѣла наибольшую глубину; теперь она обмелѣла, и суда должны проходить другимъ фарватеромъ, гдѣ они находятъ, во время отлива, глубину отъ 8 до 12 футовъ. Значительныя перемѣны въ контурахъ островковъ и направленіи фарватеровъ происходятъ во время вскрытія рѣки, когда ледъ, уже разломанный въ верхнихъ частяхъ теченія, гдѣ весенняя температура выше и воды быстрѣе, скопляется большими массами у береговъ и на плитахъ еще нетронувшагося льда, которыя задерживаютъ плывущія льдины. Вслѣдствіе разрыва льда, крѣпко примерзшаго къ высокимъ каменистымъ

[1]) *Поповъ*, Зыряне и Зырянскій край. „Знаніе“, № 6.

берегамъ, куски известняка отрываются отъ скалы, поднимаются и отбрасываются на берега; во всю длину берега, возвышаются валы изъ обломковъ, которые не могли имѣть другаго происхожденія [1]). Ледоходъ еще уменьшаетъ и безъ того короткій промежутокъ времени, оставляемый зимою судоходству: среднимъ числомъ, Двина у Архангельска бываетъ скована льдомъ 191 день въ году; въ послѣднія два столѣтія среднимъ днемъ замерзанія рѣки было 23 октября, а среднимъ днемъ вскрытія— 2 мая [2]). Сѣверная Двина, не смотря на то, что воды ея болѣе полгода покрыты ледяной корой, очень богата рыбой: между прочимъ, въ ней водится одна порода, близко подходящая къ трескѣ—навага, которая исключительно свойственна этой рѣкѣ или, по крайней мѣрѣ, не была еще до сихъ поръ находима въ другихъ рѣкахъ. Стерлядь, прежде невстрѣчавшаяся въ Двинѣ, появилась впервые въ водахъ Архангельска около 1865 года, очевидно, благодаря Екатерининскому каналу, который соединяетъ впродолженіе значительной части года систему Камы-Волги съ системой Двины. Простой народъ, дивившійся при видѣ этой неслыханной рыбы, сначала пренебрегалъ ея мясомъ; но примѣръ русскихъ изъ болѣе южныхъ мѣстностей вскорѣ побудилъ туземцовъ-рыбаковъ ловить стерлядь, ее стали употреблять въ пищу, и она быстро поднялась въ цѣнѣ [3]).

Мезень, бассейнъ которой всецѣло заключенъ въ обширномъ полукругѣ, образуемомъ Сѣверною Двиною и ея восточными притоками, кажется незначительной рѣкой въ сравненіи съ главнымъ данникомъ Бѣлаго моря; однако, по своей длинѣ, протяженію своего бассейна и массѣ своихъ водъ, она равна Сенѣ: болѣе широкая, чѣмъ французская рѣка, она имѣетъ около версты въ ширину передъ впаденіемъ въ морской заливъ, усѣянный песчаными мелями, который открывается въ формѣ воронки къ сѣверо-западу. Подобно Сенской бухтѣ, Мезенская губа отличается ненормальными явленіями своихъ приливовъ. Среднимъ числомъ, приливъ длится только 4 часа, тогда какъ періодъ отлива вдвое продолжительнѣе; но приливъ сопровождается столь быстрымъ теченіемъ, что суда, стоящія въ рейдѣ, съ трудомъ удерживаются на своихъ якоряхъ.

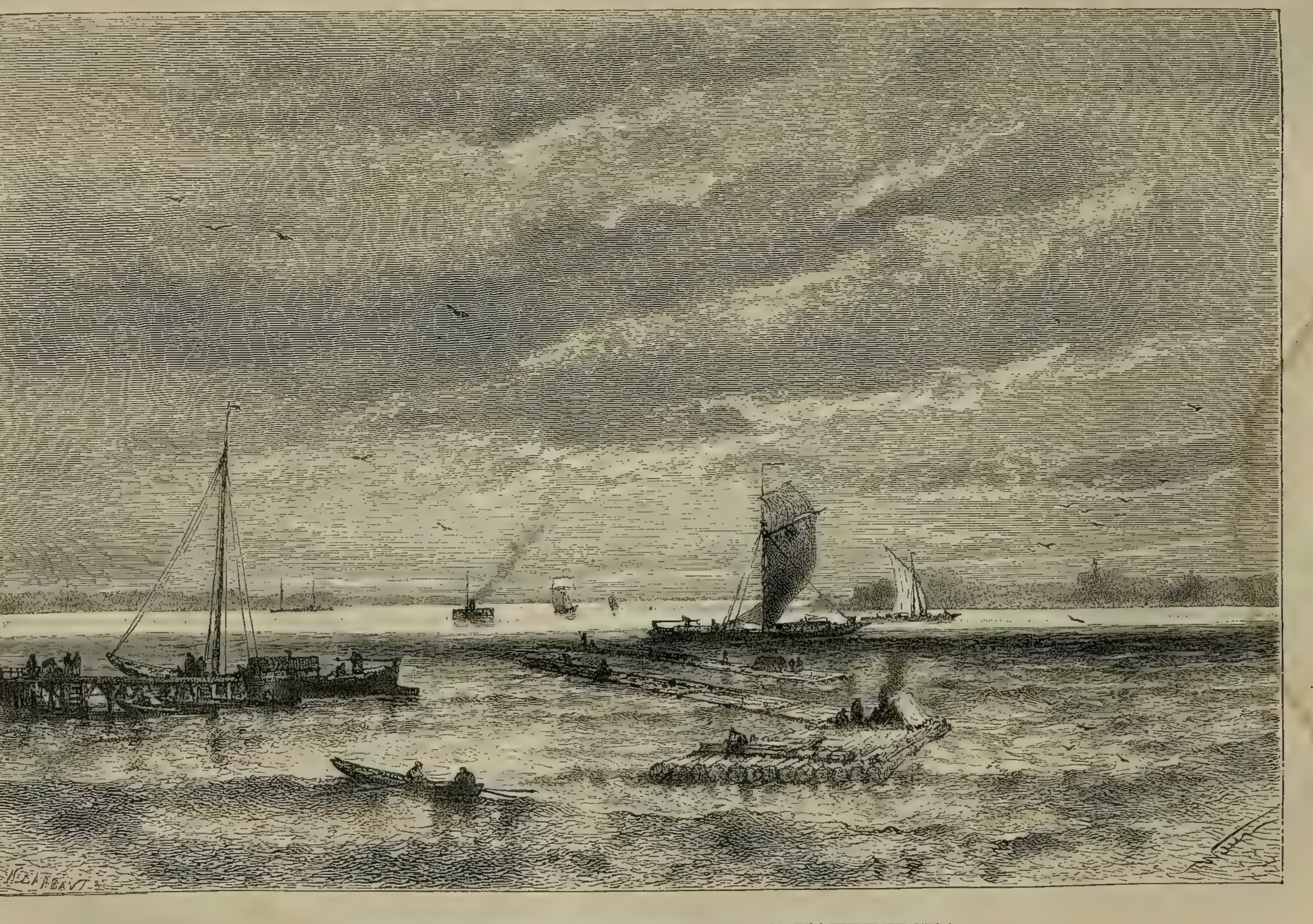
Что касается главной рѣки восточныхъ пустынь, Печоры, то она своею длиною превосходитъ Сѣверную Двину, хотя бассейнъ ея обнимаетъ менѣе значительное пространство. Въ началѣ она течетъ въ сѣверномъ направленіи вдоль основанія западныхъ отроговъ Урала, усиливаясь при выходѣ каждой боковой долины другими рѣками, изъ которыхъ назовемъ р. Щугоръ, берущую начало въ снѣгахъ горы Тель-Посъ-Исъ. Этотъ притокъ Печоры замѣчателенъ водопадомъ, который онъ образуетъ

---

[1]) *Murchison*, Russia and the Ural Mountains.

[2]) *Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи.

[3]) *Максимовъ*, Годъ на Сѣверѣ.

СѢВЕРНАЯ ДВИНА. ВИДЪ ВБЛИЗИ АРХАНГЕЛЬСКА.

въ верхней своей долинѣ, и тремя ущельями, извѣстными подъ именемъ „Желѣзныхъ Воротъ“, гдѣ утесы, разрѣзанные на громадные столбы вертикальными трещинами, отличаются поразительной бѣлизной. Послѣ принятія въ себя рѣки Усы, также питаемой снѣгами Уральскихъ горъ, Печора поворачиваетъ на западъ и течетъ извилистой линіей въ низменности, которая тянется немного южнѣе полярнаго круга, отъ Урала до Мезенской губы; затѣмъ она опять дѣлаетъ не менѣе крутой поворотъ, направляется къ сѣверу и впадаетъ въ Ледовитый океанъ, образуя обширную дельту длиною около 200 верстъ, гдѣ рукава рѣки переплетаются въ видѣ безконечнаго лабиринта вокругъ островковъ, островковъ и песчаныхъ мелей, мѣняющихъ форму и очертанія при каждомъ новомъ ледоходѣ. Песчаный баръ при входѣ въ судоходный фарватеръ даетъ доступъ въ рѣку только небольшимъ судамъ, имѣющимъ менѣе 13 футовъ водоуглубленія. Въ области дельты рѣка бываетъ свободна отъ льдовъ, среднимъ числомъ, только 127 дней въ году, съ 25 мая по 1 октября. Нельзя не удивляться значительной торговлѣ (лѣсомъ, хлѣбомъ, товаромъ пушнымъ), которая производится по этой рѣкѣ полярныхъ странъ, такъ долго скованной льдомъ и прерываемой порогами въ нѣкоторой части своего теченія. Малочисленное населеніе Печорскаго края, состоящее изъ русскихъ, зырянъ, самоѣдовъ, все сосредоточено на берегахъ рѣки, въ маленькихъ деревушкахъ и поселкахъ, лежащихъ въ большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Земли, принадлежащія различнымъ рыболовнымъ товариществамъ, тянутся, въ каждомъ такомъ владѣніи, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ, вдоль Печоры и на островахъ Ледовитаго океана. Русскіе промышленники, образовавшіе товарищество для ловли бѣлаго дельфина, какъ разсказываетъ извѣстный путешественникъ проф. Норденшельдъ, удѣляютъ десятую долю улова св. угоднику Николѣ Пустозерскому, подъ покровительство котораго они отдаютъ свое предпріятіе [1]).

Главныя рѣки покатости Ледовитаго океана:

	Длина [2]).		Площадь бассейна [3]).	
	кил.	верстъ.	кв. кил.	кв. верстъ.
Онега	341	320	59,343	52,146
Сѣверная Двина . . .	1,376	1,290	365,373	321,061
Мезень	799	748	78,759	69,206
Печора	1,483	1,380	329,497	289,535

Море, омывающее берега Архангельской губерніи, глубоко врѣзывается въ материкъ многочисленными бухтами, даже внутренними заливами,

---

[1]) *Баронъ Норденшельдъ*, Письма къ Оскару Диксону, 7 августа 1878 г.

[2]) и [3]) Исправлены по „Superficie de l'Europe“ Стрѣльбицкаго. *Ред.*

*

съуженными при входѣ выступающими съ обѣихъ сторонъ высокими мысами. Какъ на одинъ изъ заливовъ, наилучше отдѣленныхъ отъ моря, можно указать на Печорскую губу. Низменная коса развертываетъ свою правильную кривую на сѣверо-западѣ залива и продолжается цѣпью островов, которая выступаетъ на встрѣчу другому береговому кордону, подобному *lidi* Адріатическаго моря и *Nehrungen* прусскаго побережья. При входѣ въ Бѣлое море, въ островѣ Моржовецъ также легко узнать остатокъ морскаго прибрежья, составлявшаго продолженіе правильной линіи, образуемой по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку берегомъ Лапландіи и берегомъ, окаймляющимъ Мезенскую губу. Впрочемъ, теченіе Мезени, Сѣверной Двины, Онеги, наконецъ, вся часть Бѣлаго моря, простирающаяся отъ Онежской губы до Кандалакской, оріентированы въ одномъ и томъ же направленіи: эта параллельность направленія составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей географіи сѣверной Россіи.

Бѣлое море, это обширное внутреннее море, поверхность котораго (съ островами) исчислена г. Стрѣльбицкимъ въ 84,100 кв. кил. = 1527,4 кв. м. = 73,901 квадр. верстъ [1]), должно быть во многихъ отношеніяхъ разсматриваемо, какъ озеро или какъ совокупность озеръ, соединенныхъ съ Ледовитымъ океаномъ: узкій проходъ или „корридоръ", огибающій Лапландскій берегъ, сдѣлалъ этотъ бассейнъ заливомъ соленой воды, сохранивъ за нимъ, однако, независимый характеръ по виду и формѣ его береговъ, также какъ по рельефу его дна. Такъ, напримѣръ, Бѣлое море глубже открытаго океана, съ которымъ воды его теперь сообщаются. Глубина его при входѣ не превышаетъ 20 или 25 саженъ, тогда какъ на западной оконечности, близъ внутренняго угла Кандалакской губы, лотъ касается дна только на разстояніи слишкомъ 140 саженъ отъ поверхности. Заливъ, который можно бы было назвать Онежскимъ „озеромъ", подобно озеру этого имени, принадлежащему къ бассейну Невы, имѣетъ незначительную глубину (она нигдѣ не достигаетъ 37 саженъ) и отдѣленъ отъ главнаго бассейна группой Соловецкихъ островов; кромѣ того, нѣсколько островов и множество островковъ выступаютъ изъ воды въ этомъ внутреннемъ заливѣ. По всей вѣроятности, въ эпоху, когда Бѣлое море было озеромъ, подобнымъ Ладожскому и Онежскому, оно находилось на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ въ наши дни, и изливало свои излишнія воды въ Ледовитый океанъ черезъ рѣку, составлявшую продолженіе Сѣверной Двины. Колебанія почвы, вѣроятно, дали возможность морскимъ водамъ вторгнуться въ озерной бассейнъ и превратить рѣку въ проливъ. Высота входнаго порога не позволяетъ теченію

[1]) Этими цифрами замѣнены приведенныя въ соч. Реклю, именно 122,000—123,000 кв. кил. *Ред.*

уноситъ илъ и песокъ въ открытое море, вслѣдствіе чего внутренняя впадина залива постоянно наполняется новыми отложеніями землистыхъ осадковъ: какъ ни глубоко нынѣ Бѣлое море, но прежде бассейнъ его былъ гораздо глубже. Что касается степени солености воды, то она менѣе значительна, чѣмъ въ открытомъ океанѣ: дожди, снѣга и въ особенности массы прѣсной воды и льдовъ, приносимыя Двиной, Онегой, Мезенью и другими притоками, уменьшили на треть, на четверть или на пятую часть, смотря по отдаленности отъ Ледовитаго океана, содержаніе соляныхъ частей въ водахъ Бѣлаго моря [1]). Однако и теперь еще добываютъ немного соли на туманныхъ берегахъ этого внутренняго моря, причемъ теплота огня замѣняетъ солнечную теплоту для выпариванія соленой воды; впрочемъ, правительство дозволяетъ прибрежнымъ жителямъ пользоваться лишь въ ограниченномъ размѣрѣ топливомъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Въ 1875 году производство соли на берегахъ Бѣлаго моря дало около 80,000 пудовъ.

По круговращенію своихъ водъ, Бѣлое море также принадлежитъ къ океану, и теченія его должны быть разсматриваемы какъ боковыя струи. Широкій потокъ океанійской воды безпрестанно проникаетъ въ это внутреннее море, слѣдуя вдоль западныхъ береговъ входнаго пролива и достигая иногда скорости слишкомъ четырехъ верстъ въ часъ [2]). Г. Миддендорфъ приписываетъ этимъ водамъ, приходящимъ изъ океана, значительное вліяніе на среднюю температуру бассейна Бѣлаго моря; онѣ принадлежатъ, по его мнѣнію, къ теплому теченію, которое движется изъ тропическихъ морей въ полярныя страны: иногда можно наблюдать разность въ 12 градусовъ стоградуснаго термометра между температурой этого теченія и температурой окружающихъ водъ. Теплая вода, текущая съ сѣвера и гонимая въ заливъ вѣтрами, дующими изъ полярныхъ областей, объясняетъ, между прочимъ, одно странное явленіе, которое прежде оставалось загадкой для всякаго, кому случалось купаться на Сузёмскомъ берегу, къ западу отъ Архангельска. Лѣтомъ, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣвера, сѣверо-востока или сѣверо-запада, температура воды у береговъ быстро повышается и доходитъ иной разъ до 21° Цельзія; напротивъ, подъ вліяніемъ теплыхъ южныхъ вѣтровъ вода охлаждается до такой степени, что термометръ показываетъ тамъ только 5 градусовъ. Это же теплое теченіе, идущее отъ такъ называемаго „Зимняго берега“, растопляетъ весной ледъ въ Архангельской бухтѣ гораздо ранѣе, чѣмъ Онежская губа, лежащая, однако, гораздо южнѣе, освободится отъ сковывающей ее ледяной коры. Въ заливѣ Варангеръ-фьордъ, на границахъ Норвегіи и Россіи, замѣчаются явленія того же рода, только въ меньшемъ

[1]) *Knauss*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétesbourg, II, 1860.

[2]) *Литке*, Четырехкратное путешествіе въ Ледовитый океанъ.

размѣрѣ: тамъ боковой потокъ, отдѣляющійся отъ площади теплыхъ водъ, проникаетъ въ заливъ, слѣдуя вдоль восточнаго берега, тогда какъ холодное теченіе, выходящее изъ фьорда, направляется къ открытому морю, двигаясь параллельно западному берегу [1]). Впрочемъ, изслѣдованіе теченій Бѣлаго моря едва только началось, и потому противорѣчащія одна другой теоріи, предложенныя для объясненія ихъ, могли основываться на отдѣльныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ въ разное время года. Одинъ изъ фактовъ, окончательно констатированныхъ—это низкая температура воды въ глубокихъ слояхъ. На глубинѣ, превышающей 650 футовъ, вода круглый годъ держится на точкѣ замерзанія [2]).

Но каково бы ни было вліяніе тропическаго теченія въ полузамкнутомъ бассейнѣ Бѣлаго моря, оно во всякомъ случаѣ незначительно въ сравненіи съ вліяніемъ, обнаруживающимся на сѣверныхъ берегахъ русской Лапландіи, граничащихъ съ норвежскимъ Финмаркеномъ. Между тѣмъ, какъ заливы Архангельскій и Онежскій бываютъ заперты сплошнымъ или плавающимъ льдомъ впродолженіе двухъ третей года; между тѣмъ, какъ сторожа маяка на островѣ Моржовецъ, между Мезенской губой и проливомъ Бѣлаго моря, остаются отрѣзанными отъ всякаго сообщенія съ твердой землей съ октября до мая,—многіе фьорды и порты Лапландскаго берега цѣлый годъ свободны отъ всякихъ льдовъ. Русскимъ нѣтъ надобности домогаться расширенія владѣній на счетъ Норвегіи, чтобы обезпечить рыболовамъ постоянно открытыя, никогда незамерзающія гавани: по крайней мѣрѣ одна изъ этихъ гаваней, защищенная на сѣверѣ полуостровомъ Рыбачьимъ, находится на русской территоріи. Рыба въ огромномъ количествѣ посѣщаетъ эти берега, не менѣе богатые животною жизнью, чѣмъ норвежскіе фьорды; треска ловится десятками тысячъ тоннъ (1 тонна=62 пуд.) въ русскихъ водахъ; вообще рыба водится тамъ въ такомъ изобиліи, что ея достаточно было бы для прокормленія всего населенія Европы. Бѣлое море также участвуетъ въ обладаніи этимъ богатствомъ, и множество морскихъ животныхъ, преимущественно тюлени, странствуютъ, смотря по времени года, изъ океана во внутреннее море, или изъ этого моря обратно въ океанъ. Рыболовная промышленность и познакомила мореходовъ съ опасностями плаванія въ Бѣломъ морѣ, нѣкогда столь страшнымъ для норвежцевъ, которые прозвали его Gandvik, что значитъ „Заливъ Чудесъ". Самыя имена всѣхъ сѣверныхъ странъ, прилегающихъ къ морю, свидѣтельствуютъ, что образъ жизни туземнаго населенія имѣетъ существенно морской характеръ: вездѣ мѣстности или области называются не по имени городовъ, холмовъ, рѣкъ или озеръ, а по имени ихъ морскихъ береговъ, какъ будто ихъ видѣли только со

---

[1]) *Von Middendorff*, Der Golfstrom ostwärts vom Nordcap, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1871.

[2]) *Григорьевъ*, Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества, 1879 г.

стороны моря. На сѣверѣ отъ Архангельска, берегъ, называемый „Зимнимъ", продолжается до пролива, соединяющаго Бѣлое море съ океаномъ, а на западѣ обрисовывается „Лѣтній берегъ". Далѣе слѣдуютъ берега: Поморскій и Карельскій. Терскій берегъ составляетъ восточную часть полуострова Лапландіи, тогда какъ весь поясъ земель, обращенный къ Арктическому океану, извѣстенъ у прибрежныхъ жителей подъ именемъ Мурманскаго берега (то есть Норманскаго), названнаго такъ въ память первыхъ посѣтившихъ его мореходовъ. При входѣ въ одну маленькую бухту этого берега, находится островокъ Нокуевъ, пріобрѣвшій печальную извѣстность съ 1554 года, вслѣдствіе гибели на немъ Уиллугби и его спутниковъ [1]). Другой островокъ, Сосновецъ, лежащій въ „корридорѣ" (проливѣ, соединяющемъ Бѣлое море съ океаномъ), у Терскаго берега, противъ послѣдняго лѣса Лапландіи [2]), замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь была станція союзнаго англо-французскаго флота во время Крымской войны. Въ Кандалакской губѣ островъ, называемый „Медвѣжьимъ", имѣлъ въ прошломъ столѣтіи довольно важное значеніе, благодаря своимъ серебрянымъ рудникамъ, разработка которыхъ вдругъ прекратилась, когда саксонецъ Шомбергъ, управлявшій работами, былъ арестованъ по приказанію императрицы Елизаветы Петровны [3]).

Большой полуостровъ массивной формы, ограничиваемый съ южной стороны Кандалакской губой, принадлежитъ этнографически къ области финской расы. Славяне представлены тамъ лишь нѣсколькими группами рыболововъ, да и финны въ собственномъ смыслѣ, — всѣ карельской отрасли этого племени, — поселились только на отдѣльныхъ пунктахъ южнаго прибрежья, по берегамъ Кандалакской губы. Впрочемъ, высокій ростъ нѣкоторыхъ лопарей, ихъ густая рыжая борода, ихъ нравы и обычаи и даже многія слова ихъ языка ясно показываютъ, что славяне также были въ числѣ предковъ восточныхъ лапландцевъ. Послѣдніе въ общихъ чертахъ похожи на „самовъ" (лапландцевъ) Швеціи и Норвегіи; однако, они стоятъ на болѣе низкой ступени цивилизаціи, и путешественники говорятъ, что умственныя способности у нихъ менѣе дѣятельны, чѣмъ у ихъ земляковъ, живущихъ на западъ отъ рѣкъ Тана-эльфъ и Муоніо-эльфъ: можетъ быть, эту вялость ума слѣдуетъ отчасти приписать продолжительнымъ постамъ, налагаемымъ православной цер-

---

[1]) Три англійскіе корабля, отправленные въ Ледовитый океанъ для отысканія новаго пути въ Индію, были застигнуты бурей и разлучены; два изъ нихъ у Мурманскаго берега замерзли со всѣмъ экипажемъ и съ начальникомъ экспедиціи, Уиллугби. Лапландскіе рыбаки нашли мертваго Уиллугби сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Третій корабль, подъ командой Ченслера, вошелъ въ Бѣлое море и присталъ къ устью Двины. *Перев.*

[2]) Академ. *Бэръ*; *Миддендорфъ*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches.

[3]) *Goebel*; *von Helmersen*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1868, № XII.

ковью, равно какъ и вынужденному воздержанію въ періоды безхлѣбицы. Такъ, напримѣръ, лопари становища Поной, при устьѣ рѣки того же имени, и близъ восточной оконечности полуострова, собираютъ родъ мучнистой земли, состоящей сплошь изъ пластинокъ слюды, и примѣшиваютъ эту землю къ тѣсту, не для того, конечно, чтобы увеличить питательность хлѣба, а для того, чтобы обмануть голодный желудокъ [1]). Впрочемъ, во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ у русскихъ, также какъ у лопарей и самоѣдовъ, вездѣ, гдѣ суровость климата мѣшаетъ созрѣвать хлѣбамъ, обычная пища крестьянъ въ зимнее время состоитъ въ значительной части изъ моха, древесной коры и лебеды, горькой и нездоровой травы. О климатѣ этихъ странъ можно судить по языку лопарей, который содержитъ цѣлыхъ 20 словъ для означенія льда, 11 словъ для выраженія разныхъ степеней холода, 41 слово съ производными—для снѣга, 26 глаголовъ для обозначенія явленій мороза и оттепели [2]).

Лопари полуострова сдѣлались христіанами, въ томъ смыслѣ, что они были крещены въ шестнадцатомъ столѣтіи русскими монахами, которые въ то же время ввели крѣпостное право въ Лапландіи, такъ какъ, по ихъ ходатайству, къ монастырямъ были приписаны населенія цѣлыхъ округовъ. Нынѣ православные, лопари принятіемъ христіанства только увеличили число своихъ боговъ, прибавивъ къ нимъ одно „милостивое божество", Іисуса Христа, и одну „страшную силу", дьявола, „царя преисподней". Были даже напечатаны русскими буквами книги духовнаго содержанія, и лопари нѣкоторыхъ становищъ выучились читать ихъ. Однако, туземцы до сихъ поръ еще имѣютъ у себя волшебниковъ или шамановъ и почитаютъ груды камней, кости, ископаемыя, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, обитаютъ духи [3]). Бракъ, какъ у многихъ туранскихъ народцевъ, сохранилъ формы первобытнаго похищенія со всѣмъ его грубымъ насиліемъ: обычай требуетъ, чтобы невѣста отбивалась, испускала раздирающіе крики. Затѣмъ, когда ее окончательно уводятъ изъ родительскаго дома, отецъ передаетъ жениху свои права неограниченной власти, въ томъ числѣ и право даже, въ случаѣ надобности, „выжечь глаза жертвѣ". Новобрачную привязываютъ въ новомъ домѣ, какъ „дикаго оленя"; но, послѣ нѣсколькихъ притворныхъ ударовъ, мужъ развязываетъ ей путы и посвящаетъ ее въ званіе „хозяйки" и „матери хлѣба" [4]). Жена командуетъ дѣтьми и рѣшаетъ браки [5]), почти всегда внушаемые корыстолюбивымъ разсчетомъ: часто случается, что молодые пар-

---

[1]) *C. Schmidt*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, vol. XVI, 1871.

[2]) *Gust. v. Düben*, Lappland och Lapparne.

[3]) *Castrèn*, Reise-Erinnerungen aus den Jahren 1838—1844.

[4]) *Немировичъ-Данченко*, *В. И.* У океана. Жизнь на крайнемъ Сѣверѣ.

[5]) *Gust. v. Düben*, выше цитированное сочиненіе.

ни 18 или 20 лѣтъ женятся на 60-ти лѣтнихъ старухахъ. Каждый лопарь имѣетъ свой особенный знакъ, свой штемпель, подобный *тотему* краснокожихъ индѣйцевъ: при его рожденіи, этимъ знакомъ отмѣчаютъ оленя, который предназначается ему въ собственность, и тѣмъ же знакомъ онъ будетъ клеймить впослѣдствіи, когда выростетъ, всѣ принадлежащія ему вещи [1]). Вообще, лопари очень смирный народъ; взглядъ лопаря имѣетъ печальное выраженіе, какъ взглядъ побѣжденнаго человѣка, но они остались добродушными: они очень любятъ миръ, не смотря на то, что у нихъ сохранились преданія о войнахъ, которыя вели ихъ предки съ карелами. Продолжается ли миръ на землѣ?—таковъ первый вопросъ, съ которымъ лопари обращаются ко всякому заѣзжему человѣку. Русскіе путешественники говорятъ, что эти инородцы стоятъ гораздо выше своихъ сосѣдей по чистотѣ нравовъ, деликатности чувствъ, честности жизни, хотя сношенія съ русскими и „норманнами“ уже порядкомъ испортили ихъ. Лопари походятъ на своихъ сосѣдей, русскихъ мужиковъ, только одеждой да склонностью къ пьянству. Они очень заботятся о своей особѣ и наружности, довольно чистоплотны и тщательно моются, даже зимой. Хотя вся территорія раздѣлена на отдѣльные участки, и хотя каждая семья или каждый родъ отлично знаетъ земли, рѣки, лѣса, которые ему отведены и которые онъ посѣщаетъ поочередно, смотря по надобностямъ охоты и рыбной ловли,—однако богатые лопари охотно принимаютъ въ свое становище обѣднѣвшихъ членовъ семейства, друзей и даже чужихъ, такъ какъ гостепріимство составляетъ одну изъ главныхъ нравственныхъ обязанностей лопаря.

Вплоть до самыхъ береговъ Ледовитаго океана между лопарями, становища которыхъ разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ морскаго прибрежья, всѣ мужчины умѣютъ говорить по русски; но женщины, почти всегда занятыя по хозяйству внутри своихъ вѣжъ, едва знаютъ нѣсколько словъ на этомъ чужомъ для нихъ языкѣ. Правда, лопари-рыболовы почти всѣ живутъ въ работникахъ у русскихъ промышленниковъ, которые держатъ ихъ въ постоянной кабалѣ, въ состояніи зависимости, граничащей съ рабствомъ; русскихъ купцовъ въ краѣ обыкновенно такъ и называютъ „хозяевами“. Эти-то хозяева платятъ подати за лопарскія общества и доставляютъ имъ въ кредитъ все, въ чемъ они нуждаются; но эти долги становятся наслѣдственными, и все, что принадлежитъ лопарямъ, напередъ уже составляетъ собственность купца. „Самы“ внутренней Лапландіи, которые живутъ по берегамъ озеръ, въ подземныхъ убѣжищахъ, отстоящихъ одно отъ другаго верстъ на 50 или даже на 100 и защищенныхъ обширнымъ протяженіемъ пустынныхъ тундръ, еще не попали въ непо-

---

[1]) *Александра Ефименко*, „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества“, по отдѣленію этнографіи, VIII.

средственную кабалу къ русскимъ купцамъ, но они сдѣлались подданными, какъ всѣ другіе обитатели Имперіи; они платятъ подати и должны выкупать своихъ сыновей отъ воинской повинности. Одинъ древній письменный памятникъ свидѣтельствуетъ, что народъ лопь былъ уже данникомъ Великаго Новгорода въ началѣ одиннадцатаго столѣтія.

Извѣстно, что лопари прежде занимали большую часть сѣверныхъ равнинъ Россіи на югѣ и на востокѣ отъ полуострова, на который они теперь оттѣснены. Лѣтописи упоминаютъ ихъ племена или роды на берегахъ Онежскаго озера, уже за семь сотъ лѣтъ до нашей эпохи. Въ бассейнѣ Сѣверной Двины нѣкоторыя имена мѣстъ, гдѣ встрѣчаются лопарскія названія, означающія „рѣку", „ручей", „островъ", „лѣсъ" и другіе географическіе предметы, также свидѣтельствуютъ, что лопари обитали нѣкогда въ этой странѣ, прежде чѣмъ удалились на западъ отъ Бѣлаго моря. Самое названіе „самоѣды" (самоядь), гдѣ сохранился корень „самъ", который есть наименованіе лопарей, указываетъ, можетъ быть, на то, что нынѣшніе жители восточныхъ равнинъ считаются наслѣдниками лопарей [1]. Карелы, нынѣ очень малочисленные въ сосѣдствѣ съ берегомъ Бѣлаго моря, носящимъ ихъ имя, тоже были въ числѣ преемниковъ народа лопь, и слѣды ихъ находятъ почти на всей сѣверной покатости. Русскій языкъ жителей Архангельской губерніи содержитъ множество словъ и даже оборотовъ, заимствованныхъ изъ финскаго [2]. По всей вѣроятности, финны-карелы нѣкогда были, вмѣстѣ съ зырянами, извѣстны подъ общимъ именемъ біармійцевъ (пермь), о которыхъ упоминаютъ средневѣковыя хроники и скандинавскія саги и о которыхъ норманскіе мореходы, вступавшіе съ ними въ торговыя сношенія, говорятъ,—вѣроятно, съ преувеличеніемъ,—какъ о народѣ богатомъ, могущественномъ, цивилизованномъ, знакомомъ съ земледѣліемъ и промышленными искусствами.

Артели или товарищества рыболовныя и звѣроловныя, существующія въ большей части общинъ поморовъ, великорусскихъ жителей Архангельской губерніи, употребляютъ преимущественно промысловые термины карельскаго происхожденія, изъ чего можно заключить, что населявшіе страну финны соединялись въ подобныя ассоціаціи уже до прибытія русскихъ въ край. Форма этихъ артелей разнится, смотря по роду труда и тысячѣ различныхъ обстоятельствъ среды, но почти вездѣ дѣлежъ производится равными долями между всѣми членами артели. Во многихъ мѣстахъ вся община организуетъ рыбную ловлю и распредѣляетъ группы работниковъ вдоль моря или рѣкъ такъ, чтобы для всѣхъ уравнять шансы; тѣ, которые остаются въ деревняхъ для исправленія домашнихъ работъ, получаютъ одинаковую долю съ рыболовами. Но долги, въ которые

---

[1]) *Ch. de Ujfalvy*, Mélanges altaïques.

[2]) *Кастренъ*, выше цитированное сочиненіе; *Europäus*, Ueber das ugrische Volk.

впали общины и отдѣльныя семьи, дѣлая займы сначала у монастырей и епископовъ холмогорскихъ, потомъ у мірянъ-купцовъ, ввели разстройство въ эти поморскія артели, и въ среду ихъ мало по малу прокрадывается неравенство между членами[1].

На востокѣ отъ Бѣлаго моря самоѣды представляютъ, какъ лопари на западѣ, древнее финское племя, поставленное лицомъ къ лицу съ постепенно распространяющимися славянами; но во многихъ отношеніяхъ они рѣзко отличаются отъ своихъ соплеменниковъ. По наружности, самоѣды ближе подходятъ къ монгольскому типу: лицо у нихъ болѣе широкое и болѣе плоское, лобъ менѣе высокій. Антропологъ Зографъ помѣщаетъ ихъ между коротkоголовыми монголами[2], тогда какъ Кастренъ видитъ въ нихъ народъ, происшедшій отъ смѣшенія финновъ и монголовъ[3]. Сами себя они называютъ „ненецъ" (въ множественномъ числѣ „неца"), что значитъ „люди", или „хассовъ" („хассова"), то-есть „мужчины". Русское наименованіе ихъ „самоядь", или „самоѣды", подало поводъ къ многочисленнымъ баснямъ; во многихъ старинныхъ письменныхъ памятникахъ ихъ называютъ, какъ и лопарей, „сыроѣдами" или „сыроядцами",—безъ сомнѣнія, потому, что они ѣдятъ сырое мясо. Это названіе имѣетъ почти тотъ же смыслъ, какъ и наименованіе „эскимосы", принадлежащее обитателямъ крайняго сѣвера въ Новомъ Свѣтѣ, которые, находясь въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, естественно должны были принять подобный же образъ жизни.

Какъ настоящіе азіатскіе номады, самоѣды ведутъ еще болѣе бродячую жизнь, чѣмъ оленные лопари, и охотно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто при малѣйшей оказіи; ихъ часто можно встрѣтить даже въ русскихъ городахъ и селахъ; но они съ трудомъ выучиваются языку господствующей народности; оставаясь еще азіатами по нравамъ, они гораздо менѣе, нежели лопари, приспособились къ средѣ, создаваемой вокругъ нихъ торговыми сношеніями. Русскіе давно уже крестятъ самоѣдовъ, начавъ съ самыхъ богатыхъ, и строятъ имъ церкви—постоянныя тамъ, гдѣ эти инородцы сидятъ попрочнѣе (напримѣръ, на устьяхъ Печоры, на о. Колгуевѣ), и вывозятъ въ тундру походныя церкви; на ихъ языкъ даже переведенъ Новый Завѣтъ. Самоѣды называютъ себя христіанами и очень любятъ звонить на колокольнѣ; но старый фетишизмъ съ примѣсью обрядовъ шаманства еще далеко не исчезъ между ними: на шеѣ они, говоритъ г. Максимовъ, носятъ крестъ, чтобы показывать на-

---

[1]) *П. Ефименко*, Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи.—Сборникъ свѣдѣній объ артеляхъ, I, II.—*Калачевъ*, Артели въ древней и новой Россіи.

[2]) Московск. Антропол. выставка 1879 г. Въ „Изв. Имп. общ. естеств., антропологіи и этнографіи".

[3]) *Кастренъ*, выше цитированное сочиненіе.

чальству, а за пазухой держатъ деревянныя чурочки боговъ, грубо сдѣланныя на подобіе человѣка; такихъ же божковъ они становятъ у снастей, настороженныхъ на пушнаго звѣря, и при счастливомъ ловѣ тычутъ имъ въ ротъ кусочки оленьяго мяса, а при неудачѣ—бьютъ и сѣкутъ прутьями. Въ отдаленныхъ округахъ, именно въ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ, они еще обожаютъ *хеги*, камни причудливой формы, грубо сдѣланныхъ идоловъ, вѣрятъ въ духовъ *(тадебціи)* и въ главныхъ боговъ, добраго Нума, который охраняетъ скотъ и даетъ жизнь, и злаго Весако, мужа земли Хадако, „могучей матери". Приношенія состоятъ изъ оружія и различныхъ орудій; вокругъ жертвенника навалены кучи стараго желѣза, негодныхъ, иззубренныхъ топоровъ, даже старыхъ дудокъ. Иногда богамъ приносятъ въ жертву медвѣдей, но чаще всего закланіе совершается надъ оленями, которыхъ жрецы, или *тадибеи*, удавливаютъ передъ идоломъ и мясо которыхъ они съѣдаютъ въ компаніи съ народомъ; головы жертвенныхъ животныхъ выставляются на воткнутыхъ въ землю шестахъ, вокругъ истукана, и обращены лицомъ къ востоку, когда онѣ посвящены доброму богу, и къ западу—если жертва приносится въ честь злаго бога. Чтобы умилостивить и задобрить божество, самоѣды не только даютъ ему отвѣдать крови жертвъ, но даже вливаютъ ему въ ротъ водку [1]). Тадибеи или шаманы выдаютъ себя за посредниковъ между богами и людьми и, при помощи бубна и чародѣйской палки, вступаютъ въ бесѣду съ духами. Шаманъ долго ударяетъ въ бубенъ, дико кричитъ, кружится, колотитъ себя по головѣ, чтобы придти въ экстазъ, и, наконецъ, падаетъ въ изнеможеніи, корчится, валяясь по полу, тяжело дышетъ: въ это время, по понятіямъ всѣхъ бродячихъ народцевъ, на землѣ появляются невидимые духи, чтобы выслушать какую нибудь просьбу дикарей. Нѣкоторые шаманы въ изступленіи доходятъ до того, что бьютъ себя въ мягкія части какимъ нибудь оружіемъ, напримѣръ ножемъ.

Когда англійскій мореплаватель Борро посѣтилъ въ 1556 году Вайгачъ, священный островъ самоѣдовъ, онъ видѣлъ тамъ, на сѣверной оконечности, четыреста-двадцать идоловъ, представлявшихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сгруппированныхъ вокругъ большаго истукана Весако съ семью лицами. Въ 1594 году голландецъ Най опять видѣлъ этотъ „мысъ идоловъ" (Afgoden Hoek), одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ мысовъ, которые получили отъ русскихъ прозвище „Болванскій Носъ"; затѣмъ, мореплаватель Ивановъ, пристававшій къ острову въ 1824 году, тоже отыскалъ чудовищныя изваянія, описанныя у Борро. Послѣ того они были повалены и сожжены ревностными миссіонерами, и теперь на высшей точкѣ мыса водруженъ крестъ; но русскіе торговцы поморья говорятъ, что обломки этихъ священныхъ изображеній были сохранены, и

[1]) *Nordenskjöld*, Expédition polaire suédoise, 1878; Этнографическій Сборникъ, IV.

мѣсто жертвоприношеній находится нынѣ въ одной сосѣдней пещерѣ, недавно посѣщенной проф. Норденшельдомъ. Жертвенники и сто идоловъ, существовавшіе въ Козьминскомъ стойбищѣ самоѣдовъ, верстахъ въ двадцати отъ города Мезени, тоже были сожжены [1]); но, не смѣя болѣе, изъ боязни русскихъ, воздвигать большихъ идоловъ, видимыхъ издалека, самоѣды дѣлаютъ себѣ уродливыя куклы и чурки, которыя они прячутъ въ своихъ чумахъ или подъ одеждой, подобно тому какъ въ другихъ странахъ амулеты и медали, носимые на тѣлѣ, замѣняютъ изображенія боговъ и святыхъ.

Отечество „самояди", этого бѣднаго остатка нѣкогда могущественнаго племени, обнимаетъ обширнѣйшую территорію: отъ Бѣлаго моря до пространствъ, лежащихъ за Енисеемъ, и отъ береговъ Ледовитаго океана до основанія Алтайскихъ горъ, откуда пришли ихъ предки, мы находимъ самоѣдскія семейства. Оттѣсненные, вѣроятно, побѣдителями тюркскаго племени, они спустились къ сѣверу, слѣдуя по теченію рѣкъ, и поселились на берегахъ Полярнаго моря; далеко на югѣ отъ ихъ нынѣшней территоріи, Средній Уралъ еще носитъ самоѣдскія названія [2]). Семья юраковъ, къ которой принадлежатъ самоѣды Европейской Россіи, населяетъ теперь всю область тундръ по обѣ стороны Уральскаго хребта; съ самаго начала русской исторіи самоѣды, упоминаемые лѣтописцемъ въ первый разъ около конца одиннадцатаго столѣтія, бродили уже въ этой странѣ, которая простирается за поясомъ лѣсовъ, гдѣ *ягель*, или олѣній мохъ, доставляетъ необходимый ихъ стадамъ кормъ. Но весьма вѣроятно, что они должны были завоевать эти гиперборейскія земли, лежащія въ царствѣ вѣчной стужи и ночи, у другихъ финновъ, болѣе, чѣмъ они, близкихъ къ финляндской отрасли. Многія названія мѣстъ, объясненіе которымъ можно найти только въ языкѣ кареловъ, доказываютъ, что послѣдніе были древними обитателями страны. Эти-то финны и были, безъ сомнѣнія, тотъ таинственный народъ, прозванный русскими „чудью" бѣлоглазой, а самоѣдами „сыртью", который, по словамъ преданія, провалился сквозь землю, ушелъ во внутренность земли, гдѣ онъ владѣетъ громадными территоріями для охоты и пастбы, изобилующими мамонтами, лисицами и бобрами [3]). У лопарей, которымъ тоже, вѣроятно, пришлось вести борьбу съ этимъ чудскимъ народомъ, сохранились подобныя же преданія. Имя предшествовавшаго имъ населенія края соединено у нихъ съ именемъ злыхъ духовъ, обитающихъ въ воздушныхъ и подземныхъ пространствахъ [4]). Въ свою очередь, и самоѣды обречены на быст-

---

[1]) *Максимовъ*, Годъ на Сѣверѣ.

[2]) *Гофманъ*, цитированное сочиненіе.

[3]) *Alex. Castrén*, Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen, Fjerde argangen, 1845.— Vorlesungen über die altaischen Völker.

[4]) *Немировичъ-Данченко*, см. выше.

рое исчезновеніе: и они тоже скоро всѣ „уйдутъ подъ землю", какъ древняя чудь. Дѣти русскихъ жителей края въ своихъ играхъ повторяютъ слова, смыслъ которыхъ потерянъ для нихъ, но которыя нѣкогда были жестокой истиной: „Пойдемъ Самоядь искать, Самоядочку трепать. Ужъ мы Самоядь найдемъ, пополамъ разорвемъ" [1]).

Въ прежнія времена это племя занимало гораздо болѣе обширную область; нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ нему народцевъ обитали по

Самоѣдъ, лоцманъ.

берегамъ Онежскаго озера, другіе кочевали на восточныхъ берегахъ Бѣлаго моря. Теперь эти страны ускользнули изъ ихъ рукъ,— предки ихъ были тамъ истреблены новгородцами и москвитянами [2]). На нынѣшней ихъ территоріи всѣ пространства, сколько нибудь цѣнныя для рыбной и звѣриной ловли или для хлѣбопашества, переходятъ постепенно въ руки зырянъ и русскихъ, хотя по закону 1835 года всякое земельное владѣніе русскихъ было ограничено 60 десятинами, и имъ запрещено дѣлать новые захваты на землѣ самоѣдовъ [3]), составлявшей прежде общую собствен-

[1]) *П. Ефименко*, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія въ Архангельской губерніи, I.

[2]) *Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, I.

[3]) *Александра Ефименко*, Народные юридическіе обычаи лопарей, кареловъ и самоѣдовъ Архангельской губ.; Этнографическій Сборникъ, IV.

ность. Раса, которая въ Европѣ раздѣлена между тремя округами или тундрами—Канинской, Тиманской и Большеземельской, состоитъ теперь, какъ полагаютъ, всего только изъ пяти съ небольшимъ тысячъ человѣкъ (въ 1864 году въ Европейской Россіи насчитывали 5,068 самоѣдовъ), и между тѣмъ какъ число рождающихся уменьшается, смертность между самоѣдами постоянно возрастаетъ. Кромѣ того, самоѣды быстро утрачиваютъ свою національность и сливаются съ окружающимъ населеніемъ. Такъ, Кастренъ констатировалъ тотъ фактъ, что многіе изъ ихъ родовъ въ южной Сибири теперь почти ничѣмъ не отличаются отъ окружающихъ инородцевъ тюркскаго племени; точно также самоѣды сѣверной Россіи обрусѣли въ сосѣдствѣ городовъ и теряются мало по малу въ классѣ крестьянъ. Мѣстные торговцы не переставали обирать и развращать простодушныхъ дикарей: они скупали у нихъ стада, давая имъ въ долгъ муку и водку, и несчастные должники, не будучи въ состояніи избавиться отъ лежащихъ на нихъ обязательствъ посредствомъ прямой уплаты, осуждены на безконечную работу, на кабалу, которая низводитъ ихъ на степень невольниковъ, безъ всякой надежды на освобожденіе. Болѣе половины изъ нихъ уже лишились своихъ стадъ сѣвернаго оленя: по приблизительному разсчету, въ настоящее время среднее число этихъ животныхъ, которымъ владѣетъ каждый самоѣдинъ, не превышаетъ семнадцати головъ [1]). Существовавшая прежде между самоѣдами „нѣмая" торговля оставлена ими, потому что она всецѣло была основана на честности, а русскіе купцы не обладаютъ этой добродѣтелью: когда, бывало, самоѣду понадобятся шкурки пушнаго звѣря или какіе нибудь другіе продукты, онъ отправлялся въ чумъ другаго туземца, обитателя тундры, бралъ нужныя ему вещи и оставлялъ взамѣнъ ихъ кусокъ дерева со своей мѣткой [2]); русскій же забираетъ все и не оставляетъ въ обмѣнъ ничего. Рано или поздно, и вѣроятно даже въ недалекомъ будущемъ, отъ самоѣдовъ не останется ничего, кромѣ воспоминанія, кое-какихъ предметовъ ихъ немудраго искусства, да ихъ героическихъ пѣсенъ, ибо самоѣды, подобно своимъ сосѣдямъ-кареламъ, обладаютъ даромъ поэзіи, и нѣкоторые изъ ихъ поэтическихъ произведеній, повидимому, были плодомъ такого же вдохновенія, какъ финскій эпосъ Калевала. Почти всѣ самоѣды умѣютъ слагать пѣсни, но между ними мало такихъ, которые умѣли бы декламировать. Эти немногіе „мастера слова" пользуются большимъ почетомъ, и самоѣды проводятъ цѣлыя ночи, слушая своихъ рапсодовъ, которые обыкновенно сидятъ въ серединѣ кружка, закрывъ одной рукой глаза, а другою помахивая стрѣлой, обращенной острымъ концомъ къ землѣ.

Другой народъ урало-алтайскаго племени, но весьма отличающійся

---

[1]) *Александра Ефименко*, тамъ-же.

[2]) *Александра Ефименко*, тамъ-же.

отъ финляндцевъ,—зыряне; это именно тѣ туземцы, которые, взапуски съ русскими, спаивали простодушныхъ дикарей-самоѣдовъ, мало по малу отняли у нихъ стада оленей и доселѣ продолжаютъ грабить ихъ чумы въ тундрахъ. Изъ древнихъ туземныхъ народцевъ сѣвера Россіи одинъ порабощенъ, а другой обогатился и занялъ мѣсто въ классѣ купцовъ и хозяевъ. Зыряне, поселившіеся исключительно по берегамъ судоходныхъ рѣкъ и на волокахъ между большими рѣками, въ бассейнахъ Печоры, Мезени и верхней Двины, занимаются торговымъ обмѣномъ съ незапамятныхъ временъ, и въ ихъ рукахъ находится теперь значительная часть торговли сѣверной Россіи, не только съ сопредѣльными губерніями, но даже съ Норвегіей и Англіей; коробейники и странствующіе торговцы изъ Зырянскаго края посѣщаютъ всѣ ярмарки и рынки—отъ Архангельска до Москвы и Нижняго Новгорода, продавая мѣха, рога, рыбу, и приносятъ довольство въ свои деревни.

Зыряне, сами себя называющіе „коми“ или „коми-воитыръ“, то есть „выходцами изъ сѣверной области Камы“, не были обозначаемы подъ нынѣшнимъ ихъ именемъ древними лѣтописцами, которые смѣшивали ихъ съ „коми“, или „коминами“, камскими пермяками, ихъ родичами по происхожденію, языку и нравамъ [1]. Однако, изъ всѣхъ народцевъ Біарміи, о которыхъ говорятъ скандинавскія саги, зыряне наиболѣе дѣятельно предавались торговлѣ; они служили посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Запада съ Сибирью, Туркестаномъ, Персіей и даже Индостаномъ. Торговые пути, пролегающіе черезъ Уральскія горы, до сихъ поръ извѣстны у остяковъ [2] подъ именемъ „зырянскихъ дорогъ“. По всей вѣроятности, зырянское племя прежде занимало гораздо болѣе обширную область и жило даже на южной сторонѣ Волги, судя по тому, что большое число географическихъ именъ между этой рѣкой и Окой объясняются языкомъ зырянъ. Такъ, между прочимъ, Москва по-зырянски значитъ „вода коровъ“ (Мос-к-ва) [3].

Съ конца четырнадцатаго вѣка эти торговые народцы покатости Ледовитаго океана перестали поклоняться солнцу, огню, водѣ, деревьямъ и „золотой бабѣ“; епископъ Стефанъ Пермскій, проповѣдывавшій Евангеліе въ этомъ краю, разрушилъ кумировъ, срубилъ священную березу и научилъ туземцевъ нѣкоторымъ христіанскимъ молитвамъ, а также употребленію особенной, нарочно для нихъ составленной азбуки, знаки которой еще не вполнѣ объяснены и которая давно уже замѣнена русскимъ письмомъ; единственные видимые остатки древняго языческаго культа—это жертвоприношенія животныхъ, совершаемыя донынѣ передъ

---

[1]) *Костомаровъ*, выше цитированное сочиненіе.
[2]) *Alex. Castrèn*, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker.
[3]) *Поповъ, К. А.*, Зыряне и Зырянскій край. „Знаніе“, № 6.

церквами [1]). Впрочемъ, сами зыряне по большей части уже обрусѣли и мало по малу сливаются съ господствующимъ населеніемъ: всѣ они, по крайней мѣрѣ мужчины, знаютъ по русски и любятъ пѣть русскія пѣсни, даже когда не понимаютъ ихъ смысла; издалека слышишь, какъ раздаются въ лѣсахъ пѣсни волжскихъ бурлаковъ, распѣваемыя зырянами, мужчинами и женщинами, которымъ нравится правильный размѣръ этихъ пѣсенъ [2]). Зырянскій типъ мало отличается отъ славянскаго, исключая того, что цвѣтъ кожи у этихъ туземцевъ финскаго происхожденія гораздо смуглѣе [3]). Зыряне—не высокаго роста, но мускулисты, крѣпки, коренасты; волосы у нихъ большею частію темнорусые или черные; женщины всѣ румянятся. Дѣти этого племени очень понятливы и способны; въ школахъ удивляются легкости, съ которою они выучиваются русскому языку и ариѳметикѣ; въ вологодской духовной семинаріи сыновья зырянскихъ поповъ всегда оказываются лучшими воспитанниками. Подобно финляндцамъ, эти восточные финны очень любятъ паровыя бани, до такой степени, что на охотѣ и зимой они парятся даже подъ открытымъ небомъ, поливая воду на сильный огонь; въ деревняхъ баня составляетъ неизбѣжную принадлежность каждой избы. Наиболѣе чистыми представителями племени считаются зыряне, живущіе въ Вологодской губерніи, на верхнихъ притокахъ Сѣверной Двины: они всего лучше сохранили старые обычаи, между прочимъ, нѣкоторыя привычки общежитія. Это по большей части отличные охотники, смѣло нападающіе на медвѣдя. Часто всѣ мужчины уходятъ осенью и зимой на охоту (по мѣстному „лѣсованье"), но обыкновенно въ качествѣ простыхъ работниковъ, состоящихъ на жалованьи у хозяевъ и получающихъ всего какихъ нибудь 13 или 14 рублей за пять мѣсяцевъ службы [4]). Въ это время женщины должны исполнять всѣ повинности, обыкновенно возлагаемыя на мужчинъ: такъ, онѣ возятъ почту и исправляютъ должность курьеровъ. Про зырянъ разсказываютъ, что они смирны, кротки и рѣшительны, и тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ лѣсахъ, сохранили ту любовь къ правдѣ, то прямодушіе, которыя обыкновенно отличаютъ свободныхъ людей. Напротивъ, зыряне Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, которые поселились среди самоѣдовъ и эксплоатируютъ ихъ, сдѣлались, подъ деморализующимъ вліяніемъ собственной тираніи, плутоватыми, способными обмануть, жадными къ наживѣ. Всѣ они питаютъ необыкновенное ува-

---

[1]) Такъ, наприм., во многихъ мѣстахъ есть часовни, въ которыхъ служатъ молебны св. Власію и Модесту. Въ праздники въ жертву этимъ святымъ, какъ покровителямъ скота, крестьяне приносятъ телячьи головы, ноги, грудинки, иногда даже цѣлыхъ телятъ. Всѣ эти приношенія, разумѣется, идутъ въ пользу причта. *Перев.*

[2]) *Гофманъ*, см. цитированное сочиненіе.

[3]) *Максимовъ*, Годъ на Сѣверѣ.

[4]) *Вологдинъ*, „Лѣсное царство", въ журн. „Слово", 1878 г., №№ X, XI.

женіе къ властямъ, даже на сборщика податей взираютъ со страхомъ и трепетомъ.

Недавно число чистокровныхъ зырянъ опредѣляли въ 30,000 душъ, но г. Поповъ насчитывалъ ихъ въ 1874 году до 91,000 въ двухъ губерніяхъ, Вологодской и Архангельской [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что они составляютъ значительную долю населенія сѣверныхъ странъ, ибо зырянскія семьи очень плодовиты, и когда вы входите въ ихъ сельскія церкви, васъ поражаетъ множество бѣлокурыхъ дѣтскихъ головокъ, волнующихся среди собравшагося народа. Притомъ же зырянское племя несомнѣнно имѣетъ весьма большое число представителей между жителями, которые носятъ имя русскихъ. Извѣстно, что, по общему закону, обитатели какой либо страны все болѣе и болѣе группируются вокругъ расы или народности, которая оказываетъ наибольшую притягательную силу, либо гражданственностью, либо могуществомъ, и потомки біармійцевъ теперь присвоиваютъ себѣ честь происхожденія отъ новгородскихъ выходцевъ, поселившихся въ краѣ въ періодъ съ двѣнадцатаго до пятнадцатаго столѣтія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что новгородская колонизація сталкивалась съ колонизаціей суздальцевъ, которые поднимались вверхъ по Шекснѣ или Унжѣ и проникали черезъ волоки въ бассейнъ Сѣверной Двины. Цѣлая группа деревень на берегахъ р. Ваги носитъ названіе „Ростовщины", потому что она населена потомками выходцевъ изъ Ростова [2]). Нѣкоторые старинные роды изъ Новгорода Великаго донынѣ сохранились во всей чистотѣ на берегахъ Сѣверной Двины и Печоры и пользуются еще нѣкотораго рода патріархальной властью надъ всѣмъ окрестнымъ населеніемъ [3]).

Поморы, то есть „жители приморья", какъ называютъ всѣхъ великоруссовъ сѣверной покатости вплоть до Вологодской губерніи, составляютъ преобладающій элементъ населенія въ большей части мѣстностей этого края. Живя, такъ сказать, въ сторонѣ отъ остальной Россіи, отъ которой ихъ отдѣляютъ громадныя пустынныя пространства, они остались во многихъ отношеніяхъ великоруссами по преимуществу, хотя развитіе независимыхъ религіозныхъ сектъ придало имъ также нѣкоторыя особенныя черты. Нигдѣ семейная жизнь не имѣетъ болѣе деспотическаго характера. Невѣста называетъ своего будущаго мужа *остудничокъ*, въ томъ смыслѣ, что онъ заставляетъ дрожать отъ страха, и мужъ, прежде, чѣмъ дать новобрачной обычный поцѣлуй, деретъ ее за косы и напѣваетъ ей пѣсню, гдѣ говорится, что подъ периной брачнаго ложа спрятана шелковая плетка о трехъ концахъ, которая стегаетъ больно, до крови [4]).

---

[1]) См. „Зыряне и Зырянскій край".

[2]) *Поповъ*, „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества", по отдѣленію статистики, II.

[3]) *Графъ Вильчекъ*, Mittheilungen von Petermann, 1874.

[4]) *Е. Барсовъ*; *П. Ефименко*.

Оттого бѣдная дѣвушка съ грустью и слезами разстается со своей „божеской волей“; она трижды падаетъ на колѣни передъ образами, приговаривая: Первый поклонъ кладу за Царя-батюшку, второй поклонъ за Царицу-матушку, а третій поклонъ за себя, молодешеньку, чтобы Спаситель сжалился надо мной въ чужой семьѣ[1]). Царь, за котораго молится невѣста, есть, въ народномъ понятіи поморовъ, не столько повелитель, сколько „земскій царь“, представитель и блюститель всѣхъ интересовъ земли, „тотъ, который служитъ землѣ“, какъ выражаются мѣстныя пѣсни. Тяжелая доля крѣпостной зависимости была неизвѣстна большинству поморовъ. Едва только совершилось въ Московскомъ государствѣ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ пріобрѣтеніе Малороссіи и Запорожья привлекло вниманіе дворянства на югъ, и съ этой то стороны началась раздача земель и людей, тогда какъ непроходимые хвойные лѣса и мерзлыя тундры сѣвера Россіи оставались въ совершенномъ пренебреженіи. Въ 1866 году въ Архангельской губерніи насчитывали всего только 476 крестьянъ, принадлежавшихъ при крѣпостномъ правѣ помѣщикамъ[2]).

Главный городъ лапландскаго полуострова, Кола, не имѣлъ даже восьми сотъ жителей во время послѣдней народной переписи. А между тѣмъ въ умѣренномъ климатѣ это поселеніе представляло бы, по своему географическому положенію, большія удобства для торговли и, безъ сомнѣнія, сдѣлалось бы значительнымъ городомъ. Кола занимаетъ, при сліяніи двухъ рѣкъ, оконечность лимана, вдающагося далеко внутрь материка, и этотъ заливъ продолжается на югѣ впадиной, наполненной озерами, которая соединяетъ Кандалакскую губу съ океаномъ: здѣсь естественно долженъ проходить торговый путь между двумя морями. Поэтому положеніе, занимаемое Колой, было оцѣнено купцами съ того самаго времени, какъ только началась исторія для этихъ сѣверныхъ странъ: въ 1264 году Кола уже упоминается лѣтописцемъ, какъ складочное мѣсто рыболовства и мѣновой торговли для новгородскихъ купцовъ. Но выгоды мѣстоположенія не были достаточны, чтобы привлечь населеніе къ этимъ мерзлымъ, пустыннымъ берегамъ океана, и городъ представлялъ лишь кучку деревянныхъ домишекъ, когда англичане бомбардировали и наполовину выжгли его во время Крымской войны. Главный промыселъ мѣстнаго населенія составляетъ рыболовство, преимущественно ловля акулы,—промыселъ очень опасный, не только по причинѣ бурь, свирѣпствующихъ на Ледовитомъ морѣ, но и по причинѣ множества хищныхъ рыбъ, которыя иногда нападаютъ на рыбачьи суда, опрокидываютъ ихъ и пожираютъ рыболововъ.

На Карельскомъ берегу, омываемомъ западными водами Бѣлаго мо-

---

[1]) Изв. Имп. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXX, вып. 1 и 2; *П. Ефименко*, Матеріалы и пр.

[2]) *Янсонъ*, Сравнительная статистика Россіи и проч.

*

ря, Кемь, другой городокъ, который въ многолюдной странѣ показался бы незначительнымъ, служитъ главнымъ складочнымъ пунктомъ рыболовства и торговаго обмѣна. Также какъ и Кола, Кемь есть древняя новгородская колонія, занимающая очень выгодное торговое положеніе, при устьѣ судоходной рѣки и въ мѣстѣ наиболѣе удобнаго сообщенія съ Ботническимъ заливомъ и Скандинавскимъ полуостровомъ. Но нынѣшнимъ своимъ важнымъ значеніемъ этотъ городъ обязанъ главнымъ образомъ сосѣдству Соловецкихъ острововъ и знаменитаго монастыря, основаннаго въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія. Соловецкіе монахи, зависящіе непосредственно отъ синода, долго сохраняли первоначальные обряды, несмотря на реформы патріарха Никона. Они сопротивлялись даже силой и, благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, цѣлыя восемь лѣтъ выдерживали осаду; монастырь былъ взятъ (въ 1676 году) только вслѣдствіе измѣны одного монаха, указавшаго осаждавшимъ одинъ подземный проходъ. Большинство защитниковъ, монаховъ и крестьянъ, были переколоты, перевѣшаны или засѣчены до смерти. Однако, и послѣ того духъ религіозной независимости не совсѣмъ исчезъ въ Соловкахъ, чему способствовало въ особенности то обстоятельство, что составъ братіи пополняется большею частію изъ жителей края, еще сохранившихъ новгородскія традиціи.

Обширныя строенія Соловецкаго монастыря, увѣнчанныя пузатыми (ventrus) куполами, окруженныя сильно укрѣпленными стѣнами, импонируютъ своимъ видомъ, тѣмъ болѣе, что не ожидаешь увидѣть такія громады въ этомъ суровомъ, враждебномъ человѣку, климатѣ. Внутри монастырь поражаетъ своимъ богатствомъ, и сосѣдняя гавань всегда наполнена судами, рыболовными и купеческими; монахи имѣютъ даже собственную флотилію пароходовъ; вдоль берега выстроились длиннымъ рядомъ магазины и амбары, а доки настолько велики, что правительство посылаетъ туда для починки военные корабли, стоящіе въ Архангельскомъ портѣ. Вообще Соловки представляютъ на сѣверѣ Россіи важнѣйшую общину, около которой, какъ около центра, сосредоточивается наибольшее количество интересовъ торговыхъ и промышленныхъ (число монаховъ въ 1875 году:—287; годовой доходъ 147,223 рубля). Владѣнія монастыря раскинулись на островахъ и на континентѣ, на пространствѣ 650 квадр. верстъ; на этой обширной территоріи монахи собираютъ въ изобиліи земные плоды, получаютъ всѣ нужные имъ продукты сельскаго хозяйства, за исключеніемъ пшеницы, ячменя и вина; на одномъ островѣ содержатся стада барановъ, на другомъ—лошади, на третьемъ—дойныя коровы. Всѣ мануфактурные предметы, употребляемые монахами, до драгоцѣнныхъ вещей изъ золота и серебра включительно, выдѣлываются въ самомъ монастырѣ, который такимъ образомъ составляетъ замкнутое общество, удовлетворяющее собственными средствами всѣ свои потребности. До из-

данія манифеста 19 февраля 1861 г. объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія, Соловецкій монастырь владѣлъ пятью тысячами крестьянъ, которыхъ теперь замѣнили богомольцы, приходящіе ежегодно въ числѣ многихъ тысячъ и обыкновенно остающіеся по нѣскольку мѣсяцевъ въ услуженіи при монастырѣ, въ качествѣ домашней прислуги, дровосѣковъ, пастуховъ, землепашцевъ или матросовъ: иной разъ за большой столъ монастырской трапезы садится одновременно до тысячи человѣкъ. Между этими богомольцами бываютъ даже такіе, которые, во исполненіе даннаго обѣта, несутъ добровольную службу при обители въ теченіе трехъ или пяти лѣтъ. Кромѣ того, богомольцы дѣлаютъ приношенія, цѣнность которыхъ колеблется между 6,000 и 25,000 рублей въ годъ, смотря по обилію урожая; наконецъ, разные мелкіе предметы (образки, крестики и т. п.), которые они покупаютъ, также способствуютъ обогащенію монастыря [1]).

Городъ Онега, который тоже первоначально былъ колоніей новгородскихъ купцовъ, носитъ имя рѣки, омывающей его набережья, и сосѣдней губы, самаго южнаго залива Бѣлаго моря. Въ водахъ Онеги и около Соловецкихъ острововъ сельди часто появляются въ такомъ множествѣ, что ихъ буквально можно черпать ведрами; когда стаи ихъ исчезаютъ, рыбаки должны очищать берега отъ грудъ гніющей рыбы, которыя остаются въ сосѣдствѣ жилищъ, заражая воздухъ. Почти вся рыба, ловимая въ морѣ и въ рѣкахъ,— сельдь, лосось, треска, окунь, щука—сохраняется въ состояніи замороженной массы: коптится только незначительная часть улова, а соль мѣстнаго производства такого дурнаго качества, что ее невозможно употреблять на соленіе рыбы, какъ то дѣлаютъ голландскіе рыболовы. По причинѣ трудности сохраненія и отдаленной перевозки въ мѣста сбыта, прибрежные жители принуждены сами потреблять и скармливать своимъ животнымъ почти всю добычу рыболовства. На всѣхъ берегахъ Онежской губы скотъ кормятъ большею частію копчеными селедками; точно также селедками откармливаютъ свиней, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ климатъ позволяетъ имъ жить, потому что внутри материка крайнимъ предѣломъ ихъ распространенія служатъ сѣверные берега Онежскаго озера [2]).

На всемъ своемъ громадномъ протяженіи, превосходящемъ площадь Италіи, бассейнъ Сѣверной Двины заключаетъ только три города, населеніе которыхъ превышаетъ пять тысячъ душъ; да и то два изъ этихъ городовъ, Вологда и Архангельскъ, обязаны отчасти своимъ важнымъ значеніемъ присвоенному имъ рангу—административныхъ центровъ губерніи.

Вологда, которая замѣнила древнюю русскую колонію, существовавшую уже въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, покрываетъ обширное про-

---

[1]) *Максимовъ*, Годъ на Сѣверѣ.

[2]) *Майновъ*, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № 5.

странство своими церквами и низенькими домиками. Она лежитъ близъ юго-западной оконечности бассейна, при рѣкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ становится судоходной и которая соединяется немного ниже города съ Сухоной, одною изъ главныхъ вѣтвей Сѣверной Двины; на западѣ простирается область водораздѣла между бассейнами Волги и Невы. Такимъ образомъ этотъ городъ по своему положенію представляетъ всѣ условія, чтобы служить складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, отправляемыхъ съ одной покатости на другую. И дѣйствительно, когда Россія вступила въ прямыя торговыя сношенія съ Англіей черезъ Бѣлое море, Вологда была выбрана какъ промежуточный складочный пунктъ на пути между Москвой и Архангельскомъ; въ то же время она служила исходной точкой для торговли съ Сибирью, пока южная дорога черезъ Казань была небезопасна со стороны башкиръ. Вологда и теперь продолжаетъ отправлять на нижнюю Двину, въ Архангельскій портъ, ленъ, овесъ и другіе земледѣльческіе продукты на сумму свыше милліона рублей, тогда какъ въ Петербургъ она посылаетъ коровье масло, яйца и холстъ. На пути сообщенія Вологды съ Костромой и средней Волгой главной станціей является уѣздный городъ Грязовецъ, лежащій на водораздѣльномъ хребтѣ, на высотѣ 720 футовъ, и получившій это названіе, вѣроятно, отъ окружающихъ его болотъ.

Тотьма, уѣздный городъ Вологодской губерніи, на Сухонѣ, имѣетъ нѣкоторое значеніе благодаря своимъ солянымъ источникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—главная станція судоходства между Вологдой и Великимъ Устюгомъ, который, какъ показываетъ самое названіе, находится при сліяніи Юга съ Сухоной: суда и плоты, спускающіеся по обѣимъ этимъ рѣкамъ, собираются на Устюжской пристани. Устюгъ Великій, замѣнившій болѣе древній городъ, сожженный приволжскими болгарами въ 1218 году, и остатки котораго видны на холмѣ верстахъ въ четырехъ ниже по р. Югу, былъ нѣкогда точкой пересѣченія важныхъ торговыхъ путей и предметомъ ожесточенной борьбы между Новгородомъ, Москвой и приволжскими болгарами. Жители его были отважные рѣчные разбойники; они хаживали въ своихъ экспедиціяхъ почти до береговъ Каспія и играли видную роль между первыми завоевателями Сибири. Уже нѣсколько столѣтій Устюгъ пользуется нѣкоторымъ значеніемъ, какъ мѣсто обрабатывающей промышленности, откуда выходятъ, въ обмѣнъ на шкуры пушнаго звѣря и мамонтовую кость, различныя мануфактурныя издѣлія, употребляемыя инородцами Сибири и сѣверной Россіи; кромѣ того, онъ отправляетъ къ Архангельскому порту зерновой хлѣбъ, привозимый изъ Вятской губерніи по быстрой Лузѣ. Наконецъ, Устюгъ, какъ и Вологда, славится спеціальною отраслью промышленности, занесенной изъ древняго Новгорода нѣмецкой колоніею: это—выдѣлка серебряныхъ и золотыхъ со-

судовъ и другихъ вещей съ рѣзными украшеніями на черномъ фонѣ (работа съ чернью).

Ниже Устюга Великаго вплоть до самаго Архангельска, на разстояніи около 800 верстъ, нѣтъ ни одного города въ собственномъ смыслѣ; городовъ не встрѣчается также и на притокахъ Сѣверной Двины, исключая бассейна могучей Вычегды, въ Зырянскомъ краю, гдѣ находится, тоже при сліяніи двухъ рѣкъ, торговый городъ Усть-Сысольскъ (устье р. Сысолы), зырянская столица. Сольвычегодскъ, на Вычегдѣ, недалеко отъ сліянія ея съ Сухоной, утратилъ важное значеніе, которое онъ имѣлъ прежде, благодаря своимъ солеварнямъ, какъ одна изъ главныхъ торговыхъ станцій между Новгородомъ и странами по верхней Камѣ. Въ бассейнѣ Ваги, большаго западнаго притока Двины, главнымъ центромъ населенія является другой, пришедшій въ упадокъ, городъ—Шенкурскъ, мѣсто ссылки, которое водворенные на жительство на берегахъ Бѣлаго моря называютъ съ иронiей, нелишенной зависти, „Италiей" Архангельской губерніи. Въ эпоху новгородскаго могущества, складочнымъ пунктомъ торговли по нижней Двинѣ былъ городъ Холмогоры, который скандинавскіе мореходы называли Гольмгордомъ: черезъ этотъ пунктъ отправлялись, въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ, товары Востока, привозимые пермяками изъ приволжскихъ странъ. Городокъ, наслѣдовавшій древнему торговому городу, расположенъ не на островѣ, а на аллювіальной равнинѣ, которую Двина, раздѣленная на нѣсколько рукавовъ, пересѣкаетъ на востокѣ и на сѣверѣ, принявъ передъ тѣмъ воды Пинеги. Находясь такимъ образомъ при сліяніи двухъ рѣкъ и недалеко отъ моря, г. Холмогоры пользовался счастливымъ торговымъ положеніемъ. Торговля солью, предоставленная этому городу въ видѣ монополіи московскими великими князьями, еще болѣе увеличила его важность; но затѣмъ основаніе въ сосѣдствѣ его другаго города, Архангельска, раззорило старый рынокъ, который теперь сдѣлался однимъ изъ бѣднѣйшихъ городковъ сѣверной Россіи. Въ этихъ странахъ, близкихъ къ полярному поясу, населеніе слишкомъ малочисленно, чтобы могли одновременно существовать и развиваться два города, если они не удалены одинъ отъ другаго на нѣсколько сотъ верстъ. Недалеко отъ Холмогоръ, въ деревнѣ Денисовкѣ, родился въ 1711 году, въ крестьянской семьѣ, Ломоносовъ, первый русскій ученый, изъ котораго нравы тогдашней эпохи сдѣлали, между прочимъ, и придворнаго стихотворца.

Архангельскъ, или „городъ Михаила Архангела", расположенъ на правомъ берегу Сѣверной Двины, въ самомъ верху рѣчной дельты. Онъ растянулся въ длину на нѣсколько верстъ, занимая не болѣе полверсты въ ширину. Нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ поднимаются тамъ и сямъ надъ кучками деревянныхъ домиковъ, а около центра города высокія развалившіяся стѣны, разрушить которыя до основанія не удалось

по причинѣ необыкновенной твердости цемента, указываютъ на остатки „нѣмецкаго замка", составлявшаго часть крѣпости. Уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ на мѣстѣ нынѣшняго города находился монастырь; но „Новыя Холмогоры" пріобрѣли нѣкоторую важность только въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, послѣ прибытія англійскихъ мореплавателей, которые сдѣлали изъ Бѣлаго моря ворота для сообщенія Московскаго государства съ западнымъ міромъ. Періодъ процвѣтанія этого города предшествовалъ основанію Петербурга, которое дало болѣе удобный путь торговлѣ Россіи съ остальной Европой. Притомъ Петръ Великій, хотя и основавшій въ Архангельскѣ арсеналъ, крѣпость, кораблестроительныя верфи, способствовалъ въ то же время упадку города ограниченіемъ количества привозимыхъ изъ заграницы товаровъ, запрещеніемъ вывозить ленъ, пеньку, сало и болѣе трети другихъ русскихъ продуктовъ, и, наконецъ, призывомъ архангельскихъ моряковъ и негоціантовъ въ новую столицу. Однако, выгодное положеніе Архангельскаго порта, при единственномъ рѣчномъ выходѣ громадной территоріи, населеніе которой, хотя и малочисленное, быстро увеличивается, не могло не сообщить нѣкоторой дѣятельности этой гавани Бѣлаго моря, „четвертой столицѣ имперіи". Несмотря на ледъ, совершенно останавливающій навигацію почти въ теченіе семи мѣсяцевъ въ году, Архангельскъ вывозитъ заграницу, преимущественно въ Англію, въ Голландію, въ Норвегію, ленъ и пеньку, овесъ и другой зерновой хлѣбъ, лѣсъ, смолу, рыбій жиръ, сало. Среднимъ числомъ, отпускъ его вдесятеро превышаетъ цѣнность привоза, который состоитъ главнымъ образомъ изъ норвежской рыбы, виноградныхъ винъ и колоніальныхъ товаровъ. Женщины, работающія на пристаняхъ, соединяются въ артели для нагрузки судовъ хлѣбомъ и другими продуктами. „Шкивидорка", или распорядительница работъ, обыкновенно выбирается изъ такихъ, которыя умѣютъ объясняться на англо-русскомъ жаргонѣ, употребляемомъ въ портѣ.

Движеніе судоходства въ Архангельскомъ портѣ въ 1877 году, безъ каботажа[1]):

Прибыло . . . . 796 судовъ, вмѣстим. 97,233 тонны.
Вышло . . . . 767 „ „ 96,662 „

Общее движеніе судовъ съ каботажемъ: 3,101 судно, вмѣстимостью 213,579 тоннъ.

Привозъ въ 1873 г. . . . . 843,700 рублей.

---

[1])

	Среднее за 1878—1880 гг.	Въ 1880 г.
Прибыло	705, вм. 82,800 ласт.	757, вм. 87,730 ласт.
Вышло	670 „ 82,100 „	717 „ 86,692 „

Привозъ въ 1880 г. . . . . . . 650,667 р.
Отпускъ „ 1880 „ . . . . . . 9.498,900 „

ОБЩІЙ ВИДЪ АРХАНГЕЛЬСКА.

Вывозъ въ 1873 г. . . . . 7.502,600 рублей.
„ „ 1878 „ . . . . 9.300,600 „
Внѣшняя торговля Бѣлаго моря въ 1876 году:
Привозъ [1]) . . . . 962,000 рублей.
Вывозъ . . . . 9.508,350 „

Городъ представляетъ оживленную дѣятельность во время годовой ярмарки, когда собирается до пятидесяти тысячъ жителей въ Архангельскѣ и, сѣвернѣе, въ его островномъ предмѣстьи, слободѣ Соломбалѣ, гдѣ находится адмиралтейство. Но постоянное населеніе, кажется, уменьшилось съ половины текущаго столѣтія. Между тѣмъ, какъ въ 1860 году, по переписи, оказалось 33,675 жителей въ городѣ и его предмѣстьяхъ (Соломбала и Кузнечиха), слѣдующая перепись, произведенная двѣнадцать лѣтъ спустя,—правда, въ серединѣ зимы,—не насчитала даже 20,000 человѣкъ. Пропорціонально числу жителей, Архангельскъ есть одинъ изъ тѣхъ городовъ Россіи, гдѣ всего болѣе читается книгъ и гдѣ періодическія изданія имѣютъ наибольшее количество подписчиковъ: это объясняется тѣмъ, что чтеніе тамъ необходимо, какъ единственное препровожденіе времени въ длинныя зимнія ночи. Въ окрестностяхъ Архангельска, вокругъ большихъ лѣсопильныхъ заводовъ, поселилась англійская колонія.

Мезень, къ сѣверо-востоку отъ Архангельска, имѣетъ для бассейна своей рѣки такое же значеніе, какъ главный городъ губерніи для бассейна Сѣверной Двины; но, находясь въ болѣе суровомъ климатѣ, даже за предѣлами древесной растительности, Мезень не могла подняться на степень настоящаго города и до сихъ поръ остается бѣдной деревней; торговля ся въ значительной части перешла въ портъ Русанова, лежащій верстъ на двадцать ближе къ устью залива (Мезенской губы) и лучше защищенный, чѣмъ Мезень, благодаря высокому мысу, который заслоняетъ его отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Мезень—одно изъ самыхъ печальныхъ мѣстъ ссылки: также какъ Кола, Кемь, Онега и Пустозерскъ (главный торговый пунктъ въ бассейнѣ Печоры, но, не смотря на то, незначительный городишко, замѣчательный только тѣмъ, что здѣсь были зажжены первые костры для раскольниковъ въ семнадцатомъ столѣтіи), Мезень — одна изъ тѣхъ Сибирей по сю сторону Урала, гдѣ ссыльные умираютъ отъ нравственнаго страданія и тоски среди непрогляднаго мрака и леденящей стужи полярной ночи. Впрочемъ, и коренные жители, особенно женщины, во множествѣ уносятся въ могилу нервными болѣзнями, приписываемыми „дурному глазу“ [2]), но происходящими, вѣроятно, отъ лишеній всякаго рода. Кресты, содержимые въ большомъ почитаніи жителями Мезени, на-

---

[1]) Привозъ въ 1880 г. . . . . 780,200 р.
Отпускъ „ 1880 „ . . . . 10.216,000 „

[2]) *Максимовъ*, „Годъ на Сѣверѣ“.

поминаютъ одну страшную зиму первой половины восемнадцатаго столѣтія,—зиму, въ которую едва не погибло отъ холода и голода все населеніе города.

Города и мѣстечки сѣверной покатости Европейской Россіи:

Архангельская губернія (1879).		*Вологодская губернія* (1880).	
Архангельскъ	19,540 ж.	Вологда	17,000 ж.
Онега	2,560 „	Устюгъ-Великій	8,020 „
Кемь	2,050 „	Устьсысольскъ	4,000 „
Мезень	1,700 „	Тотьма	3,330 „
		Грязовецъ	2,330 „

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

Двойной островъ Новая Земля составляетъ восточную границу моря, которое простирается на сѣверѣ отъ лапландскихъ береговъ и которое иногда называютъ „моремъ Баренца", въ память знаменитаго голландскаго мореплавателя, посѣтившаго эти воды въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. По всей вѣроятности, новгородскіе купцы уже ранѣе слышали о Новой Землѣ, потому что она, вмѣстѣ съ островомъ Вайгачъ, можетъ быть разсматриваема, какъ простое продолженіе сѣвернаго полуострова Россіи, и когда англійскіе мореплаватели шестнадцатаго вѣка въ первый разъ проникли въ эти области Ледовитаго океана, русскіе рыболовы уже съ давнихъ поръ посѣщали берега Новой Земли. Но народы Западной Европы узнали о существованіи этого большаго двойнаго острова только послѣ путешествія Уиллугби, въ 1553 году. Болѣе счастливый, чѣмъ его предшественникъ, который погибъ съ своимъ кораблемъ на Мурманскомъ берегу Лапландіи, англичанинъ Стифенъ Борро присталъ первый изъ западно-европейскихъ мореплавателей, въ 1556 году, къ берегамъ Новой Земли и объѣхалъ вокругъ острова Вайгачъ черезъ два пролива: Югорскій, который отдѣляетъ этотъ островъ отъ русскаго материка, и Карскій, который омываетъ южную оконечность Новой Земли. Баренцъ тоже былъ однимъ изъ первыхъ путешественниковъ Запада, предпринимавшихъ плаваніе къ этой отдаленной землѣ; но онъ умеръ тамъ во время тягостной зимовки 1597 года и былъ похороненъ своими спутниками на берегу острова. Недавно, въ 1871 году, норвежскій капитанъ Карльсенъ отыскалъ, близъ сѣверо-восточной оконечности сѣвернаго острова, подъ 76°7′ широты, домъ, въ которомъ Баренцъ и Гемскеркъ провели зиму за 274 года до нашего времени. Всѣ находившіяся въ этомъ домѣ вещи были собраны, какъ святыня, и перевезены въ Голландію, и скоро памятникъ, сооружаемый стараніями амстердамскаго географическаго общества, будетъ воздвигнутъ на одномъ изъ мысовъ острова въ честь знаменитаго морехода.

Въ своей совокупности Новая Земля можетъ быть разсматриваема, какъ морское продолженіе цѣпи Уральскихъ горъ. Правда, эта островная группа развертывается гораздо далѣе къ западу; но „Каменный Поясъ" имѣетъ форму извилистаго хребта, который дважды дѣлаетъ изгибъ, обращая свою выпуклость сначала къ сторонѣ Европейской Россіи, затѣмъ къ сторонѣ Сибири. Подходя къ Ледовитому морю, онъ понижается за Константиновскимъ Камнемъ; но хребетъ Пай-Хой и холмы острова Вайгачъ геологически, очевидно, составляютъ продолженіе Урала: Югорскій проливъ есть ни что иное, какъ поперечная долина, наполненная морскими водами, черезъ которую олени самоѣдовъ переходятъ по льду весной и перебираются вплавь въ концѣ осени [1]). Карскій проливъ (Карскія Ворота), болѣе широкій, образуетъ перерывъ въ системѣ Уральскихъ горъ, но не уничтожаетъ ее. Высоты снова начинаются на сѣверномъ берегу этого пролива, чтобы развернуться въ Полярномъ океанѣ въ видѣ дуги круга, длиною около 850 верстъ, обращая свой выпуклый берегъ къ Шпицбергену. Воды пролива Маточкинъ Шаръ, разрѣзывающія Новую Землю на двѣ неравныя половины, наполняютъ также поперечную долину горной цѣпи, открывающуюся какъ разъ въ сосѣдствѣ самыхъ высокимъ горъ острова: порогъ этихъ морскихъ воротъ лежитъ всего только на 33 фута ниже уровня моря. Изслѣдованія Гефера доказали, что горнокаменныя породы Новой Земли, подобныя въ этомъ отношеніи формаціямъ Урала, наклонены отлого съ западной стороны и круто обрываются къ востоку. Такая же разница рельефа замѣчается и подъ водой: въ то время какъ западныя пространства морскаго дна продолжаются пологимъ скатомъ, на востокѣ море быстро понижается, и линія стосаженной глубины идетъ тамъ на небольшомъ разстояніи отъ берега [2]).

Хотя Новая Земля очень близко лежитъ отъ материка и часто посѣщается звѣроловами, но внутренность ея еще очень мало извѣстна. Многіе ученые изслѣдователи, какъ графъ Литке, покойный академикъ Беръ, Гейглинъ, графъ Вильчекъ, посѣтили оба главные острова; однако систематическое изученіе ихъ еще далеко не окончено, и карта Новой Земли можетъ быть составлена лишь въ общихъ чертахъ; до сихъ поръ главное вниманіе было обращаемо на форму береговъ, чтобы дать морякамъ вѣрныя карты, съ помощью которыхъ они могли бы избѣгать опасностей. Благодаря этой съемкѣ береговъ, можно было измѣрить поверхность Новой Земли, исчисляемую приблизительно въ 80,025 квадр. верстъ (91,070 кв. кил.). Но еще неизвѣстна въ точности высота большей части горныхъ вершинъ, хотя мореплаватели могутъ ясно различать ихъ изъ того или другаго моря. Среднее ихъ возвышеніе почти такое же, какъ среднее возвышеніе горъ

[1]) Ueber den Bau Nowaja Semlja's, Mittheilungen von Petermann, 1874, № 8.
[2]) *Проф. Норденшельдъ*, Письмо къ Оскару Диксону, 1878.

Шпицбергена и архипелага Франца-Іосифа. Съ высоты горы Вильчекъ (1,264 метр., или 4,155 фут.), поднимающейся на сѣверномъ берегу пролива Маточкинъ Шаръ, путешественники Геферъ и графъ Вильчекъ различали на обѣихъ сторонахъ пролива нѣсколько вершинъ, имѣющихъ по меньшей мѣрѣ 3,950 фут. (1,200 метр.), а одна изъ нихъ, поднимающаяся на сѣверо-востокѣ, верстахъ въ 40, показалась имъ достигающей высоты 4,600 фут. (1,400 метр.). Одна изъ главныхъ вершинъ, Митюшевъ Камень, лежащая къ западу отъ мыса Вильчекъ, образована изъ протогина, какъ Монъ-Бланъ, высочайшая вершина Альпъ; но бо́льшая часть горъ состоитъ изъ силурійскихъ сланцевъ и девонскихъ формацій: нѣкоторые изъ слоевъ шифера до такой степени черны, даже тамъ, гдѣ цвѣтъ ихъ не усиливается контрастомъ окружающихъ снѣговъ, что ихъ часто принимали за пласты каменнаго угля, и даже геологи не разъ ошибались на этотъ счетъ. Прежде Новая Земля слыла очень богатой металлами; разсказывали чудеса о серебряныхъ жилахъ, будто бы видѣнныхъ мореходами въ стѣнахъ ея береговыхъ утесовъ. Разсказы были такъ обстоятельны, что русское правительство сочло нужнымъ послать на мѣсто спеціальную коммисію изслѣдователей. Однако, геологъ Лудловъ, подъ руководствомъ котораго производились изысканія, нашелъ только, и то въ небольшомъ количествѣ, серебронoсный свинцовый блескъ и кое-какіе слѣды сѣрнистыхъ соединеній желѣза и мѣди. Это было еще въ 1809 году, и съ той поры ни одному путешественнику не случалось находить признаковъ, которые позволили бы возвратить Новой Землѣ ея прежнюю репутацію.

Подобно тому, какъ русское прибрежье и всѣ европейскіе архипелаги ледовитыхъ морей, Новая Земля постепенно поднимается изъ-подъ поверхности водъ, и на окраинахъ этого острова, именно на западѣ, можно видѣть замѣчательные примѣры поднявшихся береговъ. По обѣ стороны пролива Маточкинъ Шаръ, видны до высоты 300 фут. террасы, содержащія раковины видовъ, еще живущихъ въ Ледовитомъ океанѣ, хотя онѣ уже исчезли изъ ближайшихъ областей моря: это — остатки дилювіальной фауны. Многіе низменные и плоскіе острова, разсѣянные вдоль берега, походятъ на бывшее морское дно, и, по всей вѣроятности, они дѣйствительно появились въ недалекую эпоху. Въ другихъ мѣстахъ гористые острова соединены съ большой землей выступившими изъ-подъ воды перешейками и песчаными мелями, которые при незначительномъ осѣданіи почвы снова погрузились бы въ море. Въ большой бухтѣ, развертывающейся въ видѣ дуги круга на сѣверо-западной сторонѣ сѣвернаго острова Новой Земли, между мысомъ Нассау и мысомъ Льдовъ, норвежскій путешественникъ Макъ открылъ недавно архипелагъ, состоящій изъ двухъ острововъ и множества островковъ, которому онъ далъ названіе „острововъ Гольфстрема“: по его мнѣнію, эта группа острововъ несомнѣнно новѣйшаго происхожденія, такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ

ВИДЪ БЛИЗЪ МАТОШКИНА ШАРА.

голландскія экспедиціи конца шестнадцатаго столѣтія находили лишь песчаную мель, залегавшую на 105 фут. ниже уровня моря. Эти выступившіе на поверхность острова, покрытые пескомъ и слоями морскихъ раковинъ, совершенно лишены растительности, какъ будто они только что вышли изъ воды. Такимъ образомъ, подводная мель или дно моря поднялось по крайней мѣрѣ на 130 фут. въ сравнительно короткій періодъ времени—менѣе, чѣмъ въ 300 лѣтъ; это едва ли не единственное явленіе въ современной исторіи земнаго шара.

Ледники Новой Земли спускаются во многихъ мѣстахъ до самаго берега, и полагаютъ даже, что прежде они выступали за линію береговъ, такъ какъ нѣкоторые изслѣдователи видѣли глетчерныя изборожденія и шлифовки на островкахъ бухты Рогачевъ, къ югу отъ мыса, называемаго Гусиный Носъ [1]). Хотя этотъ двойной островъ почти всѣмъ своимъ протяженіемъ лежитъ подъ болѣе южной широтой, чѣмъ архипелахъ Шпицбергенъ, однако онъ весь находится въ поясѣ средней годовой температуры меньшей—5 градусовъ. Новая Земля принадлежитъ къ континентальному климату сѣверной Россіи и Сибири; въ одной маленькой бухтѣ залива Моллеръ, называемой „Малыя Кармакулы" и лежащей подъ 72°30′ с. ш., непосредственно на сѣверѣ отъ Гусинаго Носа, норвежскій капитанъ Бьерканъ, который провелъ тамъ зиму 1876—77 гг., констатировалъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ термометръ никогда не поднимался выше —30°4′ стоградусной скалы и даже опускался до—39° на другой день послѣ Новаго года [2]). Замѣчательно, что температура въ этомъ мѣстѣ, зимой и лѣтомъ, выше, чѣмъ въ Карскомъ проливѣ, лежащемъ верстахъ въ 280 къ юго-востоку. Академикъ Вильдъ изъ наблюденій, произведенныхъ въ разное время, вывелъ, что средняя годовая температура въ проливѣ Маточкинъ Шаръ равна —8°33′ Ц. [3]). Въ Мелкой губѣ, лежащей сѣвернѣе, температура, менѣе низкая, равняется —6°90′, тогда какъ въ губѣ Каменкѣ, въ 240 верстахъ ближе къ экватору, средняя температура только —9°46′.

Причину этого контраста климатовъ должно искать, вѣроятно, во вліяніи теченій, еще не совершенно охладившихся, которыя идутъ изъ тропическихъ морей въ полярныя области океана и направляются къ западнымъ берегамъ Новой Земли, не достигая, однако, этихъ береговъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ передъ южнымъ островомъ, берегъ окруженъ холодными водами [4]). Самая значительная масса теплаго теченія, образующая верхній слой Норвежскаго моря, проходитъ надъ глубокимъ

---

[1]) *Höfer*, Mittheilungen von Petermann, 1874, № 8.
[2]) Mittheilungen von Petermann, II, 1878.
[3]) Die Temperatur-Verhältnisse des Russischen Reiches.
[4]) *Von Middendorf*, Der Golfstrom ostwärts vom Nordcap, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1871.

порогомъ, отдѣляющимъ Медвѣжьи острова отъ скандинавскихъ береговъ, и направляется на востокъ въ море Баренца. Движеніе этого теченія не изъ тѣхъ нечувствительныхъ перемѣщеній жидкой массы, которыя по своей медленности ускользаютъ отъ наблюденія мореплавателей: на южной сторонѣ острова Гопъ-Айлендъ, который можетъ быть разсматриваемъ, какъ самый передовой юго-восточный постъ архипелага Шпицбергенъ, оно иногда бываетъ такъ сильно, вода бѣжитъ съ такой быстротой, что корабли не могутъ держаться на якоряхъ [1]. Въ проливѣ Маточкинъ Шаръ теченіе изъ одного моря въ другое тоже очень чувствительно, особенно въ сосѣдствѣ западныхъ береговъ большаго сѣвернаго острова. Точно также суда, обращенныя носомъ къ Европѣ, не безъ труда преодолѣваютъ теченіе, огибая сѣверную оконечность Новой Земли. Въ этихъ движущихся водахъ, температура которыхъ выше точки замерзанія, льдины растаяваютъ въ короткое время: рѣдко можно увидѣть плавающій обломокъ сплошнаго льда или ледяную гору южнѣе 75-го градуса широты во всѣхъ частяхъ моря Баренца, находящихся къ сѣверу отъ лапландскаго берега.

Многочисленные обломки всякаго рода, выбрасываемые на берега Новой Земли, также свидѣтельствуютъ о существованіи этого теплаго теченія, получающаго начало въ тропическихъ моряхъ. Такъ, напримѣръ, на этихъ берегахъ случалось собирать „морскіе каштаны", то-есть плоды дерева *Entada gigalobium*, растущаго на Антильскихъ островахъ; далѣе, тамъ часто находятъ стеклянные шары, употребляемые рыболовами Лофотенскихъ островов для своихъ сѣтей, а морскіе выкидки и обломки разбившихся кораблей встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ, что происхожденіе ихъ невозможно приписать крушеніямъ, имѣвшимъ мѣсто въ сосѣдствѣ: это—по большей части остатки судовъ, сѣвшихъ на мель далеко оттуда, въ западныхъ областяхъ моря; вышеуказанное обстоятельство было причиной того, что Новую Землю прозвали „кладбищемъ Норвежскаго моря" [2]. Дѣйствіе тропическаго теченія обнаруживается также на берегахъ двухъ большихъ островов и всѣхъ сосѣднихъ островковъ—расплавленіемъ береговыхъ льдовъ. Подъ снѣгомъ лавинъ вода мало по малу вырываетъ себѣ глубокіе гроты; во многихъ мѣстахъ можно видѣть скалы съ бахромой изъ отвердѣлаго фирна, оканчивающейся нависшими пластами, нижній фасъ которыхъ, подмываемый водой, медленно таетъ.

Какъ на Шпицбергенѣ, въ Гренландіи, на островахъ архипелага Франца-Іосифа, такъ и на Новой Землѣ льды накопились въ наибольшемъ количествѣ вдоль восточныхъ береговъ. Чѣмъ объяснить это общее явленіе? Относительно болѣе низкая температура морскихъ водъ на восточ-

---

[1] *Karl Weyprecht*, Die Metamorphosen des Polareises.

[2] *Karl Weyprecht*, то же сочиненіе.

ныхъ берегахъ есть, конечно, одна изъ причинъ этого контраста; но, кромѣ того, нужно принять въ разсчетъ преобладающее вліяніе восточныхъ вѣтровъ, которые гонятъ передъ собой льдины и накопляютъ ихъ противъ береговъ, представляющихъ преграду на пути ихъ слѣдованія; наконецъ, движеніе естественнаго относа, которое, увлекая льды къ югу, всегда заставляетъ ихъ уклоняться вправо, въ направленіи противоположномъ вращательному движенію нашей планеты, также должно способствовать этому нагроможденію полярнаго льда у восточныхъ береговъ земель и архипелаговъ [1]).

Впрочемъ, состояніе льдовъ и протяженіе сплошныхъ ледяныхъ пространствъ чрезвычайно разнятся въ различные годы. Лѣтомъ 1871 года сплошной полярный ледъ тянулся почти по линіи 78-го градуса широты на востокѣ отъ Шпицбергена, и австрійскіе путешественники Пайеръ и Вейпрехтъ не видѣли ни одной льдины на разстояніи 170 верстъ къ сѣверу отъ Новой Земли. Въ слѣдующемъ году, напротивъ, ледяной барьеръ подвинулся къ югу среднимъ числомъ на 280 до 320 верстъ и даже окаймлялъ входъ въ Карскія Ворота, близъ русскаго континента. Эта разница въ положеніи льдовъ должна быть приписана лишь въ очень незначительной степени годовымъ колебаніямъ температуры; она происходитъ главнымъ образомъ отъ дѣйствія вѣтровъ: въ промежутокъ одного года сплошныя ледяныя пространства могутъ перемѣститься съ одной стороны Ледовитаго океана на другую. Если, напримѣръ, въ маѣ мѣсяцѣ постоянные югозападные вѣтры задержатъ плавающіе льды между Гренландіей и Шпицбергеномъ, то внутри полярныхъ морей обширное пространство, по крайней мѣрѣ въ 50,000 квадр. верстъ, будетъ покрыто сплошными ледяными массами, которыя, подъ вліяніемъ сѣверныхъ вѣтровъ, могли бы спуститься въ болѣе низкія широты и растаяли бы въ полуденныхъ водахъ. Въ 1871 году, въ то время какъ моря сѣверной Европы очистились отъ льдовъ, послѣдніе ушли, гонимые вѣтромъ, въ сторону полярныхъ острововъ Новаго Свѣта, и цѣлый флотъ американскихъ китолововъ, болѣе тридцати судовъ, былъ затертъ между плавающими ледяными горами [2]). Вотъ почему было-бы весьма желательно, чтобы на сѣверной оконечности Новой Земли была какъ можно скорѣе учреждена метеорологическая станція, для того, чтобы мореплаватели могли заранѣе знать географію льдовъ во всемъ полярномъ бассейнѣ и, сообразно ихъ положенію, составлять свой маршрутъ. Благодаря перемѣщенію льдовъ, полярныя моря иногда являются совершенно свободными на протяженіи многихъ тысячъ верстъ. Въ 1870 году, когда норвежецъ Іоганнесенъ совершилъ первое выполненное до сихъ поръ плаваніе во-

---

[1]) *Karl Weyprecht*, выше цитированное сочиненіе.
[2]) *Karl Weyprecht*, выше цитированное сочиненіе.

кругъ Новой Земли, онъ не встрѣтилъ на своемъ пути ни одной льдины. Точно также лѣтомъ 1878 года поверхность водъ была совершенно открыта во всѣхъ моряхъ этихъ областей, такъ что, по мнѣнію Іоганнесена, пароходу легко можно бы было пройти на сѣверъ отъ архипелага Франца-Іосифа. Извѣстно, что болѣе близкое знакомство съ полярными водами и съ мѣсячными колебаніями мѣстнаго климата разсѣяло страхъ, который нѣкогда внушало Карское море, то-есть заливъ, простирающійся отъ Новой Земли до устьевъ или губъ Оби и Енисея: прежде это море называли „Ледникомъ Европы“ и считали его совершенно непроходимымъ для судовъ, хотя оно было пройдено въ разное время многими купцами. Одна грамата Бориса Годунова, относящаяся къ 1600 году, опредѣленно говоритъ, что пинежскіе и мезенскіе торговые люди ходатайствовали о дозволеніи имъ ходить по морю и черезъ Обскую губу на Тазъ, Пуръ и Енисей; это дозволеніе было имъ дано. Однако, уже въ 1616 году тобольскій воевода вошелъ съ представленіемъ къ высшему правительству, прося его воспретить всякое судоходство по Карскому морю, дабы голландскіе „нѣмцы“ не провѣдали дорогу къ сѣвернымъ берегамъ Сибири, и дабы государева казна не лишалась чрезъ то пошлинъ съ привозныхъ товаровъ. Дѣйствительно, царь запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, пользоваться морскимъ путемъ черезъ Карскій заливъ, и одинъ холмогорскій житель Савинъ, виновный въ томъ, что надѣялся на прибытіе „нѣмецкихъ“ мореходовъ къ берегамъ Карскаго моря, былъ нещадно битъ батогами, дабы другимъ не повадно было вносить смуту въ умы. Такимъ-то образомъ Карское море административнымъ порядкомъ было превращено въ „неприступный ледникъ“. Въ 1844 году генералъ-губернаторъ не далъ разрѣшенія на основаніе въ Архангельскѣ банка, предназначавшагося для поощренія судоходства въ полярныхъ моряхъ, и даже приказалъ арестовать купца Сидорова, заподозрѣннаго въ томъ, что ему принадлежалъ починъ этого предпріятія. Еще позднѣе мѣстное начальство перестало заботиться о поддержаніи бакеновъ и маяковъ, устроенныхъ частными лицами по берегамъ Печоры. Иностранцамъ выпала честь вновь открыть эти моря, на которыя фискъ наложилъ запрещеніе [1]). Въ 1869 году норвежецъ Карлсенъ прошелъ эти воды и достигъ устья Оби, откуда вернулся въ Норвегію черезъ Маточкинъ Шаръ. Со времени этого достопамятнаго путешествія не проходило года безъ того, чтобы, вопреки первому совѣту, данному русскимъ географическимъ обществомъ, Карское море, очень богатое рыбными мелями, не было посѣщаемо сибирскими рыболовами или торговыми людьми: въ началѣ августа суда почти всегда находятъ тамъ свободныя отъ льдовъ воды; однако, въ 1879 году только одно судно могло безпрепятственно совершить переходъ черезъ это море.

---

[1]) „Отечественныя Записки“, 1877 г., №№ 10 и 11.

Хотя Новая Земля иногда освобождается отъ окружающаго ее пояса сплошныхъ льдовъ, тѣмъ не менѣе это страна совершенно полярная. Издали скалы ея, съ которыхъ солнце, туманъ или вѣтеръ согнали снѣгъ, кажутся совершенно голыми и безплодными; только когда разсматриваешь ихъ вблизи, замѣчаешь на поверхности камня желтоватую или ржаво-рыжеватую окраску, обнаруживающую присутствіе лишаевъ. Въ равнинахъ, кое-какія лиственныя растенія разстилаются на подобіе дерноваго ковра и распускаютъ въ уровень съ землей свои цвѣты и плоды. По Гейглину, флора этихъ острововъ состоитъ изъ 150 явнобрачныхъ и почти такого же числа тайнобрачныхъ. Страна имѣетъ и лѣса, но ея лѣса сливаются съ мохомъ: тамъ встрѣчаются приземистыя, ползучія березки, бузинные кустики, елочки, деревца, похожія на пучки травы. Самое обыкновенное дерево Новой Земли—особый видъ ивы (Salix polaris), которая поднимается не болѣе какъ на сантиметръ (менѣе полудюйма) надъ ковромъ изъ лишаевъ. Исполиномъ растительнаго царства является другой видъ ивы (Salix lanata), лучшіе экземпляры котораго имѣютъ не менѣе 15 сантим. (1/2 фута) въ высоту. Вообще деревья здѣсь развиваются не въ стволъ, а въ корни, такъ что лѣса Новой Земли, какъ и лѣса Сѣвернаго Урала, можно бы было назвать подземными.

Животное царство двойнаго острова богаче фауны Шпицбергена: кромѣ ластоногихъ и китообразныхъ различныхъ видовъ, которыя рѣзвятся въ бухтахъ, къ нему принадлежатъ: медвѣдь, волкъ, двѣ породы лисицы, сѣверный олень, заяцъ, мышь обыкновенная и полевая. Впрочемъ, нѣкоторые виды животныхъ сосѣдняго материка могутъ пользоваться весеннимъ льдомъ и посѣщать временно острова. Гейглинъ нашелъ тамъ 45 видовъ птицъ, тогда какъ прежніе путешественники видѣли ихъ только 28. Мошки и комары, этотъ бичъ области тундръ Европейской Россіи и Сибири, не преслѣдуютъ звѣролововъ на островѣ Вайгачъ [1]) и довольно малочисленны на Новой Землѣ [2]).

Прежде въ полуденной части Новой Земли жили самоѣды, какъ свидѣтельствуетъ англійскій путешественникъ Стифенъ Борро, узнавшій о томъ отъ русскихъ, которыхъ онъ встрѣтилъ на о. Вайгачъ [3]); но эти туземцы давно уже исчезли или удалились на материкъ. Въ настоящее время только нѣсколько европейцевъ кавказскаго племени устроили себѣ жилище на Новой Землѣ, въ постоянной спасательной станціи, основанной въ 1877 году въ бухтѣ Малыя Кармакули, на берегу залива Моллеръ, да въ нѣсколькихъ пристанищахъ для рыбной ловли. Хотя присоединенная къ громаднымъ владѣніямъ Россійской Имперіи, эта морская земля остается еще въ совершенно первобытномъ состояніи, и охот-

[1]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.
[2]) *Von Baer*; *Toeppen*, Die Doppelinsel Nowaja Semlja.
[3]) *Lütke*, Viermalige Reise durch das nördliche Eismeer in den Jahren 1821 bis 1824.

ники могутъ бродить по ея пустыннымъ пространствамъ, не встрѣчая никакого пограничнаго знака, который напоминалъ бы о всемогуществѣ сѣвернаго колосса.

IX.

БАССЕЙНЫ ВОЛГИ И УРАЛА, ВЕЛИКОРОССІЯ.

Могучая рѣка, пересѣкающая наискось Европейскую Россію, почти отъ береговъ Балтики до Каспійскаго моря и принимающая въ себя воды обширной территоріи, въ три раза превосходящей по величинѣ Францію, способствовала въ значительной степени образованію Руси, какъ націи, и опредѣленію ея политической роли. Днѣпръ указывалъ малоруссамъ дорогу къ Царьграду; Висла, Нѣманъ, Западная Двина увлекали на западъ барки бѣлоруссовъ и литовцевъ и манили нѣмцевъ селиться на ихъ берегахъ; даже Волховъ и Нева, приводя Новгородъ Великій въ сообщеніе съ германской Ганзой, удаляли его, такъ сказать, отъ центра Россіи. Напротивъ того, Волга и обширная сѣть ея судоходныхъ притоковъ заставляли жителей края развиваться и создавать свою гражданственность на мѣстѣ ихъ пребыванія. Хотя многочисленныя судоходныя рѣки облегчали сообщенія во всѣхъ направленіяхъ между различными мѣстностями Великой Руси, однако очень небольшое число колонистовъ направлялось на юго-востокъ, къ безплоднымъ степямъ, солончаковымъ пустынямъ и замкнутому бассейну Каспія: масса населенія должна была оставаться въ странѣ и мало по малу приспособлять ее посредствомъ культуры къ потребностямъ осѣдлой жизни. Соприкасаясь въ тысячѣ мѣстъ ихъ обширной колонизаціонной территоріи съ азіатскими племенами, пришедшими въ Европу черезъ юго-восточныя степи, великоруссы смѣшивались съ ними, частію претворяли ихъ въ славянъ, частію сами сливались съ уральскими народцами, и этимъ то путемъ, черезъ постоянное смѣшеніе племенъ, образовалась та сильная раса, которая постепенно пріобрѣла преобладающее значеніе между всѣми народностями восточно-славянскаго міра. Освобожденная нынѣ, благодаря распространенію земледѣлія, устройству каналовъ, большихъ дорогъ, желѣзныхъ путей, отъ древнихъ границъ, начертанныхъ болотами и лѣсами, эта раса могла разлиться далеко за предѣлы бассейна Волги; направивъ потокъ колонизаціоннаго движенія на Азію, она протянула его черезъ всю Сибирь и выдвинула группы своихъ поселенцевъ до береговъ Тихаго океана; она, такъ сказать, осаждаетъ Китайское царство, и черезъ нее великій восточный континентъ все болѣе и болѣе подчиняется европейскому вліянію. Но главная масса великорусской національности и теперь, какъ прежде, сосредоточена на Волгѣ и ея верхнихъ

притокахъ: тамъ дѣти ея сгруппированы въ числѣ болѣе 30 милліоновъ душъ, а въ нѣкоторыхъ центральныхъ частяхъ густота населенія не менѣе той, какая существуетъ во многихъ странахъ Западной Европы.

Пространство и населеніе двадцати губерній, великорусскихъ вполнѣ или отчасти, границы которыхъ совпадаютъ приблизительно съ предѣлами бассейновъ Волги и Урала, показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ [1]).

Названіе губерній.	Пространство.			Населеніе въ 1870 г.	Населеніе въ 1880 г.	Густота населенія въ 1880 г.	
	кв. миль.	кв. верстъ.	кв. кил.			на 1 кв. версту.	на 1 кв. кил.
Тверская	1,186,5	57,407	65,330	1.528,881	1.644,600	28,6	25,2
Калужская	561,70	27,178	30,929	996,252	1.114,372	41,2	36,0
Московская	604,80	29,264	33,302	1.772,624	1.938,358	66,2	58,2
Тульская	562,8	27,204	30,959	1.167,878	1.304,8[illegible]5	48,0	42,1
Орловская	848,6	41,059	46,726	1.596,881	1.852,886	45,1	39,7
Рязанская	764,6	36,993	42,098	1.477,433	1.664,744	45,0	39,8
Тамбовская	1,209,3	58,511	66,587	2.150,971	2.428,748	41,5	36,5
Ярославская	646,8	31,294	35,613	1.000,748	1.047,183	33,5	29,4
Костромская	1,538,2	74,423	84,695	1.176,097	1.255,542	16,9	14,8
Владимірская	887,8	42,931	48,856	1.259,923	1.341,661	31,5	27,4
Нижегородская	931,2	45,054	51,273	1.271,564	1.376,028	30,5	26,8
Пензенская	705,4	34,129	38,840	1.173,186	1.337,155	39,2	34,4
Казанская	1,157,1	55,987	63,715	1.704,624	1.902,345	34,0	29,9
Вятская	2,780,6	134,538	153,107	2.406,024	2.662,104	19,8	17,4
Пермская (въ Евр. и Аз. Россіи)	6,030,5	291,783	332,054	2.198,666	2.476,876	8,5	7,5
Уфимская	2,215,9	107,218	122,016	1.364,925	1.684,621	15,7	13,8
Симбирская	898,9	43,491	49,494	1.205,881	1.431,872	32,9	28,9
Самарская	2,743,1	132,726	151,043	1.437,081	2.177,600	16,4	14,4
Саратовская	1,534,5	74,245	84,493	1.751,268	2.021,838	27,2	23,9
Астраханская	4,295,6	207,841	236,527	601,514	766,840	3,7	3,2
Оренбургская	3,472,0	167,290	191,176	900,547	1.096,376	6,5	5,7
Уральская область (въ Евр. и Аз. Россіи)	6,654	321,965	366,402	346,715	525,322	1,6	1,4
	42,228,9	2.043,231	2.325,235	30.889,683	35.051,880	17,2	15,1

Ручей, принимающій у своего истока названіе Волги, получаетъ начало не въ горахъ; только нѣсколько незначительныхъ холмовъ поднимаются своими лѣсистыми вершинами надъ озерами и болотами, откуда вытекаютъ первыя воды, которыя на разстояніи около 1,500 верстъ (считая

[1]) Таблица эта составлена по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, взамѣнъ помѣщенной въ соч. Реклю. *Ред.*

*

по прямой линіи) изливаются въ Каспійское море. Впрочемъ, пересѣченное плато Волконскаго Лѣса и Валдая также посылаетъ изъ своихъ восточныхъ долинъ источники и ручьи въ нарождающуюся Волгу, и потому эта волнистая возвышенность можетъ быть разсматриваема какъ мѣсто происхожденія великой рѣки.

Самые высокіе холмы Валдайской возвышенности поднимаются не болѣе какъ на 210 фут. (65 м.) надъ уровнемъ плато, хотя главная вершина, Попова гора (у станціи Зимогорья), имѣетъ около 1,150 фут. (351 м.) высоты. Общая высота этой страны настолько значительна, что сообщаетъ ей гораздо болѣе суровый характеръ, чѣмъ какой имѣютъ равнины рѣки Ловать и озера Ильмень, на западѣ и сѣверозападѣ; при видѣ ея моховыхъ болотъ, озеръ, еловыхъ лѣсовъ можно подумать, что находишься верстъ на 500 сѣвернѣе, гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ Онежскаго озера; средняя годовая температура тамъ тоже почти на 2 градуса ниже, чѣмъ въ окружающихъ равнинахъ, и поясы многихъ растительныхъ видовъ обходятъ Валдайскія высоты на югѣ, чтобы направиться на юго-востокъ къ бассейну Дона [1]). Однако, въ цѣломъ флора Валдая не отличается отъ флоры сосѣднихъ равнинъ, простирающихся къ великимъ озерамъ, изъ чего заключаютъ, что эти высоты относительно недавняго происхожденія въ исторіи земнаго шара; онѣ не имѣютъ растеній исключительно имъ свойственныхъ, и ихъ растительный покровъ всецѣло происходитъ изъ области, которая освободилась отъ льдовъ послѣ длинной геологической зимы. Плоскогорье, нынѣ изрытое дождями и снѣгами, составляло въ ту эпоху продолженіе однообразныхъ скатовъ этой области и, также какъ она, было покрыто моремъ финляндскихъ льдовъ; холмы его усѣяны эрратическими камнями всевозможной величины, принесенными, безъ сомнѣнія, плавающими льдами изъ сѣверныхъ странъ [2]). По своей ихтіологической фаунѣ, Валдай тоже принадлежитъ къ области финляндско-скандинавской. Рыбы его озеръ, даже рыбы верхней Волги, не принадлежатъ къ Волжскому бассейну въ собственномъ смыслѣ: верхніе валдайскіе притоки этой рѣки составляютъ часть ея какъ будто случайно и какъ будто присоединились къ ея бассейну только съ недавняго времени; судя по фаунѣ водъ, истинное происхожденіе Волги слѣдуетъ искать не на Валдайскихъ высотахъ, а въ Бѣломъ озерѣ, на востокѣ отъ Ладоги: стерляди и осетры живутъ въ Шекснѣ, вытекающей изъ этого озера, какъ и въ средней Волгѣ [3]).

Область, въ которой беретъ начало рѣка, извѣстная нынѣ подъ именемъ Волги, одна изъ самыхъ болотистыхъ мѣстностей западной Россіи: можно

---

[1]) *Хр. Гоби*, О вліяніи Валдайской возвышенности на географ. распростр. растеній. Спб., 1876.

[2]) *Рупрехтъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome IX, 1866.

[3]) *Поляковъ*, Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго Общества, 1874 г., № 8.

подумать, что она занимаетъ низину, а не хребетъ страны. Отдѣленный простымъ торфянымъ болотомъ отъ одного изъ притоковъ Волхова, ручеекъ, изъ котораго образуется Волга, вытекаетъ изъ родника въ Волгиномъ Верховьѣ (въ Осташковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи); родникъ этотъ, обдѣланный въ колодезь и называемый иногда Іорданомъ, какъ бы въ знакъ святости его водъ, былъ прежде прикрытъ часовней, остатки которой видны еще и теперь [1]). Ручеекъ въ началѣ скорѣе просачивается, нежели течетъ, изъ болота въ болото, затѣмъ, на разстояніи около 35 верстъ, проходитъ послѣдовательно черезъ три лежащія одно надъ другимъ озера (Стержъ, Веслугъ, Пено), уровень которыхъ разнится всего только на нѣсколько дециметровъ (1 дец.=4 дюйм.). Часто случается, что притокъ, приходящій съ юга, рѣчка Жукопа, заставляетъ Волгу течь назадъ къ ея истоку, отбрасывая ее въ озеро Пено, изъ котораго она только что вышла: естественное паденіе воды такъ слабо, что толчка, производимаго боковымъ потокомъ, достаточно, чтобы измѣнить ея направленіе. По выходѣ изъ озера Пено, лежащаго въ сосѣдствѣ съ маленькимъ озеромъ Двинецъ, откуда вытекаетъ Западная Двина, Волга принимаетъ восточное направленіе, котораго она придерживается до Казани, и проходитъ черезъ четвертое озеро, носящее почти такое же названіе, какъ и рѣка: это озеро—Волго. Въ этомъ мѣстѣ Волга является уже порядочной рѣкой, катящей отъ 350 до 4200 кубич. футовъ воды въ секунду, смотря по времени года [2]). Верстахъ въ пяти ниже рѣка съуживается и образуетъ свои первые пороги: инженеры воспользовались этимъ скалистымъ ущельемъ и построили для задерживанія водъ бейшлотъ или плотину, при помощи которой, въ дождливое время года, вся верхняя долина съ ея озерами превращается въ резервуаръ длиною около 75 верстъ и шириною въ 2 версты. Въ этомъ Верхневолжскомъ водохранилищѣ накопляется до 19 милліоновъ кубич. саженей воды, которая выпускается по мѣрѣ надобности и возвышаетъ горизонтъ рѣки. Барки и плоты могутъ спускаться внизъ изъ области озеръ, благодаря запрудѣ, и выше ея рѣка, уровень которой возвышается на $6^1/_2$—7 дюймовъ въ періодъ засухи, становится правильно судоходной. Недалеко оттуда, ниже озера Волго, рѣчка Селижаровка, вытекающая изъ большаго извилистаго озера Селигеръ (гдѣ на островѣ находится знаменитый монастырь, Нилова Пустынь, посѣщаемый и теперь еще 20,000 богомольцевъ), соединяется съ Волгой и увеличиваетъ вдвое ея объемъ. Можно сказать, что съ точки зрѣнія судоходства и торговли здѣсь собственно и начинается рѣка Ра (Rha, Rhas или Rhos) древнихъ писателей и у мордвы, Юлъ черемисовъ, Атель, Этиль или Итиль татаръ, Тамаръ армянъ; всѣ эти

---

[1]) *Albin Kohn*, Die Volga und Kama. Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik, oct. 1879.

[2]) *Stjernwall; Köppen*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches; *ф.-Беръ* и *ф.-Гельмерсенъ*.

названія означаютъ одно и тоже—„Рѣка" по-преимуществу; финское названіе ея—Волга—означаетъ „Священная рѣка".

Ниже Селижаровки, Волгѣ остается только спуститься по скатамъ Валдайской сплошной возвышенности черезъ рядъ пороговъ (числомъ 33), которые, впрочемъ, не препятствуютъ судоходству; а далѣе рѣка, извиваясь въ великой русской равнинѣ, принимаетъ въ себя притоки судоходные, сообщающіеся посредствомъ каналовъ съ покатостью Балтійскаго моря. Многолюдные города, Тверь, Рыбинскъ, Ярославль, Кострома, отражаются въ ея водахъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ Волга, которая уже заслуживаетъ данное ей прозвище „матушки", матери между русскими рѣками, и которая, по массѣ воды, превосходитъ Днѣпръ-„батюшку" („Днипро батько", какъ его называютъ малороссы), соединяется съ другой рѣкой, почти равною ей по мощи и болѣе важною въ историческомъ отношеніи: это—Ока. Она долгое время служила границей между татарами и москвитянами и протекаетъ черезъ центральную область нынѣшней Россіи: получая начало въ области чернозема, эта рѣка, длиною въ 1,065 верстъ (1,136 кил.), орошаетъ плодороднѣйшія равнины Великой Россіи и несетъ на Нижегородскую ярмарку произведенія земледѣльческой и фабрично-заводской промышленности центральныхъ, густо-населенныхъ губерній: Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Владимірской и Московской. Имѣя около версты съ четвертью въ ширину, она сливается, какъ морской заливъ, съ Волгой, которая только немногимъ шире ея въ этомъ мѣстѣ.

Другіе притоки, величиной съ Сену, теряются въ Волгѣ къ востоку отъ Нижняго Новгорода; но всѣ они кажутся незначительными въ сравненіи съ могучей Камой, которая соединяется съ главной рѣкой ниже Казани, принося Волгѣ дожди и тающіе снѣга съ Уральскихъ горъ и изъ обширныхъ странъ, населенныхъ пермяками и зырянами. Въ то время, какъ бассейнъ Оки обнимаетъ пространство почти столь же обширное, какъ Италія, Кама получаетъ излишекъ влаги въ территоріи, почти равняющейся протяженіемъ всей Франціи. По направленію теченія, Каму можно считать главной рѣкой, такъ какъ ниже сліянія двѣ рѣки, соединенныя въ одномъ и томъ же руслѣ, но еще долго различающіяся цвѣтомъ своихъ водъ (камская вода чистая, тогда какъ волжская имѣетъ сѣрый цвѣтъ), текутъ къ югу и юго-западу, слѣдовательно по линіи, составляющей продолженіе верхней долины Камы. У Симбирска, ниже соединенія съ Камой, средній объемъ протекающей воды, можетъ быть, уже столь же значителенъ, какъ и при устьяхъ Волги, потому что во всемъ среднемъ теченіи притоки не многочисленны и приносятъ незначительное количество воды: дожди тамъ рѣдки, а испареніе очень сильно, такъ что у крестьянъ низовыхъ приволжскихъ мѣстностей сложилась даже поговорка: „не земля насъ кормитъ, а небо".

МѢСТО СЛІЯНІЯ ОКИ СЪ ВОЛГОЮ.

Ниже сліянія Волги и Камы прежде существовалъ обширный озерный бассейнъ, цѣлое прѣсноводное море, которое съ теченіемъ времени было постепенно наполнено наносами двухъ соединившихся рѣкъ. Почти въ этомъ мѣстѣ находится граница области торфяныхъ болотъ, и начинается область степей. Въ направленіи съ сѣвера на югъ атмосфера становится менѣе влажной, почва болѣе крѣпкой. Внизъ отъ Симбирска нигдѣ уже не встрѣтишь большихъ трясинъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ мховъ, который плаваетъ на болотистой, полужидкой тинѣ и въ которомъ корни деревъ переплетаются на подобіе веревочныхъ сѣтей. Впрочемъ, даже въ области моховыхъ болотъ, такіе растущіе на трясинахъ лѣса должны постепенно исчезать съ распространеніемъ земледѣлія и съ проложеніемъ дорогъ [1]).

Ниже древняго Симбирскаго озера, Волга ударяется о крутыя стѣны известковыхъ горъ, которыя она не въ состояніи была пробить напоромъ воды и потому должна слѣдовать вдоль ихъ основанія въ восточномъ направленіи — до слабаго мѣста, позволяющаго водамъ открыть себѣ выходъ и продолжать свой путь на югъ. Но, пройдя эту горную массу, черезъ проломъ у Самары, рѣка тотчасъ же поворачиваетъ къ западу, слѣдуя вдоль полуденнаго склона холмовъ, въ направленіи противоположномъ ея предъидущему ходу, и такимъ образомъ ограничиваетъ, съ замѣчательной правильностью очертанія, узкій и длинный полуостровъ, соединенный основаніемъ съ западнымъ плато. Въ этомъ изгибѣ, называемомъ Самарской лукой (длина ея дуги около 150 верстъ, а хорды—менѣе 20 верстъ), берега Волги необыкновенно живописны. Крутыя, лѣсистыя горы, оканчивающіяся на верху пирамидами и иглами причудливой формы, возвышаются надъ рѣкой мѣстами саженъ на сто, и съ вершинъ ихъ можно окинуть взоромъ развертывающіяся извилины Волги на разстояніи сотни верстъ. На нѣкоторыхъ, почти неприступныхъ, вершинахъ (Жегули или Жегулевскія горы) нѣсколько кургановъ носитъ названіе „Стенькиныхъ", въ память Степана Разина, предводителя возмутившихся казаковъ и крестьянъ, который со своей вольницей имѣлъ притонъ въ этой естественной волжской крѣпости [2]). Около входа въ проломъ, на сѣверъ отъ Самары, тамъ, гдѣ притокъ Сокъ впадаетъ въ главную рѣку, возвышается на лѣвомъ берегу Волги отдѣльный холмъ, который нѣкогда былъ островомъ среди существовавшаго тутъ обширнаго озера. Это—такъ называемый Царевъ Курганъ, известковая гора, содержащая въ большомъ количествѣ ископаемыя раковины (Fusulina cylindrica), которыя похожи на зерна хлѣба, вслѣд-

---

[1]) *R. Ludwig*, Reise durch Russland und den Ural.

[2]) *Кучинъ*, Путеводитель по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью.

ствіе чего мѣстные крестьяне обыкновенно называютъ ихъ „окаменѣлой рожью“ [1]).

Холмы, вдоль основанія которыхъ течетъ Волга, поднимаются во многихъ мѣстахъ саженъ на 50—60, даже на 100 и болѣе надъ поверхностью воды, принимая почти видъ настоящихъ горъ. Гора Бѣлый Ключъ, на юго-западъ отъ города Сызрани, имѣетъ не менѣе 1158 фут. высоты, то есть 1115 фут. надъ среднимъ уровнемъ рѣки; другія вершины, достигающія 100 и 120 саженъ, представляютъ внушительныя высоты въ сравненіи съ едва примѣтными буграми, которые поднимаются тамъ и сямъ на равнинахъ центральной Россіи. Эти холмы западнаго берега Волги составляютъ замѣчательный контрастъ съ гладкими равнинами ея восточной стороны. И контрастъ этотъ—не только во внѣшней формѣ: онъ проявляется также и въ геологической природѣ почвы. Выше Самарскаго пролома, высоты праваго берега принадлежатъ къ формаціямъ каменноугольной, юрской, мѣловой, тогда какъ восточныя равнины діазическаго происхожденія; ниже пролома Волга раздѣляетъ пермскіе холмы отъ аллювіальныхъ земель, наполнившихъ древнія озера и морскіе заливы. Рѣка образуетъ геологическую границу,—но границу, которая мало по малу передвигается.

Въ самомъ дѣлѣ, Волга можетъ быть разсматриваема, какъ типъ рѣкъ, которыя постоянно размываютъ все далѣе и далѣе свой правый берегъ, отлагая наносы на лѣвомъ берегу. Основываясь на изученіи этого могучаго потока, покойный академикъ Бэръ могъ окончательно доказать и формулировать законъ (изслѣдованіемъ его занимался уже Солтковъ въ 1844 году), приводящій постепенныя перемѣщенія этихъ рѣкъ въ связь съ вращательнымъ движеніемъ земнаго шара. Текущая жидкая масса, переходя послѣдовательно, какъ въ данномъ случаѣ, изъ географическихъ широтъ съ меньшею угловою скоростью въ широты съ большею скоростью, должна отставать отъ движенія земли и уклоняться къ западу, т. е. въ сторону праваго берега. По выходѣ изъ области плоскихъ возвышенностей, Волга не перестаетъ подтачивать свой высокій или „нагорный“ берегъ и удаляться съ лѣваго или „луговаго“ берега. Подобное же явленіе можно наблюдать на Окѣ, Камѣ и другихъ большихъ притокахъ рѣки. Городъ Казань, стоявшій прежде на самомъ мысѣ, образуемомъ сліяніемъ Казанки и Волги, теперь удаленъ верстъ на пять или на шесть отъ этой послѣдней рѣки: можно подумать, что онъ самъ отодвинулся къ востоку.

Но особенно въ той части теченія, которая заключается между Самарой и Царицынымъ, захваты Волги представляютъ замѣчательнѣйшее

---

[1]) *Акад. Гельмерсенъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, vol. XI, 1867.

зрѣлище. На востокѣ, то-есть на лѣвомъ берегу, мы видимъ острова, наполовину обсохшіе рукава, болота, затѣмъ, въ отдаленіи, степь, выровненную водами, которыя нѣкогда покрывали ее. Рѣка устремляетъ всю силу своего теченія на западный берегъ, почти вездѣ изсѣченный въ видѣ крутаго утеса и состоящій изъ слоя глины, лежащаго на песчаномъ откосѣ. Во время разливовъ, вода Волги ударяется объ основаніе береговыхъ горъ; она уноситъ песокъ, вырываетъ ямы и пещеры подъ стѣнами изъ глины, затѣмъ смываетъ однѣ за другими огромныя глыбы, которыя отдѣляются отъ верхнихъ пластовъ: такимъ образомъ рѣка неустанно подтачиваетъ и разрушаетъ эти громадныя глинистыя стѣны, которыя издали похожи на скалы, и уноситъ ихъ въ море, вмѣстѣ съ прибрежными городами и деревнями. Почти всѣ двадцать-три города, построенные на западномъ берегу Волги, разрушаются дѣйствіемъ водъ по частямъ, домъ за домомъ, улица за улицей, и, подтачиваемые съ одной стороны, они вынуждены отодвигаться все далѣе и далѣе въ степь. Даже ниже Царицынскаго поворота и его береговыхъ утесовъ, крутой берегъ, на которомъ стоитъ Черный-Яръ и который возвышается саженъ на 14, отступаетъ каждый годъ почти на столько же саженъ, и дорога, по которой спускаются изъ города къ рѣкѣ, должна быть передѣлываема ежегодно. Кладбище, также какъ старый городъ, поглощены рѣкой, и долгое время видны были черепа и скелеты, высовывавшіеся изъ красноватой стѣны береговаго утеса. Съ высоты нагорнаго праваго берега можно окинуть взоромъ всю сѣть рукавовъ, которые извиваются среди лабиринта зеленыхъ острововъ до рѣки Ахтубы, прежняго русла Волги, отстоящаго нынѣ среднимъ числомъ верстъ на 20 отъ главнаго потока. Далѣе разстилается необозримая степь, которая походитъ на сѣроватое море, и дѣйствительно превращается въ море, во время разливовъ Волги, на значительное протяженіе въ ширину. Во избѣжаніе этихъ наводненій, почти всѣ города были построены на высокомъ правомъ берегу, гдѣ они, если и разрушаются, то по крайней мѣрѣ разрушаются постепенно и не рискуютъ исчезнуть въ одинъ разъ [1]. Безъ сомнѣнія, придетъ время, когда долина Свіяги, параллельная долинѣ Волги на протяженіи почти 400 верстъ и отдѣленная отъ нея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пространствомъ не болѣе 3 верстъ, сдѣлается долиной главной рѣки. Промежуточныя возвышенности годъ отъ году уменьшаются въ ширину.

Область Волжской дельты начинается уже отъ Царицынскаго поворота, въ разстояніи около 500 верстъ отъ Каспійскаго моря, такъ какъ рѣка дѣлится тутъ на безчисленное множество рукавовъ или каналовъ, извивающихся между ложами Волги и Ахтубы, изъ которыхъ послѣдняя вблизи моря носитъ названіе Берекетъ; однако, дельта въ собственномъ

---

[1]) *Акад. Беръ*, Kaspische Studien.

смыслѣ образуется лишь верстахъ въ пятидесяти выше Астрахани, въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ главнаго русла выдѣляется рукавъ Бузань. Затѣмъ, въ сосѣдствѣ Астрахани, отдѣляются рукава Балда, Кутумъ, а еще ниже—Царевскій, Цаганъ, Бирюль и другіе. На обширномъ аллювіальномъ полуостровѣ, который вдается далеко во внутренность Каспія и, несчитая безчисленныхъ неправильностей прибрежья, имѣетъ не менѣе 170 верстъ въ окружности, насчитываютъ среднимъ числомъ около двухъ сотъ рѣчныхъ устьевъ, большинство которыхъ, правда, состоитъ изъ непостоянныхъ и тинистыхъ протоковъ. Лѣтопись Преподобнаго Нестора говоритъ о „семидесяти устьяхъ": то было священное число; въ настоящее время около пятидесяти рукавовъ этого воднаго лабиринта представляютъ правильные потоки [1]. Весной, въ періодъ наводненія, вся поверхность дельты, также какъ все нижнее теченіе, начиная отъ Царицына, обращается въ сплошную массу движущейся воды, среди которой тамъ и сямъ высовываются островки; въ это время, можно сказать, прѣсноводное море спускается къ соленому морю. Но послѣ каждаго изъ этихъ ежегодныхъ потоковъ образовывались новыя русла, а изъ старыхъ нѣкоторыя заносились иломъ или пескомъ, такъ что географію Волжской дельты постоянно приходится передѣлывать. Даже главныя русла мѣняютъ мѣсто. Двѣсти лѣтъ тому назадъ устье, по которому слѣдовали суда, текло прямо отъ Астрахани къ востоку; затѣмъ главный потокъ послѣдовательно пролагалъ себѣ другія русла, уклоняясь все далѣе и далѣе въ правую сторону, и теперь протокъ, по которому обыкновенно производится судоходство, направляется къ юго-юго-западу. Протокъ Балда, сообщающійся посредствомъ боковаго рукава съ Ахтубой, также получилъ въ это послѣднее время значительную важность и увеличился на счетъ своихъ сосѣдей: подтачивая и затопляя земли, онъ даже смылъ до послѣднихъ слѣдовъ древній и знаменитый монастырь, носившій названіе Балдинскаго. Въ то время, какъ русла перемѣщаются, бары или пороги, черезъ которые должны переходить суда, чтобы войти изъ рѣки въ Каспійское море или проникнуть изъ моря въ рѣку, тоже мѣняютъ положеніе и глубину: ни одинъ проходъ не имѣетъ на барѣ болѣе 3 аршинъ глубины, а второй по важности не имѣлъ лѣтомъ 1852 года даже 18 дюймовъ, такъ что для судоходства рѣка была почти совершенно отдѣлена отъ моря [2]. Если бы южные и юго-западные вѣтры не дули часто съ такой силой, что аллювіальная грязь уносится обратно вверхъ по теченію, въ глубокія мѣста рѣчнаго ложа, то баръ Волги былъ бы совершенно недоступенъ. Пытались-было удалять осадки, отлагающіеся въ главномъ рукавѣ, но успѣли только перенести ихъ далѣе въ море, вслѣд-

[1] *Mrczkowski*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, 1872.

[2] *Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи.

ствіе чего образовался новый порогъ, столь же высокій, какъ и прежній; затѣмъ г. Мрочковскій предлагалъ устроить запруду выше входнаго фарватера, чтобы такимъ образомъ задерживать наибольшую часть рѣчныхъ наносовъ. Теперь инженеръ Даниловъ предлагаетъ обойти дельту, проведя каналъ отъ Астрахани до Серебряковской гавани, отстоящей отъ этого города на 180 верстъ къ юго-западу: тутъ именно находится первая глубокая бухта морскаго прибрежья, на югѣ отъ Волги.

Такъ оканчивается эта могучая рѣка, длина которой, не считая небольшихъ извилинъ, около 3,500 верстъ [1]), а судоходная сѣть (судоходные притоки ея имѣютъ около 8,500 верстъ), неуступающая по обширности судоходной линіи большихъ американскихъ рѣкъ, составляетъ около 12,000 верстъ. Отъ истоковъ Камы до Астраханской дельты, воды проходятъ 16 градусовъ географической широты и 9 изотермическихъ градусовъ: въ то время, какъ климатъ верхней рѣчной области имѣетъ среднюю температуру равную температурѣ точки замерзанія, годовая степень тепла въ области Волжской дельты колеблется около 9 градусовъ. У Астрахани рѣка замерзаетъ, среднимъ числомъ, только на 98 дней, и толщина льда тамъ иной разъ не превышаетъ 10 дюймовъ [2]); близъ Казани Волга бываетъ скована льдомъ 152 дня въ году; выше Перми, при впаденіи Чусовой, Кама остается подъ ледянымъ покровомъ впродолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ. Можно считать въ 40 сантиметровъ количество дождевой воды, выпадающей въ Волжскомъ бассейнѣ, что давало бы около 700,000 кубич. футовъ воды въ секунду, если бы вся падающая изъ атмосферы влага стекала черезъ русло Волги; но въ области лѣсовъ и луговъ растительность поглощаетъ значительную часть падающей воды, а въ области степей непосредственное испареніе можетъ уносить болѣе полутора аршина воды въ мѣстахъ, выставленныхъ сильному дѣйствію вѣтровъ [3]). Около трехъ-четвертей падающей воды теряется по дорогѣ. По первымъ, впрочемъ еще приблизительнымъ, исчисленіямъ, среднее количество протекающей въ Волгѣ воды оказалось немногимъ болѣе 200,000 кубич. футовъ въ секунду: это не составляетъ даже двухъ-третей средняго стока Дуная, который, между тѣмъ, уноситъ въ море воды бассейна вдвое меньшаго, чѣмъ бассейнъ великой русской рѣки. Подобно тому, какъ это замѣчено на рѣкахъ Сѣверной Германіи, Волга, говорятъ, стала менѣе обильна, чѣмъ прежде: суда, отправляемыя изъ нижней части рѣки съ солью, предназначенной для рынковъ сѣверной Россіи и Сибири, брали въ началѣ прошлаго столѣтія, среднимъ числомъ, около 18,000 пудовъ груза; въ наши дни они никогда не перевозятъ

---

[1]) По Стрѣльбицкому, длина Волги 2,983 в. =3,183 кил., а площадь бассейна 1.281,959 кв. верстъ=1.458,894 кв. кил. *Ред.*

[2]) Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества, 1870 г., № 1.

[3]) *Herbert Wood*, рукописныя замѣтки.

болѣе половины этого вѣса [1]. Между тѣмъ точныя измѣренія, произведенныя въ Астрахани, доказали, что съ половины настоящаго столѣтія, весенній разливъ Волги начинается раньше, продолжается дольше и поднимается выше. По среднимъ выводамъ за десятилѣтніе періоды, характеръ разливовъ у Астрахани представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Ускореніе разлива.	Продолжительность половодья.	Наибольшая высота.
1839—48	—	120,3 дней	8,2 фут.
1849—58	2,4 дня	147,3 „	9,9 „
1858—67	9,4 „	191 „	9,9 „

Причину этого явленія, т. е. усиленія разливовъ, слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ уменьшеніи лѣсовъ, которое имѣетъ слѣдствіемъ гораздо болѣе быстрое таяніе снѣга, незащищаемаго деревьями, а съ другой—въ осушкѣ болотъ при помощи канавъ, уносящихъ въ рѣки воду, которая оставалась прежде въ мхахъ торфяниковъ [2].

Количество приносимой Волгою воды, по меньшей мѣрѣ равное объему жидкой массы, изливаемому всѣми другими притоками Каспія, настолько значительно, что оказываетъ весьма чувствительное вліяніе на уровень моря. Такъ, напримѣръ, разливъ 1867 года, превосходившій всѣ разливы за предшествовавшія сорокъ лѣтъ, повысилъ морскую поверхность па 25 дюймовъ; прошло безъ малаго три года прежде, чѣмъ вода вернулась къ своему нормальному уровню. Эта добавочная жидкая масса въ бассейнѣ Каспія представляла 274 милліарда кубич. метровъ, то-есть въ три раза превышала объемъ Женевскаго озера. Что касается годоваго приращенія дельты со стороны моря, то до сихъ поръ его не могли опредѣлить даже приблизительно, по причинѣ чрезвычайной трудности дѣлать измѣренія на такомъ растянутомъ фронтѣ, форма котораго, притомъ, безпрестанно измѣняется подъ вліяніемъ процессовъ размыва и наноса, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи. Можно только сказать, что это приращеніе должно быть весьма значительно, такъ какъ вода Волги, въ которую каждый дождь приноситъ массу песку и глины изъ безчисленныхъ овраговъ, похожа на грязь во всей дельтѣ: тамошніе рыбаки не имѣютъ въ своемъ языкѣ никакого выраженія для обозначенія ея прозрачности; эта жидкая тина бываетъ для нихъ либо „красной“, либо „бѣлой“, смотря по большему или меньшему содержанію въ ней глинистыхъ или мѣловыхъ частицъ. Всѣ эти посторонція вещества, составляющія, по исчисленію г. Мрочковскаго, двѣ-тысячныхъ части воды, отлагаются по всей окружности дельты въ видѣ островокъ, островковъ, тинистыхъ мелей. Когда геологическія изслѣдованія позволятъ опредѣлить

---

[1] *A. de Gasparin*, Cours d'Agriculture, tome II, 1844.

[2] Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества, томъ VII, № 1, 1871 г.

эпоху, въ которую Каспій отдѣлился отъ Понта Эвксинскаго, вѣковое увеличеніе дельты можетъ быть вычислено съ точностью, потому что вся дельта—новѣйшаго происхожденія, и образованіе ея, тамъ, гдѣ она теперь находится, началось только со времени обособленія морскаго бассейна, въ который изливаются воды рѣки [1]).

Волга очень богата рыбой, и огромное множество рыбаковъ живутъ ея ловомъ. Въ особенности низовая Волга является для ея прибрежныхъ жителей и для всей Россіи громаднымъ питательнымъ резервуаромъ. Каждое время года имѣетъ свой особый родъ рыбной ловли: сѣти и неводы всякаго рода, крючки, багры, остроги и западни—таковы снаряды, которые употребляются для этой ловли, смотря по времени года и ловимой рыбѣ; даже зимой, когда ледъ покрываетъ Волгу своей толстой плитой, рыболовы пробиваютъ на извѣстныхъ разстояніяхъ одна отъ другой проруби и успѣваютъ овладѣвать рыбой, благодаря своему знакомству съ ея обычаями и повадками [2]). На нѣкоторыхъ рѣкахъ въ окрестностяхъ Самары рыбаки открываютъ траншею во льду, отъ одного берега до другаго, затѣмъ удаляются вверхъ по рѣкѣ за нѣсколько верстъ, и оттуда, верхомъ на коняхъ, скачутъ назадъ во весь галопъ, съ страшнымъ шумомъ и крикомъ, сгоняя такимъ образомъ рыбу къ запрудамъ траншеи. Самые странные по виду рыболовныя приспособленія на Волгѣ,—впрочемъ, совершенно похожія на тѣ, какія употребляются въ Босфорѣ и на берегахъ Адріатическаго моря,—это лѣса изъ жердей, плахъ, качающихся кровель, которые воздвигнуты надъ водой и на которыхъ сторожитъ рыбакъ, словно цапля, покачивающаяся на своихъ длинныхъ ногахъ и высматривающая добычу въ волнахъ. На островкахъ дельты устроены многочисленные заводы, гдѣ рыбу, привозимую цѣлыми барками, разрѣзаютъ, чтобы отдѣлить самыя нѣжныя части мяса и въ особенности яички, изъ которыхъ приготовляется поступающая въ продажу икра свѣжая или соленая (называемая также паюсной или салфеточной). Бѣлуга, осетръ, стерлядь, принадлежащіе къ семейству осетровыхъ, наиболѣе цѣнятся изъ всѣхъ гостей Волги и достигаютъ наибольшихъ размѣровъ. Они поднимаются вверхъ по рѣкѣ, приходя съ Каспійскаго моря, ихъ родины; но обиліе рыбы, кажется, уменьшилось въ послѣднія десятилѣтія [3]), съ тѣхъ поръ, какъ пароходы часто мутятъ воды и пугаютъ рыбу. До постройки желѣзныхъ дорогъ бѣлая и красная рыба, ловимая въ водахъ Волги, была отправляема московскимъ и петербургскимъ лакомкамъ въ большихъ чанахъ, наполненныхъ водой, которая каждый день перемѣнялась

---

[1]) Bulletin de la Société de Geographie de Paris, 1872.

[2]) *Von Baer*, Kaspische Studien; *Сабанѣевъ*, Рыбы Россіи; *A. Legrele*, La Volga, Notes sur la Russie.

[3]) Убыль рыбы замѣчается только въ верхнемъ и отчасти въ среднемъ теченіяхъ Волги; низовье же этой рѣки представляетъ первобытное богатство рыбою. *Ред.*

руками большаго числа мужиковъ, сопровождавшихъ обозъ съ рыбой. Послѣдняя такимъ образомъ приходила на мѣсто назначенія свѣжею, но расходы по перевозкѣ возвышали цѣну каждой стерляди до нѣсколькихъ сотенъ рублей. Въ Астраханскомъ уѣздѣ рѣчныхъ рыбаковъ въ 1872 году было: мужчинъ 10,418, женщинъ 5,816, дѣтей 511; всего 16,745 человѣкъ.

Къ западу отъ Волжской дельты, и даже далеко за предѣлами этихъ аллювіальныхъ земель, съ одной стороны—по направленію къ устью Кумы, а съ другой—по направленію къ устью Урала, на протяженіи около 400 верстъ, мы замѣчаемъ странную бахрому изъ узкихъ полуострововъ и продолговатыхъ острововъ, средняя высота которыхъ не болѣе 3 или 5 саженъ и которые отдѣлены одинъ отъ другаго неглубокими каналами, вдающимися во внутренность материка верстъ на 20 и даже на 50. Эти полуострова извѣстны подъ именемъ *бугровъ*. Ни въ какой другой части земнаго шара морскіе берега не представляютъ подобнаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, нигдѣ это образованіе не отличается такой замѣчательной правильностью. Обозрѣваемая съ высоты, совокупность бугровъ и промежуточныхъ лимановъ показалась бы безконечнымъ рядомъ параллельныхъ стѣнъ, чередующихся съ рвами одинаковой ширины. Различныя вѣтви Волги смыли многія изъ этихъ горокъ, но ихъ осталось еще большое число, даже въ самой дельтѣ; всѣ рыболовныя станціи, разсѣянныя по берегамъ рѣки, и городъ Астрахань были построены на холмахъ этого рода. Тысячи каналовъ, раздѣляющихъ эти узкія земляныя насыпи, представляютъ обширнѣйшій лабиринтъ, неизслѣдованный еще даже рыболовами; только самыя подробныя карты могутъ дать понятіе объ этомъ странномъ скопленіи острововъ, островковъ, каналовъ и бухтъ. Непосредственно на западѣ отъ Волги, лиманы, раздѣляющіе бугры, всегда превращаются въ рѣки. Во время разливовъ Волги, рѣка изливаетъ въ эти каналы излишекъ своихъ водъ, смѣшанныхъ съ глиной; затѣмъ, по окончаніи разлива, море, въ свою очередь, проникаетъ въ лиманы: такимъ образомъ происходитъ попремѣнное движеніе водъ между Волгой и Каспіемъ. Вдали отъ дельты, лиманы, не будучи наполняемы выступающими изъ береговъ водами рѣки, не образуютъ, вообще говоря, сплошной водной площади, а только цѣпь озеръ, отдѣленныхъ одно отъ другаго песчаными перешейками и превращающихся въ естественныя скопленія соли вслѣдствіе быстраго лѣтняго испаренія. Чтобы образовать соляной бассейнъ, достаточно устроить плотины, которыя не позволяли бы водамъ Волги проникать въ лиманъ: тогда этотъ послѣдній, будучи наполняемъ морской водой, насыщается мало по малу и обращается въ резервуаръ соли. Даже внутри степей, вдали отъ нынѣшнихъ береговъ моря, можно встрѣтить тамъ и сямъ соляные лиманы, раздѣленные параллельными буграми.

По изслѣдованіямъ Бера, который первый далъ подробное описаніе каспійскихъ бугровъ, всѣ эти горки состоятъ изъ слоевъ, расположенныхъ

въ формѣ концентрическихъ сводовъ. Слои, содержащіе наибольшее количество глины, составляютъ, такъ сказать, ядро, вокругъ котораго отложились земли, болѣе смѣшанныя съ пескомъ. Такое расположеніе слоевъ свидѣтельствуетъ о дѣйствіи теченій, которыя проходили по всей странѣ, отлагая пески на плотныя, трудно размываемыя массы глины. Общее направленіе бугровъ также повѣствуетъ о совершившемся геологическомъ переворотѣ. Расположенные на подобіе вѣера, съ одной стороны концами къ сѣверу, съ другой—къ югу, эти холмы представляютъ собою оконечности радіусовъ, выходящихъ изъ общаго центра, который, по всей вѣроятности, находился около середины Понто-Каспійскаго перешейка. Подобное расположеніе можно объяснить только внезапнымъ пониженіемъ уровня водъ въ направленіи отъ запада къ востоку, и причиной этого быстраго спада воды было, безъ сомнѣнія, отдѣленіе Каспійскаго моря отъ бассейна Понта Эвксинскаго. Когда, вслѣдствіе прорыва Босфора, или уменьшенія дождей, раздѣльный порогъ высунулся изъ воды, водная площадь Каспія, въ то время имѣвшая вдвое бо́льшую поверхность, чѣмъ въ наши дни, вдругъ лишилась части воды, которая питала ее вмѣстѣ съ Чернымъ моремъ. Такъ какъ воды, приносимой Волгою и другими его притоками, было недостаточно, чтобы пополнять убыль, производимую испареніемъ, то море, безъ сомнѣнія, уменьшилось, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, до половины своего прежняго бассейна, и отливъ водъ вырылъ на нынѣшнемъ берегу эти узкіе лиманы, сохранившіеся до сихъ въ дельтѣ Волги [1]).

Какъ бы, слѣдовательно, ни были значительны перемѣны, которыя Волга, Терекъ и другіе притоки Каспія производятъ своими наносами въ контурахъ этого русскаго Средиземнаго моря, во всякомъ случаѣ эти перемѣны ничтожны въ сравненіи съ настоящими переворотами, которые нѣкогда совершились въ формѣ и очертаніяхъ великаго морскаго бассейна. Правда, эти геологическіе перевороты извѣстны намъ не по свидѣтельству исторіи, ибо первая карта, дающая въ общихъ чертахъ довольно точное изображеніе каспійскихъ береговъ, была составлена только въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; но общій видъ выступившихъ изъ-подъ воды земель, раковины, оставленныя на почвѣ, животныя океаническаго происхожденія, живущія въ Каспійскомъ морѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно прежняго, гораздо болѣе обширнаго, протяженія морскихъ водъ. Отнынѣ можно считать неопровержимымъ фактомъ, что прежде, либо въ ту же самую эпоху, либо въ разныя эпохи, Каспійское море сообщалось съ Понтомъ Эвксинскимъ и съ Ледовитымъ океаномъ. Такимъ образомъ, хотя теперь оно превратилось въ замкнутое со всѣхъ сторонъ озеро, его слѣдуетъ разсматривать геологически какъ часть су-

---

[1]) *Акад. Беръ*, выше цитированное сочиненіе.

ществовавшаго нѣкогда огромнаго пролива между двумя континентами, европейскимъ и азіатскимъ.

Раздѣльный порогъ между двумя морями обозначенъ самой природой съ совершенной точностью. Рѣка Калаусъ, выходящая изъ мѣловыхъ пластовъ, простирающихся у сѣвернаго основанія Кавказскихъ горъ, почти на-половинѣ разстоянія между двумя морями, течетъ въ началѣ съ юга на сѣверъ, по направленію къ впадинѣ, оставленной бывшимъ Понто-Каспійскимъ проливомъ; затѣмъ, достигнувъ равнинъ, почти горизонтальныхъ, неимѣющихъ видимаго ската, она дѣлится на большое число рукавовъ, изъ которыхъ многіе теряются въ пескахъ, тогда какъ другіе направляются на востокъ, къ Кумѣ и Каспійскому морю. Весной, во время таянія снѣговъ, и въ концѣ осени, послѣ большихъ дождей, Калаусъ, катящій тогда значительное количество воды, ищетъ себѣ другихъ выходовъ и изливаетъ на западѣ часть своей излишней жидкой массы; эта вода спускается въ озеро Манычъ, находящееся на покатости Азовскаго моря, и, пройдя послѣдовательно черезъ рядъ прудовъ, вступаетъ, наконецъ, въ бассейнъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, два главные рукава Калауса, изъ которыхъ одинъ носитъ названіе Восточнаго Маныча, а другой—Западнаго Маныча, составляютъ отъ моря до моря временный каналъ, замѣняющій древній соединительный проливъ. Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, во время возмущенія казаковъ, предводитель ихъ, Стенька Разинъ, говорятъ, имѣлъ намѣреніе пустить флотилію по Манычу, чтобы плавать между двумя морями, и донскіе казаки собрались будто-бы толпой вокругъ своего атамана, слѣдуя по этому судоходному пути. Если письменныя свидѣтельства, на основаніи которыхъ г. Бергштрессеръ сообщаетъ эти факты, достовѣрны, то нужно заключить, что количество воды, несомой Калаусомъ, сильно уменьшилось въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, ибо въ наши дни навигація изъ моря въ море могла бы быть производима лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, и самъ г. Бергштрессеръ тщетно пытался совершить это плаваніе. Кромѣ того, раздѣльный порогъ въ послѣднія два столѣтія увеличился въ высоту всѣми наносами Калауса и продолжаетъ повышаться до сего дня; въ то же время онъ постепенно перемѣщается вмѣстѣ съ бифуркаціонпымъ полуостровомъ; прежде онъ, долженъ былъ находиться гораздо далѣе на югъ [1]).

Сообщеніе, нѣкогда существовавшее между двумя морями, можетъ ли быть возстановлено, и можно ли надѣяться, что современемъ большія суда будутъ безпрепятственно ходить отъ Гибралтара до Астрабадскаго порта, или даже, черезъ возстановленное прежнее теченіе Аму-Дарьи, до

[1]) *Bergstraesser*, Verbindung des Kaspischen mit dem Schwarzen Meere, Mittheilungen von Petermann, 1869.

подножія высокихъ горъ Центральной Азіи? Если бы Петръ Великій узналъ о существованіи этой цѣпи озеръ и лѣниво текущихъ водъ, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ не преминулъ бы отправить инженеровъ для возстановленія древняго соединительнаго канала: припомнимъ, что онъ дѣлалъ попытки установить водное сообщеніе между Волгой и Дономъ и приказалъ произвести изысканія въ долинахъ Ріона и Куры, на югѣ Кавказа, въ видахъ проведенія канала. Палласъ, какъ извѣстно, открылъ впадину Манычa, а Парротъ первый предложилъ воспользоваться двойной покатостью этой впадины для проложенія судоходнаго пути; затѣмъ различные изслѣдователи, въ особенности г. Бергштрессеръ, изучали страну, дабы ускорить начало этого предпріятія. Во всякомъ случаѣ, нечего и думать о прорытіи морскаго канала безъ шлюзовъ черезъ Понто-Каспійскій перешеекъ. Чтобы заставить спускаться по отлогому скату воды Азовскаго моря къ Каспійскому, нужно бы было исполнить работу гораздо болѣе колоссальную, чѣмъ прорытіе Суэзскаго перешейка, въ виду результата несравненно менѣе важнаго. Такъ какъ порогъ лежитъ на высотѣ 12 слишкомъ саженъ (по Данилову), на высотѣ 11 саженъ— надъ уровнемъ Азовскаго моря и, слѣдовательно, почти на 25 саженъ выше поверхности Каспія, то траншеи, которыя пришлось бы вырыть для канала глубиною только въ 10 фут., были бы однѣ изъ самыхъ глубокихъ во всемъ свѣтѣ; ровъ, выкопанный въ глинистой почвѣ степей и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже черезъ пласты песчаника, имѣлъ бы глубину по меньшей мѣрѣ около 20 саженъ на разстояніи цѣлыхъ 50 верстъ. Но каналъ со шлюзованными уступами, предназначенный для мелкаго судоходства, былъ бы дѣломъ относительно легко осуществимымъ, лишь бы только не довольствовались водой Калауса, ни даже водой Кумы, какъ предлагалъ инженеръ де-Воланъ: нужно бы было взять питательную воду въ Терекѣ и въ Кубани, на большой высотѣ надъ впадиной Маныча. Планы инженера Данилова, исполненіе которыхъ стоило бы отъ сорока до пятидесяти милліоновъ рублей, позволили бы астраханскимъ пароходамъ обходить устья Волги боковымъ каналомъ, проведеннымъ въ Каспійское море, откуда они могли бы проникать въ Манычъ, затѣмъ огибать полуостровъ Тамань и такимъ образомъ прямо вступать въ Черное море.

Пространство, которое нѣкогда покрывали воды Каспійскаго моря, въ моментъ отдѣленія его отъ Понта Эвксинскаго, обнимало въ Европѣ и въ Азіи всю область озеръ, соляныхъ болотъ и степей, простирающуюся у основанія плоскихъ возвышенностей. На югъ отъ Царицына еще видны крутые утесы, которые возвышались надъ древнимъ моремъ и которые составляли бы продолженіе нагорнаго берега Волги, если бы теченіе рѣки, подтачивая свой высокій берегъ, не заставило его мало по малу отступать къ западу. Немного впереди южныхъ береговыхъ утесовъ,

цѣпь озеръ и прудовъ, очевидный остатокъ рѣки, есть, можетъ быть, продолженіе древней Волги, изливавшейся въ Манычскій проливъ. Вслѣдствіе постепеннаго испаренія воды, поверхность Каспійскаго моря въ настоящее время уменьшилась до 385,000 квадр. верстъ (439,420 кв. кил.), что составляетъ почти четыре-пятыхъ поверхности Франціи. Эта поверхность, какъ мы знаемъ, не перестаетъ уменьшаться по причинѣ отложенія землистыхъ частицъ, приносимыхъ рѣками, но кажется, что количество воды остается приблизительно то же самое: повидимому, установилось равновѣсіе между приходомъ и расходомъ, или по крайней мѣрѣ колебанія уровня заключены въ тѣсные предѣлы. По наблюденіямъ г. Воейкова, въ послѣдніе годы происходило небольшое приращеніе массы водъ; съ другой стороны, гг. Данилевскій и Семеновъ констатировали въ 1854 году, что, около сѣверо-восточной оконечности, затопляемая поверхность значительно уменьшилась со времени наблюденій Колодкина. Однако, до сихъ поръ еще не опредѣленъ годовой балансъ водъ посредствомъ вычисленія приносимаго рѣками объема жидкой массы и точнаго измѣренія средняго испаренія. Признакомъ, который, за недостаткомъ непосредственныхъ наблюденій, позволяетъ утверждать, что въ теченіе настоящаго геологическаго періода уровень Каспія держался приблизительно на одинаковой высотѣ, служатъ песчаныя стрѣлки или косы, встрѣчающіяся во многихъ мѣстахъ впереди линіи морскаго прибрежья, преимущественно вдоль береговъ Персіи и Туркестана. Волны открытаго моря не могутъ возводить подобныхъ береговыхъ кордоновъ, когда онѣ быстро спадаютъ ниже уровня земель: тогда, напротивъ, отступающей водой вырываются борозды перпендикулярно къ берегу.

Въ наши дни уровень Каспія на 12 слишкомъ саженъ ниже уровня Чернаго моря: на 26,04 метр.—по Савичу, Фуссу и Заблеру въ 1836 г.; на 26,09 метр.—по Абиху (кавказская тріангуляція, въ 1861 г.), на 27,38 метр.—по Вронченко и Васильеву. Въ своемъ отступательномъ движеніи, воды оставили среди степей нѣкоторое число соляныхъ болотъ, какъ, напримѣръ, озеро Элтонъ; но наибольшая часть нѣкогда покрытаго водой протяженія была совершенно покинута моремъ, и даже нѣкоторыя впадины, болѣе низменныя, чѣмъ нынѣшній уровень Каспія, были до послѣдней капли опорожнены испареніемъ: напримѣръ, между Элтонскимъ озеромъ и рѣкой Ураломъ указываютъ одну такую впадину, лежащую почти на 22 сажени (46 метр.) ниже уровня Чернаго моря. Общая покатость равнинъ, простирающихся на сѣверѣ отъ каспійской впадины, продолжается подъ поверхностью водъ почти нечувствительнымъ уклономъ: можно бы было идти по морю на нѣсколько верстъ, даже миль отъ берега, не рискуя быть поглощеннымъ волнами. Противъ устьевъ Волги большіе пароходы принуждены бросать якорь такъ далеко отъ берега, что съ якорной стоянки нельзя разглядѣть береговъ. Во всей этой части своего бассейна

море представляетъ собою настоящую потопленную степь, которая, въ случаѣ внезапнаго пониженія уровня, превратилась бы въ равнины, подобныя астраханскимъ. Къ сѣверу отъ устьевъ Терека и полуострова Мангышлакъ, глубина Каспія не превышаетъ 7 или 7$^1/_2$ саженъ, и многочисленныя песчаныя мели сильно затрудняютъ судоходство въ этихъ водахъ. Почти вся сѣверная треть бассейна занята этимъ степнымъ болотомъ. Эта часть моря такъ низменна и мелководна, что при сѣверныхъ вѣтрахъ воды иногда отступаютъ отъ береговъ верстъ на 30 къ югу. Зимой, когда вся сѣверная полоса Каспія покрыта слоемъ льда, часто случается, что сильный сѣверный вѣтеръ, гонящій воды въ южномъ направленіи, совершенно опоражниваетъ цѣлые заливы, скрытые подъ ледяной корой. Потерявъ опору, ледъ тогда весь опускается на дно, и миріады рыбъ бываютъ раздавлены подъ обрушившимися ледяными массами [1]. Восточные берега моря тоже представляютъ длинный поясъ отмелей и бухтъ, усѣянныхъ песчаными банками. Однако, двѣ подводныя пропасти, напоминающія пучины океана, открываются въ азіатскомъ бассейнѣ Каспійскаго моря до глубины слишкомъ 325 и 420 саженъ: какъ во всѣхъ почти моряхъ, наибольшая глубина воды въ Каспіѣ указывается сосѣдствомъ самыхъ высокихъ горъ берега; эти двѣ глубокія впадины, обнаруженныя промѣрами дна, находятся именно на сѣверѣ и на югѣ отъ восточнаго Кавказа, у основанія его подводныхъ склоновъ.

Воды Каспійскаго моря имѣютъ самую сильную соленость не въ тѣхъ областяхъ, гдѣ это озеро по глубинѣ представляетъ наиболѣе морской характеръ. Восточныя бухты, особенно заливъ „Чернаго Устья", или Карабугазъ, и родъ фьорда, называемый „Черной Водой", или Карасу, который изгибается на сѣверо-восточной сторонѣ моря, между двухъ высокихъ скалистыхъ береговъ, гораздо богаче другихъ частей Каспія соляными веществами. Въ этихъ почти замкнутыхъ водныхъ пространствахъ жидкая масса обновляется чрезвычайно медленно, а между тѣмъ поверхностный слой ея быстро испаряется подъ вліяніемъ вѣтра и солнечной теплоты: слѣдствіемъ этого является сильная концентрація соли, которая отлагается на низменныхъ берегахъ плитами, похожими на мраморную мостовую. Соленость залива Карасу, превосходящая даже соленость Суэзскаго рейда, самаго соленаго изъ всѣхъ бассейновъ, сообщающихся съ океаномъ, такъ велика, что животная жизнь тамъ должна была совершенно или почти совершенно прекратиться. Взамѣнъ того, поверхностная вода въ областяхъ моря, сосѣднихъ съ дельтами Терека, Волги, Урала, почти прѣсна, такъ что во многихъ рыболовныхъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ ключей, пьютъ морскую воду безъ отвращенія и безъ вреда для здоровья.

Это различіе солености давало поводъ прежнимъ путешественникамъ

---

[1]) Aus allen Welttheilen, August 1873.

*

и географамъ высказывать самыя разнорѣчивыя мнѣнія о степени насыщенности каспійскихъ водъ. Наконецъ, опредѣленія количества составныхъ частей этихъ водъ, сдѣланныя покойнымъ академикомъ Беромъ и другими натуралистами, дали въ среднемъ выводѣ содержаніе морской соли—около 9 тысячныхъ (соленость воды въ глубокихъ мѣстахъ Каспія: отъ 1,0085 до 1,0114). Это — немного менѣе, чѣмъ соленость Чернаго моря, исчисляемая среднимъ числомъ въ 11 тысячныхъ. Такимъ образомъ, съ того времени, когда эти два морскіе бассейна отдѣлились одинъ отъ другаго, совершившіяся перемѣны были настолько значительны, что вызвали разность на одну пятую въ относительной солености разъединенныхъ морей. Какая причина этой разности? Понтъ ли Эвксинскій сдѣлался болѣе соленымъ, вступивъ въ сообщеніе со Средиземнымъ моремъ черезъ Босфоръ, или Каспій частію утратилъ свою первоначальную соленость? Первое объясненіе кажется весьма вѣроятнымъ, ибо всѣ рыбы Гирканскаго моря принадлежатъ либо къ странствующимъ видамъ, либо къ видамъ, которые живутъ въ мало соленыхъ водахъ или довольно индифферентны къ степени солености моря. Напротивъ, въ Понтѣ Эвксинскомъ рыбы, свойственныя сильно соленымъ водамъ и пришедшія первоначально изъ Средиземнаго моря, составляютъ по численности преобладающій элементъ [1]). Впрочемъ, могло быть также и то, что даже въ эпоху, когда два моря, Каспійское и Черное, составляли часть одного и того же бассейна, первое было наполнено менѣе соленой водой, по причинѣ обилія впадающихъ въ него рѣкъ, жидкая масса которыхъ не смѣшивалась совершенно съ водами восточнаго резервуара: вѣдь въ наше время Азовское море далеко не имѣетъ такой солености, какъ Понтъ Эвксинскій. Какъ бы то ни было, разобщеніе Каспія должно было произойти уже въ очень отдаленную эпоху, такъ какъ фауна этого моря отличается отъ всѣхъ другихъ нѣкоторымъ числомъ видовъ. Изслѣдованія проф. Кесслера установили тотъ фактъ, что Каспійское море заключаетъ по крайней мѣрѣ 54 вида рыбъ, которые не встрѣчаются нигдѣ въ другихъ моряхъ [2]). Только шесть видовъ свойственны въ одно и то же время морямъ Аральскому, Каспійскому и Черному, но двадцать пять другихъ видовъ населяютъ воды двухъ главныхъ бассейновъ. Относительно раковинъ сдѣланы подобныя же наблюденія; изъ 18 видовъ, найденныхъ Рудольфомъ Лудвигомъ въ каспійскихъ водахъ, нѣкоторые встрѣчаются только въ этомъ бассейнѣ, другіе общи ему съ Чернымъ моремъ, иные же—съ полярными морями. Эта часть морской фауны мало имѣетъ представителей въ Каспіѣ, по причинѣ слабой солености его водъ.

Животная жизнь необычайно богата въ морѣ у Астрахани, не

[1]) *Ульскій; A. Goebel*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1863, tome V.

[2]) *Проф. Кесслеръ*, Russische Revue, 1875, 4 вып.; Ausland, 1877, № 2.

только среди поверхностныхъ водъ, но также на глубинахъ нѣсколькихъ сотъ саженъ. Огромное количество рыбы, населяющей Каспій, приписывается чрезвычайному обилію растительной пищи, которую эти животныя находятъ въ мелкихъ водахъ сѣверныхъ областей моря и въ безконечныхъ камышахъ Волги и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ этотъ морской бассейнъ. По нѣкоторымъ разсказамъ древнихъ путешественниковъ и даже современныхъ писателей, уловъ рыбы въ Каспійскомъ морѣ достигаетъ почти баснословныхъ размѣровъ: часто бываетъ, что рыбу ловятъ тысячами и десятками тысячъ штукъ. Вѣроятный продуктъ ловли отъ 800,000 до милліона тоннъ (отъ 50 до 62 милліоновъ пудовъ), представляющихъ цѣнность отъ 20 до 25 милліоновъ рублей; но оффиціальная статистика, непринимающая въ разсчетъ мелкихъ рыболовныхъ станцій, даетъ гораздо менѣе высокія исчисленія [1]. Въ 1872 году въ астраханскомъ уѣздѣ на морскомъ рыбномъ промыслѣ было: рыбаковъ 23,000; простыхъ судовъ 2,780, рыболовныхъ пароходовъ 19; цѣнность улова—въ 18.490,500 рублей. Дороговизна соли, прежде обложенной высокимъ акцизомъ, не позволяла рыболовамъ солить мелкую рыбу и отправлять ее въ другія мѣстности Россіи.

За предѣлами нынѣшняго бассейна Каспія, многочисленныя соленыя озера, находящіяся въ уѣздахъ Новоузенскомъ и Николаевскомъ, должны быть разсматриваемы тоже какъ остатки моря. Свойственныя морскому бассейну раковины были находимы даже въ сосѣдствѣ Сызрани и Самары, близъ большаго изгиба Волги (Самарской луки), и даже гораздо далѣе на сѣверъ, въ Болгарской равнинѣ, къ югу отъ низовья Камы. Геологъ Языковъ, открывшій эти раковины, полагаетъ, что Сызранская равнина нѣкогда была заливомъ Каспія, сообщавшагося, можетъ быть, съ другимъ, болѣе сѣвернымъ моремъ, по бывшему ложу котораго теперь протекаютъ Волга, Кама и ихъ притоки [2]. Относительно степей, уровень которыхъ нынѣ ниже поверхности Средиземнаго моря и уровня Манычскаго порога, не можетъ быть никакого сомнѣнія: это, очевидно, остатки древняго морскаго дна, усѣянные Каспіями въ миніатюрѣ и пересѣкаемые рѣчками и ручьями или, вѣрнѣе, потоками новѣйшаго образованія; таковы, напримѣръ, рѣчки Большая и Малая Узень, текущія отъ сѣверо-запада къ юго-востоку съ замѣчательнымъ параллелизмомъ и въ

---

[1]) По оффиц. источникамъ, въ 1880 г. изъ Астрахани и ближайшихъ пристаней было вывезено 14 милл. пуд., на сумму 25 милл. руб., а общій вывозъ рыбныхъ грузовъ изъ губ. Астраханской опредѣленъ въ 30 милл. р. По болѣе точнымъ и новѣйшимъ свѣдѣніямъ (г. Хлѣбникова), изъ Астрахани идетъ рыбныхъ грузовъ, добытыхъ въ дельтѣ Волги, въ рѣкахъ Уралѣ, Сефидрудѣ, Курѣ, Терекѣ и въ Каспійскомъ морѣ—до 18 милл. пуд. Общій ежегодный уловъ рыбы въ Каспійскомъ морѣ съ его притоками—не менѣе 25 милл. пуд.; въ соч. Реклю вѣроятный уловъ показанъ очень высокимъ. *Ред.*

[2]) *Ruprecht*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome VII, 1865.

томъ же направленіи, какъ и низовая Волга. Это, безъ сомнѣнія, потоки, вырывшіе себѣ русло въ аллювіальной почвѣ тотчасъ же послѣ отступленія водъ Каспійскаго моря [1]).

Изъ безчисленныхъ маленькихъ Каспіевъ, разсѣянныхъ по степи, самый знаменитый тотъ, гдѣ находится соляное озеро Элтонъ, прежде называвшееся у калмыковъ Атланъ-Норъ, то-есть „Золотое Озеро": оно было такъ названо, безъ сомнѣнія, по причинѣ блестящаго отраженія его поверхности подъ лучами вечерняго солнца. Но обыкновенно эта пустынная мѣстность, гдѣ живутъ только несчастные рабочіе, привлекаемые соляными промыслами, представляетъ очень печальное зрѣлище. Нигдѣ зелень не являетъ пріятнаго контраста однообразной глинѣ, бурой или желтоватой, на которой тамъ и сямъ показываются полосы бѣлой соли: домики рабочихъ, складочные амбары компаніи, пирамиды соли, разставленныя рядами, точно палатки арміи, большія фуры съ солью, запряженныя волами, которыя тянутся обозами по дорогѣ къ Волгѣ,— вотъ единственные предметы, на которыхъ можетъ остановиться взоръ среди безпредѣльной равнины. Озеро Элтонъ, воды котораго, блистающія на солнцѣ, кажутся красно-фіолетовыми, покрываетъ пространство въ нѣсколько десятковъ верстъ, но глубина его, почти вездѣ одинаковая, не превышаетъ 1 фута (3 дециметра); только когда вѣтеръ дуетъ съ большой силой изъ одной и той же точки горизонта, вся масса озера перемѣщается: резервуаръ, осушенный съ одной стороны, выступаетъ изъ береговъ съ другой, и воды, приносимыя волненіемъ, скопляются въ видѣ слоя толщиною около аршина. Ложе озера сплошь состоитъ изъ соляныхъ пластовъ чрезвычайной твердости, которые до сихъ поръ еще не измѣрены до большой глубины. Рабочіе не добираются до этой твердой соляной скалы; они ограничиваются разработкой новыхъ слоевъ, которые образуются каждый годъ на окружности озера, во время таянія снѣговъ, когда глинистыя воды, содержащія соляныя частицы, стекаютъ изъ окружающей степи. Количество соли, на которое ежегодно увеличивается пластъ, отложившійся въ Элтонскомъ бассейнѣ, исчислено приблизительно въ 120—125 милліоновъ пудовъ. Насыщенная солью вода до такой степени густа, что рабочіе съ трудомъ ходятъ въ ней; она никогда не замерзаетъ, даже когда температура опускается до 30 градусовъ ниже точки тающаго снѣга; но въ сильные морозы опасно погрузить обнаженные члены въ этотъ густой разсолъ: кожа тотчасъ же чернѣетъ, и иногда появляется антоновъ-огонь [2]). Есть преданіе, будто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среди озера бьютъ ключи чистой и холодной воды. Нѣсколько каналовъ, вырытыхъ противъ промысловыхъ строеній, позволяютъ пло-

[1]) *Von Helmersen*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome XI, 1867.

[2]) *Th. von Lengenfeldt*, Aus allen Welttheilen, April 1877.

скодоннымъ баркамъ ходить отъ берега къ затопленнымъ ломкамъ; но эти канализаціонныя работы составляютъ почти все, что сдѣлано до сихъ поръ промышленностью для утилизаціи громаднаго солянаго бассейна. Добыча соли на Элтонѣ значительно увеличилась со времени передачи казною эксплоатаціи этого промысла частной компаніи; теперь эта послѣдняя разработываетъ главнымъ образомъ болото Баскунчакъ, болѣе близкое къ Волгѣ. Производство соли въ 1865 году, при казенной эксплоатаціи, составляло около 4.800,000 пуд., а въ 1871 г., при разработкѣ компаніей, около 16.775,000 пудовъ[1]).

Большая часть солонцоватыхъ степей простирается на сѣверъ отъ Каспійскаго моря, между теченіемъ Волги и теченіемъ Урала. Къ западу отъ Каспія поясъ солончаковъ гораздо менѣе широкъ; степи тамъ почти всѣ состоятъ изъ глинистыхъ равнинъ, усѣянныхъ озерами, изъ которыхъ иныя имѣютъ прѣсную воду. На сѣверѣ, тянутся степи, песчаныя почти на всемъ ихъ протяженіи, и прерываются только болотами да двумя тріасовыми островками, Большимъ и Малымъ Богдо, изъ которыхъ первый изрытъ пещерами; кое-гдѣ пески нагромоздились въ видѣ дюнъ, которыя передвигаются съ мѣста на мѣсто, по волѣ вѣтра. Что касается каменистыхъ степей, то ихъ совсѣмъ нѣтъ на европейскомъ берегу Каспія, тогда какъ онѣ занимаютъ почти всю азіатскую сторону этого моря, сторону угрюмую и пустынную. Всѣ эти степи, солончаковыя, глинистыя или каменистыя, нисколько не похожи на днѣпровскія травяныя степи, и скудныя пастбища, съ рѣдкой травой, показываются лишь тамъ и сямъ въ низинахъ, на довольно большомъ разстояніи отъ нынѣшняго берега моря. Послѣ нашествія саранчи, что случается довольно часто, на этихъ пастбищахъ не остается ни одной былинки, и даже камыши на болотахъ пожираются до самаго уровня воды, наполненной хлопьями грязи[2]). А между тѣмъ и въ этихъ негостепріимныхъ пустыняхъ живутъ тамъ и сямъ не только кочевники, киргизы и башкиры, но также смѣлые колонисты, великорусскіе казаки, составляющіе какъ бы авангардъ племени, которое населяетъ всю центральную Россію.

Къ востоку отъ рѣки Урала, каменистыя плоскія возвышенности,

[1]) Мощность Элтонскаго озера (въ у. Царевскомъ, въ 275 в. отъ Саратова) еще не опредѣлена. Площадь его—около 200 кв. верстъ; втеченіи 140 лѣтъ, т. е. съ начала разработки, добыто 540 милл. пуд. соли. Баскунчакское озеро расположено въ у. Черноярскомъ и имѣетъ 112 кв. верстъ; толщина залежи соли у береговъ—болѣе 1½ арш., а въ срединѣ она значительно больше; запасъ соли опредѣляется болѣе чѣмъ въ 11 милліардовъ пудовъ. Съ исправленіемъ солевознаго тракта до Волги и съ открытіемъ Грязе-Царицынской жел. дороги, добыча соли на Баскунчакскомъ озерѣ начала быстро возрастать, а на Элтонскомъ она совершенно упала. Такъ, въ срединѣ 50-хъ годовъ Элтонское озеро доставляло болѣе 13 мил. пуд., въ 1880-же году изъ него было получено значительно менѣе полумилліона пудовъ. Въ 1878 г. на Баскунчакскомъ озерѣ было добыто почти 8 милл. пуд. *Ред.*

[2]) *Von Baer*, Kaspische Studien.

прерывающія однообразную поверхность степей, суть первые отроги или предгорья длиннаго хребта Уральскихъ горъ, которыя теряются на крайнемъ сѣверѣ въ Арктическомъ океанѣ, пройдя 28 градусовъ широты, черезъ четыре пояса—степей, лѣсовъ, тундръ и плавающихъ полярныхъ льдовъ.

Часть Уральскаго хребта, начинающаяся около истоковъ Печоры и ограничивающая на востокѣ бассейнъ Волги, не сопровождается побочными параллельными цѣпями или отрогами, какъ Уралъ Вогульскій, Остяцкій и Самоѣдскій; только нѣсколько горныхъ массъ поднимаются на востокѣ, съ сибирской стороны, достигая нѣкоторыми своими точками болѣе значительной высоты, чѣмъ другія вершины Урала: такова, напримѣръ, гора Денежкинъ-Камень. Къ югу отъ Конжакова-Камня, Уралъ теряетъ видъ гряды горъ: это уже не болѣе какъ рядъ хребтовъ, поднимающихся среднимъ числомъ отъ 650 до 1,000 футовъ надъ сосѣдними низменными пространствами; притомъ основаніе этой незначительной выпуклости земнаго рельефа такъ широко, что оба склона ея имѣютъ едва замѣтный скатъ. Поднимаясь со стороны Европы къ верхушкѣ хребта, которая находится всего только на 1180 футахъ абсолютной высоты, думаешь, что все еще ѣдешь по равнинамъ; горы показываются только вдали въ формѣ невысокой зубчатой полосы, подернутой синеватой дымкой. На азіатскомъ склонѣ покатость еще болѣе отлога и постепенна: не приходится спускаться даже на 50 саженъ до Екатеринбурга; это — не перевалъ, не горный проходъ, соединяющій два низменныя пространства, а просто невысокій порогъ. Притомъ-же голая скала показывается лишь въ очень немногихъ мѣстахъ: она почти вездѣ покрыта мхомъ или даже торфяниками; цѣлыя озера скрыты, говоритъ геологъ Лудвигъ, подъ слоями торфа, до того толстыми, что черезъ нихъ проложены колесныя дороги, и безопасно совершается ѣзда. Большіе лѣса простираются на скатахъ горъ и въ долинахъ, удаленныхъ отъ дорогъ; но въ сосѣдствѣ рудниковъ и горныхъ заводовъ всѣ высоты уже оголены отъ прежняго древеснаго покрова; много лѣса потрачено также на постройку судовъ. Каждый годъ сотни барокъ и другихъ мелкихъ судовъ выходятъ изъ верфей, чтобы везти руду въ нижележащія мѣстности, и ни одно изъ этихъ судовъ не возвращается назадъ: всѣ они, по приходѣ въ мѣсто назначенія, разбираются, и матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, продается за безцѣнокъ [1]). Въ большихъ лѣсахъ, которые еще существуютъ, медвѣди довольно многочисленны, но человѣкъ не боится ихъ; ягоды, которыми питается звѣрь, вездѣ находятся въ изобиліи; въ лѣсу часто встрѣчаешь искалѣченныя рябины, у которыхъ медвѣдь обломалъ вѣтви, чтобы легче достать гроздья ягодъ.

---

[1]) *Акад. Гельмерсенъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1867, № XI.

Средняя область Урала, которую атмосферные дѣятели всего болѣе понизили втеченіе ряда вѣковъ, пріобрѣла особенно важное значеніе, благодаря своему богатству драгоцѣнными металлами. Тамъ добываютъ, съ 1815 года, золото въ соединеніи съ платиной и находятъ въ то же время другіе металлы, особенно мѣдь, почти всегда сопровождаемую породами пермской формаціи; наконецъ, желѣзо, которое образуетъ цѣлыя горы. Однако, не въ самыхъ горныхъ породахъ, гранитѣ или серпентинѣ, рудокопъ ищетъ золотоносныя жилы: природа уже растерла, измельчила горы, вѣроятно дѣйствіемъ древнихъ ледниковъ [1]), и обломки ихъ покрываютъ значительное пространство. Съ каждой стороны горной цѣпи, равнины, Пермская и Оренбургская, также какъ равнины Азіи, состоятъ изъ обломковъ, залегающихъ поясомъ около 300 верстъ средней ширины, при глубинѣ почти въ 70 саженъ: это—горныя породы раздробленныя, оторванныя отъ Урала, затѣмъ унесенныя водами съ той и другой стороны горъ и разсѣянныя по низменнымъ землямъ. Если бы всѣ эти обломки были обратно перенесены на хребетъ, то они увеличили бы его высоту по малой мѣрѣ на 2,000 футовъ [2]). Въ этихъ-то грудахъ обломковъ, выровненныхъ на поверхности торфомъ, мхомъ или дерномъ, рудокопы находятъ, часто рядомъ съ ископаемыми костями большихъ жвачныхъ, руду, извлеченную изъ ея первоначальнаго мѣсторожденія льдами или водами. Восточный склонъ Урала богаче западнаго металлами: въ Азіи сосредоточены главные рудники и самые дѣятельные металлургическіе заводы; тамъ даже въ сплошой скалѣ находятъ древнія подземныя галереи, прозванныя „чудскими рудниками“, гдѣ собрали множество орудій изъ мѣди, но не нашли ни одного, которое было бы сдѣлано изъ бронзы, изъ чего можно заключить, что раса древнихъ рудокоповъ исчезла до наступленія бронзоваго вѣка въ собственномъ смыслѣ [3]). По преданію, старые, очень богатые, рудники будто бы еще извѣстны нѣкоторымъ туземцамъ; но послѣдніе всегда упорно отказывались показать входъ въ эти рудники изъ опасенія, чтобы ихъ не заставили участвовать въ тяжелыхъ работахъ эксплоатаціи. Это напоминаетъ намъ южно-американскихъ квичуасовъ, которые много разъ съ умысломъ заваливали входъ въ самые обильные металломъ золотые рудники.

Въ одной изъ большихъ горнозаводскихъ областей, немного сѣвернѣе Златоуста, Уральскій хребетъ, постепенно поднявшійся передъ тѣмъ на болѣе значительную высоту, дѣлится на двѣ вѣтви, направляющіяся къ югу на подобіе опахала и расходящіяся другъ отъ друга, чтобы образовать широкія долины, въ которыхъ берутъ начало рѣка Уралъ и

[1]) *Eichwald*, Ueber das Seifengebirge des Urals, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Band VIII.

[2]) *Rudolph Ludwig*, Geologische Beobachtungen im Ural.

[3]) *Albin Kohn*, Sibirien; *Садовскій*, Handelsstrassen der Griechen und der Römer.

ея притокъ, Сакмара. Западная вѣтвь достигаетъ версты въ вышину нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ, каковы: Юрма, Таганай, Уренга; горою Иремель она поднимается почти на полторы версты надъ уровнемъ моря и, слѣдовательно, по высотѣ равна большимъ горнымъ массамъ Сѣвернаго Урала. Двѣ другія цѣпи: средняя, которая продолжаетъ собою главную ось горъ, и восточная, которая сливается съ плоскогорьями, прилегающими къ Аральскому морю, менѣе возвышены, чѣмъ западная вѣтвь, послѣдніе отроги которой тянутся на сѣверѣ, параллельно теченію рѣки Уралъ. На южной своей оконечности система Уральскихъ горъ имѣетъ не менѣе 300 верстъ въ ширину.

Различныя высоты Средняго и Южнаго Урала [1]):

Средній Уралъ.	Метр.	Фут.	*Южный Уралъ.*	Метр.	Фут.
Денежкинъ-Камень . . .	1,633	5,300	Иремель	1,536	5,060
Конжаковъ-Камень . . .	1,462	4,800	Юрма	1,051	3,450
Гора Благодать	462	1,500	Таганай.	1,049	3,440
Екатеринбургскій порогъ	360	1,180	Ахтуба	792	2,600

Рѣка Уралъ, теченіе которой продолжаетъ Уральскія горы, какъ оффиціальная граница Европы и Азіи, въ старину называлась Яикомъ. При имп. Екатеринѣ II это названіе было запрещено и какъ бы предано проклятію, по причинѣ печальной извѣстности, которую доставило ему возмущеніе Яицкаго казацкаго войска, подъ предводительствомъ Пугачева; но, можетъ быть, самая эта причина помѣшаетъ забвенію прежняго наименованія. По длинѣ своего протяженія, Уралъ принадлежитъ къ числу большихъ рѣкъ Европы, но не по обилію своихъ водъ. Онъ беретъ начало на азіатскомъ скатѣ горъ, въ ущельяхъ Калгантау, и получаетъ свои первые притоки изъ долинъ, защищенныхъ отъ дождевыхъ вѣтровъ: среднее количество влаги, выпадающей въ формѣ дождей и снѣга въ верхнемъ бассейнѣ Урала, не достигаетъ, вѣроятно, нигдѣ 40 сантиметровъ въ годъ и даже постепенно уменьшается отъ сѣвера къ югу; при входѣ въ равнины рѣка протекаетъ черезъ страны, гдѣ годовое паденіе дождя менѣе 25 сантиметровъ, и притомъ испареніе отнимаетъ у нея значительную часть этой воды. Русло рѣки, состоящее изъ глинистыхъ слоевъ, почти вездѣ имѣетъ не менѣе 50 саженъ въ ширину, а мѣстами достигаетъ даже 80 саженъ; но воды рѣки не глубоки, и торговый городъ Оренбургъ, главный складочный пунктъ для товаровъ, идущихъ изъ Европы въ Азію и изъ Азіи въ Европу, не можетъ пользоваться Ураломъ для судоходства, хотя среднее теченіе рѣки, отклоняемое

[1]) По Гофману, высота Денежкина-Камня 5,027 ф.; Конжакова-Камня 5,235 ф.; г. Благодати, въ среднемъ изъ наблюденій Гофмана, Гельмерсена и Гумбольдта, — 1,258 ф. *Ред.*

къ западу плоскогорьями полуденной степи, слѣдуетъ въ направленіи съ востока на западъ, то-есть въ направленіи наиболѣе благопріятномъ для транзита между Россіей и Туркестаномъ. Въ среднемъ своемъ теченіи Уралъ имѣетъ только два сколько-нибудь значительныхъ притока: на сѣверѣ — Сакмару, на югѣ — Илекъ; ниже онъ получаетъ только простые ручьи, затѣмъ внизъ отъ Уральска, тамъ, гдѣ рѣка снова принимаетъ южное направленіе, притоки рѣдко достигаютъ ложа главнаго потока: по большей части они теряются въ пескахъ или разливаются большими лужами, которыя иногда перемѣщаются, уступая давленію подвижныхъ песчаныхъ бугровъ, или *бархановъ*, перегоняемыхъ вѣтромъ по равнинѣ [1]). По принятіи въ себя рѣчки Солянки, которая приноситъ ему солоноватую воду, Уралъ не питается болѣе никакими текучими водами: на протяженіи около 475 верстъ, то-есть почти четверти всей его длины, онъ извивается медленно по степи, не получая ни одной капли воды; всѣ рѣки, направляющіяся къ его долинѣ, какъ, напримѣръ, Большая и Малая Узень, останавливаются на пути, не достигая главной рѣки. Объемъ жидкой массы, текущей въ руслѣ Урала, уменьшается мало по малу въ направленіи отъ сѣвера къ югу: при началѣ своей дельты Уралъ, уменьшенный испареніемъ, не имѣетъ даже половины того количества воды, которое онъ несетъ у города Уральска.

Положительно извѣстно, что въ послѣднія сто лѣтъ эта рѣка стала гораздо мелководнѣе, отчасти, безъ сомнѣнія, потому, что лѣса на среднемъ ея теченіи были истреблены, сначала калмыками, потомъ киргизами, но главнымъ образомъ вслѣдствіе общаго уменьшенія дождей во всемъ поясѣ, обнимающемъ полуденную Россію и Туркестанъ. Въ 1769 году, когда Палласъ путешествовалъ по этой странѣ [2]), Уралъ соединялся съ моремъ девятнадцатью устьями, и рѣчная дельта обнимала пространство почти въ 2,700 квадр. верстъ. Въ 1821 году дельта, уменьшившаяся болѣе чѣмъ наполовину, состояла уже только изъ девяти вѣтвей, изъ которыхъ четыре были достаточно глубоки для судоходства. Съ 1846 года обыкновенно существуетъ только три рукава Урала, и прежніе протоки наполняются, цѣликомъ или отчасти, только въ исключительныхъ случаяхъ, во время весеннихъ разливовъ; самыя названія ихъ, Мокрый Баксай, Черный Ручеекъ, обсохшій Ерикъ и другія, подобныя имъ, свидѣтельствуютъ о маломъ количествѣ воды, которую несутъ нынѣ эти рѣчныя русла. Въ 1866 году, одна изъ трехъ еще существующихъ рѣкъ, глубиною въ 2½ фута, была доступна мелкимъ судамъ во всякое время; двѣ другія имѣли соотвѣтственно только 2 и 1 футъ средней глубины [3]). Изъ этого видно, что по объему жидкой массы Уралъ—

---

[1]) *Эверсманъ*, Естественная исторія Оренбургскаго края.
[2]) *Путешествія Палласа*, томъ I.
[3]) *Данилевскій*, Описаніе Уральскаго рыболовства.

одна изъ маленькихъ рѣкъ Европы; онъ меньше Шаранты или Шельды. Вычислено, что если обмелѣніе будетъ продолжаться въ такой же пропорціи, какъ втеченіе прошлаго столѣтія, то рѣка не будетъ достигать моря: она высохнетъ въ нижней своей части, подобно тому, какъ это случилось, около половины настоящаго столѣтія, съ ея восточной сосѣдкой—Эмбой [1]). Вотъ числовыя данныя [2]), относящіяся къ рѣкѣ Уралу:

Длина рѣки . . . . 2,182 верстъ (2,328 кил.).
Площадь рѣчнаго бассейна . . 219,279 кв. в. (249,544 кв. кил.).
Среднее количество протекающей воды . . . 1,750 куб. фут. (?)

Вся низовая равнина Урала усѣяна такъ-называемыми *старицами*, или ложными рѣками, бывшими рукавами, отрѣзанными теперь отъ главнаго ствола, какъ сучья подрѣзаннаго дерева; а съ восточной стороны тянется цѣлая сѣть старыхъ озерныхъ бассейновъ, раздѣленныхъ параллельными буграми, совершенно похожими на бугры нижней Волги.

Великоруссы составляютъ болѣе половины населенія Россійской Имперіи. Они не только занимаютъ почти всю центральную Россію, равно какъ наибольшую часть бассейна Невы, но также выдвинулись сплоченными массами къ сѣверу, востоку и югу, а съ западной стороны имѣютъ многочисленныя колоніи въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Малороссіи. Изъ нихъ состоитъ большинство жителей у сѣвернаго основанія Кавказскихъ горъ; точно также и въ Сибири обширныя пространства, превосходящія величиной Францію, имѣютъ населеніе сплошь великорусское. Великоруссы сдѣлались господствующимъ племенемъ въ государствѣ; они распространили свои политическія формы на всю остальную Имперію; языкъ ихъ первенствуетъ между другими языками и нарѣчіями—и какъ языкъ оффиціальный, и какъ языкъ литературный. Въ сравненіи съ другими національностями восточно-славянской державы, великоруссы имѣютъ то преимущество, какое даютъ имъ матеріальная связь и сплоченное единство. Во всей Великой Россіи народъ представляетъ такое же однообразіе по внѣшнему виду, какъ и сама природа; повсюду города, деревни и нивы похожи какъ двѣ капли воды; почти вездѣ одинъ и тотъ-же типъ лица, одни и тѣ-же костюмы, исключая женскихъ нарядовъ; образъ жизни вездѣ одинъ и тотъ же; языкъ представляетъ легкія мѣстныя различія; областныхъ контрастовъ между населеніемъ совсѣмъ не существуетъ.

Вообще говоря, великоруссы немного ниже ростомъ, но зато коренастѣе малороссовъ и бѣлоруссовъ; правда, между жителями центральныхъ

[1]) *Рябининъ*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Уральское казачье войско.

[2]) Въ исправленномъ видѣ. Во французскомъ изданіи, длина рѣки показана въ 2,150 кил., а площадь бассейна—въ 550,000 кв. кил. *Ред.*

ВЕЛИКОРУССКІЕ ТИПЫ И КОСТЮМЫ. (Губ. Нижегородская).

губерній оказывается при рекрутскихъ наборахъ всего больше молодыхъ людей неспособныхъ къ военной службѣ; но это зависитъ, можетъ быть, отъ частнаго захирѣнія (étiolement partiel) расы въ прядильныхъ, ткацкихъ и другихъ фабричныхъ заведеніяхъ средней Россіи. Тамъ, гдѣ крайняя бѣдность, нечистый воздухъ, тяжелый, непосильный трудъ не ослабили

Типъ великороссіянки
(Ардатовскій уѣздъ, Нижегородской губ.).

организма, великорусскіе крестьяне замѣчательны своимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, широкимъ лицомъ, высокимъ челомъ; они любятъ носить длинную и густую бороду, и имъ удалось сохранить это украшеніе, несмотря на гоненія Петра Великаго, который хотѣлъ обрить своихъ подданныхъ, чтобы сдѣлать ихъ похожими на голландцевъ: за свои бородатыя лица они до сихъ поръ заслуживаютъ прозвища *кацаповъ* или

„козловъ", которое дали имъ малороссы. Но на этихъ широкихъ, бородатыхъ физіономіяхъ, между которыми многія съ истинно благороднымъ выраженіемъ, блеститъ живой взглядъ и свѣтится добродушная улыбка. Воспитаніе быстро сглаживаетъ природную грубость у великороссійскаго крестьянина; черты лица у него дѣлаются болѣе тонкими, болѣе живыми и осмысленными. „Человѣкъ въ Россіи, — замѣчаетъ Мишле [1]), говоря преимущественно объ образованныхъ славянахъ, — не похожъ на сѣвернаго жителя: у него нѣтъ ни дикой энергіи, ни угрюмой важности, характеризующихъ послѣдняго. Русскіе скорѣе похожи на южанъ; это видно съ перваго взгляда по ихъ манерамъ и поступи, по ихъ проворству и подвижности". Ихъ природное краснорѣчіе, такъ сказать, бьетъ ключемъ не только въ словахъ, но и въ жестахъ, и мимика ихъ имѣетъ предъ мимикой итальянцевъ то преимущество, что она всѣмъ легко понятна [2]).

Мизантропы изъ русскихъ, говоря о своихъ соотечественникахъ, рисуютъ ихъ такими темными красками, что внушили иностранцамъ нѣкоторое предубѣжденіе. „Остерегайтесь русскаго, говорятъ они, у него больше воображенія, чѣмъ ума, и больше ума, чѣмъ нравственности". Можетъ быть, это и вѣрно относительно тѣхъ русскихъ, очень многочисленныхъ, которые живутъ чисто искусственной жизнью и которымъ болѣе важна внѣшность цивилизаціи, чѣмъ самая цивилизація: хитрые, льстивые, недовѣрчивые, честолюбивые, люди этого рода дѣйствительно таковы, что ихъ нужно опасаться; но истинные русскіе, то-есть тѣ, у которыхъ правильный трудъ поддерживаетъ равновѣсіе ихъ натуры, отличаются именно твердостью характера и послѣдовательностью убѣжденій и правилъ. Великоруссъ не изъ тѣхъ, къ которымъ можно бы было справедливо примѣнить прозвище Slavus saltans, данное нѣкогда западнымъ славянамъ. Долгимъ терпѣніемъ, сочетаніемъ отваги и покорности судьбѣ онъ съумѣлъ колонизовать постепенно весь бассейнъ Волги, бассейнъ Дона и многія другія страны; не мало помогло ему въ этомъ и его природное добродушіе. Если онъ является отличнымъ колонизаторомъ, то обязанъ этимъ не только своему быстрому, смѣтливому уму, своей промышленности, постоянству въ трудѣ, мужеству въ несчастіи, но также своей доброжелательности въ отношеніи всѣхъ, своему духу примиренія и справедливости. Онъ пережилъ продолжительную и тяжелую неволю, но не усвоилъ всѣхъ пороковъ рабскаго состоянія, и свобода мало-по-малу возвратитъ великоруссу всѣ присущія ему отъ природы хорошія черты. Безъ сомнѣнія, онъ еще подверженъ паникамъ, внезапнымъ страхамъ: чрезвычайно довѣрчивый, онъ дрожитъ часто пе-

---

[1]) Légendes du Nord.

[2]) *J. G. Kohl*, Reisen in Süd-Russland.

редъ воображаемыми опасностями; но онъ остается спокойнымъ и сохраняетъ самообладаніе передъ лицомъ дѣйствительной бѣды.

Очень кроткіе и мягкіе нравомъ, любящіе по-своему своихъ близкихъ, откровенные и поспѣшные въ сердечныхъ изліяніяхъ, великоруссы, однако, склонны поклоняться силѣ, и въ крестьянскихъ семействахъ власть отца, власть мужа еще пользуются неоспоримымъ правомъ. Какая-то странная смѣсь насилія и дѣйствительной доброты часто встрѣчается въ ихъ семьяхъ. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи отецъ, выдавая дочь замужъ, покупалъ новую плеть, чтобы напутствовать свое дѣтище послѣдними ударами, дозволенными родительской власти, и передавалъ это орудіе новому господину, съ совѣтомъ пользоваться имъ почаще и безъ пощады. Входя въ брачный покой, супругъ дѣйствительно ударялъ свою жену по спинѣ и по плечамъ, приговаривая: „забудь волю родимаго батюшки, исполняй теперь мою волю!“ Однако, свадебная пѣсня рекомендуетъ ему взять „шелковую плетку“ [1]. Бракъ по любви, какъ въ Малой Россіи, — составляетъ въ Великороссіи исключеніе: всѣ условія брачнаго союза заранѣе опредѣляются главами семейства; ни женихъ, ни невѣста не имѣютъ права заниматься этимъ вопросомъ, и отецъ никогда не уронитъ своего достоинства, не снизойдетъ до того, чтобы совѣтоваться или спрашивать ихъ мнѣнія въ этомъ дѣлѣ. Народныя пѣсни, особенно тѣ, которыя мы находимъ въ сборникѣ Шеина, а также комедіи и драмы Островскаго, могутъ дать понятіе о томъ, какова внутренняя, домашняя жизнь, это „темное царство“ великорусскаго быта [2]. Деспотизмъ, но деспотизмъ доброжелательный—таковъ былъ непреложный законъ въ семейной жизни: „люблю какъ душу, а трясу какъ грушу“, говоритъ одна пословица великорусскихъ крестьянъ.

На общину или государство всѣ смотрѣли какъ на большую семью: неограниченная власть, безапелляціонная воля, предписываемая всѣмъ членамъ однимъ общимъ отцомъ,—таковъ былъ идеалъ, который каждый составлялъ себѣ объ обществѣ. Въ этомъ отношеніи Малороссія и Великороссія представляютъ замѣчательный контрастъ. Каждый малорусскій городъ развивался независимо отъ другихъ; ни одинъ не пытался поработить своего сосѣда; побудительными причинами войны между общинами были либо борьба за существованіе, либо жажда славы и страсть къ приключеніямъ, но онѣ никогда не руководились властолюбіемъ, стремленіемъ къ господству, или, по крайней мѣрѣ, никогда не преслѣдовали своихъ завоевательныхъ предпріятій съ тѣмъ постоянствомъ плана, съ той вѣковой неуклонностью и настойчивостью, которыя отличали политику великорусскихъ князей. Народное выборное право всегда было сохраняемо

[1]) *Grosspietsch*, Hochzeits-Gebräuche des russischen Landvolks, „Russische Revue“, 1878 г., № 3.

[2]) *Добролюбовъ*, Темное Царство.

въ городахъ Кіевской земли, также какъ въ Новгородѣ и въ другихъ самостоятельныхъ городахъ западнаго славянскаго міра. Каково бы ни было происхожденіе, еще очень темное, древняго первенства Кіева,—это первенство не имѣло ничего похожаго на главенство Москвы. Кіевъ былъ только „первый между равными"; политическій союзъ поддерживался свободной федераціей втеченіе всего перваго періода русской исторіи; впослѣдстіи, въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, такимъ же образомъ организовались вольныя казацкія общины или товарищества: даже начальники ихъ, „войсковая старшина", возвращались въ ряды толпы, по окончаніи службы, на которую они были временно выбраны своими товарищами—такими же казаками, какъ и они сами. Впрочемъ, идеи и формы быта запорожцевъ не были ограничены тѣснымъ кругомъ Сѣчи: вся Малая Россія хотѣла быть казацкой общиной. Ничего подобнаго не было въ Московіи. Нужно мысленно вернуться къ древнѣйшей эпохѣ, ко временамъ „старыхъ городовъ", каковы, напримѣръ, Ростовъ и Рязань, или идти въ отдаленныя степи, къ казакамъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ съ малорусскими элементами, чтобы найти вѣчевой порядокъ и независимые нравы. Въ Московіи власть, достигнутая однимъ родомъ, была благоговѣйно почитаема народомъ и продолжалась, какъ божественное установленіе, изъ поколѣнія въ поколѣніе: „не Москва даетъ законъ князю, а князь даетъ законъ Москвѣ", говоритъ пословица. Священный характеръ династіи переносился даже на стольный городъ, и Москва, преемница византійскаго духа, сдѣлалась „третьимъ и самымъ святымъ Римомъ, царству котораго не будетъ конца". Господство татаръ способствовало въ сильной степени укрѣпленію могущества великихъ князей восточно-славянскаго государства: монгольскіе ханы, заботившіеся прежде всего и больше всего объ исправномъ полученіи дани, имѣли прямой интересъ собирать ее черезъ посредство одного князя, отвѣтственнаго передъ ними, хотя свободнаго отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи своего народа. Но самодержавіе московскихъ царей существовало въ зародышѣ уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ княжествѣ Владимірскомъ [1]). Можно объяснить самодержавную форму московскаго общества исторіей русской колонизаціи въ этой странѣ, населенной первоначально финнами и татарами. Князья кіевской династіи отправились туда какъ предводители воиновъ и поселенцовъ,—подобно тому, какъ это было въ Пруссіи, гдѣ нѣмцы колонизовали славянскую землю,—и раса или народность, образовавшаяся въ Московіи, сдѣлалась самой живучей изъ всѣхъ, но въ то же время и самой послушной. Съ успѣхами великорусской централизаціи, политическія формы и идеи Москвы все болѣе и болѣе принимали національный ха-

---

[1]) *Костомаровъ*, Двѣ русскія народности.

рактеръ и въ концѣ концовъ заглушили традиціи новгородскія и казацкія. Въ своихъ общинахъ и различныхъ товариществахъ или артеляхъ великоруссъ такой же поборникъ начала равноправности, какъ и другіе славяне,—можетъ быть, даже больше; но въ пониманіи политическаго устройства онъ является наиболѣе послѣдовательнымъ изъ монархистовъ. „Государь—батька, земля—матка"; „народъ—тѣло, Царь—голова"; „безъ Царя земля вдова"; „безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя земля не правится", говорятъ старинныя великорусскія пословицы [1]). Даже религіозныя секты Великой Россіи, образовавшіяся съ конца семнадцатаго столѣтія и которыя считаютъ нынѣшнее государство „царствомъ звѣринымъ", а на главу его, Петра Великаго, смотрѣли какъ на „антихриста", отвергаютъ только титулъ „императора", какъ чужеземный; тѣмъ не менѣе онѣ фанатически стоятъ за царскую власть и сверху ждутъ своего Мессію. Въ западныхъ странахъ, столь часто волнуемыхъ революціями, даже фанатическіе приверженцы стараго порядка не могутъ составить себѣ понятія о томъ, что такое горячая любовь (впрочемъ, не безъ страха), которую испытываютъ образцовые подданные, думая о своемъ повелителѣ; для нихъ онъ — земной Богъ. Такое благоговѣйное обожаніе государя нерѣдко встрѣчается въ Россіи. Встарину подданные боялись царя и самое имя его произносили не иначе, какъ со страхомъ и трепетомъ: если онъ былъ капризный и жестокій, они падали ницъ передъ нимъ съ тѣмъ большимъ благоговѣніемъ; онъ казался имъ тѣмъ величавѣе. Регулятора своихъ собственныхъ поступковъ они искали не въ самихъ себѣ, а въ волѣ властителя, непреклонной или измѣнчивой. Ни одинъ государь не былъ болѣе популяренъ на Руси, чѣмъ Иванъ Грозный: онъ казался своимъ подданнымъ великимъ, какъ сама судьба. Народъ, забывшій столькихъ другихъ героевъ, еще помнитъ Ивана IV; точно также Владиміръ, котораго онъ прославляетъ въ своихъ пѣсняхъ, все еще является въ его глазахъ княземъ „милосердымъ и грознымъ". Съ тѣхъ поръ, какъ великіе князья московскіе сдѣлались властителями Великой Россіи, всѣ народныя волненія въ этой странѣ были проникнуты духомъ вѣрности царю. Послѣ длиннаго ряда Лжедимитріевъ и Лжепетровъ, донской казакъ Степанъ Разинъ поднялъ въ семнадцатомъ вѣкѣ населеніе полуденной Московіи „противъ бояръ за царя"; а когда, въ слѣдующемъ столѣтіи, другой донской казакъ, Емельянъ Пугачевъ, увлекъ за собой Яицкое казачье войско и крестьянъ волжскаго понизовья на послѣднюю большую войну крѣпостнаго люда, ему удалось поднять народъ, только выдавая себя за истиннаго государя Петра III, обвиняя Екатерину II, „царицу дворянъ", въ похищеніи престола. Многочисленныя, частыя возмущенія, происходившія втеченіе этого столѣтія, всѣ отлича-

[1]) *Даль*, Пословицы русскаго народа.

лись подобнымъ же характеромъ. Бунтовщики никогда не сомнѣвались, что дѣло ихъ—царево дѣло, и что чиновники подкуплены помѣщиками, врагами государя. И если русскіе крестьяне надѣются еще на общій передѣлъ земель, то они ожидаютъ рѣшительнаго слова отъ верховной власти, не смотря на всѣ объявленія правительства объ ошибочности такихъ ожиданій.

Языкъ великоруссовъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ всей Россіи, съ исключеніемъ другихъ славянскихъ нарѣчій Имперіи; въ хорошей разговорной рѣчи принято употреблять московскій выговоръ. Такимъ образомъ, преобладающее значеніе окончательно завоевано славянскою рѣчью, которая стала языкомъ большинства народа и преемниковъ московскаго престола. Всѣ національности восточно-славянской державы, родная рѣчь которыхъ—не великорусскій языкъ, принуждены послѣдовательно усвоивать его вполнѣ или отчасти; одни, какъ напр. поляки, остзейскіе нѣмцы, эсты, латыши, литовцы, выучиваются языку господствующей народности въ школѣ, въ военной службѣ или въ борьбѣ повседневной жизни; другіе, бѣлоруссы и малоруссы, естественно склонны, вступая въ міръ мысли, употреблять языкъ, легкій для нихъ, которымъ говоритъ большинство ихъ соотечественниковъ и который болѣе развитъ, болѣе богатъ литературными произведеніями. Что касается инородцевъ, финновъ, монголовъ, татаръ и т. д., то для нихъ великорусская рѣчь есть языкъ самой цивилизаціи; а евреи, вѣрные своему нѣмецкому жаргону, умѣютъ производить гандель, дѣлать гешефты на всякихъ языкахъ, и особенно на томъ, который всего болѣе употребителенъ на базарахъ и ярмаркахъ. Національная русская литература, хотя очень богатая былинами и старинами, или эпическими пѣснями, и блиставшая въ послѣднія сто лѣтъ очень талантливыми писателями, все-же не имѣетъ такихъ сокровищъ, которыя могли бы сравниться съ богатствами западныхъ литературъ; кромѣ того, она должна была заимствовать изъ нѣмецкаго, голландскаго, французскаго и англійскаго языковъ множество терминовъ, относящихся къ ремесламъ, искусствамъ, наукамъ, и многочисленные французскіе обороты, духъ которыхъ не согласуется съ духомъ славянскаго языка, вошли въ разговорную рѣчь; тѣмъ не менѣе русскій языкъ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ выразительныхъ и самыхъ гибкихъ между арійскими языками. Онъ составляетъ свои сложныя слова съ такой же легкостью, какъ и языкъ нѣмецкій, не имѣя тяжеловѣсности послѣдняго, и его гортанныя ноты сочетаются съ интонаціями ласкающей мягкости. Разнообразіе звуковъ русскаго языка — одна изъ главныхъ причинъ, и едва ли не важнѣйшая, той легкости, которую русскіе обнаруживаютъ въ изученіи иностранныхъ языковъ. Ихъ гибкій органъ произноситъ легко и изящно почти всѣ звуки, которые, въ европейскихъ языкахъ, наиболѣе отличаются отъ славянскихъ нарѣчій. Впрочемъ, нужно также принять въ расчетъ вліяніе наслѣдственности,

ибо уже впродолженіе большаго числа поколѣній русскіе достаточныхъ классовъ держатся обыкновенія обучать своихъ дѣтей по крайней мѣрѣ французскому языку. Притомъ, русскіе любятъ нравиться; а чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ чужеземцами, нужно умѣть бесѣдовать съ ними на ихъ собственномъ языкѣ, какъ говаривалъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи уже Владиміръ Мономахъ, отецъ котораго объяснялся на пяти языкахъ. Число лицъ, говорящихъ болѣе или менѣе по-французски, къ востоку отъ Вислы, простирается до 300,000 слишкомъ, что составляетъ около трети всего дворянства.

Если всѣ образованные русскіе имѣютъ къ своимъ услугамъ одинъ или нѣсколько языковъ Западной Европы, то европейцы, наоборотъ, мало изучаютъ русскій языкъ, который, между тѣмъ, пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ все бóльшую важность во всемъ славянскомъ мірѣ и въ Азіи. Если присчитать болгаръ, сербовъ и другихъ южныхъ славянъ, которые находятся съ Россіей въ отношеніяхъ племеннаго родства и нѣкоторой зависимости, то число людей, подвластныхъ славянской державѣ или живущихъ въ предѣлахъ ея орбиты, простирается до сотни милліоновъ. Слѣдовательно, русскій языкъ не можетъ не сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ языковъ, которые современемъ будутъ имѣть наибольшее вліяніе на развитіе человѣчества. Но для этого, конечно, нужно, чтобы самъ народъ, путемъ матеріальнаго благосостоянія, образованія и свободы, достигъ возможности занять мѣсто, которое должно бы принадлежать ему въ ряду другихъ націй. Между тѣмъ социальное состояніе великоруссовъ, также какъ ихъ соотечественниковъ, жителей Малороссіи и Бѣлоруссіи, все еще крайне жалкое и бѣдственное.

Лачуга крестьянина зимою наполнена нечистымъ, почти негоднымъ для дыханія воздухомъ. Снаружи изба, для бóльшаго тепла, окружена завалиной изъ навоза. Окна, плотно запертыя, иногда прикрытыя соломой, препятствуютъ доступу внѣшняго воздуха; смѣшанное дыханіе всѣхъ членовъ семьи, спящихъ на печи и на палатяхъ, заражаетъ атмосферу тѣснаго и душнаго убѣжища; наружный воздухъ проникаетъ черезъ двери, быстро отворяемыя, только въ тотъ моментъ, когда обитатели выходятъ, чтобы справить какое-нибудь дѣло. Насѣкомыя размножаются на печи и въ деревянныхъ стѣнахъ великорусской избы такими массами, что существованіе становится иногда совершенно невыносимымъ. Чтобы вывести таракановъ, есть только одно средство — выморозить ихъ, для чего нужно покинуть домъ и оставить открытыми всѣ выходы въ самые холодные зимніе дни. Крестьяне часто прибѣгаютъ къ этому героическому средству; когда на дворѣ трещитъ морозъ, ихъ можно иногда видѣть бродящими въ лѣсу по близости своего жилья, въ которомъ свободно разгуливаетъ вѣтеръ.

Великороссійскія села и деревни представляютъ собою группы бѣд-

ныхъ хижинъ, тѣсно скученныхъ и неотдѣленныхъ одна отъ другой садами; даже большинство городовъ суть ни что иное, какъ скопленіе деревянныхъ построекъ, всегда пребывающее во власти пожара. Избушки изъ смолистаго сосноваго или еловаго дерева, съ соломенными, растрепанными кровлями, окруженныя кучами соломы и сѣна, грудами хвороста и щепокъ,— настоящіе костры, вполнѣ приготовленные для пожара, который можетъ вспыхнуть отъ первой искры. Пожаръ—таковъ естественный конецъ всякаго крестьянскаго жилища. Подобно тому какъ, по ученію схоластической медицины, человѣческое тѣло должно обновляться во всѣхъ своихъ частяхъ черезъ каждыя семь лѣтъ, Россія, какъ утверждали, тоже имѣетъ свой семилѣтній климатерическій періодъ, въ теченіе котораго она обновляется посредствомъ пламени во всѣхъ безчисленныхъ весяхъ; но въ губерніяхъ центральной Россіи это „возрожденіе изъ-подъ пепла" часто совершается еще быстрѣе: указываютъ на уѣзды, гдѣ, случалось, цѣлая четверть домовъ выгорала въ теченіе только одного года. Годовые убытки, причиняемые пожарами въ Россіи, представляютъ приблизительно слѣдующія цифры:

Средняя цифра въ періодъ 1842—46 гг.	14.897,000	руб.
„ „ „ „ 1861—64 гг.	30.163,830	„
„ „ „ „ 1872—77 гг.	65.000,000	„
Число оффиціально извѣстныхъ пожарныхъ случаевъ въ 1880 г.	32,961	„
Общій убытокъ отъ пожарныхъ случаевъ въ 1880 г.	68.100,343	„

Въ провинціальныхъ городахъ дома большею частію тоже деревянные, за исключеніемъ правительственныхъ зданій, господскихъ палатъ да церквей, которыя почти всѣ построены по однообразнымъ планамъ, по типу, предписанному петербургскими чиновниками. Истинное искусство отсутствуетъ въ архитектурѣ этихъ зданій, ибо оно живетъ единственно свободой, тогда какъ традиціонный символизмъ убиваетъ его; оно замѣнено въ храмахъ богатствами—золотомъ, серебромъ, мраморомъ, драгоцѣнными камнями [1]).

Будучи переходной страной между Европой и Азіей, Россія представляетъ также переходный характеръ по своимъ религіямъ — въ не меньшей степени, какъ и по своимъ нравамъ. На западѣ Имперіи католики и протестанты, такъ сказать, продолжаютъ Западную Европу, на востокѣ-же язычники, буддисты и мусульмане составляютъ значительную часть населенія. Но между этими двумя поясами, западнымъ и восточнымъ, Великороссія почти всецѣло принадлежитъ къ православной греко-восточной церкви. Однако, несмотря на существованіе господствующей, государственной религіи, въ Россійской Имперіи, этой странѣ послушанія, религіозныя секты появляются, вѣроятно, въ наибольшемъ количествѣ

[1]) *Viollet-le-Duc*, L'Art Russe.

ИПАТЬЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ВЪ КОСТРОМѢ.

сравнительно съ прочими государствами Европы, и почти всѣ эти новые культы великорусскаго происхожденія. Сама Великобританія, столь богатая реформаторами вѣры, едва ли не уступаетъ Россіи числомъ апостоловъ и не можетъ выдержать сравненія съ послѣднею по странности новыхъ вѣроученій. Склонный къ мистицизму и резонерству складъ ума, такъ часто встрѣчающійся у великоруссовъ; строгость, болѣе чѣмъ византійская, религіозныхъ обрядовъ, предписываемыхъ духовенствомъ; древнія языческія суевѣрія, обнаруживающіяся подъ другой формой; самыя качества народа, его смиреніе и добродушіе, которое такъ легко извратить фанатизмомъ; наконецъ, рабство, столь долго тяготѣвшее надъ массой населенія и заставлявшее искать убѣжища въ сверхестественномъ мірѣ,—всѣ эти причины способствовали возникновенію многочисленныхъ религій. Секты родятся, умираютъ и смѣняютъ одна другую, какъ дикая растительность: въ настоящее время ихъ насчитываютъ отъ ста до ста тридцати. Какъ гласитъ одна поговорка православныхъ: „у каждаго мужика своя особая вѣра, у каждой бабы свои уставы". Не было ни одного важнаго національнаго событія, которое не вызвало бы къ жизни новыхъ сектъ; всѣ онѣ различаются названіемъ, содержаніемъ молитвъ, формой символовъ и обрядовъ, но въ сущности всегда сходны между собою по нравственнымъ явленіямъ, а также по страстямъ, которыя онѣ возбуждаютъ. Изъ вѣка въ вѣкъ на Руси появляются новые Мессіи, Сыны Божіи или даже самъ Богъ; сектанты благоговѣйно почитаютъ государей Петра III и Александра I, отказываясь вѣрить ихъ кончинѣ, потому что они обнаруживали вѣротерпимость; самъ Наполеонъ имѣлъ фанатическихъ поклонниковъ въ Псковѣ, въ Бѣлостокѣ и даже въ той самой Москвѣ, которая была обязана ему своимъ раззореніемъ [1]). При томъ состояніи духа, въ которомъ находятся сектанты, апостоламъ достаточно вооружиться какимъ нибудь текстомъ Св. Писанія, какимъ нибудь древнимъ пророчествомъ, чтобы увлечь вѣрующихъ на самые страшные пути—на пути самоизуродованія, самоубійства и убійства. Притомъ, такъ какъ всякое мнѣніе въ дѣлахъ вѣры, несогласное съ мнѣніемъ духовенства, признавалось властями какъ преступленіе, какъ бунтъ, то большинство сектъ должно было преобразоваться въ тайныя общества; необходимость сохраненія тайны, странныя церемоніи посвященія новыхъ членовъ, чарующая прелесть опасности еще болѣе воспламеняютъ воображеніе сектанта и толкаютъ его къ безумію и изувѣрству.

Число отпавшихъ отъ господствующей церкви невозможно опредѣлить даже приблизительнымъ образомъ, и, безъ сомнѣнія, мы никогда не узнаемъ его съ точностью, пока не будетъ дарована свобода вѣроисповѣданія. Въ 1850 году оффиціальная статистика утверждала, что

[1]) *Липранди*; *Кельсіевъ*, Собраніе матеріаловъ по расколу.

русскихъ не-православныхъ только 830,000; но министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что дѣйствительное число ихъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ превосходитъ эту цифру: онъ насчитывалъ ихъ до 9 милліоновъ. Мельниковъ, опредѣливъ, на основаніи церковныхъ книгъ, число вѣрующихъ въ 1859 году, насчиталъ болѣе 9.450,000 раскольниковъ. Если мы остановимся на этой послѣдней цифрѣ и примемъ въ разсчетъ нормальный приростъ народонаселенія, то въ настоящее время число религіозныхъ отщепенцовъ должно простираться по меньшей мѣрѣ до 12 милліоновъ [1]). Если сравнивать ихъ съ образованными классами, въ которыхъ свободные мыслители и индифференты довольно многочисленны, то раскольники справедливо обвиняются въ фанатизмѣ и невѣжествѣ; но, разсматриваемые въ совокупности, они безспорно болѣе любознательны и болѣе образованы, чѣмъ другіе русскіе; женщина пользуется у нихъ гораздо бо́льшимъ уваженіемъ, она нерѣдко занимаетъ мѣсто наставницы, а въ нѣкоторыхъ сектахъ — даже проповѣдника и священнослужителя. Вообще говоря, раскольники гораздо зажиточнѣе, пользуются гораздо бо́льшимъ довольствомъ, нежели другіе русскіе, потому что они болѣе воздержны, болѣе привычны къ порядку и поддерживаютъ другъ друга съ замѣчательнымъ духомъ солидарности; значительная часть великорусскихъ коммерсантовъ и промышленниковъ принадлежитъ къ раскольничьимъ сектамъ.

Различныя секты (согласія или толки) раскола, разсматриваемыя съ общей точки зрѣнія, могутъ быть раздѣлены на три главныя группы: *поповцевъ*, то-есть секты, пріемлющія священство, *безпоповцевъ*, или секты, непріемлющія священства, и духовныхъ христіанъ. Оппозиція, чисто обрядовая, тѣхъ вѣрующихъ, которые хотѣли сообразоваться съ обрядами національной церкви въ томъ видѣ, какъ они существовали до семнадцатаго вѣка, то-есть до преобразованій патріарха Никона, совпадаетъ съ недовольствомъ, вызваннымъ постояннымъ, все болѣе и болѣе стѣснительнымъ, вмѣшательствомъ духовенства въ религіозную и гражданскую жизнь народа. Вліяніе, болѣе или менѣе прямое, протестантизма присоединилось къ этимъ элементамъ религіозныхъ несогласій; такимъ образомъ, въ результатѣ сложныя причины привели къ расколу. Съ другой стороны, для несчастныхъ подданныхъ, подавленныхъ тяжелымъ бременемъ налоговъ и барщины, это былъ благопріятный случай отдѣлиться въ дѣлѣ вѣры отъ своихъ господъ и пріобрѣсти возможность проклинать ихъ. Въ глазахъ религіозныхъ отщепенцевъ, гербовая бумага и паспорты сдѣлались „печатью антихриста", ревизскія сказки были „списками дьявола", а подушная подать—„цѣной за душу". Такимъ образомъ, раскольники представляютъ собою въ одно и то же время духъ крайняго консерватизма въ православной церкви и духъ реформы, даже духъ относительной политической свободы.

[1]) См. статистическія данныя о раскольникахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1868 г., II.

Поповцы, которые продолжаютъ преданія древней церкви, суть истинные приверженцы „старыхъ обрядовъ“ (старообрядцы), „старой вѣры“ (староверы). Возмущенные исправленіями, которыя патріархъ Никонъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, греческихъ и малороссійскихъ, произвелъ въ богослужебныхъ книгахъ, и пренебрегая анаѳемой людей, которыхъ они называли иноземцами, староверы упорно держались за религіозные обычаи древнихъ временъ; изъ уваженія къ прежнимъ символамъ, они отвергаютъ оффиціальный культъ церкви; но сами они, незамѣтно для себя, значительно измѣняли свои обрядности, соотвѣтственно средѣ, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать, и преслѣдованіямъ, которымъ они подвергались. Петръ I, на жизнь котораго покушались мятежные стрѣльцы, имѣвшіе въ своей средѣ множество раскольниковъ, строго преслѣдовалъ всѣхъ, кто не возвращался по приказу въ стадо вѣрующихъ (онъ велѣлъ переписать раскольниковъ и обложить ихъ двойными податями, не допускать къ общественнымъ должностямъ, носить особое платье, за бороду платить особую пошлину и пр.); но, несмотря на эти гоненія, секты только увеличивались и становились все болѣе и болѣе непримиримыми. Раскольники, негодуя на царя, какъ на друга иноземцевъ, который расторгъ брачный союзъ съ своей первой супругой, подвергалъ своего сына пыткамъ, а своими войнами, постройками, каналами, своими безпощадными налогами и принудительными работами отягощалъ народъ, считали его антихристомъ, видѣли въ немъ чудовище, предсказанное Св. Писаніемъ; поэтому, къ проклятіямъ, направленнымъ противъ „нечистой“ церкви, они прибавили еще проклятіе императору, который приказывалъ „брить бороды и усы, носить латинскую одежду и курить треклятое зелье“. Но гоненія были еще не самое жестокое, что пришлось выносить послѣдователямъ поповщины: раскольничьи попы, поставленные до Московскаго собора 1667 года, одобрившаго исправленія Никона, съ теченіемъ времени всѣ умерли; затѣмъ скончался и единственный ихъ епископъ, и слѣдовательно ни одинъ новый попъ не могъ быть посвященъ, чтобы совершать для нихъ богослуженіе. Поповцы прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы остаться въ мирѣ со своей совѣстью; они замѣшивали свой хлѣбъ съ кусочкомъ освященной просфоры, сманивали, при помощи денегъ, никоніанскихъ священниковъ, пытались даже похитить руку св. Петра, московскаго митрополита, съ той цѣлью, чтобы этими мощами посвящать своихъ поповъ и такимъ образомъ замѣнять живыхъ епископовъ [1]). Іерархія была возстановлена только въ 1844 году, благодаря одному болгарскому епископу, посвященному въ Константинополѣ и согласившемуся учредить свою резиденцію въ одной раскольничьей колоніи—въ Бѣлой Криницѣ,

---

[1]) *Іоанновъ*, Замѣтка о расколѣ, II.

въ Буковинѣ. Теперь раскольники имѣютъ собственныхъ епископовъ и устраиваютъ свои духовные соборы въ Москвѣ, не имѣя надобности слишкомъ скрываться; они домогаются только совершенной свободы ихъ вѣроисповѣданія. Кромѣ того, нѣкоторое число поповцевъ, — можетъ быть, около милліона, — возсоединились косвенно съ православной церковью, принявъ отъ нея священнослужителей, съ условіемъ сохранить свои старыя богослужебныя книги и старые образа. Это—такъ называемые *единовѣрцы*.

Самые энергическіе изъ старовѣровъ, твердо рѣшившіеся не входить ни въ какія сдѣлки со служителями антихриста, правившаго въ Москвѣ, этомъ новомъ Вавилонѣ, бѣжали по большей части въ глухіе, непроходимые лѣса олонецкіе и сѣвернаго Поморья, гдѣ основали на рѣкѣ Выгъ знаменитые въ исторіи раскола общежительные скиты, извѣстные подъ именемъ „Выговской Пустыни", которая долгое время была ихъ главнымъ центромъ. Это—„безпоповцы", т. е. раскольники, непріемлющіе священства, „овцы, умѣющія пастись безъ пастыря". Различные сектанты этой группы отвергаютъ всякія таинства; они не имѣютъ другихъ священнослужителей, кромѣ ангеловъ Божіихъ; есть даже такіе, которые во все продолженіе моленія или бдѣнія остаются съ открытымъ ртомъ, въ ожиданіи, что божественная пища, совсѣмъ готовая, спустится къ нимъ съ неба. Благодаря своей независимости (такъ какъ они жили въ пустынныхъ мѣстахъ, мало доступныхъ правительственному надзору) и, вѣроятно, также подъ вліяніемъ новгородскихъ раціоналистическихъ сектъ, остатки которыхъ существовали еще въ томъ краю (бывшія новгородскія области), безпоповцы нѣкоторыми своими ученіями примыкали къ западному протестантизму и раздѣлились на гораздо бо́льшее число сектъ, чѣмъ поповцы: каждый скитъ бѣглыхъ приверженцевъ старины, каждый старовѣрческій пророкъ образовалъ центръ новой группы, новаго толка. Самая многочисленная секта—согласіе ѳедосѣевцевъ, отдѣлившееся отъ скитниковъ Выговской Пустыни; самое извѣстное, можетъ быть,—согласіе филиповцевъ, названное такъ по имени его основателя, Филиппа; члены его, удалившіеся за границу, основали общины въ Восточной Пруссіи, въ Молдавіи и даже въ Добруджѣ, извѣстныя подъ названіемъ общинъ липовановъ; это названіе иногда распространяютъ на раскольниковъ различныхъ сектъ. Они проповѣдывали, что лучше умереть, чѣмъ произносить въ молитвахъ имя царя, а нѣкоторые изъ нихъ доходили въ своемъ фанатизмѣ до того, что отказывались брать монету съ изображеніемъ государя; но заграницей они мало по малу измѣнились, и иные изъ нихъ теперь принадлежатъ къ числу самыхъ горячихъ московскихъ патріотовъ. Многіе изъ нихъ оказали услуги никоніанскому царю, не только противъ нехристей турокъ или польскихъ католиковъ, но и противъ малороссіянъ, „соотечественниковъ измѣнника Мазепы".

Филиповцы были самыми горячими апостолами самозакланія вѣрующихъ: въ эпоху преслѣдованій, направленныхъ противъ раскола и отличавшихся особенною строгостью въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго столѣтій, бывали примѣры, что безпоповцы сами сожигались или топились; впрочемъ, часто они не имѣли другаго средства избѣгнуть пытокъ, какъ лишивъ себя жизни, и первые костры были зажжены никоніанскими палачами. Съ 1687 по 1693 годъ около 9,000 старовѣровъ сожгли сами себя въ области, лежащей между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ. Одно только поголовное самосожженіе на островѣ Онежскаго озера (Палеостровъ) уничтожило 2,700 человѣкъ [1]). Понятно, что подобныя потрясающія зрѣлища приводятъ къ безумію, и если не цѣлыя секты, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ ихъ членовъ доходили до того, что проповѣдывали самоубійство посредствомъ костра, зарыванія живьемъ въ землю или голодной смерти. Не разъ случалось, даже въ настоящемъ столѣтіи, что родители умерщвляли своихъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ будущихъ грѣховъ и ввести ихъ тотчасъ же въ лоно Божіе, въ царствіе небесное. До сего дня въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ общинахъ можно услышать священныя пѣсни, оканчивающіяся такими страшными словами: Возвѣсти мою волю моимъ людямъ, всѣмъ христіанамъ православнымъ— пусть они бросаются за меня въ огонь и пусть бросаютъ туда своихъ безгрѣшныхъ младенцевъ! [2]) Нѣтъ такого преступленія, нѣтъ такого безумнаго поступка, котораго не могли бы совершить несчастные галлюцинаты, руководимые своими видѣніями или таинственными голосами. Но, само собой разумѣется, народная молва преувеличиваетъ изувѣрства, происходящія въ лонѣ тайныхъ религій, и очень часто даже попы и чиновники систематически клеветали на безобиднѣйшія существа, съ цѣлью оправдать такимъ образомъ гоненія, которыя они воздвигали противъ этихъ приверженцевъ старой вѣры.

Другая замѣчательная секта безпоповщины—секта „бѣгуновъ“ или „странниковъ“, основанная около конца восемнадцатаго столѣтія дезертиромъ Евфиміемъ. Въ глазахъ этихъ сектантовъ, всякій правительственный чиновникъ есть ни что иное, какъ помощникъ и служитель сатаны, и, слѣдовательно, повиноваться ему было бы великимъ грѣхомъ. Всѣ повелѣнія того, кто установилъ „ревизію (перепись), различіе сословій и раздѣленіе земель и водъ“, по ихъ мнѣнію, противорѣчатъ Божескому закону, и нарушать ихъ—священнѣйшій долгъ каждаго. Всякая оффиціальная печать въ глазахъ ихъ есть „звѣриный знакъ“, и когда какой-либо документъ съ казенной печатью попадаетъ къ нимъ въ руки, они немедленно уничтожаютъ его. При такомъ взглядѣ на вещи, имъ пришлось бы проводить

[1]) *Филиповъ*, Исторія Выговской Старообрядческой Пустыни; *Нильскій*, Семейная жизнь въ расколѣ; *Mackenzie Wallace*, Russia.

[2]) *Варенцовъ*, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ.

свой вѣкъ въ тюрьмахъ или рудникахъ Сибири, если бы они заблаговременно не уходили изъ новаго „Вавилона, дабы не участвовать въ его грѣхахъ"; они предпочитаютъ странствовать по деревнямъ, пропагандируя свое ученіе, или жить, какъ волки, въ лѣсахъ [1]). Тамъ они могутъ безпрепятственно проклинать антихриста и его лжепророковъ, и, благодаря природному добродушію и набожному уваженію крестьянъ, которые видятъ въ нихъ святыхъ людей, гонимыхъ за вѣру, они почти всегда ускользаютъ отъ преслѣдованія закона. Впрочемъ, бѣгуны, также какъ и другіе сектанты, не опасны для государственнаго порядка; ихъ экзальтація, чисто религіозная, не превращается въ политическую страсть, и не изъ ихъ рядовъ выходятъ заговорщики. Притомъ-же между богатыми купцами, принадлежащими къ той или другой сектѣ старовѣровъ, есть много такихъ, которые придерживаются своей формы культа только въ силу преданія.

Спиритуалисты, или духовные христіане, которые встрѣчаются повсюду на югѣ Великороссіи, тогда какъ поповцы живутъ преимущественно въ центральныхъ губерніяхъ, а безпоповцы сосредоточены въ сѣверныхъ областяхъ и на Поморьи, суть наиболѣе преслѣдуемые изъ всѣхъ отщепенцевъ, вслѣдствіе чего организація ихъ окружена бо́льшей тайной, и изученіе ея представляетъ гораздо бо́льшія трудности сравнительно съ изученіемъ другихъ раскольничьихъ сектъ. Мистики, какъ и ихъ единомышленники на западѣ Европы, съ которыми они имѣли частыя сношенія черезъ нѣмецкихъ миссіонеровъ и англійскихъ купцовъ, а въ царствованіе Александра I даже черезъ дворъ, эти сектанты говорятъ, что въ нихъ пребываетъ божественный духъ, и даже называютъ себя „Божіими людьми", „Христами". По ихъ ученію, Богъ-Отецъ снова сходилъ на землю въ семнадцатомъ столѣтіи со Своимъ Сыномъ, чтобы совершить божественную жертву, и Духъ Святый еще глаголетъ устами апостоловъ и пророчицъ. Главная изъ ихъ сектъ носитъ названіе *хлыстовцевъ*,—названіе, которое публика передѣлала въ *хлысты*, въ насмѣшку надъ ихъ обычаями. Хлысты не подвергаютъ себя самозакланію, самосожженію, но они пляшутъ, по примѣру Давида, прыгаютъ и кружатся до изнеможенія; иные хлещутъ, истязаютъ другъ друга; а молва говоритъ, будто бы бывали случаи, когда они, справляя праздникъ Пасхи, зарѣзывали, тотчасъ послѣ крещенія, новорожденнаго младенца и съѣдали его сочащееся кровью сердце съ приправой меда: то было ихъ святое причастіе.

Странная, хотя логическая, секта *скопцовъ* или кастратовъ, образовавшаяся около половины восемнадцатаго столѣтія, непосредственно примыкаетъ къ согласію хлыстовъ; она раздѣляетъ всѣ ихъ вѣрованія и ученія, символизируемыя и утверждаемыя внѣшнимъ знакомъ. Между

---

[1]) *Розовъ*, Секта странниковъ, „Вѣстникъ Европы", 1872 г., №№ 11—12, и 1873 г., № 1.

этими несчастными, которые сами себя именуютъ „бѣлыми голубями", одни кастрируютъ себя въ молодости, другіе—послѣ того, какъ сдѣлаются отцами; есть и такіе, которые ограничиваются чисто духовной церемоніей. Для того ли, чтобы легче избѣгать преслѣдованія со стороны властей, или во исполненіе какого-нибудь предписанія ихъ вѣры, всѣ скопцы стараются обогатиться, накопить какъ можно больше денегъ. Очень многочисленные въ губерніяхъ Орловской и Тамбовской, они охотнѣе всего избираютъ ремесло ювелировъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. п., а въ обѣихъ столицахъ они, какъ говорятъ, почти монополизировали профессію мѣнялъ. Благодаря своимъ рублямъ, скопцы могутъ дѣятельно вербовать прозелитовъ въ свою секту и покупать цѣною денегъ многія совѣсти. Хотя ихъ легко узнать съ перваго взгляда по тонкому, пронзительному голосу, по гладкому, безволосому лицу, по узкимъ плечамъ, но лишь весьма немногіе изъ нихъ попадаютъ въ ссылку. Главная масса скопческой секты остается въ большихъ городахъ и тяготѣетъ, къ своей выгодѣ, надъ всѣми коммерческими дѣлами. Скопцы имѣютъ приверженцевъ, хотя и немногочисленныхъ, внѣ Великороссіи, между финнами и малороссами (въ Полтавской губерніи); среди послѣднихъ секта хлыстовъ, извѣстная тамъ подъ именемъ шалопутовъ, также получила значительное развитіе въ эти послѣдніе годы; впрочемъ, малороссійскіе хлысты нѣкоторыхъ уѣздовъ приближаются къ штундистамъ. Изъ всѣхъ великорусскихъ раскольничьихъ сектъ секта хлыстовъ единственная, которой удавалось вербовать прозелитовъ въ высшихъ классахъ общества [1]).

Въ настоящее время, къ сектамъ Великой Россіи, наиболѣе удаляющимся отъ православной греко-восточной церкви, должно отнести *духоборцевъ* [2]) и *молоканъ*, которые прежде близко подходили къ „Божьимъ людямъ" по ихъ мистическимъ идеямъ и по глубокому уваженію къ своимъ пророкамъ. Къ духоборцамъ непосредственно примыкаютъ *субботники*, отправляющіе культъ субботы со строгостью истинно - еврейской и происхожденіе которыхъ остается загадкой: неизвѣстно въ точности, слѣдуетъ-ли считать ихъ христіанами, принявшими еврейскіе обряды, или потомками евреевъ, насильно обращенныхъ въ православіе и передающихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ болѣе или менѣе сбивчивой формѣ, обрядности древней религіи. Нѣкоторые писатели утверждаютъ существованіе у этихъ іудействующихъ сектантовъ физическаго сходства

---

[1]) *Н. И. Барсовъ*, Русскій простонародный мистицизмъ; *Мельниковъ*, Тайныя секты, Бѣлые Голуби; *Реуцкій*, Божьи Люди и Скопцы; *Левитскій*, Шалопуты, „Кіевскій Телеграфъ", 1875 г., №№ отъ 41 до 43.

[2]) Всѣ таинства и церковные обряды они толкуютъ въ духовномъ смыслѣ; такъ, они говорятъ, что они духомъ крестятся, духомъ исповѣдуются и духомъ причащаются. *Перев.*

съ русскими евреями; другіе полагаютъ, что они связаны непрерывной преемственностью съ новгородской сектой „жидовствующихъ“ [1]). Изъ рядовъ субботниковъ преимущественно выходятъ и другіе сектанты—„скакуны“, которые походятъ на шекеровъ (shakers) Англіи и Соединенныхъ Штатовъ и которые, по выселеніи въ Закавказскій край, навербовали тамъ приверженцевъ своего ученія между армянами. Вообще, молокане и духоборцы походятъ по своимъ идеямъ на англійскихъ квакеровъ; также какъ квакеры, они прошли послѣдовательно процессъ нравственнаго развитія, который изъ горячихъ сектантовъ сдѣлалъ ихъ мало по малу спокойными гражданами [2]), сообразующимися уже безъ прежняго рвенія съ традиціонными формами. Часто отправляемые въ ссылку на опасныя границы государства, они вездѣ достигали цвѣтущаго состоянія, въ Новороссійскомъ краѣ, на Кавказѣ; теперь думаютъ колонизовать ими недавно присоединенную отъ Турціи Карскую область. Общее движеніе раскольничьихъ сектъ увлекаетъ ихъ все болѣе и болѣе къ раціонализму въ религіи, къ радикальнымъ идеямъ въ политикѣ. Поповцы массами присоединяются къ ученіямъ безпоповцевъ, а эти послѣдніе начинаютъ отвергать титулъ „старовѣровъ“, примѣняя его къ православнымъ оффиціальной церкви, которыхъ они упрекаютъ въ формализмѣ. Появляются новыя секты, какъ, напримѣръ, *немоляки* (отвергающіе молитву) и *неплательщики* (отказывающіеся платить подати). Однако, старыя привычки ритуализма такъ глубоко укоренились, что даже между спиритуалистическими сектами образовался толкъ „воздыхателей“, которые на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ постоянно вздыхаютъ, будучи убѣждены, что „дыханіе“ есть „духъ“ [3]).

X.

ВЕРХНЯЯ ВОЛГА ДО НИЖНЯГО-НОВГОРОДА.

ГУБЕРНІИ ТВЕРСКАЯ, ЯРОСЛАВСКАЯ, КОСТРОМСКАЯ

Эта страна населена великоруссами и финнами, большею частію обрусѣвшими. Только на западѣ, въ самой гористой области, гдѣ сообщенія во всѣ времена были затруднительны, могъ удержаться до нашихъ дней цѣлый архипелагъ карельскихъ населеній. Тамъ эти финны сохранились со своимъ языкомъ, нравами и обычаями; но, окруженные со всѣхъ сторонъ постоянно возрастающими въ числѣ славянами, принужденные

[1]) *Anat. Leroy-Beaulieu*, Revue des Deux Mondes, 1 juin 1875; *Костомаровъ*, Молокане и Духоборцы въ Саратовской губерніи.

[2]) Пригуны, „Отечественныя Записки“, 1878 г., №№ 10-й и 11-й.

[3]) *Юзовъ*, Старовѣріе, „Слово“, 1878 г.

работать на великоруссовъ, въ качествѣ рыбаковъ, лодочниковъ, дровосѣковъ или землепашцевъ, научаясь русскому языку въ школѣ, въ церкви, на базарахъ городовъ, они постепенно утрачиваютъ свои національныя особенности и сливаются съ господствующей народностью. Извѣстно, что за десять вѣковъ до нашей эпохи край, сдѣлавшійся нынѣ Ярославской губерніей, былъ еще населенъ въ большой части чудскимъ племенемъ, а между тѣмъ мѣстное населеніе считается теперь состоящимъ изъ чистыхъ великоруссовъ. Такъ какъ эта чудь, насколько извѣстно, никогда не была изгоняема изъ страны, то этнографическое преобразованіе, очевидно, должно было совершаться постепенно, незамѣтно, и обѣ расы совмѣстно представлены въ нынѣшнихъ обитателяхъ этого края, хотя только одна изъ нихъ сохранила имя и языкъ. Города и деревни носятъ по большей части славянскія наименованія, въ честь святыхъ или праздниковъ.

Города, которые первоначально почти всѣ были простыми селеніями рыболововъ и судовщиковъ, довольно многочисленны на берегахъ главной рѣки и ея притоковъ. Уже въ области истоковъ Волги, среди лѣсовъ и болотъ, Осташковъ, лежащій на высотѣ 750 футовъ, значительной для Россіи, и на полуостровѣ озера Селигеръ, населенъ преимущественно рыбаками и плотовщиками; но, удаленный отъ центровъ, онъ долженъ былъ прибавить къ своей промышленности кожевенное производство и приготовленіе обуви, а также выдѣлку топоровъ, косъ, серповъ и другихъ рѣзальныхъ орудій. Ржевъ, хлѣбная пристань и значительный рынокъ для торговли льномъ и пенькой, затѣмъ Зубцовъ и Старица слѣдуютъ одинъ за другимъ по теченію Волги, тогда какъ на югѣ отъ этой рѣки городъ Гжатскъ, въ Смоленской губерніи, находится во главѣ судоходства по одному изъ волжскихъ притоковъ, истоки котораго переплетаются съ истоками Днѣпра.

Тверь, бывшая столица великаго княжества Тверскаго и могущественнѣйшій соперникъ Москвы, нынѣ губернскій городъ и главная пристань на верховьяхъ Волги, занимаетъ выгодное мѣстоположеніе, при самомъ впаденіи въ Волгу Тверцы, спускающейся съ сѣверныхъ высотъ и которая во всѣ времена представляла дорогу къ бассейну Невы и Финскому заливу. Встарину товары нужно было перевозить сухимъ путемъ съ Тверцы на Мсту, и хотя каналъ (Вышневолоцкій), прорытый черезъ гранитный порогъ и соединяющій эти двѣ рѣки, уже около ста лѣтъ тому назадъ открылъ прямое судоходное сообщеніе изъ Твери въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе городъ, построенный на бывшемъ волокѣ, до сихъ поръ сохранилъ названіе Вышняго-Волочка. Нынѣ это хорошенькій, дѣятельный городокъ, обязанный своей богатой торговлей тому, что онъ стоитъ на перекресткѣ двухъ важнѣйшихъ путей сообщенія: Николаевской желѣзной дороги и воднаго Вышневолоцкаго пути. Барки, нагруженныя хлѣбомъ и другими

продуктами, останавливаются тамъ сотнями и тысячами въ періодъ навигаціи, также какъ въ промышленномъ городѣ Торжкѣ (названіе отъ „торгъ“, „торжище“), который стоитъ ниже на Тверцѣ и уже во времена новгородцевъ былъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Число барокъ и другихъ мелкихъ судовъ, останавливающихся ежегодно у набережныхъ Твери, простирается до четырехъ тысячъ. Этотъ торговый городъ, самый многолюдный изъ трехъ городовъ, находящихся на желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, есть вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ на сѣверѣ Россіи; онъ имѣетъ многочисленныя мануфактуры, которыя занимаются преимущественно выдѣлкой бумажныхъ тканей и приготовленіемъ вышитыхъ кожаныхъ издѣлій. Эта послѣдняя промышленность (изготовленіе вышитыхъ золотомъ башмаковъ и туфель), которую, какъ полагаютъ, занесли въ край монголы, хотя она, вѣроятно, существовала уже ранѣе монгольскаго нашествія, удивительно напоминаетъ китайскія украшенія[1]). Въ 1872 году въ Твери было 5,275 фабричныхъ рабочихъ, а цѣнность производства простиралась до 6.169,700 рублей[2]). Жители села Кимры, лежащаго ниже на Волгѣ, занимаются также вышеупомянутой вышивкой, но преимущественно шитьемъ сапоговъ, которые отправляются главнымъ образомъ въ Москву и Петербургъ. Въ этой мѣстности, верстъ на 40 вокругъ села Кимры, нерѣдко всѣ полевыя работы, исключая косьбы травы, предоставлены женщинамъ[3]). Въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Тверской губерніи значительная часть крестьянъ—плотники; они уходятъ на заработки въ большіе города, гдѣ и проводятъ болѣе половины года.

Рыбинскъ, въ Ярославской губерніи, есть вторая торговая станція на Волгѣ ниже Твери; но сравнительно съ этимъ послѣднимъ городомъ положеніе его представляетъ больше выгодъ, такъ какъ онъ находится, кромѣ того, при выходѣ двухъ системъ воднаго сообщенія, которыя соединяютъ Волгу съ Петербургомъ: одна, Тихвинская, черезъ рр. Мологу, Чагодощу, Тихвинскій каналъ, р. Сясь и Ладожское озеро; другая, Маріинская, черезъ р. Шексну, Бѣлоозерскій обходный каналъ, Маріинскій каналъ и два большія озера Невскаго бассейна по обходнымъ каналамъ: Свирскому, Сясьскому, Петра I и Александра II. Возрастаніе сѣверной столицы служитъ въ пользу Рыбинску, который можетъ быть разсматриваемъ какъ главный ея портъ на Волгѣ; кромѣ того, онъ соединенъ съ нею желѣзной дорогой. Въ Рыбинскѣ большія суда, при-

---

[1]) *Драгомановъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) Въ 1879 г., 7,115 раб., а сумма производительности фабрикъ и заводовъ—6.661,000 р. *В. И. Покровскій*: „Историко-статистическое описаніе Тверской губ.“. *Ред.*

[3]) Труды по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, I. *Авт.*

Въ Кимрскомъ районѣ сапожнымъ ремесломъ занято до 16,000 чел.; ежегодное производство—2½ милл. паръ разной обуви, на 6 милл. р. (*В. Покровскій*, тамъ-же). *Ред.*

ходящія снизу, въ количествѣ около двухъ тысячъ каждогодно, должны перегружать свои товары на мелкія барки, въ числѣ восьми тысячъ, приспособленныя для плаванія далѣе вверхъ по Волгѣ и по узкимъ каналамъ со шлюзами. Въ 1864 году товарное движеніе на Рыбинской пристани простиралось до 40 милл. пудовъ и представляло цѣнность около 30 милліоновъ рублей[1]). Въ самый разгаръ торговаго сезона, разнообразныя суда запружаютъ Волгу, очень широкую здѣсь (230 саженъ), до того, что изъ нихъ образуется живой мостъ отъ одного берега рѣки до другаго. Лѣтомъ въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ городѣ собирается до ста тысячъ купцовъ, бурлаковъ и всякаго рода рабочихъ людей, приходящихъ для выгрузки и перегрузки товаровъ. Между промышленными заведеніями Рыбинска первое мѣсто занимаетъ большой канатный заводъ[2]). По числу жителей Рыбинскъ, важнѣйшая волжская пристань, „столица бурлаковъ", далеко превосходитъ всѣ другіе города, стоящіе ниже Твери на Волгѣ или на ея притокахъ въ этой части рѣчнаго теченія: Калязинъ, Угличъ, Кашинъ, Бѣжецкъ, Клинъ и Дмитровъ, Переяславль-Залѣсскій. Этотъ послѣдній городъ,—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи и, вѣроятно, колонія другаго Переяславля „Русскаго", который находится въ долинѣ Днѣпра,—получилъ, благодаря своимъ бумагопрядильнямъ, нѣкоторую промышленную важность. Устюжна-Желѣзнопольская, на р. Мологѣ, есть, вмѣстѣ съ Череповцемъ, центръ кустарной промышленности, именно гвоздарной: болѣе 20,000 человѣкъ, въ уѣздахъ Устюженскомъ и Череповецкомъ, работаютъ въ тысячахъ маленькихъ кузницъ и производятъ всѣ вмѣстѣ свыше 600,000 пудовъ гвоздей[3]). Ниже Рыбинска двойной городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ окруженъ огородами, славящимися въ особености лукомъ; уѣздъ того-же имени извѣстенъ также романовскими овцами и дублеными полушубками.

Ярославль, губернскій городъ, есть, можетъ быть, самый древній славянскій городъ, основанный на Волгѣ: онъ былъ построенъ въ 1025 году сыномъ Владиміра Великаго, Ярославомъ Мудрымъ, и впослѣдствіи былъ соперникомъ Твери и Москвы, оспаривая у нихъ господство надъ сѣверной Русью. Въ настоящее время это очень красивый городъ, когда на него смотришь съ Волги: по высокому берегу тянется длинный бульваръ, усаженный липами, за бульваромъ видна передняя часть города съ красивыми строеніями, надъ которыми высятся блистающія на солнцѣ золотыя главы многочисленныхъ церквей; на крутомъ мысу, при впаденіи рѣчки Которосли въ Волгу, бѣлѣетъ въ зелени деревьевъ зданіе Демидовскаго лицея. Пароходъ черезъ Волгу соединяетъ два участка

[1]) Въ 1879 г.—почти 38 милл. пуд., на 24.700,000 руб. *Ред.*

[2]) Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича отъ Петербурга до Крыма.

[3]) Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи. Сост. кн. *А. Мещерскимъ* и *Модзалевскимъ*. Изданіе Имп. Русскаго Географ. Общества.

желѣзной дороги, идущей изъ Москвы въ Вологду; этотъ рельсовый путь, также какъ полотняныя и бумагопрядильныя фабрики, придаютъ городу нѣкоторую важность въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Въ окрестностяхъ, жители пяти деревень, соединившись въ товарищество на артельныхъ началахъ, занимаются сообща выдѣлкой сундуковъ; вся артель распредѣляетъ работы между всѣми членами ассоціаціи. Недалеко отъ Ярославля, село Сопѣлки, на Волгѣ, служитъ центромъ секты странниковъ. Городъ Ростовъ, находящійся къ юго-западу отъ Ярославля, на дорогѣ въ Москву и на берегахъ озера, изъ котораго вытекаетъ р. Которосль, еще гораздо древнѣе нынѣшняго губернскаго города. Лѣтопись Нестора упоминаетъ о Ростовѣ, какъ о городѣ, существовавшемъ уже во времена Рюрика, въ девятомъ столѣтіи, и говоритъ, что первыми обитателями его было племя меря; но съ той эпохи, къ которой относится начало писанной исторіи, этотъ народъ, занимавшій прежде обширную территорію, отъ нынѣшней Смоленской губерніи до нижняго теченія Оки, уже ославянился: имя его не встрѣчается болѣе въ лѣтописяхъ послѣ 907 года [1]). Однако, финскій элементъ оставилъ въ краѣ свои слѣды въ видѣ географическихъ названій и долго обнаруживался сильнымъ сопротивленіемъ христіанству, особенно въ самомъ Ростовѣ, которому впослѣдствіи суждено было сдѣлаться одною изъ митрополій Россіи. Благодаря этому высокому рангу (пребыванію митрополичьяго престола), онъ сталъ въ глазахъ народа священнымъ городомъ, и теперь еще иконная живопись, рисованіе образовъ на финифти—одинъ изъ главныхъ мѣстныхъ промысловъ; ростовскія иконы расходятся по всей Имперіи. Кромѣ того, въ Ростовъ приходитъ довольно много богомольцевъ, а ярмарки его, хотя менѣе посѣщаемыя сравнительно съ прежнимъ временемъ, все еще привлекаютъ торговыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ Великой Россіи и даже съ азіатскаго склона Уральскихъ горъ. Берега Ростовскаго озера (по-фински Неро) окружены огородами, гдѣ разводятъ преимущественно цикорій. Этой промышленностью (огородничествомъ) ростовцы славятся во всей Россіи. Ростовскіе огородники не только развозятъ далеко свои произведенія, цикорій, сушеный сахарный горошекъ, лукъ, кухонныя и медицинскія травы и пр., но снимаютъ огороды въ столицахъ и большихъ городахъ; петербургскіе огородники—большею частью ростовцы. Вообще, жители Ярославской губерніи извѣстны по всей Россіи своей ловкостью, смѣтливостью, необыкновенной способностью къ промышленности и торговлѣ.

Кострома, губернскій городъ, стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, верстахъ въ 60 ниже Ярославля, которому онъ много уступаетъ по внѣшнему виду и красотѣ; это тоже, какъ и Ростовъ, древній городъ земли

[1]) *Н. П. Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи; *Гр. Уваровъ*, Племя Меря.

мери, и названіе его означаетъ имя одного финскаго бога. Въ самомъ городѣ игрища языческаго происхожденія, напоминавшія культъ Костромы или Ярилы, были уничтожены; но по деревнямъ и теперь еще во многихъ мѣстахъ сохранился обычай совершать торжественное погребеніе соломенныхъ чучелъ, представляющихъ грубое изображеніе этого гиперборейскаго Адониса, бога, который „появляется и умираетъ", чтобы снова возродиться, умереть и воскреснуть [1]). Упоминаемая въ первый разъ въ тринадцатомъ столѣтіи, Кострома прославилась въ исторіи въ слѣдующихъ вѣкахъ, и кремль ея, съ его высокими башнями и куполами церквей, напоминаетъ пребываніе древнихъ князей; но, не смотря на эти памятники старины, городъ похожъ на большое село. Въ Костромѣ, въ 1613 году, посольство отъ великаго земскаго собора объявило Михаилу Ѳеодоровичу Романову объ избраніи его на русскій престолъ, послѣ изгнанія поляковъ: юный Михаилъ жилъ тогда, со своею матерью, инокиней Марѳой, близъ города, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1330 году однимъ татарскимъ мурзой (предкомъ Бориса Годунова), который былъ обращенъ въ христіанство „чудеснымъ видѣніемъ"; съ той эпохи монастырь, обнесенный крѣпкими стѣнами съ башнями и бойницами, былъ дважды перестроенъ, въ 1586 и въ 1650 годахъ. Въ Костромѣ есть нѣсколько фабрикъ, преимущественно полотняныхъ и бумагопрядильныхъ; но мы уже находимся въ сосѣдствѣ холодныхъ пустынь Сѣвера, гдѣ городки встрѣчаются очень рѣдко. Въ сѣверной части обширной Костромской губерніи существуетъ только два поселенія, заслуживающія названія города: Галичъ и Макарьевъ-на-Унжѣ. Первый, стоящій на берегу озера, въ области древняго народа меря, вѣроятно, былъ основанъ выходцами изъ червонорусскаго Галича; впрочемъ, народное присловье называетъ жителей его „кривичами", именемъ древняго славянскаго племени, населявшаго Бѣлую Русь [2]). Въ Галичѣ нѣтъ никакихъ другихъ промысловъ, кромѣ рыболовства; въ уѣздѣ значительно кожевенное производство. Племя меря исчезло изъ этого края, или по крайней мѣрѣ носитъ нынѣ имя русскихъ, съ которыми оно слилось въ одну народность; но черты лица и многіе остатки старыхъ нравовъ свидѣтельствуютъ о смѣшанномъ происхожденіи жителей.

По принятіи въ себя судоходной Унжи, по которой сплавляютъ лѣсъ, смолу, деготь, Волга, поворачивая на югъ, направляетъ свое теченіе къ болѣе многолюднымъ южнымъ областямъ. Мы приближаемся къ Нижнему-Новгороду.

Города бассейна верхней Волги, имѣющіе свыше 5,000 жителей:

---

[1]) Труды Имп. общ. люб. естеств., антроп. и этнографіи, XXVIII, XXX; *П. Ефименко*, Ярило, „Записки Русскаго Географич. Общества", по отдѣленію этнографіи, II.
[2]) *Даль*, Пословицы русскаго народа.

Смоленская губернія (1870).		*Владимірская губернія* (1880).	
Гжатскъ	8,250 жит.	Переяславль-Залѣсскій	8,700 жит.
Тверская губернія (1878 г.).		*Ярославская губернія* (1880).	
Тверь	39,100 „	Ярославль	37,260 „
Ржевъ	26,400 „	Рыбинскъ	18,625 „
Торжокъ	12,970 „	Ростовъ	18,625 „
Вышній-Волочекъ	11,600 „	Угличъ	13,313 „
Осташковъ	9,900 „	Романовъ-Борисоглѣбскъ	6,276 „
Кашинъ	5,800 „	Пошехонье	6,120 „
Калязинъ	5,200 „	Даниловъ	5,040 „
Бѣжецкъ	5,250 „		
Московская губернія (1870 г.).		*Костромская губернія* (1880).	
Дмитріевъ	7,550 „	Кострома	27,420 „
Клинъ	6,650 „	Галичъ	5,660 „
		Макарьевъ-на-Унжѣ	5,260 „
Новгородская губернія (1879).			
Устюжна	6,730 „		

XI.

БАССЕЙНЪ ОКИ.

ГУБЕРНІИ ОРЛОВСКАЯ, КАЛУЖСКАЯ, ТУЛЬСКАЯ, МОСКОВСКАЯ, РЯЗАНСКАЯ, ВЛАДИМІРСКАЯ, ТАМБОВСКАЯ, НИЖЕГОРОДСКАЯ.

Бассейнъ Оки, этой важной рѣки, составляетъ истинный центръ Европейской Россіи, не только по географическому положенію, но также по числу жителей и дѣятельности народнаго труда. Въ этомъ районѣ сосредоточено промышленное населеніе, здѣсь находится историческая столица Великой Россіи, сдѣлавшаяся столицей всей восточнославянской Имперіи, сюда сходятся главныя линіи желѣзно-дорожной сѣти государства. Это—та область, которая доставляетъ, вмѣстѣ съ Польшей и Малороссіей, главные рессурсы государственному бюджету, а въ отношеніи наступательной силы можетъ быть разсматриваема, какъ истинная Россія. За исключеніемъ мордвы, сохранившейся въ нѣсколькихъ селеніяхъ Тамбовской губерніи, населеніе здѣсь сплошь великорусское; финскіе народцы, которые были старожилами въ восточной части страны, давно уже слились со славянами и составили съ ними одинъ народъ, а литовское племя голядь, обитавшее на западъ отъ Москвы, совсѣмъ исчезло, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ названій нѣ-

ТИПЫ И КОСТЮМЫ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

которыхъ деревень; татарскія же селенія, встрѣчающіяся въ губерніи Рязанской, составились изъ позднѣйшихъ переселенцевъ.

Уже на верховьяхъ Оки губернскій городъ Орелъ, принадлежитъ къ числу важныхъ городовъ Россіи. Основанный въ 1564 году послѣ завоеванія края отъ татаръ, онъ былъ переведенъ на другое мѣсто въ 1679 году, послѣ большаго пожара; такимъ образомъ, нынѣшній городъ существуетъ всего только двѣсти лѣтъ, и обширные кварталы, состоящіе изъ деревянныхъ домиковъ, имѣютъ еще видъ временнаго поселенія. Но, благодаря четыремъ желѣзнымъ дорогамъ, сходящимся на его станціи, и водамъ Оки, уже судоходной въ этомъ мѣстѣ, Орелъ сдѣлался очень дѣятельнымъ торговымъ центромъ, особенно по отпуску ржи, пшеницы, крупчатки, пеньки. Тѣми же продуктами земледѣльческой промышленности ведутъ торговлю два сосѣдніе города—Мценскъ и Болховъ, стоящіе на притокахъ Оки. Мценскія женщины занимаются главнымъ образомъ выдѣлкой кружевъ. Этотъ городъ окруженъ курганами, напоминающими битвы, происходившія въ его окрестностяхъ между татарами, казаками, литовцами, поляками. Населеніе было окрещено только въ пятнадцатомъ столѣтіи.

На сѣверъ отъ Орла, постепенно увеличивающаяся Ока проходитъ послѣдовательно передъ городами Бѣлевымъ, который важенъ, какъ одинъ изъ рынковъ, регулирующихъ торговлю пенькой, Лихвиномъ, Перемышлемъ, который носитъ то-же имя, какъ одинъ изъ галицкихъ городовъ. Затѣмъ, почти удвоенная въ объемѣ отъ принятія Угры (т. е. „Угорской рѣки"), Ока оставляетъ сѣверное направленіе и поворачиваетъ на востокъ; въ небольшомъ разстояніи ниже этого колѣна находится губернскій городъ Калуга, назначенный мѣстопребываніемъ мусульманскимъ князькамъ, водворяемымъ на жительство въ Россіи. Калуга лежитъ уже въ промышленномъ кругѣ Москвы и имѣетъ разнообразныя фабричныя заведенія, особенно кожевенныя и полотняныя (парусинныя); печенье, извѣстное подъ именемъ калужскаго тѣста, славится во всей Великороссіи; здѣсь находится артиллерійскій паркъ и казенный пороховой заводъ. Другіе многолюдные города Калужской губерніи, торговый городъ Жиздра, въ уѣздѣ котораго замѣчательны желѣзодѣлательные и хрустальные заводы Мальцева, Козельскъ, древній городокъ вятичей, съ важнѣйшими въ Россіи парусинными фабриками, посадъ Сухиничи, главный складочный пунктъ для сала, конопляннаго масла и пеньки, Мещовскъ, имя котораго напоминаетъ древнее племя мещеряковъ, Медынь, Малоярославецъ, Боровскъ — всѣ лежатъ къ западу отъ Оки, на притокахъ этой рѣки или Угры. До этой области Россіи доходили французы во время войны 1812 года. По выходѣ изъ Москвы, истребленной пожаромъ, они направились-было въ Австрію черезъ Кіевъ и Галицію, но встрѣтили русскія войска въ Тарутинѣ и Малоярославцѣ и, послѣ кровопролитныхъ сраженій, принуждены были отступить вправо на опустошенную Смоленскую дорогу. Въ

окрестностяхъ Малоярославца три могильные холма покрываютъ кости павшихъ на полѣ битвы.

Тула, губернскій городъ, по числу жителей значительно превосходитъ два предъидущіе, Орелъ [1]) и Калугу: это—главная станція на желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Харьковъ. Занимая положеніе при небольшой рѣкѣ Упѣ, восточномъ притокѣ Оки, омывающемъ, кромѣ того, два уѣздные города: Богородицкъ выше и Одоевъ ниже, Тула обязана своимъ важнымъ значеніемъ не судоходству, а фабричной промышленности; она была выбрана въ 1712 году Петромъ Великимъ какъ мѣсто для основанія главнаго оружейнаго завода Имперіи, и эта обширная фабрика даетъ теперь занятіе нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ, выдѣлывающихъ ежегодно до 70,000 ружей, не считая холоднаго оружія и другихъ желѣзныхъ и стальныхъ орудій. Тула по справедливости можетъ быть названа русскимъ Люттихомъ. Она фабрикуетъ также ножи, математическіе инструменты, машины, разныя слесарныя издѣлія и тѣ позолоченныя и посеребренныя металлическія вещи, которыя принадлежатъ болѣе спеціально къ промышленности Устюга, Вологды и Грузіи; Тула поставляетъ ежегодно около 200,000 самоваровъ, составляющихъ неизбѣжную принадлежность всякаго сколько-нибудь зажиточнаго дома на Руси. Тульскія фабрики имѣютъ весьма важное преимущество, о которомъ никто не зналъ во время ихъ основанія: онѣ находятся въ обширномъ каменноугольномъ бассейнѣ, который современемъ будетъ доставлять имъ все необходимое топливо. Эти мѣсторожденія ископаемаго угля, открытыя еще Палласомъ въ концѣ прошлаго столѣтія, оставались въ совершенномъ пренебреженіи, пока окрестные лѣса могли доставлять заводамъ все нужное имъ количество древеснаго топлива. Теперь же, когда лѣса, аттакуемые со всѣхъ сторонъ, быстро рѣдѣютъ и скоро совсѣмъ исчезнутъ, начинаютъ обращать вниманіе на минеральное топливо, и нѣкоторые землевладѣльцы уже съ успѣхомъ разработываютъ земляной уголь. Въ 1867 году изъ 113 изслѣдованныхъ донынѣ въ Тульскомъ и Калужскомъ бассейнѣ залежей эксплоатировались четыре, и средняя годовая добыча составляла около 1.530,000 пудовъ; но легко было бы извлекать до 18.000,000 пудовъ [2]). Тульскій уголь, средняя толщина котораго около 10 футовъ, но который встрѣчается также слоями въ 25 фут. мощности, представляетъ, для разработки, ту немаловажную выгоду, что онъ залегаетъ горизонтальными пластами, на небольшой глубинѣ подъ поверхностью земли [3]).

---

[1]) Въ настоящее время въ Орлѣ больше жителей, чѣмъ въ Тулѣ. *Ред.*

[2]) Въ 1879 г. во всемъ подмосковскомъ бассейнѣ было добыто 28.590,200 пуд. каменнаго угля, изъ числа коихъ на 10 копяхъ губ. Тульской 16.940,500 и на трехъ копяхъ губ. Рязанской—11.649,700 пуд. *Ред.*

[3]) *Акад. Гельмерсенъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, vol. XII, 1868.

Между Тулой и Москвой, главная станція желѣзной дороги—Серпуховъ, уѣздный городъ Московской губерніи, который въ то же время ведетъ дѣятельную торговлю водянымъ путемъ, благодаря своему положенію въ сосѣдствѣ судоходной Оки. Вмѣстѣ съ тѣмъ это промышленный городъ; между фабричными заведеніями его первое мѣсто занимаютъ ситцевыя мануфактуры и кожевенные заводы. Къ сѣверу отъ Серпухова, Подольскъ находится уже, такъ сказать, въ предѣлахъ городскаго округа Москвы.

Вторая столица Россіи,—которая въ дѣйствительности есть первая, не по числу жителей, не по размѣрамъ торговли и промышленности, а по праву старшинства [1]), почему и называется „первопрестольной",—занимаетъ почти какъ разъ географическій центръ Европейской Россіи. Она стоитъ не при большой рѣкѣ, и главная ея рѣка, Москва, пересѣкающая городъ извилистой линіей, пригодна лишь для мелкихъ судовъ; но, благодаря гладкой, слегка волнистой поверхности окружающихъ равнинъ, древняя русская столица имѣетъ удобное сообщеніе съ Волгой, Окой, Дономъ, Днѣпромъ. Какъ и всякій другой городъ центральной Россіи, который былъ бы избранъ царской резиденціей, Москва находится въ мѣстѣ благопріятномъ для соединенія въ ея стѣнахъ дорогъ, идущихъ со всѣхъ концовъ государства, отъ Бѣлаго моря и отъ Понта Эвксинскаго, отъ Балтики и отъ Каспія, отъ портовъ Сибири и отъ портовъ Западной Европы. Соединеніе главныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ Москвѣ, какъ центрѣ, было необходимо столько же съ точки зрѣнія торговли и промышленности, сколько и ради стратегическихъ интересовъ страны, ибо если Москва стоитъ на дорогѣ непріятельскаго вторженія черезъ Витебскъ и Смоленскъ, то эта дорога есть въ то же время одинъ изъ тѣхъ путей, на которомъ мирное движеніе торговаго обмѣна наиболѣе дѣятельно [2]). До тѣхъ поръ, пока русскіе, принадлежащіе къ цивилизованному міру, занимали только бассейнъ Днѣпра, Кіевъ былъ естественной метрополіей; но когда восточно-славянское государство вошло въ составъ Европы, столица должна была перемѣститься въ Москву, Владиміръ или какой-нибудь другой городъ, близкій къ центру страны. Москва не довольно стара, чтобы быть „святой", какъ Кіевъ, но она „мать", по крайней мѣрѣ для Великой Россіи, — „матушка-Москва Бѣлокаменная", какъ ее прозвалъ народъ. Притомъ, по самому составу своего разноплеменнаго населенія, по крайней мѣрѣ по большому числу семействъ господствующаго класса, имѣющихъ литовское, малорусское, татарское, финское, черкесское, даже цыганское происхожденіе, Москва принадлежитъ всей Россіи. Подобно латинскому Риму, славянскій Римъ, построенный

---

[1]) Москва основана въ XII вѣкѣ княземъ Суздальскимъ Юріемъ Долгорукимъ. *Пр. перев.*

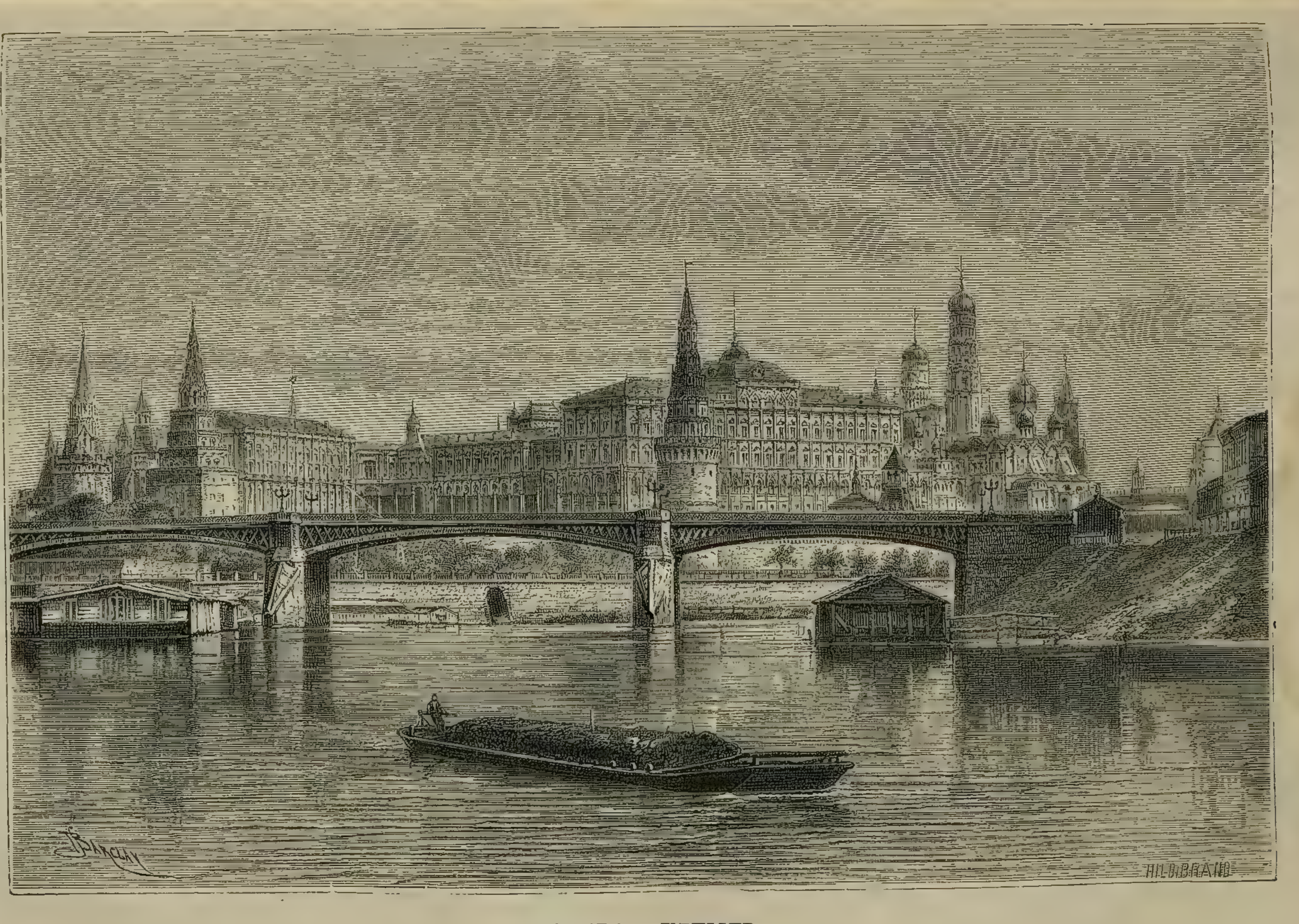
[2]) *J. G. Kohl*, Geographische Lage der Hauptstädte Europa's.

на семи холмахъ, имѣлъ бѣглецовъ между своими первыми основателями, и эти выходцы, прибывшіе изъ всѣхъ окружающихъ странъ, пріобрѣли смѣшанный характеръ, совмѣщавшій особенности всѣхъ характеровъ разнороднаго пришлаго люда и не похожій ни на одинъ изъ нихъ исключительно: москвитяне развивались совершенно своеобразно, какъ древніе римляне. Московскіе властители нерѣдко прибѣгали къ перемѣщеніямъ населенія en masse, чтобы распредѣлить, по своему произволу, жителей въ подвластныхъ имъ земляхъ, и чтобы такимъ образомъ прочнѣе утвердить свое могущество. Многія народныя пословицы напоминаютъ озлобленіе, существовавшее въ различныхъ мѣстностяхъ, даже великорусскихъ, противъ Москвы и „московской вѣры“ [1]).

Общій планъ Москвы представляетъ нѣкоторое сходство съ расположеніемъ Парижа: первопрестольная столица Россіи тоже состоитъ изъ центральнаго ядра, вокругъ котораго расположились кругообразно другія части города, и Москва-рѣка, хотя текущая въ противоположномъ направленіи съ Сеной, развертывается на западной сторонѣ столицы излучинами, почти подобными изгибамъ французской рѣки. Кремль (по-татарски „крѣпость“), окруженный высокой стѣной въ формѣ неправильнаго треугольника, занимаетъ, вмѣстѣ съ частью, называемой „Китай-городомъ“, центръ города, на сѣверномъ берегу Москвы-рѣки, которая описываетъ въ этомъ мѣстѣ извилину, обнимающую между своими двумя рукавами продолговатый островъ. Вокругъ Кремля и Китай-города раскинулся концентрически „Бѣлый-городъ“; бульваръ, образующій три четверти окружности и опирающійся концами о лѣвый берегъ Москвы-рѣки, отдѣляетъ Бѣлый-городъ отъ „Землянаго-города“, гдѣ встарину жили ремесленники и вообще бѣдный людъ; съ конца прошлаго столѣтія этотъ Земляной-городъ обведенъ широкой улицей, окаймленной садами и рощами, окружность которой, общимъ протяженіемъ около 15 верстъ, продолжается на правомъ берегу. За этимъ кругообразнымъ бульваромъ тянутся предмѣстья, тоже, въ свою очередь, окруженныя оградой съ остроугольными выступами, съ пирамидальными башнями, вдоль которой открываются тамъ и сямъ широкія улицы, отрывки будущаго бульвара. Площадь, занимаемая Москвою, не уступаетъ по величинѣ площади Парижа: она составляетъ около 90 квадр. верстъ; но на этомъ огромномъ пространствѣ живетъ населеніе въ три или четыре раза меньшее, чѣмъ въ столицѣ Франціи; многія части города походятъ на безпорядочно раскиданную деревню, гдѣ раскрашенные домики группируются вокругъ церкви или замка. Въ прошломъ столѣтіи Москва, по словамъ принца де-Линь, представляла собраніе барскихъ резиденцій, окруженныхъ парками и избами ихъ крѣпостныхъ. И теперь еще городъ, по выраженію поэта, вмѣстив-

---

[1]) *В. Даль*, Пословицы русскаго народа.

МОСКВА. — КРЕМЛЬ.

щій „въ свои концы и посады, и деревни, и палаты, и дворцы", сохранилъ нѣкоторые слѣды этого своеобразнаго происхожденія: сады, рощи, поля, пустопорожнія земли, усѣянныя прудами, подходятъ, между предмѣстьями, къ многолюднымъ кварталамъ Москвы; но, съ другой стороны, внѣшнія деревни тянутся непрерывнымъ рядомъ по бокамъ дорогъ верстъ на десять отъ центра столицы. Казалось бы, пространства вполнѣ достаточно, чтобы дать доступъ чистому воздуху во всѣ московскія жилища; однако, многое-множество „полу-этажныхъ" домовъ имѣютъ подвальный этажъ, лежащій ниже уровня улицы, и дождевая вода, просачиваясь сквозь почву, конечно, поддерживаетъ въ этихъ подземныхъ жильяхъ постоянную сырость. Число умирающихъ всегда превышаетъ, въ Москвѣ, число рожденій, и Бѣлокаменная, безъ сомнѣнія, вернулась бы въ первобытное состояніе деревни, если бы населеніе ея не пополнялось безпрестанно приливомъ пришлаго люда. Но когда смотришь издали или съ колокольни Ивана Великаго, исполинскій городъ является только въ своей величавой красѣ, и ничто не обнаруживаетъ его темныхъ сторонъ, тайнаго убожества, прячущагося въ грязныхъ закоулкахъ и сырыхъ подвалахъ: зеленѣющіе сады и рощи, сотни башенъ, тысяча колоколенъ съ шарообразными куполами, болѣе 400 златоглавыхъ церквей („сорокъ сороковъ", говоритъ народная пословица)—вотъ все, что показываетъ древняя столица Россіи. Съ Воробьевыхъ горъ, поднимающихся длинными кряжами на западной сторонѣ города, Москва, въ центрѣ которой возвышается Кремль, представляетъ истинно величественную панораму при лучахъ заходящаго солнца: кажется, что созерцаешь одинъ изъ обширныхъ, великолѣпныхъ городовъ Индіи. Такою представилась Москва въ двѣнадцатомъ году взорамъ солдатъ „великой арміи".

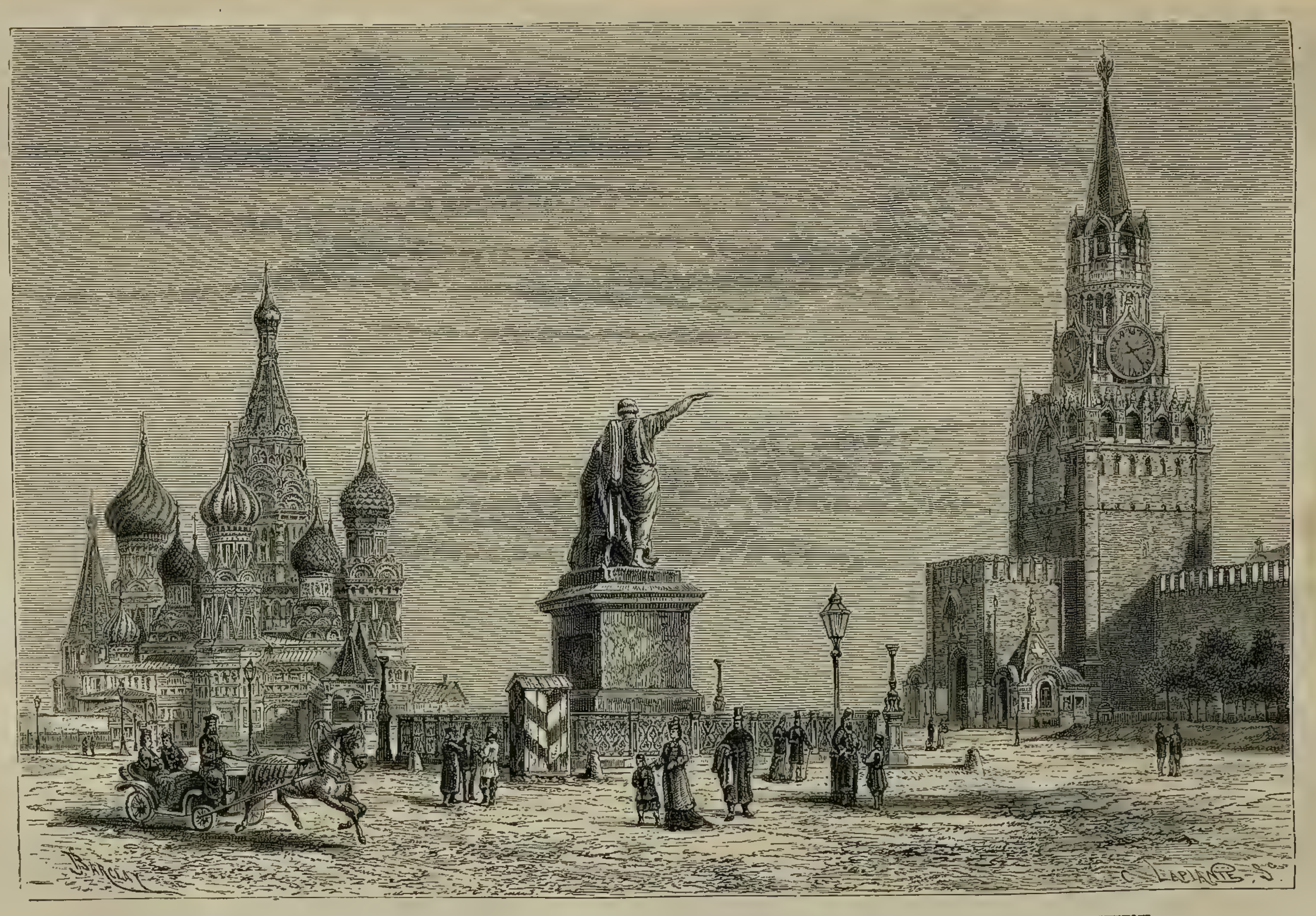
Кремль, сердце Москвы, въ одно и то же время крѣпость и средоточіе храмовъ и монастырей, дворцовъ, палатъ и казармъ, есть громаднѣйшій историческій памятникъ, памятникъ по преимуществу русской монархіи: отсюда исходили повелѣнія московскихъ царей, здѣсь церковь въ лицѣ своихъ первосвятителей и духовныхъ соборовъ постановляла рѣшенія въ дѣлахъ вѣры. Проникая въ ограду этого священнаго мѣста черезъ Спасскія ворота, всякій долженъ благоговѣйно обнажить голову. Колокольня Ивана-Великаго, построенная въ 1600 году Борисомъ Годуновымъ, во время большаго голода и возвышающаяся на $46^1/_2$ саженъ, въ центрѣ Кремля, также составляетъ предметъ своего рода почитанія, и многіе, примѣтивъ ее издали, при приближеніи къ Москвѣ, падаютъ ницъ, какъ если бы увидѣли самый символъ отечества. У подножія этой гигантской башни покоится на пьедесталѣ громадный „царь-колоколъ" съ отбитымъ краемъ, вѣсящій 12,000 пудовъ. Въ сосѣдствѣ съ „Иваномъ-Великимъ" стоитъ Успенскій соборъ, гдѣ коронуются государи и гдѣ погребены московскіе первосвятители, митрополиты и патріархи; другой соборъ,

Архангельскій, не менѣе богато украшенный фресками, мозаиками, мраморомъ и драгоцѣнными камнями, заключаетъ гробницы великихъ князей и царей до Петра I. На самомъ возвышенномъ пунктѣ Кремля, подлѣ царскаго дворца, стоитъ небольшой старинный храмъ Спаса-на-Бору, который своимъ именемъ напоминаетъ, что это мѣсто нѣкогда было покрыто густымъ лѣсомъ. Нѣкоторыя строенія царской резиденціи также очень замѣчательны и напоминаютъ своей архитектурой въ одно и то же время палаццо Венеціи и дворцы Индостана: куполы, колоколенки, галереи съ колоннами, орнаменты, окрашенные въ зеленый, красный, желтый цвѣта, перемѣшиваются въ безпорядкѣ. Большой Кремлевскій дворецъ съ знаменитымъ Краснымъ (т. е. красивымъ, парадными) крыльцомъ, соединяется со старинными теремами и Грановитой палатой, соотвѣтствовавшей нынѣшней Тронной залѣ. Въ Оружейной палатѣ хранится старинное оружіе, царскія короны, порфиры, шапка Мономаха и пр. Въ Патріаршей ризницѣ богатое книгохранилище содержитъ нѣсколько единственныхъ въ своемъ родѣ документовъ и неоцѣненно дорогія рукописи. Арсеналъ, гдѣ собрано оружія для 100,000 человѣкъ, тоже имѣетъ спеціальный музей, но главная его достопримѣчательность — чудовищная пушка, прозванная „царь-пушкой“: „Москва особенно знаменита, сказалъ Герценъ въ шутку, своимъ царь-колоколомъ, который не звонитъ, и своей царь-пушкой, которая не палитъ“. У Воскресенскихъ или Иверскихъ воротъ (въ сѣверной стѣнѣ, окружающей Китай-городъ) стоитъ знаменитая часовня съ чудотворной иконой Иверской Божіей Матери; часовнѣ нѣкогда принадлежали земли съ тысячами крестьянъ. Эта часовня съ ранняго утра до вечера полна молящихся; св. икону носятъ, по желанію, въ дома, но это стоитъ очень дорого, и люди небогатые должны довольствоваться ея копіею.

Китай-городъ, торговый центръ Москвы, съ Гостинымъ Дворомъ и биржей, также заключаетъ много любопытныхъ памятниковъ старины, какъ, напримѣръ, палата бояръ Романовыхъ [1]) и древніе монастыри; но самое интересное зданіе этой части города и вообще Москвы возвышается подлѣ самаго Кремля, на одной изъ сторонъ Красной площади: это — соборъ Покрова Пресв. Богородицы, извѣстный въ народѣ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго. Этотъ памятникъ, сооруженный въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, при Иванѣ Грозномъ (въ память завоеванія Казани), итальянскимъ зодчимъ, есть, безспорно, единственный въ своемъ родѣ: очевидно, онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому же духу старой московской гордости, который побудилъ воздвигнуть колокольню Ивана Великаго, отлить царь-колоколъ, поставить передъ арсеналомъ царь-пушку. Храмъ Василія Блаженнаго носитъ печать византійскаго

[1]) Въ этомъ домѣ, реставрированномъ въ 1858 году, родился 12 іюня 1596 года Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, родоначальникъ нынѣ царствующей династіи.

Прим. перев.

МОСКВА. — КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, ЦЕРКОВЬ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО, ПАМЯТНИКЪ МИНИНУ и ПОЖАРСКОМУ и ВОЗНЕСЕНСКІЯ ВОРОТА.

стиля въ деталяхъ своей архитектуры, какъ того требуетъ религіозная традиція, но въ цѣломъ онъ являетъ своеобразный, чисто московскій характеръ. Строившій его итальянецъ соблюдалъ требованія науки въ отношеніи укладки камней, степени сопротивленія матеріала, размѣровъ свода, но онъ съумѣлъ въ то же время сохранить символическія формы русскихъ зодчихъ, и странный памятникъ, хотя построенный иноземными руками, остается, тѣмъ не менѣе, зданіемъ греко-православнымъ по преимуществу. Галереи и портики окружности храма, болѣе новаго происхожденія, чѣмъ корпуса и башни, свидѣтельствуютъ, правда, объ итальянскомъ вліяніи, хотя они и обезображены пирамидальными колоколенками; но надъ этимъ перистилемъ виднѣется старая постройка, являющаяся во всей ея причудливой оригинальности. Колокольни, всѣ разной формы и величины, выступаютъ каждая изъ хаоса изваяній и орнаментовъ, похожихъ на черепицевидные листья, на чешуйки сосновыхъ шишекъ, на влагалище распускающихся цвѣтковъ. Главы, увѣнчанныя крестомъ съ позолоченными цѣпочками, всѣ отличаются одна отъ другой размѣрами, профилемъ, узорами, цвѣтами: одинъ куполъ вырѣзанъ въ видѣ выдающихся реберъ, другой кажется вышитымъ арабесками въ формѣ ромбовъ, третій изсѣченъ на подобіе остроконечныхъ граней алмаза, четвертый походитъ на чешуйчатый плодъ, иные исполосованы выпуклыми извивающимися линіями; затѣмъ, на вершинѣ, главная башня, пирамидальной формы, выступающая изъ многочисленной группы окружающихъ ее меньшихъ куполовъ, оканчивается главой, фигура которой напоминаетъ лампаду. И все это украшено изразцами, испещрено разнообразными колерами; при первомъ взглядѣ невозможно распознать господствующія линіи въ этомъ сплетеніи выступовъ, узоровъ и красокъ; зритель въ недоумѣніи спрашиваетъ себя, что это такое—зданіе или какой то чудовищный растительный продуктъ? [1]). „Этотъ невозможный храмъ, говоритъ Теофиль Готье, заставляетъ умъ сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельства глазъ“ [2]). А между тѣмъ невозможно оторвать взоръ отъ этого храма; онъ нравится именно своей странностью, вычурностью своей архитектуры. Недалеко отъ Василія Блаженнаго, тоже на Красной площади, противъ Спасскихъ воротъ и вблизи Гостинаго Двора, заключающаго тысячи лавокъ, стоитъ памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому (группа изъ бронзы), воздвигнутый въ память избавленія ими Москвы отъ польскаго владычества, въ 1613 году.

За стѣнами Кремля и Китай-города историческіе памятники встрѣчаются все рѣже, по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ центра столицы; но почти всѣ важнѣйшія ученыя и университетскія заведенія сосредоче-

---

[1]) *Blasius*, Reise im Europäischen Russland; *Забѣлинъ*, „Древняя и новая Россія“, 1878 г., № 3.

[2]) *Théophile Gautier*, Voyage en Russie.

чены въ Бѣломъ-городѣ. Тамъ находится университетъ, основанный въ 1755 году (старѣйшій изъ русскихъ университетовъ),—обширное зданіе съ колоннадами; по числу слушателей онъ занимаетъ первое мѣсто между русскими университетами (профессоровъ 106; студентовъ 1568; бюджетъ въ 1878 году—491.383 руб.; библіотека: 155,000 томовъ)[1]); онъ обладаетъ цѣнными сокровищами въ своемъ книгохранилищѣ и въ своихъ коллекціяхъ; въ вѣдѣніи этого высшаго учебнаго заведенія состоятъ: астрономическая обсерваторія, ботаническій и зоологическій сады. Московскій университетъ имѣлъ значительное вліяніе на философское и литературное движеніе Россіи, особенно въ періодъ съ 1830 до 1848 года, когда онъ еще не былъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ петербургской бюрократіи; въ этой alma mater получили образованіе нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ людей новой Россіи. Недалеко отъ университета находится зданіе музея, который заключаетъ въ себѣ произведенія живописи старинной и новой, произведенія скульптуры, книгохранилище—единственное въ Европѣ по его памятникамъ китайской и манджурской письменности и знаменитая этнографическая галерея Дашкова, въ которой костюмированныя фигуры представляютъ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ Россійскую Имперію. Многіе другіе музеи, менѣе важные, также обогащаютъ Москву своими сокровищами, между прочимъ, частныя картинныя галереи, состоящія изъ произведеній русскихъ художниковъ. Москва не имѣетъ столько высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ Петербургъ, но все-таки она имѣетъ ихъ болѣе, чѣмъ всякій другой губернскій городъ; изъ этихъ заведеній назовемъ Лазаревскій институтъ, гдѣ около двухъ сотъ молодыхъ людей обучаются восточнымъ языкамъ, и Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію. Москва, главный центръ народной (т. е. простонародной) печати въ Россіи, ежегодно выпускаетъ въ свѣтъ милліоны книжекъ и эстамповъ, и эта масса лубочныхъ изданій расходится по всѣмъ провинціямъ обширнаго государства, даже по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ и глухимъ захолустьямъ, при посредствѣ странствующихъ торговцевъ (коробейниковъ или офеней), которые ходятъ по городамъ и деревнямъ, продавая свой товаръ на деньги, или обмѣнивая его на сельскіе продукты. Для сравненія, приводимъ количество изданій, вышедшихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1877 году:

Петербургъ . . .	6.925,853	экземпляр.	Москва . . .	8.342,685
„	600,407	букварей и т. п.	„	2.056,280
„	2.092,233	картинъ	„	2.495,800

Москва, дѣйствительная столица Великороссіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ столица „старовѣровъ“, поповцевъ и безпоповцевъ. Центрами ихъ служатъ

[1]) Въ послѣднее время, по случаю преобразованія медико-хирургической академіи, число студентовъ въ московскомъ университетѣ еще болѣе увеличилось. Къ 1 янв. 1882 г.: студентовъ 2,430; библіотека 177,300 томовъ. *Ред.*

два кладбища—Рогожское и Преображенское, съ принадлежащими къ нимъ заведеніями, богадѣльнями и пр. До сихъ поръ раскольники поповщинскаго согласія, впрочемъ, пользующіеся почти полной свободой вѣроисповѣданія, безуспѣшно ходатайствовали о разрѣшеніи имъ основать собственную частную гимназію, а моленные дома безпоповцевъ, быстро размножившіеся съ начала нынѣшняго столѣтія (въ 1772 г. этихъ домовъ было въ Москвѣ только 2, въ 1802 г. 46, а въ 1848 г. ихъ уже насчитывали 145), были закрыты, по распоряженію администраціи, въ 1853 г. Москва замѣчательна какъ мѣсто рожденія Пушкина, которому теперь поставленъ памятникъ, Лермонтова, Герцена и др.

Москва есть въ то же время центръ промышленности и торговли. Въ настоящее время въ ней насчитывается до 650 фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ вмѣстѣ около 40,000 рабочихъ и производящихъ ежегодно болѣе, чѣмъ на тридцать милліоновъ рубл.; ежегодный привозъ товаровъ представляетъ сумму, далеко превышающую сотню милліоновъ руб. Главныя промышленныя заведенія—прядильныя и ткацкія фабрики для выдѣлки бумажныхъ и смѣшанныхъ тканей, красильныя заведенія, мануфактуры шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, кожевенные и водочные заводы. Почти всѣ эти фабричныя заведенія находятся въ предмѣстьяхъ или въ подгородныхъ селеніяхъ, и тѣнистые парки въ окрестностяхъ столицы часто смѣняются группами фабричныхъ строеній съ ихъ высокими, вѣчно дымящимися трубами. Прекраснѣйшій изъ этихъ парковъ, Сокольники, на сѣверо-восточной сторонѣ города, есть остатокъ старинныхъ лѣсовъ, разбитый на аллеи и застроенный дачами; другой лѣсъ (роща и большой паркъ), тоже любимое мѣсто гулянья во время лѣтняго сезона, расположенъ на сѣверо-западной сторонѣ и окружаетъ своими аллеями сады и колоннады Петровскаго дворца.

Въ 60 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Москвы, по Ярославской желѣзной дорогѣ, въ луговой мѣстности, усѣянной лѣсками и рощами, находится Троицко-Сергіевская лавра, знаменитая обитель [1]), которую не преминетъ посѣтить ни одинъ путешественникъ, пріѣзжающій въ древнюю столицу. Этотъ старинный монастырь, который поляки, въ Смутную эпоху, тщетно осаждали цѣлые шестнадцать мѣсяцевъ, въ 1609 и 1610 годахъ, дѣйствительно походитъ на средневѣковую крѣпость съ высокими стѣнами, надъ которыми поднимаются башни и колокольни. Это—настоящій городъ церквей, часовень, усыпальницъ; главная святыня лавры, Троицкій соборъ, построенный на мѣстѣ первой деревянной церкви, срубленной руками св. Сергія, поражаетъ своимъ богатствомъ. Троицкая

---

[1]) Основана св. Сергіемъ Радонежскимъ. Подлѣ собора стоитъ памятникъ, на которомъ изображены событія, когда Троицкая лавра оказала важныя услуги отечеству: благословеніе св. Сергіемъ Димитрія Донскаго на битву съ Мамаемъ, отраженіе поляковъ, и пр. *Прим. перев.*

лавра, хотя уступающая по степени Кіево-Печерской, привлекаетъ столь же многочисленную толпу поклонниковъ и богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Россіи, и, благодаря милостямъ царей, она сдѣлалась болѣе могущественной: прежде къ этому монастырю было приписано до 120,000 душъ крѣпостнаго населенія; въ ризницѣ его множество драгоцѣнной старинной утвари, облаченій, тканныхъ изъ золота и унизанныхъ драгоцѣнными камнями, цѣлые сундуки жемчуга; вѣроятные доходы монастыря въ 1872 году: 800,000 рублей [1]). Въ Троицкой лаврѣ помѣщается московская духовная академія. Сергіевскій посадъ, дома котораго сгруппированы вокругъ монастыря, по числу жителей превосходитъ всѣ другіе уѣздные города Московской губерніи. Между этими городами, Воскресенскъ, на сѣверо-западѣ отъ столицы и на сѣверѣ отъ Звенигорода, бывшаго стольнаго города княжества, также обязанъ своимъ происхожденіемъ монастырю [2]); главный мѣстный промыселъ — выдѣлка мебели. Городъ Верея, на юго-западѣ, былъ разрушенъ французами въ 1812 году и еще не совершенно оправился отъ этого разгрома; здѣсь фабрикуютъ преимущественно издѣлія изъ накладнаго серебра. Недалеко отъ города Можайска, около верховьевъ Москвы-рѣки, находится знаменитое Бородинское поле, гдѣ 26 августа 1812 года происходило сраженіе между русской и французской арміями, одно изъ самыхъ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ во всей новой исторіи [3]).

По выходѣ изъ Бѣлокаменной, Москва-рѣка, текущая на юго-востокъ, соединяется съ Окой, близъ торговаго города Коломны и на сѣверѣ отъ Зарайска, въ которомъ еще существуетъ древняя крѣпость, перестроенная при Иванѣ Грозномъ. Главная рѣка, извивающаяся многочисленными излучинами, продолжаетъ слѣдовать въ юго-восточномъ направленіи до Рязани и далѣе, принимая по дорогѣ нѣсколько небольшихъ притоковъ,—между прочимъ, рѣчку, текущую отъ города Егорьевска. Рязань, нынѣ губернскій городъ, прежде столица княжества, сохранилъ еще свой живописный кремль, господствующій съ горы надъ городомъ своими церквами и старинными палатами; онъ былъ основанъ колоніей выходцевъ изъ Южной Руси, и полное имя его, Переяславль-Рязанскій, напоминаетъ украинскій городъ на берегахъ Днѣпра. Въ Рязани есть кое-какія фабрики, но онъ важенъ главнымъ образомъ какъ торговый городъ, благодаря сосѣдству судоходной Оки, которая протекаетъ верстахъ въ двухъ отъ него, и желѣзной дорогѣ, идущей изъ Москвы въ Саратовъ; послѣ Коз-

---

[1]) *Ростиславовъ*, Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей.

[2]) Воскресенскій монастырь основанъ патріархомъ Никономъ и называется Новымъ Іерусалимомъ. *Прим. перев.*

[3]) Въ этой битвѣ пало болѣе 80,000 человѣкъ. На полѣ, близъ села Бородина, поставленъ чугунный памятникъ въ формѣ высокой пирамидальной колонны. *Ред.*

лова, Рязань—главная промежуточная станція на этой дорогѣ. Къ югу отъ Рязани, уѣздный городъ Скопинъ, окруженный обширными хлѣбными полями, также замѣчателенъ, какъ очень оживленный рынокъ. Но самый промышленный городъ въ Рязанской губерніи — Касимовъ, древній Городецъ, стоящій близъ того мѣста, гдѣ Ока вступаетъ въ предѣлы Тамбовской губерніи. Главныя мануфактуры Касимова — кожевенные и канатные заводы. Сосѣдство Азіи уже даетъ о себѣ знать: сотни татаръ-магометанъ, потомки тѣхъ татаръ, которымъ Касимовъ былъ отведенъ для жительства московскимъ великимъ княземъ, населяютъ еще цѣлую часть города, и минаретъ ихъ мечети высоко поднимается надъ домами. Вообще, славянскій элементъ и христіанство одержали побѣду, во всей странѣ, простирающейся къ югу отъ Оки, только съ семнадцатаго столѣтія: расколы, которые еще происходятъ иногда въ этомъ краю, должны быть приписаны, по крайней мѣрѣ отчасти, явленію возврата къ прошлому.

Ниже Касимова въ Оку впадаетъ, съ правой стороны, Цна, главная рѣка Тамбовской губерніи. Губернскій городъ Тамбовъ, стоящій недалеко отъ истоковъ этой рѣки, имѣетъ значеніе только какъ административный центръ и какъ станція на желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Саратовъ. Моршанскъ, уѣздный городъ, построенный ниже на Цнѣ, уже судоходной, занимаетъ положеніе гораздо болѣе благопріятное для торговли и служитъ внутреннимъ портомъ, откуда вывозятся земледѣльческія произведенія обширной области; главная его промышленность — салотопенные заводы и фабричная переработка сала. Моршанскъ—одинъ изъ центровъ скопческой секты. Далѣе на сѣверѣ встрѣчаемъ другой уѣздный городъ той-же губерніи, Шацкъ, стоящій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, на одномъ маленькомъ западномъ притокѣ. Бассейнъ Мокши, соединяющій свои воды съ бассейномъ Цны, обнимаетъ большую часть Пензенской губерніи, гдѣ находятся города: Верхній Ломовъ, Троицкъ, Шешкеевъ, русскія колоніи, основанныя среди финскаго народа—мордвы; Темниковъ и Кадомъ, при той-же рѣкѣ, принадлежатъ къ Тамбовской губерніи. Ниже Темникова, Саровская Пустынь, одинъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей въ Мордовской землѣ, еще окружена большими лѣсами, населенными медвѣдями, которые, впрочемъ, привыкли къ человѣку и принимаютъ пищу отъ монастырской братіи [1]).

Соединенная съ Мокшей, Цна сливается съ Окой и вмѣстѣ съ ней вступаетъ въ каменистое ущелье, открывающееся съ юга на сѣверъ. Городъ Елатьма стоитъ на западномъ берегу этого ущелья, продолжающагося на сѣверъ долиной одной побочной рѣки; въ долинѣ находится уѣздный городъ Владимірской губерніи—Меленки, гдѣ выдѣлываютъ поярокъ и рѣзныя работы изъ дерева. Нѣсколько другихъ разсѣлинъ въ

---

[1]) *Майновъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 10.

горныхъ породахъ этой страны слѣдуютъ въ томъ же направленіи съ юга на сѣверъ и придаютъ мѣстной топографіи большое однообразіе рельефа.

Муромъ, на лѣвомъ берегу Оки, въ небольшомъ разстояніи выше впаденія въ нее р. Теши, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ восточной Россіи и упоминается уже въ лѣтописи Нестора; подобно промышленному городу Арзамасу, который обязанъ своимъ именемъ финскому племени арза, Муромъ носитъ названіе народца „мурома", жившаго въ девятомъ столѣтіи на обоихъ берегахъ Оки. Втеченіе слишкомъ двухъ сотъ лѣтъ Муромъ былъ главнымъ рынкомъ русскихъ въ Мордовской землѣ, и волжскіе болгары каждое лѣто являлись туда обмѣнивать свои произведенія на товары славянскихъ и греческихъ торговцевъ; онъ былъ сосредоточіемъ замѣчательнаго культурнаго движенія. Муромъ, бывшій долгое время главнымъ городомъ отдѣльнаго княжества и сохранившій еще слѣды кремля, остается до сихъ поръ чѣмъ-то въ родѣ столицы для окрестныхъ финскихъ инородцевъ; но онъ особенно важенъ по своей торговлѣ съ Нижнимъ Новгородомъ и съ остальной Россіей: онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для земледѣльческихъ произведеній всего низовья Оки. Илья-Муромецъ, богатырь-крестьянинъ, одинъ изъ славнѣйшихъ героевъ русской народной поэзіи, родился, по словамъ былинъ, близъ деревни Карачарово, въ нынѣшнемъ Муромскомъ уѣздѣ; недалеко отъ этого селенія г. Поляковъ открылъ, въ аллювіальной почвѣ одного древняго озера, слѣды озернаго города, подобнаго тѣмъ свайнымъ постройкамъ, какія находятъ въ озерахъ Швейцаріи. Вообще этотъ край есть, вмѣстѣ съ бывшей Суздальской областью, одна изъ классическихъ мѣстностей Россіи въ отношеніи доисторическихъ древностей. Археологъ гр. Уваровъ открылъ тамъ огромное количество каменныхъ орудій, вмѣстѣ съ костями мамонтовъ, носороговъ, кабановъ, бобровъ и дикихъ быковъ, не живущихъ нынѣ въ этой странѣ. Въ четыре только года гр. Уваровъ и г. Савельевъ изслѣдовали въ бывшей землѣ народа меря 7,729 кургановъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, отъ временъ доисторическихъ до одиннадцатаго вѣка христіанской эры.

Село Павлово, расположенное на правомъ берегу Оки, почти на полдорогѣ изъ Мурома въ Нижній Новгородъ, не создало себѣ имени въ исторіи страны; упоминаемое въ первый разъ въ семнадцатомъ столѣтіи, оно до сихъ поръ остается на степени простой деревни, хотя его высокіе, близко другъ къ другу стоящіе, дома придаютъ ему совершенно городской видъ, котораго не имѣютъ многіе людные города Имперіи. Павлово—одинъ изъ главныхъ центровъ желѣзодѣлательной промышленности: тысячи мастеровъ и рабочихъ выдѣлываютъ тамъ ежегодно одныхъ замковъ до 300,000 штукъ, не считая ножей, ножницъ, хирургическихъ инструментовъ, всякаго рода орудій изъ желѣза, стали, мѣди; все село есть ни что иное, какъ собраніе кузницъ и слесарныхъ мастерскихъ. Произ-

веденія павловской промышленности, изъ которыхъ многія носятъ на себѣ англійское клеймо, продаются на всѣхъ ярмаркахъ Европейской и Азіатской Россіи, отъ Кіева до Иркутска и даже въ Афганистанѣ; но главная торговля ими производится на Нижегородской ярмаркѣ. Въ окрестностяхъ Павлова около сорока деревень (почти всѣ въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ.) участвуютъ въ металлургической промышленности, и произведенія ихъ, особенно ножи и замки, расходятся по всей Россіи подъ именемъ павловскихъ. Самая знаменитая изъ этихъ деревень—село Ворсма, имѣющее въ своемъ промышленномъ округѣ болѣе 20,000 жителей, на пространствѣ величиною съ Лондонъ. Большая часть рабочихъ имѣетъ собственныя избы и работаетъ на дому; однако, положеніе ихъ все болѣе и болѣе приближается къ положенію западно-европейскихъ пролетаріевъ.

Клязьма, которая соединяется съ Окой въ сосѣдствѣ города Горбатова,—главная рѣка Владимірской губерніи. Эта рѣка беретъ начало на сѣверѣ отъ Москвы и получаетъ первые свои притоки, незначительные ручьи, изъ равнинъ, окружающихъ Троицко-Сергіевскую лавру и изъ окрестностей уѣзднаго города Александрова, славящагося своими обширными красильнями. У Владиміра, Клязьма уже судоходна для мелкихъ барокъ втеченіи всего періода, а весной, въ половодье, по ней могутъ проходить и большія суда. Губернскій городъ Владиміръ-на-Клязьмѣ, или Владиміръ-Залѣсскій, бывшая столица великаго княжества, изъ котораго впослѣдствіи образовалось Московское государство, основанъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи и обязанъ своимъ именемъ Владиміру Мономаху, кіевскому князю. Въ періодъ своего господства, которое продолжалось до начала четырнадцатаго столѣтія, Владиміръ, бывшій главою сѣверо-восточной Руси, имѣлъ населеніе болѣе значительное, чѣмъ въ наши дни. Онъ сохранилъ отъ этой эпохи коекакіе остатки скульптурныхъ украшеній въ своихъ церквахъ и „Золотыя ворота“ своего кремля, почти совершенно разрушеннаго. Промышленность во Владимірѣ слабо развита, и пристань его на Клязьмѣ производитъ незначительную торговлю; огородныя овощи и вишни окрестныхъ садовъ—вотъ главные предметы отпускной торговли бывшаго первопрестольнаго города.

Что касается Суздаля, древняго Суждаля, который существовалъ съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи и по имени котораго вся страна по Клязьмѣ и нижней Окѣ называлась Суздальской землей, или Суздальскимъ княжествомъ, то онъ еще болѣе, чѣмъ Владиміръ, пришелъ въ упадокъ (хотя кремль его довольно хорошо сохранился) и притомъ не пользуется такой выгодой положенія, какъ его губернскій городъ, стоящій на судоходной рѣкѣ; онъ даже не связанъ еще съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Россіи. Благодаря болотистому грунту своихъ окрестностей, постепенно улучшенному культурой, Суздаль сдѣлался городомъ

огородниковъ: по количеству и превосходному качеству овощей, особенно огурцовъ, лука, редиски, немногіе города Россіи могутъ сравняться съ нимъ. Искони вѣковъ странствующіе торговцы изъ Суздаля, или, вѣрнѣе, изъ бывшей Суздальской области, ходятъ по всей Россіи, и нерѣдко названіе „суздальцевъ“ дается вообще коробейникамъ, какъ будто всѣ они происходятъ изъ этого города. Наконецъ, образа, которые пишутся преимущественно въ слободѣ Холуй и во многихъ другихъ деревняхъ уѣздовъ Вязниковскаго и Гороховецкаго, на нижней Окѣ, гдѣ встарину находились монастыри, зависѣвшіе отъ Суздаля, извѣстны обыкновенно подъ именемъ „суздальскихъ иконъ“; ихъ приготовляютъ въ этой области, среднимъ числомъ, отъ двухъ до трехъ милліоновъ въ годъ. Одинъ иконописецъ можетъ нарисовать до шести сотъ образовъ въ недѣлю [1]), получая по два рубля за сотню, и „суздальцы“ или „вязниковцы“ разносятъ ихъ по всей Россіи и даже ходятъ на Иллирійскій полуостровъ. Иконописное искусство представляетъ чрезвычайно любопытный промыселъ, по причинѣ крайняго раздѣленія труда, въ которомъ участвуютъ даже малые ребята: одинъ работникъ спеціально пишетъ лики, другой занятъ исключительно рисованіемъ рукъ, третій—ризъ и т. д., такъ что надъ одной иконой иногда работаетъ пять или шесть человѣкъ. Между деревнями, занимающимися иконописью, одна, именно Мстера, приготовляетъ образа спеціально для раскольниковъ. Суздальская область занимается также живописью на бумагѣ и тисненіемъ рисунковъ при помощи липовыхъ досокъ. Произведенія этого грубаго искусства очень распространены во всей Россіи. Слово „суздальщина“, „суздальская живопись“ стало синонимомъ дурнаго вкуса, аляповатости; однако, нѣкоторыя гравюры, вышедшія изъ этихъ примитивныхъ типографій, сдѣлались драгоцѣнными, благодаря ихъ наивной сатиры противъ поповъ и чиновниковъ: многія изъ нихъ напоминаютъ ксилографическія гравюры пятнадцатаго вѣка на западѣ Европы. Изданіе такого рода картинъ не разъ было запрещаемо цензурой [2]).

Современная фабричная промышленность имѣетъ во Владимірской губерніи своихъ представителей въ селѣ Ивановѣ, Вознесенскомъ посадѣ и городѣ Шуѣ. Эти промышленные центры, изъ которыхъ первый въ административномъ отношеніи до сихъ поръ остается на степени простой деревни, находятся на сѣверныхъ притокахъ Клязьмы. Съ половины восемнадцатаго столѣтія здѣсь введена была ткацкая промышленность, а теперь мы видимъ въ этихъ центрахъ и въ окружающихъ ихъ селеніяхъ сотни фабрикъ, прядильныхъ, ткацкихъ, ситцевыхъ, миткальныхъ, механическихъ и литейныхъ заводовъ; болѣе пятидесяти тысячъ рабочихъ за-

---

[1]) *В. Де-Ливронъ*, Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи.

[2]) *Буслаевъ*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства.

пяты на фабрикахъ и заводахъ этой части Россіи, доставляющихъ ежегодно на Нижегородскую ярмарку произведенія на десятки милліоновъ рублей; по обширности производства бумажныхъ издѣлій Шую справедливо называютъ „русскимъ Манчестеромъ". До освобожденія крестьянъ все населеніе села Иванова принадлежало одному дворянскому роду, и нѣкоторые изъ богатыхъ фабрикантовъ должны были платить до 20,000 рубл. за душу, чтобы выкупиться на волю. Фабричные работники, по большей части уже сильно испорченные, въ презрѣніи у мѣстныхъ крестьянъ; точно также странствующіе торговцы изъ слободы Холуй и другихъ мѣстностей нижней Клязьмы пользуются дурной славой во всей Россіи; имъ приписываютъ пословицу: „не надуешь — не продашь!" Подъ именемъ офеней, этимологія котораго еще не объяснена, они разъѣзжаютъ по всей Имперіи, обмѣнивая всякаго рода товары и образа (обычай не дозволяетъ продавать иконы) на произведенія сельскихъ жителей и получая на этомъ обмѣнѣ хорошіе барыши [1]); многіе изъ такихъ торговцевъ начинаютъ свой промыселъ разноскою и промѣномъ иконъ, а потомъ дѣлаются большими капиталистами. Во время своихъ разъѣздовъ офени говорятъ между собой особымъ условнымъ жаргономъ, въ которомъ можно встрѣтить термины всѣхъ языковъ торговыхъ народовъ Восточной Европы. Нѣкоторые ученые указывали на близкое сходство этихъ промышленниковъ съ древними греческими ходебщиками въ Херсонесѣ Таврическомъ.

Торговля,—болѣе, чѣмъ оружіе,—придала нѣкоторую связь разноплеменнымъ населеніямъ, занимающимъ среднюю область Поволжья; именно по причинѣ смѣшенія различныхъ народностей, жившихъ каждая особнякомъ и неимѣвшихъ одна съ другой постоянныхъ сношеній, нужно было найти общую почву, такое мѣсто, гдѣ онѣ могли бы собираться для взаимнаго обмѣна своихъ произведеній. Знаменитая ярмарка, происходящая нынѣ въ Нижнемъ Новгородѣ и важнѣйшая во всей Россіи и даже въ цѣломъ свѣтѣ, часто мѣняла мѣсто своего пребыванія: она была такимъ же кочевникомъ, какъ многіе изъ народовъ, приходившихъ на нее обмѣнивать свои товары. Народныя преданія и лѣтописи говорятъ намъ, что при началѣ русской исторіи главнымъ мѣстомъ собранія торговыхъ людей была столица Болгарскаго царства, на берегахъ Волги, ниже впаденія въ нее Камы: въ половинѣ девятаго столѣтія арабы, персы, армяне, даже индусы встрѣчались тамъ, для торговаго обмѣна, съ жителями Запада. Разрушеніе Болгарскаго царства перемѣстило центръ ярмарочной торговли, и Казань, резиденція татарскихъ князей, сдѣлалась сборнымъ пунктомъ европейскихъ и азіатскихъ купцовъ: казанскіе татары-разнощики, продающіе мыло и халаты, до сихъ поръ извѣстны въ Россіи подъ именемъ „бухарцевъ". Перемѣна власти

---

[1]) *Максимовъ*, Бродячая Русь; *Семеновъ*, Отечествовѣдѣніе.

вызвала въ третій разъ перемѣщеніе главнаго рынка: послѣ завоеванія Казанскаго царства при Иванѣ Грозномъ, сборище для торга образовалось близъ Макарьева монастыря, расположеннаго на лѣвомъ берегу Волги, верстахъ въ 70 ниже Нижняго Новгорода. Сначала сюда стекалось лѣтомъ, въ день св. Макарія, большое число богомольцевъ; окрестные жители завели торговлю мелочами, которая постепенно расширялась; выгодный сбытъ товаровъ привлекъ сюда, съ первой половины семнадцатаго вѣка, много купцовъ русскихъ и азіатскихъ, и такимъ образомъ устроилась Макарьевская ярмарка, обороты которой постоянно увеличивались; до Петра Великаго всѣ доходы отъ сбора за помѣщеніе и торговой пошлины поступали въ пользу монастыря. Однако, ярмарочное поле, удаленное отъ большихъ городовъ, расположенное въ мѣстности, затопляемой водою и окруженной сыпучими песками, затруднявшими подвозъ товаровъ, представляло большія неудобства, и когда въ 1816 году ярмарочныя строенія были истреблены пожаромъ, правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы перевести ярмарку въ Нижній, занимающій столь выгодное положеніе при сліяніи Волги и Оки, въ точкѣ пересѣченія торговыхъ трактовъ прикаспійской Россіи. Это, такъ сказать, авангардъ западнаго міра, стоящій въ виду азіатскихъ населеній.

Названіе „Нижній Новгородъ" объясняютъ существованіемъ встарину двухъ отдѣльныхъ частей города, изъ которыхъ одна, менѣе возвышенная, въ концѣ концовъ дала свое имя всему поселенію. Мѣстоположеніе, выбранное для города, достигаетъ въ высшей своей точкѣ 300 футовъ надъ уровнемъ Волги. Старинный Кремль, вокругъ котораго сгруппировались первые дома верхняго города, окружаетъ своими стѣнами и многочисленными красивыми башнями вершину горы, откуда открывается обширный и великолѣпный видъ на Волгу и ея безконечную луговую сторону; у подошвы горы сливаются двѣ большія, многоводныя рѣки, а на лѣвомъ берегу Оки раскинулся, на низменной песчаной косѣ, нижній, ярмарочный городъ съ своими правильными строеніями и дорогами, поднимающимися по оврагамъ на гору къ верхнему городу. Часть Кремля занята садами, а далѣе на востокѣ, по крутому высокому берегу Волги, тянутся аллеи парка. На главной рѣкѣ еще нѣтъ моста, да и черезъ Оку существуетъ только пловучій мостъ, длиною около версты съ четвертью, который на зиму разводится.

Ярмарочный кварталъ, построенный весь въ нынѣшнемъ столѣтіи, отличается чисто американской правильностью. Въ центрѣ этого западнаго города расположенъ огромный базаръ длиною слишкомъ въ полторы версты, шириною болѣе версты, раздѣленный бульваромъ и состоящій изъ 60 каменныхъ корпусовъ съ безчисленными рядами лавокъ, гдѣ товары разложены по роду ихъ и по мѣсту происхожденія: прогуливаясь въ этомъ обширномъ кварталѣ, переходишь послѣдовательно изъ желѣз-

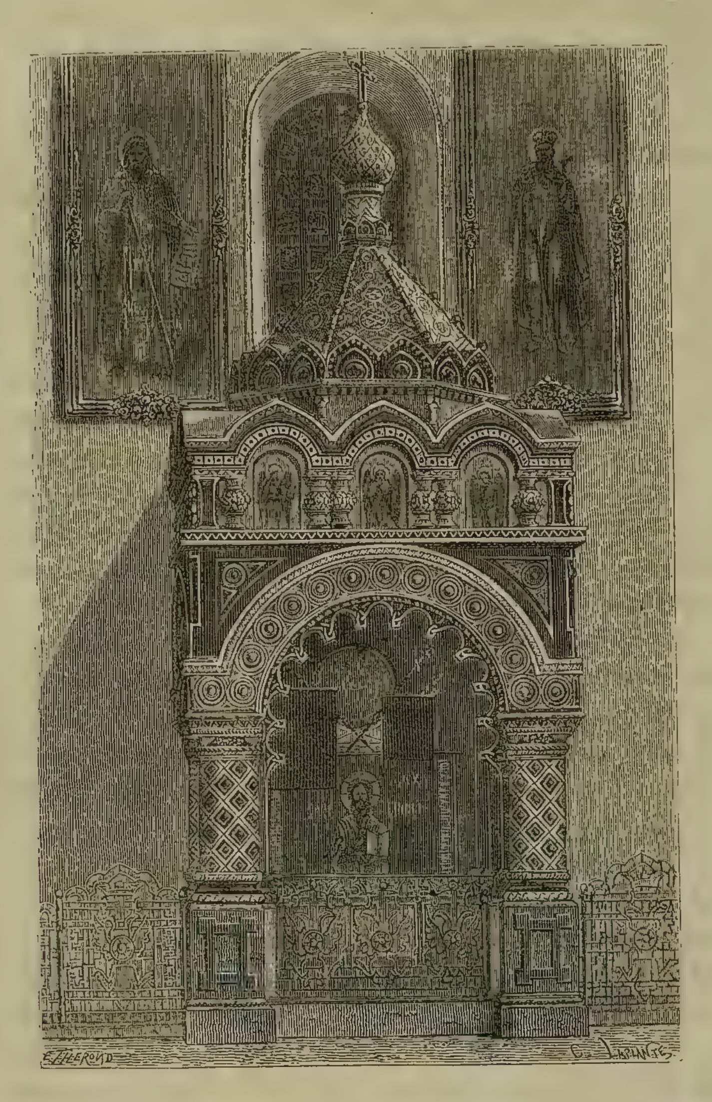
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ. — ЯРМАРОЧНОЕ ПОЛЕ. ВИДЪ СЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ОКИ.

наго или шерстянаго ряда въ мѣховой, панскій, суровскій, москательный, китайскій рядъ; изъ линіи павловскихъ слесарныхъ фабрикатовъ попадаешь въ линіи, гдѣ продаются александровскія или тульскія издѣлія. Большое зданіе, гдѣ даются парадные банкеты, православный соборъ, армянская церковь, татарская мечеть возвышаются въ ярмарочномъ кварталѣ, который дополняютъ на востокѣ обширные амбары для склада рыбы, желѣза, зерновыхъ хлѣбовъ, наполняющіе продолговатый островъ Оки. Для безопасности отъ пожара, вся постройка обведена каналомъ въ формѣ подковы. Но такъ какъ каменныхъ корпусовъ съ ихъ 3,000 лавокъ оказалось недостаточно для вмѣщенія громаднаго количества товаровъ, привозимыхъ на Макарьевскую ярмарку, то за каналомъ, на армарочной площади, возведены еще деревянные ряды, въ которыхъ заключается до 4,000 лавокъ и балагановъ. Во время армарки болѣе 200,000 пріѣзжихъ прибавляется къ постоянному населенію Нижняго-Новгорода, которое лишь немногимъ превосходитъ цифру 50,000. Въ этой массѣ продавцовъ, покупателей и посѣтителей азіаты являются нынѣ въ меньшемъ числѣ противъ прежняго времени, такъ какъ теперь почти всѣ торговыя сдѣлки производятся черезъ посредство коммисіонеровъ; однако, все еще пріѣзжаетъ много грузинъ, персіянъ, бухарцевъ и т. д.

Между разнообразными товарами, привозимыми на Нижегородскую ярмарку, первое мѣсто, по количеству и цѣнности, занимаютъ произведенія подмосковныхъ ткацкихъ фабрикъ: ситцы и другія бумажныя ткани, а также шерстяныя, пеньковыя, льняныя; затѣмъ слѣдуютъ металлы и металлическія издѣлія; мѣховъ и кожъ, галантерейныхъ товаровъ также продается на много милліоновъ рублей; но привозъ китайскихъ чаевъ сухимъ путемъ черезъ Кяхту, все еще весьма значительный (около ста тысячъ цибиковъ), сильно уменьшился въ эти послѣдніе годы, по причинѣ большихъ удобствъ, которыя представляетъ доставка чая моремъ изъ Шанхая и Кантона въ Одессу. На долю азіатскихъ товаровъ, въ общемъ количествѣ привозимыхъ на Нижегородскую ярмарку, въ среднемъ приходится цѣнность около 20 милліоновъ рублей, и эта сумма съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Въ цѣломъ, торговые обороты этого годоваго рынка постоянно увеличивались съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія сумма проданнаго товара на Макарьевской ярмаркѣ составляла всего только около полумилліона рублей; въ 1817 году, на первой Нижегородской ярмаркѣ, общая цѣнность продажъ поднялась уже до 15 милліоновъ рублей; теперь она простирается до 120 милліоновъ, и количество непроданныхъ товаровъ не превышаетъ цифры, какая существовала пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Однако, ярмарка, вообще говоря, становится менѣе оживленной, чѣмъ бывала въ прежніе годы. Дѣла на ней совершаются теперь быстрѣе и чаще черезъ посредниковъ; но она по прежнему остается рынкомъ-регуляторомъ для всей Европейской Россіи

*

и даже для части Сибири. Когда Нижній-Новгородъ перестанетъ быть передовой станціей на сѣверо-востокѣ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, когда онъ утратитъ свою роль обязательнаго сборнаго пункта на торговой границѣ Европы и Азіи, ему, вѣроятно, придется измѣнить свои привычки, и чтобы сохранить свое важное значеніе, онъ долженъ будетъ

Гробница Минина въ склепѣ Спасо-Преображенскаго собора.

позаботиться о развитіи у себя промышленной дѣятельности, очень незначительной въ настоящее время; впрочемъ, и теперь уже онъ имѣетъ судостроительныя верфи и металлургическіе заводы. Нижній-Новгородъ— главное сборное мѣсто „низовыхъ" бурлаковъ, какъ Рыбинскъ центръ „верхнихъ", т. е. ходящихъ вверхъ по Волгѣ. Бурлаками (слово это

значитъ „бродячіе люди“) называютъ работниковъ, которые тянутъ суда бичевой вверхъ по теченію. Они составляютъ между собой артели, что, однако, не мѣшаетъ имъ быть въ полной зависимости отъ судохозяина, который дѣлаетъ артель отвѣтственною за каждаго ея члена и прикащикъ котораго часто выбирается въ старосты артели. Заработная плата бурлака за трудъ, продолжающійся отъ 8 до 16 недѣль, при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, отъ Астрахани до Нижняго, колеблется между 28 и 40 рублями.

Памятникъ въ видѣ колонны, воздвигнутый на Кремлевской площади, на вершинѣ высокаго мыса, господствующаго надъ сліяніемъ Волги и Оки, и богато украшенная гробница въ склепѣ древняго Спасо-Преображенскаго собора напоминаютъ нижегородскаго мясника Кузьму Минина, который призвалъ въ 1611 году отечество на освобожденіе Москвы, находившейся во власти поляковъ. Нижній есть также родина критика Добролюбова.

Города, посады и села бассейна Оки, имѣющіе свыше 5,000 жителей:

Орловская губернія (1880).

Орелъ	77,000	жит.
Болховъ	28,900	„
Мценскъ	14,000	„

Калужская губернія (1870).

Калуга	38,600	„
Жиздра	11,700	„
Боровскъ	9,500	„
Медынь	7,800	„
Козельскъ	7,350	„
Сухиничи	6,050	„
Мещовскъ	5,450	„
Мало-Ярославецъ	5,150	„

Тульская губернія (1880).

Тула	62,300	„
Бѣлевъ	8,700	„
Богородицкъ	8,050	„
Ефремовъ	8,400	„
Одоевъ	5,000	„

Московская губернія (1870).

Москва (1882)	750,867	„
Сергіевскій пос. (Троица)	27,450	„
Коломна	18,800	„
Серпуховъ	16,720	жит.
Подольскъ	10,975	„
Дмитровъ	7,550	„
Клинъ	6,650	„
Воскресенскъ	5,950	„
Верея	5,500	„

Рязанская губернія (1870).

Рязань (1880)	30,000	„
Касимовъ	14,100	„
Скопинъ	9,450	„
Егорьевскъ	5,100	„
Зарайскъ	5,050	„

Тамбовская губернія (1870).

Тамбовъ (1880)	34,000	„
Моршанскъ	19,500	„
Шацкъ	7,250	„
Елатьма	7,100	„
Кадомъ	7,100	„
Темниковъ	6,600	„
Спасскъ	5,100	„

Пензенская губернія (1880).

Мокшанъ	13,000	„
Керенскъ	12,400	„
Нижній-Ломовъ	7,300	„

Краснослободскъ	7,100 жит.
Верхній-Ломовъ	6,150 „
Шешкѣевъ	6,000 „
Троицкъ	5,700 „
Инсаръ	5,100 „
Наровчатъ	5,050 „

Владимірская губернія (1880).

Владиміръ-на-Клязьмѣ	16,000 „
Муромъ	13,300 „
Шуя	12,100 „
Иваново-Вознесенскъ	10,700 жит.
Переяславль-Залѣсскій	8,700 „
Суздаль	6,500 „
Александровъ	6,200 „
Меленки	6,300 „

Нижегородская губернія (1880).

Нижній Новгородъ	56,300 „
Арзамасъ	11,400 „
Павлово (село)	8,600 „

XII.

СРЕДНЯЯ ВОЛГА И КАМА.

ГУБЕРНІИ КАЗАНСКАЯ, ВЯТСКАЯ, ПЕРМСКАЯ, УФИМСКАЯ.

Въ этой части Волжскаго бассейна Европа и Азія уже переплетаются своими населеніями: рядомъ съ славянами, великоруссами живутъ татары въ городахъ и окрестныхъ селеніяхъ, тогда какъ финскія племена занимаютъ наибольшее протяженіе лѣсистыхъ пространствъ. Расы, слившіяся уже въ верхнемъ бассейнѣ Волги въ одну націю, являются здѣсь еще разрозненными, отличающимися одна отъ другой или наружностью, языкомъ и образомъ жизни, или, по крайней мѣрѣ, преданіями и нѣкоторыми особенными чертами. Эти иноплеменные народцы, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, инородцы, не успѣли какъ западные финны, соединиться въ сплоченную націю. Разсѣянные на обширныхъ равнинахъ, отдѣленные другъ отъ друга великоруссами, безъ всякой національной связи, безъ общихъ надеждъ и стремленій, они обречены на полное уединеніе нравственное и политическое. Единственно черезъ посредство славянскаго элемента эти остатки старыхъ расъ, финновъ, угровъ, тюрковъ, могутъ вступать во взаимныя сношенія и идти впередъ по пути цивилизаціи.

Изслѣдованія историковъ выяснили тотъ замѣчательный фактъ, что русское вліяніе на эти азіатскія населенія, имѣло двѣ главныя исходныя точки, на югѣ и на сѣверѣ. Съ южной стороны, русскіе торговые люди, спускаясь по Окѣ, собирались въ большомъ числѣ въ столицѣ Великихъ Болгарахъ, которую арабскіе писатели причисляютъ даже въ десятомъ столѣтіи къ городамъ восточно-славянскаго государства. Различные пред-

меты китайскаго и индійскаго происхожденія, открываемые тамъ и сямъ въ древней Біарміи, также какъ монеты пятаго, шестаго и седьмаго вѣка, сассанидскія, индо-бактрійскія, арабскія, византійскія, англо-саксонскія, находимыя вокругъ древнихъ торговыхъ городовъ, свидѣтельствуютъ объ обширной торговлѣ, которая производилась тогда въ этихъ странахъ. Постоянныя посѣщенія славянскихъ купцовъ, а также экспедиціи русскихъ разбойниковъ, которые пробирались по Волгѣ до Каспійскаго моря [1]), естественно должны были внести нѣкоторые славянскіе элементы въ этотъ восточный міръ; но это вліяніе прекратилось въ тринадцатомъ столѣтіи, въ эпоху татарскихъ нашествій, которыя оттѣснили русскихъ къ западу. Съ сѣверной стороны, этнографическое давленіе русскихъ не останавливалось. Новгородцы, колонизовавшіе берега Сѣверной Двины и ея верхнихъ притоковъ, проникли затѣмъ этимъ же путемъ въ бассейнъ верхней Камы и въ долины Урала, куда они ходили на поиски соли, шкуръ, пушныхъ звѣрей, „закамскаго" серебра. Даже когда москвитяне овладѣли рѣками и волоками, которыми слѣдовали новгородскіе купцы, они должны были дѣлать большой обходъ черезъ Великій Устюгъ и по теченію рѣки Вычегды, чтобы попасть въ бассейнъ верхней Камы; до временъ Петра Великаго дѣла Пермской области были поручены „Новгородскому приказу", учрежденному въ Москвѣ, и военные походы производились либо черезъ долину Вычегды, либо даже черезъ долину Печоры: нижняя Кама катила свои воды по землямъ, занятымъ чувашами и башкирами. Обрусеніе туземныхъ племенъ въ этихъ странахъ началось лишь послѣ взятія Казани, во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія; но еще и въ наши дни русскій элементъ гораздо сильнѣе представленъ въ бассейнѣ верхней Камы. Такимъ образомъ, финно-татарскіе народцы окружены кольцомъ русскихъ, которое окончательно сомкнулось въ восемнадцатомъ столѣтіи, когда славяне овладѣли также юго-восточными степями и тѣмъ положили конецъ иммиграціи изъ степныхъ пространствъ, усиливавшей татарскій элементъ. Впрочемъ, обмѣны вѣрованій и нравовъ между русскими и инородцами были очень многочисленны, и многіе обычаи восточныхъ славянъ не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ, какъ только примѣромъ ихъ сосѣдей, магометанскихъ и буддистскихъ [2]).

Мордва, или мордвины, можетъ быть, даже составляютъ остатокъ одного изъ древнихъ историческихъ народцевъ Россіи, если позволительно видѣть въ нихъ аорзовъ Птоломея, союзниковъ царя Митридата: по крайней мѣрѣ, одно изъ ихъ главныхъ племенъ до сихъ поръ сохранило это названіе („эрзянъ"). Подъ нынѣшнимъ ихъ наименованіемъ, мордвины

---

[1]) *Забѣлинъ*, Исторія русской жизни.

[2]) „Пермскій Сборникъ", I; *Мозель*, Матеріалы для статистики и географіи Россіи, Пермская губернія; *С. В. Ешевскій*, Русская колонизація Сѣверовосточнаго края, „Вѣстникъ Европы", 1866 г., I.

упоминаются византійскими писателями, какъ многочисленный и независимый народъ, и они часто одерживали верхъ надъ русскими, даже въ правильныхъ сраженіяхъ. Покоренные отчасти съ четырнадцатаго вѣка, они послѣ того часто подвергались нападеніямъ со стороны ногайцевъ и калмыковъ, какъ подданные Московскаго государства, и были окончательно подчинены русскому господству только за триста лѣтъ до нашей эпохи. Мордва занимаетъ еще, не сплошными массами, а островами и архипелагами, весь средній бассейнъ Волги отъ склоновъ Уральскаго хребта до истоковъ Оки; судя по географическимъ названіямъ мѣстъ, нужно заключить, что встарину это племя владѣло всей этой обширной территоріей; но въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ мордвины составляютъ не болѣе двадцатой или даже сотой доли населенія; они образуютъ одинъ изъ значительныхъ элементовъ сельскаго населенія только въ сосѣдствѣ Волги, преимущественно въ губерніяхъ Симбирской, Пензенской, Самарской и Нижегородской. Кеппенъ насчитывалъ всей мордвы только 400,000 душъ [1]), но можно безошибочно исчислить общее количество этого финскаго народца въ 800,000 душъ, даже въ милліонъ душъ, по Майнову [2]), особенно если присчитать тѣхъ, весьма многочисленныхъ, представителей этого племени, которые по языку, религіи, нравамъ совершенно отатарились. Такъ, напримѣръ, мордвины, которыхъ называютъ тюркскимъ именемъ „каратай", сдѣлались настоящими татарами, ничѣмъ неотличающимися отъ коренныхъ татаръ. По Семенову [3]), мордва распредѣлена по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

		Душъ.			Душъ.
Въ Симбирской. .	12%	140,000	Въ Саратовской .	6%	94,000
„ Пензенской . .	10%	125,000	„ Оренбургской.	5%	100,000
„ Самарской . . .	9%	140,000	„ Тамбовской .	2,5%	50,000
„ Нижегородской.	9%	110,000	„ Казанской. .	1%	15,000

Между восточными финнами Россіи мордва наидалѣе выдвинулась къ западу, гдѣ она перемѣшана съ русскимъ населеніемъ; оттого она во многихъ мѣстахъ почти совершенно обрусѣла. Почти всѣ мордвины сдѣлались „православными": въ прежнія времена правительство раздавало ихъ въ крѣпостное состояніе помѣщикамъ, которые обязывались обращать этихъ инородцевъ въ христіанскую вѣру. Главная масса мордвиновъ приняла крещеніе въ царствованіе Елизаветы Петровны, которая велѣла выдавать каждому новообращенному по рублю деньгами и по три образа и, если вѣрить самимъ мордвинамъ, даровала имъ, сверхъ того, свободу отъ податей и воинской повинности. Съ начала нынѣшняго столѣтія

[1]) Russlands gesammte Bevölkerung, 1838.

[2]) „Слово", 1879 г., № VI.

[3]) Выше цитированное сочиненіе.

большое число мордвиновъ разучилось говорить на своемъ родномъ языкѣ [1]); есть между ними даже такіе, которые нисколько не отличаются по одеждѣ, и мужчинъ легко можно смѣшать съ русскими мужиками; но женщины лучше сохраняютъ первоначальный типъ и костюмъ. Западная мордва или мокша, мокшаны, отличные земледѣльцы, все болѣе и болѣе теряются въ массѣ славянской народности, подобно тому, какъ потерялась меря, жившая въ нынѣшнихъ губерніяхъ Владимірской и Московской; всего лучше сохранило свой типъ племя „эрзя", въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ. Въ смѣшанныхъ селеніяхъ русскіе дѣти говорятъ по-мордовски съ своими финскими товарищами; но, выростая, они привыкаютъ мало по малу говорить природнымъ языкомъ, который есть въ то же время языкъ цивилизаціи [2]). Смертность между мордовскими дѣтьми очень велика; но превышаетъ ли она смертность въ русскихъ семьяхъ окружающаго ихъ населенія?

Мордвины имѣютъ вобще черные волосы, но глаза у нихъ голубые, маленькіе, наискось прорѣзанные. Роста они высокаго, тѣлосложенія сильнаго, мускулистаго, средній вѣсъ тѣла безъ малаго пять пудовъ [3]). Растительность на подбородкѣ довольно скудная, и всегда можно узнать съ перваго взгляда по густотѣ и длинѣ бороды, до какой степени туземцы уже обрусѣли отъ смѣшенія со славянской расой. Что касается одежды, то она чрезвычайно разнообразна, смотря по мѣстностямъ; но большое число представителей этого племени живетъ еще, такъ сказать, въ бронзовомъ вѣкѣ, если судить по мѣднымъ украшеніямъ, которыя они носятъ по обѣ стороны лица и на груди. Мордовки покрываютъ себѣ голову, уши, шею, руки всякаго рода украшеніями до заячьихъ хвостовъ и медвѣжьихъ зубовъ включительно, но все-таки преобладаютъ монеты. Повязки, поясы, нагрудники, украшенные, подобно мордовскимъ уборамъ, медалями, бронзовыми пуговицами, монетами, встрѣчаются также у крестьянъ западныхъ уѣздовъ Орловской губерніи, на границѣ Черниговской, почти въ 600 верстахъ отъ Мордовской земли: въ этомъ сходствѣ костюма усматриваютъ признакъ общности племеннаго происхожденія.

Крещеніе не помѣшало мордвѣ сохранить свою древнюю языческую миѳологію, которую она прилаживаетъ, какъ умѣетъ, къ ученіямъ и обрядамъ христіанской вѣры. Главный мордовскій богъ, Пасъ, или „богъ боговъ", который въ то же время означаетъ солнце, имѣетъ сына, называемаго Иничи (культъ послѣдняго смѣшивается мордвинами съ поклоненіемъ Іисусу Христу), и мать Озаку (въ ней они видятъ Пресвятую Дѣву Марію); затѣмъ слѣдуютъ другія, второстепенныя божества, „мать-земля",

---

[1]) У русскихъ существуетъ поговорка: „у мордвы двѣ морды (т. е. два языка), а шкура одна". *Прим. перев.*

[2]) *Липинскій*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Симбирская губернія.

[3]) *Майновъ*, Извѣстія Русскаго Географ. Общества, 1878 г., № 1.

Николай-угодникъ и всѣ спеціальные святые, управляющіе полевыми работами, пекущіеся объ урожаямъ и о домашнихъ животныхъ. „Мордвины лучше насъ умѣютъ молиться“, говорятъ русскіе, „ихъ боги лучше внимаютъ ихъ молитвамъ“. На самомъ дѣлѣ это происходитъ оттого, что мордовскіе крестьяне обработываютъ поля и ухаживаютъ за скотомъ съ большими заботливостью и стараніемъ, чѣмъ ихъ славянскіе сосѣди [1]). Когда Никола-угодникъ исполнилъ свою обязанность, ниспославъ хорошій урожай, мордвины награждаютъ его, помазавъ ему ротъ коровьимъ масломъ или сметаной; если же они недовольны угодникомъ, то запираютъ его въ гумно или повертываютъ лицомъ къ стѣнѣ [2]). Отъ язычества же остались у нихъ нѣкоторые годовые праздники, называемые „молянами“.

Можетъ быть, во всемъ свѣтѣ нѣтъ народа, который бы символизировалъ болѣе драматическимъ образомъ свою вѣру въ продолженіе жизни за гробомъ и въ то же время свой страхъ злыхъ дѣлъ со стороны усопшаго. У племени мокша существуетъ повѣрье, что покойникъ, тѣло котораго они кладутъ на землю, въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ вырыта его могила, посѣщаетъ свой домъ впродолженіе сорока дней: онъ приходитъ всегда въ одинъ и тотъ же часъ и моется подъ окномъ изъ посуды, которую нарочно ставятъ для него съ чистой водой. Въ сороковой день семья покойнаго отправляется на могилу и зоветъ его: „Останься еще съ нами! Приходи ѣсть пищу, которую мы тебѣ приготовили. Потомъ ты можешь упокоиться“. И мертвецъ дѣйствительно приходитъ; по крайней мѣрѣ, является тотъ изъ его друзей, который всего болѣе походитъ на него и который одѣлся въ его платье, принимаетъ выраженіе его лица, старается подражать его голосу. Онъ входитъ въ домъ. „Не ѣшь насъ!“ вопятъ домочадцы; „возьми, что мы тебѣ дадимъ“. Онъ принимаетъ хлѣбъ соль и пьетъ, вмѣстѣ съ присутствующими, кровь барана, недавно зарѣзаннаго. Только вечеромъ покойникъ возвращается на кладбище, въ сопровожденіи своихъ родныхъ, которые несутъ зажженныя восковыя свѣчи; онъ опять наполняетъ ротъ бараньей кровью, произноситъ таинственныя слова благословенія на домашнихъ животныхъ и ложится на могилу. Его покрываютъ бѣлымъ саваномъ, который тотчасъ же снимается: мистерія совершилась, душа умершаго схвачена въ кусокъ тѣста, и съ этой минуты покойникъ можетъ войти въ „пчельникъ матери-земли“, одинъ изъ трехъ „пчельниковъ“, на которые раздѣлена вселенная [3]). Идеалъ мордвы — міръ пчелъ, гдѣ все дѣлается въ опредѣленномъ порядкѣ.

Черемисы, число которыхъ опредѣляютъ различно, отъ 200,000 до

---

[1]) *Липинскій*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Симбирская губернія.

[2]) *Липинскій*, цитированное сочиненіе; *Майновъ*, „Древняя и Новая Россія“. 1878 г., № 10.

[3]) *Майновъ*, тамъ-же.

260,000 душъ, извѣстны только подъ этимъ оскорбительнымъ наименованіемъ, татарскаго происхожденія, означающимъ „злые“ или „негодяи“, можетъ быть также „воины“. Сами себя они называютъ „мори“ или „мари“, то-есть „люди“: можетъ быть, таково же значеніе имени древняго суздальскаго народа „меря“ [1]). Въ отдаленныя времена черемисы занимали наибольшую часть территоріи, простирающейся по обѣ стороны Волги и Камы, между низовьемъ Суры и устьемъ Вятки, и, вѣроятно, составляли часть большой болгарской націи [2]). Но уже въ тринадцатомъ столѣтіи новгородцы основали въ ихъ странѣ укрѣпленную факторію, и это начало колонизаціи послужило исходной точкой постоянныхъ войнъ между аборигенами и завоевателями различной расы, съ одной стороны—славянами, съ другой—татарами. Черемисы не всегда бывали побѣжденными въ этой вѣковой борьбѣ; даже въ половинѣ семнадцатаго столѣтія они успѣли прервать всякое сообщеніе между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью [3]). Въ настоящее время эти инородцы, раздѣленные славянскими поселенцами на острова различнаго населенія, послѣ того, какъ они были окончательно покорены въ концѣ семнадцатаго вѣка, не имѣютъ болѣе этнографической связи, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ на лѣвомъ берегу Волги, ниже Ветлуги, до окрестностей Казани. „Луговые“ черемисы (обитающіе на луговой сторонѣ Поволжья) легче могли сохранить свои древніе нравы и обычаи, чѣмъ ихъ единоплеменники противоположнаго берега, „горные“ черемисы, названные такъ потому, что земля ихъ ограничена нагорнымъ берегомъ Волги. Эти послѣдніе, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, почти вездѣ утратили свою національную индивидуальность и все болѣе и болѣе сливаются съ расой ихъ новыхъ властителей: они вообще благообразны, сложены стройно и крѣпко, честны, трудолюбивы. Женщины дольше мужчинъ противятся перемѣнѣ; но когда переворотъ, наконецъ, совершается, то онъ обыкновенно бываетъ внезапенъ: отъ традиціоннаго костюма онѣ вдругъ переходятъ къ одеждѣ русскихъ женщинъ [4]).

У луговыхъ черемисъ финскій типъ отличается еще довольно явственно отъ типа русскихъ: они темнѣе кожей, смуглѣе лицомъ; носъ у нихъ вздернутый или приплюснутый, скулы сильно выдающіяся, глаза узкіе и косолежащіе, борода рѣдкая. Вообще, черемиски, уже и безъ того очень некрасивыя на взглядъ ихъ русскихъ сосѣдей, еще обезображены, какъ и суоми, жители Финляндіи, болѣзнью глазъ, подслѣповатостью, причиняемой дымомъ печей (печи у черемисовъ безъ трубъ, такъ что дымъ выходитъ черезъ двери и окна, покрывая стѣны избы толстымъ слоемъ

---

[1]) *Кастренъ*, Die Altaischen Völker.
[2]) *Кастренъ*, цитированное сочиненіе.
[3]) Народы Россіи, Мордва и Черемисы.
[4]) *Mackenzie Wallace*, Russia.

сажи). Черемисы плохіе земледѣльцы: находясь въ переходномъ состояніи—между кочевымъ и осѣдлымъ образомъ жизни, они предпочитаютъ добывать себѣ пропитаніе охотой, рыбной ловлей, скотоводствомъ; впрочемъ, ихъ оригинальная цивилизація совершенно утрачена: теперь они если научаются чему нибудь, то не иначе, какъ черезъ посредство русскихъ. Встарину знаки, дѣлаемые на палкахъ, нѣчто въ родѣ грубыхъ рунъ, служили имъ письменами; они увѣряютъ, кромѣ того, что будто бы у нихъ существовали нѣкогда писаныя книги, „которыя были сожраны большой коровой" (?) [1]. Но они сохранили нѣкоторыя изъ своихъ искусствъ, по части тканья, окраски и орнаментаціи тканей, и все еще носятъ свой костюмъ, замѣчательный въ особенности обиліемъ мѣдныхъ и серебряныхъ бляхъ и кожаныхъ бахромокъ; женщины надѣваютъ на голову высокую остроконечную кичку, вышитую крупнымъ бисеромъ съ кистями и оканчивающуюся сзади шлыкомъ съ украшеніями изъ кожи и металла; кромѣ того, онѣ носятъ нагрудникъ, простой или двойной, увѣшанный монетами, побрякушками, мѣдными бляхами, которыя составляютъ въ одно и то же время украшенія и амулеты; „нумизматъ,—замѣчаетъ г. Рамбо по поводу этого наряда,—сдѣлалъ бы, можетъ быть, немаловажныя открытія въ этихъ ходячихъ мюнцкабинетахъ".

Бракъ у черемисъ — дѣйствительное похищеніе жены, а не одно только подобіе увоза, какъ у другихъ ихъ родичей; женихъ по-настоящему воруетъ невѣсту, и родители почти всегда не знаютъ о томъ, что замышляется; часто даже сама дѣвушка не бываетъ предувѣдомлена молодымъ человѣкомъ о предположенномъ похищеніи. Поэтому, свадьба справляется сначала только въ семьѣ мужа; уговоръ на счетъ приданаго и общія для обоихъ семействъ празднества дѣлаются лишь черезъ нѣсколько недѣль послѣ бѣгства. Впрочемъ, рѣдко случается, чтобы стороны не поладили; г. Кузнецовъ говоритъ, что въ Вятской губерніи ему извѣстенъ только одинъ случай, когда отецъ-черемисъ, возмущенный похищеніемъ его дочери, протестовалъ судебнымъ порядкомъ противъ этого насилія [2]. У черемисъ-язычниковъ разводъ устраивается очень легко, послѣ очень простой церемоніи. Несогласныхъ супруговъ приводятъ предъ лицо старѣйшинъ общины и связываютъ ихъ спиной къ спинѣ, при помощи крѣпкой веревки; одинъ изъ стариковъ беретъ ножъ, разсѣкаетъ брачныя узы, и освобожденные супруги убѣгаютъ въ разныя стороны.

Черемисы, убѣжденные, что умершій переходитъ въ лучшую жизнь, никогда не оплакиваютъ своихъ близкихъ, похищенныхъ смертью. Зарывая покойника въ могилу, они всовываютъ ему въ одну руку палку, чтобы ему было чѣмъ на томъ свѣтѣ отгонять змѣй, а въ другую—нѣсколько

---

[1] Paris, Traduction de la Chronique de Nestor.

[2] *Ст. Кузнецовъ*, Очерки изъ быта черемисъ, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № 8.

ЧЕРЕМИССЫ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

монетъ, чтобы онъ могъ заплатить за „мать сыру землю"; кромѣ того, они кладутъ съ покойникомъ тютюнъ и оставляютъ въ гробу маленькое отверстіе, для того, чтобы усопшій могъ по временамъ бросить взглядъ на покинутый имъ міръ. Въ сороковой день послѣ похоронъ дѣлаютъ визитъ покойному, и всѣ пляшутъ вокругъ могилы [1]). Впрочемъ, нужно сказать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ и русскіе, почти такіе же язычники, какъ черемисы, сохранили нѣкоторые древніе погребальные обряды; такъ, напримѣръ, они пекутъ въ честь своихъ покойниковъ маленькіе пирожки въ формѣ лѣсенокъ, служащіе символическимъ образомъ ступеней, по которымъ душа должна восходить, чтобы подняться на небо. Въ прежнее время бросали въ могилу настоящія лѣстницы и когти животныхъ, чтобы такимъ образомъ облегчить усопшему трудную работу восхожденія на небо. До сего дня у нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ существуетъ обычай оставлять отверстія въ могилахъ, чтобы можно было класть туда приношенія умершему, состоящія изъ разныхъ яствъ; углубленія въ формѣ чашъ, выдолбленныя въ могильныхъ камняхъ Скандинавіи и Индіи, имѣли, вѣроятно, подобное же назначеніе [2]).

Религія черемисъ очень любопытна, такъ какъ первоначальная основа ихъ вѣрованій подверглась троякому вліянію: русскаго христіанства, татарскаго магометанства и монгольскаго шаманства; для нихъ, по выраженію г. Лаптева, „семьдесятъ-семь религій семидесяти-семи народовъ" Россійской Имперіи одинаково хороши [3]). Они называютъ себя „православными", хотя православіе ихъ ограничивается тѣмъ, что они справляютъ русскіе праздники приличными попойками, почитаютъ Николая-угодника и другихъ святыхъ подъ именемъ Юмы или „бога", даже дѣлаютъ приношенія Казанской Божіей Матери [4]); но если бы властителями страны были татары, то черемисы съ такимъ же правомъ могли бы именовать себя мусульманами, такъ какъ Магометъ у нихъ тоже считается пророкомъ. И дѣйствительно, бывали случаи, что черемисы цѣлыми селеніями переходили въ магометанство, не пугаясь строгой кары закона, который грозитъ каторжными работами за отпаденіе отъ православной вѣры. Однако, древнія языческія божества все еще сохраняются: великій Юма, богъ неба, и боги вѣтровъ, рѣкъ, льда, скота и даже деревьевъ. Въ Костромской губерніи, близъ деревни Адошнуръ, существовала священная береза, на поклоненіе которой черемисы ходили толпой еще въ 1843 году. Когда вѣтеръ обламывалъ вѣтку съ верхушки этого дерева и переносилъ ее на сосѣднее поле, то владѣлецъ послѣдняго обязанъ былъ

---

[1]) *Мозель*, Пермская губернія.
[2]) *Майновъ*, „Слово", 1879 года, № 10.
[3]) *Лаптевъ*, Казанская губернія.
[4]) *Mackenzie Wallace*, Russia; *Кузнецовъ*, выше цитированная статья.

уродившійся на нивѣ хлѣбъ оставлять на съѣденіе птицамъ небеснымъ [1]). Черемисы, особенно некрещеные, живущіе въ Пермской губерніи, покланяются также огню и просятъ его перенести ихъ молитвы Всевышнему: такимъ образомъ, мы находимъ у нихъ религіозные обряды первыхъ арійцевъ. Главное мѣсто въ ихъ молитвахъ занимаетъ божество, котораго они всего болѣе боятся,—Кереметь, самый злой духъ, виновникъ всѣхъ бѣдъ, какія съ ними случаются: ему-то предназначаются отборныя домашнія животныя при жертвоприношеніяхъ, ибо чтобы отвратить гнѣвъ этого грознаго божества, чтобы умилостивить его, надо, по ихъ понятіямъ, давать ему въ изобиліи все нужное для утоленія его голода и жажды, а также доставлять ему коней для его путешествій. Во время торжественныхъ жертвоприношеній, *карты*, или наслѣдственные жрецы, иногда закалываютъ по 80 лошадей, 50 коровъ, 100 другихъ головъ крупнаго рогатаго скота, 150 барановъ, 300 утокъ [2]). Бѣлыхъ коней приносятъ въ жертву также на могилахъ людей богатыхъ или пользовавшихся уваженіемъ за ихъ добродѣтели [3]). Для жертвоприношеній выбираютъ какую-нибудь липовую или березовую рощу, удаленную отъ славянскихъ поселеній: въ этомъ священномъ мѣстѣ ни одинъ вѣрующій не можетъ явиться въ русской одеждѣ и не должно быть произнесено ни одно слово изъ языка господствующаго народа. Женщины не допускаются въ священную ограду, но онѣ стараются подсмотрѣть издали, сквозь чащу деревьевъ, обряды жертвоприношенія, совершаемаго среди волнующейся толпы. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ праздниковъ у черемисъ—это такъ называемый Сорокъ-іолъ, или праздникъ „овечьей ноги", соотвѣтствующій святкамъ и представляющій празднество и религіозное, и общественное. Возсѣдая за столомъ, уставленнымъ яствами и питіями, картъ олицетворяетъ собою въ одно и то же время народъ, вѣрующихъ и божество, выслушивающее его просьбы. Онъ молитъ о дарованіи здоровья, объ изобиліи пива, хлѣба, пчелъ, скота, денегъ, а также благополучнаго сбыта продуктовъ,—такого, чтобы „удалось продать ихъ въ три-дорога"; затѣмъ, въ качествѣ бога, онъ удовлетворяетъ всѣ эти молитвы: „даю! даю!", восклицаетъ жрецъ. Послѣ того собравшіеся на празднество осмѣиваютъ русскихъ оффиціальныхъ лицъ, чиновниковъ, поповъ, судей, офицеровъ [4]).

Самые ближніе сосѣди черемисскаго народа — чуваши. Это племя, названіе котораго означаетъ, какъ говорятъ, „жителей водъ", довольно многочисленно въ Казанской губерніи, гдѣ оно составляетъ почти четверть населенія; кромѣ того, оно разсѣяно небольшими группами въ сосѣд-

---

[1]) *Максимовъ*, „Древняя и Новая Россія", 1876 г., № 6.

[2]) „Народы Россіи", живописный альбомъ. Изданіе Картографическаго Заведенія А. А. Ильина.

[3]) *Николай Тургеневъ*, La Russie et les Russes.

[4]) *Кузнецовъ*, см. выше.

нихъ губерніяхъ, Симбирской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Пермской. Общее число этихъ инородцевъ опредѣляютъ различно — отъ полумилліона до семисотъ тысячъ. Это можетъ быть, тотъ самый народъ, который упоминается у арабскихъ географовъ подъ именемъ „буртасовъ", оттѣсненныхъ на сѣверъ татарско-монгольскимъ нашествіемъ тринадцатаго вѣка; впрочемъ, различные ученые признаютъ ихъ за мордву. По внѣшнему ихъ виду (всѣ чуваши средняго роста, со смуглыми лицами, немного выдающимися скулами, темными волосами, черными глазами, глядящими изъ узко прорѣзанныхъ рѣсницъ и изъ-подъ узенькаго лба), а также по небольшой части ихъ словаря, исчисляемой въ тысячу словъ, и по нѣкоторымъ ихъ обычаямъ, они должны быть причислены къ финскому племени; но по языку большое число изъ нихъ сдѣлались татарами, и эти послѣдніе называютъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ „братьями"[1]; тѣмъ не менѣе они еще имѣютъ свой собственный языкъ, и съ 1839 года правительство, слѣдуя въ отношеніи восточныхъ инородческихъ населеній иной политикѣ, чѣмъ въ отношеніи западныхъ подданныхъ, дозволило преподаваніе чувашскаго языка въ мѣстныхъ школахъ; даже ранѣе этой эпохи для нихъ была напечатана, на ихъ языкѣ, цѣлая духовная литература. Племя это подвергалось смѣшенію съ различными народами, послѣдовательно покорявшими край, и, вѣроятно, приняло въ себя остатки болгаръ, побѣжденныхъ татарами въ тринадцатомъ столѣтіи. Чуваши—смышленые, трудолюбивые, отличные земледѣльцы и гораздо лучше обработываютъ свои поля, чѣмъ всѣ ихъ сосѣди, черемисы, татары, мордва и русскіе. Большинство чувашей одѣвается по-русски, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотъ душъ, всѣ они обращены въ христіанство уже лѣтъ полтораста тому назадъ; но, подобно черемисамъ, они сохранили еще многіе магометанскіе и языческіе обряды и повѣрья; напримѣръ, они не ѣдятъ свинаго мяса и еще недавно приносили своему древнему богу Тору жертвы, состоящія, впрочемъ, не изъ живыхъ лошадей, какъ у черемисъ, а изъ грубо сдѣланныхъ глиняныхъ изображеній этого животнаго: такъ измельчало древнее язычество. Чуваши, ростомъ ниже татаръ и по большей части жалкія на видъ, голодныя существа, такъ сказать, убѣгаютъ передъ русскимъ; они живутъ среди лѣсовъ, въ самыхъ глухихъ, удаленныхъ деревушкахъ. Пѣсни ихъ проникнуты тихой грустью, какъ пѣсни народа умирающаго. Еще недавно чувашинъ, желая отмстить сосѣду за какую-нибудь кровную обиду, не задумывался повѣситься у него на воротахъ[2]), чтобы своей смертью накликать на него то, что они называютъ „сухой бѣдой", то-есть посѣщеніе слѣдователей, — заставить соперника тягаться съ судомъ и посидѣть

[1]) *J. G. Kohl*, Die Völker Europa's.
[2]) *Alfred Rambaud; Лаптевъ*, Казанская губернія.

въ тюрьмѣ. Говорятъ также, будто чуваши не упускаютъ случая надуть русскаго — не изъ алчности, а просто, чтобы насолить своимъ исконнымъ врагамъ [1]).

Изъ всѣхъ не-славянскихъ расъ, населяющихъ оба берега средней Волги, татарамъ удалось лучше прочихъ сохранить свое существованіе. Они не боятся жить въ городахъ рядомъ съ русскими, и во многихъ селеніяхъ составляютъ съ русскими крестьянами одну мирную общину, имѣющую одного и того же старосту и обсуждающую дѣла на одномъ и томъ же сходѣ, хотя обѣ народности раздѣлены непереходимой преградой религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ. Если бы культъ Магомета занималъ въ русскомъ государствѣ такое же привилегированное положеніе, какъ религія Христа, финскія населенія страны, вѣроятно, обратились бы по большей части въ магометанство, какъ это и сдѣлали многіе чуваши. Случалось, что татарскія деревни, которыя оффиціально считались христіанскими со времени насильственныхъ обращеній, примѣнявшихся въ восемнадцатомъ столѣтіи, отпадали отъ церкви или отказывались принимать русскихъ священниковъ: благодаря своему религіозному образованію, которое, пожалуй, не уступаетъ образованію православныхъ миссіонеровъ, онѣ съ упорствомъ противятся христіанской пропагандѣ [2]). Впрочемъ, татары не стараются создавать прозелитовъ: они держатся только въ оборонительномъ положеніи, и дѣти ихъ всѣ безъ исключенія посѣщаютъ школы, гдѣ имъ преподаютъ предписанія Корана. До недавняго времени эти школы (медрессе), помѣщающіяся обыкновенно рядомъ съ мечетью, имѣли почти исключительно религіозный характеръ; дѣти, хотя говорящія дома нечистымъ турецкимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ татарами, учились въ школѣ читать и декламировать на арабскомъ языкѣ, болѣе или менѣе классическомъ, на которомъ составлены ихъ молитвы и учебники; только въ 1872 году г. Радловъ ввелъ въ казанскихъ школахъ руководства и элементарныя книги, написанныя имъ на мѣстномъ татарскомъ нарѣчіи [3]).

Казанскіе татары, пришедшіе въ началѣ тринадцатаго столѣтія съ монгольскими ханами, но очень мало смѣшанные съ племенами ихъ вождей, судя по чистотѣ ихъ типа, происходятъ отъ кипчаковъ Золотой Орды. Со времени ихъ прибытія въ край они несомнѣнно увеличились въ числѣ: въ 1870 году ихъ было болѣе милліона, въ настоящее же время ихъ насчитываютъ по меньшей мѣрѣ до милліона двухъ сотъ тысячъ душъ, и изъ этого числа около половины приходится на Казанскую губернію. Въ 1870 году общее число казанскихъ татаръ (1.050,000 душъ) по губерніямъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) *Лаптевъ*, то-же сочиненіе.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1875 годъ.

[3]) *L. Leger*, Études slaves.

Въ Казанской	450,000	душъ.	Въ Пензенской	55,000	душъ.
„ Уфимской	101,000	„	„ Нижегородской	34,000	„
„ Самарской	100,000	„	„ Пермской	24,000	„
„ Вятской	94,000	„	„ Оренбургской	20,000	„
„ Саратовской	55,000	„	„ Тамбовской	19,000	„

Въ другихъ губерніяхъ . . . . 10,000 душъ.

Казанскіе татары приняли въ себя нѣкоторое число древнихъ булгаръ и донынѣ часто называютъ сами себя „булгарлыками". Отличаясь отъ татаръ астраханскихъ, крымскихъ и литовскихъ, которые принадлежатъ къ другимъ отраслямъ тюркской расы, они вообще средняго роста, широкоплечи, крѣпкаго тѣлосложенія; лицо у нихъ красивой овальной формы, носъ прямой, тонкій, красиво выгнутый, глаза черные, живые, острые, скулы немного выдающіяся, борода черная, рѣдкая, шея толстая и короткая; голову они всегда брѣютъ, отчего ихъ прямыя уши кажутся болѣе длинными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Женщины имѣютъ обыкновеніе бѣлиться и румяниться, но онѣ все болѣе и болѣе принимаютъ русскія моды. Татарки бѣдныхъ семействъ свободно выходятъ на улицу, съ полуоткрытымъ лицомъ, а жены богатыхъ татаръ ѣздятъ иногда въ русскій театръ, въ Нижній на ярмарку и въ столицы, присутствуютъ на публичныхъ увеселеніяхъ. Многоженство все еще существуетъ, бракъ не пересталъ быть покупкой жены, и въ брачныхъ договорахъ, въ составленіи которыхъ женихъ и невѣста не участвуютъ, постоянно упоминается цифра *калыма*, уплачиваемаго за молодую дѣвушку. Однако, число татаръ многоженцевъ по-немногу уменьшается: если религіи остаются разныя, то, по крайней мѣрѣ, нравы постепенно сближаются. По роду занятій, татары все болѣе и болѣе уподобляются русскимъ, хотя они отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что лучше обращаются со своими женами; послѣднія не занимаются тяжелыми полевыми работами [1]). Многіе татары имѣютъ въ Казани значительныя фабрики (казанскіе мыльные заводы извѣстны цѣлой Россіи; татарскія мануфактуры кумачей и бумажныхъ тканей производятъ большіе обороты); другіе дѣлаются ремесленниками, половыми въ гостинницахъ и ресторанахъ; еще гораздо большее число занимается торговлей, въ особенности разносной, и извознымъ промысломъ (перевозкой товаровъ). Нѣкоторыя отрасли отпускной торговли, напримѣръ торговля хлѣбомъ, солью, кожами (выдѣлка кожъ—тоже любимый татарскій промыселъ), соленой рыбой были почти монополизированы ими; въ качествѣ толмачей, они служатъ естественными посредниками между русскими промышленниками и магометанскими поку-

[1]) *Лаптевъ*, цитированное сочиненіе.

пателями, пріѣзжающими въ Казань и Нижній-Новгородъ изъ Бухары, Хивы, Персіи [1]).

Въ бассейнѣ Камы населеніе не менѣе разнообразно, чѣмъ на берегахъ средней Волги. Въ одной только Вятской губерніи, которую мѣстами ограничиваетъ на западѣ рѣка Вятка, притокъ Камы, насчитываютъ съ десятокъ различныхъ народностей, не считая евреевъ-торговцевъ, цыганъ и колонистовъ польскихъ и нѣмецкихъ. Правда, великорусскій элементъ много превышаетъ численностью всѣ другіе; но этимъ превосходствомъ онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ отчасти обрусѣнію туземцевъ, которые становятся „русскими" вслѣдствіе постепенной культуры.

Зыряне или „отверженные" (?), преобладающій этнографическій элементъ въ верхнихъ бассейнахъ Печоры и Вычегды, также представляютъ многочисленныя группы на берегахъ верхней Камы и ея притоковъ; но главную основу туземнаго населенія этихъ странъ составляютъ ихъ единоплеменники, пермяки. Зыряне и пермяки, говорящіе почти однимъ и тѣмъ же языкомъ и совершенно сходные по наружному виду, суть потомки древнихъ біармійцевъ, которые вели торговлю съ норманами черезъ Бѣлое море. Они тоже называютъ себя „Коми-Мортъ" [2]), то есть „камскимъ народомъ", и образуютъ, вмѣстѣ съ вотяками, особую группу между финскими племенами. Ихъ названіе „пермяки" означаетъ, какъ говорятъ, „горцы" и происходитъ отъ слова „парма", примѣняемаго, на всей сѣверной покатости, къ лѣсистымъ горамъ и плоскогорьямъ. Опредѣленія ихъ численности представляютъ большое разногласіе, зависящее главнымъ образомъ оттого, что племя это почти совершенно обрусѣло, такъ что очень трудно провести точную разграничительную линію между пермякомъ и русскимъ; впрочемъ, можно составить себѣ понятіе о невѣдѣніи, въ которомъ еще пребываетъ сама администрація относительно тѣхъ и другихъ, по тому курьезному факту, что соликамское земство недавно открыло въ краѣ цѣлую мѣстность, жители которой оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстными правительству и никогда не были ничьими подданными [3]). По исчисленію Риттиха, финскихъ инородцевъ, принадлежащихъ къ біармійской или пермской расѣ, судя по крайней мѣрѣ по ихъ обыденному языку, было немногимъ болѣе 66,000 въ 1875 году, на обоихъ склонахъ Уральскаго хребта; число ихъ, вѣроятно, увеличилось нѣсколькими тысячами съ половины текущаго столѣтія. Словарь ихъ очень бѣденъ, и для близкихъ между собою понятій они принуждены употреблять одно и то же выраженіе. По этой причинѣ они заимствовали много словъ изъ русскаго языка, но передѣлавъ ихъ на свой ладъ, такъ какъ въ ихъ азбукѣ недостаетъ многихъ буквъ, нужныхъ для передачи рус-

[1]) *L. Léger*, Études slaves.

[2]) *Кастренъ*, Die altaïschen Völker.

[3]) Russische Zemstwo und Baltische Selbsverwaltung.

скихъ звуковъ. Впрочемъ, всѣ пермяки говорятъ по-русски, хотя и плохо; по языку, также какъ по нравамъ, обычаямъ, образу жизни, пріемамъ земледѣлія, они все болѣе и болѣе приближаются къ великорусскимъ поселенцамъ. Что касается ихъ религіи, то оффиціально она та же самая, какъ и у ихъ сосѣдей, русскихъ, уже съ конца четырнадцатаго столѣтія (просвѣтителемъ ихъ былъ св. Стефанъ, епископъ пермскій, умершій въ 1396 г.); они даже соблюдаютъ строго посты и читаютъ молитву Господню. Пермяки совершенно оставили свой древній культъ „Золотой бабы", божества, вѣроятно, подобнаго тому, которому, по разсказу барона Герберштейна, покланялись нѣкогда вогулы на берегахъ Оби; но они раздѣляютъ всѣ суевѣрія русскихъ на счетъ духовъ и привидѣній: пуще всего боятся они злыхъ продѣлокъ домовыхъ и чертей, порчи, дурнаго глаза, колдовства, священныхъ фразъ, приносимыхъ вѣтромъ, проклятыхъ комковъ земли, бросаемыхъ на ихъ дорогѣ[1]). Культъ печки, столь же естественный въ холодныхъ областяхъ Сѣвера, какъ культъ солнца въ южныхъ странахъ, сохранился до сего дня у пермяковъ: пріятная теплота, испускаемая печью и поддерживающая жизнь обитателей избы впродолженіе длинной, суровой зимы, осталась для нихъ, какъ она была встарину для всего населенія страны, однимъ изъ главныхъ божествъ. Пермякъ, которому выпалъ жребій идти въ солдаты и который отправляется на службу въ армію, на прощаньи, обнявъ всѣхъ родныхъ, отвѣшиваетъ низкій поклонъ домашнему очагу. Въ дни поминокъ пермяки приносятъ на могилки горячія яства, потому что покойники, говорятъ они, любятъ вкушать парныя блюда; кромѣ того, имъ льютъ пиво черезъ трещины въ землѣ и потчуютъ ихъ, какъ потчивали при жизни. Говорятъ, что недавно такой же обычай существовалъ и у тамошнихъ русскихъ[2]). До освобожденія крестьянъ, почти всѣ пермяки были крѣпостные Строгоновыхъ и другихъ богатыхъ уральскихъ помѣщиковъ купеческаго происхожденія; только небольшое число ихъ принадлежало коронѣ. Можетъ быть, этой продолжительной крѣпостной зависимости и слѣдуетъ приписать крайнюю безпорядочность ихъ нравовъ.

Гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ пермяки, ихъ родичи вотяки, или вотъ, живущіе главнымъ образомъ въ бассейнѣ рѣки Вятки, которая, вѣроятно, имъ обязана и своимъ именемъ; Флоринскій насчитывалъ ихъ болѣе 250,000 душъ въ 1874 году. Число ихъ, повидимому, не уменьшилось съ той эпохи, когда въ край прибыли первые русскіе поселенцы; но, по ихъ преданіямъ, они когда-то давно были оттѣснены къ сѣверу. Искусные и неутомимые земледѣльцы, вотяки распахиваютъ плодородныя и хорошо защищенныя лощины по берегамъ рѣкъ, занимаются разведе-

[1]) *В. Лядовъ*, Европейская Россія въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.
[2]) *Мозель*, Пермская губернія.

*

ніемъ скота, содержатъ многочисленные ульи пчелъ (вотяцкія борти даютъ отличный медъ, извѣстный въ цѣлой Россіи); вотяки главнымъ образомъ и доставили Вятскому краю прозвище „крестьянской губерніи“. Вотяки въ меньшей степени обрусѣли, чѣмъ пермяки, несмотря на то, что первые живутъ ближе къ большимъ приволжскимъ городамъ: это зависѣло, можетъ быть, отъ болѣе крѣпкой этнографической связи ихъ племени, а также и отъ сосѣдства татаръ; многоженство у нихъ не запрещается. Христіане по имени, какъ черемисы, съ которыми перемѣшаны многія изъ ихъ группъ, они сохранили, подобно своимъ родичамъ, различные обряды шаманства и стараются подобнымъ-же образомъ умилостивить злаго духа Кереметь. Переходя черезъ ручей, они всегда бросаютъ въ воду пучекъ травы, приговаривая: „не держи меня!“ Это—скромная жертва, приносимая злому богу [1]). Финляндскій ученый Альквистъ издалъ въ 1856 году, грамматику вотяцкаго языка, очень близкаго къ зырянскому нарѣчію.

Между другими инородческими племенами бассейна Камы есть много такихъ, которыя различно классифицируются этнографами, причисляющими ихъ то къ финнамъ, то къ тюркамъ, и которыя, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ обѣимъ этимъ расамъ вмѣстѣ, вслѣдствіе смѣшеній, вызванныхъ въ теченіе вѣковъ переселеніями цѣлыхъ народовъ, завоеваніями и обращеніями изъ одной вѣры въ другую. Такъ, мещеряки кочевали прежде въ бассейнѣ Оки, преимущественно въ областяхъ, изъ которыхъ образовались нынѣшнія губерніи Рязанская, Тамбовская, Нижегородская. До настоящаго времени часть финской мордвы сохранила названіе мещеряковъ [2]). Когда этотъ народецъ былъ побѣжденъ и разсѣянъ москвитянами, часть его перешла Волгу и удалилась на востокъ, на берега Камы и Бѣлой и въ долины Уральскихъ горъ. Тѣ же, которые остались въ Московскомъ государствѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, ославянились мало по малу, утративъ свою религію, языкъ и нравы. Въ наши дни мещеряки Пензенской губерніи, извѣстные подъ этимъ именемъ только у татаръ, тогда какъ русскіе называютъ ихъ чувашами, а чуваши—татарами, въ дѣйствительности сдѣлались совсѣмъ русскими, отъ которыхъ они отличаются только преданіемъ объ иноплеменномъ происхожденіи да трудностью въ произношеніи звука *ч*, замѣняемаго у нихъ звукомъ *ц*; впрочемъ, нѣкоторые находятъ въ ихъ обликѣ черты, свойственныя типу другихъ финскихъ племенъ, еще необрусѣвшихъ. Мещеряки, поселившіеся на башкирскихъ земляхъ, теперь и сами превратились въ настоящихъ башкиръ по языку, по религіи и даже по физическому типу: вмѣстѣ съ башкирами они, по крайней мѣрѣ часть ихъ,

---

[1]) *Лаптевъ*, выше цитированное сочиненіе.

[2]) *Майновъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1870 г., № 10.

бунтовали противъ русскихъ, вмѣстѣ съ башкирами были побѣждены, сдѣлались подданными, какъ другіе инородцы, и обязаны отбывать воинскую повинность. Подобно вотякамъ, они отличные, рачительные земледѣльцы, и семьи ихъ постоянно возрастаютъ. По Риттиху, общее число этихъ отатарившихся мещеряковъ простиралось, въ 1875 году, до 138,000 душъ. Что касается вогуловъ, нѣкогда многочисленнаго и сильнаго племени, упорнѣе другихъ противившагося русской власти и введенію христіанской вѣры, то почти всѣ они были оттѣснены на азіатскую сторону Уральскаго хребта, гдѣ живутъ дикарями и занимаются звѣроловствомъ.

На европейскомъ скатѣ Урала, въ губерніяхъ Вятской, Пермской и Оренбургской, живутъ особыми деревнями тептяри (въ количествѣ 128,000 душъ), тоже потомки бѣглецовъ разнаго рода и племени—татаръ, черемисъ, чувашей, вотяковъ,—которые прежде обитали на средней Волгѣ, а послѣ взятія Казанскаго царства должны были искать убѣжища на востокѣ между башкирами; въ началѣ они платили послѣднимъ поземельное, но когда башкиры взбунтовались, то, въ награду за помощь, оказанную ими русскимъ противъ своихъ хозяевъ, занятыя тептярями земли были отданы имъ въ полную собственность [1]). Самое названіе ихъ, какъ говорятъ, означаетъ „поселенцы“, или „новопришельцы“. Тептяри, всѣ смѣшанной крови [2]) (оттого и теперь каждое тептярское колѣно говоритъ своимъ нарѣчіемъ),—тоже мусульмане; они должны быть причислены къ народамъ отатарившейся расы, между которыми главное мѣсто занимаютъ башкиры.

Эти послѣдніе, которымъ приписываютъ угорское происхожденіе, одинаковое съ мадьярами, и которые смѣшивались также съ финскими племенами, принадлежатъ тѣмъ не менѣе къ тюркской расѣ по языку, религіи и нравамъ: они говорятъ нарѣчіемъ довольно близкимъ къ діалекту казанскихъ татаръ и считаютъ себя потомками ногайцевъ [3]); на ногайцевъ они дѣйствительно походятъ нѣкоторыми физическими чертами. Однако, киргизы называютъ ихъ остяками и смотрятъ на нихъ, какъ на соплеменниковъ этихъ сибирскихъ инородцевъ, смѣшанныхъ съ татарами. У горныхъ башкиръ, вѣроятно сохранившихъ первоначальный типъ въ наибольшей чистотѣ, голова маленькая, но относительно очень широкая; между ними встрѣчаются рослые и сильные индивидуумы съ правильными чертами лица, представляющіе замѣчательное сходство съ трансильванскими секлерами [4]). Въ венгерскую войну 1849 года уральскіе казаки, увидѣвъ въ первый разъ мадьяръ, тотчасъ же прозвали ихъ башкирами

[1]) *Кеппенъ*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, *von v. Baer* und *v. Helmersen*, Bd. XIII.

[2]) *Уйфальви*, письмо къ г. Майнову, Russische Revue, 1877, № 11.

[3]) *А. Кастренъ*, Ethnologische Vorlesungen, Die altaischen Völker.

[4]) *Ujfalvy*, письмо къ г. Майнову.

и не переставали называть ихъ этимъ именемъ впродолженіе всей кампании[1]). У большинства башкиръ лицо плоское, кругловатое, носъ немного вздернутый, глаза маленькіе, сѣрые или каріе, уши большія, борода рѣдкая, физіономія добрая и пріятная. Въ самомъ дѣлѣ, они очень добродушны, доброжелательны, привѣтливы и принимаютъ иноземцевъ съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, которое часто употребляли во зло. Медленные въ работѣ, они далеко превосходятъ русскихъ акуратностью и исправностью. Подобно татарамъ, они должны покупать своихъ женъ, но платежъ калыма можетъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ, и часто бываетъ такъ, что мужъ уводитъ свою живую собственность по уплатѣ лишь половины вѣна. Въ теченіе перваго года молодая жена не имѣетъ права разговаривать со свекоромъ и свекровью: такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ недалеко отъ полярнаго круга обычаи, о которыхъ можно подумать, что они заимствованы у какого нибудь чернокожаго племени полуденной Африки.

Башкиры находятся теперь въ періодѣ перехода отъ пастушескаго состоянія къ земледѣльческому образу жизни. Большая часть рудниковъ и горныхъ заводовъ въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской находятся на земляхъ, принадлежавшихъ прежде башкирамъ и уступленныхъ ими за безцѣнокъ: такъ, напримѣръ, вся территорія Кыштымскаго горнозаводскаго округа, пространствомъ около 150,000 десятинъ, была продана за 150 рублей! Тщетно башкиры возставали восемь разъ въ теченіе семнадцатаго вѣка, четыре раза въ теченіе прошлаго столѣтія; тщетно раззоряли и выжигали они русскія селенія, выкапывали даже русскихъ покойниковъ изъ могилъ, чтобы не оставалось ни одного московскаго человѣка, ни живаго, ни мертваго, въ ихъ землѣ[2]). Послѣ каждаго возмущенія, русскіе опять приходили въ бо́льшемъ противъ прежняго числѣ, основывая города и деревни, разработывая рудники, завладѣвая землями. Въ настоящее время башкиры имѣютъ въ своемъ владѣніи не болѣе трети прежнихъ земель, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ правительство даже принуждено было дать имъ новые земельные участки, съ воспрещеніемъ отчуждать ихъ какимъ бы то ни было способомъ[3]). Постепенное уменьшеніе пастбищъ заставило башкиръ прибѣгать къ земледѣльческому промыслу, сначала въ качествѣ землевладѣльцевъ, отдающихъ свои земли, за извѣстную ежегодную или единовременную плату, въ аренду русскимъ хлѣбопашцамъ, такъ называемымъ припущенникамъ, а затѣмъ они сами начали прилагать къ жалкой сохѣ или неуклюжему сабану свои руки, привыкшія дотого только къ пастушьему посоху[4]). Но во многихъ

[1]) *Драгомановъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) *Игнатьевъ*, Congrès archéologique de Kazan, Revue scientifique, 17 mai 1879.

[3]) *Кн. Васильчиковъ*, Землевладѣніе и земледѣліе, II.

[4]) *Флоринскій*, Башкирія и башкиры, „Вѣстникъ Европы", 1874 г., № 12.

степныхъ мѣстностяхъ старыя привычки еще сохранились, и даже башкиры-земледѣльцы продолжаютъ отчасти вести пастушескій и кочевой образъ жизни; они развели породу борзыхъ собакъ, отлично выдрессированныхъ для погони за лѣснымъ звѣремъ, и, подобно исландцамъ, пользуются на охотѣ содѣйствіемъ сокола. Башкиры владѣютъ большими стадами барановъ, рогатаго скота и въ особенности табунами лошадей, которыя служатъ имъ въ одно то и же время верховыми конями, упряжными и ломовыми животными; стада даютъ имъ мясо, молоко (изъ кобыльяго молока приготовляется кумысъ) и кожи, изъ которыхъ они дѣлаютъ себѣ одежду, кибитки, покрывала, ремни, мѣшки или турсуки. Въ прежнее время не рѣдкость было встрѣтить башкиръ, считающихъ свое состояніе сотнями, даже тысячами лошадей: одинъ человѣкъ имѣлъ только для собственнаго удовольствія по меньшей мѣрѣ до тридцати верховыхъ коней; но теперь народъ сильно обѣднѣлъ, и бывали случаи, какъ, напримѣръ, въ тяжелую зиму 1865—66 годовъ, что смертность поднималась до 26 даже до 44 процентовъ населенія[1]). Башкиры—необыкновенно ловкіе наѣздники; любимое изъ ихъ воинскихъ упражненій—конскія скачки, представляющія такое зрѣлище, какимъ рѣдко гдѣ можно любоваться. Пчеловодство также одно изъ любимыхъ занятій этихъ инородцевъ, и нѣкоторые этнографы старались перевести самое названіе ихъ—Башъ-Куртъ—словомъ „пчеловоды“; другіе, напротивъ, полагаютъ, что это названіе означаетъ буквально „волчьи головы“. До 1865 года башкиры и мещеряки обязаны были нести военную службу на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ казаки, и каждая семья обязана была поставлять по одному человѣку: на оффиціальномъ военномъ языкѣ они носили названіе Оренбургскаго казачьяго войска. Башкиры были въ числѣ тѣхъ казаковъ, которые поили своихъ коней въ Сенѣ, въ 1814 и 1815 годахъ. Численность башкирскаго народа, который живетъ почти исключительно на западныхъ скатахъ и на южной сторонѣ Уральскихъ горъ, опредѣлена Риттихомъ приблизительно въ 750,000 душъ, въ 1875 году. Если же считать вмѣстѣ съ ними тептярей и мещеряковъ, то общая цифра этихъ инородцевъ превышаетъ милліонъ.

По религіи, инородческія племена бассейновъ Камы и средней Волги распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Крещеныхъ.	Некрещеныхъ.
Вотяковъ	213,678 душъ.	37,555 душъ.
Пермяковъ	68,763 „	—
Мордвы	687,988 „	1,563 „
Чувашей	542,145 „	14,928 „
Черемисъ	201,585 „	67,048 „
Татаръ казанскихъ, мещеряковъ, тептярей.	122,538 „	970,649 „
Башкиръ	827 „	999,818 „

[1]) *Флоринскій*, тамъ-же.

За Нижнимъ Новгородомъ главный притокъ Волги съ правой стороны—Сура, которая въ своемъ извилистомъ теченіи пересѣкаетъ съ юга на сѣверъ землю мордвы и чувашей. Самый большой городъ въ бассейнѣ этой рѣки, Пенза, нынѣ административный центръ губерніи, былъ основанъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, въ видахъ утвержденія русскаго господства среди финскихъ населеній; но его выгодное стратегическое положеніе, при сліяніи рѣкъ Пензы и судоходной Суры, оказалось въ то же время благопріятнымъ для торговли, и городъ Пенза сталъ быстро возрастать. Саранскъ и Починки, города, находящіеся къ западу отъ Суры, на боковыхъ ея притокахъ, были въ началѣ семнадцатаго вѣка просто мордовскія становища; но Алатырь, уѣздный городъ Симбирской губерніи, при впаденіи рѣки того же имени въ Суру, былъ построенъ уже въ 1552 году для сдерживанія набѣговъ казанскихъ татаръ.

Область, простирающаяся къ сѣверу отъ Волги, между рѣками Унжей и Камой, извѣстна подъ именемъ „Лѣсной"; и дѣйствительно наибольшая часть ея еще покрыта лѣсами. Крестьяне многихъ деревень проводятъ въ этихъ лѣсныхъ чащахъ всю зиму, занимаясь рубкой деревъ, а весной дерутъ съ молодыхъ липокъ лубъ, изъ котораго выходитъ лубье для коробокъ и лыко, употребляемое на выдѣлку рогожъ, мочала, лаптей—обуви, которую носятъ почти всѣ великорусскіе крестьяне; липовое дерево идетъ главнымъ образомъ на доски для иконъ и на стулья, называемые „черемисскими". Одинъ изъ главныхъ рынковъ этой промышленности и въ то-же время одна изъ важнѣйшихъ приволжскихъ пристаней — обширное село Лысково, расположенное на правомъ берегу Волги, почти напротивъ Макарьевскаго монастыря и впаденія р. Керженца. На берегахъ Керженца прежде существовали многочисленные раскольничьи скиты, пользовавшіеся у поповцевъ такой же славой, какъ скиты Выговской пустыни у сектантовъ безпоповщины; но въ 1853 году населеніе большей части этихъ монастырей было разогнано или возсоединено съ православной церковью на началахъ единовѣрія; только нѣкоторыя мѣста остались священными для старообрядцевъ этого края. Самымъ священнымъ мѣстомъ въ области лѣсовъ почитается у нихъ озеро Свѣтлое, или Свѣтлояръ, бассейнъ около 2 верстъ въ окружности, находящійся къ западу отъ села Воскресенскаго, на р. Ветлугѣ. По народному повѣрью, воды этого озера покрываютъ городъ „Большой Китежъ", который, по волѣ Всевышняго, исчезъ во время татарскаго нашествія, чтобы избавиться отъ раззоренія; но обитатели его живутъ понынѣ въ глубинахъ. Истинно вѣрующіе люди могутъ видѣть дома и колокольни этого города подъ водами озера, и раскольники убѣждены, что черемисы и теперь продолжаютъ тамъ торговать. Сюда стекается много народа на поклоненіе этой святынѣ: въ ночь съ 22 на 23 іюля толпа раскольниковъ, молящихся на берегу съ зажженными свѣчами въ рукахъ, затѣмъ совершающихъ крестный ходъ, окружаетъ Свѣтлое озеро коль-

цомъ свѣта, который отражается въ волнующейся поверхности водъ [1]). Впрочемъ, въ этой области, болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ центральной Россіи, сохранились древніе обычаи и повѣрья. Такъ, во время скотскихъ падежей деревенскія бабы вечеромъ выходятъ голыя на улицу и бѣгаютъ вокругъ домовъ, какъ античныя вакханки; если имъ въ это время встрѣтится кто-нибудь, онѣ преслѣдуютъ его съ дикими криками, называя встрѣченнаго „смертью", и бьютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ подъ ихъ ударами. Эта церемонія, напоминающая на Западѣ англійскую легенду о леди Годивѣ, извѣстна подъ именемъ „опахиванья" [2]). Въ сѣверныхъ лѣсахъ Поволжья деревенскія дѣвушки устраиваютъ каждый годъ такое же чародѣйское бѣганье вокругъ засѣянныхъ полей, чтобы предохранить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и отъ засухи [3]).

Въ болѣе тепломъ климатѣ и въ гуще населенной странѣ мѣстоположеніе, гдѣ стоитъ Козьмодемьянскъ (названный такъ въ честь св. угодниковъ Козьмы и Даміана), на излучинѣ Волги и ниже впаденія въ нее двухъ многоводныхъ рѣкъ, Суры и Ветлуги, было бы, безъ сомнѣнія, занято значительнымъ городомъ; но только въ 200 верстахъ ниже, въ сѣверо-восточномъ углу всей московской территоріи, ограничиваемой теченіемъ Волги, основался главный городъ страны, Казань, бывшая столица татарскаго царства. Она наслѣдовала, какъ важный рынокъ между Европой и Азіей, древнему городу Болгарамъ, занимавшему еще болѣе выгодное положеніе, такъ какъ онъ находился ниже сліянія двухъ могучихъ рѣкъ—Волги и Камы. Но въ этихъ областяхъ, еще почти пустынныхъ, два могущественные города не могли бы, какъ въ Бельгіи или въ Англіи, вырости въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго; Казань смѣнила столицу Болгарскаго царства, и теперь у подножія ея кремля сходятся, если не воды, то по крайней мѣрѣ торговые пути Волги и Камы.

Казань упоминается въ первый разъ въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1376 годомъ. Перенесенный въ пятнадцатомъ столѣтіи ближе къ Волгѣ,—ибо „Старая Казань" (по татарски Иски-Казань) существуетъ еще до нынѣ верстахъ въ пятидесяти выше по Казанкѣ,—этотъ городъ бываетъ на берегу великой русской рѣки только въ періодъ половодья: тогда Волга разливается по луговой сторонѣ до основанія небольшаго холма, на которомъ расположена Казань; но обыкновенно лѣвый берегъ Волги удаленъ отъ города слишкомъ на пять верстъ [4]). Подтачивая постоянно свой правый берегъ, рѣка не перестаетъ медленно перемѣщаться къ юго-

---

[1]) *Мельниковъ*, Въ лѣсахъ, т. IV; *Гацисскій*, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № XI; *Эльсницъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) *Якушкинъ*, Обычное право, I.

[3]) *Мельниковъ*, цитированное сочиненіе, т. III.

[4]) На дорогѣ отъ Волги къ Казани стоитъ памятникъ, въ видѣ каменной пирамиды, надъ костями убитыхъ при взятіи города Иваномъ IV. *Прим. перев.*

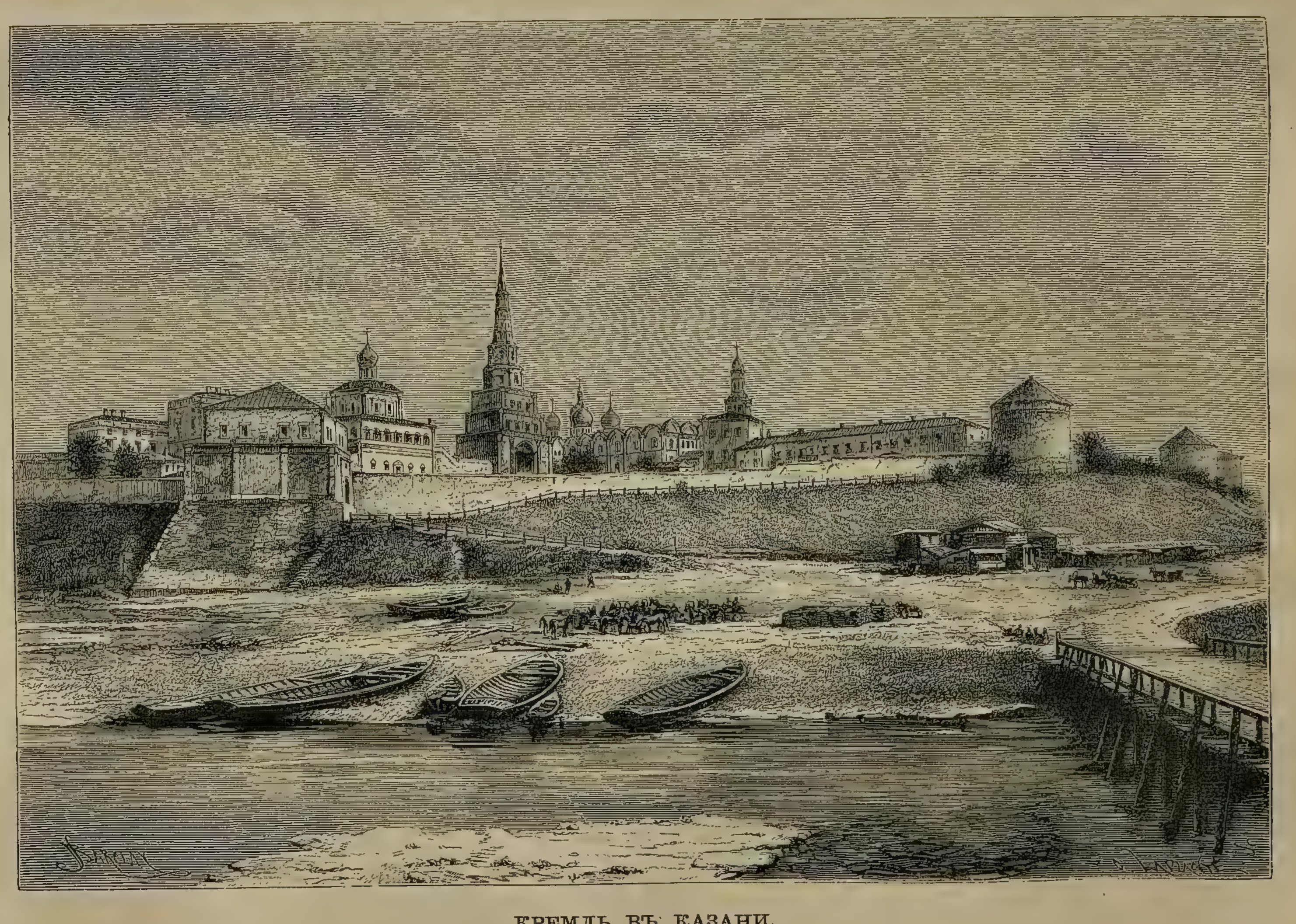
западу. Городъ могъ сохранить сообщеніе со своей волжской пристанью только благодаря рѣчкѣ Казанкѣ, которая постепенно удлиннялась, по мѣрѣ того какъ отступало теченіе Волги. Одно изъ городскихъ предмѣстій, все болѣе и болѣе удаляющееся отъ Казани, такъ сказать, идетъ слѣдомъ за убѣгающимъ берегомъ. Но самый городъ не можетъ перемѣщаться: главная его улица тянется вдоль вершины холмовъ, по скатамъ которыхъ расположены ряды домовъ, группирующихся вокругъ кремля, похожаго на московскій. Въ татарскую эпоху эта цитадель была обнесена деревянными стѣнами; на каменной оградѣ, воздвигнутой при Иванѣ Грозномъ, послѣ взятія города, уцѣлѣли только двѣ башни, остальныя же были разрушены въ 1774 году во время занятія Казани Пугачевымъ. Впрочемъ, почти всѣ постройки принадлежатъ новѣйшему времени. Только одно изъ старинныхъ казанскихъ зданій, можетъ быть, относится къ эпохѣ, предшествовавшей завоеванію города москвитянами: это—башня царицы Сумбеки, построенная изъ краснаго кирпича и состоящая изъ четырехъ ярусовъ въ видѣ уступовъ; но и этотъ памятникъ, судя по его архитектурѣ, сооруженъ, вѣроятно, въ позднѣйшую эпоху, то-есть послѣ паденія Казанскаго царства (въ 1552 году). Татары-мусульмане, составляющіе и теперь еще десятую часть городскаго населенія, чтутъ, какъ святыню, эту древнюю башню, въ которой будто бы похороненъ одинъ ихъ святой, выбрасывающій нынѣ изъ своего полураскрытаго черепа источникъ живой воды [1]). Центральные кварталы города населены исключительно русскими, такъ какъ татары были изгнаны оттуда въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, по царскому указу, повелѣвавшему въ то же время сжечь всѣ ихъ мечети.

Казань — университетскій городъ. Университетъ его, основанный въ 1804 году, имѣетъ библіотеку, астрономическую обсерваторію, анатомическій амфитеатръ, физическій кабинетъ, химическую лабораторію, естественно-историческія коллекціи, между которыми особенно замѣчательно собраніе волжскихъ рыбъ. Составъ казанскаго университета 1 января 1878 года [2]): профессоровъ 87; студентовъ 572; библіотека: 78,000 томовъ, 12,000 брошюръ, 800 рукописей; бюджетъ: 333,000 рублей. Съ 1802 г. въ Казани существуетъ татарская типографія, изъ которой выходитъ большое число книгъ; кромѣ того, православное Гурьевское братство, основанное въ 1867 году для обращенія въ христіанство инородческихъ населеній восточной Россіи, издаетъ руководства и книги духовнаго содержанія на разныхъ нарѣчіяхъ тюркскихъ, финскихъ, угорскихъ. Казанская духовная академія, учрежденная въ 1846 году, получила библіотеку Соловецкаго монастыря, содержащую много письменныхъ памятниковъ, единственныхъ по исторіи русскаго раскола. Казань есть въ то же

---

[1]) *Alfred Rambaud*, Revue littéraire et scientifique, 19 avril 1879.

[2]) Къ 1 января 1882 г.: студентовъ—76, библіотека—87,000 томовъ. *Ред.*

КРЕМЛЬ ВЪ КАЗАНИ.

время очень важный торговый и промышленный центръ: занимая выгодное положенiе въ мѣстѣ пересѣченiя большихъ трактовъ сибирскаго, каспiйскаго и балтiйскаго, она старается отправлять товары по этимъ тремъ направленiямъ, безъ посредства Нижняго-Новгорода. Около половины населенiя Казани живетъ промышленностью и торговлей. Кромѣ неизбѣжныхъ винокуренныхъ и водочныхъ заводовъ, здѣсь существуютъ большiе кожевенные заводы и сафьянныя фабрики, приготовляющiе лучшiй кожаный товаръ, далѣе—полотняныя и кумачныя мануфактуры, заводы салотопенные, свѣчные, мыловаренные, альбуминные. Въ 1875 году въ Казани было около 100 фабричныхъ заведенiй съ 3,700 рабочихъ; общая цѣнность производства — свыше 13.000,000 рублей. Общiй доходъ Казани по производству и распредѣленiю исчисляется Соловьевымъ въ 58 миллiоновъ рублей.

Въ наши дни существуетъ лишь бѣдная деревушка на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ большой, цвѣтущiй городъ Болгаръ, или Великiе Болгары, древняя столица Болгарскаго царства и центръ торговли между Европой и Азiей. Развалины этого города, разрушеннаго Тамерланомъ въ 1391 году, раскинуты къ югу отъ деревни на значительномъ пространствѣ: валы и рвы городской ограды, остатки крѣпости, башни мечетей, фундаменты дворцовъ — все арабскаго стиля: зданiя Болгаръ были воздвигнуты въ перiодъ съ десятаго по четырнадцатое столѣтiе, но преимущественно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ. Лѣтъ сто тому назадъ, Палласъ видѣлъ еще болѣе сотни этихъ зданiй; теперь ихъ осталось только десятая часть. Въ грудахъ обломковъ окрестные крестьяне часто находятъ глиняную посуду, монеты, драгоцѣнности; нищенствующiе странники, бродя среди мусора руинъ, преклоняютъ колѣна на могилахъ своихъ святыхъ, можетъ быть даже своихъ предковъ. Въ эпоху своего процвѣтанiя, городъ Болгары стоялъ на самомъ берегу Волги, которая теперь течетъ въ шести верстахъ западнѣе. Очевидно, рѣка отошла отъ своего лѣваго берега у Болгаръ, также какъ и у Казани. Есть преданiе, что Кама тоже передвинулась къ западу, и до сихъ поръ показываютъ мѣсто, называемое Старой Камой, верстахъ въ десяти отъ нынѣшняго русла этой рѣки, изъ чего нужно заключить, что слiянiе двухъ рѣкъ перемѣстилось по направленiю къ верховью [1]). Если это такъ, то возможно, что Болгары были построены въ мѣстѣ соединенiя Волги и Камы.

Города бассейна средней Волги, между устьями Оки и Камы, имѣющiе болѣе 5,000 жителей [2]):

---

[1]) *С. М. Шпилевскiй*, Древнiе города и другiе булгарско-татарскiе памятники въ Казанской губернiи; *М. Мальцевъ*, Краткое сообщенiе IV-му Археолог. съѣзду въ Казани объ одной мѣстности Казанской губ., Лаишскаго уѣзда — „Старой Камѣ“; *Alfred Rambaud*, Revue scientifique, 3 mai 1879.

[2]) Приведенныя въ соч. Реклю цифры замѣнены болѣе новыми. *Ред.*

Нижегородская губернія (1880).		*Симбирская губернія* (1880).	
Починки	8,000 жит.	Алатырь	15,000 жит.

Пензенская губернія (1880).		*Казанская губернія* (1880).	
Пенза	41,500 „	Казань	133,500 „
Саранскъ	13,330 „		

Въ холодныхъ, снѣжныхъ пространствахъ бассейна Камы, изъ-за которыхъ, однако, не разъ велась борьба и проливалась кровь человѣческая, города и большія села, образовавшіеся изъ прежнихъ крѣпостей, торговые пункты и горнозаводскіе центры раскиданы на разстояніи сотенъ верстъ одинъ отъ другаго. Чердынь, первая, по времени основанія, изъ этихъ колоній, извѣстная у лѣтописцевъ подъ именемъ „Великой Перми", занимаетъ необходимое положеніе на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается судоходство по этой рѣкѣ и начинаются волоки къ Печорѣ, черезъ которые еще не такъ давно существовалъ каналъ, впрочемъ слишкомъ мелкій для того, чтобы приносить какую нибудь практическую пользу. Этимъ каналомъ можно было пользоваться только во время половодья; но казна продала его шлюзы, а мѣстные жители уничтожили остальное, чтобы присвоить себѣ монополію перевозки кладей сухимъ путемъ. Городъ Соликамскъ, стоящій на Камѣ, ниже главныхъ сѣверныхъ притоковъ этой рѣки, получилъ весьма важное значеніе, благодаря своимъ солеварнямъ, которыя, впрочемъ менѣе производительны, чѣмъ соляные источники сосѣднихъ мѣстъ, Дедюхина, Ленвы, Новаго-Усолья; камскіе пароходы могутъ подниматься до этого пункта. Въ 1878 году добыча соли представляла слѣдующія цифры [1]):

Соляныя варницы	Соликамска	1.486,000 пудовъ.
„ „	Дедюхина	1.934,000 „
„ „	Новое-Усолья	4.164,000 „
„ „	Ленвы	2.626,000 „
„ „	Березняковъ	1.521,000 „

Пермь, губернскій городъ, на правомъ берегу Камы, немного ниже впаденія въ нее судоходной рѣки Чусовой, была бѣдной деревушкой въ 1721 году, когда здѣсь основали мѣдноплавильный заводъ. Благодаря своему счастливому географическому положенію, городъ быстро выросъ: онъ не только имѣетъ въ своемъ распоряженіи прекрасный рѣчной путь, Каму и даже Чусовую, по которой во время весенняго разлива водъ, впродолженіе семи или десяти дней, могутъ ходить большія барки, нагруженныя рудой, но, сверхъ того, находится на главномъ сибирскомъ

---

[1]) Этими цифрами замѣнены приведенныя въ соч. Реклю — 1876 года и менѣе полныя. *Ред.*

трактѣ, напротивъ удобнаго перевала черезъ Уральскія горы, который во всѣ времена былъ избираемъ, какъ мѣсто прохода между Европой и Азіей. Теперь Пермь исходный пунктъ Уральской желѣзной дороги, которая, съ 1879 года, пересѣкаетъ часть горнозаводской области Урала, изъ бассейна Волги въ бассейнъ Оби; въ предвидѣніи продолженія рельсоваго пути на востокъ отъ Нижняго Новгорода торговые экспедиторы уже открыли свою дѣятельность въ Перми. Хотя западная часть Пермской губерніи гораздо менѣе богата рудными мѣсторожденіями, чѣмъ восточные округа, лежащіе на азіатскомъ скатѣ Урала, однако губернскій городъ тоже принимаетъ значительное участіе въ металлургической промышленности; въ 2 верстахъ выше по теченію Камы, въ Мотовилинскомъ посадѣ, устроенъ, въ 1863 году, пушечно-литейный заводъ, гдѣ большая наковальня арсенала, отлитая съ одного раза, вѣситъ не менѣе 40,000 пудовъ [1]. Въ окрестностяхъ уже около ста лѣтъ разработываютъ мѣдные рудники, продукты которыхъ отправляются на монетный дворъ въ Екатеринбургъ (Ekaterinenburg); но по странному контрасту, происходящему отъ младенческаго состоянія русской промышленности, до сихъ поръ еще не утилизируютъ каменноугольныя залежи, толщиною до 6 саженъ, которыя находятся въ бассейнѣ верхней Камы, тогда какъ англійскій уголь, привозимый для Пермскаго арсенала, обходится въ 30 мет. рублей за тонну. На юго-востокѣ, на одномъ изъ притоковъ Чусовой, Кунгуръ, бывшая крѣпость, построенная противъ башкиръ, также получилъ довольно важное значеніе по сбыту своихъ мануфактурныхъ произведеній въ горнозаводскіе округи: онъ посылаетъ рудокопамъ восточныхъ мѣстностей сапоги и другой кожаный товаръ, желѣзные и стальные инструменты, замки и разныя металлическія издѣлія. Сарапулъ, одинъ изъ главныхъ городовъ на берегахъ Камы, соперничаетъ съ Кунгуромъ промышленной дѣятельностью, особенно по производству сапожнаго товара, а въ уѣздѣ его существуютъ обширные заводы (Камско-Воткинскій механическій, Ижевскій оружейный), на которыхъ строятся суда, машины, выдѣлывается оружіе. На Ижевскомъ заводѣ, принадлежащемъ казнѣ, всегда работаютъ тысячи рабочихъ. Большая часть Пермскаго края составляла прежде собственность новгородскихъ купцовъ Строгоновыхъ. Въ 1558 году одинъ торговый человѣкъ этой фамиліи получилъ отъ царя Ивана IV грамату на „пустыя земли, черные лѣса, дикія рѣки и озера, недававшія никакого дохода государевой казнѣ“. Въ семнадцатомъ столѣтіи Строгоновы владѣли пространствомъ земель равнымъ Богеміи и 120,000 душъ крестьянъ: великоруссы, плѣнные литовцы, татары жили на ихъ земляхъ, но большинство ихъ крестьянъ состояло изъ потомковъ новгородскихъ поселенцевъ [2].

[1]) *J. Milne*, Transactions of the Asiatic Society of Japan, vol. VII.

[2]) *Мозель*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи, Пермская губернія; *Карновичъ*, Замѣчательныя богатства Россіи.

Рѣка Бѣлая, впадающая въ Каму на югѣ отъ Сарапула, есть главный притокъ послѣдней и пересѣкаетъ почти всю обширную Уфимскую губернію, еще болѣе богатую рудниками, чѣмъ другія уральскія области западнаго склона. Златоустъ (Золотоустъ, т. е. „золотое устье“), на высотѣ 1,280 футовъ, въ самой живописной долинѣ Уральскихъ горъ [2]), орошаемой рѣкой Ай, притокомъ Уфы, также имѣетъ большой заводъ для приготовленія бѣлаго оружія, охотничьихъ и боевыхъ ружей, орудій изъ литой стали, а въ окрестностяхъ находятся богатыя золотыя розсыпи и желѣзные рудники; рудокопы и рабочіе, выписанные изъ Золингена и Клингенталя, положили здѣсь основаніе многочисленной нѣмецкой колоніи. Уфа, стоящая при сліяніи рѣки того же имени съ Бѣлой, нѣкогда башкирская деревня, теперь цвѣтущій городъ, благодаря дѣятельной торговлѣ съ горнозаводскими округами обоихъ склоновъ Урала, въ особенности съ своимъ сосѣдомъ Благовѣщенскомъ, находящимся вблизи рудниковъ, изъ которыхъ каждый годъ добываютъ около 1.600,000 пудовъ мѣдной руды. Уфа, административный центръ губерніи, заключающей больше магометанъ, нежели христіанъ, есть мѣстопребываніе главнаго муфтія русскихъ мусульманъ. На югѣ отъ Уфы, городъ Стерлитамакъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Бѣлой, пріобрѣлъ довольно важное значеніе, какъ складочное мѣсто для соли и руды. Наконецъ, другой уѣздный городъ Уфимской губерніи, Мензелинскъ, стоящій на небольшомъ южномъ притокѣ Камы, замѣчателенъ своей ярмаркой, на которую, съ 1864 года, ежегодно привозится разнаго товара на сумму около 5 милліоновъ рублей.

Вятка, губернскій городъ, есть одно изъ древнѣйшихъ городскихъ поселеній въ бассейнѣ Камы, о существованіи которыхъ упоминаютъ лѣтописи. Онъ былъ основанъ въ 1181 году новгородскими колонистами, на холмѣ, или высокомъ берегу, господствующемъ надъ сліяніемъ рѣкъ Вятки и Хлыновицы, и его дома, построенные первоначально по плану, имѣвшему въ виду наиболѣе удобную оборону, до сихъ поръ еще расположены такимъ образомъ, что внѣшними своими фасадами составляютъ непрерывную ограду. Сначала этому городу дано было названіе „Хлыновъ“, по имени одной изъ двухъ соединяющихся здѣсь рѣкъ, а впослѣдствіи онъ получилъ наименованіе другой рѣки; но татары постоянно называли его Ноуградомъ, то есть „городомъ новгородцевъ“. Это поселеніе составляло особую общину, которая имѣла новгородское устройство и управлялась собственнымъ вѣчемъ; самостоятельность Вятской общины продолжалась около 300 лѣтъ. Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи не менѣе важное значеніе имѣетъ восточный сосѣдъ Вятки, уѣздный городъ Слободской (также пристань на р. Вяткѣ), гдѣ существуютъ

[2]) *Акад. Гельмерсенъ*, Reise nach dem Ural und der Kirgisen-Steppe.

кожевенные и винокуренные заводы и выдѣлываются полушубки и мѣховыя рукавицы, отправляемые сотнями тысячъ на Нижегородскую ярмарку и въ Архангельскъ. Главный рынокъ Вятской губерніи по торговлѣ хлѣбомъ—Елабуга, городъ, построенный на маленькомъ боковомъ притокѣ Камы, недалеко отъ мѣста соединенія долины р. Вятки съ долиной р. Лѣсной-Зай, гдѣ находится городъ Бугульма. Въ 3 верстахъ отъ Елабуги, на берегу Камы, стоитъ высокая башня съ куполомъ, указывающая издали мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ расположенъ болгарскій городъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Чертова-Городища. Немного выше по рѣкѣ виденъ такъ называемый Ананьинскій курганъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ остатками бронзоваго вѣка; при раскопкахъ его нашли множество замѣчательныхъ предметовъ, между прочимъ могильный камень съ изваяніями, изображающими одѣтаго воина, съ конусообразной каской и короткимъ мечемъ. Чистополь—главная пристань на нижней Камѣ: это—первая важная станція пароходовъ и другихъ судовъ (въ числѣ около 800), которыя должны подниматься вверхъ по Камѣ и ея притокамъ, Вяткѣ, Бѣлой, Чусовой.

Города и горнозаводскія селенія въ бассейнѣ Камы, число жителей которыхъ превышаетъ 5,000 душъ:

Пермская губернія (1879).

Пермь	31,000	жит.
Кунгуръ	14,000	„

Уфимская губернія (1881).

Уфа	25,300	„
Златоустъ	18,500	„
Стерлитамакъ	8,200	„
Бирскъ	6,650	„
Мензелинскъ	6,000	„
Благовѣщенскъ (горный заводъ) 1871 г.	5,550	„

Вятская губернія (1879).

Ижевскъ (заводъ)	21,500	жит.
Вятка	21,250	„
Сарапулъ	7,700	„
Елабуга	7,600	„
Слободской	7,200	„

Казанская губернія (1880).

Чистополь	21,300	„
Лаишевъ	5,100	„

Самарская губернія (1879).

Бугульма	13,000	„

XIII.

НИЗОВАЯ ВОЛГА.

ГУБЕРНІИ ПЕНЗЕНСКАЯ, СИМБИРСКАЯ, САМАРСКАЯ, САРАТОВСКАЯ, АСТРАХАНСКАЯ.

Въ нижней части своего бассейна Волга не омываетъ земель столь многочисленныхъ народовъ, какъ народы, населяющіе область Камы. Почва въ низовомъ Поволжьи менѣе холмиста, имѣетъ болѣе ровный характеръ, и различныя населенія занимаютъ тамъ болѣе обширныя пространства. Населенія эти не представляютъ, какъ на сѣверѣ, хаоса народностей славянскихъ, финскихъ, татарскихъ, имѣющихъ смѣшанное происхожденіе.

Чуваши, мордва, татары—вотъ единственные не-славянскіе жители на югѣ отъ Казани и Чистополя до устья рѣки Большой Иргизъ, въ Самарской губерніи; но далѣе начинаются нѣмецкія колоніи, занимающія, на обоихъ берегахъ Волги, пространство около 18,000 квадр. верстъ. Въ 1763 году, императрица Екатерина II, желая противопоставить живой оплотъ кочевымъ населеніямъ низоваго Поволжья и заселить плодородныя, но пустынныя земли на востокѣ и югѣ Имперіи, призвала колонистовъ съ запада Европы; это приглашеніе имѣло успѣхъ и привлекло нѣсколько десятковъ тысячъ иностранцевъ, почти исключительно нѣмцевъ и швейцарцевъ; особенно много поселилось ихъ въ теперешней Самарской губерніи. Между прибывшими было также нѣсколько группъ французовъ и шведовъ, но они давно уже затерялись въ массѣ иммигрантовъ. Иностранные переселенцы получили пособія на первое хозяйственное обзаведеніе (продовольствіе, сѣмена, земледѣльческія орудія, скотъ) и разныя льготы, между прочимъ, свободу отъ податей и поземельнаго налога на десять лѣтъ [1]). Менѣе богато одаренныя, чѣмъ нѣмецкія колоніи Новороссійскаго края, иностранныя поселенія береговъ Волги достигли, однако, болѣе цвѣтущаго состоянія, благодаря системѣ общиннаго землевладѣнія, которое они ввели у себя, по примѣру своихъ сосѣдей, русскихъ крестьянъ [2]). Первоначальныя колоніи (числомъ 102) съ теченіемъ времени расплодились какъ пчелиные рои, и теперь нѣмцы распространены по всей странѣ и держатся тамъ съ замѣчательной связью, не утративъ своихъ національныхъ особенностей, не забывъ роднаго языка; они говорятъ имъ даже лучше, чѣмъ ихъ предки, благодаря школамъ, которыя они всегда содержали съ большой заботливостью; но общее образованіе у нихъ

---

1) *Legrelle*, Le Volga, Notes sur la Russie.

2) *Клаусъ*, Наши колоніи.

вообще очень неудовлетворительно. Въ послѣднее время, съ распространеніемъ на нихъ всеобщей воинской повинности, они стали заводить высшія училища, чтобы обезпечить своимъ дѣтямъ преимущества, предоставленныя тѣмъ изъ поступающихъ въ военную службу, которые умѣютъ говорить по русски и получили извѣстное образованіе. Теперь нѣмецкихъ колонистовъ въ двухъ губерніяхъ Саратовской и Самарской наберется, вѣроятно, свыше трехсотъ тысячъ душъ, ибо численность ихъ довольно быстро увеличивается вслѣдствіе перевѣса числа рождающихся надъ числомъ умирающихъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Населеніе нѣмецкихъ колоній въ 1853 г., по Кледену . . . 166,500 душъ.
" " " въ 1859 г., по Семенову . . 212,000 "

Почти всѣ промежутки, оставшіеся между нѣмецкими колоніями, заняты поселеніями малороссіянъ; мужчины въ этихъ послѣднихъ занимаются преимущественно, какъ и украинскіе чумаки, перевозкой соли.

На югѣ и на востокѣ отъ большаго Царицынскаго изгиба русскіе живутъ только по берегамъ рѣки, тогда какъ область голыхъ степей, простирающихся вправо и влѣво отъ Волги, принадлежитъ еще кочевымъ населеніямъ: это явленіе объясняется свойствомъ почвы, совершенно непригодной для земледѣлія. Даже русскіе чиновники, назначенные для надзора за инородцами, принуждены переѣзжать съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ съ бродячими деревнями. Самый южный изъ этихъ кочевыхъ народцевъ, калмыки, называемые также элютами и ойратами, занимаетъ пространство около 70,000 квадр. верстъ между Волгой и Кумой, въ солончаковой низменности, которая нѣкогда была покрыта водами Каспійскаго моря; кромѣ того, они кочуютъ по степямъ, прилегающимъ къ лѣвому берегу Дона, а нѣкоторые изъ ихъ родовъ живутъ въ сосѣдствѣ киргизовъ, на востокѣ отъ Ахтубы. Ихъ насчитываютъ около ста двадцати тысячъ душъ на этой обширной территоріи безплодныхъ степей и пастбищъ: военная служба и переселеніе въ города нѣсколько уменьшили ихъ число съ половины текущаго столѣтія. Впрочемъ, переписи, произведенныя въ разныя времена, повидимому, не вполнѣ заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ женщины и особенно дѣвочки часто не вносятся въ списки. Въ противоположность общему факту, констатированному по отношенію ко всѣмъ другимъ народамъ Европы, у калмыковъ, если вѣрить переписямъ, мужчины гораздо многочисленнѣе женщинъ, именно превышаютъ ихъ на цѣлую четверть: число калмыковъ въ Европейской Россіи въ 1879 году: 68,329 мужчинъ, женщинъ 51,267 (?); всего 119,956 душъ. Подобное демографическое явленіе мало вѣроятно, но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что у этого племени дѣйствительно существуетъ численный перевѣсъ мужскаго пола надъ женскимъ. Очень немногіе изъ калмыковъ достигаютъ глубокой старости, и смертность между дѣтьми громадна, особенно въ

восточной части занимаемой ими территоріи, гдѣ большинство этихъ инородцевъ служитъ работниками у рыбопромышленниковъ[1]).

Калмыки, представители монгольской расы, къ которымъ, можетъ быть, примѣшались нѣкоторыя племена тюркскаго происхожденія, суть новые пришельцы въ Европѣ[2]). Первые отряды, такъ сказать развѣдчики калмыцкаго народа, вышедшаго съ Алтайскихъ горъ, появились въ первый разъ въ 1630 году, и только шесть лѣтъ спустя главная масса эмигрировавшаго народа перенесла свои пятьдесятъ тысячъ кибитокъ на западные берега Каспійскаго моря. Въ первые годы ихъ пребыванія каждое возвращеніе весны ознаменовывалось набѣгомъ въ восточную Россію; поля были опустошаемы, деревни раззоряемы, жители уводимы въ неволю. Но не прошло еще періода одного поколѣнія, какъ калмыки, сдерживаемые русскимъ населеніемъ, должны были признать себя подданными московскаго царя, не переставая, впрочемъ, поддерживать сношенія съ своими азіатскими соплеменниками, даже съ тѣми, которые жили въ Тибетѣ. Однако, вмѣшательство русскихъ, становившееся все болѣе и болѣе тягостнымъ, сдѣлало жизнь этимъ сынамъ вольной степи совершенно невыносимой; раздраженные притѣсненіями чиновниковъ, они, наконецъ, рѣшили вернуться въ отечество своихъ предковъ, на берега озера Балхашъ, къ подножію Алтая,—тѣхъ горъ, которыя преданіе описывало имъ какъ страну чудесъ. Почти весь кочевавшій въ Россіи калмыцкій народъ, исчисляемый различно—отъ 120,000 до 300,000 душъ, тронулся въ путь зимою 1770—71 года, переходя со своими многочисленными стадами по льду черезъ Волгу, Яикъ, Эмбу и направляясь за Уралъ, въ привольныя степи Джунгаріи. Дефилированіе этого громаднаго каравана продолжалось цѣлыя недѣли, но арьергардъ не имѣлъ времени перебраться, ледъ на Волгѣ сломался, киргизы и казаки, собравшіеся массами, чтобы воспрепятствовать переходу эмигрантовъ, успѣли разорвать шествіе на многихъ пунктахъ. Нѣсколько тысячъ калмыковъ достигли, говорятъ, береговъ желаннаго озера, но почти всѣ инородцы этого племени, жившіе въ степяхъ на Дону, Кумѣ, Манычу, принуждены были вернуться въ покинутыя стойбища. Слѣдствіемъ этого великаго исхода было то, что русское правительство окончательно утвердило свою власть надъ кочевьями калмыковъ, и даже тысячи этихъ инородцевъ, обращенные въ христіанскую вѣру, были переведены въ Ставропольскую колонію, между Симбирскомъ и Самарой, а потомъ зачислены въ Уральское казачье войско. Что касается другихъ калмыковъ, оставшихся противъ воли русскими подданными, то территорія, которую они занимали, была съ того

---

[1]) *Илья Мечниковъ*, Записки Имп. Русскаго Географ. Общества, 1873 г., № 10; Russische Revue, 1874 г.

[2]) На тюркскихъ нарѣчіяхъ, „калма", „калмакъ", „калмаклыкъ" означаетъ „отсталой", „отдѣлившійся". *Ред.*

времени точно ограничена Волгой, Каспійскимъ моремъ, Кумой и Дономъ. Въ 1839 году сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи русскимъ крестьянамъ селиться на земляхъ калмыковъ; но послѣ того смѣшанныя колоніи, основанныя въ Калмыцкой степи, сдѣлались постоянными населенными мѣстами и, такъ сказать, русскими островками среди кочующихъ азіатскихъ населеній. Впослѣдствіи приступили къ раздѣлу степи, обширной пажити, которую, разумѣется, можно дѣлить только фиктивно; но этотъ раздѣлъ земли между калмыцкими „душами" произведенъ былъ весьма неравномѣрными долями, съ тою цѣлью, чтобы такимъ образомъ создать взаимно противодѣйствующіе интересы и ослабить коллективное могущество кочевниковъ: въ то время, какъ начальники, возведенные правительствомъ въ дворянское достоинство, получали отъ 200 до 1,500 десятинъ, простымъ калмыкамъ роздали доли въ 30 десятинъ [1]). Изъ всей территоріи калмыцкаго народа, составляющей около 7 съ половиной милліоновъ десятинъ, десятая часть сдѣлалась частной собственностью. Тѣ изъ калмыковъ, которые находятся въ области Донскаго Войска, обязаны нести службу наравнѣ съ казаками, но они не составляютъ особыхъ полковъ: въ войскѣ ихъ употребляютъ преимущественно для надзора за стадами и лошадьми [2]).

До сихъ поръ калмыки лишь въ очень слабой степени поддались ассимилирующему вліянію славянскаго элемента, очень мало обрусѣли. Нѣкоторые начальники калмыцкихъ родовъ, возведенные въ достоинство наслѣдственныхъ князьковъ или султановъ, правда, выстроили себѣ богатыя палаты, омеблировали ихъ по европейски, для воспитанія своихъ дѣтей приглашаютъ русскихъ учителей, но этимъ почти и ограничивается все ихъ общеніе съ цивилизаціей. Большинство калмыковъ не понимаетъ русскаго языка; они сохранили свой костюмъ, бурку, баранью шапку, длинную косу, заплетенную на затылкѣ на китайскій ладъ; всѣ калмыцкія лица, съ приплюснутымъ носомъ, высокими и выдающимися скулами, маленькими, узенькими глазами, съ желтоватымъ цвѣтомъ кожи, свидѣтельствуютъ о чистотѣ монгольской крови. Калмыки очень неприхотливы и неразборчивы на пищу: „въ степи и навозный жукъ идетъ за дичину", говоритъ пословица, относящаяся къ ихъ образу жизни. Но

---

[1]) Авторъ, очевидно, говоритъ о попыткахъ (прибавимъ—почти совершенно неудавшихся) поселенія калмыковъ на 28 участкахъ, избранныхъ для этой цѣли въ губ. Астраханской, въ числѣ 50 семействъ на каждомъ, вмѣстѣ съ такимъ же числомъ семействъ русскихъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній. Никакого раздѣла степи не предполагалось; но, по инструкціи 1846 г., назначено было отводить желающимъ водвориться въ степи лицамъ привилегированныхъ калмыцкихъ сословій: нойонамъ-владѣльцамъ по 1,500 дес., зайсангамъ аймачнымъ по 400 д. и безаймачнымъ по 200 д. на каждое семейство; крестьянамъ-же и калмыкамъ-простолюдинамъ по 30 дес. на каждую душу мужскаго пола. *Ред.*

[2]) *Н. Красновъ*, Земля Войска Донскаго. Спб. 1863 г.

*

баранину они предпочитають всякому другому мясу, и зажаренная баранья нога составляеть обычное и главное блюдо на свадебномъ пиршествѣ: кость, оставшаяся отъ этой первой трапезы, хранится, какъ святыня, въ кибиткѣ новобрачныхъ. Въ семьѣ у калмыковъ деспотизмъ не такъ великъ, какъ у магометанъ; обычай даже предписываетъ нѣкоторые рыцарскіе пріемы въ обхожденіи съ прекраснымъ поломъ. Такъ, напримѣръ, когда кавалеръ приглашаетъ даму плясать, онъ долженъ стать передъ нею на колѣна; но говорятъ, что внутри кибитки правила супружеской вѣжливости часто забываются. Въ политическомъ отношеніи, въ ихъ средѣ господствуетъ полный деспотизмъ, но духъ прежней независимости сохранился въ нѣкоторыхъ народныхъ пословицахъ: „кипарисъ ломится, но не гнется; храбрецъ скорѣе умретъ, чѣмъ унизится“ [1].

Калмыки до сихъ поръ остаются буддистами. Тамъ и сямъ на территоріи ихъ кочевьевъ возвышаются пагоды, а въ ихъ жилищахъ всегда можно найти этажерку съ „молельными мельницами“, которыхъ постоянное скрипѣніе нѣсколько похоже на то, какъ будто бормочетъ человѣкъ. Правительство позаботилось о томъ, чтобы предупредить въ средѣ инородческихъ племенъ всякое религіозное уклоненіе, несовмѣстимое съ вѣрностью престолу и отечеству; сама Верховная власть, утверждая великаго ламу въ его достоинствѣ, тѣмъ самымъ является въ дѣйствительности истиннымъ представителемъ Будды на землѣ. Образъ жизни проводитъ между кочующими буддистами и осѣдлыми христіанами разграничительную линію, которая, безъ сомнѣнія, еще долго не будетъ перейдена. Едва нѣсколько сотенъ калмыковъ поселились, какъ постоянные земледѣльцы, на земляхъ астраханской степи; кромѣ того, болѣе тысячи калмыковъ живутъ хлѣбопашествомъ въ области Войска Донскаго [2]); всѣ же остальные инородцы этого племени—либо пастухи стадъ, либо рыболовы. Бродя съ пастбища на пастбище, отъ одной рыбной ватаги къ другой на безчисленныхъ рукавахъ Волги, калмыки едва ли могли бы существовать, если бы у нихъ не было спутниковъ — домашнихъ животныхъ, особенно верблюдовъ, которые носятъ на себѣ ихъ дѣтей и походныя жилища и на которыхъ они совершаютъ самыя трудныя перекочевки по безплоднымъ мѣстамъ (въ 1868 году у калмыковъ насчитывалось около 186,000 головъ крупнаго скота [3]). Придя на мѣсто, выбранное для новаго становища, они въ нѣсколько часовъ сооружаютъ свои *улусы*, или временныя поселенія: прежде всего вбиваются жерди, составляющія остовъ палатки или кибитки; затѣмъ снаружи и внутри этого остова навѣшиваются рогожи и кошмы (войлоки), прикрѣпляемыя сѣтью веревокъ и тесемокъ; животныя привязываются къ

---

[1]) *Лядовъ*, Европейская Россія въ физ. и этногр. отношеніяхъ; *Небольсинъ*, Калмыки Хошоутовскаго улуса.

[2]) *К. Костенковъ*, Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ. Спб. 1870.

[3]) Въ 1880 г.—лошадей 35,500, рог. скота 91,500, верблюдовъ 10,500 гол. *Ред.*

воткнутымъ въ землю коламъ, и женщины живо приготовляютъ молочныя или мясныя кушанья. На разстояніи трехъ тысячъ верстъ и черезъ промежутокъ двухъ или трехъ столѣтій не произошло, кажется, никакой перемѣны между жизнью калмыковъ, обитавшихъ на берегахъ озера Балхашъ, и жизнью ихъ потомковъ, кочующихъ въ астраханскихъ степяхъ.

Киргизы—гораздо болѣе многочисленный народъ, чѣмъ калмыки, но главная масса ихъ находится еще въ Азіи; тѣ изъ киргизовъ, которые живутъ въ Европѣ, между Волгой и рѣкой Ураломъ, составляютъ, такъ сказать, лишь крайній авангардъ киргизскаго племени: это—не болѣе, какъ простой отдѣлъ Малой орды, или „Кичикъ-Юзъ"; ихъ называютъ также Внутренней или Букеевской ордой, по имени султана Букея, который въ 1801 году получилъ позволеніе перенести свои кочевья въ песчаныя равнины (Букеевская степь), опустѣвшія послѣ бѣгства калмыковъ. Въ 1875 году Риттихъ опредѣлилъ цифру населенія этой орды въ 162,700 душъ, тогда какъ г. Обручевъ насчитывалъ ихъ до 186,000 душъ. Киргизы Европейской Россіи, принадлежащіе къ тюркской расѣ, какъ татары и башкиры, и подобно имъ, исповѣдующіе Магометову религію, имѣютъ, благодаря своимъ сосѣдямъ и единовѣрцамъ, болѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ калмыки, съ господствующей расой, и во многихъ мѣстахъ уже можно наблюдать начало „обрусѣнія" номадовъ. Слишкомъ многочисленные для относительно тѣснаго пространства пастбищъ, которыми они владѣютъ, и лучшія изъ которыхъ находятся между рѣками Большой и Малой Узенью и Рынь-Песками, киргизы уже тысячами стали заниматься земледѣліемъ,—по крайней мѣрѣ, впродолженіи извѣстной части года; другіе нанимаются на работы къ русскимъ въ качествѣ пастуховъ, жнецовъ или золотопромывальщиковъ. Живя вдали отъ родимой кибитки, они выучиваются русскому языку, носятъ такую же одежду, какъ хозяева, а дѣти ихъ воспитываются среди русскихъ. Съ другой стороны, уральскіе казаки легко привыкаютъ къ нравамъ киргизовъ, съ которыми имъ приходится имѣть постоянныя сношенія, и часто трудно бываетъ различить, къ какой расѣ принадлежатъ группы кочевниковъ. Нерѣдко встрѣтить казаковъ, одѣтыхъ совершенно по-киргизски и говорящихъ тюркскимъ діалектомъ лучше, чѣмъ русскимъ. По свидѣтельству Радлова, само киргизское нарѣчіе все болѣе и болѣе приближается къ татарскому, смѣшанному съ арабскимъ, который употребляется въ мечетяхъ и училищахъ (медресе): слова корана живо проникаютъ въ живую рѣчь и постепенно измѣняютъ ее.

На берегахъ нижняго теченія Волги возвышаются многолюдные города, почти всѣ сравнительно новаго происхожденія и изъ которыхъ иные, безъ сомнѣнія, займутъ рано или поздно видное мѣсто между важнѣйшими городами Европы.

Самый сѣверный изъ этихъ городовъ, Симбирскъ, нынѣ администра-

тивный центръ губерніи, есть, можетъ быть, древній Симбиръ, упоминаемый въ татарскихъ лѣтописяхъ, но существованіе его какъ русскаго города начинается лишь съ половины шестнадцатаго столѣтія. Это—городъ замѣчательный по своему мѣстоположенію, такъ какъ онъ господствуетъ съ одной стороны надъ Волгой, съ другой надъ Свіягой, двумя параллельными рѣками, которыя текутъ въ противоположномъ направленіи на протяженіи около 375 верстъ: въ Симбирскѣ Свіяга проходитъ саженъ на 20 съ лишнимъ выше уровня Волги, такъ что очень легко было бы заставить ее низвергаться водопадомъ въ главную рѣку черезъ пліоценовыя формаціи, нѣкогда отложенныя текучими водами. Съ Волги едва виденъ городъ, расположенный на высотѣ 560 футовъ, на вершинѣ плато, которое спускается къ западу отлогимъ скатомъ. Симбирская крѣпость остановила въ 1670 году побѣдоносное шествіе Степана Разина, предводительствовавшаго донскими казаками и возмутившимися крестьянами: отсюда началось его бѣгство. Симбирскъ—родина Карамзина.

Самара, тоже губернскій городъ, занимаетъ выгодное положеніе на оконечности извилины Волги, такъ называемой Самарской луки, въ точкѣ естественнаго соединенія дорогъ и при впаденіи рѣки, отъ которой она получила свое имя. Это сліяніе двухъ рѣкъ и было причиной появленія значительнаго центра населенія на низменной, луговой сторонѣ Волги, тогда какъ почти всѣ другіе города выстроились на правомъ, нагорномъ берегу. Впрочемъ, нѣсколько холмовъ, поднимающихся въ этомъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу, послужили Самарѣ опорной точкой, лежащей выше уровня наводненій въ періодъ разлива; городъ, состоящій еще изъ деревянныхъ домовъ, построенъ, такъ сказать, только наполовину; по обѣимъ сторонамъ его пыльныхъ улицъ еще встрѣчаются обширныя незастроенныя пространства. Въ первый разъ Самара упоминается въ концѣ шестнадцатаго вѣка; но въ слѣдующемъ столѣтіи она уже пріобрѣла большую стратегическую важность, какъ оплотъ Московскаго государства противъ кочеваго населенія степей; она имѣла въ то время такое же значеніе, какое впослѣдствіи получила Оренбургская крѣпость; кое-какіе остатки стариннаго укрѣпленія, которое послѣдовательно было занято Стенькой Разинымъ и Пугачевымъ, существуютъ до сихъ поръ. Въ наши дни Самара важна преимущественно какъ торговый городъ, и дѣятельность ея пристани не перестаетъ возрастать, особенно по отправкѣ хлѣба (главнымъ образомъ пшеницы), табаку, сала, мыла и кожъ (въ 1868 году съ Самарской пристани отправлено было этихъ продуктовъ около 14.880,000 пудовъ, на сумму 13.130,000 рубл. [1]). Желѣзная дорога изъ Петербурга въ Оренбургъ (Оренбургская), которая современемъ продолжится до центра Азіи, проходитъ черезъ Самару и поднимается вверхъ по долинѣ рѣки

[1]) Въ 1879 г.—20.375,000 пуд., на 17½ милл. руб. *Ред.*

того же имени черезъ городъ Бузулукъ. Другой уѣздный городъ, Бугурусланъ, находится въ боковой долинѣ, по которой течетъ рѣка Кинель, тогда какъ городъ Сергіевскъ, пріобрѣвшій извѣстность благодаря цѣлебнымъ минеральнымъ водамъ (холодные сѣрные ключи) сосѣдняго заведенія, омывается рѣкой Сокъ, впадающей въ Волгу у сѣверо-восточнаго угла Самарской луки. Сергіевскъ, также какъ Самара и другіе города этого края, хорошо извѣстенъ въ медицинскомъ мірѣ, какъ одинъ изъ пунктовъ, гдѣ страдающіе грудными болѣзнями лечатся, по калмыцкой и киргизской методѣ, кумысомъ—напиткомъ, приготовляемымъ изъ кобыльяго молока. Весь Самарскій край получилъ печальную извѣстность по голоду 1873 года, отъ котораго погибло множество деревенскаго люда, въ неизвѣстномъ числѣ.

Городъ Сызрань занимаетъ у юго-западнаго угла Самарской луки и при устьѣ рѣки того же имени почти такое же положеніе, какъ и Самара, вслѣдствіе чего онъ тоже сдѣлался очень оживленнымъ мѣстомъ. Недавно здѣсь построенъ желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу (длиною около 1 версты 175 саженъ), первое сооруженіе этого рода на всемъ среднемъ и нижнемъ теченіи великой русской рѣки; до постройки этого путевода, въ Твери (то-есть за 2,000 верстъ выше) былъ послѣдній постоянный мостъ на Волгѣ. Нефтяные источники и залежи церезина, или минеральнаго воска, довольно обыкновенны въ этомъ краѣ; въ окрестностяхъ Сызрани, верстахъ въ 17 къ сѣверо-востоку отъ нея, пласты, открытые Воейковымъ, имѣютъ отъ 37 до 47 саженъ толщины и продолжаются на пространствѣ около 18 верстъ. Полагаютъ, что эти минеральныя сокровища сдѣлаютъ современемъ промышленный центръ изъ Сызрани, которая теперь имѣетъ значеніе только какъ рынокъ для земледѣльческихъ произведеній [1]). Точно также города Хвалынскъ и Вольскъ, или Волжскъ, изъ которыхъ первый построенъ на высокой известковой скалѣ праваго берега Волги, а второй при выходѣ оврага между зеленѣющими холмами, представляютъ важность только какъ пристани, отправляющія въ большомъ количествѣ сельскіе продукты. Вольскъ окруженъ фруктовыми садами; почти противъ него въ Волгу впадаетъ рѣка Большой Иргизъ, близъ которой начинаются нѣмецкія колоніи; въ долинѣ его расположенъ главный городъ Николаевскъ, славящійся своими табачными плантаціями. Долина Иргиза была прежде мѣстомъ убѣжища старовѣровъ; здѣсь возникли и долго существовали нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ раскольничьихъ скитовъ, гдѣ въ восемнадцатомъ столѣтіи собирались казаки Пугачева, которые замышляли „тряхнуть Москвой" и ниспровергнуть русское государство. Тамъ же былъ посвященъ на цар-

---

[1]) Въ настоящее время въ у. Сызранскомъ имѣется 2 завода, при 140 рабочихъ, съ производствомъ на 171,500 руб. *Ред.*

ство самозванецъ. Въ періодъ съ 1827 по 1837 годъ эти скиты были обращены въ единовѣріе, при помощи административнаго давленія и мѣръ, нѣсколько напоминающихъ драгонады временъ Людовика XIV.

Ниже, на правомъ берегу, встрѣчаемъ Саратовъ, административный центръ губерніи и самый большой городъ на низовой Волгѣ: теперешняя цифра его населенія никакъ не менѣе ста тысячъ. Основаніе его относится къ концу шестнадцатаго столѣтія (если только это не Сари-тау, древній городъ, упоминаемый татарскими лѣтописцами); сначала онъ находился не на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ въ наши дни: онъ былъ расположенъ верстахъ въ десяти выше, и притомъ на лѣвомъ берегу Волги, тамъ гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Саратовка. Политическая роль его состояла въ наблюденіи за кочевыми инородцами и казацкой вольницей, но самъ онъ не разъ попадалъ въ руки мятежныхъ шаекъ Стеньки Разина, Некрасова и, наконецъ, Пугачева. Саратовъ, несмотря на то, что окруженъ амфитеатромъ холмовъ, одинъ изъ наименѣе живописныхъ городовъ на берегахъ Волги: физіономія его имѣетъ тотъ вульгарный характеръ, какимъ отличается большинство торговыхъ и промышленныхъ городовъ. Съ 1865 года количество грузовъ, отправляемыхъ ежегодно съ Саратовской пристани, простиралось до 9.000,000 пудовъ, но торговое движеніе еще болѣе возрасло съ той поры, какъ для Саратова открылось прямое сообщеніе съ Москвой и Петербургомъ посредствомъ желѣзной дороги. Саратовъ служитъ средоточіемъ торговаго обмѣна для нѣмецкихъ колоній и имѣетъ фабрики и заводы всякаго рода, хотя, впрочемъ, не отличается отъ другихъ городовъ Россіи какою нибудь спеціальной промышленностью. Давно уже поговариваютъ объ основаніи университета въ этомъ главномъ центрѣ населенія низоваго Поволжья. Противъ города, на другой сторонѣ рѣки, находится важное малороссійское поселеніе—слобода Покровская.

На югъ отъ Саратова слѣдуютъ одинъ за другимъ по высокимъ утесамъ праваго берега Волги: Камышинъ, Дубовка, Царицынъ. Дубовка, неимѣющая даже титула города (Дубовскій посадъ), была прежде главнымъ мѣстомъ волжскихъ казаковъ; но послѣдніе за участіе въ возстаніи Пугачева были въ 1771 году сосланы въ долины Кавказа и замѣнены въ Дубовкѣ малороссійскими поселенцами и бѣглыми изъ всѣхъ провинцій. Около половины настоящаго столѣтія Дубовскій посадъ пользовался большимъ торговымъ благосостояніемъ, благодаря близости Дона, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ двѣ рѣки подходятъ одна къ другой на разстояніе менѣе 60 верстъ. Въ 1860 году многія сотни судовъ выгрузили въ Дубовкѣ около 6.200,000 пудовъ разнаго товара, на сумму $2^1/_2$ милліоновъ рублей, а по дорогѣ, ведущей къ колѣну Дона, по такъ называемому Дубовскому волоку, безпрестанно тянулись обозы съ кладью. Но это торговое движеніе почти совершенно прекратилось съ того времени, какъ

построена Волго-Донская желѣзная дорога, исходнымъ пунктомъ которой служитъ Царицынъ. Немного ниже этого послѣдняго города, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга, текущая передъ тѣмъ вдоль крутыхъ холмовъ Эргени, поворачиваетъ къ востоку и вступаетъ въ астраханскую степь, основалась въ 1765 году нѣмецкая колонія Сарепта, населенная „моравскими братьями", которымъ даны были очень большія льготы. Сарепта, окруженная фруктовыми садами, огородами, хорошо орошаемыми полями, представляетъ настоящій оазисъ среди пустыни; главная ея промышленность—разведеніе и приготовленіе горчицы и табаку.

Къ востоку отъ Царицына, то-есть „города царицы", на восточномъ берегу Ахтубы стоитъ городъ новаго происхожденія, Царевъ, также напоминающій своимъ именемъ о господствѣ монгольскихъ царей. Нѣсколько искусственныхъ возвышеній почвы, земляныхъ насыпей, могильные курганы, груды глазированныхъ кирпичей, обломки разной глиняной посуды—все это, вѣроятно, остатки древняго Сарая, который былъ столицей обширнаго монгольскаго царства (Золотой орды) и въ то же время мѣстопребываніемъ русскаго епископа,—развалины города, опустошеннаго Тамерланомъ и раззореннаго московскимъ воеводой въ 1480 году. Другіе, вмѣстѣ съ Загоскинымъ, ищутъ городъ Сарай въ Селитряномъ-Городкѣ, стоящемъ верстахъ въ 150 ниже, на Ахтубѣ; но возможно, что было два Сарая, которые оба служили резиденціей хановъ. По направленію отъ востока къ западу городъ, существовавшій подлѣ нынѣшняго Царева, занималъ съ своими предмѣстьями пространство болѣе 20 верстъ на лѣвомъ берегу Ахтубы; всѣ окрестныя деревни построены изъ кирпича, взятаго съ развалинъ [1]). Царевъ — одна изъ пристаней, гдѣ грузится на суда соль, добываемая изъ озера Элтонъ. Другая пристань, Владиміровка, находится южнѣе, тоже на берегу Ахтубы; съ этой пристани отправляютъ соль, извлекаемую изъ озера Баскунчакъ, которое нынѣ разработывается дѣятельнѣе, чѣмъ Элтонскіе промыслы, по причинѣ большей близости его отъ береговъ Волги. Добыча соли на Баскунчакскихъ промыслахъ составляла въ 1871 г. 1.622,000, а въ 1876 г. 6.888,000 пуда [2]). До Владиміровки въ 1878 году распространялась, къ ужасу всей Европы, чума, появившаяся первоначально на правомъ берегу Волги, въ станицѣ Ветлянкѣ. Въ половинѣ декабря многія селенія были охвачены эпидеміей, истребившей въ нихъ почти все населеніе. Смертность, составлявшая при началѣ появленія заразы около половины числа заболѣвающихъ, скоро стала поражать девять больныхъ изъ десяти; въ нѣсколько дней одно мѣстечко потеряло 520 жителей изъ 850 [3]).

Астрахань, административный центръ обширной губерніи, обнимаю-

---

[1]) *Лопатинъ*, Казанскій съѣздъ; *Alfred Rambaud*, Revue scientifique, 3 mai 1879.
[2]) Въ 1878 г.—почти 8 милл. пудовъ. *Ред.*
[3]) *Д-ръ Деппнеръ*; Lancet, 10 févr. 1879; Progrès médical, 8 févr. 1879.

щей прикаспійскія степи, и торговый городъ при устьяхъ Волги, не играетъ той важной роли, какая, казалось бы, должна принадлежать ему, какъ исходному порту бассейна, въ три раза превосходящаго пространствомъ Францію и населеннаго болѣе, чѣмъ пятьюдесятью милліонами жителей. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Астрахань даже пришла въ упадокъ: прежде она держала въ своихъ рукахъ монополію русской торговли съ закаспійскими странами и получала драгоцѣнные товары изъ Персіи и Индіи; но въ наши дни сухопутныя дороги, съ одной стороны на Оренбургъ, съ другой—на Тифлисъ, предпочитаются коммерсантами морскому пути: международная торговля все болѣе и болѣе обѣгаетъ опасные бары Волги, и можно съ увѣренностью предсказать, что когда Оренбургская желѣзная дорога будетъ продолжена до городовъ Туркестана, торговое движеніе, производимое нынѣ отъ одного до другаго берега Каспія черезъ Астрахань, совершенно прекратится,—развѣ только прокопаютъ боковой каналъ изъ Волги въ море, предлагаемый г. Даниловымъ. И теперь уже конечный портъ Волги пересталъ быть главнымъ портомъ каспійскихъ береговъ: Баку превосходитъ его по важности. Судоходство, столь дѣятельное на средней Волгѣ, въ Рыбинскѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и до Саратова, постепенно уменьшается внизъ отъ этого послѣдняго города; а ниже Астрахани оно уже такъ незначительно, что не можетъ идти въ сравненіе съ судоходствомъ многихъ маленькихъ портовъ Западной Европы, имя которыхъ извѣстно только сосѣднимъ морякамъ.

Внѣшняя торговля Астрахани въ 1876 году [1]):

Привозъ на . 710,800 рубл.; вывозъ . . . 2.054,300 рубл.

Движеніе судоходства въ 1877 году [2]):

Торговля съ Персіей .	211	судовъ, вмѣстим.	21,674	тонны.
Каботажъ	3,148	„	224,274	„

Главное движеніе торговаго обмѣна Астрахани производится съ Кавказскимъ краемъ по прибрежному пути; кромѣ того, этотъ городъ служитъ рынкомъ для разноплеменныхъ народностей, русскихъ, татаръ, киргизовъ, калмыковъ, которые населяютъ окружающія области и представители которыхъ, вмѣстѣ съ хивинцами, персіянами, армянами, всѣ въ своей національной одеждѣ, придаютъ городу восточную физіономію. Армянская колонія, очень многочисленная, такъ какъ она состоитъ приблизительно изъ пяти тысячъ лицъ, въ дѣйствительности сдѣлалась русской по языку и нравамъ. Пріѣзжаго поражаетъ почти совершенное

---

[1]) Въ 1880 г., привезено товаровъ на $2^1/_2$ милл. р., а вывезено на 2.267,000 р. *Ред.*

[2]) Въ 1880 г.: всего пришло 175 суд., вышло 79, итого 254; приходъ судовъ изъ Персіи—100 (2 паровыхъ), отходъ въ Персію—15 (1 паровое), итого 115, вмѣстимостью 9,100 ласт. По прибрежному судоходству: отошло въ 1880 г. 2,443 судна (въ томъ числѣ 334 паровыхъ), вмѣстимостью 191,749 ласт. *Ред.*

отсутствіе женщинъ на астраханскихъ улицахъ: и въ этомъ отношеніи русскій городъ сохранилъ еще восточный отпечатокъ [1]).

Астрахань, въ самомъ дѣлѣ, старинный городъ, ибо онъ занимаетъ у расходящихся рукавовъ дельты одно изъ тѣхъ господствующихъ положеній, гдѣ необходимо долженъ былъ возникнуть складочный пунктъ. Правда, этотъ торговый пунктъ часто перемѣщался, вслѣдствіе войнъ, пожаровъ, измѣненій теченія Волги. На вершинѣ волжской дельты нѣкогда находился, какъ полагаютъ, Атель или Итиль (у русскихъ Балангіаръ), одинъ изъ главныхъ городовъ могущественнаго хазарскаго царства, который дѣйствительно долгое время означался въ грузинскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Хазара; тамъ же стоялъ и городъ Цитрахань, сдѣлавшійся столицей татарскаго царства, которое было завоевано москвитянами въ 1557 году. Городъ Хаджи-Тарханъ, стоявшій на правомъ берегу Волги, предшествовалъ Астрахани, построенной на островѣ этой рѣки между главнымъ рукавомъ и нѣсколькими второстепенными потоками, каковы Кутумъ, Скаржинка, Царевка, Луковка. Первоначально Астрахань была построена на „семи холмахъ“, или, вѣрнѣе сказать, на семи естественныхъ горкахъ или буграхъ; но впослѣдствіи прибрежная почва мало по малу окрѣпла, и бóльшая часть домовъ выстроилась на берегу Волги, надъ которой возвышаются зданія кремля, каѳедральный соборъ, дворецъ, монастырь, казармы; послѣ взятія города Стенькой Разинымъ, съ одной изъ кремлевскихъ колоколенъ былъ сброшенъ, по приказанію Васьки Уса, астраханскій митрополитъ Іосифъ. Минареты татарскихъ мечетей, возвышающіеся тамъ и сямъ недалеко отъ христіанскихъ храмовъ, перемѣшиваются съ позлащенными главами и куполами, и каналы, усѣянные судами, придаютъ Астрахани болѣе разнообразный видъ, чѣмъ какимъ отличается большинство другихъ русскихъ городовъ.

Города и слободы по нижнему теченію Волги, имѣющіе свыше 5,000 жителей:

Симбирская губернія (1880).

Симбирскъ	36,600 жит.
Сызрань	24,500 „

Самарская губернія (1879).

Самара	63,400 „
Бугурусланъ	18,000 „
Покровская (слобода), въ 1870 г.	12,950 „
Бузулукъ	10,500 „
Николаевскъ	9,900 „

Саратовская губернія (1880).

Саратовъ	109,600 жит.
Вольскъ или Волжскъ	34,200 „
Царицынъ	26,500 „
Хвалынскъ	16,000 „
Камышинъ	13,600 „
Дубовка (посадъ)	13,300 „

Астраханская губернія (1880).

Астрахань	57,700 „

[1]) *Legrelle*, Le Volga, Notes sur la Russie.

XIV.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЯ СТЕПИ, БАССЕЙНЪ УРАЛА.

ГУБЕРНІЯ ОРЕНБУРГСКАЯ, ЗЕМЛЯ УРАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Бассейны двухъ Узеней, Большой и Малой, между Волгой и Ураломъ, также имѣютъ свою торговую метрополію—городъ Новоузенскъ, окруженный табачными плантаціями; но главный рынокъ русскаго Востока, счастливый соперникъ Астрахани, стоитъ на рѣкѣ Уралѣ, почти около середины ея теченія и при впаденіи въ нее Сакмары: это—городъ Оренбургъ. Основаніе его восходитъ не далѣе 1742 года. Уже въ 1735 году русскіе воздвигли, при сліяніи рѣкъ Оры и Урала, крѣпость этого имени (Орскую), которая имѣла назначеніе сторожить киргизовъ и башкирцевъ, сдерживаемыхъ на сѣверѣ укрѣпленнымъ городомъ Верхне-Уральскомъ, стоящимъ около истоковъ Урала; но такъ какъ основаніе „Орскаго городка“ показалось туземцамъ угрозой противъ нихъ, то вспыхнула война, и русскіе сочли за лучшее перемѣнить мѣсто положенія крѣпости: покинувъ сліяніе двухъ названныхъ рѣкъ, гдѣ нынѣ находится городъ Орскъ, они выстроили новую цитадель въ 175 верстахъ, потомъ въ 70 верстахъ далѣе къ западу, оставивъ ей прежнее имя (передѣланное на нѣмецкій ладъ въ Оренбургъ), хотя оно уже не имѣло никакого смысла. Крѣпость, построенная на высокомъ, то-есть правомъ берегу Урала, утратила свою стратегическую важность съ того времени, какъ граница Россіи передвинулась за Туркестанъ, къ высокимъ нагорьямъ Центральной Азіи; за то Оренбургъ пріобрѣлъ болѣе дѣятельную торговую роль: съ 1826 года караваны, общимъ числомъ въ десять и болѣе тысячъ верблюдовъ, приходившіе изъ Ташкента и другихъ городовъ Туркестана, ежегодно привозили въ Оренбургъ большое количество хлопка и другихъ продуктовъ, а взамѣнъ ихъ увозили въ Среднюю Азію мануфактурныя произведенія. Въ Оренбургѣ находится теперь крайній пунктъ всей европейской сѣти желѣзныхъ дорогъ; на всемъ протяженіи до Лиссабона и Кадикса въ настоящую минуту (со времени постройки недавно оконченнаго самарскаго моста черезъ Волгу) идетъ сплошная, нигдѣ непрерывающаяся линія рельсоваго пути длиною около 6,500 верстъ,—линія, которая въ скоромъ времени имѣетъ быть продолжена на востокъ большой средне-азіатской дорогой: направленіе этой проэктированной дороги пока еще не опредѣлено окончательно на востокѣ отъ Орска, бывшаго Оренбурга. Одно изъ главныхъ естественныхъ богатствъ Оренбургской губерніи составляетъ соль: близъ Илецкой Защиты или Илецкаго городка, стоящаго верстахъ въ 68 къ югу отъ губернскаго города, на одномъ изъ притоковъ Урала, находится богатѣйшій пластъ каменной соли, залегаю-

щій сплошною массою на пространствѣ слишкомъ 3 квадр. верстъ (глубина его изслѣдована на 70 саженъ, дальнѣйшая же развѣдка оставлена по причинѣ твердости массы). Илецкіе соляные промыслы даютъ среднимъ числомъ слишкомъ 1.240,000 пудовъ въ годъ; но они могли бы доставлять въ двадцать разъ больше, то-есть количество, достаточное для покрытія потребленія всей Россіи, такъ какъ мощность слоя самородной соли исчисляютъ приблизительно въ 1,200 милліоновъ тоннъ[1].

Уральскъ, расположенный на крутомъ углѣ, образуемомъ рѣкою Ураломъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поворачиваетъ прямо на югъ, — главный городъ уральскихъ казаковъ, область которыхъ простирается далеко на востокъ отъ рѣки, въ азіатскія страны. Этотъ городъ на рубежѣ Азіи, разсматриваемый административно какъ лежащій внѣ Европы, хотя онъ находится на правомъ берегу Урала, отличается отъ другихъ частей Россіи въ собственномъ смыслѣ нравами своихъ жителей и традиціями военнаго устройства и быта. Главные промыслы тамошнихъ казаковъ—скотоводство и рыболовство. Ниже Уральска они устраиваютъ каждый годъ поперегъ рѣки Урала такъ называемый *учугъ*, то-есть загородку изъ толстыхъ кольевъ, которая не позволяетъ рыбѣ, идущей изъ Каспійскаго моря, подниматься дальше вверхъ по рѣкѣ: этотъ учугъ служитъ границей между верхними вольными водами, гдѣ всѣ могутъ ловить рыбу, казаки, башкирцы или киргизы, и нижней частью, воды которой предоставлены въ исключительное пользованіе казачьяго войска; вдоль рѣки разставлены на извѣстныхъ разстояніяхъ военные посты, обязанные удалять браконьеровъ и дѣтей, крики которыхъ могли бы испугать рыбу. Атаманъ назначаетъ дни и мѣста лова, и когда наступитъ назначенный моментъ, рѣка вдругъ покрывается казаками, вооруженными острогами (двуконечными вилами съ зазубринами) и другими рыболовными снарядами: тогда начинается бой рыбы, который долженъ доставить войску годовое продовольствіе.

Города бассейна Урала и степей, имѣющіе свыше 5,000 жителей:

Оренбургская губернія.		*Земля Уральскаго казачьяго войска* (1880).	
Оренбургъ	35,600 жит.		
Орскъ	14,000 „	Уральскъ	20,700 жит.

Самарская губернія (1879 г.).

Новоузенскъ . . . . 9,700 жит.

---

[1] *Мурчисонъ*; *Небольсинъ*; *Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи.

По новымъ источникамъ (Историко-статист. обзоръ промышл. Россіи. Группа IV. Горная и соляная промышленность. А. Кеппена), мощность болѣе показанной (1,200 милл. тоннъ = 75 милліардовъ пудовъ), именно превышаетъ 100 милліардовъ пудовъ. *Ред.*

Уральскіе казаки пришли изъ Великороссіи по теченію Волги. Послѣ разрушенія татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, низовая Волга сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ людей всякаго рода и племени, хотя преобладали русскіе, которые называли себя „вольными казаками" и которыхъ московское правительство именовало „казацкими разбойниками", „вольницей". Мало по малу воеводы прогнали ихъ съ береговъ Волги, и въ то время, какъ одни изъ нихъ поднялись на сѣверъ и пробрались въ Сибирь по Камѣ и ея притокамъ, другіе отправились на своихъ стругахъ въ Каспійское море и тамъ пристали въ устьяхъ Яика. Они разрушили, въ 1580 году, ногайскій городъ Сарайчикъ, старинный складочный пунктъ генуэзскихъ товаровъ, направлявшихся изъ Таны въ Центральную Азію, и основали выше на Яикѣ свой городокъ, Яицкъ, остатки котораго Палласъ видѣлъ еще въ 1769 году. Не признавая надъ собой никакой посторонней власти, они, однако, вели войны именемъ московскаго царя и часто побѣждали своихъ враговъ; однажды они даже овладѣли городомъ Хивой и занимали его нѣсколько дней, опередивъ такимъ образомъ нынѣшнихъ русскихъ [1]). Въ половинѣ семнадцатаго вѣка московское правительство, желая обуздать и подчинить своей власти безпокойныхъ казаковъ, велѣло построить близъ главнаго устья Яика городъ Усть-Яицкъ, который вскорѣ послѣ того переименовали въ Гурьевъ, по фамиліи купца, которому были предоставлены въ пользованіе рыбные промыслы, и мало по малу казаки утратили свою гордую независимость; изъ номинальныхъ подданныхъ они сдѣлались дѣйствительными подданными. „Вольные люди" познакомились съ батогами и кнутомъ, оренбургское правленіе дошло въ своемъ усердіи до того, что запретило имъ носить бороду, и даже употребляемому ими крестному знаменію (между ними было очень много раскольниковъ) угрожала опасность преслѣдованія. Оттого-то яицкіе казаки одни изъ первыхъ откликнулись на призывъ Пугачева, лжецаря „Петра III", обѣщавшаго пожаловать ихъ „крестомъ и бородой, рѣками и лугами, деньгами и съѣстными припасами, свинцомъ и порохомъ и вѣчной волей". Побѣжденные, они утратили даже свое имя, и на мѣстѣ главнаго ихъ города Яицка теперь стоитъ Уральскъ; у нихъ отняли право выбирать свою войсковую старшину; ихъ старинное устройство, ихъ *кругъ*, или вѣче, были уничтожены, и они получили назначеннаго правительствомъ наказнаго атамана, который съ 1833 года даже не выбирается изъ среды войска, какъ дѣлалось сначала; власть начальниковъ была увеличена на счетъ вольностей простыхъ казаковъ. Съ 1874 года, введена была обязательная военная служба на общемъ основаніи, тогда какъ прежде община посылала казаковъ по добровольному ихъ согласію; недовольные этимъ преобразованіемъ были сосланы въ Сибирь и въ Среднюю Азію.

---

[1]) *А. Рябининъ*, Уральское казачье войско. Спб. 1866 г.

Въ прежнее время воды и земли считались общей и нераздѣльной собственностью всего войска, но этотъ первобытный коммунизмъ, еще существующій въ теоріи, на дѣлѣ уже сильно измѣнился подъ вліяніемъ сословныхъ различій. Офицеры имѣютъ право накашивать для своихъ стадъ количество сѣна большее того, какое получаютъ простые казаки, и ихъ доля труда можетъ быть исполняема черезъ посредство извѣстнаго числа наемныхъ работниковъ; въ то же время они присвоиваютъ себѣ весьма значительную часть улова рыбы и получаютъ отъ 30 до 40 десятинъ земли, тогда какъ другимъ казакамъ отводится только половина этого пространства [1]. Въ царствованіе императора Николая, около половины уральскихъ казаковъ-старовѣровъ, уступая административному давленію, возсоединились съ православной церковью на началахъ единовѣрія; но между ними до сихъ поръ осталось не мало раскольниковъ, магометанъ и даже буддистовъ. Эта смѣсь религій указываетъ также на разноплеменный составъ уральскаго казачества.

XV.

БАССЕЙНЪ ДОНА, АЗОВСКОЕ МОРЕ.

ГУБЕРНІИ ВОРОНЕЖСКАЯ, ХАРЬКОВСКАЯ, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Покатость Азовскаго моря не представляетъ особенной географической и этнографической области, ясно очерченной естественными границами и отличающейся отъ другихъ покатостей языкомъ или происхожденіемъ своего населенія. Истоки Дона и его верхнихъ притоковъ переплетаются съ истоками данниковъ Волги и Днѣпра; даже Медвѣдица и другія рѣки, впадающія въ Донъ, слѣдуютъ параллельно Волгѣ на близкомъ разстояніи, представляя въ своемъ теченіи тѣ же самыя геологическія свойства мѣстности. Въ долинѣ Дона черноземныя пространства смѣняются голыми степями по направленію съ сѣвера на югъ, какъ и въ долинѣ Днѣпра и Днѣстра; населеніе въ первой распредѣлилось подобнымъ же образомъ, становясь все болѣе и болѣе рѣдкимъ, по мѣрѣ уменьшенія плодородія почвы. На сѣверѣ и востокѣ великоруссы, на западѣ малоруссы, на югѣ колонисты всякой расы и языка, какъ въ Новороссіи, населяютъ покатость Азовскаго моря и дѣлаютъ эту страну общей территоріей, гдѣ всѣ жители Россіи, за исключеніемъ финновъ, могутъ найти своихъ соплеменниковъ. Населеніе въ бассейнѣ Дона рѣже, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра и въ центральной Россіи, по причинѣ большаго протяженія, которое занимаютъ тамъ степи, но численность его быстро возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

---

[1] *Рябининъ*, цитированное сочиненіе; *І. Желѣзновъ*, Уральцы. Москва, 1859 г.

Три губерніи, предѣлы которыхъ приблизительно совпадаютъ съ границами бассейна Дона, имѣютъ[1]):

	Пространство.			Населеніе.		Въ 1880 г. жителей на:	
	Кв. миль.	Кв. верстъ.	Кв. кил.	Въ 1870 г.	Въ 1880 г.	1 кв. вер.	1 кв. кил.
Воронежская.	1,196,7	57,902	65,894	2.068,998	2.397,000	41,4	36,3
Харьковская.	989,7	47,885	54,494	1.681,486	2.019,138	42,2	37,0
Область Войска Донскаго .	2.910,8	140,839	160,277	1.010,135	1.404,650	9,9	8,7
	5,097,2	246,626	280,665	4.760,619	5.820,688	23,6	20,7

Различныя геологическія формаціи центральной Россіи, эоценовыя, мѣловыя, девонскія, продолжаются правильно въ бассейнѣ Дона; точно также поясъ гранита или Каменная гряда, образующая пороги на Бугѣ и Днѣпрѣ, продолжается на юго-востокъ почти до самаго Азовскаго моря; но, кромѣ того, эта страна обладаетъ обширными каменноугольными формаціями, которыя придаютъ ей исключительную важность въ промышленномъ отношеніи и, безъ всякаго сомнѣнія, привлекутъ на берега Донца значительное населеніе.

Донъ, въ наименованіи котораго, вѣроятно, находится корень греческаго названія Танаисъ, принадлежитъ, если не по обилію водъ, то по крайней мѣрѣ по длинѣ теченія, къ числу большихъ рѣкъ Европы: съ извилинами онъ имѣетъ 1,500 верстъ въ длину[2]). Онъ получаетъ начало въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, изъ небольшаго озера Ивановскаго, и течетъ сначала на югъ, затѣмъ, по принятіи въ себя почти параллельнаго притока, Воронежа, извивается къ юго-востоку и даже къ востоку, какъ будто идя на соединеніе съ Волгой. Усиленный многоводными рѣками, Хопромъ и Медвѣдицею, онъ подходитъ на разстояніе почти 60 верстъ къ могучему даннику Каспія, причемъ средній уровень его почти на 20 саженъ стоитъ выше поверхности Волги. Оба берега его имѣютъ, подобно берегамъ Волги, нормальную форму, то-есть правый—высокій нагорный, тогда какъ на лѣвомъ разстилаются пространства, уже выровненныя водами. Такимъ образомъ, Донъ течетъ, такъ сказать, на террасѣ, подобной ступенькѣ лѣстницы, и возвышающіеся съ западной его стороны береговые утесы, казалось бы, должны отбрасывать его къ нижней рѣкѣ; однако, онъ дѣлаетъ крутой поворотъ и направляется на югъ, потомъ на юго-западъ и, наконецъ, на западъ къ Азовскому морю. Съ торговой точки зрѣнія можно сказать, что Донъ продолжаетъ собою теченіе Волги. Спускаясь къ морю, которое, посредствомъ четырехъ

[1]) Таблица эта, заключающая въ себѣ болѣе новыя данныя, помѣщена взамѣнъ составленной Реклю. *Ред.*

[2]) По Стрѣльбицкому („Superficie de l'Europe"); въ соч. Реклю приведена значительно большая длина (2,150 кил., или около 2,000 верстъ). *Ред.*

СТАРАЯ ВОЛГО-ДОНСКАЯ КОННО-ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

проливовъ: Еникальскаго, Константинопольскаго, Дарданельскаго и Гибралтарскаго, соединяется съ Атлантическимъ океаномъ, Донъ имѣетъ надъ Волгой то громадное преимущество, что онъ не теряется, какъ эта послѣдняя, въ замкнутомъ бассейнѣ. Оттого бо́льшая часть товаровъ, идущихъ внизъ по Волгѣ, выгружается на ближайшемъ къ послѣдней колѣнѣ Дона и направляется на эту рѣку. Уже султанъ Селимъ II, осаждая Астрахань, пытался прорыть каналъ между двумя сосѣдними рѣками, чтобы удобнѣе доставлять на Каспій военные матеріалы; Петръ Великій возобновилъ попытку устроить каналъ для соединенія этихъ важныхъ рѣкъ, но предпріятіе было оставлено, какъ трудно осуществимое, и до половины настоящаго столѣтія перевозка товаровъ производилась обозами по Дубовскому волоку до Качалинской пристани. Съ 1861 года Волга продолжается къ Дону желѣзной дорогой, построенной на протяженіи 75 верстъ отъ Царицына до Калачевскаго затона. Первая линія, простой рельсовый путь, по которому грузы перевозились силою лошадей, была впослѣдствіи замѣнена двумя дорогами съ локомотивами.

Неравенства уровня водъ Дона были одною изъ главныхъ причинъ, мѣшавшихъ до сихъ поръ прорытію большаго судоходнаго канала черезъ перешеекъ, раздѣляющій двѣ рѣки. Безъ сомнѣнія, масса воды, которую катитъ Донъ, довольно значительна, разсматриваемая въ среднемъ ея объемѣ, чтобы питать каналъ, такъ какъ она исчисляется Белелюбскимъ въ 8,575 кубич. фут. въ секунду; но дѣло въ томъ, что разность уровня между половодьемъ и мелководьемъ весьма велика (въ Ростовѣ количество протекающей въ секунду воды составляетъ 366,275 кубич. фут.). Свободный отъ льда впродолженіе около 240 дней у своей восточной излучины, Донъ иногда бываетъ такъ мелокъ и усѣянъ песчаными мелями, что судоходство по нему производится съ большимъ трудомъ посредствомъ маленькихъ плоскодонныхъ судовъ; во время двухъ разливовъ,— „холоднаго", сопровождающаго ледоходъ, и „теплаго", имѣющаго мѣсто во время лѣтнихъ дождей,—нижній Донъ поднимается аршинъ на 7, на 8 и болѣе противъ своего средняго уровня и покрываетъ водою всѣ низины, всѣ лощины своей долины; во многихъ мѣстахъ онъ разливается тогда верстъ на 30 въ ширину: это—настоящее море въ движеніи, и съ середины его не видно береговъ [1]). По сильнымъ колебаніямъ своего уровня и объема водъ, Донъ походитъ скорѣе на горный потокъ: онъ поочередно то выступаетъ изъ береговъ, то мелѣетъ не въ мѣру. Нѣкоторые изъ его притоковъ даже совершенно пересыхаютъ лѣтомъ. Хотя на европейскомъ континентѣ долины и овраги этой части полуденной Россіи представляютъ совершенно тотъ же характеръ, какъ уадисы нѣкоторыхъ сухихъ странъ

[1]) *Павловичъ*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Екатеринославская губернія.

Азіи и Африки,—рѣки этихъ овраговъ дѣлятся на „сухія“ и „мокрыя“, и даже послѣднія по большей части суть ничто иное, какъ ручьи, вода которыхъ съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу въ глинистой почвѣ. Тѣмъ не менѣе, колодцы, выкапываемые на глубинѣ отъ 25 до 37 саженъ, вездѣ даютъ въ изобиліи воду хорошаго качества [1]). Съ того времени, какъ центральная Россія и лѣсистыя области южной Россіи были оголены на обширныхъ пространствахъ и лишились своихъ лѣсовъ, регулировавшихъ теченіе рѣкъ, эти уклоненія въ объемѣ водъ Дона еще болѣе усилились; можетъ быть также, что и климатъ сталъ суше, какъ это замѣчено далѣе на западѣ, въ бассейнахъ Днѣпра и Дуная, и на востокѣ — въ бассейнахъ Урала, Эмбы, Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Достовѣрно извѣстно, что Донецъ, который течетъ параллельно главной рѣкѣ съ западной и южной сторонъ, былъ судоходной рѣкой въ семнадцатомъ и въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; суда поднимались вверхъ по его теченію на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ; теперь же судоходство можетъ быть совершаемо только въ низовьяхъ рѣки, и то только въ періодъ разливовъ; въ обыкновенное время ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превышаетъ 9 или 10 саженъ, а между тѣмъ Донецъ протекаетъ не менѣе 735 верстъ. Его называютъ Сѣвернымъ Донцомъ, хотя не существуетъ никакого Южнаго Донца, если не считать одного рукава нижняго Дона, въ области дельты. На югъ отъ Донца степь является во всей ея безотрадной наготѣ: тамъ не только нѣтъ лѣсовъ, но даже не увидишь рощицъ изъ мелкаго дуба и дикой груши, какія растутъ на сѣверѣ въ защищенныхъ мѣстахъ, Луговъ въ собственномъ смыслѣ тоже нѣтъ: трава здѣсь не разстилается сплошнымъ дерновымъ ковромъ, а торчитъ пучками, разсѣянными по землѣ. Въ этихъ гладкихъ и голыхъ равнинахъ *бураны*, или зимнія вьюги, не встрѣчая никакого препятствія, дуютъ со всей яростью; это въ полномъ смыслѣ *метели*, названіе которыхъ, происходящее отъ слова „мести“, какъ нельзя лучше выражаетъ страшную силу степнаго вѣтра, который, словно метлой, очищаетъ поверхность степи и часто загонялъ цѣлыя стада въ воды Азовскаго моря или Сиваша.

Самая важная, но не самая обширная каменноугольная область Россіи залегаетъ, на пространствѣ около 25,000 квадр. верстъ, въ Донецкомъ бассейнѣ и преимущественно въ полуденной его части. Съ 1865 года въ этомъ бассейнѣ открыли на небольшой глубинѣ до 650 слоевъ ископаемаго угла, имѣющихъ среднимъ числомъ 30 сантиметровъ [2]) толщины, но мѣстами достигающихъ 10 аршинъ мощности, и состоящихъ изъ минеральнаго топлива всевозможнаго качества, отъ антрацита почти чистаго

---

[1]) *Акад. Гельмерсенъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome VIII, 1865 г.

[2]) *Акад. Гельмерсенъ*, цитированное сочиненіе.

до жирнаго угля. Безчисленные овраги, которыми изрѣзана вся эта мѣстность, позволяютъ изучать образованіе и расположеніе этихъ пластовъ и облегчаютъ работы рудокоповъ. Указанныя въ первый разъ инженеромъ Оливьери въ 1827 году, затѣмъ тщательно изслѣдованныя г. Лепле[1]) въ 1837 году, мѣсторожденія Донецкаго угля долго оставались безъ всякаго употребленія; во время Крымской войны русскіе, лишенные англійскаго минеральнаго топлива, не имѣли даже необходимыхъ снарядовъ, чтобы добывать себѣ уголь, въ изобиліи находящійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Азовскимъ моремъ. Мало того: хотя желѣзная руда существуетъ въ большомъ количествѣ въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, металлургическіе заводы обработывали тамъ единственно уральскую руду, и артиллерійскія орудія и снаряды доставлялись изъ Петрозаводска, изъ Перми, съ границъ сѣверныхъ пустынь. Еще и въ наши дни крестьяне каменноугольной области продолжаютъ топить свои хаты скотскимъ каломъ (кизякомъ) и соломой, вмѣсто того чтобы употреблять уголь, который земля заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ вокругъ ихъ деревень. Со временъ Крымской войны, добываніе каменнаго угля, равно какъ и желѣзной руды, въ Донецкомъ бассейнѣ постоянно увеличивалось: въ 1839 году оно не превышало 870,000 пудовъ, тогда какъ въ наши дни одна только группа копей, Грушевская, доставляетъ этого продукта количество въ пятнадцать разъ болѣе значительное, благодаря желѣзной дорогѣ, пересѣкающей округъ, и сосѣдству городовъ Новочеркаска, Ростова-на-Дону, Таганрога. Добыча на Донецкихъ каменноугольныхъ копяхъ въ 1872 году простиралась до 40 милліоновъ пудовъ[2]). Пароходы Дона, Азовскаго и Чернаго морей употребляютъ донецкій уголь и тѣмъ самымъ способствуютъ косвенно промышленному прогрессу и заселенію страны.

Уменьшенная въ протяженіи геологическими переворотами, отдѣлившими ее отъ Каспія, водная площадь, извѣстная подъ именемъ Азовскаго „моря", съузилась еще въ теченіе историческихъ временъ,—гораздо менѣе, впрочемъ, чѣмъ можно бы было думать, основываясь на преданіяхъ. Геродотъ, правда, говоритъ, что Palus Maeotis (древнее названіе Азовскаго моря) имѣло поверхность почти равную поверхности Понта - Эвксинскаго; но съ тѣхъ поръ какъ эллинскіе мореплаватели обошли все это внутреннее море и основали колоніи на его берегахъ, они убѣдились въ незначительномъ протяженіи залива въ сравненіи съ открытымъ моремъ, и даже кажется, что большинство греческихъ писателей преувеличивали болотистый характеръ одной части этого бассейна. Такъ, напримѣръ, говоря о нашествіи варваровъ въ предѣлы Европы, разсказывали, будто гунны перешли это море въ бродъ, идя слѣдомъ за

[1]) *De Play*, Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, tome IV.

[2]) Въ 1879 г.— 76½ милл. пуд., въ томъ числѣ кам. угля 47 милл. пуд. и антрацита 29½ милл. пуд. *Ред.*

*

ланью, которая пристала къ крымскимъ берегамъ, затѣмъ перебрались вплавь черезъ узкій каналъ. Даже византійскій историкъ Зосима утверждаетъ, что въ ту эпоху Босфоръ Киммерійскій, нынѣ проливъ Керченскій, сдѣлался твердой землей. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что полторы тысячи лѣтъ тому назадъ Меотійское море было немного обширнѣе и глубже, чѣмъ оно есть въ наши дни: наносы Дона постепенно съузили его бассейнъ и возвысили его дно. Профиль дельты совершенно измѣнился, и описанія, которыя намъ даетъ Страбонъ, нисколько не соотвѣтствуютъ нынѣшней формѣ береговъ [1]).

Городъ Танаисъ, который греки основали у самаго устья Дона и который во времена Птоломея находился уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, давно уже пересталъ существовать; но, благодаря архитектурнымъ обломкамъ и надписямъ, г. Леонтьеву удалось отыскать, между Синявкой и деревней Недвиговкой или, „хуторомъ Недвиговскимъ", мѣстоположеніе, занимаемое нѣкогда этимъ торговымъ городомъ: мѣсто это отстоитъ теперь почти на десять верстъ отъ древняго устья большаго Дона, превратившагося въ мертвый рукавъ („Мертвый Донецъ"). Главное теченіе рѣки перешло къ югу, и на берегу этого новаго потока стоитъ городъ Азовъ, бывшій нѣкогда преемникомъ Танаиса по важности стратегической и торговой. Тамъ, гдѣ воды текутъ въ наибольшемъ обиліи, и рѣчные наносы отлагаются у береговъ моря въ наиболѣе значительныхъ количествахъ. Можно даже удивляться, что струя Дона, постоянно несущая песокъ степей, среднее содержаніе котораго составляетъ $^1/_{1200}$ воды, не удлинняетъ дельту въ болѣе быстрой прогрессіи (годовое количество наносовъ исчисляется въ 6.517.000 куб. метровъ): эту относительную медленность процесса засоренія моря рѣчными осадками приписываютъ бурнымъ вѣтрамъ, дующимъ впродолженіе столь значительной части года изъ восточныхъ и сѣверовосточныхъ областей [2]). Зыбь образуется въ самомъ сосѣдствѣ береговъ, и твердыя частицы, еще носящіяся въ водѣ, даже кусочки земли уже отложившіеся и обширныя тинистыя мели, увлекаются волненіемъ въ открытое море и разносятся далеко по берегамъ. Такимъ образомъ, геологическая работа Дона состоитъ гораздо болѣе въ повышеніи дна морскаго, чѣмъ въ образованіи островов и въ удлинненіи полуострововъ. По Гельмерсену, годовое приращеніе морской дельты составляетъ въ среднемъ выводѣ не болѣе 9,38 аршинъ [3]).

Восточная оконечность Азовскаго моря, то-есть заливъ длиною около

---

[1]) *А. Сухомлинъ*, Люція Азовскаго моря и Керчь-Еник. пролива, 1854 г.; — *Борисякъ*, Геологическо-гидрографическое изслѣдованіе нижняго Дона.

[2]) *К. Веселовскій*, О климатѣ Россіи.

[3]) *Акад. Гельмерсенъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg XI, № 4.

120 верстъ, который специально называютъ Таганрогскимъ рейдомъ, можетъ быть разсматриваемъ во всемъ его объемѣ какъ простое продолженіе Дона, по прѣсному вкусу его водъ, по его теченію, по извилинамъ его судоходнаго фарватера, напоминающимъ излучины рѣки. Совокупность этого залива, гдѣ наибольшая глубина $10^{1}/_{2}$ аршинъ, но который въ среднемъ выводѣ представляетъ судамъ не болѣе 10—13 футъ глубины, повидимому, уменьшилась почти на полтора фута съ того времени, какъ были составлены первыя морскія карты, въ царствованіе Петра Великаго; но очень трудно сравнивать промѣры дна, произведенныя въ разныя эпохи въ главномъ бассейнѣ Азовскаго моря, потому что измѣрительные приборы были бросаемы не въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и даже не извѣстно въ точности, какую именно единицу длины употребляли первые измѣрители. Притомъ, они должны были бы отмѣчать точнымъ образомъ состояніе погоды и особенно направленіе вѣтра во время операцій, такъ какъ уровень моря измѣняется иногда на нѣсколько аршинъ подъ вліяніемъ воздушнаго теченія и атмосфернаго давленія, а также вслѣдствіе неправильныхъ качаній жидкой массы, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ на Женевскомъ озерѣ, гдѣ они извѣстны подъ именемъ „seiches". Въ сентябрѣ 1850 года одинъ морякъ, г. Сухомлинъ, констатировалъ пониженіе уровня на 10 футовъ у восточныхъ береговъ, и множество судовъ, которыя плавали въ полной безопасности вдали отъ берега, вдругъ очутились на мели, стали неподвижно на днѣ; въ подобныхъ случаяхъ уровень Дона можетъ оказаться болѣе низкимъ, чѣмъ уровень моря[1]). Въ ноябрѣ предъидущаго года было наблюдаемо передъ Таганрогомъ обратное явленіе: тамъ, подъ вліяніемъ бѣшенаго юго-западнаго вѣтра, вода въ морѣ поднялась на двѣ съ половиной сажени. Дно Азовскаго моря, безъ сомнѣнія, должно было нѣсколько повыситься со временъ грековъ, хотя измѣренія, данныя Полибіемъ, почти соотвѣтствуютъ недавнимъ промѣрамъ для большей части протяженія бассейна: средняя глубина Азовскаго моря—около 33 футовъ, что, при поверхности равной 33,000 квадр. верстъ, даетъ приблизительный объемъ 13,340 милліардовъ кубич. футовъ или 311 кубич. верстъ, почти въ четыре раза превосходящій объемъ Женевскаго озера. Самая значительная глубина, найденная лотомъ въ Азовскомъ морѣ, въ 1854 году, была 44 фута, тогда какъ въ 1803 году она была 48 футовъ. Эта разница происходитъ, можетъ быть, отъ какихъ нибудь мѣстныхъ или временныхъ обстоятельствъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы засореніе бассейна рѣчными осадками могло совершиться съ подобной быстротой въ теченіе полувѣка. Дно моря, состоящее изъ песка, смѣшаннаго съ глиной, какъ и почва степей, и несодержащее ни одного камня, покрывается чрезвычайно медленно новыми

---

[1]) *Борисякъ*, цитированное сочиненіе.

тоненькими слоями, гдѣ органическія вещества смѣшиваются съ песчаными обломками береговъ. Если бы наносы Дона не были отчасти увлекаемы теченіемъ въ Черное море, то Азовскій бассейнъ совершенно засорился бы въ 56,500 лѣтъ.

Если трудно констатировать отложеніе наносовъ на днѣ Азовскаго моря, то это возможно было сдѣлать безъ труда вокругъ такъ называемыхъ *косъ*, то-есть узкихъ и длинныхъ полуостровов въ формѣ изогнутаго рога, которые опираются основаніемъ объ известковый, богатый ископаемыми берегъ и выдвигаются далеко въ море. Многіе мысы оканчиваются этими странными стрѣлками изъ подвижныхъ песковъ и поломанныхъ раковинъ [1]), различно наклоненными, смотря по среднему направленію вѣтровъ и теченій; но на сѣверномъ берегу моря можно видѣть слѣдующіе одинъ за другимъ съ замѣчательной правильностью пять такихъ продолговатыхъ и остроконечныхъ мысковъ, которые всѣ изогнуты къ юго-западу съ ритмической волнистостью, всѣ вооружены на западной ихъ сторонѣ маленькими боковыми крючками [2]) и расположены отъ востока къ западу по порядку величины; за исключеніемъ одной, гдѣ теченіе рѣки нарушаетъ правильный порядокъ отложеній, косы сѣвернаго прибрежья имѣютъ также гораздо болѣе крутой скатъ на восточномъ ихъ берегу, тогда какъ съ западной стороны онѣ опираются на обширныя отмели: воды, ударяющіяся о морской берегъ, вездѣ производятъ одинаковое полукруговое волненіе, распространяющееся отъ одной косы до другой, причемъ кругъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ бо́льшую ширину имѣетъ морской бассейнъ и чѣмъ значительнѣе сила толчка, получаемаго волнами. Именно въ сосѣдствѣ этихъ косъ, гдѣ отлагаются землистыя частицы, содержащіяся въ водахъ теченія, констатированы наиболѣе быстрыя измѣненія рельефа: всѣ стрѣлки удлиннились, и окружающія пространства морскаго дна правильно повысились на нѣсколько дециметровъ (1 дец. = 4 дюйм.) или даже на цѣлый метръ (3,28 фут.) съ начала настоящаго столѣтія [3]). Такимъ образомъ, засореніе пескомъ и обмелѣніе Азовскаго моря, которое уже Страбонъ разсматривалъ какъ простое расширеніе Дона, продолжается изъ вѣка въ вѣкъ замѣтнымъ образомъ, но, однако, не настолько быстро, чтобы можно было вычислить вѣроятную долговѣчность этого внутренняго моря, предполагая, что мѣстныя колебанія почвы не измѣнятъ относительнаго уровня береговъ и водъ. Какъ справедливо сказалъ Аристотель, говоря именно объ этомъ будущемъ засореніи „Меотійскаго болота“ (Palus Maeotis), „всѣ народы,

---

[1]) *Акад. Гельмерсенъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome VII, 1864.

[2]) *Акад. Гельмерсенъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome XI, 1867.

[3]) *Акад. Беръ*, Bulletin de l'Ac. des Sc. de S.-Pét., т. V, 1863 г.

КЕРЧЬ И ГОРА МИТРИДАТА.

можетъ быть, исчезнутъ съ лица земли прежде, чѣмъ эта перемѣна совершится до конца".

Жидкая масса, приносимая Дономъ гораздо больше, по объему, той, которую Азовское море теряетъ путемъ испаренія; оттого весь этотъ заливъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ морское продолженіе рѣки, да и самъ онъ есть ни что иное, какъ притокъ Понта Эвксинскаго: его мутныя воды, которыя, можетъ быть, и заставили дать ему названіе „Синяго моря", подъ каковымъ онъ былъ извѣстенъ арабамъ и древнимъ русскимъ, изливаются черезъ Керченскій проливъ съ значительной силой, такъ что суда иногда съ трудомъ преодолѣваютъ быстроту теченія. По свойству своихъ водъ, Меотійскій заливъ есть въ одно и то же время рѣка и море. Въ Таганрогскомъ рейдѣ вода совершенно прѣсная, и моряки запасаются ею для своихъ судовъ—все равно какъ рѣчной водой; на всемъ западномъ берегу скотъ ходитъ на водопой къ морю, тогда какъ около середины бассейна вода уже соленая, хотя и въ меньшей степени, нежели вода Чернаго моря. Гебель даетъ слѣдующія цифры для удѣльнаго вѣса воды этихъ двухъ бассейновъ [1]):

Удѣльный вѣсъ воды Азовскаго моря 1,0097

„ „ „ Чернаго „ 1,01365

На западѣ Азовскаго моря разстилаются, между плоской возвышенностью южныхъ степей и Таврическимъ полуостровомъ, обширныя болота Сивашъ, вода которыхъ сильно испаряется отъ дѣйствія солнца и вѣтровъ и которыя лѣтомъ и осенью дѣйствительно заслуживаютъ это названіе, означающее „Гнилое море". Эти болота или мелкія озера, получающія прѣсную воду только изъ атмосферы, въ видѣ дождей, содержатъ среднимъ числомъ гораздо бóльшее количество соли, чѣмъ Азовское море, и даже нѣкоторыя боковыя лужи, пересыхающія лѣтомъ въ пескахъ, оставляютъ на мѣстѣ своего пребыванія слои кристаллической соли. Сивашъ доступенъ лишь плоскодоннымъ судамъ, да и то только въ сѣверной своей части: въ этомъ отношеніи онъ нисколько не измѣнился со временъ Страбона. Вѣтры, дующіе съ той и другой стороны, безпрестанно измѣняютъ очертаніе прудовъ, опоражнивая одни, засыпая другіе пескомъ; насыпь желѣзной дороги, которую недавно проложили черезъ всю эту область неопредѣленныхъ пространствъ, послужила опорной линіей для многочисленныхъ наносовъ земли, на которыхъ основались очень производительные соляные промыслы, доставляющіе почти половину всего потребляемаго въ Имперіи количества соли [2]); смотря по надобностямъ продажи, изъ этихъ озеръ извлекалось отъ 6.000,000 почти до 25.000,000 пудовъ соли.

---

[1]) Reisen in den Steppen des südlichen Russlands.

[2]) Russische Revue, № II.

Добыча на Крымскихъ соляныхъ промыслахъ[1]) въ 1873 г. 24.090,000 пуд.
" " " " " " 1874 г. 15.000,000 "
" " " " " " 1875 г. 5.900,000 "
" " " " " " 1876 г. 12.300,000 "

Сивашъ, столь мало правильный въ своихъ очертаніяхъ, отдѣленъ отъ Азовскаго моря косой замѣчательной правильности, профиль которой отличается не меньшей отчетливостью, какъ контуры упомянутыхъ выше образованій этого рода. Эта коса, называемая Арабатской по имени маленькаго порта, стоящаго на южной ея оконечности, тянется въ длину на сто слишкомъ верстъ (106 в.), имѣя въ ширину отъ полутора до пяти верстъ; коса почти сплошь состоитъ изъ песку, который вѣтеръ и волны распредѣлили по правильнымъ линіямъ, но она заключаетъ также, преимущественно на сѣверѣ, кряжи изъ глины и известковаго камня, которые послужили столбами для песчаной насыпи, отложившейся отъ одного берега до другаго. Въ настоящее время Гнилое море сообщается съ Азовскимъ посредствомъ одного только протока, который открывается у сѣверной оконечности Арабатской косы передъ мѣстечкомъ Геническъ и ширина котораго мѣняется, смотря по направленію вѣтровъ и намыву песковъ, приносимыхъ то съ Азовскаго моря, то съ Сиваша, сообразно ходу теченій. Въ 1860 году ширина канала въ Геническомъ протокѣ была только 65 саженъ. Между тѣмъ Страбонъ говоритъ о широкомъ отверстіи, соединяющемъ Гнилое море съ Азовскимъ: очевидно, форма Арабатской косы измѣнилась со временъ древняго географа.

Можно сказать, что рѣка, выходящая изъ Азовскаго моря черезъ Еникальскій проливъ, имѣетъ свой баръ, какъ всѣ вообще рѣчные потоки, воды которыхъ сталкиваются съ водами открытаго моря. На порогѣ этого пролива толщина слоя воды не болѣе двухъ саженъ, среднимъ числомъ; но къ югу отъ этого бара морское ложе, принадлежащее уже къ Черноморскому бассейну, быстро углубляется: лотъ находитъ около $9^1/_3$ саженъ на продолженіи линіи, образуемой полуденнымъ берегомъ Крыма. На югѣ отъ этихъ воротъ пролива, глубины увеличиваются очень правильно до рва глубиною въ одну версту 370 сажени, который нашли между Керчью и Сухумъ-Кале, изслѣдуя морское дно для проложенія подводнаго телеграфнаго кабеля[2]). Потокъ, выходящій изъ Азовскаго моря, теряется въ общемъ движеніи водъ Чернаго моря, направляющемся правильно вдоль береговъ. На западѣ отъ Керченскаго пролива и Крымскаго прибрежья, это теченіе Понта Эвксинскаго увеличивается водами, которыя ему приносятъ его притоки: Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ, Дунай. Облегченная отъ части жидкой массы теченіемъ, выливающимся черезъ Босфоръ, морская

---

[1]) Въ 1878 г.—болѣе 12 милл. пуд., въ 1879 г.—почти 12 милл. пуд. *Ред.*

[2]) Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества, 1870 г., томъ V, № 8.

рѣка поворачиваетъ къ востоку, чтобы слѣдовать вдоль береговъ Анатоліи и снова начать за Батумомъ круговоротъ Чернаго моря. Скорость этого теченія измѣняется отъ 420 саженъ до двухъ верстъ 285 саженъ въ часъ и увеличивается или уменьшается, смотря по направленію вѣтровъ [1]).

Фауна Азовскаго моря и Понта Эвксинскаго, также какъ изслѣдованіе выступившихъ изъ-подъ воды пространствъ, даетъ доказательство прежняго соединенія двухъ бассейновъ—Чернаго моря и Каспія, образовывавшихъ нѣкогда одну непрерывную морскую площадь. Въ самомъ дѣлѣ, странствующія рыбы, равно какъ рыбы, которыя обыкновенно водятся въ солоноватыхъ водахъ, и наконецъ, тѣ, которыя живутъ безразлично въ солоноватой или соленой водѣ, представляютъ въ обоихъ этихъ бассейнахъ почти совершенное тождество. Весьма вѣроятно, что отдѣленіе Чернаго моря отъ Каспія совершилось задолго до того времени, когда открылся соединительный проливъ между Понтомъ Эвксинскимъ и Средиземнымъ моремъ. Между тѣмъ какъ, вслѣдствіе продолжительнаго различія среды, рыбы одного и того же происхожденія, обитающія въ двухъ моряхъ, раздѣленныхъ понто-каспійскимъ перешейкомъ, уже дифференцировались нѣсколько въ разновидности и виды, рыбы Средиземнаго моря, которыя проникли въ Черное, сохранили свой типъ. Нужно замѣтить, что это переселеніе видовъ Средиземнаго моря по дорогѣ, которую имъ открываютъ Дарданеллы и Босфоръ, продолжается и понынѣ, ибо въ это послѣднее время доказано существованіе у береговъ Россіи различныхъ видовъ рыбы, свойственныхъ Средиземному морю и которые ускользали отъ прежнихъ изслѣдователей. Впрочемъ, виды распредѣляются естественно по степени солености водъ. Въ главномъ бассейнѣ Понта Эвксинскаго животное царство состоитъ преимущественно изъ видовъ, свойственныхъ Средиземному морю; напротивъ, въ Одесскомъ заливѣ, около устьевъ Дуная, Днѣпра и Днѣстра, въ Азовскомъ морѣ, гдѣ воды менѣе солены, почти всѣ виды принадлежатъ къ каспійской фаунѣ [2]).

Между населеніемъ покатости Азовскаго моря особенно замѣчательно, по своей исторіи, правамъ, обычаямъ и политической организаціи, донское казачество, которое происходитъ по большей части отъ великорусскихъ бѣглецовъ; однако, къ этому главному элементу несомнѣнно были примѣшаны также татарскіе казаки изъ Азова: первый начальникъ или атаманъ донскихъ казаковъ, о которомъ упоминаютъ документы въ 1549 году, носитъ именно татарское прозвище Сарыазманъ [3]), и только сто слишкомъ лѣтъ спустя, въ 1653 году, они построили свою первую церковь; до восемнадцатаго столѣтія церемонія брачнаго обряда ограничи-

---

[1]) *Шмидтъ*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губернія.

[2]) *Проф. Кесслеръ*, Russische Revue, 1875 г., 4-й выпускъ.

[3]) *А. П. Соколовскій*, Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ.

валась простымъ словеснымъ заявленіемъ супруговъ передъ собраніемъ казаковъ [1]). Крестьяне и посадскіе люди, обиженные помѣщиками и воеводами, несчастные, угрожаемые какимъ-нибудь поголовнымъ истребленіемъ, и впослѣдствіи раскольники, преслѣдуемые за приверженность къ старой вѣрѣ, обыкновенно искали убѣжища въ привольныхъ степяхъ: спасшись бѣгствомъ отъ своихъ притѣснителей, они селились въ какой нибудь луговой низинѣ, гдѣ-нибудь въ глухомъ, отдаленномъ оврагѣ, и, живя постоянно на-сторожѣ, они были готовы во всякое время бѣжать снова или сопротивляться вооруженной рукой, смотря по силѣ и численности враговъ, мусульманъ или христіанъ, которые нападали на ихъ пристанища; такимъ-то образомъ заселилось мало по малу все пространство, залегающее между сліяніемъ Дона съ Медвѣдицей и Азовскимъ моремъ,—область, бывшая еще пустынной въ 1521 году. Уже въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка московскіе поселенцы на нижнемъ Дону стали настолько многочисленны, что образовали могущественную конфедерацію, платившую татарамъ набѣгомъ за набѣгъ; при этомъ, однако, было условлено между двумя націями грабителей, чтобы никогда не выжигать травы въ степяхъ, которая прокармливала стада тѣхъ и другихъ [2]). Впослѣдствіи запорожскіе казаки и другіе малороссіяне присоединялись, въ качествѣ равныхъ, къ казакамъ великорусскаго происхожденія и селились по большей части на берегахъ нижняго Дона; даже въ наши дни малороссійскіе казаки, которымъ случается во время своего странствованія просить гостепріимства у казаковъ этой области, всегда встрѣчаются послѣдними, какъ братья, тогда какъ великорусскихъ крестьянъ донцы принимаютъ только какъ гостей. Любопытно, что великоруссы, поселившіеся въ низовьяхъ Дона, отдѣлены отъ главной массы своего племени пространствами, которыя оставались пустынными до прибытія въ край малорусскихъ колонистовъ въ семнадцатомъ столѣтіи; эта этнографическая странность объясняется тѣмъ, что каждая шайка холопей и крестьянъ, бѣжавшихъ отъ притѣсненія помѣщиковъ, старалась поселиться какъ можно дальше отъ своего отечества. Бѣглецы всякаго рода и племени изъ восточной Европы и съ береговъ Чернаго моря искали убѣжища у этихъ удальцовъ, въ одно и то же время разбойниковъ и героевъ: всѣ пришельцы охотно принимались, съ условіемъ носить имя казаковъ. Не безъ удивленія встрѣчаешь между прибрежными жителями Дона большое число нѣмецкихъ фамилій [3]): переселяясь изъ страны въ страну, саксонцы и швабы кончали тѣмъ, что становились вольными казаками русскихъ степей. Только въ 1810 году правительствующій сенатъ запретилъ казакамъ принимать въ свою среду польскихъ шляхтичей.

---

[1]) *Е. И. Якушкинъ,* Обычное право. Ярославль 1875 г.

[2]) *Н. Красновъ,* Земля Войска Донскаго. Спб., 1863 г.

[3]) Письма о путешествіи Государя Наслѣдн. Цесаревича отъ Петербурга до Крыма.

Едва организовавшись въ правильную общину, донскіе казаки признали надъ собой верховную власть московскаго царя: въ 1570 году они отдали себя подъ покровительство Ивана Грознаго, но еще долго послѣ того повторяли свою поговорку: „царь царствуетъ въ Москвѣ, а казакъ на Дону". Донскіе казаки принимали участіе во всѣхъ превратностяхъ судьбы Московскаго государства, во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ его исторіи: такъ, между прочимъ, они завоевали, подъ предводительствомъ Ермака Тимоѳеевича, Сибирское царство; они же служили оплотомъ противъ турецкаго могущества во всей юго-восточной области. Подобно днѣпровскимъ запорожцамъ, донскіе казаки, сгруппированные тамъ и сямъ въ станицы, выбирали для своихъ сборныхъ и оборонительныхъ притоновъ преимущественно глухіе острова, окруженные мелями, камышами, лѣсными чащами, гдѣ ихъ трудно было преслѣдовать. Но турецкая крѣпость Азовъ сильно стѣсняла ихъ въ отношеніи свободнаго обладанія островами Дона; они успѣли овладѣть ею на нѣкоторое время въ 1574 году, потомъ, въ союзѣ съ запорожцами, въ 1637 году; но когда они опять взяли Азовъ въ 1696 году, то это уже было при помощи инженеровъ и пушекъ Петра Великаго, который долженъ былъ снова потерять ее. Однако, этотъ укрѣпленный пунктъ и устья Дона, столь важныя въ стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ, не были оставлены въ ихъ рукахъ. Правительство, всегда смотрѣвшее съ недовѣріемъ на казачество, основало, въ 1731 году, крѣпость Ростовъ, округъ которой—тотъ, гдѣ сосредоточено населеніе и торговое движеніе, до сихъ поръ остается выдѣленнымъ изъ области Войска Донскаго. Но уже ранѣе основанія Ростова донскіе казаки утратили свою независимость. Петръ Великій, недовольный тѣмъ, что они принимали къ себѣ и не выдавали бѣглецовъ изъ центральной Россіи (тяглыхъ людей, спасавшихся отъ рекрутчины и новыхъ налоговъ), подавилъ казацкое возмущеніе (подъ начальствомъ Булавина) съ крайней строгостью. Начальникъ царскихъ войскъ, кн. Василій Долгорукій, разрушилъ до основанія непокорныя станицы и перевѣшалъ множество мятежниковъ (по рѣкамъ пущены были плоты съ повѣшенными на нихъ казаками); семь тысячъ казаковъ погибло при этомъ усмиреніи, и большое число ихъ ушло искать убѣжища въ Кубанской области, а оттуда въ Турцію[1]).

Нравы и образъ жизни разныхъ группъ донскихъ казаковъ зависятъ болѣе отъ различія мѣстности и климата, нежели отъ различія происхожденія. Сѣверные казаки, живущіе выше слiянія Дона и Медвѣдицы, почти всѣ осѣдлые земледѣльцы. Еще въ началѣ восемнадцатаго столѣтія казакъ-пахарь презирался своими собратами; а нѣсколько ранѣе, въ

[1]) Одинъ изъ предводителей возстанія, Некрасовъ, ушелъ сначала на Кубань, потомъ съ частью своихъ казаковъ перебрался въ Добруджу, на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ потомки этихъ казаковъ извѣстны теперь подъ именемъ некрасовцевъ. *Прим. перев.*

1690 году, казацкое вѣче (кругъ), узнавъ, что на берегахъ Хопра и Медвѣдицы сѣютъ хлѣбъ, запретило этотъ промыселъ подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества[1]. Однако, сила вещей взяла свое и заставила мало по малу приняться за плугъ. Казаки ближайшіе къ центральной Россіи научились у своихъ сосѣдей утилизировать плодородный черноземъ степей, которыя сдѣлались ихъ отечествомъ. Казаки нижняго бассейна, гдѣ земли менѣе плодоносны, ограничиваются по большей части воздѣлываніемъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, баштановъ (полей, засѣянныхъ арбузами); кромѣ того, они занимаются рыболовствомъ, коневодствомъ, разработкой соляныхъ озеръ, мелкой торговлей, городскими промыслами и ремеслами. У южныхъ казаковъ, также какъ и у сѣверныхъ, чисто военное устройство все менѣе и менѣе соотвѣтствуетъ ихъ гражданской жизни, ихъ земледѣльческой и торговой дѣятельности. По положенію о землѣ Войска Донскаго, они раздѣлены на полки. Всѣ молодые люди казачьяго сословія, по достиженіи семнадцати-лѣтняго возраста, дѣлаются солдатами или поступаютъ на службу въ войсковую администрацію, сообразно военнымъ уставамъ; начальники ихъ, за исключеніемъ станичныхъ, назначаются правительствомъ; войсковой атаманъ всегда выбирается между сановниками Имперіи, непринадлежащими къ казачьему сословію, а титулъ главнаго атамана присвоенъ Наслѣднику престола. Однако, самый жизненный интересъ для казаковъ представляетъ теперь не вопросъ о рангахъ и повышеніяхъ, а вопросъ о землевладѣніи. Правительство рѣшило его, учредивъ земельную аристократію: уже въ 1775 году, по желанію Потемкина, дарованы были казачьимъ офицерамъ права дворянства, что позволило имъ имѣть крѣпостныхъ; послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, каждый начальникъ получилъ на свою долю отъ 100 до 1,500 десятинъ земли, смотря по чину, тогда какъ простые казаки сдѣлались собственниками участковъ, все-таки весьма значительныхъ—въ 30 десятинъ. Въ прежнее время вся территорія донскихъ казаковъ составляла коллективную собственность, и даже сами станицы, то-есть военныя общины, не имѣли права овладѣвать тѣмъ или другимъ земельнымъ участкомъ для цѣлой группы. Нынѣ земля вездѣ раздѣлена, станицы, бывшія первоначально сторожевыми постами, превращаются въ города, и не-казацкое населеніе все болѣе и болѣе примѣшивается къ потомкамъ стараго казачества, которые составляютъ нынѣ около двухъ третей общаго числа жителей области[2]. Донскіе казаки еще помнятъ и воспѣваютъ въ своихъ пѣсняхъ подвиги предковъ, войны съ татарами, взятіе Азова, возмущеніе Степана Разина, который, по словамъ легенды, леталъ по воздуху на волшебномъ войлокѣ и обращался въ рыбу, когда

[1]) *Соколовскій,* цитированное сочиненіе.

[2]) Въ 1880 г., изъ общаго числа жителей (около 1.405,000 душъ), на долю лицъ военнаго сословія приходилось, круглымъ числомъ, 950,000 душъ. *Ред.*

надо было переплыть Волгу; но сами они сдѣлались такими же русскими подданными, какъ ихъ сосѣди, хотя подчиненными болѣе сложному управленію; отъ прежней вольности ихъ теперь осталось только воспоминаніе. Во времена политическихъ смутъ правительство, для усиленія наружной полиціи, употребляло преимущественно донскихъ казаковъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи.

Бо́льшая часть территоріи, простирающейся на сѣверо-западъ отъ области Войска Донскаго, также имѣла прежде казацкое устройство. Эта область обнимала нынѣшнюю Харьковскую губернію, съ сосѣдними частями губерній Курской и Воронежской. Принадлежа съ давнихъ поръ къ Московскому государству, эти земли оставались еще почти безлюдными, когда онѣ были назначены, какъ мѣсто убѣжища, малороссійскимъ крестьянамъ, убѣгавшимъ отъ своихъ польскихъ помѣщиковъ. Эти переселенцы основали казацкія *слободы*, извѣстныя въ тогдашнемъ Московскомъ царствѣ подъ именемъ „черкасскихъ", употребляемымъ еще и нынѣ; они также пользовались нѣкоторой автономіей и были раздѣлены на полки, но не имѣли федеральной связи. Ихъ самостоятельное устройство было уничтожено въ 1765 году, одновременно съ упраздненіемъ малороссійскаго гетманства; но казаки Слободской Украйны не сохранили своего имени какъ казаки губерній Полтавской и Черниговской; очень многіе изъ нихъ даже были обращены въ крѣпостное состояніе и соединены съ великорусскими холопами, приведенными въ край московскими помѣщиками. Можно, однако, сказать вообще, что жители мѣстностей, составлявшихъ нѣкогда Слободскую Украйну, менѣе бѣдны, нежели жители центральной Россіи; эти малороссы, потомки вольныхъ казаковъ, имѣютъ въ своей средѣ очень большое число купцовъ и промышленниковъ и отличаются въ наибольшей степени „великорусскими" качествами—дѣятельностью и предпріимчивостью [1]). Во многихъ деревняхъ двѣ народности, малорусская и великорусская, живутъ одна подлѣ другой, и двѣ части селенія, раздѣленныя рѣчкой или оврагомъ, представляютъ рѣзкій контрастъ: съ одной стороны вы видите раскиданныя по-одиночкѣ хаты малороссіянъ, деревянные домики, обмазанные снаружи глиной и выбѣленные мѣломъ, окруженные садами и цвѣтниками; съ другой—длинные ряды русскихъ избъ, голыхъ бревенчатыхъ построекъ, безъ всякой зелени, придающей жилью болѣе веселый видъ.

Поселенцы прилегающихъ къ Азовскому морю степей принадлежатъ, какъ и колонисты, заселившіе Новороссійскій край, къ самымъ разнообразнымъ расамъ и національностямъ. Нѣмецкій элементъ имѣетъ здѣсь многочисленныхъ представителей. Существуютъ также колоніи евреевъ-земледѣльцевъ; да и татары по берегамъ моря не были совершенно вы-

---

[1]) *В. Михалевичъ*, Воронежская губернія. Спб., 1862 г.

тѣснены христіанами. Затѣмъ здѣсь мы находимъ кавказцевъ различныхъ племенъ, которые были переселены на сѣверъ Азовскаго моря и такимъ образомъ сдѣлались противъ воли обитателями этой страны. Наконецъ, въ сосѣдствѣ Маріуполя живутъ греки, вѣроятно, очень смѣшанные, которые почти совсѣмъ позабыли языкъ своихъ предковъ, но сохранили православное вѣроисповѣданіе. Они происходятъ отъ жителей Таврическаго полуострова, которые переселились въ Россію при Екатеринѣ II и съ той поры приняли языкъ, а отчасти и нравы своихъ господъ, татаръ. Эти греки вообще слывутъ безпечными и лѣнивыми; они такъ сильно отличаются отъ другихъ эллиновъ по характеру, что ихъ можно считать какъ бы выродившимися или утратившими основныя черты своей расы [1]). Сербы и калмыки, тоже поселенные въ краѣ въ восемнадцатомъ столѣтіи, совершенно слились съ массой русскаго населенія.

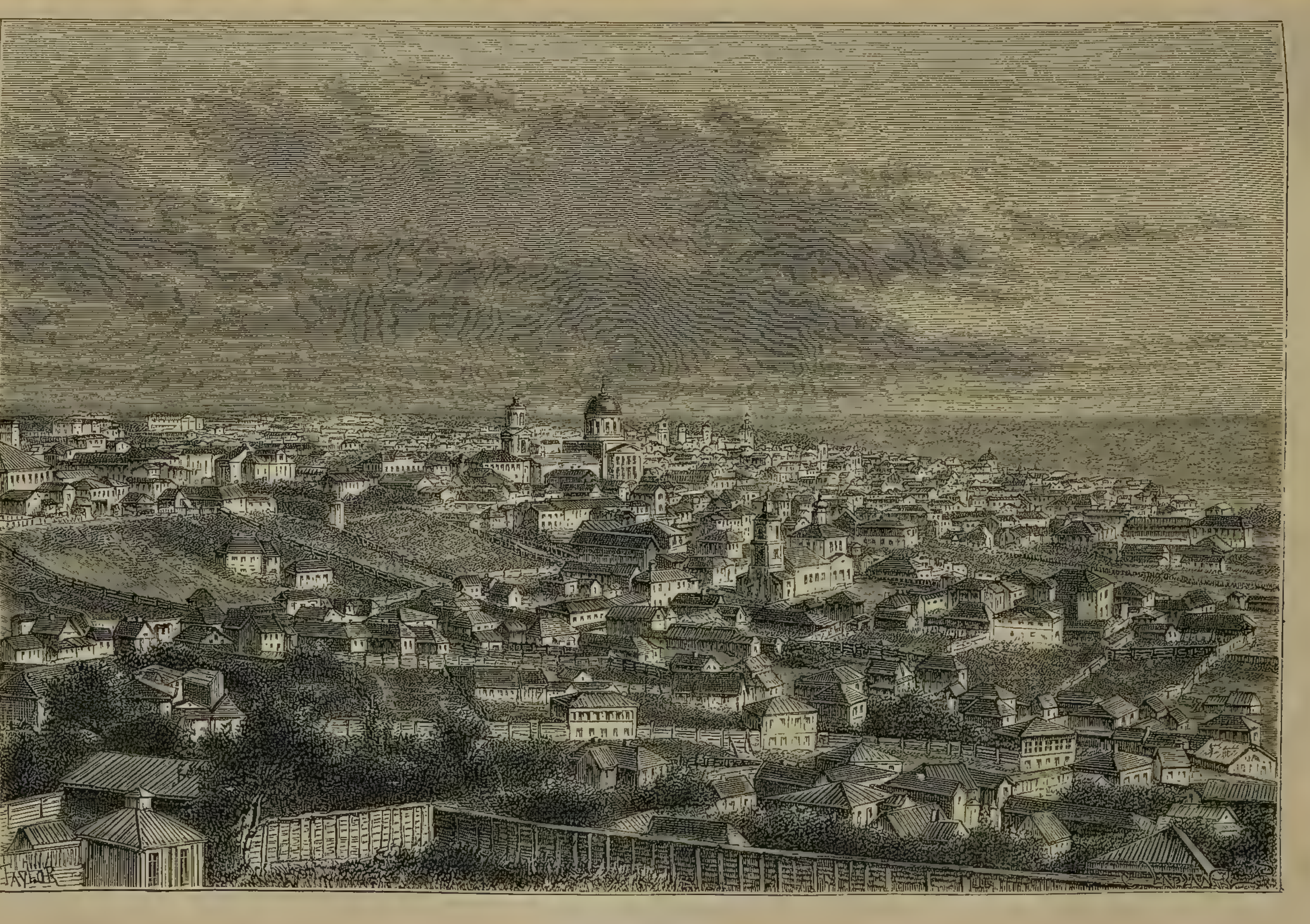
Въ верхнемъ бассейнѣ Дона одно изъ первыхъ мѣстечекъ—Куликовка, подлѣ которой находится знаменитое Куликово поле, гдѣ союзныя русскія войска Москвы и Литвы, подъ предводительствомъ великаго князя Дмитрія Донскаго, одержали въ 1380 году блистательную побѣду надъ полчищами Мамая [2]). Въ этой области, одной изъ самыхъ плодородныхъ въ черноземной полосѣ, города многочисленны и ведутъ большую торговлю земледѣльческими произведеніями: Ефремовъ, Лебедянь, Ливны, Елецъ, Задонскъ, Землянскъ — значительные рынки, хорошо извѣстные таганрогскимъ и одесскимъ купцамъ, по производимымъ ими отправкамъ хлѣба и гуртовъ скота. Самый важный изъ этихъ городовъ и одинъ изъ наиболѣе славящихся производствомъ муки — Елецъ, на р. Соснѣ, западномъ притокѣ Дона. Народныя пословицы говорятъ объ елецкихъ „ворахъ" и „конокрадахъ". Эта дурная слава про жителей Ельца и другихъ сосѣднихъ городовъ, находящихся въ восточной части Орловской губерніи, произошла, вѣроятно, отъ положенія этого края на бывшей „украйнѣ", долго оспариваемой, гдѣ конокрадство могло быть совершаемо гораздо легче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Воронежъ, рѣка-близнецъ верхняго Дона, также проходитъ черезъ густо населенную область, гдѣ есть нѣсколько важныхъ городовъ, какъ, напримѣръ, Козловъ и Липецкъ, изъ которыхъ послѣдній извѣстенъ своими минеральными (желѣзистыми) водами. Губернскій городъ Воронежъ обязанъ своимъ важнымъ торговымъ значеніемъ преимущественно выгодному положенію на рѣкѣ того же имени, въ небольшомъ разстояніи отъ сліянія ея съ Дономъ. Онъ имѣлъ уже до 5,000 жителей въ концѣ семнадцатаго столѣтія, когда Петръ Великій учредилъ въ немъ адмиралтейство, велѣлъ построить крѣпость, арсеналъ, верфи и соорудить

---

[1]) *Mackenzie Wallace*, Russia.

[2]) На Куликовомъ полѣ воздвигнутъ памятникъ, открытый въ день пятисотлѣтней годовщины событія, 8 сентября 1880 г. *Прим. перев.*

ВОРОНЕЖЪ.

цѣлую флотилію изъ 55 судовъ, вооруженную слишкомъ 2,500 пушекъ и имѣвшую до 4,000 человѣкъ обыкновеннаго экипажа. Тысячи рубщиковъ лѣса должны были переселиться съ береговъ Сѣверной Двины на берега Воронежа, чтобы помогать при постройкѣ кораблей въ этомъ рѣчномъ портѣ, очень бѣдномъ водой. Впрочемъ, вскорѣ пришлось перевести кораблестроительную верфь на Донъ, ниже впаденія Воронежа. Въ наши дни по этой послѣдней рѣкѣ ходятъ только барки. Городъ Воронежъ принадлежитъ къ числу наиболѣе посѣщаемыхъ богомольцами мѣстъ въ Россіи и отличается своей литературной дѣятельностью между всѣми великорусскими городами, неимѣющими университета. На востокѣ, въ обширныхъ степяхъ, по которымъ протекаетъ рѣка Битюгъ, маловодный притокъ Дона, находятся важнѣйшіе въ Россіи казенные конскіе заводы; здѣсь разводится знаменитая порода орловскихъ рысаковъ.

Усмань, на сѣверо-востокѣ отъ Воронежа, находится въ сравнительно небольшомъ разстояніи отъ административнаго центра губерніи. На югѣ Коротоякъ, на правомъ берегу Дона, и Острогожскъ, на высокомъ крутоярѣ одного притока, называемаго Тихой Сосной, были прежде казацкими крѣпостями, защищавшими край отъ татарскихъ набѣговъ. Ниже Острогожска, на той же рѣкѣ, стоитъ богатая и многолюдная слобода Алексѣевка, жители которой занимаются главнымъ образомъ культурой подсолнечника и приготовленіемъ подсолнечнаго масла. Здѣсь существуютъ артели народныхъ живописцевъ, которые изображаютъ событія изъ священной исторіи съ бóльшей свободой, чѣмъ другіе иконописцы Россіи, и малюютъ также комическія сцены на стѣнахъ и въ домахъ. Алексѣевскіе живописцы по характеру письма имѣютъ отдаленную связь съ національной школой живописи, существовавшей въ Кіевѣ въ семнадцатомъ столѣтіи.

Павловскъ, при сліяніи Дона и Осереды, также былъ первоначально колоніей „черкасскихъ“ казаковъ, гдѣ Петръ Великій основалъ кораблестроительныя верфи для своей флотиліи Азовскаго моря. Бутурлиновка или Петровская, мѣстечко, растянувшееся верстъ на 12 по р. Осередѣ, представляетъ, подобно Алексѣевкѣ, промышленную слободу, жители которой занимаются преимущественно кожевеннымъ и сапожнымъ производствомъ; между ремесленниками ея есть также много живописцевъ. Въ 1842 году крѣпостное населеніе Бутурлиновки выкупилось на волю, обязавшись заплатить, въ тридцати-семилѣтній срокъ, московскому опекунскому совѣту долгъ своего помѣщика, составлявшій 2.114,000 рублей съ процентами; послѣдній платежъ внесенъ былъ въ 1879 году,—слѣдовательно, шестнадцать лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ. Богучаръ, татарское названіе котораго напоминаетъ постоянныя войны, опустошавшія страну, и Калачъ, славящійся своими ярмарками (торговля скотомъ), тоже были слободами, которыя нѣсколько разъ заселялись московскими и черкасскими иммигрантами. Ниже, по теченію Дона, слѣ-

дуетъ рядъ станицъ, имѣвшихъ такое же происхожденіе: каждая изъ нихъ была первоначально военнымъ становищемъ, которое было, такъ сказать, временно поставлено на почву его основателями, но затѣмъ мало по малу, благодаря земледѣлію, пустило корни и сдѣлалось постояннымъ поселеніемъ. Что касается городовъ по верхнему Хопру и его притокамъ, какъ-то: Чембара, гдѣ родился Бѣлинскій, Кирсанова, Сердобска, Балашова, Борисоглѣбска, то всѣ они, по причинѣ отдаленности ихъ отъ южныхъ степей, могли возникать и рости болѣе мирно. Новохоперскъ, расположенный въ болотистой области, въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ соединеніе Хопра съ другими рѣками и рѣчками почти всего его верхняго бассейна, — одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые были основаны Петромъ Великимъ для устройства кораблестроительныхъ верфей; ярмарки его въ послѣднее время получили важное значеніе (въ 1868 году торговые обороты Новохоперской ярмарки простирались до 7.667,000 рублей). Ярмарка въ станицѣ Урюпинской, стоящей на Дону ниже Новохоперска, производитъ почти столь же значительную торговлю. Въ бассейнѣ р. Медвѣдицы, притока Дона, городъ Петровскъ обязанъ своимъ названіемъ Петру I, тогда какъ Аткарскъ, бывшая татарская колонія, сохранилъ наименованіе, данное ему первоначальными жителями. Близъ большаго колѣна Дона видны груды обломковъ, которыя считаютъ остатками Саркела, укрѣпленнаго города хазаръ, построеннаго византійскими инженерами. На юго-западѣ, тамъ, гдѣ Донъ уже принялъ западное направленіе, сохраняемое имъ до самаго впаденія въ море, замѣчательна станица Цымлянская, центръ винодѣлія и фабрикаціи шипучаго „шампанскаго".

Въ долинѣ Донца находится Харьковъ, самой большой городъ того района, воды котораго изливаются въ Азовское море. Этотъ многолюдный губернскій городъ, бывшій простой деревней въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, обязанъ своимъ важнымъ торговымъ значеніемъ счастливому географическому положенію, дѣлающему его естественнымъ посредникомъ торговаго обмѣна между Дономъ и Днѣпромъ, между Одессой и Таганрогомъ. Онъ стоитъ почти въ геометрическомъ центрѣ всей области степей, между рѣкой Сеймомъ и плоскими возвышенностями, прилегающими къ Азовскому морю: въ этомъ мѣстѣ, или въ окрестностяхъ, пересѣкались главныя дороги чумаковъ, отчасти замѣненныя нынѣ желѣзнодорожными линіями. Харьковскія ярмарки (четыре въ году) принадлежатъ къ самымъ дѣятельнымъ въ Россіи; особенно важны Троицкая (шерстяная, съ оборотомъ до 30 милл. р.) и Крещенская; обороты послѣдней простираются иногда до 20 или 25 милліоновъ рублей; эта ярмарка привлекаетъ массу посѣтителей, негоціантовъ, земледѣльцевъ, евреевъ собирающихся десятками тысячъ. Населеніе города въ это время удвоивается; до восьмидесяти тысячъ саней пріѣзжаютъ сюда изъ всѣхъ точекъ

горизонта. Харьковскіе промышленники фабрикуютъ или приготовляютъ сами большую часть товаровъ, продаваемыхъ на ярмаркѣ, въ особенности полотна, мыло, свѣчи, войлоки, сахаръ, водку, табакъ. Съ точки зрѣнія матеріальныхъ удобствъ, городъ всего болѣе терпитъ недостатокъ въ водѣ для питья: хотя онъ окруженъ маленькими рѣчками, впадающими въ Донецъ, однако жители его принуждены были добывать себѣ, съ большими затратами капитала, ключевую воду, все-таки недостаточную для покрытія потребленія. Очень дѣятельный по своей торговлѣ и промышленности, Харьковъ есть въ то же время одинъ изъ тѣхъ городовъ Россіи, которые стоятъ во главѣ умственнаго движенія. Его высшая школа сдѣлалась въ 1804 году, благодаря щедротамъ дворянства и купечества, цвѣтущимъ университетомъ, куда хотѣли привлечь грековъ и южныхъ славянъ; для занятія его каѳедръ приглашали даже такихъ европейскихъ знаменитостей, какъ Лапласъ и Фихте. Несмотря на послѣдовавшую затѣмъ реакцію, харьковскій университетъ много содѣйствовалъ пробужденію въ Россіи изученія славянскихъ литературъ. Онъ обогатился книгами, научными коллекціями, и теперь среднимъ числомъ, болѣе пятисотъ студентовъ посѣщаютъ его лекціи. Состояніе харьковскаго университета 1 января 1878 года: профессоровъ 95, студентовъ 559; годовой бюджетъ 320,000 рублей; библіотека 98,000 томовъ [1].

На сѣверѣ и востокѣ отъ Харькова, въ губерніяхъ Курской и Воронежской, первыя воды Донца и его верхнихъ притоковъ орошаютъ уже территоріи нѣсколькихъ городовъ, каковы: Золочевъ, напоминающій городъ того же имени въ Галиціи (Злочевъ), Короча, Старый Осколъ, дѣйствительно заслуживающій названіе „Стараго“, такъ какъ лѣтописи упоминаютъ о немъ уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи; Волчанскъ, Валуйки, Уразова, главная хлѣбная пристань въ Харьковской губерніи, Бѣлгородъ, получившій это названіе отъ мѣловой горы, изъ которой ломаютъ мѣлъ. Ближайшіе сосѣди Харькова—на западѣ Валки, а на востокѣ, въ мѣстѣ удобнаго перехода черезъ Донецъ, Чугуевъ,—городъ, исторія котораго представляетъ тѣ же превратности, какъ и исторія всей этой страны. Въ окрестностяхъ встрѣчаются остатки многочисленныхъ городищъ, гдѣ часто находили римскія монеты, изъ чего можно заключить, что край этотъ нѣкогда былъ довольно густо населенъ. Однако, онъ снова сталъ пустыннымъ въ шестнадцатомъ столѣтіи и оставался безлюднымъ даже въ началѣ семнадцатаго; Чугуевъ былъ въ то время ни что иное, какъ городище, груда развалинъ. Малороссійскіе колонисты, поселившіеся тутъ добровольно, равно какъ солдаты и каторжники, посылаемые московскимъ правительствомъ, могли работать на поляхъ не иначе, какъ

[1]) Къ 1 января 1882 г. студентовъ было 821, библіотека—свыше 100,000 томовъ. *Ред.*

раздѣлившись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна должна была стоять на стражѣ противъ татаръ. Чугуевъ утратилъ свое торговое значеніе, которое перешло къ Харькову.

Ниже города Изюма, вокругъ котораго уже встрѣчаются виноградники, Донецъ принимаетъ въ себя рѣку Осколъ; затѣмъ, продолжая слѣдовать вдоль крутыхъ, изрытыхъ пещерами, мѣловыхъ высотъ, которыя образуютъ его правый берегъ и на одной изъ которыхъ пріютился живописный Святогорскій монастырь, онъ соединяется съ рѣкой Торецъ. При входѣ въ долину, гдѣ течетъ эта рѣка стоитъ городъ Славянскъ, построенный на мѣстѣ расположенія Торскаго-Городища, которое, можетъ быть, было основано торками или турками и которое впослѣдствіи стали называть сокращенно Торъ; нынѣшнее наименованіе было дано ему въ честь славянскаго братства, такъ какъ колонисты, поселенные здѣсь въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, принадлежали къ сербской національности. Главный мѣстный промыселъ съ давнихъ поръ составляетъ разработка маленькихъ соляныхъ озеръ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ, особенно того изъ нихъ, которое носитъ названіе Лимана; но до окончательной побѣды русскихъ надъ ногайскими татарами часто приходилось прерывать работы по добыванію соли; озеро Лиманъ, которое, судя по его названію, нѣкогда соединялось съ Донцомъ, теперь наполовину занесено пескомъ [1]). Городъ Бахмутъ, стоящій, какъ и Славянскъ, въ боковой долинѣ Донца и на той же самой геологической формаціи, извлекалъ прежде изъ своихъ соляныхъ озеръ ежегодно до 600,000 пудовъ соли; но этотъ промыселъ теперь почти совсѣмъ оставленъ. Русское имя Бахмутъ есть ни что иное, какъ турецкое наименованіе Махмудъ или Магометъ: такъ измѣнилось въ языкѣ москвитянъ имя мусульманскаго пророка.

Славяносербскъ, построенный на мертвомъ рукавѣ Донца, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ чистой воды, былъ первоначально, какъ и Славянскъ, колоніей сербовъ, переселившихся изъ австрійскихъ владѣній въ 1753 г. Этотъ городъ расположенъ уже въ каменноугольномъ бассейнѣ нижняго Донца, минеральное топливо котораго утилизируется далѣе на западѣ въ металлургическихъ заводахъ Лугани или Луганска, основанныхъ въ 1795 г. англичаниномъ Гаскойномъ для русскаго правительства. Это обширное заведеніе, хотя очень удаленное отъ моря, должно было поставлять для флота пушки, артиллерійскіе снаряды и различныя машины; теперь тысячи рабочихъ, служащихъ на заводѣ, занимаются преимущественно приготовленіемъ паровыхъ машинъ и локомобилей. Однако, Луганскъ обязанъ своимъ важнымъ значеніемъ еще болѣе торговлѣ скотомъ и хлѣбомъ, чѣмъ промышленной дѣятельности: это—главная торговая стан-

[1]) Congrès archéologique de Kazan, 1877, par *K. Léger*.

ція между Харьковомъ и городами низоваго Дона и Азовскаго моря. На сѣверѣ отъ Лугани, Айдарская долина, гдѣ находится городъ Старобѣльскъ, соединяется съ Донцомъ.

Главный городъ области Войска Донскаго, Новочеркаскъ, господствуетъ съ высоты своего крутояра надъ теченіемъ рѣки Аксай, сѣвернаго рукава Дона, и надъ обширной равниной, гдѣ измѣнчивые потоки, выдѣляемые главной рѣкой, извиваются между островами и песчаными мелями. На югѣ отъ этихъ неопредѣленныхъ пространствъ, періодически затопляемыхъ разливами водъ, и на берегахъ главнаго теченія рѣки, находится Старо-Черкаскъ, бывшій до 1806 года столицей донскихъ казаковъ; но въ этомъ году большинство его жителей должно было, по приказанію своего атамана, переселиться въ новый городъ. Этотъ послѣдній, состоящій изъ трехъ станицъ, занимающихъ вмѣстѣ пространство почти въ 10 квадр. верстъ, не подверженъ наводненіямъ, такъ какъ онъ расположенъ на высокомъ мѣстѣ, почти на 50 саженъ выше уровня водъ во время разлива; но мѣстоположеніе его представляло одно важное неудобство, именно отсутствіе по близости годной для питья воды: на югѣ Аксай катитъ болотистую воду; на сѣверѣ течетъ солоноватая рѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самое имя ея Тузловъ, происходящее отъ татарскаго корня, означающаго разсолъ; на сѣверо-востокѣ оврагъ, служащій русломъ рѣчки Кадамовки, почти всегда бываетъ сухой. По этой причинѣ городскіе казаки собирались было предпринять второе переселеніе, чтобы выбрать гдѣ-нибудь болѣе удобное мѣсто жительства; но императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ въ 1837 году оставить городъ на прежнемъ мѣстѣ, на Новочеркасскомъ крутоярѣ; вслѣдствіе этого, были выкопаны цистерны, пробовали рыть артезіанскій колодезь, затѣмъ построили водопроводъ, длиною около 27 верстъ; вода берется на юго-западѣ, близъ станицы Александровской и въ оврагѣ Большой Логъ, и поднимается посредствомъ паровыхъ машинъ: такимъ способомъ ежедневно доставляется въ Новочеркаскъ отъ 42,000 до 53,000 кубич. футовъ воды. Благодаря этому обилію чистой воды, благодаря каменному углю, привозимому по желѣзной дорогѣ изъ Грушевки или станицы Грушевской, столица Войска Донскаго быстро разрослась, и многочисленныя зданія придали ей видъ настоящаго города. Предмѣстья далеко продолжаются на западной сторонѣ Новочеркаска, вдоль крутыхъ береговъ, отдѣленныя одно отъ другаго безводными оврагами, перерѣзывающими плоскую возвышенность степей, окраины которой вездѣ усѣяны древними курганами.

Выше Донской дельты въ собственномъ смыслѣ, расположены рядомъ два города-близнеца: Нахичевань и Ростовъ, составляющіе въ дѣйствительности одинъ городъ и служащіе какъ бы продолженіемъ длиннаго предмѣстья Новочеркаска. Нахичевань, или просто Качевань, названная

такъ ея армянскими колонистами въ память закавказской Нахичевани, стоитъ всего въ двухъ верстахъ отъ Ростова, который отдѣленъ отъ нея старой крѣпостью (фортъ св. Дмитрія), воздвигнутой въ одно и то же время противъ турокъ и противъ казаковъ. Нахичевань, долго пользовавшаяся особыми привилегіями, раскинута на обширномъ пространствѣ, бо̀льшая часть котораго занята садами. Населеніе этого города и теперь еще почти исключительно состоитъ изъ армянъ, какъ въ то время, когда основалась эта колонія, около ста лѣтъ тому назадъ. Напротивъ, Ростовъ населенъ людьми всякой расы и національности, великоруссами и малороссами, греками, армянами, татарами, евреями, западно-европейцами: итальянцами, французами, нѣмцами. Это—городъ обширной и дѣятельной торговли, куда ежегодно приходитъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ каботажныхъ судовъ за грузами хлѣба, льна, шерсти, сала и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Цѣнность вывоза изъ Ростова представляла слѣдующія цифры:

Въ 1865 году	12.311,335	рублей.
„ 1869 „	22.281,056	„
„ 1877 „	30.000,000	„
„ 1878 „	28.000,000	„
„ 1879 „	25.000,000	„
„ 1880 „	22.500,000	„

Движеніе судоходства на Ростовской пристани въ 1877 году [1]):

3,828 судовъ, вмѣстимостью 248,420 тоннъ.

Годовая цѣнность торговыхъ оборотовъ Ростова превышаетъ 25 милліоновъ рублей. Однако, Ростовъ представляетъ въ торговомъ отношеніи то неудобство, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь рѣчной портъ, до котораго суда не всегда могутъ подниматься изъ моря, и юрисдикція его даже не распространяется на устье Дона, принадлежащее территоріи Войска Донскаго; онъ не имѣетъ права предпринять работы по расчисткѣ фарватера, которыя, впрочемъ, принесли бы лишь временную пользу. Рыбный промыселъ, и теперь еще весьма важный въ водахъ дельты, значительно уменьшился противъ прежняго времени, и описанія древнихъ авторовъ относительно обилія рыбы, которая нѣкогда массами кишѣла въ устьяхъ Дона, перестали соотвѣтствовать дѣйствительности съ начала нынѣшняго столѣтія [2]). Ростовъ служитъ сборнымъ мѣстомъ для жнецовъ, косцовъ, виноградарей, которые являются сюда предлагать свои услуги земледѣльцамъ окрестныхъ мѣстностей и даже долинъ Кавказа. Лѣтомъ въ этомъ городѣ часто бываетъ болѣе ста тысячъ жителей, хотя постоянное населеніе не достигаетъ и половины этого

---

[1]) Среднее за 3 года, съ 1878 по 1880 г., 3,287 каботажныхъ судовъ; въ 1880 г.—2,625, вмѣстимостью въ 208,000 ластовъ. *Ред.*

[2]) *Борисякъ*, Геологическо-гидрографическое изслѣдованіе нижняго Дона.

числа. Этотъ пришлый людъ кочуетъ въ грязныхъ кабакахъ, а тысячи рабочихъ спятъ на голой землѣ, на улицахъ или на берегу рѣки. Тифъ производитъ между ними страшныя опустошенія.

Старинный и знаменитый городъ Азовъ, стоящій на южномъ рукавѣ Дона, верстахъ въ 15 отъ впаденія его въ море, утратилъ свое прежнее значеніе и даже свой рангъ: онъ не пользуется болѣе титуломъ города; съ конца прошлаго столѣтія онъ низведенъ на степень простаго мѣстечка, хотя по числу жителей превосходитъ многія поселенія, носящія названіе городовъ. Остатки крѣпости, имѣвшей нѣкогда столь важное стратегическое значеніе, видны еще въ центрѣ мѣстечка; но не осталось никакихъ слѣдовъ отъ древней Таны венеціанцовъ, наслѣдницы греческаго Танаиса. Тана была складочнымъ мѣстомъ товаровъ Персіи и Индіи и невольничьимъ рынкомъ южныхъ степей.

Города и слободы въ бассейнѣ Дона, имѣющіе свыше 5,000 жителей:

Тульская губернія (1880).

Ефремовъ	8,400	жит.

Тамбовская губернія (1870).

Козловъ	25,500	„
Липецкъ	14,200	„
Борисоглѣбскъ . . .	12,600	„
Усмань	7,500	„
Кирсановъ	7,200	„
Лебедянь	6,000	„

Саратовская губернія (1870).

Аткарскъ.	15,200	„
Сердобскъ	12,200	„
Петровскъ	10,750	„
Балашовъ.	8,900	„

Воронежская губернія (1880).

Воронежъ.	50,150	„
Бутурлиновка (слобода), въ 1870 г. . . .	22,000	„
Алексѣевка (слобода), въ 1870 г. . . .	14,000	„
Калачъ (слобода) . . .	12,500	„
Острогожскъ.	8,100	„
Задонскъ	8,700	„
Коротоякъ	8,500	„
Новохоперскъ	8,000	жит.
Павловскъ	8,500	„
Землянскъ	6,250	„
Богучаръ	9,440	„
Уразова (слоб.), въ 1870 г.	5,600	„

Курская губернія (1870).

Бѣлгородъ	16,100	„
Старый Осколъ . . .	7,200	„
Короча	6,550	„

Харьковская губернія (1880).

Харьковъ	114,700	„
Изюмъ	17,800	„
Старобѣльскъ	12,700	„
Славянскъ	13,500	„
Волчанскъ	11,300	„
Чугуевъ.	9,750	„
Валки	7,000	„
Золочевъ	5,650	„

Екатеринославская губ. (1870).

Ростовъ на Дону . .	44,450	„
Бахмутъ.	18,000	„
Азовъ	16,800	„
Нахичевань.	16,250	„
Луганскъ	10,050	„

Область Войска Донскаго.		*Орловская губернія* (1880).	
Новочеркаскъ (1880)	30,000 жит.	Елецъ	41,500 жит.
		Ливны	16,000 „

Въ наши дни главный торговый пунктъ Дона находится внѣ дельты: мелководный баръ не позволилъ новому Танаису основаться на берегу рѣки, и суда проникаютъ нынѣ съ большимъ трудомъ даже въ восточный заливъ Азовскаго моря, къ Таганрогскому порту, гдѣ во времена Петра Великаго могли свободно плавать до 200 судовъ. Теперь только маленькія суда подходятъ близко къ Таганрогу; суда же, имѣющія отъ 16 до 20 футовъ водоуглубленія, должны бросать якорь верстахъ въ 15 отъ берега, среди рейда, а самые большіе корабли останавливаются даже верстахъ въ 40 отъ таганрогскихъ набережныхъ. Уже въ тринадцатомъ столѣтіи пизанскіе купцы основали факторію на мысѣ, которому впослѣдствіи было дано названіе „Мысъ Таганъ" или Таганъ-рогъ. На этомъ береговомъ утесѣ, возвышающемся на 200 футовъ надъ уровнемъ моря, существовала лишь сигнальная башня, когда Петръ Великій основалъ тутъ, въ 1698 году, крѣпость, которую пришлось потомъ покинуть, послѣ громадныхъ работъ, стоившихъ жизни рабочимъ, пригнаннымъ изъ центральной Россіи десятками тысячъ. Только въ 1769 году городъ основался окончательно. Онъ быстро достигъ цвѣтущаго состоянія и, поднявшись на степень главнаго города юго-восточной Россіи, является нынѣ, благодаря своей желѣзной дорогѣ, экспедиціоннымъ портомъ, ближайшимъ къ черноземнымъ степямъ Харьковской губерніи и области Войска Донскаго. Между коммерсантами, толпящимися на его улицахъ, встрѣтишь, какъ и въ Ростовѣ-на-Дону, много иностранцевъ, грековъ, итальянцевъ, нѣмцевъ. Таганрогъ получилъ также нѣкоторую важность, какъ промышленный центръ. Въ административномъ отношеніи онъ не зависитъ отъ управленія Екатеринославской губерніи: городъ вмѣстѣ со своимъ округомъ образуетъ, подобно Одессѣ и Керчи, особое градоначальство. Движеніе судоходства и торговли въ Таганрогскомъ портѣ выразилось въ 1874 году [1]) слѣдующими цифрами:

Пришло	961	морское судно,	вмѣстимостью	351,100	тоннъ.
„	1,749	мелкихъ каботажныхъ,	„	251,100	„
Вышло	972	морскихъ судна	„	368,000	„
„	2,056	мелкихъ каботажныхъ,	„	279,600	„
Всего	5,738	судовъ,	вмѣстимостью	1.239,800	тоннъ.

[1]) Приходъ морскихъ судовъ, въ 1878 г. 1,275, въ 1879 г. 950, въ 1880 г. 743 (вмѣстим. въ 148,000 ласт,); отходъ морскихъ судовъ: въ 1878 г. 1255, въ 1879 г. 919, въ 1880 г. 681 (вмѣст. 143,000 л.). Цѣнность отпуска въ 1878 и 1879 гг. — свыше 25 милл. руб., а въ 1880 г. 9.000,000 р.; цѣнность привоза за тѣ-же годы — отъ $5^1/_2$ до 6 милл. рублей. *Ред.*

Цѣнность отпуска . . . . 25.000,000 рублей.
„ привоза . . . . 5.000,000 „

Маріуполь, колонія, основанная въ 1779 году, имѣетъ большія преимущества передъ Таганрогомъ, такъ какъ рейдъ его удобнѣе для судоходства, такъ что большія суда могутъ бросать якорь въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ берега; онъ еще долго будетъ доступенъ для судовъ послѣ того, какъ Таганрогскій портъ окончательно обмелѣетъ и останется далеко внутри материка. Двѣ рѣки соединяются въ небольшомъ разстояніи выше города—Калміусъ и Калчикъ, знаменитая Калка, на берегахъ которой монголы одежали, весной 1223 года, свою первую побѣду надъ русскими [1]). Несмотря на свои естественныя преимущества, Маріуполь далеко не отличается такой обширной торговой дѣятельностью, какъ Таганрогъ, и цѣнность его привоза совершенно незначительна (отпускная торговля Маріупольскаго порта въ 1873 году [2])—на 8.065,000 рублей; движеніе судоходства въ 1877 году: въ приходѣ и отходѣ 550 судовъ, вмѣстимостью въ 132,458 тоннъ). Что касается жителей Маріуполя, то обыкновенно говорятъ, что онъ населенъ преимущественно греками; но эти греки, пришедшіе съ Таврическаго полуострова, не всѣ владѣютъ эллинскимъ діалектомъ. Базаряне, переселившіеся въ Маріуполь изъ Херсонеса, говорятъ татарскимъ языкомъ: по мнѣнію Григоровича, ихъ слѣдуетъ считать потомками отатарившихся алановъ [3]).

Бердянскъ, построенный при основаніи одной изъ самыхъ правильныхъ и красивыхъ по очертанію песчаныхъ косъ Азовскаго моря и у подножія крутыхъ береговыхъ утесовъ, городъ болѣе новый, чѣмъ оба его соперника въ Меотійскихъ водахъ: основаніе его относится къ 1830 году. Несмотря на то, что еще не устроены желѣзнодорожныя сообщенія съ внутренностью страны, этотъ городъ получаетъ большое количество хлѣба, который онъ отправляетъ заграницу. Хорошее состояніе рейда, значительная глубина гавани въ сравненіи съ Маріупольскимъ и особенно съ Таганрогскимъ портами, наконецъ, сосѣдство большаго восточнаго колѣна Днѣпра обезпечиваютъ Бердянску постоянное торговое движеніе. Этотъ городъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ портъ Днѣпра на Азовскомъ морѣ: здѣсь оканчивается кратчайшая дорога, начинающаяся въ Александровскѣ, ниже Днѣпровскихъ пороговъ. Цѣнность отпускной торговли Бердянска въ 1878 году [4]): 20.471,200 рублей;

---

[1]) *Акад. Куникъ*, Mémoires de l'Académie des Sciences, 2-e vol. *Ф. Брунъ*, Матеріалы для исторіи Сугдеи.

[2]) Въ 1878 г.—на 7 милл. р., въ 1879 г. на $4^1/_2$ м., въ 1880 г. на 2 милл. р. Судовъ въ приходѣ и отходѣ въ 1880 г.—80 вмѣстимостью въ 19,500 ластовъ. *Ред.*

[3]) Записки антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ. Одесса, 1874 г.

[4]) Въ 1878 г.—на $20^1/_2$ милл. руб., въ 1879 г. на 14 милл. р., въ 1880 г. на 7 милл. руб.; судовъ вошло и вышло 500, вмѣстим. въ 75,500 ласт. *Ред.*

движеніе судоходства въ 1877 году: 1,007 судовъ, вмѣстимостью въ 168,916 тоннъ.

На западѣ отъ Бердянска, Ногайскъ, стоящій близъ рѣки Обиточной и при основаніи косы того же имени, не оправдалъ, въ отношеніи развитія торговли, надеждъ своего патрона, герцога Ришелье, который возвелъ его на степень города, въ 1814 году. Ногайскіе татары, отъ которыхъ этотъ городъ получилъ свое названіе, не существуютъ болѣе въ странѣ. Мелитополь, на рѣкѣ Молочной, имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе, какъ средоточіе торговаго обмѣна многочисленныхъ нѣмецкихъ колоній, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ. Центръ колоніальнаго управленія находится въ Гальбштадтѣ, населенномъ меннонитами.

Города сѣвернаго берега Азовскаго моря, имѣющіе болѣе 4,500 жителей:

Екатеринославская губ. (1880).		*Таврическая губернія.*	
Таганрогъ	63,000 жит.	Бердянскъ (1880)	21,000 жит.
Маріуполь	9,750 „	Мелитополь (1870)	4,850 „

XVI.

КРЫМЪ.

По очертанію своихъ береговъ, Крымскій полуостровъ кажется почти независимымъ отъ Россіи, такъ какъ онъ соединенъ съ материкомъ лишь узкой полосой земли, Перекопскимъ перешейкомъ. Однако, свойство формацій и почти совершенная горизонтальность почвы, которая продолжается подъ поверхностной площадью водъ, доказываютъ, что степи сѣвернаго Крыма составляютъ непосредственное продолженіе равнинъ Новороссіи и образуютъ вмѣстѣ съ нею одну и туже геологическую область. Истинный Крымъ, т. е. тотъ, который по своимъ географическимъ условіямъ явственно отличается отъ остальной части славянской Имперіи, обнимаетъ только южную, гористую оконечность полуострова, которая тянется отъ мыса Херсонесъ до Еникальскаго пролива и ось которой пересѣкаетъ ось Кавказа на вулканическихъ полуостровахъ Керченскомъ и Таманскомъ. Эта страна, особенно полуденный скатъ Таврическихъ горъ, находится, такъ сказать, совершенно внѣ Россіи, какъ по своимъ горнымъ породамъ и климатическимъ условіямъ, такъ и по своимъ историческимъ судьбамъ. Крымъ былъ уже связанъ своими легендами съ греческимъ міромъ за много вѣковъ до той эпохи, когда обширная страна скиѳовъ стала выступать изъ мрака временъ, да и впослѣдствіи онъ не переста-

валъ принимать участіе въ великихъ историческихъ движеніяхъ цивилизованныхъ народовъ, сгруппированныхъ на берегахъ Средиземнаго моря. На Таврическомъ полуостровѣ находилась столица Босфорскаго царства, основаннаго Митридатомъ, которому оно служило одною изъ главныхъ опорныхъ точекъ въ его борьбѣ противъ Рима; тамъ же возникли впослѣдствіи колоніи византійскія, затѣмъ колоніи пизанцевъ и генуэзцевъ, служившія посредниками между образованными націями южной Европы и еще варварскими народами, населявшими область Волги. Въ новѣйшее время на этомъ же полуостровѣ происходило страшное, кровопролитное столкновеніе армій между Россіей и двумя могущественнѣйшими государствами Западной Европы. Для самихъ русскихъ, еще недавно менѣе многочисленныхъ въ Крыму, чѣмъ потомки расъ азіатскихъ и расъ Средиземнаго моря, этотъ полуостровъ составляетъ, такъ сказать, внѣшнюю землю, колоніальное владѣніе: они отправляются туда какъ будто заграницу. Полуденный склонъ горъ Тавриды, воспѣтый Пушкинымъ въ его поэмѣ „Бахчисарайскій фонтанъ“, является для жителей остальной Россіи какъ бы второй Италіей по его растительности, по климату, по виду земли и неба; Крымъ — одинъ изъ тѣхъ благодатныхъ уголковъ, которые наиболѣе способствовали развитію у современныхъ русскихъ любви къ природѣ. Впрочемъ, это пространство, если его сравнивать съ огромной массой Россіи, имѣетъ очень маленькіе размѣры. Гористая область составляетъ лишь пятую часть полуострова, да и весь Крымъ, приморскій кусокъ Таврической губерніи, въ остальной ея части континентальной, не занимаетъ даже такого протяженія, какъ одна изъ большихъ водныхъ площадей сѣверной Россіи, каково Ладожское озеро, а число его жителей не достигаетъ даже цифры населенія одного изъ главныхъ городовъ Имперіи, каковы: Петербургъ и Москва.

	Пространство:			Насел. въ 1880 г.	Жителей.	
	кв. миль	кв. верст.	кв. кил.	около	на 1 кв. версту.	на 1 кв. килом.
Крымъ [1]) . . .	467	22,607	25,727	300,000	13,2	11,7
Таврическая губ. [1]).	1,154	55,845	63,554	946,600	17,0	14,9

Цѣпь известковыхъ горъ, которая развертывается на южной оконечности Таврическаго полуострова, на протяженіи около 170 верстъ, отъ мыса Херсонесъ до Ѳеодоссійской бухты, представляетъ неправильную и извилистую линію. Въ цѣломъ эта горная цѣпь имѣетъ видъ груды обломковъ: она повсюду носитъ на себѣ слѣды глубокихъ размывовъ; скалы ея — не болѣе какъ нагроможденныя въ безпорядкѣ развалины, горы — не болѣе какъ обрывки нѣкогда существовавшаго обширнаго плато, разрѣзаннаго атмосферными дѣятелями. Однако, этотъ сохранившійся

[1]) Цифры, приведенныя въ соч. Реклю, замѣнены новыми. *Ред.*

остатокъ древняго нагорья даетъ нѣкоторое понятіе объ его первоначальной архитектурѣ: очень отлого наклоненный съ сѣверной стороны, онъ постепенно понижается и, наконецъ, сливается съ голою почвою степей, тогда какъ на югѣ онъ спускается къ морю обрывистыми крутизнами. Только съ этой стороны вершины известковаго хребта представляютъ видъ настоящихъ горъ; очень близко придвинутыя къ морскому берегу, такъ какъ ось, соединяющая высшія выдающіяся точки гребня, удалена среднимъ числомъ не болѣе какъ на 6—11 верстъ отъ береговъ,—онѣ кажутся тѣмъ болѣе высокими, что въ этомъ узкомъ пространствѣ слѣдуютъ другъ за другомъ неправильные уступы предгорій и мысовъ, а у подножія ихъ разстилается синее море, безъ подводныхъ камней или песчаныхъ мелей, почти безъ водорослей и раковинъ: уже на небольшомъ разстояніи отъ берега веревка лота сматывается до глубины около 50 саженъ.

Известковыя скалы Крымскихъ горъ чередуются во многихъ мѣстахъ со слоями жирной глины и глинистыхъ сланцевъ; такое расположеніе пластовъ имѣетъ слѣдствіемъ ускореніе обвала скатовъ, обращенныхъ къ морю. Нѣкоторыя изъ этихъ залежей глинистыхъ породъ, постепенно размытыя ключевыми водами, оставили послѣ себя большія пустоты въ горной цѣпи, и цѣлые пласты обрушились, обнаруживая еще живой изломъ надъ хаотическими грудами камней. На берегахъ морскія волны размыли скалы повсюду, гдѣ онѣ представляютъ слой глины, и многіе утесы, лишенные опоры, нависли надъ поверхностью моря, ежеминутно угрожая паденіемъ: каждый дождь отрываетъ отъ нихъ большія глыбы или даже цѣлыя стѣны. Иной разъ ливень, падающій въ горахъ, производитъ внезапный потопъ, который приводитъ въ движеніе всѣ каменныя поля долины: однажды отрядъ русскихъ солдатъ, расположившійся на ночлегъ въ ложѣ Альмы, былъ такимъ образомъ унесенъ потоками воды и камней [1]. Иногда случается также, что верхніе пласты сползаютъ по смоченнымъ, скользкимъ слоямъ глины, увлекая за собой дома и сады и образуя въ морѣ новый мысъ. Когда Палласъ путешествовалъ по Крыму въ 1794 году, ему показывали два мыса этого рода, образовавшіеся вслѣдствіе обваловъ, которые случились за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слои жирной глины находятся даже въ сосѣдствѣ горныхъ вершинъ, и присутствіе ихъ обнаруживается солеными водами, вокругъ которыхъ почва покрыта растеніями, обыкновенно встрѣчающимися на берегу океана [2]. Известковые ключи, бьющіе изъ земли и окруженные сростками отлагающагося камня, также очень многочисленны въ этой гористой области.

---

[1] *Евг. Марковъ*, Пещерные города Крыма, „Вѣстникъ Европы", 1872 г., №№ VI, VII.

[2] *Ант. Палласъ*, Краткое физическое и топографическое описаніе Таврической области.

Самая высокая гора Таврическаго полуострова, которой русскіе оставили ея татарское названіе—Чатыръ-Дагъ, или „Шатеръ-гора“, можетъ быть взята за примѣръ общаго образованія этой приморской известковой стѣны, изрѣзанной въ видѣ зубцовъ старой крѣпости. Издали правильныя, бѣлыя стѣны Шатеръ-горы дѣйствительно придаютъ ей видъ палатки; но если смотрѣть на нее съ вершины, то она скорѣе заслуживаетъ наименованіе „Стола“ или Трапецосъ, которое ей дали греки. Уединенный со всѣхъ сторонъ (на востокѣ и западѣ—пропастями почти вертикальными, на сѣверѣ и югѣ—цирками и образовавшимися путемъ размыва оврагами), Чатыръ-Дагъ имѣетъ форму четыреугольной массы, удлиненной въ направленіи меридіана, и обнимаетъ поверхность около 20 квадр. верстъ. Эта обширная нагорная площадь если не совершенно горизонтальна, то по крайней мѣрѣ очень отлого наклонена почти до самаго хребта, близъ южной оконечности „стола“; только тамъ и сямъ образовались на ровной поверхности воронкообразныя углубленія, гдѣ теряются дождевыя воды[1]). Горныя пастбища или *яйлы* Чатыръ-Дага и его сосѣдей напоминаютъ альмы (alpages) швейцарской Юры; но время оставило болѣе глубокіе слѣды разрушенія на берегахъ Чернаго моря, чѣмъ надъ поверхностью Женевскаго озера: ни одна горная вершина гельветійской Юры не была обнажена атмосферными дѣятелями въ такой сильной степени, какъ Шатеръ-гора. Проломъ Ангаръ или Ангаръ-Богазъ, открывающійся на восточной сторонѣ Чатыръ-Дага, даетъ начало Салгиру, притоку Сиваша и самой многоводной рѣкѣ Крымскаго полуострова. Ангарскій перевалъ, лежащій ниже, чѣмъ всѣ другіе проходы горной цѣпи въ собственномъ смыслѣ, и черезъ который съ давнихъ поръ существуетъ колесная дорога, во всѣ времена облегчалъ сообщенія между сѣверными степями и южнымъ побережьемъ; такимъ образомъ, это мѣсто является однимъ изъ жизненныхъ пунктовъ полуострова. Вотъ высота главныхъ вершинъ Крымскихъ горъ, по Парроту и Энгельгардту:

	Фут.	Метр.
Чатыръ-Дагъ	5,450	1,661
Бабуганъ-Яйла, на югѣ	5,430	1,655
Ай-Вассилемъ	5,340	1,627

Подобно большей части морскихъ береговъ, состоящихъ изъ известковыхъ формацій, южное прибрежье Крыма развертывается въ видѣ кривыхъ, отличающихся замѣчательной отчетливостью контуровъ: нѣкоторыя изъ линій закруглены такъ правильно, какъ будто онѣ начерчены циркулемъ. Старые, выступившіе изъ-подъ воды берега, которые видны во многихъ мѣстахъ на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ нынѣшней поверхностью моря, свидѣтельствуютъ или о поднятіи страны, или о быстромъ

[1]) *J. G. Kohl*, Reisen in Süd-Russland.

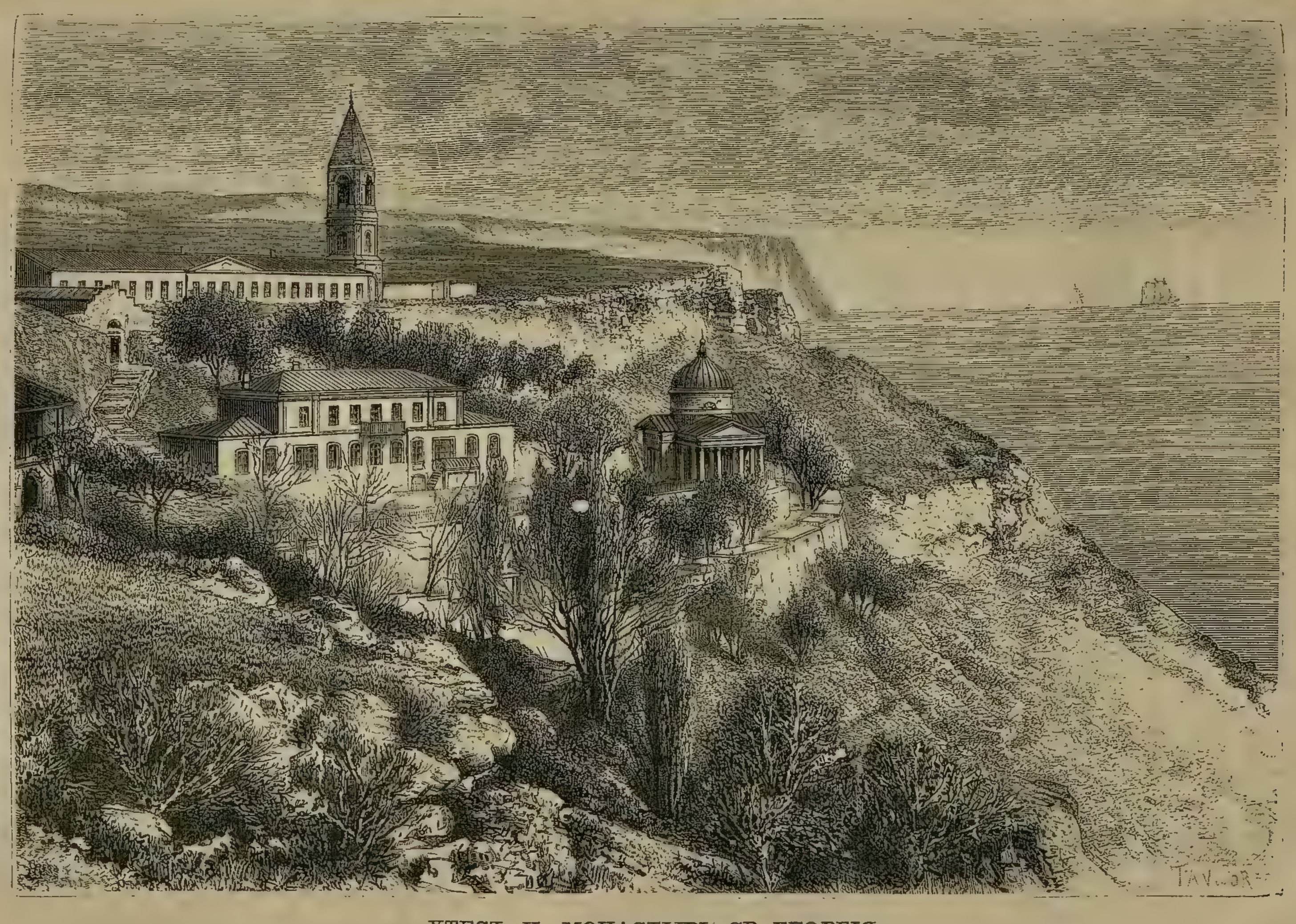
пониженіи уровня водъ Понта-Эвксинскаго въ ту эпоху, когда это море, открывъ себѣ выходъ черезъ Босфоръ, вылилось частію въ бассейнъ Средиземнаго моря и отдѣлилось отъ Каспія. Палласъ приписываетъ этой послѣдней причинѣ выступленіе береговъ, которое онъ видѣлъ близъ мыса Херсонесъ и на другихъ пунктахъ Крымскаго полуострова [1]). Спеціальныя изслѣдованія, произведенныя въ текущемъ столѣтіи, доказали, что эти вышедшіе изъ воды берега, состоящіе по большей части изъ песку, смѣшаннаго съ раковинами, имѣютъ различную высоту, отъ 13 до 20 футовъ, и что они окружаютъ всю полуденную часть Крыма, продолжаясь на востокѣ вдоль полуострововъ Керченскаго и Таманскаго. Находимыя въ ихъ почвѣ раковины принадлежатъ всѣ безъ исключенія къ видамъ, еще существующимъ въ Черномъ морѣ [2]).

На обоихъ скатахъ известковой горной цѣпи и около обѣихъ ея оконечностей, тамъ и сямъ выступаютъ на поверхность почвы эруптивныя породы; прежде эти формаціи принимали за офиты древняго происхожденія, но потомъ, благодаря химическому анализу, убѣдились, что онѣ суть ни что иное, какъ базальты новѣйшаго образованія [3]): мысъ св. Георгія, на юго-западной оконечности полуострова, есть одна изъ такихъ бальзатовыхъ площадей, выдвинувшихся далеко въ море. Подземная дѣятельность, обнаруживающаяся отъ времени до времени изверженіями, по обѣимъ сторонамъ Керченскаго пролива, проявляется именно на оси соединенія Крымскихъ и Кавказскихъ горъ: безъ всякаго сомнѣнія, разрыву этой линіи морской долиной и должно быть приписано вулканическое состояніе глубокихъ слоевъ почвы. Горячіе минеральные ключи, нефтяные источники, грязные вулканы, подобные сицилійскимъ макалубамъ (Джирдженти), до сихъ поръ еще встрѣчаются тамъ и сямъ въ гористой области окрестностей Керчи; но мощныя залежи глины эруптивнаго происхожденія доказываютъ, что изліянія грязи происходили прежде съ гораздо большей силой, чѣмъ въ наши дни. На Керченскомъ полуостровѣ изъ многочисленныхъ грязныхъ вулкановъ или сопокъ всего чаще бываютъ въ дѣйствіи Булганакскіе, находящіеся верстахъ въ 6 къ сѣверу отъ города Керчи: когда грязь позволяетъ подойти близко къ этимъ вулканамъ, можно видѣть внутри кратеровъ, какъ пузыри газа вздуваются и лопаются, выбрасывая грязь на высоту нѣсколькихъ дюймовъ. Смотря по степени жидкости веществъ, вылетающихъ изъ отверстій почвы, эруптивные конусы бываютъ болѣе или менѣе высоки и остроконечны; между ними есть и такіе, которые имѣютъ скорѣе форму плоскостей, слегка вздутыхъ по срединѣ. Температура жидкой грязи лѣтомъ гораздо ниже температуры

[1]) *Палласъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Hermann Abich*, Ein Blick auf die Halbinseln Kertsch und Taman.

[3]) *Фонъ-Штукенбергъ*, Матеріалы для геологіи Россіи. Изданіе Русскаго Геологическаго Общества, томъ V.

УТЕСЪ И МОНАСТЫРЬ СВ. ГЕОРГІЯ.

внѣшняго воздуха. По разсказамъ татаръ, мѣстныхъ жителей, изверженія газа и грязи бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ спокойнѣе море. Когда море бушуетъ, вулканы утихаютъ.

По своимъ береговымъ утесамъ, по высокимъ крутизнамъ, островъ горъ полуденнаго Крыма, которыя уже Плиній характеризовалъ какъ островную цѣпь, рѣзко отличается отъ остальной Россіи, почти вездѣ представляющей низменность или немного бугроватую равнину; но въ особенности по характеру своей растительности Таврическія горы могутъ быть разсматриваемы, какъ особенный міръ. Въ Крымскихъ степяхъ, залегающихъ по берегамъ Гнилаго моря, глинистая почва производитъ лишь отдѣльно торчащіе пучки травы, да и тѣ послѣ двухмѣсячнаго прозябанія разсыпаются въ пыль, спаленные солнцемъ: можно подумать, что находишься среди безплодной пустыни [1]). Но уже на первыхъ косогорахъ сѣвернаго склона горъ, обращеннаго къ голой степи, зеленѣющіе луга, кучки тополей, фруктовые сады, рощицы различныхъ древесныхъ породъ украшаютъ скаты, и въ каждой долинѣ журчатъ свѣжія воды, которыя сосѣдніе жители отводятъ въ свои сады, гдѣ онѣ питаютъ великолѣпную растительность. Лѣса на высотахъ еще не всѣ истреблены, и еще можно увидѣть тамъ и сямъ группы прекрасныхъ буковъ, напоминающія лѣса центральной Европы и Нормандіи. Всѣ большія деревья умѣренной Европы растутъ здѣсь смѣшанно, дубъ, букъ, грабина, липа, вязъ, ясень, рябина, осина, ива, боярышникъ, черешня, слива, дикая яблоня. На полуденномъ склонѣ самое обыкновенное дерево—приморская сосна (Pinus maritima); но на нижнихъ скатахъ растительность напоминаетъ Италію: перейдя черезъ горы, какъ бы переносишься на нѣсколько градусовъ къ югу. Тамъ ростутъ лавръ, фиговое дерево, каркасъ (желѣзное дерево), гранатовое, масличное и земляничное деревья, а дикій виноградъ обвиваетъ стволы большихъ деревьевъ. Число растеній, встрѣчающихся на горахъ Тавриды, превышаетъ на нѣсколько сотъ цифру растительныхъ видовъ, населяющихъ всю остальную Россію [2]). Усаженный шпалерами деревьевъ, склонъ хребта Яйлы образуетъ какъ бы обширный ботаническій садъ, и въ великолѣпныхъ паркахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ у подножія крутыхъ утесовъ, стоило только прибавить къ растеніямъ окружающихъ природныхъ лѣсовъ искусственно разводимые цвѣты, чтобы сдѣлать ихъ подобными чудеснымъ садамъ Сициліи и Лигуріи.

Слишкомъ тѣсный, чтобы дать пріютъ значительной фаунѣ, Крымскій полуостровъ гораздо менѣе богатъ животными, чѣмъ растительными видами. За исключеніемъ зайца, лисицы да мелкихъ грызуновъ, дикія четвероногія тамъ вообще рѣдки; а нѣкоторые изъ видовъ, свойственныхъ

---

[1]) *Köppen*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches.

[2]) *Палласъ*, цитированное сочиненіе.

остальной Россіи, совершенно не встрѣчаются въ Крыму. Но всѣ домашнія животныя русскихъ степей разведены и на полуостровѣ, и двугорбый верблюдъ странствуетъ по солончаковымъ равнинамъ береговъ Сиваша, какъ по песчанымъ пустынямъ своей азіатской родины. Осенью перепела собираются массами на южномъ берегу Крыма, чтобы отправиться въ компаніи за Черное море, затѣмъ слѣдующей весной они опять прилетаютъ сюда съ береговъ Анатоліи; точно такимъ же образомъ совершаются періодическія странствованія перепеловъ между Провансомъ и Мавританіей, черезъ западный бассейнъ Средиземнаго моря. Таврида относительно бѣдна водяными птицами, пресмыкающимися, насѣкомыми, морскими моллюсками. Крымскія устрицы, маленькія и треугольныя, отличаются превосходнымъ вкусомъ: покойный академикъ Беръ видитъ въ нихъ измельчавшую разновидность обыкновеннаго вида устрицъ; пропорція соли въ водѣ Чернаго моря, именно отъ 17 до 18 частей на 1000, есть наименьшая, при которой можетъ развиваться этотъ моллюскъ [1]). Раковина шашень-древоточецъ составляетъ истинный бичъ крымскихъ портовъ, такъ что, напримѣръ, въ Севастопольскомъ портѣ среднюю продолжительность службы деревяннаго военнаго корабля исчисляютъ всего только въ восемь лѣтъ. Относительно обилія животной жизни, кишащей у береговъ Крыма, можно судить по тому факту, что въ декабрѣ 1869 года Балаклавская бухта почти вся наполнилась несмѣтной стаей анчоусовъ, которыхъ преслѣдовали дельфины. Не находя выхода, черезъ который можно бы было пробраться въ открытое море, и безпрестанно увеличиваемая новыми кучами рыбы, эта стая, наконецъ, образовала какъ бы сплошную твердую массу, которая во многихъ мѣстахъ выступала выше поверхности воды. Все населеніе Балаклавы только тѣмъ и занималось, что наполняло рыбой лодки, суда, бочки. Но вскорѣ пришлось также подумать объ удаленіи изъ бассейна мертвой рыбы, которая накопилась въ немъ миріадами: тысячи людей, присланныхъ изъ Севастополя, долго работали надъ очисткой береговъ отъ загромождавшихъ ихъ гніющихъ веществъ; въ то же время прибѣгали даже къ содѣйствію пушекъ, чтобы прогнать дельфиновъ, которые блокировали входъ въ бухту, препятствуя такимъ образомъ бѣгству живыхъ анчоусовъ. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ атмосфера была заражена; часть жителей Балаклавы принуждена была бѣжать изъ города отъ нестерпимой вони, распространившейся въ воздухѣ. Впрочемъ, значительная масса рыбы, вмѣсто того, чтобы подвергнуться гніенію, превратилась въ какое-то мѣловое вещество, бѣлое и жирное на ощупь, какъ мыло, и вещество это постепенно отложилось на берегахъ въ видѣ геологическаго пласта [2]).

---

[1]) Bulletin de l'Académie des Sciences, tome IV.

[2]) *Fritsche*; *Brandé*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome III, 1861.

По своимъ климатическимъ условіямъ, Крымъ принадлежитъ къ теплымъ странамъ, и средняя зимняя температура на полуостровѣ очень рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, опускается ниже точки замерзанія, даже въ городахъ сѣверной покатости, какъ, напримѣръ, въ Симферополѣ, гдѣ наблюденія дали слѣдующіе результаты:

Средняя температура	весенняя	11°,14	Ц.
„ „	лѣтняя	19°,85	„
„ „	осенняя	8°,46	„
„ „	зимняя	0°,70	„
„ „	цѣлаго года	11°,65	„
„ „	въ Никитскомъ саду (на Южномъ берегу)	12°,55	„

Этотъ теплый климатъ и богатая растительность долинъ естественно должны были уже въ самыя отдаленныя времена привлекать поселенцевъ къ Таврическому полуострову; но географическое положеніе этой страны обезпечивало, сверхъ того, жителямъ особенныя выгоды. Расположенный внѣ континента, сохраняя, однако, свободное сообщеніе съ внутренними равнинами, Крымъ, такъ сказать, идетъ на встрѣчу всѣмъ торговымъ путямъ и открываетъ имъ свои гавани. Будучи стражемъ Азовскаго моря и западныхъ заливовъ Понта Эвксинскаго, онъ пользуется въ одно и то же время выгодами торговаго обмѣна, происходящаго между заморскими краями и бассейнами Дона и Днѣпра. Въ отношеніи нападенія и обороны, Крымъ также занимаетъ исключительно благопріятное положеніе, въ центрѣ Чернаго моря; заперевъ ворота перешейка, который соединяетъ его съ материкомъ, онъ можетъ даже превратиться въ настоящую крѣпость: таковъ именно и былъ, по мнѣнію Форстера и Кеппена [1]), смыслъ имени *крымъ*, которое ему дали татары около конца тринадцатаго столѣтія [2]) и которое осталось за нимъ до нашихъ дней, въ то же время, какъ и болѣе древнее наименованіе Тавриды или Таврическаго полуострова. Г. Хартахай (по происхожденію принадлежащій къ крымскимъ татарамъ) полагаетъ, что это названіе близко подходитъ къ монгольскому слову *керемъ*, которое означаетъ стѣну.

Мы очень мало знаемъ о киммерійскихъ ѳракіянахъ [3]), которые населяли полуостровъ въ эпоху, когда начинается заря всемірной исторіи, и которые были прогнаны скиѳскимъ народомъ (таврами) и ушли опустошать Малую Азію. Можетъ быть, этимъ-то первоначальнымъ жителямъ, ѳракіянамъ, и были обязаны своимъ происхожденіемъ обширныя пещеры, вырытыя тамъ и сямъ, въ видѣ настоящихъ подземныхъ городовъ, въ

[1]) „Крымскій Сборникъ".
[2]) *Гаркави,* Russische Revue, 1876, X.
[3]) *D'Arbois de Jubainville,* Les premiers habitants de l'Europe.

известковыхъ стѣнахъ горъ, и заключающія тысячи комнатъ [1]), гдѣ нѣкогда обитали цѣлыя поколѣнія бѣглецовъ и отшельниковъ. Нѣсколько менгировъ и многочисленные долмены, встрѣчающіеся также на высотахъ [2]), особенно въ горахъ юго-западной части полуострова, и похожіе на древнія могилы Галліи [3]), тоже, можетъ быть, должны быть приписаны этимъ аборигенамъ, въ которыхъ многіе писатели хотѣли видѣть кельтовъ, единоплеменниковъ тѣхъ кельтовъ, которые вторглись въ страны Западной Европы. Весьма вѣроятно, что населеніе Тавриды въ своей

Гробница скиѳскихъ царей, близъ Керчи.

совокупности имѣло родственную связь съ племенами Кавказа. По мнѣнію Кеппена, жители мѣстностей Крыма, заключающихъ долмены, похожи на людей, жившихъ въ краѣ въ эпоху, къ которой относится сооруженіе этихъ могилъ, и должны быть разсматриваемы по большей части какъ ихъ потомки [4]).

Въ эпоху, когда эллинская цивилизація ввела народъ Тавриды въ кругъ древняго міра, господствующая раса страны, извѣстная у грековъ

[1]) *Евг. Марковъ*, Пещерные города Крыма.
[2]) *Dubois de Motpéreux*, Voyage en Crimée et au Caucase.
[3]) *C. de Mortillet*, Races humaines et chirurgie religieuse à l'époque des dolmens.
[4]) Russische Revue. 1874, № 12.

подъ именемъ скиѳовъ, какъ всѣ жители сѣверныхъ равнинъ Европы, принадлежала къ арійской семьѣ: скелеты, найденные въ древнихъ могилахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Благодаря своимъ эллинскимъ цивилизаторамъ, скиѳы Таврическаго полуострова сдѣлали удивительные успѣхи въ искусствахъ, и нѣкоторыя изъ ихъ издѣлій мало уступаютъ замѣчательнѣйшимъ по благородству вкуса греческимъ произведеніямъ, которыя были найдены въ тѣхъ же самыхъ могилахъ и теперь составляютъ славу музеевъ. Холмы, господствующіе надъ Керчью, древней Пантикапеей милетійцевъ, содержали недавно въ своихъ древнихъ могилахъ и катакомбахъ огромныя сокровища, большая часть которыхъ была перенесена въ музей Эрмитажа, въ Петербургѣ, и въ нѣкоторыя частныя коллекціи. Уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ эти могилы, особенно могилы женщинъ, какъ самыя богатыя драгоцѣнными металлами, эксплоатировались искателями кладовъ, и недавнія раскопки привели даже къ открытію двухъ изъ этихъ рудокоповъ, еще держащихъ лопаты въ рукахъ, въ тотъ моментъ, когда они были засыпаны обваломъ земли. По разсказамъ туземцевъ, генуэзскіе купцы были особенно искусны въ раскапываніи древнихъ могилъ, и именно во времена ихъ господства была разграблена большая часть царскихъ могилъ въ окрестностяхъ Керчи. Однако, оставалось еще много цѣльныхъ, непрофанированныхъ могилъ, и съ 1816 года французъ Поль Дюбрю началъ съ успѣхомъ рядъ раскопокъ въ керченскихъ могилкахъ; но капитальнымъ археологическимъ событіемъ было открытіе, въ 1831 году, обширной погребальной залы или усыпальницы, скрытой внутри Куль-Обы, или „Горы Пепла“, стоящей на сѣверѣ отъ Керчи: тамъ нашли вокругъ двухъ скелетовъ, царя и царицы, цѣлый музей драгоцѣнныхъ предметовъ—вазы, статуэтки, монеты, камни съ рѣзьбой, разное оружіе, браслеты, всякаго рода орудія и утварь, такъ какъ было въ обычаѣ класть съ покойникомъ въ могилу все, что ему нравилось при жизни. Къ несчастію, эта гробница, также какъ нижній склепъ, который, говорятъ, былъ еще богаче, были разграблены ночью сотнями людей, которыхъ привлекъ слухъ о чудесныхъ находкахъ. Несмотря на оффиціально объявленное общее прощеніе расхитителямъ и предложеніе заплатить на вѣсъ за всѣ взятыя изъ могилы вещи, большая часть этихъ сокровищъ, переплавленныхъ тайкомъ въ горнилѣ, была потеряна для науки [1]). Но оставшіяся статуэтки, равно какъ скелеты, достаточно доказываютъ, что скиѳы, населявшіе берега Босфора Киммерійскаго, принадлежали къ арійской расѣ: нѣкоторые даже хотѣли признать въ нихъ „истыхъ казаковъ“ [2]). Различные предметы, собранные въ кер-

[1]) *К. Герцъ*, Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ. Изд. *Дашковымъ*, т. I.

[2]) *Beulé*, Fouilles et découvertes; Antiquités du Bosphore cimmérien.

ченскихъ могилахъ, повидимому, принадлежатъ къ двумъ эпохамъ, соотвѣтствующимъ одна — царствованію Александра Македонскаго, другая — установленію римскаго владычества; но за этими вѣками эллинскаго вліянія, продолжавшагося во все время царствованія древней династіи, слѣдовалъ другой періодъ, свидѣтельствующій о преобладаніи азіатскаго стиля. Фрески, открытыя въ 1871 году г. Стасовымъ въ одной керченской катакомбѣ, доказываютъ, что въ эпоху Митридата въ Тавридѣ произошла реакція противъ западнаго искусства, въ пользу искусства восточнаго [1]). Эта реакція продолжалась до четвертаго столѣтія христіанской эры; но тогда общее потрясеніе народовъ, извѣстное подъ именемъ великаго переселенія, которое совершалось въ направленіи отъ востока къ западу, измѣнило, по крайней мѣрѣ отчасти, населеніе Тавриды, и сообщенія жителей полуострова съ племенами сѣверной Россіи были прерваны на цѣлый рядъ вѣковъ. Именно благодаря этимъ сношеніямъ пантикапейскіе скиѳы имѣли возможность доставать тѣ огромныя количества золота, уральскаго и даже алтайскаго происхожденія, которыя были погребены ими въ своихъ могильныхъ курганахъ.

Въ то время, какъ въ области степей пришедшіе въ движеніе народы, сталкиваясь другъ съ другомъ, нигдѣ не останавливались и должны были безпрестанно перемѣщаться подъ напоромъ своихъ сосѣдей, племена, которыя были отброшены боковымъ потокомъ этого общаго переселенія на Крымскій полуостровъ, нашли тамъ точку опоры въ горахъ и могли долго сопротивляться, запертые въ высокихъ долинахъ. Такъ, аланы, впрочемъ въ небольшомъ числѣ, удерживались тамъ болѣе шести столѣтій подъ именемъ асовъ, асіасовъ, акасовъ или ясовъ, и притомъ не какъ покоренный народецъ, но въ качествѣ людей „бѣлыхъ", то-есть вольныхъ [2]). Марино Санудо упоминаетъ еще объ этихъ аланахъ въ 1334 г., въ эпоху, когда они уже давнымъ-давно исчезли изъ всей остальной Европы, исключая прибрежныхъ болотистыхъ пространствъ Чернаго моря. Громадная имперія готовъ, обнимавшая половину Европы, исчезла, какъ утекающая вода; напротивъ, маленькій отрядъ этихъ самыхъ готовъ, поселившійся въ Крымскихъ горахъ, держался болѣе тысячи лѣтъ, сохраняя свой языкъ и національность. Въ половинѣ тринадцатаго вѣка, фламандецъ Рубруквисъ говоритъ опредѣленно, что готы живутъ въ большомъ числѣ на южномъ берегу Тавриды, называемомъ Готіей, и что языкъ ихъ тевтонскаго происхожденія; многія слова этого языка, дѣйствительно, очень близкаго къ нѣмецкому, приведены въ описаніи путешествія одного австрійца, посѣтившаго Крымъ въ 1565 году. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи одна изъ группъ этого народа, жившая въ западной части

---

[1]) *Albin Kohn* und *C. Mehlis*, Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa.

[2]) *Ф. Брунъ*, Матеріалы для исторіи Сугдеи.

Крымскихъ горъ, вокругъ старинной крѣпости Мангупъ-Кале, отличалась своимъ германскимъ языкомъ отъ всѣхъ окружающихъ населеній [1]). Одно кладбище въ сосѣдствѣ Бахчисарая и теперь еще извѣстно у окрестныхъ крестьянъ подъ именемъ готскаго или „готвейскаго" [2]). Могилы этого кладбища принадлежатъ къ двумъ эпохамъ—языческой и христіанской.

Въ средніе вѣка нѣсколько колоній русскихъ поселенцевъ, удаленныхъ отъ главной массы своего племени, также были однимъ изъ наиболѣе прочно водворившихся поселеній на Крымскомъ полуостровѣ, такъ что арабскіе писатели дали этой землѣ названіе „Русскаго полуострова" [3]). Равнымъ образомъ и крымскіе татары могли держаться гораздо долѣе въ естественной твердынѣ, представляемой горами Тавриды, чѣмъ ихъ соплеменники, жившіе на континентѣ въ оврагахъ степей. Эти тюрки обязаны своимъ наименованіемъ „ногайцевъ", подъ которымъ они обыкновенно извѣстны, хану Ногаю, изъ Золотой или Кипчакской Орды, который отпалъ отъ монгольской имперіи около конца тринадцатаго столѣтія и поселился между Терекомъ и Кумой со своими разноплеменными подданными, хазарами, печенѣгами, куманами и монголами [4]). Въ тринадцатомъ вѣкѣ ногайцы овладѣли Крымомъ, изъ котораго они сдѣлали складочный пунктъ для торговли съ Европой черезъ посредство итальянскихъ колоній, основанныхъ преимущественно генуэзцами на берегахъ полуострова. Царство ногайскихъ или крымскихъ татаръ организовалось окончательно, когда Тамерланъ разрушилъ Золотую Орду на Волгѣ; затѣмъ оно достигло высшей степени могущества и славы при династіи Гиреевъ, которая царствовала на полуостровѣ болѣе трехъ столѣтій, съ начала пятнадцатаго вѣка. Первыя времена правленія этой династіи были самой счастливой эпохой для Крыма, благодаря полной терпимости, съ которой дозволялось всѣмъ безъ исключенія чужеземцамъ, русскимъ или итальянцамъ, къ какой бы расѣ, народности и религіи они ни принадлежали, селиться и вести торговлю въ краѣ [5]). Но все это измѣнилось съ той поры, какъ турки овладѣли Каффой, и крымскіе ханы, ставшіе ихъ вассалами, принуждены были сдѣлаться поставщиками невольниковъ для стамбульскихъ султановъ: это было начало тѣхъ безпрестанныхъ войнъ и набѣговъ, которые долго опустошали южную Россію и обратили нѣкоторыя области ея въ безлюдныя пустыни. Наконецъ, Екатерина II, въ 1774 году, по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату, заставила Турцію

---

[1]) *Ф. Брунъ,* Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи („Записки Имп. Акад. Наукъ"). *Alfred Rambaud,* La Russie épique.

[2]) *Марковъ,* Пещерные города Крыма, „Вѣстникъ Европы", 1872 г., №№ 6 и 7.

[3]) *Проф. Иловайскій; Гаркави,* Сообщеніе, читанное на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ.

[4]) *Castren,* Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker.

[5]) *Θ. Хартахай,* Историческая судьба крымскихъ татаръ, „Вѣстникъ Европы", 1866 г., II, и 1867 г., II.

*

признать независимость Крымскаго ханства, которое, вслѣдствіе этого, сдѣлалось вассаломъ петербургскаго правительства; въ 1783 году послѣдній изъ династіи Гиреевъ, Шагинъ-Гирей, убѣжденный агентами Екатерины, отказался отъ престола въ пользу императрицы всероссійской и былъ отправленъ на житье въ Калугу.

Съ того времени, какъ полуостровъ долженъ былъ принять чуждыхъ властителей, населеніе его начало уменьшаться: многія мѣстности обратились въ пустыню, за то у побѣдителей явились обширныя имѣнія. Въ 1736 году одинъ венгерскій резидентъ, французскій консулъ Эворка, исчислялъ въ 150,000 человѣкъ ратныя силы Перекопской орды и, сверхъ того, насчитывалъ 40,000 семействъ ногайскихъ татаръ въ странѣ[1]. Въ 1804 году оффиціальные документы опредѣляли только въ 140,000 человѣкъ населеніе Крыма, которое прежде превышало цифру полмилліона[2]), то-есть было вдвое многочисленнѣе, чѣмъ въ наши дни. Вслѣдствіе войны, извѣстной подъ именемъ „Крымской", въ 1854 и 1855 гг., потомъ съ 1860 до 1863 года, татары массами эмигрировали, отправляясь искать убѣжища во владѣніяхъ турецкаго султана: болѣе пятисотъ деревень и поселковъ совершенно опустѣли до послѣдняго жителя, въ этотъ періодъ татарскаго исхода. При этомъ образовались два встрѣчные потока переселенія: въ то время какъ крымскіе магометане уходили селиться на оттоманской почвѣ, болгары и другіе христіане, подвластные Турціи, приходили брать земли, покинутыя на полуостровѣ. Указъ отъ 13 января 1874 года, обязывающій татаръ къ военной службѣ, обученіе русскому языку въ школахъ[3]), частое вмѣшательство чиновниковъ, регламентація — всѣ эти причины способствуютъ ослабленію татарскаго элемента: въ то время, какъ другія расы, входящія въ составъ населенія Крыма, увеличиваются въ числѣ, татары, напротивъ, уменьшаются. Въ 1864 году они еще были многочисленнѣе, чѣмъ всѣ другіе обитатели Тавриды; въ наши же дни пропорція измѣнилась въ ущербъ ихъ народности: нынѣ они не составляютъ даже трети общаго числа жителей полуострова.

Приблизительное населеніе Крыма:

Татары	въ 1864 г.	100,000.	Въ 1874 г. (по Риттиху)	80,000
Русскіе (великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы)	„	55,700	„ „	130,000
Другія народности (греки, евреи, болгары и проч.) . . .	„	39,200	„ „	38,000

---

[1]) *Ф. Брунъ*, Крымъ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія.

[2]) *В. А. Дашковъ*, Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи.

[3]) „Недѣля", 1874 г., № 16.

Со времени прибытія на полуостровъ, татары были далеко не чистой тюркской расы: въ Крыму они смѣшивались все болѣе и болѣе, съ одной стороны, съ туземнымъ населеніемъ, съ другой—съ плѣнниками, которые иногда приводились тысячами изъ Россіи. Во многихъ мѣстностяхъ гористой области татары принадлежатъ къ азіатскому племени только по имени и по религіи: ихъ прекрасный эллинскій профиль сразу обличаетъ въ нихъ грековъ и итальянцевъ по происхожденію; это—принявшіе исламъ и отатарившіеся потомки древнихъ населеній Тавриды и генуэзцевъ Каффы. Обычай многоженства совершенно вышелъ изъ употребленія въ ихъ общинахъ. Впрочемъ, какова бы ни была доля участія различныхъ этнографическихъ элементовъ, соединенныхъ въ ихъ расѣ, всѣ ихъ сосѣди—русскіе, греки, нѣмцы или евреи—единогласно хвалятъ ихъ прямодушіе, честность и добросовѣстность, любовь къ труду и порядку, трезвость, ихъ уваженіе къ человѣческому достоинству. Теряя татаръ, Крымъ лишается своихъ лучшихъ гражданъ.

Крымскіе евреи, принадлежащіе къ особенной сектѣ, извѣстной подъ именемъ караитовъ или караимовъ, также пользуются общимъ уваженіемъ за ихъ честность, простоту нравовъ, трудолюбіе, настойчивость въ начатыхъ дѣлахъ; однако, про нихъ говорятъ, что они медлительны и лишены иниціативы; женщины ихъ отличаются обыкновенно большимъ обиліемъ драгоцѣнныхъ украшеній въ нарядѣ. Самое названіе ихъ *караимы*, или караиты, которое означаетъ „чтецы", начетчики, свидѣтельствуетъ о постоянномъ чтеніи и изученіи ими древнихъ книгъ; но они отвергаютъ толкованія или талмудъ, столь важный въ глазахъ другихъ евреевъ. Они вообще не сближаются съ послѣдними, которые, можетъ быть, и не соплеменны имъ; тѣмъ не менѣе караимы очень цѣнятся образованными евреями Западной Европы, по причинѣ заботливости, съ которою они сохранили древнія вѣроученія, и денежныя пожертвованія богатыхъ французскихъ евреевъ способствовали основанію и содержанію синагогъ и еврейскихъ школъ въ Крыму [2]. Многіе писатели видятъ въ караимахъ потомковъ тѣхъ хазаръ, частію обращенныхъ въ іудейскую вѣру, которые нѣкогда жили на обоихъ берегахъ Волги, въ Крыму и у подножія Кавказскихъ горъ. Возможно также, что караимы смѣшались съ крымскими татарами, судя по тому, что они носятъ татарскій костюмъ и говорятъ татарскимъ языкомъ. Вообще, они больше походятъ на татаръ, чѣмъ на евреевъ въ собственномъ смыслѣ; впрочемъ, нѣкоторый іудейскій элементъ несомнѣнно существовалъ въ Крыму, такъ какъ на полуостровѣ найдены древне-еврейскія надписи, изъ которыхъ иныя относятся даже къ первому вѣку христіанскаго лѣтосчисленія [3]. Большое число караи-

---

¹) *Mackenzie Wallace*, Russia; *Alfred Rambaud*; Городскія пос. въ Росс. Имп., IV.

²) *Ernest Desjardins*, рукописныя замѣтки.

³) *Григоровичъ*, Записки антиквара о поѣздкѣ на Калку и Калміусъ.

мовъ занимается земледѣліемъ; однако, большинство ихъ посвящаетъ себя коммерческой дѣятельности, но не разносному торгу подержанными вещами: главная ихъ спеціальность — торговля колоніальными товарами, и она производится преимущественно съ Балканскимъ полуостровомъ и областями Кавказа, гдѣ находятся ихъ единовѣрцы. Евреи кіевскіе и новгородскіе, о которыхъ идетъ рѣчь въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, главнымъ образомъ по поводу секты „жидовствующихъ", существовавшей въ Новгородѣ и въ Москвѣ, въ пятнадцатомъ столѣтіи, были, вѣроятно, караимы [1]). Ихъ маленькія общины разсѣяны въ разныхъ странахъ міра, отъ Галиціи до Палестины; но главная масса караимовъ, болѣе половины всего ихъ числа, именно около четырехъ тысячъ душъ, живетъ въ Крыму, гдѣ находится мѣстечко Чуфутъ-Кале, которое можно назвать Іерусалимомъ ихъ секты. Однако, караимы не живутъ теперь въ этой метрополіи; въ 1876 году г. де-Мели видѣлъ тамъ только два еврейскихъ семейства [2]). Торговля и промышленность влекутъ караимовъ въ большіе, оживленные города; но они считаютъ священнымъ долгомъ часто посѣщать свою историческую столицу и полагаютъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы по смерти кости ихъ покоились на сосѣднемъ кладбищѣ. Одна долина въ окрестностяхъ Чуфутъ-Кале, окруженная скалами, почти безъ деревьевъ, усѣяна надгробными камнями: это ихъ „долина Іосафата".

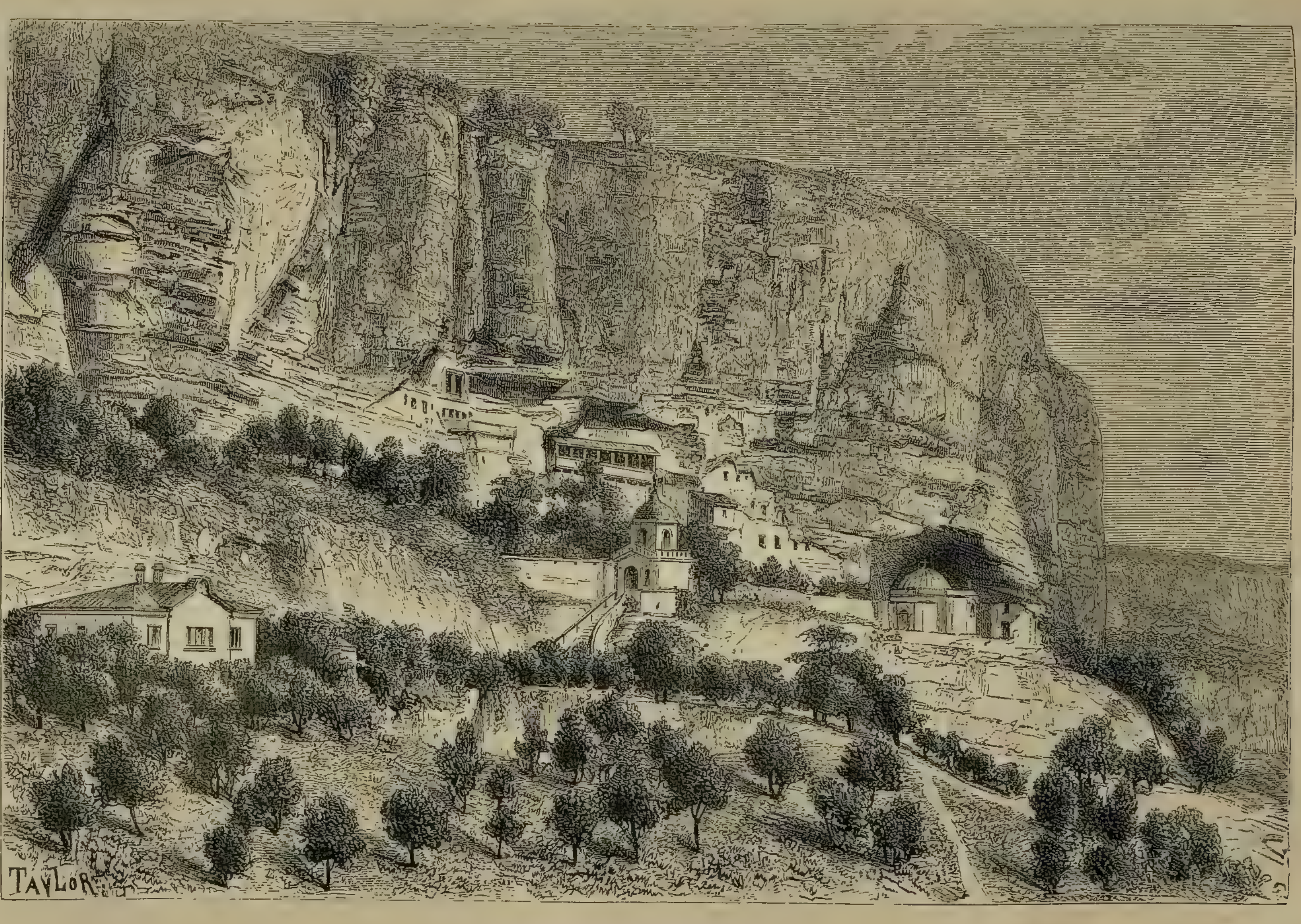
Перекопъ (по татарски Оръ или Уръ), городъ, охраняющій входъ въ Крымъ, если самъ не древняго происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, стоитъ на мѣстѣ расположенія предшествовавшаго ему города, такъ какъ никакой другой пунктъ не могъ быть выбранъ, чтобы сдѣлать разрѣзъ (перекопъ) черезъ перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ материкомъ: здѣсь находится самая узкая часть перешейка, и плато крымскихъ степей сливается съ глинистой почвой равнины. Въ пятнадцатомъ столѣтіи ровъ Тафросъ, отдѣлявшій Крымъ отъ континента, давно уже былъ засоренъ и древнія укрѣпленія заросли кустарникомъ, когда ханъ Менгли-Гирей воздвигъ новую крѣпостную стѣну и велѣлъ возстановить ровъ. Слѣды этихъ сооруженій еще видны, но старыя укрѣпленія замѣнены новыми фортами и редутами, построенными во время Крымской войны. Встарину русскіе и поляки вообще называли „Перекопской ордой" и „перекопскимъ царемъ" татаръ и хановъ всего Крыма. Торговля перешейка сосредоточена не въ городѣ Перекопѣ, а верстахъ въ пяти южнѣе, въ многолюдномъ мѣстечкѣ Армянскѣ, или Армянскомъ Базарѣ, основанномъ, какъ показываетъ самое имя его, армянскими купцами.

Къ югу отъ перешейка нѣтъ ни одного города ни въ области степей, ни на берегахъ двухъ морей — „Мертваго моря" на западѣ и „Гнилаго

---

[1]) *Брунъ*, Записки Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей.

[2]) Tour du Monde, 1878, liv. 910.

ГРОТЫ ДЖУФУТЪ-КАЛЕ.

моря" на востокѣ. Нужно обогнуть портъ Тарканъ-Кутъ и подвинуться на югъ до первыхъ предгорій Таврическихъ горъ, чтобы встрѣтить значительную группу населенія: это—древняя Евпаторія, городъ мусульманскій, армянскій, еврейскій, менѣе всего русскій, который получилъ свое имя отъ древней крѣпости, основанной въ честь Митридата-Евпатора, но находившейся гораздо южнѣе, можетъ быть на нынѣшнемъ мѣстоположеніи Севастополя [1]). Часто опустошаемая нападеніями непріятелей, Евпаторія должна была нѣсколько разъ перестраиваться. Въ пятнадцатомъ столѣтіи она имѣла весьма важное торговое значеніе, да и теперь еще нѣкоторое число судовъ каждый годъ приходитъ бросить якорь въ ея открытомъ рейдѣ. Прежнее ея названіе—Гезлевъ (передѣланное русскими въ Козловъ), или „Сто-Глазъ", было дано ей, какъ говорятъ, по причинѣ множества свѣтящихся въ ея домахъ огней, которые ночью видны издалека въ голой степи. Соляныя озера близъ Евпаторіи внутри страны дѣятельно разработываются, и на берегу одного изъ нихъ находится заведеніе цѣлительныхъ грязей, посѣщаемое больными въ сезонъ жаровъ. Извѣстно, что на евпаторійскомъ берегу, хорошо защищенномъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, высадились въ 1854 году союзныя войска и оттуда направились къ Севастополю, перейдя долину рѣки Альмы и обогнувъ Инкерманскія высоты.

Главный городъ полуострова и всей Таврической губерніи, Симферополь, находится не на этой дорогѣ морскаго прибрежья. Онъ занимаетъ центральное положеніе въ плодоносной долинѣ Салгира, самаго большаго ручья на полуостровѣ, и у сѣверной оконечности прохода, представляющаго наиболѣе удобное сообщеніе съ Южнымъ берегомъ, на востокъ отъ горы Чатыръ-Дагъ. Такимъ выгоднымъ положеніемъ, естественно, должны были давно уже воспользоваться,—и дѣйствительно, въ окрестностяхъ находятъ остатки древнихъ развалинъ. Татарскіе ханы основали въ этомъ мѣстѣ городъ Акъ-Мечеть, то есть „Бѣлая Мечеть", который былъ сожженъ русскими въ 1736 году, затѣмъ вновь выстроенъ въ 1784 году подъ греческимъ именемъ Симферополисъ, или Симферополь: нѣкоторые ученые видятъ въ немъ наслѣдника тавро-скиѳскаго города, носившаго названіе Неаполисъ, или Неаполь. Въ Симферополѣ видны еще кое-какія татарскія постройки, уцѣлѣвшія отъ общаго пожара; но только одинъ изъ крымскимъ городовъ почти вполнѣ сохранилъ свою восточную физіономію — Бахчисарай, или „Дворецъ Садовъ". Это—длинная извилистая улица, расположенная къ юго-западу отъ Симферополя, въ узкой лощинѣ между двухъ высокихъ, утесистыхъ известковыхъ горъ, на берегахъ ручья, который изливается въ Черное море верстахъ въ тридцати къ западу. Бахчисарай — это русская Гранада; онъ тоже имѣетъ свою Альгамбру,

[1]) *Ф. Брунъ*, Замѣтки, относящіяся къ древней топографіи Новороссійскаго края и Бессарабіи.

дворецъ хановъ, съ его изящными воротами, украшенными арабесками и рѣзными надписями, съ его комнатами, обтянутыми драгоцѣнными матеріями, съ его верандами, гдѣ цвѣтущія южныя растенія качаются гирляндами, съ его внутренними дворами и двориками, гдѣ вода фонтановъ непрерывно журчитъ и льется на мраморный полъ. Бѣлые минареты все еще возвышаются надъ городомъ, поднимаясь выше верхушекъ раинъ или пирамидальныхъ тополей, ростущихъ группами въ садахъ. Населеніе Бахчисарая тоже по прежнему гармонируетъ съ окружающей средой: оно состоитъ главнымъ образомъ изъ татаръ, грековъ, караимовъ, которые всѣ очень трудолюбивы, дѣятельны и большинство которыхъ по профессіи шорники, золотыхъ дѣлъ мастера, садовники, виноградари; лавки наполнены цвѣтными матеріями, сафьянными издѣліями, различными предметами, напоминающими товары, какіе обыкновенно раскладываются на базарахъ Смирны или Константинополя. Надъ городомъ съ юго-восточной стороны, возвышается гора, отвѣсныя стѣны которой всѣ изрыты гротами, гдѣ насчитываютъ около тысячи комнатъ. Въ былыя времена караимскіе торговцы города обязаны были съ наступленіемъ сумерекъ удаляться изъ Бахчисарая и идти на ночлегъ въ свой пещерный городъ: отсюда и произошло наименованіе Джуфутъ-Кале, или „Жидовская крѣпость“, данное этой горѣ, которую сами караимы называютъ Киркъ-іеръ, или горой „Сорока человѣкъ“. Теперь въ эти пещеры только загоняютъ на ночь скотъ. Надписи доказываютъ, что Джуфутъ-Кале существовалъ уже съ шестаго столѣтія христіанской эры. На юго-востокѣ стоитъ почти уединенно скала Тепе-Керманъ, или Тобе-Керманъ, господствующая надъ „готскимъ“ кладбищемъ, стѣны которой изрыты восемнадцатью ярусами галерей, содержащихъ около десяти тысячъ комнатъ [1]). Что касается знаменитой Мангупъ-Кале, крутой горы, расположенной полукругомъ и представляющей форму стѣны, то теперь тамъ видны лишь груды развалинъ, безформенные остатки греческихъ храмовъ и готическихъ замковъ, отъ которыхъ Палласъ видѣлъ еще хорошо сохранившіяся части. Эта крѣпость нѣкогда господствовала надъ всей страной къ востоку отъ Севастополя.

Юго-западная оконечность Крыма замѣчательна какъ мѣстность, которая первая появляется въ эпоху миѳовъ и которая въ то же время была театромъ, гдѣ происходило одно изъ самыхъ кровопролитныхъ столкновеній новѣйшей исторіи. Эта часть полуострова, почти отдѣленная отъ остальнаго Крыма глубокой вырѣзкой прибрежья, извѣстна нынѣ подъ именемъ мыса Херсонесъ; недалеко оттуда колонисты изъ понтійской Гераклеи построили городъ Херсонъ, имя котораго русскіе передѣлали въ Корсунь, а татары называли его Сары-Керманъ, но уже въ то

[1]) *В. Н. Майновъ,* Первая антропол. выставка и конгрессъ въ Москвѣ; „Слово“, 1879 г., № X.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ БУХТА.

время, когда онъ былъ переведенъ на другое мѣсто, къ сѣверо-востоку, въ сосѣдство нынѣшняго Севастополя, свѣжія развалины котораго смѣшались съ древнѣйшими руинами, скиѳскими и греческими. На мысѣ Херсонесъ, говорятъ, скиѳы соорудили храмъ Діаны, въ честь которой жрица Ифигенія должна была приносить въ жертву чужеземцевъ, выброшенныхъ бурей на берега „Негостепріимнаго моря". Однако, многіе археологи указываютъ на мысъ, извѣстный у средневѣковыхъ итальянцевъ подъ именемъ Фіоравенти и лежащій южнѣе Херсонеса, какъ на Парфеніонъ эллиновъ, и полагаютъ, что тутъ именно происходила сцена Ифигеніи и Ореста, воспѣтая древними поэтами; по мнѣнію этихъ археологовъ, монастырь св. Георгія, возвышающійся на мысу, стоитъ тамъ, гдѣ въ древности былъ храмъ Артемиды. Это мѣсто прославилось въ русской исторіи крещеніемъ кіевскаго князя Владиміра, который во время войны съ греками осаждалъ Корсунь и, по взятіи этого города, принялъ крещеніе вмѣстѣ со своими сыновьями и дружиной (988 г.) [1]. Далѣе на востокѣ—Балаклавскій портъ (Балаклава—это „Палакіонъ" Страбона, „Чембало" генуэзцевъ), имѣющій въ длину болѣе версты, при ширинѣ около 100 саженъ, открывается внутри береговыхъ утесовъ, точно искусственный докъ, вырытый рукою человѣка. Каменная стѣна, длиною около девяти верстъ, отдѣлявшая отъ остальной Тавриды весь Гераклейскій полуостровъ и защищавшая также городъ Херсонесъ и его территорію отъ нападеній скиѳовъ, начиналась отъ порта Палакіонъ и направлялась на сѣверъ къ восточной оконечности бухты, на берегахъ которой теперь построенъ городъ Севастополь. Балаклава еще населена греками.

Всѣмъ извѣстна форма этой знаменитой въ исторіи нашего времени бухты, обладаніе которою русскіе и союзники оспаривали другъ у друга съ такимъ ожесточеніемъ. Она представляетъ морское ущелье, открывающееся между известковыми горами, выдѣляющее изъ себя меньшія боковыя ущелья и продолжающееся на востокъ земнымъ ущельемъ, надъ которымъ господствуютъ крутыя, почти вертикальныя стѣны Инкерманскихъ высотъ. Севастопольская бухта, имѣющая среднимъ числомъ около версты въ ширину и вдающаяся на 7 верстъ внутрь твердой земли (глубина ея отъ 9 до 11 саженъ), представляетъ превосходный портъ, очень удобный для защиты, благодаря узкому входу и окружающимъ ее крутымъ возвышенностямъ; кромѣ того, боковые заливчики ея извилистыхъ береговъ образуютъ маленькіе порты, скрытые отъ

---

[1]) Отъ Корсуня, съ его величественными храмами, дворцами, высокими стѣнами, остались засыпанныя землею развалины, въ которыхъ открыли три церкви. Одну изъ этихъ церквей признали за тотъ самый храмъ, гдѣ совершилось крещеніе Владиміра, и надъ развалинами ея теперь построенъ великолѣпный храмъ изъ инкерманскаго бѣлаго камня во имя Равноапостольнаго князя Владиміра. *Прим. перев.*

взоровъ непріятеля, стоящаго на морѣ передъ входомъ въ бухту. Въ эпоху знаменитой 11-мѣсячной осады, стоившей многихъ тысячъ людей участникамъ этой кровопролитной борьбы, русскимъ, французамъ, англичанамъ, туркамъ, итальянцамъ, различные кварталы Севастополя, расположенные на полуденномъ берегу бухты, были окружены поясомъ фортовъ и внѣшнихъ укрѣпленій; надъ сѣвернымъ берегомъ возвышались бастіоны главной цитадели. Извѣстно, что послѣ войны „Величественный городъ“ [1]), выдержавшій шесть страшныхъ, опустошительныхъ бомбардированій и три общихъ штурма и въ который было брошено врагами около 2.000,000 большихъ метательныхъ снарядовъ, представлялъ однѣ развалины, окруженныя кладбищами. Населеніе, простиравшееся до 40,000 душъ въ половинѣ текущаго столѣтія, уменьшилось, такъ что въ 1864 году не достигало 6,000, и городъ не имѣлъ даже той важности, какую онъ пріобрѣлъ въ первые годы послѣ своего основанія, какъ морская станція и военный арсеналъ. Въ новѣйшее время постройка желѣзной дороги, которая соединяетъ Севастополь съ континентальной сѣтью рельсовыхъ путей посредствомъ моста, перекинутаго черезъ Сивашъ, измѣнила положеніе дѣлъ, и Севастополь возрождается изъ развалинъ: теперь берега бухты окаймлены набережными, изборожденными рельсами; въ сосѣдствѣ гавани воздвигнуты обширные амбары для склада хлѣба; монументальный желѣзнодорожный вокзалъ устроенъ на мѣстѣ бывшаго редута, а прославившіяся въ исторіи осады возвышенности, Малаховъ курганъ, Редáнъ обращены въ общественныя гульбища. Севастополь по прежнему является грозной крѣпостью, но успѣхи артиллеріи и фортификаціи заставили измѣнить положеніе оборонительныхъ укрѣпленій: теперь южныя плато обставлены редутами, а мысъ Херсонесъ вооруженъ батареями, защищающими подступы рейда. Что касается высотъ Инкермана (древняя Каламита), находящихся къ востоку отъ Севастополя, по другую сторону болотистой долины, на днѣ которой струится Черная рѣчка, то эти скалы постоянно аттакуются массами каменоломщиковъ, привлекаемыхъ превосходнымъ качествомъ извлекаемаго здѣсь бѣлаго камня, который легко распиливается на плиты и отвердѣваетъ на воздухѣ. Подъ ударами этихъ каменоломщиковъ, вѣроятно скоро исчезнетъ подземный городъ древнихъ троглодитовъ, галереи котораго образовали настоящій лабиринтъ во внутренности холма: нѣкоторыя изъ подземныхъ залъ такъ обширны, что въ нихъ свободно можетъ помѣститься до пяти сотъ человѣкъ.

---

[1]) До присоединенія Крыма къ Россіи на мѣстѣ Севастополя стояла татарская деревушка Ахтіаръ. Въ 1783 г. Екатерина II повелѣла „на мѣстѣ деревни основать военный портъ съ адмиралтействомъ, верфью и крѣпостью“ и назвала вновь основанный портъ Севастополемъ, что значитъ по-гречески: „величественный городъ“. *Прим. перев.*

ИНКЕРМАНСКІЕ УТЕСЫ.

Вдоль дороги, отлично содержимой, которая слѣдуетъ по южному берегу Крыма на востокъ отъ Балаклавы, разсѣяны прелестнѣйшія виллы, среди необыкновенно живописныхъ мѣстностей. Эта дорога — „Карнизъ" Тавриды, почти столь же очаровательный, какъ „Карнизъ" Лигуріи. То взбираясь на высокій мысъ, то спускаясь на плоскій морской берегъ, она вьется змѣйкой изъ оврага въ оврагъ, и путешественникъ все время видитъ кругомъ себя горы, лѣса, море, все время созерцаетъ обширную и грандіозную картину, которая быстро измѣняется при малѣйшемъ поворотѣ дороги. Близъ мыса Ай-Тодоръ (Хагіосъ-Теодоросъ), или св. Θеодора, расположены великолѣпныя дачи, Алупка, Оріанда, императорскій дворецъ Ливадія, Никитскій Садъ, окруженные роскошными парками, гдѣ собраны самыя рѣдкія растенія, богато украшенные малахитами, драгоцѣнными мраморами, статуями, произведеніями искусства; здѣсь не разъ объявлялись войны и заключались политическіе союзы. Маленькій городокъ Ялта, пріютившійся у подножія амфитеатра покрытыхъ лѣсомъ горъ, господствуетъ надъ рейдомъ, впрочемъ не совсѣмъ удобнымъ, гдѣ останавливаются военные корабли и яхты.

На юго-востокѣ отъ Чатыръ-Дага, бывшая генуэзская колонія Алушта, окруженная виноградниками, которые производятъ лучшіе сорты крымскихъ винъ, можетъ быть разсматриваема какъ гавань Симферополя, отъ котораго она удалена всего на сорокъ съ небольшимъ верстъ. Несмотря на то, Алушта теперь не болѣе какъ деревня, также какъ стоящій далѣе на востокѣ Судакъ, нѣкогда могущественный и цвѣтущій городъ, извѣстный у грековъ подъ именемъ Сугдеи, у итальянцевъ—подъ именемъ Сольдаи; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ назывался Сурожъ. Этотъ городъ, византійскаго происхожденія (можетъ быть даже еще болѣе древняго), занималъ очень выгодное положеніе, на берегу полукруглой бухты, при выходѣ широкой и плодоносной долины (Судакской), въ мѣстности, имѣющей удобное сообщеніе, черезъ пониженіе въ горной цѣпи, съ сѣвернымъ скатомъ полуострова. Въ тринадцатомъ столѣтіи венеціанцы основали тутъ факторію, консулъ которой былъ въ то же время консуломъ всей Хазаріи или „Хазарской земли", то есть всѣхъ областей, прилегающихъ къ Черному морю съ сѣверной и сѣверо-восточной стороны. Фамилія Марко-Поло (къ которой принадлежалъ знаменитый путешественникъ этого имени) имѣла въ Сольдаѣ торговый домъ, служившій ей посредникомъ въ сношеніяхъ со всѣми азіатскими странами. Впослѣдствіи венеціанцы были прогнаны изъ Сольдаи, но вмѣсто нихъ пришли генуэзцы, которымъ татары уступили въ 1365 году всю территорію города и окрестныя селенія. Двойная стѣна ограды, которую они воздвигли вокругъ города и сосѣдняго холма, существуетъ еще до сихъ поръ, съ ея готическими воротами, обставленными по бокамъ двумя зубчатыми башнями; этотъ памятникъ генуэзской архитектуры сохранился

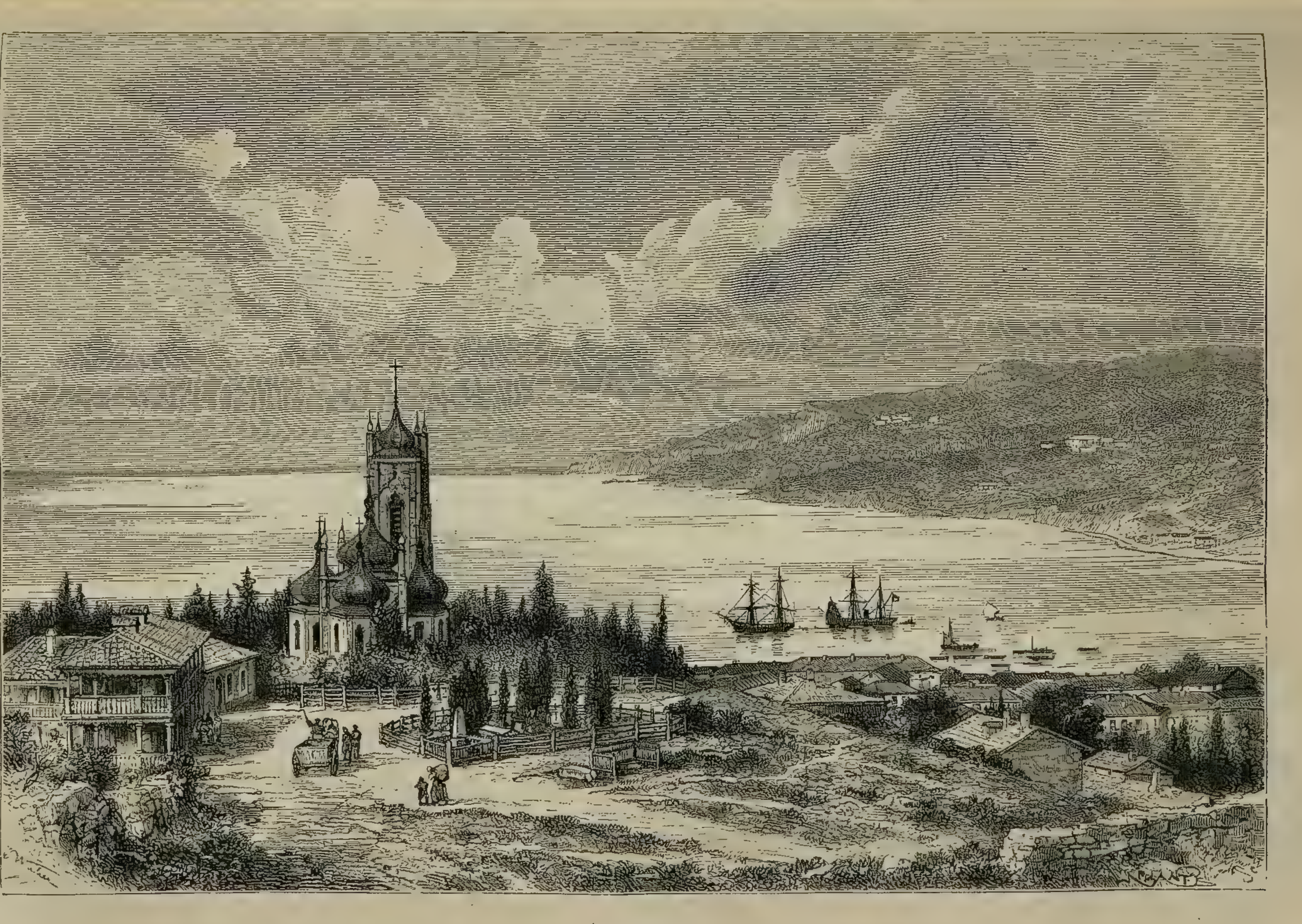
вполнѣ: глядя на него можно подумать, что видишь передъ собой какой-нибудь лигурійскій городъ средневѣковой эпохи. Въ четырнадцатомъ столѣтіи торговое значеніе Сольдаи было такъ велико, что, по свидѣтельству арабскаго писателя Абульфеды, она не уступала въ этомъ отношеніи даже Каффѣ; весь Крымъ назывался по ея имени, да и Понтъ-Эвксинскій извѣстенъ былъ у арабовъ подъ названіемъ „Судакскаго моря" [1]); точно также и русскіе называли „Сурожскимъ моремъ" Palus Maeotides (Азовское море), а иногда и Понтъ-Эвксинскій. Раззоренный турками въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, портъ Сольдая или Судакъ утратилъ всю свою торговлю; теперь высокія городскія стѣны защищаютъ однѣ убогія лачуги, и нѣмецкіе колонисты, занимающіеся виноградарствомъ, замѣнили итальянскихъ негоціантовъ. Что касается древняго города „Старый Крымъ", или по-татарски „Эски-Крымъ", стоящаго далѣе на востокѣ, то онъ уже нѣсколько вѣковъ пересталъ быть столицей полуострова, и зданія его лежатъ въ развалинахъ. Почти все населеніе его состоитъ изъ армянскихъ поселенцевъ.

Каффа по крайней мѣрѣ не утратила своего ранга—города. Милезійцы, которые основали ее подъ именемъ Ѳеодосіи, очень удачно выбрали мѣстоположеніе для своей колоніи. Она расположена на берегу бухты, защищенной высокимъ мысомъ отъ вѣтровъ, какъ южныхъ, такъ и западныхъ; цѣпь Таврическихъ горъ оканчивается въ этомъ мѣстѣ, такъ что городъ командуетъ, въ одно и тоже время, со стороны моря—торговлей южнаго берега Крыма, а со стороны суши—торговлей сѣверной покатости полуострова. Вдобавокъ Ѳеодосія занимаетъ положеніе почти на самомъ перешейкѣ, соединяющемъ Керченскій полуостровъ съ Крымскимъ: находясь въ сосѣдствѣ съ Азовскимъ моремъ и съ Сивашемъ, этотъ городъ, стоящій на берегу Понта-Эвксинскаго, имѣлъ въ своемъ распоряженіи рыбу и соль, доставляемую двумя названными внутренними морями. Опустошенная нѣсколько разъ вражескими нашествіями, Ѳеодосія,—уже около семисотъ лѣтъ извѣстная подъ именемъ крѣпости Каффы,—была куплена въ тринадцатомъ вѣкѣ генуэзцами, которые сдѣлали изъ нея главный рынокъ Чернаго моря; одно письмо, адресованное къ папѣ Каликсту III, въ 1455 году, говоритъ, что Ѳеодосія „превосходитъ Константинополь—не по протяженію городскихъ стѣнъ, но по числу жителей" [2]); она въ то время была складочнымъ пунктомъ всей торговли „туранскаго" Востока. Каффа пала черезъ двадцать-два года послѣ взятія Магометомъ II ея соперника, Константинополя: завоеванный османлисами, этотъ „Крымъ-Стамбулъ" былъ преданъ разграбленію и обращенъ въ груду развалинъ. Однако, городъ потомъ опять поднялся, главнымъ

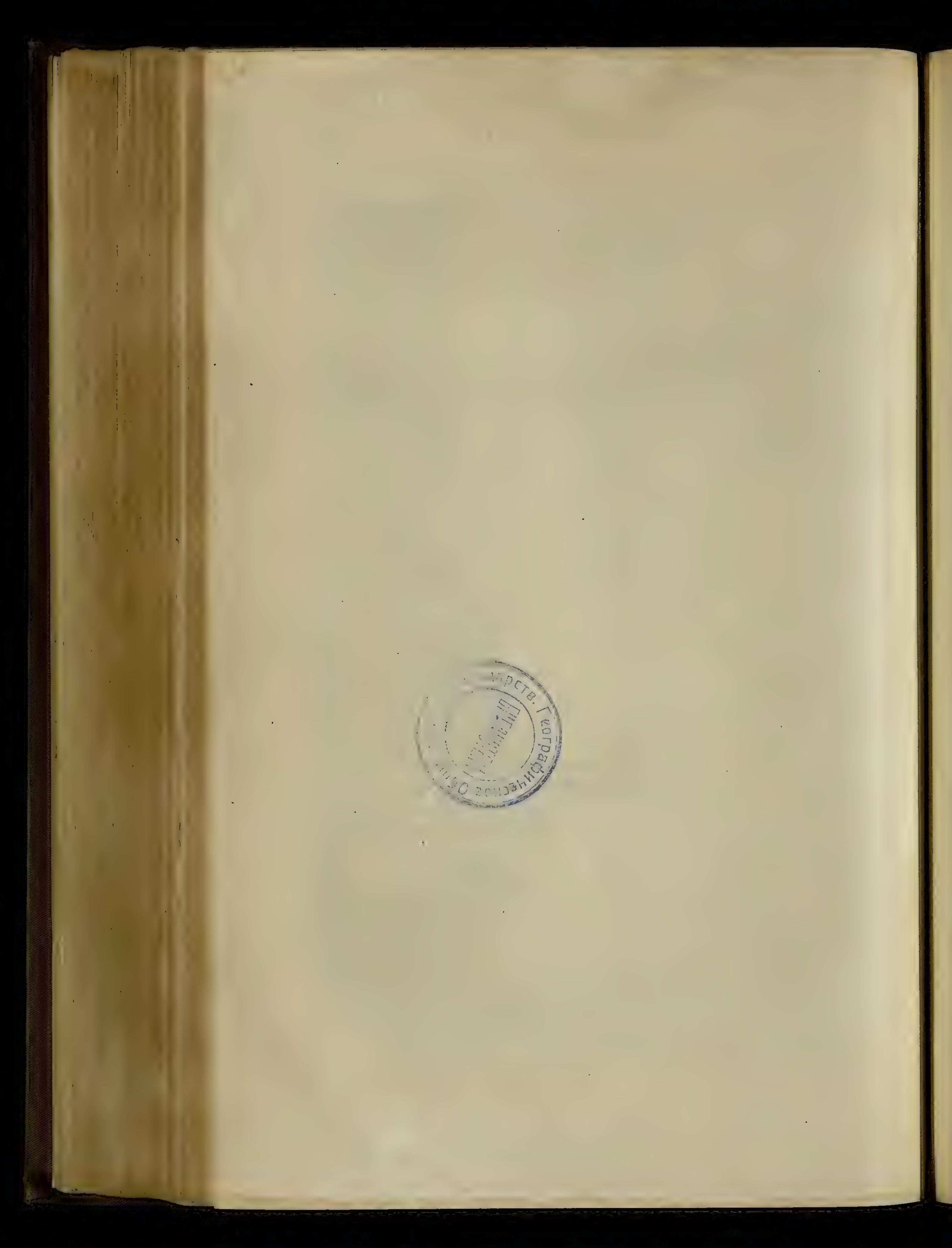
---

[1]) *Брунъ*, Матеріалы для исторіи Сугдеи.

[2]) *Брунъ*, цитированное сочиненіе.

ЯЛТА.

Географическое

образомъ благодаря торговлѣ невольниками [1]), и сдѣлался базаромъ для продажи плѣнниковъ, захваченныхъ татарами въ Малороссіи: иногда на этомъ рынкѣ скоплялось разомъ до 30,000 невольниковъ, мужчинъ и женщинъ, предлагаемыхъ торговцами человѣческимъ мясомъ. Когда русскіе, въ свою очередь, овладѣли Каффой, вмѣстѣ со всѣмъ Крымомъ, въ 1783 году, населеніе ея, менѣе многочисленное, чѣмъ оно было въ эпоху генуэзскаго господства, простиралось до 85,000 душъ. Но послѣ того эмиграція турокъ, затѣмъ выселеніе татаръ уменьшили это число на девять-десятыхъ; однако и теперь лѣтомъ этотъ городъ, которому русскіе возвратили древнее его наименованіе Ѳеодосіи, дѣлается временнымъ мѣстопребываніемъ большаго числа иногородныхъ посѣтителей, пріѣзжающихъ сюда, для купанья въ морѣ, изъ всѣхъ частей Крыма и изъ континентальной Россіи. Старая Каффа предлагаетъ имъ свои генуэзскія стѣны, свои улицы, обставленныя домами съ аркадами, свои мечети, свой татарскій кварталъ, а на морѣ они находятъ отлогіе, покрытые мелкимъ пескомъ берега, удобные для купанья. Торговля Ѳеодосіи не имѣетъ большой важности (въ 1873 году обороты ея составляли, по цѣнности, около 787,500 рубл., изъ которыхъ на долю экспорта приходилось 700,000 рубл.) [2]), хотя этотъ городъ служитъ экспедиціоннымъ портомъ для окружающихъ поселеній, между которыми главное мѣсто занимаетъ промышленный Карасубазаръ.

Керчь, стоящая при западной бухтѣ Еникальскаго пролива, или „Босфора Киммерійскаго“, еще древнѣе, чѣмъ Ѳеодосія, и ея историческая роль была еще важнѣе. Это—Пантикапея, основанная милезійцами за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до нашего времени,—городъ, возвысившійся на степень столицы Босфорскаго царства послѣ пораженія Митридата; въ древности она была извѣстна также подъ именемъ Боспора (Bosporus). „Городъ Босфора Киммерійскаго“, раззоренный въ эпоху великаго переселенія народовъ, не скоро оправился отъ погрома; но во времена генуэзскаго господства онъ снова пріобрѣлъ обширную торговую дѣятельность, которая потомъ была имъ утрачена вслѣдствіе покоренія страны турками и которую онъ опять успѣлъ возвратить себѣ только спустя полстолѣтія послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. Керчь, естественный стражъ пролива, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ, занимаетъ столь благопріятное для обороны положеніе, что городъ этотъ необходимо должны были выбрать какъ стратегическій пунктъ, какъ крѣпость, охраняющую входъ въ проливъ; при военномъ характерѣ города торговля, понятно, могла развиваться лишь очень медленно; сверхъ того, землевладѣніе тамъ было подчинено особымъ правиламъ, и до 1830

---

1) *Michalon Lithuanus*, Fragmenta; *Хартахай*, цитированное сочиненіе.

2) Въ 1878 и въ 1879 гг.—около $1^1/_2$ милл., въ 1880 г.—на 717,000; изъ этой суммы на долю ввоза приходилась ничтожная цифра (не болѣе 21,000 р.). *Ред.*

года никто, кромѣ греческихъ колонистовъ, не могъ селиться на земляхъ этого округа. Во время Крымской войны Керчь, сожженная союзниками, была временно покинута; но, вновь отстроенная вскорѣ послѣ того, она быстро разрослась, и въ 1870-мъ году была самымъ многолюднымъ и первымъ торговымъ городомъ Таврическаго полуострова. Теперь бухта защищена по всей ширинѣ запрудой въ уровень съ поверхностью воды, и единственное отверстіе этой запруды находится подъ выстрѣлами крѣпостныхъ орудій. Гордая своимъ прошлымъ, Керчь имѣетъ музей древностей на скатѣ Митридатовой горы, на которую поднимаются по монументальной лѣстницѣ; въ этой коллекціи хранятся нѣкоторые изъ драгоцѣнныхъ остатковъ старины, находимыхъ въ такомъ множествѣ въ сосѣднихъ могильныхъ курганахъ и катакомбахъ. На верхней площадкѣ горы Митридата естественныя возвышенія почвы и земляныя насыпи кургановъ до какой степени похожи между собою, что издали невозможно отличить горки, возведенныя рукой человѣка, отъ бугровъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ самой природѣ. На вершинѣ горы, гдѣ находился акрополь Пантикапеи, возвышается одинъ изъ такихъ округленныхъ холмовъ, называемый „могилой Митридата"; по словамъ легенды, на одинъ изъ утесовъ, о которые опирается этотъ надгробный курганъ, нерѣдко садился могущественный понтійскій царь, чтобы обозрѣвать свои безчисленные корабли [1]). Съ мыса Акъ-Бурунъ можно разглядѣть на дальнемъ горизонтѣ подернутыя синеватой дымкой вершины Кавказа.

Городъ Еникале (по-турецки „Новая Крѣпость") въ административномъ отношеніи составляетъ часть Керчи, но онъ удаленъ отъ послѣдней верстъ на 12 къ востоку и господствуетъ надъ самой узкой частью Босфора Киммерійскаго; весь этотъ городъ представляетъ собраніе крѣпостныхъ сооруженій, казармъ и другихъ казенныхъ зданій. Въ древности здѣсь находился Парѳеніонъ грековъ.

Города Крымскаго полуострова, имѣющіе болѣе 5,000 жителей (по даннымъ 1870 г.):

Керчь и Еникале	22,450 жит.	Карасубазаръ	11,650 жит.
Симферополь	17,150 „	Бахчисарай	10,550 „
„ (въ 1880 г.)	52,600 „	Ѳеодосія	8,500 „
Севастополь	13,250 „	Евпаторія	8,300 „
„ (въ 1876 г.)	26,000 „		

[1]) *A. Demidoff*, La Crimée.

XVII.

МАТЕРІАЛЬНОЕ И СОЦІАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

Нынѣшнее народонаселеніе Россійской Имперіи исчисляется, какъ мы знаемъ, въ 97 милліоновъ жителей, изъ которыхъ 83 милліона находятся въ Европѣ: это — немного болѣе четверти общаго числа людей, живущихъ въ этой части свѣта. Россія, вмѣстѣ съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, занимаетъ поверхность нѣсколько превосходящую половину Европы; слѣдовательно, населенность ея (отношеніе числа жителей къ пространству) сравнительно рѣдкая, именно русскіе подданные почти въ два раза болѣе рѣдко размѣщены на территоріи, чѣмъ другіе европейцы вообще, и въ четыре или пять разъ болѣе рѣдко, чѣмъ французы. Отъ Царства Польскаго до сліянія двухъ великихъ рѣкъ, Волги и Камы, тянется поясъ плотной населенности, который можно разсматривать какъ восточное продолженіе густо населенной Европы. Простираясь въ ширину среднимъ числомъ безъ малаго на 400 верстъ, этотъ поясъ обнимаетъ Волынь и Подолію, бассейнъ Днѣпра между Кіевомъ и порогами, Великороссію отъ Твери до Воронежа и, съуживаясь мало по малу къ востоку, развѣтвляется на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна переходитъ за Казань, тогда какъ другая достигаетъ Волги въ Саратовѣ. Къ сѣверу, къ югу и къ востоку отъ этого пояса жители все менѣе и менѣе сконцентрированы, населенность становится все рѣже и рѣже: съ этихъ трехъ сторонъ населеніе уменьшается въ числѣ, въ прямой зависимости отъ суровости климата, неплодородія почвы и меньшей продолжительности періода, протекшаго со времени включенія данной мѣстности въ составъ Имперіи. Плодоносныя земли Новороссійскаго края, береговъ Азовскаго моря и страны по сю сторону Кавказскихъ горъ еще очень слабо населены; притомъ-же затрудненія, поставляемыя передвиженію внутри государства подушной податью и паспортной системою, не позволяютъ крестьянамъ селиться въ значительномъ числѣ на этихъ новыхъ земляхъ [1]).

Приращеніе народонаселенія идетъ очень быстро въ наибольшей части Россійской Имперіи. Въ 1722 году, т. е. въ эпоху, когда Европейская Россія по пространству была только на одну пятую меньше нынѣшней Россіи, общее число подданныхъ исчисляли приблизительно въ 14 милліоновъ [2])

Шестьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1782 г., Имперія,—впрочемъ, увеличенная территоріальными присоединеніями съ западной стороны,— имѣла уже вдвое бо́льшее населеніе. Около 1830 года, оно опять удвоилось, а

---

[1]) *Ѳ. Ѳ. Воропоновъ*, Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, „Вѣстникъ Европы", 1876 г., № 1.

[2]) По первой народной переписи, произведенной въ 1722 г., оказалось 5.794,928 душъ мужскаго пола податнаго званія; съ присоединеніемъ же лицъ женскаго пола, привилегированныхъ сословій и населенія нѣкоторыхъ областей, невошедшихъ въ ревизію, все народонаселеніе, вѣроятно, простиралось до 14 милліоновъ. *Прим. перев.*

въ наши дни число жителей въ шесть разъ превышаетъ ту цифру населенія, которая оказалась при первой народной переписи. Судя по размѣру возрастанія, совершившагося съ начала настоящаго столѣтія, періодъ удвоенія числа жителей Россіи составляетъ около 65 лѣтъ. Ежегодный естественный приростъ народонаселенія, происходящій отъ перевѣса числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, превышаетъ теперь милліонъ; въ первое десятилѣтіе девятнадцатаго вѣка онъ равнялся 500,000 душъ [1]. Если приростъ народонаселенія будетъ продолжаться въ той же пропорціи, или даже въ нѣсколько меньшей, то можно съ увѣренностью предсказать, что нынѣшняя территорія одной только Европейской Россіи будетъ имѣть сотню милліоновъ жителей ранѣе истеченія конца текущаго столѣтія. Впрочемъ, движеніе народонаселенія сильно разнится по губерніямъ, смотря по различіямъ расы, климата, матеріальнаго благосостоянія, соціальныхъ условій. Такъ, оказывается, что браки наиболѣе многочисленны въ южныхъ губерніяхъ государства; на востокѣ, въ бассейнахъ Камы и низовой Волги, рождаемость наиболѣе сильна; въ губерніи Олонецкой, также какъ и въ Московской, процентъ смертности достигаетъ наибольшей величины. Средній выводъ изъ отдѣльныхъ демографическихъ фактовъ даетъ нормальное приращеніе народонаселенія во всѣхъ губерніяхъ вообще; но переселенія изъ провинціи въ провинцію уменьшали иногда, въ несчастные годы, численность населенія бѣдныхъ губерній, какова, напримѣръ, Витебская, и тѣхъ областей, гдѣ уже существуетъ промышленный пролетаріатъ, каковы губерніи: Московская, Калужская, Тульская, Рязанская [2]. Въ Польшѣ, на прибрежьи Чернаго моря и въ Поволжьи, между Казанью и Саратовомъ, постоянно и быстро увеличивается численность населенія.

Русскіе вступаютъ въ бракъ, вообще говоря, тотчасъ по выходѣ изъ юношескаго возраста; число лицъ, остающихся холостяками, относительно очень не велико. Статистическія таблицы обнаруживаютъ замѣчательный контрастъ, который представляютъ въ этомъ отношеніи восточные славяне въ сравненіи съ другими европейскими народами, особенно съ баварцами, которые женятся поздно, въ ущербъ общественной нравственности.

Процентное распредѣленіе браковъ по возрастамъ [3]):

Мужчины:	Баварія. (1870—1880).	Франція. (1871—1879).	Европ. Россія. (1867—1875).
Ранѣе 20 лѣтъ.	0,12 проц.	2,32 проц.	37,34 проц.
Отъ 20 до 25 лѣтъ	17,06 „	24,64 „	30,97 „
Отъ 25 до 30 „	37,03 „	36,82 „	11,82 „

[1]) *В. де-Ливрон*, Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи.

[2]) *А. А. Ильинъ*, Опытъ статистическаго атласа Россійской Имперіи.

[3]) Этою таблицею замѣнена помѣщенная въ соч. Реклю; она составлена по „Popolazione. Movimento dello stato civile. Anno XIX. 1880. Confronti internazionali per gli anni 1865—1880". Roma. 1882. *Ред.*

Мужчины:	Баварія. (1870—1880).	Франція. (1871—1879).	Европ. Россія. (1867—1875).
Отъ 30 до 40 „	30,93 проц.	25,68 проц.	12,21 проц.
Отъ 40 до 60 „	13,52 „	9,27 „	7,36 „
Старше 60 „	1,34 „	1,27 „	

Женщины.	Баварія. (1870—1880).	Франція. (1870—1879).	Европ. Россія. (1867—1875).
Ранѣе 20 лѣтъ	5,70 проц.	20,81 проц.	57,27 проц.
Отъ 20 до 25 лѣтъ	34,26 „	38,67 „	26,31 „
Отъ 25 до 30 „	30,15 „	20,74 „	7,10 „
Отъ 30 до 40 „	21,42 „	14,09 „	6,39 „
Отъ 40 до 60 „	8,19 „	5,69 „	2,93 „
Старше 60 „	0,28 „		

Причину этихъ раннихъ браковъ въ Россіи слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ богатствѣ страны удобными для культуры землями, которыя ждутъ только рукъ, чтобы сдѣлаться производительными: семьи земледѣльцевъ пользуются тѣмъ большимъ достаткомъ, чѣмъ онѣ многочисленнѣе. Но если браки у русскихъ болѣе ранни, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, то, съ другой стороны, изъ всѣхъ странъ Европы въ Россіи смертность дѣтей наиболѣе значительна: безхлѣбицы и голодовки вслѣдствіе неурожая, эпидемическія болѣзни и отсутствіе мало-мальски удовлетворительныхъ гигіеническихъ условій уносятъ въ могилу болѣе четверти дѣтей на первомъ году жизни.

Изъ 100 родившихся среднимъ числомъ умираетъ [1]):

	Въ возрастѣ одного года.	Въ возрастѣ 1—5 лѣтъ.
Норвегія	10,74 проц.	18,3 проц.
Шотландія	12,36 „	25,3 „
Швеція	13,69 „	22,2 „
Англія	15,11 „	24,9 „
Бельгія	17,35 „	28,3 „
Швейцарія	18,94 „	26,2 „
Италія	21,35 „	38,1 „
Пруссія	21,77 „	33,4 „
Австрія	25,58 „	38,9 „
Европ. Россія	26,54 „	42,5 „

Слѣдовательно, въ Россіи пятилѣтняго возраста не доживаютъ даже три пятыхъ изъ общаго числа рождающихся дѣтей. Точно также вѣроятная продолжительность жизни въ Россіи гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ цивилизованной Европы: она равна только 24 годамъ [2]).

---

[1]) Таблица составлена по Бодіо: „Popolazione. Movimento dello stato civile. Confronti internazionali“, Roma, 1882, вмѣсто помѣщенной въ соч. Реклю и заимствованной имъ изъ „Здоровья“ (за 1879 г.). *Ред.*

[2]) *В. де-Ливронъ,* цитированное сочиненіе.

Такъ какъ Россія еще страна по преимуществу земледѣльческая, то города въ ней сравнительно менѣе населены, чѣмъ города Западной Европы; городское населеніе Россійской Имперіи составляетъ еще только десятую часть общаго числа жителей[1]); но въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, по мѣрѣ устройства болѣе удобныхъ путей сообщенія и по мѣрѣ развитія промышленной и торговой дѣятельности, увеличивается и число горожанъ. Къ шести городамъ, которые 12 лѣтъ тому назадъ имѣли свыше 100,000 жителей,—именно: Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Кишиневъ, Рига,—теперь нужно прибавить еще слѣдующіе города: Кіевъ, Харьковъ, Саратовъ и Казань. Въ 1869 году насчитывалось уже 185 русскихъ городовъ, имѣвшихъ болѣе 10,000 жителей; но можно судить о контрастѣ, существующемъ между Россіей и Западной Европой въ распредѣленіи городовъ по территоріи, изъ того факта, что въ Польшѣ они удалены одинъ отъ другаго среднимъ числомъ верстъ на 16 или 17, тогда какъ въ остальной Россіи среднее разстояніе отъ города до города около 90 верстъ; кромѣ того, большое число административныхъ центровъ, получившихъ названіе „уѣздныхъ городовъ“, населены исключительно крестьянами. Большая часть русскихъ городовъ состоитъ изъ центральнаго ядра, которое есть ни что иное, какъ первоначальный городъ, административный и военный центръ, и изъ окружающихъ его предмѣстій или слободъ; таковы слободы „кузнецовъ“, „плотниковъ“, „каменщиковъ“ — крестьянъ, поселившихся въ непосредственномъ сосѣдствѣ города и теперь составляющихъ часть городскаго населенія; названія нѣкоторыхъ слободъ, каковы: „Стрѣлецкая“, „Казацкая“, „Солдатская“, „Канонерская“ и даже „Ямская“, напоминаютъ времена не очень отдаленныя, когда прибытіе новыхъ поселенцевъ въ города было не всегда добровольное. Города нѣкоторыхъ губерній представляютъ весьма значительную несоразмѣрность между численнымъ отношеніемъ половъ. Въ Россіи, какъ и во всѣхъ тѣхъ странахъ умѣреннаго пояса, гдѣ исчисленіе народонаселенія производилось болѣе или менѣе тщательно, оказывается, что число женщинъ вообще превышаетъ число мужчинъ. Рабочіе и прислуга мужскаго пола устремляются къ большимъ центрамъ, особенно къ Петербургу и Москвѣ, въ столь значительномъ количествѣ, что тамъ числовая разность между полами, въ пользу мужчинъ, достигаетъ одной пятой или даже цѣлой четверти. То же самое и въ южныхъ степныхъ губерніяхъ, къ которымъ постоянно направляются въ большомъ числѣ новые колонисты. Въ губерніяхъ же, изъ которыхъ происходитъ отливъ переселенцевъ, замѣчается обратное отношеніе: тамъ женщины многочисленнѣе мужчинъ.

---

[1]) *Проф. Янсонъ*, Сравнительная статистика Россіи и пр.

Числовое отношеніе женскаго пола къ мужскому [1]):

Россія (средній выводъ)	102,7	женщ.	на	100	мужч.
Ярославская губернія (максимумъ)	115	„	„	„	„
Петербургъ (минимумъ)	79,6	„	„	„	„
Бессарабская и Таврическая губ. (степныя)	88	„	„	„	„

Русскіе, какъ извѣстно, отличаются любовью къ путешествіямъ, и тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ достаточными средствами, почти никогда не отказываютъ себѣ въ удовольствіи побывать и пожить нѣкоторое время заграницей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ заграничный паспортъ не стоитъ огромной суммы—500 руб., какъ это было до 1857 года.

Движеніе путешественниковъ на границѣ:

	Выѣхало.	Пріѣхало.	Всего.
1857 г.	116,952 лицъ.	113,815 лицъ.	230,767 лицъ.
1858 „	231,391 „	254,448 „	485,839 „
1877 „	830,709 „	844,628 „	1.675,337 „
1880 „	805,282 „	830,348 „	1.635,630 „

Но между русскими мало такихъ, которые эмигрируютъ навсегда, исключая того случая, когда эмиграція бываетъ вынужденной: Россія такъ обширна, что и земледѣльцы, и промышленники всегда могутъ найти въ собственномъ отечествѣ благопріятное мѣсто для переселенія. Въ цѣломъ, Россія получаетъ болѣе значительное число иностранцевъ, чѣмъ сколько посылаетъ своихъ уроженцевъ въ другія страны.

Движеніе путешественниковъ на границѣ въ періодъ съ 1857 по 1880 годъ [2]):

	Пріѣхало.	Выѣхало.	Излишекъ.	
Русскихъ	3.560,443	4.185,437	уѣхавшихъ	624,994
Иностранцевъ	9.158,836	7.956,126	пріѣхавшихъ	1.202,710

Изъ иностранцевъ, нѣмцы въ наибольшомъ числѣ пріѣзжаютъ въ Россію попытать счастья и поселяются въ ней на постоянное жительство. Въ періодъ съ 1857 по 1880 годъ:

Общее число нѣмцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію	6.213,541	лицъ.
„ „ „ выѣхавшихъ изъ Россіи	5.551,225	„
Излишекъ пріѣхавшихъ	662,316	„

Австрійскіе подданные, между которыми значительный процентъ тоже состоитъ изъ германскихъ элементовъ, представляютъ почти половину нѣмецкой эмиграціи; въ двадцатичетырехлѣтній періодъ, съ 1857 по 1880 годъ, число германцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію, превышало болѣе чѣмъ на 600,000 число эмигрантовъ изъ Россіи, принадлежащихъ къ той же націи. Въ 1877 году, всего только 1360 французовъ переселилось въ Рос-

[1]) *Проф. Янсонъ,* Сравнительная статистика Россіи и пр.

[2]) *Веселовскій,* Annuaire des finances russes, 1879 г. *Авт.* Съ прибавленіемъ цифръ за періодъ съ 1876 по 1880 г. *Ред.*

*

сію впродолженіе года, тогда какъ въ тотъ же годовой промежутокъ времени 36,650 германцевъ и 23,560 австрійцевъ прочно водворились въ ней, увеличивая собою число своихъ соотечественниковъ, которое въ славянской имперіи уже переходитъ за милліонъ [1]).

Безъ сомнѣнія, финны гораздо многочисленнѣе нѣмцевъ, но болѣе половины этого племени состоитъ изъ народцевъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга и тяготѣющихъ къ русскимъ въ отношеніи своей торговли и умственнаго развитія. Что касается финляндской націи въ собственномъ смыслѣ, то два милліона человѣкъ, которые ее составляютъ, живутъ какъ бы изолированные въ мірѣ и не могутъ опереться ни на какую сосѣднюю расу, ни на какой родственный народъ. Татары, или по крайней мѣрѣ инородцы различныхъ языковъ и разнаго происхожденія, обозначаемые этимъ общимъ именемъ, численно тоже превосходятъ нѣмцевъ, но, какъ и финны, они разсѣяны на окраинахъ Россіи, внѣ національнаго тѣла великорусскаго племени, и связаны лишь ордами кочевниковъ, бродящихъ по обширной территоріи, со своими азіатскими единоплеменниками, покоренными, какъ и они сами. Латыши и литовцы, окруженные славянами, финнами, нѣмцами, точно также состоятъ въ естественной зависимости отъ своихъ политическихъ властителей, а поляки—впрочемъ, такіе же славяне, какъ и русскіе, великоруссы, малороссы, бѣлоруссы — были побѣждены и поставлены въ общія условія. Нѣмцы чувствуютъ себя нравственно поддерживаемыми болѣе чѣмъ 50 милліонами своихъ единоплеменниковъ въ двухъ сосѣднихъ имперіяхъ — Германской и Австрійской; кромѣ того, они имѣютъ въ самой Россіи три милліона союзниковъ, которыхъ даетъ имъ еврейская раса, благодаря общности языка: это— великая сила и опора для нихъ, составляющая одну изъ причинъ, благодаря которымъ они занимаютъ положеніе болѣе независимое, чѣмъ то, какимъ пользуются другія не-славянскія народности Имперіи. Какъ землевладѣльцы, нѣмцы, правда, раздѣлены на нѣсколько группъ, стоящихъ особнякомъ отъ массы русской націи. Они владѣютъ обширными имѣніями въ прибалтійскихъ губерніяхъ и сгруппированы многочисленными земледѣльческими колоніями на низовомъ Поволжьи, на нижнемъ теченіи Дона, въ Крыму, въ Новороссійскомъ краѣ; но, какъ ремесленники, мастера и подмастерья, какъ профессора, учителя и чиновники, они встрѣчаются вездѣ въ Россіи. Впрочемъ, нѣкоторыя историческія причины много способствовали усиленію вліянія, пріобрѣтеннаго германцами, во вредъ самимъ русскимъ. Дворянство прибалтійскихъ губерній, пополняемое отчасти эмигрантами, приходящими изъ Германіи, всегда пользовалось особеннымъ покровительствомъ и во многихъ случаяхъ присвоило себѣ

---

[1]) Въ 1880 г. превышеніе пріѣхавшихъ надъ выѣхавшими: французовъ—на 178, германцевъ—на 18,000, австрійцевъ—на 35,000. *Ред.*

почти исключительную монополію нѣкоторыхъ должностей государственной службы. При дворѣ, въ арміи, въ разныхъ вѣдомствахъ на долю лицъ нѣмецкаго происхожденія приходится отъ одной пятой до половины и даже до трехъ-пятыхъ, тогда какъ, соотвѣтственно ихъ численности въ составѣ народонаселенія, нѣмцы должны бы были имѣть не болѣе какъ одно мѣсто на восемьдесятъ. Впрочемъ, какъ бы ни была сильна реакція славянскаго духа противъ германскаго вліянія, послѣднее не можетъ не быть весьма значительнымъ, пока просвѣщеніе въ Россіи будетъ распространяться столь медленно, какъ по настоящее время.

Вѣроятное число жителей Европейской Россіи, вмѣстѣ съ Финляндіей, въ 1879 году, по расамъ:

Славяне.	Русскіе	Великоруссы	40.000,000
		Малороссы	16.370,000
		Бѣлоруссы	3.600,000
	Болгары и сербы		150,000
	Поляки		5.000,000
Литовцы			1.900,000
Латыши			1.100,000
Румыны			750,000
Греки			75,000
Цыгане			15,000
Германцы	Нѣмцы		1.000,000
	Шведы		286,000
Монголы	Калмыки		120,000
	Самоѣды		4,000
Евреи			3.000,000
Армяне			36,000
Финны, Лопари, Угры.	Финляндскіе финны		1.840,000
	Карелы (въ Россіи)		300,000
	Эсты и ливы		800,000
	Лопари		4,000
	Пермяки и зыряне		150,000
	Мордвины		1.000,000
	Чуваши		700,000
	Черемисы		260,000
	Вотяки		240,000
	Мещеряки и тептяри		270,000
	Вогулы		2,000
	Весь и друг.		28,000
Тюрки	Татары казанскіе		1.050,000
	Башкиры		750,000
	Татары крымскіе		80,000
	Киргизы		180,000

Въ Россіи промышленность обработывающая поглощаетъ еще лишь незначительную часть народнаго труда; почти всѣ свои источники существованія, свои экономическіе рессурсы страна добываетъ либо звѣроловствомъ и рыболовствомъ, непосредственной эксплоатаціей богатствъ природы, либо отъ земледѣлія и скотоводства. Большія группы населенія Россійской Имперіи, исключительно состоящія изъ рыболововъ, звѣролововъ или кочующихъ скотоводовъ, пребываютъ еще на первыхъ стадіяхъ промышленной цивилизаціи. Сотни тысячъ людей: черемисы, зыряне, лопари, самоѣды, башкиры, киргизы, калмыки, отчасти казаки уральскіе и донскіе, живутъ совершенно такъ же, какъ жили древніе обитатели страны: въ поискахъ за ежедневнымъ пропитаніемъ, одни плаваютъ по рѣкамъ, другіе пускаются въ море, третьи бродятъ по лѣсамъ и тундрамъ. По размѣрамъ улова рыбы, Россія занимаетъ первое мѣсто во всей Европѣ, хотя, пропорціонально числу жителей, она стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже Норвегіи. Годовая цѣнность продуктовъ рыболовства, опредѣляемая по стоимости ихъ на самомъ мѣстѣ добычи, на бортѣ рыболовныхъ судовъ, исчисляется въ 25 милліоновъ рублей (25.430,000 р.).

По бассейнамъ уловъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Каспійское море и его притоки	15.000,000 р.
Азовское „ „ „	4.000,000 „
Балтійское „ „ „	1.250,000 „
Бѣлое „ „ „	1.000,000 „
Черное „ „ „	600,000 „
Озера и ихъ притоки	2.500,000 „

Добыча отъ рыбныхъ промысловъ въ одномъ только Каспійскомъ морѣ по меньшей мѣрѣ въ два раза превышаетъ количество рыбы, которое извлекаютъ флотиліи французская, англійская и американская на меляхъ Нью-Фаундленда [2]). Что касается звѣроловства, то оно имѣетъ важность только въ лѣсистыхъ, рѣдко населенныхъ областяхъ сѣвера Россіи; въ послѣднія два столѣтія оно значительно уменьшилось; нѣкоторые виды дикихъ животныхъ, шкуры которыхъ были въ большой цѣнѣ, совершенно исчезли; но и теперь еще въ одной только Вологодской губерніи зыряне продаютъ каждый годъ по меньшей мѣрѣ 400,000 штукъ дешевыхъ мѣховъ. Хищные звѣри, оспаривающіе лѣсную дичь у охотниковъ, еще очень много-

---

[1]) *О. Гриммъ*, („Историко-Стат. Обзоръ пром. Россіи“) даетъ слѣдующія цифры:
Сѣверный океанъ и Бѣлое море на 1.000,000 р. Азовское море . . . . 6.000,000 пуд.
Балтійское море . . . . „ 1.000,000 „ Черное море. . . . . на 100,000 руб.
Каспійское море со всѣми притоках. 25.000,000 п.
Общій уловъ въ водахъ Европ. Россіи опредѣляется приблизительно въ 40.000,000 п., или, при самой низкой оцѣнкѣ, въ 40.000,000 руб. Кромѣ того, жира изъ морскихъ млекопитающихъ добывается 150,000 пуд. на 500,000 р. *Ред.*

[2]) *Данилевскій*; *акад. Беръ*; *де-Ливронъ*.

СѢНОКОСЪ ВЪ УКРАЙНѢ.

численны въ различныхъ областяхъ Россіи. Смирный, безобидный медвѣдь водится во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, тогда какъ волкъ, неутомимый въ своихъ походахъ, рыскаетъ по лѣсамъ, луговымъ равнинамъ и голымъ степямъ, охотясь на стада, часто также, во время зимнихъ холодовъ, гоняясь за перепуганными путниками и лошадьми. По опустошеніямъ, производимымъ волками, высчитали приблизительно въ 175,000 недѣлимыхъ число этихъ хищниковъ, которые еще рыскаютъ въ лѣсахъ и поляхъ Россіи; они ежегодно пожираютъ 180,000 головъ крупнаго скота, 560,000 овецъ и барановъ, 100,000 собакъ,—общая цѣнность которыхъ простирается до 15 милліоновъ рублей: такимъ образомъ, каждый волкъ истребляетъ ежегодно на 80 рублей! Сверхъ того, число людей, поѣдаемыхъ волками, составляетъ, въ среднемъ выводѣ, 125 въ годъ; въ 1875 году оно достигло цифры 161. Теперь земства, въ видахъ истребленія волка, выдаютъ денежныя награжденія охотникамъ, приносящимъ хвосты и уши этого хищника [1]).

Земледѣльцы сѣверныхъ областей Россіи не всѣ еще перешли къ совершенно осѣдлому образу жизни: старинные пріемы переложнаго (подсѣчнаго, ляднаго) хозяйства сохранились повсюду, гдѣ имѣющіеся запасы свободной, пустующей земли дозволяютъ покидать истощенныя земли и приниматься за новыя, подсѣкая и выжигая растущій на нихъ кустарникъ и даже лѣсъ. Понятно, что такая система земледѣлія, столь естественная въ странѣ почти безлюдной, становится невозможною, какъ только населеніе достигаетъ извѣстной плотности. Земледѣльцы одни за другими научаются прочно водворяться на воздѣлываемой почвѣ и съ этого времени стараются увеличивать урожаи лучшими способами культуры, а не распашкой дѣвственныхъ земель. Однако, даже въ Бессарабіи болгарскіе колонисты, очень богатые землями, держатся переложной системы полеводства, т. е. изъ года въ годъ часть земли оставляютъ въ залогъ, а посѣвъ производятъ на участкахъ, уже побывавшихъ въ залежи.

Въ настоящее время площадь, находящаяся подъ сельскохозяйственною культурою въ Европейской Россіи, составляетъ болѣе одной пятой части всей поверхности ея, тогда какъ земли совершенно неудобныя и безплодныя: песчаныя степи, скалы или тундры,—занимаютъ болѣе 25% всей территоріи. Еще недавно лѣса покрывали болѣе половины Россіи; но распространеніе земледѣлія, расчистка лѣсныхъ участковъ подъ пашни, пожары, безпорядочная эксплоатація значительно сократили лѣсную площадь; въ наши дни она составляетъ не болѣе двухъ пятыхъ: многіе

[1]) *Субботинъ*, „Курсъ промышленной, экономической и коммерческой географіи въ связи съ торговопромышленной статистикой Россіи и другихъ странъ". Спб. 1875 г.— *Лазаревскій*, „Объ истребленіи волкомъ домашняго скота и дичи и объ истребленіи волка". Спб., 1876 г.—*Brückner*, Russische Revue.—*Мордовцевъ*, Десятилѣтіе русскаго земства.

большіе лѣса исчезли безслѣдно, и на мѣстѣ ихъ образовалась голая степь. По берегамъ почти всѣхъ сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ уже нѣтъ высокоствольныхъ лѣсовъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ въ обѣ стороны: тамъ лѣса сплошь изведены, тогда какъ въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ водяныхъ путей и вообще лишенныхъ удобныхъ средствъ перевозки, великолѣпнѣйшій строевой лѣсъ безъ пользы гніетъ на мѣстѣ. Объ эксплоатаціи лѣсовъ въ Россіи и о совершенномъ почти отсутствіи правильнаго лѣсоразведенія можно судить по тому факту, что правительство получаетъ съ казенныхъ лѣсовъ, среднимъ числомъ, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, чистаго дохода 5 съ небольшимъ копѣекъ на десятину. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ сосредоточено наибольшее количество казенныхъ лѣсовъ, покрывающихъ громадныя пространства, годовой доходъ отъ казенныхъ дачъ едва превышаетъ копѣйку съ десятины [1]). Во Франціи онъ превышаетъ 30 франковъ съ гектара (около 8 мет. рублей съ десятины) въ государственныхъ лѣсахъ, а въ лѣсахъ частныхъ, при раціональномъ способѣ эксплоатаціи ихъ, этотъ доходъ значительно больше. Пора уже положить конецъ расхищенію лѣсныхъ богатствъ Россіи неразумнымъ хозяйничаньемъ. Въ началѣ текущаго столѣтія на каждаго жителя, по валовому учету, приходилось лѣса около 14 десятинъ; теперь-же—только 2 десятины, хотя, безъ сомнѣнія, все еще гораздо больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, за исключеніемъ Норвегіи и Швеціи [2]); но если обезлѣсеніе будетъ продолжаться по прежнему, то, при возрастаніи населенія, Россія черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сдѣлается одною изъ самыхъ бѣдныхъ лѣсомъ странъ нашей части свѣта.

Распредѣленіе по угодьямъ общей площади территоріи Европейской Россіи, безъ Финляндіи, показано въ слѣдующей таблицѣ [3]):

---

[1]) *Проф. Янсонъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) На 1 жителя приходится лѣсной почвы (см. ст. проф. *А. Рудзкаго* въ „Историко-стат. Обзорѣ пром. Россіи):

Въ Норвегіи	11 дес.	Въ Австріи	0,47 дес.
„ Швеціи.	2,7 „	„ Германіи	0,33 „
„ Россіи	2 „	„ Франціи.	0,2 „

Если же принять во вниманіе лишь лѣсную площадь въ лѣсномъ управленіи, то въ сѣверномъ, лѣсномъ краѣ на 1 жит. окажется $7^1/_3$ дес. лѣса, въ Поволжьи — столько же, сколько въ Германіи, а въ остальныхъ районахъ — менѣе, чѣмъ во Франціи; спеціально же въ промышленномъ центрѣ Россіи—всего 0,09 дес. на душу, т. е. болѣе чѣмъ вдвое меньше, нежели во Франціи. *Ред.*

[3]) Данныя о распредѣленіи общей площади по угодьямъ весьма не точны. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ, площадь пахатныхъ земель возросла до 100 милл. дес., а общая лѣсная площадь должна быть увеличена, по свѣдѣніямъ 1879—1881 г., сравнительно болѣе точнымъ, — до 183.701,000 дес., въ томъ числѣ въ лѣсномъ управленіи 123.318,670 дес.; „удобной лѣсной почвы" считается 146.461,000 дес., или 79,7%. (См. „Историко-стат. Обзоръ пром. Россіи", ст. проф. *А. Рудзкаго* и *И. Левитскаго*). *Ред.*

	По Янсону. тыс. дес.		По Ермолову. тыс. дес.	
Пахатной земли	97,178, или	22,6 %	95,000, или	21,58 %
Подъ лугами и пастбищами	53,119 „	12,4 %	55,000 „	12,49 %
„ лѣсомъ	117,252 „	27,3 %	177,160 „	40,23 %
„ непроизводит. площадью	162,004 „	37,7 %	113,140 „	25,70 %

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ Россія производитъ наибольшее количество зерновыхъ хлѣбовъ. Недавно она производила ихъ больше даже, чѣмъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, но въ эти послѣдніе годы положеніе дѣлъ измѣнилось, и теперь она занимаетъ только второе мѣсто въ свѣтѣ по размѣрамъ производства хлѣба [1]).

Средній сборъ зерновыхъ хлѣбовъ въ главнѣйшихъ государствахъ [2]):

	Общій сборъ въ четвертяхъ.	На жителя четвертей.
Соединенные Штаты	318.000,000	6,3
Европ. Россія, безъ Финляндіи	270.000,000	3,5
Франція	120.000,000	3,2
Германія	128.000,000	2,8
Австро-Венгрія	81.000,000	2,2
Соединенное Королевство	60.000,000 [3])	1,7

Въ Россіи подъ культурою состоитъ земли гораздо больше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и значительная часть ея территоріи, именно черноземная полоса, кажется, предназначена сдѣлаться сплошнымъ хлѣбнымъ полемъ; но способы обработки почвы и земледѣльческія орудія еще весьма неудовлетворительны. На большей части земель южной Россіи культура ведется не постоянно,—тамъ существуетъ залежная система хозяйства; „кулаки“ нерѣдко снимаютъ въ аренду у казны и у частныхъ владѣльцевъ земельные участки и на нихъ ведутъ хищническую культуру: собираютъ 2—3 жатвы пшеницы, послѣ чего сѣютъ два года кряду ленъ, какъ извѣстно сильно истощающій почву. Еще въ 1872 году Мекензи Уоллесъ проѣзжалъ, въ Самарской губерніи, по обширнымъ имѣніямъ, принадлежащимъ казнѣ, земли которыхъ, очень плодородныя отъ природы, отдавались въ аренду частнымъ лицамъ по 30 копѣекъ за десятину [4]). Если бы сборъ съ каждой десятины хлѣба былъ въ Россіи такой же, какъ въ Великобританіи [5]), то жатва давала бы, въ среднемъ,

---

[1]) Необходимо замѣтить, что опубликованныя цифры хлѣбной производительности Европ. Россіи ниже дѣйствительныхъ; онѣ не соотвѣтствуютъ ни возрастанію площади подъ полевою культурою, ни увеличенію населенія, ни техническому развитію частновладѣльческаго хозяйства. *Ред.*

[2]) Таблица эта исправлена по болѣе новымъ свѣдѣніямъ. *Ред.*

[3]) Въ томъ числѣ почти половина овса. *Ред.*

[4]) *Mackenzie Wallace*, Russie, t. II.

[5]) Въ Россіи средній урожай зерна на десятинѣ равняется 4 четв., въ Англіи 15 и свыше. На счетъ продуктовъ, получаемыхъ со 100 дес. утилизируемой въ сельско-

ежегодно не 270 милл. четвертей, какъ въ настоящее время, а простиралась бы до одного милліарда четвертей, и, слѣдовательно, собраннаго хлѣба достало бы для прокормленія вчетверо бо́льшаго населенія. Урожаи въ разныхъ частяхъ Имперіи различны и даютъ среднимъ числомъ отъ трехъ до пяти зеренъ на одно посѣянное, смотря по мѣстностямъ, а между тѣмъ каждый годъ цѣлая треть (на югѣ — даже значительно бо́льшая часть) пахатныхъ земель остается подъ паромъ (или въ залежи). Когда въ одной губерніи случится неурожай, либо вслѣдствіе засухи или чрезмѣрнаго обилія дождей, либо по причинѣ появленія вредныхъ насѣкомыхъ, производящихъ иногда страшныя опустошенія на поляхъ, особенно въ Малороссіи и южной Россіи, нужда, а иногда и настоящій голодъ вскорѣ проявляются съ полною силою, тогда какъ губерніи съ обильнымъ урожаемъ продолжаютъ отправлять свой хлѣбъ къ иностраннымъ портамъ; нерѣдко и постигнутыя неурожаемъ губерніи все-таки отпускаютъ хлѣбъ: примѣръ тому мы видѣли въ 1873 году, во время самарскаго голода. Причина этого страннаго явленія — бѣдность крестьянъ: они вынуждены продавать свой хлѣбъ осенью для уплаты податей и не имѣютъ возможности покупать его весной, по недостатку средствъ. Между различными зерновыми хлѣбами, воздѣлываемыми въ Россіи, первое мѣсто принадлежитъ не пшеницѣ; этотъ родъ хлѣба занимаетъ лишь третье мѣсто—послѣ ржи и овса; въ сѣверныхъ областяхъ пшеницу замѣняютъ рожь и ячмень, требующіе для своего развитія меньшей суммы теплоты сравнительно съ пшеницей.

Зерновыми хлѣбами въ Европейской Россіи, приблизительно, засѣвается слѣдующее количество десятинъ:

Пшеницею яровою и озимою	10.600,000	дес.
Рожью	23.780,000	„
Ячменемъ	5.676,000	„
Овсомъ	12.670,000	„
Гречихою	4.210,000	„
Прочими яровыми хлѣбами	5.000,000	„
Подъ паромъ	30.000,000	„
Всего .	92.036,000	дес.

Если Россія теперь занимаетъ только второе мѣсто въ свѣтѣ по производству и отпуску зерновыхъ хлѣбовъ, то она все еще сохраняетъ первенствующее значеніе по воздѣлыванію льна и конопли. Подъ льноводствомъ въ Россіи состоитъ бо́льшая площадь, нежели во всей остальной Европѣ, а средній ежегодный сборъ льнянаго волокна составляетъ

хозяйственномъ отношеніи земли, въ Россіи могутъ существовать всего 60 душъ, во Франціи и Германіи 120, въ Бельгіи 210 челов. (*А. Ермоловъ*, „Организація полеваго хозяйства“, I). *Ред.*

почти $^{3}/_{5}$ производства его на всемъ европейскомъ континентѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ [1]):

	Подъ культурою льна на волокно, десятинъ.	Средній ежегодный сборъ, пуд.
Европейская Россія	800,000	20.000,000
Прочія государства Европы . . .	580,000	13.700,000

Губерніи Псковская производитъ 2.600,000 пуд., а Вятская около 1.000,000 пудовъ волокна. Въ южныхъ губерніяхъ ленъ воздѣлываютъ не для волокна, а на сѣмя. Общая цѣнность производимаго льна (волокна и сѣмянъ) исчисляется приблизительно въ 100 милліоновъ рублей. Конопля имѣетъ менѣе важное значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи; средняя цѣнность ежегоднаго сбора этого растенія, какъ въ видѣ волокна (пеньки), такъ и въ видѣ сѣмянъ, опредѣляется въ 40.000,000 рублей.

Культура свекловицы, имѣющая чисто промышленный характеръ (для переработки на сахаръ), тоже получила въ Россіи обширное развитіе, и ежегодное производство этого корнеплода представляетъ почти пятую часть сбора его во всей Европѣ; одна Кіевская губернія доставляетъ $^{1}/_{3}$ всего количества, которое получается въ Европейской Россіи со включеніемъ Царства Польскаго; въ 1876—77 гг. всего было переработано на заводахъ 19.267,000 берк.; въ 1878—79 гг.—15.684,000 берк.; въ 1882—83 гг.—около 22 милл. берк. По размѣру производства сахарной свеклы, Россія не отстаетъ отъ Австро-Венгріи и въ этомъ отношеніи уступаетъ только Франціи и Германіи. Цѣнность ежегоднаго сбора свекловицы составляетъ приблизительно 15—20 милліоновъ руб. Воздѣлываніе картофеля тоже значительно увеличилось въ Россіи съ половины настоящаго столѣтія, и сборъ его въ среднемъ за десятилѣтіе съ 1870 по 1879 г. составлялъ свыше 59 милл. четв. (съ Царствомъ Польскимъ). Въ губерніяхъ западныхъ, привислянскихъ и прибалтійскихъ картофель идетъ на винокуреніе, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Имперіи для этой цѣли употребляется преимущественно ржаная мука. Въ общемъ, изъ картофеля выкуривается около четверти всего получаемаго въ Европейской Россіи количества водки; но въ послѣдніе годы винокуреніе изъ картофеля стало особенно возростать. Табаководство также въ общемъ значительно усилилось противъ шестидесятыхъ годовъ; проф. Янсонъ опредѣляетъ цѣнность ежегоднаго сбора табака приблизительно въ три милліона руб. Мы перечислили важнѣйшія отрасли земледѣлія въ Россіи. Что касается виноградарства, то оно имѣетъ хозяйственное значеніе только въ южной части страны, причемъ почти три-четверти всего винограда, собираемаго въ Имперіи, получается внѣ предѣловъ Европейской

[1]) Онѣ исправлены по статьѣ *А. Шульца* („Спеціальныя культуры“) въ „Историко-стат. Обзорѣ пром. Россіи“. *Ред.*

Россіи, именно въ бассейнахъ Терека и Кубани, преимущественно же въ Кахетіи, на полуденномъ склонѣ Кавказа. Въ Европейской Россіи виноградники встрѣчаются только въ Бессарабіи, главнѣйше въ окрестностяхъ Аккермана, на берегахъ Днѣпровскаго лимана, въ Крыму, на берегахъ нижняго Дона и кое-гдѣ въ Херсонской губерніи. Границы культуры виноградниковъ несомнѣнно отодвинулись далеко къ югу втеченіе двухъ послѣднихъ столѣтій: прежде крестьяне собирали виноградъ въ Подоліи почти въ разстояніи 300 верстъ къ сѣверу отъ тѣхъ виноградниковъ Россіи, которые нынѣ составляютъ крайній сѣверный предѣлъ винодарства [1]). Виноградная лоза и теперь еще растетъ въ садахъ Подольской и Кіевской губерній, но плоды ея слишкомъ кислы, чтобы можно было приготовлять изъ нихъ вино [2]). Астраханскій виноградъ, о которомъ Александръ Гумбольдтъ говоритъ во многихъ изъ своихъ сочиненій, тоже очень близокъ къ исчезновенію: винодарство сдѣлалось уже простымъ садоводствомъ въ этой части Волжскаго бассейна, и площадь виноградниковъ въ 1870 г. занимала незначительное пространство, всего около 90 десятинъ, а сборъ въ нормальномъ 1870 году едва достигалъ 1,500 ведеръ [3]). Общее количество виноградного вина, производимаго во всей Европейской Россіи, составляетъ только около 4.000,000 ведеръ [4]); но промышленность умѣетъ умножать это количество и превращать простое вино въ шампанское и другія знаменитыя иностранныя вина. Въ 1880 году въ крымскихъ виноградникахъ появилась филлоксера; но, благодаря принятымъ мѣрамъ, дальнѣйшее распространеніе ея было прекращено.

Россія очень богата домашними животными; она обладаетъ гораздо бо́льшимъ абсолютнымъ количествомъ скота, чѣмъ всякое другое изъ европейскихъ государствъ, и по числу лошадей на 100 жителей превосходитъ всѣ страны, какъ показываетъ приведенная ниже сравнительная таблица.

Число домашнихъ животныхъ въ различныхъ странахъ Европы (1870—1878 гг.) [5]):

Лошадей.		На 100 жит.	Рогатаго скота.		На 100 жит.
Россія Європ.	16.900,000	20	Россія	24.000,000	31
Германія	3.339,000	8	Германія	15.780,000	38,5
Франція	2.743,000	7,5	Франція	11.480,000	31
Австро-Венгрія	3.577,000	9,9	Австро-Венгрія	12.702,000	35,7
Соедин. Королев.	1.927,000	5,7	Соедин. Королев.	9.761,000	29

[1]) *Blaise de Vigener*, Description du royaume de Pologne.

[2]) А. Баталинъ, основываясь на удачныхъ опытахъ культуры винограда, проводитъ предѣльную линію винограда чрезъ средину Волынской губ., далѣе на востокъ южнѣе Чернигова, на Курскъ, Воронежъ и до Камышина на Волгѣ. *Ред.*

[3]) *Bock*, Russische Revue, 1878 г., № X.

[4]) „Историко-стат. обзоръ пром. Россіи". Спб. 1822. *Ред.*

[5]) По нѣкоторымъ государствамъ (въ томъ числѣ Россіи) цифры измѣнены, соотвѣтственно новымъ даннымъ. *Ред.*

Овецъ.		На 100 жит.	Свиней.		На 100 жит.
Россія	49.100,000	64	Россія	10.375,000	13,5
Германія. . . .	25.000,000	61	Германія. . .	7.124,000	17,3
Франція	23.405,000	63,3	Франція . . .	5.790,000	15,6
Австро-Венгрія	20.103,000	56,4	Австро-Венгрія	6.996,000	19,6
Соедин.Королев.	32.571,000	96	Соедин.Королев.	3.768,000	11,2

Впрочемъ, нужно замѣтить, что превосходство Россіи въ отношеніи численности лошадей происходитъ именно вслѣдствіе сравнительно малаго распространенія въ странѣ собственно земледѣльческой промышленности. Тамъ, гдѣ населенность наиболѣе рѣдка, гдѣ города и мѣстечки наиболѣе удалены другъ отъ друга, табуны лошадей пасутся въ наибольшемъ количествѣ; въ области степей, на югѣ и особенно на востокѣ они находятъ еще огромныя травяныя пространства, по которымъ бродятъ на волѣ. Въ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи число лошадей превышаетъ число людей; въ Европейской Россіи, со включеніемъ Царства Польскаго, недавно насчитывали одну лошадь на каждыхъ четырехъ жителей; теперь отношеніе уменьшилось, такъ что нужно считать только одну лошадь на пять человѣкъ, и по всей вѣроятности, уже не далеко то время, когда Россія будетъ имѣть, какъ это мы видимъ въ странахъ Западной Европы, не болѣе одной лошади на десять или пятнадцать жителей. Благодаря успѣхамъ земледѣлія, рогатый скотъ увеличивается въ числѣ, но не такъ быстро, какъ человѣческое населеніе; тоже замѣчается и относительно овецъ.

Объ измѣненіи численности скота во времени можно судить изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи и Царства Польскаго):

	Лошадей.		Кр. рог. скота		Овецъ.		Свиней.	
	тысячъ головъ.	проц. отнош.	тысячъ головъ.	проц отнош.	тысячъ головъ.	проц. отнош.	тысячъ головъ.	проц. отнош.
1851 г. .	16,155	100	20,962	100	37,527	100	8,886	100
1861 г. .	15,190	94,1	20,638	98,3	42,379	112,9	4,382	105,6
1871 г. .	15,568	96,3	21,504	102,5	44,250	117,9	9,594	108,0
1876 г. .	16,151	100	21,857	104,3	44,928	119,7	9,270	104,0

Кромѣ того, въ Царствѣ Польскомъ: Финляндіи:

	Въ 1860 г.	Въ 1870 г.	Въ 1878 г.
Лошадей	590,873	753,421	275,281
Кр. рогатаго скота . . .	1.997,211	2.231,520 [1])	1.125,600
Овецъ.	3.723,000	4.180,000 [2])	1.025,200
Свиней	—	1.104,000	200,000

[1]) Въ 1881 г.—2.430,000 (не считая приплода). *Ред.*
[2]) Въ 1880 г.—почти столько же (4.185,000). *Ред.*

Впрочемъ, сравнивая количество скота въ Россіи и въ Западной Европѣ, нужно принимать въ соображеніе и то, что вѣсъ русскаго скота, получающаго относительно плохой кормъ и обремененнаго непосильною работою, болѣе чѣмъ на половину меньше вѣса скота англійскаго или швейцарскаго. Точно также стада овецъ состоятъ главнымъ образомъ изъ простыхъ породъ, еще необлагороженныхъ путемъ скрещиванія съ усовершенствованными породами (въ 1876 г. изъ общаго числа 44.928,000 овецъ въ Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго, было: простыхъ 34.840,000 и тонкорунныхъ 10.088,000). Однако, сдѣланы уже большіе успѣхи въ разведеніи домашнихъ животныхъ, и успѣхи эти должны постоянно увеличиваться, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на мясо и шерсть. Общее количество производимой Россіею шерсти исчисляется приблизительно въ 12 милл. пудовъ, которые представляютъ цѣнность около 50 милліоновъ рублей. Совокупность продуктовъ земледѣлія и скотоводства въ Европейской Россіи не можетъ быть оцѣниваема менѣе, какъ въ 2,000 милліоновъ рублей.

Извѣстно, что съ 1861 года производители этихъ богатствъ освобождены отъ крѣпостной зависимости и получили во владѣніе часть обработываемыхъ ими земель.

Распредѣленіе земельной собственности въ Россіи:

	До освобожденія, процент.	Послѣ освобожденія, процент.
Государственныя земли	64,6	45,6
Земли помѣщичьи и пр.	30,6	22,6
Земли удѣльнаго вѣдомства	3,3	1,8
Земли крестьянъ и колонистовъ	1,7	30 (выкупленныя и невыкупленныя).

Число крестьянъ мужскаго пола около эпохи отмѣны крѣпостнаго права: въ 1857 году, 9.765,163 на государственныхъ земляхъ; въ 1863 году—1.624,799 на земляхъ удѣльнаго вѣдомства; въ 1857 году, 10.696,139 на земляхъ помѣщичьихъ.

Государственные крестьяне, которые пользовались относительно бо́льшей свободой, чѣмъ крестьяне частныхъ землевладѣльцевъ, получили земельные участки, за которые они платятъ ежегодный оброкъ. Что касается бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или крѣпостныхъ, то правительство, въ видахъ содѣйствія крестьянамъ по выкупу ихъ надѣловъ, выдаетъ имъ долгосрочныя ссуды (на 49 лѣтъ). Помѣщикъ получаетъ эту ссуду процентными бумагами, причемъ размѣръ ея опредѣляется капитализаціею (изъ 6%) установленнаго для разныхъ мѣстностей душеваго оброка, съ вычетомъ изъ общей, такимъ образомъ исчисленной, капитальной суммы $^1/_5$ части, если выкупается полный надѣлъ, и $^1/_4$ части—въ случаѣ выкупа надѣла уменьшеннаго; крестьяне

втеченіи 49 лѣтъ обязаны выплачивать 6% съ полученной ими ссуды. Обязательный выкупъ земель былъ установленъ только въ западныхъ губерніяхъ, которыя были въ 1863 году охвачены польскимъ возстаніемъ. Къ 1 января 1882 года, по 49 губерніямъ, поступило выкупныхъ сдѣлокъ 73,880, изъ коихъ утверждено 71,624; по этимъ сдѣлкамъ, 5.618,425 рев. душъ выкупили 19.639,170 дес. земли, получивъ выкупную ссуду въ 603.484,763 р. Сверхъ того, въ 9 западныхъ губерніяхъ утверждено 23,453 выкупныхъ сдѣлки, причемъ 2.493,065 ревизскихъ душъ приступили къ выкупу 9.325,344 дес., на что имъ выдано въ ссуду 160.839,290 р. Слѣдов., къ названному сроку всего было утверждено 97,334 сдѣлокъ и актовъ, 8.111,490 рев. душъ приступили къ выкупу своихъ надѣловъ и получили въ ссуду 764.324,053 р. Въ 37 собственно русскихъ губерніяхъ, къ 1 января 1882 г., 5.999,187 душъ, или 80,83% бывшаго крѣпостнаго населенія, перешли въ разрядъ собственниковъ; слѣдов. въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ осталось 1.422,012 душъ, или около 19%. По указу 28 декабря 1881 г., и эти крестьяне (съ 1 января 1883 г.) должны быть переведены съ оброчной повинности на выкупные платежи, т. е. сдѣлаться собственниками. По исчисленію Тройницкаго, 723,725 душъ, записанныхъ дворовыми, вовсе не получили своей доли земли. Въ имѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства болѣе 860,000 ревизскихъ душъ получили земельные надѣлы. Въ южныхъ степныхъ и въ черноземныхъ нестепныхъ губерніяхъ большинство крестьянъ въ состояніи было платить за свое освобожденіе, выкупить свои земельные участки, величина которыхъ по губерніямъ различна (наименьшая величина надѣла—1¾ десятины, наибольшая — 10 дес.), и окончательно организовать мелкую земельную собственность; но нельзя того же сказать о губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ, которыя часто были постигаемы неурожаемъ. Вычислено, что въ сѣверныхъ губерніяхъ, по верхнему теченію Волги, крестьяне должны были бы имѣть не менѣе 8 десятинъ на душу (т. е. вдвое или втрое больше противъ того, сколько они имѣютъ теперь среднимъ числомъ),—чтобы жить въ нѣкоторомъ довольствѣ и платить исправно подати и другіе сборы. Въ этой части Россіи сельскія общества, не будучи въ состояніи заплатить выкупъ непосредственно землевладѣльцамъ, оказываются слишкомъ бѣдными и для того, чтобы исправно вносить въ казну выкупные платежи; они принуждены заключать займы подъ большіе проценты, продавать хлѣбъ на корню и снова закрѣпощаться— на этотъ разъ уже не помѣщику, а ростовщику. Есть почти цѣлые уѣзды, гдѣ крестьяне сдѣлались неспособными къ платежу податей, иногда превышающихъ весь получаемый ими доходъ. Указываютъ на деревни, покинутыя жителями: всѣ до одного ушли они искать себѣ заработковъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ крестьянскаго бюджета не хватаетъ на покрытіе издержекъ существованія. Земледѣльческій пролетаріатъ

уже появился въ Россіи, тогда какъ въ городахъ развивается въ то же время пролетаріатъ промышленный или фабричный[1]). Въ губерніяхъ низоваго Поволжья, часть крестьянъ нанимается на продолжительные сроки въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; такіе долгосрочные договоры о личномъ наймѣ обыкновенно называютъ *кабалой*, то-есть тѣмъ самымъ именемъ, которое употребляли для обозначенія рабскаго состоянія въ ту эпоху, когда почти все сельское населеніе Россіи было прикрѣплено къ землѣ и обращено въ крѣпостное состояніе[2]).

Трудъ въ Россіи, не только на поприщѣ земледѣлія, но отчасти также въ области обработывающей промышленности и торговли, проявляется еще въ такихъ формахъ, которыя ясно отражаютъ въ себѣ вліяніе стариннаго общиннаго устройства. Однако, общинная организація, преобразовываясь съ теченіемъ времени, сохранилась преимущественно по отношенію къ обработкѣ почвы, къ земледѣлію. Этой группой въ Великороссіи является *міръ*, въ Малороссіи—*громада*; подобную же организацію, только подъ другими именами, мы находимъ у финно-татарскихъ народцевъ, каковы мордвины, черемисы и чуваши[3]), и даже нѣмецкіе колонисты на берегахъ Волги, хотя получили земли отдѣльно для каждой семьи, соединили ихъ въ общинныя владѣнія. Такимъ образомъ „міръ" составляетъ общее учрежденіе въ Имперіи, хотя наиболѣе оригинальныя и всего лучше изученныя формы его встрѣчаются главнымъ образомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Только въ этой части Имперіи мы встрѣчаемъ даже города, сохранившіе старинный порядокъ распредѣленія земель между своими членами. Такъ, напримѣръ, жители города Мологи раздѣлены на одиннадцать сотенъ; соотвѣтственно тому, и окружающіе луга разбиваются на одиннадцать участковъ, такъ что каждая сотня выкашиваетъ свой участокъ, а собираемое сѣно распредѣляется между всѣми членами, соразмѣрно количеству платимыхъ каждымъ налоговъ[4]).

Не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто дѣлаютъ, слово „міръ" со словомъ „община" (commune): эти два понятія не вполнѣ тождественны[5]),

---

[1]) *Кн. Васильчиковъ*, Землевладѣніе и земледѣліе, II.

[2]) *В. П. Гиляранскій*, Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи. „Слово", 1878 г., №№ 3 и 4.

[3]) *П. Ефименко*, Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи, „Слово", 1878 г., № 6.—Статьи *Н. Г. Ч—го* въ „Современникѣ" о поземельной собственности и общинномъ землевладѣніи.—*П. А. Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи.

[4]) *Е. И. Якушкинъ*, Обычное право.

[5]) Но еще чаще смѣшиваютъ два понятія—общинное землевладѣніе и общинное пользованіе землею у крестьянъ, забывая, что общинныя земли иногда сдаются въ частное пользованіе, а частныя земли, снимаемыя крестьянскими обществами, поступаютъ нерѣдко въ пользованіе общества на общинномъ началѣ; наконецъ, имѣются селенія съ надѣленной въ подворную, частную собственность землей и со всѣми порядками общиннаго, черезполоснаго хозяйства. (*И. Стебутъ*, „Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ", 1883 г.). *Ред.*

ибо трудъ сообща практикуется только въ нѣкоторыхъ временныхъ земледѣльческихъ товариществахъ, или артеляхъ, какова такъ называемая *себерщина* на низовой Волгѣ [1]) и въ Малороссіи. Въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ общинахъ, и именно у „общихъ" или общинниковъ, одной изъ сектъ духоборцевъ, не существуетъ раздѣла земли; принадлежащая общинѣ земля обработывается сообща всѣми, и жатва распредѣляется между членами пропорціонально числу работниковъ въ каждой семьѣ [2]). Вообще трудъ сообща и равномѣрный раздѣлъ продуктовъ наблюдается чаще въ отношеніи луговъ, чѣмъ въ отношеніи пахотныхъ земель, и на арендуемыхъ земляхъ чаще, чѣмъ на земляхъ, составляющихъ собственность общинъ. Слово „міръ", означающее деревню, отличается лишь правописаніемъ отъ слова „миръ"—покоя и согласія. Въ самомъ дѣлѣ, сельскій міръ есть общее соглашеніе семей деревни на счетъ распредѣленія земель. Когда земельная территорія обширна, какъ, напримѣръ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, земля принадлежитъ сообща нѣсколькимъ деревнямъ, соединеннымъ въ волость; такъ, въ Олонецкомъ уѣздѣ около 600 деревень сгруппированы въ 30 сельскихъ обществъ. Одна только община-волость обнимаетъ болѣе ста деревень, и территорія ея, около 201,300 десятинъ, тянется по берегамъ Свири почти на 60 верстъ [3]). Тамъ, если и ощущается въ чемъ либо недостатокъ, то, конечно, не въ землѣ; напротивъ, семьи хлѣбопашцевъ въ этой многоземельной сторонѣ могутъ свободно перемѣщаться вправо и влѣво, чтобы выбрать себѣ наиболѣе подходящее мѣсто; имъ стоитъ только сдѣлать знакъ, вырѣзать свою мѣтку на деревьяхъ, которыя служатъ имъ временными границами; но необходимо соглашеніе между деревнями, чтобъ ввести нѣкоторый порядокъ въ это кочевое земледѣліе, равно какъ въ эксплоатацію рѣкъ. Земля Уральскаго казачьяго войска также составляетъ огромную волость, гдѣ еще недавно каждый способный къ труду человѣкъ воленъ былъ занимать гуляющую землю для веденія на ней полеваго хозяйства; но теперь и тамъ начинаетъ мало по малу устанавливаться частная земельная собственность — послѣдствіе привилегій, вытекающихъ изъ военной іерархіи [4]). Изученіе историческихъ документовъ доказало, что соединеніе деревень въ волость для пользованія землей было общимъ явленіемъ въ древней Руси [5]).

Феодальные нравы, съ одной стороны, и вліяніе римскаго законодательства — съ другой уничтожили во многихъ мѣстахъ эту форму кол-

[1]) *Гиляранскій*, Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи „Слово", за 1878 г.

[2]) *Кельсіевъ*, Матеріалы по расколу, IV; Прыгуны, „Отечественныя Записки", 1878 г., №№ X, XI; *Em. de Laveleye*, De la propriété et de ses formes primitives.

[3]) *П. А. Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Ср. „Сел. поз. община Арханг. губ.", 1882 г., изд. Арх. Стат. Ком.

[4]) *Рябининъ*, Уральское Казачье Войско.

[5]) *Соколовскій*, цитированное сочиненіе.

лективнаго землевладѣнія и замѣнили ее собственностью личной или частной. Это совершилось преимущественно въ западной Россіи, подъ литовскимъ и польскимъ владычествомъ; тоже самое происходитъ теперь и у казаковъ Уральскаго войска; но почти во всей Великороссіи „волость“ естественнымъ порядкомъ раздробилась на отдѣльные „міры“, или общины, вслѣдствіе возрастанія числа хлѣбопашцевъ и уменьшенія количества свободныхъ земель; какъ только поселокъ дѣлается деревней, сосѣднія земельныя угодья присвоиваются этой вновь образовавшейся общиной и въ концѣ концовъ переходятъ въ ея исключительную собственность: раздѣлъ земли долженъ производиться уже между ея членами [1]).

Совокупность жителей деревни составляетъ міръ или общину. Міръ, пользующійся самоуправленіемъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, есть собственникъ принадлежащей деревнѣ земли, но въ то же время несетъ отвѣтственность за благосостояніе всѣхъ членовъ общины; онъ долженъ обезпечить участокъ земли каждому способному работать. Часто лѣса и почти всегда выгоны и пастбища остаются въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи. Домъ съ землей, на которой онъ построенъ, и прилегающій къ нему огородъ или садъ, другими словами—то, что называется усадьбой, составляютъ частную собственность; но пока владѣлецъ не выкупилъ окончательно своего земельнаго надѣла у бывшаго помѣщика, усадьба принадлежитъ общинѣ, и онъ не можетъ продать ни избы, ни огорода постороннему, непринадлежащему къ міру, лицу, безъ согласія своихъ односельчанъ. Въ принципѣ, раздѣлъ земли долженъ производиться соразмѣрно числу работниковъ мужскаго пола въ каждой семьѣ, и такъ какъ земля обложена податью по количеству душъ мужскаго населенія, то передѣлъ земли становится обязательнымъ послѣ каждой ревизіи (народной переписи). Но колебанія въ числѣ членовъ, происходящія въ каждой сельской общинѣ, вслѣдствіе накопленія мертвыхъ душъ, нарожденія новыхъ, переселеній,—заставляютъ деревни прибѣгать къ болѣе частымъ передѣламъ, причемъ каждая деревня имѣетъ свои обычаи и распорядки. Въ одной и той же губерніи, въ одномъ и томъ же уѣздѣ нѣкоторыя сельскія общины приступаютъ къ раздѣлу каждый годъ, тогда какъ другія производятъ новые передѣлы только черезъ два-три или большее число (до 10—12) лѣтъ, или ждутъ передѣла втеченіе цѣлыхъ поколѣній. Для примѣра приводимъ сроки передѣловъ въ 27 сельскихъ обществахъ Саратовской губерніи:

Передѣлъ каждый годъ	у 128	деревень.
„ черезъ каждые два года	„ 22	„
„ „ „ три „	„ 13	„

[1]) *Соколовскій*, цитированное сочиненіе и „Экон. бытъ землед. населенія Россіи предъ крѣпостнымъ правомъ“.

Передѣлъ черезъ каждые пять лѣтъ	у	21	деревень.
„ „ „ шесть „	„	20	„
„ „ „ восемь „	„	2	„
„ „ „ десять „	„	11	„
Не было передѣла съ 1858 г.	„	32	„
„ „ „ съ 1862 г.	„	23	„
Передѣлъ отмѣненъ въ принципѣ	„	1	„

Замѣчено, что общины, наиболѣе богатыя и лучше другихъ ведущія свое хозяйство, повторяютъ передѣлы земли менѣе часто, чѣмъ бѣдныя общины [1]).

Чтобы каждый членъ общины получилъ равную долю, землю обыкновенно дѣлятъ на нѣсколько участковъ, смотря по качеству почвы и удобствамъ обработки. При этомъ все берется въ соображеніе—свойство почвы, расположеніе и наклонъ мѣстности, близость или отдаленность отъ усадебъ, дорогъ и ручьевъ; раздѣльныя линіи между участками проводятся такимъ образомъ, чтобы послѣдніе представляли возможно больше сходства между собою. Затѣмъ жребій рѣшаетъ, какія доли крестьянинъ получитъ въ земляхъ различныхъ категорій, изъ „первой шапки", изъ „второй" и изъ „третьей" [2]).

Вопреки предсказаніямъ многихъ публицистовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, со времени освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, русскій сельскій міръ сохранился, и теперь, какъ прежде, согласуясь съ интересами и убѣжденіями крестьянъ. Законъ дозволяетъ сельскимъ общинамъ производить окончательный раздѣлъ земель на отдѣльные участки, съ отводомъ ихъ въ частную собственность, и такимъ образомъ упразднять общинное землевладѣніе; но деревни, воспользовавшіяся этимъ разрѣшеніемъ, очень немногочисленны, и почти всѣ онѣ находились въ особенныхъ, исключительныхъ условіяхъ, при которыхъ сохраненіе старой общины оказывалось очень стѣснительнымъ. Въ теченіе первыхъ четырнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ Положенія объ освобожденіи крестьянъ, извѣстно только около сотни примѣровъ такихъ сельскихъ обществъ, которыя оставили порядокъ общиннаго землевладѣнія и перешли къ системѣ частной земельной собственности; съ другой стороны, указываютъ случаи, когда распавшіяся общины вновь организовались меньшими группами, но болѣе выгод-

---

[1]) *В. Г. Трироговъ*, Податная десятина, „Вѣстникъ Европы", за 1878 г., № 11. Впрочемъ, значеніе приведенныхъ цифръ не вполнѣ ясно: не сдѣлано различія между коренными передѣлами и жеребьевками, при которыхъ общинники лишь мѣняются полосами, не измѣняя ихъ числа. См. „Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поз. общины". Программа. *Ред.*

[2]) *А. С. Посниковъ*, Общинное землевладѣніе, II; *Потанинъ*, Никольскій уѣздъ, Вологодской губерніи, „Древняя и Новая Россія", 1876 г., № 10; *В. Трироговъ*, Наши общины (въ губерн. Саратовской и Астраханской), „Отечественныя Записки", 1878 г., № 11 и 1879 г., № 3.

нымъ образомъ; нѣкоторыя же общины увеличились, соединяя въ одинъ, болѣе обширный, міръ земли, выкупленныя ими и пріобрѣтенныя въ полную собственность [1]). Старинный духъ солидарности между членами одной и той же общины не исчезъ и понынѣ. „Міръ жалѣетъ всѣхъ", говоритъ крестьянинъ, и хотя государство, предъ которымъ коллективная единица отвѣтствуетъ круговой порукой за исправный взносъ податей, облагаетъ безъ исключенія всѣ „ревизскія души", то-есть все мужское населеніе, однако община избавляетъ отъ платежа стариковъ и дѣтей въ семьяхъ „безъ души", то-есть неимѣющихъ ни одного способнаго къ труду работника и неполучающихъ душеваго надѣла; она даетъ содержаніе вдовѣ, и во всякомъ случаѣ каждый общинникъ можетъ держать корову и овцу на общественномъ выгонѣ; иногда община оставляетъ надѣлъ земли „ослабѣвшей" семьѣ, и обработка этого участка производится всѣми сосѣдями. Такъ сохраняются обычаи взаимнаго доброжелательства и круговой помощи, которыми искони отличались восточные славяне и которые поражаютъ наблюдателей другихъ національностей [2]).

Тѣмъ не менѣе можно положительно сказать, что русскій сельскій міръ мало по малу преобразуется, и что общинная жизнь ослабѣваетъ и приходитъ въ упадокъ подъ вліяніемъ тѣхъ соціальныхъ и фискальныхъ условій, въ которыя поставлено крестьянство. Дѣло въ томъ, что распредѣленіе земли дѣлается не только для того, чтобы дать пропитаніе всѣмъ членамъ общины, но имѣетъ въ виду еще другую цѣль—обезпечить платежъ податей, и всѣ семьи раздѣляются самимъ міромъ на сильныя, средственныя, малопомощныя, или слабыя, и семьи „безъ души", а быть „безъ души"—значитъ быть „безъ земли". Обыкновенно способный къ работѣ мужикъ, обладатель пары лошадей, считается за двѣ души; какой-нибудь несчастный случай, напр. скотскій падежъ, можетъ лишить его половины души, и тогда земельный надѣлъ его уменьшается на столько-же [3]). Ростовщичество развилось въ большомъ числѣ сельскихъ общинъ; такихъ ростовщиковъ малороссы называютъ „дуками" (отъ стариннаго казацкаго слова), а великороссіяне дали имъ болѣе выразительное прозвище—„міроѣдовъ"; эти же міроѣды, между прочимъ, берутъ на себя земли семей ослабѣвшихъ или „безъ души", съ условіемъ платить падающее на нихъ количество податей и сборовъ. Обремененные долгами и должающіе все болѣе и болѣе, чтобы уплачивать подати, многіе члены общины кончаютъ тѣмъ, что „продаютъ свои души", или владѣютъ ими только фиктивно, и снова впадаютъ въ своего рода крѣпостную зависимость [4]). Такова главная и самая опасная для міра причина дезоргани-

[1]) *Кн. Васильчиковъ*, Землевладѣніе и земледѣліе.

[2]) *П. С. Ефименко*, Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи.

[3]) *Трироговъ*, цитированная статья, а также „Община-типъ", см. „Отечественныя Записки", 1879 г., № IX.

[4]) *Гиляранскій*, цитированное сочиненіе.

заціи сельской общины. Точно также артели или промышленныя товарищества, занимающіяся рыболовствомъ, производствомъ грубыхъ издѣлій, кустарной промышленностью, тягой судовъ или бурлачествомъ, нагрузкой, извозомъ,—сильно рискуютъ погибнуть отъ забора впередъ денегъ, которыя потомъ нужно уплатить десятерицей, и отъ порабощенія, являющагося роковымъ слѣдствіемъ этой кабалы.

Добываніе металловъ и другихъ минеральныхъ продуктовъ, которое имѣло столь важное значеніе, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ странахъ древней Скиѳіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ металлическія украшенія и орудія, собранныя во множествѣ въ могильныхъ курганахъ, никогда совершенно не прекращалось въ Россіи; но только въ настоящемъ столѣтіи горнозаводская промышленность снова получила большое значеніе въ экономіи русскаго народнаго хозяйства. Позолоченная пирамида, фигурировавшая въ Петербургѣ на всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 года, наглядно представляла количество чистаго золота, добытаго на Уралѣ со времени первыхъ развѣдокъ, сдѣланныхъ въ 1754 году: эта масса драгоцѣннаго металла, которая почти вся была извлечена изъ золотоносныхъ песковъ и рудъ съ 1816 года, представляетъ вѣсъ около 44,000 пудовъ и цѣнность въ 615 милліоновъ рублей [1]). Къ этимъ сокровищамъ Урала нужно прибавить драгоцѣнную платину, мѣдь, желѣзо, драгоцѣнные камни и горныя породы (малахитъ, яшма, топазъ). Въ Азіатской Россіи, въ долинахъ Алтая и Забайкалья, сосредоточены главныя мѣсторожденія свинцовой руды, содержащей серебро, и самыя обширныя залежи каменнаго угля; самые обильные источники нефти находятся на обѣихъ оконечностяхъ Кавказа, на берегахъ Чернаго моря и еще болѣе—у береговъ Каспійскаго моря. Главныя минеральныя богатства собственно Европейской Россіи состоятъ въ желѣзѣ, ископаемомъ углѣ и соли: эти вещества находятся въ нѣдрахъ земли въ количествахъ, такъ сказать, неисчерпаемыхъ, но промышленность еще далеко не извлекаетъ изъ нихъ той пользы, какую извлекала бы изъ нихъ, будь эти богатства въ Западной Европѣ. Въ 1860 г. желѣза и стали было добыто всего въ Россіи 12.942,190 п., въ 1870 г.—15.707,392 п.; въ 1880 году—35.591,929 пуд. которые распредѣляются по раіонамъ такъ:

---

[1]) Добыто въ Россійской Имперіи (съ Финляндіей) и отдѣльно на Уралѣ:

	Золота.		Платины.	Мѣди.	
	Всего.	На Уралѣ.	На Уралѣ.	Всего.	На Уралѣ.
	П у д о в ъ.				
1860 г.	1,491	329	61½	317,147	283,691
1870 г.	2,162½	387½	119	308,440	175,189
1880 г.	2,641½	576½	180	195,518	101,632

Эти, какъ и большая часть цифровыхъ данныхъ о горной и соляной промышленности, заимствованы изъ соч. *А. Кеппена*: „Истор.-стат. обзоръ пром. Россіи. Группа IV, горная и соляная промышленность“. *Ред.*

Уралъ	13.186,974	пуд.
Алтайскій и Нерчинскій горные округа и Восточная Сибирь	240,733	„
Олонецкій горный округъ	2,461	„
Сѣверныя губерніи	8.138,823	„
Центральная Россія	6.657,777	„
Южная Россія	1.619,928	„
Юго-западныя губерніи	109,298	„
Царство Польское	5.662,251	„
Финляндія	973,684	„

Производство чугуна (выплавка ведется главнѣйше на древесномъ углѣ) во всей Россійской Имперіи: въ 1860 г.—20.467,526 п.; въ 1870 г.—21.949,417 п.; въ 1880 г.—27.375,370 п., причемъ:

На Уралѣ	18.402,683	пуд.
Въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ и въ Восточной Сибири	259,602	„
„ Европейской Россіи собственно	4.739,150	„
„ Царствѣ Польскомъ	2.677,800	„
„ Финляндіи	1.284,449	„

Сотни мѣсторожденій желѣзной руды были открыты въ сѣверной озерной области, въ бассейнѣ Камы, въ бассейнѣ Дона, и желѣзо, которое было извлечено со дна болотъ (такъ называемая болотная руда), въ Олонецкой губерніи, на Волыни, снова образуется мало по малу въ тѣхъ же мѣстахъ.

Протяженіе каменноугольныхъ формацій, въ Польшѣ, въ центральной Россіи, въ области Донецкаго кряжа, еще не вполнѣ изслѣдовано, но, безъ всякаго сомнѣнія, оно гораздо значительнѣе площади каменноугольныхъ бассейновъ всякой другой европейской страны. Однако, эти залежи минеральнаго топлива даютъ въ настоящее время отечественной промышленности едва $^1/_{45}$-ую часть того количества, которое извлекается изъ каменноугольныхъ копей Великобританіи, и Петербургъ получаетъ еще изъ Англіи почти весь каменный уголь, въ которомъ онъ нуждается. Точно также изъ-за границы, именно изъ Галиціи, благодаря ея сосѣдству, привозится часть соли, употребляемой въ Россіи; но лиманы Бессарабіи, озера астраханскихъ степей (особенно Элтонское и Баскунчакское), соляные ключи въ губерніяхъ Пермской и Вологодской, ломки каменной соли (самыя богатыя около Илецкаго-Городка) и въ особенности крымскія соляныя озера содержатъ въ огромномъ изобиліи соль и съ излишкомъ могли бы покрывать потребности въ этомъ продуктѣ, какъ для продовольствія, такъ и для промышленныхъ цѣлей.

Добыча каменнаго угля въ Россійской Имперіи:

	Уральскій бассейнъ.	Подмосковн. бассейнъ.	Кіево-Елисаветград. бассейнъ.	Донецкій бассейнъ.	Кузнецкій бассейнъ.	Киргизская степь.	Примор. обл. Вост. Сибири.
	П	у	д	о	в	ъ.	
Въ 1860 г.	408,061	631,250	—	6.009,456	55,000	185,120	147,750
„ 1870 г.	387,436	5.078,543	—	15.647,090	350,000	477,899	123,230
„ 1880 г.	7.217,391	25.117,759	534,357	86.347,334	484,650	1.240,003	501,907

	Туркестанск. край.	Кавказъ.	Царство Польское.	Всего.
	П у	д	о в	ъ.
Въ 1860 г.	—	200,700	10.928,827	*18.209,826*
„ 1870 г.	75,000	197,941	20.079,478	*42.416,617*
„ 1880 г.	305,208	387,318	78.448,947	*200.034,003*

Привозъ каменнаго угля, кокса и т. п. въ Россію:

Въ 1871 г. . . . . . . на 11.302,610 руб.
„ 1875 г. . . . . . . „ 12.446,692 „
„ 1877 г. . . . . . . „ 12.989,405 „
„ 1878 г. . . . . . . „ 17.059,213 „
„ 1879 г. . . . . . . „ 12.855,308 „
„ 1880 г. . . . . . . „ 17.604,580 „ (117.300,000 пуд.).

Добыча соли въ Россійской Имперіи:

	Каменной.	Выварочной.	Самоосадочной.	Всего.
	П у	д о	в ъ.	
Въ 1860 г.	1.352,182	7.723,157	17.157,162	*26.232,500*
„ 1870 г.	2.887,319	12.164,892	13.961,247	*29.013,458*
„ 1880 г.	2.875,356	15.232,580	29.463,980	*47.571,918*

Въ 1879 г. въ Европейской Россіи добыто, изъ общаго количества почти въ 50 милл. пуд., около 45 милл. пуд. (съ Царствомъ Польскимъ).

Привозъ поваренной соли въ Россіи:

Въ 1871 г. . . . . . . на 4.732,924 руб.
„ 1875 г. . . . . . . „ 6.913,138 „
„ 1877 г. . . . . . . „ 3.440,439 „
„ 1878 г. . . . . . . „ 6.346,863 „
„ 1879 г. . . . . . . „ 6.554,752 „
„ 1880 г. . . . . . . „ 6.161,199 „ (9.060,000 пуд.).

Что касается фабричной и заводской промышленности, то главныя мануфактуры Россіи обработываютъ сырой матеріалъ, добываемый не въ самой странѣ, а получаемый изъ-за границы, и продукты ихъ не могутъ соперничать, ни по количеству, ни по цѣнности, съ произведеніями промышленныхъ странъ Европы. На долю производства по обработкѣ хлопка приходится около 1/6 всей общей суммы производства въ русской обрабатывающей промышленности. Россія, хотя и самое обширное государ-

ство въ свѣтѣ, занимаетъ, по размѣрамъ важнѣйшей отрасли своей фабричной промышленности—хлопчатобумажной, лишь пятое мѣсто, слѣдуя послѣ Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Германіи, какъ показываютъ слѣдующія сравнительныя данныя о положеніи хлопчатобумажнаго производства въ 1877 году:

	Число веретенъ.	Употреблено хлопка.
Британскіе острова	39.500,000	586,600 тоннъ.
Соединенные Штаты.	10.000,000	290,000 „
Франція.	5.000,000	196,000 „
Германія	4.700,000	180,800 „
Россія	2.500,000	125,000 „

Главныя бумагопрядильныя мануфактуры сосредоточены въ центральной области Россіи, вокругъ Москвы, Владиміра-на-Клязьмѣ, Костромы; Петербургъ, разумѣется, принимаетъ немаловажное участіе въ этой отрасли народнаго труда, благодаря удобствамъ торговаго сообщенія. Вторую по степени важности мануфактурную промышленность Россіи составляетъ фабрикація суконъ и шерстяныхъ матерій; главныя мануфактуры этого рода тоже сгруппированы преимущественно на верхней Волгѣ и въ бассейнѣ Оки. Москва фабрикуетъ самыя тонкія сукна и, кромѣ того, выдѣлываетъ грубыя шерстяныя матеріи, отправляемыя въ Китай и въ Среднюю Азію; Польша, Лифляндія, Гродненская и Черниговская губерніи также производятъ превосходныя шерстяныя ткани; далѣе, всѣ губерніи малороссійскія, бассейна Дона и средней Волги участвуютъ въ этой промышленности производствомъ простыхъ матерій. Болѣе сотни тысячъ человѣкъ заняты переработкою шерсти въ различныхъ частяхъ Имперіи. Фабрикація бумажныхъ и шерстяныхъ матерій въ значительной мѣрѣ замѣнила собою прежнюю національную промышленность, фабрикацію льняныхъ тканей, которая въ прошломъ столѣтіи и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго была первой по важности отраслью русской обработывающей промышленности и произведенія которой, кромѣ внутренняго потребленія, составляли предметъ весьма значительнаго заграничнаго отпуска: русскія полотна вывозились въ большомъ количествѣ въ Западную Европу, особенно въ Великобританію, и даже въ Америку. Но теперь во всѣхъ промышленныхъ странахъ существуютъ собственныя полотняныя фабрики, и Россія должна довольствоваться вывозомъ заграницу сырыхъ матеріаловъ, льна и пеньки. Для внутренняго рынка, главныя мануфактуры (производства льнопрядильное, полотняное, пенькопрядильное и т. д.) находятся въ бассейнѣ верхней Волги, въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимірской; простыя же льняныя ткани, служащія для домашняго обихода, выдѣлываются почти во всей Россіи.

Во всѣ времена кожевенное производство было однимъ изъ важнѣй-

шихъ въ Россіи; какъ извѣстно, березовая кора, употребляемая русскими кожевниками, имѣетъ надъ большей частью другихъ родовъ коры, которыми пользуются заграницей при дубленіи, то преимущество, что она сообщаетъ кожѣ особенный, цѣнимый запахъ. Не смотря на то, что Россія ежегодно располагаетъ бо́льшимъ числомъ сырыхъ кожъ, чѣмъ другія европейскія государства, ея кожевенное производство стоитъ ниже сравнительно съ тѣмъ же производствомъ въ большихъ промышленныхъ странахъ Западной Европы; почти всѣ кожевенные заводы представляютъ маленькія заведенія, произведенія которыхъ обыкновенно находятъ сбытъ только въ окрестностяхъ, и этихъ заведеній не включаютъ въ общіе списки фабрикъ и заводовъ. Такъ, центральный статистическій комитетъ опредѣлилъ число кожевенныхъ заводовъ лишь въ 2,860, въ 1868 году; по болѣе-же подробнымъ статистическимъ даннымъ, въ 1872 году насчитывалось около 13,000 заведеній этого рода, съ производствомъ болѣе десяти милліоновъ выдѣланныхъ кожъ [1]). Салотопленіе—одна изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ отраслей русской промышленности. Салотопенные заводы, которые еще не такъ давно по большей части были ни что иное, какъ разсѣянные въ степяхъ зловонные сараи, послужили, подобно незатѣйливымъ дубильнымъ ямамъ въ лѣсныхъ прогалинахъ, началомъ большой промышленности, которая развилась быстрѣе, чѣмъ кожевенное производство. Въ 1879 г. въ Европейской Россіи было: салотопенныхъ заводовъ—521, изготовлявшихъ до 2 милл. пуд. сала, на $10^1/_2$ милл. р.; мыловаренныхъ—281, производившихъ до 2 милл. пуд. мыла, на сумму свыше 8 милл. р.; стеариновыхъ—8 заводовъ съ производствомъ на 10.605,000 р., свѣчносальныхъ—535 заводовъ, выдѣлывавшихъ на $2^3/_4$ милл. р. Кромѣ того, въ Царствѣ Польскомъ, ежегодная выработка сала, мыла и свѣчей достигаетъ 3 милл. р.

Техническая переработка зерна и заводское приготовленіе питательныхъ веществъ въ такой странѣ, какъ Россія, имѣетъ, конечно, огромное экономическое значеніе. Мукомольное производство находится еще на низкой ступени развитія: паровыя мукомольни не многочисленны, за то существуетъ болѣе 80,000 маленькихъ водяныхъ мельницъ на запрудахъ въ ручьяхъ и рѣчкахъ и на каналахъ, отведенныхъ изъ рѣкъ, и, кромѣ того, очень много вѣтряныхъ мельницъ [2]). Винокуренные заводы, которые

---

[1]) *Киттары*, Leder-Industrie in Russland, Russische Revue, № 10, 1875. *Авт.*

Въ „Указателѣ фабр. и зав.", изданномъ деп. торговли и мануфактуръ, перечислено въ Европ. Россіи собственно 3,320 заводовъ (въ 1879 г.), выдѣлывающихъ ежегодно до 7 милл. кожъ, почти на 42 милл. руб. Въ списокъ попали и мелкіе заводы—съ ежегоднымъ производствомъ на 2,000 р. Кромѣ того, въ Царствѣ Польскомъ 334 завода съ произв. на 6 милл. р. *Ред.*

[2]) Общее число мельницъ въ Россіи въ настоящее время не можетъ быть опредѣлено хотя-бы приблизительно. На нихъ ежегодно производится не менѣе 775 милл. пуд. муки. Паровыхъ мельницъ въ 1879 г. было 305; изъ нихъ $^2/_3$ основаны въ періодъ съ 1870 по 1879 г. (См. „Ист.-стат. обзоръ пром. Россіи". Ст. *Д. Семенова*). Паровое мукомолье быстро развивается въ послѣднее время, причемъ все болѣе распространяется вальцовая система. *Ред.*

доставляютъ казнѣ самый вѣрный доходъ, также были очень многочисленны, но нынѣ дѣйствующія акцизныя правила, очень стѣснительныя для мелкихъ заводчиковъ, благопріятствовали развитію крупныхъ, коммерческихъ заводовъ, принадлежащихъ богатымъ спекулянтамъ, и исчезновенію мелкихъ, хозяйственныхъ; въ 1880—81 г. въ Россіи было 3,877 винокуренныхъ заводовъ, съ производствомъ въ общей сложности около $35^1/_2$ мил. ведеръ спирта, превращаемыхъ въ 89 милл. ведеръ водки 40° крѣпости.

Свѣдѣнія о винокуренномъ производствѣ показаны въ слѣдующей таблицѣ:

Въ періодъ.	Число дѣйствов. винокур. заводовъ.	Всего выкурено спирта.
1863—64 гг.	4,233	27.430,998 вед.
1876—77 „	2,615	26.421,249 „
1878—79 „	2,752	35.693,381 „
1880—81 „	3,877	35.562,000 „

Что касается выработки свекловичнаго сахара, которая требуетъ большихъ капиталовъ, то она можетъ быть производима лишь на большихъ заводахъ. Въ 1882 году такихъ заводовъ работало 235, изъ которыхъ болѣе трети находилось въ Кіевской губерніи; всѣ остальные были распредѣлены по разнымъ мѣстамъ черноземной полосы и въ Царствѣ Польскомъ. Производство въ періодъ сахароваренія 1867—68 гг. простиралось до 7.600,000 пуд. и составляло около двухъ-пятыхъ количества, производимаго въ то время Франціей; въ настоящее же время это производство возрасло болѣе чѣмъ вдвое, именно выработывается около 16 милл. пуд. сахара, т. е. $^8/_{11}$ производства сахара во Франціи (въ среднемъ за 1875—81 гг., 22 милл. пуд. ежегодно).

Изъ этого бѣглаго обзора видно, что Россія въ отношеніи обрабатывающей промышленности вовсе не такъ далеко отстала отъ странъ Западной Европы, какъ это обыкновенно думаютъ; даже по части производства сложныхъ машинъ она все болѣе начинаетъ обходиться безъ содѣйствія Западной Европы [1]).

---

[1]) Въ 1875—78 гг. въ сельскомъ хозяйствѣ, горномъ промыслѣ и въ промышленности обработывающей дѣйствовало:

		Въ томъ числѣ построено въ Россіи.
паровыхъ котловъ	8,816	4,799
постоян. паров. маш.	5,949	2,045
локомобилей	2,057	151
Пароходовъ торговаго флота плавало по внутреннимъ водамъ въ 1874 г.	691	400
„ 1878 г.	820	471
Паровыхъ судовъ военнаго флота въ 1879 г.	418	199
Паровозовъ на жел. дорогахъ по 1 янв. 1877 г.	4,171	932

Кромѣ того, въ Финляндіи въ 1875 г. было: 648 паровыхъ котловъ и 600 разнаго рода паровыхъ машинъ. („Матеріалы для стат. паров. двигателей въ Россійской Имперіи“. Изд. Центр. Стат. Ком. 1882). *Ред.*

По даннымъ, опубликованнымъ въ 1881 г. департаментомъ торговли и мануфактуръ, состояніе фабричной и заводской промышленности (не включая горнозаводской и кустарной), можетъ быть охарактеризовано слѣдующими цифрами:

	Число фабрикъ и заводовъ въ 1879 г.	Сумма производства въ рубляхъ.	Число рабочихъ.
Въ Европ. Россіи собственно	26,067	1.102.949,000	711,097
„ Царствѣ Польскомъ	6,166	142.413,000	97,482
„ Финляндіи	385	15.130,000	12,217
	32,618	1.260.492,000	820,796
Съ присоединеніемъ-же числа рабочихъ на винокуренныхъ заводахъ и итоговъ пивовареннаго производства	35,159	1.305.492,000	873,246

Цифры эти нѣсколько ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ данныя, въ особенности по сельско-техническимъ производствамъ (кромѣ обложенныхъ акцизомъ), далеки отъ точности.

Ниже приведены числовыя данныя о размѣрахъ и цѣнности производства по главнымъ видамъ обработывающей промышленности, въ 1879 г., въ Европейской Россіи (со включеніемъ Царства Польскаго):

	Фабрикъ или заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства въ рубляхъ.
Производства по обработкѣ хлопчатой бумаги (ватное, бумагопрядильное, бумаготкацкое и т. п.)	924	188,800	225.000,000
Производства по обработкѣ шерсти (шерстопрядильное, ковровое, войлочное, суконное и др.)	1,205	111,540	115.436,000
Производства по обработкѣ льна и пеньки (трепальное, прядильное, ткацкое, канатное и др.)	495	45,500	37.300,000
Производства по обработкѣ шелка	174	11,775	9.275,000
Производства по обработкѣ бумаги (писчебумажное, обойное и разныхъ издѣлій)	226	14,600	14.000,000
Производство химическихъ продуктовъ	677	13,105	13,300,000
Производства стеклянное, фарфоровое и фаянсовое	271	21,738	10.635,000
Производства красильное и отдѣлочное	693	11,000	15.500,000

	Фабрикъ или заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства въ рубляхъ.
Производства свѣчное и мыловаренное	1,699	10,250	37.500,000
Производства по обработкѣ кожи, волоса и рога	4,321	28,600	54.600,000
Производство машиностроительное	223	47,800	58.600,000
Производства по обработкѣ металловъ (со включеніемъ сталелитейныхъ и рельсовыхъ заводовъ горнаго вѣдомства)	805	60,000 (?)	75.000,000

Къ этимъ суммамъ должно-бы прибавить весьма значительные итоги по производствамъ разнаго рода питательныхъ веществъ; но относительно многихъ производствъ этой группы имѣющіяся въ настоящее время свѣдѣнія не заслуживаютъ довѣрія. Наиболѣе точны данныя по слѣдующимъ производствамъ (во всей Имперіи, за исключеніемъ Финляндіи):

	Число заводовъ въ 1879 г.	Число рабочихъ.	Сумма производства, рублей.
Винокуренное	2,752	40,500	52.000,000 [1])
Водочное	639	4,700	43.000,000
Пивоваренное [2]) и медоваренное	2,565	12,000	47.700,000
Свеклосахарное	239	87,600	56.800,000
Сахарорафинадное	50	19,630	53.600,000

Въ 1879 г. табакъ въ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ переработывался на 265 фабрикахъ, съ производствомъ почти на 36 милл. р., при 21,400 рабочихъ. Цифры, относящіяся къ производствамъ по обработкѣ дерева (въ 1879 г. 1,812 заводовъ и фабрикъ, съ 22,250 рабочихъ и производительностью около 20.000,000 р.), по всей вѣроятности, ниже дѣйствительныхъ, даже если не принимать весьма распространенныхъ кустарныхъ лѣсотехническихъ и древодѣльныхъ промысловъ.

Почти всѣ успѣхи русской обработывающей промышленности ведутъ начало съ эпохи освобожденія крестьянъ. Въ первое время послѣ отмѣны крѣпостнаго права производство понизилось, вслѣдствіе общаго кризиса на рынкѣ труда; но съ 1865 года снова замѣчается прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и съ этой эпохи размѣръ производства значительно увеличился (по нѣкоторымъ отраслямъ не менѣе какъ въ пять разъ).

---

[1]) Акцизъ, какъ видно изъ итога, не принятъ во вниманіе. *Ред.*

[2]) 60 милл. ведеръ въ 1879 г. *Ред.*

Очень трудно сдѣлать оцѣнку производительности мелкой русской промышленности, которую обыкновенно называютъ „кустарной"; предположительно, сумма ежегоднаго производства кустарныхъ издѣлій опредѣляется въ 200—300 милл. рублей. Общее число „кустарей" исчисляютъ приблизительно въ шесть съ половиною милліоновъ, изъ которыхъ около шести милліоновъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ они въ то-же время большею частью занимаются и хлѣбопашествомъ: они работаютъ за своими станками или верстаками, въ своихъ домашнихъ мастерскихъ только во время длинныхъ зимъ, когда поля покрыты снѣгомъ. Нѣкоторыми русскими писателями высказывалось мнѣніе, что эта кустарная промышленность предохранитъ націю отъ пролетаріата, но эта надежда не оправдывается дѣйствительностью: централизація труда происходитъ также и въ средѣ этихъ маленькихъ мастерскихъ. Такъ, напримѣръ, число работниковъ, занимающихся на дому, въ Шуйскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ 1842 году въ пять разъ превышало количество рабочихъ крупной фабричной и заводской промышленности; въ 1862 году оно уже только вдвое превышало послѣднее; а въ 1872 году обѣ категоріи работниковъ сравнялись въ числѣ [1]).

Общая цѣнность оборотовъ по внѣшней торговлѣ Россіи представляетъ слѣдующія колебанія:

	По вывозу.	По привозу.	Итого.	Вывозъ болѣе или менѣе привоза на:
	въ	ру	бля	хъ.
Въ 1871 г.	369.271,310	368.508,632	737.779,942	+ 762,678
„ 1872 „	327.040,928	435.226,202	762.267,130	— 108.185,274
„ 1873 „	364.439,921	442.969,773	807.409,694	— 78.529,852
„ 1874 „	431.811,976	471.381,055	903.193,031	— 39.569,079
„ 1875 „	381.951,863	531.056,406	913.008,269	— 149.104,543
„ 1876 „	400.700,449	477.581,561	878.282,012	— 76.881,112
„ 1877 „	527.935,826	321.036,987	848.972,813	+ 206.898,839
„ 1878 „	618.165,684	595.582,192	1.213.747,876	+ 22.583,492
„ 1879 „	627.768,444	587.713,236	1.215.481,680	+ 40.055,208
„ 1880 „	498.672,437	622.811,871	1.121.484,308	— 124.139,434
Среднее за 10 л.	454.775,884	485.386,792	940.162,676	— 30.610,908

За показанное десятилѣтіе цѣнность вывоза по азіатской границѣ колебалась отъ 7 до 12 милл. р., а цѣнность привоза—отъ 16 до 33 милл. руб.; цѣнность торговыхъ оборотовъ съ Финляндіею: по отпуску — отъ 6 до $12^3/_4$ милл., по ввозу — отъ 8 до $11^1/_2$ милл. руб. Слѣдовательно, внѣшняя торговля въ этихъ направленіяхъ ничтожна сравнительно съ торговлею по европейской границѣ. Германская имперія, сопредѣльная

[1]) *Субботинъ*, Курсъ промышленной, экономической и коммерческой географіи

Россіи на весьма значительномъ протяженіи границы, занимаетъ, естественно, первое мѣсто въ ряду иностранныхъ государствъ по размѣрамъ своей сухопутной торговли съ восточной имперіей; но самая большая часть морской торговли Россіи приходится на долю Великобританіи, которая въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою всѣ другія страны Франціи принадлежитъ третье мѣсто: она нѣсколько превосходитъ даже Австро-Венгрію, хотя Царство Польское, Волынь, Подолія соприкасаются съ австрійскими владѣніями пограничной линіей, имѣющей болѣе 600 верстъ длины. Точно также Голландія, эта маленькая страна, притомъ очень отдаленная отъ Россіи, продаетъ ей и покупаетъ у нея почти на такую-же сумму товаровъ, какъ сосѣдняя Турція, и значительно больше, чѣмъ громадная Китайская имперія, граничащая съ Сибирью на пространствѣ около семи съ половиной тысячъ верстъ.

Внѣшняя торговля Россіи въ 1880 году выразилась слѣдующими цифрами:

	Привезено.	Вывезено.	Итого.
Германія	274.267,734	138.121,619	412.389,353
Великобританія	150.834,495	148.290,175	299.124,670
Франція	22.418,010	57.599,078	80.017,088
Австро-Венгрія	23.062,408	32.547,299	55.609,707
Голландія	7.518,586	28.204,578	35.723,164
Турція	20.375,179	15.342,580	35.717,759
Бельгія	7.422,938	18.899,058	26.321,996
Китай	22.783,216	2.519,883	25.303,099
Прочія государства	64.376,500	47.546,097	111.922,597
Итого	593.053,549	489.070,367	1.082.123,916

Отпускная торговля Россіи, указывающая, по статьямъ своимъ, на меньшее развитіе ея промышленности сравнительно съ остальной Европой, состоитъ почти исключительно изъ вывоза земледѣльческихъ произведеній, сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, тогда какъ въ привозной торговлѣ главнѣйшее мѣсто занимаютъ мануфактурныя издѣлія. Такъ, въ 1880 году было:

	Вывезено на		Привезено на
Хлѣба	228.411,000 р.	Металл. издѣлій и машинъ	131.967,000 р.
Льна и льнянаго сѣмени	92.847,000 „	Издѣлій фабр., завод. и ремеслен.	51.843,000 „
Лѣснаго товара	32.906,000 „	Чаю	86.063,000 „
Шерсти	17.352,000 „	Хлопка	53.355,000 „
Скота	13.529,000 „	Напитковъ	20.216,000 „
Пеньки	17.533,000 „	Табаку	9.669,000 „

Въ общемъ оборотѣ заграничной торговли Россіи на долю привоза приходится болѣе значительная сумма, чѣмъ на долю отпуска; въ самомъ дѣлѣ въ періодъ съ 1870 по 1880 годъ средняя годовая цѣнность ввоза составляла $485^{1}/_{2}$ милл. рублей, тогда какъ цѣнность экспорта не превышала $454^{3}/_{4}$ милл. руб.; слѣдовательно, средняя ежегодная разность составляетъ около $30^{1}/_{2}$ милліоновъ. Раздѣленная на цифру народонаселенія, общая цѣнность оборотовъ внѣшней торговли (по отпуску и ввозу), составляетъ только около 12 рублей на каждаго жителя; слѣдовательно, она относительно въ 10 разъ меньше, чѣмъ въ Англіи, и почти въ 5 разъ менѣе, чѣмъ цѣнность торговаго обмѣна Франціи [1]).

По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, отпускная торговля Россіи, производимая моремъ, въ два-три раза значительнѣе производимой сухимъ путемъ; но въ привозной торговлѣ равновѣсіе въ отношеніи путей возстановляется почти вполнѣ; эта разница происходитъ оттого, что европейскія мануфактурныя издѣлія, ввозимыя Россіей, представляютъ вообще говоря, болѣе цѣнный и менѣе тяжелый и объемистый товаръ, чѣмъ продукты, продаваемые въ обмѣнъ ихъ: они посылаются большею частію прямо по желѣзнымъ дорогамъ, тогда какъ громоздкіе отпускные товары отправляются преимущественно изъ приморскихъ портовъ. Для сравненія приводимъ обороты, по вѣсу и цѣнности, внѣшней торговли Европейской Россіи въ 1880 г.:

	Привозъ моремъ.		Вывозъ моремъ.
Вѣсъ	162.745,000 пуд.	Вѣсъ	297.134,000 пуд.
Цѣнность . . .	280.540,000 руб.	Цѣнность . . .	345.828,000 руб.
	Привозъ сухимъ путемъ.		**Вывозъ сухимъ путемъ.**
Вѣсъ	74.309,000 пуд.	Вѣсъ	101.069,000 пуд.
Цѣнность . . .	297.794,000 руб.	Цѣнность . . .	130.537,000 руб.

Общій оборотъ . { по вѣсу . . . 635.257,000 пуд.
по цѣнности 1.054.700,000 руб.

Самая значительная часть морской торговли Россіи производится, конечно, черезъ Балтійское море: во-первыхъ, столица стоитъ на берегу

[1]) Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

	Общій оборотъ по внѣшней торговлѣ, въ 1880 г.:	На каждаго жителя.
	въ рубляхъ.	
Великобританія	4,186 милл.	124
Франція	2,047 „	55
Соединен. Штаты	2,034 „	40
Германія	1,840 „	40
Австро-Венгрія	798 „	21
Россійская Имперія	1,121 „	12

Ред.

этого моря; во-вторыхъ, самая многолюдная область Имперіи, центральныя губерніи, пользуется, для отправки своихъ произведеній, портами при этомъ морѣ, наиболѣе близкими къ цивилизованной Европѣ. Торговля, производимая черезъ моря Черное и Азовское, гораздо менѣе значительна сравнительно съ торговымъ движеніемъ на русской Балтикѣ; однако, она представляетъ около одной пятой всѣхъ оборотовъ внѣшняго торговаго обмѣна имперіи. Что касается морей Бѣлаго и Каспійскаго, то совокупность ихъ торговыхъ оборотовъ едва равняется торговлѣ какого нибудь третьестепеннаго порта. Торговое движеніе на всѣхъ русскихъ моряхъ выразилось въ 1880 году слѣдующими цифрами, по цѣнности оборотовъ:

	По вывозу.		По привозу.	
Балтійское	200.571,434	руб.	217.432,614	руб.
Черное съ Азовскимъ .	135.040,661	„	62.327,093	„
Бѣлое	10.215,946	„	780,188	„
Каспійское	2.267,163	„	2.469,050	„

Перевозка продуктовъ и товаровъ между русскими портами и портовыми городами другихъ приморскихъ государствъ производится преимущественно на иностранныхъ корабляхъ; притомъ между черноморскими судами, плавающими подъ русскимъ флагомъ, есть много такихъ, которыя въ дѣйствительности принадлежатъ грекамъ, и по-настоящему, должны бы быть причисляемы не къ русскому, а къ эллинскому торговому флоту. Затѣмъ въ Балтійскомъ морѣ финляндскія суда, поднимающія свой собственный флагъ, также служатъ очень дѣятельными посредниками въ морской торговлѣ Россіи. Если не принимать въ разсчетъ коммерческій флотъ Финляндіи, который часто причисляютъ, хотя и ошибочно, къ русскому торговому флоту, то оказывается, что Россія занимаетъ девятое мѣсто между европейскими государствами по грузовмѣстимости своихъ морскихъ судовъ: хотя у нея нѣтъ недостатка ни въ желѣзѣ, ни въ деревѣ, и хотя ея береговая линія имѣетъ большую длину, тѣмъ не менѣе она уступаетъ, въ отношеніи важности торговаго флота, не только главнымъ приморскимъ державамъ Европы, но также Испаніи, Голландіи и Швеціи; даже въ Балтійскомъ морѣ, на берегахъ котораго находятся такіе первоклассные порты, какъ Кронштадтскій, Рижскій, Ревельскій, Россія имѣетъ лишь незначительный, по грузовмѣстимости, торговый флотъ. Къ 1 января 1880 года коммерческій флотъ Россіи представлялъ слѣдующій численный составъ по морямъ:

Бѣлое море.	588	судовъ,	вмѣстим.	15,795	ласт.
Балтійское „	676	„	„	50,702	„
Черное „	811	„	„	54,950	„
Азовское „	1,348	„	„	53,386	„
Каспійское „	1,042	„	„	54,795	„
Всего. .	4,465	судовъ,	вмѣстим.	229,628	ласт.

Пропорція паровыхъ судовъ къ парусньмъ въ русскомъ флотѣ весьма незначительна, именно число парусныхъ судовъ въ 15 разъ превышаетъ число пароходовъ; первые въ своей совокупности поднимаютъ въ $4^1/_2$ раза большій грузъ, нежели пароходы. Къ 1 января 1880 года числилось:

Парусныхъ судовъ торговаго флота	4,197, вмѣстим.	187,433 ласт.
Паровыхъ " " "	268 "	42,195 "
	4,465	229,628 ласт.

Внутреннее судоходство, которое до постройки желѣзныхъ дорогъ составляло главное средство сообщенія и перевозки товаровъ, и теперь еще сохранило большую важность въ бассейнѣ Волги и на другихъ большихъ рѣкахъ Россіи. Въ среднемъ за пятилѣтіе съ 1876 по 1880 г., строилось ежегодно 7,323 судовъ для рѣчнаго судоходства. Суда эти носятъ разнообразнѣйшія названія, смотря по ихъ формѣ или матеріалу, изъ котораго они построены, по мѣсту постройки, по мѣсту происхожденія гребцовъ и т. д. (мокшаны, тихвинки, сомины, суряки, гусянки, коломенки, барки, полубарки, досчаники и пр.). Общее число нагруженныхъ и отправленныхъ судовъ въ 1879 г. составляло 52,701, плотовъ 99,992, съ совокупнымъ количествомъ грузовъ въ 522.407,842 п. и объявленною цѣнностью грузовъ и плотовъ въ $199^1/_2$ милл. руб.[1]). На Волгѣ нѣкоторыя суда поднимаютъ болѣе 12,000 пудовъ груза; но средняя ихъ грузовмѣстимость исчисляется только въ 9,000 или 10,000 пудовъ; на Днѣпрѣ они не могутъ, даже во время высокаго стоянія воды, поднимать болѣе 12,000 пудовъ, а на Сѣверной Двинѣ и на Дону—болѣе 24,000 пудовъ груза. Почти всѣ мелкія суда строятся только на одну путину и не возвращаются назадъ: по прибытіи на мѣсто назначенія, они разбираются и продаются какъ строевой лѣсъ или на дрова.

Число рѣчныхъ судовъ, построенныхъ въ періодъ съ 1875 по 1879 годъ:

	Бѣлое море.	Балтійское море.	Черное море.	Азовское море.	Каспійское море.
Въ 1875 г. . . .	483	1,754	277	329	4,585
" 1876 г. . . .	299	1,768	191	260	5,308
" 1877 г. . . .	287	2,066	183	147	3,759
" 1878 г. . . .	254	1,547	333	253	3,874
" 1879 г. . . .	253	1,475	318	278	3,017

По количеству пароходовъ, какъ и по количеству обыкновенныхъ судовъ, Волга далеко превосходитъ другія большія рѣки Россіи: двѣ трети всѣхъ паровыхъ судовъ плаваютъ на этой рѣкѣ, и ихъ коллективная сила представляетъ три четверти общей паровой силы всего русскаго торго-

[1]) Стат. Сборн. Мин. Путей Сообщ. 1882 г.

ваго флота. Въ 1880 году на внутреннихъ водахъ Европейской Россіи (кромѣ Вел. Кн. Финляндскаго) считалось 916 пароходовъ; по бассейнамъ это число было распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

Волга и ея притоки	556	пароходовъ.
Нева, Западн. Двина и прочія рѣки Балтійскаго бассейна	236	„
Днѣпръ съ притоками	57	„
Донъ	52	„
Сѣверная Двина	15	„
Всего.	916	пароходовъ.

Замѣчательно, что Днѣпръ, могучій Борисѳенъ, славянская рѣка, которая первая служила воднымъ путемъ для торговыхъ сношеній Востока со скандинавскими странами, въ настоящее время имѣетъ менѣе важности въ отношеніи перевозки товаровъ, чѣмъ иная маленькая рѣчка, какъ Молога, Шексна, Волховъ. Правда, эти рѣки составляютъ часть линій судоходства между Петербургомъ и Астраханью, идущихъ черезъ всю Россію отъ Балтійскаго моря до Каспійскаго.

Въ 1879 году длина всѣхъ искусственныхъ и естественныхъ водяныхъ путей Европейской Россіи исчислялась въ 51,420 верстъ (судоходныхъ путей, неимѣющихъ искусственныхъ сооруженій—25,119 в., сплавныхъ водяныхъ путей—18,972 в., путей съ искусственными сооруженіями—6,642 в., каналовъ—683 в.). По бассейнамъ, судоходные пути были распредѣлены приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Бассейнъ Бѣлаго моря .	4,400	верстъ,	или	13,3%	всей сѣти.
„ Каспійскаго. .	13,000	„	„	38,1%	„ „
„ Азовскаго . .	3,100	„	„	9%	„ „
„ Чернаго . . .	5,700	„	„	16,3%	„ „
„ Балтійскаго . .	7,500	„	„	21%	„ „

Въ этой сѣти каналы составляли лишь $^1/_{40}$ часть; но въ числѣ ихъ есть такіе, которые по своей торговой важности равняются или даже превосходятъ нѣкоторыя большія рѣки. Впрочемъ, прорытіе каналовъ было дѣломъ довольно легкимъ, такъ какъ верхнія теченія рѣкъ близко соприкасаются въ области озеръ и болотъ. Прорѣзы почвы, соединяющіе Волгу и Сѣверную Двину посредствомъ ихъ верхнихъ притоковъ, имѣютъ всего только около 13 верстъ въ длину; точно также Тихвинскій каналъ, принадлежащій къ кратчайшему изъ трехъ водныхъ путей, соединяющихъ Петербургъ съ Волгой, проходитъ черезъ водораздѣльную возвышенность или волокъ рвомъ, имѣющимъ не болѣе 15 верстъ длины. Несмотря на всѣ удобства, представляемыя свойствомъ почвы для прорытія каналовъ, Волга еще до сихъ поръ не соединена съ Западной Двиной, съ Нѣманомъ, съ Днѣпромъ; она все еще остается отдѣленной отъ Дона, да и этотъ послѣдній не соединенъ еще съ Днѣпромъ; наконецъ, всѣ каналы устроены со шлюзами, и наибольшая глубина ихъ всего только 2 съ по-

ловиной аршина; нѣкоторые каналы, менѣе глубокіе, перерѣзанные водопадами, сдѣлались почти безполезными. Сѣть русской канализаціи еще весьма незначительна въ сравненіи съ тѣми размѣрами, которые хотѣлъ придать ей Петръ Великій, восхищавшійся голландскими каналами; какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ задуманныхъ имъ предпріятій этого рода и понынѣ еще не приведены въ исполненіе. Впрочемъ, перевозка грузовъ водой производится съ величайшей медленностью, и всѣ товары, имѣющіе большую цѣнность при незначительномъ вѣсѣ, должны быть отправляемы по желѣзной дорогѣ, чтобы поспѣть во-время. Изъ Петербурга въ Астрахань, внизъ по Волгѣ, перевозка продолжается отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Притомъ рѣчное судоходство въ Россіи пріостанавливается, среднимъ числомъ, на 126 дней, то-есть слишкомъ на четыре мѣсяца: на шесть мѣсяцевъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, на два мѣсяца въ южныхъ областяхъ. Даже послѣ того, какъ рѣки очистились отъ льда, соединяющіе ихъ каналы остаются запертыми впродолженіе нѣсколькихъ дней или даже недѣль, по причинѣ недостаточно сильнаго теченія. Въ то время, какъ Шексна бываетъ открыта для судоходства отъ 211 до 220 дней въ году, сосѣдніе обходные каналы Онежскаго и Бѣлаго озеръ даютъ проходъ судамъ только впродолженіе 189 и 178 дней [1]).

Сѣть желѣзныхъ дорогъ получила гораздо бóльшее развитіе, чѣмъ сѣть каналовъ. Правда, въ прежнее время косо и недоброжелательно смотрѣли на желѣзнодорожное дѣло, считая его однимъ изъ тѣхъ революціонныхъ изобрѣтеній Запада, къ которымъ слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ; однако, императоръ Николай Павловичъ, уступая желанію общественнаго мнѣнія, повелѣлъ построить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву и собственноручно начертилъ на бумагѣ неуклонно прямую линію, проектъ рельсоваго пути, непосредственно соединяющаго двѣ столицы черезъ лѣса и болота. При кончинѣ императора Николая, въ 1855 году, громадная русская Имперія имѣла очень незначительную сѣть, недостигавшую даже 1,000 верстъ въ длину. Но, какъ доказали огромныя затрудненія въ передвиженіи и продовольствіи войскъ во время Крымской войны, стратегическіе интересы Россіи настоятельно требовали постройки магистральныхъ линій между крѣпостями, большими городами, главными земледѣльческими областями и горнозаводскими округами, и эти военные интересы, еще болѣе, чѣмъ потребности торговли и промышленности, ускорили сооруженіе рельсовыхъ путей, которыми теперь изборождена вся Европейская Россія. Въ два только года, 1870 и 1871, въ то время, какъ Франція вела свою страшную борьбу съ Германіей, русское правительство, всецѣло занятое большими стратегическими при-

---

[1]) *В. де-Ливронъ*, цитированное сочиненіе.

готовленіями, открыло одновременно торговлѣ и своимъ арміямъ около пяти съ половиною тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Къ 1 января 1882 г. протяженіе русской желѣзнодорожной сѣти (кромѣ дорогъ финляндскихъ) составляло 21,262 верстъ, въ томъ числѣ: принадлежащихъ правительству 896 в., частнымъ лицамъ—20,366 в.; а основные капиталы всѣхъ дорогъ къ 1 января 1880 г. составляли 2.114.280,000 кредитн. рублей, такъ какъ постройка желѣзныхъ путей оказалась въ Россіи гораздо болѣе дорогостоющей, чѣмъ можно было предполагать, принимая во вниманіе почти совершенную горизонтальность мѣстности, дешевизну земель, изобиліе лѣса: единственныя большія работы инженернаго и строительнаго искусствъ на русскихъ дорогахъ—это мосты черезъ рѣки и земляныя насыпи на болотахъ; большая часть желѣзнодорожныхъ компаній, поддерживаемыхъ данной имъ со стороны правительства гарантіей, то-есть обязательствомъ, въ случаѣ недополученія прибылей, доплачивать ихъ изъ доходовъ государства, могла щедро расходовать капиталы; въ 1879 г. правительство уплатило по гарантіямъ и т. д. свыше 47 милл. рублей. Долги желѣзнодорожныхъ обществъ правительству къ 1 января 1880 г.—почти 593½ милл. кред. рублей. Въ настоящее время русская желѣзнодорожная сѣть, по своей общей длинѣ, занимаетъ пятое мѣсто въ цѣломъ свѣтѣ (послѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Германіи, Соединеннаго Королевства и Франціи); но, пропорціонально пространству территоріи или числу жителей, Россія въ этомъ отношеніи стоитъ еще на довольно низкой ступени: по относительному развитію рельсовыхъ путей ее превосходятъ даже такія маленькія страны, какъ Португалія и Румынія. Русскія желѣзныя дороги, въ сравненіи съ дорогами большей части другихъ государствъ континентальной Европы, представляютъ ту невыгоду, что не всѣ онѣ имѣютъ одинаковое разстояніе между рельсами; но это неудобство для торговаго движенія есть въ то же время преимущество въ военномъ отношеніи, такъ какъ разность въ ширинѣ колеи не позволяетъ нѣмецкимъ вагонамъ проникать въ Россію. На главныхъ русскихъ линіяхъ ширина колеи равна 1,52 метр. Доходность русскихъ желѣзныхъ дорогъ и движеніе на нихъ грузовъ и пассажировъ выражаются слѣдующими цифрами [1]):

	Валовой доходъ.	На версту.	Чистый доходъ.	На версту.	% чистаго дохода къ валовому.
	Р у	б	л е	й.	
1876 г. . . .	147.680,041	8,312	47.270,268	2,660	32
1877 г. . . .	193.543,161	10,201	71.848,768	3,787	37
1878 г. . . .	221.695,766	11,222	75.960,075	3,845	34
1879 г. . . .	213.158,392	10,982	60.460,482	2,916	28
1880 г. . . .	193.205,280	9,145	41.553,271	11,967	22
Среднее за 5 л.	—	*9,832*	—	*3,055*	*31*

[1]) „Стат. Сборникъ Министерства Путей Сообщенія", 1882 г.

Перевезено пассажировъ въ 1879 г.		33.881,265
„ грузовъ „ 1879 г.		2.423.157,215 пуд.
Сдѣлано пудо-верстъ всего	въ 1875 г.	276.415.476,250
	„ 1879 „	462.938.448,459
„ „ „ на версту.	въ 1875 г.	16.210,091
	„ 1879 „	22.330,734
Всего пассажиро-верстъ	въ 1875 г.	2.870.709,757
	„ 1879 „	3.895.777,598
Пассажиро-верстъ на версту	въ 1875 г.	165,494
	„ 1879 „	187,920

Число ежегодныхъ несчастныхъ случаевъ въ среднемъ за послѣднія 5 лѣтъ: убито 455, ранено 979, итого 1,434.

Центральной станціей желѣзныхъ путей Россіи является ея первопрестольная столица: пять главныхъ линій, соединяющихся въ Москвѣ, дѣлаютъ этотъ городъ необходимымъ средоточіемъ Имперіи и такимъ образомъ исправляютъ, съ точки зрѣнія централизаціи, старыя естественныя дороги, которыя слѣдовали по рѣкамъ и потому давали жителямъ страны нѣкоторое стремленіе къ децентрализаціи. По движенію товаровъ и пассажировъ, Москва имѣетъ первенствующее значеніе и далеко превосходитъ всѣ другіе города Россіи, не исключая и Петербурга.

Съ береговъ Москвы-рѣки желѣзныя дороги продолжаются на западъ до соединенія со всѣми главными линіями Центральной Европы; на югѣ онѣ достигаютъ моря въ Одессѣ, Севастополѣ, Таганрогѣ, и проникаютъ въ первыя долины Кавказа, за который онѣ со временемъ перевалятъ черезъ Дарьялъ. На востокѣ другіе рельсовые пути достигаютъ Волги въ Царицынѣ, Саратовѣ, Сызрани и даже переходятъ на другую сторону рѣки, гдѣ продолжаются до Оренбурга, но они не доходятъ до Каспійскаго моря и еще не продолжены во внутренность Азіи; только одна желѣзная дорога, несвязанная съ общей сѣтью, соединяетъ Пермь и Екатеринбургъ. Сѣверныя линіи не переходятъ за Вологду: въ Россіи желѣзнодорожная сѣть гораздо менѣе выдвинута по направленію къ холодному поясу, чѣмъ на территоріи Финляндіи и въ Скандинавіи. Нѣкоторыя изъ главныхъ русскихъ линій пересѣкаютъ страну, минуя города, не только маленькіе, но даже губернскіе и представляющіе значительную важность, каковы Тверь, Орелъ, Курскъ, оставленные далеко въ сторонѣ отъ станцій (верстахъ 5—10 и болѣе), къ большому стѣсненію купцовъ и пассажировъ.

По странному контрасту, желѣзные пути получили въ Россіи болѣе обширное развитіе, нежели обыкновенныя большія дороги. Также какъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Аргентинской республикѣ, рельсовый путь, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россійской Имперіи, смѣнилъ непосредственно не правильныя, хорошо устроенныя дороги, а первобытныя колеи и непо-

стоянные грунтовые пути. Оттого-то нерѣдко бываетъ, что путешественникъ только что проѣхавшій, благодаря пару, быстро и удобно нѣсколько градусовъ широты, употребляетъ цѣлые дни, чтобы добраться черезъ топи и болота до деревни, которую онъ видитъ въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія. Такимъ образомъ, Россія въ отношеніи путей сообщенія вступаетъ прямо въ современную индустріальную эру, минуя предшествующія стадіи; то же самое можно сказать вообще о настоящемъ ея развитіи: въ то время, какъ часть народа коснѣетъ въ первобытномъ варварствѣ, высшій классъ стремится стать впереди европейскихъ обществъ. Достигнетъ-ли русская нація того же прогресса, какъ западные народы, не испытавъ тѣхъ же страданій? Во всякомъ случаѣ движенія ея будутъ быстрѣе; исторія ускоритъ для нея свой ходъ.

Въ области народнаго просвѣщенія мы опять находимъ такой же точно контрастъ, какъ въ сферѣ промышленности. Высшія учебныя заведенія были уже организованы, а полные курсы наукъ преподавались во всѣхъ университетахъ, въ то время какъ собственно народное образованіе почти совершенно отсутствовало. До тѣхъ поръ, пока слишкомъ двадцать милліоновъ жителей оставались въ порабощенномъ состояніи, распространеніе образованія въ массѣ должно было считаться опаснымъ. Въ 1877 году нормальныхъ школъ (учительскіе институты и семинаріи) въ Россіи было: для приготовленія городскихъ учителей—7, для приготовленія сельскихъ учителей—61; обучающихся числилось 4,596, изъ нихъ 727 воспитанницъ. По степени развитія своей школьной системы и народнаго образованія, Россія стоитъ ниже большей части другихъ странъ Европы и Америки, ниже Японіи и даже Египта [1]).

Въ 1876 году было только 24,456 начальныхъ школъ во всей Европейской Россіи, и только 1.019,488 дѣтей (изъ нихъ 177,900 дѣвочекъ, то-есть менѣе одной пятой общаго числа) сидѣли на скамьяхъ этихъ школъ. Такимъ образомъ, процентъ учащихся въ начальныхъ школахъ, вмѣсто того, чтобы составлялъ одну седьмую или даже одну шестую населенія, какъ это мы видимъ въ Голландіи, въ Вюртембергѣ и въ другихъ странахъ, въ Россіи едва превышалъ восьмидесятую часть общаго числа жителей [2]). Однако, обученіе грамотѣ обязательно для всѣхъ солдатъ, въ полковыхъ школахъ и, можно сказать, что воинская повинность сдѣлала для образованія народа болѣе, нежели министерство народнаго просвѣщенія.

Среднія учебныя заведенія, гимназіи и прогимназіи, реальныя учили-

---

[1]) *Корфъ*, Итоги народнаго образованія въ Россіи.

[2]) Въ настоящее время число всѣхъ школъ (не считая финляндскихъ) опредѣляется въ 28,350, съ общимъ числомъ учащихся 1.213,325. Школы посѣщаетъ лишь около $^{1}/_{15}$ всѣхъ дѣтей (15 милл.) школьнаго возраста. („Русскій Кал.“ на 1883 г.). *Ред.*

ща, военныя гимназіи, духовныя семинаріи и пансіоны, были посѣщаемы въ 1877 году 88,400 воспитанниковъ; сверхъ того, 41,630 молодыхъ людей воспитывались въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ министерствъ. Съ конца восемнадцатаго столѣтія были основаны такъ называемые „институты благородныхъ дѣвицъ"; но эти заведенія оставались закрытыми для молодыхъ дѣвушекъ не-аристократическихъ семействъ. Въ 1857 году обнаружилось движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу болѣе широкаго женскаго образованія, и въ 1876 году въ Россіи было 320 среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ 55,620 воспитанницами. Въ то же время у молодыхъ дѣвушекъ развивалось стремленіе къ высшему образованію, и съ 1861 года онѣ находили доступъ въ аудиторіи университетовъ и медико-хирургической академіи: одна изъ первыхъ, получившихъ медицинскій дипломъ, воспитывалась въ академіи на стипендію, назначенную отъ башкирской націи. Молодыя дѣвушки получаютъ, по большей части, столь же солидное образованіе, какъ и юноши, и подвергаются наравнѣ съ послѣдними экзаменамъ для поступленія на частные университетскіе курсы или женскіе медицинскіе курсы. Съ 1863 года былъ прекращенъ женщинамъ доступъ въ университеты, курсы которыхъ имѣютъ болѣе ученый характеръ; теперь для женщинъ учреждены отдѣльные высшіе курсы; въ промежуточный періодъ много молодыхъ дѣвушекъ обучалось въ заграничныхъ университетахъ, преимущественно въ швейцарскихъ—въ Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ. Распредѣленіе воспитанниковъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія по сословіямъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Дворянъ.	Духовн. сословія.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.
Мальчиковъ въ 1872 г.	607 на 1000	48 на 1000	287 на 1000	58 на 1000
„ „ 1876 г.	515 „ „	58 „ „	350 „ „	77 „ „
Дѣвочекъ въ 1869 г.	547 „ „	50 „ „	375 „ „	38 „ „

Восемь университетовъ Россіи, организованные по образцу нѣмецкихъ, имѣютъ, сравнительно съ этими послѣдними, весьма незначительное число студентовъ. Къ 1 января 1882 г. во всѣхъ русскихъ университетахъ было около 9,000 учащихся; къ 1 января 1872 г. было 6,565 студентовъ и 336 слушателей; студенты въ 1878 г. по факультетамъ распредѣлялись такъ: на медицинскомъ 2,671, юридическомъ 1,590, физико-математическомъ 1,381, историко-филологическомъ 807, восточныхъ языковъ (въ с.-петербургскомъ) 27, богословскомъ (въ дерптскомъ) 89; по смѣтѣ на 1882 г. на университеты назначено 2.507,672 руб. Но желаніе учиться такъ велико между молодыми людьми, что, не взирая на трудность поступленія, воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній не перестаютъ толпиться у дверей университетовъ, и число студентовъ тотчасъ-же возрастаетъ, какъ только, по той или другой причинѣ, стѣснительныя мѣры ослабѣваютъ. Эта дѣйствительная любовь къ наукѣ, отличающая русскихъ, проявляется еще и

въ томъ, что серьезные сборники и сочиненія по исторіи, этнографіи, вообще книги научнаго содержанія читаются пропорціонально гораздо болѣе, нежели произведенія такъ-называемой легкой литературы.

Число періодическихъ изданій въ Россіи и нынѣ еще гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ Западной Европы. Въ 1882 г. во всей Россіи выходило всего 776 періодическихъ изданій; въ томъ числѣ въ С.-Петербургѣ 197, въ Москвѣ 75, итого въ столицахъ 272 (ежедневныхъ изданій 31); остальныя 504—въ 80 губернскихъ городахъ (всего 400 изданій), 32 уѣздныхъ (38 изд.) и 12 приморскихъ городахъ (46 изд.). Періодическихъ изданій выходитъ: въ Варшавѣ 79, въ Гельсингфорсѣ 36, въ Ригѣ 23, въ Тифлисѣ 21, въ Кіевѣ 20, въ Одессѣ 19, въ Казани и Харьковѣ по 11, въ Ревелѣ 9, въ Дерптѣ и Митавѣ по 8, въ Улеаборгѣ 7, въ Або, Вильнѣ, Воронежѣ и Ювяскюлѣ по 6, въ Кишиневѣ, Либавѣ, Новгородѣ и Саратовѣ по 5. По языкамъ: на русскомъ 514, польскомъ 81, нѣмецкомъ 45, финскомъ 44, шведскомъ 39, латышскомъ 13, эстонскомъ 10, армянскомъ 10, грузинскомъ 4, французскомъ 6, латинскомъ, татарскомъ, еврейскомъ—по 2, англійскомъ и адербейджанскомъ—по 1, на трехъ языкахъ (русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ)—1, на двухъ (русскомъ и нѣмецкомъ)—1. Что касается столичной періодической печати, то изъ общаго числа на долю газетъ, телеграммъ и афишъ приходится 75, а на долю журналовъ 192 изданія; изъ 272 столичныхъ періодическихъ изданій подцензурныхъ 141, безцензурныхъ 131; на средства частныхъ лицъ издавалось 193 изданія, правительства, городскихъ и другихъ обществъ 79. Изъ общаго числа столичныхъ періодическихъ изданій, 79 имѣли „литературно-политическое и смѣшанное содержаніе". Ни одна изъ русскихъ газетъ не считаетъ своихъ подписчиковъ сотнями тысячъ, какъ нѣкоторыя народныя газеты Западной Европы и Америки; но журналы, имѣющіе дѣйствительное достоинство, усердно читаются тысячами подписчиковъ. Въ 1882 г., изъ печатаемыхъ въ столицахъ періодическихъ изданій, одно (иллюстрированное еженедѣльное) печаталось въ числѣ 71,000 экз.; 2 политическихъ газеты—въ числѣ 25,000 экз. каждая; въ числѣ 20,000 экз.—5 изданій, отъ 10,000 до 20,000—7 изд., отъ 5,000 до 10,000 экз.—25 изд., отъ 1,000 до 5,000—87 изд., остальныя—въ числѣ менѣе 1,000 экз. Въ 1880 г. по почтѣ было переслано періодическихъ изданій—по внутренней корреспонденціи 83 милл. экземпляр., по международной—почти 5 милл. (причемъ получено втрое болѣе, нежели отправлено). По странному контрасту, въ то время какъ Россія, еще невѣжественная по массѣ своего народонаселенія, едва пользуется услугами своей телеграфной сѣти и почтоваго сообщенія, въ сравненіи съ другими европейскими народами, книгъ въ ней выходитъ болѣе, чѣмъ въ Австро-Венгріи, болѣе даже, чѣмъ въ Англіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія статистическія данныя:

	Телеграммъ.	На 100 жителей.	Писемъ.	На 1 жит. въ годъ.
Соединенное Королевство (1880 г.).	27.820,000	80	1.299.308,000	37,2
Германія (1880 г.)	13,747,000	30	718.240,000	15,1
Франція (1879 г.)	15.214,000	41	519.847,000	14,1
Россія, безъ Финляндіи, (1880 г.).	6.290,000	7,4	117.000,000	1,2

Количество книгъ, изданныхъ въ различныхъ странахъ Европы:

Франція (1875 г.)	14,195	Россія (1877 г.)	7,500
Германія (1878 г.)	13,912	Англія (1877 г.)	5,095
Австро-Венгрія (1876 г.)	1,902		

Между произведеніями печати, выходящими въ Россійской Имперіи, сочиненія, посвященныя богословскимъ вопросамъ, составляютъ незначительный процентъ, исключая, развѣ, католической Варшавы.

Изъ этого видно, что противоположности, характеризующія русскій народъ, въ сравненіи съ западными народами, встрѣчаются во всей его жизни. Масса населенія остается невѣжественной и суевѣрной, но въ то же время нигдѣ образованные люди націи не отдѣлались болѣе совершенно отъ предразсудковъ и не приносятъ въ сферу научнаго изслѣдованія умъ болѣе свободный отъ предвзятыхъ идей. Въ Россіи преданія семейнаго быта оправдываютъ безусловно порабощеніе женщины, и въ то же время ни въ одной странѣ равенство половъ въ практической жизни не было требуемо болѣе смѣло и признаваемо болѣе охотно общественнымъ мнѣніемъ. Еще очень недавно двѣ трети жителей государства были жалкими рабами, а между тѣмъ въ той же самой Россіи, у казаковъ: днѣпровскихъ, донскихъ, уральскихъ, у крестьянъ-поморовъ, долѣе, чѣмъ гдѣ либо, господствовали обычаи полнаго равенства между товарищами по труду и оружію, и теперь еще въ русскихъ сельскихъ общинахъ равноправность всѣхъ общинниковъ въ отношеніи владѣнія и пользованія землею находитъ наиболѣе полное и дѣйствительное признаніе. Внѣшняя рамка Россіи остается неизмѣнной, тогда какъ внутреннее ея развитіе совершается съ большей быстротой, нежели развитіе всякой другой націи, безпрестанно измѣняя идеи и нравы и такимъ образомъ подготовляя для болѣе или менѣе близкаго будущаго неизбѣжныя преобразованія.

По религіямъ, народонаселеніе Европейской Россіи распредѣляется приблизительно слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1867 году.	Въ 1879 году.
Православныхъ и раскольниковъ	54.094,000	63.835,000
Римско-католиковъ.	7.209,000	8.300,000
Протестантовъ	2.565,000	2.950,000 (?)
Греко-уніатовъ и армяно-григоріанъ	266,000	55,000

	Въ 1867 году.	Въ 1879 году.
Евреевъ	2.612,000	3.000,000
Магометанъ.	2.359,000	2.600,000 (?)
Язычниковъ и буддистовъ	256,000	26,000.

Для обращенія язычниковъ, магометанъ, евреевъ и сектантовъ въ православную вѣру существуетъ учрежденное въ Москвѣ миссіонерское общество, годовые расходы котораго колеблятся отъ 100 до 120 тысячъ рублей; кромѣ того, имѣется 8 миссій. Большинство принимающихъ господствующую религію обыкновенно состоитъ изъ язычниковъ, исключая 1875 года—эпохи, когда происходило возсоединеніе массами польскихъ уніатовъ съ православіемъ. Число обращенныхъ въ православную вѣру въ періодъ съ 1872 по 1877 годъ представляло слѣдующія цифры:

Въ 1872 г. . .	10,538	лицъ.	Въ 1875 г. .	257,009	лицъ.
„ 1873 г. . .	8,272	„	„ 1876 г. .	12,340	„
„ 1874 г. . .	7,481	„	„ 1877 г. .	11,299	„

Русская армія была совершенно преобразована послѣ франко-прусской войны. До 1874 года войско пополнялось посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, производимыхъ между крестьянами и мѣщанами, вообще лицами податныхъ сословій, къ которымъ присоединялись вольноопредѣляющіеся и солдатскіе сыновья или кантонисты. По новому закону, установившему всеобщую воинскую повинность, всѣ молодые люди на двадцать первомъ году обязаны нести военную службу. Поступленіе на службу рѣшается жребіемъ. Замѣстительство не допускается. Тѣлесное наказаніе въ войскахъ отмѣнено, исключая исправительныхъ ротъ, гдѣ оно оставлено по прежнему. Нормальный срокъ службы опредѣленъ въ пятнадцать лѣтъ, изъ которыхъ шесть въ дѣйствующей арміи и девять лѣтъ въ запасѣ. Для лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ 1, 2 и 3-го разрядовъ, установлены сокращенные сроки службы и дается отсрочка для окончанія образованія. Однако, народонаселеніе Россіи слишкомъ многочисленно, чтобы можно было содержать армію, которую оно могло-бы поставить; поэтому около двухъ-третей рекрутовъ непосредственно зачисляются въ ополченіе, которое принадлежитъ къ арміи лишь въ силу возможности его созыва въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ ополченіе также зачисляются молодые люди, пользующіеся разъ на всегда опредѣленными льготами: по семейному положенію и тѣлеснымъ недостаткамъ; другіе молодые люди, опредѣляемые жребіемъ, остаются на дѣйствительной службѣ только въ теченіе времени необходимаго для того, чтобы пополнить кадры арміи, и затѣмъ поступаютъ въ запасъ. По вступленіи въ запасъ, они обязаны служить лишь въ военное время. Молодые люди, пользующіеся привилегіей по своему воспитанію, могутъ, въ силу этого преимущества, освободиться отъ принудительнаго призыва къ выпутію

жребія, поступая въ армію добровольно, въ качествѣ такъ называемыхъ вольноопредѣляющихся, начиная съ семнадцатилѣтняго возраста и оставаясь на службѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, они поступаютъ въ запасъ, если не пожелаютъ сдѣлаться офицерами въ дѣйствующей арміи или въ запасныхъ войскахъ; въ послѣднемъ случаѣ они должны пройти спеціальный курсъ ученія, чтобы получить офицерскій чинъ. Въ Европейской Россіи общее число молодыхъ людей, вынимавшихъ жребій для исполненія воинской повинности, колебалось около 700,000, а было назначено на службу около 200,000. Казаки донскіе, уральскіе, кубанскіе, терскіе и сибирскіе сохранили свою спеціально военную организацію. Каждое изъ этихъ казачьихъ войскъ обязано выставлять извѣстное число полковъ, совершенно экипированныхъ и долженствующихъ всегда быть въ боевой готовности: мобилизація ихъ должна быть окончена въ десятидневный срокъ. Къ первому января 1877 года въ Европейской Россіи казаковъ, отправляющихъ военную службу, числилось около 40,000; но эта цифра могла-бы быть увеличена до 100,000 человѣкъ по первому призыву.

Численность русской арміи измѣняется въ весьма значительной степени, смотря по мирному или военному положенію ея, смотря по ходу политики и отношеніямъ державъ, по состоянію государственнаго бюджета.

Изъ числа 812,484 нижнихъ чиновъ, состоявшихъ по спискамъ къ 1-му января 1882 года, находилось: въ пѣхотѣ 612,082 чел., въ кавалеріи 70,064 чел., въ артиллеріи 107,601 чел., въ инженерныхъ войскахъ 22,737 чел. Въ томъ числѣ: дѣйствующихъ войскъ 583,557 чел., резервныхъ 71,696 чел., мѣстныхъ 93,173 чел., запасныхъ 22,048 чел. Собственно дѣйствующія и резервныя войска по роду оружія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Пѣхота:			
934 батальона	507,714	чел., или	77,49%
Кавалерія:			
234 эскадрона	49,681	„ „	7,59%
Артиллерія:			
1,604 орудія 57½ парковъ	78,117	„ „	11,91%
Инженерныя войска:			
28½ батальоновъ 14 парковъ 1 рота	19,741	„ „	3,01%
	655,253	чел.	100,00

Кромѣ того, къ 1-му января 1882 г. состояло въ запасѣ 1.161,498 чел.; наконецъ, къ тому-же сроку въ населеніи находилось 1.985,639 чел. ратниковъ, которые, на основаніи устава о воинской повинности, могутъ быть призваны, въ случаѣ мобилизаціи, на пополненіе частей войскъ.

Смертность въ русской арміи еще недавно была чрезвычайно велика; но въ послѣднее время, именно съ 1872 года, въ этомъ отношеніи, благодаря введенію въ войскахъ болѣе правильной гигіены и установленію болѣе дѣйствительнаго контроля надъ поставщиками предметовъ продовольствія, произошло весьма значительное улучшеніе, какъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя. Смертность въ русской арміи:

Въ 1871 г.	. 17,60	на 1000		Въ 1874 г.	. 10,19	на 1000	
„ 1872 г.	. 16,66	„	„	„ 1875 г.	. 10,03	„	„
„ 1873 г.	. 12,49	„	„	„ 1876 г.	. 9,47	„	„

Въ мирное время теперь умираетъ не болѣе одного русскаго солдата на сто, что, однако, еще слишкомъ высокій процентъ для отборной части молодежи; благодаря преданности сестеръ и братьевъ милосердія и улучшенію санитарной части, самая война нынѣ пожираетъ гораздо меньше жертвъ, чѣмъ бывало прежде.

Нѣкоторыя изъ русскихъ крѣпостей, какъ извѣстно, принадлежатъ къ самымъ сильнымъ твердынямъ Европы. Кронштадтъ, постепенно снабженный, такъ сказать, на глазахъ русскихъ государей, всѣми возможными средствами обороны, сдѣланъ поистинѣ неприступнымъ; точно также Свеаборгъ и Выборгская бухта едва ли могутъ быть аттакованы непріятельскимъ флотомъ, какъ бы ни былъ онъ могущественъ, съ нѣкоторымъ шансомъ успѣха. Изъ сухопутныхъ крѣпостей Модлинъ или Ново-Георгіевскъ и Варшава, въ четыреугольникѣ Царства Польскаго, могутъ служить укрѣпленными лагерями для цѣлыхъ армій, и въ скоромъ времени новыя крѣпости должны, вмѣстѣ съ существующими уже крѣпостями: Брестъ-Литовскомъ, Бобруйскомъ, Динабургомъ и Кіевомъ, служить имъ опорной точкой на западной границѣ Россіи. На берегахъ Чернаго моря Севастополь, Керчь и въ особенности Николаевъ составляютъ цѣпь укрѣпленныхъ пунктовъ со стороны юга. Въ Николаевѣ находятся кораблестроительныя верфи, арсеналы и большая часть черноморскаго военнаго флота. Кромѣ крѣпостей въ собственномъ смыслѣ, правительствомъ устроены въ разныхъ частяхъ Россіи обширные лагери для лѣтнихъ занятій войскъ. Таковъ Вознесенскъ, при Южномъ Бугѣ, гдѣ происходятъ большіе кавалерійскіе маневры; затѣмъ, Меджибожъ, недалеко отъ границъ австрійской Буковины и Румыніи, Красное Село подъ Петербургомъ и другіе.

Что касается морскихъ силъ, то Россія не имѣетъ возможности, какъ Англія, соединять свои корабли въ одномъ мѣстѣ; она принуждена

содержать специальныя эскадры въ каждомъ изъ омывающихъ ее морей, и притомъ два главные ея флота, балтійскій и черноморскій, не могутъ выходить изъ своихъ замкнутыхъ морей иначе, какъ черезъ проливы, принадлежащіе другимъ державамъ. Тѣмъ не менѣе Россія обладаетъ первоклассньмъ военнымъ флотомъ, по числу судовъ и по силѣ вооруженія; около двухъ третей ея кораблей, и притомъ самые могущественные, сосредоточены въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ они прикрываютъ Петербургъ и Кронштадтъ и угрожаютъ берегамъ Швеціи, Даніи и Пруссіи. Составъ русскаго военнаго флота въ 1881 году: 25 броненосныхъ судовъ, 108 миноносокъ, 5 полуброненосныхъ (фрегатовъ), 198 неброненосныхъ паровыхъ, 35 парусныхъ и 124 портовыхъ; въ Черномъ морѣ въ числѣ военныхъ судовъ находятся двѣ *поповки*, которыя, впрочемъ, не принесли никакой пользы въ послѣднюю турецкую войну. Морскія военныя силы, численность которыхъ простирается до 29,000 человѣкъ, пополнялись, какъ и сухопутная армія, посредствомъ рекрутскихъ наборовъ; срокъ службы, продолжавшійся прежде 22 года, со введеніемъ всеобщей воинской повинности сокращенъ до девяти лѣтъ, изъ которыхъ семь лѣтъ на дѣйствительной службѣ и два года въ запасѣ.

Численность военныхъ судовъ въ Европейской Россіи (въ 1881 г.):

	Броненосныхъ.	Полуброненосныхъ.	Миноносокъ.	Неброн. паровыхъ.	Парусныхъ и портовыхъ.
Балтійскій флотъ	23	5	95	126	125
Черноморскій „	2	—	7	37	15
Каспійскій „	—	—	—	16	13

Эти огромныя сооруженія и содержаніе войскъ поглощаютъ, вмѣстѣ съ процентами и погашеніемъ займовъ, заключенныхъ для прежнихъ войнъ, около двухъ третей общей суммы государственныхъ доходовъ, хотя эти доходы значительно увеличились съ половины текущаго столѣтія. Первые правильные бюджеты Россіи, перечисляющіе въ подробности всѣ статьи доходовъ и расходовъ, равно какъ отчеты государственнаго контроля по исполненію росписи, публикуются только съ 1866 года. Каждый годъ министерство финансовъ составляетъ приблизительную смѣту доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ. Въ большей части этихъ государственныхъ росписей, составляемыхъ впередъ, доходы превышаютъ расходы, или по крайней мѣрѣ получается красивое равновѣсіе между двумя частями бюджета; но въ дѣйствительности съ 1832 года оказывалось, что, за исключеніемъ двухъ годовъ—1871 и 1875, непредвидѣнные, сверхсмѣтные расходы или недоборы въ доходахъ всегда заставляли склоняться балансъ въ сторону дефицита, и что государственный долгъ постоянно возросталъ. Слѣдующія цифры показываютъ увеличеніе бюджета Имперіи со времени Крымской войны:

	Поступило доходовъ.	Произведено расходовъ.
1855 г. (Крымская война) . . .	264.120,000 рубл.	525.969,000 рубл.
1865 г.	371.267,000 „	396.678,000 „
1875 г.	576.493,000 „	543.221,500 „
1876 г.[1])	559.262,700 „	624.105,000 „
1877 г.	548.830,830 „	1.014.373,000 „
1878 г.	625.973,000 „	1.008.654,000 „
1879 г.	661.954,200 „	776.002,000 „
1880 г.	651.016,680 „	749.323,500 „
	Предположенные по смѣтѣ доходы.	Предположенные по смѣтѣ расходы.
1881 г.	717.461,609 рубл.	674.725,640 рубл.
1882 г.	762.004,512 „	658.595,151 „

Главный источникъ государственнаго дохода составляютъ косвенные налоги, и между этими неокладными сборами всего правильнѣе поступаетъ налогъ на спиртные напитки. Количество чистаго спирта, выдѣлываемое на винокуренныхъ заводахъ и выпускаемое въ продажу впродолженіе года, оставалось приблизительно одно и то же со времени финансовыхъ реформъ 1865 года, и только съ 1878 года оно значительно увеличилось (см. стр. 490); доходъ, получаемый казною отъ питейнаго акциза, увеличился съ той эпохи болѣе чѣмъ на 110 милл. руб., т. е. около 8 милл. руб. въ годъ. Въ 1880 году казна получила по этой статьѣ доходовъ сумму свыше 222⅓ милліона руб., тогда какъ соляной акцизъ (нынѣ отмѣненный) и акцизъ съ табаку дали соотвѣтственно 13.598,000 и 13.035,000 руб. По росписи на 1882 годъ питейный доходъ исчисленъ въ суммѣ 226.721,000 руб., на 4 милліона выше смѣтнаго предположенія предъидущаго года, и почти на столько-же выше дѣйствительнаго поступленія въ 1880 году. Изъ другихъ косвенныхъ налоговъ таможенный сборъ въ 1880 г. принесъ казнѣ 95.209,000 руб.; налогъ на право торговли далъ 14.734,000 р.; гербовый сборъ—болѣе 14.000,000 руб. Прямые налоги, менѣе важные, такъ какъ они, среднимъ числомъ, составляютъ только ⅕—⅙ часть государственныхъ доходовъ, состоятъ преимущественно изъ поземельнаго и лѣснаго налоговъ и, кромѣ того, обнимаютъ подушную подать, взимаемую съ лицъ мужскаго пола податныхъ сословій. Доходы, извѣстные подъ именемъ „правительственныхъ регалій“, а именно: горныя подати, монетный доходъ, почтовый и телеграфный, даютъ въ сложности около 26 милліоновъ рубл., а доходъ отъ государственныхъ имуществъ (оброчныхъ статей, лѣсовъ, горныхъ за-

---

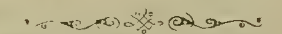
[1]) За 1876 и 1877 г. Реклю беретъ сумму обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ (вызванныхъ войною) расходовъ; тоже сдѣлано и за 1878—1880 г. *Ред.*

водовъ и промысловъ и желѣзныхъ дорогъ) составлялъ въ періодъ съ 1878 по 1880 г.—отъ 31 до 33 милл. руб.

Питейный налогъ приноситъ сумму почти вполнѣ достаточную на покрытіе расходовъ по военному вѣдомству, но только въ мирное время. Въ 1876 году, предшествовавшемъ послѣдней войнѣ, военное министерство потребовало свыше 190 милліоновъ рубл., а расходы морскаго министерства въ томъ же году простирались до 27 милліоновъ слишкомъ. Въ сложности, нормальные бюджеты этихъ двухъ вѣдомствъ представляютъ въ среднемъ выводѣ годовой расходъ около 230 милліон. рублей (въ 1880 г. издержано 238 милл. р.; по смѣтѣ 1881 г. предположено $235^1/_2$ м. р., по смѣтѣ 1882 г.—211 милл. р.); но каждая большая война удвоиваетъ или утроиваетъ эту сумму. По росписямъ 1876—1879 гг., общая сумма чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ послѣднею турецкою войною, составляетъ 1.020.578,490 милл. р., и проценты по сдѣланнымъ для этой войны займамъ придется уплачивать русскимъ, можетъ быть, впродолженіе многихъ поколѣній. Годовые расходы на проценты по національнымъ займамъ, заключеннымъ главнымъ образомъ на покрытіе издержекъ по разнымъ внѣшнимъ войнамъ, потребовали отъ націи въ 1880 году сумму слишкомъ $173^1/_2$ милліона рублей,—бремя, увеличившееся съ того времени (по смѣтѣ на 1882 г.—$198^4/_5$ милл. р.). Министерство Императорскаго Двора расходовало ежегодно, въ среднемъ за пятилѣтіе съ 1876 по 1880 г., около $11^1/_2$ милл.; по смѣтѣ 1882 г. назначено около 9 милл. р. Совокупность доходовъ отъ удѣльныхъ имѣній, лѣсовъ, земель, рудниковъ и пр. превышаетъ пятнадцать милліоновъ рублей. Также какъ во всѣхъ неограниченныхъ монархіяхъ, состоящія на государственной службѣ лица, кромѣ жалованья, получаютъ значительныя суммы въ видѣ пенсій, вспомоществованій, арендъ и т. п.

Государственный бюджетъ Россіи немного выше бюджета Великобританіи, но ниже бюджетовъ Франціи и Германіи,—включая сюда спеціальные бюджеты. Что касается государственнаго долга Имперіи, то онъ гораздо меньше долга трехъ западныхъ государствъ: Англіи, Франціи, Испаніи; но громадныя естественныя богатства Россіи еще не были достаточно разработаны. Къ 1 января 1881 года долги государственнаго казначейства государственному банку простирались до 2.060.877,257 рублей; въ этотъ итогъ не вошли долги по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ и по текущему счету казначейства (почти на 419.600,000 р.). Къ этому долгу, который представляетъ почти четырехлѣтній доходъ націи, нужно прибавить еще безпроцентный долгъ (къ 1 января 1881 г. долгъ государственнаго казначейства государственному банку за кредитные билеты составлялъ 716.515,125 руб.), то-есть бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ, выпуски которыхъ дѣлались слишкомъ часто, послѣдствіемъ чего было то, что цѣнность этихъ денегъ упала значительно ниже альпари: кредитный

рубль только чисто фиктивнымъ образомъ сохраняетъ еще названіе „рубля серебромъ“, такъ какъ дѣйствительная цѣнность его составляетъ въ среднемъ выводѣ всего только три пятыхъ цѣнности нарицательной. Кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1882 было въ обращеніи на сумму 1.028.000,000 рублей.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры обозначаютъ страницы).

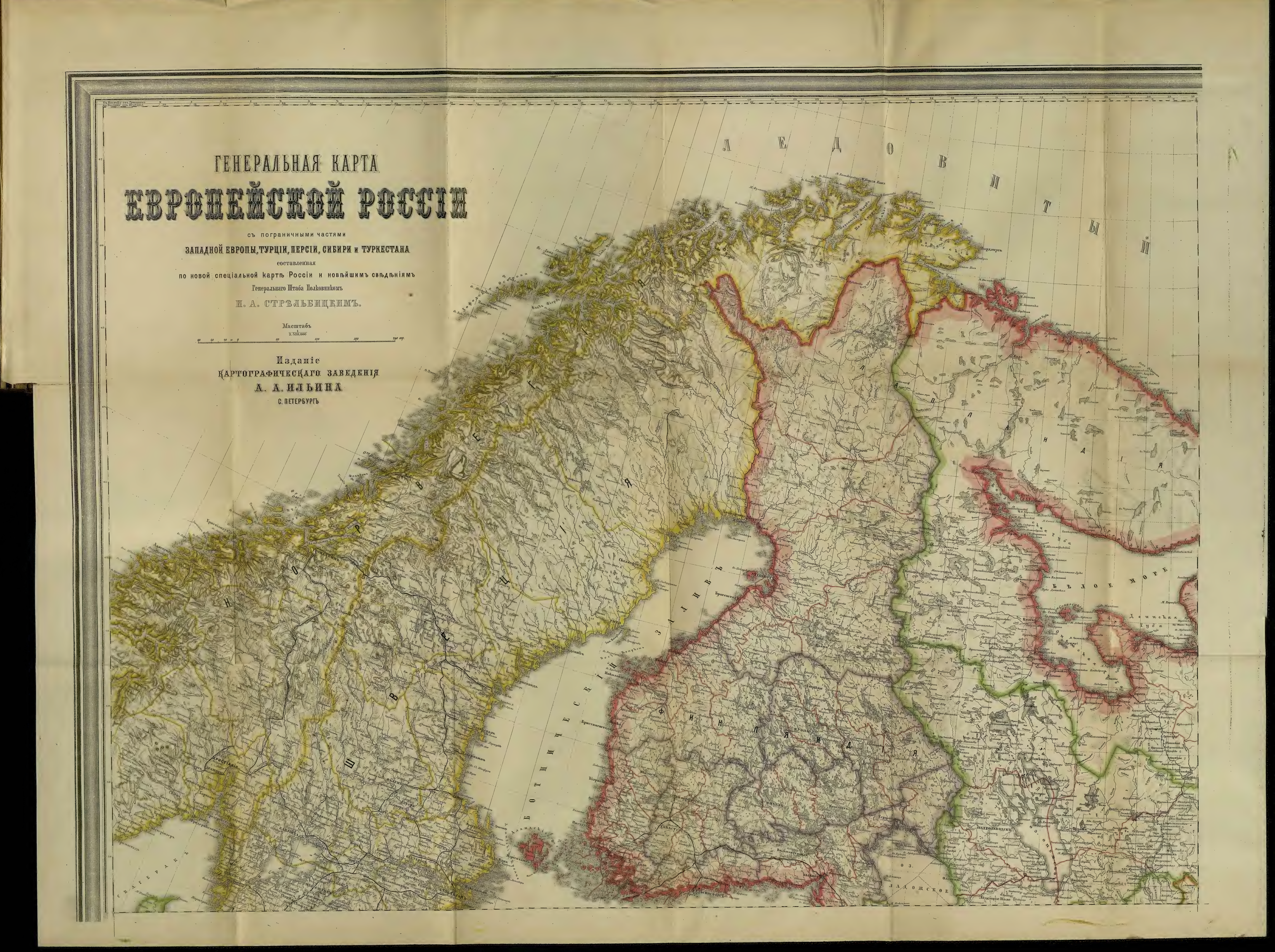
*

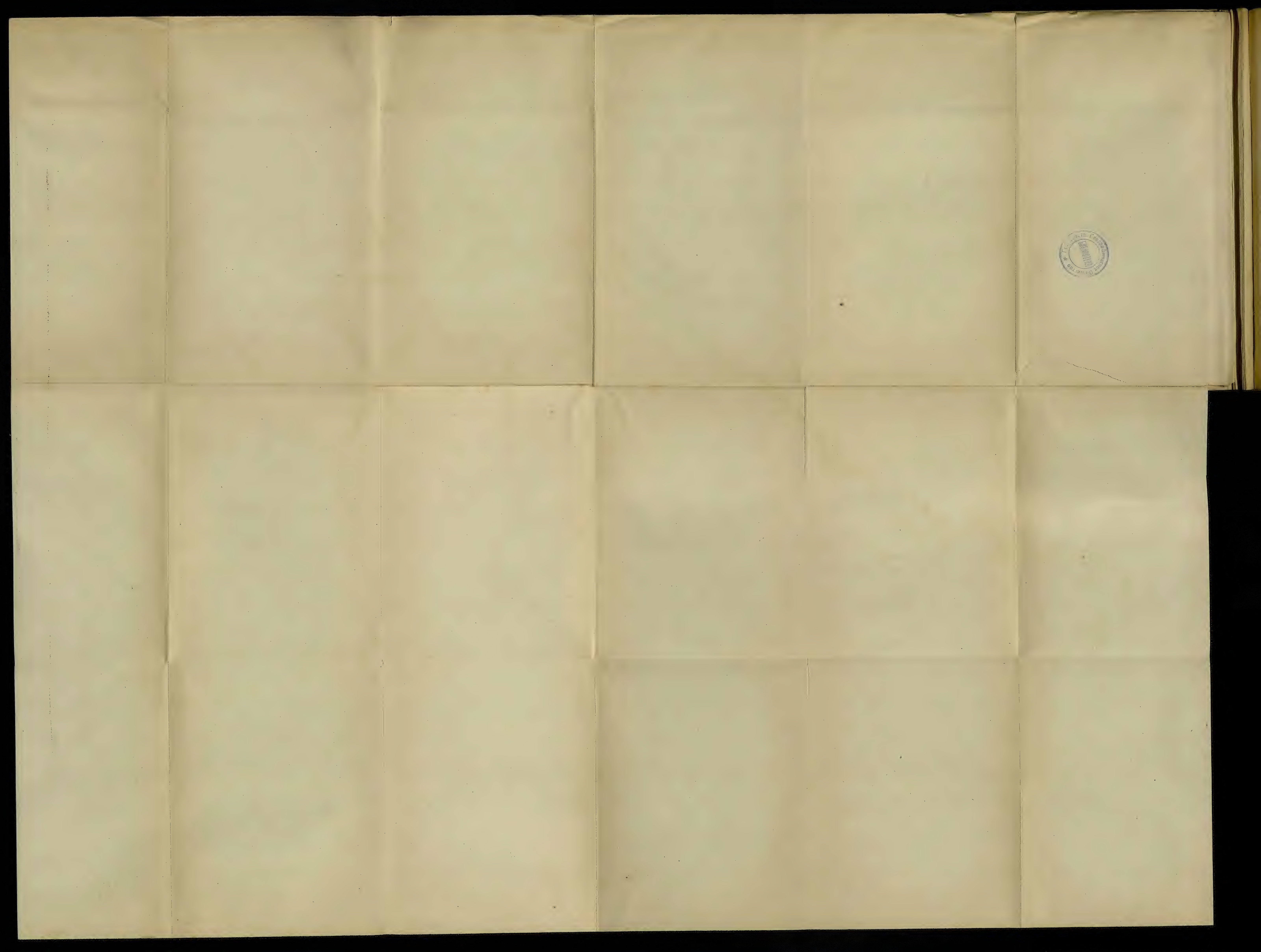

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	1,	Заглавіе „Глава 1-я“ надлежитъ вычеркнуть.		
„	32,	„ 11 сверху	въ которому	къ которому.
„	354,	„ 13 „	Дмитріевъ	Дмитровъ.
„	365,	„ 14 снизу	Шешкеевъ	Шешкѣевъ.
„	394,	„ 1 „	студентовъ 76	студентовъ 676.
„	396,	„ 4	Казань 133,500	Казань 103,500.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССIИ
съ пограничными частями
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, ТУРЦIИ, ПЕРСIИ, СИБИРИ и ТУРКЕСТАНА
составленная
по новой специальной картѣ Россiи и новѣйшимъ свѣдѣнiямъ
Генеральнаго Штаба Полковникомъ
И. А. СТРѢЛЬБИЦКИМЪ.
Масштабъ
1/2,520,000
60 40 20 10 0 60 120 180 240 вер.
Изданiе
КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНIЯ
А. А. ИЛЬИНА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЛЕДОВИТЫЙ
НОРВЕГIЯ
ШВЕЦIЯ
БОТНИЧЕСКIЙ ЗАЛИВЪ
ФИНЛЯНДIЯ
БѢЛОЕ МОРЕ

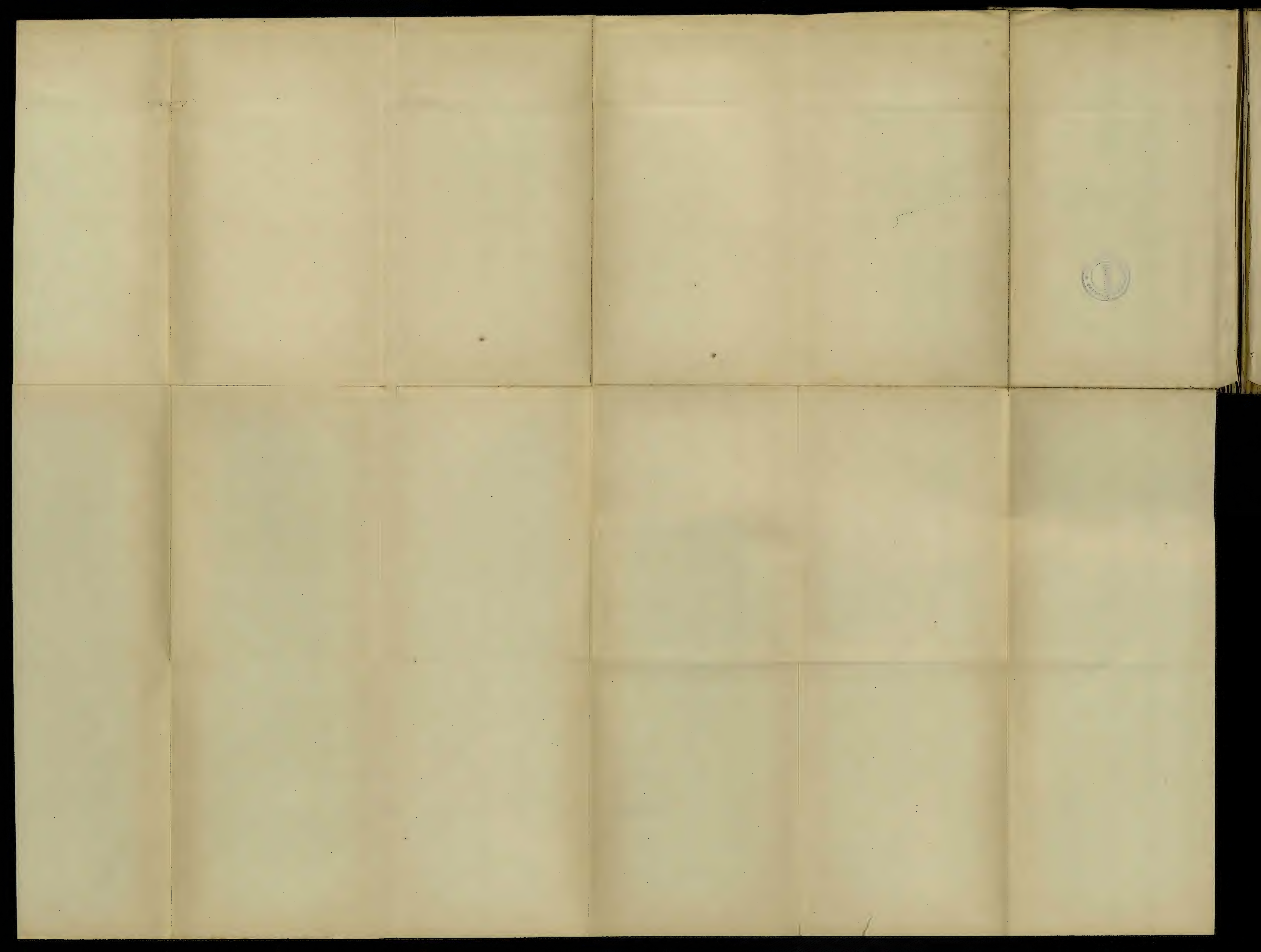

БИБЛИОТЕКА

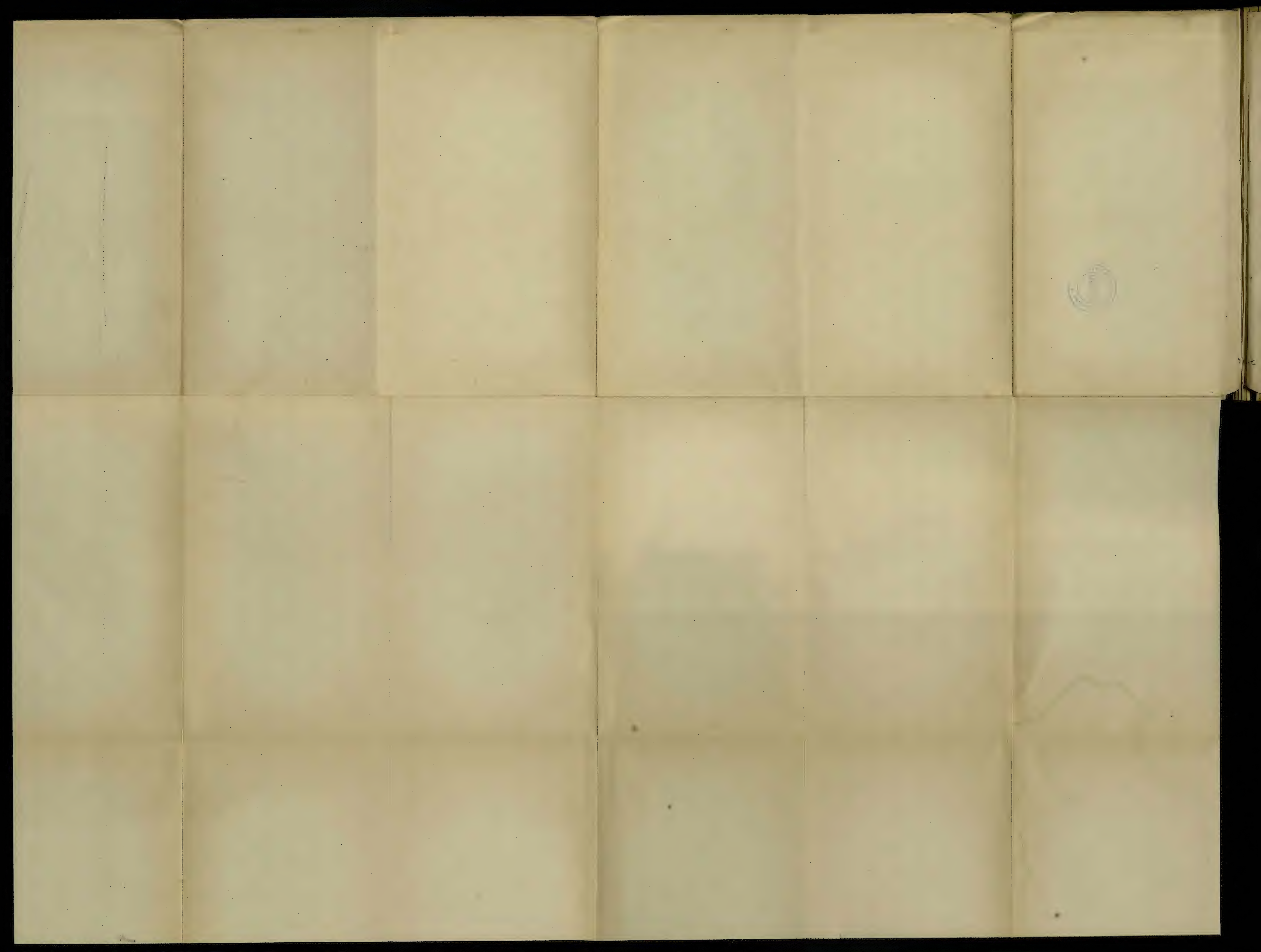
О К Е А Н Ъ
НОВАЯ
ЗЕМЛЯ
К А Р С К О Е   М О Р Е
П. О. ЯМАЛЬ
ОБСКАЯ ГУБА
Березовъ
Сургутъ

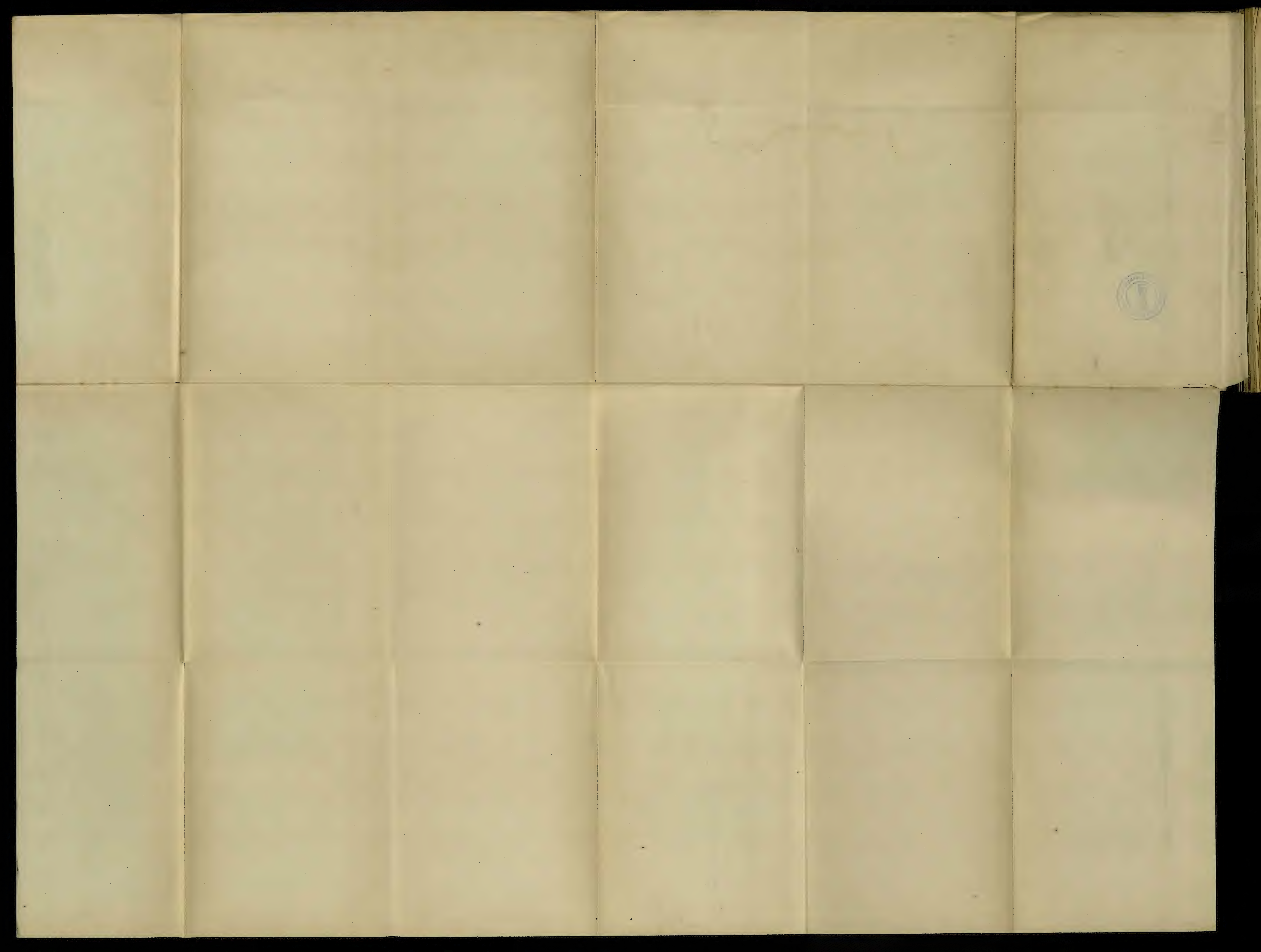

ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Кронштадтъ
Петергофъ
Шлиссельбургъ
Н. Ладога
Царское Село
Гатчина
Нарва
Ямбургъ
Луга
Гдовъ
Оз. Чудское или Пейпусъ
Дерптъ
Везенбергъ
Ревель
Балтійскій портъ
Гапсаль
Вейсенштейнъ
Перновъ
Аренсбургъ
Ос. Эзель
Ос. Дагö
Ос. Готландъ
Висби
Ос. Эландъ
Ос. Борнгольмъ
Ос. Рюгенъ
Калмаръ
Карлскрона
Христіанстадтъ
Ландскрона
Векшё
Іенкёпингъ
Гётеборгъ
Виндава
Либава
Мемель
Тельшы
Россіены
Кёнигсбергъ
Данцигъ
Данцигскій Зал.
Кольбергъ
Штольпе
Бютовъ
Штеттинъ

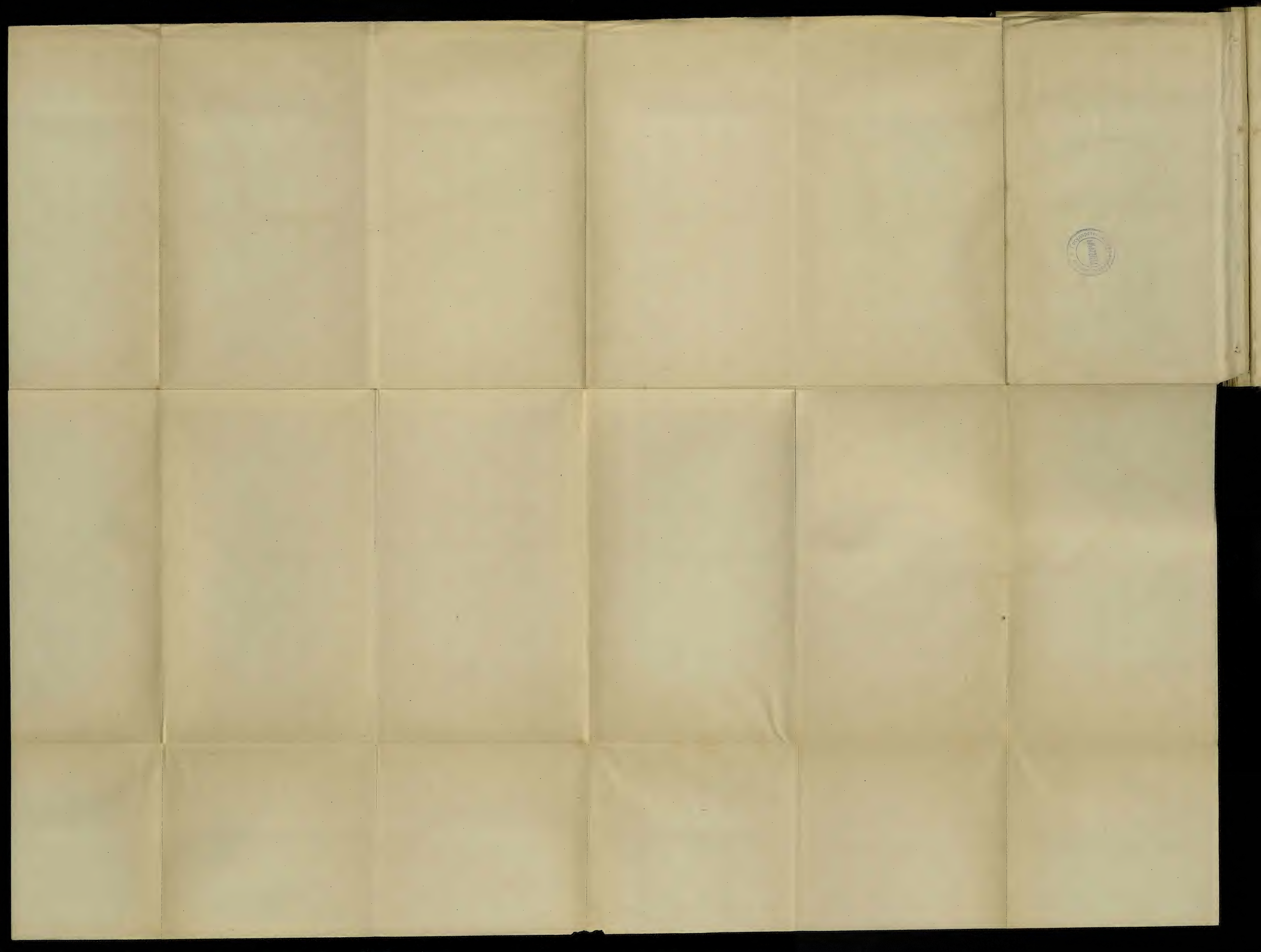

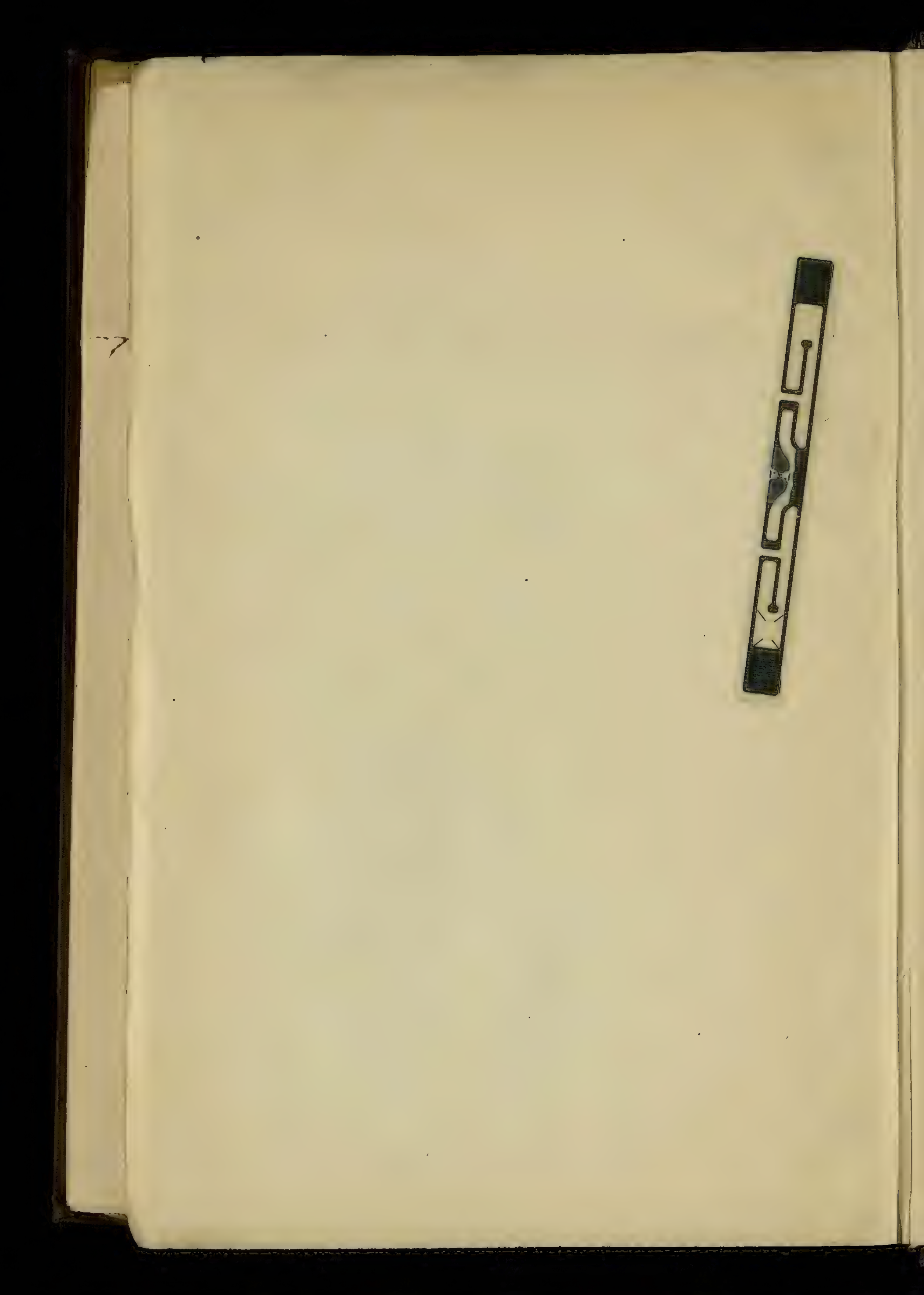

СЕРБІЯ
ЧЕРНОГОРІЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ИСКЕНДЕРУНЪ
ДІАРБЕКИРЪ
Условные знаки
Города СТОЛИЧНЫЙ
ГУБЕРНСКІЙ
УѢЗДНЫЙ
Безуѣздный
Мѣстечки и населенные пункты, замѣчательные по промышленности, местоположению и проч.
Деревни
Дороги Желѣзныя
Шоссейныя
Почтовыя
Торговыя
Границы Государственныя
Губернскія
Уѣздныя

КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ХИВА
ЧОДОРЫ
ТУРКМЕНЫ
ЗАЛИВЪ КАРА-БУГАЗЪ
ТУРКИ ІОМУДЫ
ГОКЛАНЫ
ПЕРСІЯ
ДЕРБЕНТЪ
Масштабъ 1/2,520,000
Русскихъ верстъ, 104 = 1°
Географическихъ миль, 15 = 1°
Миріаметровъ, 11,13 = 1°
Километровъ, 111,33 = 1°
Льё, 25 = 1°
Англійскихъ миль, 69,1 = 1°
Картографическое Заведеніе А. Ильина.

БИБЛИОТЕКА

15р.

